

БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

БЕЛАРУСЬ У СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ

**Материалы
XXI Международной научной конференции,
посвященной 101-й годовщине образования
Белорусского государственного университета**

Минск, 27 октября 2022 г.

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**БЕЛАРУСЬ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**БЕЛАРУСЬ
У СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ**

**Материалы
XXI Международной научной конференции,
посвященной 101-й годовщине образования
Белорусского государственного университета**

Минск, 27 октября 2022 г.

Минск
БГУ
2022

УДК 327(476)(06)+339.9(476)(06)+34(476)(06)
ББК 66.4(4Бей)я43+65.59(4Бей)я431+67.99(4Бей)я431
Б43

Редакционная коллегия:
кандидат политических наук *Е. А. Достанко* (гл. ред.);
доктор философских наук *А. М. Байчоров*;
доктор исторических наук *В. А. Острога*;
кандидат экономических наук *В. М. Дедок*;
кандидат исторических наук *В. Р. Боровой*;
кандидат исторических наук *О. П. Рубо*;
кандидат исторических наук *А. В. Селванов*;
кандидат экономических наук *Н. В. Юрова*;
кандидат экономических наук *Н. И. Богоино*;
кандидат экономических наук *Л. И. Тарарышкина*;
кандидат экономических наук *Л. Е. Филиппова*;
кандидат юридических наук *Т. Н. Михалёва*;
кандидат юридических наук *Е. Б. Леанович*

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор *Е. Ф. Довгань*;
доктор политических наук *Р. О. Есин*

Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце :
Б43 материалы XXI Междунар. науч. конф., посвящ. 101-й годовщине
образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2022 г. / Белорус.
гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ,
2022. — 769 с.

ISBN 978-985-881-429-8.

Рассматриваются актуальные проблемы международных отношений, вопросы внешней политики и дипломатии Республики Беларусь, исследуются современные тенденции в развитии международной правосубъектности Республики Беларусь, а также приоритеты и перспективы международного экономического сотрудничества страны.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 327(476)(06)+339.9(476)(06)+34(476)(06)
ББК 66.4(4Бей)я43+65.59(4Бей)я431+67.99(4Бей)я431

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

<i>Ананич П. И., Фрольцов В. В.</i> Ограничение права вето в Совете Безопасности ООН: три альтернативных подхода	12
<i>Володькин А. А.</i> Фактор эмиграции в формировании внешней политики государств Балтии в 1990—2000-х гг	18
<i>Дземідовіч А. В.</i> Знешняя палітыка Беларусі ў навуковых і метадычных распрацоўках кафедры міжнародных адносін БДУ	22
<i>Косов А. П.</i> Культурная политика России в отношении США (1992—2022 гг.)	30
<i>Кузнецова И. С.</i> Военные и гражданские миссии Европейского союза: риторика и реальность	36
<i>Лашкевич С. А.</i> Особенности функционирования института посольства Великого княжества Литовского во второй половине XVI в.	44
<i>Ма Джин Юй.</i> Краткий обзор участия КНР в работе Всемирной продовольственной программы и Всемирной организации здравоохранения (1971—2002 гг.)	51
<i>Мацулевич Е. В.</i> Российско-белорусская интеграция в американском восприятии	56
<i>Миксюк А. С.</i> Основные формы и направления взаимодействия Республики Беларусь и Шанхайской организации сотрудничества	62
<i>Орлов П. Н., Малевич Ю. И.</i> Роль публичной дипломатии и национального брендинга при формировании внешнеполитического имиджа современной Беларуси	70
<i>Романовский В. А.</i> О развитии концепции «безопасность через развитие» в сфере информационной безопасности	75
<i>Свентецкая Т. В.</i> Америко-польские отношения в период президентства Дональда Трампа (2017—2021 гг.)	79
<i>Свилас С. Ф.</i> Кузьма Венедиктович Киселев (1903—1977) как организатор и участник исследований внешнеполитической деятельности Белорусской ССР	85
<i>Селиванов А. В., Гапеева В. С.</i> Миграция в Латинской Америке: экологический фактор	92
<i>Слепцова В. М.</i> Деятельность Международной организации труда по обеспечению гендерного равенства (2016—2021 гг.)	97
<i>Снисаренко К. Л.</i> Направления анализа государственной иммиграционной политики	104

<i>Соколов А. П.</i> Беларусь во внешней политике ФРГ после февраля 2022 г.	109
<i>Сунь Цзюньфэн.</i> Окончание политики «стратегической двусмысленности» США в отношении Тайваня	114
<i>Сытник А. Н.</i> Роль «цифровых публик» в информационной войне об Украине в мире	119
<i>Тертель М. И.</i> Перспективы развития отношений Российской Федерации со странами Латинской Америки	126
<i>Тихомиров А. В.</i> Деятельность Республики Беларусь в Центрально-Европейской Инициативе в 1996—2022 гг.	131
<i>Ткачук К. И., Свилас С. Ф.</i> Основные аспекты бразильско-белорусских отношений (1992—2021 гг.)	138
<i>Шарапо А. В.</i> Право вето как инструмент европейской политики ФРГ в начале XXI в.	143
<i>Щербина Ю. А.</i> Отношения Республики Беларусь и Народной Республики Бангладеш: становление и развитие	148
<i>Ярмошук К. И.</i> Прогноз изменения стратегии безопасности Австралии в Южно-Тихоокеанском регионе	152

СЕКЦИЯ «РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

<i>Бутич В. А., Михалёва Т. Н.</i> К вопросу о трансграничной передаче персональных данных из Республики Беларусь	159
<i>Игнатович А. И.</i> Реагирование на изменение климата как основание ограничения прав человека	165
<i>Кудрявец Ю. Н.</i> Формирование единообразного правового регулирования в Евразийском экономическом союзе	171
<i>Михнюк Н. М.</i> Аргумент о состоянии необходимости в случае кризисных явлений в отношениях суверенного кредитования	176
<i>Мороз Н. О.</i> Содержание поддержания информационной безопасности	182
<i>Ширинский О. Ю.</i> Пять основных прав потребителя в правовом пространстве Европейского союза	188

СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ»

<i>Batsianouskaya K. S., Huang Suqin.</i> Major trends of international trade in intellectual property	193
<i>Годес Н. В.</i> Трансформация мотивов региональной финансовой интеграции: соглашения «нового поколения»	197

<i>Головенчик Г. Г., Сюе Цяньвэнь. Возможности использования китайского опыта строительства платформ City Brain в Республике Беларусь</i>	202
<i>Гавыденко Е. Л. Перспективы формирования цифрового государства в Республике Беларусь</i>	209
<i>Е Юйху. Положительное значение поддержки развития инновационного потенциала малых и средних предприятий для экономического развития Беларуси</i>	213
<i>Жук А. В. Эффективность продвижения учреждений высшего образования Республики Беларусь на внешние рынки</i>	217
<i>Журавская К. С. К вопросу о регулировании зеленой экономики в Европейском союзе</i>	223
<i>Кенжебеков А. К., Юрова Н. В. Риски и перспективы развития экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза</i>	227
<i>Киселевич А. И. Особенности коммерциализации инноваций в странах Евразийского экономического союза</i>	232
<i>Киселевич А. И., Анохина Е. В. Анализ современного состояния белорусского рынка слияний и поглощений</i>	238
<i>Коу Синьсянь. Практическая рекомендация по изменению внешнеэкономической политики Республики Беларусь в условиях торговой войны</i>	244
<i>Кривошеева А., Головенчик Г. Г. Цифровая трансформация Германии: опыт для Беларуси</i>	247
<i>Мазулина А. Н. Инструменты регулирования торговли услугами в Республике Беларусь</i>	253
<i>Петрашевская А. В. Обзор индикаторов макроуровня для циркулярной экономики</i>	260
<i>Петрашевская Ю. В. Специфика рынка креативных продуктов и услуг</i>	265
<i>Савиных А. Ю. Новые реалии и новые возможности для Беларуси в контексте укрепления торгово-экономических отношений с Китаем</i>	271
<i>Сибирская А. В. Перспективные направления внешней торговли Республики Беларусь в условиях санкционного давления</i>	275
<i>Стефанович И. В. Тенденции и проблемы развития экспортных отношений Республики Беларусь в современных условиях</i>	281
<i>Су Цян. Облачные технологии в экономике Китая</i>	287
<i>Тавгень Е. О. Перспективные направления внешнеторгового сотрудничества с Оманом</i>	290

<i>Хмурович Л. В.</i> Мировой рейтинг конкурентоспособности: методологические и практические аспекты	296
<i>Шведко П. В., Аксютц А. В.</i> Специфика осуществления внешнеторговой деятельности при выходе на рынки стран Ближнего Востока	301
<i>Яо Цзяхуэй, Носацкая Е. В.</i> Проблемы и перспективы развития сотрудничества государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в сфере цифровой экономики ...	307
<i>Яцук А. И.</i> Социальные и экономические последствия старения населения: современные вызовы и угрозы	313

СЕКЦИЯ «ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА: ИННОВАЦИИ, ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ»

<i>Богино Н. И.</i> Интегрированный подход к обучению будущих специалистов индустрии туризма	320
<i>Боровская Е. А.</i> Законодательство России и Беларуси в области нематериальных активов: разночтения и противоречия	325
<i>Гайдукевич Л. М.</i> Какие кадры нам сегодня нужны для сферы туризма и гостеприимства?	330
<i>Давыденко Л. Н.</i> Экологические приоритеты развития мировой индустрии туризма	334
<i>Дедок В. М., Красовская К. А.</i> МІСЕ-индустрия Индии: ведущие дестинации и их инфраструктурная составляющая	340
<i>Решетникова А. Н., Юрченко А. В.</i> Региональные аспекты развития событийного туризма: российский и белорусский опыт	347
<i>Синявская Ю. И., Дедок В. М.</i> Обзор некоторых мероприятий между Республикой Беларусь и странами Латинской Америки (Аргентина, Бразилия)	353
<i>Чжао Янь.</i> Белорусско-китайское межрегиональное сотрудничество в области туризма	358
<i>Шумский К. И.</i> Анализ результативности туристического рынка Беларуси в 2021 году	365

СЕКЦИЯ «ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

<i>Астрога В. А.</i> Кіраўнікі мінскай мытні напрыканцы XV — напачатку XXI ст.	371
<i>Власова Г. М.</i> Особенности идентификации филателистических и филокартических материалов	378

<i>Делендик К. Ю.</i> Практика применения технологий электронного предварительного информирования при таможенном транзите товаров в Евразийском экономическом союзе	384
<i>Капустина Н. Н.</i> Резервы реверсивных логистических систем в циркулярной экономике	388
<i>Орлова Л. В.</i> Современные проблемы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования	392
<i>Павлович Д. М., Болточко П. И.</i> Особенности таможенного транзита в Евразийском экономическом союзе в рамках новых экономических вызовов	397
<i>Симан К. А.</i> Основные проблемы проведения таможенного контроля после выпуска товаров и пути их решения	401
<i>Тулейко Е. В., Луговская И. С.</i> Современные тенденции в сфере таможенно-тарифного регулирования	404
<i>Ходакова А. А.</i> Роль экологических знаний в таможенной сфере в контексте развития цифровой экономики	412
<i>Чепик А. А.</i> Значение и актуальность исследования теоретических проблем взаимодействия таможенных органов с контролирующими органами при осуществлении профилактики преступлений	417
<i>Шиманская А. В.</i> Правовая основа цифровой трансформации таможенной сферы в Республике Беларусь	422

СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

<i>Вэй Вэн.</i> Экономические ответные действия России и Китая на санкции	430
<i>Зайцева В. Д.</i> Влияние нематериальных факторов на процесс коммерциализации объектов интеллектуальной собственности	436
<i>Иванова М. Д.</i> Проблемы и перспективы в сфере защиты интеллектуальной собственности в условиях таможенной территории Евразийского экономического союза	440
<i>Пашук Е. А., Тарарышкина Л. И.</i> Аспекты развития тронной торговли на таможенной территории Евразийского экономического союза	446
<i>Тарарышкина Л. И., Рудницкая А. В.</i> Свободные экономические зоны в эпоху цифровизации	451
<i>Тарарышкина Л. И.</i> Таможенные территории интеграционных объединений как гарант обеспечения экономической безопасности	456

СЕКЦИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИИ БЛИЖНЕГО, СРЕДНЕГО И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА: ТРАДИЦИЯ И МОДЕРН»

<i>Бай Сюетун.</i> Научно-техническое сотрудничество КНР и ФРГ в эпоху стратегического партнерства	463
<i>Баранов А. М., Ляшенко Е. С.</i> Особенности модели развития информационной экономики Сингапура	468
<i>Ван Ифу.</i> Трансформация позиции Китая по афганскому вопросу в 2014 г.	475
<i>Исаченкова М. А.</i> Семантика идеограммы 靈 лин в трактате «Шаньхайцзин»	481
<i>Карпинская А. А.</i> Сравнительная характеристика образа Святого Духа в Евангелии и Гатах	487
<i>Климович В. В.</i> Проблема китаецентризма в научных исследованиях (на примере космогонических мифов)	493
<i>Ковяко И. И.</i> Традиции прошлого в политике настоящего: китайские контуры мирового порядка	498
<i>Лань Пэнхэ.</i> Состояние и опыт китайско-грузинского двустороннего сотрудничества	502
<i>Ливиндюк О. В., Свилас С. Ф.</i> Деятельность Индии в Шанхайской организации сотрудничества (2005—2021 гг.)	506
<i>Ли Цзинин.</i> Трансформация китайско-индийских отношений в условиях пограничных конфликтов (2003 г. — настоящее время)	513
<i>Малевич Ю. И., Чувилова В. А.</i> Экологический вектор во внешней политике Китая в период Си Цзиньпина	519
<i>О Док Хи.</i> Применение инструментов системы поддержки экспорта в Республике Корея в 2022 г.	524
<i>Сунь Шэнцзы, Ковяко И. И.</i> Развитие сотрудничества КНР и Республики Беларусь в образовательной сфере (2005—2013 гг.)	531
<i>Хэ Юэцзе.</i> Историография китайско-российских отношений на современном этапе	537
<i>Черняк А. Д.</i> Китай и Индия: территориальные конфликты и их влияние на экономические отношения	542
<i>Яо Цзэни.</i> Позиция КНР по отношению к проблеме принадлежности спорных островов Дяоюйдао	549

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЕВРАЗИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРАВО, ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА»

<i>Абрамчук Н. А.</i> Перспективные направления белорусского экспорта в Китай в рамках Евразийского экономического союза	554
--	-----

<i>Авласенко И. М., Сысоева Р. В.</i> Формирование повестки дня Евразийского экономического союза: подходы Беларуси и Казахстана	559
<i>Достанко Е. А., Лешенюк О. Н.</i> Сопряжение китайской инициативы «Один пояс, один путь» с интеграционными объединениями на пространстве Евразийского экономического союза	566
<i>Межевич Н. М., Сенник Н. М.</i> На восток от шенгена: к вопросу евразийской интеграции региона	572
<i>Михалёва Т. Н., Киселева А. В., Римашевская Ю. С.</i> Компетенция Европейского союза	578
<i>Михалёва Т. Н., Лешок Е. Д., Лишик П. Н.</i> Правовое регулирование противодействия киберпреступности в Европейском союзе (опыт для Евразийского экономического союза)	583
<i>Мухаева М. С.</i> Интеграция Ирана в Евразийском экономическом союзе: состояние и перспективы	589
<i>Русакович А. В.</i> Военная доктрина Союзного государства Беларуси и России в контексте новых вызовов в сфере безопасности	595
<i>Сидорова Е. С., Тарарышкина Л. И.</i> Трансграничная электронная торговля Евразийского экономического союза и КНР в рамках инициативы «Один пояс, один путь» ...	600
<i>Стояков К. И., Михалёва Т. Н.</i> Нормотворческая деятельность в условиях евразийской интеграции и противодействия угрозам национальной безопасности	606
<i>Чэнь Е.</i> Организация Договора о коллективной безопасности: эффективность и сложности двадцатилетия	610
<i>Шакель Н. В.</i> Трансграничная передача персональных данных в рамках Евразийского экономического союза	614

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КОДИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ»

<i>Газдюк Н. Ю.</i> О роли иностранного элемента в современном международном частном праве	620
<i>Дзёрбіна Г. В.</i> Постгласатары і гуманісты як пачынальнікі кадыфікацыйнага руху ў краінах кантынентальнай Еўропы	627
<i>Залесский Д. А.</i> Приведение законодательства Республики Беларусь в соответствие с Сингапурской конвенцией о медиации	631

<i>Леанович Е. Б.</i> Пересмотр и модернизация в условиях новых вызовов: пример кодификации международного частного права Франции	637
<i>Leanovich E. B., Xie Shuyu.</i> The interlink of codifications in different spheres: human rights and intellectual property	641
<i>Лепешкова А. Ю., Ананич С. М.</i> Современные тенденции коллизионного регулирования имущественных отношений супругов в праве Европейского союза	645
<i>Пономарева Д. С.</i> Международное корпоративное право в эпоху цифровизации: аргументация отраслевой принадлежности	651
<i>Хаткевич Е. П.</i> Свидетель-эксперт в международном третейском производстве: понятие и правовые основания участия	656

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КНР В СТРУКТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ»

<i>Бацянойская К. С.</i> Асаблівасці і фактары гандлёва інвестыцыйнага супрацоўніцтва еўрапейскіх краін з малой эканомікай Цэнтральнай і Усходняй Еўропы і Кітая	663
<i>Ван Лэтин.</i> Исследовательские институты АСЕАН в Китае ...	668
<i>Дударёнок А. С.</i> Стратегия развития Китая в условиях вызовов для государств на пространстве Шанхайской организации сотрудничества	672
<i>Ye Yuhu.</i> The positive significance of perfecting the legislation for China's enhancement of innovation capability	678
<i>Журавская О. С., Кохан О. А.</i> Анализ политики Китайской Народной Республики в реализации целей устойчивого развития	682
<i>Лю Сянцзянь.</i> Дипломатия КНР в международных туристических организациях в XXI в.	687
<i>Рубо О. П.</i> Китай как важный сторонник мультилатерализма	696
<i>Серебряков В. О.</i> Приоритетные направления экономической дипломатии Китая в юго-восточной Азии	701
<i>Хань Ваньчэнь.</i> Роль образовательной дипломатии Китайской Народной Республики в контексте инициативы «Один пояс, один путь»	707
<i>Цзян Юймэн.</i> Расширение миротворческих операций Китая в Африке	711
<i>Чжан Хунчао.</i> Роль института Конфуция в формировании нового мирового порядка	715
<i>Чжуаньсунь Цяочу.</i> Регулирование рынка труда в КНР	721

<i>Ян Кэ.</i> Роль китайских НПО во внешнекультурном обмене (на примере института Конфуция)	726
<i>Яо Цзяхуэй.</i> Роль Китая в системе регулирования мировой торговли	731

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АРАБСКИЙ МИР: ВЫЗОВЫ МОДЕРНА»

<i>Саджади Д.</i> Сотрудничество между Саудовской Аравией и США по урегулированию Йеменского кризиса	738
--	-----

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ»

<i>Богатырева Е. А.</i> Концепции развития человеческого капитала и человеческого потенциала в мировой экономике	744
<i>Ву Чжэн.</i> Рост экспорта высокотехнологических товаров Китая как результат реализации человеческого капитала	749
<i>Кубьшин А. С., Юрова Н. В.</i> Перспективы реализации научного потенциала в международной торговле	755
<i>Юрова Н. В.</i> Развитие образовательного потенциала в условиях международной экономической интеграции	759
<i>Яо Цзяхуэй.</i> Человеческое развитие в странах БРИКС	765

СЕКЦИЯ «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА ВЕТО В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН: ТРИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОДХОДА

П. И. Ананич¹⁾, В. В. Фрольцов²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: p.i.ananich@gmail.com

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: vlad.froltsov@gmail.com

В статье рассмотрены и охарактеризованы три предложения относительно реформирования процедуры голосования в Совете Безопасности ООН, а именно по поводу ограничения применения постоянными членами права вето. Инициатором первого стал министр иностранных дел Франции Л. Фабиус в 2013 г., а в 2015 г. оно было поддержано Мексикой. Второе выдвинула межконфессиональная Группа по подотчетности, согласованности и прозрачности. Третье принадлежало независимой группе ведущих дипломатов — «старейшин» во главе с бывшим генеральным секретарем ООН К. Аннаном. Дана краткая оценка каждому из выдвинутых предложений и определены перспективы их реализации в условиях обострения геополитических противоречий между ведущими мировыми державами в 2010-е гг.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН; право вето; постоянные члены; Франция; кодекс АСТ; старейшины.

LIMITATION THE VETO POWER AT THE UN SECURITY COUNCIL: THREE ALTERNATIVE APPROACHES

P. I. Ananich^a, V. V. Froltsov^b

^a Belarusian State University,
Niezależnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: p.i.ananich@gmail.com

^b Belarusian State University,
Niezależnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: vlad.froltsov@gmail.com
Corresponding author: P. I. Ananich (p.i.ananich@gmail.com)

The article examines and characterizes three proposals for reforming the voting procedure at the UN Security Council, and namely for the limitation of the right of veto use by the permanent members. The first was initiated by French Foreign Minister Laurent Fabius in 2013, and in 2015 it was supported by Mexico. The second was put forward by the interdenominational Accountability, Consistency and Transparency Group (ACT). The third belonged to an independent group of leading diplomats, and namely the Elders, led by former UN Secretary General Kofi Annan. An assessment to each of these proposals is presented and the prospects for their implementation are

determined within the context of geopolitical contradictions escalation between the leading world powers in the 2010s.

Keywords: *UN Security Council; veto power; permanent members; France; ACT Code; the Elders.*

Реформирование процедуры голосования в Совете Безопасности ООН, которая подразумевает право вето для постоянных членов, стало предметом острой дискуссии со времени начала работы этой ведущей международной организации и оставалось таковым на протяжении всего периода «холодной войны». Прекращение глобального биполярного противостояния после распада СССР отнюдь не снизило накала этой дискуссии, которая вновь актуализировалась уже в начале XXI в., когда встал вопрос о дальнейшей конфигурации международных отношений и их эволюции к новому формату многополярности.

В первой половине 2010-х гг. в русле обострения геополитических противоречий между ведущими мировыми державами инициатором ограничения права вето выступила Франция. Так, 4 октября 2013 г. министр иностранных дел Л. Фабиус опубликовал в газете «*The New York Times*» статью, в которой высказался за то, чтобы постоянные члены воздерживались от применения права вето, «если Совету Безопасности требуется принять решение в отношении массового преступления... [за исключением] случаев, когда на карту поставлены жизненно важные интересы постоянного члена...». В статье Л. Фабиус изложил критерии для запуска этого «кодекса поведения», заявив, что Генеральный секретарь ООН будет принимать решение о совершении массового преступления по просьбе не менее 50 государств — членов [1].

В ходе подготовки к совещанию на уровне министров, которое было проведено совместно с Мексикой 30 сентября 2015 г. по поводу выдвинутой инициативы, обе стороны подготовили политическую декларацию о приостановлении права вето в случаях массовых злодеяний, открытую для принятия обязательств о поддержке со стороны государств — членов ООН. Совместный документ «приветствует и поддерживает инициативу... предложить коллективное и добровольное соглашение постоянных членов..., в котором постоянные члены воздержатся от использования своих полномочий вето в случаях массовых злодеяний» [2].

На заседании 30 сентября 2015 г. Франция и Мексика объявили, что они уже получили поддержку от 70 государств — членов ООН в пользу этой декларации [3]. К сентябрю 2020 г. политическая декларация была одобрена 105 странами [4].

Характерно, что сама Франция не использовала право вето как постоянный член Совета Безопасности ООН с 1989 г., когда

она вместе с США и Великобританией ветиовала резолюцию, которая осуждала американское вторжение в Панаму. Сейчас же Франция выступила не за отмену, а за регулирование использования вето. На сайте французского Министерства иностранных дел была создана отдельная страница с информацией об инициативе. Французские дипломаты мотивировали необходимость регулирования права вето стремлением искоренить бездействие Совета Безопасности в случае массовых злодеяний.

Франция выражала убежденность, что право вето не должно и не может быть привилегией. Оно налагает обязанности и особую ответственность, предусмотренные Уставом ООН. Право вето было предоставлено пяти постоянным членам для укрепления сотрудничества между ними, чтобы Организация Объединенных Наций могла предотвращать и разрешать международные конфликты, обеспечивать эффективное соблюдение международного права и защищать гражданское население [5].

В дальнейшем Франция продолжала дорабатывать предложение. Например, она объявила, что выступает за то, чтобы призвать постоянных членов объяснять свое голосование при наложении вето, о чем не было упомянуто в первоначальном предложении. Содержание инициативы Франция обсуждала с другими постоянными членами СБ ООН, поэтому, вероятно, отдельные элементы инициативы могли измениться в результате этих переговоров.

Французское предложение являлось прагматичным и достаточно компромиссным, поскольку не было направлено на отмену права вето. Тем не менее, в случае его принятия Совет Безопасности ООН мог принимать экстренные меры против массовых злодеяний.

Еще одним предложением, направленным на повышение степени эффективности работы СБ ООН на фоне ухудшающейся ситуации в результате гражданской войны и иностранного вмешательства в Сирии, явилась инициатива межконфессиональной Группы по подотчетности, согласованности и прозрачности (*Accountability, Coherence and Transparency Group* (далее — АСТ)). В июле 2015 г. группа распространила «кодекс поведения», который призывал государства — члены «обязаться поддерживать своевременные и решительные действия Совета Безопасности, направленные на предотвращение или прекращение совершения геноцида, преступлений против человечности или военных преступлений...». Кодекс обязывал членов Совета не голосовать против «заслуживающих доверия» проектов резолюций, направленных на прекращение или предотвращение таких преступлений. Это обязательство применимо ко всем членам ООН, а не только к постоянным членам Совета, поскольку все

государства-члены имеют право баллотироваться на место в Совете и, таким образом, быть его избранными членами. Для применения кодекса не существует процедурного триггера. Кодекс апеллирует к Генеральному секретарю, используя возможности раннего предупреждения и опыт системы ООН, продолжать привлекать внимание Совета к ситуациям, связанным или могущим привести к геноциду, преступлениям против человечности или военным преступлениям [6]. АСТ предложила государствам-членам взять на себя обязательства по соблюдению кодекса поведения, который она обнародовала 23 октября 2015 г. в честь 70-летия ООН.

1 октября, в преддверии этого события, АСТ провела презентацию кодекса на уровне министров в штаб-квартире ООН, в ходе которой объявила, что ее инициатива получила поддержку 56 государств — членов, включая постоянных членов СБ Францию и Великобританию. При этом для получения британской поддержки кодекс был немного изменен, чтобы обязать государства воздерживаться от голосования против «заслуживающего доверия» проекта резолюции Совета Безопасности о своевременных и решительных действиях по прекращению или предотвращению совершения геноцида, преступлений против человечности или военных преступлений. Определение «заслуживающий доверия» ранее не было частью документа.

На момент публикации число сторонников кодекса поведения возросло до 127 государств — членов [6].

Третьей инициативой стало предложение «старейшин». Так называют независимую группу ведущих дипломатов и общественных деятелей, работающих вместе во имя мира, справедливости и прав человека под председательством бывшего Генерального секретаря ООН К. Аннана. Основателем старейшин являлся известный правозащитник и президент ЮАР в 1994—1999 гг. Н. Мандела. На сайте инициативы, в частности, было указано: «Мы видим мир, в котором люди живут в мире, осознавая свою общую человечность и общую ответственность друг перед другом, перед планетой и будущими поколениями. Работая как публично, так и через частную дипломатию, наша миссия состоит в том, чтобы взаимодействовать с мировыми лидерами и гражданским обществом на всех уровнях для разрешения конфликта и устранения его коренных причин, борьбы с несправедливостью и продвижения этического лидерства и надлежащего управления» [7].

7 февраля 2015 г. старейшины сделали заявление о необходимости укрепления ООН. Среди выдвинутых предложений был призыв к постоянным членам Совета Безопасности обязаться «не использовать и не угрожать использованием своего права вето»

в случае кризисов, во время которых совершаются или могут совершаться геноцид или другие массовые зверства, «не объяснив четко и публично, какой альтернативный курс действий они предлагают в качестве надежного и эффективного способа защиты населения, о котором идет речь». Согласно предложению старейшин, объяснение должно относиться к международному миру и безопасности, а не основываться на национальных интересах, поскольку использование права вето в таких обстоятельствах представляет собой злоупотребление этой привилегией. В случаях же, когда вето наложено одним или несколькими постоянными членами, другие члены Совета должны приложить усилия, чтобы «не отказываться от поиска точек соприкосновения» [7].

Между французской инициативой, кодексом поведения АСТ и предложением старейшин есть ряд общих черт. Все они продиктованы желанием повысить эффективность работы Совета Безопасности ООН по предотвращению и пресечению массовых преступлений. Появление всех трех предложений было обусловлено неспособностью Совета Безопасности предпринять эффективные действия в Сирии. Кроме того, поддержка этих инициатив со стороны государств — членов является политическим обязательством, но не международно-правовым, т. е. не относится к сфере действия международного права. Это относится к францужско-мексиканской политической декларации и кодексу поведения АСТ, так как старейшины не указали характер обязательств стран-участниц.

Отличия между инициативами носят преимущественно правовой характер и касаются процедурных и терминологических вопросов. Так, французское предложение допускает возможность применения права вето, когда на карту поставлены «жизненно важные интересы», что не характерно для других инициатив. В статье в «Нью-Йорк Таймс» глава МИД Л. Фабиус утверждал, что оговорка о жизненно важных интересах необходима для того, чтобы сделать инициативу «реалистично применимой» [1]. Франция указала на политические издержки, которые понесет постоянный член, утверждающий, что его «жизненно важные интересы» поставлены на карту, при наложении вето в случае, когда ясно, что такие интересы на самом деле не играют никакой роли.

Контраргумент против такой позиции заключается в том, что предполагаемые политические издержки часто не будут достаточными, чтобы удержать постоянного члена от наложения вето, даже если его жизненно важные интересы не находятся под угрозой. Более того, именно такие интересы обычно являются основной причиной, по которой постоянные члены используют право

вето. В связи с этим старейшины прямо заявили, что члены, налагающие вето по причинам национальных интересов, злоупотребляют своей привилегией и должны воздерживаться от объяснения своих решений по использованию вето в таких терминах.

Охарактеризованное в статье обострение дискуссии вокруг права вето в Совете Безопасности ООН, поводом к которому была инициатива главы МИД Франции — одного из пяти постоянных членов, необходимо рассматривать наряду с целым рядом других, достаточно очевидных свидетельств перехода системы международных отношений в новое состояние. Его основными характеристиками уже в начале 2020-х гг. станут глобальная неопределенность, возрастание вызовов и угроз для международной безопасности, игнорирование принципов и процедур международного права в угоду геополитическим интересам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Call- for self-restraint at the UN [Electronic resource] // New York Times. — 04.10.2013. — Mode of access: <https://www.nytimes.com/2013/10/04/opinion/a-call-for-self-restraint-at-the-un.html>. — Date of access: 24.03.2022.

2. Political statement on the suspension of the veto. French-Mexican Proposal [Electronic resource] // Center for UN Reform Education. — 2015. — Mode of access: <https://centerforunreform.org/wp-content/uploads/2015/10/French-Mexican-Proposal-English.pdf>. — Date of access: 24.03.2022.

3. Security Council Research Report. The Veto [Electronic resource]. — October 2015. — Mode of access: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/research_3_the_veto_2015.pdf. — Date of access: 24.03.2022.

4. What is France's position on UN Security Council reform? [Electronic resource] // France Diplomacy. Ministry for Europe and Foreign Affairs. — September 2021. — Mode of access: https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/united-nations/france-and-the-united-nations/france-and-the-united-nations-security-council/#sommaire_5. — Date of access: 24.03.2022.

5. Is regulation of use of the veto likely to happen? [Electronic resource] // France Diplomacy. Ministry for Europe and Foreign Affairs. — Mode of access: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/united-nations/france-and-the-united-nations/france-and-the-united-nations-security-council/why-france-wishes-to-regulate-use-of-the-veto-in-the-united-nations-security/>. — Date of access: 24.03.2022.

6. Code of Conduct Policy [Electronic resource] // ACT Alliance. — October 2016. — Mode of access: <https://actalliance.org/wp-content/uploads/2019/08/ACT-Code-of-Conduct-Policy-2016-E.doc.pdf>. — Date of access: 24.03.2022.

7. Who we are [Electronic resource] // The Elders. — Mode of access: <https://theelders.org/who-we-are>. — Date of access: 24.03.2022.

ФАКТОР ЭМИГРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ В 1990—2000-х гг.

А. А. Володзькин

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: valodzkin@bsu.by*

В работе рассматривается роль политической эмиграции из Литвы, Латвии и Эстонии времен Второй мировой и холодной войны в формировании внешней политики этих государств в постсоветский период. Отмечается, что она проявилась в формировании некоторых идеологических основ их политики, таких как концепция «государственного континуитета», а также в содействии налаживанию связей государств Балтии со странами Запада и лоббированию их интересов в западных политических элитах. Наибольшее значение вклад эмиграции имел в периоды борьбы за международное признание независимости стран Балтии и за их вступление в НАТО и ЕС. При этом эмиграция не столько влияла на определение курса внешней политики, сколько являлась инструментом достижения ее целей.

Ключевые слова: *государства Балтии; внешняя политика; эмиграция; диаспора; репатрианты*

EMIGRATION FACTOR IN THE MAKING OF BALTIC STATES' FOREIGN POLICY IN 1990s—2000s

A. A. Valodzkin

*Belarusian State University,
Niezależnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: valodzkin@bsu.by*

The paper examines the role of political emigration from Lithuania, Latvia and Estonia of the World War II and the Cold War times in shaping their foreign policy in the post-Soviet period. It is highlighted that it helped in formation of some of the ideological foundations of their policy, such as the concept of «state continuity», as well as in facilitating the establishment of relations between the Baltic states and Western countries and lobbying their interests in Western political elites. The contribution of emigration was most significant during the periods of struggle for international recognition of the Baltic States independence and for their accession into NATO and the EU. At the same time, emigration more played the role of an instrument for achieving foreign policy goals rather than of shaping its course.

Keywords: *Baltic states; foreign policy; emigration; diaspora; repatriates.*

Эмиграция играла важную роль в общественно-политической жизни стран Балтии еще со времен национального возрождения конца XIX — начала XX вв. Так, в сентябре 1914 г. в Чикаго состоялся конгресс литовских эмигрантов в Америке, а в октябре 1915 г. — совместный литовско-латышский конгресс в Берне, Швейцария [1, с. 85]. Однако в контексте формирования внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в 1991—2000-х гг. интерес представляют две более поздних волны эмиграции из этих государств в страны Запада: политическая эмиграция периода

Второй мировой и холодной войны и экономическая эмиграция конца XX — начала XXI вв. В данном докладе рассмотрим более подробно роль первой из них в этом процессе.

Наиболее существенным значение политической эмиграции из Литвы, Латвии и Эстонии в странах Запада было в период борьбы этих стран за независимость на рубеже 1980-х — 1990-х гг. и в первое десятилетие после ее восстановления. Во-первых, ее активные деятели, особенно так называемые «дипломаты в изгнании», играли для национальных движений за независимость роль живых символов преемственности с прежней довоенной государственностью. Во-вторых, именно эмигранты из Латвии и Эстонии разработали и обосновали в ФРГ в годы холодной войны концепцию «государственного континуитета» стран Балтии и ознакомили представителей народных фронтов Латвии, Литвы и Эстонии с секретными протоколами к советско-германскому Пакту Молотова-Риббентропа о передаче стран Балтии в советскую зону влияния, существование которых на тот момент еще отрицалось советским руководством. Таким образом, балтийские эмигранты времен холодной войны внесли весомый вклад в идейное обоснование борьбы за восстановление независимости в республиках советской Прибалтики.

Но главным их вкладом в становление внешней политики постсоветских Литвы, Латвии и Эстонии стало посредничество в налаживании связей с государствами Запада. Как отмечал в ходе беседы с автором бывший латвийский дипломат-репатриант Я. Эйхманис, организации эмигрантов из стран Балтии, координируя свои усилия, смогли сформировать в годы холодной войны одно из мощнейших национальных лобби в США — по его мнению, «второе по влиятельности после еврейского». Являясь общественными активистами, многие эмигрантские деятели имели хорошие связи с политическими элитами США и других западных стран. Другой латвийский экс-дипломат (также репатриант) А. Лэйиньш отметил в ходе беседы с автором, что в 1990—1991 гг. деятели эмиграции активно участвовали в создании Балтийского информационного центра в Стокгольме, основной задачей которого было информировать западную общественность о событиях в Латвии, Литве и Эстонии и добиваться скорейшего международного признания независимости этих республик. А в случае роспуска центральными властями СССР их Верховных советов (в которых после демократических выборов 1990 г. преобладали сторонники независимости), предполагалось, что этот Центр сможет выполнять функции балтийских правительств в изгнании.

Таким образом, на этапе достижения международного признания роль политической эмиграции для стран Балтии была

чрезвычайно важна. В этой связи нужно отметить, что некоторые русскоязычные авторы склонны преувеличивать ее влияние на формирование внешней и внутренней политики государств Балтии постсоветского периода. Так В. Гуцин [2] и И. Розенфельд [3] считают, что эмиграция времен холодной войны фактически навязала свою «реваншистскую идеологию» правящим элитам Латвии и Эстонии. В качестве аргументации такой точки зрения они ссылаются на решение вопроса о гражданстве в этих странах и их общую ориентацию на интеграцию в западное сообщество.

Однако существует немало аргументов в пользу того, что влияние эмиграции на политическую жизнь Литвы, Латвии и Эстонии после восстановления независимости было весьма ограниченным. Да, эмиграцию действительно нельзя назвать беспристрастным наблюдателем за политической борьбой в этих государствах. Как отмечал в своих мемуарах А. Бразаускас, в начале 1990-х гг. литовская эмиграция в США и других странах Запады считала единственными легитимными представителями восстановленного литовского государства литовских консерваторов во главе с В. Ландсбергисом. Поэтому проигрыш консерваторов на выборах 1992 г. вызвал у нее большое разочарование и самому Бразаускасу в ходе его зарубежных визитов стоило немалых усилий убедить диаспору продолжить сотрудничество с новым правительством страны [4, с. 207].

Но главным препятствием для более активного участия старой эмиграции в политической жизни государств Балтии была ее оторванность от тех процессов, которые происходили в их обществе на рубеже 1980—1990-х гг. и, как следствие, явно недостаточное их понимание. Например, тот же В. Гуцин приводит воспоминания участника специальной группы Народного Фронта Латвии по переговорам с латвийской эмиграцией В. Дозорцева, из которых видно, что, хотя между сторонами и не было идейных разногласий, представителям Народного Фронта пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить эмигрантские организации в нереалистичности их требований форсировать провозглашение независимости в сложившихся условиях [2, с. 24]. Логичным итогом этой тенденции стал провал на президентских выборах 1992 г. в Литве и Эстонии кандидатов от эмиграции несмотря на то, что это были достаточно авторитетные фигуры — глава литовских «дипломатов в изгнании» С. Лазорайтис-младший и профессор политологии Калифорнийского университета Р. Таагепера.

Говоря об идейном влиянии старой эмиграции на внешнюю политику, следует отметить, что в ходе бесед автора с бывшими дипломатами и политиками стран Балтии все респонденты еди-

нодушно сошлись во мнении, что среди литовских, латвийских и эстонских эмигрантов времен холодной войны не было фигур подобных польским эмигрантам Е. Гедройцу и Ю. Меровскому и каких-либо аналогов сформулированной ими в 1970-х гг. концепции будущей внешней политики посткоммунистической Польши. По словам респондентов, все интеллектуальные усилия балтийской эмиграции того периода были направлены на обоснование требований о восстановлении независимости стран Балтии (что и нашло отражение в концепции «государственного континуитета»). Но дальше этого никто из ее представителей не заглядывал.

Наибольшим триумфом старой эмиграции в политике государств Балтии можно считать избрание ее представителей президентами во всех трех странах в конце 1990—2000-х гг.: В. Адамкус — в Литве (1998—2003 и 2004—2009 гг.), В. Вике-Фрейберга — в Латвии (1999—2007 гг.) и Т. Х. Ильвес — в Эстонии (2006—2016 гг.). Однако между ними имелись существенные различия. Единственным карьерным политиком из всех трех был Т. Х. Ильвес, который до того, как стать президентом успел поработать в должности министра иностранных дел Эстонии в 1996—1998 и 1999—2002 гг., а также был лидером эстонской социал-демократической партии. Тогда как кандидатуры В. Адамкуса и, особенно, В. Вике-Фрейберги (которая вплоть до выдвижения в президенты группой латвийских парламентариев делала академическую карьеру и была далека от политики) были скорее компромиссными и в известной степени символическими фигурами.

Здесь следует напомнить, что на рубеже 1990—2000-х гг. в рамках подготовки к очередному раунду расширения ЕС и НАТО решался вопрос о включении в него государств Балтии. При этом по экономическим критериям Латвия и Литва отставали от большинства других кандидатов. А по экспертным оценкам Латвия также имела наименьшие шансы на прием в НАТО. В такой ситуации избрание в качестве первых лиц государства людей, проживших большую часть своей жизни в странах Запада и свободно изъясняющихся на английском языке было важным имиджевым ходом. Оно должно было сигнализировать западным политикам о непоколебимой решимости латвийских и литовских политических элит несмотря ни на что интегрировать свои страны в западное сообщество.

Таким образом, после достижения независимости старая политическая эмиграция времен холодной войны не столько влияла на определение курса внешней политики государств Балтии, сколько использовалась их политическими элитами (в которые смогли интегрироваться лишь единичные представители этой

эмиграции) в качестве ценного ресурса и инструмента достижения своих целей в отношениях с США и другими странами Запада. Наиболее активно ресурсы эмиграции были задействованы в период борьбы за международное признание независимости Литвы, Латвии и Эстонии и за их принятие в НАТО и ЕС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Валодзькін, А. А. Спробы стварэння рэгіянальнага аб'яднання балтыйскіх дзяржаў у 1918—1921 гг. / А. А. Валодзькін // Весн. Полацк. дзярж. ун-та. Сер. А. Гуманітар. навукі. — 2014. — № 1. — С. 83—93.
2. Гуцин, В. Постсоветская Латвия — обманутая страна / В. Гуцин. — Рига: Балт. центр ист. и соц.-полит. исследований, 2013. — 720 с.
3. Розенфельд, И. Эстония до и после «бронзовой ночи» / И. Розенфельд. — Тарту; СПб.: «Крипта», 2009. — 576 с.
4. Бразаускас, А. Пять лет президента: события, воспоминания, мысли / А. Бразаускас. — М.: Унипринт, 2002. — 623 с.

ЗНЕШНЯЯ ПАЛІТЫКА БЕЛАРУСІ Ў НАВУКОВЫХ І МЕТАДЫЧНЫХ РАСПРАЦОЎКАХ КАФЕДРЫ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН БДУ

А. В. Дземідовіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,

пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, e-mail: dzemhelen@mail.ru

У артыкуле разглядаюцца навуковая і метадычная дзейнасць супрацоўнікаў кафедры міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Прадметам даследавання з'яўляецца адлюстраванне знешняй палітыкі Беларусі ў навуковых даследаваннях, а таксама вучэбным працэсе, што ажыццяўляюцца кафедрай міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Звяртаецца ўвага на фарміраванне навуковай школы даследавання знешняй палітыкі Беларусі на кафедры міжнародных адносін БДУ, якая сінтэзавала два аспекты ў сваім праблемным полі — гісторыю знешняй палітыкі і ўласна знешнюю палітыку Рэспублікі Беларусь. Аўтар вылучае асноўныя напрамкі навуковага інтарэсу у дадзенай сферы. Закранаецца пытанне, якім чынам асэнсаванне знешнепалітычнай дзейнасці Беларусі інтэгравана ў вучэбны працэс, а таксама яго адлюстраванне ў вучэбна-метадычнай дзейнасці.

Ключавыя словы: *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; знешняя палітыка; кафедра міжнародных адносін; Рэспубліка Беларусь.*

FOREIGN POLICY OF BELARUS IN ACADEMIC AND METHODOLOGICAL DEVELOPMENTS DEPARTMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS BSU

A. Dzemiidovich

Belarusian State University,

Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: dzemhelen@mail.ru

The article shows the academic and methodical activities of the staff of the Department of International Relations of the Belarusian State University. The

subject of the article is academic research in the Belarusian foreign policy as well as the educational process carried out by the Department of International Relations of the Belarusian State University. The main attention is paid to the formation of the academic school at the Department of International Relations of BSU, which combines research and teaching of the history of foreign policy of Belarus and contemporary foreign policy of the Republic of Belarus. The author highlights the main directions of academic interest in the field. The problems of the integration of the foreign policy studies into educational process as well as educational and methodological activities are analyzed.

Keywords: *Belarusian State University; foreign policy; Department of International Relations; Republic of Belarus.*

Восенню 2022 г. кафедра міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта святкуе 30-гадовы юбілей. На сённяшні дзень можна з упэўненасцю сказаць, што кафедра, прайшоўшы немалы шлях сталення, стала не толькі ўнікальнай структурнай адзінкай сістэмы вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь па падрыхтоўцы спецыялістаў-міжнароднікаў, але і флагманам айчынай навукі ў галіне міжнародных адносін.

Адным з магістральных накірункаў навуковай дзейнасці кафедры з'яўляецца вывучэнне знешняй палітыкі Беларусі, у межах якога можна вылучыць дзве плыні: даследаванні знешнепалітычнай дзейнасці Рэспублікі Беларусь, а таксама гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці (у тэксце ўзгадваюцца асноўныя накірункі навуковых даследаванняў, якія сфарміраваліся і рэалізуюцца на сённяшні дзень. Па зразумелых прычынах спасылкі даюцца на выбарныя працы.).

Даследаванне розных аспектаў **знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь** пачалося амаль адразу, калі краіна набыла незалежнасць і рабіла першыя крокі на міжнароднай арэне як самастойны суб'ект. Сам час дыктаваў непасрэдны выбар тэмы. На пачатку ў цэнтры ўвагі даследчыкаў апынуліся пытанні, якія былі звязаны з новым статусам Беларусі — маладая незалежная дзяржава. Надзённая знешнепалітычная павестка Рэспублікі Беларусь на досвітку незалежнасці апынулася ў той жа час прадметам навуковых пошукаў калектыва кафедры міжнародных адносін, якая згуртавала вакол сябе лепшых спецыялістаў адпаведнага профілю. У першай палове 1990-х гг. на старонках навуковых артыкулаў супрацоўнікамі кафедры аналізаваліся магістральныя праблемы знешнепалітычнага курсу дзяржавы, якія стваралі шырокую прастору для дыскусій. Да іх ліку можна аднесці: асэнсаванне канцэптualaльных асноў знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь [1]; пазіцыя Беларусі па пытаннях пабудовы новай архітэктуры еўрапейскай бяспекі [2—3]; будучыня беларуска-расійскіх адносін [4]. Стваральнік кафедры і яе загадчык на той час прафесар А. В. Шарапа, прафесары Л. В. Лой-

ка, А. А. Разанаў, У. Е. Снапкоўскі, А. А. Чалядзінскі з'явіліся першымі выкладчыкамі кафедры. І менавіта яны пачалі першымі на кафедры даследаваць пытанні знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь, а таксама арганізацыю дыпламатычнай і консульскай службы.

Асаблівы ўклад у фарміраванне школы навуковых даследаванняў знешняй палітыкі Беларусі ўнес доктар гістарычных навук, прафесар У. Е. Снапкоўскі, які з'яўляецца вядучым спецыялістам у дадзенай сферы не толькі ў Беларусі, але і па-за яе межамі. Аўтар шэрагу манаграфій, падручнікаў, артыкулаў па знешнепалітычнай праблематыцы У. Е. Снапкоўскі прысвяціў свае працы асобным аспектам гісторыі знешняй палітыкі Беларусі; гістарыяграфічнай традыцыі даследавання знешняй палітыкі; шматбаковай дыпламатыі; сучаснай дзейнасці Рэспублікі Беларусь на міжнароднай арэне. У даследаваннях па знешняй палітыцы менавіта Рэспублікі Беларусь увага даследчыка сканцэнтравана на: 1) выяўленні спецыфікі двухбаковых адносін, дзе асаблівы даследчыцкі інтарэс праяўлены да беларуска-расійскіх [5] і беларуска-польскіх [6] адносін; 2) аналізе праблем, актуальных для пэўнага перыяду незалежнай Беларусі (праблема захавання нейтралітэту, беларуская ініцыятыва стварэння бяз'ядзернай зоны ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе і інш.); 3) узаемадзеянні Рэспублікі Беларусь і міжнародных арганізацый; 4) выпрацоўцы метадалагічных падыходаў да даследавання знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь. Аўтарству У. Е. Снапкоўскага належыць каля 350 навуковых публікацый рознага роду, уключаючы энцыклапедычныя нататкі і навуковыя манаграфіі.

Новы этап у дзейнасці кафедры міжнародных адносін адлічваецца са стварэннем факультэта міжнародных адносін БДУ ў кастрычніку 1995 г.

У першыя гады існавання кафедры і факультэта міжнародных адносін (1990-е гг.) да знешнепалітычнай тэматыкі, дзе закраналася становішча і дзейнасць Рэспублікі Беларусь на міжнароднай арэне, звярнуліся, акрамя згаданых вышэй, дацэнт Л. М. Хухлындзіна [7], М. Э. Часноўскі. У працах апошняга закраналіся пытанні арганізацыі дыпламатычнай практыкі Беларусі [8]; праблемы беларуска-польскіх адносін [9] і шэраг іншых, прааналізаваных у кантэксце палітычных працэсаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы.

З цягам часу калектыў кафедры папаўняўся новымі супрацоўнікамі, пашыралася кола пытанняў, змяняліся метадалагічныя падыходы. Дзесьці пачынаючы з 2000-х гг. можна гаварыць аб пэўнай, зразумела, умоўнай спецыялізацыі,

якая склалася на кафедры, у даследаваннях знешняй палітыкі і вызначэнні ролі і месца Рэспублікі Беларусь у міжнароднай супольнасці.

Сістэмна і комплексна прааналізавана знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь ў працах У. Е. Снапкоўскага, дзе метадалогія даследавання сягнула значна глыбей апісальнага падыходу, дэманструючы высокі ўзровень тэарэтычных абагульненняў і праблемнага падыходу да асэнсавання палітычных рэалій.

Адным з вядучых спецыялістаў у галіне знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь з'яўляецца А. В. Ціхаміраў, аўтар мноства артыкулаў па двухбаковым адносінам, удзелу Беларусі ў інтэграцыйных працэсах, у якіх разгледжаны праз прызму шматвектарнасці стасункі дзяржавы, а таксама навуковых манаграфій, якія падагульнілі шматгадовую аўтарскую працу [10—11]. У працах сістэмна ахарактарызавана знешнепалітычная дзейнасць Рэспублікі Беларусь на ўсіх этапах яе незалежнасці.

Асобна можна вылучыць даследаванні, прысвечаныя двухбаковым адносінам Рэспублікі Беларусь з іншымі суб'ектамі міжнародных адносін. Акрамя навуковай дзейнасці згаданых раней прафесара У. Е. Снапкоўскага і дацэнта А. В. Ціхамірава, у дадзеным накірунку можна вылучыць артыкулы і манаграфіі прафесара А. У. Русаковіча, прысвечаныя беларуска-германскім адносінам [12—13].

Асаблівасці ўзаемадзеяння ЕС і Беларусі, яе ўдзел у еўразійскай інтэграцыі і характар шматбаковага супрацоўніцтва прааналізаваны А. А. Дастанка [14—16]. Асобныя накірункі ўзаемадзеяння Рэспублікі Беларусь і ААН даследуецца А. У. Селіванавым [17].

Аўтарытэтным даследчыкам у галіне міжнароднай і нацыянальнай бяспекі, а таксама трансатлантычных адносін з'яўляецца А. А. Разанаў. Узаемаадносінам Рэспублікі Беларусь і НАТА прысвечана кандыдатская дысертацыя В. С. Жураўскай [18], а таксама шэраг артыкулаў А. У. Русаковіча.

Уплыў глабальных працэсаў на Беларусь анілізуецца ў некаторых работах прафесараў А. М. Байчорава, Ю. І. Малевіч, У. В. Фральцова, А. В. Шарапа.

Можна зрабіць выснову, што пытанні, звязаныя з рэалізацыяй знешняй палітыкі Рэспублікай Беларусь, а таксама аналіз яе становішча ў міжнародным супольніцтве шматгранна прадстаўлены ў даследаваннях кафедры міжнародных адносін.

Асобным «пластом» варта вылучыць даследаванні, якія рэалізуюцца на кафедры міжнародных адносін у рэчышчы вывучэння знешнепалітычнай дзейнасці Беларусі — у розных **гістарычных формах беларускай дзяржаўнасці.**

Навуковы погляд на гісторыю знешняй палітыкі Беларусі, які абагульняе і сістэматызуе яе досвед у гэтай сферы, артыкуляваны ў выданнях прафесара У. Е. Снапкоўскага, дзе адлік ідзе ад стварэння першых дзяржаў-княстваў, куды ўвайшлі беларускія землі, да сучаснасці [19—20]. Аўтарам прапанавана перыядызацыя знешняй палітыкі Беларусі; панарамна паказаны гістарычны фон, на якім адбываўся працэс фарміравання і рэалізацыя дыпламатыі і знешняй палітыкі; абрысаваны контуры праблемы суб'ектна-аб'ектных адносін, якая мела месца ў гістарычным вопыце беларускіх зямель.

На кафедры ажыццяўляюцца **даследаванні** па гісторыі беларускай дыпламатыі. У дадзеным накірунку маюцца публікацыі С. Ф. Свілас, У. Е. Снапкоўскага, А. В. Ціхамірава, А. В. Дземідовіч, І. М. Аўласенка, С. А. Лашкевіча, якія асвятляюць аспекты беларускай дыпламатыі ў розных гістарычных перыяды.

Сфарміраваўся накірунак даследаванняў знешняй палітыкі Рэчы Паспалітай. Працы А. В. Дземідовіч, С. А. Лашкевіча раскрываюць спецыфіку рэалізацыі знешнепалітычнага курса Вялікім Княствам Літоўскім у другой палове XVI — першай палове XVII ст. [21—22]. Складанае і неадназначнае XVIII ст. выпадае з-пад увагі даследчыкаў кафедры, разглядаецца толькі У. Е. Снапкоўскім у межах яго вучэбнага дапаможніка.

Беларусь у сістэме міжнародных адносін сярэдзіны 1910-х — 1920-х гг. з'явілася аб'ектам навуковага інтарэсу А. В. Ціхамірава. Яе становішча на міжнароднай арэне, месца ў палітыцы іншых дзяржаў, роля ў геапалітычных працэсах аналізавалася ў серыі артыкулаў [23—24]. Гэты ж перыяд асвятляўся У. Е. Снапкоўскім [25].

Эпоха сталай БССР актыўна даследуецца супрацоўнікамі кафедры. Тут можна вылучыць некалькі накірункаў навуковага інтарэсу. 1) шырокае асвятленне ўзаемадзеяння і дзейнасці БССР у ААН у 1944 — 1991 гг. У. Е. Снапкоўскім [26—28]; у спецыялізаваных установах ААН, у прыватнасці, ЮНЕСКА, што ўвасобілася ў артыкулах, грунтоўнай манаграфіі і доктарскай дысертацыі С. Ф. Свілас [29]. 2) навуковыя даследаванні з элементамі падыходаў гістарычнай антрапалогіі, дзе палітычныя працэсы аналізуюцца праз прызму ўспрымання іх сведкаў-сучаснікаў. У дадзеным накірунку працуюць І. М. Аўласенка [30], С. Ф. Свілас.

Такім чынам, даследаванні знешняй палітыкі Беларусі, якія вядуцца на кафедры міжнародных адносін, тэматычна і храналагічна ахопліваюць шырокі сегмент праблематыкі

Варта адзначыць значны **ўклад кафедры міжнародных адносін у падрыхтоўку кадраў вышэйшай кваліфікацыі.**

Кафедра, можна сказаць, узгадала шэраг спецыялістаў з навуковай ступенню, якія абаранілі кандыдацкія і доктарскія дысертацыі, тэматычна звязаныя са знешнепалітычнай дзейнасцю Беларусі.

Асэнсаванне знешнепалітычнай дзейнасці Беларусі было інтэравана ў вучэбны працэс спачатку кафедры, а потым факультэта міжнародных адносін БДУ. У першыя гады існавання кафедры знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь разглядалася ў межах дысцыпліны «Актуальныя праблемы сучасных міжнародных адносін і знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь». Гартаючы ў руках праграму дадзенага курса 1996 г., складзеную прафесарамі У. Е. Снапкоўскім і А. А. Чалядзінскім, можна зразумець баланс «сусветнага» і «беларускага» аспекту ў дадзеным курсе. Што належала да актуальных пытанняў знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь адпаведна гэтай праграме? Прадугледжвалася вывучэнне наступных праблем: геапалітычнае становішча і месца Беларусі пасля распаду біпалярнай сістэмы; міжнародна-палітычны статус краін Усходняй Еўропы; праблемы рэгіянальнага і агульнаеўрапейскага супрацоўніцтва; еўрапейскія прыярытэты ў знешняй палітыцы Беларусі; наладжванне двухбаковых адносін Беларусі з краінамі АТР; адносіны Беларусі да югаслаўскага канфлікту і перспектывы развіцця сувязей з асобнымі рэспублікамі былой Югаславіі; распад СССР, стварэнне СНГ і супрацоўніцтва ў яго рамках, а таксама двухбаковыя адносіны ў межах гэтага фармата; амерыканскія аспекты знешняй палітыкі Беларусі; адносіны з асобнымі краінамі Паўднёвай Азіі; праблемы міжнароднай бяспекі і пазіцыя Беларусі па захаванні міру і міжнароднай бяспекі; канцэптuallyныя асновы знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь; двухбаковыя адносіны з краінамі Захаду; адносіны з беларускай дыяспарай; Беларусь і агульнаеўрапейскі працэс; узаемадзеянне з ЕС і НАТА; канфлікты на постсавецкай прасторы і Беларусь; асаблівасці шматбаковай дыпламатыі Рэспублікі Беларусь [31].

З працэсам сталення дзяржавы, умацавання яе знешнепалітычных пазіцый узрасла і кола пытанняў, праблемных момантаў, новых вектараў, якія падлягалі разгляду ў межах новых дысцыплін. На сённяшні дзень студэнты спецыяльнасці «Міжнародныя адносіны» сярод асноўных прадметаў вывучаюць «Гісторыю знешняй палітыкі Беларусі» і «Знешнюю палітыку Рэспублікі Беларусь». Складальнікам праграм з'яўляецца прафесар У. Е. Снапкоўскі, ім жа аццяўляецца выкладанне дадзеных дысцыплін, дзе студэнтам прапаноўваецца адпаведны аўтарскі курс, які сінтэзуе багаты факталагічны матэрыял, а таксама яго інтэрпрэтацыю на ўзроўні праблемнага падыходу.

Такія ж дысцыпліны былі ўключаны ў вучэбныя планы іншых спецыяльнасцей ФМА і чыталіся ў розныя часы (напрыклад, «Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі» была прапанаваная для выкладання спецыяльнасці «Лінгвакраізнаўства») і факультэтаў БДУ (напрыклад, «Знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь» выкладалася спецыяльнасці «Журналістыка міжнародная» факультэта журналістыкі).

Апеляванне да пытанняў, звязаных з месцам і ролю Беларусі ў сучасным свеце, а таксама яе гістарычнага вопыту дзяржаўнасці, ажыццяўляецца ў шэрагу іншых асноўных дысцыплін і дысцыплін спецыялізацый, выкладанне якіх забяспечвае кафедра міжнародных адносін.

У якасці заключэння можна сказаць, дадзеныя накірунак навукавай і навукова-метадычнай працы кафедры з'яўляецца запатрабаваным самім часам, які дыктуе пастаноўку новых пытанняў, а месцамі дае адказы на пастаўленыя раней, навуковае абгрунтаванне якіх і з'яўляецца адной з задач вышэйшай школы.

БІБЛІАГРАФІЧНЫ СПІС

1. Разанаў, А. Прыярытэты знешнепалітычнай стратэгіі Рэспублікі Беларусь / А. Разанаў, І. Сачанка, А. Шарапа, А. Чалядзінскі // Беларус. гіст. часопіс. — 1993. — №2. — С. 65—71.
2. Розанов, А. Европейская безопасность: позиция Беларуси / А. Розанов // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 1996. — № 1. — С. 56—68.
3. Розанов, А. А. Беларусь, Россия и Новая Европа / А. А. Розанов // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 1998. — № 2. — С. 84—89.
4. Шарапо, А. Проблема становления Союза Беларуси и России / А. Шарапо // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 1998. — № 3. — С. 84—87.
5. Снапкоўскі, У. Е. Беларуска-расійскія адносіны: зб. навук, артыкулаў / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: БДУ, 2009. — 139 с.
6. Снапкоўскі, У. Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918—2017 гг. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: БДУ, 2017. — 287 с.
7. Хухлындина, Л. М. Безъядерная зона в Центральной и Восточной Европе и проблемы расширения НАТО / Л. М. Хухлындина // Перспективы создания в Центральной и Восточной Европе пространства, свободного от ядерного оружия. — Минск: Изд. центр БГУ, 1997. — С. 167—172.
8. Часноўскі, М. Э. Асаблівасці пратакольнай практыкі замежных дыспрадастаўніцтваў Рэспублікі Беларусь / М. Э. Часноўскі // Беларусі і свет. Альманах. Т. 1 / Пад рэд. Л. В. Лойкі. — Мінск: РІВШ, 1999. — С. 31—39.
9. Часноўскі, М. Э. Беларуска-польскія адносіны ў 1996—1999 гг. / М. Э. Часноўскі // Беларускі гістарычны часопіс. — 2000. — № 3. — С. 16—21.

10. Тихомиров, А. В. Внешняя политика Республики Беларусь в 1991—2011 гг. / А. В. Тихомиров. — Минск: Право и экономика, 2014. — 278 с.
11. Тихомиров, А. В. Внешняя политика Республики Беларусь (1991—2015 гг.) / А. В. Тихомиров. — Минск: БГУ, 2017. — 208 с.
12. Русакович, А. В. Белорусско-германские отношения в 1990-е гг.: политика, экономика, культура / А. В. Русакович. — Минск: Тесей, 2003. — 264 с.
13. Русакович, А. В. Германия во внешней политике Беларуси (1990—2012 гг.) / А. В. Русакович. — Минск: РИПО, 2015. — 424 с.
14. Dastanka, A. A. The Republic of Belarus and the European Union: the main stages of the relationship // J. Belarus. State Univ. Int. Relat. — 2017. — N 1. — P. 15—20.
15. Достанко, Е. А. Расширение экономического сотрудничества Белоруссии с ШОС / Е. А. Достанко // Междунар. аналитика. — 2015. — № 2 (12). — С. 67—70.
16. Достанко, Е. А. Участие Беларуси в евразийских интеграционных процессах / Е. А. Достанко // Современные интеграционные процессы и Республика Беларусь: европейский и евразийский контекст. «Белорусская политология: многообразие в единстве — VI»: тез. докл. VI междунар. науч.-практ. конф. Гродно, 15—16 мая 2014 г. В 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: В.Н. Ватэль (гл. ред.) [и др.]. — Гродно: ГрГУ, 2014. — С. 172—175.
17. Селиванов, А. В. Взаимодействие Республики Беларусь с ООН / А. В. Селиванов, В. В. Фрольцов // Республика Беларусь — 25 лет созидания и свершений. В 7 т. Т. 4. Агропромышленный комплекс. Архитектура и градостроительство. Беларусь на мировой арене / М. Н. Антоненко [и др.]; редсовет: В. П. Андрейченко [и др.]. — Минск: Беларус. навука, 2020. — С. 639—687.
18. Журавская, О. С. Отношения Республики Беларусь и Организации Североатлантического договора (1992—2016 гг.): автореф. дис. ... канд. историч. наук: 07.00.15 / О. С. Журавская // Белорусский государственный университет. — Минск, 2022. — 26 с.
19. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: у 2 ч. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: БДУ, 2003—2004.
20. Снапковский, В. Е. История внешней политики Беларуси: пособие / В. Е. Снапковский. — Минск: БГУ, 2013. — 495 с.
21. Дземідовіч, А. В. Вялікае Княства Літоўскае ў адносінах Рэчы Паспалітай з Расіяй і Швецыяй у першай палове XVII ст.: манаграфія / А. В. Дземідовіч. — Мінск: Медысонт, 2021. — 184 с.
22. Лашкевіч, С. А. Вільня і Масква ў канцы XVI ст.: дыпламатыя кампрамісаў / С. А. Лашкевіч. — Мінск: БДУ, 2016. — 127 с.
23. Тихомиров, А. В. Белорусский фактор в политике государств Антанты в 1914—1920 гг. / А. В. Тихомиров // Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Палітологія. Псіхалогія. Эканоміка. Право. — 2006. — № 1. — С. 12—16.

24. Ціхаміраў, А. В. Балтыйскі вектар у беларускай палітыцы ў 1916—1920 гг. / А. В. Ціхаміраў // Журн. междунар. права і междунар. отношэний. — 2006. — № 1. — С. 41—46.

25. Снапкоўскі, У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919—1929 гг.) / У. Е. Снапкоўскі // Беларус. Гіст. часопіс. — 2001. — № 3. — С. 28—41.

26. Снапковский, В. Е. Путь Беларуси в ООН. 1944—1945 гг. / В. Е. Снапковский. — Минск: Навука і тэхніка, 1994. — 141 с.

27. Снапкоўскі, У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі: 1944—1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: Беларус. навука, 1997. — 207 с.

28. Снапковский, В. Е. Беларуская ССР у ААН у 1990-1991 гг.: ад саюзнай рэспублікі да незалежнай дзяржавы / У. Е. Снапкоўскі, Л. А. Фядотаў // Беларусь в современном мире: материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 99-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 октября 2020 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2020. — С. 748—754.

29. Свилас, С. Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954—1964 гг.) / С. Ф. Свилас. — Минск: БГУ, 2013. — 463 с.

30. Аўласенка, І. М. Беларускія пісьменнікі ў Арганізацыі Аб'яднаных Нацый: выступленні, назіранні, уражанні / І. М. Аўласенка. — Мінск: ІВЦ Мінфіна, 2021. — 305 с.

31. Праграма курса «Актуальныя праблемы сучасных міжнародных адносін і знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь» для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў Рэспублікі Беларусь па спецыяльнасці Г.10.01.00 «Міжнародныя адносіны».

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ США (1992—2022 гг.)

А. П. Косов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030
г. Минск, Беларусь, e-mail: alekos1979@mail.ru*

В публикации рассматривается российско-американское взаимодействие в сфере культуры в постбиполярный период. Автором сделан акцент на культурной составляющей внешней политики России в отношении США. Показана роль российского посольства в Вашингтоне и общественных организаций соотечественников в российско-американском культурном сотрудничестве. Тем не менее, российское культурное влияние на американское общество существенно уступало мощной культурной экспансии США, особенно в сфере массовой культуры, в России, в основном распространяясь на соотечественников, проживающих в Америке, и американских ценителей высокой культуры. При этом сфера культуры долгое время оставалась наименее политизированным направлением в российско-американских отношениях. Однако культурная дипломатия так и не смогла вывести Россию и США из конфронтации.

Ключевые слова: Россия; США; российско-американское сотрудничество; культурная политика; культура.

RUSSIA'S CULTURAL POLICY TOWARDS THE USA (1992—2022)

A. P. Kosov

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: alekos1979@mail.ru

The publication examines Russian-American interaction in the field of culture in the post-bipolar period. The author focuses on the cultural component of Russia's foreign policy towards the United States. The role of the Russian embassy in Washington and public organizations of compatriots in Russian-American cultural cooperation is shown. However, Russian cultural influence on American society was significantly inferior to the powerful cultural expansion of the United States, especially in the field of popular culture, in Russia, mainly extending to compatriots living in America and American connoisseurs of high culture. At the same time, the sphere of culture for a long time remained the least politicized area in Russian-American relations. However, cultural diplomacy has not been able to bring Russia and the United States out of the confrontation.

Keywords: Russia; USA; Russian-US cooperation; cultural policy; culture.

Культурное сотрудничество является одной из сфер межгосударственного диалога, который направлен на сближение стран и народов. Это касается и современных российско-американских отношений, характеризующихся зигзагообразностью своего развития.

Цель исследования — рассмотреть культурную составляющую политики России на американском направлении в 1992—2022 гг.

Распад СССР открыл новую главу в российско-американских отношениях. 17 июня 1992 г. Дж. Буш-ст. и Б. Ельциным была подписана «Хартия российско-американского партнерства и дружбы», в которой, в том числе, говорилось об обоюдной заинтересованности в расширении двусторонних обменов в области науки, техники и культуры [1, с. 432]. В том же году в Вашингтоне был создан Фонд американо-российского культурного сотрудничества, начавший активное продвижение культурной повестки между двумя странами. С российской стороны в рамках реализации заключенных договоренностей взаимодействие с США осуществлялось посредством государственных структур (Министерство культуры, Министерство иностранных дел), а также по линии частных организаций. В целях координации внешней культурной политики страны при правительстве Российской Федерации был создан Росзарубежцентр, замененный в 2008 г. Россотрудничеством.

Неотъемлемой частью российско-американского сотрудничества стала программа городов-побратимов, стартовавшая еще в советское время. Например, у Москвы есть город-побратим Чикаго, у Владимира — Сарасота из Флориды, у Ярославля — Берлинг-

тон из Вермонта, у Перми — Луизвилль из Кентукки [2]. Хотя их и не слишком много, тем не менее, побратимские связи стали важной частью двусторонних отношений.

В 1990-е гг. в условиях прекращения сколько-нибудь жесткого контроля со стороны российского государства культурные контакты почти полностью перешли на коммерческую основу и самокупаемость. Как правило, культурные организации и коллективы стали развивать и поддерживать свою зарубежную деятельность за счет собственных финансовых средств. Коммерциализация культурного сотрудничества нередко приводила к тому, что, например, с шедеврами Эрмитажа и других российских художественных галерей и коллекций, так же как с исполнительским мастерством российских певцов и музыкантов, было порой легче познакомиться в Америке, чем в России. По словам народной артистки СССР Е. Образцовой, в российской культуре сложилась ситуация, когда, «все, кто имеет возможность устроить контракт за рубежом, уезжают из страны и зарабатывают деньги» и возвращение артиста домой — большая редкость [3]. США стали местом заработка для многих из когорты российского культурного бомонда.

Исходя из того, что основной проблемой для российских участников культурного сотрудничества являлся недостаток финансовых средств, многое зависело от американской стороны — федеральных и частных программ, финансирующих участие в культурных обменах, выставках, гастролях российских артистов и коллективов. Американцы шли на это, поскольку в атмосфере улучшения двусторонних отношений в Соединенных Штатах повысился интерес именно к духовному наследию вчерашнего врага. В постбиполярный период об интересе американского общества к достижениям российской культуры свидетельствовали полные залы, собираемые в ходе гастролей ведущих российских театров, а также звезд мировой сцены — А. Нетребко, В. Гергиева, Д. Мацуева, В. Спивакова, И. Бутмана и др. Кроме того, в американской индустрии классического музыкально-театрального искусства на постоянной основе служит значительное количество артистов из России [4]. Например, в Метрополитен-опера приблизительно 30% певцов, музыкантов и дирижеров — это либо граждане Российской Федерации, либо выходцы из России [5]. Российские издатели и писатели также стали постоянными участниками Нью-йоркской книжной ярмарки. Тем самым, 1990-е гг. стали периодом интенсификации двустороннего взаимодействия в сфере культуры.

В целях дальнейшего углубления сотрудничества 2 сентября 1998 г. Москва и Вашингтон заключили «Меморандум о взаи-

мопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации». Стороны «на основе равноправия и взаимной выгоды» намеривались «поощрять развитие культурных обменов в целях содействия лучшему пониманию культуры друг друга» [6]. Правда, выход России из орбиты внешней политики США и нарастание противоречий с Вашингтоном привел в 2000-е гг. к сокращению объемов российско-американского культурного сотрудничества. Американцы снизили объемы финансирования ряда программ и проектов. Тем не менее, развитие двусторонних контактов по линии культуры продолжилось.

Важную роль в продвижении культурной повестки в российско-американских отношениях играло посольство России в Вашингтоне. В рамках имеющихся возможностей, оно оказывало поддержку в организации и проведении мероприятий культурно-гуманитарного характера. Так, популярностью пользовались проводимые в посольстве концерты российских исполнителей (например, пианистов В. Грязнова и Ю. Шадрина, струнно-фортепианного трио «Эрмитаж», струнного дуэта «Музальянс» и др.), а также показы российских фильмов в посольском киноклубе [4]. Помимо российской дипмиссии активную работу в этом направлении проводило представительство Россотрудничества в США — Русский дом, а также ряд общественных организаций соотечественников — Координационный совет организаций российских соотечественников США, Конгресс русских американцев, Русско-американский культурный центр «Наследие» (РАКСИ), Русское дворянское собрание в Америке, Лига русских женщин и др. В последние годы культурное сотрудничество во многом сохранялось именно благодаря активности общественных организаций. Например, с 2005 г. РАКСИ организовывал и проводил «Русские салоны», конференции по истории Русской Америки, ежегодные международные детские фестивали культур народов России в Нью-Йорке [7]. Благодаря совместным усилиям, в Соединенных Штатах появился ряд культурных центров, связанных с историей русского присутствия в Америке, — такие, как Форт Росс, Музей русского искусства в Миннеаполисе (штат Миннесота) и др. [5].

Наряду с успехами, наблюдавшимися в сфере культурного сотрудничества, нельзя не отметить имевшиеся трудности. Одной из них была проблема незащищенности российских культурных ценностей, направляемых в Соединенные Штаты по государственной линии, в условиях нестабильной политической ситуа-

ции. В 2012—2013 гг. стороны вели переговоры по заключению соглашения между Россией и США о защите ценностей, но в 2014 г. они были приостановлены [5]. Это стало серьезной проблемой. Как пример, можно назвать заморозку всех видов музейных и библиотечных обменов в результате решения федерального судьи округа Колумбия Р. Ламберта по иску хасидской общины по вопросу принадлежности коллекции Шнеерсона [5].

В 2014 г. администрация Б. Обамы, избрав путь конфронтации с Москвой, на основе закона «О защите жертв торговли людьми» решила свернуть гуманитарное сотрудничество с Российской Федерацией. В 2016 г. президент США подтвердил это решение, а в октябре 2017 г. подобное сделал уже Д. Трамп, запретив финансирование из федерального бюджета культурных и образовательных программ с рядом государств, в том числе и с Россией. Тем не менее, Вашингтон сделал оговорку о возможности ограниченного сотрудничества, если оно будет отвечать американским интересам. В сложившейся ситуации позитивную роль играл негосударственный сектор, который позволял сохранять связи между театральными школами, оперными театрами и балетными труппами, филармоническими организациями, фестивалями искусств, кинокомпаниями и издательствами двух стран. Так, галерея АВА из Нью-Йорка продолжала сотрудничество с крупнейшими российскими выставочными залами и музеями. Представители частного бизнеса сотрудничали в проекте «Форт Росс» и т. д. [8].

В 2018 г. посол России в Вашингтоне А. Антонов отмечал, что в сфере культурного сотрудничества между двумя странами ситуация развивается намного лучше, нежели в других сферах, а российская культура остается востребованной среди американцев. Дипломат объяснял это тем, что оно находилось за рамками официальных контактов, поскольку в Соединенных Штатах нет министерства культуры, а большинство учреждений имеют полную самостоятельность и ориентируются, в первую очередь, на спрос аудитории [9]. Так, многие российские актеры планировали свои гастрольные графики в США с учетом интересов американского зрителя. Значимость культурного взаимодействия двух держав подтверждала и американская сторона. Так, в октябре 2020 г. посол США в Москве Дж. Салливан в интервью «Независимой газете» назвал в качестве наиболее важных именно культурно-гуманитарные связи, которые сближают страны и народы в условиях осложнения политической ситуации между двумя странами [2]. Однако поступательное ухудшение двусторонних отношений все же затронуло и культурное сотрудничество. Культурная дипломатия так и не смогла вывести двусторонние отношения из зоны

турбулентности. Ряд недружественных шагов Вашингтона, принятых с 2014 г., в итоге вынудили Москву пойти на ответные меры. 30 мая 2022 г. Россия вышла из меморандума о сотрудничестве с США в сфере культуры от 1998 г. Комментируя данное решение российского правительства, спецпредставитель президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству М. Швыдкой заявил агентству «Интерфакс», что «ничего хорошего в этом нет». Однако, по его мнению, в условиях, когда Вашингтон придерживается «оголтелой русофобской позиции», это решение Москвы принципиально ничего не меняет [10].

Следует отметить, что внешняя культурная политика позволяет государству оказывать непосредственное влияние на своих зарубежных партнеров. Однако в российско-американском культурном сотрудничестве Россия оказалась в роли объекта мощной американской культурной экспансии, особенно в сфере массовой культуры. Российское культурное влияние на американское общество было значительно меньше, распространяясь в основном на соотечественников и ценителей высокой классической культуры из числа американцев.

Как правило, развитие культурного сотрудничества между Российской Федерацией и США зависело от решений и действий американской стороны. На фоне общей атмосферы ухудшения двусторонних отношений, начавшегося во втором десятилетии XXI в., культурные связи оказались подвержены негативным явлениям в наименьшей степени. До весны 2022 г. взаимодействие в сфере культуры по государственной линии (посольств и иных официальных организаций), а также по линии частных структур было весьма продуктивно и в целом развивалось в позитивном ключе, несмотря на отдельные проблемы, возникавшие по вине Соединенных Штатов. Однако усиление конфронтации между Российской Федерацией и США вынудило Москву пойти на ряд ответных мер, коснувшихся и сферы культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хартия российско-американского партнерства и дружбы. 17 июня 1992 г., Вашингтон // Внешняя политика России: сб. документов. 1990—1992 / МИД РФ; ред.: Л. И. Гецелевич. — М.: Междунар. отношения, 1996. — С. 431—437.
2. Ремчуков, К. Интервью посла США в России Джона Салливана «Независимой газете» [Электронный ресурс] / К. Ремчуков // Посольство и консульства США в Российской Федерации. — 23.10.2020. — Режим доступ: <https://ru.usembassy.gov/ru/ambassador-sullivans-interview-with-nezavisimaya-gazeta-ru/>. — Дата доступа: 31.08.2022.

3. Иванян, Э. А. Культурный аспект российско-американских отношений [Электронный ресурс] / Э. А. Иванян // Россия и Америка в XXI в.: электронный научный журнал. — 2007. — № 1. — Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15001888_34202554.htm. — Дата доступа: 31.08.2022.

4. Культурные связи [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в США. — Режим доступа: <https://washington.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/cultural-connections/>. — Дата доступа: 31.08.2022.

5. Васильев, В. Михаил Швыдкой: потенциал российско-американских культурных отношений огромен / В. Васильев [Электронный ресурс] // Голос Америки. — 2016. — 02 мая. — Режим доступа: <https://www.golosameriki.com/a/shvydkoi-russia-us/3311314.html>. — Дата доступа: 31.08.2022.

6. Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации [Электронный ресурс] // Кодекс. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901724330>. — Дата доступа: 31.08.2022.

7. Горячева, Ю. «Вписать русскую культуру и историю в Америку» [Электронный ресурс] / Ю. Горячева, О. Зацепина // Русский мир. — 18.05.2020. — Режим доступа: <https://russkiymir.ru/publications/272675/>. — Дата доступа: 31.08.2022.

8. Швыдкой: Культурные связи РФ и США считались «священной короной» [Электронный ресурс] // Рос. газета. — № 223. — 03.10.2017. — Режим доступа: <https://rg.ru/2017/10/03/shvydkoj-kulturnye-sviasi-rf-i-ssha-schitalis-sviashchennoj-korovoj.html>. — Дата доступа: 31.08.2022.

9. Антонов: культурное сотрудничество США и РФ развивается успешнее, чем другие сферы [Электронный ресурс] // ТАСС. — 16.09.2018. — Режим доступа: https://tass.ru/politika/5563839?utm_source=yandex.by&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.by&utm_referrer=yandex.by. — Дата доступа: 31.08.2022.

10. Акиншина, Т. Россия выходит из меморандума с США о сотрудничестве в сфере культуры, образования и СМИ [Электронный ресурс] / Т. Акиншина // Коммерсантъ. — 30.05.2022. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5380211>. — Дата доступа: 31.08.2022.

ВОЕННЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ МИССИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: РИТОРИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

И. С. Кузнецова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: kuznira@bsu.by*

В статье проведен анализ военных и гражданских миссий Европейского союза. В статье делается попытка установить, как эти миссии развивались с течением времени и как они повлияли на ЕС как международного актора.

Ключевые слова: военные и гражданские миссии Европейского союза; общая политика безопасности и обороны Европейского союза.

EUROPEAN UNION MILITARY AND CIVILIAN MISSIONS: RHETORIC AND REALITY

I. S. Kuznetsova

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: kuznira@bsu.by

The article analyses the military and civilian missions of the European Union. The article attempts to establish how these missions have evolved over time and how they have affected the EU as an international actor.

Keywords: *European Union military and civilian missions; Common Security and Defence Policy of the European Union*

В соответствии со статьей 42 Договора о Европейском союзе (далее — ЕС) 1992 г. ЕС может осуществлять миссии с использованием гражданских и военных средств за пределами Евросоюза с целью обеспечить поддержание мира, предотвращение конфликтов и укрепление международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН. Согласно статье 43 Договора о ЕС 1992 г. миссии, в рамках которых Союз может прибегать к гражданским и военным средствам, включают: совместные операции по разоружению; гуманитарные миссии и миссии по эвакуации; миссии, связанные с предоставлением советов и содействия в военной сфере; миссии по предотвращению конфликтов и поддержанию мира; миссии боевых подразделений по урегулированию кризисов, в том числе миссии по восстановлению мира и стабилизационные операции по окончанию конфликтов [1]. Все эти миссии могут содействовать борьбе с терроризмом, в том числе путем оказания поддержки третьим странам в борьбе с терроризмом на их территории. Таким образом, широкое понятие «управление кризисом» охватывает различные угрозы и весь конфликтный цикл, начиная от предотвращения и вмешательства и завершая миростроительством.

Любая миссия, как военная, так и гражданская требует единогласия в Совете, при этом в них может быть задействовано разное количество государств — членов ЕС. На решения о начале, финансировании, осуществлении и прекращении таких миссий влияет целый ряд факторов: уровень поддержки со стороны ведущих государств-членов, приоритеты ЕС и его ключевых институтов, вызовы безопасности в соседних с Европой странах и изменения в поведении держав (США, России и Китая).

Следует подчеркнуть, что до 2003 г. ЕС не мог перейти от планов к реальной политике в области безопасности. Однако начиная с 2003 г. ЕС перешел к практической реализации общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО).

1 января 2003 г. была начата первая полицейская миссия ЕС в Боснии и Герцеговине *EUPM*, мандат которой неоднократно продлевался. Цель миссии заключалась в содействии властям в реформировании правоохранительных органов и подготовке национальных полицейских кадров [2].

Вслед за полицейской миссией ЕС в Боснии и Герцеговине ЕС начал свою первую военную операцию *Concordia*. 18 марта 2003 г. по приглашению бывшей югославской республики Македонии силы ЕС приняли руководство операцией НАТО *Allied Harmony* с целью обеспечения безопасности, необходимой для проведения в жизнь Охридского соглашения. В отличие от полицейской миссии в Боснии и Герцеговине, *Concordia* использовала не только собственные ресурсы ЕС, а также поддержку со стороны НАТО, которая включала помощь в планировании и материально-техническом оснащении. Таким образом, *Concordia* представляет собой первую военную операцию ЕС, а также практическое внедрение стратегического соглашения «Берлин-плюс» по линии ЕС — НАТО. После запроса властей бывшей югославской республики Македонии решением Совета от 21 июля 2003 г. мандат *Concordia* был продлен до 15 декабря 2003 г. Операцию сразу сменила новая полицейская миссия ЕС в регионе под названием *Proxima* [3].

Начатая 15 декабря 2003 г. *Proxima* является полицейской миссией, в которой принимали участие 200 полицейских экспертов ЕС, контролировавших и консультировавших полицию страны по вопросам борьбы с организованной преступностью, а также в поддержании европейских полицейских стандартов [4].

Вслед за миссией *Proxima* последовала полицейская миссия *EUPAT*. Под руководством специального представителя и в тесном сотрудничестве с правительством страны эксперты консультировали и контролировали полицию страны по вопросам в области пограничной полиции, общественного порядка, борьбы против коррупции и организованной преступности [5].

В июне 2003 г., в ходе проверки военного потенциала, ЕС отправил миротворческие силы (2 тыс. человек) в Итури, нестабильный регион на северо-востоке Демократической Республики Конго. Военная операция *Artemis RD Congo* стала первым военным дислоцированием ЕС за пределами Европы без использования ресурсов НАТО. Операция *Artemis RD Congo* ставила целью стабилизировать обстановку в регионе и улучшить гуманитар-

ную ситуацию в Буниа. Операция закончилась в начале сентября 2003 г. после передачи ответственности миротворцам ООН, которые имели более широкий мандат [6].

После 2004 г. баланс сместился в сторону проведения гражданских миссий. Как отметил профессор Кристоф О. Мейер, гражданские миссии были менее затратными и менее политически противоречивыми для ЕС, особенно в условиях, когда общественное мнение в большинстве государств-членов стало все более скептически относиться к военным интервенциям после развертывания миссий в Ираке и Афганистане [7, р. 5]. Проведение новых миссий с 2012 г. в Сахеле и на Африканском Роге, а также операция «София» 2015 г. по борьбе с контрабандой людей в Средиземном море (*EUNAVFOR Med*) свидетельствовали о росте политической поддержки миссий ОПБО и усилении внешнеполитических амбиций ЕС. Следует отметить, ЕС провел и завершил 19 миссий и операций с использованием как военных, так и гражданских инструментов [8].

В настоящее время ЕС проводит семь военных операций. Четыре из них являются военными учебными миссиями, действующими в Мали, Мозамбике, Сомали и Центральноафриканской Республике, и три являются военными операциями с исполнительным мандатом. Это операция *EUNAVFOR «Атланта»* на побережье Сомали, операция *EUNAVFOR MED IRINI* на Средиземном море, операция *EUFOR «Алтея»* в Боснии и Герцеговине. ЕС также осуществляет одиннадцать гражданских миссий по кризисному регулированию [9].

В 2012 г. ЕС начал проведение гражданской миссии *EUCAP SAHEL Niger* в целях укрепления потенциала нигерийских сил безопасности в борьбе с терроризмом, организованной преступностью на основе скоординированного подхода для повышения политической стабильности, безопасности в Нигере и в районе Сахеля [10].

В свою очередь, гражданская миссия *EUCAP Somalia* запущенная в 2016 г., способствует созданию и наращиванию потенциала морских гражданских правоохранительных органов в Сомали [11].

По решению Совета в мае 2013 г. стартовала гражданская миссия ЕС *EUBAM Libya* по поддержке ливийских властей в деле укрепления безопасности на границах страны. *EUBAM* дополняет Миссию ООН, созданную в 2011 г. по просьбе ливийских властей для поддержки новых переходных властей страны в их постконфликтных усилиях [12].

Миссия ЕС по содействию в реформировании сектора безопасности Мали *EUCAP SAHEL MALI* развернута с 10 июня 2014 г. на

основании решения Совета от 15 апреля 2014 г. Целью миссии является оказание содействия малийским властям в подготовке сил внутренней безопасности и обеспечение устойчивой работы органов государственного управления [13].

В Центральноафриканской Республике ЕС проводит гражданскую миссию *EUAM RCA*. Миссия предоставляет стратегические консультации Министерству внутренних дел и общественной безопасности Центральноафриканской Республики, а также силам внутренней безопасности [14].

Организованная в 2008 г. миссия *EULEX* в Косово является самой крупной гражданской операцией в истории ЕС в рамках ОПБО. Заявленная цель миссии — оказание содействия властям края в обеспечении общественного порядка в период после провозглашения независимости Косово. Миссия включает четыре компонента — полицейский, судебный, таможенный и административный [15].

В рамках оказания содействия процессу ближневосточного урегулирования *EUBAM Rafah* продолжает оказывать помощь Главному управлению пограничных и контрольно-пропускных пунктов Палестины, предоставляя и координируя стратегические консультации, обучение и оборудование [16]. Миссия *EUROPOL COPPS* первоначально была создана в 2006 г. как полицейская миссия. С 2008 г. целью миссии является помощь Палестинской администрации в создании ее институтов с упором на реформы сектора безопасности и правосудия [17].

В Ираке ЕС проводит консультативную миссию *EUAM Iraq*, стартовавшую в 2017 г. в ответ на запрос правительства Ирака. Стратегической целью миссии является поддержка иракского правительства в достижении прочного мира, стабильности и безопасности в Ираке и в регионе в целом путем предоставления стратегических рекомендаций иракскому сектору безопасности [18].

Миссия наблюдателей ЕС в Грузии, учрежденная в 2008 г., является невооруженной гражданской миссией по наблюдению. Гражданский персонал миссии наблюдает за соблюдением всеми сторонами Соглашения, заключенного при посредничестве ЕС от 12 августа, подписанного Грузией и Россией, и Соглашения о мерах по осуществлению от 8 сентября 2008 г. [19].

На территории Украины также развернута гражданская миссия ЕС, которая стартовала еще в декабре 2014 г. для консультирования органов государственной безопасности по вопросам безопасности, полиции, судебной власти, прокуратуры, борьбы с коррупцией и прав человека. В 2022 г. миссия эвакуировалась из Украины, но остается в режиме ожидания в регионе [20].

Наиболее крупной военной операцией ЕС по урегулированию ситуации в кризисном регионе является операция в Боснии и Герцеговине *EUFOR ALTHEA*. Она проводится с декабря 2004 г. в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1576 с целью недопущения эскалации напряженности в зоне кризиса на межэтнической почве. Военная операция насчитывает около 7000 человек. В состав многонациональной группировки войск входят воинские контингенты государств — участников ЕС и ряда государств, не являющихся членами ЕС. Общее руководство операцией осуществляет Военный комитет ЕС. Для своевременного информирования командования *EUFOR* созданы региональные и координационные центры, каждому из которых подчинены до десяти развернутых на местах наблюдательных групп [21].

ЕС активизирует свои усилия по выполнению эмбарго ООН на поставки оружия в Ливию, путем запуска военной операции *EUNAVFOR MED IRINI* в рамках ОПБО в Средиземноморье, основной задачей которой является выполнение эмбарго ООН на поставки оружия в Ливию с использованием воздушных, спутниковых и морских средств [22].

Операция европейских военно-морских сил в Сомали «Аталанта» — военная операция по борьбе с пиратством, проводимая на море у берегов Африканского Рога и в западной части Индийского океана. Она является первой морской операцией в рамках ОПБО ЕС, в которой отдельные государства-члены объединились под флагом ЕС. С момента своего запуска в 2008 г. целью операции является обеспечение безопасности на море у побережья Сомали в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. [23].

Военные учебные миссии уполномочены оказывать помощь вооруженным силам соответствующих государств в восстановлении их военного потенциала путем предоставления обучения, консультаций, внештатного сопровождения и военной помощи.

Таким образом, в рамках ОПБО ЕС провел более тридцати миссий и операций с использованием как гражданских, так и военных инструментов на разных континентах: в Европе, Африке и Азии. При этом, начиная с 2007 г. ЕС провел значительное количество миссий и операций в Африке, однако не проводил миссий в Северной и Южной Америке. Анализ проведенных ЕС миссий позволяет констатировать, что ЕС проводит операции и миссии по всему спектру задач, перечисленных в статье 43 Договора о ЕС 1992 г. В последние годы ЕС развернул новые типы миссий, ставящих целью осуществление соглашений о прекращении огня, укрепление авиационной безопасности, а также предотвращение

и пресечение актов пиратства. Вместе с тем они развертываются во все более спорных условиях.

ЕС удалось создать прочную правовую и институциональную основу ОПБО, однако способность ЕС действовать автономно по-прежнему сдерживается постоянной нехваткой ресурсов для проведения операций, а также отсутствием единой политической воли. Главной проблемой остается межправительственный характер ОПБО, что зачастую мешает ЕС принимать быстрые решения в кризисной ситуации. Кроме того, Союзу все еще необходимо достичь своих собственных заявленных целей по управлению кризисами. Глобальная стратегия ЕС подтвердила приверженность ЕС целям, поставленным еще в 1999 г., несмотря на то, что государства-члены не выполнили эти обязательства. И хотя ЕС развернул, начиная с 2003 г., военные операции и миссии, ни одно из этих развертываний не послужило доказательством, что ЕС может достичь первоначальных целей, указанных еще в 1999 г. ЕС по-прежнему не хватает ключевых возможностей для проведения военных операций автономно по всему спектру задач. Безусловно, ЕС предпринял ряд инициатив, чтобы усилить свои операционные возможности, вместе с тем следует констатировать, что большинство из них так и остались не реализованными на практике. Главной проблемой оборонной политики ЕС является существующее противоречие. С одной стороны, миссии проводимые ЕС в настоящее время свидетельствуют о растущих внешнеполитических амбициях ЕС. С другой, как справедливо отмечено в аналитической записке, выпущенной Королевским оборонным колледжем Дании, пусть и по отношению к миссиям, проведенным на Африканском континенте, наблюдается отсутствие «реалистичного баланса между уровнем амбиций и имеющимися ресурсами» [24, р. 13].

В силу того, что у ЕС на данном этапе отсутствуют возможности для урегулирования кризисов большого масштаба, он может проводить операции малого и среднего масштабов или действовать в начале крупномасштабной операции. ЕС, проводя миротворческие и военные миссии, сохраняет тесное взаимодействие с НАТО. Фактически силы ЕС действуют в тех же регионах, что и силы НАТО, но они были привлечены уже на постконфликтном этапе или для урегулирования кризисов низкой интенсивности. Здесь очевидно противоречие. С одной стороны, ЕС ставит цель действовать автономно, где это необходимо, а с другой стороны, желает укреплять отношения с НАТО. Продолжающаяся зависимость от ресурсов НАТО, в силу отсутствия собственных систем и средств обеспечения боевых операций, по-прежнему будут препятствовать стратегической автономии ЕС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. — Vol. 59, C202 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2016:202:FULL&from=EN>. — Date of access: 10.09.2022.
2. EUPM / BiH [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/csdp/missions-and-operations/eupm-bih/index_en.htm. — Date of access: 11.09.2022.
3. CONCORDIA / FYROM [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/csdp/missions-and-operations/concordia/index_en.htm. — Date of access: 11.09.2022.
4. EUPOL PROXIMA / FYROM [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/csdp/missions-and-operations/proxima-fyrom/index_en.htm. — Date of access: 12.09.2022.
5. EUPAT [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/csdp/missions-and-operations/eupat/index_en.htm. — Date of access: 12.09.2022.
6. ARTEMIS/DRC [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/csdp/missions-and-operations/artemis-drc/index_en.htm. — Date of access: 12.09.2022.
7. Meyer, C. O. CSDP Missions and Operations / C. O. Meyer // Policy Department for External Relations. Directorate General for External Policies of the Union, 2020. — 16 p.
8. Completed EU missions and operations [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: https://www.eeas.europa.eu/eeas/missions-and-operations_en#11927. — Date of access: 13.09.2022.
9. Ongoing missions and operations [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: https://www.eeas.europa.eu/eeas/missions-and-operations_en#11927. — Date of access: 13.09.2022.
10. EUCAP Sahel Niger [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: <https://www.eucap-sahel.eu/>. — Date of access: 14.09.2022.
11. EUCAP SOMALIA [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: <https://www.eucap-som.eu/>. — Date of access: 14.09.2022.
12. EUBAM Libya [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: https://www.eeas.europa.eu/eubam-libya_en. — Date of access: 14.09.2022.
13. EUCAP SAHEL MALI [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: https://www.eeas.europa.eu/eucap-sahel-mali_en. — Date of access: 14.09.2022.
14. EUAM RCA [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: https://www.eeas.europa.eu/euam-rca_en. — Date of access: 14.09.2022.

15. EULEX KOSOVO [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: <https://www.eulex-kosovo.eu/>. — Date of access: 14.09.2022.
16. EUBAM Rafah [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: <https://www.eubam-rafah.eu/>. — Date of access: 14.09.2022.
17. EUPOL COPPS [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: <https://eupolcopps.eu/>. — Date of access: 14.09.2022.
18. EUAM Iraq [Electronic resource] // The European External Action Service [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.euam-iraq.eu/>. — Date of access: 14.09.2022.
19. EUMM GEORGIA [Electronic resource] // The European External Action Service [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.eumm.eu/>. — Date of access: 14.09.2022.
20. EUAM UKRAINE [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: <https://www.euam-ukraine.eu/>. — Date of access: 14.09.2022.
21. EUFOR ALTHEA [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: <https://euforbih.org/>. — Date of access: 14.09.2022.
22. EUNAVFOR MED IRINI [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: <https://www.operationirini.eu/>. — Date of access: 14.09.2022.
23. EUNAVFOR SOMALIA [Electronic resource] // The European External Action Service. — Mode of access: <https://eunavfor.eu/>. — Date of access: 14.09.2022.
24. Successes and Shortfalls of European Union Common Security and Defence Policy Missions in Africa: Libya, South Sudan, the Democratic Republic of the Congo and the Central African Republic / G. H. Christensen [et al.]. — Royal Danish Defence College, 2017. — 13 p.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПОСОЛЬСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

С. А. Лашкевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: lash5@bsu.by*

В статье рассматриваются вопросы, связанные со многими аспектами формирования и функционирования дипломатических миссий Великого княжества Литовского в иностранные государства во второй половине XVI в. Отмечается исключительная роль дипломатов княжества в развитии контактов с Московским государством, что было продиктовано разделением дипломатической работы между Великим княжеством и Польшей в рамках единой Речи Посполитой. Отдельная роль при исследовании отводится изучению дипломатического церемониала, существовавшего в Речи Посполитой и Московском государстве в обозначенный период. Исследуются вопросы, связанные с

финансированием дипломатических миссий, а также упоминаются некоторые аспекты деятельности московских дипломатов в Речи Посполитой.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Речь Посполитая; Московское государство; международные отношения; внешняя политика; дипломатия; дипломатический церемониал.

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE INSTITUTE OF THE EMBASSY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE SECOND HALF OF THE XVI CENTURY

S. A. Lashkevich

Belarussian State University

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: lash5@bsu.by

The article deals with issues related to many aspects of the formation and functioning of diplomatic missions of the Grand Duchy of Lithuania to foreign countries in the second half of the XVI century. The exceptional role of the Principality's diplomats in the development of contacts with the Moscow state is noted, which was dictated by the division of diplomatic work between the Grand Duchy and Poland within the framework of a single Polish-Lithuanian Commonwealth. A separate role in the study is given to the study of the diplomatic ceremonial that existed in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Moscow state during the designated period. The issues related to the financing of diplomatic missions are investigated, and some aspects of the activities of Moscow diplomats in the Polish-Lithuanian Commonwealth are also mentioned.

Keywords: *Grand Duchy of Lithuania; Polish-Lithuanian Commonwealth; Moscow State; International Relations; Foreign Policy; Diplomacy; Diplomatic Ceremonial.*

Институт посольства Великого княжества Литовского (ВКЛ) формировался под влиянием, как дипломатических традиций княжества, так и традиций Западной Европы, и, в первую очередь, Короны Польской. Большое влияние на развитие института посольства оказала московская дипломатия. Посол в Великом княжестве Литовском решал различные вопросы как внутри государства, так и за его пределами. Институт посольства был отражен в III Статуте ВКЛ 1588 г., где есть положение о неприкосновенности посла. В будущем данное положение было использовано в западноевропейской традиции, где оно стало основой для привилегий и иммунитета европейских дипломатов [1, s. 171].

Во второй половине XVI в. в Великом княжестве Литовском не существовало учреждений, которые бы готовили специалистов в области международных отношений. К соответствующей работе привлекались лица, действовавшие в других сферах. Канцелярия Великого княжества Литовского была основным центром, откуда велся набор дипломатов. Именно писари, секретари, дьяки и толмачи были основным резервом при формировании посольств.

Канцлеры и подканцлеры княжества, как правило, возглавляли посольства, поскольку имели опыт государственной службы. В канцелярии будущие дипломаты получали необходимые теоретические знания для ведения переговоров, правила дипломатического этикета и изучали традиции соседних государств. Владение несколькими иностранными языками давало преимущество специалисту при назначении в посольство [2, с. 65].

В последней трети XVI в. существовал механизм организации посольств в иностранные государства. Кандидатуру посла утверждал король и великий князь Речи Посполитой. Посольство, которое направлялось в Московское государство, подготавливалось канцлером ВКЛ, а его состав утверждался Сенатом Речи Посполитой. Во время периодов «бескоралевья» в Речи Посполитой подбор кандидатуры поручался Раде ВКЛ. Например, во время первого «бескоралевья» 1572—1573 гг. Рада Великого княжества Литовского от своего имени направляла посольства в Москву и Францию, что вызвало большое недовольство поляков и нарушало условия Люблинской унии [3, с. 826].

Посольства Великого княжества Литовского финансировались из литвинской казны, что позволяло руководству ВКЛ контролировать денежные средства, направленные на осуществление дипломатии [4, с. 44]. В связи с разделением дипломатической работы между ВКЛ и Коронай Польской в канцелярии княжества работали специалисты по отношениям с Московским государством, которые неоднократно ездили с посольством в это государство. Так, литвинский писарь Михаил Гарабурда за свою жизнь шесть раз побывал в посольствах, которые отправлялись в Москву. Однако большой опыт в дипломатии не способствовал его карьерному росту. Успешной карьерой можно считать рост Л. Сапеги, который после удачного посольства в Московское государство 1584 г. в 1585 г. получил от короля Речи Посполитой должность подканцлера Великого княжества [5, s. 147].

Численный состав дипломатических миссий зависел от ранга миссии и от государства, куда она направлялась. Самые большие по численности дипломатические миссии направлялись в Московское государство. Так, миссия гонцов Великого княжества Литовского состояла в среднем из 20—30 человек, миссия посланников из 150—200, посольства включали в себя 300—400 человек. Великое посольство Л. Сапеги 1584 г. в Московское государство, в которое входили купцы, челядь, священники, писари и т. д., состояло из 900 человек. Значительный состав посольства свидетельствовал о высоком положении дипломата и одновременно о заинтересованности государства вести переговоры по спорным межгосударственным вопросам [1, s. 186]

Иностранные послы в Великом княжестве Литовском должны были придерживаться дипломатического церемониала, состоявшего из совокупности норм и правил, регламентировавших дипломатическую деятельность. Правила и нормы дипломатического церемониала не были законодательно оформлены и опирались на традиции межгосударственного общения. Дипломатический церемониал княжества существенно не отличался от церемониала Короны. Организация дипломатических переговоров, как правила, начиналась с инициативы отправления посольства. Отправить посольство первым означало оказаться в положении просителя или признать себя побежденным. Так, по отношению к Великому княжеству Литовскому московская дипломатия делала этот принцип частью своей идеологии. Несмотря на это, после тяжелых поражений от Стефана Батория Иван IV был вынужден послать к нему своих представителей [6, с. 26].

Учитывая значительное расширение отношений между Великим княжеством Литовским и Московским государством в XVI в., можно понять, почему в дипломатии этих государств большое значение придавалось дипломатическому протоколу. Великокняжеская канцелярия признавала за правителями Московского государства только титул «великий князь Московский», оставляя без внимания продолжение «...царь, всея большие и малые, белые России самодержавец». Понятно, что этот титул содержал угрожающую внешнеполитическую программу, поскольку и «малые, белые России» находились в составе ВКЛ. Поэтому московские послы следили за сохранением титула и выражали резкие протесты, когда он употреблялся неточно [7, с. 23].

Важным этапом организации дипломатических переговоров являлась подготовка и отправка посольства. Этому всегда предшествовала процедура получения «опасных писем». «Опасные письма» в Великом княжестве Литовском издавала канцелярия за подписью канцлера или подканцлера. Количественный состав, материальное обеспечение и скорость движения посольства зависели от его представительства.

От границы государства до столицы иностранных послов сопровождали старосты близлежащих городов. При этом они были обязаны следить за послами, чтобы те не вступали в контакт с местным населением. Существовала угроза шпионской деятельности со стороны послов [8, с. 620—621]. На территории Великого княжества Литовского эти функции совершал урядник или пристав. В Варшаве послов встречал маршалок.

Как правило, иностранное посольство располагалось на специально отведенном месте в столице государства. В Москве это

был посольский двор. Из посольского двора дипломатическая миссия направлялась на переговоры, а после них возвращалась обратно. Послов принимал король и великий князь Речи Посполитой. В случаях, когда трон являлся вакантным, послов принимал глава Римско-католической церкви — архиепископ гнезденский. Во время «бескоралевя» московские посольства принимала Рада Великого княжества. Прием, как правило, проходил в Кракове, Варшаве, Вильно, однако монарх мог принимать посольство и в других населенных пунктах. Церемонией встречи руководил предводитель Земский. Перед входом послов встречал специальный пристав, который сопровождал их к месту встречи с монархом. Иногда послов встречали праздничным салютом [9, с. 21]. Затем король приветствовал послов в своей резиденции в присутствии сенаторов, которые стояли, не снимая головных уборов. После этого послы зачитывали верительные грамоты. На речь посла канцлер отвечал на латинском языке.

Вместе с королем и великим князем Речи Посполитой в зале приема присутствовали сенаторы и представители шляхетства. По ходу посольства располагались пехотинцы. Перед входом в зал послов встречали два каштеляна. Заходя в зал, послы должны были снимать головные уборы. Подойдя к трону, послы представлялись монарху. После окончания церемонии представления послам разрешалось сесть на подготовленную скамью, накрытую ковром. После этого послы имели право выразить цель приезда. От имени монарха Речи Посполитой с ответственным словом обращался канцлер Великого княжества Литовского. В своем заявлении он перечислял лиц, имевших полномочия вести переговоры от имени короля и великого князя, и называл место проведения переговоров. Вслед за литвинским канцлером выступал канцлер коронный, который подтверждал слова канцлера ВКЛ. На этом церемониал приветствия заканчивался, и обе стороны приступали к переговорам [9, с. 21]. Перед началом переговоров их участники должны были приветствовать другую сторону и помолиться за успех.

Среди дипломатического церемониала особое место уделялось вручению подарков. Такое явление было только по отношению к Москве и государствам Востока. Московские послы очень строго следили за приемом подарков. Монарх Речи Посполитой не мог присвоить себе переданные ему подарки. Подарки ложились в специальном помещении и при отъезде послов на родину возвращались им. При этом король должен был не только вернуть послам их дары, но и передать им подарки от себя. Практика дарения вызвала неудовольствие со стороны магнатов Речи Посполитой. Представители Великого княжества отказывались

выделять из казны государства средства на подарки послам, ссылаясь на то, что метрики не предусматривают данной процедуры, и стояли на том, чтобы средства на подарки выделялись из казны короля [10, с. 148].

В ходе переговоров послы Речи Посполитой руководствовались инструкциями, которые составлялись в канцеляриях княжества и Короны под руководством соответствующих канцлеров или подканцлеров [10, с. 129—130]. В некоторых случаях сама дипломатическая практика требовала затягивания переговоров для более выгодных для государства мирных условий. Переговоры между Великим княжеством Литовским и Московским государством, как правило, растягивались на несколько дней. До конца переговоров, когда они проходили на территории Речи Посполитой, иностранные послы находились на иждивении монарха.

Когда переговоры заканчивались успешно, принимающая сторона обязательно организовывала пир от имени монарха. В нем принимала участие почти вся делегация дипломатической миссии, исключением были представители низшего сословия. Купцы, которые ехали вместе с посольством, стремились во время пребывания дипломатической миссии в государстве реализовать свой товар. Количество купцов при посольствах иногда достигало нескольких сотен, что способствовало активизации торговли между государствами [9, с. 25]. По мнению автора, литвинский дипломатический церемониал также не содержал такого четкого идеологического содержания, как русский. После окончания переговоров посольство направлялось на родину. Посол совершал последний визит к королю, после чего отбывал на родину. Время в пути между Москвой и Вильно занимало несколько недель. Как правило, за послом и его свитой следили приставленные люди, чтобы те не занимались разведывательной деятельностью.

Дипломатическая служба Великого княжества Литовского требовала постоянных финансовых расходов, источником которых были государственные налоги [1, с. 191—192]. Расходы на дипломатию между Княжеством и Короной в Речи Посполитой разделились приблизительно в соотношении 1:3, но дипломатические миссии финансировались Великим княжеством и Королевством Польским отдельно [11, с. 11—12]. При этом активность дипломатических акций княжества непосредственно зависела от положения казны.

Таким образом, обязанности и функции послов выполняли, как правило, личности шляхетского происхождения. В Московское государство направлялись посольства, состоявшие как из представителей Великого княжества Литовского, так и Польши. Соответственно было два руководителя посольства — со стороны

княжества и со стороны Польши. Представители Великого княжества Литовского на переговорах с Московским государством имели как численное, так и профессиональное превосходство над польской делегацией. Со стороны княжества в состав посольств, как правило, включались представители восточных уездов, что было обусловлено соответствующей информированностью человека о внутривосточной ситуации в Московском государстве. Посольства имели временный характер и образовывались для решения конкретных задач, после выполнения своей миссии отпускались. Закрепилась практика направлять в Москву одних и тех же представителей Великого княжества Литовского, что было обусловлено совершенным знанием проблематики переговоров. В практике дипломатических отношений с Московским государством закрепились два языка — польский, когда посольство действовало от короны или общего Сейма, и русский или старобелорусский, когда послы выступали от княжества. Дипломатический церемониал княжества, по сравнению с Московским государством, был более либеральным, что было обусловлено влиянием европейской традиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Polska służba dyplomatyczna od XVI do XVIII w. — Warszawa, 1966. — 348 s.
2. Лашкевіч, С. А. Дыпламатычная служба Вялікага Княства Літоўскага ў апошняй трэці XVI ст. / С. А. Лашкевіч // Журн. міжнарод. права і міжнарод. адносін. — 2005. — № 4. — С. 63–66.
3. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. 1463–1584. / С. М. Соловьев // Кн. III. Худож. — офор. И.Г. Сальникова. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. — 992 с.
4. Filipczak-Kocur, A. Skarb litewski za pierwszych dwu Wazów. 1587–1648. / A. Filipczak-Kocur // — Wrocław: Wyd-wo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. — 120 s.: il. + Aneks (24 s.).
5. Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy. Opracowali Henryk Luliewicz i Andrzej Rachuba. — Kornik, 1994. — 255 s.
6. Цішчанка, В. В. Дыпламатычная служба ВКЛ у канцы XIV — першай трэці XVI ст. / В. В. Цішчанка // Беларускі гістарычны часопіс. — 2005. — № 4. — С. 22–29.
7. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. — М.: МГУ, 1988. — 429 с.
8. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. — Т. 3: 1560–1571 гг. / Под ред. Г. Ф. Карпова. // Сб. Императорского русского исторического общества. — СПб.: Тип. Моск. ун-та, 1892. — Т. 71. — 630 с.
9. Тихомиров, А. В. Порядок приема зарубежных посольств и ведение дипломатических переговоров в Речи Паспалитой (2-я половина

XVI — XVII вв.). / А. В. Тихомиров // Беларусь і свет. Альманах. Т. 1. — Мінск, 1999. — С. 19—27.

10. Historia dyplomacji polskiej. Т. II. / Pod red. Z. Wójcika; Oprac. J. Gierowski. — Warszawa: PWN, 1982. — 775 s.

11. Банёнис, Э. Д. Посольская служба Великого княжества Литовского (середина XV—1569): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 00.07.02 / Э. Д. Банёнис // Ин-т истории АН Литвы. — Вильнюс, 1982. — 21 с.

КРАТКИЙ ОБЗОР УЧАСТИЯ КНР В РАБОТЕ ВСЕМИРНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ И ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (1971—2002 гг.)

Ма Джин Юй

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: jing_yu@mail.ru*

В работе рассматривается политика Китайской Народной Республики (КНР) по отношению к учреждениям Организации Объединенных Наций гуманитарного характера в 1971—2002 гг., прежде всего, сотрудничество со Всемирной продовольственной программой (ВПП) и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Отмечено, что сотрудничество с ВПП позволило КНР преодолеть проблемы дефицита питания. В сотрудничестве с ВОЗ власти КНР смогли добиться исчезновения малярии в Китае, а также значительно улучшить национальную систему здравоохранения.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; ООН; Всемирная продовольственная программа; Всемирная организация здравоохранения; гуманитарное сотрудничество.

BRIEF REVIEW OF THE PRC'S PARTICIPATION IN THE ACTIVITIES OF THE WORLD FOOD PROGRAMME AND THE WORLD HEALTH ORGANIZATION (1971—2002)

Ma Jingyu

*Belarusian State University,
Niezaliezności Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: jing_yu@mail.ru*

The article considers the policy of the People's Republic of China (PRC) towards the humanitarian agencies of the United Nations in 1971—2002, mainly, towards the cooperation with the World Food Programme (WFP) and the World Health Organization (WHO). It is emphasised that the cooperation with WFP allowed PRC to overcome the issue of mal-nutrition. In cooperation with the WHO the PRC's authorities managed to eliminate malaria in China and significantly improve the national system of healthcare.

Keywords: China People's Republic; United Nations; World Food Programme, World Health Organization; humanitarian cooperation.

Сотрудничество с ООН является ключевым направлением в современной дипломатии КНР. Однако в научных работах, как правило, акцент делается на позиции официального Пекина в от-

ношении архитектуры международных отношений, глобальной безопасности, возможного реформирования ООН и Совета Безопасности ООН, участию китайских военнослужащих в миротворческих операциях организации и т. д. [см., напр., 1—3]. Гораздо меньше внимания уделяется вопросам сотрудничества КНР со специализированными учреждениями и агентствами ООН, а тем более, об истории этих отношений [1].

Мы полагаем, что рассмотрение истории участия КНР в работе учреждений ООН гуманитарного характера в 1971—2002 гг. позволит более четко понять становление и эволюцию современной китайской внешней политики и дипломатии.

Хронологические рамки работы охватывают период от восстановления членства КНР в ООН в 1971 г. до провозглашения нового содержания в политике КНР по отношению к этой организации в 2002 г. Тем не менее, следует признать, что, как будет показано ниже, в историографии существуют разные подходы относительно года завершения этого периода.

На сайте организации отмечается, что система ООН состоит из самой Организации Объединенных Наций и более 30 связанных с ней организаций, известных как программы, фонды и специализированные учреждения. Они имеют свой собственный членский состав, руководство и бюджет. Программы и фонды ООН финансируются за счет добровольных, а не начисленных взносов. Специализированные учреждения являются независимыми международными организациями, финансируемыми за счет как добровольных, так и обязательных взносов [4].

Четкого критерия выделения из этого числа учреждений гуманитарного характера не существует. Однако в самой практике деятельности ООН к таковым принято относить 9 организаций: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ); Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ); Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО); структура «ООН-женщины»; Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев; Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ; Программа развития ООН (ПРООН); Управление ООН по координации гуманитарных вопросов и Всемирная продовольственная программа Организации Объединенных Наций (ВПП ООН) [5].

Обратим внимание на сотрудничество КНР со Всемирной продовольственной программой ООН и ВОЗ, что обусловлено исключительной важностью этих направлений (продовольственная безопасность и развитие здравоохранения) в становлении Китая как великой державы.

Рассматриваемый период является ключевым в истории взаимоотношений КНР и ООН. Связано это, прежде всего, с приняти-

ем резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 октября 1971 г. № 2758 «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в ООН». А.С. Литвинова в своей работе «Формирование позиции Китайской Народной Республики в отношении ООН» особо выделяет период с 1971 по 2005 гг. как период, в ходе которого были сформулированы и на практике реализованы «концептуальные основы дипломатии КНР, представляющей Китай в ООН, по отношению к этой организации (антигегемонизм и теория «трех миров» (1971—1985 гг.); концепция мира, развития, равенства и сотрудничества во имя достижения целей Устава ООН и соответствия его принципам (1985—1995 гг.); стратегия развития в условиях многополярности (1995—2005 гг.)» [6, с. 7—8].

В китайской историографии придерживаются схожих оценок, хотя предлагают несколько более узкие хронологические рамки этого периода — с 1971 по 2000 г. Сам же период получил название «интеграционный», что подчеркивает постепенное вовлечение КНР в деятельность учреждений ООН гуманитарного характера вплоть до превращения в одного из ключевых акторов в этом направлении [3].

Кроме того, данный период представляет особую важность как период превращения КНР в мировую державу, в результате чего страна из бенефициара гуманитарного сотрудничества ООН превратилась в донора гуманитарной помощи для всего мира [7—8].

В рассматриваемый период официальный Пекин в отношении сотрудничества с учреждениями ООН гуманитарного характера в качестве одной из целей преследовал получение необходимого объема международной помощи для более успешного проведения политики реформ и открытости [3].

В специальном заявлении МИД КНР от 22 октября 2021 г., посвященном 50-летию восстановления членства КНР в ООН, особо подчеркиваются следующие приоритеты сотрудничества для Китая: поддержание мира и безопасности; продвижение мирового устойчивого развития; продвижение верховенства права на международной арене; поддержка центральной роли ООН на международной арене; поддержка и защита прав человека; активная поддержка в решении социальных проблем; улучшение системы здравоохранения для всего человечества [1].

Важнейшим направлением сотрудничества КНР с учреждениями ООН гуманитарного характера в рассматриваемый период, на наш взгляд, являлось сотрудничество со Всемирной продовольственной программой ООН (а также ФАО). Широкомасштабное принятие Китаем международной помощи началось с реформ и открытости. Инициировав масштабные реформы в области

здравоохранения, образования, сельского хозяйства, развития инфраструктуры, борьбы с бедностью, КНР не имела достаточных внутренних ресурсов для максимального безболезненного проведения этих мероприятий. Проблема дефицита продовольствия и недоедания стояла достаточно остро [9, p. 27].

Во многом именно в связи с остротой проблемы недоедания, ВПП ООН является первым учреждением системы ООН, установившим партнерские отношения с Китаем. С 1979 по 2002 г. ВПП на регулярной основе оказывала продовольственную помощь бедным в Китае. К концу 1980-х гг. эта продовольственная помощь стала крупнейшей программой помощи Всемирной продовольственной программы в то время. Это было вызвано главным образом тем, что в то время Китай столкнулся с серьезными проблемами с обеспечением продовольствием и продовольственной безопасностью, более трети населения страны страдало от голода. В этот период ВПП ООН реализовала проекты по сокращению бедности и восстановлению после стихийных бедствий в Китае на сумму более 1 млрд дол. США, помогая более 30 млн человек, большинство из которых проживало в отдаленных центральных и западных регионах страны [5]. В 2000 г. по объему поддержки Всемирной продовольственной программы ООН Китай занял 19-е место со вкладом более 4,5 млн дол. США, обогнав Австрию, Новую Зеландию, Саудовскую Аравию и многие другие страны (в 1999 г. — 24-е место со вкладом в 1,15 млн дол. США) [7]. В последующие годы пропорциональный вклад Китая стал снижаться, но страна остается чистым донором организации.

Восстановление членства КНР во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) произошло в 1972 г., когда 25-я сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения постановила, что Китайская Народная Республика официально заменила Китайскую Республику как член Всемирной организации здравоохранения. Учитывая сложную эпидемиологическую и демографическую ситуацию в стране, а также переход к жесткому планированию семьи, сотрудничество с ВОЗ рассматривалось китайскими властями как одного из наиболее важных направлений гуманитарного сотрудничества с ООН. В 1972—2004 гг. прямая помощь от ВОЗ в адрес КНР составила около 100 млн дол. США [8].

Из упомянутых выше учреждений ООН гуманитарного характера и направлений их деятельности в упомянутом выше заявлении особо отмечены усилия КНР по продвижению и защите прав женщин, включая многие аспекты репродуктивного здоровья и демографической политики, что было связано с миссией ВОЗ. Кроме того, МИД КНР обратил особое внимание на усилия страны по борьбе с распространением ВИЧ/СПИД, малярии

(в 2021 г. страна признана ВОЗ свободной от малярии), а также вирусом Эбола в Африке [3]. Приведенные примеры сотрудничества с ВОЗ в отличной степени отражают специфику периода 1971—2002 гг. в гуманитарном аспекте сотрудничества КНР с ООН — от реципиента международной помощи (борьба с распространением малярии, туберкулеза, позднее — ВИЧ-инфекции) до донора международной помощи в борьбе против распространения вируса Эбола (нераспространенного в Китае) и коронавирусной инфекции в наши дни [10].

Таким образом, участие КНР в работе учреждений ООН гуманитарного характера в 1971—2002 гг. характеризовалась трансформацией позиции КНР от реципиента международной помощи (прежде всего, по линии ВПП и ВОЗ) до одного из доноров этих организаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Position Paper on China's Cooperation with the United Nations [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. — 22.10.2021. — Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/wjzcs/202110/t20211022_9609380.html. — Date of access: 28.08.2022.
2. Feltman, J. China's Expanding Influence at the United Nations — And How the United States Should React / J. Feltman [Electronic resource] // Brookings Briefs. — Mode of access: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/09/FP_20200914_china_united_nations_feltman.pdf. — Date of access: 28.08.2022.
3. 程子龙. 中国与联合国人道主义援助体系: 受益者、参与者与建设者 / 程子龙 = Cheng Zilong China and the UN Humanitarian Aid System: Beneficiaries, Participants and Builders / Cheng Zilong [Electronic resource] // China Human Rights — 25.10.2021. — Mode of access: https://www.humanrights.cn/html/2021/zxyq_1025/61642.html. — Date of access: 28.08.2022 (in Chinese).
4. Система ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-system>. — Дата доступа: 28.08.2022.
5. Humanitarian Agencies that Operate in the Field [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <https://www.un.org/en/collection/29/7832>. — Date of access: 28.08.2022.
6. Литвинова, А. С. Формирование позиции Китайской Народной Республики в отношении ООН: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / А. С. Литвинова; МГИМО (Университет) МИД РФ. — М., 2007. — 24 с.
7. Contributions by Year [Electronic resource] // UN Food Programme. — Mode of access: <https://www.wfp.org/funding>. — Date of access: 29.08.2022.
8. China's Relationship with the World Health Organization (WHO) [Electronic resource] // Permanent Mission of the People's Republic of China to the United Nations Office at Geneva and Other International Organizations in Switzerland. — Mode of access: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cegy//eng/zmjg/jgjbic/t85563.htm>. — Date of access: 28.08.2022.

9. Zhang Bocheng. Malnutrition And Nutrition-Related Health Disparities in China / Zhang Bocheng [Electronic resource] // Atlantis Press. — Mode of access: <https://www.atlantis-press.com/article/125949131.pdf>. — Date of access: 28.08.2022.

10. Brazelton, M. A. Viral Reflections: Placing China in Global Health Histories / M. A. Brazelton [Electronic resource] — Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7556902/>. — Date of access: 28.08.2022.

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ВОСПРИЯТИИ

Е. В. Мацулевич

*Республиканский институт высшей школы,
ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь,
e-mail: evgeniya.maculevich@mail.ru*

В данной работе рассмотрен процесс изменения оценок политиков, экспертов и общественности США российско-белорусской интеграции. Сделан вывод о том, что американские политики и общество имели негативную позицию в отношении российско-белорусской интеграции, хоть и расхолись в обосновании своих оценок, так как не было единства в вопросе движущих сил и инициатора углубления интеграции.

Ключевые слова: Беларусь; США; Россия; российско-белорусская интеграция.

RUSSIAN-BELARUSIAN INTEGRATION IN AMERICAN PERCEPTION

E. V. Matsulevich

*National Institute for Higher Education,
Moskovskaya str., 15, 220007, Minsk, Belarus,
e-mail: evgeniya.maculevich@mail.ru*

This paper considers the process of changing the assessment of politicians, experts and the US public of Russian-Belarusian integration. It is concluded that American politicians and society had a negative position regarding Russian-Belarusian integration, although they disagreed in substantiating their assessments, because there was no unity on the issue of driving forces and the initiator of deepening integration.

Keywords: Belarus; USA; Russia; Russian-Belarusian integration.

Одержав победу в холодной войне, США остались ведущей мировой державой, что позволило им оказывать влияние на мнение международного сообщества по различным вопросам. Обладая мощными рычагами давления, Белый дом демонстрирует приверженность активным внешнеполитическим действиям в отношении стран и лиц, деятельность которых не отвечает американским интересам. В связи с этим международные акторы вынуждены учитывать позицию Вашингтона при реализации своей

внешней политики. Цель исследования — проследить эволюцию позиции США в отношении российско-белорусской интеграции.

В начале 1990-х гг. новым независимым государствам было важно заручиться поддержкой ведущей мировой державы — Соединенных Штатов Америки. Чтобы американский президент поддержал постсоветскую интеграцию, Б. Ельцин, извещая Дж. Буша-ст. о создании Содружества независимых государств (СНГ), сделал акцент на Статью 6 договора о Содружестве, которая удовлетворяла первостепенные интересы Белого дома: давала гарантию соблюдения странами-участницами требований международной безопасности, подтверждала намерение ликвидировать ядерное оружие и провести разоружение [1, р. 3]. Самому Дж. Бушу-ст. «показалось, что положения этого соглашения звучали так, как будто они были специально сформулированы с учетом выдвинутых нами условий признания» (имеются ввиду условия признания Украины, обозначенные ранее Дж. Бушем-ст. Л. Кравчуку) [2, с. 492]. Таким образом, создание СНГ на обозначенных условиях и признание лидирующей роли России в нем было выгодно для Соединенных Штатов. В то же время, постсоветская интеграция вызывала непонимание у американской общественности и аналитиков, которые предупреждали, что в Евразии нельзя допустить возникновения лидирующего государства или объединения [3, р. 88]. Настороженность была связана с непониманием сути и содержания постсоветской интеграции [4, с. 24].

Сдержанная позиция в отношении постсоветской интеграции начала меняться во второй половине 1990-х гг., когда стало очевидным, что «европеизация» новых независимых государств затягивается и усиливается угроза появления региональных конкурентов США. Конституционный кризис 1996 г. в Беларуси, когда страны Запада не признали итоги референдума в стране, привел к кризису евроатлантического направления внешней политики республики. Инцидент с «изгнанием» (как это было воспринято европейцами и американцами) послов из белорусского правительственного комплекса «Дрозды» в 1998 г. в связи с его реконструкцией углубил этот кризис. А. Лукашенко был обвинен в авторитаризме, нарушении прав человека, «нападении» на демократические институты в стране. Как следствие — действия белорусского руководства, направленные на углубление сотрудничества с Россией и странами бывшего СССР, стали подвергаться критике со стороны Запада.

По мере углубления сотрудничества между Беларусью и Россией усиливается критика постсоветской интеграции со стороны американских политиков. Однако несмотря на то, что в руково-

дящих кругах США распространилось видение состояния бывших советских республик как зависимых от Москвы [5, р. 543], негативная оценка углубления сотрудничества между Москвой и Минском строилась на осуждении действий белорусской стороны. Связано это было с тем, то Белый дом не был заинтересован в конфронтации с Кремлем. В связи с этим американские законодатели назвали Договор о создании Союзного государства нелегитимным, поскольку у А. Лукашенко якобы не хватало необходимых конституционных полномочий для принятия подобных решений [6], а в СМИ инициатором (в негативном контексте) углубления российско-белорусской интеграции виделся президент Беларуси, который стремился «к сохранению низких цен на российскую нефть, газ и другие экспортные товары» [7]. Поводом для того, чтобы обвинить А. Лукашенко в желании привести Беларусь «к слиянию с Россией» [8], стал термин «единое государство», который активно использовал белорусский президент, но который вызывал различные трактовки у российских политиков (конфедерация, союз или сообщество) [8]. Более мягкие интерпретации российской стороны подогревали американскую общественную точку зрения, что именно белорусский лидер стремится к «возрождению российского влияния» в республике [9].

С момента принятия Демократического Акта 2001 г. каждый год предполагалось сообщать комитетам Конгресса об отношениях между Минском и Москвой. Тем самым в начале XXI в. США негласно включились в процессы российско-белорусской интеграции в качестве наблюдателя, готового в случае необходимости перейти к активным действиям. Цель срыва интеграции, выдвигаемая с помощью дискурса о недемократическом режиме в стране, должна была быть достигнута посредством отказа Москвы поддерживать, в т. ч. финансово, Беларусь [6]. Кроме того, Вашингтон желал, чтобы международное сообщество, в т. ч. правительство России, отказалось от ратификации любых договоров, подписанных А. Лукашенко или иным лицом из числа белорусского руководства [6].

В то же время американские неправительственные организации видели ситуацию по-другому и оценивали как неприемлемые действия российской стороны: в силу неоговоренности ряда моментов в деятельности и механизме российско-белорусской интеграции ситуация воспринималась как лишение белорусской стороны права голоса в таком союзе [10, р. 3]. Таким образом, американские политики и общество имели общую, негативную, позицию в отношении появления на постсоветском пространстве новых, более основательных и не проамериканских интеграционных проектов, хоть и расходились в обосновании своих оценок.

После создания Союзного государства в политике США прослеживается дальнейшее давление на Беларусь. 3 мая 2000 г. Палата представителей Конгресса США приняла резолюцию по ситуации в Беларуси. Американцами оценивалась теперь не только внутривнутриполитическая ситуация в стране, но и процессы российско-белорусской интеграции. Вашингтон стремился привлечь российского лидера к обсуждению политических проблем в республике [11], намереваясь тем самым использовать российско-белорусское взаимодействие в своих интересах. Давление со стороны США через руководство Российской Федерации было замечено белорусскими политиками [12], что углубляло отход Беларуси от ориентации на сотрудничество с Западом и активизировало «борьбу за внимание» России.

Несмотря на явную обеспокоенность тем, что «Россия и Беларусь двигаются вперед с целью усиления российско-белорусского союза», угроза, которой в случае его успеха подвергнется суверенитет республики, в начале 2000-х гг. выводилась из «учета нелегитимного характера режима Лукашенко» [11], а не из амбиций России, о которых американская сторона стала заявлять все чаще по мере ухудшения российско-американских отношений в XXI в. По сути, апеллируя проблемой белорусской демократии, США в начале 2000-х гг. поставили перед Кремлем выбор: развитие интеграции с Республикой Беларусь в условиях международного непризнания российско-белорусского политического союза либо сотрудничество с Соединенными Штатами в деле охраны демократического порядка в мире с опорой на международное одобрение российской внешнеполитической деятельности.

Сдержанная и осторожная политика американского руководства в адрес Кремля в начале 2000-х гг. была обусловлена тем, что на повестке дня стоял вопрос подтверждения Москвой обязательств в сфере вооружения, взятых в годы существования Советского Союза. Кроме того, Вашингтон нуждался в российской поддержке резолюции ООН по Ираку. После 11 сентября 2001 г. взаимодействие с постсоветским регионом должно было укладываться в общую концепцию внешней политики США, направленную на борьбу с терроризмом, что диктовало особый статус России как главного партнера в американской миссии. Примечательно, что политическая элита США, в т. ч. президент, высказывались о дружеских отношениях Вашингтона и Москвы, исходя из того, что Россия будет включена в западный мир, интегрирована в евроатлантическое сообщество. Однако после того, как в 2000 г. было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в 2002 г. — Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а в 2003 г. было подписано соглашение

о создании Единого экономического пространства (ЕЭП), стало очевидно, что Москва не будет уступать регион Вашингтону, продолжит сотрудничать с бывшими республиками СССР, в т. ч. углублять интеграцию с Беларусью. Обеспокоенность вызывало то, что Россия при В. Путине, в отличие от ельцинского времени, стремилась стать ведущим игроком российско-белорусской интеграции. Любой интеграционный проект, инициируемый Кремлем, отныне не мог отвечать американским интересам. Были затронуты не только политические (желание США быть единственным крупным игроком в любом регионе, с чем готова была конкурировать Россия), но и экономические интересы США в регионе: российско-белорусская интеграция открывала путь мощным российским нефтегазовым компаниям к строительству трубопровода на Запад через Беларусь, а азиатская политика затрагивала энергоресурсы региона Каспийского моря.

По мере того, как выбор Москвы в пользу сотрудничества с Минском становился для США очевидным, антибелорусская риторика в оценках российско-белорусской интеграции сменилась антироссийской, а обвинения в нарушении демократических принципов стали использоваться не только в отношении Беларуси, но и в отношении России. Центр стратегических и международных исследований (CSIS) назвал создание ЕЭП «региональным эгоизмом», «гегемонизмом» и «даже частью антиглобализма» [13, р. 4]. Участие бывших республик СССР, особенно Казахстана, Беларуси и Украины, в интеграционных инициативах России конгрессменами рассматривалось как факт того, что они «были возвращены» в Россию после распада СССР [14, р. H1845].

После крымских событий 2014 г. изменяется позиция Вашингтона в отношении Москвы и Минска как участников интеграционных процессов. Выражается это в смене принципа «заморозки» белорусско-американского сотрудничества на его резкую активизацию. В условиях кризиса российско-белорусской интеграции в начале 2020 г. Республика Беларусь рассматривалась Вашингтоном как возможный партнер Соединенных Штатов по поддержанию антироссийской позиции. Однако дальнейшее российско-белорусское сотрудничество показало, что такая политика Белого дома не обоснована. Вашингтон вернулся к прежней стратегии осуждения любой постсоветской интеграции, неподконтрольной США, исходя из критики политических режимов в новых независимых государствах, если руководство этих стран не проявляло прозападных настроений, а образ В. Путина и А. Лукашенко стал «демонизироваться» в общественном сознании, в контексте чего российско-белорусская интеграция подавалась

как первый шаг в стремлении воссоздать Российскую империю или Советский Союз, вернуться к холодной войне.

Таким образом, американское восприятие прошло несколько стадий оценки российско-белорусской интеграции: принятие в начале 1990-х гг. постсоветской интеграции, но осторожное отношение к ней из-за непонимания ее сути и механизмов; осуждение российско-белорусского сотрудничества во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. на фоне ухудшения отношений Вашингтона и Минска (декларировался контекст неприемлемости российско-белорусской интеграции из-за политической ситуации в Беларуси, несмотря на то, что политики опасались активизации политики России); неприятие российско-белорусской интеграции в контексте критики политических режимов в этих обеих странах. Риторика американских политиков и трансляция официального дискурса для восприятия общественностью сменялась, исходя из интересов США при сотрудничестве с Беларусью и Россией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Telcon with President Yeltsin of the Republic of Russia [Electronic resource] // George Bush Presidential Library and Museum. — 08.12.1991. — Mode of access: <https://bush41library.tamu.edu/files/memconstelcons/1991-12-08--Yeltsin.pdf>. — Date of access: 21.11.2021.
2. Буш, Дж. Мир стал другим / Дж. Буш, Б. Скоукрофт; [пер. с англ.]. — М.: Междунар. отношения, 2004. — 504 с.
3. Kaufman, R. A Paradigm for a Post-Postwar Order / R. Kaufman // Naval War College Review. — 1991. — Vol. 44, N 1. — P. 83—97.
4. Бжезинский, З. Второй шанс. Америка и мир: [сборник: перевод с английского О. Колесникова, И. Добровольского] / З. Бжезинский, Б. Скоукрофт. — М.: АСТ, 2018. — 448 с.
5. Congressional Record. Proceedings and debates of the 103d Congress, First session [Electronic resource] // Congress.gov. — 21.01.1993. — Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/01/21/GPO-CRECB-1993-pt1-5-2.pdf>. — Date of access: 11.11.2021.
6. S. 1645 / U.S. Government Printing Office [Electronic resource] // Congress.gov. — 07.11.2001. — Mode of access: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/senate-bill/1645/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22belarus%22%5D%7D&r=1&s=6>. — Date of access: 04.03.2022.
7. Russia, Belarus Scrap Border Checkpoints; Ex-Soviet States Also Reach Partial Accords on Rights, Debt: [FINAL Edition] [Electronic resource] // The Washington Post. — 27.05.1995. — P. A26. — Mode of access: <https://www.proquest.com/docview/307886905/fulltext/4B311B9EAB4142A3PQ/1?accountid=189667>. — Date of access: 28.12.2021.
8. Hoffman, D. Russia, Belarus Announce Agreement on Plan to Form New Union [Electronic resource] / D. Hoffman // The Washington Post. — 24.03.1996. — Sunday. — P. A32. — Mode of access: <https://www.proquest.com/docview/307886905/fulltext/4B311B9EAB4142A3PQ/1?accountid=189667>.

com/docview/1030756560/pageviewPDF/43BECC1B40A64AE8PQ/1?accountid=189667. — Date of access: 28.12.2021.

9. Rupert, J. Russia Pact Polarizes Belarus [Electronic resource] / J. Rupert // The Washington Post. — 21.05.1996. — P. A13. — Mode of access: <https://www.proquest.com/docview/1030766321/pageviewPDF/E6780A49DE8C45A5PQ/1?accountid=189667>. — Date of access: 28.12.2021.

10. Hale, H. Russia's Fiscal Veto on CIS Integration [Electronic resource] / H. Hale // CSIS. — October 1997. — Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0015.pdf. — Date of access: 02.12.2021.

11. Congress of the United States. Washington DC, 2015 [Electronic resource] // The National Archives Catalog. — 02.06.2000. — Mode of access: <https://catalog.archives.gov/id/40484785/19/public?contributionType=tag>. — Date of access: 07.03.2022.

12. Заява прэс-сакратара МЗС Рэспублікі Беларусь аб рэзалюцыі па сітуацыі ў Беларусі, прынятай Палатай прадстаўнікоў Кангрэса ЗША // Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС; рэдкал.: І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2008. — Т. 8. — С. 446.

13. Sushko, O. From the CIS to the SES [Electronic resource] / O. Sushko // CSIS. — 2003. — November. — Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0303.pdf. — Date of access: 03.03.2022.

14. Congressional Record. Proceedings and debates of the 107th Congress, First session [Electronic resource] // Congress.gov. — 02.05.2001. — Mode of access: <https://www.congress.gov/107/crec/2001/05/02/CREC-2001-05-02.pdf>. — Date of access: 24.02.2022.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

А. С. Миксюк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: miksiukas@bsu.by*

Статья посвящена анализу развития взаимодействия Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Устанавливаются этапы развития взаимодействия в соответствии со статусом страны при организации. Рассматриваются направления взаимодействия Республики Беларусь и ШОС, которые были определены еще Меморандумом о предоставлении Беларуси статуса партнера по диалогу ШОС 2010 г. Указывается на определение нескольких приоритетных направлений развития сотрудничества после 2016 г. Устанавливается, что формы взаимодействия находятся в зависимости от статуса страны при организации, а также что Республика Беларусь в полной мере использовала возможности, предоставляемые конкретным статусом.

Ключевые слова: внешняя политика; евразийская интеграция; международная безопасность; Республика Беларусь; Шанхайская организация сотрудничества, ШОС.

MAIN FORMS AND DIRECTIONS OF INTERACTION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

A. S. Miksiuk

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: miksiukas@bsu.by

The article is devoted to the study of development of interaction between the Republic of Belarus and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The stages of development of interaction are established in accordance with the status of the country in the organization. The directions of interaction between the Republic of Belarus and the SCO are considered. Basic directions of interaction were determined by the Memorandum on granting Belarus the status of a dialogue partner in the SCO in 2010. Several priority areas of cooperation were determined after 2016. It is established that the forms of interaction depend on the status of the country in the organization, and that the Republic of Belarus has made full use of the opportunities offered by a particular status.

Keywords: foreign policy; Eurasian integration; international security; Republic of Belarus; Shanghai Cooperation Organization; SCO.

Многосторонняя дипломатия играет большую роль во внешней политике любого современного государства. Взаимозависимость стран и регионов в контексте разнообразных вызовов приводит к тому, что государства подключаются к различным международным институтам для коллективного обсуждения и поиска решения актуальных проблем. А развитие «сетевой» дипломатии, которая базируется на гибких формах участия, позволяет государствам выбирать формат взаимодействия с международными институтами с учетом приоритетов внешней политики. Таким образом, современные государства, как правило, взаимодействуют со множеством международных организаций в разных статусах (партнер, наблюдатель, член и др.).

Шанхайская организация сотрудничества является одной из наиболее значимых площадок для диалога на евразийском пространстве. Первоначально в 2001 г. возникла договоренность о формировании организации с целью укрепления доверия в военной сфере между Китайской Народной Республикой, Российской Федерацией и странами Центральной Азии (Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан, Республикой Таджикистан, Республикой Узбекистан). Впоследствии перечень сфер взаимодействия был расширен и включил вопросы безопасности в широком понимании (борьба с терроризмом, сепаратизмом, экс-

тремизмом, наркотрафиком, продовольственная безопасность и др.), экономическое сотрудничество, сотрудничество в сфере энергетики и др. Как полноценная международная организация ШОС начала свою работу с 1 января 2004 г.

В 2017 г. членами ШОС стали Индия и Пакистан, в сентябре 2021 г. было одобрено принятие в полноправные члены организации Исламской Республики Иран. При этом расширение состава никогда не было приоритетом стран-основателей ШОС, первое время действовал неформальный «мораторий» на прием новых членов, связанный «с формированием нормативно-правовой базы расширения и политического консенсуса по основным принципам и критериям для процедуры приема новых членов» [1, с. 38]. В 2004 г. при организации появился статус наблюдателя (первой страной наблюдателем стала Монголия), а в 2009 г. — статус партнера по диалогу. По состоянию на август 2022 г. статус наблюдателя имеют Афганистан (представители действующего правительства не принимали участия в последнем саммите в сентябре 2021 г.), Иран, Монголия и Беларусь, статус партнера по диалогу — Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка.

15 июля 2022 г. Республика Беларусь официально подала заявку на вступление в ШОС в качестве полноправного члена организации [2]. Таким образом, вопрос взаимодействия Республики Беларусь и ШОС в 2022 г. приобрел особую актуальность и стал предметом обсуждения многих экспертов. Однако важным является не только анализ современных обстоятельств и условий взаимодействия, но и обращение к началу развития взаимоотношений Республики Беларусь с ШОС, определение тенденций, форм и направлений сотрудничества страны с международной организацией.

Еще в 2005 г. Республика Беларусь проявила интерес к деятельности организации и подала заявку на вступление в ШОС, однако заявка была отклонена в связи с тем, что Беларусь не является азиатской страной [3]. Однако интерес белорусской стороны к ШОС сохранился, про что говорило, в частности, упоминание организации в послании Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному Собранию Республики Беларусь 23 мая 2006 г. [4].

В 2006 г. Республика Беларусь подала заявку на предоставление статуса наблюдателя. К тому моменту институт наблюдательства уже существовал, но в искомом статусе белорусской стороне было отказано. Однако в ходе заседания Совета глав государств ШОС в августе 2008 г. было утверждено Положение о статусе партнера по диалогу ШОС. В связи с этим в 2009 г. Республикой Беларусь была направлена очередная заявка, на этот раз на полу-

чение статуса партнера по диалогу. Положительное решение по данному вопросу было принято 16 июня 2009 г. на заседании Совета глав государств ШОС. Наконец, 28 апреля 2010 г. в Минске был подписан Меморандум о предоставлении Беларуси статуса партнера по диалогу ШОС. Таким образом, путь страны к установлению постоянного взаимодействия с ШОС занял пять лет.

Такая настойчивость белорусской стороны объяснялась несколькими причинами. Прежде всего, это созвучие целей и принципов организации национальным интересам Беларуси, отраженным в т. ч. в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь 2010 г., акцент на формирование многополярного мира. Немаловажным также стало наличие сложных и неоднозначных отношений со странами Запада при высоком уровне двусторонних отношений с государствами-членами ШОС. Кроме того, Беларусь активно сотрудничала с Россией и странами Центральной Азии в т. ч. в многостороннем формате в рамках СНГ, ОДКБ, Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС).

Статус партнера по диалогу дал возможность стране начать взаимодействие с ШОС по отдельным направлениям деятельности, участвовать в рабочих заседаниях и группах, но не саммитах и встречах на высшем уровне [5]. Перечень направлений сотрудничества был определен в статье 1 «Меморандума о предоставлении Республике Беларусь статуса партнера по диалогу ШОС» и включал: экономическое, транспортно-логистическое, банковско-финансовое, инвестиционное сотрудничество, борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, противодействие незаконному обороту наркотиков и оружия, незаконной миграции, широкий круг вопросов безопасности, взаимодействие в научно-технической сфере, образовании, здравоохранении, культурной и социальной областях [6]. Таким образом, спектр направлений сотрудничества был обозначен предельно широко.

В последующие годы Беларусь в полной мере реализовала возможности, которые предоставил обретенный статус и активно участвовала в различных мероприятиях, проводимых как органами организации, так и неформальными структурами (к примеру, бизнес-форумы, выставки, Молодежный совет ШОС и др.). На данном этапе сложно выделить ключевые направления, на которых бы сосредоточилось внимание белорусской стороны, скорее прорабатывались механизмы взаимодействия со структурами ШОС в целом в рамках возможностей партнера по диалогу.

При этом, заявка на получение статуса наблюдателя так и не была отозвана и в 2012 г. возобновлена нотой Министра иностранных дел. Наконец, в ходе саммита ШОС в Уфе в июле 2015 г. было принято решение о предоставлении Республики Беларусь

статуса наблюдателя. Данный статус предоставил доступ к документам и решениям органов ШОС, позволил принимать участие в работе органов, но без права голоса, делать письменные заявления [7, с. 115], участвовать в проектной деятельности ШОС, механизмах регулярных консультаций, работе неправительственных структур (Деловой совет ШОС, Межбанковское объединение ШОС и др.). Взаимодействие с данными структурами, в частности, с Деловым советом ШОС позволило реализовать множество масштабных проектов, в т. ч. Парк высоких технологий [8, с. 37].

Повышение статуса привело к активизации взаимодействия Беларуси с ШОС. Так, глава государства принимал участие в саммитах ШОС 2016—2019 и 2021 гг. (в саммите 2020 г., который прошел в формате видеоконференции, участие принял премьер-министр Р. Головченко). В 2016—2019 гг. белорусская сторона выдвигала ряд инициатив по развитию ШОС в сфере обеспечения продовольственной безопасности, консолидации усилий международных организаций в сфере глобальной безопасности и сопряжении различных интеграционных процессов, укреплению информационной и ядерной безопасности [9; 10]. Ряд предложений Беларуси были учтены в дальнейшей работе организации. Так, в 2018 г. была принята программа продовольственной безопасности ШОС, некоторые положения которой озвучивались белорусской стороной. В 2019 г. генсек ШОС поддержал реализацию идеи создания общей ИТ-экосистемы ШОС [11].

В 2021 г. предложения Республики Беларусь по развитию ШОС учитывали новый контекст глобального развития: на первый план вышел вопрос объединения усилий для преодоления последствий пандемии, сотрудничества в сфере производства вакцин [12]. Вместе с тем, снова прозвучали предложения по развитию сотрудничества в сфере информационной безопасности, возобновляемых источников энергии и атомной энергетики. По инициативе Беларуси 17 сентября 2021 г. было проведено совместное заседание глав государств ОДКБ и ШОС для выработки подходов к реагированию на афганский кризис [13].

На данном этапе белорусская сторона нередко заявляла о заинтересованности в присоединении к различным рабочим группам и участию в конкретных практических механизмах взаимодействия, несмотря на статус наблюдателя (как пример: Рабочая группа по оказанию юридических услуг государствам-членам ШОС [14, с. 10]). Это происходило на фоне некоторого сокращения списка мероприятий для возможного участия наблюдателей и партнеров, что было связано со «сложностью достижения консенсуса государств-членов, лежащего в основе принципов ШОС, и определенными противоречиями интересов участников» [15, с. 6].

15 июля 2022 г. генсек ШОС Чжан Мин объявил, что Республика Беларусь официально подала заявку на вступление в организацию в качестве полноправного члена [2]. Любопытно, что в многочисленных интервью экспертов и дипломатов акцент ставится, прежде всего, на заинтересованности страны в развитии экономического потенциала ШОС, а не вопросов безопасности. Так, Чрезвычайный и Полномочный Посол Беларуси в КНР Юрий Сенько отметил «большой рынок, прекрасные возможности участия во многих проектах» [16]. Отметим, что доля стран ШОС в товарообороте Республики Беларусь в 2021 г. составила 57,7 %, из них 49 % приходится на Россию и 6 % — на Китай [17].

Такое положение дел объясняется необходимостью поиска путей преодоления западных санкций и является продолжением «поворота на Восток», характерного для белорусской внешней политики в последние годы. В контексте разных подходов Китая и России к дальнейшему развитию ШОС Республика Беларусь занимает промежуточную позицию, которая, однако, скорее сближается с позицией Китая: дистанцирование от военного измерения (на котором не было достигнуто особых успехов, так как ШОС не принимала участия в миротворческой деятельности и разрешении значимых конфликтов в Евразии) к более широкому пониманию проблематики безопасности и развитию, прежде всего, экономического потенциала ШОС. При этом на данный момент в рамках ШОС торгово-экономические отношения государств-членов организации развиваются преимущественно на двустороннем уровне [18, с. 51], создание конкретных механизмов сотрудничества в данном направлении является задачей будущего.

Следует отметить, что вопрос приема в организацию новых членов достаточно сложен. Так, если Россия в целом поддерживает расширение ШОС, то КНР рассматривает любых новых членов как «трегья силы» и даже предлагала «дискриминировать новых членов в правах» [7, с. 115]. Также необходим учет мнений стран Центральной Азии, Индии и Пакистана. В случае с Республикой Беларусь трудности в предоставлении искомого статуса могут быть связаны с формальным признаком: страна не принадлежит к региону ШОС (хотя определение понятия «регион ШОС» в документах отсутствует) и не имеет общих границ с другими странами ШОС, кроме России.

Таким образом, можно определить несколько этапов развития взаимодействия Республики Беларусь и ШОС, которые демонстрируют устойчивый и углубляющийся интерес страны к организации:

— 2005—2010 гг.: усилия белорусской дипломатии по получению статуса, позволяющего вести взаимодействие на постоянной основе;

— 2010—2015 гг.: взаимодействие в статусе партнера по диалогу;

— 2015—2022 гг.: взаимодействие в статусе наблюдателя.

— 2022 г. может стать началом нового этапа в развитии отношений Республики Беларусь с ШОС в случае одобрения заявки на вступление в организацию в качестве полноценного члена.

Направления взаимодействия Республики Беларусь с ШОС были определены еще в Меморандуме о предоставлении Беларуси статуса партнера по диалогу ШОС 2010 г. и обозначены предельно широко, однако начиная с 2016 г. можно выделить приоритетные направления, по которым выдвигались белорусские инициативы в рамках ШОС: консолидация усилий международных организаций в сфере глобальной безопасности и сопряжение различных интеграционных процессов, обеспечение продовольственной, информационной, энергетической и ядерной безопасности, преодоление последствий пандемии *COVID-19*.

Формы взаимодействия Республики Беларусь с ШОС определялись в соответствии с правами, предоставляемыми ее статусом при организации (партнер по диалогу/наблюдатель). При этом Беларусь в полной мере использовала свои возможности, принимая участие в разнообразных мероприятиях ШОС, используя саммиты ШОС для организации двусторонних встреч и выдвигая собственные инициативы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Когут, В. Г. Республика Беларусь и ШОС в евразийском геополитическом пространстве / В. Г. Когут // Управленческое консультирование. — 2017. — № 1. — С. 37—44.

2. Генсек ШОС: получена заявка Беларуси на вступление в организацию [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 15.07.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/gensek-shos-poluchena-zajavka-belarusi-na-vstuplenie-v-organizatsiju-513755-2022/>. — Дата доступа: 18.08.2022.

3. Мусиенко: сближение Беларуси и ШОС — это успех белорусской дипломатии и Президента страны [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 10.07.2015. — Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/musienko-sblizhenie-belarusi-i-shos-eto-uspeh-belorusskoj-diplomatii-i-prezidenta-strany-6144-2015/>. — Дата доступа: 18.08.2022.

4. Послание Президента Республики Беларусь А. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента

Республики Беларусь. — 23.05.2006. — Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-prezidenta-respubliki-belarus-alukashenko-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-respubliki-5864>. — Дата доступа: 18.08.2022.

5. Меморандум о предоставлении Беларуси статуса партнера по диалогу ШОС подписан в Минске [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 28.04.2010. — Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/memorandum-o-predostavlenii-belarusi-statusa-partnera-po-dialogu-shos-podpisan-v-minske-132692-2010>. — Дата доступа: 18.08.2022.

6. Меморандум о предоставлении Республике Беларусь статуса партнера по диалогу Шанхайской организации сотрудничества: [подписан в г. Минск 28.04.2010 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2010. — № 131.

7. Муратшина, К. Г. Страны Центральной Азии и расширение ШОС / К. Г. Муратшина // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. — 2018. — № 5. — С. 114—118.

8. Достанко, Е. А. Экономическое измерение во взаимодействии Беларуси с Шанхайской организацией сотрудничества / Е. А. Достанко // Материалы круглого стола по инновациям в международных исследованиях, посвященного 15-летию образования Шанхайской организации сотрудничества, Минск, 31 марта 2016 г. / Белорус. гос. ун-т; сост. и науч. ред. Е. А. Достанко. — Минск, 2016. — С. 37—41.

9. Инициативы в органах ШОС [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/integracija/shos>. — Дата доступа: 19.08.2022.

10. Участие в заседании Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 14.06.2019. — Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-glav-gosudarstv-shanxajskoj-organizatsii-sotrudnichestva-21300>. — Дата доступа: 19.08.2022.

11. Генсек ШОС поддерживает реализацию инициативы Беларуси по созданию общей ИТ-экосистемы [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/gensek-shos-podderzhivaet-realizatsiju-initsiativy-belarusi-po-sozdaniju-obschej-it-ekosistemy-367870-2019/>. — Дата доступа: 19.08.2022.

12. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2021 году [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — 01.11.2019. — Режим доступа: <https://mfa.gov.by/publication/reports/cob615e3c82db7a8.html>. — Дата доступа: 19.08.2022.

13. Заседание Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. — 17.09.2021. — Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shanxajskoj-organizatsii-sotrudnichestva>. — Дата доступа: 25.08.2022.

14. Басальга, А. Обучающие делегации Министерства юстиции Республики Беларусь в Пятом совещании министров юстиции государств — членов Шанхайской организации сотрудничества / А. Басальга // Юстиция Беларуси. — 2017. — № 11. — С. 8—10.

15. Сенюта, В. Л. О взаимодействии Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества / В. Л. Сенюта // Материалы круглого стола по инновациям в международных исследованиях, посвященного 15-летию образования Шанхайской организации сотрудничества, Минск, 31 марта 2016 г. / Белорус. гос. ун-т; сост. и науч. ред. Е. А. Доستانко. — Минск, 2016. — С. 4—10.

16. Сенько: вступление в ШОС открывает для Беларуси возможность участия во многих проектах [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 24.07.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/senko-vstuplenie-v-shos-otkryvaet-dlja-belarusi-vozmozhnost-uchastija-vo-mnogih-proektah-515262-2022/>. — Дата доступа: 19.08.2022.

17. Годовые данные [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/>. — Дата доступа: 19.08.2022.

18. Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии / М. В. Данилович [и др.]; под ред. А. А. Розанова; Женевский центр по демократическому контролю над вооруженными силами, Центр изучения внешней политики и безопасности, факультет международных отношений БГУ. — Минск; Алматы; Женева, 2012. — 194 с.

РОЛЬ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ И НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

П. Н. Орлов¹⁾, Ю. И. Малевич²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: petr.orlov99@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: tuyill352@gmail.com*

В статье анализируются возможности и перспективы использования технологий публичной дипломатии и национального брендинга с целью оптимизации внешнеполитического имиджа современной Беларуси. С учетом возрастающей роли форматов публичной дипломатии в достижении внешнеполитических целей и формировании положительного международного имиджа, в работе также рассматриваются проблемные аспекты и практические инструменты их решения в этой области. Авторы полагают, что использование ресурсов публичной дипломатии и технологий национального брендинга будут способствовать продвижению национальных интересов Беларуси на международной арене, а также плодотворному межгосударственному сотрудничеству.

Ключевые слова: публичная дипломатия; национальный брендинг; «мягкая сила»; внешняя политика; национальные интересы; внешнеполитический имидж.

THE ROLE OF PUBLIC DIPLOMACY AND NATIONAL BRANDING IN FORMING THE FOREIGN POLICY IMAGE OF MODERN BELARUS

P. N. Orlov^a, Yu. I. Malevich^b

^a Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: petr.orlov99@gmail.com

^b Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: myjill352@gmail.com

Corresponding author: P. N. Orlov (petr.orlov99@gmail.com)

The article analyzes the possibilities and prospects for using the technologies of public diplomacy and national branding in order to optimize the foreign policy image of modern Belarus. Taking into account the growing role of public diplomacy formats in achieving foreign policy goals and shaping a positive international image, the paper also examines problematic aspects and practical tools for their solution in this area. The authors believe that the use of public diplomacy resources and national branding technologies will help promote the national interests of Belarus in the international arena, as well as fruitful interstate cooperation.

Keywords: public diplomacy; national branding; «soft power»; foreign policy; national interests; foreign policy image.

В настоящее время под публичной дипломатией понимается связь традиционной внешнеполитической активности государства с деятельностью частного сектора с целью создания и продвижения позитивного имиджа определенного государства, его институтов, национальных интересов и культуры за рубежом.

Публичная дипломатия не только предоставляет информацию и создает положительный имидж страны, но и требует общего построения дружественных отношений, что, в свою очередь, способствует реализации государственной политики.

Появление на мировой политической карте суверенного и независимого государства — Республики Беларусь, актуализировало вопрос о реализации ею собственного внешнеполитического курса, выработке приоритетов во внешней политике, открытии дипломатических представительств, а также позиционирования на международной арене.

Для того, чтобы небольшое европейское государство, которым является Республика Беларусь, могло заявить о себе в мире, оно должно обладать качественной публичной дипломатией.

На наш взгляд, для повышения качества реализации публичной дипломатии органам государственной власти и управления Республики Беларусь предстоит решить первоочередной круг

вопросов: организационно-правовые основы реализации публичной дипломатии, финансовые аспекты, экспертное сопровождение, а также использования технологий национального бренда при формировании внешнеполитического имиджа.

Под организационно-правовыми условиями реализации публичной дипломатии мы понимаем создание специального уполномоченного государственного органа, ответственного за проведение и позиционирование страны на международной арене.

Да, можно оспорить это мнение, сославшись на то, что на Министерство иностранных дел Республики Беларусь, Управление внешней политики Администрации Президента Республики Беларусь, дипломатические и консульские организации «по умолчанию» возложены вышперечисленные функции.

Однако, на наш взгляд, создание центрального «ядра» в виде государственного органа, наделенного полномочиями координации деятельности соответствующих служб, выработке актуальных и своевременных предложений во многом бы повысило содержательный уровень реализации механизма внешнеполитического позиционирования.

Очень важным в этом отношении представляется еще один аспект: как мы писали выше, не только уполномоченные на то государственные органы вправе заниматься реализацией публичной дипломатии, но не мало важно создать условия по вовлечению в этот процесс представителей частного сектора, гражданского общества, а также некоммерческих организаций и учреждений, чья деятельность напрямую связана со внешнеполитической активностью. Здесь представляется уместным говорить о сетевой координации и совместных усилиях, направленных на достижение максимальной отдачи каждой из сторон.

Публичная дипломатия для малых и средних государств, включая Республику Беларусь, является шансом для усиления влияния на международной арене за пределами их ограниченных территориальных возможностей, сырьевых ресурсов, военной или экономической силы. По этой причине правительству Республики Беларусь, всем заинтересованным государственным органам следует уделить внимание стратегическим укрепления привлекательности страны.

В первую очередь, мы говорим о выработке концептуальных основ реализации публичной дипломатии и принятие соответствующего программного документа. Понятно, что в условиях турбулентности мировой политико-экономической жизни говорить о долгосрочной (или даже среднесрочной) перспективе принятия долговременных документов не приходится, однако,

мы считаем, что функционирующая публичная дипломатия каждого государства должна строиться на хорошо подготовленной стратегии презентации страны за рубежом. Созданию успешной стратегии должно предшествовать общее согласие об идентичности страны, определение бренда страны и формулирование желаемого имиджа и истории страны, которая будет представлена за границей.

Нашей стране следует подчеркнуть свою уникальную сущность, показать свои сильные стороны и выйти на международную арену и показать себя в таком виде, который привлечет и заинтересует иностранную аудиторию и впоследствии запомнится.

Под финансовым аспектом реализации публичной дипломатии мы понимаем целый комплекс финансово-хозяйственной деятельности, связанный с выделением на эту деятельность денежных ресурсов. О значимости подобного аспекта, говорит тот факт, что согласно опубликованному докладу Консультативной комиссии Соединенных Штатов Америки по публичной дипломатии за 2020 г. «одна из ключевых проблем американской публичной дипломатии — недостаточное финансирование. Выделенный для публичной дипломатии бюджет на 2019 финансовый год составил 2,21 млрд дол. США. Как и в прошлые годы (по меньшей мере в последние пять лет) объем финансирования публичной дипломатии составляет не более 3,9 % от общего бюджета, выделенного на международные отношения. Заметен отрицательный тренд: если финансирование публичной дипломатии в 2018 г. увеличилось относительно 2017 г. на 2,6 %, то финансирование 2019 г. относительно 2018 г. увеличилось лишь на 1,1 %. При этом с учетом инфляции объемы выделенных средств с 1994 г. сократились на 340 млн дол. США» [1].

Отнюдь не менее важным аспектом мы выделили экспертное сопровождение реализации «мягкой силы». Под данным пунктом мы, в первую очередь, понимаем создание широкой сети организационных и информационно-аналитических условий, подготовку специалистов по теме, которые бы смогли в полной мере проводить публичную экспертизу принимаемых решений. В продолжение этой логики экспертное сообщество также может рассматриваться в качестве оператора публичной дипломатии, учитывая интернациональность и разветвленность этой общности. Кроме того, в качестве методики оценки эффективности деятельности институтов публичной политики востребованным является обращение к оценкам именно экспертов, способных выявить качественную результативность в соответствии с определенными параметрами и задать координаты развития того или иного процесса.

В этом отношении нам представляется говорить о подготовке соответствующих независимых аналитических продуктов, проведении экспертных сессий и мероприятий, международном обмене опытом и стратегии деловых контактов.

Важным шагом на пути реализации эффективной стратегии публичной дипломатии также видится создание и продвижение национального бренда страны.

Определенные шаги в данном направлении были предприняты и Республикой Беларусь. Так, в 2022 г. Министерство экономики, Министерство информации и Закрытое акционерное общество «Второй национальный телеканал» объявили о старте конкурса на создание логотипа и имиджевого слогана национального бренда белорусской продукции. Целями конкурса были объявлены: создание современного, оригинального, легко узнаваемого логотипа и имиджевого слогана национального бренда белорусской продукции для повышения узнаваемости отечественных товаров как на территории Беларуси, так и за ее пределами [2].

Однако, несмотря на проведенный конкурс, стратегии формирования и продвижения белорусского национального бренда предстоит пройти долгий путь его международного признания. По итогам опубликованного доклада «*Nation brands 2021*» наша страна не вошла даже в топ-100 приведенного рейтинга [3].

Таким образом, вопросы, описанные нами выше, представляют лишь небольшую часть тех, которые должна решить Республика Беларусь на пути достижения своих внешнеполитических целей, обеспечения национальной безопасности и привлекательного международного имиджа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Comprehensive annual report on public diplomacy and international broadcasting [Electronic resource] // US Advisory Commission on Public Diplomacy. — 31.12.2019. — Mode of access: <https://www.state.gov/2019-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting/>. — Date of access: 10.09.2022.
2. Конкурс на создание логотипа и имиджевого слогана национального бренда белорусской продукции стартует 1 мая. [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 27.04.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/konkurs-na-sozdanie-logotipa-i-imidzhevogo-slogana-natsionalnogo-brenda-belorusskoj-produktsii-498683-2022/>. — Дата доступа: 10.09.2022.
3. Nation brands 2021 ranking [Electronic resource] // Brand Finance. — Mode of access: <https://brandirectory.com/rankings/nation-brands/table>. — Date of access: 10.09.2022.

О РАЗВИТИИ КОНЦЕПЦИИ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ» В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В. А. Романовский

*Белорусский институт стратегических исследований
пр-т Победителей, 7, 220004, г. Минск, Беларусь, e-mail: vromanovskiy@bistr.by*

Документы стратегического планирования являются одним из ключевых компонентов государственного стратегического управления в области обеспечения национальной безопасности. В Республике Беларусь реализация государственной политики в сфере национальной безопасности реализуется с учетом концептуальной взаимосвязи и взаимозависимости задач обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития. В современных условиях становится очевидной необходимость дальнейшего развития данного концептуального положения. В статье автор касается специфики реализации подхода «безопасность через развитие» в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь и обращает внимание на возможные направления его эволюции в сфере информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность; информационно-психологическая безопасность; стратегическое планирование; международное сотрудничество; социально-экономическое развитие.

ON THE ISSUE OF «SECURITY THROUGH DEVELOPMENT» CONCEPT IN INFORMATION SECURITY

V. A. Romanovski

*Belarusian Institute of Strategic Research
Pobediteley Ave., 7 220004, Minsk, Belarus, e-mail: vromanovskiy@bistr.by*

Strategic planning documents are one of the key components of the state strategic management in national security. In the Republic of Belarus, the state policy in national security takes into account the conceptual interconnection and interdependence of national security and socio-economic development. Today, the need for further development of this concept becomes obvious. In the article, the author touches upon the specifics of the implementation of the «security through development» approach in the Concept of Information Security of the Republic of Belarus and draws attention to the possible directions of its evolution in the field of information security.

Keywords: information security; information and psychological security; strategic planning; international cooperation; socio-economic development.

Различные государства используют концепцию «безопасность через развитие» для разработки документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности [1, с. 34–35]. Реализация государственной политики Республики Беларусь в сфере национальной безопасности реализуется с учетом этого подхода. Принцип неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости социально-экономического развития государства и обеспечения его безопасности подчеркивается и в соответствующих документах Российской Федерации [2, с. 9–10].

Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [3] (далее — Концепция) ориентируется прежде всего на приоритеты развития и описывает модели и конфигурации защищенного состояния информационной сферы [4, с. 221]. Белорусские исследователи прямо указывают, что в Концепции «отчетливо проводится мысль о том, что подходы к обеспечению безопасности в информационной сфере исходят прежде всего из социально-экономических интересов» [4, с. 221].

Важным теоретико-методологическим подходом к изучению проблематики обеспечения информационной безопасности является выделение двух категорий интересов личности, общества и государства в информационной сфере [5, с. 58]. Первая категория — это базовые права и свободы граждан, закрепленные в Конституции Республики Беларусь [6]. Информационная сфера, таким образом, является сферой реализации базовых прав и свобод граждан определенного государства. Вторая категория — это характерные только для информационной сферы средства и способы их реализации. Отмечается, что основные угрозы безопасности направлены именно на вторую категорию и, следовательно, «под информационной безопасностью можно считать стабильную динамику развития информационных средств реализации базовых интересов» [5, с. 58].

Согласно Концепции, информационная сфера представляет собой «совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений» [3, с. 4]. В современных условиях, государственная политика, направленная на формирование и развитие национальной информационной сферы, основывается на принципе цифрового суверенитета, который в Концепции определяется как «неотъемлемое и исключительное верховенство права государства определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационно-коммуникационными технологиями, формировать национальную цифровую инфраструктуру, обеспечивать ее защиту от неправомерного использования и несанкционированного вмешательства извне» [3, с. 4]. Реализация конституционных прав и свобод граждан таким образом реализуется в национальном сегменте информационного пространства через национальную информационную инфраструктуру и в рамках государственной системы регулирования возникающих при этом общественных отношений.

Среди основных предметов защиты в Концепции выделяется информационно-психологическая компонента информацион-

ной сферы. Подчеркивается, что обеспечение безопасности этой компоненты напрямую связано с ее развитием [4, с. 221].

С учетом возрастания рисков информационно-психологического воздействия на личность и социальные группы и ростом информационно-психологических угроз повышается значимость своевременной адаптации и модернизации системы правового обеспечения информационной безопасности как на внутригосударственном, так и международном уровнях [7, с. 16]. Так, в нормотворческую практику Республик Беларусь целесообразно введение понятия информационно-психологической безопасности, а также разработки понятийного аппарата информационно-психологической безопасности как составной части информационной безопасности и соответствующей типологии угроз [7, с. 16]. Нормативное обеспечение информационно-психологической безопасности в международно-правовом ракурсе предполагает введение в юридический оборот понятия международная информационно-психологическая безопасность и подготовку соответствующего теоретико-методологического обоснования для формулировки официальной позиции по данному вопросу в контексте межгосударственного взаимодействия по проблематике международной информационной безопасности.

Для эффективного выполнения задач по нейтрализации внутренних источников угроз информационно-психологической безопасности и противодействия внешнему деструктивному информационно-психологическому воздействию необходимо обеспечение и поддержание консолидирующего потенциала общества в виде комплекса идейных ценностей, в основе которого лежит представление о национальном единстве. Представляется, что для целей обеспечения безопасности информационно-психологической компоненты в информационной сфере целесообразно изучение возможности использования концептуальной связки «безопасность — развитие — единство» в целях развития содержательной части документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности.

Принимаемые государствами меры по международно-правовому регулированию отношений в информационной сфере не целесообразно ограничивать исключительно сегодняшним пониманием проблем, которое в значительной степени обусловлено текущей геополитической и геоэкономической динамикой. В средне- и долгосрочной перспективе вектор развития формирующейся системы международной информационной безопасности будет направлен на региональные трансформации, вызванные активизацией политики национальных государств по обеспечению своего информационного суверенитета. Представ-

ляется, что именно на выработку новых правил, регулирующих отношения в информационной сфере в условиях регионализации, должны быть направлены усилия неправительственных структур, академических кругов, бизнес сообщества, государств и межправительственных организаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Назаров, В. П. Стратегическое планирование в России: новый этап развития / В. П. Назаров, Д. А. Афиногенов. — Полис. Политические исследования. — 2022. — № 4. — С. 32–46.

2. Назаров, В. П. Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования в Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз: дис. д-ра ... полит. наук: 23.00.02 / В. П. Назаров; Мос. гос. ин-т межд. отн. (ун-т) Мин. иностр. дел Рос. — М., 2021. — 463 с.

3. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: утв. Советом Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/R219s0001_1553029200.pdf. — Дата доступа: 05.09.2022.

4. Арчаков, В. Ю. О концептуальных взглядах на информационную безопасность Республики Беларусь в аспекте современного общественного развития / В. Ю. Арчаков, О. С. Макаров, А. Л. Баньковский // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. — 2019. — Т. 64, № 2. — С. 220–226.

5. Макаров, О. С. К вопросу о новых рисках в информационной сфере и реализации принципа «безопасность через развитие» / О. С. Макаров // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2019. — № 2. — С. 57–62.

6. Конституция Республики Беларусь: решение республиканского референдума 27 февр. 2022 г., 4 марта 2022 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН-online. — Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=ro2200001>. — Дата доступа: 05.09.2022.

7. Смирнов, А. А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации: дис. д-ра ... юрид. наук: 12.00.13 / А. А. Смирнов. — М., 2022. — 444 с.

8. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=R31000575>. — Дата доступа: 09.09.2022.

АМЕРИКАНО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДОНАЛЬДА ТРАМПА (2017—2021 гг.)

Т. В. Свентецкая

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: sviantsets kayatv@gmail.com

В статье рассматриваются отношения Польши и США в период президентской администрации Дональда Трампа. Автор приводит основные характеристики польского вектора американской внешней политики при Бараке Обаме, которые позволяют провести компаративный анализ соответствующего направления при Дональде Трампе. Ключевым выводом проведенного анализа является четкая зависимость американско-польских отношений от американско-русской повестки: эскалация последней ведет к более тесному сотрудничеству США и Польши. Значимость европейского измерения американо-польских отношений увеличилась после Брекзита, к Польше перешла функция американского «тройанского коня» в Евросоюзе. В целом, актуальность темы обусловлена необходимостью всестороннего анализа политики ушедшей администрации, который ляжет в основу более фундаментальных исследований внешней политики Белого дома при Дональде Трампе.

Ключевые слова: американо-польские отношения; внешняя политика США; Дональд Трамп; Соединенные Штаты Америки; Польша; международные отношения.

AMERICAN-POLISH RELATIONS UNDER DONALD TRUMP'S PRESIDENCE (2017—2021)

T. V. Sviantsets kay a

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: sviantsets kayatv@gmail.com

The article examines the relations between Poland and the United States during the period of the presidential administration of Donald Trump. The author gives the main characteristics of the Polish vector of the American foreign policy of Barack Obama, which allow a comparative analysis of the corresponding direction under Donald Trump. The key conclusion of the analysis is the clear dependence of US—Polish relations on the US—Russian agenda: the escalation of the latter leads to closer cooperation between the US and Poland. The significance of the European dimension of US—Polish relations increased after Brexit, and the function of the American «Trojan horse» in the European Union passed to Poland. In general, the relevance of the topic is due to the need for a comprehensive analysis of the policy of outgoing administration, which will form the basis of more fundamental studies of the foreign policy of the White House of Donald Trump.

Keywords: US—Polish relations; US foreign policy; Donald Trump; USA; Poland; international relationships.

Многие правые силы в различных странах Европейского союза, в том числе в Польше, возлагали надежды на победу Дональда Трампа на президентских выборах в Соединенных Штатах Амери-

ки. Таковые имелись и у политического истеблишмента Республики Польша.

Еще с начала 1990-х гг. Польша однозначно определила вектор и характер своей внешнеполитической ориентации: вхождение в Западные политические структуры различного формата. При этом Варшава дифференцировала их по функционалу в своей внешней политике. Так, Европейский союз воспринимался исключительно как экономическое и культурное объединение европейских стран, в которое Польша «возвращается» по завершению «исторического недоразумения» в виде коммунистического блока. В то же время НАТО, а в реальности США, воспринимались Польшей как гарант военной безопасности, главной угрозой которой была Россия. В отличие от соседей по Европейскому союзу, Польша не испытывала симпатии к наследнице Советского Союза даже в годы полной деэскалации политической напряженности в регионе.

Этот политический тренд оказался достаточно устойчивым. Так, по результатам социологического опроса, проведенного в 2017 г., Польша была на первом месте среди стран, где респонденты на вопрос «Какую страну вы считаете главной угрозой безопасности» называли Россию.

В период президентства Б. Обамы Польша, в отличие от других стран Европы, испытывала разочарование во внешней политике США. Началось оно с отказа США от размещения систем противоракетной обороны, анонсированного в юбилей Советского вторжения на территорию Польши (17 сентября 2009 г.) и развивалось на фоне отсутствия должной реакции на войну в Грузии и события в Украине.

Также Б. Обама в публичных выступлениях, посвященных Польше, регулярно указывал на проблемы в соблюдении демократических норм. Например, в 2016 г. Барак Обама в разговоре напомнил Анджею Дуде о необходимости соблюдения фундаментальных прав человека, в частности имея в виду конституционные и судебные реформы, стоявшие в политической повестке Польши. Такие выпады в сторону внутренней политики Польше еще больше охлаждали двусторонние отношения.

Кандидатура Д. Трампа на стадии предвыборной кампании вызывала опасения среди политиков стран Европы в связи с его тесными связями с В. В. Путиным. Однако президентская реальность оказалось иной: ожидаемого американо-российского потепления не случилось, вместе с тем, Вашингтон занял более жесткую позицию по соблюдению Европой обязательств в рамках НАТО. Это стало триггером для возвращения в повестку вопроса о собственной европейской армии.

Однако Варшава в этом видела скорее шанс для возвращения Польши в ряды стратегических союзников США, как минимум, на региональном уровне. Не удивительно, что второй визит в Европу в качестве презента Д. Трамп совершил в Польшу накануне Саммита большой двадцатки. Его польский коллега Анджей Дуда предоставил Д. Трампу площадку для выступления, встреченного бурными овациями. Во время своей речи Д. Трамп приветствовал инициативу Трех морей, обладающую потенциалом для кооперации в области экономики и безопасности [1].

Дипломатическим успехом Варшавы можно считать визит Д. Трампа на конференцию инициативы Трех морей, где он говорил о необходимости снижения энергетической зависимости Польши в частности и Европы в целом от газовых поставок из России. В отличие от предшественника, Д. Трамп поддержал Польшу в осуждении энергетического проекта «Северный поток 2» [2].

В 2018 г. Польша предложила Соединенным Штатам открыть постоянную военную базу в своей стране. Более того, при американском согласии на реализацию этого проекта, Польша готова выделить около 2 млрд дол. США для финансирования американских войск. В качестве места дислокации Польша предложила Быдгощ или Торунь [3; 4].

В сентябре 2018 г. президент А. Дуда посетил Вашингтон. Во время этого визита Д. Трамп сказал, что безопасность Польши для Вашингтона не менее важна, чем безопасность США, особенно в условиях «агрессивных действий России».

Вопросы безопасности в американо-польских отношениях становились шире, чем просто размещение военного контингента. Так, 5 сентября 2019 г. США и Польша оформили совместную декларацию по 5G. В заявлении лидеры двух стран отметили, что в условиях технологической экспансии Китая западным странам необходимо объединиться для противодействия монополизации рынка 5G Китаем и отслеживания качества высокотехнологической продукции [5].

В сентябре 2019 г. были выбраны локации для возможного размещения 4500 солдат войск США: Познань, Дравско Поморске, Страчовице, Ласк, Повидз, Люблинец [6]. Эти локации обсуждались во время очередного визита А. Дуды в США [7], который можно назвать чрезмерной уступкой Варшавы в американо-польских отношениях.

Администрация Д. Трампа закрыла еще один болезненный для Польши вопрос. С 11 ноября 2019 г. в силу вступил безвизовый режим для граждан Польши. Так, поляки могут находиться на территории США в течение 3-х месяцев с целью туризма или бизнеса. Намерения о включении стран центральной Европы в

безвизовый режим Вашингтон выражал еще со второго президентского срока Д. Буша-мл. и президентства Б. Обамы [8].

Польша предоставила площадку для противоречивой конференции по Ближнему Востоку в феврале 2019 г. Эта конференция была расценена как антииранская, попытка создания коалиции после выхода США из совместного всеобъемлющего плана действий в 2018 г. Поэтому лидеры европейских стран, в том числе глава дипломатии ЕС Фредерика Могерини, отказались участвовать в конференции. Таким образом, Польша, организовывая конференцию фактически в разрез с общеевропейским дипломатическим вектором, подтверждала свою ориентацию на США, если дело касалось вопросов безопасности.

Американо-польское сотрудничество позитивно оценивалось польскими избирателями. Согласно социологическим опросам, жители Польши, как никто другой в Европе, поддерживали администрацию Д. Трампа и доверяли его политике. Так, на 2019 г. 79 % поляков положительно оценивали деятельность президента Трампа [2].

Политика США в отношении Польши имела явное европейское преломление. До брекзита Великобританию называли американским «троянским конем» в Европейском союзе, теперь же эта роль перешла к Польше, которая использовалась Вашингтоном как козырь в противостоянии со Старой Европой.

Так, 24 июня 2020 г. Трамп сказал на пресс-конференции с А. Дудой, что США планирует перемещение американских военных континентов из Германии в Польшу [9]. Причиной для этого Трамп назвал выполнение Польшей, одной из немногих стран, обязательств в рамках НАТО [10].

Наиболее ярким эпизодом, в некотором смысле кульминацией польской дипломатии можно назвать подписание двустороннего американо-польского соглашения, ядром которого было размещение на постоянной основе американского военного континента в Польше [11; 12].

15 августа 2020 г. было подписано Соглашение о расширенном оборонном сотрудничестве с Республикой Польша. В выступлении президент Д. Трамп назвал это соглашение кульминацией нескольких месяцев переговоров [13; 14]. После присоединения Крыма к Российской Федерации Польша и страны Балтии называли Россию главной угрозой региональной безопасности не только как страну, обладающую ядерным оружием, но и как страну со значительным потенциалом в конвенциональном вооружении, а также с эксклавом в виде Калининграда. Поэтому данное соглашение было долгожданным усилением американо-польского военного сотрудничества.

Вместе с тем, в стратегии национальной безопасности, опубликованной в 2018 г., США отдают приоритет противостоянию с Китаем, оставив России как угрозе место на периферии. Понимая это, польский политический истеблишмент не просто стремился увеличить американское военное присутствие, сколько использовать окно возможностей для усиления собственных сил.

Так, в мае 2017 г. в опубликованной польской концепции безопасности в качестве стратегического плана отмечена необходимость расширения военного контингента до 200000 солдат. Вдобавок к этому, указано направление развития собственного военно-промышленного комплекса для снижения технологической зависимости от поставок из США [15].

Более того, Польша также стремится укрепить сотрудничество в рамках В4, так как западный союзник, Германия, расходится с Польшей во мнении по ключевым вопросам энергетической и военной безопасности. Хотя Берлин возглавлял проведение санкционной политики в отношении России, Варшава обеспокоена потенциальным введением в оборот Северного потока.

Таким образом, центральным сюжетом американско-польских отношений в период администрации Д. Трампа был вопрос безопасности. В отличие от Б. Обамы, который делал акцент на международных организациях и коллективных договорах, Д. Трамп выстраивал внешнюю политику как систему двусторонних отношений. Польша в этот период была одним из ключевых союзников США в рамках НАТО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. President Trump in Poland [Electronic resource] // The White House. — 06.07.2017. — Mode of access: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/president-trump-poland>. — Date of access: 17.04.2022.

2. Зендхард, Б. Место почитания Трампа [Электронные ресурсы] / Б. Зендхард // IPG — Международная политика и общество. — 03.08.2020. — Режим доступа: <https://www.ipg-journal.io/rubriki/vneshnjaja-politika-i-bezopasnost/mesto-pochitanija-trampa-1115>. — Дата доступа: 17.04.2022.

3. Marcus, J. Trump: US to send 1000 troops to Poland in new deal [Electronic resource] / J. Marcus // BBC. — 12.07.2019. — Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-48585045>. — Date of access: 17.04.2022.

4. Zemala, E. Poland offers US up to \$2B for permanent military base [Electronic resource] / E. Zemala, K. Turecki // Politico. — 27.05.2018. — Mode of access: <https://www.politico.eu/article/nato-poland-offers-us-up-to-2-billion-for-permanent-american-military-base>. — Date of access: 17.04.2022.

5. U.S. — Poland Joint Declaration on 5G [Electronic resource] // The White House. — 05.09.2019. — Mode of access: <https://trumpwhitehouse>.

archives.gov/briefings-statements/u-s-poland-joint-declaration-5g/. — Date of access: 17.04.2022.

6. Lanoszka, A. Poland in a time of geopolitical flux / A. Lanoszka // Contemporary Politics. — 2020. — Vol. 26, N 4. — P. 458–474.

7. Poland's Duda promises 'strong alliance' with Donald Trump during US visit [Electronic resource] // Euronews. — 24.06.2020. — Mode of access: <https://www.euronews.com/2020/06/24/polish-president-duda-meets-donald-trump-for-pre-election-boost>. — Date of access: 17.04.2022.

8. Безвизовый въезд в США для поляков начнет действовать с 11 ноября [Электронные ресурсы] // Polsha24. — 09.11.2019. — Режим доступа: <https://polsha24.com/novosti/bezvizovyi-vezd-v-ssha-dlia-poliakov-nachnet-deistvovat-s-11-noiabria-10263/>. — Дата доступа: 17.04.2022.

9. Readout of President Donald J. Trump's Meeting with President Andrzej Duda of the Republic of Poland [Electronic resource] // The White House. — 24.06.2020. — Mode of access: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/readout-president-donald-j-trumps-meeting-president-andrzej-duda-republic-poland/>. — Date of access: 17.04.2022.

10. Bonnie, K. US, Trump's plan to 'probably' move troops to Poland reveals a dangerous lack of a real strategy [Electronic resource] / K. Bonnie // Insider. — 03.07.2020. — Mode of access: <https://www.businessinsider.com/trump-plan-to-move-troops-to-poland-lack-of-strategy-2020-7>. — Date of access: 17.04.2022.

11. Adamowski, J. US, Polish presidents sign pact to boost American military presence in Poland [Electronic resource] / J. Adamowski // DefenceNews. — 24.09.2019. — Mode of access: <https://www.defensenews.com/global/europe/2019/09/24/us-polish-presidents-sign-pact-to-boost-american-military-presence-in-poland>. — Date of access: 17.04.2022.

12. Statement by the President Regarding the Enhanced Defense Cooperation Agreement with the Republic of Poland [Electronic resource] // The White House. — 15.08.2020. — Mode of access: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-regarding-enhanced-defense-cooperation-agreement-republic-poland/>. — Date of access: 17.04.2022.

13. Отношения США и Польши в преддверии президентских выборов [Электронные ресурсы] // Euronews. — 26.10.2020. — Режим доступа: <https://ru.euronews.com/2020/10/26/american-polish-relations-before-the-elections>. — Дата доступа: 17.04.2022.

14. Joint Declaration on Defense Cooperation Regarding United States Force Posture in the Republic of Poland [Electronic resource] // The White House. — 12.06.2019. — Mode of access: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/joint-declaration-defense-cooperation-regarding-united-states-force-posture-republic-poland>. — Date of access: 17.04.2022.

15. Rempfer, K. Why Poland wants a permanent US military base, and is willing to pay \$2 billion for it [Electronic resource] / K. Rempfer // Army Times. — 29.05.2018. — Mode of access: <https://www.armytimes.com/news/2018/05/29/why-poland-wants-a-permanent-us-military-base-and-is-willing-to-pay-2-billion-for-it>. — Date of access: 17.04.2022.

**КУЗЬМА ВЕНЕДИКОВИЧ КИСЕЛЕВ (1903—1977)
КАК ОРГАНИЗАТОР И УЧАСТНИК ИССЛЕДОВАНИЙ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БЕЛОРУССКОЙ ССР**

С. Ф. Свилас

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: svilas0104@gmail.com*

На основе документов Министерства иностранных дел Белорусской ССР и его публикаций рассматривается роль министра К. В. Киселева в исследованиях внешнеполитической деятельности республики. Определен его личный вклад в создание и формирование архива министерства, издание сборника международных договоров, конвенций и соглашений республики с иностранными государствами. Прослеживается ход подготовки монографии «Белорусская ССР на международной арене» и других публикаций министерства, раскрыто их содержание, восстановлены имена других участников этой работы, которая отличала министерство от МИД Украинской ССР под руководством Л. Ф. Паламарчука (1954—1965). Отмечено значение мемуаров К. В. Киселева как источника для более полной реконструкции внешнеполитической деятельности советской Беларуси. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке к празднованию 120-летия со дня рождения К. В. Киселева.

Ключевые слова: *Белорусская ССР; дипломатия; внешнеполитическая деятельность; МИД Белорусской ССР; К. В. Киселев; коллективная биография; историография истории международных отношений.*

**KUZMA VENEDIKTOVICH KISELYOV (1903—1977)
AS AN ORGANIZER AND PARTICIPANT IN RESEARCH
ON THE FOREIGN POLICY ACTIVITIES
OF THE BYELORUSSIAN SSR**

S. F. Svilas

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: svilas0104@gmail.com*

The author considered the role of Minister K. V. Kiselyov in the research of foreign policy activities of the republic on a documentary basis of the Ministry of Foreign Affairs of the Byelorussian SSR and its publications. The author determined his personal contribution to the creation and development of the Ministry's archive, the publication of a collection of international treaties, conventions and agreements of the republic with foreign states. The article observes preparation of the monograph «The Byelorussian SSR in the international arena» and other publications, reveals their contents, renews the names of other participants in this work, which contributed to the dissemination of knowledge about the republic in the world and distinguished the Ministry from the Ministry of Foreign Affairs of the Ukrainian SSR under the leadership of L. F. Palamarchuk (1954—1965). In the article author noticed the importance of K. V. Kiselyov's memoirs as a source for a more complete reconstruction of the foreign policy activities of Soviet Belarus. The results of the research can be used in preparation for the celebration of the 120th anniversary of the birth of K. V. Kiselyov.

Keywords: *Byelorussian SSR; diplomacy; foreign policy; Ministry of Foreign Affairs of the Byelorussian SSR; K. V. Kiselyov; collective biography; historiography of the history of international relations.*

С именем К. В. Киселева связано более двадцати лет истории советской дипломатии: в 1944—1966 гг. он возглавлял министерство (до 1946 г. наркомат) иностранных дел БССР. **Мемуары К. В. Киселева**, а также публикации, подготовленные под его руководством, продолжают оставаться важным источником изучения внешнеполитической деятельности Белорусской ССР [1].

Сотрудники МИД Белорусской ССР участвовали в подготовке второго издания «**Истории дипломатии**» и «**Дипломатического словаря**». В 1957 г. решением Коллегии Министерства по инициативе К. В. Киселева была создана комиссия в составе А. Е. Гуриновича, будущего преемника министра, и В. С. Колбасина, ставшего впоследствии многолетним представителем Белорусской ССР при ЮНЕСКО, для подготовки письма в МИД СССР с предложениями по «Истории дипломатии». Вторую комиссию в составе В. В. Грекова (в скором времени первого сотрудника по квоте БССР в аппарате ООН), А. С. Зайцева и Г. К. Новицкого обязали подготовить предложения по «Дипломатическому словарю» [2].

После смерти Сталина во внешнеполитическом ведомстве Белорусской ССР заметное внимание стало уделяться аналитической и научной работе дипломатов, проводимой, в том числе, на основе документов ведомственного архива. Такая деятельность рассматривалась в качестве важной составляющей и стимула их профессионализма, учитывалась при аттестации. **Архив министерства** был создан в 1944 г., причем документация откладывалась в двух отделах: политическом (с 1961 года — секретариат) и протокольно-консульском. В 1957 г. работа архива проверялась специально созданной комиссией в составе первого секретаря политотдела Г. Г. Чернущенко и второго секретаря В. В. Грекова, а результаты проверки были заслушаны Коллегией МИДа, которая в качестве недостатков указала на переплетение функций библиотеки и архива, нечеткое распределение документов по организациям, дублирующие протоколы. Министр К. В. Киселев высказался за стажировку референта по архиву Н. Н. Коваленко в МИД СССР и предложил обратиться к начальнику Архивного управления при Совете Министров БССР А. И. Азарову с просьбой прислать специалиста для оказания помощи [3].

В 1958 г. библиотекарь Я. А. Глиндзич и референт Н. Н. Коваленко докладывали Коллегии «об упорядочении работы архива». К. В. Киселев призвал «очень осторожно» подходить к

«уничтожению старых материалов», «ликвидировать то, что действительно лишнее и нам не пригодится», проявляя в этом деле «особую внимательность». По предложению министра, Коллегия создала комиссию в составе его заместителя П. Е. Астапенко (председатель), первого секретаря А. С. Зайцева, помощника министра Г. К. Новицкого, библиотекаря Я. А. Глиндзич и референта Н. Н. Коваленко для внесения конкретных предложений по «разгрузке» и упорядочению работы архива МИД Белорусской ССР [3].

К. В. Киселев инициировал издание документов о внешнеполитической деятельности республики. В 1960 г. был опубликован **сборник «Белорусская ССР в международных отношениях»**, в который вошли международные договоры, конвенции и соглашения республики с иностранными государствами, подписанные в 1944—1959 годах. Сборник, составленный по проблемно-хронологическому принципу С. П. Маргунским и А. С. Зайцевым, подготовили к печати МИД БССР и Отдел правовых наук АН БССР; общее руководство работой осуществлял К. В. Киселев [4]. В 1983 г. издание сборника было продолжено, в него вошли документы 1960—1980 гг. Руководство проектом сотрудников протокольно-консульского отдела МИД БССР, начатым при К. В. Киселеве, завершил тогдашний министр иностранных дел БССР А. Е. Гуринович [5]. Немалый интерес представляют вводные статьи составителей к изданию, не потерявшему своей ценности для современных исследователей.

На февральской Коллегии 1962 г. К. В. Киселев предложил запросить инструкции МИД СССР по работе архива, чтобы учесть их при составлении соответствующего документа для республиканского министерства, и критиковал комиссию за промедление. Архивом пользовались не только дипломаты (для составления справок и подготовки выступлений), но и сотрудники других учреждений БССР. В качестве основного недостатка отмечалось слабое информирование архивом министерств и ведомств о передовом зарубежном опыте в экономике (при этом уже началось сотрудничество с библиотекой института информации, институтами энергетики и права АН БССР). Новому референту по архиву В. И. Лукьяновичу было предложено разработать инструкцию по хранению архивных материалов [3].

В 1963 г. Коллегия приняла решение о создании комиссии для составления **Положения об архиве МИД Белорусской ССР**. В состав комиссии вошли заведующий отделом международных организаций Л. И. Максимов (председатель), ответственный секретарь Комиссии по делам ЮНЕСКО Г. К. Новицкий, третий секретарь И. В. Рудник, референт В. И. Лукьянович. В том же

году на собрании коммунистов МИДа обсуждалась работа кандидата в члены КПСС В. И. Лукьяновича «над повышением своего идейно-теоретического уровня». Выпускник Минского института иностранных языков, он заочно учился на юридическом факультете БГУ, указанную должность занимал с 1960 г. Было отмечено, что В. И. Лукьянович провел определенную работу по комплектованию и систематизации архивных материалов с учетом критических замечаний, высказанных на коллегии, трижды участвовал в составе делегаций БССР на международных конференциях, знаком с новым изданием «Истории дипломатии» и литературой по международным вопросам. Секретарь парторганизации заведующий протоколно-консульским отделом А. Д. Рассолько подчеркнул необходимость и важность работы над Положением об архиве министерства. Год спустя при утверждении Коллегией этого документа заместитель министра А. Е. Гуринович предложил особое внимание обратить на формирование закрытого фонда и систематизацию его материалов [3].

В 1964 г., к 20-летию создания МИД Белорусской ССР, в московском издательстве «Международные отношения» вышла монография пятнадцати «оперативных работников» министерства [6], где К. В. Киселев выступил в качестве одного из авторов и научного редактора. Этому событию предшествовала длительная подготовка.

Еще в 1960 г. первый секретарь министерства А. С. Зайцев на партийном собрании предложил, чтобы «кто-то взялся писать брошюру об участии БССР в ООН и семи специализированных учреждениях», а член Коллегии и ответственный секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО В. С. Колбасин высказал мнение, что издание брошюр и документов «об участии Белорусской ССР в борьбе на международной арене было бы посильным делом для сотрудников МИД БССР», «полезным источником для наших агитаторов, лекторов, историков, студентов и т. д.», однако «в данный момент мы не в состоянии заняться этой работой, ибо нас всего 10 человек, и каждый из нас достаточно загружен основной работой». Несмотря на эту аргументацию, партийное собрание постановило изучить предложение об издательской деятельности МИДа БССР [7].

В 1962 г. по инициативе референтского совещания в план работы министерства было включено написание книги «БССР на международной арене», а также составление сборника отдельных выступлений делегатов БССР на сессиях Генеральной Ассамблеи, а помощника министра Э.И. Борщевского направили в Москву для согласования вопроса. На референтских совещаниях, где продолжалось обсуждение работы над книгой, выступали К. В. Киселев, А. Е. Гуринович, В. С. Колбасин, В. Н. Фисенко,

Э. И. Борщевский, Н. П. Шердюков, О. А. Тихонов, Э. М. Скобелев. а на имя А. А. Громыко министерство направило специальное письмо с просьбой о содействии. К написанию монографии привлекались также Э. А. Найденев, Г. К. Новицкий, В. И. Пешков, А. Д. Рассолько, В. С. Смирнов, А. Я. Тюрин. Министр К. В. Киселев постоянно подчеркивал, что «дипломат должен знать хорошо свою страну — и СССР, и БССР», заниматься научной работой, используя «богатейший в республике архив», «работать по вечерам, иначе не будет никакого роста», «активно работать с иностранцами», пропагандируя «наши успехи, нашу внешнюю политику» [7; 8].

В монографии **«Белорусская ССР на международной арене»** (тираж 6 тыс. экземпляров) впервые в советской историографии на основе несекретных материалов архива министерства, а также дипломатического опыта авторов освещаются основные направления и формы внешнеполитической деятельности республики. Приложение содержит перечень договоров и соглашений, участницей которых стала республика ко времени выхода издания в свет [6]. Подчеркнем, что МИД Украинской ССР, которым на протяжении 1954—1965 гг. руководил Л. Ф. Паламарчук, в прошлом историк и журналист (К. В. Киселев по первому образованию был врачом-невропатологом), не отметил свой юбилей аналогичным изданием.

В 1963 г. Государственное издательство БССР выпустило брошюру одного из авторов указанной монографии **В. С. Колбашина «Белорусская ССР — член ЮНЕСКО»** (тираж 2 тыс. экземпляров), подготовленную по инициативе и поддержке К. В. Киселева. Несмотря на идеологические штампы, отразившие время, эта работа содержит интересный документальный материал — отрывки из выступлений членов белорусских делегаций (правда, безымянных), а также личные впечатления автора [9].

Мартовский номер журнала «СССР» за 1964 г., издававшийся на английском языке в Вашингтоне, был посвящен различным сторонам жизни Белорусской ССР, в том числе ее участию в международных отношениях. Часть тиража (60 тыс. экз.) была распространена в США, Швейцарии, Франции и среди иностранных делегаций, находившихся в Минске, — это была «действительно мощная идеологическая атака». В течение 1964 г. Представительство Белорусской ССР при ООН в Нью-Йорке разослало более 60 экз. текстов выступлений делегатов республики на XVIII сессии ГА ООН, более 100 экз. брошюры о БССР на английском языке, подготовленной Белорусским обществом дружбы и культурных связей с зарубежными странами по инициативе МИДа, и другие материалы [2].

К. В. Киселев стал соавтором фундаментального труда **«Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1961—1965 гг.)»** (1968). В рамках советской историографии «холодной войны» он рассмотрел участие БССР в «борьбе за разоружение» и освобождение колоний, ее вклад в развитие международного экономического и культурного сотрудничества в рамках ООН и ее специализированных учреждений. Представленная с позиции апологетики советской внешней политики глава охватывает весь послевоенный период, основана на упомянутой коллективной монографии и документах ООН, но, в отличие от издания 1964 года, имеет подстрочные примечания. В публикации раскритикованы «представители буржуазного права американцы Грин, Бош, Фейган», отрицавшие суверенитет союзных республик, в который глава внешнеполитического ведомства верил, хотя и подписывал годовые отчеты в Москву, начинавшиеся похожими абзацами: «Практическая работа МИД Белорусской ССР осуществлялась на основе указаний МИД СССР, Правительства Белорусской ССР и ЦК Компартии Белоруссии» [10].

В 1974 г. были опубликованы *мемуары К. В. Киселева*, работу над которыми он обосновал следующим образом: «На склоне лет хочется оглянуться на прожитое, вспомнить трудные, тяжелые, но и славные годы, передать молодежи, вступающей в жизнь, хотя бы частицу жизненного опыта». По оценке автора мемуаров, его дипломатическая деятельность была направлена на то, чтобы «навсегда исключить войну из жизни человеческого общества» [11, с. 4]. И в XXI в., но уже с позиций современной историографии «холодной войны», проявляющей интерес к менталитету дипломатов двух «лагерей», это издание, содержащее неизвестные факты международной жизни и портреты ее видных представителей, продолжает вызывать интерес.

К. В. Киселев с уважением относился к белорусским литераторам, ценил их вклад в развитие республики и содействовал включению в состав делегации Белорусской ССР на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Деятельность «народных дипломатов» (П. Бровки, П. Глебки, М. Лынькова, П. Панченко, М. Танка, И. Шамякина) отражена в текстах их выступлений, протоколах заседаний и стенограммах совещаний членов делегации БССР, а также в документах личного происхождения (дневниках, записных книжках, письмах, мемуарах), художественных произведениях (очерках и стихах), которые являются важными группами источников изучения истории белорусской советской дипломатии [12]. Таким образом, благодаря позиции К. В. Киселева в вопросе формирования белорусской делегации на форумы ООН расши-

рялась и становилась все более разнообразной источниковая база для междисциплинарных исследований советской дипломатии.

Частично рассекреченные в 1999 г. материалы МИД БССР, прежде всего заседания его коллегии [13] свидетельствуют, какой кропотливый, в основном «вечерний» труд, основанный на романтизме хрущевской «оттепели», предшествовал указанным публикациям, а его организатором и координатором выступал Кузьма Венедиктович Киселев, 120-летие которого будет отмечаться в 2023 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Свилас, С. Ф. Историография и источники по истории внешнеполитической деятельности Белорусской ССР в 1954—1990 гг. / С. Ф. Свилас // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2003. — № 4. — С. 40—44.

2. Свилас, С. Ф. К. В. Киселев и публикаторская деятельность МИД Белорусской ССР (1953—1964 гг.) / С. Ф. Свилас // История идей и история общества: материалы IX Всероссийской науч. конф., Нижневартовск, 14—15 апреля 2011 г. / Нижневартовский гос. гуманитарный ун-т / отв. ред. В. Н. Ерохин. Нижневартовск, 2011. — С. 172—174.

3. Свилас С. Ф. Об истоках формирования архива МИД Республики Беларусь / С. Ф. Свилас // Актуальные проблемы междунар. отношений и дипломатии (1918 г. — начало XXI в.): материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 17—18 мая 2018 г. — Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. — С. 167. —168.

4. Белорусская ССР в международных отношениях. Международные договоры, конвенции и соглашения Белорусской ССР с иностранными государствами (1944—1959) / сост. С. П. Моргунский, А. С. Зайцев; под ред. К. В. Киселева — Минск: Изд-во Академии наук Белорусской ССР, 1960. — 1050 с.

5. Белорусская ССР в международных отношениях: Многосторонние международные договоры, конвенции и соглашения БССР (1960—1980). — Минск: Беларусь, 1983. — 740 с.

6. Белорусская ССР на международной арене / под ред. К. В. Киселева — М.: Междунар. отношения, 1964. — 240 с.

7. Свилас, С. Ф. Научно-исследовательская работа сотрудников МИД Белорусской ССР в период хрущевской «оттепели» / С. Ф. Свилас // Дипломатия Беларуси: прошлое и настоящее: сб. материалов науч. семинара, Минск, 6 марта 2015 г. / под ред. А. В. Русаковича. — Минск: БГУ, 2015. — С. 16—22.

8. Свилас, С. Ф. О кадровом составе Министерства иностранных дел Белорусской ССР в 1953—1964 гг. / С. Ф. Свилас // Беларусь в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф., посвящ. 88-летию образования Белорус. гос. ун-та. Минск, 30 окт. 2009 / редкол. В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Тесей, 2009. — С. 49—51.

9. Колбасин, В. С. Белорусская ССР — член ЮНЕСКО / В. С. Колбасин. — Минск: Государственное издательство БССР, 1963. — 39 с.

10. Киселев, К. В. Белорусская ССР в ООН // Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1961—1965 гг.) / ред. В. Д. Израэлян. — М.: Наука, 1968. — 457 с.

11. Киселев, К. В. Записки советского дипломата / К. В. Киселев. — М.: Политиздат, 1974. — 527 с.

12. Аўласенка, І. М. Беларуская пісьменнікі ў Арганізацыі Аб'яднаных Нацый: выступленні, назіранні, уражанні / І. М. Аўласенка. — Мінск: ІВЦ Мінфіна, 2021. — 308 с.

13. Свилас, С. Ф. Создание и начало деятельности Коллегии МИД Белорусской ССР / С. Ф. Свилас // Беларусь в меняющемся мире: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: М. Э. Чесновский (пред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2019. — С. 208—216.

МИГРАЦИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

А. В. Селиванов¹⁾, В. С. Гапеева²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: selivanych@bsu.by

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: gapeeva99@yandex.ru

В настоящее время ситуация, связанная с климатическим и экологическим кризисом, только ухудшается. Население многих регионов вынуждено покидать свои дома в поисках мест для безопасной жизнедеятельности. Не является исключением и Латинская Америка. Зачастую такие тенденции провоцируют рост нелегальной миграции, что несет ущерб для всего мира. Принятие необходимых мер по регулировке климатического кризиса является актуальной и необходимой темой для обсуждения. Важно отметить как региональные, так и глобальные документы, которые на сегодняшний день вступают в силу, неся за собой будущую возможность безопасной жизни на планете, а также необходимость упорядоченной миграции.

Ключевые слова: миграция; Латинская Америка; экологический фактор; климат; окружающая среда.

MIGRATION IN LATIN AMERICA: ENVIRONMENTAL FACTOR

A. V. Selivanov^a, V. S. Gapeeva^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: selivanych@bsu.by

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: gapeeva99@yandex.ru

Today, the situation related to the climate and environmental crisis is getting worse. The countries of Latin America are suffering, populations in many regions are being forced to leave their homes in search of places to live safely. Often, such trends provoke an increase in illegal migration, which is detrimental to the whole world. Taking appropriate measures to manage the climate crisis is a relevant and necessary topic for discussion. It is important to note both the regional and global

instruments which are now entering into force, bringing with them the result in the future possibility of safe living on the planet, as well as the need for regular migration.

Keywords: migration; Latin America; environmental factor; climate; environment.

Экологический фактор как причина вынужденного перемещения на сегодняшний день по остроте своей проблематики стоит наравне с другими причинами миграции. Ежегодно миллионы мужчин, женщин и детей вынуждены оставлять свои дома, так как дальнейшее пребывание на территориях происхождения становится опасным для жизни. Различного вида катаклизмы, такие как наводнения, пожары, циклоны, уничтожают дома, что провоцирует перемещение людей. Непредсказуемые изменения частоты и видов осадков, повышение уровня воды — все это делает труднодоступным или же вообще невозможным доступ к продуктам и пресной воде, что также вынуждает людей искать иные места для более надежных условий жизнедеятельности [1, с. 285].

Латинская Америка является одним из кризисных регионов в контексте климатического фактора. При этом следует отметить, что данный вопрос для региона все еще остается малоизученным. В статье рассмотрены положения, принятые в недавнем времени по улучшению управления миграционных потоков на территории Латинской Америки, в частности, связанных с климатическими и экологическими бедствиями.

В период с 1990 по 2017 г. в регионе произошло 408 экологических и техногенных катастроф. Больше всего пострадали Гаити, Доминиканская Республика и Куба. К тому же, что касается Кубы, Доминиканской Республики, Гаити, Ямайки и Багамских островов, то многие города находятся ниже пяти метров над уровнем моря, что увеличивает риск наводнений [2]. Использование запрещенных веществ, таких как модифицированные версии дихлордифенилтрихлорэтана, применение пестицидов и иных токсичных веществ приносят колоссальный ущерб почвам Бразилии, включая полное опустынивание [3].

Уже по состоянию на 2003 г. Бразилия, как одна из ведущих стран Латинской Америки, занимала пятое место в мировой статистике по количеству выбросов парниковых газов, а вырубка лесов и обеднение окружающей среды выглядели угрожающе [4, р. 3]. Загрязнение окружающей среды происходит по разным причинам, однако, на международном уровне общепризнано, что ухудшение состояния окружающей среды в основном связано с деятельностью человека. Были определены четыре основные экологические угрозы для Бразилии: неустойчивые методы вырубки лесов, обеднение среды обитания, что связано с экспанси-

ей сельского хозяйства, урбанизация и торговля животными [5, р. 2]. Кроме того, следует выделить высокую возгораемость лесов, локальные и энергетические затраты и выведение экзотических видов. Исходя из данного перечня, можно отметить, что все эти угрозы относятся к большинству стран Латинской Америки.

Заметим, что в последнее время стали применяться механизмы глобального управления процессами климатических изменений, связанными в том числе и с миграционными процессами. Так, можно отметить два ключевых механизма по решению вопроса изменения окружающей среды и миграции. Рамочная конвенция ООН об изменении климата признает уязвимость всех государств перед изменением климата, тем самым призывает принимать меры к возможной адаптации [6]. В рамках Целевой группы были определены рекомендации для стран — сторон Рамочной конвенции, а именно: формировать политику таким образом, чтобы проблема перемещения сводилась к минимуму; повышать готовность к перемещению при чрезвычайных ситуациях; поощрять безопасную, упорядоченную и легальную миграцию. Прогрессивным достижением в области регулирования миграционных потоков стал Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции [7]. Несмотря на то, что договор напрямую не связан с климатическими вопросами, среди 23 поставленных целей, находятся связанные с проблемами изменения климата и стихийными бедствиями.

Так, на сегодняшний день Организация Объединенных Наций способствует улучшению ситуации региона Латинской Америки. Политики данных стран определяют направления своей деятельности в рамках региональных соглашений. 22 апреля 2021 г. (в День Земли) вступило в силу особое соглашение регионального уровня — соглашение Эскасу, целью которого является призыв к защите окружающей среды [8]. Осознавая важность экологического восстановления после пандемии *COVID-19*, в 2021 г. была подписана Бриджтаунская декларация о включении в стратегии вопросов, которые касаются окружающей среды [9]. Основой документа стали улучшение экономики на основе интеграции, создание устойчивой экономики, что в дальнейшем сказывается на устойчивом использовании природных ресурсов.

Обращает на себя внимание деятельность Агентства США по международному развитию, декларирующего свою деятельность по улучшению качества жизни и решению ряда проблем социально-экономического характера, с которыми сталкиваются страны Латинской Америки, а также проблем, связанных с изменением климата и ухудшения условий окружающей среды [10].

Так, Карибская энергетическая инициатива нацелена на улучшение устойчивости энергетического сектора, так как соответствующий уровень энергоснабжения прямолинейно влияет на уровень благосостояния экономики региона, что, соответственно, влечет за собой возможность восстановления после стихийных бедствий. Она запланирована на 5 лет (начиная с 2020 г.), вовлекая США в контексте своей стратегии по взаимодействию с Карибским районом. Инициатива определяет целью улучшение качества жизни государств для преодоления основных проблемы и препятствия [11].

Латинская Америка относится к регионам с высоким уровнем миграционных тенденций. На протяжении многих лет эксплуатация природных ресурсов являлась ключевым источником возможного проживания населения на своих территориях. Процессы распределения природных ресурсов в промышленных целях на протяжении многих лет являлись основой благосостояния для многих территорий в совокупности с населением, проживающим на них. Обращает на себя внимание зависимость роста урбанизации, спроса на социальные и медицинские факторы и повышения уязвимости экологической ситуации, что тем самым создает новые риски [12, р. 16]. При оценке тенденций экологической миграции важно отмечать не только районы происхождения, но и районы назначения. Так, увеличивается поток людей из сельской местности в города. Деревни зачастую расположены в округах, находящихся в зоне риска. В качестве примера можно привести геологические опасности, как оползни, землетрясения или извержения вулканов. Таким образом, люди, перемещающиеся в не менее опасные районы, где в будущем могут попасть в более уязвимую группу вследствие экологических бедствий [1, с. 297].

Однако, некоторые коренные народы продолжают проживать на территориях своего происхождения в Латинской Америке. Эти народы придерживаются своих культурных убеждений и экологических обычаев — они проживают на территориях, наполненных полезными ископаемыми, что может сделать проживающих там людей «жертвами» транснациональных корпораций, правительств и иных различных организаций, конечным интересом которых является неустойчивое использование сельскохозяйственных преимуществ, добыча нефти, полезных ископаемых, а также преследование коммерческих интересов в виде туризма или других проектов. Подобные проекты ведут к потере биоразнообразия, загрязнению и нехватке воды, загрязнению воздуха и обеднению земли, что в целом сказывается на опустошении окружающей среды и тем самым ведут к утрате экологических обычаев коренных народов [5, р. 2].

В докладе «Девятый вал» о подготовке к внутренней климатической миграции 2018 г. прогнозируется, что к 2050 г. без конкретных действий в области климата и развития более 143 млн человек, где 17 млн составляют мигранты Латинской Америки, могут быть вынуждены переезжать в пределах своих стран, чтобы избежать медленно наступающих последствий изменения климата. Климатические мигранты будут перемещаться из менее жизнеспособных районов с более низким уровнем доступа к воде и урожайности сельскохозяйственных культур, а также из районов, пострадавших от повышения уровня моря и штормовых всплесков. В докладе отмечается, что больше всего страдают самые бедные и чувствительные к климату районы. Такие тенденции, наряду с критическим положением «горячих точек» климатической иммиграции и эмиграции, будут иметь серьезные последствия для чувствительных к климату районов, городской инфраструктуры и систем социальной поддержки [13, р. 17].

Таким образом, важность рассматриваемой проблематики только растет, тем самым увеличивая необходимость создания мер, направленных на регулирование кризисного положения стран региона в контексте экологической ситуации. Населению приходится покидать свои дома, территории происхождения для поиска возможных условий для жизнедеятельности. Даже если такая миграция является внутренней, ее далеко не всегда можно определить, как безопасную, так как общая экологическая ситуация региона нуждается в соответствующих мерах. Экологический кризис напрямую связан с проблемой миграции, где принятие должных действий по регулированию ситуации в будущем может предоставить возможность безопасной жизни на территориях происхождения для многих людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад о миграции в мире 2020. — Женева: МОМ, 2020. — 529 с.
2. The climate emergency in Latin America and the Caribbean. — United Nations, 2020. — 350 p.
3. Экологические проблемы Бразилии и политика в области охраны окружающей среды [Электронный ресурс] // Brazil.ru. — 31.10.2017. — Режим доступа: <https://brasil.ru/articles/ekologicheskie-problemy-brazilii-i-politika-v-oblasti-okhrany-okruzhayushhej-sredy>. — Дата доступа: 13.09.2022.
4. USAID/Brazil: Annual Report FY 2003 [Electronic resource] // USAID. — 13.03.2013. — Mode of access: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pdabx894.pdf. — Date of access: 09.09.2022.
5. Environment issues in the Latin American region: UN Doc. PFII/2007/WS.3/4 [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: https://www.un.org/esa/socdev/unpfi/documents/workshop_IPPE_castro.pdf. — Date of access: 09.09.2022.

6. Что такое Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата? [Электронный ресурс] // United Nations Climate Change. — Режим доступа: <https://unfccc.int/ru/peregovornyy-processii-vstrechi/konvenciya/chto-takoe-ramochnaya-konvenciya-organizacii-obedinennykh-natsiy-ob-izmenenii-klimata>. — Дата доступа: 09.09.2022.

7. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. — Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/migration/global-compact-safe-orderly-and-regular-migration-gcm>. — Дата доступа: 12.09.2022.

8. Regional Agreement on Access to Information, Public, Participation and Justice in Environmental Matters in Latin America and the Caribbean [Electronic resource] // United Nations Treaty collection. — Mode of access: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-18&chapter=27&clang=_en. — Date of access: 12.09.2022.

9. XXII Meeting of the Forum of Ministers of Environment of Latin America and the Caribbean Bridgetown, Barbados, 1-2 February 2021 [Electronic resource] // UN Environment Programme. — Mode of access: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/34969/Bridgetown_EN.pdf?sequence=1&isAllowed=y. — Date of access: 12.09.2022.

10. Latin America and the Caribbean [Electronic resource] // USAID. — Mode of access: <https://www.usaid.gov/where-we-work/latin-american-and-caribbean>. — Date of access: 09.09.2022.

11. Caribbean energy initiative (CEI) [Electronic resource] // USAID. — Mode of access: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1862/FACT_SHEET_CEI_UPDATED_APRIL_2020_0.pdf. — Date of access: 09.09.2022.

12. Adamo S. B. Migration, cities and climate change in Latin America: the Hamburg Conference: Actions for Climate-Induced Migration, Hamburg, 16—18 July 2013 / S. B. Adamo [Electronic resource] // Center for International Earth Science information network. — Mode of access: http://ciesin.columbia.edu/binaries/web/global/news/2013/adamo_hamburg-conf_jul2013.pdf. — Date of access: 09.09.2022.

13. Groundswell: Preparing for internal climate migration [Electronic resource] // World Bank Group. — 19.03.2018. — Mode of access: <https://www.worldbank.org/en/news/infographic/2018/03/19/groundswell---preparing-for-internal-climate-migration>. — Date of access: 09.09.2022.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА (2016—2021 гг.)

В. М. Слепцова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: viktorysleptsova@gmail.com*

В статье анализируется деятельность Международной организации труда по обеспечению гендерного равенства и расширению прав и возможностей женщин. Раскрыто содержание работы этой структуры в 2016—2021 гг.,

обоснована важность учета гендерной проблематики при разработке стратегий и программ международных организаций, а также правительств. Автор выделяет вклад МОТ в создание программ и инициатив по достижению Целей устойчивого развития ООН до 2030 г. Объектом исследования является деятельность МОТ. Предмет исследования — гендерный аспект деятельности МОТ в 2016—2021 гг. Цель исследования заключается в оценке вклада МОТ в решение проблемы гендерного равенства в сфере труда. Материалы исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении деятельности МОТ и других организаций системы ООН, а также в преподавательской работе.

Ключевые слова: Международная организация труда; гендерное равенство; права женщин; международное сотрудничество по проблеме гендерного равенства; Цели устойчивого развития ООН; Повестка ООН 2030.

THE ACTIVITIES OF THE INTERNATIONAL LABOUR ORGANIZATION FOR GENDER EQUALITY (2016—2021)

V. M. Sliaptsova

Belarusian State University,

*Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, e-mail:
viktorysleptsova@gmail.com*

The article examines the activities of the International Labour Organization to ensure gender equality and the empowerment of women. The content of the work of this structure in 2016—2021 is revealed, the importance of gender mainstreaming in the development of strategies and programs of international organizations, as well as governments, is emphasized. The author notes the efforts of the organization in developing programs and initiatives to achieve the UN Sustainable Development Goals until 2030. The object of the research is the activities of the ILO. The subject of the research is the gender aspect of the ILO's activities in 2016—2021. The purpose of the research is to characterize the contribution of the International Labour Organization to solving the problem of gender equality in the field of work. The research materials can be used in the study and teaching of aspects of the activities of the ILO and organizations of the UN system.

Keywords: *International Labour Organization; gender equality; women's rights; international cooperation on gender equality; UN Sustainable Development Goals; UN Agenda 2030.*

Международная организация труда привержена поощрению прав женщин и мужчин в сфере труда и достижения равенства. МОТ рассматривает гендерное равенство не только как одно из основных прав человека, но и как неотъемлемую часть глобальных целей по обеспечению достойного труда и борьбы с нищетой, а также как инструмент более инклюзивной глобализации. МОТ принимает существенные усилия для успешной реализации Плана действий системы ООН по гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин (UN-SWAP, 2015), на страновом уровне активно участвует в деятельности групп по гендерному равенству, курируемых ООН [1].

Главная цель МОТ состоит в том, чтобы способствовать расширению возможностей женщин и мужчин получать достойную заработную плату «в условиях свободы, равенства, безопасности и человеческого достоинства». МОТ рассматривает гендерное равенство в качестве ключевого элемента своего видения достойной работы для всех женщин и мужчин в интересах социальных и институциональных изменений, направленных на обеспечение равенства и роста. Основные направления или тематические области деятельности МОТ в области гендерного равенства совпадают с четырьмя стратегическими целями этой организации: поощрение основополагающих принципов и прав в сфере труда, создание более широких возможностей для занятости и получения дохода, повышение охвата и эффективности социальной защиты населения, а также укрепление диалога с гражданским обществом. Подход МОТ к гендерному равенству заключается в том, чтобы учитывать гендерные проблемы во всех своих стратегиях и программах [2].

Принятие Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. (2015 г.) отражает понимание международным сообществом того, что достойный труд является как средством, так и целью устойчивого развития. Первоначальная задача Повестки дня и ее компонентов, связанных с достойным трудом, заключается в интеграции в стратегии развития на национальном уровне государств. Ключевые аспекты достойного труда широко включены в 17 целей и 169 задач новой концепции развития ООН. Роль МОТ в рамках реализации Целей устойчивого развития состоит в укреплении сотрудничества и партнерства внутри структур и организаций системы ООН [3, с. 9–10].

План действий по обеспечению гендерного равенства на 2016–2017 гг. стал инструментом, ориентированным на результаты, соответствующие показателям Общесистемного плана действий ООН по обеспечению гендерного равенства, расширению прав и возможностей женщин (2000 г.). Достижение гендерного равенства требует от мирового сообщества разработки программы преобразований, которая сможет обеспечивать равные возможности, равное вознаграждение для женщин и мужчин за труд равной ценности. Реализация плана направлена на поддержку Повестки дня ООН (2015 г.), особенно Цель № 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек», Цели № 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех», а также Цель № 10 «Сокращение неравенства внутри стран и между ними». Необходимо

отметить, что в плане отслеживаются результаты страновых программ, учитывающие гендерные аспекты [4].

В Плане действий на 2018—2021 гг. в качестве условий для его достижения определены: связь с ЦУР, отчетностью о результатах по гендерному аспекту и стимулирование лидерства. Речь идет о результатах в сфере политики, которые будут способствовать реализации национальных и международных обязательств. План направлен на становлении МОТ как лидирующего игрока на глобальном уровне по поощрению и реализации гендерного равенства. План действий направлен на поддержку эффективно и инклюзивного осуществления Программы достойного труда с учетом гендерных факторов посредством практической реализации Политики МОТ в области гендерного равенства и актуализации гендерной проблематики [5].

В рамках реализации программы в области гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин МОТ подготовила доклады: «Работа по уходу и рабочие места по уходу для будущего достойного труда» (*Care work and care jobs for the future of decent work*, 2018), Инициатива «Женщины на работе: стремление к гендерному равенству» (*The Women at Work Initiative: The push for gender equality*, 2018), «Качественный скачок к гендерному равенству: за лучшее будущее в сфере труда для всех» (*A quantum leap for gender equality: For a better future of work for all*, 2019). В докладах содержится анализ сохраняющихся структурных барьеров, ограничивающих возможности женщин в сфере труда, а также представлен ряд рекомендаций по реализации программы преобразований в области гендерного равенства [6, с. 69].

В 2019 г. МОТ приняла Конвенцию № 190 об искоренении насилия и домогательств в сфере труда, также разработала Рекомендацию № 206, которая стала дополнением Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП, 1966 г.) и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW, 1979 г.). Разработка текста Конвенции велась с 2009 г., что отражено в отчете МОТ «Гендерное равенство — основа достойного труда», которым предусматривалось ввести запрет на насильственные действия на рабочих местах и разработать меры по их предотвращению. В ходе подготовки документа изучался положительный опыт отдельных стран, а также проводились исследования о влиянии насилия, его видах и характере проявления [7].

Это первый документ, целью которого стало искоренение насилия и домогательств в сфере труда. Конвенция носит глобальный характер: государства-члены, не ратифицировавшие ее,

должны информировать Женеву о состоянии законодательства и проводимой политики по искоренению насилия на рабочих местах. В тексте Конвенции дано определение терминам «насилие» и «домогательства», относящимся к трудовым отношениям, не оставшим без внимания и гендерно-обусловленное насилие, домогательства, физическое насилие, запугивание, оскорбления, а также угрозы и преследование. Следует отметить, что документ носит инклюзивный характер и применяется для всех сфер деятельности. Разработанный механизм позволит государствам проводить более эффективную политику в сфере труда, а также принимать меры по ликвидации насилия на рабочих местах [8].

В 2021 г. МОТ издала доклад «Работа во имя светлого будущего», в котором изложено видение повестки дня для будущего труда, ориентированной на человека и основанной на инвестициях в возможности людей, в институты труда, а также достойный труд. В нем содержатся рекомендации для правительств, направленные на улучшение качества трудовой жизни, расширение возможностей и сокращение гендерного разрыва. В докладе содержится расчет гендерного разрыва в оплате труда, в котором подчеркнуто, что в среднем женщинам по-прежнему платят примерно на 20% меньше, чем мужчинам. В докладе отмечается успехи МОТ по реализации ЦУР; деятельность организации сосредоточена в области разработки международных трудовых стандартов, социального диалога и построения систем социальной защиты, ликвидации дискриминации в отношении женщин на рынке труда, расширения эффективного участия женщин и возможностей для руководства, развития навыков для трудоустройства, разработки мер по охране труда для снижения смертности и заболеваний от опасных химических веществ [6, с. 12—32].

В 2021 г. МОТ совместно со Структурой ООН-Женщины выпустила отчет «Государственные законы и политика в области гендерного равенства». Государственная политика рассматривается через призму пяти ключевых областей, которые могут способствовать снижению последствий *COVID-19*, оживить прогресс в достижении ЦУР и принятию решительных действий для обеспечения доступности ключевых гендерных данных, в том числе в сфере труда. Анализируются ключевые нормативные документы и международные трудовые стандарты, которые лежат в основе деятельности правительств в сотрудничестве с другими заинтересованными сторонами в достижении гендерного равенства и расширении экономических прав и возможностей женщин к 2030 г. [9]. Такой подход нашел также отражение в публикации «Укрепление гендерных мер и данных в эпоху *COVID-19*: насто-

тельная необходимость перемен», где МОТ совместно с партнерами по сбору и использованию гендерной статистики выступила с призывом к действиям по улучшению гендерных показателей, опираясь на извлеченные уроки и пробелы, выявленные во время пандемии *COVID-19* [10].

Достижение гендерного равенства и борьба с дискриминацией на рабочем месте являются ключевыми для сокращения неравенства и обеспечения социальной справедливости для женщин и мужчин. В Великобритании созданы специальные учреждения для консультирования правительства по вопросам максимального увеличения вклада женщин в экономику, в Италии — учреждения для оценки внедрения принципов равных возможностей и недискриминации. В Аргентине созданы национальные координационные группы для обеспечения диалога между заинтересованными сторонами при разработке политики, направленной на достижение гендерного равенства на рабочем месте. В Австралии функционирует Агентство по обеспечению гендерного равенства на рабочем месте [11, с. 59].

Политическая приверженность равенству между мужчинами и женщинами на самом высоком уровне управления является основанием для того, чтобы поставить МОТ в авангарде международного сообщества в качестве сторонника гендерного равенства. Эта организация не раз приводилась как пример передовой практики в рамках системы ООН по учету гендерной проблематики. В Планах действий МОТ по обеспечению гендерного равенства рассматривались вопросы сокращения неравенства по признаку пола в ключевых институциональных и программных областях (прежде всего, это вопросы содействия ратификации и применения конвенций о гендерном равенстве). Организация настоятельно рекомендует правительствам проводить гендерный аудит с широким участием заинтересованных сторон, стремиться к достижению прогресса в содействии участию женщин в рынке труда и совмещении трудовой деятельности с домашними обязанностями, реально поддерживать Повестку дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. Таким образом, МОТ следует рассматривать как лидирующего игрока на глобальном уровне по поощрению и реализации гендерного равенства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гендерное равенство и недопущение дискриминации [Электронный ресурс] // Международная организация труда. — Режим доступа: <https://www.ilo.org/moscow/dw4sd/themes/gender-equality/lang--ru/index.htm>. — Дата доступа: 14.08.2022

2. Gender equality // International Labour Organization [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.ilo.org/global/topics/equality-and-discrimination/gender-equality/lang--en/index.htm>. — Date of access: 14.08.2022.

3. The End to Poverty Initiative: The ILO and the 2030 Agenda: Report of the Director-General, International Labour Conference, 105th Session. — Geneva: ILO, 2016. — 26 p. [Electronic Resource] // International Labour Organization. — Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_479681.pdf. — Date of access: 01.09.2022.

4. ILO Action Plan for Gender Equality 2016—2017. — Geneva: International Labour Office, 2016. — 33 p. [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_351305.pdf. — Date of access: 01.03.2022.

5. ILO Action Plan for Gender Equality 2018—2021. — Geneva: International Labour Office, 2018. — 36 p. [Electronic Resource] // International Labour Organization. — Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_645402.pdf. — Date of access: 01.03.2022.

6. Decent work results: ILO programme implementation 2018—2019: Report of the Director-General, International Labour Conference, 109th Session. — 106 p. [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_776811.pdf. — Date of access: 01.09.2022.

7. Гендерное равенство — основа достойного труда: доклад VI, Международная конференция труда, 98-я сессия. — 2009 г. — 266 с. [Электронный ресурс] // Международная организация труда. — Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_106288.pdf. — Дата доступа: 06.06.2022

8. Конвенция № 190 об искоренении насилия и домогательств в сфере труда [Электронный ресурс] // Международная организация труда. — Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_712057.pdf. — Дата доступа: 06.06.2022

9. Empowering Women at Work. Government Laws and Policies for Gender Equality [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/---multi/documents/publication/wcms_773233.pdf. — Date of access: 11.08.2022.

10. Strengthening gender measures and data in covid-19 era: an urgent need for change. — 27 p. [Electronic Resource] // International Labour Organization. — Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_774261.pdf. — Date of access: 01.03.2022.

11. Inequalities and the world of work / Report IV, International Labour Conference, 109th Session. — 69 p. [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_792123.pdf. — Date of access: 01.09.2022.

НАПРАВЛЕНИЯ АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

К. Л. Снисаренко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: snisarenka@bsu.by*

Автор обозначил проблему формирования междисциплинарного подхода и интеграции разделенных между разными науками знаний о миграции. Проведена критика основных направлений анализа государственной иммиграционной политики, которые были выработаны западным научным сообществом. Выделены корпоративистский, марксистский, реалистический и неокорпоративистский подходы. Автор пришел к выводу о том, что современная наука пока не выработала совершенных подходов к анализу государственной иммиграционной политики. Этот факт объясняет то, почему до сих пор ни одно государство не смогло реализовать эффективные механизмы по регулированию иммиграции, а проблема отношений между коренным и пришлым населением стран по-прежнему остается актуальной.

Ключевые слова: *миграционная политика; международная миграция; государственная иммиграционная политика; корпоративистский подход; марксистский подход; реалистический подход; неокорпоративистский подход.*

DIRECTIONS OF ANALYSIS OF STATE IMMIGRATION POLICY

K. L. Snisarenko

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: snisarenka@bsu.by*

The author outlined the problem of forming an interdisciplinary approach and integrating knowledge about migration shared between different sciences. Criticism of the main directions of the analysis of the state immigration policy, which were developed by the Western scientific community, is carried out. The corporatist, Marxist, realistic and neo-corporatist approaches are singled out. The author came to the conclusion that modern science has not yet developed perfect approaches to the analysis of state immigration policy. This fact explains why so far no state has been able to implement effective mechanisms for regulating immigration, and the problem of relations between the indigenous and newcomer populations of countries is still relevant.

Keywords: *migration policy; international migration; state immigration policy; corporatist approach; Marxist approach; realistic approach; neocorporatist approach.*

Согласно результатам исследования белорусского специалиста, кандидата исторических наук А. В. Селиванова почти половина всех успешно защищенных в Республике Беларусь диссертаций по миграционной тематике относится к историческим

наукам [1, с. 59]. Такая ситуация видится вполне логичной. Миграционные процессы — объект изучения различных наук: демографии, экономики, социологии, политологии и т. д. В то же время, по мнению российского методолога Л. П. Репиной, важным признаком современного исторического познания стал междисциплинарный подход [2, с. 25]. Таким образом, исторические исследования позволяют наиболее гибко интегрировать концепции, почерпнутые из разных научных подходов, осуществить столь необходимый синтез знаний в области миграции.

Проявлением потребности в интеграции разделенных между науками знаний можно считать проблему концептуализации понятия «миграционная политика». Российский демограф Л. Л. Рыбаковский видит в миграционной политике систему общепринятых на уровне властных структур идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых, прежде всего, государство, а также другие общественные институты, соблюдая определенные принципы, предполагают достижение поставленных целей [3, с. 36]. Правовед Т. А. Прудникова дала следующее определение: «Миграционную политику можно определить как основанную на принципах конституционного строя систему объективно обусловленных целей, задач, направлений развития общественных отношений в сфере миграции, норм миграционного законодательства, а также механизмов управления государством, реализуемых субъектами миграционного процесса (физические лица, общественные организации, государственные органы) и направленных на перемещение, переселение, размещение, обустройство и интеграцию физических лиц на территории государства и (или) в отдельных его регионах, обеспеченных стимулирующими и контрольными факторами [4, с. 10].

По сути, основным критерием, который отражает специфику миграционной политики, является то, что ее действие направлено на регулирование передвижения населения. Тут тоже существуют серьезные трудности. До сих пор не решен научный спор, связанный с определением специфики внутрис государственной и международной миграции. По этому поводу в научной практике сформировалось два подхода. Первый из них не признает какую-либо специфику межгосударственных перемещений населения. Основатель теории миграции английский географ Э. Г. Равенштейн утверждал, что международная миграция развивается по тем же закономерностям, что и внутренняя миграция [5, р. 405]. Второй подход строится на выделении международной миграции среди других видов движения населения. По мнению доктора экономических наук В. А. Ионцева: «Главными отличительными признаками международной миграции населения по сравнению

с внутренней миграцией являются государственная граница, ее пересечение и соответствующий государственный контроль, как за фактом самого передвижения через границу (и в стране выезда, и особенно в стране въезда), так и за последующим пребыванием в стране-въезда, особенно в связи с трудоустройством и поступлением на учебу или стажировку» [6, с. 29].

Признаки международной миграции (государственный контроль над пересечением границы и пребыванием в стране, критерии определения эмигрантов и иммигрантов) ставят вопрос о роли государства в регулировании международного движения населения.

Анализ подходов национальных правительств, представленный в специальном периодическом издании ООН по демографической политике (англ. *World Population Policies Database*), позволил российским экономистам И. А. Алешковскому и В. А. Ионцеву прийти к выводу о том, что, в современных условиях в большинстве стран мира преобладающей является иммиграционная политика [7, с. 86]. По этой причине, анализ государственной иммиграционной политики позволяет наиболее четко определить роль национального государства в регулировании международного движения населения.

Следует отметить, что «открытие иммиграционной политики» научным сообществом произошло сравнительно недавно. В странах Запада иммиграцию как проблему стали рассматривать с 1970-х гг. С того момента, когда трудовая миграция из стран третьего мира приобрела постоянный, массовый и необратимый характер. Выходцы из государств Азии и Африки стали сильно выделяться среди их коренного населения своей культурой, религией и обычаями. На постсоветском пространстве интерес к регулированию международной миграции появился в 1990-х гг. на фоне распада СССР и формирования системы взаимоотношений между новыми независимыми государствами.

Так как западное научное сообщество обладает несколько большим опытом, то основное внимание в данной статье будет уделено сформировавшимся в нем направлениям анализа государственной иммиграционной политики. Здесь можно выделить корпоративистский, марксистский, реалистический и неокорпоративистский подходы.

В рамках корпоративистского подхода государственная иммиграционная политика рассматривается как результат согласования органами власти интересов сообществ граждан, которые обладают отчетливыми, как правило, экономическими, интересами и активно участвуют в политическом процессе [8]. К его достоинствам можно отнести возможность достаточно легко объяс-

нить непоследовательность иммиграционной политики того, или иного государства. В то же время, сконцентрированный исключительно на процессе принятия политических решений, исследователь может не учесть другие факторы, оказывающие влияние на политический курс.

В отличие от корпоративистского, марксистское направление исследований государственной иммиграционной политики четко связано с социально-экономическими отношениями. Согласно ему, целью государственной иммиграционной политики является сопротивление требованиям профсоюзов по улучшению условий труда и повышению заработной платы отечественных трудящихся путем импорта дешевой иностранной рабочей силы [9; 10]. Марксистский подход позволяет объяснить причины появления феномена нелегальной миграции. В то же время, присущий ему экономический детерминизм исключает возможность оценки социокультурных факторов, определяющих влияние на отношение общества к иммигрантам.

Реалистическое направление делает основной упор на внутренние и международные интересы государства. Под последним понимается, прежде всего, ответственные за принятие решений должностные лица и бюрократия. Исследователи-реалисты утверждают то, что государственные соображения — основа для понимания особенностей государственного регулирования иммиграционных потоков [11]. Такая установка, например, позволяет успешно объяснить причины решений в сфере приема беженцев, коммунитаризации иммиграционной политики в рамках интеграционных объединений. Реалистические модели позволяют анализировать явления, которые не поддаются определению, основанному на экономических интересах. Однако они не могут стать основой для широких обобщений, так как крайне трудно четко определить в каких случаях решения принимаются в интересах общества, а в каких — на основе государственной логики.

В рамках неокорпоративистского направления анализа государственной иммиграционной политики осуществлена попытка совмещения корпоративистского и реалистического направлений. Государство рассматривается как посредник между конфликтующими социально-экономическими кругами, однако делает он это в соответствии со своими политическими интересами [12]. Данный подход видится наиболее перспективным. Он позволяет дать объяснение как социально-экономическим, так и социокультурным факторам, влияющим на выработку политического курса. Тем не менее, у него есть недостатки, присущие всем перечисленным направлениям.

Общим недостатком вышеприведенных подходов является тесная увязка государственной иммиграционной политики с регулированием национального рынка труда, или (в рамках реалистического направления) рассмотрение ее как частного случая внешней политики. Как следствие, теряется специфика предмета этой сферы государственной политики.

Вторым существенным изъяном можно признать то, что очень мало внимания уделяется воздействию результатов регулирования иммиграции на поведение социальных групп в принимающих странах.

Обобщая изложенное, следует отметить, что современная наука пока не выработала совершенных подходов к анализу государственной иммиграционной политики. Этот факт объясняет то, почему до сих пор ни одно государство не смогло реализовать эффективные механизмы по регулированию иммиграции, а проблема отношений между коренным и пришлым населением стран по-прежнему остается актуальной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Селиванов, А. В. Белорусские диссертационные исследования по вопросам миграции / А. В. Селиванов // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2021. — № 4. — С. 58–65.
2. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. — М.: Кругъ, 2011. — 560 с.
3. Рыбаковский, Л. Л. Миграционная политика России: теория и практика / Л. Л. Рыбаковский // Современные проблемы миграции в России: материалы общероссийской научной конференции (11–13 ноября 2003 г.). — М., 2003. — С. 35–55.
4. Прудникова, Т. А. Правовые и организационные особенности миграционной политики в ряде зарубежных стран: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т. А. Прудникова, С. А. Егоров, С. А. Акимова; под ред. А. С. Прудникова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. — 135 с.
5. Zolberg, A. R. The Next Waves: Migration theory for a changing world / A. R. Zolberg // International migration review. — 1989. — Vol. 23, N 3. — P. 403–430.
6. Ионцев, В. А. Международная миграция населения: Закономерности, проблемы, перспективы: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.18. — М., 2003. — 470 л.
7. Алешковский, И. А. Управление международной миграцией в условиях глобализации / И. А. Алешковский, В. А. Ионцев // Век глобализации. — 2015. — № 1. — С. 75–87.
8. Freeman, G. P. Immigrant Labor and Racial Conflict in Industrial Societies: The French and British Experience, 1945–1975 / G. P. Freeman. — Princeton: Princeton Univ. Press, 1979. — 378 p.

9. Castles, S. Immigrant Workers and Class Structure in Western Europe / S. Castles, G. Kosack — Oxford: Oxford Univ. Press, 1973. — 576 p.

10. Cohen, R. The New Helots: Migrants in the International Division of Labour / R. Cohen. — Aldershot: Gower, 1987. — 292 p.

11. Hollifield, J. The Migration Crisis in Western Europe // Migration, Ethnicity, Conflict / K. Bade (ed.). — Osnabruck: Universitätsverlag Rasch, 1996. — P. 367—402.

12. Wiarda, H. New Directions in Comparative Politics / H. Wiarda. — Boulder: Westview Press, 1985. — 264 p.

БЕЛАРУСЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ФРГ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ 2022 Г.

А. П. Соколов

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия,
e-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru*

В статье рассматривается белорусское направление внешней политики ФРГ с лета 2020 г. Целью статьи является анализ влияния специальной военной операции на особенности белорусско-германских отношений. Автором был проведен критический анализ текста коалиционного соглашения 2021 г., выступлений руководителей ФРГ, деятельности фондов немецких политических партий. Делается акцент на ужесточении Берлином политики на трех основных направлениях: отказ от взаимодействия с официальными властями республики, поддержка оппозиционных движений, введение секторальных и персональных санкций. Новым фактором в двусторонних отношениях Беларуси и ФРГ после прихода к власти в Германии «светофорной коалиции» стала «феминистская» внешняя политика главы МИД ФРГ Анналены Бербок.

Ключевые слова: Беларусь; Германия; белорусско-германские отношения; внешняя политика ФРГ; украинский кризис; специальная военная операция; санкционная политика ЕС.

BELARUS IN THE FOREIGN POLICY OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY AFTER FEBRUARY 2022

A. P. Sokolov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Veradskogo Avenue, 76, 119454, Moscow, Russia,
e-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru*

The article explores the Belarusian direction of German foreign policy. The purpose of this article is to analyze the impact of the Special Military Operation on the specifics of Belarusian-German relations. The author conducted a critical analysis of the coalition agreement 2021, speeches of German leaders and activities of German political party foundations. The author posits that Berlin tightened its policy in three main areas: refusal to cooperate with the official authorities of the republic, support

for opposition movements, and imposition of new sanctions. The «feminist» foreign policy of Annalena Baerbock became a new factor in the bilateral relations between Belarus and Germany.

Keywords: *Belarus; Germany; Belarusian-German relations; German foreign policy; Ukrainian crisis; Special Military Operation; EU sanctions policy.*

Начало специальной военной операции вооруженных сил России на территории Украины 24 февраля 2022 г. ознаменовало фундаментальные перемены в структуре европейской безопасности. Одним из важнейших изменений стало обрушение российско-германских связей в политике, экономике и гражданском обществе, ранее казавшихся незыблемыми из-за глубокой экономической взаимозависимости двух стран и многоуровневой системы контактов. Разрыв в отношениях между Москвой и Берлином, в свою очередь, оказал влияние на отношения Германии с Беларусью, как с важнейшим военно-политическим союзником России в Восточной Европе и частью Союзного государства России и Беларуси.

К началу специальной военной операции определяющим фактором в белорусско-германских отношениях было непризнание немецкими властями результатов президентских выборов в Республике Беларусь летом 2020 г. Берлин отказался от взаимодействия с официальным Минском и направил значительные ресурсы на поддержку белорусских оппозиционеров, оказавшихся в Германии. Тем не менее, миграционный кризис, сложившийся на польско-белорусской границе осенью-зимой 2021 г. определил необходимость прямого диалога между немецкими и белорусскими властями. Телефонные переговоры между президентом Республики Беларусь и канцлером ФРГ внесли значительный вклад в нормализацию миграционной обстановки на восточных рубежах ЕС.

Боевые действия на территории Украины приоритизировали в глазах немецких аналитиков фактор военно-технического сотрудничества в рамках российско-белорусских отношений [1, с. 6]. Несмотря на то, что военнослужащие вооруженных сил Республики Беларусь не принимают участия в специальной военной операции, немецкие источники неоднократно высказывали в пользу возможного подключения белорусской армии к вооруженному противостоянию.

Одновременно актуализировалась идея представления о Союзном государстве Беларуси и России как механизме интеграции территории Беларуси в Российскую Федерацию [2]. По мнению немецких экспертов, начало специальной военной операции должно интенсифицировать интеграционные процессы внутри

Союза. В то же время эксперты указывают и на укрепление позиций президента Беларуси внутри страны после февральской эскалации украинского кризиса [3].

Инициированное странами Запада санкционное давление на Российскую Федерацию затронуло и Республику Беларусь. Действие значительного количества санкционных пакетов распространяется как на российских, так и на белорусских граждан, юридических лиц и государственных структур [4]. Всего по состоянию на июнь 2022 г. в отношении Беларуси странами ЕС введено семь пакетов санкций [5]. Стремление Запада к синхронизации санкционной политики в отношении двух стран снижает потенциальные возможности обхода санкций с российской стороны, однако на данный момент не исключает такие возможности полностью, сохраняя их по таким направлениям, как реэкспорт отдельных товаров и др.

Внешняя политика ФРГ в отношении Беларуси продолжила и даже усилила критику действий белорусского правительства. Приступившее к работе в декабре 2021 г. правительство «светофорной» коалиции во главе с Олафом Шольцем не предпринимало попыток установить диалог ни по линии федерального канцлера, ни по линии МИД ФРГ. Коалиционный договор правительства Шольца посвящает Беларуси всего один абзац, в котором обозначен курс на безусловную поддержку белорусской оппозиции и фактически провозглашается отказ от диалога с официальными государственными органами республики [6, с. 122].

В своем обращении в рамках одного из мероприятий по случаю Международного женского дня 8 марта глава МИД ФРГ А. Бербок отметила женщин Беларуси и России, выступающих против руководства своих государств, а также специальной военной операции [7]. С речью аналогичной тематической тональности А. Бербок выступила и на вручении премии имени Карла Великого в Аахене представителям белорусской оппозиции [8]. «Феминистская» внешняя политика, которую анонсировало новое немецкое правительство, таким образом, стало естественным дополнением подходов Берлина в отношении Беларуси и ее общества.

ФРГ продолжает оказывать массированную поддержку белорусским оппозиционным организациям, многие из которых действуют на территории ФРГ. В Берлине продолжает работу так называемое «Народное посольство Беларуси в Германии» [9]. Ведущие немецкие СМИ регулярно предоставляют трибуну представителям белорусской оппозиции для программных заявлений [10].

Активную работу проводят немецкие институты «мягкой силы», в частности, политические фонды. Летом 2022 г. белорусское представительство Фонда имени Конрада Аденауэра, расположенное на территории Литвы, выпустило сборник «У истоков белорусской политической науки». Как отмечается на официальном сайте белорусского представительства фонда, ценность представленных в сборнике текстов заключается в их «смелой и критической оценке общественно-исторических процессов и массового сознания, повлиявших и способствовавших формированию нового политического строя в стране» [11]. Белорусское представительство Фонда имени Фридриха Эберта, расположенное в Украине, инициировало подготовку аналитического доклада «Белорусский трекер перемен», резко критикующего внешнюю и внутреннюю политику Республики Беларусь [12]. Примечательно, что авторы доклада признают, что столкнулись с трудностями при проведении социологических опросов из-за нежелания респондентов отвечать на политизированные вопросы. По данным сайта Немецкого общества международного сотрудничества (*Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit*) в отношении Беларуси по состоянию на осень 2022 г. действуют три проекта, финансируемых министерством экономического развития ФРГ на сумму более 7 млн евро [13].

Таким образом, эскалация украинского кризиса в феврале 2022 г. актуализировала характерные черты внешней политики ФРГ на белорусском направлении после лета 2020 г. Среди них можно выделить отказ от диалога с официальными властями республики, массированную поддержку оппозиционных движений, инициацию секторальных и персональных санкций. Боевые действия в Украине позволили немецким политикам сблизить подходы, применяемые к Беларуси и России. На уровне внешнеполитической риторики первых лиц ФРГ Москва и Минск появляются вместе как в контексте критики действий официальных властей, так и в контексте поддержки представителей оппозиции. Курс на «феминистскую» внешнюю политику Анналены Бербок создает благоприятные условия для поддержки белорусских оппозиционеров, среди которых есть достаточное количество женщин, что менее характерно для российской оппозиции.

Динамика белорусско-германских отношений на современном этапе испытывает сильное влияние со стороны характера и хода специальной военной операции и деформации российско-германских связей. Беларусь, как страна — участник ОДКБ и Союзного государства, будет рассматриваться Берлином как потенциальный источник новой военной эскалации в Украине. Сохранение присутствия немецкого бизнеса в России, а также ре-

дуцирование энергетического фактора в российско-германских отношениях оказывают влияние на структуру экономических связей Беларуси.

В то же время, ряд обстоятельств, такие как сохранение различий в санкционном давлении на Россию и Беларусь или решение белорусского руководства о предоставлении права безвизового въезда в республику для граждан Литвы, определяют специфику и своеобразие белорусско-германских отношений как самостоятельной величины и как части внутрорегиональных связей. Маловероятно, что эта специфика определит возврат к концепции «многовекторности» белорусской внешней политики, для которой принципиально изменились внешние условия. Однако она может выступить в качестве одного из факторов трансформации системы безопасности в Восточной Европе после завершения активной фазы украинского кризиса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Rącz, A. Becoming a military district: Deepening military cooperation between Russia and Belarus / A. Rącz // European Union Institute for Security Studies. — 2022. — N 4. — 8 p.

2. Butylin, N. Handstreich: Hat sich Putin Belarus schon geschnappt? / N. Butylin [Electronic resource] // Berliner Zeitung. — 25.02.2022. — Mode of access: <https://www.berliner-zeitung.de/open-source/handstreich-hat-sich-putin-belarus-schon-geschnappt-li.214092>. — Date of access: 12.09.2022.

3. Wöllenstein, J. Im Schatten des Krieges: Lukaschenka greift nach lebenslanger Macht / Jakob Wöllenstein [Electronic resource] // Konrad-Adenauer-Stiftung. — 25.02.2022. — Mode of access: <https://www.kas.de/documents/252038/16191335/Im+Schatten+des+Krieges++Lukaschenka+greift+nach+lebenslanger+Macht.pdf/0114e9db-7100-f5f3-f100-5c99001b40cc?version=1.0&t=1645780756230>. — Date of access: 11.09.2022.

4. Санкции в отношении Беларуси [Электронный ресурс] // Представительство немецкой экономики в Республике Беларусь. Официальный сайт. — Режим доступа: <https://belarus.ahk.de/ru/infoteka/sankcii-v-otnoshenii-belarusi>. — Дата доступа: 12.09.2022.

5. Прейгерман, Е. Санкции ЕС и контрсанкции Беларуси (по состоянию на 8 июня 2022 г.) / Е. Прейгерман [Электронный ресурс] // Минский диалог. — 08.06.2022. — Режим доступа: <http://minskdialogue.by/research/memorable-notes/sanktcii-es-i-kontrsanktcii-belarusi-posostoianiiu-na-20-aprelia-2022-goda>. — Дата доступа: 09.09.2022.

6. Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP: Mehr Fortschritt Wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. — Düren: Schloemer & Partner GmbH, 2021. — 144 s.

7. Auftaktimpuls von Außenministerin Annalena Baerbock für die Veranstaltung „Geschlechtergleichstellung heute für ein nachhaltiges Morgen» anlässlich des Weltfrauentags 2022 [Electronic resource] //

Auswärtiges Amt. — Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2515802>. — Date of access: 10.09.2022.

8. Rede von Außenministerin Annalena Baerbock anlässlich der Verleihung des internationalen Karlspreises zu Aachen an Maria Kolesnikowa, Weronika Zepkalo und Swetlana Tichanowskaja [Electronic resource] // Auswärtiges Amt. — Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2532912>. — Date of access: 10.09.2022.

9. Official website of the People's Embassy of Belarus in Berlin [Electronic resource]. — Mode of access: <https://germany.belarusabroad.org/en/>. — Date of access: 12.09.2022.

10. Erkennt unsere Geschichte als eure eigene europäische Geschichte an [Electronic resource] // Spiegel.de. — Mode of access: <https://www.spiegel.de/ausland/belarus-swetlana-tichanowskaja-erkennt-unsere-geschichte-als-eure-eigene-europaeische-geschichte-an-a-943b6692-e3cf-457f-9123-2118a6cc04fc>. — Date of access: 11.09.2022.

11. Wöllenstein, J. At the origins of Belarusian political science / J. Wöllenstein [Electronic resource] // Konrad-Adenauer-Stiftung. — 11.08.2022. — Mode of access: <https://www.kas.de/de/web/belarus/publikationen/einzeltitel/-/content/at-the-origins-of-belarusian-political-science>. — Date of access: 11.09.2022.

12. Беларуский трекер перемен [Electronic resource] // Friedrich Ebert Stiftung. — Февраль—май 2022. — Mode of access: <http://www.fes.de/cgi-bin/gbv.cgi?id=19338&ty=pdf>. — Date of access: 08.09.2022.

13. Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit: Projektdaten [Electronic resource] // Giz.de. — Mode of access: <https://www.giz.de/projektdaten/region/4/countries/BY>. — Date of access: 12.09.2022.

ОКОНЧАНИЕ ПОЛИТИКИ «СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ» США В ОТНОШЕНИИ ТАЙВАНЯ

Сунь Цзюньфэн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: shzhicha0130@gmail.com*

Анализ исторических событий в треугольнике «США — Тайвань — Китай» позволяет наметить возможные пути снижения напряженности в регионе. В статье описаны основополагающие структурные обязательства США в области безопасности и внешней политики по отношению к Тайваню. Изменение региональной динамики значительно затруднило сохранение статус-кво Тайваня. Обосновывается, что отчасти демонстрация силы Китая является результатом укрепления связей между Тайванем и США при президентах Дональде Трампе и Джо Байдене. Крупные продажи оружия и визиты высокопоставленных официальных лиц США укрепили международное положение Тайваня и вызвали недовольство властей Китая.

Ключевые слова: политика «стратегической двусмысленности»; политика «Одного Китая»; КНР; США; Тайвань; НАТО.

THE END OF THE US POLICY OF «STRATEGIC AMBIGUITY» IN RELATION TO TAIWAN

Sun Junfeng

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: shzhichao130@gmail.com

The analysis of historical events in the triangle «USA — Taiwan — China» allows us to outline possible ways to reduce tensions in the region. The article describes the fundamental structural obligations of the United States in the field of security and foreign policy towards Taiwan. The change in regional dynamics has made it much more difficult to maintain Taiwan's status quo. It is argued that part of the demonstration of China's strength is the result of strengthening ties between Taiwan and the United States under Presidents Donald Trump and Joe Biden. Large arms sales and high-level visits by US officials have strengthened Taiwan's international standing and caused dissatisfaction with the Chinese authorities.

Keywords: policy of «strategic ambiguity»; policy of «One China»; China; USA; Taiwan; NATO.

С момента установления отношений между США и материковым Китаем в 1972 г. США придерживались политики стратегической двусмысленности в этом вопросе. Они пытались найти тонкий баланс между сдерживанием китайского нападения на Тайвань и уклонением от любых обещаний Тайваню, которые могли бы вселить в тайваньское правительство уверенность в официальном провозглашении независимости [4].

Способ, которым США поддерживают союз с Тайванем, прост: они продают оружие Тайваню, одновременно поощряя власти к осуществлению анти-материковой политики посредством политической поддержки и манипуляций. При этом события по выводу войск США из Афганистана оказали влияние на мнение военных экспертов, представителей СМИ и политиков. В частности, государственная китайская газета *Global Times* заявила, что хаотичный уход США из Афганистана означает, что Тайвань, вероятно, будет «брошен» [1].

В ответ Дж. Байден настаивал на том, что Афганистан и Тайвань — это «принципиально разные ситуации», добавив, что: «Мы свято взяли на себя обязательство по статье 5, что, если кто-то действительно вторгнется или предпримет действия против наших союзников по НАТО, мы ответим. То же самое относится к Японии, Южной Корее и Тайване. Об этом даже не сравнимо говорить» [6].

Заявление Дж. Байдена было воспринято одними экспертами вашингтонских аналитических центров как явное искажение, а другими — как сдвиг в сторону стратегической ясности. Госде-

партамент США заявил, что политика США в отношении Тайваня не изменилась, и Пекин считает, что Дж. Байден просто «делал случайные замечания» [5].

Это подчеркивает характер отношений США с Тайванем, которые часто обозначают словами «стратегическая двусмысленность». США предоставляют Тайбэю средства вооружения и обучение, чтобы защититься от возможного нападения. Но остается открытым вопрос о том, будут ли США вмешиваться военным путем в такой ситуации [6]. Теперь эта неопределенность, кажется, сдвигается. Недавнее официальное признание США того, что на Тайване есть американские инструкторы, работающие с тайваньскими вооруженными силами, является важным показателем. Но реальный объем обязательств США по защите Тайваня остается неоднозначным [4].

В редакционной статье *Taipei Times* был сделан вывод о том, что уход США из Афганистана предоставит Тайваню как возможности, так и вызовы. Возможности в том, что Вашингтон явно смещает свое внимание, чтобы противостоять тому, что он видит как растущую угрозу со стороны Китая, который «как ведущая демократия в Индо-Тихоокеанском регионе твердо стоит на переднем крае демократии против диктатуры» [6].

Вторым фактором является то, что 26 октября госсекретарь США Энтони Блинкен выступил с заявлением, в котором говорилось: «Значимое участие Тайваня в системе ООН — это не политический, а прагматический вопрос», и США призывают «все государства-члены ООН присоединиться к нам в поддержке активного и значимого участия Тайваня в системе ООН и в международном сообществе» [2].

Официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь на пресс-конференции дал следующие комментарии: Заявление США серьезно нарушает принцип единого Китая и положения трех совместных китайско-американских коммюнике, нарушает данное обещание, нарушает основные нормы, регулирующие международные отношения, и посылает серьезно неверные сигналы «приверженцам независимости Тайваня». Китай решительно сожалеет об этом и решительно возражает против этого. Китай дал понять свою тождественную позицию и сделал жесткие заявления перед США, подчеркивая базовую позицию из четырех пунктов [2].

Во-первых, в мире есть только один Китай. Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай. Тайваньский регион — неотъемлемая часть территории Китая. В общей сложности 180 стран, включая США, установили дипломатические от-

ношения с Китаем на основе приверженности принципу одного Китая. Принцип одного Китая — это универсальный консенсус международного сообщества и широко признанная норма международных отношений, которая не допускает одностороннего оспаривания или искажения со стороны США. В трех совместных коммюнике Китая и США, США недвусмысленно признают правительство Китайской Народной Республики в качестве единственного законного правительства Китая.

Во-вторых, участие Тайваньского региона в деятельности международных организаций должно осуществляться в соответствии с принципом одного Китая. Принятая Генассамблеей ООН резолюция 2758 окончательно решила вопрос о представительстве Китая в ООН в политическом, правовом и процедурном плане. Система, агентства и Секретариат ООН должны соблюдать принцип «одного Китая» и резолюцию 2758 Генеральной Ассамблеи ООН при решении вопросов, связанных с Тайванем. Рекламируя так называемую демократию и вклад Тайваня, и поддерживая Тайвань, США пытаются исказить концепции и ввести в заблуждение других. Но мотив и намерение США ясно видны международному сообществу. Пятьдесят лет назад США пытались создать в ООН «один Китай, один Тайвань» или «два Китая», только чтобы противостоять собственным неудачам. Если США по-прежнему не учатся на своих ошибках, то они будут вынуждены противостоять 1,4 млрд китайцев и подавляющему большинству стран мира и столкнутся только с новой неудачей.

В-третьих, тайваньские власти упорно придерживаются сепаратистской позиции о «независимости Тайваня», отказываются признать консенсус 1992 г. и изо всех сил стараются расширить свое так называемое «международное пространство», продолжая идти по пути сепаратизма «независимости Тайваня». Это величайшая реальная угроза миру и стабильности в Тайваньском проливе и суть неоднократного разочарования, которое Тайвань испытывал в последние годы в связи с участием в деятельности многосторонних институтов, таких как ИКАО и ВОЗ. Фактически, регион Тайваня имеет беспрепятственный доступ к информации от ИКАО. Он связан со многими городами мира удобными рейсами. При условии соблюдения принципа «одного Китая» специалисты в области медицины и здравоохранения в регионе Тайваня могут посещать технические совещания ВОЗ. Тайвань имеет неограниченный доступ к информации общественного здравоохранения, в том числе в отношении COVID-19. Теперь, чтобы вызвать сочувствие, США подвергают сомнению участие Тайваня в ИКАО и ВОЗ. Эта попытка ошибочна и тщетна [2].

В-четвертых, принцип «одного Китая» и три совместных китайско-американских коммюнике составляют политическую основу китайско-американских отношений. Так называемые «Акт об отношениях с Тайванем» и «Шесть гарантий», придуманные США в одностороннем порядке, серьезно нарушают международное право, основные нормы, регулирующие международные отношения, и принцип одного Китая. Китай с самого начала дал им понять, что твердо отвергает их. Китайская сторона на каждом шагу предпринимала решительные и необходимые реакции. Если американская сторона решит и дальше разыгрывать «тайваньскую карту», это неизбежно создаст сейсмический риск для китайско-американских отношений, серьезно подорвет мир и стабильность в Тайваньском проливе и нанесет серьезный ущерб интересам самих США [2].

По мнению другого эксперта Ф. Гейла, высокомерие правящей Демократической прогрессивной партии (далее — ДПП) за независимость Тайваня подогревается «китайскими ястребами» на уровне кабинета министров США и Тайваньским собранием в Конгрессе. ДПП отвергла политическое воссоединение в одном Китае и отвергла модель «одна страна, две системы». Ободренные тривиализацией трех совместных коммюнике США, ДПП демонстрирует правовые свободы, принимая как должное средство защиты, полностью осознавая ужасные последствия для США [3].

«Сторонники ДПП в Конгрессе США отвергают решимость Китая в отношении Тайваня. Риторика оскорбления Китая и тайваньского желания формирует эхо-камеру, напоминающую руководимое групповым мышлением лобби американских друзей Вьетнама (AFV), которое заставило США принять участие в войне во Вьетнаме, убив 60 000 американских патриотов, прежде чем США позорно отказались от своего союзника» [3]. Но история Китая демонстрирует приверженность всего общества основным приоритетам национальной безопасности.

Интересы Конгресса США на Тайване находятся в глубоком противоречии. Поддержка обеими партиями увеличения продаж оружия Тайваню и еще больших оборонных расходов Индо-Тихоокеанского командования США логична и прозрачна, поскольку все стороны извлекают выгоду из напряженности и войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Afghan abandonment a lesson for Taiwan's DPP: Global Times editorial [Electronic resource] // Global Times. — 16.08.2021. — Mode of access: <https://www.globaltimes.cn/page/202108/1231636.shtml>. — Date of access: 02.04.2021.
2. Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on October 27, 2021 [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of

the People's Republic of China. — Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1917212.shtml. — Date of access: 01.04.2022.

3. Gayl, Fr. Why US will lose a war with China over Taiwan island [Electronic resource] / Fr. Gayl // Global Times. — 27.04.2021. — Mode of access: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1222217.shtml>. — Date of access: 03.04.2022.

4. Greene, O. China and Taiwan: why the war of words is unlikely to lead to military conflict (for now, at least) [Electronic resource] / O. Greene, Ch. Bluth // The Conversation. — 12.10.2021. — Mode of access: <https://theconversation.com/china-and-taiwan-why-the-war-of-words-is-unlikely-to-lead-to-military-conflict-for-now-at-least-169746>. — Date of access: 01.04.2022.

5. Svensson, P. The Liberty Times Editorial: Taiwan's fate is not Afghanistan / P. Svensson [Electronic resource] // Taipei Times. — 04.09.2021. — Mode of access: <https://taipeitimes.com/News/editorials/archives/2021/09/04/2003763756>. — Date of access: 02.11.2021.

6. Wushuang, S. Yi. Afghanistan withdrawal has Taiwan pondering its alliance with the US — and China is upping the pressure [Electronic resource] / S. Wushuang Yi, Ch. Hou // The Conversation. — 08.09.2021. — Mode of access: <https://theconversation.com/afghanistan-withdrawal-has-taiwan-pondering-its-alliance-with-the-us-and-china-is-upping-the-pressure-166713>. — Date of access: 01.04.2022.

РОЛЬ «ЦИФРОВЫХ ПУБЛИК» В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ ОБ УКРАИНЕ В МИРЕ

А. Н. Сытник

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7/9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: a.sytник@spbu.ru*

В статье исследуется вопрос влияния цифровых публик (аудиторий социальных сетей, пишущих на схожие темы) на мировое общественное дискурсивное поле о современной Украине. Автор показывает, что пользователи социальных сетей все больше формируют нарратив об Украине в мире с помощью: публикации постов на иностранных языках и репортажей о конфликте; проекции своих политических и идеологических предубеждений на онлайн-дискуссию о конфликте; просто количества своих голосов; и, наконец, постов в социальных сетях, написанных ради отвержения навязанного нарратива или опубликованных будучи под информационным влиянием мульти-акторов конфликта. Цифровые публики действительно активно участвуют в глобальном публичном дискурсивном поле битвы по украинской дилемме, формируя в онлайн-пространстве специальные тематические структуры и, тем самым, осуществляя «краудсорсинг» нарративов, что, безусловно, увеличивает масштаб информационной войны и делает ее менее подконтрольной государственным акторам. Предлагаемый обзор актуальной литературы обеспечит более глубокий контекст и понимание условий современной информационной войны.

Ключевые слова: информационная война; Украина; социальные сети; нарратив; Россия; Запад.

THE ROLE OF «DIGITAL PUBLICS» IN INFORMATION WARFARE ABOUT UKRAINE IN THE WORLD

A. N. Sytnik

St. Petersburg State University,
Universitetskaya emb., 7/9, 199034, St. Petersburg, Russia,
e-mail: a.sytnik@spbu.ru

The article examines the issue of the influence of digital publics (audiences of social networks writing on similar topics) on the global public discursive field about modern Ukraine. The author shows that social network users are increasingly forming a narrative about Ukraine in the world with the help of: publishing posts in foreign languages and reporting on the conflict; projecting their political and ideological biases on the online discussion about the conflict; simply the number of their voices; and, finally, social media posts written to reject the imposed narrative or published under the informational influence of the multi-actors of the conflict. Digital publics are indeed actively participating in the global public discursive battlefield of the Ukrainian dilemma, forming special thematic structures in the online space and, thereby, «crowdsourcing» narratives, which certainly increases the scale of the information warfare and makes it less controlled by state actors. The proposed review of current literature will provide a deeper context and understanding of the conditions of modern information warfare.

Keywords: information warfare; Ukraine; social networks; narrative; Russia; West.

Согласно гипотезе «квантового разума» А. Вендта, государства являются проекциями разума каждого человека, и, наоборот, взаимное влияние международной анархии и государств отражается в сознании и практике индивидов [1]. В российско-украинской «войне слов» или «войне нарративов» пользователи социальных сетей являются активными участниками информационной войны, а не просто мишенями. Посты обычных пользователей создают нарративы, нарративы формируют политические представления или идентичности, которые действуют как движущие силы внешней политики, подрывая власть и влияние государств на ход мировой политики. При этом личные нарративы отражают обобщенные истории, поскольку они формируются внутри абсолютизированных нарративов в цифровой фрагментированной политической реальности [2]. Целью данной статьи является исследование влияния цифровых публик на мировое общественное дискурсивное поле о современной Украине. Под цифровыми публикациями подразумеваются онлайн-аудитории, которые существуют на цифровых платформах и обсуждают общие темы. Предлагаемый обзор призван обеспечить более глубокий контекст и понимание условий современной информационной войны.

24 февраля 2022 г. в одночасье изменилась сама архитектура европейской безопасности и судьбы целых народов. Президент

Российской Федерации Владимир Путин в прямом эфире объявил о начале того, что он назвал «Специальной военной операцией (СВО)» в Украине [3]. Однако российско-украинский конфликт, а также связанное с ним информационное противостояние велось задолго до начала СВО и их характеристики гораздо шире, чем противостояние двух стран. По сути, конфликт в Украине является кульминацией конкурентного поиска влияния на постсоветском пространстве, причиной и следствием многолетнего кризиса в отношениях между ЕС и Россией и, шире, между Россией и Западом [4]. Кроме того, конфликт сам по себе вернул никогда не исчезнувшую в сознании «холодную войну» и по сей день является реструктуризацией отношений между Востоком и Западом [5].

Украинский конфликт стал «первой войной в социальных сетях» [6] и «испытательным полигоном» для нескольких акторов для проверки методов и инструментов информационной войны [7]. Е. Головченко и др. [8, с. 975] рассматривают «информационную войну» в украинском конфликте как «ряд стратегических кампаний по завоеванию местного и глобального общественного мнения, в значительной степени организованных Кремлем и прозападными властями». И российские, и западные власти признают, что современная информационная война в социальных сетях представляет собой смесь демократической активности и иностранного влияния во внутренних делах с целью использования информации в геополитических целях [9]. Таким образом, рядовые пользователи социальных сетей являются активными участниками информационной войны в украинском конфликте.

Анализ информационного противостояния относительно развития событий в Украине подтверждает, что все большее влияние на формирование этого конфликта приобретают рядовые пользователи. Ученые, изучающие массовые протесты в Украине с течением времени, утверждают, что основное различие между «Оранжевой революцией» и «Евромайданом» заключается в возросшей роли гражданского общества: первая была организована в основном оппозицией, а вторая была инициативой пользователей социальных сетей с неожиданными отдаленными результатами [10; 11]. М. Красноденбская (2018) применяет теорию Гадамера о трансформации смысла в коммуникативных процессах, чтобы доказать, что во время протестов «Евромайдана» местные активисты трансформировали и по-новому использовали нарративы, распространяемые международными акторами [12].

Начало дискуссий в социальных сетях о территории и населении Донбасса также было положено на рубеже 2013—2014 гг. Анализ активности *#SaveDonbassPeople* в Твиттере свидетель-

ствуем о том, что ведущую роль в кампании сыграли активисты, а не медийные организации или знаменитости [13]. Исследование украинского национального сегмента *Facebook* показывает, что украинские влиятельные пользователи (элиты), публикуя посты в *Facebook*, смогли сформировать негативный дискурс по отношению к населению Донбасса [14].

Более того, изучение аудитории Твиттера в рамках как протестов Евромайдана, так и конфликта на Донбассе выявляет влияние рядовых пользователей Твиттера на интернационализацию конфликта, выражающееся в постепенном уменьшении твитов на русском и украинском языках и росте твитов на иностранных языках, особенно на английском. Большинство сообщений в поддержку одной из двух сторон были написаны на английском или русском языке, а твиты на украинском языке были в небольшом количестве [15]. Украинские лица и учреждения, которые они представляют внутри страны и за ее пределами, находящиеся под сильным влиянием *PR*-практик и национального брендинга, мастерами формируют нарратив о войне в социальных сетях *Twitter*, *Instagram*, *Reddit*, *Telegram* и *TikTok*, в основном ориентированных на внешнюю аудиторию [16]. Помимо этого, М. Оджала и др. (2016) подчеркивают растущее влияние «военных корреспондентов» в освещении украинского конфликта и выделяют четыре наиболее заметные роли цифровых публик как участников информационной войны и нового типа технологической среды публичного общения из зоны конфликта: распространитель, переводчик, адвокат и создатель сообщества [17].

Посты проукраинских и пророссийских интернет-сообществ в социальных сетях о войне на Донбассе и крымском вопросе способствовали распространению взаимоисключающих взглядов на ее итоги. Авторы обнаружили влияние рядовых пользователей на усиление поляризации аудитории социальных сетей, пишущих о конфликте. Естественные предубеждения аудитории уникальным образом меняют повествование: например, националисты восхваляют историческую мощь России, а коммунисты ругают капитализм [18; 19]. Общественность социальных сетей также активно использует продвигаемые Кремлем идеологические аргументы: неоконсерватизм и защита традиций против неолиберализма, многополярность против однополярности, евразийская цивилизация против атлантической цивилизации под руководством США [20].

Однако пользователи не всегда подвержены влиянию со стороны мульти-акторов конфликта. Исследование настроений в социальных сетях по поводу протестов «Евромайдана» в России, Украине и на Западе обнаруживает большую поддержку в рус-

скоязычных сообщениях в социальных сетях и бóльшую критику этих процессов на Западе, чем ожидалось, учитывая дискурс правительства и СМИ в этих странах [21]. Фактически украинский кейс опровергает предположение о том, что аудитория уязвима для стратегического нарратива иностранного государства: устойчивость и ярость антироссийского украинского нарратива, а не российская пропаганда, иногда является главной причиной перехода в российский «информационный лагерь» [22].

Ссылаясь на цитату главного редактора российских государственных СМИ М. Симоньян (2013) о том, что «нет объективности — только приближение к истине как можно большим количеством разных голосов», Р. Торнсон (2015) делает важный аргумент, что не столько качество, сколько количество распространяемой информации важно для исхода операций информационной войны [23; 24]. Хотя эта идея указывает на влияние масс пользователей на формирование конфликта, стоит отметить важную тенденцию в этом контексте. Нарратив об украинском конфликте в социальных сетях частично искусственно контролируется государственными и негосударственными субъектами, которые манипулируют трафиком социальных сетей с помощью так называемых ботов и троллей [25]. Тем не менее ученые отмечают, что возможности зарубежных стран постепенно сокращаются из-за «Сплинтернета», цензуры и различных мер по борьбе с компьютерной пропагандой [26; 27]. Внутри российского «суверенного интернета» сообщения в адрес Украины в основном укладываются в рамки российского государственного дискурса, тогда как на Западе интернет более оспариваемый и подвергается кампаниям влияния [26]. Поэтому, учитывая вышеизложенное и активность украинских пользователей на английском языке, стоит предположить, что ключевая война нарративов о конфликте происходит в русскоязычном и англоязычном сегментах социальных сетей.

Подводя итог, обзор литературы о роли аудитории социальных сетей в информационной войне вокруг Украины показывает, что пользователи социальных сетей все больше формируют нарратив об Украине в мире с помощью: публикации постов на иностранных языках и репортажей о конфликте; проекции своих политических и идеологических предубеждений на онлайн-дискуссию о конфликте; просто количества своих голосов; и, наконец, постов в социальных сетях, написанных ради отвержения «навязанного» нарратива или опубликованных будучи под информационным влиянием мульти-актеров конфликта. Цифровые публики действительно активно участвуют в глобальном публичном дискурсивном поле битвы по украинской дилемме,

формируя в онлайн-пространстве специальные структуры (нарративы) и, тем самым, осуществляя «краудсорсинг» нарративов, что, безусловно, увеличивает масштаб информационной войны и делает ее менее подконтрольной государственным акторам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Wendt, A. *Quantum mind and social science* / A. Wendt. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015. — 366 p.
2. Цветкова, Н. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности / Н. Цветкова, А. Сытник, Т. Гришанина // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Междунар. отношения. — 2022. — № 15(2). — С. 174–196.
3. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. — 24.02.2022. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>. — Дата доступа: 14.09.2022.
4. Mearsheimer, J. J. Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin / John J. Mearsheimer // *Foreign Affairs*. — 2014. — Vol. 93, N 5. — P. 77–89.
5. Freire, M. R. Ukraine and the Restructuring of East-West Relations / M. R. Freire // *The Russian Challenge to the European Security Environment*. — Palgrave Macmillan, Cham, 2017. — P. 189–209.
6. Suci, P. Is Russia's Invasion of Ukraine The First Social Media War? [Electronic resource] // *Forbes*. — 01.03.2022. — Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/petersuci/2022/03/01/is-russias-invasion-of-ukraine-the-first-social-media-war/?sh=3e6d10641c5c>. — Date of access: 14.09.2022.
7. Mölder, H. Information warfare as the Hobbesian concept of modern times—the principles, techniques, and tools of Russian information operations in the Donbass / H. Mölder, V. Sazonov // *The Journal of Slavic Military Studies*. — 2018. — Vol. 31, N 3. — P. 308–328.
8. Golovchenko, Y. State, media and civil society in the information warfare over Ukraine: citizen curators of digital disinformation / Y. Golovchenko, M. Hartmann, R. Adler-Nissen // *International Affairs*. — 2018. — Vol. 94, N 5. — P. 975–994.
9. Klein, H. Information warfare and information operations: Russian and US perspectives / H. Klein // *Journal of International Affairs*. — 2018. — Vol. 71, N 1.5. — P. 135–142.
10. Khmelko, I. An anatomy of mass protests: The Orange Revolution and Euromaidan compared / I. Khmelko, Y. Pereguda // *Communist and Post-Communist Studies*. — 2014. — Vol. 47, N 2. — P. 227–236.
11. Bohdanova, T. Unexpected revolution: the role of social media in Ukraine's Euromaidan uprising / T. Bohdanova // *European View*. — 2014. — Vol. 13, N 1. — P. 133–142.
12. Krasnodębska, M. The Ukraine crisis as an unintended consequence of the EU's public diplomacy: Reception of the EU's narratives in Ukraine / M. Krasnodębska // *The Hague Journal of Diplomacy*. — 2018. — Vol. 13, N 3. — P. 345–365.

13. Makhortykh, M. # SaveDonbassPeople: Twitter, propaganda, and conflict in Eastern Ukraine / Y. Lyebyedyev, M. Makhortykh // *The Communication Review*. — 2015. — Vol. 18, N 4. — P. 239–270.
14. Токарев, А. А. Дискурс украинских элит в отношении территории и населения Донбасса 2009–2018 гг.: анализ национального сегмента Facebook / А. А. Токарев // *Вестник МГИМО-Университета*. — 2018. — № 6 (63). — С. 194–211.
15. Makhortykh, M. # NoKievNazi: Social Media, Historical Memory and Securitization in the Ukraine Crisis / M. Makhortykh // *Memory and securitization in contemporary Europe*. — London: Palgrave Macmillan, 2018. — P. 219–247.
16. Bolin, G. From nation branding to information warfare: The management of information in the Ukraine–Russia conflict / G. Bolin, P. Jordan, P. Ståhlberg // *Media and the Ukraine Crises: Hybrid media practice and narratives of conflict* / [ed.] Mervi Pantti. — New York: Peter Lang Publishing Group, 2016. — P. 3–18.
17. Ojala, M. Professional role enactment amid information warfare: War correspondents tweeting on the Ukraine conflict / M. Ojala, M. Pantti, J. Kangas // *Journalism*. — 2018. — Vol. 19, N 3. — P. 297–313.
18. Jaitner // *Russian information warfare: Lessons from Ukraine* / M. Jaitner // *Cyber war in perspective: Russian aggression against Ukraine* / ed. by K. Geers. — Tallinn: NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, 2015. — P. 87–94.
19. Makhortykh, M. Social media and visual framing of the conflict in Eastern Ukraine / M. Makhortykh, M. Sydorova // *Media, war & conflict*. — 2017. — Vol. 10, N 3. — P. 359–381.
20. Darczewska, J. The anatomy of Russian information warfare. The Crimean operation, a case study / J. Darczewska [Electronic resource] // *Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia*. — Mode of access: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/the_anatomy_of_russian_information_warfare.pdf. — Date of access: 14.09.2022.
21. Etling, B. Russia, Ukraine, and the West: Social media sentiment in the Euromaidan protests / B. Etling; Berkman Center Research Publication (September 2014) [Electronic resource] // *Digital Access to Scholarship in Harvard*. — Mode of access: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/13031958/IM_RussiaUkraineandtheWest.pdf?sequence=1&isAllowed=y. — Date of access: 14.09.2022.
22. Szostek, J. Nothing is true? The credibility of news and conflicting narratives during «information war» in Ukraine / J. Szostek // *The international journal of press/politics*. — 2018. — Vol. 23, N 1. — P. 116–135.
23. Russia Today's Editor-In-Chief: 'The West Never Got Over the Cold War Stereotype' [Electronic resource] // *Der Spiegel*. — 13.08.2013. — Mode of access: <https://www.spiegel.de/international/world/spiegel-interview-russia-today-editor-in-chief-margarita-simonyan-a-916356.html>. — Date of access: 14.09.2022.
24. Thornton, R. The changing nature of modern warfare: responding to Russian information warfare / R. Thornton // *The RUSI Journal*. — 2015. — Vol. 160, N 4. — P. 40–48.

25. Boyte, K. J. An analysis of the social-media technology, tactics, and narratives used to control perception in the propaganda war over Ukraine / K. J. Boyte // Journal of Information Warfare. — 2017. — Vol. 16, N 1. — P. 88—111.

26. Ciuriak, D. The Role of Social Media in Russia's War on Ukraine / D. Ciuriak [Electronic resource] // SSRN. — 13.08.2013. — Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4078863. — Date of access: 14.09.2022.

27. Golovchenko, Y. Fighting Propaganda with Censorship: A Study of the Ukrainian Ban on Russian Social Media / Y. Golovchenko // The Journal of Politics. — 2022. — Vol. 84, N 2. — P. 639—654.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

М. И. Тертель

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: miroslawtertel@gmail.com*

В статье выявлены и охарактеризованы основные направления развития политических и торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и странами Латинской Америки.

Сделан вывод о последовательном и неизменном стремлении отдельных стран латиноамериканского региона к развитию конструктивных, сбалансированных, дружественных и взаимовыгодных отношений с Российской Федерацией.

Ключевые слова: *Российская Федерация; Латинская Америка; международные отношения; МЕРКОСУР; дипломатия.*

PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF RELATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH LATIN AMERICAN COUNTRIES

M. I. Tertel

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: miroslawtertel@gmail.com*

The article identifies and characterizes the main directions of development of political, trade and economic relations between the Russian Federation and Latin American countries.

The conclusion is made about the consistent and unchanging striving of the Latin American region' countries for developing constructive, balanced, friendly and mutually beneficial relations with the Russian Federation.

Keywords: *Russian Federation; Latin America; international relations; Southern Common Market; diplomacy.*

В настоящее время в условиях действия антироссийских санкций и продолжающейся конфронтации России и коллективного Запада Москва продолжает предпринимать попытки по развитию сотрудничества на других географических направлениях. Заявления руководства России, представителей внешнеполитического ведомства свидетельствуют о том, что в настоящее время отдельное внимание уделяется вопросу укрепления сотрудничества России и стран Латинской Америки. Государства данного региона были обозначены Президентом России В. В. Путиным в качестве дружественных на церемонии открытия Международного военно-технического форума «Армия-2022». Об усилении посольств Российской Федерации в Латинской Америке за счет опытных российских дипломатов, покинувших западные страны, говорил также Министр иностранных дел России С. В. Лавров.

До начала Россией специальной военной операции в Украине и масштабного санкционного давления Запада отношения со странами Латинской Америки не были в приоритете у Российской Федерации. Проведенный мониторинг показал отсутствие отдельных глобальных концепций по выстраиванию отношений Москвы с указанным регионом. Он лишь вскользь обозначался в отдельных документах. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2021 г. отмечено, что «достижение целей внешней политики осуществляется путем решения следующих задач: поддержка развития региональной и субрегиональной интеграции в рамках многосторонних международных институтов, диалоговых площадок, региональных объединений, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке и Африке».

В Концепции внешней политики России (от 2016 г.) регион указан под пунктом 98 (из 108 пунктов Концепции). В частности, отмечено, что «Россия продолжит всемерное укрепление отношений с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна с учетом растущей роли этого региона в мировых делах. Россия будет стремиться к консолидации связей с латиноамериканскими партнерами в рамках международных и региональных форумов, к расширению сотрудничества с многосторонними объединениями и интеграционными структурами Латинской Америки и Карибского бассейна, в частности с Сообществом латиноамериканских и карибских государств, Южноамериканским общим рынком, Союзом южноамериканских государств, Центральноамериканской интеграционной системой, Боливарианским альянсом для народов нашей Америки, Тихоокеанским альянсом, Карибским сообществом» [1].

Детальный анализ данных о результатах торгово-экономического сотрудничества России с государствами Латинской Америки показал, что оно пока не является значимым по современным российским меркам. По данным МИД Российской Федерации, по итогам 2021 г. российский товарооборот со всеми странами региона составил около 20 млрд дол. США. При этом по экспертным подсчетам товарооборот стран Латинской Америки и Карибского бассейна с США составил около 800 млрд дол. США, с Китаем — 324 млрд. Среди крупнейших экономических партнеров России находились Бразилия, Эквадор, Мексика и Аргентина [2].

25—29 июля 2022 г. в столице Бразилии состоялась 15-я конференция министров обороны Америки (CDMA). Из декларации, принятой по итогам конференции, следует, что 9 министров обороны CDMA настояли на включении в итоговый текст специальной сноски, в которой участники «решительно осудили» действия России. Министры представляли Гаити, Гватемалу, Доминикану, Канаду, Колумбию, Парагвай, Эквадор, Уругвай, США.

Вместе с тем, Аргентина, Бразилия и Мексика выступили с иной позицией. Они отказались поддержать страны, осудившие российскую спецоперацию. Избегая критики в адрес России, Аргентина и Бразилия в ответ указали, что только ООН — это «площадка, обладающая соответствующими полномочиями для решения конфликта в Украине». Мексика также присоединилась к позиции Аргентины и Бразилии по поводу решающей роли ООН, добавив, что обсуждение ситуации в Украине не относится к компетенции CDMA [3].

По мнению заместителя директора Института стран Латинской Америки РАН В. Сударева, такой случай является не первым. Страны региона и ранее не присоединялись к антироссийским санкциям. Сама нынешняя попытка США заставить их присоединиться к санкциям, как и вывод американского военного контингента из Афганистана в 2021 г., смогли «открыть глаза» политическим элитам государств Латинской Америки на суть происходящего в США. Как полагал В. Сударев, нынешний президент Аргентины А. Фернандес продолжает тот курс, который был определен еще в середине XX в. его предшественником — президентом генералом Х. Д. Пероном, основные цели которого сводились к развитию страны в режиме экономической автаркии, политической независимости от США и неприятия западного неолиберализма. Это и был перонистский третий путь между западным капитализмом и советским социализмом [3; 4].

Наряду с А. Фернандесом главой государства, превратившегося в региональную державу, является также президент Мексики А. М. Лопес Обрадор. Обе страны вошли в «Большую двадцатку»,

а их политическое влияние расширилось за пределы Западного полушария. К примеру, Мексика активно ведет диалог с Россией в формате АТЭС, Аргентина в этом году заявила о своем желании войти в БРИКС.

В феврале 2022 г. накануне российской СВО в Украине, президент Бразилии Ж. Болсонару посетил Москву. В результате визита Бразилия осталась главным партнером России в Латинской Америке, сохранив товарооборот в 7 млрд дол. США. Кроме того, Ж. Болсонару попросил Президента России В.В. Путина помочь в строительстве атомной подводной лодки (на протяжении десятилетий Бразилии в этом отказывал Вашингтон) [3; 5].

В ходе интервью «*CNN*» в 2022 г. Ж. Болсонару констатировал, что в противостоянии с Россией Украина обречена на поражение. Глава Бразилии провел характерную аналогию с вооруженным конфликтом за Фолклендские острова 1982 г., фактически сравнив Украину с Аргентиной, которая уступила эти острова Великобритании [3; 6].

Тем не менее, как отметил профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ В. Хейфец, «не стоит тешиться иллюзией, что Аргентина, Бразилия и Мексика прямо поддерживают Россию. Правильнее сказать, что они пытаются выдержать некий баланс». Например, в марте 2022 г. эти три страны поддержали в ООН резолюцию, в которую действия России были осуждены. Аргентина также голосовала за приостановку членства России в Совете ООН по правам человека. Тем не менее, все три страны не поддержали введение односторонних санкций, что стало еще одним подтверждением их стремления играть самостоятельную роль в мировой политике. По этой причине их министры обороны не присоединились к очередной критике в адрес России в июле 2022 г. Как полагал В. Хейфец, отношения с Аргентиной, Бразилией и Мексикой носили сугубо экономический характер и развивались довольно ровно. Бразилия стала крупнейшим партнером России в Латинской Америке, а Аргентина входила в пятерку крупнейших партнеров [3; 7].

По оценкам эксперта по Латинской Америке Н. Калашникова, все три страны видели собственные интересы в сотрудничестве с Россией и были не готовы потерять эти возможности. Н. Калашников считал, что этим странам ничего не будет грозить, потому что США сегодня не в той позиции, чтобы вводить вторичные санкции еще и против них. При этом Вашингтон особо заинтересован идеологически приблизить к себе страны Латинской Америки и втянуть их в противостояние с Россией. Однако силовой нажим невозможен. Каждое из государств: Аргентина, Бразилия

и Мексика преследует собственные интересы. Традиционно Мексика исходит из принципа невмешательства во внутренние дела других государств, что относится как к соседним странам, так и к России. Эти три страны, конечно, не во всем поддерживают российскую политику, но, что касается внутренних дел, то в них «не лезут». А проведение СВО в Украине они трактуют именно так. Что касается президента Бразилии Ж. Болсонару, то, по мнению Н. Калашникова, вероятно, он лично симпатизирует Президенту В. В. Путину.

В феврале 2022 г., сразу после признания Российской Федерацией независимости ДНР и ЛНР, Организация американских государств под давлением США приняла декларацию с осуждением России. Однако резолюцию отказались поддержать Аргентина и Бразилия, а также Боливия, Уругвай и Сальвадор. Причины этого кроются в прошлом, когда, начиная с «доктрины Монро», суть которой — «Америка для американцев», латиноамериканский мир был превращен в «задний двор» Вашингтона. При президенте Б. Обаме «доктрину» официально отменили. Но, по сути, продолжают придерживаться главного принципа — «у двух Америк должен быть только один хозяин (он же жандарм)», которым являются США. Исходя из этого, по словам Н. Калашникова, к современной политике стран Латинской Америки неприменим термин «пророссийский», так как эти страны действуют в собственных интересах. В то же время в Бразилии и других странах региона прекрасно осознают, к чему приводит «real politic» Вашингтона, и прошедшее совещание министров обороны Америк стало в этом плане весьма показательным с точки зрения их позиции по отношению к политике США [3; 4].

При формировании стратегии работы Республики Беларусь с государствами региона Латинской Америки и выходу белорусской продукции на рынки стран МЕРКОСУР видится целесообразным использовать опыт Российской Федерации в части выстраивания работы с отдельными латиноамериканскими странами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Какие страны готовы сотрудничать с Россией в условиях экономических санкций [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakie-strany-latinskoy-ameriki-gotovy-sotrudnicat-s-rossiey-v-usloviyakh-ekonomicheskikh-sanktsiy/#short>. — Дата доступа: 01.09.2022.

2. Россия — Латинская Америка [Электронный ресурс] // Петербургский международный экономический форум. — Режим доступа: <https://forumspb.com/news/news/rossija-latinskaja-amerika/>. — Дата доступа: 05.09.2022.

3. Задорожная, А. Для Латинской Америки Россия оказалась привлекательнее США / А. Задорожная, А. Приймак [Электронный ресурс] // Взгляд.ру. — 30.07.2022. — Режим доступа: <https://vz.ru/politics/2022/7/30/1170043.html>. — Дата доступа: 05.09.2022.

4. Яковлев, П. П. Россия и Латинская Америка: константы и переменные торгово-экономических отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право — 2021. — Т. 14, № 3. — С. 209—226. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-12.

5. Что связывает Россию с Латинской Америкой? [Электронный ресурс] // ИНОСМИ: Le Figaro. — 19.04.2022. — Режим доступа: <https://inosmi.ru/20220419/latinoamerikantsy-253860603.html>. — Дата доступа: 02.09.2022.

6. Сизоненко, А. Российско-латиноамериканские отношения: истоки и традиции / А. Сизоненко [Электронный ресурс] // Международная жизнь. — 2013. — № 4. — Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/850>. — Дата доступа: 01.09.2022.

7. Хрелёва, Е. Россия и МЕРКОСУР. Перспективы сотрудничества со странами Латинской Америки / Е. Хрулёва [Электронный ресурс] // Русский мир. — Режим доступа: <https://russkiymir.ru/publications/301317/>. — Дата доступа: 01.09.2022.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЕ В 1996—2022 гг.

А. В. Тихомиров

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: tihomirow@list.ru*

Рассматриваются особенности и основные результаты деятельности Республики Беларусь в организации Центрально-Европейская Инициатива (ЦЕИ) в 1996—2022 гг. Цель статьи — оценка сущности и особенностей многосторонней дипломатии Республики Беларусь в контексте ее участия в ЦЕИ. Новизна статьи заключается в оценке деятельности и результатов многосторонней белорусской дипломатии в условиях трансформации современных международных отношений. Практическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет выявить особенности формирования приоритетов многосторонней дипломатии Республики Беларусь в условиях эволюции многостороннего сотрудничества в Европе.

Ключевые слова: *Республика Беларусь; Центрально-Европейская Инициатива; многосторонняя дипломатия; региональное сотрудничество; военный конфликт в Украине.*

ACTIVITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CENTRAL EUROPEAN INITIATIVE IN 1996—2022

A. V. Tsikhamirau

*Belarusian State University,
Nezavisimosti ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: tihomirow@list.ru*

The features and main results of the activity of the Republic of Belarus in the organization of the Central European Initiative (CEI) in 1996-2022 are considered.

The purpose of the article is to assess the essence and features of the multilateral diplomacy of the Republic of Belarus in the context of its participation in the CEI. The novelty of the article lies in the assessment of the activities and results of multilateral Belarusian diplomacy in the context of the transformation of modern international relations. The practical significance of the study lies in the fact that it allows us to identify the peculiarities of the formation of priorities of multilateral diplomacy of the Republic of Belarus in the context of the evolution of multilateral cooperation in Europe.

Keywords: Republic of Belarus; Central European Initiative; multilateral diplomacy; regional cooperation; military conflict in Ukraine.

Центрально-европейская инициатива представляет собой международную организацию, сориентированную на расширение сотрудничества между государствами Центральной и Восточной Европы.

Беларусь присоединилась к ЦЕИ в июне 1996 г., рассматривая этот шаг в качестве важного компонента многовекторной внешней политики и многостороннего сотрудничества. 13 июня 1996 г. заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь М. Хвостов подчеркнул, что участие в рассматриваемом объединении позволит «подтянуть» белорусское законодательство к европейским стандартам и понять, какие барьеры необходимо преодолеть Беларуси для полноценной интеграции в ЕС [1]. За прием Беларуси в ЦЕИ выступали и европейские государства. В частности, активную поддержку нашей стране в вопросе присоединения к инициативе оказали Польша и Австрия [1; 2].

Дебют белорусской дипломатии на площадке инициативы состоялся на встрече глав правительств и министров иностранных дел государств-участников ЦЕИ, прошедшей в австрийском городе Грац 8—9 ноября 1996 г. глава белорусской правительственной делегации, Премьер-министр Республики Беларусь М. Н. Чигирь назвал ЦЕИ перспективным региональным объединением, участие в котором очень важно для Беларуси в силу возможности реализации конкретных экономических проектов [3, с. 66]. Белорусская делегация проявила повышенный интерес к сотрудничеству с ЦЕИ в области транспорта, экологии, профессионального образования и переподготовки кадров, энергетики, ликвидации последствий аварии на ЧАЭС [3, с. 67].

6—7 июня 1997 г. на встрече министров иностранных дел государств — участников ЦЕИ в Сараево глава белорусского внешнеполитического ведомства И. И. Антонович призвал участников заседания не допустить образования в Европе новых разделительных линий в условиях расширения ЕС и НАТО. Также он озвучил ряд конкретных предложений, направленных на развитие

регионального сотрудничества в области транспорта, преодоление последствий аварии на Чернобыльской АЭС, совершенствование системы управления экономикой [4, с. 99].

В последующие годы белорусские представители продолжали участвовать во встречах глав правительств и министров иностранных дел, заседаниях Парламентского комитета и Парламентской ассамблеи, Комитета национальных координаторов государств — участников ЦЕИ, рабочих групп организации, встречах политических директоров, молодежных и экономических форумах ЦЕИ.

В рамках ЦЕИ белорусские политики придерживались установки на создание «Большой Европы» без разделительных линий, выступали за укрепление региональных связей и стимулирование европейских интеграционных процессов. В ноябре 1998 г. белорусская делегация на встрече глав правительств ЦЕИ выступила против расширения НАТО, обратив внимание на недопустимость произвольного использования силы в международных отношениях в Европе [5, с. 75]. В 1999 г. белорусская делегация обратила внимание государств — участников ЦЕИ на инициативу руководства Республики Беларусь по созданию безъядерного пространства в Центральной и Восточной Европе [6, с. 67].

Однако акцент все же делался на реализацию конкретных проектов. В 1997 г. Премьер-министр Республики Беларусь С. С. Линт проявил интерес к осуществлению в рамках ЦЕИ конкретных проектов, связанных с проблемой транспортной интеграции, введением режима бесполошинной торговли в регионе, развитием малого и среднего бизнеса, преодолением последствий аварии на Чернобыльской АЭС [7]. В 1998 г. он же высказал мнение, что важным аспектом деятельности ЦЕИ должны стать совместные усилия по оказанию помощи странам, столкнувшимся с наибольшими трудностями в социальном развитии [5, с. 74]. В 2003 г. белорусская сторона проявила интерес к развитию двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества, а также борьбе с нелегальной миграцией и другими видами трансграничной преступности [8, с. 80]. В конце 2000-х гг. белорусские представители в ЦЕИ относили к приоритетным направлениям сотрудничества экономическое развитие, стимулирование инвестиций, научные исследования, трансграничное сотрудничество, последипломное образование, культуру [9, с. 45].

В 1997 г. ЦЕИ поддержала предложение о подключении Беларуси к проекту по созданию пятого панъевропейского коридора Венеция — Будапешт (Вена) — Львов, согласившись продлить трассу до Минска. В мае 1998 г. началась реализация белорусско-чешской учебной программы для руководящих кадров сельского хозяйства из районов Гомельской области, пострадавших

от последствий чернобыльской аварии. В 1999 г. представители Республики Беларусь приняли участие в заседаниях рабочих групп ЦЕИ по человеческому измерению, науке и технологиям, по человеческим ресурсам и образованию, по культуре, по национальным меньшинствам [10]. С 1998 г. Беларусь участвовала в Экономических форумах ЦЕИ.

Весьма продуктивным было сотрудничество Беларуси с ЦЕИ в области науки и технологий. В 2004 г. БГУ присоединился к Сети университетских связей ЦЕИ, созданной на базе университета Триеста. В 2006 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между НАН Беларуси и международным центром теоретической физики имени Абдус Салама. В рамках научно-технологической сети ЦЕИ на базе лаборатории нелинейной оптики Института физики НАН был создан Центр по взаимодействию с ЦЕИ [11].

Значимым событием в истории взаимодействия Беларуси с ЦЕИ стало председательство в этой организации в 2017 г. В декабре 2016 г. Премьер-министр Республики Беларусь А. В. Кобяков заявил, что «Беларусь приложит все возможные усилия для укрепления роли ЦЕИ в качестве «точки схождения» различных интеграционных платформ и процессов в Европе» [12]. В свою очередь, МИД Республики Беларусь в преддверии председательства выражал намерение уделить особое внимание тематике совместности и взаимодополняемости различных интеграционных процессов в Европе в контексте упрощения торговли, гармонизации стандартов и процедур, развития транспорта и логистики, а также продолжить усилия по обеспечению географической сбалансированности деятельности ЦЕИ и расширению партнерств с другими международными и региональными организациями [13]. Белорусская сторона предлагала создать рабочую группу по реформированию ЦЕИ для разработки конкретных предложений по повышению эффективности организации и актуализации направлений ее деятельности [13].

22 июня 2017 г. в Минске прошла встреча министров иностранных дел и глав национальных делегаций государств — членов ЦЕИ, 28 ноября 2017 г. — заседание Парламентской ассамблеи ЦЕИ.

В июне 2017 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на встрече с министрами иностранных дел и национальных делегаций стран ЦЕИ высказал мнение, что организация доказала свою востребованность в качестве площадки для диалога и сотрудничества по широкому спектру направлений, в первую очередь, в сферах транспорта, энергетики, регионального развития, науки и технологий. Также он заявил, что ЦЕИ дает Беларуси дополнительную возможность улучшить взаимопонимание с

Евросоюзом и тем самым способствует преодолению разделения Европы [14].

Схожие оценки прозвучали со стороны министра иностранных дел Беларуси В. В. Макея. Глава белорусского внешнеполитического ведомства отмечал, что Беларусь рассматривает свое председательство в ЦЕИ как возможность для активизации участия в европейских интеграционных процессах с упором на экономическую составляющую и намерена в максимально возможной степени содействовать решению общих экономических и социальных проблем, стоящих перед странами региона [15].

В период председательства в ЦЕИ представители Беларуси приложили значительные усилия по популяризации идеи сотрудничества стран Европы с Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь» с использованием белорусской транспортной инфраструктуры [16].

Установки, принятые во время председательства Беларуси в ЦЕИ, сохранялись и в последующие годы. С точки зрения МИД Республики Беларусь, деятельность в ЦЕИ способствовала распространению информации о белорусском государстве и обществе в Европе, позволяла получать финансовое и экспертное содействие в рамках реализации целевых проектов сотрудничества, гармонизировать национальные нормы и технические регламенты с соответствующими европейскими стандартами [11].

В рамках программы технического сотрудничества ЦЕИ в 2019 г. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) предоставил Беларуси 259 млн евро на реконструкцию и модернизацию 12 региональных мостов и магистрали Минск — Витебск (М3) [17].

В начале 2020-х гг. определенное негативное влияние на результаты взаимодействия Беларуси с ЦЕИ оказали пандемия *COVID-19* и конфликт между Беларусью и ЕС относительно результатов белорусских президентских выборов, состоявшихся 9 августа 2020 г. Однако деятельность белорусских представителей в организации продолжалась, несмотря на нарастание конфронтации в отношениях Беларуси с ЕС и отдельными европейскими государствами. Даже в декабре 2021 г. на площадке ЦЕИ озвучивались белорусские инициативы по созданию «Большой Европы» без разделительных линий, выстроенной на принципах недискриминации, равных возможностей для всех государств, уважения их суверенитета и независимости [18].

Кризис в отношениях Беларуси с ЦЕИ возник весной 2022 г. в условиях военного конфликта между Россией и Украиной в 2022 г., затронувшего нашу страну. 25 марта 2022 г. председательствующая в ЦЕИ Болгария и Исполнительный секретариат

ЦЕИ приняли решение о приостановке представительства Беларуси в организации, сославшись на поддержку белорусской стороной «российской войны против Украины» [19].

Белорусская сторона восприняла решение ЦЕИ как «неправомерное и политизированное». В заявлении Президиума Совета республики Национального собрания Республики Беларусь от 19 апреля 2022 г. действия ЦЕИ были охарактеризованы как отступление от основополагающих принципов организации, призванных обеспечивать преодоление разделительных линий в Европе и неприменение противоречащих международному праву методов политического и экономического давления» [20]. Однако в конечном счете белорусы были вынуждены подчиниться решению, принятому организацией.

В целом можно констатировать, что 2022 г. стал рубежным в развитии взаимодействия Беларуси с ЦЕИ. Нарастание кризисных явлений в современных международных отношениях, рост конфронтации в Европе создали большие проблемы для осуществления белорусской внешней политики на европейском направлении и ограничили возможности белорусской многосторонней дипломатии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Патутин, А. Через ЦЕИ — в Европу / А. Патутин // Беларус. рынок. — 17—23.06.1996. — С. 3.
2. Калинкина, С. Мы — европейцы? / С. Калинкина // Беларус. деловае газ — 17.06.1996. — С. 1.
3. Участие официальной делегации Республики Беларусь в работе ежегодной встречи глав правительств и министров иностранных дел стран-участниц Центрально-Европейской инициативы в г. Грац // Вестн. М-ва иностр. дел. — 1997. — С. 66—67.
4. Встреча министров иностранных дел стран — участниц Центрально-европейской инициативы // Вестн. М-ва иностр. дел. — 1997. — № 1. — С. 99—100.
5. Встреча глав правительств стран-членов Центрально-Европейской инициативы // Вестн. М-ва иностр. дел. — 1998. — № 4. — С. 74—75.
6. Встреча министров иностранных дел стран-членов Центрально-Европейской инициативы // Вестн. М-ва иностр. дел. — 1999. — № 3. — С. 65—67.
7. Участие Премьер-министра Республики Беларусь С. С. Линга во встрече глав правительств стран Центрально-Европейской Инициативы // Вестн. М-ва иностр. дел. — 1997. — № 2. — С. 86—87.
8. Встреча министров иностранных дел стран — членов ЦЕИ // Вестн. М-ва замеж. спраў. — 2003. — № 3. — С. 80.
9. Садовская, О. Н. Республика Беларусь и европейские субрегиональные организации / О. Н. Садовская // Беларусь в современном мире: Материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию Беларус.

гос. ун-та. Минск, 28 октября 2011 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2011. — С.44—45.

10. Хаяютина, Т. Республика стала полноправным членом ЦЕИ / Т. Хаяютина // Рэспубліка. — 06.11.1999. — С. 2.

11. Центрально-Европейская Инициатива [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/fc4c6e8b83b633be.html>. — Дата доступа: 15.08.2022.

12. Кобяков рассказал, чем будет заниматься Беларусь как глава ЦЕИ [Электронный ресурс] // SPUTNIK Беларусь. — 13.12.2016. — Режим доступа: <https://sputnik.by/20161213/kobyakov-rasskazal-ob-ukreplenii-pozitsii-cei-1026508079.html>. — Дата доступа: 08.09.2022.

13. Беларусь возглавит Центрально-Европейскую инициативу в 2017 году [Электронный ресурс] // SPUTNIK Беларусь. — 16.06.2016. — Режим доступа: <https://sputnik.by/20160616/1023363861.html>. — Дата доступа: 15.08.2022.

14. Встреча с главами МИД стран — членов Центрально-Европейской инициативы [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. — 22.06.2017. — Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-glavami-mid-stran-chlenov-tsentralno-evropejskoj-initsiativy-16463>. — Дата доступа: 19.08.2022.

15. Главы МИД стран ЦЕИ согласовали основные темы сотрудничества [Электронный ресурс] // SPUTNIK Беларусь. — 22.06.2017. — Режим доступа: <https://sputnik.by/20170622/glavy-mid-stran-cei-soglasovali-osnovnyye-temy-sotrudnichestva-1029432909.html>. — Дата доступа: 19.08.2022.

16. Беларусь рассчитывает на инвестиции ЕС для модернизации транспорта [Электронный ресурс] // SPUTNIK Беларусь. — 08.06.2017. — Режим доступа: <https://sputnik.by/20170608/belarus-rasschityvaet-na-investicii-es-dlya-modernizacii-transporta-1029188677.html>. — Дата доступа: 18.08.2022.

17. Climate Resilience Assessment for Belarus — Regional Bridges and M3 Road Rehabilitation [Electronic resource] // Central European Initiative. — Mode of Access: <https://www.cei.int/climate-resilience-assessment-for-belarus-regional-bridges-and-m3-road-rehabilitation>. — Date of Access: 18.08.2022.

18. Беларусь заявляет о важности развития Европы на принципах недискриминации и равных возможностей для всех государств [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 03.12.2021. — Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/belarus-zajavljaet-o-vazhnosti-razvitija-evropy-na-principah-nediskriminatsii-i-ravnyh-vozmozhnostej-473072-2021/>. — Дата доступа: 01.09.2022.

19. Statement by the Bulgarian CEI Presidency and the CEI-Executive Secretariat on the suspension of the Republic of Belarus from the Central European Initiative [Electronic resource] // Central European Initiative. — Mode of Access: <https://www.cei.int/news/9261/statement-by-the-bulgarian-cei-presidency-and-the-cei-executive-secretariat-on-the-suspension-of-the>. — Date of Access: 01.09.2022.

20. Совет Республики: приостановка участия Беларуси в ЦЕИ — необдуманный и неправомерный шаг [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 19.04.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/sovets-respubliki-priostanovka-uchastija-belarusi-v-tsei-neobdumannij-i-nepravomernij-shag-496959-2022/>. — Дата доступа: 01.09.2022.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ БРАЗИЛЬСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ (1992—2021 гг.)

К. И. Ткачук¹⁾, С. Ф. Свилас²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: tkchukarina@mail.ru

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: svilas0104@gmail.com

Выделены основные аспекты белорусско-бразильских отношений в 1992—2021 гг. Подчеркивается, что Бразилия является важнейшим партнером Беларуси в Южной Америке, несмотря на географическую удаленность. Охарактеризована договорно-нормативная база двухсторонних отношений, прослежена ее эволюция. Подчеркнуто значение визитов на высшем уровне, раскрыта роль посольств и их руководителей, парламентской дипломатии в прогрессе двухсторонних отношений. Показан рост двухсторонней торговли и ее содержание, раскрыт потенциал сотрудничества в образовательной сфере. Отмечены успехи во взаимодействии музейных работников двух стран. Выделены основные культурные проекты Посольства Бразилии в Беларуси (фестивали уличного искусства и бразильского кино, ретроспектива национального кинематографа), указано на взаимодействие этой структуры с официальными институтами и общественностью Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь; Бразилия; торгово-экономическое сотрудничество; культурная дипломатия; музейно-выставочное дело.

MAIN ASPECTS OF BRAZILIAN-BELARUSIAN RELATIONS (1992—2021)

K. I. Tkachuk^a, S. F. Svilas^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: tkchukarina@mail.ru

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: svilas0104@gmail.com
Corresponding author: K. I. Tkachuk (tkchukarina@mail.ru)

The main aspects of Belarusian-Brazilian relations in 1992—2021 are highlighted. It is emphasized that Brazil is the most important partner of Belarus in South America, despite its geographical remoteness. The contractual and normative base of bilateral relations is characterized, its evolution is traced. The importance of high-level visits is emphasized, the role of embassies and their leaders, parliamentary diplomacy in the progress of bilateral relations is revealed. The growth of bilateral trade and its content is shown, the potential for cooperation in the educational sphere is revealed. Successes in the interaction between museum workers of the two countries were noted. The main cultural projects of the Embassy of Brazil in Belarus are highlighted (festivals of street

art and Brazilian cinema, a retrospective of national cinema), the interaction of this structure with official institutions and the public of Belarus is emphasized.

Keywords: Belarus; Brazil; trade and economic cooperation; cultural diplomacy; museum and exhibition business.

Республика Беларусь получила независимость в декабре 1991 г., а в течение последовавших тридцати лет она установила торговые и дипломатические партнерские отношения со 183 государствами, среди которых заметное место занимает Бразилия. Несмотря на географическую удаленность, эта страна является одним из основных партнеров Беларуси в Южной Америке и заинтересована в дальнейшем углублении двусторонних отношений.

Между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Бразилия дипломатические отношения были установлены 10 февраля 1992 г. Договорно-правовую базу отношений составляют меморандумы и соглашения: Соглашение об установлении дипломатических отношений между Беларусью и Бразилией; Соглашение об отмене виз для владельцев дипломатических, служебных и официальных паспортов; Соглашение о взаимной правовой помощи по уголовным делам; Соглашение о частичной отмене виз для краткосрочных поездок граждан Беларуси и Бразилии; Соглашение о сотрудничестве в области образования; Меморандум о сотрудничестве (консультациях) между министерствами иностранных дел; Меморандум о создании Белорусско-бразильской совместной комиссии по экономическому сотрудничеству; Меморандум о взаимопонимании между Министерством юстиции Республики Беларусь и Министерством юстиции Бразилии; На согласовании находятся проекты соглашений в военной, научной и культурной областях [1].

Первый визит на высшем уровне состоялся в марте 2010 г.: Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко посетил Рио-де-Жанейро и достиг договоренности со своим бразильским коллегой о взаимном открытии посольств. В ноябре 2010 г. было открыто Посольство Республики Беларусь в Бразилиа, а Посольство Федеративной Республики Бразилия в Минске приступило к работе в июне 2011 г.; эти структуры способствуют устойчивому развитию двухсторонних политических, экономических, гуманитарных, культурных связей [1].

В 2007 г. в Палате депутатов Национального конгресса Бразилии была создана парламентская группа «Бразилия—Беларусь». По случаю 30-летия установления дипломатических отношений 10 февраля 2022 г. состоялось заседание Белорусско-Бразильской парламентской группы дружбы, на которой основной темой

стало подведение итогов 30-летнего сотрудничества. Стороны обменялись мнениями по вопросу санкций и конституционной реформы в Беларуси, а также обсудили возможности создания перспективных совместных проектов [2].

Партнерство между Бразилией и Беларусью в экономической сфере растет и предоставляет отличные инвестиционные возможности во всех секторах экономики. Двухсторонний товарооборот в 2021 г. составил 782,9 млн дол. США при положительном сальдо для Беларуси. Основными продуктами белорусского экспорта являются калийные и азотные удобрения, шины, стекловолокно, сельскохозяйственные машины и ткани. Бразилия ходит в тройку государств в общем объеме экспорта Беларусью калийных удобрений. Из Бразилии импортируются кофе, орехи, фрукты. Важным импортным продуктом стали 12 самолетов «Embraer» [3]. За последние 5 лет отмечается положительная динамика развития белорусско-бразильской торговли. В 2017 году товарооборот составил 512,7 млн дол. США, а взаимный товарооборот за последние 5 лет вырос более чем в полтора раза. В июле 2017 г. в рамках встречи заместителя министра иностранных дел Е. А. Шестакова и генерального секретаря Министерства иностранных дел Бразилии по международному сотрудничеству, продвижению торговли и культурной тематики Сантьягу Израбале Моурау были проведены консультации по торгово-экономическим вопросам, а также подписан Меморандум о создании Белорусско-Бразильской совместной комиссии по экономическому сотрудничеству [4]. К 2022 г. прорабатывалась реализация совместных проектов по поиску новых товарных ниш, а также по созданию в Бразилии совместных сборочных производств белорусскими автомобильными и тракторными предприятиями [3].

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия С. В. Лукашевич отметил: «Нам важно расширять белорусское экономическое присутствие в Бразилии. Это интересный регион, это сильный экономический кластер, у которого сложились свои подходы по сотрудничеству. Конечно, не надо туда поставлять говядину и спички, они сами это производят. Надо найти те ниши, куда можно интегрироваться со своей продукцией» [5]. Потребность Бразилии в импорте такой продукции, как удобрения, сельскохозяйственная техника, шины обуславливает наличие белорусских товаров на латиноамериканском рынке. Развитие двустороннего торгово-экономического сотрудничества с Бразилией белорусские эксперты считают наиболее перспективным по сравнению с другими странами Латинской Америки.

Рассматривая сотрудничество Беларуси и Бразилии в образовательной сфере, отметим, что оно основывается на Соглашении о сотрудничестве в области образования, которое было подписано в августе 2015 г. Документ был конкретизирован соглашением о сотрудничестве между Белорусским государственным университетом и Федеральным университетом штата Параиба (май 2021 г.) [6]. Хотя студенческий обмен находится пока на начальной стадии, число бразильских студентов, заинтересованных в прохождении языковых курсов и получении высшего образования в Беларуси, постепенно увеличивается. По состоянию на февраль 2021 г., в Беларуси получает высшее образование только 8 студентов [7].

Взаимодействие Беларуси и Бразилии в культурной сфере интенсифицируется, сближая народы двух стран и способствуя укреплению сотрудничества в других сферах, несмотря на отсутствие единого документа, регламентирующего их: проект Соглашения о культурном сотрудничестве все еще находится на стадии рассмотрения [8].

Со времени своего открытия в 2011 году посольство Бразилии в Минске осуществило несколько культурных проектов, связанных с национальным искусством (кино, литературой, музыкой и фотографией), стремясь выйти за рамки стереотипов и знакомя граждан Беларуси со своей страной. Главным культурным событием Посольства стал *Vulica Brasil. Vulica Brasil* — фестиваль уличного искусства, на котором бразильские и белорусские художники разрисовывают стены в разных уголках Минска [9, с. 72].

В 2012 г. Посольство организовало Первый фестиваль бразильского кино в минском кинотеатре «Победа», где были представлены такие известные бразильские фильмы, как «*Dona Flor e seus dois maridos*», «*Caramuru — a invenção do Brasil*», «*Abril Despedaçado*», «*Deus é brasileiro*», «*Bossa Nova*». Фильмы демонстрировались на португальском языке с русскими субтитрами. Через год при содействии Посольства состоялась ретроспектива бразильского «*Cinema Novo*» в кинотеатре «Ракета», на которой демонстрировались 5 фильмов известных бразильских режиссеров [10].

В области музейно-выставочного дела знаменательным стал 2015 г., когда состоялся визит делегации бразильского музейно-выставочного фонда «Мемориал Латинской Америки» в Беларусь. В том же году документальный фильм бразильского режиссера Вальтера Саллеса «Цзя Чжанкэ, парень из Фэньян» принял участие во внеконкурсном показе XXII Минского международного кинофестиваля «Лістапад». В фильме отражены размышле-

ния о трансформации китайского общества, городов, семьи, культурной революции, глобализации [11]. Белорусы, в свою очередь, принимают заметное участие в культурной жизни Бразилии. Так, например в бразильском штате Амазонас работают 15 белорусов, трудоустроенных в местном музыкальном театре [7].

Отдельное внимание заслуживают аккаунты в социальных сетях Посольства Беларуси в Бразилии — «Твиттер», «Фейсбук» и *YouTube* с аналитическими материалами, фоторепортажами, анонсами ближайших мероприятий, фотоотчетами о значимых событиях, что создает полное представление о работе посольства.

Таким образом, с самого начала своей независимой истории Беларусь активно сотрудничает с Бразилией в политической, экономической и гуманитарной областях. Это латиноамериканское государство входит в ТОП-10 партнеров Беларуси в мире, занимая первое место среди стран Латинской Америки. Экономическое партнерство между Бразилией и Беларусью прогрессирует и предоставляет благоприятные инвестиционные возможности во всех секторах. Активно развиваются культурные взаимоотношения, несмотря на отсутствие регламентирующего документа. Посредством деятельности посольств проводятся мероприятия, направленные на сближение народов географически далеких друг от друга стран. Реализация культурных проектов способствует углублению и взаимопониманию между государственными структурами и представителями гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Политическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия. — Режим доступа: https://brazil.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/political/. — Дата доступа: 13.09.2022.

2. Депутат: торгово-экономические отношения Беларуси и Бразилии демонстрируют устойчивый характер [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 10.02.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/deputat-torgovo-ekonomicheskie-otnosheniya-belarusi-i-brazilii-demonstrirujut-ustojchivyy-harakter-484115-2022/>. — Дата доступа: 13.09.2022.

3. Торгово-экономические отношения [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия. — Режим доступа: <https://brazil.mfa.gov.by/ru/exportby/tev/>. — Дата доступа: 13.09.2022.

4. Интервью заместителя Министра иностранных дел Республики Беларусь Е. Шестакова изданию «Brasília in Foco» (8 июля 2017 г., Бразилия) // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://mfa.gov.by/press/smi/c98f377693514952.html>. — Дата доступа: 13.09.2022.

5. Беларусь будет искать пути расширить поставки продукции, востребованной на емком рынке Бразилии [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 20.09.2021. — Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/deputat-torgovo-ekonomicheskie-otnosheniya-belarusi-i-brazilii-demonstrirujut-ustojchivyy-harakter-484115-2022/>. — Дата доступа: 13.09.2022.

6. Сотрудничество в сфере образования [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия. — Режим доступа: https://brazil.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/edu/. — Дата доступа: 13.09.2022.

7. Лукашевич, С. В.: Бразилия — площадка для присутствия Беларуси в Латинской Америке [Электронный ресурс] // Звезда. — 10.08.2022. — Режим доступа: <https://zviazda.by/ru/news/20220810/1660118506-lukashevich-braziliya-ploshchadka-dlya-prisutstviya-belarusi-v-latinskoj-amerike>. — Дата доступа: 13.09.2022.

8. Культурное и гуманитарное сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия. — Режим доступа: https://brazil.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/culture/. — Дата доступа: 13.09.2022.

9. Ткачук, К. И. Посольство Федеративной Республики Бразилия в Республике Беларусь как институт публичной дипломатии / К. И. Ткачук // Дипломатия Беларуси: прошлое и настоящее: междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 марта 2022 г. / редкол.: Е. А. Достанко [и др.]. — Минск: БГУ, 2022. — С. 71—75.

10. Ретроспектива бразильского cinema novo [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cinemascope.by/>. — Дата доступа: 13.09.2022.

11. Культурное и гуманитарное сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия. — Режим доступа: https://brazil.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/culture/. — Дата доступа: 13.09.2022.

ПРАВО ВЕТО КАК ИНСТРУМЕНТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В НАЧАЛЕ XXI в.

А. В. Шарано

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: sharano@bsu.by*

В статье выделяются и рассматриваются основные предпосылки решения федерального правительства Германии во главе с канцлером О. Шольцем добиваться отказа от применения права вето в деятельности Европейского союза в контексте кризисных проявлений в процессе европейской интеграции и обострения противоречий между государствами — членами ЕС относительно будущего развития европейского проекта.

Ключевые слова: Германия; Европейский союз; европейская политика; право вето; политико-правовая практика; правительство О. Шольца.

THE RIGHT OF VETO AS A TOOL OF THE EUROPEAN POLICY OF GERMANY IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

A. V. Sharapa

Belarusian State University,

Niezaleznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: sharapa@bsu.by

The article highlights and discusses the main prerequisites for the decision of the German federal government headed by Chancellor Olaf Scholz to seek the full abandonment of the use of the right of veto in the activities of the European Union in the context of crisis marks in the process of European integration and exacerbation of contradictions between the EU member states regarding the future development of the European project.

Keywords: *Germany; European Union; European politics; veto; political and legal practice; government of Olaf Scholz.*

Изучение основных аспектов и приоритетов политики ФРГ на европейском направлении, особенностей деятельности Германии в ЕС и двухсторонних отношений с европейскими государствами, в том числе с Республикой Беларусь, традиционно находилось в центре внимания белорусских ученых — международников. Среди них, в первую очередь, следует указать публикации докторов исторических наук, профессоров А. В. Русаковича и В. В. Фрольцова, а также автора этой статьи [1—3].

Вместе с тем, неожиданно для исследователей европейской политики и права ЕС именно Германия стала инициатором пересмотра процедуры принятия важных решений в рамках Евросоюза, что, в частности, затрагивает практику применения так называемого «права вето» или принципа единогласия в деятельности ЕС. С таким предложением выступил федеральный канцлер Германии О. Шольц. Поясняя свою инициативу, он в статье газеты «*Frankfurter Allgemeine*» подчеркнул: «Конфликт России и Украины сделал как никогда актуальным вопрос о необходимости достижения единства при принятии решений странами ЕС. Мы просто не можем позволить себе и дальше сохранять национальные вето, например, во внешней политике, если хотим, чтобы нас слышали в мире, где конкурируют крупные геополитические игроки». По его мнению, именно право вето, имеющееся у национальных правительств, мешает Брюсселю быстро принимать действенные антироссийские санкции и оперативно реагировать на меняющуюся международную обстановку. О. Шольц призвал к построению более сильного, «геополитического» Европейского союза, «способного дать достойный ответ современным вызовам». «Геополитический Евросоюз», в который, по словам О. Шольца, должен трансформироваться нынешний ЕС, «благодаря

историческим решениям, принятым в последние несколько месяцев, и который уже сделал большой шаг в этом направлении», должен стать частью новой реальности [4].

По мнению канцлера, «геополитическая цель ЕС должна состоять в сплочении рядов в тех областях, где в Европе слишком долго боролись за единые решения, прежде всего это — миграционная политика, построение европейской системы обороны, технологический суверенитет и демократическую устойчивость». Он пояснил это применительно к праву вето: «Постоянная разобщенность, постоянные разногласия между государствами — членами ослабляют нас. Вот почему самый важный ответ Европы на поворотный момент: единство. Мы обязательно должны поддерживать его и углублять. Больше никаких эгоистичных блокад европейских решений отдельными государствами — членами» [5].

Ранее, в июне 2021 г., бывший глава внешнеполитического ведомства страны Х. Маас в интервью информагентству *DPA* подробно изложил суть и причины подобного нововведения, заявив, что блоку из 27 членов не могут и не должны противостоять одиночные противники: «Мы больше не можем быть заложниками тех, кто своими решениями парализует европейскую внешнюю политику. Поэтому я говорю совершенно открыто: право вето должно быть снято, даже если это означает, что мы в каких-то моментах тоже можем оставаться в меньшинстве». По его словам, «они, блокируя общие политические решения сообщества, играют со сплоченностью Европы. Евросоюз должен стать более дееспособным, и Европа больше не должна становиться заложницей отщепенцев». С точки зрения Х. Мааса, после реформы основная линия Германии во внешней политике останется неизменной. «Четырехугольнику, который состоит из европейской интеграции, многосторонней ответственности, надежности в альянсе и международной солидарности ничего не угрожает». Реформа направлена на «европеизацию» внешней политики Евросоюза, что, с одной стороны, «предложит больше конкретных сфер для сотрудничества — например, в азиатском пространстве, таким государствам, как Индия и Япония — а, с другой стороны, позволит реагировать на нарушения прав человека [6].

В поддержку предлагаемой юридической реформы выступили Европарламент и Еврокомиссия. Их лидеры заявили, что настало время приведения ряда существующих законодательных актов ЕС в соответствие с требованиями реальной обстановки в Европе и мире. Как подчеркнул глава Европейской внешнеполитической службы Баррель, сделать это необходимо в первую очередь ради повышения внешнеполитической дееспособности ЕС и в связи с перспективой его дальнейшего расширения на страны Восточной

Европы и Западных Балкан: «Возобновляя процесс расширения ЕС, мы должны одновременно поддержать и его способность действовать. Помимо прочего, это еще и геополитический императив. Очевидно, что мы неоднократно платили за принцип единогласия во внешней политике ослаблением и откладыванием своих действий» [7].

Предлагаемая О. Шольцем и его единомышленниками реформа преследует не только, а может быть, не столько общеевропейские «благие» цели, сколько интересы самого канцлера, который такими мерами пытается хоть как-то повысить свою падающую популярность среди немецких избирателей. По результатам опроса, проведенного социологическим институтом «*INSA*» по заказу газеты «*Bild am Sonntag*», сейчас его рейтинг упал до самого низкого уровня с момента его вступления в должность главы правительства ФРГ. Издание называет такие показатели «печальными» для О. Шольца и «низкими как никогда» [7]. Политикой О. Шольца недовольны 49 % респондентов. При этом уровень поддержки его курса — лишь 38 %. Вместе с тем, как выяснили социологи, более половины жителей Германии (55 %) не одобряют работу федерального правительства и лишь 35 % опрошенных удовлетворены деятельностью кабинета министров ФРГ [8].

При этом многие политологи отмечают, что отмена принципа единогласия вряд ли способна удовлетворить усилия Германии, других ее единомышленников по сохранению существовавшего баланса сил внутри Евросоюза, а попытки полностью подчинить восточных европейцев их воле тщетны. Может возникнуть ситуация, чреватая кардинальными последствиями. В современных условиях отмена принципа единогласия и переход к принятию важных решений квалифицированным может привести к переходу от нынешнего политического устройства Евросоюза к его конфедерализации. Это, в свою очередь, приведет к тому, что все важные решения будут восприниматься не как суммарный итог мнений разных стран ЕС, а как решение единого государства. Утрата суверенитета — главное опасение «малых» восточноевропейских государств. Это ситуация, когда их голос растворится в политических амбициях «сильных европейского мира» [9]. Такое опасение высказывает и большинство политологов. По словам немецкого эксперта Л. Шютте, «сегодня мы видим, что у Венгрии совсем другие внешнеполитические интересы по отношению к России, чем у остальных членов ЕС. Так зачем же Венгрии принимать решение большинством голосов?». С ним солидарен и польский политолог П. Тосик, подчеркнув, что в той или иной форме против федерализации ЕС выступают практически все польские

политические силы. Действующее же правительство в Варшаве вообще хотело бы ограничить ЕС рамками обычного таможенного союза и вместо отмены права вето, наоборот, ввести его во всех сферах принятия решений [10].

Таким образом, рассмотренная в статье политическая кампания в Германии, направленная на изменение системы принятия решений в ЕС и отмену принципа единогласия, свидетельствует о том, что если в предыдущие десятилетия право вето объединяло Европу, то в настоящее время в начале XXI в. этот принцип разъединяет ЕС. Изучаемая ситуация наглядно демонстрирует весь уровень противоречий между различными государствами — членами ЕС, включая саму ФРГ.

Основной причиной появления инициативы правительства во главе с О. Шольцем стали внутривнутриполитические проблемы, в частности, низкий рейтинг правящей коалиции, от которой требуется показать силу воли и твердый стиль лидерства в международных делах и доказать право ФРГ оставаться лидером европейской интеграции в дальнейшем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Русакович, А. В. Германия во внешней политике Беларуси (1990—2012 гг.) / А. В. Русакович. — Минск: РИПО, 2015. — 424 с.
2. Фрольцов, В. В. Внешнеполитические цели и задачи четвертого правительства А. Меркель / В. В. Фрольцов // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2017. — № 3-4 (82-83). — С. 10—18.
3. Шарапо, А. В. Особенности транзита власти в ФРГ: уроки прошлого и современность / А. В. Шарапо // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. — Минск, 2020. — Вып. 8. — С. 119—131.
4. Scholz will Europa mit Reformen stärken [Electronic resource] // Frankfurter Allgemeine. — 29.08.2022. — Mode of access: <https://www.faz.net/agenturmeldungen/dpa/scholz-will-europa-mit-reformen-staerken-18276607.html>. — Date of access: 20.07.2022.
5. Олаф Шольц высказался против абсолютного права вето в ЕС [Электронный ресурс] // The European Times. — 18.07.2022. — Режим доступа: <https://www.europeantimes.news/ru/2022/06/olaf-scholz-spoke-out-against-the-absolute-right-of-veto-in-the-eu/>. — Дата доступа: 20.07.2022.
6. Глава МИДа Германии настаивает на отмене права вето в ЕС: кто в этом виноват? [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine. — 22.06.2022. — Режим доступа: [aussiedlerbote.de/2021/06/glava-mida-germanii-nastaivaet-na-otmene-prava-veto-ves/?ysclid=l6d9gz5xr6749635507](https://www.aussiedlerbote.de/2021/06/glava-mida-germanii-nastaivaet-na-otmene-prava-veto-ves/?ysclid=l6d9gz5xr6749635507). — Дата доступа: 20.07.2022.
7. Kanzler im freien Fall — Scholz stürzt ab [Electronic resource] // Welt. — 29.04.2022. — Mode of access: [welt.de/politik/deutschland/article238437781/Deutschlandtrend-Kanzler-im-freien-Fall-Olaf-Scholz-stuerzt-ab.html](https://www.welt.de/politik/deutschland/article238437781/Deutschlandtrend-Kanzler-im-freien-Fall-Olaf-Scholz-stuerzt-ab.html). — Date of access: 20.07.2022.

8. Таран, И. «Тенденция на фоне санкций против России»: почему рейтинг канцлера ФРГ Шольца установил антирекорд / И. Таран, М. Лобанов [Электронный ресурс] // Welt. — 17.04.2022. — Режим доступа: russian.rt.com/world/article/991525-germaniya-reiting-vlasti-sankcii-protiv-rt?ysclid=16hjorsizu203135864. — Дата доступа: 20.07.2022.

9. У членов Евросоюза отбирают последний признак самостоятельности [Электронный ресурс] // Planet Today. — 11.05.2022. — Режим доступа: <https://planet-today.ru/geopolitika/item/145963-u-chlenov-evrosoyuza-otbirayut-poslednij-priznak-samostoyatelnosti?> — Дата доступа: 20.07.2022.

10. Федорцев, В. В ЕС хотят отказаться от единогласного принципа принятия внешнеполитических решений / В. Федорцев [Электронный ресурс] // Российская газета. — 19.06.2022. — Режим доступа: <https://rg.ru/2022/06/29/pravo-veto-szhivaiut-so-sveta.html?ysclid=16vxsxe8wzy928130501>. — Дата доступа: 20.07.2022.

ОТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БАНГЛАДЕШ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Ю. А. Щербина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: jyriishe**r**bina@mail.ru*

В статье выявлена и охарактеризована динамика становления и развития отношений между Республикой Беларусь и Народной Республикой Бангладеш в 2010—2022 гг. Обозначены важные направления и аспекты взаимодействия, рассмотрены основные подписанные соглашения, меморандумы о взаимопонимании, заседания Совместной комиссии по развитию сотрудничества. Определена роль официальных визитов представителей Беларуси и Бангладеш.

Сделан вывод о последовательном и неизменном стремлении обоих государств к развитию конструктивных, сбалансированных, дружественных и взаимовыгодных отношений.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Народная Республика Бангладеш; международные отношения; Южная Азия; дипломатия.

RELATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF BANGLADESH: FORMATION AND DEVELOPMENT

Y. A. Shcharbina

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: jyriishe**r**bina@mail.ru*

The article identifies and characterizes the dynamics of the formation and development of relations between the Republic of Belarus and the People's Republic of Bangladesh in 2010—2022. Important directions and aspects of interaction were outlined, the main signed agreements, memorandums of understanding, meetings of the Joint Commission for the Development of Cooperation were considered. The role of official visits of representatives of Belarus and Bangladesh is determined.

The conclusion about the consistent and unchanging striving of both states to develop constructive, balanced, friendly and mutually beneficial relations is made.

Keywords: Republic of Belarus; People's Republic of Bangladesh; international relations; South Asia; diplomacy.

Становление и развитие двусторонних отношений Республики Беларусь и Народной Республики Бангладеш — крупным государством, расположенном в Южной Азии, началось с официального установления дипломатических отношений, а именно с 21 февраля 1992 г. [1].

Вместе с тем, реализация солидного потенциала двухсторонних отношений пришлось уже на 2010-е гг., когда белорусская дипломатия приступила к активному поиску новых партнеров в наиболее значимых и перспективных регионах «дальней дуги», одним из которых стала Южная Азия. Традиционно важную роль в политике и экономике этого региона играет Народная Республика Бангладеш.

В мае 2012 г. во время официального визита министра иностранных дел Бангладеш Д. Мони в Беларусь Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко предложил выстраивать двусторонние отношения на стратегическом уровне. Глава государства заявил: «Мы ждали этого визита. Очень надеемся на то, что он займет фундамент наших стратегических отношений в будущем». А. Г. Лукашенко подчеркнул схожесть подходов обоих государств в международных организациях и подчеркнул, что Бангладеш представляет значительный интерес для Беларуси. По итогам 2011 г. товарооборот составил около 140 млн дол. США. Д. Мони было заявлено, что экономики Бангладеш и Беларуси взаимодополняемы, а страны имеют много общего [2].

В ноябре 2012 г. в ходе визита премьер-министра Беларуси М. В. Мясниковича в Дакку между странами были подписаны 12 соглашений и меморандумов о взаимопонимании и расширении сотрудничества в различных сферах, включая торговлю и инвестиции, сельское хозяйство, образование, науку и технологии.

Соглашения между двумя странами касались таких сфер, как поощрение инвестиций и их взаимная защита, безвизовый режим для государственных служащих и дипломатов двух стран, сотрудничество между Советом по аккредитации Бангладеш и Центром аккредитации Беларуси, сотрудничество в области науки и техники, обмен военной техникой между двумя странами, соглашение о сотрудничестве в области образования и сотрудничестве между Бангладешским институтом международных стратегических исследований (BISS) и Центром международных исследований Белорусского государственного университета [3].

Официальные лица двух стран подписали пять меморандумов о взаимопонимании и сотрудничестве между Академией наук Бангладеш и Национальной академией наук Беларуси [3].

В рамках первого в истории визита главы правительства Бангладеш в Республику Беларусь премьер-министр Ш. Хасина прибыла в Минск 8 июля 2013 г. Визит являлся ответным после того, как Премьер-министр Беларуси М. Мясникович посетил Дакку в ноябре 2012 г. [4].

По итогам переговоров Бангладеш и Беларусь подписали два соглашения, четыре меморандума о взаимопонимании для расширения сотрудничества в различных сферах. Премьер-министр Ш. Хасина подчеркнула важность укрепления экономического сотрудничества и развития контактов между гражданами Бангладеш и Беларуси посредством культурных, образовательных и спортивных обменов, а также туризма на взаимовыгодной основе. Стороны также договорились о создании трех межправительственных комиссий. Бангладеш и Беларусь пришли к общему пониманию необходимости активизировать двустороннее сотрудничество в области сельского хозяйства, торговли и коммерции, а также углубить экономические отношения [5].

8—9 апреля 2015 г. в Дакке состоялось первое заседание Белорусско-Бангладешской комиссии по сотрудничеству в области науки и технологий. 29 и 30 марта 2017 г. уже в столице Республики Беларусь было организовано второе заседание Совместной комиссии. По итогам заседания была согласована и утверждена Исполнительная программа по научно-техническому и инновационному сотрудничеству на 2017—2018 гг. Были обозначены перспективы совместной работы в сферах кибербезопасности и развития информационно-телекоммуникационных технологий, а также в предоставлении Республикой Беларусь для нужд экономики Бангладеш возможностей белорусского спутника [6].

На полях пятого заседания Совета министров иностранных дел стран — участниц и стран — наблюдателей Конференции по взаимодействию и мерам укрепления доверия в Азии, проходившей в апреле 2016 г., министр иностранных дел Республики Беларусь В.В. Макей провел встречу с государственным министром иностранных дел Бангладеш М. Ш. Аламом. На встрече с государственным министром иностранных дел Народной Республики Бангладеш стороны наметили дальнейшие пути активизации контактов между министерствами иностранных дел двух стран, договорились об обмене визитами представителей деловых кругов, коснулись вопросов Совместной белорусско-бангладешской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству [7].

Республику Беларусь государственный министр иностранных дел Бангладеш М. Ш. Алам, посетил в апреле 2017 г., также в этом месяце министр промышленности Беларуси был с официальным визитом в Народной Республике Бангладеш [1].

27 апреля 2017 г. состоялось открытие в Народной Республике Бангладеш торгово-сервисного центра «*AMKODOR Plash Industrial Zone Ltd*», приуроченное к 25-летию установления дипломатических отношений [8].

Презентация книги выдающегося литератора Р. Тагора прошла в Национальном художественном музее в Минске 29 августа 2019 г. Книга состояла из одного стихотворения «Моя золотая Бенгалия», являющегося гимном Бангладеш, которое уже переведено на белорусский язык. Это стихотворение было переведено на 49 языков мира. Составителями книги являлись министр информации А. Н. Карлюкевич, член Союза писателей Беларуси и М. Ислам, переводчик из Бангладеш. А. Н. Карлюкевич подчеркнул: «Это издание является своего рода дипломатическим культурным мостом между Беларусью и Бангладеш» [9].

В январе 2022 г. делегация Министерства здравоохранения и благосостояния семьи Народной Республики Бангладеш посетила Беларусь. В рамках визита делегация заинтересовалась медицинскими стартапами резидентов Парка высоких технологий, особенно в области телемедицины и медицинских программ на основе искусственного интеллекта от белорусских разработчиков [6].

Таким образом, в 2010-е гг. Республика Беларусь приступила к активизации всестороннего сотрудничества и развитию конструктивных и сбалансированных отношений с Народной Республикой Бангладеш. Именно этот период охарактеризовался расширением двусторонних отношений, были организованы первые визиты главы правительства и государственного министра иностранных дел Бангладеш в Беларусь, начала работу Белорусско-Бангладешская комиссия по сотрудничеству в разных областях взаимодействия. Между министерствами иностранных дел обоих государств стал функционировать консультативный механизм по вопросам двусторонних отношений, призванный искать и внедрять новые форматы сотрудничества двух государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Политические отношения между Республикой Беларусь и Народной Республикой Бангладеш [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: https://india.mfa.gov.by/ru/bilateral_relation/bang/pol/. — Дата доступа: 01.09.2022.

2. 24 мая Александр Лукашенко встретился с Министром иностранных дел Бангладеш Дипу Мони [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. — 24.05.2012. — Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/24-maja-aleksandr-lukashenko-vstretilsja-s-ministrom-inostrannyx-del-bangladesh-dipu-moni-263>. — Дата доступа: 05.09.2022.

3. Залесский, Б. Беларусь — Азия: вектор партнерства. Хроника взаимовыгодного сотрудничества / Б. Залесский [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. — Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bits/tream/123456789/192249/1/2018-LAP-3.pdf>. — Дата доступа: 03.09.2022.

4. PM shortens Belarus visit, returns home Wednesday [Electronic resource] // Official Bangladesh newspaper «Risingbd.com». — Mode of access: https://www.risingbd.com/english/PM_shortens_Belarus_visit_returns_home_Wednesday/4110. — Date of access: 02.09.2022.

5. PM returns home after two nation visit [Electronic resource] // Bangladesh National Portal. — Mode of access: https://pmo.portal.gov.bd/sites/default/files/files/pmo.portal.gov.bd/press_release/fbaaee8f_d848_4495_97bo_d4b812b336a4/pm_pr_08_100713.doc. — Date of access: 01.09.2022.

6. Научно-техническое сотрудничество // МИД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://india.mfa.gov.by/ru/bilateral_relation/bang/tec/. — Дата доступа: 01.09.2022.

7. Minister of Foreign Affairs of Belarus V. Makei participates in the meeting of the Ministers of Foreign Affairs of member-states of the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus. — 28.04.2016. — Mode of access: https://mfa.gov.by/en/press/news_mfa/b44bo7430a72dbd5.html. — Date of access: 30.08.2022.

8. «АМКОДОР» посетил Посол Бангладеш [Электронный ресурс] // Министерство промышленности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://minprom.gov.by/amkodor-posetil-posol-bangladesh/>. — Дата доступа: 01.09.2022.

9. Презентация книги Рабиндраната Тагора на 50 языках прошла в Национальном историческом музее [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальная библиотека Беларуси. — 30.08.2019. — Режим доступа: <https://www.nlb.by/content/news/library-news/prezentatsiya-knigi-rabindranata-tagora-na-50-yazykakh-proshla-v-natsionalnom-istoricheskom-muzee-/>. — Дата доступа: 02.09.2022.

ПРОГНОЗ ИЗМЕНЕНИЯ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ АВСТРАЛИИ В ЮЖНО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

К. И. Ярмошук

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: karinayarmoshuk@gmail.com*

В данном исследовании представлен авторский прогноз изменения стратегии безопасности Австралии в Южно-Тихоокеанском регионе (ЮТР). Объем исследования — региональные политические отношения в сфере безопас-

ности. Предмет исследования — стратегия безопасности Австралии в ЮТР. Целью работы является разработка прогностического сценария развития стратегии безопасности Австралии в ЮТР на краткосрочную перспективу. Автор выделяет пять прогностических положений в стратегии безопасности Австралии, подробно раскрывает их и освещает причинно-следственные связи для каждого стратегического положения. Новизна данной работы заключается в том, что она содержит в себе предположения о стратегических шагах, которые будет предпринимать Австралия для обеспечения безопасности в ЮТР с 2022 г. и на 10 лет вперед, основанных на анализе как русскоязычных, так и англоязычных источников и историографии. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшей разработки данной темы и в более комплексных исследованиях в сфере региональной безопасности.

Ключевые слова: Южно-Тихоокеанский регион; военно-политическое сотрудничество; инфраструктурные проекты; ОПОП; сеть голубых точек; региональное лидерство.

FORECAST OF CHANGES IN AUSTRALIA'S SECURITY STRATEGY IN THE SOUTH PACIFIC REGION

K. I. Yarmoshuk

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: karinayarmoshuk@gmail.com

This study presents the author's forecast of changes in Australia's security strategy in the South Pacific region (SPR). The object of research is regional political relations in the field of security. The subject of the study is Australia's security strategy in the SPR. The aim of the work is to develop a predictive scenario for the development of Australia's security strategy in the SPR for the short term. The author identifies five prognostic positions in the Australian security strategy, reveals them in detail and highlights the cause-and-effect relationships for each strategic position. The novelty of this work lies in the fact that it contains assumptions about the strategic steps that Australia will take to ensure security in the STR from 2022 and for 10 years ahead, based on an analysis of both Russian-language and English-language sources and historiography. The results of the work can be used for further development of this topic and in more comprehensive studies in the field of regional security.

Keywords: South Pacific region; military-political cooperation; infrastructure projects; Belt and Road Initiative; Blue Dots network; regional leadership.

Прогноз изменения стратегии безопасности Австралии в ЮТР заключается в том, что в краткосрочной перспективе стратегия безопасности будет складываться из следующих направлений:

1. Австралия продолжит увеличивать отчисления в сферу обороны, реагируя на увеличение военного присутствия КНР в Океании и на предполагаемые попытки КНР расположить военные базы в Океании.

КНР и так проявляет повышенный интерес к Океании на современном этапе (договор с Соломоновыми островами тому подтверждение), а также прогнозируется увеличение военно-

морского присутствия НОАК в ЮТР. Как результат Австралия продолжит наращивать военную мощь в ЮТР. Австралия намерена приобрести/ модернизировать до 23 кораблей ВМФ и потратить на это 183 млрд дол. (127 млрд дол. США). Австралия также будет полагаться на *AUKUS*, так как появление в составе австралийского ВМФ атомных подводных лодок в рамках партнерства Австралии с США и Великобританией приведет к стратегическому балансу между Китаем и Австралией в подводном пространстве, уравниванию возможностей сторон [1].

2. Австралия будет наращивать военно-оборонное сотрудничество в первую очередь с Соломоновыми островами, Фиджи, Вануату, Папуа-Новой Гвинеей, так как это ближайшие к восточным берегам Австралии крупные независимые государства и они применяют многовекторную политику, активно налаживая связи с КНР.

Во время Второй мировой войны, когда Австралия ожидала вторжения Японии, боевые действия велись на территории современной Папуа — Новой Гвинеи, на Соломоновых Островах, в Коралловом море, но не в Австралии. Этот факт показал ключевое для безопасности Австралии стратегическое значение Океании. В силу милитаризации субрегиона и риторики о том, что мир после пандемии будет «беднее, более опасным и беспорядочным», содержащейся в «Обновлении оборонной стратегии 2020» (2020 *Defence Strategic Update*) и «Плане структуры Сил обороны 2020» (2020 *Force Structure Plan*). А также, принимая во внимание заявление австралийского премьер-министра, что Австралия должна быть лучше подготовлена к перспективе возникновения «конфликта высокой интенсивности», Австралия, предохраняясь от возможного военного конфликта, будет вкладываться в военно-оборонное сотрудничество именно с этими странами.

Также в качестве причины такой военной активизации сотрудничества Австралии с этими странами нельзя не назвать подписание 19 апреля 2022 г. Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности между Китаем и Соломоновыми островами. Австралия обеспокоена тем, что следующим шагом сближения КНР с Соломоновыми островами станет построение там военной базы КНР, а также, что Фиджи и Папуа-Новая Гвинея (ПНГ), которые занимают, соответственно, первое и второе место по объемам китайской финансовой помощи, последуют примеру Соломоновых островов.

Если с ПНГ у Австралии всегда было крепкое партнерство, то с Фиджи был конфликт (исключение Фиджи из Форума Тихоокеанских островов (ФТО) по инициативе Австралии в 2009 г.), в результате которого Фиджи начали активно строить отношения с

КНР. Поэтому стоит ожидать, что Австралия восстановит высокий уровень отношений и партнерства с Фиджи. Что касается Соломоновых островов, видится, что Австралия как реакция на договор КНР и Соломоновых островов, будет выстраивать с Хониарой отношения так, чтобы убедить страну в том, что именно Австралия является для нее лучшим партнером по безопасности. Скорее всего, Австралия предложит Соломоновым островам создать австралийскую военно-морскую базу. А также совместно с США предложит ряд военно-строительных и инженерных мероприятий, чтобы помочь устаревшей инфраструктуре Соломоновых островов [2].

3. Китай продолжит вливать деньги в инфраструктурные проекты стран ЮТР и предоставлять кредиты, чтобы как можно больше из них подключить к «Один пояс, один путь» (ОПОП), а Австралия в ответ на это будет форсировать развитие инфраструктурных проектов с партнерами и усиливать гуманитарный трек.

Для того, чтобы подключить как можно больше участников к инициативе «Один пояс, один путь» Пекин будет продолжать укреплять свои позиции ЮТР через оказание помощи уязвимым странам в виде льготных кредитов (реже — грантов, беспроцентных займов). Главным образом помощь будет направлена на инфраструктурные проекты. На фоне конкуренции с китайскими кредитами Австралия будет и дальше работать над решениями региональных проблем через Программу помощи Тихоокеанскому региону, которая предусматривает привлечение трудовых мигрантов, развитие сферы туризма, обеспечение финансовой и технической помощи для решения проблем, связанных с изменением климата и природными катастрофами [3]. Также будет вкладываться в австралийский механизм финансирования инфраструктурных проектов для Тихоокеанского региона (*Australian Infrastructure Financing Facility*) и прикладывать усилия в рамках инфраструктурного проекта Австралии, США и Японии «Сеть голубых точек» (*Blue Dot Network*). Вполне вероятно, что Австралия при поддержке США будет пытаться вовлечь в проект «Сеть голубых точек» Индию, так как она сумела бы придать проекту особенный статус [4].

4. В ближайшем будущем именно климатический трек станет одним из ключевых в соперничестве КНР и Австралии за лидерство в ЮТР, поэтому Австралия будет весьма активна и будет предпринимать значительные усилия в сфере климата.

Можно ожидать, что Форум тихоокеанских островов, являясь ведущей региональной организацией с явно выраженными

политическими полномочиями и в которой Австралия является лидером, возьмет на себя ведущую роль в политике в области изменения климата и будет использовать свои ресурсы для активного участия в глобальной дипломатии по этому вопросу [5]. Также Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, США и Япония 24 июня 2022 г. объявили о создании нового альянса в Тихоокеанском регионе — *Partners in the Blue Pacific* (Партнеры в голубом Тихом океане) — для эффективной поддержки тихоокеанских приоритетов. Отмечается, что партнерство будет направлено на развитие сотрудничества и поддержки островных государств региона. В документе говорится о том, что страны намерены действовать в соответствии со стратегией Форума тихоокеанских островов на период до 2050 г. [6].

Более того, в марте 2022 г. в Австралии прошли выборы, в результате которых к власти пришла лейбористская партия. Новый министр иностранных дел лейбористской партии Пенни Вонг заявила, что новое правительство «привержено» реальному изменению климата: «Я понимаю, что при предыдущих правительствах Австралия пренебрегала своей обязанностью действовать в связи с изменением климата, игнорируя призывы нашей тихоокеанской семьи к действию», — сказала она в своем выступлении на Фиджи. Также П. Вонг объявила, что Австралия создаст «Австралийско-тихоокеанское партнерство по климатической инфраструктуре» (*Australia-Pacific Climate Infrastructure Partnership*) для поддержки связанных с климатом инфраструктурных и энергетических проектов в странах Тихого океана и Тиморе-Лешти» [7].

5. Несмотря на то, что КНР сильно усилилась в ЮТР в последнее время и будет в обозримом будущем продолжать наращивать свое влияние, Австралия останется лидером в ЮТР по следующим причинам:

1) Китай опережает Австралию только на кредитно-инфраструктурном треке соперничества за лидерство, более того, Австралия уже предприняла меры по активизации как самостоятельных, так и партнерских усилий в инфраструктурной сфере («Сеть голубых точек» и «Австралийский фонд финансирования инфраструктуры для Тихого океана»). Она безусловный лидер на гуманитарном треке и в вакцинной дипломатии, а в ближайшем будущем усилится еще и на климатическом треке;

2) Австралия остается и останется гарантом безопасности ЮТР, она уже усилилась в сфере обороны и безопасности через *AUKUS*, более того, продолжит выделять бюджет на военное усиление в АТР в целом и в ЮТР в частности;

3) ФТО, где Австралия является лидером, останется самой мощной и влиятельной региональной международной органи-

защитой в ЮТР, альтернативные организации такие, как Форум развития островов Тихого океана (ФРОТО) и Меланезийская инициативная группа под эгидой Фиджи и спонсируемые КНР не обладают достаточными возможностями и ресурсами, чтобы составить конкуренцию ФТО;

4) Австралия обладает обширной сетью партнерств со своими союзниками, в первую очередь с «большими белыми братьями региона» и Японией, которые стали более активными на прострaнстве ЮТР (Япония — в инфраструктурных проектах, а с приходом Дж. Байдена США вернулись в АТР);

5) малые островные государства, Австралия, США и Франция соединены общим культурно-историческим контекстом: заморские владения США и Франции располагаются в ЮТР, а Океания исторически является сферой влияния Австралии, ее стратегическим «задним двором», оставленным ей в наследство Великобританией. Более того, страны Океании разделяют либеральные ценности и идеологию Австралии больше, чем строй КНР. Австралия будет максимально активна в своих усилиях по защите своего лидерства в ЮТР, так как исходя из реализма, самым центральным интересом для государства является национальная безопасность, а в отличие от КНР для Австралии ЮТР является критическим субрегионом для обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, говоря о прогнозе изменения стратегии безопасности Австралии в ЮТР, стоит выделить следующие предположения: Австралия продолжит отчисления в сферу обороны и курс на милитаризацию ЮТР через военно-оборонное сотрудничество с «белыми братьями» региона и островными государствами ЮТР — в первую очередь с Соломоновыми островами, Фиджи, Папуа-Новой Гвинеей, Вануату. Ожидается, что Австралия восстановит высокий уровень отношений и партнерства с Фиджи. Скорее всего, Австралия предложит Соломоновым островам создать австралийскую военно-морскую базу и совместно с США предложит ряд военно-строительных и инженерных мероприятий, чтобы помочь устаревшей инфраструктуре Соломоновых островов. Вполне вероятно, что Австралия при поддержке США будет пытаться вовлечь в проект «Сеть голубых точек» Индию. Австралия сделает ставку на усиление своих позиций на климатическом треке соперничества, в первую очередь, через ФТО. Австралия останется лидером в ЮТР как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 2020 Defence Strategic Update [Electronic resource] // Australian Ministry of Defense. — Mode of access: <https://www.defence.gov.au/>

about/strategic-planning/2020-defence-strategic-update. — Date of access: 24.08.2022.

2. Jennings, P. Not too late, but Australia must reach out to Solomon Islands now / P. Jennings [Electronic resource] // Australian Strategic Policy Institute. — Mode of access: <https://www.aspi.org.au/opinion/not-too-late-australia-must-reach-out-solomon-islands-now/>. — Date of access: 01.09.2022.

3. Толстосухина, А. Будущее Австралии и Океании в условиях изменения баланса сил в АТР А. Толстосухина [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/2019-australia>. — Дата доступа: 26.08.2022.

4. Поздняков, Е. И. Концепция Индо-Тихоокеанского региона и ее отражение во внешней политике США / Е. И. Поздняков // Вестн. центра изучения междунар. отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. — 2021. — С. 42—55.

5. Glasser, R. The geopolitics of climate and security in the Indo-Pacific / R. Glasser, A. Kapetas, W. Leben [Electronic resource] // Australian Strategic Policy Institute. — Mode of access: <https://www.aspi.org.au/report/geopolitics-climate-and-security-indo-pacific>. — Date of access: 18.08.2022.

6. Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) [Electronic resource] // The White House. — 24.06.2022. — Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/>. — Date of access: 22.08.2022.

7. Turnbull, T. Why Australia is declaring a 'new era' in the Pacific / T. Turnbull [Electronic resource] // BBC News. — 05.06.2022. — Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-australia-61669954>. — Date of access: 24.08.2022.

СЕКЦИЯ «РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

К ВОПРОСУ О ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПЕРЕДАЧЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. А. Бутич¹⁾, Т. Н. Михалёва²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: vladabutich@mail.ru

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: MikhaliovaT@bsu.by

В данной статье проанализирован подход к закреплению института трансграничной передачи персональных данных в законодательстве Республики Беларусь. Путем исследования положений Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных и законодательства отдельных государств сделан вывод о целесообразности подхода Республики Беларусь к определению перечня «государств, обеспечивающих надлежащую защиту прав субъектов персональных данных», сформулированы предложения по защите прав субъектов персональных данных и профилактики проблем движения информации, содержащей персональные данные, между Республикой Беларусь и рядом других государств, в частности членов Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: персональные данные; трансграничная передача данных; защита персональных данных; Конвенция Совета Европы № 108; субъект персональных данных.

ON THE ISSUE OF CROSS-BORDER PERSONAL DATA TRANSFER FROM THE REPUBLIC OF BELARUS

V. A. Butich^a, T. N. Mikhaliova^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: vladabutich@mail.ru

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: MikhaliovaT@bsu.by
Corresponding author: V. A. Butich (vladabutich@mail.ru)

In this article cross-border personal data transfer institutionalization in Belarusian legislation has been analyzed. By means of research of the provisions of the Council of Europe Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data and the laws of individual countries the conclusion about expediency of the approach of the Republic of Belarus to the lists of «states that ensure proper safeguard of the rights of personal data subjects» has been made, the proposals on the protection of the rights of personal data subjects and the prevention of the problems of the movement of information containing personal data between the Republic of Belarus and a number of other states, members of the Eurasian Economic Union in particular, have been formulated.

Keywords: personal data; cross-border data transfer; protection of personal data; Council of Europe Convention N 108; personal data subject.

В связи с развитием информационных технологий, усилением влияния сети Интернет в жизни каждого человека, увеличением количества нарушений в сфере частной жизни человека и кибербезопасности приобретают особую актуальность вопросы защиты персональных данных каждого отдельно взятого человека.

Одним из наиболее сложных вопросов в данной сфере правового регулирования является защита прав граждан при трансграничной передаче их персональных данных. Это обусловлено тем, что государство может обеспечить правовую защиту персональных данных своих граждан внутри страны, но правовое регулирование обработки и защиты персональных данных вне ее территории относится к внутренней компетенции государства, на территории которого осуществляется такая обработка. В целях защиты прав субъектов персональных данных за рубежом государство может на национальном уровне регулировать вопросы передачи персональных данных вовне с помощью института трансграничной передачи персональных данных.

Согласно Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З (далее — Закон о защите персональных данных), за исключением ряда случаев, трансграничная передача персональных данных запрещается, если на территории иностранного государства не обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных [1]. При этом перечень иностранных государств, на территории которых обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных, определяется уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных [1].

Приказом директора Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь от 15 ноября 2021 г. № 14 «О трансграничной передаче персональных данных» установлено, что в перечень иностранных государств, на территории которых обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных, включаются иностранные государства, являющиеся сторонами Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (г. Страсбург, 28 января 1981 г., далее — Конвенция) [2]. Для передачи персональных данных на территорию государств, которые не являются участниками Конвенции, в случае, если эта передача не является исключением из общего правила, предусмотрен разрешительный порядок для каждого отдельного факта передачи.

Конвенция считается первым универсальным международным правовым актом в сфере защиты персональных данных физических лиц и на сегодняшний день была ратифицирована

55 государствами [3]. Данный документ ввел ряд принципиально важных положений для обеспечения прав на уважение частной жизни каждого человека. Так, устанавливаются важные требования к качеству обработки персональных данных (в том числе специальных), мерам защиты персональных данных, гарантиям прав субъектов персональных данных. Положения Конвенции были учтены в том числе и при подготовке Закона о защите персональных данных. Статья 12 Конвенции также устанавливает, что ни один ее участник не должен «запрещать или обуславливать специальным разрешением трансграничные потоки персональных данных, идущие на территорию другой Стороны, с единственной целью защиты частной жизни» [4]. Это представляется справедливым, поскольку надлежащая защита персональных данных при их постоянной передаче из одного государства в другое является одной из целей разработки и заключения Конвенции.

С учетом этого, ряд государств предусматривает в законодательстве возможность осуществлять трансграничную передачу персональных данных на территорию других государств-участников Конвенции (например, Российская Федерация [5]). Аналогичный подход использовался и при закреплении института трансграничной передачи персональных данных в законодательстве Республики Беларусь.

Вместе с тем, устанавливая ряд общих принципов защиты и обработки персональных данных, Конвенция не предусматривает конкретные меры защиты персональных данных и правила работы с ними. Такие абстрактные требования оставляют слишком много свободы для их закрепления в национальном законодательстве государств, что в настоящих реалиях может привести к необеспечению надлежащей защиты прав субъектов персональных данных на государственном уровне. Более того, в связи с развитием цифровых технологий, регулирование общественных отношений в сфере обработки и защиты персональных данных Конвенцией в настоящее время представляется недостаточным, так как не охватывает существующие особенности обработки и защиты персональных данных.

Отсутствие достаточного распространения международных обязательств по защите прав субъектов персональных данных порождает ряд проблем и при использовании Конвенции для признания государства обеспечивающим надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных данных.

Ряд государств, регулярно получающих большие потоки информации, в том числе содержащей персональные данные, с территории Республики Беларусь, не являются участниками

Конвенции. К ним относятся Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Япония, Китай, Соединенные Штаты Америки и иные государства. Отсутствие свободного движения информации из Республики Беларусь в отношении этих государств может затормозить множество ежедневно осуществляемых процессов.

Так, достаточно распространенной является практика использования иностранного сервиса *Google* для обработки больших объемов персональных данных. В таком случае происходит трансграничная передача персональных данных на территорию США, что в соответствии с действующим законодательством может осуществляться только в исключительных случаях или в разрешительном порядке.

Между тем, в ряде государств, принимающих большие потоки информации с территории Республики Беларусь, разрабатывается или уже имеется специализированное законодательство, обеспечивающее защиту прав субъектов персональных данных на более высоком уровне, чем предусматривают требования Конвенции. В США разрабатывается проект закона «О конфиденциальности и защите информации», устанавливающий в том числе дополнительные требования к «большим обработчикам данных» [6]. В тоже время в Республике Узбекистан действует Закон «О персональных данных» от 2 июля 2019 г [7].

Республика Беларусь на сегодняшний день не является участником Конвенции [3]. И, хотя все требования Конвенции были отражены в национальном законодательстве, Республика Беларусь может не признаваться государством, обеспечивающим надлежащую (адекватную) защиту персональных данных, в случае применения другими государствами формального подхода — условия участия государства в Конвенции.

Таким образом, признание государства обеспечивающим надлежащую защиту прав субъектов персональных данных исключительно на основании факта распространения на них Конвенции представляется для Республики Беларусь и евразийского региона недостаточным правовым регулированием. Необходима разработка международного акта в сфере защиты персональных данных с теми государствами, с которыми в настоящее время осуществляется наиболее тесное сотрудничество. Этот договор может быть инициирован государствами — участниками ЕАЭС в рамках общей евразийской повестки цифровизации и быть открытым (условно открытым) для государств, не входящих в ЕАЭС, однако разделяющих ценности достижения информационной безопасности и общие стандарты защиты и обработки персональных данных в рамках положений такого акта.

Правовые основания для реализации этого направления в ЕАЭС уже есть. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» устанавливает «формирование цифрового пространства Союза, цифровых инфраструктур и экосистем» в качестве одного из важнейших направлений развития интеграции ЕАЭС [8]. Данное направление предусматривает необходимость проработки международного договора об обороте данных в ЕАЭС (в том числе о защите персональных данных) [8]. Цифровая повестка выходит на первый план во многих вопросах развития ЕАЭС [9]. Работа над проектом указанного договора уже ведется. Среди вопросов, которые будут возникать и требовать дальнейшей гармонизации уже на уровне национального законодательства государств-членов, например, различия в режиме оборота обезличенных и необезличенных данных. Определенный вклад в развитие этого направления внесли Рекомендации Коллегии ЕЭК от 21 ноября 2017 г. № 27 «Об общих подходах к проведению государствами — членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом». Безусловным преимуществом в результате работы над общеевразийским актом в сфере оборота персональных данных будет возможность усиленной консолидированной позиции в переговорах с крупными провайдерами.

Таким образом, подход к закреплению института трансграничной передачи персональных данных в нашем законодательстве представляется правильным, поскольку учитывает государства, принявшие международные обязательства по обеспечению прав субъектов персональных данных. Вместе с тем, такое правовое регулирование не представляется достаточным и нуждается в более тщательной проработке как на уровне национального законодательства, так и в рамках регионального объединения.

Исходя из положений Конвенции нельзя утверждать, что присоединенные к ней государства могут на надлежащем уровне обеспечить права субъектов персональных данных. Более того, государства, не присоединенные к Конвенции, также могут обеспечить надлежащий уровень защиты персональных данных. Особенную актуальность данный вывод приобретает в свете того, что в Республике Беларусь осуществляется масса процессов, включающих передачу персональных данных на территорию таких государств.

В связи с изложенным, наилучшими способами защиты прав субъектов персональных данных и профилактики проблем дви-

жения персональных данных между государствами представляются более гибкий подход к определению «государств, обеспечивающих надлежащую защиту прав субъектов персональных данных» и подготовка регионального международного соглашения по вопросам защиты персональных данных, дальнейшая работа над расширением общего цифрового пространства с государствами-партнерами ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
2. О трансграничной передаче персональных данных: приказ Нац. центра защиты персональных данных Респ. Беларусь от 15 нояб. 2021 г. № 14 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
3. Таблица подписей и ратификации договора 108 [Электронный ресурс] // Совет Европы. — Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatynum=108>. — Дата доступа: 03.09.2022.
4. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [Электронный ресурс]: [заключена в г. Страсбурге 28.01.1981] // Совет Европы. — Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=108>. — Дата доступа: 03.09.2022.
5. О персональных данных: Федеральный Закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022.
6. American Data Privacy and Protection Act [Electronic resource] // Congress.gov. — Mode of access: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/8152/text?r=1&s=1>. — Date of access: 03.09.2022.
7. О персональных данных: Закон Респ. Узбекистан от 2 июля 2019 г. № ЗРУ-547 [Электронный ресурс] // LexUX on-line. — Режим доступа: <https://lex.uz/docs/4396428#:~:text>. — Дата доступа: 03.09.2022.
8. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: решение Высш. Евраз. Экон. совета 11 дек. 2020 г. № 12 [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_ravz_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php. — Дата доступа: 03.09.2022.
9. Mikhaliyova, T. N. Upgrading Legal Regulation of Integration in the Context of Digital Economy: The Eurasian Economic Union Agenda / T. N. Mikhaliyova // Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. — Singapore: Springer, 2022. — P. 213—226.

РЕАГИРОВАНИЕ НА ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА КАК ОСНОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

А. И. Игнатович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: nastya.ihnатович@list.ru*

Статья посвящена проблеме реализации прав человека в условиях принятия мер по реагированию на глобальное изменение климата. Объектом работы являются права человека в контексте допустимости их ограничения при принятии мер по реагированию на климатические изменения. Цель исследования состоит в определении допустимости ограничений прав человека, подверженных негативному влиянию данных мер. В результате исследования сделан вывод о том, что по критерию допустимости ограничения в условиях мер по реагированию на изменение климата относительными являются материальные права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, на достаточному влиянию данных мер. В результате исследования сделан вывод о том, что по критерию допустимости ограничения в условиях мер по реагированию на изменение климата относительными являются материальные права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, на достаточный жизненный уровень, включающий достаточное питание, одежду и жилище, на воду, на имущество, на благоприятную окружающую среду, права коренных народов.

Ключевые слова: *изменение климата; реагирование на изменение климата; смягчение последствий изменения климата; права человека; ограничения прав человека.*

CLIMATE CHANGE RESPONSE MEASURES AS A BASIS FOR THE RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS

A. I. Ihnatovich

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: nastya.ihnатович@list.ru*

The article is devoted to the problem of the realization of human rights in the context of taking measures to respond to global climate change. The object of the work is human rights in terms of the possibility of their restriction with regard to climate change response. The research aim is to determine the possibility of States' application of restrictions on human rights that are subject to the negative impact of these measures. The study concluded that the relative human rights in terms of the possibility of their restriction with regard to climate change response are substantive rights to the highest attainable standard of physical and mental health, to an adequate standard of living, including adequate food, clothing and housing, to water, to property, to a favorable environment, the rights of indigenous peoples.

Keywords: *climate change; climate change response; climate change mitigation; human rights; restriction of human rights.*

В настоящее время меры по реагированию на глобальное изменение климата представляют угрозу для осуществления широкого круга прав человека. К таковым относят, в том числе право на благоприятную окружающую среду, индивидуальные права на жизнь, на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, на достаточный жизненный уровень,

включающий достаточное питание, одежду и жилище, на воду, на имущество, коллективные — на самоопределение и права коренных народов [1, с. 565; 2, с. 280, 283, 284; 3, с. 17—18; 4; 5; 6, с. 75]. Учитывая риски для реализации вышеупомянутых прав человека в данных условиях, требует отдельного изучения вопрос о возможности их правомерного ограничения в контексте реагирования на изменение климата.

При исследовании в этой связи индивидуальных социально-экономических прав обратимся к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах (далее — МПЭСКП), в котором находят закрепление права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья (ст. 12) и на достаточный жизненный уровень, включающий достаточное питание, одежду и жилище (ст. 11) [7].

Что касается права на воду и права на благоприятную окружающую среду, то они непосредственно не закреплены в МПЭСКП. Право на воду тем не менее толкуется Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам (далее — КЭСКП) как неразрывно связанное, в том числе с правом на достаточный жизненный уровень, включающий достаточное питание, одежду и жилище (ч. I Замечания общего порядка № 15) [8]. Подобным образом право на благоприятную окружающую среду применяется международными правозащитными органами путем использования «экологической составляющей» применительно к иным правам человека [9], в том числе к праву на достаточное питание [10]. На основе вышеизложенного представляется уместным дальнейшее рассмотрение прав на воду и на благоприятную окружающую среду на предмет их ограничения в контексте ст. 11 МПЭСКП.

В доктрине и судебной практике уже обращалось внимание на то, что смягчение последствий изменения климата может быть отнесено к общим интересам, которые обосновывают допустимость ограничения прав наряду с национальной безопасностью, общественным порядком и экономическим развитием [11, р. 540; по 12, п. 106]. Как справедливо полагает Б. Майер (Китай), необходимость принятия мер по смягчению последствий климатических изменений может обуславливать правомерность гидроэнергетических проектов, связанных с экспроприацией земель или даже перемещением населения, что в ином случае было бы несовместимо с обязательствами государств в области прав человека [13, с. 417].

Согласно статье 4 МПЭСКП участвующие в Пакте государства признают, что в отношении пользования правами в соответствии с Пактом, государства могут «устанавливать только такие огра-

ничения этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе».

Критерий совместимости с природой прав относится к подходу, используемому КЭСКП применительно к минимальным основным обязательствам. В соответствии с этим подходом существует абсолютный минимум международных обязательств государств в области прав человека, которые должны выполняться вне зависимости от уровня экономического развития и иных обстоятельств. Одним из случаев применения КЭСКП данного подхода для оценки правомерности ограничения прав человека являются обусловленные климатическими изменениями стихийные бедствия [14, с. 569, 580]. Таким образом, ограничение вышеупомянутых социально-экономических прав в связи с изменением климата представляется допустимым. Правомерность же таких ограничений в каждом конкретном случае проявлений изменения климата будет обуславливаться предоставлением государствами гарантий выполнения своих минимальных обязательств, относящихся к данным правам.

Иным индивидуальным правом, которое может быть нарушено при принятии мер по борьбе с изменением климата, является право беспрепятственно пользоваться своим имуществом, закрепленное, в том числе в статье 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — ЕКПЧ) [15]. ЕКПЧ допускает не только ограничения закрепленных в ней прав человека, но и отступления от соответствующих обязательств в случае чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации (ст. 15). Возможность отступления распространяется и на право на имущество. При этом такого рода вмешательства в осуществление этого права должны соответствовать требованиям правомерного общественного интереса, законности и пропорциональности [12, п. 74]

Об отнесении охраны окружающей среды к общественным интересам свидетельствует обширная практика Европейского суда по правам человека (среди релевантных — дела «*G.I.E.M. S.R.L. and Others v. Italy*», «*Bahia Nova S.A. v. Spain*», «*Chapman v. the United Kingdom*», «*Hamer v. Belgium*»). В частности, в последнем из упомянутых дел Суд отметил, что, хотя ни одна из статей Конвенции специально не предназначена для обеспечения общей охраны окружающей среды как таковой «в современном обществе защита окружающей среды является все более важным фактором», и что «экономические соображения и даже некоторые основополагающие права, такие как, право собственности, не

должны иметь приоритет над соображениями, касающимися защиты окружающей среды» [16, пар. 79; по 12, п. 106].

Зачастую меры по реагированию на изменение климата сопровождаются разрушением объектов инфраструктуры и жилых построек, вследствие чего имеют место нарушения широкого круга прав человека, включая право на имущество [1, с. 565; 2, с. 278]. Однако непринятие таких мер в настоящее и ближайшее время может привести к еще худшим последствиям в долгосрочной перспективе, как, например, учащение и рост интенсивности экологических катаклизмов [17, с. 16, 81]. В связи с этим полагаем, что принятие мер по реагированию на климатические изменения оправдывает ограничение данного права. Рассмотрение же таких мер в контексте общественного интереса обосновывается важностью своевременного реагирования на глобальное изменение климата, несмотря на их нынешнее несовершенство.

Что касается ограничения в условиях изменения климата прав коренных народов, то к таковым относятся, в том числе право на правовую защиту в отношении любого действия, имеющего своей целью или результатом лишение их своих земель, территории или ресурсов, и право коренных народов на земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели, которые они традиционно занимали или иным образом использовали или приобрели (ст. 8, п. 1 ст. 26 Декларации о правах коренных народов) (далее — ДПКН) [18].

Допуская возможность ограничения предусмотренных в нем прав, вышеуказанный документ устанавливает критерии, схожие с таковыми МПЭСКИ. Согласно пункту 2 статьи 46 ДПКН на осуществление прав распространяются только такие ограничения, которые определяются законом, и в соответствии с международными обязательствами в области прав человека. Любые такие ограничения являются недискриминационными и строго необходимыми исключительно в целях обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых и наиболее насущных требований демократического общества. Представляется, что при условии выполнения упомянутых критериев права коренных народов могут подлежать ограничению при принятии мер по реагированию на климатические изменения.

Кроме того, в число рассматриваемых прав коренных народов, которые являются наиболее релевантными в исследуемом контексте, входит право на участие в культурной жизни. Подобно упомянутым выше социально-экономическим правам, данное право, как закрепленное в пункте 1 статьи 15 МПЭСКИ, также мо-

жет быть подвергнуто ограничению в условиях изменения климата в соответствии со статьей 4 Пакта.

Что касается вопроса об ограничении права на самоопределение, которое закреплено в статье 1 части 1 МПЭСКП и МПГПП, то соответствующие положения последних неприменимы к этому праву. В частности, возможность ограничения прав и свобод согласно статье 4 обоих Пактов предусмотрена лишь в отношении прав, провозглашенных в части III данных документов [14, с. 569]. Это исключает право на самоопределение из перечня прав, которые могут быть рассмотрены на предмет их ограничения в условиях неблагоприятного воздействия мер по реагированию на изменение климата. В этой связи отметим, что концепция правомерных ограничений не применима и к праву на жизнь, которое носит абсолютный характер.

На основе проведенного исследования предлагаем относить к правам, подлежащим возможным ограничениям при принятии мер по борьбе с изменением климата, следующие: права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, на достаточный жизненный уровень, включающий достаточное питание, одежду и жилище, на воду, на имущество, на благоприятную окружающую среду и права коренных народов. Условием правомерности таких ограничений в контексте принимаемых мер является соответствие их критериям ограничения прав человека, предусмотренным соответствующими международно-правовыми документами.

В связи с недостаточной освещенностью рассмотренной проблематики в доктринальных и мягкоправовых источниках, Республике Беларусь, участвующей в деятельности КЭСКО, рекомендуется поднять вопрос о необходимости уделения Комитетом приоритетного внимания вопросам ограничения в условиях реагирования на изменение климата прав на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, на достаточный жизненный уровень, включающий достаточное питание, одежду и жилище, на воду, на благоприятную окружающую среду и на участие в культурной жизни. Полагаем, что это будет способствовать соблюдению обязательств государств-участников в области данных прав человека при принятии мер по борьбе с изменением климата.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Robinson, M. Achieving a climate justice pathway to 1.5 °C / M. Robinson, T. Shine // *Nature Climate Change*. — 2018. — Vol. 8, N 7. — P. 564–569.
2. Schapper, A. Climate justice and human rights / A. Schapper // *Intern. Relations*. — 2018. — Vol. 32, N 3. — P. 275–295.

3. Calzadilla, P. V. Human rights and the new sustainable mechanism of the Paris agreement: a new opportunity to promote climate justice [Electronic resource] / P. V. Calzadilla // Potchefstroom Electronic Law Journal. — 2018. — N 21. — Mode of access: <https://journals.assaf.org.za/index.php/per/article/view/3189/6450>. — Date of access: 18.08.2022.

4. McAdam, J. Planned relocations in the context of climate change: unpacking the legal and conceptual issues / J. McAdam, E. Ferris // Cambridge Journal of International and Comparative Law. — 2015. — Vol. 4, N 1. — P. 137—166.

5. Kiribati: Climate change and migration — relationships between household vulnerability, human mobility and climate change: report N 20, November 2016 [Electronic resource] // The Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. — Mode of access: https://www.unescap.org/sites/default/files/Online_No_20_Kiribati_Report_161207.pdf. — Date of access: 18.08.2022.

6. Игнатович, А. И. Негативное воздействие на права человека мер по реагированию на глобальное изменение климата / А. И. Игнатович // Юстиция Беларуси. — 2021. — № 4. — С. 73—78.

7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. — Дата доступа: 18.08.2022.

8. Замечание общего порядка № 15: док. ООН E/C.12/2002/11 [Электронный ресурс] // Университет Миннесоты. Библиотека по правам человека. — Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rescgencom15.html>. — Дата доступа: 18.08.2022.

9. Report of the Special Rapporteur on the issue of human rights obligations relating to the enjoyment of a safe, clean, healthy and sustainable environment: UN Doc. A/HRC/37/59 [Electronic resource] // Official Document System of the United Nations. — Mode of access: <https://undocs.org/en/A/HRC/37/59>. — Date of access: 18.08.2022.

10. Замечание общего порядка № 12: док. ООН E/C.12/2002/11 [Электронный ресурс] // Университет Миннесоты. Библиотека по правам человека. — Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Repcomm12s.html>. — Дата доступа: 18.08.2022.

11. Kälin, W. The Law of International Human Rights Protection. 2nd ed. / W. Kälin, J. Künzli. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 557 p.

12. Руководство по Статье 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции по правам человека [Электронный ресурс] // European Court of Human Rights. — Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_1_Protocol_1_RUS.pdf. — Дата доступа: 18.08.2022.

13. Mayer, B. Climate Change Mitigation as an Obligation Under Human Rights Treaties? / B. Mayer // American Journal of International Law. — 2021. — Vol. 115, N 3. — P. 409—451.

14. Müller, A. Limitations to and Derogations from Economic, Social and Cultural Rights / A. Müller. — Human Rights Law Review. — 2009. — Vol. 9, N 4. — P. 557—601.

15. Европейская конвенция по правам человека: г. Рим, 4 нояб. 1950 г. [Электронный ресурс] // European Court of Human Rights. — Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. — Дата доступа: 18.08.2022.

16. Case of Hamer v. Belgium: judgment, 27 Nov. 2007 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-83537%22%7D>. — Date of access: 18.08.2022.

17. Изменение климата, 2014 г.: обобщающий доклад [Электронный ресурс] // Межправительственная группа экспертов по изменению климата. — Режим доступа: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/SYR_AR5_FINAL_full_ru.pdf. — Дата доступа: 18.08.2022.

18. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи 13 сент. 2007 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml. — Дата доступа: 18.08.2022.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНООБРАЗНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Ю. Н. Кудрявец

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: juliashalon@mail.ru*

Проанализированы правовые механизмы гармонизации и унификации в рамках двух основных действующих моделей правового регулирования общего рынка ЕАЭС. Сделан вывод о том, что приоритетным направлением гармонизации права государств — членов ЕАЭС в сфере торговых отношений должно стать обеспечение единообразных правил в отношении внешнеторгового договора и исключение некоторых административных требований для субъектов, реализующих международные торговые сделки.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз; внешнеторговый договор, торговые отношения.*

FORMATION OF UNIFORM LEGAL REGULATION OF TRADE IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Yu. N. Kudravets

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: juliashalon@mail.ru*

The legal mechanisms of harmonization and unification within the two main existing models of legal regulation of the common market of the EAEU are analyzed. It is concluded that the priority of harmonization of the law of the EAEU member states in the field of trade relations should be to ensure uniform rules in relation to a foreign trade contract and the exclusion of certain administrative requirements for entities implementing international trade transactions.

Keywords: *Eurasian Economic Union; foreign trade agreement; trade relations.*

Формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС является одной из главных целей функционирования Союза (ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.; далее — Договор о ЕАЭС) [1]. Достижение данной цели невозможно без установления единообразного правового регулирования торговых отношений, складывающихся между субъектами, происходящими из государств-участников.

Основными правовыми механизмами установления единообразных правил являются гармонизация и унификация законодательства государств-членов ЕАЭС.

Гармонизация законодательства заключается в сближении законодательства государств-членов, направленном на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах. Унификация отличается от гармонизации тем, что сближение законодательства государств-членов достигается за счет установления идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором о ЕАЭС.

Сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования должны быть разработаны для:

- согласованной макроэкономической, валютной политики; скоординированной (согласованной) транспортной политики; согласованной (скоординированной) агропромышленной политики;

- сфер, где установлены общие правила регулирования: торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций; финансовой деятельности; налогов и налогообложения; конкуренции; деятельности естественных монополий; охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности;

- формирующегося общего электроэнергетического рынка Союза;

- двух сфер сотрудничества: в области промышленности и трудовой миграции.

Договор о ЕАЭС выделяет следующие разновидности политики:

- скоординированная политика — политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза;

- согласованная политика — политика, осуществляемая государствами-членами в различных сферах, предполагающая гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза.

Основным принципом сближения законодательства стран ЕАЭС на финансовом рынке является правило: «вначале гармонизация, потом — унификация» (по мере готовности) (ст. 2 Договора о ЕАЭС). На современном этапе интеграции основным правовым механизмом для государств-членов пока остается гармонизация, в то время как унификация предполагается только в сферах, прямо определенных в Договоре о ЕАЭС.

Гармонизация правового регулирования производится следующим образом: в конкретной сфере отношений, являющейся общей для стран — участниц ЕАЭС, разрабатывается план гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС (например, в финансовой сфере). Далее в его развитие разрабатываются и принимаются соглашения. Таким соглашением является, например, Соглашение об основах гармонизации технических регламентов государств — членов Евразийского экономического сообщества [2]. Также можем привести в пример Соглашение от 6 ноября 2018 г. «О гармонизации законодательства государств — членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка» [3].

Проект «дорожной карты» по гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС:

- гармонизация основных понятий и институтов
- снятие правовых ограничений для развития соответствующей сферы
- изменение технических документов или принятие новых.

Все это позволяет сделать вывод о том, что механизм правового регулирования, действующий на территории единого экономического пространства, должен обеспечивать, во-первых, основные перечисленные свободы, и, во-вторых, единую политику в перечисленных сферах.

В результате можем выделить три основные модели правового регулирования:

1) в основе правового регулирования лежит право Союза, есть и основополагающие акты, и акты более низкой юридической силы, обеспечивающие механизм реализации норм основополагающих актов (единое таможенное регулирование);

2) в праве Союза закрепляются только правовые основы регулирования соответствующей сферы (в тексте Договора о ЕАЭС или в соответствующем приложении). Причем эти правовые основы разной степени детализации. Основное правовое регулирование осуществляется национальным правом. Полагаем, что в этой модели должна использоваться унификация правового регулирования для создания идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором (политики и общие правила);

3) в праве Союза установлены только намерения, намечены векторы правового регулирования определенной сферы (в тексте Договора о ЕАЭС или в соответствующем приложении). Основное правовое регулирование осуществляется национальным правом, причем предполагается гармонизация правового регулирования, предполагающая установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в сферах, указанных Договором (единые рынки и сотрудничество).

Рассмотрим действие второй и третьей моделей на практике на примере гармонизации в сфере валютного регулирования.

Для достижения основных целей ЕАЭС было разработано приложение № 15 «Протокол о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики» к Договору о ЕАЭС (далее — Приложение № 15), которое предусматривает меры по ведению согласованной валютной политики стран ЕАЭС. В дополнение к этому Приложение № 15 регламентирует применение участниками ЕАЭС валютных ограничений. Пункт 2 Приложения № 15 дает определение валютным ограничениям: «...Установленные международными договорами и актами, составляющими право Союза, или валютным законодательством государств-членов ограничения на валютные операции, выраженные в их прямом запрете, лимитировании объемов, количества и сроков проведения, валюты платежа, в установлении требований по получению специальных разрешений (лицензий) на их проведение, резервированию 7 части, всей суммы или суммы, кратной всей сумме проводимой валютной операции, а также ограничения, связанные с открытием и ведением счетов на территориях государств-членов, и требования об обязательной продаже иностранной валюты».

В целях сближения законодательства государств-членов ЕАЭС, регулирующего валютные правоотношения, было разработано Соглашение о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации, проект которого решением Совета Евразийской экономической комиссии от 21 июня 2019 г. № 27 был направлен государствам — членам для согласования [4].

В течение 2019—2021 гг. в законодательстве некоторых стран — участниц ЕАЭС были произведены некоторые преобразования валютного законодательства в направлении либерализации.

Так, в валютном законодательстве Российской Федерации было отменено ограничение на открытие резидентами счетов в иностранной валюте в банках, расположенных за пределами ее территории; отменен паспорт внешнеторговой сделки; введена процедура постановки всех экспортных/ импортных контрактов на учет в банках.

В Республике Беларусь в течение 2020—2021 гг. произошли существенные изменения системы мер валютного контроля именно в связи с одобрением Соглашения о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации, а именно: введена единая система регистрации валютных договоров на веб-портале Национального банка Республики Беларусь; увеличена регистрируемая сумма валютного договора; исключены сроки завершения внешнеторговых операций, которые ранее императивно устанавливались законодательством; сняты ограничения в отношении способов завершения внешнеторговых операций; упразднен разрешительный порядок открытия резидентами счетов в иностранных банках и совершения платежных операций по ним.

Таким образом, в отношении практики формирования общего или схожего национально-правового регулирования на базе заключаемых в рамках ЕАЭС соглашений отметим следующее.

Упомянутое ранее Соглашение о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации, безусловно, не является актом наднационального характера и не формирует даже основ единого правового регулирования в области валютных отношений. Его нормы устанавливают только общие подходы правового регулирования рассматриваемой сферы отношений. Примечательно, что страны, одобряя общие подходы, оговаривали сохранение национального суверенитета в отношении ряда мер валютного регулирования.

Поэтому говорить о существовании сходного правового регулирования в большинстве сфер экономической деятельности ЕАЭС преждевременно. Даже о сближении законодательств можно утверждать с определенной натяжкой, поскольку правовые инструменты, которые используют государства ЕАЭС, сильно разнятся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Договор о Евразийском экономическом союзе: [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&po=F01400176&p1=1&p5=0> — Дата доступа: 02.09.2022.

2. Соглашение об основах гармонизации технических регламентов государств — членов Евразийского экономического сообщества: [подписано в г. Астане 24.03.2005 г.] [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/hy/act/tehnreg/deptexreg/normbaza/Pages/evrazes_24052005.aspx — Дата доступа: 02.09.2022.

3. Соглашение о гармонизации законодательства государств — членов Евразийского экономического союза в сфере финансово-

го рынка: [подписано в г. Москве 6 ноября 2018 г.] [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН-online. Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=f01800457&q_id= — Дата доступа: 02.09.2022.

4. О проекте Соглашения о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации: распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 21 июня 2019 г. № 27 [Электронный ресурс] // Правовой портал Евразийского экономического союза. — Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01222177/cncp_24062019_27 — Дата доступа: 02.09.2022.

АРГУМЕНТ О СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОСТИ В СЛУЧАЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИЯХ СУВЕРЕННОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Н. М. Михнюк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: natallia.mikhniuk23@yandex.by*

Состояние необходимости как аргумент для исключения ответственности в международном публичном праве достаточно хорошо разработан и кроме кодификации также является нормой обычного права. Тем не менее, в отношениях суверенного кредитования речь идет о частноправовых отношениях, в связи с чем применение сходной аргументации возможно лишь в случае существования концепции состояния необходимости в национальном праве непосредственно или же в форме общепризнанного принципа права, при условии, что соответствующее применимое право признает такие принципы своей частью. В настоящей работе исследуется вопрос существования и правовой природы состояния необходимости по отношению к частноправовым отношениям, с целью определения возможности соответствующей аргументации в случае кризисных явлений, к примеру, дефолта.

Ключевые слова: состояние необходимости; кризисные явления; дефолт; частноправовые отношения.

THE ARGUMENT ABOUT THE STATE OF NECESSITY IN THE CASE OF CRISIS PHENOMENA IN THE IN RELATIONS OF SOVEREIGN LENDING

N. M. Mikhniuk

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: natallia.mikhniuk23@yandex.by*

The state of necessity as an argument for the exclusion of liability in public international law is quite well developed and, in addition to codification, is also a norm of customary law. Nevertheless, in the relations of sovereign lending, we are talking about private law relations, in connection with which the application of a similar argument is possible only if there is a concept of the state of necessity in national law directly or in the form of a generally recognized principle of law, provided that the relevant applicable law recognizes such principles as its part. In this paper, the question of the existence and the right nature of the state of necessity in

relation to private law relations is investigated, in order to determine the possibility of appropriate argumentation in the case of crisis phenomena, for example, default.

Keywords: *state of necessity; crisis phenomena; default; private law relations.*

Аргумент о состоянии необходимости как ссылке на обстоятельство, исключающее противоправность, широко известен в международном публичном праве, поскольку является нормой, закрепленной в главе V Статей об ответственности государств, принятых резолюцией Генеральной Ассамблеи А/56/589 от 12 декабря 2001 г. (далее — СОГ). Соответствующая аргументация была использована сторонами в спорах о займах и иных денежных возмещениях. Норма о необходимости в публичном праве определяет, что на необходимость нельзя ссылаться как на обстоятельство, исключающее противоправность деяния, не соответствующего международному обязательству, если только такое деяние не является единственным средством для государства защитить существенный интерес от серьезной и неминуемой опасности и оно не наносит серьезного ущерба существенному интересу государства, по отношению к которому возникает обязательство, или существенному интересу международного сообщества. Одновременно необходимость не может применяться, когда рассматриваемое международное обязательство исключает такую возможность или государство способствовало возникновению ситуации необходимости [1].

Таким образом, норма о состоянии необходимости закристаллизовалась в международном публичном праве с учетом того, что действия государства, составляющие нарушение его обязательств, являются единственно возможным путем защиты и кажутся его существенных интересов.

Такое положение дел является следствием намеренного и твердого формирования права суверенного должника приостановить выплаты по долгу в тех случаях, когда иное негативно скажется на предоставлении государственных услуг, поскольку основной обязанностью суверенного должника остается не столько выплата его долгов, сколько обеспечение выполнения его государственных функций. Косвенно в той или иной мере соответствующий тезис нашел свое подтверждение в спорах между государством и частной компанией, как то дело Англо-венесуэльской смешанной комиссии 1889 г., дело французской компании венесуэльской Железной дороги 1902 г., дело о бельгийской торговой компании 1939 г. [2].

После осознания необходимости аргументации тезиса о сохранении государства судебная практика пошла по пути сужения нормы. Полагаем, что такой переход связан с попыткой по-

иска более объективного и явного критерия в оценке реальной необходимости.

Далее последовал переход от тезиса о необходимости сохранения самого существования государства к более прогрессивной и практичной цели — необходимости сохранения существенного интереса государства, что впоследствии и было кодифицировано в статье 25 СОГ.

В юридической литературе достаточно работ, посвященных разработке темы обстоятельств, исключающих ответственность, в частности норме о необходимости как одной из таких обстоятельств. Тем не менее, в международно-правовой литературе отсутствует однозначное единство в отношении правовой природы нормы о необходимости, поскольку не все юристы квалифицируют ее в качестве обычной нормы.

Практическая значимость аргумента о необходимости и возможности ссылки на него во времена экономических кризисов только возрастает, когда речь идет о суверенных заемщике и должнике, к отношениям займа между которыми применяются нормы международного публичного права. При этом закрепленная формулировка аргумента о необходимости с предъявляемыми критериями для его применения затрудняют расширительное толкование в отношении использования этой защиты в ситуации международного долга: нелегко доказать, что приостановление платежей представляло собой единственное средство для сохранения существенных интересов государства-нарушителя и что государство своим поведением не способствовало созданию ситуации необходимости. При этом важно помнить, что такая защита является оправданием для приостановления платежей, связанное с обязательством, но не для изменения обязательства.

Поиск нормы о необходимости в национальном праве или частноправовой доктрине приводит к следующим выводам.

В национальном праве доктрина необходимости как концепция получила свое закрепление в конституционном, гражданском и уголовном законодательстве.

Понимание доктрины необходимости в конституционном праве отлично от такового в международном праве.

Так, в государствах с общей системой права, например, в США положения доктрины необходимости отражены в Конституции, в таких нормах как, раздел 9 статьи 1 Конституции США, предусматривающей, что действие привилегии судебного приказа *habeas corpus* не может быть приостановлено, если только того не потребует общественная безопасность в случае мятежа или вторжения, часть третья раздела 10 статьи 1 Конституции США, в соответствии с которой ни один из штатов не может без согласия

Конгресса устанавливать тоннажные сборы, содержать в мирное время войска или военные суда, заключать соглашения или иные договорные акты с другим штатом или с иностранной державой либо вступать в войну, если только фактически штат не подвергся вторжению либо ему не грозит такая неотвратимая опасность, когда промедление недопустимо [3].

Подход к необходимости в праве государств континентальной системы несколько иной. Так, статья 115а Немецкого основного закона содержит ограниченные полномочия для «состояния обороны», но применение таких полномочий должно осуществляться в соответствии со статьей 25 Основного закона. Так, с согласия Бундестага немецкий Президент имеет право издавать «декларацию в соответствии с международным правом, касательно существования состояния обороны». При этом федеральное законодательство предусматривает лишь ограниченное число ситуаций, в которых допускается вмешательство в частные права. Последующие изменения в Основной Закон Германии выделили такие типы чрезвычайных случаев как чрезвычайная ситуация в области обороны, состояние напряжения, природные катастрофы или серьезные несчастные случаи, затрагивающие общественное благосостояние [4]. При этом судебная практика Конституционного суда демонстрирует строгую приверженность ограничительному толкованию конституционных норм [5].

Необходимая защита в уголовном законодательстве имеет свои корни из системы общего права и в целом в том или ином виде широко представлена в уголовном законодательстве многих государств.

Таким образом, доктрина необходимости в национальном законодательстве существует как концепция в различных его отраслях. Она кардинально отличается от таковой в международном публичном праве. Так, в последнем цель доктрины состоит в избежание противоправности деяния в случае соответствия его заявленным критериям. В национальном праве тезис о нарушении договорных отношений в силу «необходимости» несостоятелен в силу отличной структуры национального права, в котором существование подобной отдельной нормы в гражданских отношениях невозможно (в отличие от уголовного права, к примеру). Однако косвенные проявления принципа необходимости в силу гегемонии государственной власти находят отражение в тех или иных положениях конституционного и (или) национального законодательства. К примеру, норма, закрепленная в статье 44 Конституции Республики Беларусь о принудительном отчуждении имущества по мотивам общественной необходимости, на наш взгляд, является одним из наиболее релевантных примеров для

ситуации дефолта суверенного займа. Однако положение о необходимости в том виде, в котором оно закреплено в международном праве, в национальном праве отсутствует.

Необходимость как «разрешение» на неисполнение государством своих обязательств, как концепция в гражданском или конституционном праве не сформировалась.

В этой связи стоит отметить, что в своем решении, вынесенном 8 мая 2007 г., немецкий Конституционный суд исследовал вопрос о необходимости как общем принципе права и пришел к выводу, что необходимость как обычная норма не может применяться в отношениях между государствами-должниками и иностранными частными кредиторами, хотя ее наличие в этом контексте может быть разумным противовесом отказу от суверенного иммунитета. Большинство членов Суда, придерживаясь доклада, представленного профессором Рейнишем, пришли к выводу, что отсутствие практики государств не склоняет чашу весов в пользу существования обычной нормы в этом отношении, и в качестве аргумента подчеркнули, что ссылка на необходимость на примере МЦУИС касается противоправности по международному праву (двусторонние инвестиционные договоры), а не частноправовых договорных отношений. Напротив, судья Люббе-Вольфф в своем особом мнении высказалась в пользу применимости принципа необходимости в данном контексте, подчеркнув, что это не только обычное право, но также и общий принцип права как таковой, применимый в споре между государством и иностранными гражданами [6].

В связи с заявлением судьи Люббе-Вольфф полагаем необходимым отметить, что ссылка на применение общего принципа права возможна в случае, если применимое право признает приоритет общепризнанных принципов международного права, как в праве Республики Беларусь в соответствии с частью первой статьи 8 Конституции Республики Беларусь, или в качестве части федерального права согласно статье 25 Основного Закона Германии.

В данной связи полагаем целесообразным отдельно отметить, что само восприятие положения о необходимости в форме, закрепленной в статье 25 СОГ, в качестве общего принципа права все еще бесполезно с точки зрения национального суда, поскольку соответствующая норма лишь закрепляет отсутствие противоправности деяния в разрезе нарушения нормы международного публичного права.

Необходимость же как общий принцип права, позволяющий прибегнуть к защите в случае спора между публичным и частным субъектом должна была бы освободить от противоправности де-

яния, то есть в случае суверенного кредита, от ответственности за нарушение обязательств по договору.

Тем не менее, как отмечает Р. Слоан в национальном законодательстве концепция необходимости варьируется, а практика, на которую ссылался Б. Ченг в труде 1953 г. не является актуальной [5]. Никаких иных подтверждений в пользу гипотезы существования нормы о необходимости в форме общего принципа права в юридической литературе автором обнаружено не было.

С другой стороны, такой подход, однако, не в полной мере соответствует принципу 9 Принципов ЮНКТАД по ответственному суверенному кредитованию и заимствованию (далее — Принципы ЮНКТАД), в соответствии с которым состояние экономической необходимости может оправдать отказ от полного и/или оперативного погашения в пользу любого держателя суверенного долга [7].

В данной связи стоит отметить, что инициатива разработки Принципов ЮНКТАД относится к 2009—2012 гг., решение же Конституционного Суда Германии было вынесено в 2007 г. Несмотря на декларацию кодификации в Принципах ЮНКТАД обычных норм и общих принципов, все еще отсутствует единое мнение о правовой природе отдельных принципов, в частности принципа 9 Принципов ЮНКТАД.

Декларирование Принципами ЮНКТАД ряда норм в качестве обычно-правовых в юридической литературе не имеет своего однозначного подтверждения и, кроме того, последовательной практики.

Положение о необходимости как норма, позволяющая избежать ответственность за нарушение обязательств в отношении суверенного должника и частного кредитора в случае кризисных явлений ввиду отсутствия таковой в форме общего принципа права, а также национальном законодательстве государств целесообразно закреплять, по аналогии с двусторонними инвестиционными соглашениями, в форме отдельного договорного положения. При этом также целесообразно уточнить содержание такой необходимости, поскольку ее классическое понимание сводится к чрезвычайным мерам и балансу интересов государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries, 2001 [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf. — Date of access: 01.04.2022.
2. Megliani, M. Sovereign Debt Genesis — Restructuring — Litigation / M. Maglinio — Springer International Publishing Switzerland, 2015

[Electronic resource] // Google Books. — Mode of access: https://books.google.by/books?id=ajqSBQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. — Date of access: 04.09.2022.

3. Official constitution of the United States — 2022 [Electronic resource] — Mode of access: <https://constitutionus.com/>. — Date of access: 04.09.2022.

4. Germany 1949 (rev. 2014) [Electronic resource] // Constitute. — Mode of access: https://www.constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014?lang=en. — Date of access: 04.09.2022.

5. Desierto, D. A. Necessity and National Emergency Clauses: Sovereignty in Modern Treaty Interpretation [Electronic resource] / D. A. Desierto. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012 [Electronic resource] // Google Books. — Mode of access: https://books.google.by/books?id=RTczAQAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Necessity+and+National+Emergency+Clauses:+Sovereignty+in+Modern+Treaty&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false. — Date of access: 05.05.2022.

6. In the Name of the People: to the Order of the Second Senate of 8 May 2007 [Electronic resource] // Bundesverfassungsgericht. — Mode of access: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2007/05/ms20070508_2bvm000103en.html. — Date of access: 22.05.2022.

7. Принципы поощрения ответственной практики суверенного кредитования и заимствования: новая редакция с поправками, 10 янв. 2012 г. — Доха, 2012 [Электронный ресурс] // Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/gdsddf2012misc1_ru.pdf. — Дата доступа: 11.12.2021.

СОДЕРЖАНИЕ ПОДДЕРЖАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. О. Мороз

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: nataliya.maroz@gmail.com*

Международно-правовое регулирование поддержания информационной безопасности осуществляется на основе Устава ООН и охватывается целью деятельности ООН. В этой связи в настоящей статье выявляется содержание поддержания информационной безопасности как компонента международной безопасности. Автором проводится ограничение таких терминов как «обеспечение» и «поддержание» информационной безопасности, прежде всего, в контексте практики Совета Безопасности ООН. В исследовании установлено, что такие элементы поддержания международного мира и безопасности как миротворчество и разоружение не в полном объеме пока входят в сферу поддержания информационной безопасности.

Ключевые слова: международная безопасность; информационная безопасность; поддержание безопасности; информационно-коммуникационные технологии; международно-правовое регулирование.

CONTENT OF MAINTENANCE OF INFORMATION SECURITY

N. O. Maroz

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: nataliya.maroz@gmail.com

International legal framework for maintenance of information security is carried out on the basis of the UN Charter and is covered by the purpose of the UN. In this regard, this article reveals the content of maintenance of information security as an element of international security. The author distinguishes between such terms as «ensuring» and «maintaining» information security, primarily in the context of the practice of the UN Security Council. The study finds that peacekeeping and disarmament as elements of maintenance of international peace and security are not fully included in maintenance of information security yet.

Keywords: *international security; information security; maintenance of security; information and communication technologies; international legal regulation.*

Вопросы использования информационно-коммуникационных технологий против мира и безопасности человечества довольно активно обсуждаются в доктрине [1–3], на уровне ООН [4; 5], а также в рамках международных межправительственных организаций регионального характера [6–8].

Международно-правовое регулирование поддержания информационной безопасности осуществляется на основе Устава ООН и охватывается целью деятельности ООН (п.1 ст. 1 Устава ООН).

При этом термины «поддержание» и «обеспечение» информационной безопасности не являются синонимами. Поддержание информационной безопасности предполагает деятельность, осуществляемую, прежде всего, Советом Безопасности ООН (далее — СБ ООН) на основе Устава ООН и региональными организациями в соответствии с главой VIII Устава ООН. Правовой основой его деятельности в этой сфере выступают принципы ООН, а также главы VI, VII, VIII и XII Устава ООН. Генеральная Ассамблея ООН и Генеральный секретарь ООН также принимают участие в деле поддержания международного мира и безопасности [9].

На основе пункта 1 статьи 1 Устава ООН можно сделать вывод, что поддержание международного мира и безопасности включает:

- а) коллективные меры для:
 - предотвращения угрозы миру;
 - устранения угрозы миру;
 - подавления актов агрессии или других нарушений мира;
- б) проведение мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживания или разрешения международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира.

В дополнение к указанному выше поддержание международного мира и безопасности охватывают вопросы разоружения (п. 1 ст. 11 Устава ООН).

Понятие «обеспечение» предполагает принятие более широкого спектра мер, направленного не только на недопущение использования информационных и коммуникационных технологий против мира и безопасности человечества, но и предупреждение их противоправного использования, а также ориентированных на стабильное функционирование таких технологий в целях устойчивого развития. В международных договорах универсального характера не дается определения термину «обеспечение информационной безопасности». В то же время на региональном уровне указанное понятие конкретизируется.

В соответствии со статьей 2 Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности 2013 г. «обеспечение информационной безопасности» — это система мер правового, организационно-технического и организационно-экономического характера по выявлению угроз информационной безопасности, предотвращению их реализации, пресечению и ликвидации последствий реализации таких угроз. Такое же определение обеспечению информационной безопасности дано и в пункте 8. Постановления Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь». Таким образом, цели обеспечения информационной безопасности шире, чем поддержания информационной безопасности, поскольку охватывают любой спектр угроз, возникающий в данной сфере. В то же время поддержание информационной безопасности: а) предполагает рассмотрение данных аспектов в контексте поддержания международного мира и безопасности; б) ведется в строго установленном порядке, предусмотренном Уставом ООН; в) осуществляется субъектами, определенными Уставом ООН участвовать в поддержании международного мира и безопасности (государствами, уполномоченными органами ООН, региональными организациями).

Обеспечение информационной безопасности в контексте поддержания международного мира и безопасности рассматривается ООН с 1998 г. В преамбулах ежегодно принимаемых Генеральной Ассамблеей резолюций «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» систематически указывается, что информационные и коммуникационные технологии потенциально могут быть использованы в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной

безопасности и стабильности, и могут негативно воздействовать на целостность инфраструктуры государств, нарушая их безопасность применительно как к гражданской, так и к военной сферам, а также в преступных или террористических целях.

Согласно Уставу ООН главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности несет СБ ООН (п. 1 ст. 24 Устава ООН). До 2020 г. киберугрозы, рассматриваемые СБ ООН, в основном, касались противодействия использования информационных и коммуникационных технологий для содействия террористическим актам, использования их в целях подстрекательства к таким актам, вербовки для них, их финансирования или их планирования, а также распространения искаженных идей (резолюции 2535 от 14 июля 2020 г., 2462 от 28 марта 2019 г., 2396 от 21 декабря 2017 г., 2395 от 21 декабря 2017 г., 2370 (2017) от 2 августа 2017 г., 2368 от 20 июля 2017 г., 2341 от 13 февраля 2017 г., 2322 от 12 декабря 2016 г., 2255 от 21 декабря 2015 г., 2253 от 17 декабря 2015 г., 2178 от 24 сентября 2014 г., 2129 от 17 декабря 2013 г. и др.).

Предупреждение использования ИКТ в террористических целях нашло отражение в 6-м обзоре Глобальной контртеррористической стратегии ООН (резолюция Генеральной Ассамблеи 72/284 от 26 июня 2018 г.), Руководящих принципах в отношении иностранных боевиков-террористов (Мадридские руководящие принципы, утвержденные СБ ООН, S/2015/939 от 28 июля 2015 г.) и входит в мандат Контртеррористического управления ООН (резолюция СБ ООН 2341 от 13 февраля 2017 г.).

В неформальных встречах СБ ООН вопросы кибербезопасности в контексте поддержания международного мира стали обсуждаться с 2016 г. с целью более детального изучения и других сфер влияния использования ИКТ на международный мир и безопасность (например, разжигания политической или военной напряженности, защиты критически важных инфраструктур, зависящих от ИКТ) [10].

СБ обсуждал злонамеренное использование государствами киберпространства в рамках неформальных встреч в 2019 и 2020 гг. (кибератаки против Грузии) [10; 11].

СБ провел целый ряд встреч по вопросам киберугроз и их влияния на поддержание международного мира и безопасности в формате ариа (22 мая 2020 г., 26 августа 2020 г., 17 мая 2021 г., 28 октября 2021 г., 20 декабря 2021 г.) [12]. Указанные встречи охватывали обсуждение таких вопросов как: а) применение международного права, основы ответственного поведения государств и меры по укреплению потенциала и доверия в киберпространстве [10]; б) необходимость защиты критической инфраструкту-

ры от кибератак [12]; в) усилия по предотвращению и снижению потенциальных рисков, связанных с использованием новых технологий (искусственный интеллект (ИИ), цифровые технологии, биотехнологии и технологии материалов) [13], борьба с языком ненависти и противодействие ему, а также предотвращение подстрекательства к дискриминации, вражде и насилию в социальных сетях [14], предотвращение воздействия злонамеренной киберактивности на гражданское население [15].

В то же время принудительные меры на основе статей 41, 42 Устава ООН в отношении кибератак к настоящему времени не применялось.

Особенности содержания деятельности по поддержанию информационной безопасности определяется возможными формами использования ИКТ в целях, противоречащих Уставу ООН. Так, к ним относятся: а) использование ИКТ для применения силы или угрозы силой; б) использование ИКТ в ходе совершения вооруженного нападения или осуществления военных действий с помощью традиционных видов вооружений; в) использование ИКТ в террористических целях; г) использование ИКТ для подстрекательства к совершению международных преступлений.

Несмотря на то, что информационные и телекоммуникационные технологии могут использоваться в военных целях, в настоящее время нет примеров квалификации кибератак в качестве применения силы в контексте статьи 51 Устава ООН. В этой связи содержание поддержания информационной безопасности имеет определенную специфику. Так, оно в полной мере охватывается деятельностью, осуществляемую в рамках:

- превентивной дипломатии;
- противодействия использования ИКТ в террористических целях;
- принятия мер по повышению доверия в контексте информационной безопасности.

В то же время такие элементы поддержания международного мира и безопасности как миротворчество и разоружение не в полном объеме пока входят в сферу поддержания информационной безопасности.

Таким образом, поддержание информационной безопасности: а) предполагает рассмотрение данных аспектов в контексте поддержания международного мира и безопасности; б) ведется в строго установленном порядке, предусмотренном Уставом ООН; в) осуществляется субъектами, уполномоченными в соответствии с Уставом ООН участвовать в поддержании международного мира и безопасности (государствами, уполномоченными органами ООН, региональными организациями); в) может в перспек-

тиве осуществляться с использованием новых технологий для более эффективного принятия мер по поддержанию международного мира и безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Dinnis, H. H. *Cyber Warfare and the Laws of War* / H. H. Dinnis. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 331 p.
2. Maogoto, J. *Technology and the Law on the Use of Force. New security challenges in the twenty-first century* / J. Maogoto. — London: Routledge, 2015. — 111 p.
3. Roscini, M. *Cyber Operations and the Use of Force in International Law* / J. Roscini. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 307 p.
4. Письмо Постоянного представителя Польши при Организации Объединенных Наций от 6 августа 2019 года на имя Генерального секретаря: док. ООН S/2019/643 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/3823621?ln=ru>. — Дата доступа: 15.05.2022.
5. Письмо Постоянного представителя Финляндии при Организации Объединенных Наций от 30 апреля 2018 года на имя Председателя Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/1627683?ln=es>. — Режим доступа: 22.05.2022.
6. Grady, J. *NATO's Stoltenberg: Sophisticated Cyber Attacks Could Trigger Collective Response* / J. Grady // USNI News. — 08.06.2011. — Mode of access: <https://news.usni.org/2021/06/08/natos-stoltenberg-sophisticated-cyber-attacks-could-trigger-collective-response>. — Date of access: 12.05.2022.
7. Заявление министров иностранных дел государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности о совместных мерах по обеспечению информационной безопасности от 17.07.2017 г. [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. — Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/documents/zyavlenie_ministrov_inostrannykh_del_gosudarstv_chlenov_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopas/#loaded. — Дата доступа: 12.05.2022.
8. Решение № 5/16 «Усилия ОБСЕ по сокращению рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий» [Электронный ресурс] // ОБСЕ. — Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/9/290396.pdf>. — Дата доступа: 12.05.2022.
9. Поддержание международного мира и безопасности [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/our-work/maintain-international-peace-and-security>. — Дата доступа: 15.05.2022.
10. Arria-formula Meeting: Cyber Stability, Conflict Prevention and Capacity Building [Electronic resource] // Security Council Report. — 21.05.2020. — Mode of access: <https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2020/05/arria-formula-meeting-cyber-stability-conflict-prevention-and-capacity-building.php>. — Date of access: 12.05.2022.

11. In Hindsight: The Security Council and Cyber Threats, an Update [Electronic resource] // Security Council Report. — 31.01.2022. — Mode of access: <https://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2022-02/in-hindsight-the-security-council-and-cyber-threats-an-update.php>. — Date of access: 12.05.2022.

12. Arria-formula Meeting on Cyber-Attacks Against Critical Infrastructure [Electronic resource] // Security Council Report. — 25.08.2020. — Mode of access: <https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2020/08/arria-formula-meeting-on-cyber-attacks-against-critical-infrastructure.php>. — Date of access: 12.05.2022.

13. Arria-formula Meeting on the Impact of Emerging Technologies on International Peace and Security [Electronic resource] // Security Council Report. — 15.05.2021. — Mode of access: <https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2021/05/arria-formula-meeting-on-the-impact-of-emerging-technologies-on-international-peace-and-security.php>. — Date of access: 12.05.2022.

14. Arria-Formula Meeting on Hate Speech and Social Media [Electronic resource] // Security Council Report. — 27.10.2021. — Mode of access: <https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2021/10/arria-formula-meeting-on-hate-speech-and-social-media.php>. — Date of access: 12.05.2022.

15. Arria-formula Meeting on Preventing Civilian Impact of Malicious Cyber Activities [Electronic resource] // Security Council Reports. — 19.12.2021. — Mode of access: <https://www.securitycouncilreport.org/whatsinblue/2021/12/arria-formula-meeting-on-preventing-civilian-impact-of-malicious-cyber-activities.php>. — Date of access: 12.05.2022.

ПЯТЬ ОСНОВНЫХ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

О. Ю. Ширинский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: schirinsky@gmail.com*

Рассмотрены содержание и порядок реализации основных прав потребителя в соответствии с учредительными договорами ЕС, директивным и национальным правом государств — членов ЕС. Целью настоящего исследования было раскрытие трансграничного механизма реализации основных прав потребителя в правовом пространстве ЕС, включая нерезидентов ЕС. Основным методом исследования явился сравнительный анализ соответствующих положений учредительных договоров, директивного права и прецедентной практики суда ЕС. На его основе были выработаны практические рекомендации для обеспечения общего высокого уровня защиты прав потребителя на внутреннем рынке ЕАЭС.

Ключевые слова: права потребителя; европейские центры защиты прав потребителей; предоставление информации потребителю; возврат некачественного товара.

FIVE BASIC CONSUMER RIGHTS IN THE EUROPEAN UNION LEGAL SPACE

O. J. Schirinsky

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: schirinsky@gmail.com

The content and procedure for the implementation of the fundamental rights of the consumer in accordance with the constituent treaties of the EU, the directive and national law of the EU member states are considered. The purpose of this study was to reveal the cross-border mechanism for the implementation of basic consumer rights in the EU legal space, including non-EU residents. The main research method was a comparative analysis of the relevant provisions of the founding agreements, directive law and case law of the EU court. On its basis, practical recommendations were developed to ensure an overall high level of consumer protection in the EEAS internal market.

Keywords: *consumer rights; European consumer protection centres; provision of information to the consumer; return of defective goods.*

Европейский союз представляет собой классическое общество потребления, где вся экономика направлена на удовлетворение всевозможных запросов граждан ЕС, а производство перемещается в другие регионы, в первую очередь страны БРИКС. Общий высокий уровень защиты прав потребителя закреплен в статье 169 Договора о функционировании ЕС [1], который по сути является конституционной нормой. Таким образом право на потребление качественных товаров и услуг имеет под собой конституционную основу и непосредственно обязывает европейские и национальные органы всех уровней обеспечить эффективную защиту прав потребителя. В самом деле, в правовом и экономическом пространстве ЕС возможно удовлетворение самых изысканных вкусов, а европейцы устанавливают стандарты во многих областях экономики, культуры, питания и отдыха. Немецкие автомобили и бытовая техника, французские вина, парфюмерия и кухня, итальянская обувь и опера, места отдыха в Испании, музеи Греции — все на самом высоком уровне. Подобное изобилие и изыск имеют и обратную сторону. Именно в ЕС был введен в оборот и прочно устоялся термин «потребительский экстремизм», когда потребитель злоупотребляет своими правами. Здесь на стороне продавца выступает Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (далее: Венская конвенция или *CISG*) [2]. Все без исключения государства — члены ЕС участвуют в данной Конвенции, имеется обширная, устоявшаяся и общепризнанная практика ее применения и ее положения ограничивают в определенной мере притязания потребителя, поскольку ориентируются на общемировую практику, а не про-потребительскую ев-

ропейскую. *Нормы европейского права и нормы МЧП, в первую очередь CISG, здесь не противодействуют, а взаимодействуют и дополняют друг друга.* В сухом остатке кристаллизуются пять основных прав потребителя, гарантированных как нормами права ЕС, так и Венской конвенцией.

1. Бесплатная замена или ремонт некачественных товаров. В случае продажи некачественного товара (онлайн или в розничной сети) потребитель имеет безусловное право на его замену или устранению недостатков за счет продавца. Некачественным признается товар, который не соответствует описанию, не обладает указанными характеристиками или как следует не функционирует. Если ремонт товара невозможен или нецелесообразен, то покупатель вправе потребовать снижения покупной цены и возврата денег. Данное право может быть реализовано потребителем в течение двух лет со дня покупки товара, что является довольно большим сроком. В этом главное отличие европейской практики от положений ст. 39 Венской конвенции, поскольку она применяется в отношении сделок между предпринимателями, и столь длинный срок предъявления претензий вынуждает продавца создавать определенные резервы на случай возможных споров, что затрудняет товарооборот. Данная статья обязывает покупателя заявить претензию о несоответствии товара в течение разумного срока, а двухлетний срок является здесь максимально возможным, а не общим сроком для предъявления претензий.

2. Бесплатные консультации и правовая помощь сети Европейских центров потребителей (ЕЦП). В ЕС действует разветвленная сеть потребительских центров, которые консультируют потребителей и оказывают им правовую помощь в случае возникновения противоречий между продавцом и потребителем в отношении качества товара. Содействие ЕЦП направлено в первую очередь на достижение *мирного и скорейшего разрешения спора и избежание неоправданных процессуальных издержек.* В случае недостижения согласия ЕЦЦ продолжают консультировать потребителей на предмет обращения с иском в суд. Согласно официальной статистике в год ЕЦЦ рассматривают около 120 000 споров, более 80 % которых завершаются мирным урегулированием. Специально для этой цели создана онлайн-платформа по урегулированию споров [3].

3. Возврат приобретенных товаров в течение 14 дней. В случае покупки товаров в магазине или интернете, покупатель имеет право вернуть товар без указания причин, и продавец обязан принять товар назад и вернуть уплаченные за товар деньги в полном объеме. Особенно часто данным правом пользуются покупатели, которые приобрели товар в интернете, поскольку

изображение товара на веб-сайтах часто обманывает ожидания потребителя. Проблематичным является здесь приобретение программного обеспечения или видеофильмов виду возможности изготовления пиратских копий с последующим возвратом товара и соответственно денег. Для противодействия злоупотреблениям со стороны потребителей для определенной группы товаров и услуг могут быть сделаны исключения.

4. Получение исчерпывающей информации о товаре.

Каждый предприниматель или фирма, предлагающая к продаже товары и услуги, должна предоставить покупателю исчерпывающую информацию, чтобы он мог принять обоснованное решение о покупке и приобрел тот товар или услугу, в которой нуждался. Согласно директивному праву ЕС покупателю должна быть представлена на понятном ему языке информация об *основных характеристиках товара либо услуги, цене, способах и порядке оплаты, наименование и адрес продавца, срок действия и условия досрочного расторжения договора*. Любые неясные пункты договора должны трактоваться в пользу потребителя, а условия договора, признанные европейской прецедентной практикой несправедливыми по отношению к потребителю, последнего не обязывают. К несправедливым условиям Суд ЕС относит пункты договора, исключаящие ответственность продавца за ущерб, причиненный жизни или здоровью потребителя, толкование условий договора исключительно продавцом, возможность одностороннего расторжения договора продавцом и т. п.

5. Возврат покупной цены в случае покупки недорогостоящих товаров. В случае, когда не удалось мирное разрешение спора даже при посредничестве ЕЦП у потребителя имеется возможность защитить свои права с использованием процедуры возврата уплаченной суммы денег, при условии, что покупка товара осуществлялась онлайн и цена товара или услуги не превышала 2000 евро. Для этого необходимо заполнить специальный онлайн-формуляр и направить его компетентному национальному органу на рассмотрение (подобная процедура предусмотрена во всех странах — членах ЕС, кроме Дании) [4]. Это максимально упрощенная и доступная для всех процедура является выгодной альтернативой традиционному судебному разбирательству.

Реализация прав потребителей — нерезидентов ЕС.

Несмотря на тот факт, что текст европейских норм о защите прав потребителей говорит о «гражданах» ЕС, имеющих возможность всесторонне, полно и эффективно защищать свои права, субъектом правоотношений потребитель-продавец вполне может быть и иностранный турист или иное лицо, временно находящиеся на

территории Евросоюза. Потребитель здесь голосует рублем, или в данном случае евро, независимо от своей национальной принадлежности. Общая доктрина права ЕС также позволяет распространять союзные права на иностранных лиц, где это позволяет сущность затронутого права. Защита прав и свобод человека является основным принципом права ЕС, которому подчинены все остальные нормы. Поэтому не существует объективных причин, по которым белорусскому туристу, купившему у европейского оператора тур или в европейском онлайн-магазине потребительский товар, следует отказать в статусе «европейского» потребителя. Он также может задействовать механизм защиты своих прав с некоторыми ограничениями, вызванными объективными факторами — такими, как местожительство и возможность осуществления финансовых транзакций.

Заключение. В Европейском союзе потребитель, по сути, всегда прав и здесь создан самый эффективный механизм защиты его интересов. Подобное положение вещей имеет и обратную сторону медали, когда стремление бесконечно и безмерно потреблять становится единственным смыслом жизни. Происходит необратимое искажение ценностей, в выгодном положении оказывается не честный покупатель, а ловкий мошенник. Общество становится уязвимым перед лицом кризисных явлений, когда финансовые возможности большинства населения снижаются, а привычка потреблять остается. Это может вызвать недовольство и привести к системному кризису всего Евросоюза, когда эгоистичные национальные интересы возобладают над европейской солидарностью. Справиться ли объединенная Европа с новыми вызовами, покажет время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Договор о функционировании Европейского союза (новая редакция) [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. — Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>. — Дата доступа: 19.09.2022.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. — Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf>. — Дата доступа: 19.09.2022.
3. EU Online Dispute Resolution [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <https://ec.europa.eu/consumers/odr/main/index.cfm?event=main.home2.show&lng=EN>. — Date of access: 19.09.2022.
4. Europäisches Verfahren für geringfügige Forderungen: Deutschland [Electronic resource] // European e-Justice Portal. — Mode of access: https://e-justice.europa.eu/354/DE/small_claims?GERMANY&member=1. — Date of access: 19.09.2022.

СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ»

MAJOR TRENDS OF INTERNATIONAL TRADE IN INTELLECTUAL PROPERTY

K. S. Batsianouskaya^a, Huang Suqin^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: batsianouskaya@bsu.by

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: 836879582@qq.com

This paper analyzes the main trends in the international trade in IP based on a statistical analysis of international trade in intellectual property. It is revealed that the scale of international trade in intellectual property rights will continue to expand and its distribution is highly concentrated and extremely uneven, with the major exporters also being the major importers. That is why an increasing number of countries around the world are placing greater emphasis on international trade in intellectual property.

Keywords: Intellectual property; International Trade; charges for the use of intellectual property; patents.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ ОБЪЕКТАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Е. С. Ботеновская¹⁾, Хуан Суцин²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: batsianouskaya@bsu.by

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: 836879582@qq.com

В данной статье анализируются основные тенденции в международной торговле объектами интеллектуальной собственности на основе статистического анализа международной торговли объектами интеллектуальной собственности. Выявлено, что масштабы международной торговли правами интеллектуальной собственности будут продолжать расширяться, а ее распределение носит высококонцентрированный и крайне неравномерный характер, при этом крупные экспортеры являются одновременно и крупными импортерами. Все большее число стран мира уделяют больше внимания международной торговле объектами интеллектуальной собственностью.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; международная торговля; вознаграждение за использование объектов интеллектуальной собственности; патенты.

The international trade in intellectual property (IP) is developing dynamically and nowadays the protection of intellectual property rights is an essential requirement for creating an innovative economy and

the effective functioning of business. That is why revealing trends in international trade in intellectual property, identifying major players, main countries that are significantly active in filing applications and registering intellectual property is essential.

Let's analyze the data on the charges for the use of IP published by the World Bank from the perspective of international property trade in a narrow sense, i. e., trade in services marked by IP and identify trends of international trade in IP.

According to the World Bank data the world charges for the use of intellectual property have grown steadily during the last decade, with an overall increase in the share of trade in services (Figure 1).

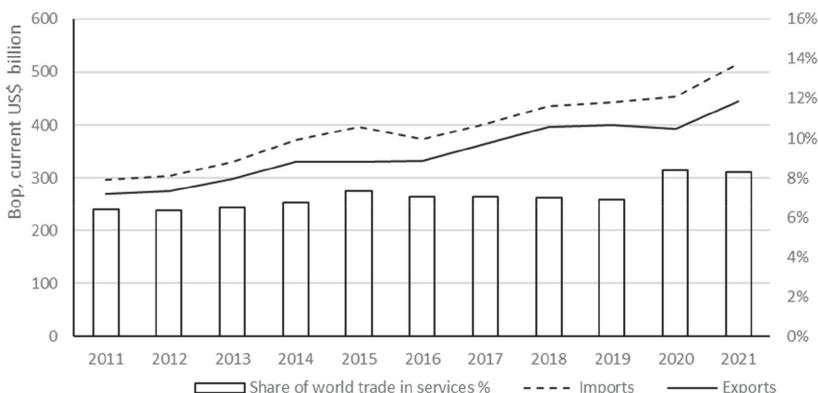

Fig. 1. World: Charges for the use of intellectual property
Source: [1]

Its imports rose from \$296.73 bln in 2011 to nearly \$515.26 bln in 2021, and its exports expanded from \$269.68 bln in 2011 to nearly \$444.48 bln in 2021. We can see that based on presented data, from 2011 to 2021 the growth rate of imports is 73.65 % and its average annual growth rate is 5.67 %, and the growth rate of exports is 64.82 % and its average annual growth rate is 5.12 %. At the same time, the share of world IP trade in world services trade has increased from 6.38 % to 8.27 %.

In addition, according to WTO statistics, exports of IP trade accounted for 7.54% of total services trade exports in 2021, with a value of \$452.082 bln (Figure 2).

At the same time, it accounts for a higher percentage of total trade in services imports, with a transaction value of about US\$527.923 bln, resulting 9.53 %. That demonstrates the role of intellectual property trade in international trade.

In terms of country distribution of IP trade exports in 2021, the US is the largest IP exporter, followed by Germany and Japan. The Netherlands, Switzerland, the UK, Ireland, France, China, Singapore, Canada, Sweden, and South Korea are important IP exporters. It can be noticed that these important IP exporters are mainly concentrated in North America, Western Europe and East Asia, while Africa and the Middle East are less involved in international trade exports of IP.

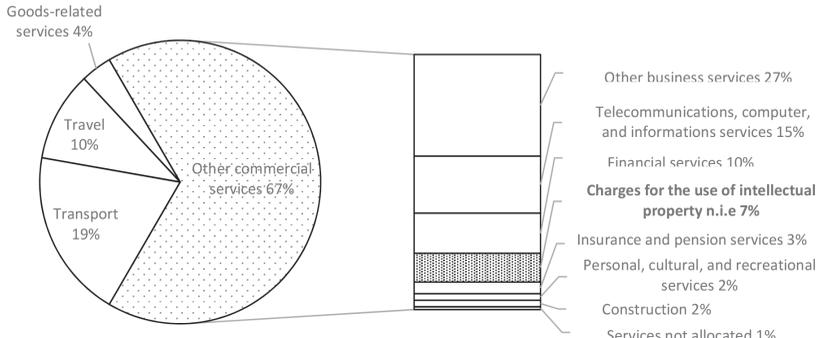

Fig. 2. Breakdown of Commercial Services Exports for World, 2021
Source: [2]

On the contrary, in terms of the import value of IP trade by country in 2021, Ireland is the largest IP importer, followed by the US and China. The Netherlands, Japan, Switzerland, Germany, Singapore, the UK, Canada, France, and South Korea are important IP importers. It can be observed that important IP importers, like important IP exporters, are concentrated in North America, Western Europe and East Asia, and that Africa and the Middle East are also less involved in international IP export trade.

If the European Union is considered as a whole, in 2021, the eight largest IP exporters in the world also are the eight largest IP importers in the world – the EU, the US, Japan, the UK, China, Singapore, Canada and South Korea. These eight economies account for almost 85 % of world IP exports, while accounting for over 90 % of their imports. The analysis of the current state of IP trade in these eight economies depicts the current state of the world international trade in IP.

According to WIPO the number of IP in force of all kinds has kept on rise steadily over the last decade. In 2020, global patent filings increased by 1.6 %, while trademark and industrial design filing activity grew by 13.7 % and 2 %, respectively. Worldwide patent filings outpaced 3.3 mln, trademark filing activity equaled to 17.2 mln,

industrial design filing activity came to 1.4 mln, and applications for utility models – a special form of patent rights – increased by 28.1 % to 3 mln [3].

The growing trend in the number of patents, trademarks, industrial designs and utility models in force not only reflects the orientation of countries' commitment to the global layout of IP in order to gain innovation advantages, but also shows the dynamics of countries' efforts to enhance their technological advantages in order to compete for future technological heights.

Historically, patents have been the activity of high-income countries, but the rapid growth of patents in China has changed this trend. Applicants from China filed the most PCT applications in 2021. While there is still a significant gap in quality (tradable IP) compared to developed countries, it also shows that emerging economies, led by China, have a great potential for international IP trade and are a non-negligible driver of future growth in international IP trade. China and Singapore are likely to be the main growth areas for the future development of international trade in IP in the world.

The scale of international trade in intellectual property rights is expanding and its distribution is extremely uneven, with the major exporters also being the major importers. And the number of valid patents and trademarks, etc. is also rising, providing a solid base for the development of IP trade. At the same time, the number of international IP disputes handled by WIPO has also grown.

It should be mentioned that social, cultural, humanitarian, political factors influence international trade in IP. Such global challenges include climate change, resource depletion, biodiversity loss, the COVID-19 pandemic, far-reaching geopolitical risks, and the world is facing unprecedented changes characterized by uncertainty that can cause disruption. Both the COVID-19 vaccine exemption for IP and the geopolitically generated unjustifiable means of IP sanctions have introduced new uncertainties into IP trade rules, and likewise into future trends in the discovery of international trade in IP.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. World Development Indicators [Electronic resource] // The World Bank. — Mode of access: <http://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>. — Date of access: 01.09.2022.
2. WTO statistics database [Electronic resource] // World Trade Organization. — Mode of access: <https://data.wto.org/en>. — Date of access: 01.09.2022.
3. WIPO IP Statistics Data Center [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. — Mode of access: <https://www3.wipo.int/ipstats/keyindex.htm;jsessionid=6E2AD13C9D9DBEA358A170BDF1ED9DC2>. — Date of access: 01.09.2022.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СОГЛАШЕНИЯ «НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Н. В. Годес

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: godes_nv@mail.ru*

В статье исследованы причины (глокализация и фрагментация, стратегии «обращения внутрь», рост взаимосвязанности и сетевой характер распространения финансовых рисков, цифровизация финансовых взаимоотношений, развитие криптовалют и цифровых валют центральных банков, политические и военные конфликты в мире) и факторы (критическое восприятие глобализации, возврат многих национальных правительств к протекционизму, изменения подходов к анализу функциональных форм мировых денег, цифровизация, перераспределение межгосударственных финансовых потоков) эпистемологического сдвига в исследовании мотивов региональной финансовой интеграции.

На примере Азиатско-Тихоокеанского региона проанализированы особенности интеграционных соглашений «нового поколения», сделаны выводы о целесообразных направлениях совершенствования стратегии международного взаимодействия Республики Беларусь.

Ключевые слова: *региональная финансовая интеграция; финансовая устойчивость; Транстихоокеанское партнерство; Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство; Евразийский экономический союз.*

TRANSFORMATION OF MOTIVES OF REGIONAL FINANCIAL INTEGRATION: «NEW GENERATION» AGREEMENTS

N. V. Hodzes

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: godes_nv@mail.ru*

The article explores the causes (glocalization and fragmentation, “turning inward” strategies, the growth of interconnectedness and the network nature of the spread of financial risks, the digitalization of financial relationships, the development of cryptocurrencies and digital currencies of central banks, political and military conflicts in the world) and factors (critical perception of globalization, the return of many national governments to protectionism, changes in approaches to the analysis of the functional forms of world money, digitalization, redistribution of interstate financial flows) epistemological shift in the study of the motives of regional financial integration.

On the example of the Asia-Pacific region, the features of integration agreements of the “new generation” are analyzed, conclusions are made about the appropriate directions for improving the strategy of international cooperation of the Republic of Belarus.

Keywords: *regional financial integration; financial sustainability; Trans-Pacific Partnership; Regional Comprehensive Economic Partnership; Eurasian Economic Union.*

Финансовая интеграция выступает одним из направлений процесса экономической интеграции и реализуется в форме гармонизации основных понятий, категорий и принципов организации финансовой деятельности в области государственных финан-

сов, платежного баланса, бухгалтерского учета, методов контроля за деятельностью коммерческих банков со стороны центральных банков стран, стандартов деятельности валютных бирж, способов осуществления расчетов [1]. Финансовая интеграция направлена, прежде всего, на оптимизацию потоков межгосударственного финансирования. При рассмотрении потоков межгосударственного взаимодействия выделяют 4 основных элемента, посредством трансформации которых реализуется региональное валютно-финансовое интеграционное объединение: институты, нормативно-правовая база, инфраструктура и методы регулирования.

При этом подходы к определению мотивов региональной финансовой интеграции не претерпевали существенных изменений. В теоретическом анализе финансовой интеграции преобладает подход, основанный на экономической основе мотивов региональной финансовой интеграции — оценке объема внутрирегиональной торговли (определении ее отклонений от «нормального уровня») с учетом таких факторов, как географическое расстояние, ВВП и иных макроэкономических показателей [5].

Однако в условиях обретения неопределенностями в развитии мировой экономики имманентного характера, на современную мотивацию региональной финансовой интеграции оказывают влияние такие факторы, как: 1) тенденции глокализации, фрагментации [6], а также реализация стратегии «обращения внутрь» для компаний, стран и регионов для поисков источников экономического роста [7], что обуславливает формирование большего количества «центров силы» экономического развития в мире, прежде всего, за счет стимулирования инвестиционной активности и внутреннего спроса крупнейшими производящими экономикой мира (в частности — Китай, Индия), а также созданием новых региональных институтов развития (инвестиционных фондов и банков); 2) рост взаимосвязанности и, как следствие, сетевой характер распространения финансовых рисков, обусловленный собственным вектором влияния и значимостью акторов, сгенерировавших риск [8]; 3) цифровизация финансовых взаимоотношений, развитие криптовалют и цифровых валют центральных банков (*Central bank digital currency*) и обусловленные этим трансформации общественных отношений в сфере функционирования платежных систем и расчетных отношений; 4) рост числа политических и военных конфликтов в мире, влекущих за собой экономические, торговые войны и санкции.

Все эти факторы обуславливают сочетание горизонтально-ориентированных сетей (квазиинтеграционные объединения) и официальных интеграционных объединений и альянсов как на корпоративном, так и на межгосударственном уровне — регио-

нальной финансовой интеграции «нового поколения», движущей силой которой становится не только и не столько экономическая составляющая, а социально-политический компонент. Многие страны переориентируются «внутри», опираясь на концепцию обеспечения роста, на основе развития внутреннего спроса. В противовес мейнстриму экономической мысли (основа на сравнительных преимуществах стран во внешней торговле, пользе от участия в международном разделении труда, экспортной ориентации роста) логика интеграционных объединений «нового поколения» основана на посыле о том, что рост, основанный на внешнем стимулировании обусловлен либо долгом, либо экспортом, приемлем в краткосрочном периоде, но неустойчив в долгосрочном, влечет международные дисбалансы и повышает риски финансовых кризисов, подрывающих долгосрочную устойчивость мировой экономики. И цель интеграционного взаимодействия в финансовой сфере — поддержание региональной и глобальной финансовой устойчивости.

В качестве наиболее ярких примеров региональной интеграции «нового поколения» на современном этапе можно выделить процессы, происходящие в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С 1967 г. существует Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — жизнеспособное и эффективное интеграционное объединение стран Юго-Восточной Азии. Государства Северо-Восточной Азии в течение долгого времени к интеграции не стремились (внимание Китая было обращено на создании Большого Китая через интегрирование Тайваня и иных территорий, позднее — на реализации инициативы «Один пояс, один путь»); Южная и Северная Корея имеют ряд принципиальных политических и социальных противоречий; Япония не принимала идей классической региональной интеграции по образцу Евросоюза.

Конфигурация торговых соглашений в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе

Источники: [10, с. 168].

В XXI в. на базе соглашений АСЕАН стали развиваться интеграционные процессы нового формата, в основе которых лежит «открытый регионализм». Большое значение в этом процессе принадлежит Японии — как стране с наибольшим «вектором собственного влияния в регионе». Япония заключала соглашения о свободной торговле и обозначала свое участие в таких масштабных проектах нового поколения, как Транстихоокеанское партнерство (ТТП) (2016 г.) и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП, АСЕАН+6) (2020) [9].

Эти новые интеграционные формирования носят трансрегиональный характер, объединяя страны разных регионов и разных континентов в их стремлении создать максимально обширную зону свободной торговли и инвестиционного сотрудничества, рисунок. Эти проекты нацелены на формирование общих правил ведения бизнеса и в сотрудничестве в регионе и преодоление «разноскоростной» интеграции, систематизации интеграционных процессов более систематизированными и упорядоченными.

Одной из основных характеристик распределения «центров силы» мировой финансовой системы выступает Глобальный индекс финансовых центров (*GFCI*) публикуемый дважды в год *Z/Yen Group* в Лондоне и Китайским институтом развития в Шэньчжэне. Данный индекс основан на более чем 29 000 оценок финансовых центров из онлайн-анкеты вместе с более чем 100 индексами таких организаций, как Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и *Economist Intelligence Unit* (исследовательского и аналитического подразделения *Economist Group*). Согласно последнему отчету [11], в целом средний рейтинг мировых финансовых центров стабилен. Центры Азиатско-Тихоокеанского региона демонстрируют восстановление уверенности в экономической мощи региона и в показателях торговли, что может свидетельствовать о позитивном влиянии участия вовлечения Японии в интеграционные процессы в регионе. После относительно низких результатов в *GFCI* 30 две трети центров Азиатско-Тихоокеанского региона в индексе либо сравнялись, либо улучшили свои позиции в *GFCI* 31.

Итак, на современном этапе мотивы региональной валютно-финансовой интеграции основываются на:

- 1) стратегии «обращения внутрь» и ориентация на региональные «центры силы»;
- 2) гибкая и многовекторная стратегия интеграционного взаимодействия — способна обеспечить включение стран в приоритетные направления финансовой интеграции в зависимости от приоритетных направлений обеспечения национальной финансовой безопасности;

3) понимание международного финансирования не как «благотворительности крупных экономик», а как их вклад в региональную и глобальную финансовую устойчивость

Учитывая современные тенденции в области геофинансов, актуализацию приоритетов международного финансового сотрудничества и оценку целесообразности участия Республики Беларусь в региональной финансовой интеграции необходимо базировать на диверсификации направлений международного сотрудничества. Положением о сотрудничестве Республики Беларусь с международными финансовыми организациями, утвержденным указом Президента Утв. Указом Президента Республики Беларусь от 10 сентября 2021 г. № 337 уже декларированы меры по диверсификации направлений международного сотрудничества с ориентацией на страны Азии. Следует интенсифицировать работу в данном направлении, в том числе в области поиска дополнительных источников инвестиций, возможностей диверсификации валютной структуры внешних заимствований. При этом новые векторы взаимодействия целесообразно выстраивать, исходя из сильного вектора собственного влияния России в Европейском регионе (дальнейшая проработка возможностей проведения расчетов в национальных валютах и возможного создания клирингового платежного союза в рамках ЕАЭС; переориентация на усиления присутствия в международных финансовых организациях, в состав которых входят страны-торговые партнеры Республики Беларусь, не поддерживающие вводимые санкции).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Годес, Н. В. Евразийский платежный союз: теоретическая модель и перспективы ее применения / Н. В. Годес; под науч. ред. И. Н. Жук. — Минск: Право и экономика, 2013. — 205 с.
2. Головнин, М. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства / М. Головнин, А. Захаров, Д. Ушкалова // *Мировая экономика и междунар. отношения*. — 2016. — № 4. — С. 61–69.
3. Kenen, P. B. *Currency Internationalization — An Overview* / P. B. Kenen. — Princeton: University Press, 2009. — 236 p.
4. Horn, S. *Coping with Disasters: Two Centuries of International Official Lending*: NBER Working Paper N 27343, June 2020 / S. Horn, C. M. Reinhart C. Trebesch [Electronic resource] // NBER. — Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w27343>. — Date of access: 26.07.2022.
5. *Futures Thinking in Asia and the Pacific: Why Foresight Matters for Policy Makers*, April 2020 [Electronic resource] // Asian Development Bank. — Mode of access: <https://www.adb.org/publications/futures-thinking-asia-pacific-policy-makers>. — Date of access: 26.07.2022.
6. Georgieva, K. *Why We Must Resist Geoeconomic Fragmentation — And How* / K. Georgieva, G. Gopinath, C. Pazarbasioglu [Electronic resource] //

International Monetary Fund. — 22.05.2022. — Mode of access: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2022/05/22/blog-why-we-must-resist-geoeconomic-fragmentation>. — Date of access: 19.06.2022.

7. Миронов, В. Смена модели: можно ли переориентировать российскую экономику на внутренний спрос / В. Миронов [Электронный ресурс] // Forbes. — 22.06.2022. — Режим доступа: <https://www.forbes.ru/mneniya/469353-smena-modeli-mozno-li-pereorientirovat-rossijskuu-ekonomiku-na-vnutrennij-spros>. — Дата доступа: 26.07.2022.

8. Тихонов, А. Акторно-сетевая теория в исследовании цифрового финансово-экономического пространства: методологический подход / А. Тихонов, Н. Годес // Банковский вестн. — 2022. — № 1 (702). — С. 17–25.

9. Asia-Pacific nations sign world's largest trade pact RCEP [Electronic resource] // CNA. — 15.11.2020. — Mode of access: <https://www.channelnewsasia.com/business/rcep-trade-pact-asean-summit-singapore-china-680986>. — Date of access: 19.07.2022.

10. Мищенко, Я. В. Япония в региональной интеграции: вызовы, задачи и перспективы / Я. В. Мищенко // Ежегодник «Япония». — 2020. — Т. 49. — С. 157–174.

11. The Global Financial Centres Index 31 [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.longfinance.net/publications/long-finance-reports/global-financial-centres-index-31/>. — 24 March 2021. — Date of access: 20.06.2022.

12. Годес, Н. Национальная финансовая безопасность: теория и практика в условиях текущих вызовов и угроз / Н. Годес // Банковский вестн. — 2022. — № 6 (707). — С. 30–39.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КИТАЙСКОГО ОПЫТА СТРОИТЕЛЬСТВА ПЛАТФОРМ CITY BRAIN В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Г. Г. Головенчик¹⁾, Сюэ Цяньвэнь²⁾

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: goloventchik@bsu.by

*пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: pugongyin@foxmail.com*

В статье показано, что City Brain играет важную роль в поддержке цифровой трансформации китайских мегаполисов. Дан обзор концепции, характеристик и ключевых технических возможностей «городского мозга» — от сбора данных до вмешательства в функционирование муниципальных служб, рассмотрен процесс эволюции City Brain на примере г. Ханчжоу, представлены текущие практики работы операционных платформ City Brain в нескольких городах Китая. Исходя из китайского опыта внесены предложения по развитию умных городов в Республике Беларусь.

Ключевые слова: *умный город; городской мозг; цифровая платформа; цифровое развитие.*

THE POSSIBILITIES OF USING THE CHINESE EXPERIENCE OF BUILDING CITY BRAIN PLATFORMS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

G. G. Goloventchik^a, Xue Qianwen^b

^{a)} Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: goloventchik@bsu.by

^{b)} Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: pugongyin@foxmail.com

Corresponding author: G. G. Goloventchik (goloventchik@bsu.by)

The article shows that City Brain plays an important role in supporting the digital transformation of Chinese megacities. An overview of the concept, characteristics and key technical capabilities of the “City Brain” is given — from data collection to interference in the functioning of municipal services, the process of evolution of City Brain is considered on the example of Hangzhou, the current practices of the City Brain operating platforms in several cities of China are presented. Based on the Chinese experience, proposals have been made for the development of smart cities in the Republic of Belarus.

Keywords: smart city; city brain; digital platform; digital development.

В контексте становящимися все более актуальными проблем городского строительства и быстрого распространения нового поколения цифровых технологий в качестве новой модели для достижения целей устойчивого городского развития и улучшения качества жизни людей по всему миру активно продвигается концепция умного города.

На основе предварительных теоретических исследований и опыта децентрализованного строительства (2008—2012 гг.) руководство КНР в 2012 г. запустило крупномасштабный пилотный проект по созданию умных городов, а в 2014 г. возвело его в ранг национальной стратегии [1]. В последние годы строительство умных городов в Китае вступило в стадию всестороннего развития, и сейчас темп роста этого рынка составляет около 30 %.

Строительство умных городов в первые годы реализации концепции, как правило, не ставило в качестве конечной цели удовлетворение человеческих потребностей и социальное развитие, характеризовалось децентрализацией и фрагментацией, что приводило к таким проблемам, как разрозненность данных и многократное наращивание ИКТ-ресурсов. В связи с этим в КНР была сформирована система высокоэффективного управления умными городами под названием «городской мозг» (англ. *City Brain*, *Urban Brain*), также известный как центр городского интеллекта — инфраструктура нового типа, построенная на базе современного поколения инновационных технологий, таких как интернет вещей, облачные вычисления, большие данные, искусственный

интеллект (далее — ИИ), нейронные сети, блокчейн и цифровые двойники [2].

По данным Китайской академии информационно-коммуникационных технологий, доля *City Brain* в общем объеме инвестиций в умные города Китая в 2019 г. составила около 4 %, а общий объем инвестиций в *City Brain* в 2021—2025 гг., как ожидается, достигнет 100 млрд юаней [3].

Концепция «городского мозга» была официально предложена в апреле 2016 г. для устранения транспортных пробок на дорогах в г. Ханчжоу с населением 8,1 млн чел., где расположена штаб-квартира интернет-гиганта *Alibaba*. Исключительно сложная архитектура умного города помимо управления дорожным движением включает множество областей, таких как образование, медицинское обслуживание, общественная безопасность, управление чрезвычайными ситуациями, строительство, управление городскими сетями, надзор за рынком, промышленность, в связи с чем потребовалась централизованная система управления, контролирующая все жизненные стадии — планирование, проектирование, строительство, эксплуатацию и обслуживание систем умного города [4]. Поэтому за шесть лет *City Brain* превратился во всеобъемлющую умную операционную цифровую платформу открытого типа, которая поддерживает услуги по жизнеобеспечению людей, предупреждает о критически важных событиях, распределяет ресурсы и поддерживает цифровую трансформацию правительства, общества и экономики.

City Brain является продуктом продвинутой стадии информатизации и цифровизации города и предлагает комплексное решение для сбора, интеграции, анализа в режиме реального времени и последующего эффективного использования больших и разнородных данных, ежесекундно генерируемых в различных отраслях городского хозяйства. Благодаря этому муниципалитет и градостроители могут принимать более эффективные решения для рационального распределения и оптимизации общественных ресурсов, постоянного улучшения социального управления, обеспечения безопасной и упорядоченной работы города, в конечном итоге — устранения многих проблем городского управления и устойчивого развития, которые не могут быть решены с помощью только человеческих возможностей [5].

Путем обобщения исследований китайских ученых установлено, что «мозг города» предназначен для:

— *контроля городских транспортных потоков.* *City Brain* может полностью количественно оценить городские жизненно важные показатели, задействовать интеллектуальный алгоритм детального управления дорожными сигналами городской транс-

портной системы для улучшения мобильности в городе, оптимизировать маршруты передвижения по городу автомобилями экстренной помощи для прибытия их на место происшествия в кратчайшие сроки;

— *оптимизации городского управления на основе целостного представления о городе. City Brain* собирает и интегрирует оперативные данные от граждан, городского правительства и предприятий, создавая единую систему городских информационных ресурсов в таких областях, как транспорт, здравоохранение, образование, жилищное строительство и управление чрезвычайными ситуациями, тем самым моделируя в динамике картину жизни города. Такой режим работы выводит регулирование проблем городского управления, которые изначально было трудно решить традиционными методами, на новый уровень;

— *охвата всего процесса сбора и анализа данных, принятия и исполнения решений.* С развитием инновационных цифровых технологий «мозг города» воспринимает не только текст, но также видеоизображение и человеческую речь, которые могут быть широко использованы в различных сценариях общественного производства и жизни, в том числе создания новых «умных» приложений для управления городским жилищно-коммунальным хозяйством, промышленным производством, оказанием услуг и т. п.;

— *совершенствования способности города справляться с чрезвычайными ситуациями.* В случае чрезвычайных ситуаций город активизирует систему экстренного командования через *City Brain*, координирует расходование городских ресурсов, объединяет силы различных городских служб и принимает научно обоснованные решения, эффективно реагируя на чрезвычайные ситуации и повышая, таким образом, способность города к самозащите;

— *повышения удовлетворенности людей городскими услугами.* Создание *City Brain* содействует совместной эксплуатации инфраструктуры городскими районами, развертыванию общей информационной системы, сближению и коллективному использованию информационных ресурсов, а также эффективной координации работы городских служб. Благодаря созданию «городского мозга» людям предоставляются инклюзивные, удобные, быстрые и точные государственные услуги [6].

Вместе с процессом строительства умных городов в Китае «городской мозг» постоянно оптимизируется и модернизируется. К настоящему времени *City Brain* прошел три этапа эволюции:

City Brain 1.0: сбор данных. В своей первой версии *City Brain 1.0* был ориентирован на поиск решений транспортных

проблем г. Ханчжоу и использовал данные, поступающие от датчиков, встроенных в светофоры и дорожные камеры, которые немедленно обрабатываются с помощью облачных вычислений и в последующем используются для оптимизации транспортных потоков путем управления интервалами включения светофоров, прогнозирования трафика в режиме реального времени и обнаружения дорожно-транспортных происшествий. Уже в 2017 г. были отмечены положительные результаты успешной работы платформы — увеличение средней скорости движения на 15,3 % и снижение уровня загруженности в часы пик на 9,2 % [7]. В результате функционирования *City Brain* г. Ханчжоу опустился с пятого по загруженности города в Китае до 57-го [8].

City Brain 2.0: межведомственный обмен данными и производные приложения интеллектуальных сценариев. В 2018 г. *City Brain* был обновлен до версии 2.0, причем расширение было как территориальным (охвачено три городских района общей площадью 420 кв. км), так и технологическим (к платформе подключились 1300 светофоров и 3500 дорожных камер). Для обеспечения максимально быстрого реагирования на транспортные инциденты с *City Brain 2.0* напрямую связаны 200 сотрудников дорожной полиции, которые отправляются на место происшествия не оперативниками в диспетчерском центре, а «городским мозгом» автоматически с помощью оповещений на смартфонах [9]. После успеха в сфере транспорта платформа также стала доступна для медицинской, спасательной и пожарной служб города для своевременного выявления и мониторинга чрезвычайных ситуаций. Контроль над расписанием работы светофоров позволил на 50 % оптимизировать транспортные потоки для машин экстренной помощи путем создания «зеленых коридоров» по всему городу. В подобных сценариях с высоким уровнем риска поддержка передовых технологий не только повышает эффективность работы аварийных служб, но и спасает человеческие жизни [10].

Кроме Ханчжоу, в настоящее время платформа *City Brain 2.0* применяется в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Чжэнчжоу, Хайкоу, Шицзячжуане, Чунцине, Сучжоу, Чэнду, Цюйчжоу, Цзясине, Макао и других городах. В январе 2018 г. *Malaysia Digital Economy Corp* и *Dewan Bandaraya Kuala Lumpur* совместно объявили о внедрении *Alibaba Cloud ET City Brain* для управления дорожным движением столицы Малайзии, городского планирования и охраны окружающей среды.

City Brain 3.0: глубокая интеграция многомерных данных и всестороннее вмешательство искусственного интеллекта в городские процессы. В июне 2020 г. «городской мозг» г. Ханчжоу был дополнительно модернизирован и обновлен до версии 3.0 с

акцентом на более тесную интеграцию цифровых данных. *City Brain 3.0* может обрабатывать более широкий спектр данных, анализировать в цифровом пространстве процессы городского планирования, эксплуатации и управления с помощью технологии цифрового двойника, находить оптимальное решение и использовать его для решения проблем в реальном мире. Обновленная система повысила «цифровой иммунитет» города к таким событиям, как стихийные бедствия и пандемии (в т. ч. *COVID-19*): *City Brain 3.0* умеет анализировать разворачивающиеся события и предлагать разумные варианты решений [11].

В настоящее время развитие «умных городов» в Республике Беларусь предусмотрено в рамках Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 гг. и ряда других документов. Во многих городах уже началось внедрение концепции умного города: Орша, Барановичи, Пинск, Новополоцк, Полоцк, Мозырь, Лида, Борисов, Солигорск, Молодечно, Бобруйск, но наиболее продвинутым в этом направлении является Минск.

С точки зрения китайской практики, актуальнее дальнейшее развитие концепции умного города, основанной на человеко-ориентированном подходе и восстановлении городов через экологические и инновационные проекты. В этом контексте разработка и внедрение интеллектуальной платформы, которая поддерживает цифровое функционирование городской инфраструктуры, — «городского мозга» является неотъемлемым компонентом урбанизации нового типа.

Исходя из этого, основной целью создания белорусского умного города должно стать формирование городской экосистемы, ориентированной в первую очередь на человека, чувствительной к потребностям жителей и позволяющей повысить их социальную активность и качество жизни, управляемой на основе анализа большого массива городских данных, способной реагировать на чрезвычайные обстоятельства.

Важной составляющей белорусского умного города должна стать единая мобильная Платформа государственных услуг, которая благодаря применению цифровых технологий нового поколения предоставит жителям города доступ к сотням государственных услуг в области культуры и образования, туризма, социального обеспечения, транспорта, здравоохранения и санаторного лечения, юридических услуг, регистрации граждан и т. п. В связи с этим при создании платформы «городского мозга» приоритет должен быть отдан включению сценариев умных приложений, чтобы граждане могли лучше пользоваться плодами строительства умных городов.

«Городской мозг» построен на основе цифровых технологий нового поколения, что предъявляет высокие требования к поставщикам, которые реализуют проект единой цифровой платформы. В связи с этим администрации белорусских городов должны активно сотрудничать с отечественными и зарубежными высокотехнологичными компаниями, продвигать строительство единой цифровой платформы через диверсифицированные модели сотрудничества.

Создание платформы *City Brain* для умных городов — новая и сложная задача. Китай выпустил ряд программных документов на национальном уровне и на уровне местных органов власти для поддержки развития «городского мозга». В настоящее время создание единой цифровой платформы предложено в рамках государственной программы «Цифровое развитие Беларуси». Исходя из этого, рекомендуется разработать более подробные стратегические планы в отношении организационной структуры, технического обеспечения, архитектурных систем и сценариев интеллектуальных приложений в соответствии с особенностями развития каждого города, чтобы поддерживать и направлять строительство цифровых платформ для умных городов.

Таким образом, проблемы, с которыми сегодня сталкивается большинство белорусских городов, могут быть в значительной степени решены с помощью создания платформ *City Brain*. Возможно, впервые в истории технологии ИИ смогут забрать предоставление городских услуг и обслуживание городской инфраструктуры из рук людей. Это новое направление умного урбанизма, которое получило уже название «автономный город».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Отчет о развитии умных городов Китая (2021) [Электронный ресурс] // Китайский институт городского и регионального управления. — Режим доступа: <https://pan.baidu.com/s/1SdEN22JC8Oog-oDrdRrPOA?pwd=ndjb>. — Дата доступа: 02.09.2022 (на кит. яз.).
2. Чжан Вэйвэнь. Как строительство «умного города» может помочь модернизировать социальное управление? — «Городской мозг» Ханчжоу под испытанием новой эпидемии / Чжан Вэйвэнь, Цзинь Хань, Лэн Цзясинь // Журн. Чжэцзян. ун-га (издание гуманитарных и социальных наук). — 2020. — № 05. — С. 117–129 (на кит. яз.).
3. Цзоу Цзюнянь. Статус развития городского мозга, типичная практика и рекомендации по пути / Цзоу Цзюнянь, Суй Минхуэй, Пан Сяоцин // Информационно-коммуникационные технологии и политика. — 2021. — № 11. — С. 6–13 (на кит. яз.).
4. Отчет об исследовании планирования, строительства и применения городского мозга [Электронный ресурс] // Министерство информатизации и промышленного развития Китая. — Режим доступа: <https://>

www.doc88.com/p-66916039519794.html— Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).

5. City Brain: Cloud Computing and Data Technology Help Our City Think Deeply [Electronic resource] // HackerNoon. — Mode of access: <https://medium.com/hackernoon/city-brain-cloud-computing-and-data-technology-help-our-city-think-deeply-382e72f7f7f>. — Date of access: 21.07.2022.

6. Белая книга по развитию городского мозга (2022) [Электронный ресурс] // Национальный комитет по информационным стандартам. Рабочая группа по стандартам умного города. — Режим доступа: <http://www.100ec.cn/index.php/detail--6606180.html>. — Дата доступа: 07.09.2022 (на кит. яз.).

7. Ли Вэньчжао. Принципы цифровой трансформации управления мегаполисом с точки зрения цифрового интерфейса — на примере городского мозга / Ли Вэньчжао // Электронное правительство. — 2021. — № 3. — С. 2—16 (на кит. яз.).

8. China's Smart Cities Development (2020) / K. Atha [et al.] [Electronic resource] // SOSi. — Mode of access: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-04/China_Smart_Cities_Development.pdf. — Date of access: 12.09.2022.

9. Hsu, J.W. Alibaba Cloud Launched 'ET City Brain 2.0' in Hangzhou / J. W. Hsu [Electronic resource] // Alizila. — Mode of access: <https://www.alizila.com/alibaba-cloud-launched-city-brain-2-0-hangzhou/>. — Date of access: 12.09.2022.

10. Caprotti, F. Platform urbanism and the Chinese smart city: the co-production and territorialisation of Hangzhou City Brain / F. Caprotti, D. Liu // GeoJournal. — 2022. — Vol. 87. — P. 1559—1573.

11. Белая книга по устойчивому городскому мозгу 3.0 для совместного будущего городов [Электронный ресурс] // Исследовательский институт Alibaba. — Режим доступа: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/490749834>. — Дата доступа: 22.07.2022 (на кит. яз.).

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. Л. Давыденко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: davidenko@bsu.by*

В статье рассматриваются основные нормативные правовые акты, направленные на цифровизацию экономики Республики Беларусь вообще и формирование цифрового государства в частности. Особое внимание уделено анализу основных направлений цифрового развития национальной экономики в среднесрочной перспективе. Отмечается, что одним из важных векторов построения открытой цифровой экономики является наличие сильного сектора ИКТ, развитию которого оказывается серьезная государственная поддержка и создаются условия для результативного функционирования.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровое государство; ИТ-услуги, Республика Беларусь.

PROSPECTS FOR FORMING A DIGITAL STATE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

E. L. Davydzienka

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: davidenko@bsu.by

The article discusses the main regulatory legal acts aimed at digitalization of the economy of the Republic of Belarus in general and the formation of a digital state in particular. Particular attention is paid to the analysis of the main directions of digital development of the national economy in the medium term. It is noted that one of the important vectors for building an open digital economy is the presence of a strong ICT sector, the development of which is provided with serious state support and conditions for effective functioning.

Keywords: *digital economy, digital state, IT services, Republic of Belarus*

Цифровизации экономики занимает одно из ключевых мест в рамках разработки и проведения политики государства. Так, в Республике Беларусь реализуется Стратегия развития информатизации на 2016—2022 годы [1], принята в 2021 г. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 годы [2], принят Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» [3]. Цифровизация является неотъемлемой частью инновационного развития Республики Беларусь, приоритеты которого определены в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2020—2025 годы [4]. В свою очередь, Парк высоких технологий (ПВТ) является катализатором развития ИТ-сектора страны.

В программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 гг. большая часть финансирования или 80 % от общего объема будет направлена на дальнейшее строительство волоконно-оптической инфраструктуры и развитие единой республиканской сети передачи данных по технологиям LTE (4G) и иным перспективным технологиям. При этом программой предусмотрено сокращение так называемого цифрового неравенства, т. е. обеспечение равного доступа к линиям связи высокой пропускной способности не только городов, но и небольших населенных пунктов. Данная часть программы финансируется преимущественно за счет собственных средств РУП «Белтелеком» и СООО «Белорусские облачные технологии».

Помимо развития технической инфраструктуры, собственные средства РУП «Белтелеком» будут направлены на создание унифицированных систем управления, контроля, учета информации инженерных систем (система «Умный город»), а также оборудование многоквартирных домов и объектов юридических лиц системами цифрового видеоконтроля (система «Видеоконтроль»).

Наибольшая часть средств бюджета или 42 % будет направлена на реализацию проектов по информационному обеспечению деятельности правоохранительных органов и повышению эффективности государственного управления. Среди наиболее значимых проектов этой группы стоит отметить:

- строительство и ввод в эксплуатацию центров обработки данных Минобороны;

- совершенствование инфраструктуры приема и выдачи биометрических документов в подразделениях по гражданству и миграции МВД;

- формирование цифровой платформы нормотворческой деятельности;

- развитие банка данных специальной информации в интересах МВД;

- развитие информационной системы органов финансовых расследований;

- создание национальной платформы контроля и реагирования на инциденты безопасности в ведомственных ИТ-инфраструктурах;

- разработку единой программной платформы органов госбезопасности;

- создание системы сбора, обработки и анализа больших массивов неструктурированных данных специального назначения в интересах органов госбезопасности;

- создание защищенной корпоративной сети органов госбезопасности с использованием устройств криптографической защиты информации отечественного производства [5].

Отдельная группа проектов связана с повышением эффективности контрольных органов, ответственных за своевременность платежей в бюджет и предоставление информации: ИМНС, ФСЗН, ГТК, Национальный статистический комитет. На реализацию мероприятий данной группы предлагается направить около 15 % бюджетных средств. В качестве наиболее важных проектов в этой части можно выделить:

- развитие автоматизированной справочно-статистической системы по труду и социальной защите;

- развитие автоматизированной информационной системы «Расчет налогов»;

- создание интеллектуальной автоматизированной системы обработки и анализа внутренних и внешних источников данных для МНС.

Третья группа, в которую можно объединить мероприятия программы, которые связаны с системой здравоохранения и образования. На это направление выделено около 19 % всего финансирования. Наиболее интересные проекты данной группы:

— создание информационно-образовательного пространства для формирования личности, адаптированной к жизни в информационном обществе (проект «Электронное образование»);

— создание республиканской информационной системы службы скорой медицинской помощи;

— развитие республиканской системы телемедицинского консультирования с созданием сервисов для консультирования пациентов.

И, наконец, четвертая группа представляет собой реализацию проектов по цифровизации экономики с выделением 24 % бюджетных средств. Среди наиболее значимых проектов группы можно выделить:

— создание интеграционной платформы национальной системы электронной логистики (возможности упрощенного весогабаритного контроля, дистанционного медицинского освидетельствования водителей, использование международных электронных накладных и т.д.);

— создание автоматизированной системы оперативного контроля хода работ по геологическому изучению недр и прироста запасов полезных ископаемых;

— разработку и внедрение новых подсистем и сервисов Госстройпортала;

— разработку и внедрение цифровой платформы управления жизненным циклом изделия и управления предприятием на основе технологий четвертой промышленной революции («Индустрия 4.0») на базе ОАО «МТЗ-холдинг», ОАО «Управляющая компания холдинга «Минский моторный завод», ОАО «ММЗ имени С. И. Вавилова — управляющая компания холдинга «БелОМО», ОАО «Полесье»;

— создание национальной торгово-кооперационной платформы для предприятий Беларуси (мероприятие по научному обеспечению);

— создание интегрированной системы цифровой каталогизации белорусских товаров для формирования единого рынка государств — членов Евразийского экономического союза (ИС «Национальный каталог товаров Беларуси») [5].

В целом государственная программа цифрового развития Республики Беларусь на предстоящую пятилетку ориентирована в первую очередь на усиление государственного контроля и повышение эффективности государственного управления.

При этом одним из важных направлений построения открытой цифровой экономики является наличие сильного сектора ИКТ. Например, в Беларуси значимость ИТ-услуг в экономике страны за последние 10 лет существенно увеличилась. Если еще

в 2009 г. доля сектора «Информация и связь» в общем объеме ВВП составляла 2,3 %, то по данным статистического сборника Республики Беларусь «Цифровая экономика — 2021» за 2021 г. этот показатель равнялся 7,4 % [6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016—2022 годы: постановление коллегии Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 30 сентября 2015 г. № 35 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН online. — Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=u215e2913>. — Дата доступа: 09.09.2022.

2. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021—2025 годы» [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoye-razvitiye-belarusi-na-2021-2025-gody>. — Дата доступа: 10.09.2022.

3. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

4. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2020—2025 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 15 сент. 2021 г. № 348 [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

5. Цифровизация в интересах государства [Электронный ресурс] // Экономическая газета. — 16.02.2021. — Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/cifrovizacija-v-interesah-gosudarstva/> — Дата доступа: 13.09.2022.

6. Цифровая экономика — 2020, 2021: краткий статистический сборник [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. — Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/323871553>. — Дата доступа: 03.09.2022.

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

Е Юйху

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: yohoueh@qq.com*

В данной статье раскрывается значение повышения инновационного потенциала малых и средних предприятий (МСП) для экономического развития Беларуси. А по опыту развития Китая доказано, что развитие малого и среднего бизнеса может принести больше пользы для экономического развития.

Ключевые слова: *малые и средние предприятия; инновации; импортозамещение.*

THE POSITIVE VALUE OF SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF THE INNOVATIVE POTENTIAL OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES FOR THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF BELARUS

Ye Yuhu

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: yohoyeh@qq.com

This article reveals the importance of increasing the innovative potential of SMEs for the economic development of Belarus. And according to the experience of China's development, it has been proved that the development of small and medium-sized businesses can bring more benefits to economic development.

Keywords: *small and medium enterprises; innovations; import substitution.*

Помощь и поддержка в улучшении инновационного потенциала МСП на международном уровне является одной из наиболее важных мер для многих стран по содействию инновациям и развитию. Для Беларуси расширение возможностей МСП в области инноваций и развития связано не только с развитием внешней торговли Беларуси, но и с тем, может ли политика Беларуси по импортозамещению добиться лучших результатов.

22 мая 2022 г. Белорусский банк развития выделил 250 млн белорусских рублей на поддержку программы импортозамещения. По словам председателя совета директоров Белорусского банка развития А. Егорова, грантовая программа будет направлена на поддержку развития малых и средних предприятий в поиске более гибкого и эффективного способа замены импортного оборудования. Высокая добавленная стоимость за счет небольших инвестиций. «Эта программа осуществлять кредитование планируется через банки-партнеры. Сейчас мы находимся на стадии заключения договоров с ними. Ставка для бизнеса будет комфортной — это 7,5 % в белорусских рублях. Даже если сравнивать с уровнем инфляции, то это вдвое ниже того уровня инфляции, который у нас есть. В реальном выражении ставка является отрицательной, и она не окажет существенного давления на финансовые показатели предприятия. Но она поможет быстро получить ресурсы, купить оборудование, ввести его в действие и произвести импортозамещающую продукцию» [1]. Можно сказать, что этот план действительно очень выгоден с точки зрения процентных ставок. Из действий Белорусского банка развития видно, что на этот раз план Беларуси по импортозамещению не только силен, но и в основном поддерживает малые и средние предприятия, то есть Беларусь рассматривает малые и средние предприятия как важных участников политика импортозамеще-

ния. Области, в которых сосредоточены эти МСП: проекты женского предпринимательства, экологические проекты, стартапы, региональная поддержка бизнеса и т. д.

Белорусский банк развития до этого оказывал мощную поддержку развитию малого и среднего бизнеса, говорится в сообщении банка: «Содействие развитию малого и среднего бизнеса — один из главных приоритетов деятельности Банка развития. Более семи лет банк реализует собственную уникальную программу поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, за период действия которой было профинансировано более 6,3 тыс. проектов на общую сумму свыше 1,1 млрд белорусских рублей. В текущем году с целью реализации государственной политики по обеспечению стабильного функционирования экономики Банк развития планирует существенно увеличить объем средств, направляемых на поддержку малого и среднего предпринимательства» [2]. План замещения экспорта в Беларуси призван обеспечить производственные мощности для крупных предприятий за счет поощрения развития малых и средних предприятий и в то же время обеспечить потребительский рынок для крупных предприятий. Эти меры могут гарантировать, что крупные предприятия не столкнутся с трудностями в производстве и эксплуатации в условиях экономических санкций из-за рубежа, и в то же время сохранить стабильность внутреннего потребительского рынка. Поведение правительства по оказанию помощи МСП в улучшении их инновационного потенциала получит хорошую обратную связь.

Работа по поддержке малого и среднего предпринимательства в Беларуси будет значительно стимулировать рыночную жизнеспособность Беларуси и стимулировать экономическое развитие. Судя по опыту Китая, помощь правительства в повышении инновационного потенциала МСП даст хорошие результаты в сфере внешней торговли. Взяв в качестве примера экономическое развитие Китая, Китай уже давно прилагает непрерывные усилия по продвижению корпоративных инноваций. Китайское правительство расширило источники венчурного капитала по нескольким каналам, усилив руководство и политическую поддержку для поддержки предпринимательского развития малых и средних предприятий. Китайское правительство также постоянно совершенствовало систему листинга и финансирования технологических компаний, разблокировало внутренние каналы листинга и финансирования для технологических компаний и задействовало финансовую функцию рынка капитала для обслуживания технологических инноваций. В частности, малые и средние предприятия, основанные на технологиях, будут пользоваться спе-

циальной налоговой льготной политикой правительства Китая. Китайские компании, такие как «*Huawei*» и «*Xiaomi*», являются многонациональными компаниями, выросшими из малых и средних инновационных компаний. Успех этих предприятий отражает стремление правительства помогать предприятиям внедрять инновации.

В 2021 г. Китай обнародовал Закон Китайской Народной Республики о научно-техническом прогрессе (пересмотренный в 2021 г.), в статье 39 которого говорится, что: «Государство создает систему технологических инноваций, в которой предприятия являются основным органом и ориентированы на рынок, а предприятия тесно сотрудничают с научно-техническими научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями, направляет и поддерживает предприятия в технологической инновационной деятельности, поддерживает предприятия в лидерстве в решении ключевых национальных научно-технических задач и в полной мере использует Основная роль предприятий в технологических инновациях. Поощрение предприятий к тому, чтобы они стали основным органом принятия решений в области технологических инноваций, инвестиций в научные исследования, организации научных исследований и преобразования достижений, продвижения всех видов инновационных факторов для сбора на предприятиях и улучшать технологические инновационные возможности предприятий» [3]. Китай подтвердил важную роль предприятий, особенно малых и средних предприятий, в инновациях и развитии на собственном опыте экономического развития. Поэтому Китай принял законы, подтверждающие этот ценный опыт экономического развития.

Хотя экономический агрегат отдельного предприятия и количество рабочих мест, обеспечиваемых МСП, невелики, доля их общего размера в социально-экономической системе огромна в любой стране. Хотя крупные предприятия обладают сильной экономической мощью и резервом научно-исследовательских кадров, они могут играть ключевую роль в определенной отрасли и области, что очень важно для повышения экономической и научно-технической мощи страны. Однако инновационные исследовательские проекты этих компаний стоят больших денег и рабочей силы, и часто требуется много времени для разработки их продуктов для преобразования и реализации экономических выгод, и эти разработанные продукты не имеют возможности гибко адаптироваться к требованиям рынка, и часто существует большой риск развития. Малые и средние предприятия зачастую способны гибко менять направление инноваций и развития в соответствии с запросами рынка, быстро занимать соответству-

ющие доли рынка за счет быстроты трансформации инновационных достижений, формировать определенные конкурентные преимущества на международном рынке, могут быстро окупить инвестиционные затраты.

Поскольку поддержка, необходимая для одного МСП, относительно невелика, а количество МСП велико, эти характеристики могут значительно снизить инвестиционный риск правительства. Кроме того, эти малые и средние предприятия часто являются основным рынком для применения инновационных результатов крупных предприятий, что может помочь крупным предприятиям быстро преобразовать инновационные результаты.

Поэтому активное повышение инновационных возможностей МСП будет способствовать развитию белорусской экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Банк развития выделит около Br250 млн на кредитование программы импортозамещения [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 22.05.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/bank-razvitija-vydelit-okolo-br250-mln-na-kreditovanie-programmy-import-ozameshenija-503367-2022/>. — Дата доступа: 31.08.2022.

2. Банк развития в этом году планирует существенно расширить поддержку малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 23.05.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/bank-razvitija-v-etom-godu-planiruet-suschestvenno-rasshirit-podderzhku-malogo-i-srednego-biznesa-503467-2022/>. — Дата доступа: 31.08.2022.

3. 中华人民共和国科学技术进步法(2021年修订) = Закон о прогрессе в науке и технике Китайской Народной Республики-пересмотрено в 2021 г. [Электронный ресурс] // 中华人民共和国科学技术部 = Департамент науки и техники Китайской Народной Республики. — Режим доступа: https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgnr/fgzc/flfg/202201/t20220118_179043.html. — Дата доступа: 31.09.2022.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОДВИЖЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА ВНЕШНИЕ РЫНКИ

А. В. Жук

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: Zhuk@bsu.by*

На основе данных рейтинговых агентств, открытой информации о проектной и научной деятельности проведена оценка продвижения образовательных услуг высших учебных заведений. Анализ данных позволил распределить все учреждения на 4 группы: глобального, международного и регионального уровня, и университеты с потенциалом развития. Определена ключевая позиция, которая не позволяет большинству белорусских вузов конкурировать на

международных рынках в рейтингах из-за недостаточного количества публикаций работников вуза в международных реферативных базах данных.

Ключевые слова: университет; рейтинги университетов; продвижение бренда; эффективность работы; классификация.

EFFICIENCY OF PROMOTION OF THE HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS TO FOREIGN MARKETS

A. V. Zhuk

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: Zhuk@bsu.by

The assessment of the current practice of promoting services in the field of education of higher education institutions was made using data from rating agencies, open information about project and scientific activities. Data analysis made it possible to distribute all institutions into 4 groups: global, international and regional level, universities with development potential. A key position that does not allow most Belarusian universities to compete in international markets through university rankings has been identified – an insufficient number of publications of university employees in international abstract databases.

Keywords: *university; university rankings; brand promotion; performance; classification.*

Мониторинг деятельности образовательных учреждений и оценка эффективности является распространенной практикой и используется в различных странах. В Беларуси ведется различная статистическая отчетность по международной деятельности на университетском, районном, областном и республиканских уровнях. Однако, статистические данные охватывают разные временные периоды и сложно сочетаются. Поэтому существует потребность разработки методики комплексного мониторинга и оценки эффективности, позволяющей не только оценить существующее положение дел, но и спрогнозировать развитие как отдельных опций, так и системы в целом.

Для оценки действующей практики продвижения услуг в области образования учреждений высшего образования был собран набор данных из открытых источников, в который включена следующая информация:

— позиции УВО в рейтингах, места, занимаемые по различным индикаторам вебометрического рейтинга Вебометрикс, участие и позиции в других рейтингах (*QS, SIR, MosUIR, EESA* — были выбраны те рейтинги, где присутствует 2 и более белорусских УВО, поскольку в большом количестве рейтингов представлен только БГУ),

— статистика за 5 лет (с 2016 по 2020 г.) из базы данных *elibrary.ru* о публикациях, цитируемости, количестве авторов,

— участие в международных проектах.

Обоснование выбора индикаторов. Участие в международных рейтингах является актуальным для университетов — высокие позиции являются необходимым условием для конкурентного присутствия на международном рынке образовательных услуг. На данные рейтингов университетов ориентированы зарубежные абитуриенты и их родители, выпускники, работодатели, партнеры, инвесторы и многие другие целевые аудитории. Вне зависимости от отношения к международным рейтингам, в век глобального доступа к информации необходимо принять во внимание, что выбор иностранного абитуриента с большей долей вероятности падет на тот университет, который высоко котируется в мире, и при сопоставимых ценах на обучение абитуриент скорее поедет в университет с более выраженной международной репутацией.

Результаты научной деятельности (публикационная активность) используются всеми международными и региональными рейтингами для оценки и ранжирования. Большинство белорусских университетов не прикладывают усилий для продвижения собственных научных исследований, не стимулируют развитие науки мирового уровня, хотя без этого невозможно привлекать иностранных обучающихся. Все страны-лидеры международного рынка образовательных услуг стараются в первую очередь привлекать в страну талантливую молодежь, акцентируя усилия на магистратуре и аспирантуре, тем самым развивая собственную науку. Доля иностранных студентов, уже имеющих диплом о высшем образовании и продолжающих обучение в США, Китае и странах Европы составляет порядка 30 %, и пока намного меньше для Беларуси. Развитие вузовской науки и смена вектора публикационной активности должна увеличить число белорусских УВО в рейтингах, привлечь больше магистрантов и аспирантов для обучения.

Самым важным индикатором для участия в рейтингах является наличие публикаций в журналах, индексируемых наукометрическими реферативными базами данных *Web of Science* или *Scopus*. Пороговое значение индикатора, после которого можно претендовать на позиции в топ-1000 различных рейтингов, начинается от 100 до 150 работ в год. Планку в 100 работ в 2019 году выполнили 4 университета: БГУ, с большим отрывом, далее БНТУ, БГМУ и БГУИР, остальные данные за 2016—2020 гг. приведены в табл. 1.

Возможность организации научных исследований на мировом уровне является ключевым этапом для продвижения бренда университета на международном рынке. Наличие исследований

открывает следующие каналы распространения информации о вузе, продвижения бренда и наращивания экспорта:

- участие в международных конференциях и выставках,
- опубликование статей в международных научных изданиях,
- организация научных стажировок,
- обучение в аспирантуре и докторантуре, соискательство,
- участие в научных грантах и совместных проектах.

Таблица 1

Количество публикаций в *Scopus* и *Web of Science* белорусских УВО

Учреждение высшего образования	Число статей в журналах, входящих в <i>Web of Science</i> или <i>Scopus</i> в 2016—2020 гг.
БГУ	3515
БНТУ	737
БГМУ	463
БГУИР	450
БГТУ	319
ГГУ	228
ГрГМУ	219
Белорус. мед. акад. последиплом. образ.	204
ГрГУ	203
ГГМУ	164
ВГМУ	133
ГГТУ	90
ВГУ	78
БГУТ	76
ВГТУ	75
БГАТУ	59
ПГУ	54
БРУ	51
МГУ	51

Примечание: наукометрические данные в таблице 1 собраны из одного открытого источника <https://elibrary.ru/> – сайта Научной электронной библиотеки *eLIBRARY.RU*, верификация данных и сравнение с другими источниками не проводилась [1].

Если в начале XXI в. основным каналом привлечения иностранных граждан на учебу за рубеж являлись рекомендации знакомых и родственников, реклама на радио и телевидении,

участие в образовательных выставках и профориентационные мероприятия, то с развитием интернета и глобализацией все большее влияние оказывают рейтинги университетов, информация в Сети и отзывы, а прошлые методы постепенно утрачивают свое значение. Университеты, входящие в топ-1000 глобальных рейтингов, получают преференции со стороны некоторых государств, такие вузы рекомендуются для поступления на законодательном уровне в Туркменистане, Казахстане и Узбекистане. С другой стороны, университеты, не входящие в первую тысячу, неуклонно теряют иностранных студентов.

Участие в проектах и их успешная реализация содействует дальнейшему развитию международного сотрудничества с образовательными и научными учреждениями иностранных государств и повышению конкурентоспособности высшего образования Республики Беларусь в мировом образовательном пространстве в целом.

Используя собранные данные по перечисленным индикаторам и с учетом введенных нами критерием, все УВО Беларуси можно разделить на четыре группы.

Первая группа — университеты глобального уровня, которые имеют следующие критерии. Такое УВО включено в несколько глобальных рейтингов; входит в топ-1000 (QS) и рекомендуется правительствами, например, Узбекистана и Туркменистана для обучения; публикует более 500 работ в журналах, индексируемых наукометрическими реферативными базами данных *Web of Science* или *Scopus* в год; участвует в нескольких международных проектах.

Вторая группа — университеты международного уровня. Главный критерий — УВО входит как минимум в один из глобальных рейтингов. Далее, кроме вебметрикса, публикует более 100 работ в журналах, индексируемых наукометрическими реферативными базами данных *Web of Science* или *Scopus* в год; участвует в международных проектах.

Третья группа — университеты с потенциалом развития. УВО имеет больше одной публикации, относящихся к 10 % лучших по цитированию, желательно участие в специализированных рейтингах (не учитывая вебметрикс и *unirank*), более 50 публикаций за 5 последних лет в журналах, индексируемых наукометрическими реферативными базами данных *Web of Science* или *Scopus* в год, участвует хотя бы в одном международном проекте, либо имеет опыт подачи заявок.

Четвертая группа — университеты регионального уровня. Публикации мирового уровня практически отсутствуют, в международных проектах участие не принимают. В рейтингах представлены только в вебметрикс и *unirank*.

В результате проведенного анализа нами проранжированы белорусские университеты по четырем группам, который приведен в табл. 2 с пояснениями.

Таблица 2

Классификация УВО Беларуси по группам

Группа	УВО	Комментарии, пояснения
I. Глобальные университеты	БГУ	По всем направлениям опережает конкурентов внутри страны
II. Университеты международного уровня	БНТУ	Имеет журнал, индексируемый <i>Scopus</i>
	БГУИР	
	ГрГМУ	
	ГрГУ	
III. Университеты с потенциалом развития	БГМУ	За счет роста публикаций в <i>Scopus</i> удалось за последний год попасть в 2 глобальных рейтинга, но вуз оставлен в 3 группе из-за неучастия в международных проектах.
	ГГУ	Много международных проектов, известный научный центр по математике
	БГТУ	Участствует в региональном рейтинге <i>EECA</i>
	ПГУ	Участствует во многих международных проектах
	БГСА	
	БрГТУ	Активно участвует в международных проектах
	БрГУ	
	ВГМУ	Участвуют в рейтинге <i>THE Impact</i>
	ГГТУ	
	ВГУ	
	БГПУ	
БГЭУ		
IV. Университеты регионального уровня	Остальные УВО Беларуси	

Источники: разработка авторов по [1].

Эффективность работы учреждений высшего образования Республики Беларусь по повышению конкурентоспособности на мировом рынке услуг в области образования предлагается оценивать с помощью критериев и показателей, используемых

международными рейтингами университетов, в первую очередь наукометрических индикаторов, определяемых по публикациям в *Scopus* и *Web of Science*. Анализ текущего состояния УВО Республики Беларусь позволил выделить 5 университетов, которые уже относятся к глобальному и международному уровню и могут конкурировать на международных рынках образовательных услуг. Другую группу представляют 12 учреждений, у которых есть потенциал для развития в среднесрочной перспективе, который может быть реализован при проработке возможностей улучшения индикаторов международных рейтингов и имплементации соответствующей дорожной карты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Научная электронная библиотека ELIBRARY.RU [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/>. — Дата доступа: 01.09.2022.

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

К. С. Журавская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: kseniazhuravskaya@gmail.com*

Страны Европейского союза по праву считаются форвардами в формировании зеленой экономики, ставя устойчивостью одним из основных приоритетов своего развития. В данной статье рассматривается система регулирования зеленой экономики в ЕС, в частности нормативно-правовая база, стимулирующая использование зеленых практик представителями бизнеса. На основе анализа основных документов, действующих сегодня в ЕС, выделены основные вызовы для данной системы и перспективы ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: *зеленая экономика; устойчивое развитие; Европейская «Зеленая сделка»; зеленое финансирование; таксономия устойчивого финансирования.*

ABOUT THE REGULATION OF THE GREEN ECONOMY IN THE EUROPEAN UNION

K. S. Zhuravskaya

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: kseniazhuravskaya@gmail.com*

The countries of the European Union are rightfully considered forwards in the formation of a green economy, making sustainability one of the main priorities of their development. This article discusses the green economy regulation system in the EU, in particular the regulatory framework that encourages the use of green practices

by business representatives. Based on the analysis of the main documents currently in force in the EU, the main challenges for this system and the prospects for its further development are highlighted.

Keywords: *green economy; sustainable development; European Green Deal; green financing; sustainable finance taxonomy.*

В декабре 2022 г. исполняется три года с момента представления широкому вниманию Европейской «Зеленой сделки» (*European Green Deal*, далее — *EGD*) — подробного плана по декарбонизации экономики Европейского союза, включающего в себя масштабный пакет мер по стимулированию зеленых технологий и инноваций, сокращению загрязнения окружающей среды и, в том числе, перестройке энергетической сферы стран-членов ЕС.

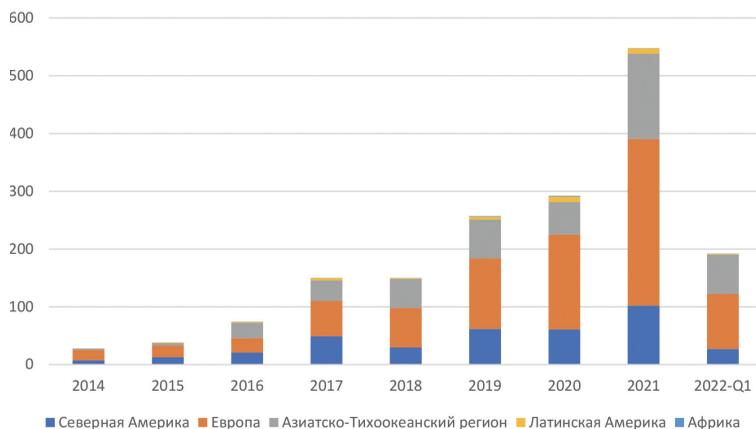
Дорожная карта предполагает инвестиции в размере 1-2% от ВВП на развитие зеленой экономики (включая создание зеленых рабочих мест, новой промышленной инфраструктуры и разработку экоиноваций) и достижение углеродной нейтральности к 2050 г., что являлось достаточно амбициозными целями еще на момент публикации сделки. Сейчас же, в условиях глубокого энергетического кризиса, зеленая повестка для европейских стран приобретает амбивалентный характер: с одной стороны, предлагаемый в *EGD* переход к возобновляемой энергетике, в том числе атомной, способствует достижению энергетической безопасности; с другой — это требует значительных инвестиций как от частного сектора, так и от государства. Сложившаяся ситуация делает изучение экологизации экономик стран — членов ЕС еще более актуальным.

Европейский регион является глобальным лидером по использованию зеленых инструментов. Так, в 2021 г. Европа отвечала практически за 50% объема выпущенных зеленых облигаций, которые являются одним из самых действенных инструментов для финансирования экологических проектов. В целом если рассмотреть динамику выпуска зеленых облигаций за промежуток 2014—2021 гг., можно заметить, что именно Европа является самым активным игроком на рынке зеленого финансирования (см. рисунок).

При этом, из первой десятки стран-лидеров по выпуску зеленых облигаций шесть являются членами ЕС — Германия, Франция, Нидерланды, Испания, Италия, Швеция.

Для Европы рынок зеленого финансирования является одним из ключевых, поскольку, как уже упоминалось, для перехода к зеленой экономике потребуются большой объем инвестиций. Европейская комиссия объявила, что для имплементации *EGD* будет

привлечено порядка 1 трлн евро, однако это только предварительный прогноз и вполне вероятно, что инвестиций потребуется гораздо больше [2].

Региональная динамика объемов выпуска зеленых облигаций, 2014—2021 гг., млрд дол. США

Источники: [1].

Дополнительному привлечению капитала для финансирования зеленых проектов способствует разработка соответствующей нормативно-правовой базы и создание экономических стимулов.

Одним из наиболее значительных документов является Таксономия устойчивых проектов ЕС (*EU taxonomy for sustainable activities*), вступившая в силу летом 2020 г. Этот документ призван уточнить дефиниции и критерии для отнесения тех или иных проектов к зеленым, а также минимизировать возможность гринвошинга, т. е. позиционирования компании как экологичной без достаточных на то оснований.

Сегодня европейская таксономия является одной из самых часто используемых, при этом на ее основе составляются таксономии и других стран мира, где данный инструмент только начинает использоваться. Она реализуется с помощью трех делегированных актов: *Climate Delegated Act*, *Disclosure Delegated Act* и *Environmental Delegated Act*. В широком смысле все они предназначены для более детального установления критериев соответствия требований к финансовым институтам и представителям бизнеса.

Одно из существенных дополнений в документ было внесено в 2022 г. как раз на фоне разворачивающегося энергетического

кризиса — в таксономию внесли атомную энергетику и природный газ как относительно зеленые и устойчивые виды получения энергии. Данное решение считается неоднозначным и до сих пор активно обсуждается европейскими странами. К примеру, во Франции, где более 70—80 % электроэнергии получают при помощи АЭС, к данному решению отнеслись исключительно позитивно (как и в Польше, Словакии и Венгрии), а вот Германия, Дания, Австрия и Люксембург это решение не поддерживают. Существование коренных противоречий между странами Европы по ряду вопросов является одним из самых значительных вызовов, с которым столкнулся ЕС в борьбе за охрану окружающей среды.

Вторым значимым документом является Регламент по европейским зеленым облигациям, также принятый в рамках реализации «Зеленой сделки». Уже упоминалось, что зеленые облигации играют важную роль при переходе к зеленой экономике и особенно это заметно именно в европейских странах, где выпуск зеленых облигаций давно и стабильно используется в качестве инструмента экологизации экономики.

Регламент призван создать добровольно принимаемый стандарт, охватывающий все европейские страны, и работает в связке с таксономией, при этом внешние эксперты обязательно проверяют проекты на соответствие всем предъявляемым критериям. Введение внешних верификаторов является характерной особенностью Регламента, отличающим его от других действующих рекомендаций, к примеру стандартов Международной ассоциации рынков капитала.

При всей строгости критериев, регламент носит рекомендательный характер и не обязателен к исполнению. Это ставит под вопрос его эффективность в обеспечении прозрачности и борьбе с гринвошингом [3].

Одной из самых главных задач, которые стоят перед ЕС сегодня, является сохранение зеленой повестки в качестве приоритета во всех странах объединения. Несмотря на насущность минимизации климатических рисков, разворачивающийся геополитический кризис стал причиной того, что страны ЕС нарастили использование угля и уже к концу 2022 г. прогнозируется увеличение потребления этого ресурса на 7 % по сравнению с 2021 г. [4]. Не стоит забывать также и о смещении фокуса в сторону сферы здравоохранения, которая потребовала рост доли финансирования в связи с пандемией *COVID-19*.

Таким образом, в данный момент регулирование зеленой экономики в ЕС носит фрагментарный характер, но при этом постоянно находится в состоянии совершенствования, адаптируясь

под экономические и геополитические условия. При этом нельзя не отметить, что противоречия между странами-членами ЕС по вопросам зеленого регулирования нарастают как в отношении отдельных решений (принятие атомной энергетики в качестве устойчивой альтернативы), так и в целом по всей EGD: к примеру, премьер-министр Чехии призвал страны ЕС и вовсе отказаться от «Зеленой сделки», объясняя это необходимостью использовать уголь для обеспечения энергетической безопасности.

Реализация EGD во многом зависит от способности Европейского союза преодолеть эти внутренние противоречия, а также от четко прописанного плана по финансированию всех запланированных мероприятий. Это позволит странам Восточной и Центральной Европы, обеспокоенным высокими издержками перехода к зеленой экономике, не столь негативно воспринимать нововведения, касающиеся ископаемого топлива и масштабных преобразований в промышленном секторе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Interactive Data Platform 2021 [Electronic resource] // Climate Bond Initiative. — Mode of access: <https://www.climatebonds.net/market/data/>. — Date of access: 14.09.2022.
2. Brühl, V. Green Finance in Europe — Strategy, Regulation and Instruments / V. Brühl [Electronic resource] // Intereconomics. — 2021. — Vol. 56, N 6. — Mode of access: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2021/number/6/article/green-finance-in-europe-strategy-regulation-and-instruments.html>. — Date of access: 14.09.2022.
3. Санникова, Л. В. Проблемы правового обеспечения «зеленого» финансирования в ЕС и России / Л. В. Санникова // Финансовый журн. — 2021. — Т. 13, № 5. — С. 29—43.
4. Coal market update [Electronic resource] // IEA. — July 2022. — Mode of access: <https://www.iea.org/reports/coal-market-update-july-2022/demand>. — Date of access: 14.09.2022.

РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

А. К. Кенжебеков¹⁾, Н. В. Юрова²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: a.kenzhebekov@mfa.kz*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: yurova@bsu.by*

В статье определены современное состояние, риски и перспективы экономической интеграции в рамках ЕАЭС, предложены дополнительные меры по активизации интеграционного сотрудничества стран-участниц с целью снижения негативного эффекта от применения санкционной политики со стороны западных стран. Выявлены современные приоритеты развития ЕАЭС: разра-

ботка евразийской программы импортозамещения; снятие взаимных торговых барьеров; развитие институциональной инфраструктуры и подтверждена роль регионального экономического интеграционного сотрудничества в условиях санкционного давления.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; экономическая интеграция; санкции; экономическая безопасность; приоритеты.

RISKS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC INTEGRATION WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

A. K. Kenzhebekov^a, N. V. Yurova^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: a.kenzhebekov@mfa.kz

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: yurova@bsu.by
Corresponding author: A. K. Kenzhebekov (a.kenzhebekov@mfa.kz)

The article defines the current state, risks and prospects for economic integration within the EAEU, proposes additional measures to enhance the integration cooperation of the participating countries in order to reduce the negative effect of the application of sanctions policy by Western countries. The current priorities for the development of the EAEU have been identified: the development of a Eurasian import substitution program; removal of mutual trade barriers; development of institutional infrastructure and confirmed the role of regional economic integration cooperation in the face of sanctions pressure.

Keywords: Eurasian Economic Union; economic integration; sanctions; economic security; priorities.

Стремительное изменение международной ситуации в сфере экономической безопасности выявило существенные противоречия между странами Запада и Востока. Четче стали выражены интересы и границы экономических и военно-политических союзов, активизировались торговые и энергетические войны. На экономики стран региона за последние годы также негативно повлияли фактор пандемии и широкомасштабное санкционное давление Запада на Россию и Беларусь, затронувшее все страны — участницы Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Республика Беларусь как страна с малой открытой экономикой стремится соблюдать весь комплекс национальных интересов при выстраивании отношений со странами-членами внутри интеграционного объединения. В частности, традиционно обладая развитым промышленным потенциалом вследствие модернизации производства, белорусская экономика сохраняет экспортоориентированную направленность экономики. Постоянный поиск рынков сбыта своей продукции (тракторы, грузовые автомобили, мебель, холодильники) влияет на совершенствование внешнеэкономической политики страны. В этой связи участие Беларуси в

ЕАЭС в условиях отсутствия таможенных пошлин, открывает для Беларуси большие возможности и приносит значительные экономические выгоды [1].

Наиболее активно взаимодействуют друг с другом те страны ЕАЭС, которые значительно экономически сблизились еще во времена существования Таможенного союза: Россия, Казахстан и Беларусь. За годы совместной работы произошла тесная кооперация между белорусскими, российскими и казахстанскими компаниями:

— в области автомобилестроения: со стороны Беларуси — «БелАЗ», «МАЗ», со стороны России — «Силловые машины», «КамАЗ», «ГАЗ»;

— тракторостроение: со стороны Беларуси — МТЗ, «Гомсельмаш», со стороны России — «Ростсельмаш», «ЧТЗ-Уралтрак»;

— в области радиоэлектроники осуществляется взаимодействие между компаниями «Интеграл», КБ «Дисплей» (Беларусь) и «Ангстрем» (Россия);

— в машиностроении между Казахстаном и Беларусью реализуются восемь проектов: сборка тракторов, зерно- и кормоборочных комбайнов, двигателей, пресс-подборщиков, лифтов, специальной (коммунальной и пожарной) техники, различных видов прицепной сельскохозяйственной техники и медицинского оборудования и сервисное обслуживание карьерной и шахтной техники;

— в области поставок военной техники поставляются машины для Вооруженных сил Казахстана (ВС РК) со стороны компании «Мидивисана» (Беларусь) и «КазИнжЭлектроникс» (Казахстан). В области поставок бронетехники для нужд ВС РК работают «Уралвагон завод» (Россия) и «Семей Инжиниринг» (Казахстан)» [2].

В целом ЕАЭС может стать одним из сильнейших центров силы на прострaнстве Евразии (между ЕС и Китаем) и тем самым предоставить странам-участницам соответствующие конкурентные преимущества. Западная санкционная политика в отношении России и Беларуси является сдерживающим фактором их развития и модернизации. Санкции ограничили доступ к западным рынкам финансового капитала, а также ко многим критически важным технологиям. Поэтому для России и Беларуси особенно важным становится поиск новых источников роста и моделей развития. Сегодня России и Беларуси необходимо компенсировать нарушенные партнерские связи с Западом более активным налаживанием аналогичных связей на других направлениях. В этой связи, развитие евразийского экономического сотрудничества становится важнейшим приоритетом.

Перспектива дальнейшего движения стран ЕАЭС определена в рамках Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [3]. Данный документ включает конкретные меры, раскрывая механизмы прямого действия. К примеру, упорядочивание устранения барьеров и предотвращение создания новых, а также развитие общего платежного пространства, расширение использования национальных валют во взаимных расчетах. Предполагается, что до 2025 г. страны ЕАЭС будут стремиться к формированию общих интеграционных политик путем гармонизации национальных законодательств и унификации стандартов в торговой, промышленной, финансовой, энергетической и других сферах. В то же время этот процесс и сама Стратегия будут сопровождаться актуализацией евразийской повестки в целях обеспечения жизнеспособности и конкурентности Экономического союза на глобальном рынке. Одновременно это может осложняться сугубо национальными интересами интегрируемых экономик, в контексте реализации политик импортозамещения и протекционизма. Периодически будет возникать вопрос политизации Экономического союза и наделения более широкими полномочиями Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) [4].

Существует целый ряд рисков для экономики евразийского региона. Так, остается актуальным для некоторых стран-участниц вопрос попытки политизации экономических процессов в ЕАЭС в контексте ответных мер в адрес коллективного Запада. Это в итоге может вовлечь страны-участницы, не подлежащие санкционному давлению, в экономическую конфронтацию со странами Запада и распространение на них косвенных санкций.

Помимо этого, сохраняется риск стагнации объема перевозок грузов всеми видами транспорта и снижение объема пассажиро-перевозок в направлении ЕС. Негативное влияние также распространяется на финансовые системы стран — членов ЕАЭС. Укрепление российского рубля и динамика роста и падения на российском фондовом рынке влияют на курсы валют других стран ЕАЭС и их фондовые рынки. Сохраняется высокая вероятность риска вторичных санкций.

Продвижение идеи стратегического импортозамещения может стать позитивным импульсом для минимизации негативного влияния на экономическую ситуацию всего евразийского региона. При том, что внутренние рынки стран — участниц ЕАЭС обладают значительными сырьевыми ресурсами для развития импортозамещения [5]. В качестве перспективной области следует активизировать строительство совместных предприятий и производств. Также следует обратить внимание на расширение

сфер для снятия торговых барьеров. Данный шаг послужит как для устранения препятствий во внутренней торговле и развитии конкурентных условий для бизнеса, так и для повышения уровня организационного единства [6].

Еще одним позитивным направлением развития интеграции в рамках ЕАЭС является развитие институциональной инфраструктуры. Прежде всего, это создание общего рынка биржевых торгов товарами. В связи с этим Беларусь предложила сформировать общий рынок на основе действующих бирж. На первом этапе осуществлять торговлю с участием национальных участников бирж, а на втором этапе неудовлетворенные заявки национальных бирж направлять в специально созданный Международный центр обработки данных для дальнейшего поиска встречных предложений и оформления сделок. Плюс такого подхода — гарантированное обеспечение потребностей внутреннего рынка и интересов национальных участников. При этом осуществлять торги на всех национальных биржах путем допуска к торгам представителей всех стран Союза, что позволит создать конкуренцию между национальными товарными биржами и будет стимулировать их развитие [7].

Таким образом, ЕАЭС устойчиво развивается, несмотря на возрастающие внутренние риски и санкционное давление извне на отдельные страны-участницы. И от того, насколько страны-участницы смогут адаптироваться к новым экономическим и политическим условиям зависит успех всего Евразийского экономического союза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Приоритетные направления внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: https://mfa.gov.by/foreign_policy/priorities/. — Дата доступа: 15.03.2022.
2. Технологическая кооперация и повышение конкурентоспособности в ЕЭП / Евразийский банк развития. — СПб., 2013. — 92 с.
3. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — 14.01.2021. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-01-2021-1.aspx>. — Дата доступа: 15.03.2022.
4. «Мы изучаем все плюсы и минусы». Абдулазиз Камиллов — о членстве в ЕАЭС [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. — 28.10.2021. — Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/95803/>. — Дата доступа: 15.03.2022.
5. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2021: междунар. докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам разви-

тия экономики и общества, Москва, 13—30 апр. 2021 г. / М. К. Глазатова (рук. авт. кол.), Д. Н. Ахвердян, Р. Б. Тадевосян [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высш. Шк. экономики, 2021. — 253 с. [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. — Режим доступа: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/464951674.pdf>. — Дата доступа: 15.03.2022.

6. В ЕЭК подсчитали выгоды от импортозамещения в Евразийском союзе / [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — 05.04.2022. — Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/v-eek-podschitali-vygody-ot-importozameshcheniya-v-evraziyskom-soyuze/>. — Дата доступа: 15.03.2022.

7. Беларусь и Россия предложили схемы формирования общего биржевого рынка товаров ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — 22.04.2022. — Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/belarus-i-rossiya-predlozhili-skhemu-formirovaniya-obshchego-birzhevogo-rynka-tovarov-eaes/>. — Дата доступа: 15.03.2022.

ОСОБЕННОСТИ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИЙ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

А. И. Киселевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: ai.kiselevich@gmail.com*

В настоящее время ЕАЭС активно переходит на инновационный путь развития. Совет Евразийской экономической комиссии принял план по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Одним из направлений стратегии является объединение усилий для стимулирования инновационного развития и объединения усилий для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ. Целью исследования является анализ особенностей коммерциализации инноваций в странах ЕАЭС, а также разработка практических рекомендаций по совершенствованию коммерциализации инноваций в этих странах. Объектом исследования служит коммерциализация инноваций в странах ЕАЭС, а предметом исследования — особенности коммерциализации инноваций в выбранных странах. В статье предложены направления совершенствования коммерциализации инноваций в странах ЕАЭС.

Ключевые слова: коммерциализация инноваций; ЕАЭС; инновационное развитие; экономика знаний; евразийская модель коммерциализации инноваций.

FEATURES OF COMMERCIALIZATION OF INNOVATIONS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES

A. I. Kiselevich

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: ai.kiselevich@gmail.com*

Currently, the EAEU is actively moving to an innovative path of development. The Council of the Eurasian Economic Commission adopted a plan for the implementation of the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until

2025. One of the directions of the strategy is to combine efforts to stimulate innovative development and to combine efforts to stimulate joint research and development. The purpose of the study is to analyze the features of the commercialization of innovations in the EAEU countries, as well as to develop practical recommendations for improving the commercialization of innovations in these countries. The object of the study is the commercialization of innovations in the EAEU countries, and the subject of the study is the features of the commercialization of innovations in the selected countries. The article suggests directions for improving the commercialization of innovations in the EAEU countries.

Keywords: commercialization of innovations; EAEU; innovative development; knowledge economy; Eurasian model of commercialization of innovations.

Для общей оценки инновационного и научного потенциалов стран ЕАЭС выбран Глобальный инновационный индекс. Позиции государств-членов ЕАЭС в Глобальном инновационном индексе — 2021 представлены следующим образом: Республика Армения — 69 место; Республика Беларусь — 62 место; Республика Казахстан — 79 место; Республика Киргизия — 98 место; Российская Федерация — 45 место. В ЕАЭС отмечены особенности, характерные для каждой из выбранных стран.

Армения. В 2020 г. затраты на НИОКР в Армении составляли 0,2 % (в % к ВВП). Экспорт высокотехнологичных товаров, в % от промышленного экспорт в Армении составляет 7 % (по данным на 2018 г.) [1].

Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, в 2020 г. составило 65 единиц. Отмечено, что с 2012 г. число таких организаций сокращается: в 2012 г. — 72 единицы, в 2016 г. — 69 единиц, в 2020 г. — 65 единиц [2].

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, с 2010 г. также сократилась на 31 %: в 2010 г. — 6558 человек, в 2020 г. — 4499 человек. Наблюдается постоянная тенденция к ежегодному сокращению [2].

В Армении недостаточным образом развито взаимодействие и сотрудничество науки и бизнеса, т. е. наука не ориентируется на потребности и запросы бизнес-сообщества, а бизнес-сообщество не заинтересовано в кооперации с научным сектором.

В настоящее время существуют определенные организационно-управленческие барьеры для развития наукоемкого сектора, в частности, трудность межотраслевых и межорганизационных взаимодействий, ориентация на сложившиеся рынки и на краткосрочную окупаемость, сложность согласования интересов участников инновационных процессов. Эти барьеры тормозят формирование научно-производственных кластеров как важного элемента национальной инновационной системы [3].

С целью преодоления и ликвидации существующих барьеров и проблем, в Армении используется следующий набор мер: уси-

ление финансирования (в том числе за счет привлечения бизнес-сообщества); предоставление дополнительных налоговых льгот для предприятий и компаний, относящихся к инновационным или разрабатывающих технологии, которые имеют потенциал коммерциализации; совершенствование средств сбора статических данных.

Беларусь. Уровень финансирования науки в Республике Беларусь остается на низком уровне, не превышая 0,68 % ВВП. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП выросла на 4 % и составила 39,9 %, наукоемкость ВВП также увеличилась (на 0,09 %) — 0,59 %. В Беларуси количество исследователей на млн жителей в 2020 г. установилось на уровне 1774 человек [4]. Число организаций, которые выполняли научные исследования и разработки, в 2020 г. составило 451 единицу. С 2017 г. наблюдается тенденция к незначительному росту [4].

В настоящее время в Беларуси существуют проблемы инновационного развития различного характера. По мнению Е. Ботеновской [5], факторы, которые сдерживают инновационное развитие Республики Беларусь, можно классифицировать по ряду групп. Автор диссертационного исследования также нашел ряд подтверждений для данной точки зрения.

Первой группой выступают структурно-экономические факторы [5]. Данная группа факторов оказывает влияние на формирование среды и возникновение инноваций. Опыт европейских стран показывает, что именно исключение данных факторов способствует росту эффективности реализации инновационного потенциала страны.

Выделены также организационные факторы, такие как неразвитая инновационная инфраструктура, недостаточное правовое обеспечение научно-технической и инновационной деятельности, недостаток высококвалифицированных кадров [5].

К факторам финансирования отнесены недостаток финансовых ресурсов, высокие финансовые риски при реализации инновационных проектов, высокая налоговая нагрузка и др. [5].

Казахстан. С 2016 г. по 2020 г. затраты на НИОКР сократились и составляют 0,1 % ВВП [1]. Темпы прироста ВВП с 2017 г. также имеют тенденцию к снижению.

Низкие расходы на НИОКР в Казахстане (0,1 % ВВП) значительно ниже, чем в других странах данного региона (например, в России и Украине) [1]. В настоящее время в Казахстане реформируется научно-исследовательский сектор, увеличиваются бюджетные ассигнования в науку.

Сектор науки и технологий характеризуется наличием научно-исследовательских институтов, созданных при плановой экономике. Исследовательские учреждения, преимущественно отраслевые, финансируются государством. Университетский сектор, технопарки и бизнес-инкубаторы не являются главными генераторами знаний в сфере инноваций и не взаимодействуют между собой [6].

Проблемой инновационной политики Казахстана является низкий внутренний спрос на инновации, обусловленный низким уровнем конкуренции и специализации в традиционных секторах экономики, сопровождающиеся низкими темпами технического прогресса. Значительная часть инноваций генерируется на рынке машинного оборудования и бизнес-сообщества, часть спроса на технологические потребности реализуется за рубежом. На рынке потребительских товаров доля инноваций незначительна ввиду низкого на них спроса, зависимости от импорта и ограниченности рынка. В Казахстане, как и в других странах с переходной экономикой, большая часть научных исследований проводится в государственных учреждениях, отсутствует вовлеченность частного сектора.

Кыргызстан. Расходы на НИОКР (% ВВП) Кыргызстана составляют 0,2 % [1]. Количество ученых, занятых в сфере НИОКР, составляет 596 человек на млн (по данным за 2020 г.).

В Кыргызстане принят ряд стратегических документов по инновационному развитию [1]. Документы носят фрагментарный характер, что не обеспечивает комплексного подхода к построению инновационной политики. В нормативных документах отсутствует комплексное регулирование инновационной деятельности. Малый и средний бизнес не вовлечен в инновационное развитие Киргизии.

Государственная служба интеллектуальной собственности и инноваций при Правительстве Кыргызской Республики является основным государственным органом, уполномоченным осуществлять реализацию единой государственной инновационной политики [7; 8].

Основной задачей национальной инновационной системы Кыргызстана является содействие процессу заимствования иностранных технологий через механизмы трансфера технологий, поскольку Киргизия не обладает достаточным финансовым обеспечением для инновационного «рывка».

Актуальное состояние инновационной политики Кыргызстана объясняется множеством факторов: не разработаны механизмы и стимулы реализации инновационных проектов, не создана инновационная структура (исходя из потребностей бизнеса), не

вовлечены отечественные и иностранные инвесторы на должном уровне, отсутствует эффективная система кредитования с целью поддержки инноваций и др.

В настоящее время правительством Кыргызстана реализуется политика увеличения доли производства высокотехнологичной и наукоемкой продукции, роста удельного веса продукции научно-инновационной деятельности в структуре ВВП.

Российская Федерация. Расходы России на НИОКР составляют около 1 % ВВП (мировой благоприятный показатель — около 2,5 %) [1]. Показатель, отражающий количество специалистов, занятых в разработке и создании новых знаний, продуктов, процессов, методов или систем управления соответствующими проектами, в 2020 г. установился на уровне 2 784,3 на млн человек [1].

Среди конкурентных преимуществ российской инновационной политики можно отметить высокий уровень распространения высшего образования и значительный объем внутреннего рынка [9; 10].

На российском рынке на сегодняшний день существует ряд проблем в области коммерциализации инноваций. Первой проблемой является незавершенность большинства исследований: существует базовый вариант будущего товара или услуги с набором функциональных характеристик, с отображением его основных свойств и характеристик [10]. Второй актуальной проблемой является поиск необходимых финансовых средств для финансирования разработки, а также инвесторов в рамках коммерциализации. Третья проблема — это низкая юридическая грамотность разработчиков в области защиты объектов интеллектуальной собственности и их рыночного использования.

Таким образом, страны ЕАЭС характеризуются значительной дифференциацией как текущего уровня инновационного развития и коммерциализации инноваций, так и потенциальными возможностями для их совершенствования. Наибольших успехов в данном направлении достигла Российская Федерация.

Проведенный анализ позволил выделить *евразийскую модель коммерциализации инноваций*, характерную для стран ЕАЭС, в частности, для модели характерно следующее.

— Низкая доля расходов на НИОКР: в большинстве стран — менее 0,5 % ВВП, в России — 1 %. Это обуславливает низкое количество инноваций, их высокую стоимость и низкий и неудовлетворенный спрос на них.

— Значительная дифференциация доли государственных расходов на образование, в % от ВВП (от 2,6 % до 6,0 % от ВВП).

— Национальная инновационная система стран ЕАЭС представлена четырьмя — пятью уровнями [18].

— Государственная поддержка инновационных проектов, которые основываются на технологиях пятого и шестого технологических укладов, предусматривающие внедрение отечественных технологий, а также создание полного инновационного цикла производства от этапа идеи до запуска производства в рамках финансирования государственных программ инновационного развития.

— Дифференциация государственной поддержки инновационных программ и использование косвенных механизмов государственного стимулирования инноваций (налоговые, таможенные и другие преференции).

— Низкая вовлеченность частного сектора в финансирование инноваций, неразвитость венчурного финансирования (например, функционирует Российско-белорусский фонд венчурных инвестиций).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. World Bank Open Data: free and open access to global development data [Electronic resource] // The World Bank. — Mode of access: <https://data.worldbank.org/>. — Date of access: 12.12.2020.

2. Мировой атлас данных [Электронный ресурс]: страны // Кноема. — Режим доступа: <https://knoema.ru/atlas>. — Дата доступа: 15.03.2020.

3. Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году / Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. — Париж: ЮНЕСКО, 2016. — 794 с.

4. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. — Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. — 118 с.

5. Ботеновская, Е. Направления и механизмы реализации инновационной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Е. Ботеновская // Банк. вестн. — 2014. — № 1. — Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/articles/9936.pdf>. — Дата доступа: 12.12.2020.

6. Обзор инновационного развития Казахстана [Электронный ресурс] / Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций. — Нью-Йорк; Женева, 2012. — Режим доступа: [ghttps://unesco.org/fileadmin/DAM/ceci/publications/icp5_r.pdf](https://unesco.org/fileadmin/DAM/ceci/publications/icp5_r.pdf). — Дата доступа: 12.11.2020.

7. Кенеш, У. У. Основные направления создания инфраструктуры инновационной деятельности в Кыргызской республике / У. У. Кенеш [Электронный ресурс] // Креативная экономика. — 2016. — Т. 10, № 9. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-sozdaniya-infrastruktury-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-kyrgyzskoy-republike>. — Дата доступа: 11.11.2020.

8. Кенеш, У. У. Инновационная политика Кыргызстана в условиях снижения экономической активности [Электронный ресурс] / У. У. Кенеш // Kirgizistan-Türkiye Manas Üniversitesi. — Режим доступа: <http://journals.manas.edu.kg/oldarchives/2016-3-71/kenesh.pdf>. — Дата доступа: 21.12.2020.

9. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение правительства Рос. Федерации от 8 дек. 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс] // Правительство России. — Режим доступа: <http://government.ru/docs/9282/>. — Дата доступа: 12.12.2020.

10. Удальцова, Н. Л. Национальная инновационная система Швеции: стратегия развития и факторы успеха / Н. Л. Удальцова, К. С. Чирухина, А. А. Федорова [Электронный ресурс] // Вопросы экономики и права. — 2015. — № 2. — Режим доступа: https://law-journal.ru/files/pdf/201502/201502_97.pdf. — Дата доступа: 10.09.2020.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ БЕЛОРУССКОГО РЫНКА СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ

А. И. Киселевич¹⁾, Е. В. Анохина²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: ai.kiselevich@gmail.com

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: anokhina.study@gmail.com

Мировой рынок M&A развивается в соответствии с мировой экономической конъюнктурой. В условиях нестабильной общественно-политической и социально-экономической обстановки компании пересматривают свои стратегии развития, часть из них обращается к слияниям и поглощениям. В статье проведен анализ современного состояния белорусского рынка слияний и поглощений. Проведено исследование сделок по слияниям и поглощениям по количеству и стоимости, отдельно рассмотрены IT-сектор и банковское дело. Целью исследования является изучение современного состояния и тенденций белорусского рынка слияний и поглощений. Объект исследования — стратегия слияния и поглощения. Предметом исследования выступают особенности и современные тенденции развития рынка слияний и поглощений в мировой экономике и в Республике Беларусь.

Ключевые слова: слияния и поглощения; корпоративный менеджмент; IT; банковский сектор; Республика Беларусь; сделки слияния и поглощения.

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF THE BELARUSIAN MERGER AND ACQUISITION MARKET

A. I. Kiselevich^a, E. V. Anokhina^b

^a Belarusian State University,
Niezalieznasci Avenue, 4, 22003, Minsk, Belarus, e-mail: ai.kiselevich@gmail.com

^b Belarusian State University,
Niezalieznasci Avenue, 4, 22003, Minsk, Belarus, e-mail: anokhina.study@gmail.com
Corresponding author: E. V. Anokhina (anokhina.study@gmail.com)

The global M&A market is developing in accordance with the global economic environment. In an unstable socio-political and socio-economic environment, companies are revising their development strategies, some of them are turning to mergers and acquisitions. The article analyzes the current state of the Belarusian M&A market. A study of mergers and acquisitions in terms of quantity and value was

carried out, the IT sector and banking were considered separately. The purpose of the study is to study the current state and trends of the Belarusian M&A market. The object of research is the strategy of mergers and acquisitions. The subject of the study are the features and current trends in the development of the mergers and acquisitions market in the global economy and in the Republic of Belarus.

Keywords: mergers and acquisitions; corporate management; IT; banking sector; Republic of Belarus; mergers and acquisitions.

2021 г. стал очень насыщенным для рынка слияний и поглощений (далее — M&A). Однако такой стремительный рост во многом связан с тем, что в предыдущие периоды развитие M&A было сдержано кризисами в здравоохранении, экономике, социальной сфере. Экономика постепенно приспосабливается к новым условиям, поэтому эксперты не ожидают новых рекордов в ближайшие годы. Тем не менее, оптимизм компаний остается достаточно высоким в разработке множество сделок, капитал в изобилии, а компании во всех отраслях остро нуждаются в технологиях.

Рынок слияний и поглощений в Беларуси не отставал от мирового: за минувший год он показал двукратный рост по сравнению с 2020 г., а по сравнению с 2015 г. — в 4 раза (рис. 1). Подготовка M&A сделки длится от 6 до 18 месяцев, поэтому те соглашения, которые были подписаны в 2021 г., — результат в том числе действий, которые были предприняты в 2020 г. Согласно исследованию компании *Capital Times* всего за 2021 год было совершено 64 сделки, из них 56 — с ИТ-компаниями. 21 сделка была совершена с участием инвесторов из США, а почти половина (29) таких сделок прошли за пределами белорусской юрисдикции.

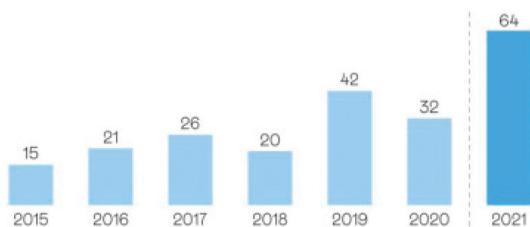

Рис. 1. Динамика M&A сделок в Беларуси с 2015 г.

Источник: [1]

Под белорусскими компаниями в исследовании понимаются организации, основанные в Беларуси либо имеющие хотя бы одного собственника с белорусскими корнями. Этим объясняется тот факт, что в обзор попали фирмы, не имеющие белорусской юрисдикции (штаб-квартира компании находится за пределами Беларуси). Вместе с тем в *Capital Times* допускают, что некото-

рые компании, основанные белорусскими собственниками за рубежом, оказались вне их поля зрения из-за желания владельцев сохранить сделки инкогнито [1].

Сделан вывод, что белорусские бизнесы были интересны международным корпорациям и финансовым инвесторам, несмотря на ряд обстоятельств санкционного характера, вызванных политическими событиями 2020 г. Если в 2019 г. общий объем сделок *M&A* в Республике Беларусь по оценке аналитиков, составил 319 млн дол. США, то в 2020 г. — только 33 % от прошлогоднего объема, т. е. 109 млн дол. При этом большая часть публичных сделок пришлось на 1—3 кварталы, то есть задолго до событий августа—октября 2020 г., и только 2 такие сделки были осуществлены в октябре—декабре 2020 г. С учетом того, что проведение сделок *M&A* обычно требует продолжительной подготовки, можно предположить, что и эти сделки были запланированы к реализации задолго до президентских выборов и последовавшей за ними реакции.

События на границе России и Украины в феврале—марте 2022 г. также не останутся незамеченными для иностранных инвесторов. Последствия событий, происходящих на наших глазах, будут проявляться еще не один год. Так, один из крупнейших кредиторов Беларуси — Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) — принял решение приостановить финансирование новых проектов, как в частном, так и в госсекторе. Беларусь является членом Европейского банка реконструкции и развития с 1992 г. По данным ЕБРР на 31 декабря 2021 г., совокупные инвестиции в белорусскую экономику составили почти 3,1 млрд евро. Банк реализовывал в Беларуси на конец прошлого года 61 портфельный проект на общую сумму 880 млн евро. Уникальность ЕБРР состояла и еще в том, что за ним в Беларусь подтягивались и стратегические инвесторы.

Оценочный объем сделок *M&A* в Беларуси за 2021 г. без учета венчурного рынка составил более 1,3 млрд дол., из которых большая часть пришлось на технологический и около 100 млн дол. на банковский сектор. Доля сделок нетехнологического сектора в прошлом году существенно снизилась по сравнению с предыдущими годами и составила менее 13 % против 50 % и 52 % в 2020 и 2019 гг. соответственно.

Что касается ИТ-сектора, он традиционно занимает значительную долю белорусского рынка. Если в 2020 г. количество сделок в ИТ-секторе составило 50 % от общего количества, то в 2021 году доля ИТ выросла до 85 % от всех сделок на белорусском рынке. Оценочный объем *M&A*-сделок в 2021 г. составил около 1,8 млрд дол. США. Причем, инвесторов, в первую очередь, ин-

тересовали продуктовые компании (41 сделка), а лишь потом — сервисные (15 сделок). 32 сделки в *IT* — это венчурный рынок, т. е. перспективные стартапы, которые по совокупности привлекли 450 млн дол. США.

Эксперты сходятся в следующем объяснении такой популярности слияний и поглощений в *IT*-секторе в нашей стране. Республика Беларусь считается развивающейся страной с высоким человеческим потенциалом. Такие государства часто делают акцент на развитии хорошо функционирующего технологического сектора экономики. Объемы внутреннего рынка таких стран обычно невелики, что ведет к высокой степени интеграции этих секторов в глобальные рынки. Попросту говоря, компании делают свои продукты или услуги изначально ориентированными на «богатые» рынки стран Северной Америки и Западной Европы. Этот фактор ведет к повышенному интересу к таким компаниям со стороны иностранных инвесторов. Однако настолько высокой доли сделок в *IT*-секторе нет ни в одной стране в нашем регионе. К примеру, на рынке развивающихся европейских стран доля *IT* в 2021 г. составила 22 %, на рынке стран Балтии — порядка 30 %. На основании этих цифр можно утверждать, что настолько высокая доля *IT*-сектора в Беларуси объясняется не только и не столько высокой инвестиционной привлекательностью *IT*, сколько отсутствием интереса к компаниям в других секторах экономики Беларуси.

Из 64 сделок на белорусском рынке *M&A* в 2021 г. 29 сделок прошли вне белорусской юрисдикции, 28 из них состоялись с *IT*-компаниями. Этот факт говорит о высокой степени интеграции белорусских компаний еще на ранней стадии развития в глобальные рынки. Многие белорусские предприниматели, согласно общемировой практике, основывают компании в странах, где находятся их основные клиенты и потенциальные инвесторы. Это повышает имидж компании, позволяет находиться в тесном контакте с контрагентами, в том числе инвесторами, что в итоге позитивно сказывается на возможности привлечения очередного раунда инвестиций, а также способствует удобству проведения переговоров с инвесторами.

Самой громкой сделкой в *IT*-секторе за последний год стало приобретение шведской компанией *Embracer Group* белорусского разработчика мобильных игр *Easybrain* за 640 млн дол. США (плюс до 125 млн дол. США при достижении финансовых показателей в течение 6 лет). Крупнейшим инвестором по количеству *M&A* сделок стала компания *EPAM*, совершившая 7 сделок, что в 2 раза больше по сравнению с количеством сделок в 2020 и 2019 гг. Компания впервые попала в индекс *S&P 500*. *PandaDoc*,

белорусский стартап в области автоматизации документооборота со штаб-квартирой в Сан-Франциско и крупным научно-исследовательским центром в Парке высоких технологий Беларуси, стал первым официальным «единорогом» Беларуси, компанией с оценкой в 1 млрд дол. США, после успешного закрытия сделок с *OMERS Growth Equity* и *G Squared*.

Согласно обзору *Capital Times*, банковский сектор занял второе место по количеству соглашений *M&A* (4 сделки), оценочный объем которых превысил 100 млн дол. США. Сегодня большинству малых банков сложно конкурировать с топ-10 банками Беларуси. Одним из решений может стать сделка по слиянию и поглощению компании.

В банковском секторе состоялись 4 знаковые сделки на общую сумму около 100 млн дол. США. Это покупка Идея Банка МТБанком за 50 млн руб. у Л. Чарнецкого, некогда одного из богатейших людей в Польше, и покупка Франсабанка Альфа-Банком у ливанских бизнесменов Кассаров за 27 млн руб. Две сделки в банковском секторе произошли на фоне санкций. Сначала семья попавшего под санкции ЕС бизнесмена А. Олексина продала МТБанк компании *Stoneva Limited* ливанского бизнесмена Ромео Абдо, который построил в Минске несколько торговых и бизнес-центров. Россиянин Р. Исмаилов стал новым владельцем «Паритетбанка» после включения в санкционные списки миллиардера М. Гучериева, чей сын владел белорусским банком.

Наибольшую активность в 2021 г. проявляли финансовые инвесторы, которые являлись основными участниками в 32 сделках (50 % от общего числа сделок в 2021 г.). Это не соответствует общей тенденции доминирования в сделках стратегических инвесторов, которая наблюдалась в предыдущие годы (78 % — 2020 г., 67 % — 2019 г.) на белорусском рынке. Данный факт можно объяснить усилением активности на венчурном рынке, основными инвесторами на котором являются венчурные фонды. Высокая доля сделок с финансовыми инвесторами на белорусском *M&A*-рынке по большей части объясняется значительным количеством сделок с компаниями на ранних стадиях развития [2].

За последний год произошло структурное изменение в распределении слияний и поглощений в Республике Беларусь по следующим группам: входящие, исходящие и локальные. По данным исследования рейтингового агентства *BIK Ratings* и инвестиционной компании *ASER Capital* на 2020 год, белорусский рынок характеризуется относительно небольшим количеством входящих сделок, связанных с приобретением иностранным инвестором белорусских активов. Половина всех сделок *M&A* на нашем рынке в 2019 г. относилась к типу локальных, когда инвестор и компания-

цель имеют белорусскую прописку. Объем таких сделок среди публичных в 2019 г. составил 103 млн дол. США, а в 2020 г. — 18 млн дол. США. На втором месте (35 %) расположились исходящие сделки, отражающие интерес белорусских инвесторов к приобретениям за рубежом. Входящие сделки, характеризующие интерес иностранных инвесторов к активам на территории нашей страны, получили наименьшую распространенность (15 %) (рис. 2).

Рис. 2. Объем публичных сделок M&A в Беларуси, 2019—2021 гг.
Источник: [3]

Тем не менее, развитие интереса к слияниям и поглощениям в 2021 г. привел к тому, что входящие сделки занимают значительную долю в структуре сделок.

Таким образом, состояние рынка слияний и поглощений можно характеризовать как развивающееся. На данных за последние несколько лет прослеживается влияние политических факторов на инвестиционную привлекательность. Есть все основания полагать, что события на политической арене восточноевропейского региона в 2022 году продолжат влиять на показатели как всей национальной экономики Беларуси, так и рынка M&A в частности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рынок слияний и поглощений Беларуси. 1 половина 2021 г. [Электронный ресурс] // Capital Times — Режим доступа: <https://www.capital-times.com/ma-report-by-1h2021>. — Дата доступа: 26.03.2022
2. Результаты M&A рынка Беларуси за 2021 год [Электронный ресурс] // SORAINEN. — 26.01.2022. — Режим доступа: <https://www.sorainen.com/ru/publikatsii/rezultaty-m-a-rynka-belarusi-za-2021-god/>. — Дата доступа: 26.03.2022.
3. Рынок M&A сделок Беларуси (декабрь 2020) [Электронный ресурс] // BIK ratings. — 25.01.2021. — Режим доступа: <https://bikratings.by/analitika/rynok-ma-sdelok-belarusi>. — Дата доступа: 26.03.2022.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ ПО ИЗМЕНЕНИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ

Кои Синьсянь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: kou128899@gmail.com*

В рамках исследования предполагает реализацию совокупности мер внешнеэкономического регулирования, направленных на дальнейшее стабильное развитие страны и включающих конкретные практические рекомендации. В результате предусматривают минимизацию возможного негативного воздействия и получение максимального положительного эффекта от наблюдаемого конфликта. Высокая значимость учета политического вектора белорусского руководства обусловлена существенным влиянием данного фактора на приоритеты внешнеэкономического сотрудничества.

Ключевые слова: внешнеэкономическое регулирование; практические рекомендации; негативное воздействие; конфликт; внешнеэкономическое сотрудничество.

PRACTICAL RECOMMENDATION FOR CHANGING THE FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONDITIONS OF THE TRADE WAR

Kou Xinxian

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: kou128899@gmail.com*

The study involves the implementation of a set of measures of foreign economic regulation aimed at further stable development of the country and including specific practical recommendations. As a result, they provide for minimizing the possible negative impact and obtaining the maximum positive effect from the observed conflict. The high importance of taking into account the political vector of the Belarusian leadership is due to the significant influence of this factor on the priorities of foreign economic cooperation.

Keywords: foreign economic regulation; practical recommendations; negative impact; conflict; foreign economic cooperation.

Меры по реализации внешнеэкономической политики, способствующие устойчивому развитию в условиях наличия внешних дестабилизирующих факторов торговой войны, включают следующие группы:

— минимизацию влияния ускорения инфляции, наблюдаемого вследствие девальвации валют и связанного с этим ухудшения инфляционных ожиданий из-за значительного уровня долларизации экономики страны;

— минимизацию степени ослабления белорусского рубля по отношению к свободно-конвертируемым валютам, происходяще-

го в результате девальвации валют и шоков предложения на отдельных мировых товарных рынках;

— поддержание объема экспорта в условиях сокращения мировой торговли и, соответственно, снижения экспорта товаров и услуг со стороны малых открытых экономик в целом и Республики Беларусь, в частности;

— сохранение объемов инвестиционного обмена в условиях уменьшения спроса иностранных инвесторов на активы развивающихся стран и стран с переходной экономикой за счет ухудшения прогнозных величин их экономического роста.

Отмеченные меры являются основными в условиях дестабилизации мировых рынков, так как в совокупности позволяют свести к минимуму наблюдаемые негативные последствия. При этом каждая из них предполагает обоснование ряда практических рекомендаций. Так, минимизация влияния ускорения инфляции может быть произведена за счет:

- 1) пересмотра политики руководства страны;
- 2) перехода к инфляционному таргетированию — режиму денежно-кредитной политики.

В настоящее время (с 2015 г.) в Республике Беларусь действует режим монетарного таргетирования, в рамках которого в качестве операционного ориентира выступают рублевая денежная база и процентная ставка, а основным объектом воздействия — денежная масса. Данный режим имеет ряд преимуществ, которые, однако, будут перекрываться существенными недостатками, проявляющимися в результате действия на экономику Республики Беларусь внешних дестабилизирующих факторов торговой войны.

1. Дедолларизации экономики. Наблюдаемая в настоящее время трансформация мировой экономики и мирового порядка в результате конфликтных отношений лидеров мирового социально-экономического развития и ослабление позиций доллара как одной из ключевых валют в международных расчетах во многом актуализирует также процесс дедолларизации белорусской экономики.

В рамках реализации такой меры, как дедолларизации белорусской экономики предлагается:

— развитие национального рынка капитала и укрепление доверия населения к национальной валюте за счет поддержания финансовой стабильности;

— проведение процентной политики, направленной на обеспечение превышения доходности активов в белорусских рублях по сравнению с активами в иностранной валюте;

— исключение возможности использования обменного курса при установлении цен (тарифов), таможенных пошлин и иных платежей путем применения в качестве индикаторов индекса по-

требительских цен, базового индекса потребительских цен, базовой величины, базовой арендной величины и другого;

— исключение возможности уплаты в иностранной валюте налогов, сборов, пошлин и других платежей;

— совершенствование правовых основ функционирования финансового рынка и внедрения новых технологических решений [1].

Таким образом, обеспечение устойчивого развития Республики Беларусь в условиях замедления мировой экономики подразумевает одновременное исключение негативных последствий ухудшения инфляционных ожиданий, девальвации мировых валют и ослабления курса национальной валюты, сокращения объемов мировой торговли и уменьшения спроса на активы развивающихся рынков со стороны инвесторов. Одновременно оно предполагает использование возможностей, возникающих в результате введения торговых ограничений. Реализация мер государственного регулирования в границах политики минимизации рисков позволит сохранить среднегодовые темпа роста национальной экономики, а в случае рационального использования возможностей — обеспечить улучшение показателей развития.

Так, 16 сентября 2021 г. Комитет по налогам и пошлинам при Госсовете КНР временно отменил часть дополнительных пошлин на некоторые американские товары, введенных в ответ на протекционистские меры США (дополнительные пошлины на американские товары, введенные в ответ на статью 301 Закона США о торговле). К товарам, временно освобожденным от дополнительных пошлин, в частности, относятся детали от беспилотных летательных аппаратов, широкий перечень приборов и специализированного оборудования, насосы, смазочные материалы. Согласно принятому решению, пошлины по вошедшим в перечень товарам с 17 сентября 2021 г. по 16 апреля 2022 г. [2]. В ответ на данные меры 4 октября 2021 г. администрация Дж. Байдена объявила о начале соответствующего процесса временного освобождения от таможенных пошлин определенных китайских товаров [3], тем самым отказавшись от требований Д. Трампа и обозначив возможность улучшения взаимоотношений между странами. С учетом отмеченного, высокую актуальность приобретает подробное рассмотрение практических рекомендаций, соответствующих второй группе сценариев.

Таким образом, с учетом значительного влияния торговой войны США и Китая на экономику Республики Беларусь в рамках дальнейшего развития страны важна реализация конкретной модели внешнеэкономического поведения, предполагающей осуществление комплекса мер, обеспечивающих устойчивое развитие национальной экономики в условиях наступления любого

из ранее обозначенных сценариев, на основе ряда практических рекомендаций.

Обеспечение устойчивого развития Республики Беларусь в условиях замедления мировой экономики может быть произведено путем исключения негативных последствий торгового конфликта за счет установления целевых ориентиров в границах сбалансированного развития, перехода к инфляционному таргетированию, дедолларизации экономики, диверсификации экспортных поставок и повышения инвестиционной привлекательности при снижении инфляционных ожиданий, а также реализации возникших возможностей через экспорт товаров-заменителей и формирование условий для эффективного развития перспективных отраслей. Стабильный рост показателей развития страны при поступательном или ускоренном развитии мировой экономики, одновременно предполагает реализацию возможностей через повышение торгового сотрудничества с различными странами, эффективное осуществление имеющих инвестиционных проектов и включение страны в новые инвестиционные инициативы, и минимизацию рисков путем удержания позиций на рынках новых экспортных товаров, сохранения конкурентоспособности на растущих товарных рынках и обеспечения высокой инвестиционной привлекательности страны для новых инвесторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О концептуальных вопросах перехода к инфляционному таргетированию в Республике Беларусь: материалы информационно-образовательного семинара для работников Национального банка / Национальный банк Республики Беларусь. — Минск, 2017. — 25 с.

2. Китай отменил часть дополнительных пошлин на некоторые американские товары [Электронный ресурс] // Финансы. Минфин КНР. — Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/kitay-otmenil-chast-dopolnitelnykh-poshlin-na-nekotorye-amerikanskije-tovary-minfin-knr-1030805063>. — Дата доступа: 14.09.2022.

3. США начинают процесс освобождения от пошлин некоторых товаров КНР [Электронный ресурс] // ТАСС. — 04.10.2021. — Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/12569255>. — Дата доступа: 14.09.2022.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕРМАНИИ: ОПЫТ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

А. Кривошеева¹⁾, Г. Г. Головенчик²⁾

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: aidafly11@gmail.com

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: goloventchik@bsu.by

Цифровая трансформация представляет собой исторический этап для экономики и общества, объединяя физический и виртуальный миры, подвергая радикальным изменениям процессы производства товаров и оказания услуг.

Цифровизация экономики является главным трендом в развитых странах, особенно она затрагивает Германию как лидера Европы. В статье рассмотрена цифровая трансформация Германии и проведена ее оценка. Выделены основные тенденции и этапы эволюции цифровой экономики, а также обозначены проблемы, с которыми столкнулась Германия в ходе реализации «Цифровых повесток». Показаны места Германии в цифровых рейтингах. Сделаны выводы о результативности цифровой трансформации Германии, внесены предложения для Республики Беларусь.

Ключевые слова: Германия; цифровая трансформация, цифровизация, Индустрия 4.0; цифровые рейтинги.

DIGITAL TRANSFORMATION OF GERMANY: EXPERIENCE FOR BELARUS

A. Krivosheeva^a, G. G. Goloventchik^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: aidafly11@gmail.com

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: goloventchik@bsu.by

Digital transformation represents a historical stage for the economy and society, combining the physical and virtual worlds, subjecting the processes of production of goods and services to radical changes. Digitalization of the economy is the main trend in developed countries, especially it affects Germany as the leader of Europe. The article examines the digital transformation of Germany and evaluates it. The main trends and stages of the evolution of the digital economy are highlighted, as well as the problems faced by Germany during the implementation of the “Digital Agendas”. Germany’s places in digital ratings are shown. Conclusions have been drawn about the effectiveness of Germany’s digital transformation, and proposals have been made for the Republic of Belarus.

Keywords: Germany; digital transformation; digitalization; Industry 4.0; digital ratings.

Федеративная Республика Германия — высокоразвитая индустриальная страна. Главной особенностью немецкой экономики является ее стабильность. Также ФРГ является крупнейшей экономической и самой индустриализованной страной в Европе и четвертой в мире.

В промышленном секторе Германии ведущую роль играют крупные корпорации, ведущие глобальную деятельность: *BMW, Daimler, Volkswagen, Airbus, BASF, Bosch, Fresenius u Siemens*, а также развитый сектор малого и среднего бизнеса. Часто малоизвестные лидеры мирового рынка из сегмента МСП, так называемые «скрытые чемпионы», в значительной степени формируют местную промышленность. Если судить по обороту, то более 1300 немецких МСП входят в тройку лучших в мире на своем конкретном нишевом рынке. Это означает, что почти половина из при-

мерно 3000 «тайных» лидеров мирового рынка происходит из Германии.

Германия — один из ведущих поставщиков высокотехнологичных товаров на мировом рынке, прежде всего за счет продукции машиностроения, электротехники, автомобильной и химической промышленности. Обладая мощным научным потенциалом, в последние годы Германия играет значительную роль в торговле цифровыми технологиями, что имеет решающее значение в глобализированном мире.

Рассмотрим опыт Германии в цифровой трансформации экономики.

Цифровая трансформация определяется как процесс непрерывного развития цифровых технологий, оказывающих длительное влияние на экономику и общество. Примерами цифровых технологий являются интернет и социальные сети, большие данные, облачные сервисы, умные устройства и многое другое. Именно цифровая трансформация коренным образом изменила коммуникацию и поведение потребителей: в повседневной жизни появились новые привычки и потребности, как у молодого, так и у взрослого поколения, в частной и деловой жизни.

В ходе цифровой трансформации изменились и ожидания потенциальных клиентов, в связи с чем компании вынуждены адаптировать существующие процессы и заменять их гораздо более эффективными цифровыми процессами: клиент становится «королем с чрезвычайной скоростью действий». Появляются инновационные и разрушительные бизнес-модели (*Amazon, Ebay, Uber, Spotify*), которые удовлетворяют новые желания общества и могут также «разбудить» давно существующие компании.

Цифровая трансформация тесно связана с понятием *Industrie 4.0* (Индустрия 4.0), которое было введено как немецкий неологизм на Ганноверской ярмарке 2011 г. Это термин обозначает целый ряд новых процессов и технических разработок, которые объединяют новые технологии с промышленными стандартами в обрабатывающей промышленности для обслуживания все более динамичного рынка. В том же году она была поддержана ведущими немецкими предпринимательскими союзами — *BITCOM e.V.* (информационно-коммуникационные технологии, далее — ИКТ), *VDMA e.V.* (машиностроение) и *ZVEI e.V.* (электроника), а также Обществом имени Фраунгофера. Инициатива во многом коррелировала с уже реализуемыми в промышленности инновационными проектами и программами [1].

Современная стратегия Германии — цифровая трансформация экономики и общества. Начиная с 2010 г. Федеративное правительство Германии разрабатывала и представляла «Цифровые повестки».

Первой ИКТ-стратегией была «Цифровая Германия 2015», которая ориентировалась на цели «Цифровой повестки дня для Европы» и содержала проекты в сфере ИКТ [2]. Задачи были колоссальными: обеспечение защиты прав пользователей интернета, оперативная реализация результатов НИОКР в конкурентоспособных товарах и услугах, развитие образования в направлении цифровых компетенций, повышение конкурентоспособности Германии путем внедрения ИКТ на всех этапах хозяйственного процесса, обеспечение устойчивого экономического роста и создания новых рабочих мест. К концу 2010 г. планировалось обеспечить повсеместный широкополосный доступ в интернет на скорости 1 Мб/с; в кратчайшие сроки реализовать развертывание по всей стране высокопроизводительных сетей (> 50 Мб/с), в качестве промежуточной цели — к концу 2014 г.

Следующим документом по цифровой трансформации стала «Цифровая повестка дня 2014—2017», представленная по инициативе Федерального правительства Министерством экономики и энергетики, Министерством внутренних дел и Министерством транспорта и цифровой инфраструктуры. В данном документе появляется параграф о цифровизации немецкой экономики и общества, поэтому для реализации поставленной цели потребовалась цифровая трансформация промышленности в рамках Индустрии 4.0. Вскоре была опубликована «Высокотехнологичная стратегия», в которой одно из центральных мест заняли вопросы цифровой трансформации и, в частности, стратегия Индустрия 4.0 [1]. Планы о повсеместном широкополосном доступе в интернет так и не реализовались, поэтому цель была продлена до 2018 г.

Ключевые разделы «Цифровой повестки 2014—2017» были посвящены развитию цифровой инфраструктуры; поддержке цифровой экономики и цифровой трансформации труда; цифровизации государственных услуг; использованию цифровой трансформации для налаживания общественного диалога; процессам цифровизации науки, образования и культуры; укреплению цифровой безопасности; европейскому и международному измерению цифровой повестки.

Проблемой приведенных документов было то, что в них не было обозначено, из каких источников будут финансироваться эти масштабные обещания и проекты. Стратегия имела мало конкретики и каждый раз подвергалась критике. Госу-

дарство возлагало надежды на капиталовложения со стороны частного бизнеса, пыталось стимулировать инвестиции и повысить привлекательность проектов, предоставляя различные привилегии.

В марте 2016 г. Федеральное министерство экономики и энергетики опубликовало очередную «Цифровую стратегию 2025», которая провозгласила амбициозную цель — переход к 2025 г. к гигабитному обществу, т. е. перемещение на следующую стадию развития, где общество, машины, вещи и процессы интегрированы воедино. Для реализации данной цели предполагалось сделать «десять шагов в будущее»: поддержка стартапов, создание новых рамочных условий для инноваций и инвестиций, укрепление информационной безопасности, цифровизация индустрии и модернизация Германии с помощью стратегии Индустрия 4.0. Данный этап отличался публикацией информации о доле государственного финансирования в проекте и прошел очень успешно [3].

Прошло 10 лет со дня провозглашения в Германии стратегии Индустрия 4.0. На сегодняшний день 62% немецких компаний используют технологии Индустрии 4.0 (согласно результатам опроса 551-й компании, проведенного цифровой ассоциацией *Bitkom*). Все еще существуют барьеры для цифровой трансформации промышленности ФРГ: нехватка финансовых ресурсов (77 %), требования к защите данных (61 %) и ИТ-безопасности (57 %), а также нехватка квалифицированных работников (55 %).

В последнее десятилетие цифровая трансформация становится все более сильным фактором роста экономики Германии. Благодаря своему промышленному потенциалу именно Германия стала центром развития четвертой промышленной революции. Несмотря на различные проблемы и барьеры для цифровой трансформации, Германия безусловно является цифровой страной и это доказывается местами страны в мировых цифровых рейтингах.

Уровень развития цифровой экономики страны измеряют на основе различных композитных индексов, интегрирующих отдельные субиндексы, которые отвечают за цифровую трансформацию отдельных секторов экономики и жизни общества [4].

В таблице представлены рейтинги Германии за последние 5 лет. Видно, что страна входит в Топ 20 по цифровой трансформации: занимает 10-е место среди 132 экономик, представленных в Глобальном индексе инноваций 2021 г. (лучший показатель среди остальных рейтингов); Индексе электронного участия 2020 г. занимает 27-е место среди 193 стран (худший показатель в таблице).

Германия в цифровых рейтингах

Рейтинги и индексы цифровой экономики	Место в рейтинге
Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (<i>ICT Development Index</i>), 2017	12
Индекс цифровой экономики и общества (<i>Digital Economy and Society Index</i>), 2022	13
Индекс мировой цифровой конкурентоспособности (<i>IMD World Digital Competitiveness Index</i>), 2021	18
Индекс цифровой эволюции (<i>Digital Evolution Index</i>), 2020	17
Индекс сетевой готовности (<i>Networked Readiness Index</i>), 2021	15
Индекс развития электронного правительства (<i>The UN Global E-Government Development Index</i>), 2020	15
Индекс электронного участия (<i>E-Participation Index</i>), 2020	27
Индекс глобального подключения (<i>Global Connectivity Index – GCI, Huawei</i>), 2020	14
Глобальный индекс инноваций (<i>The Global Innovation Index</i>), 2021	10

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [5–11].

Всестороннее изучение состояния цифровизации в Германии выявляет двойственную картину: с одной стороны, правительство и граждане готовы продвигать цифровую трансформацию во всех сферах жизни, с другой стороны, ФРГ по-прежнему отстает в общеευропейском и международном сравнении.

Исходя из опыта Германии, для реализации программы цифровизации экономики Беларуси необходимы не только технологические и инфраструктурные инновации, но также административно-правовые механизмы и эффективные стимулы для исполнителей реализации национальных проектов и поддержка стартапов. Успешная практика цифровой трансформации промышленности Германии может быть полезна для отечественной экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Digitale Agenda 2014–2017 [Electronic resource] // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. — Mode of access: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Digitale-Welt/digitale-agenda.pdf?__blob=publicationFile&v=3 — Date of access: 14.09.2022.
2. ИКТ-Стратегия der Bundesregierung «Deutschland Digital 2015» [Electronic resource] // Post und Telekommunikation. — Mode of access: https://www.post-und-telekommunikation.de/PuT/1Fundus/Dokumente/5._Nationaler_IT-Gipfel_2010_Dresden/ikt-strategie-der-bun

desregierung,property=pdf,bereich=bmwi,sprache=de,rwb=true.pdf — Date of access: 14.09.2022 .

3. Digitale Strategie 2025 [Electronic resource] // Post und Telekommunikation. — Mode of access: https://www.post-und-telekommunikation.de/PuT/1Fundus/Dokumente/5._Nationaler_IT-Gipfel_2010_Dresden/ikt-strategie-der-bundesregierung,property=pdf,bereich=bmwi,sprache=de,rwb=true.pdf — Date of access: 14.09.2022.

4. Головенчик, Г. Г. Рейтинговый анализ уровня цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС и ЕС / Г. Г. Головенчик // Цифровая трансформация. — 2018. — № 2 (3). — С. 5—18.

5. Global Connectivity Index 2020 [Electronic resource] // Huawei. — Mode of access: <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/>. — Date of access: 14.09.2022.

6. IMD World Competitiveness Rankings 2021 [Electronic resource] // IMD World Competitiveness Center. — Mode of access: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/>. — Date of access: 14.09.2022.

7. Measuring the Information Society Report. Vol. 1. — Geneva: ITU, 2017. — 156 p. [Electronic resource] // International Telecommunication Union. — Mode of access: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volume1.pdf — Date of access: 14.09.2022.

8. Network Readiness Index 2021 [Electronic resource]. — Mode of access: <https://networkreadinessindex.org>. — Date of access: 14.09.2022.

9. The Digital Economy and Society Index (DESI) [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi>. — Date of access: 14.09.2022.

10. The Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis / Ed. by S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. — Geneva: Cornell University, INSEAD, WIPO, 2021. — 226 p. [Electronic resource] // WIPO. — Mode of access: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2021/03/article_0002.html — Date of access: 14.09.2022.

11. United Nations E-Government Survey 2020: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development. — United Nations: New York, 2020. — 364 p. [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <https://www.un.org/development/desa/publications/publication/2020-united-nations-e-government-survey> — Date of access: 14.09.2022.

ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОРГОВЛИ УСЛУГАМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Н. Мазулина

*Министерство экономики Республики Беларусь,
ул. Берсона, 14, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: mazulina@economy.gov.by,
anastasiya.mazulina@gmail.com*

В статье рассматриваются теоретические подходы к регулированию торговли услугами, обоснованию необходимости вмешательства государства, анализируется система инструментов регулирования торговли услуга-

ми. Проведен краткий обзор системы регулирования сферы услуг в Республике Беларусь, уровней и правовых источников регулирования, некоторых горизонтальных требований и секторальных ограничений. Обосновано предложение о целесообразности оценки уровня внутреннего регулирования сферы услуг в Беларуси, даны предложения по ее развитию на региональном и многостороннем уровнях. Отмечена необходимость поиска оптимального баланса при либерализации в различных секторах услуг с учетом национальных интересов.

Ключевые слова: инструменты регулирования; торговля услугами; режим наибольшего благоприятствования; национальный режим; дискриминация; внутреннее регулирование; Всемирная торговая организация.

REGULATORY INSTRUMENTS OF TRADE IN SERVICES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

A. N. Mazulina

*Ministry of Economy of the Republic of Belarus,
Bersona Str., 14, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: mazulina@economy.gov.by,
anastasiya.mazulina@gmail.com*

The article discusses theoretical approaches to the regulation of trade in services, rationale the need for state intervention, analyzes the system of instruments for regulating trade in services. A brief review of the system of regulation of the service sector in the Republic of Belarus, levels and legal sources of regulation, some horizontal requirements and sectoral restrictions have been considered. The proposal on the expediency of assessing the level of domestic regulation of the service sector in Belarus is provided, proposals are made for its development at the regional and multilateral levels. The need to find the optimal balance during liberalization in various service sectors, taking into account national interests, was noted.

Keywords: regulatory instruments; trade in services; most-favored-nation treatment; national treatment; discrimination; domestic regulation; World Trade Organization.

За последние несколько десятилетий международная торговля услугами стала неотъемлемой частью процесса глобализации и фактором устойчивого роста экономик. Объем мировой торговли услугами с 1980 по 2021 гг. увеличился более, чем в 15 раз (с 395,7 до 6 071,6 млрд дол. США) [1].

Такой рост объемов международной торговли услугами обусловлен многообразием форм торговли услугами, тесной взаимосвязью торговли услугами с процессами интернационализации производства и капитала.

Ввиду значимой роли торговли услугами в устойчивом социально-экономическом развитии страны, важно понимать систему инструментов регулирования в области торговли услугами, что также позволит изыскать дополнительные резервы и возможности для дальнейшего наращивания объемов торговли услугами.

С точки зрения общей иерархии регулирования международной торговли услугами можно выделить 3 основных уровня:

1) **многосторонний** (Генеральное соглашение по торговле услугами в рамках Всемирной торговой организации (ГАТС; ВТО), в том числе плюрилатеральные соглашения и инициативы);

2) **региональный** (региональные торговые соглашения (РТС) в области торговли услугами, соглашения об экономической интеграции);

3) **национальный** (система мер регулирования сферы услуг в отдельно взятом государстве) [2].

Среди данных трех уровней наибольшее влияние на торговлю услугами оказывает национальный уровень регулирования (т.е. внутреннее регулирование), что является отличительной чертой внешней торговли услугами в отличие от торговли товарами.

Именно на национальном уровне происходят основные фискально-рыночные меры, которые обосновывают необходимость государственного вмешательства в экономические отношения в сфере торговли услугами, которые можно объединить в 4 основные группы: 1) монополия или олигополия; 2) внешние эффекты (т.н. экстерналии), 3) асимметричная информация; 4) обеспечение всеобщего доступа к базовым услугам [3].

В системе регулирования торговли услугами ключевое место занимает концепция дискриминации, которая по своей сути раскрывается в 3 важнейших принципах ГАТС — режим наибольшего благоприятствования, национальный режим, доступ на рынок [4].

Не все меры регулирования по своей природе являются дискриминационными. В данном контексте меры регулирования торговли услугами можно разделить на следующие группы:

— **прямые дискриминационные** (внутренние административные или законодательные нормы, которые прямым образом нарушают национальный режим);

— **косвенные дискриминационные** (ограничения перемещения иностранных факторов производства, применяющиеся горизонтально);

— **прямые недискриминационные** (государственные монополии, установление фиксированных тарифов);

— **косвенные недискриминационные** (административные правила и требования, технические нормы и стандарты) [5].

Рассмотрим систему регулирования торговли услугами в Республике Беларусь, где сфера услуг также имеет важное значение для ускоренного развития экономики (на ее долю приходится 55,3 % валовой добавленной стоимости, 58,6 % занятых в экономике и 20,8 % валового экспорта).

Исходя из трех обозначенных уровней регулирования торговли услугами для Республики Беларусь таковыми являются:

1) в рамках многостороннего — конвенции и стандарты в рамках отраслевых союзов и международных организаций, но не ВТО;

2) регионального — обязательства по Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, в перспективе — по услужным РТС с Китаем, Турцией, СНГ и Сингапуром [6];

3) национального — системные и отраслевые нормативные правовые акты.

Необходимо отметить, что в Республике отсутствует комплексный нормативный правовой акт, регулирующий вопросы торговли услугами.

К основному акту можно было бы отнести Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 347-З «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (далее — Закон), в частности главу 4, в которой приведены 8 способов внешней торговли услугами (вариации 4 основных способов поставки услуг по ГАТС), предполагается возможность предоставления национального режима и введения ограничений по схожим с ГАТС основаниям. Тем не менее в Законе не предусмотрено предоставление режима наибольшего благоприятствования, являющегося базисом недискриминации в международной торговле услугами.

В целом рассматривая внутреннее регулирование торговли услугами в Республике Беларусь, целесообразно разделить меры регулирования на административные и экономические.

В рамках мер административного регулирования выделяют квотирование и лицензирование. Классическими примерами квотирования являются ограничения участия иностранного капитала в банковской и страховой системах Республики Беларусь: в банковской системе — 50 %, в страховой — 30 % [7; 8]. Данные меры регулирования можно отнести к прямым дискриминационным.

В системе лицензирования ключевое место занимает Указ Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 года № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности», которым установлены базисные принципы лицензирования, по общему правилу применяющиеся на недискриминационной основе, соответственно, их можно отнести к косвенным недискриминационным. По состоянию на 8 сентября 2022 г. лицензированию подлежат 33 крупненных вида деятельности [9].

Экономическими мерами регулирования торговли услугами являются налоговый режим, правила проведения валютных операций, условия внешней трудовой миграции.

Действующее налоговое законодательство Республики Беларусь содержит широкий перечень услуг, подлежащих освобождению от налогообложения (от НДС освобождаются обороты по реализации

медицинских, социальных услуг, платных услуг в сфере образования и др.) [10]. Налогообложение экспортируемых и импортируемых услуг в целом соответствует международной практике.

Со вступлением в силу новой редакции Закона «О валютном регулировании и валютном контроле» (09.07.2021) упростились условия проведения валютных операций. В частности, отменена обязанность по завершению внешнеторговых сделок в 180- и 90-дневные сроки при экспорте и импорте соответственно; упразднена необходимость регистрации внешнеторговых сделок в банке; отменены многие требования по проведению расчетов по внешнеторговым договорам [11].

В части условий внешней трудовой миграции, которая связана с возможностью поставки услуг третьим (коммерческое присутствие) и четвертым (присутствие физических лиц) способами, также созданы необходимые условия для привлечения иностранных специалистов.

Существует возможность внутрифирменного перевода из зарубежной головной компании в дочернюю на территории Беларуси менеджеров высшего и среднего звена, а также узких специалистов. Общий срок их пребывания на территории Беларуси не ограничен, но требуется ежегодное продление разрешения на работу. Тем не менее, при внутрифирменном переводе применяется значимое ограничение — необходимость работодателя пройти тест на рынке труда, т. е. убедиться, что среди предложения на рынке труда Беларуси отсутствуют белорусские специалисты с необходимыми компетенциями [12].

Для бизнес-визитеров, пребывание которых обусловлено необходимостью проведения переговоров по торговым сделкам или открытию нового бизнеса, такое требование не применяется, однако срок их пребывания ограничен 90 сутками.

Стоит отметить, что для представительств иностранных организаций на территории Беларуси применяется прямое дискриминационное ограничение — численность иностранных граждан — сотрудников представительства иностранной организации (включая руководителя) не может превышать пяти человек [13].

Данные примеры регулирования торговли услугами не являются исчерпывающими, а лишь отражают наиболее общие подходы к системному и отраслевому регулированию в Беларуси. Кроме того, отсутствует объективная оценка, насколько действующие в стране меры регулирования ограничивают торговлю услугами.

В данном отношении практически значимым шагом мог бы стать расчет для Республики Беларусь Индекса ограничений в торговле услугами — *Services Trade Restrictiveness Index (STRI)*,

разработанного ОЭСР в 2014 г. [14]. В 2012 г. оценка аналогичного показателя в отношении Беларуси была проведена Всемирным банком на основе собственной базы данных (анализировалась информация за 2008 г.). В результате Беларусь вошла в группу стран со средним уровнем открытости сферы услуг, заняла 73-е место из 103 с показателем 35,1 (среднемировой показатель — 23,5; 0 означает полную открытость, а 100 — полную закрытость для иностранных услуг и поставщиков) [15].

Очевидно, что с 2008 г. в торговой политике Республики Беларусь произошли важные положительные изменения, соответственно, требуется актуальная информация о степени зарегулированности сферы услуг в Беларуси и понимание места нашей страны в общемировом рейтинге. Это позволит определить те сектора и меры, в которых необходимо провести дополнительный анализ на предмет целесообразности либерализации на национальном уровне.

Кроме того, представляется оправданным проводить проактивную торговую политику по заключению РТС в сфере торговли услугами, что позволит на региональном уровне предусмотреть преференции для выбранных стран-партнеров и апробировать более либеральные подходы по регулированию секторов услуг в рамках ограниченного пула участников.

На многостороннем уровне важно завершить переговоры по присоединению Республики Беларусь к ВТО, когда этому будет способствовать геополитическая обстановка. Помимо обоюдного связывания обязательствами Беларуси по отношению к членам ВТО и наоборот, в ходе переговоров имеется возможность услышать интересы зарубежного бизнеса к совершенствованию деловой среды внутри страны и дополнительно сопоставить их с интересами национальных поставщиков и потребителей услуг.

Таким образом, меры регулирования торговли услугами представляют собой трехуровневую систему, которая состоит из широкого спектра разнообразных инструментов, различающихся в зависимости от страны или региона. Применение мер регулирования обуславливается различными факторами, включая несовершенство рыночных отношений. Применение ограничительных мер сдерживает рост международной торговли услугами.

Задача органов государственного управления каждой страны выявить формулу баланса между либерализацией и ростом торговли, с одной стороны, и обеспечением национальной экономической безопасности и поддержкой отечественных поставщиков услуг, с другой стороны.

В этой связи для достижения оптимального уровня внутреннего регулирования Республика Беларусь, как и каждое госу-

дарство, должна определить для себя такое сочетание уровней либерализации в различных секторах услуг (многосторонний, региональный, двусторонний, односторонний), при котором будут максимально учтены национальные интересы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. United Nations Conference on Trade and Development Statistics [Electronic resource]. – Mode of access: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html>. – Date of access: 01.09.2022.
2. Международная торговля услугами: новые тенденции развития и регулирования, роль в интеграционных процессах / Под ред. А. Н. Спартака. – М.: ВАВТ, 2016. – 320 с.
3. Mattoo, Aaditya; Sauve, Pierre. 2003. Domestic Regulation and Service Trade Liberalization. Trade and Development. – Washington, DC: World Bank, 2003. – 236 p.
4. General Agreement on Trade in Services [Electronic resource] // World Trade Organization. – Mode of access: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats_01_e.htm. – Date of access: 02.09.2022.
5. Бирюкова О.В. 2016. Регулирование международной торговли услугами: учебное пособие / О. В. Бирюкова; Высш. шк. экономики – Нац. исследовательский ун-т. – Москва: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2016. – 142 с.
6. Мазулина, А. Н. Региональные торговые соглашения в сфере услуг – новый инструмент внешнеторговой политики Республики Беларусь / А. Н. Мазулина // Экон. бюлл. НИЭИ М-ва экон. Респ. Беларусь. – 2022. – № 2 (296). – С. 16–23.
7. О размере (квоте) участия иностранного капитала в банковской системе Республики Беларусь: постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 1 сент. 2008 г. № 129 [Электронный ресурс] // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
8. Об установлении квоты иностранных инвесторов в уставных фондах страховых организаций Республики Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11 сент. 2006 г. № 1174 [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=C20601174>. – Дата доступа: 07.09.2022.
9. О лицензировании отдельных видов деятельности: Указ Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/msb-erl/UKAZ-450.pdf>. – Дата доступа: 07.09.2022.
10. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть): принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г., одобрен Советом Респ. 18 дек. 2009 г. [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – 2022. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=hko900071>. – Дата доступа: 07.09.2022

11. О валютном регулировании и валютном контроле: Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2003 г. № 226-З [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h10300226>. – Дата доступа: 07.09.2022.

12. О внешней трудовой миграции: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2010 г. № 225-З // [Электронный ресурс] // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11000225>. – Дата доступа: 08.09.2022.

13. Об утверждении Положения о порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций, внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу отдельных структурных элементов постановлений Совета Министров Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 мая 2018 г. № 408 [Электронный ресурс] // Главное управление юстиции Минского областного исполнительного комитета. – Режим доступа: https://minobljust.gov.by/dadvfiles/000448_986291_408.pdf. – Дата доступа: 07.09.2022.

14. Services Trade Restrictiveness Index Regulatory Database // [Electronic resource] // OECD. – Mode of access: <https://qdd.oecd.org/subject.aspx?Subject=063bee63-475f-427c-8b50-c19bffa7392d>. – Date of access: 08.09.2022.

15. Services Trade Restrictions Database [Electronic resource] // – The World Bank. – Mode of access: <https://www.worldbank.org/en/research/brief/services-trade-restrictions-database>. – Date of access: 08.09.2022.

ОБЗОР ИНДИКАТОРОВ МАКРОУРОВНЯ ДЛЯ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ

А. В. Петрашевская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: petrashevala@gmail.com*

В последние годы мировое сообщество все большее внимание привлекает концепция циркулярной экономики. Циркулярная экономика является одним из составляющих инструментов на пути к устойчивому развитию. Однако реализация принципов циркулярной экономики требует точных индикаторов цикличности. В данной статье представлен анализ и классификация текущих показателей, потенциально имеющих отношение к циркулярной экономике. Поскольку не существует единого определения концепции циркулярной экономики, чрезвычайно важно знать, что измеряют на современном этапе имеющиеся индикаторы. В настоящий период существует три уровня показателей: макро (глобальный, национальный, региональный, городской), мезоуровень (промышленный симбиоз, промышленные экосистемы, экопромышленные парки), микроуровень (отдельное предприятие, отдельный продукт). Для будущих исследований представляется целесообразным рассмотреть основные показатели цикличности на макроуровне для частичной оптимизации задач по устойчивому развитию и разработке метода измерений цикличности.

Ключевые слова: *циркулярная экономика; цели устойчивого развития, показатели макроуровня; индикаторы потока материалов и отходов; индикаторы воздействия на окружающую среду; норма потребления ресурсов; комплексный коэффициент использования ресурсов; экологизация производства.*

OVERVIEW OF MACRO INDICATORS FOR THE CIRCULAR ECONOMY

A. V. Petrashevskaya

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,

e-mail: petrashevala@gmail.com

In recent years, the concept of a circular economy has attracted increasing attention from the world community. The circular economy is one of the constituent tools on the path to sustainable development. However, the implementation of the principles of the circular economy requires accurate indicators of cyclicity. This article presents an analysis and classification of current indicators that are potentially relevant to the circular economy. Since there is no single definition of the concept of a circular economy, it is extremely important to know what the available indicators measure at the present stage. Currently, there are three levels of indicators: macro (global, national, regional, city), meso-level (industrial symbiosis, industrial ecosystems, eco-industrial parks), micro-level (separate enterprise, separate product). For future research, it seems appropriate to consider the main indicators of cyclicity at the macro level in order to partially optimize the tasks of sustainable development and develop a method for measuring cyclicity.

Keywords: *circular economy; sustainable development goals, macro-level indicators, material and waste flow indicators, environmental impact indicators, resource consumption rate, complex resource utilization factor, greening of production.*

Циркулярная экономика представляет собой альтернативную экономическую модель, ориентированную на повышение эффективности использования ресурсов и снижение воздействия на окружающую среду. В последние годы циркулярная экономика приобретает все большее значение как инструмент, который представляет решения для некоторых из самых насущных проблем в области устойчивого развития в мире: ЦУР 6 по энергетике, ЦУР 8 по экономическому росту, ЦУР 11 по экологической устойчивости городов и населенных пунктов, ЦУР 12 по устойчивому потреблению и производству, ЦУР 13 по изменению климата, ЦУР 14 по сохранению и рациональному использованию океанов, морей и морских ресурсов, ЦУР 15 по защите и восстановлению экосистем суши [1].

Поскольку концепция и принципы циркулярной экономики постепенно принимаются всеми субъектами на государственном и международном уровнях в рамках программ устойчивого развития, измерение прогресса либо регресса циркулярности стало важным компонентом оценки устойчивости социально-экономического развития стран. Однако измерение циркулярности не лишено проблем, в частности, из-за многоплановости концепции, ее связи со многими секторами экономики и ее географическим

масштабом. Показатели имеют решающее значение для экономической оценки на всех уровнях, от уровня микро- (предприятия) до макро- (регионального и национального) и глобального уровней с акцентом на сырье и материалы, топливо и энергетику, отходы производства и потребления. Поскольку эффективность использования ресурсов и сокращение отходов играют центральную роль в циркулярной экономике, показатели материальных потоков особенно актуальны. Многие из них собираются и оцениваются в соответствии с международными стандартами и служат основой для принятия важных решений как в государственном, так и в частном секторах. Показатели циркулярной экономики основываются на принципах *3R*: сокращение, повторное использование и переработка. Они направлены на оптимальное производство за счет использования ограниченных природных ресурсов, минимального загрязнения, выбросов и отходов с использованием принципов *3R*. Это требует различных исследований дизайна и разработки продукции, моделей производства и потребления, моделей промышленных инноваций и т. д. Более широкая модель циркулярной экономики состоит из экодизайна, ремонта, повторного использования, восстановления, перепрофилирования, совместного использования продуктов, предотвращения образования отходов и переработки отходов.

Циркулярная экономика развилась из нескольких школ мысли, таких как естественный капитализм, эффективная экономика, социальная экология (энвайронментализм), голубая экономика, промышленная экология, биомимикрия, регенеративный дизайн и реверсивная логистика [2]. Поэтому измерить прогресс в циркулярной экономике довольно сложно. Что и как компания, организация или правительство выбирает для своего вклада в циркулярную экономику, зависит от ее целей, сферы охвата и целевой аудитории. Даже в частном секторе показатели, методология и целевая аудитория циркулярных показателей сильно различаются. Аналогичная вариация существует и на макро-, мезо-, микроуровнях.

На каждом уровне показатели, а также инструменты и методы, используемые для измерения показателей, могут сильно различаться. Исследовательский центр экономики замкнутого цикла *SUMMA* в 2017 г. опубликовал отчет «Показатели циркулярной экономики», в котором приводится перечень показателей экономики замкнутого цикла [3]. Объем индикаторов сильно различается, например, индикаторы материальных потоков могут ориентироваться на глобальные цифры, а также на содержание конкретного вещества в компоненте.

Таблица 1

Классификации текущих показателей, потенциально имеющих отношение к экономике замкнутого цикла

Тип индикатора	Примеры	Доступность данных	Соответствие ЦЭ
Устойчивое развитие	Социально-экономическое развитие, устойчивое потребление и производство, социальная инклюзия, демографическая составляющая, общественность, здоровье нации, изменение климата и энергетическая безопасность, устойчивый транспорт, природные ресурсы, глобальное партнерство, эффективное управление	Нефинансовая отчетность на примере стандарта <i>GRI G4</i> , отчетность министерств энергетики стран мира, Европейская сеть устойчивого развития (<i>ESDN</i>); показатели устойчивого развития компаний (например, раскрытие информации об углероде) и т. д.	Природные ресурсы, устойчивое потребление и производство
Относящийся к окружающей среде	Сельское хозяйство, загрязнение воздуха, сокращение биоразнообразия, изменение климата, энергетика, рыболовство, земля и почвенный состав, транспорт, сточные воды	Регулятивная отчетность через основные показатели <i>EAOC</i> и статистика по странам через Национальные статистические комитеты	Образующиеся отходы, отходы упаковки, генерация и переработка
Материальный поток	Страновая структура добычи природных ископаемых, ресурсы и материалы прямого потребления, внутренние материальные затраты, торговый баланс, чистые приросты к запасам природных ресурсов, количество переработанной продукции, материальная потребность общества	Национальные статистические комитеты	Основные экономические показатели на микро-, мезо-, макроуровнях
Социальное поведение	Совместное использование, переработка бытовых отходов, отходы на душу населения (общее кол-во отходов и сегрегированные), экологическое и ресурсное налогообложение	Национальная и добровольная статистика организаций	Основные экономические показатели на микро-, мезо-, макроуровнях
Организационное поведение	Учет материальных потоков в организации, переработка, использование переработанного сырья, эко-инновации, статистика на душу населения (например, сокращение в образовании отходов на душу населения)	Добровольная отчетность предприятий и частного сектора (например, в странах ЕС через Форум ЕС по производству; <i>ZVEI</i> (немецкая электротехническая промышленная ассоциация); <i>VDMA</i> (нем. Инженерная федерация) и т. д.	Основные экономические показатели на микро-, мезо-, макроуровнях
Экологизация производства	Производительность ресурсов, зеленые рабочие места, образование отходов/ВВП, «трансформация экономики»	Национальные статистические комитеты, Табло эффективности использования ресурсов ЕС, рейтинг ОЭСР по науке, технологиям и промышленности	Основные экономические показатели на микро-, мезо-, макроуровнях

Источник: собственная разработка.

Эффективная реализация принципов циркулярной экономики требует подходящих инструментов для поддержки национальных экономик, в частности, в постановке адекватных целей по развитию циркулярности и мониторинге последствий.

На современном этапе оценки циркулярной экономики на национальном уровне следует выделить четыре группы индикаторов:

- индикаторы потока материалов и отходов: фиксируют изменения на макроуровне в жизненном цикле материалов;
- индикаторы воздействия на окружающую среду: фиксация воздействия по всей цепочке создания стоимости продукции и по всему жизненному циклу материалов;
- показатели экономического и социального воздействия: охват всей цепочки создания стоимости от производства до использования продукции и утилизации отходов, положительные и отрицательные последствия, которые могут возникнуть при структурных изменениях циркулярной экономики;
- показатели ЦУР: фиксируют внедрение специфических характеристик циркулярной экономики для ключевых отраслей.

Таблица 2

Показатели циркулярной экономики на макроуровне

Категория	Используемые индикаторы
Темпы добычи ресурсов	Добыча основных полезных ископаемых, производство энергии
Норма потребления ресурсов	Общее энергопотребление на единицу ВВП, энергопотребление на единицу добавленной стоимости, энергозатраты на единицу продукции в основных отраслях промышленности, водоснабжение водозабор на единицу ВВП, водозабор на единицу добавленной стоимости, водозабор расход на единицу продукции в основных отраслях промышленности, коэффициент орошения использование воды.
Комплексный коэффициент использования ресурсов	Коэффициент утилизации твердых промышленных отходов, коэффициент повторного использования технической воды, коэффициент утилизации регенерированных коммунально-бытовых сточных вод, безопасная степень очистки твердых бытовых отходов, утилизация лома черных металлов, утилизация цветного металла, утилизация макулатуры, скорость переработки пластика, скорость переработки резины.
Утилизация отходов и выброс загрязняющих веществ	Общее количество твердых промышленных отходов для окончательного захоронения, сброс сточных вод, общий объем выбросов диоксида серы, показатели ХПК и БПК.

Источник: собственная разработка.

Оценивая эффективность развития циркулярной экономики на макроуровне кроме производственных показателей, необходима оценка показателей, основанных на потреблении, особенно связанных с воздействием на окружающую среду. Например, такой показатель как сокращение выбросов в пределах государства может сделать страну наиболее привлекательной и в то же время высокие объемы использования природных ресурсов на душу населения могут принести отрицательный эффект для оценки развития циркулярной экономики.

Поскольку поле индикаторов циркулярной экономики еще не до конца сформировано, необходимо выделить основные показатели для оценки циркулярности на макроуровне:

Таким образом, следует отметить тот факт, что, показатели циркулярной экономики на национальном уровне могут служить ценными дополнительными показателями ВВП, давая представление об устойчивом использовании материалов экономикой и его воздействии на окружающую среду на уровне страны. Более глубокий анализ индикаторов даст возможность для определения и разработки мер национальной политики, способствующих устойчивому развитию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Global indicator framework for the Sustainable Development Goals and targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development [Electronic resource] // UN Statistics. — Mode of access: <https://unstats.un.org/wiki/collector/pages.action?key=SDGeHandbook> — Data of access: 10.09.2022.
2. Нестерова, А. А. Циркулярная экономика: теоретико-методологические аспекты / А. А. Нестерова, А. В. Петрашевская // Новая экономика. — 2022. — № 1. — С. 211—221.
3. Measuring the Circular Economy [Electronic resource] // European Circular Economy Stakeholder Platform. — Mode of access: <https://circulareconomy.europa.eu/platform/en/measuring-circular-economy>. — Date of access: 11.09.2022.

СПЕЦИФИКА РЫНКА КРЕАТИВНЫХ ПРОДУКТОВ И УСЛУГ

Ю. В. Петрашевская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: yulya.petrashevskaya@gmail.com*

В статье исследуются факторы, влияющие на креативную индустрию, а также сущность продукта креативных индустрий. Выявлена специфика креативного продукта через детальное изучение характеристик объектов интеллектуальной собственности. В исследовании уточняется взаимосвязь между креативным продуктом и инновационным продуктом, ставя креатив-

ный продукт на место экономических ресурсов для развития инновационной деятельности на предприятиях креативных индустрий. Для этого выведены экономические аспекты творческого продукта и его виды. Проводится сравнительный анализ с целью выявления основных особенностей и различий между креативным продуктом и инновационным продуктом креативных индустрий. Пересматривается роль творческого продукта как классификационного критерия в системе креативных индустрий.

Ключевые слова: креативный сектор; креативная индустрия; продукт; услуга; интеллектуальная собственность; инновационная отрасль.

SPECIFICITY OF THE MARKET OF CREATIVE PRODUCTS AND SERVICES

Y. V. Petrasheuskaya

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: yulya.petrashevskaya@gmail.com

The article explores the factors influencing the creative industry, as well as the essence of the product of creative industries. The specificity of a creative product is revealed through a detailed study of the characteristics of intellectual property objects. The study clarifies the relationship between a creative product and an innovative product, putting a creative product in place of economic resources for the development of innovative activities in enterprises of creative industries. For this, the economic aspects of the creative product and its types are derived. A comparative analysis is carried out in order to identify the main features and differences between a creative product and an innovative product of creative industries. The role of a creative product as a classification criterion in the system of creative industries is being reviewed.

Keywords: creative sector; creative industry; product; service; intellectual property; innovative industry.

Креативная индустрия является одним из источников экономического роста в эволюции экономики. Это источник роста, который имеет свои особенности. Дж. Хокинс и Р. Флорида указывали на появление креативной экономики. Существует прочная связь между творчеством, инновациями и ростом производительности, как ключевой движущей силой потенциала роста экономики, конкурентоспособности и экономического и социального благосостояния. Креативная отрасль сама по себе обладает мощным инновационным потенциалом, а также влияет на инновационные процессы и рост, основанный на знаниях, в других сферах экономики, воздействуя на цепочки добавленной стоимости по горизонтали и вертикали как поставщики и потребители. Рост ВВП, уровень личных доходов, уровень безработицы, процентная ставка, индексы цен, субсидии от государства — все эти факторы влияют на творческий сектор, как и на любую другую экономическую деятельность (табл. 1).

**Классификация факторов,
влияющих на креативную индустрию**

Инвестиции и предложение факторов производства	Качественное улучшение вводимых факторов	Рост спроса	Институциональные изменения и эффективность
Дотации от государства	Образование	Культурное участие	Увеличение числа культурных мероприятий
Процентная ставка	НИОКР	Возраст и структура спроса	Легкий доступ к культурным мероприятиям
Индексы цен	Патенты	Образование	Толерантность
Уровень безработицы	Индекс инноваций	Уровень дохода	
Рост ВВП			

Источники: [1].

Следует отметить и тот факт, что креативный продукт/услуга в силу своих специфических характеристик является классификационным признаком отраслей креативного сектора. Она лежит в основе системы креативных индустрий, которая в свою очередь делится на три группы индустрий:

— креативные индустрии — те отрасли, которые заняты приоритетным созданием креативной индустрии. Их продукт/услуга называется творческим продуктом и является ценным объектом интеллектуальной собственности;

— инновационные отрасли: если творческие отрасли и инновационные отрасли анализировать в их функциональной взаимосвязи, то творческий продукт/услугу можно рассматривать как так называемый промежуточный продукт для инновационных отраслей, которые инвестируют в него и используют его для создания инновационного продукта/услуги.

— индустрия культуры — это отрасль создала и индустриализовала творческий продукт в так называемый культурный продукт.

С точки зрения содержания, инновационный продукт/услуга обладает творческим содержанием, которое проистекает из промышленно развитой интеллектуальной собственности, а также из всех других характеристик традиционных продуктов/услуг. Основные отличия креативных и инновационных продуктов/услуг представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнение креативных и инновационных продуктов/услуг

Креативный продукт/услуга	Инновационный продукт/услуга
уникальность (мировая новизна и неповторимость) человеческого интеллекта и инноваций	промышленное количество
творческий результат	результат промышленного производства
нематериальный характер объекта	материальный характер
не предназначен для массового производства и потребления	предназначен для массового производства и потребления

Источник: [1].

Творческий продукт/услуга имеет интересные экономические аспекты, определяемые специфическими параметрами. Таким образом, экономический потенциал творческого продукта/услуги — это возможность возврата вложений в его создание, а также возможность получения прибыли. В данном случае экономический потенциал представляет собой совокупность экономической полезности — уникальности творчества и интеллекта, знаний, таланта и умений, привносимых каждым участником в процессе создания творческого продукта/услуги. Этими характеристиками творческий продукт/услуга принципиально отличается от продуктов традиционного производства. Разница заключается именно в задействованных экономических ресурсах — творчестве, интеллекте, знаниях, таланте и навыках, а также в отношении продукта/услуги к интеллектуальной собственности. Таким образом, в отличие от традиционных продуктов творческий продукт имеет так называемое творческое содержание, придающее ему конкретную полезность как рыночному продукту, удовлетворяющему потребности общества в творчестве, науке, технике, знаниях, культуре и т. д.

Добавленная стоимость творческого продукта/услуги определяется не объемом труда, вложенным в его создание, а субъективным восприятием потребителями того, насколько его потребление будет удовлетворять их личные потребности. Поэтому в отношении творческих продуктов/услуги, создаваемых творческими предприятиями, применим вариант так называемой «цепочки стоимости», но в условиях структурных различий, отличающихся особенностями и характеристиками творческого продукта/услуги. Интеллектуальная собственность, а также новые экономические ресурсы — творчество и интеллект, как нематериальные деловые активы творческих предприятий, не могут быть оценены, поэтому,

добавляя их в процессе создания продукта/услуги, к конечному творчеству добавляется полезность, а не стоимость товара/услуги. Именно по этой причине в креативных индустриях приоритетнее говорить о «цепочке полезности», а не о «цепочке создания стоимости». Дополнительным свойством добавленной стоимости творческого продукта/услуги является то, что он также обладает характеристиками, связанными с культурой, наукой, технологиями и творчеством во всех его измерениях.

Основными характеристиками креативного сектора являются следующие:

- ненадежность спроса на креативный продукт/услугу. Реакция потребителей неизвестна до выхода продукта/услуги на рынок; трудно идентифицировать и впоследствии;

- проектная форма. Творческие продукты/услуги требуют разнообразного творчества и дополнительной полезности. Их невозможно создать без разнообразия в навыках, опыте, знаниях, талантах работников творческих предприятий;

- бесконечное разнообразие форм представления творческого продукта/услуги. Товары/услуги горизонтально позиционируются по качеству и уникальности; каждый продукт/услуга представляет собой различную комбинацию дополнительной полезности, что приводит к множеству вариантов его представления на рынке;

- профессиональные навыки разделены по вертикали. Художники и исследователи дифференцируются по их навыкам, знаниям, опыту, оригинальности и профессионализму в творческом процессе. Небольшие различия в творчестве, навыках и талантах могут привести к большим различиям в финансовом успехе, создавая «успешные рынки» по принципу «победитель получает все»;

- творческие продукты/услуги имеют долгую экономическую жизнь, в течение которой они приносят постоянный доход своему владельцу.

Креативные индустрии в Республике Беларусь совсем недавно были признаны государством, однако в стратегических документах национального уровня сектор креативных услуг не имеет отдельной позиции, так как большинство отраслевых инициатив, связанных с развитием креативного фактора, остаются в настоящий период случайными и фрагментированными. Для обеспечения непрерывной и систематической работы, что касается развития сектора креативных услуг в МСБ, правительство сделало шаг вперед, чтобы заняться выработкой целенаправленных и консолидированных действий сектора. Творческая среда в стране в настоящее время формируется с развитием профессиональных

цифровых платформ, новых творческих центров. В Минске и в областных центрах благодаря росту коворкинг-пространств, хабов, антикафе и других инициатив весьма активно стали развиваться творческие экосистемы.

На современном этапе развития креативного сектора во многих странах мира, в том числе и в Беларуси, происходит слияние креативной индустрии с разными секторами национальных экономик. Темпы роста креативного сектора растут за счет развития цифровой и совместной экономики. В настоящий период нельзя игнорировать, что зарождение цифровой экономики неразрывно связано с креативной индустрией. Остановившись на последних предложениях ЮНКТАД, следует интегрировать данную концепцию и рассматривать данную взаимосвязь в «цифровом мире с креативным содержанием» [2]. Цифровизация креативного сектора экономики стимулирует и выстраивает новый базис для дальнейшего развития креативной (творческой) среды во всех направлениях социальной жизни общества. Следует отметить и тот факт, что в государственных программах пока не используется понятие креативная индустрия, не существует и дорожной карты по развитию креативной экономики в целом, однако многие понятия используются в ряде документов страны. Так, например, в Концепции Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016—2020 гг. использовалось понятие креативного класса, обозначившего «исследователей, разработчиков, рационализаторов и изобретателей, предпринимателей-инноваторов — всех тех, кто составляет «креативный класс» современного белорусского общества, в качестве ключевых субъектов инновационного и социально-экономического развития страны» [3]. Государственные программы охватывают на современном этапе лишь незначительную часть секторов, где присутствует сегодня креативная индустрия: ИТ-сектор, высокотехнологичные отрасли и сектор образовательных услуг. В Концепции Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы поставлена задача «привлечь талантливую молодежь в научно-инновационную сферу, а также повысить роль, престиж креативного класса, поскольку креативный класс является субъектом инновационного и социально-экономического развития страны» [4]. Становление и развитие креативного класса в Республике Беларусь дает возможность уравнивать роль сектора культуры и творчества с цифровой экономикой. В качестве основных креативно-инновационных площадок можно назвать: Парк высоких технологий, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень», центры трансфера технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Borisova, V.I. Essential Characteristics And Market Of The Creative Industries' Product / V.I. Borisova // Economic Alternatives. — 2018. — N 1. — P. 113—122.
2. Murphy, A. How can Belarus's IT sector impact its international standing? / A. Murphy [Electronic resource] // Minsk Dialogue. — 05.02.2020. — Mode of access: <http://minskdialogue.by/en/research/memorable-notes/how-can-belarus-s-it-sector-impact-its-international-standing>. — Date of access: 10.08.2022.
3. Мацевич-Духан, И. Я. Картографирование креативной экономики Республики Беларусь / И. Я. Духан // Бизнес. Образование. Экономика: Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 апреля 2020 г.: сб. ст. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: В. В. Манкевич (гл. ред.) [и др.]. — Минск: Ин-т бизнеса БГУ, 2020. — С. 111—116 // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/250672>. — Дата доступа: 12.08.2022.
4. Концепция государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2021—2025 гг. [Электронный ресурс] // Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы. — Режим доступа: <http://belisa.org.by/pdf/2020/GPIR.pdf>. — Дата доступа: 15.08.2022.

НОВЫЕ РЕАЛИИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С КИТАЕМ

А. Ю. Савиных

*Открытое акционерное общество
«Агентство внешнеэкономической деятельности»,
пр. Машерова, 35, 220002, г. Минск, Беларусь,
e-mail: anastasiasavinjh99@gmail.com*

Рассмотрены показатели взаимного товарооборота между странами, а также основных экспортных позиций в Китай. Описаны основные перспективные аспекты для дальнейшей проработки развития экспорта в Китай, такие как имидж и узнаваемость белорусского продукта, выход белорусских товаров на китайские платформы электронной коммерции, оптимизация и развитие логистики, использование функции предзаказа и пр. Перечислены основные сложные аспекты развития экспорта в Китай, например сложности с процедурой доступа белорусской продукции на китайский рынок электронной коммерции (e-commerce), санкционное давление, слабая узнаваемость белорусских товаров, высокая конкуренция на китайском рынке, высокие логистические издержки и пр.

Ключевые слова: экспорт в Китай; белорусский экспорт; национальный бренд Беларуси; рынок электронной коммерции.

NEW REALITIES AND NEW OPPORTUNITIES FOR BELARUS IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING TRADE AND ECONOMIC RELATIONS WITH CHINA

A. Y. Savinykh

*Agency of International Business Development JSC,
Masherov Avenue, 35, 220002, Minsk, Belarus,
e-mail: anastasiasavinykh99@gmail.com*

The indicators of mutual trade between the countries, as well as the main export positions to China, are considered. The main promising aspects for further development of exports to China are described, such as the image and recognition of the Belarusian product, the entry of Belarusian goods to Chinese e-commerce platforms, the optimization and development of logistics, the use of the pre-order function, etc. The main complex aspects of the development of exports to China are also described. Such as difficulties with the access procedure for Belarusian products to the Chinese e-commerce market, sanctions pressure, poor recognition of Belarusian goods, high competition in the Chinese market, high logistics costs, etc.

Keywords: *export to China; Belarusian export; national brand of Belarus; e-commerce market.*

В 2022 г. Республика Беларусь и Китайская Народная Республика отмечают 30-летие с момента установления дипломатических отношений между двумя странами. За данный период времени страны прошли путь от двустороннего взаимодействия до доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества.

В последние годы в торговом сотрудничестве с Китаем отмечается положительная динамика, связанная с изменением структуры белорусского товарного экспорта: расширяется товарная номенклатура за счет продукции отраслей обрабатывающей промышленности, возрастает торговля сельскохозяйственной продукцией и продуктами питания (Беларусь за пять месяцев этого года увеличила поставки в Китай продуктов питания на 80 % по отношению к аналогичному прошлогоднему периоду), снижается зависимость от экспорта сырьевых товаров и нефтехимии. Отмечается, что Республика Беларусь имеет высокий потенциал развития экспорта продуктов, в том числе экологических продуктов в Китай, в связи с рядом обстоятельств.

1. Рост объема белорусского экспорта в Китай.
2. Рост интереса потребителей из Поднебесной к здоровой и качественной пище, экологическим продуктам.
3. Недоверие китайских покупателей к экологическим продуктам местного производства.
4. Жители Китая любят пробовать новое.
5. Наблюдается увеличение количества потребителей товаров премиум и люкс сегмента [1].

К числу основных сложных аспектов развития экспорта в Китай следует отнести следующие.

1. Наблюдаются сложности с процедурой доступа белорусской продукции на китайский рынок электронной коммерции (*e-commerce*), требуется их упрощение и ускорение. Возникают трудности заполнения заявки на сертификацию продукции при регистрации, сбор и оформление требующихся документов; длительный регламентный срок прохождения данной процедуры (90 дней); при импорте в Китай пищевой продукции необходимо прохождение сертификации каждой этикетки и получение соответствующих сертификатов (стоимость одной — 2300 юаней); длительный срок данной процедуры (60 календарных дней); проблемы с освоением особенностей таможенного контроля при ввозе пищевой и сельскохозяйственной продукции территорию Китая (получение карантинного разрешения, открытие регистрационного досъе) [1].

2. Санкционное давление не дает должным образом использовать потенциал инициативы «Один пояс, один путь». В первую очередь речь идет о прервавшейся логистической цепочке в Европу. Китайская сторона не проявляет прежнего интереса, отказывает в преференциальных условиях поставок белорусской продукции, инвестиций в страну стало меньше. Плюс, увеличение логистических издержек (ранее ситуация была проще, можно было использовать недогруженные поезда, покидающих ЕС).

3. Слабая узнаваемость белорусских товаров. Требуется разработка единых брендов белорусской продовольственной и промышленной продукции, а также дальнейшее продвижение этих брендов на китайском рынке.

4. Китайский рынок перенасыщен, наблюдается высокая конкуренция. Белорусским товарам трудно конкурировать в цене, рассматривается возможность выхода только на провинциальные рынки КНР.

5. Отсутствие профильной подготовки белорусских предприятий к выходу на китайский рынок (требуется разработка экспортоориентированной продукции, с учетом специфики рынка КНР). Белорусские предприятия, которыми заинтересованы потенциальные китайские партнеры, должны проявлять большой энтузиазм в развитии взаимовыгодного сотрудничества с КНР, путем создания специальных экспортоориентированных партий продукции, с учетом предпочтений китайской стороны;

6. Высокие логистические издержки, в связи с санкционным давлением и относительно невысокой пропускной способностью железнодорожных перевозок, для последующей оперативной и экономичной организации контейнерных перевозок. После введения санкций, стоимость доставки продукции заметно увеличилась, тем самым сделав белорусскую продукцию еще менее конкурентной на китайском рынке, по итогу ведя к увеличению отрицательного внешнеторгового сальдо между странами.

Выделим основные аспекты для проработки дальнейшего развития экспорта в Китай.

1. Уделить должное внимание имиджу и узнаваемости нашего продукта. Для этого требуется разработка единых брендов белорусской продовольственной и промышленной продукции, с возможным последующим созданием Национального дистрибьютера в КНР, который объединит товары от белорусских производителей на общенациональной площадке.

2. В связи с успешным открытием Цифрового Национального павильона Беларуси на платформах «*Jing Dong*» и «*Dou Yin*» (у размещенных на них белорусских товаров через час продаж появилась метка *sold out* (продано), требуется дальнейшая проработка вопроса открытия Национального павильона Беларуси на портале «*Alibaba*» (на доменном имени *www.1688.com*), при содействии Национального дистрибьютера в КНР. Национальный павильон в перспективе будет объединять десятки компаний, торгующих белорусскими товарами в формате *B2B*.

3. Учет актуальной информации по возрастной выборке и разновидности социального статуса заинтересованных групп потребителей при продвижении и рекламных кампаниях продуктов, проведение маркетинговых исследований по регионам КНР.

4. Вход на рынок требуется начинать не с самых крупных городов Китая. Если товар дорого стоит в Поднебесной и других странах, значит, например, в Шанхае он будет стоить еще дороже. Для начала требуется рассматривать менее крупные города. У жителей этих городов есть деньги и интерес к новым продуктам. Организация там онлайн и офлайн продаж будет дешевле.

5. Оптимизация и развитие логистики, за счет повышения пропускной способности железнодорожных перевозок, для последующей оперативной и экономичной организации контейнерных перевозок.

6. Создание постоянных демонстрационно-дегустационных павильонов (при посольстве и консульствах Республики Беларусь в Китайской Народной Республике, представительствах белорусских компаний в КНР).

7. С целью своевременного реагирования на претензии и пожелания потребителей и их дальнейшего удержания, требуется производить оперативный сбор обратной связи покупателей экопродуктов.

8. Использование функции предзаказа.

9. Проработка вопросов удобства систем платежей.

10. Обеспечение общения с покупателями на всех возможных платформах [1].

Таким образом, несмотря на вышеизложенные трудности, сотрудничество с Китайской Народной Республикой является одним из приоритетных векторов внешней политики Республики Беларусь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Выход на рынок Китая: подробная информация для экспортеров [Электронный ресурс] // Фонд поддержки экспорта Московской области. — Режим доступа: <https://expportmo.ru/china>. — Дата доступа: 25.08.2022г.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

А. В. Сибирская

*Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Залогом успешного инновационного развития любой страны и ее экономического роста является наличие внешнеэкономической деятельности. Республика Беларусь является страной с открытой экономикой, успешно осуществляющей внешнюю торговлю. При это динамика внешней торговли в стране нестабильная. Так, например, в развитии внешней торговли в 2016—2018 гг. наблюдалась положительная динамика, которая сменилась на отрицательную с 2019 года. Будучи членом ЕАЭС Беларусь может заключать двусторонние соглашения о свободной торговле услугами и взаимных инвестициях. Для обеспечения возможностей по наращиванию республикой экспорта услуг одним из условий выступает детальная проработанность международной договорно-правовой базы по доступу на внешние рынки услуг и защите отечественного рынка.

Ключевые слова: *внешняя торговля; санкции; географическая структура торговли; ЕАЭС; экспорт; импорт; сальдо*

PROMISING AREAS OF FOREIGN TRADE OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONDITIONS OF SANCTIONS PRESSURE

A. V. Sibirskaya

*Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova str., 1/2, 220072, Minsk, Belarus*

The key to the successful innovative development of any country and its economic growth is the presence of foreign economic activity. The Republic of Belarus is an open economy country that successfully carries out foreign trade. At the same time, the dynamics of foreign trade in the country is unstable. For example, there was a positive trend in the development of foreign trade in 2016—2018, which changed to a negative one in 2019. As a member of the EAEU, Belarus can conclude bilateral agreements on free trade in services and mutual investments. In order to provide opportunities for the republic to increase exports of services, one of the conditions is a detailed elaboration of the international contractual and legal framework for access to foreign markets of services and protection of the domestic market.

Keywords: *foreign trade; sanctions; geographical structure of trade; EAEU; export; import; balance*

Внешнеторговый оборот товаров и услуг по методологии платежного баланса за 2021 г. составил 81 699,7 млн дол. США, или 113,2 % из расчета в ценах FOB к предыдущему году, объем экспорта — 39 889,0 млн дол. США, импорта — 41810,7 млн дол. США. По результатам 3 месяцев 2022 г. товарооборот составил 12 678,0 млн дол. США, что превышает на 21,0 % показатель аналогичного периода 2021 г.

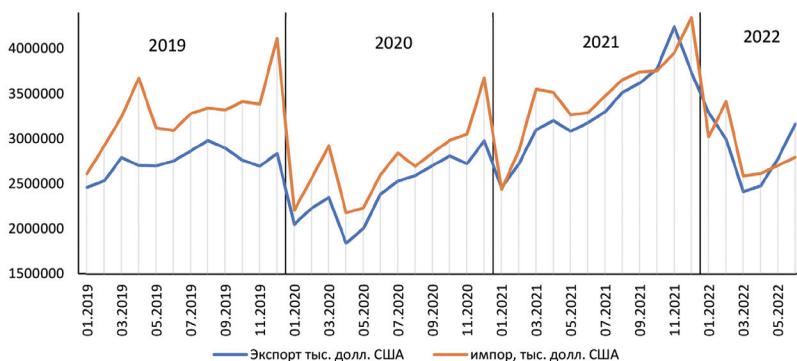

Рис. 1. Внешняя торговля товарами Республики Беларусь, тыс. дол. США

Источники: [2].

Динамику экспорта товаров за последние три года нельзя назвать стабильной. В некоторые месяцы анализируемого периода наблюдается снижение объемов экспорта (наиболее существенное снижение в январе 2020 и 2021 гг. и в апреле 2022 г.). Снижение экспорта в 2020 г. было обусловлено как снижением цен на товары, так и сокращением объемов поставок продукции.

По базисным темпам роста снижения можно отметить в период с января по июнь 2020 г. (в этот период динамика составляла менее 100 %). В остальные периоды наблюдался положительный прирост.

В разрезе укрупненных групп товаров наблюдается снижение экспорта в 2020 г. в основном инвестиционных и промежуточных товаров. Максимальный спад наблюдается в апреле — мае 2020 г. В большей степени на спад оказала влияние пандемия COVID-19. Со второй половины 2020 г. наблюдается увеличение объемов экспорта по всем группам товаров (кроме продовольственных). Этому способствовали существенные улучшения условия за счет лучшего соотношения экспортных и импортных цен.

2022 г. можно отметить достаточно успешным по всем группам товаров. Этому способствовало достижение экспорта в фи-

зическом объеме абсолютного исторического максимума, благодаря повышенному спросу в мире на фоне сбоев в логистических цепочках.

Рост экспорта в основном в 2021 г. произошел за счет роста средних экспортных цен (в ноябре 2021 г. они увеличились относительно ноября 2020 г. на 39,2 %) при этом физический объем в сентябре—октябре 2021 г. вообще показывает отрицательную динамику относительно аналогичного периода 2020 г. На протяжении 2020 г. наблюдалась обратная тенденция: отрицательная динамика средних экспортных цен и во втором полугодии положительная динамика физического объема экспорта [2].

Динамику импорта товаров за последние три года также нельзя назвать стабильной. В некоторые месяцы анализируемого периода наблюдается существенное снижение объемов импорта (наиболее серьезное снижение было в январе 2020 и 2021 гг. и в апреле 2020 г.). Существенное увеличение темпов роста наблюдалось в декабре 2019 г. и в декабре 2020 г.

По базисным темпам роста снижения можно отметить отрицательную динамику в январе—феврале, апреле—июне 2020 г. и в январе 2021 г. по июнь 2020 г. (в этот период динамика составляла менее 100 %).

В 2020 г. наблюдается снижение импорта практически по всем укрупненным группам товаров. Причиной этому можно отметить увеличение волатильности обменных курсов в большинстве стран мира в этот период, подрывающее макроэкономическую стабильность в целом. Снижение обменных курсов спровоцировало удорожание импорта, в результате чего значительно сократился импорт инвестиционных товаров.

Таким образом, в 2020 г. наблюдалась отрицательная динамика индексов физического объема и средних импортных цен. Максимальный спад наблюдается в апреле 2020 г. Обусловлена такая динамика резким падением цен на нефть *Urals*. По информации Минфина России средняя цена на нефть марки *Urals* в апреле 2020 г составила 18,22 дол. США/баррель против 71,54 дол./баррель в апреле 2019 г. Падение физического объема импорта в апреле 2020 г. связано с нефтяным конфликтом с Россией. Белорусские НПЗ не соглашались уплачивать крупнейшим поставщикам сырья из Российской Федерации премию к цене, которая существовала до 2020 г. В Беларуси ссылались на реализацию Россией налогового маневра, которая каждый год ухудшает условия деятельности для белорусской нефтепереработки [1].

Географическая структура внешней торговли товаров по итогам 2021 г. характеризуется следующим распределением долей: страны ЕАЭС занимают около больше половины внешнеторгово-

го оборота, в том числе 56,6 % — Россия, остальные страны СНГ — 6,9 %, страны ЕС — 16,7 % и остальные страны — 26,6 % в общем объеме внешнеторгового оборота страны [2].

По сравнению с аналогичным периодом 2020 г. структура сильных изменений не претерпела: на несколько процентов снизилась доля стран ЕС, СНГ и ЕАЭС и увеличилась доля остальных стран. В частности, наблюдается смещение Литвы с 10 на 15 позицию, Нидерландов — с 9 на 11 позицию.

При это наблюдается изменение позиции Франции (с 11-й на 10-ю) и значительный прирост позиции Азербайджана (с 13-й на 9-ю).

Объясняются подобные сдвиги секционным давлением на Беларусь западных стран, и постепенная переориентация внешней торговли Беларуси на рынки стран ЕАЭС и СНГ и Азиатский регион, а также активный поиск новых рынков сбыта белорусской продукции.

В отличие от импорта, экспортный рейтинг имел более существенные изменения в 2021 г. В рейтинге основных экспортных партнеров изменения уже начинаются с третьей позиции.

Если в 2020 г. 3-й по экспорту страной являлась Польша, то уже в 2021 г. на третьем месте оказалась Нидерланды, поднявшись с 9-й позиции. В Нидерланды экспортируется продукция химического и нефтехимического комплекса; металлопродукция; лесоматериалы и продукция деревообработки; приборы и устройства, применяемые в медицине; мебель; рапсовое масло. Прирост экспорта в 2021 г. был обусловлен расширением поставок по 55 новым товарным позициям (продукты питания и напитки; оборудование для обработки резины или пластмасс; изделия из черных металлов; прокат плоский из нелегированной стали; двигатели турбореактивные и турбовинтовые, товары народного потребления и др.).

На 6-е место в 2021 г. с 4 опустилась Литва ввиду неукоснительного выполнения санкций против Беларуси.

Существенное падение наблюдается по Соединенному Королевству (с 6-й на 16-ю позицию).

Таким образом, можем отметить прирост объемов торговли со странами Евросоюза практически по всем группам товаров. В целом, в 2021 г. удалось нарастить объемы внешней торговли с 21 страной Евросоюза.

Сальдо внешней торговли Республики Беларусь за 2019—2020 гг. имело стабильную тенденцию к снижению (так, с –6 521 556,8 тыс. дол. США в 2019 г. до –1 924 617,7 тыс. дол. США). Отрицательное внешнеторговое сальдо по товарам в 2021 г. сократилось на 68,2 %. По результатам трех месяцев 2022 г. сальдо уже увеличилось —2 247 686,2 тыс. дол. США [2].

По результатам первого квартала 2022 г. видим увеличение отрицательного сальдо 323 068,5 тыс. дол. США. Однако за первое полугодие 2022 г. внешняя торговля показала положительное сальдо в размере 303 068 тыс. дол. США [2].

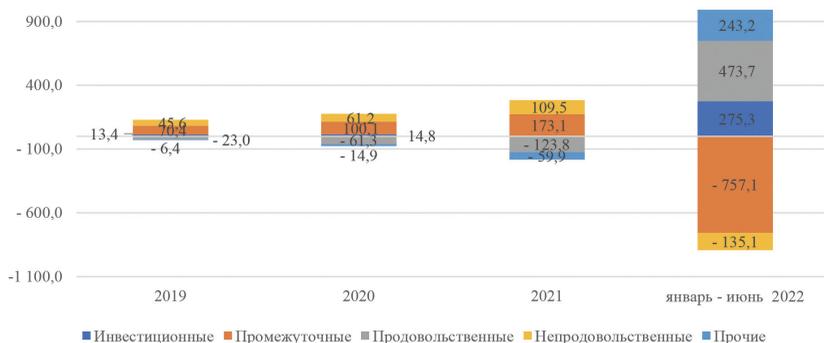

Рис. 2. Структура вклада в итоговое сальдо отдельных групп товаров за 2019—2022 гг., млн дол. США

Источник: [2].

Отрицательный вклад в формирование сальдо торговли товарами традиционно вносят продовольственные товары. В 2021 г. отрицательный вклад составил 115,8 %, в первом квартале 2022 г. эта доля уже составила 191,1 %. Также отрицательное влияние оказывают на сальдо прочие товары (в 2021 г. — 9,6 %).

В первом квартале 2022 г. также отрицательный вклад внесли и инвестиционные товары (95,3 %).

Традиционно положительный вклад на протяжении анализируемого периода вносили непродовольственные товары (в 2021 г. — 102,4 %), а наибольшее положительное значение вклада наблюдается у промежуточных товаров (в 2021 г. — 161,9 %, а в первом квартале 2022 г. — 356,7 %).

Основной минус по сальдо внешней торговли товарами формируется за счет России и Китая. Из Российской Федерации Беларусь импортирует нефть, газ, черные металлы, автомобили. Импорт из Китая более диверсифицирован, в нем много оборудования и прочих товаров, поставляемых в рамках связанных кредитных соглашений с китайскими банками. Также в поставках из КНР значительную долю занимают телекоммуникационные товары. Также в формировании отрицательного сальдо в торговле товарами можно отметить и Германию, в которую был прекращен экспорт белорусской нефти в I квартале 2020 г.

В целом, можно отметить по внешнеторговому обороту отсутствие изменений в рейтинге первых 5 позиций. Такие страны, как Литва, Италия и Великобритания опустились на несколько позиций вниз, а Нидерланды, Казахстан, Турция, США, наоборот, укрепили свои позиции в рейтинге.

Улучшение конъюнктуры на отдельных внешних товарных рынках способствовало увеличению стоимостного объема белорусского экспорта по таким важнейшим позициям, как: нефтепродукты, удобрения калийные, автомобили грузовые, нефть сырая, лесоматериалы продольно-распиленные, продукты перегонки каменноугольной смолы, масло рапсовое, прутки из нелегированной стали горячекатаные прочие, что в совокупности увеличило валютные поступления в страну.

Положительная динамика экспорта нефтепродуктов была полностью обеспечена увеличением средней цены при снижении физических объемов их продаж на внешнем рынке. Важнейшие поставки продуктов переработки нефти осуществлялись в Украину и Нидерланды.

Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме экспортных поставок все еще остается на невысоком уровне.

Внешняя политика Республики Беларусь в целом направлена на развитие партнерства с Российской Федерацией, КНР, на активное участие в интеграционных объединениях ЕАЭС и ОДКБ, на взаимосвязь с остальными странами мира, в то числе с США и ЕС. Республика Беларусь активно расширяет деловые связи со странами Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Пакистан, Вьетнам, страны арабского мира и т. д.). в этом направлении страна активно экспортирует калийные удобрения, автомобили и сельскохозяйственную технику, фармацевтические разработки, инновации аграрного сектора. Продолжается углубление торговых отношений со странами «дольней дуги» — Азия, Африка, Латинская Америка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внешняя торговля ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2021/12_180.aspx. — Дата доступа: 01.09.2022
2. Внешняя торговля [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/>. — Дата доступа: 01.09.2022.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТНЫХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

И. В. Стефанович

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: Stefanovitch.in@yandex.by

Имея внешнеторговые отношения с примерно 170 странами мира, следует отметить, что ведущими рынками сбыта в последние годы для Беларуси являлись рынки России, некоторых стран Евросоюза (Германии, Польши, Нидерландов) и Украины. Однако военный конфликт между Россией и Украиной и усилившиеся в результате этого санкции Запада поставили перед нашей страной задачу переориентации отечественного экспорта. Какова динамика данного процесса, в чем его особенности, проблемы и какие видятся перспективы — это ключевые вопросы, на которые будет предпринята попытка ответить в данной статье.

Ключевые слова: экспорт товаров и услуг; Республика Беларусь; санкционная политика Запада; последствия и проблемы от введения санкций, регулирование экспорта

TRENDS AND PROBLEMS OF EXPORT RELATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN MODERN CONDITIONS

I. V. Stefanovitch

Belarusian state University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: Stefanovitch.in@yandex.by

Having foreign trade relations with about 170 countries of the world, it should be noted that the leading sales markets for Belarus in recent years have been the markets of Russia, some EU countries (Germany, Poland, the Netherlands) and Ukraine. However, the military conflict between Russia and Ukraine and the Western sanctions that have intensified as a result have set our country the task of reorienting domestic exports. What is the dynamics of this process, what are its features, problems and what prospects are seen — these are the key questions that will be attempted to answer in this article.

Keywords: export of goods and services; the Republic of Belarus; sanctions policy of the West; consequences and problems from the imposition of sanctions, export regulation

В 2021 г. основным драйвером роста экономики Беларуси стал экспорт: его прирост по сравнению с 2020 г. составил около 10 млрд дол. США, при этом было получено минимальное за последние годы отрицательного сальдо внешнеторгового баланса (примерно 1,8 млрд дол.). Наибольший прирост экспорта из Беларуси наблюдался в группе промежуточных товаров (около 45 %), затем — в группах инвестиционных и потребительских товаров (примерно в два раза меньше по отношению к первой группе).

Изучение процесса развития экспортных отношений Республики Беларусь в настоящее время хотелось бы прежде всего начать с анализа их динамики, в том числе в плане торгуемых товаров и услуг, а также стран-партнеров.

Для этого предлагается обратиться к данным следующей таблицы, составленной на основе отчетности Белстата, отражающей особенности товарного экспорта Беларуси:

Динамика экспорта товаров Республики Беларусь, %

Название показателя	Значение показателя в январе—мае 2022 г. к январю—маю 2021 г.
Экспорт всего	95,6
Страны СНГ	103,5
Страны ЕАЭС	116,3
Российская Федерация	117,4
Страны вне СНГ	84,9
Страны Европейского союза	79,1

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [1].

Согласно представленных в таблице данных, видно, что за истекший период темпы роста экспорта Беларуси в целом сократились, что явилось следствием проводимой санкционной политики Запада в отношении Республики Беларусь и России. Это подтверждается снижением рассматриваемого показателя в отношении групп стран вне СНГ и стран ЕС. Однако статистика продемонстрировала прирост исследуемого показателя (более 100 %) по отдельным странам ЕС — Испании, Чехии, Польши, Болгарии.

За анализируемый период среди стран и регионов дальнего зарубежья наибольший прирост экспорта товаров (более 150 %) Республика Беларусь имела с Китаем, Мексикой, Эквадором, Сингапуром, Турцией, и рядом государств Африки; в разы удалось прирастить объемы экспорта с Объединенными Арабскими Эмиратами, Ливаном.

Отмечается приращение объема экспорта и со странами СНГ, в особенности со странами — членами ЕАЭС и, в частности с Россией (рост в размере 117 %). С двумя другими странами ЕАЭС экспорт также возрос: с Арменией на 151,2 % и с Кыргызстаном на 122 %; и лишь с Казахстаном он снизился и составил 93,5 %. На рост белорусского экспорта в Россию в определенной мере положительно повлияли санкции Запада, в результате чего постепенно происходит, вытеснение западных производителей и поставщиков в том числе товарами белорусских производителей

(это касается в частности продукции машиностроения и оборудования, химической отрасли, продовольствия).

Товарная структура белорусского экспорта включает в себя более 1000 товарных позиций. Вместе с тем свыше 2/3 экспортных поставок приходится на следующие группы товаров: продукция нефтехимического комплекса, удобрения, мясо-молочная продукция, транспортные средства и оборудование, древесина.

Рассматривая экспорт белорусских услуг, можно отметить, что, в соответствие с данными Национального банка Республики Беларусь, за период январь—май 2022 г. к аналогичному периоду 2021 г. он также, как и экспорт товаров, снизился и составил 92,2 %, сократившись еще более существенно по сравнению с экспортом товаров [2]. Ключевыми позициями белорусского экспорта услуг являются: транспортные услуги, услуги ИТ-индустрии, деловые и строительные услуги. В перечень стран-основных потребителей белорусских услуг в 2021 г. входили Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Германия, Кипр, Литва, Китай, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Польша.

Теперь несколько подробнее о том, что касается предпосылок вынужденных изменений в географии и отдельных видах продукции белорусского экспорта. Следует напомнить, что страны Запада уже с конца 2020 года стали вводить против Беларуси санкции. В июне прошлого года ЕС ввел ограничения, которые затронули почти все отрасли экономики нашей страны. В частности, был введен запрет на импорт и транзит по территории ЕС нефтепродуктов, а затем и ряда других товаров.

В ответ на санкционные меры западных государств наша страна в апреле 2022 г. утвердила перечень стран, совершающих недружественные действия касательно юридических и физических лиц нашей республики. К таким странам относятся: страны Евросоюза, Австралия, Канада, Лихтенштейн, Норвегия, Новая Зеландия, Албания, Исландия, Северная Македония, Черногория, Великобритания, США, Швейцария. В связи с этим многие эксперты объективно полагают, что в последующие месяцы можно ожидать снижения интенсивности торговых отношений со странами Евросоюза, в частности в плане экспорта. Вместе с тем постепенно происходит переориентация экспорта продукции отечественного производства на рынки Азиатских и Африканских стран, стран Ближнего Востока, Океании.

Несмотря на достаточно емкие рынки России и Китая, в условиях ужесточения санкционной политики белорусский экспорт испытывает нестабильность и снижение объемов продаж. Так, в частности, это касается одной из наиболее весомых экспортных

товарных позиций Беларуси — калийных удобрений. Крупнейшими покупателями белорусских калийных удобрений выступают Китай, Бразилия и Индия. До 1 февраля 2022 г. основной их экспорт осуществлялся через порт в Клайпеде. Однако отказ Литвы перевозить белорусские удобрения, несмотря на то, что белорусская калийная компания является одним из акционеров, поставил задачу поиска альтернативных логистических маршрутов. В качестве таковых были рассмотрены российские порты и железная дорога. Безусловно, переориентация на новые логистические маршруты потребует дополнительных затрат времени, а также ведет к удорожанию затрат по транспортировке. Поиск «обходных путей» вызывает появление дополнительных посредников, что также ведет к удорожанию стоимости транспортировки. Однако на фоне дефицита калийных удобрений и растущих мировых цен на них Беларуси, предполагается, что удастся сохранить свою долю рынка и доходность в отношении данного товара.

Проблемы транспортировки, снижения как пассажиро-, так и грузооборота коснулись в том числе авиатранспорта: произошло закрытие воздушного пространства странами ЕС и Украины, сокращение числа авиаперевозчиков на нашем рынке, ощущается нехватка самолетов из-за разрыва лизинговых контрактов. Все это увеличивает расстояние и время полетов, а, соответственно, и стоимость перелетов.

В целом санкции Запада вынуждают белорусские предприятия временно сокращать и приостанавливать свое производство и поставки на уже сформировавшиеся ранее рынки сбыта. Эта ситуация просматривается в отношении продукции нефтехимии (наблюдалось снижение загрузки производственных мощностей Новополоцкого «Нафтана» и Мозырского НПЗ под предлогом проведения плановых ремонтных работ), машиностроения (производство легковых автомобилей «БелДжи» в связи с проблемами в поставке комплектующих), деревообработки (из-за разрыва торговых связей с покупателями из Польши и Литвы), в IT-секторе (в связи с ограничениями найма работников данной отрасли из Беларуси, а также в связи с угрозами отключения от важных сервисов и финансовых услуг) [3].

Таким образом, проблемы и сложности белорусского экспорта в сложившихся условиях разнонаправленных и все возрастающих санкций, связаны с:

- разрывом многих сложившихся ранее внешних торговых и производственно-кооперационных связей;
- запретом импорта технологий и оборудования из недружественных стран для синхронной работы нашей промышленности;

- сбоями в области транспорта и логистики, касающиеся поставок комплектующих, перевозки грузов;
- санкциями в отношении банков, затрудняющие расчеты с иностранными клиентами;
- препятствиями в развитии ИТ-сектора в Беларуси;
- «экспортным шоком» страны-основного внешнеторгового партнера Беларуси — России, сопровождающегося в ней спадом экономики и инфляцией.

Последствиями этого может быть затяжной экономический спад, обусловленный выпадением из глобальных технологических и производственных цепей, «вымыванием» человеческого капитала. Оценка последствий такого влияния для экспорта Республики Беларусь, по оценкам Евразийского банка развития, может составить около 20 % экспорта товаров и услуг в текущем году [4].

В этих условиях для минимизации санкционного влияния на экономику Беларуси стратегически целесообразным видится переориентация внешнеторговых потоков из недружественных стран в направлении прежде всего России и Китая (в марте текущего года в эти две страны было поставлено почти 60 % всей нашей экспортной продукции).

В кратко- и среднесрочной перспективах предполагается реализовать комплекс следующих мероприятий:

- в целях решения проблемы транспортировки белорусских товаров (в частности нефтепродуктов) в условиях невозможности использования портов балтийских стран, между руководством Беларуси и России была достигнута договоренность о расширении возможностей перевозки и перевалки в третьи страны через российские морские порты, что нашло отражение в соответствующем межправительственном Соглашении и Протоколе о внесении изменений в него. Кроме того, Республика Беларусь приняла решение о реализации проекта по строительству терминала на российской Балтике для перевалки отечественных грузов (предположительно на реализацию данного проекта может уйти около двух лет);

- для обеспечения устойчивости работы промышленного сектора на ближайшую перспективу видится необходимым открытие торговых компаний в таких странах, как Казахстан, Узбекистан, Армения, Грузия, Турция с целью обеспечения взаиморасчетов и перенаправления из них товаров в Беларусь и Россию для решения проблемы поставки комплектующих;

— с ориентацией на долгосрочную перспективу планируется проработка и практическая реализация политики импортозамещения. Для этого государство совместно с Банком развития должно активно стимулировать и поддерживать отечественных производителей, способствовать развитию предпринимательской инициативы путем предоставления экспортного кредитования по льготным процентным ставкам, увеличение сроков возвратов экспортных кредитов для подсанкционных предприятий и пр.;

— для оказания финансовой поддержки реальному сектору экономики Беларуси и снижения административной нагрузки на бизнес Правительств совместно с Национальным банком разрабатываются проекты нормативных правовых актов, предусматривающие право на рассрочки либо отсрочки налоговых и арендных платежей, продление сроков действия разрешительных документов и справок, сокращение проверок контролирующими органами.

Реализация выше упомянутых мероприятий позволит Беларуси постепенно адаптироваться к непростой внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации, максимально сократив потери отечественного экспорта и снизив риски экономического спада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баланс внешней торговли товарами Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/operativnye-dannye/>. — Дата доступа: 01.09.2022.
2. Внешняя торговля товарами и услугами Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.nbrb.by/statistics/foreigntrade/current>. — Дата доступа: 01.09.2022.
3. От чуда до шока. Что ждет белорусский экспорт [Электронный ресурс] // *ilex-новости*. — Режим доступа: <https://ilex.by/ot-chuda-do-shoka-chto-zhdet-belorusskij-eksport/>. — Дата доступа: 01.09.2022.
4. Сжатие экспорта и высокая инфляция. Оценены потери белорусской экономики в 2022 году // [Электронный ресурс] // *ilex-новости*. — Режим доступа: <https://ilex.by/szhatie-eksporta-i-vysokaya-inflyatsiya-otseneny-poteri-belorusskoj-ekonomiki-v-2022-godu/>. — Дата доступа: 01.09.2022.

ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ КИТАЯ

Су Цян

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: johnncy95@163.com

В настоящее время облачные технологии играют все более важную роль в обеспечении цифровой трансформации экономики КНР. Рассмотрены важнейшие тенденции развития облачных технологий в КНР, проанализирована деятельность ключевых поставщиков услуг, основанных на использовании облачных технологий, а также выявлены тенденции изменения структуры потребителей ИТ-услуг, основанных на облачных технологиях. Сформулированы важнейшие перспективы развития облачных технологий в экономике КНР.

Ключевые слова: облачные технологии; ИТ-услуги; Китай; Huawei; Baidu; Tencent; Alibaba.

CLOUD TECHNOLOGIES IN CHINA'S ECONOMY

Su Qiang

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: johnncy95@163.com

Authors describe the role and tendencies in development of cloud technology in China. Actual activity of the main providers of cloud services in China is also being analyzed to find out the changes in demand and supply of services. Are also proposed the perspectives of the further development of cloud services in China.

Keywords: cloud technologies; IT services; China; Huawei; Baidu; Tencent; Alibaba

В настоящее время сегмент ИТ-услуг, основанных на использовании облачных технологий, играет все более важную роль в функционировании рынка ИТ-услуг Китая в целом. Потребители ИТ-услуг все более активно стремятся использовать возможности облачных технологий для цифровизации своей деятельности, получения экономического и иного значимого эффекта (улучшения качества работы, формирования положительного имиджа в деловом окружении). Быстрое развитие облачных технологий в различных отраслях и сферах экономики Китая обусловлено следующими важнейшими факторами [1]:

1) влияние пандемии коронавируса, в результате чего потребность в инструментах, делающих возможной удаленную работу, а также обучение, резко возросла. Потребители ИТ-услуг стремятся обеспечить безопасность своих сотрудников и партнеров, в результате чего активно инвестируют средства в продукты и услуги, в основе которых лежат облачные технологии;

2) быстрое развитие электронной коммерции в Китае. Так, в настоящее время Китай является крупнейшим в мире рынком

электронной коммерции. По имеющимся данным, в 2020 г. покупки онлайн в Китае совершали 710 млн пользователей, объем транзакций достиг 2,29 трлн дол. США. Более того, к 2024 г. ожидается рост объемов электронной коммерции в Китае до 3,56 млрд дол. США [3]. По предварительным данным за 2021 г. объемы электронной торговли в Китае превысили объемы традиционной торговли, что объективно стимулирует спрос на ИТ-услуги, основанные на использовании облачных технологий;

3) развитие инфраструктуры и возрастание масштабов передачи данных в экономике Китая. В результате возможности облачных технологий становятся доступными в т. ч. представителям малого бизнеса;

4) рост востребованности стратегий цифровой трансформации среди большинства отраслей и сфер деятельности. Если изначально основной спрос на ИТ-услуги, основанные на облачных технологиях, генерировали крупные корпорации, работающие на мировом рынке, то постепенно преимущества облачных технологий стали очевидными для малых и средних предприятий. Более того, ИТ-услуги, основанные на облачных технологиях, распространяются и в государственном секторе Китая, в социальной сфере (в образовании, здравоохранении), что позволяет повышать качество управления страной. Однако результаты исследования *McKinsey* [4] показывают, что до настоящего времени потенциал развития облачных технологий в Китае остается неиспользованным в полной мере. Многие потенциальные потребители отказываются от ИТ-услуг, основанных на задействовании облачных технологий, ввиду соображений безопасности, требований регулятора, неполного соответствия предлагаемых услуг потребностям конкретной компании, отсутствия необходимых навыков управления бизнесом на основе облачных технологий.

В то же время технологические решения, предлагаемые провайдерами ИТ-услуг на основе облачных технологий, продолжают улучшаться, однако до настоящего времени провайдеры предпочитают ограничиваться предоставлением услуг, непосредственно связанных с задействованием облачных технологий, при этом потребности клиентов существенно шире. Имеет место значимая потребность в услугах по стратегической трансформации бизнеса с задействованием облачных технологий, обучении специалистов и руководителей, что особенно актуально для малого бизнеса, обмене опытом с другими компаниями и экспертами. Однако положительное действие ранее выделенных факторов уже обеспечивает быстрые темпы роста сегмента ИТ-услуг, основанных на задействовании облачных технологий. Так, в 2021 г. его объем вырос до 27,4 млрд дол. США или на 45 % [1].

В настоящее время глобальные поставщики облачных услуг (*Amazon, Microsoft*) имеют достаточно слабые позиции на рынке Китая, а услуги Google китайским потребителям не доступны. Имеет место устойчивое доминирование китайских провайдеров облачных услуг, крупнейшими среди которых являются *Alibaba Cloud, Tencent Cloud, Huawei Cloud, Baidu Cloud* и *China Telecom Cloud* [2]. Следует учитывать, что действующее законодательство Китая не позволяет иностранным поставщикам облачных услуг владеть собственными центрами обработки данных. При этом процесс получения лицензии на оказание таких услуг является достаточно длительным и сложным даже для компаний с китайским капиталом. Соответственно, глобальные поставщики облачных услуг находятся в менее выгодном положении по сравнению с китайскими провайдерами.

Однако общие перспективы развития облачных технологий в КНР являются положительными. Ожидается повышение объема реализации ИТ-услуг, основанных на облачных технологиях, до 84,7 млрд дол. США в 2026 г. [1], но доля иностранных провайдеров будет сокращаться из-за новых законодательных ограничений на работу с данными, введенных в 2020-2021 гг. Также сохранится настороженное отношение к использованию облачных технологий, что связано с вопросами кибербезопасности, соблюдением нормативных требований, а также значительными штрафами за нарушения, связанные с обработкой данных. Действия китайского правительства по регулированию облачных технологий в настоящее время направлены как на обеспечение безопасности их использования, в т. ч. в государственном секторе, так и обеспечить соблюдение конфиденциальности данных китайских пользователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. China's cloud spend up 45% in 2021 bringing high expectations for 2022 [Electronic resource] // Canalsys. — Access mode: <https://canalys.com/newsroom/china-cloud-market-q4-2021>. — Date of access: 21.05.2022.
2. Chinese Cloud Services [Electronic resource] // InCountry. — Access mode: <https://incountry.com/blog/chinese-cloud-services/>. — Date of access: 29.05.2022.
3. eCommerce [Electronic resource] // China Country Commercial Guide. — Access mode: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/china-ecommerce#:~:text=China%20is%20the%20largest%20e,reach%20%243.56%20trillion%20by%202024>. — Date of access: 24.05.2022.
4. Public Cloud in China: Big Challenges, Big Upside [Electronic resource] // McKinsey&Company. — Access mode: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Industries/Technology%20Media%20and%20Telecommunications/High%20Tech/Our%20Insights/Public%20cloud%20in%20China%20Big%20challenges%20big%20upside/Public-cloud-in-China-Big-challenges-big-upside.pdf>. — Date of access: 22.05.2022.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ОМАНОМ

Е. О. Тавгенъ

*Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь, e-mail: katetavgen@mail.ru*

В статье рассматриваются направления развития внешнеторгового сотрудничества с Султанатом Оман. В частности, анализируются перспективные возможности для иностранных экспортеров, в том числе и белорусских, в таких отраслях оманской экономики, как горнодобывающая и энергетическая промышленность, инфраструктура и строительство, здравоохранение. Особое внимание уделяется реализуемым в данных секторах проектам и отдельным товарным позициям, востребованным на местном рынке. Кроме того, указываются преимущества и недостатки страны для ведения внешнеторговой деятельности. Подчеркивается, что с учетом активной политики оманского правительства по диверсификации экономики и желанию эффективно использовать стратегическое географическое положение, государство открыто для взаимодействия с зарубежными фирмами и может стать выгодным торговым партнером.

Ключевые слова: *внешнеторговое сотрудничество; Оман; инфраструктура; строительство; горнодобывающая промышленность; здравоохранение; экспорт.*

PROMISING AREAS OF FOREIGN TRADE COOPERATION WITH OMAN

E. O. Tauhen

*The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova str., 1/2, 220072, Minsk, Belarus, e-mail: katetavgen@mail.ru*

The article reveals the directions of development of foreign trade cooperation with the Sultanate of Oman. More specifically, promising opportunities for foreign exporters, including Belarusian ones, are analyzed in the following sectors of the Omani economy: mining and energy industries, infrastructure and construction, healthcare. Particular attention is paid to projects implemented in these sectors and individual commodity items that are in demand on the local market. In addition, the advantages and disadvantages of the country for conducting foreign trade activities are indicated. It is emphasized that, given the active policy of the Omani government to diversify the economy and the desire to effectively use the strategic geographic location, the state is open to interacting with foreign firms and can become a profitable trading partner.

Keywords: *foreign trade cooperation; Oman; infrastructure; construction; mining industry; healthcare; export.*

Султанат Оман сильно зависит от нефти и газа, на которые приходится от 68 до 85 % государственных доходов, что обусловлено колебаниями цен на сырьевые товары [1]. В последнее время страна активно использует усовершенствованные технологии добычи нефти, чтобы увеличить объемы производства, при этом

одновременно реализуя план развития, который фокусируется на диверсификации, индустриализации и приватизации с целью уменьшения вклада нефтяного сектора в ВВП. Ключевыми компонентами государственной стратегии диверсификация являются туризм, судоходство и логистика, горнодобывающая промышленность, промышленное производство и аквакультура. Такие мероприятия приносят свои плоды, это подтверждается тем фактом, что на ненефтегазовые отрасли сейчас приходится более двух третей ВВП.

К благоприятным факторам развития экономической деятельности с Султанатом Оман можно отнести: достаточные энергетические, в частности нефтегазовые, ресурсы, которых хватит еще как минимум на 10 лет; стратегическое расположение возле Ормузского пролива и близость к рынкам Персидского залива, Азии и Африки; значительные объемы валютных резервов, покрывающие 5,5 месяца импорта, и активов Фонда национального благосостояния; современную инфраструктуру; статус одного из главных региональных хабов для реэкспорта.

Среди недостатков Султаната Оман для ведения внешнеторговой и инвестиционной деятельности можно выделить: близость к региональным конфликтам (Иран, Йемен); устойчивый дефицит бюджета и текущего счета; увеличение государственного и внешнего долга с 2015 г.; экспортную зависимость от Китая, на долю которого приходится 39 % от общего объема оманского экспорта (изменение тенденций в Китае может оказать негативное влияние на торговый баланс Омана).

Экономика Омана открыта для внешней торговли, на долю которой приходится 103 % ВВП. Султанат экспортирует углеводороды и нефтепродукты, постепенно увеличивается доля промышленной продукции в экспорте. Основными статьями импорта являются нефтяные масла, автомобили, электроника и железо [2]. Растет спрос на потребительские товары и оборудование. Ведущие торговые партнеры — ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия, Индия и Китай, ЕС.

Оман приветствует сотрудничество с иностранными компаниями, в том числе и белорусскими, в таких сферах, как горнодобывающая промышленность, энергетика, логистика, строительство, здравоохранение.

Государство располагает запасами меди, золота, серебра, хрома, свинца, никеля, марганца и цинка, которые по большей части не разработаны из-за доминирования нефтяного сектора. Однако с 2014 года правительство Омана постепенно стимулирует развитие горнодобывающей деятельности. Так, в 2016 г. были созданы Государственное управление горнодобывающей

промышленности при Министерстве торговли и промышленности для регулирования данной отрасли и холдинговая компания *Mining Development Oman* с целью расширения участия частного сектора и привлечения инвестиций.

Компания *Gulf Mining Group* является ведущим игроком в горнодобывающей сфере Омана. Она стала одним из крупнейших производителей и экспортеров хромовой руды. При этом, группа намерена реализовать крупный проект по добыче калийных удобрений в центральном регионе страны с инвестициями в размере от 300 до 500 млн дол. США [1]. Кроме того, предприятие считается одним из главных производителей гипса в Омане и находится в процессе создания завода по выпуску гипсокартона и других сопутствующих товаров в Салале. Британская компания *Savannah Resources* планирует построить обогатительную фабрику по производству меди, способную ежегодно перерабатывать до 250 тыс. т концентрата с месторождений *Mahab 4* и *Maqail South* и других рудников.

Оманский горнодобывающий сектор ищет опытные зарубежные компании для получения экспертных технологических решений в области разведки меди и золота, технологий промышленной переработки минерального сырья, оборудования для бурения и проведения химических испытаний, инструментов и техники для строительства заводов.

Для более полноценного использования своего потенциала в рамках экспорта полезных ископаемых правительство Омана активно занимается улучшением инфраструктуры.

Особая экономическая зона Дукм — флагманский проект национальной стратегии развития, предполагающий строительство порта, аэропорта, нефтеперерабатывающего завода и туристических объектов. Дукм предусматривает формирование инфраструктуры в области очистки сточных вод, канализации, опреснения воды, телекоммуникационных сетей. Правительство также планирует проложить новую железнодорожную линию для транспортировки минеральных ресурсов из района Дофар в порт Дукм.

Именно стратегическое положение города привлекло внимание Пекина в контексте его громко анонсированного проекта Морского шелкового пути. Более чем три четверти экспорта сырой нефти из Омана отправляется прямым путем в Китай [3]. Большую часть работ в Дукме выполняет консорциум китайских компаний.

Дорожное строительство является еще одним приоритетным направлением инфраструктурного развития, о чем свидетельствует открытие нового сообщения между Оманом и Саудовской

Аравии. Существует потребность в улучшении системы общественного транспорта путем расширения автобусного парка и внедрения государственной службы такси. Примечательно, что Оман закупает пассажирские транспортные средства как для внутренних продаж, так и для реэкспорта на региональные рынки. Государство также импортирует строительную технику, оборудование для воздушных и морских портов, в том числе для проверки безопасности, краны (в частности козловые краны на резиновых шинах) и погрузчики, системы контроля доступа, программное обеспечение для логистики.

Являясь крупнейшим сегментом нефтефтяной экономики, строительство лежит в основе усилий правительства по снижению уровня нефтяной зависимости страны. Несмотря на сокращение государственных инвестиций, строительная отрасль Омана продолжает расти, главным образом, благодаря тому, что частный сектор пользуется преимуществами более низких затрат на строительство. Отраслевые эксперты прогнозируют реализацию нескольких масштабных проектов по строительству дорог и плотин, офисных зданий и жилых комплексов. Наиболее активным сегментом строительного рынка на сегодняшний день является возведение многофункциональных зданий.

Перспективные возможности для иностранных компаний существуют в таких сферах, как производство мрамора, добыча и переработка гранита, производство стекла, известняка, плитки, цемента. Предприятия стремятся использовать передовые технологии и оборудование, работающее на солнечной энергии. Государственный план развития Видение-2040 предусматривает выделение 80 млн оманских риалов (порядка 210 млн дол. США) в год на строительство доступного жилья, чтобы сократить его дефицит [4]. Правительство вовлечено в создание более 5 тыс. домов вместе с частными застройщиками.

Нефть оставалась движущей силой экономики Омана с тех пор, как было инициировано ее коммерческое производство в 1967 г. Снижение цен на нефть в предыдущие годы подтолкнуло фирмы к повышению эффективности, вынуждая многих участников рынка работать с подрядчиками и снижать расходы. *Petroleum Development Oman*, крупнейший в Омане производитель углеводородов, уже инвестирует значительные средства в альтернативные технологии, используя солнечную энергию для выработки пара в целях увеличения нефтеотдачи пластов: в настоящий момент это процедура осуществляется путем сжигания природного газа [1]. Компания ожидает, что к 2025 г. более 23 % ее производства будет приходиться именно на такие проекты (по сравнению с нынешними 10 %).

Нефтяная инфраструктура страны постепенно стареет, что формирует спрос на трубопроводы, устьевое оборудование скважин, насосы. Другие ведущие подсекторы включают в себя: буровое оборудование, технологию гидравлического разрыва пласта, нефтедобывающее оборудование, устройства для удаления песка из сырой нефти, котлы, буровые штанги, сепараторы, горелки в передвижных резервуарах, оборудование подогрева трубопровода для тяжелой нефти, системы очистки воды и контроля качества, системы закачивания пара и другие технологии для повышения нефтеотдачи пластов, оборудование для газовых установок, компрессоры. Также растет интерес к системам хранения.

Энергетическая отрасль в Омане находится в переходном состоянии, учитывая потребность в оптимизации затрат. Ожидается, что потребление энергии будет расти в среднем на 7 % ежегодно. Оман планирует увеличить долю энергии, получаемой из возобновляемых источников, до 10 % к 2030 г. за счет реализации ряда проектов по строительству солнечных и ветряных электростанций [4]. Компании, специализирующиеся на возведении электростанций, оборудовании для выработки электроэнергии, а также на управлении процессами на электростанциях, смогут открыть для себя в Омане благоприятный рынок. В связи с ростом численности населения и необходимостью расширения производства электроэнергии Оман сделал приоритетной задачу приватизации будущих энергетических проектов, и правительство прогнозирует увеличение спроса на электроэнергию и воду в ближайшие годы.

За последние 40 лет Оман вложил значительные средства в сектор здравоохранения и сумел создать относительно современную систему. Решимость правительства предоставить всем гражданам бесплатную базовую медицинскую помощь наряду с необходимостью лечения хронического диабета и сердечно-сосудистых заболеваний означает, что расходы на здравоохранение растут. Оман тратит более 260 млн дол. США в год на лекарства и расходные материалы, причем порядка 93 % предметов медицинского назначения, включая лабораторное, хирургическое оборудование и фармацевтические препараты, импортируются из-за рубежа [4].

Султанат стремится расширить производство фармацевтических препаратов внутри страны и занять центральные позиции в регионе. Государство сосредоточено на модернизации своих

мощностей и диагностических возможностей. Наиболее востребованными на местном рынке являются: фармацевтические препараты, медицинское оборудование и расходные материалы, оборудование для рентгенографии и МРТ, ультразвуковые устройства, хирургические инструменты, оборудование для дистанционной диагностики. В настоящее время Оман борется с ростом заболеваний, связанных с образом жизни, таких как диабет, ожирение и гипертония.

Таким образом, Султанат Оман является второй по величине страной в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и входит в группу государств со средним уровнем доходов. Столкнувшись с перспективой сокращения запасов нефти, правительство Омана продолжило реализацию программы экономических реформ, основанной на трех основных принципах: диверсификация экономики и сокращение вклада нефтяного сектора в ВВП до 9 %; приватизация; повышение квалификации и уровня занятости оманцев. В данном контексте правительство Омана весьма заинтересовано в привлечении иностранного бизнеса и инвестиций.

Страна стремится стать воротами для международной торговли между Европой, Персидским заливом и Южной Азией. Ее стратегическое расположение на Аравийском полуострове, внутриполитическая стабильность, благоприятный налоговый режим открывают перспективные возможности для иностранных предприятий, в том числе и белорусских.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тавгень, Е. О. Экономика зарубежных стран: Азия. Перспективы и риски внешнеторгового сотрудничества / Е. О. Тавгень, П. В. Шведко, А. А. Вразалица. — Минск: Беларуская навука, 2021. — 395 с.

2. Oman: Economic and Political Overview [Electronic resource] // Standard Bank Group. — Mode of access: <https://www.tradeclub.standardbank.com/portal/en/market-potential/oman/trade-profile>. — Date of access: 18.08.2022.

3. Город из песка и тумана. Зачем Оман возводит промышленный мегаполис на пустынном побережье [Электронный ресурс] // Новое время. — Режим доступа: <https://nv.ua/world/countries/horod-iz-peska-i-tumana-zachem-oman-vozvodit-promyshlennyj-mehapolis-na-pustynnom-poberezhe-2487772.html>. — Дата доступа: 18.08.2022.

4. Oman Country Commercial Guide [Electronic resource] // The International Trade Administration, U.S. Department of Commerce. — Mode of access: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/oman-market-overview?section-nav=10252>. — Date of access: 18.08.2022.

МИРОВОЙ РЕЙТИНГ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Л. В. Хмурович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: khmurovich@bsu.by*

В статье охарактеризованы некоторые методологические аспекты построения мирового рейтинга конкурентоспособности IMD, а также приведена актуальная информация об изменениях в рейтинге в 2022 году, в том числе о Дании, ставшей лидером рейтинга.

Ключевые слова: рейтинг мировой конкурентоспособности; методология; критерии; опрос.

WORLD COMPETITIVENESS RANKING: METHODOLOGICAL AND PRACTICAL ASPECTS

L. V. Khmurovich

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: khmurovich@bsu.by*

The article describes some methodological aspects of building the IMD World Competitiveness Ranking, as well as provides up-to-date information on changes in the ranking in 2022, including Denmark, which has become the leader in the ranking.

Keywords: world economy ranking; methodology; criterion; survey.

Ежегодник *IMD* (Международного института развития менеджмента, Швейцария) *World Competitiveness Yearbook (WCY)*, впервые опубликованный в 1989 г., представляет собой всеобъемлющий отчет и всемирный рейтинг по конкурентоспособности стран. Он предоставляет комплексное исследование, содержащее сравнительный анализ и тенденции развития конкурентоспособности, основанные на данных статистики и опросов.

Конкурентоспособность экономики не может быть сведена только к ВВП и производительности, потому что предприятиям также приходится справляться с политическими, социальными, институциональными и культурными факторами. Поэтому правительствам необходимо работать над созданием среды, характеризующейся эффективной инфраструктурой, институтами и политикой, которые будут направлены на стимулирование экономической активности.

Ежегодно анализом охватывается 63 страны, которые выбраны на основе наличия сопоставимых международных статистических данных и сотрудничества *IMD* с местными институтами-партнерами, способствующими сбору первичной информации и гарантирующими, что все данные являются надежными, точными и актуальными.

За последние два десятилетия методология, используемая для оценки конкурентоспособности стран, была доработана с учетом эволюции глобальной окружающей среды и новых теоретических исследований. Таким образом, мировой рейтинг конкурентоспособности учитывает как структурные изменения в национальной среде, так и изменчивые технологические аспекты развития. Эти изменения вносятся постепенно, чтобы сохранялась сопоставимость результатов и наблюдалась преемственность показателей экономики по странам.

В ходе анализа конкурентоспособности все критерии, которых более 300, формируются в подгруппы. Каждая подгруппа может включать различное количество критериев (например, для оценки образования требуется больше критериев, чем для оценки ценовой ситуации). Подгруппы, независимо от количества содержащихся в них критериев, имеют одинаковый вес при обобщении результатов. Так, в случае с мировым рейтингом конкурентоспособности, например, вес каждой из 20 подгрупп составляет 5 % ($20 \times 5 = 100$). Это позволяет «зафиксировать» вес подгруппы факторов независимо от количества критериев, которые они включают, что повышает надежность результатов и помогает обеспечить высокую степень совместимости с прошлыми результатами.

Следует отметить, что *WCY* использует для оценки и анализа конкурентоспособности как количественные (статистические), так и качественные показатели. Статистические показатели получены от международных, национальных и региональных организаций, частных учреждений и институтов-партнеров. Эти статистические данные составляют две трети общего рейтинга.

Дополнительные качественные критерии взяты из ежегодного опроса мнений руководителей и упоминаются в *WCY* как опросные данные. Результаты опроса включены в качестве отдельных критериев, а также используются для расчета общего рейтинга, составляя в нем одну треть.

В то время как количественные данные показывают, как конкурентоспособность измеряется за определенный период времени, качественные опросные данные характеризуют конкурентоспособность так, как ее воспринимают участники рынка. Кроме того, опросы являются уникальным источником информации о тех факторах, которые в наибольшей степени, по мнению руководителей, влияют на развитие конкурентоспособности.

Опрос нацелен на оценку проблем, которые невозможно измерить количественными методами, например, организация управления, коррупция, адаптивность и гибкость компаний. Опросные

результаты отражают текущие и прогнозные оценки конкурентоспособности руководителями предприятий, которые реализуют экономическую активность и на международном уровне. Их ответы более актуальны, поскольку нет временной задержки с анализируемым периодом, что часто является проблемой со статистическими данными, которые показывают «картину прошлого».

Опрос проводится среди руководителей высшего звена, а также менеджеров среднего звена во всех изучаемых странах. Выборка респондентов репрезентативна для всей экономики, охватывает срез делового сообщества во всех секторах экономики. Респондентами исследования являются граждане страны или иностранцы, работающие на отечественных или иностранных предприятиях, которые прожили в рассматриваемой стране не менее года. Их просят оценить нынешние и будущие условия конкурентоспособности экономики, в которой они работают, опираясь на свой внутренний и международный опыт.

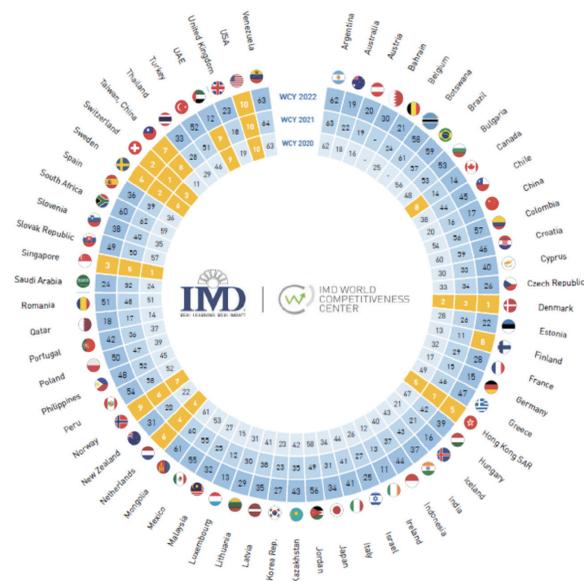
В 2022 г. были опрошены более 6000 респондентов из 63 стран мира. Из-за военного конфликта из рейтинга конкурентоспособности 2022 г. были исключены Россия и Украина, поскольку достоверность данных в сложившихся условиях оценивалась как низкая, а вот Бахрейн был включен в анализ впервые.

Онлайн-опрос респондентов проводится обычно с конца февраля по начало мая. Все ответы рассматриваются как конфиденциальные и используются в обобщенном виде. Участники исследования оценивали проблемы конкурентоспособности, отвечая на вопросы по шкале от 1 до 6. Затем рассчитывалось среднее значение для каждой экономики.

В ходе опроса 2022 г. было использовано 163 количественных показателя, 92 — качественных (опросных), а также дополнительно 78 общих параметров, что в сумме составило 333 критерия, из них 255 использовались для ранжирования, а 78 — для справочной информации. Статистические данные использовались за 2021 г., таким образом они не отражают изменения, возникшие в 2022 г. из-за военного конфликта России и Украины, однако результаты опроса уже учитывают данный фактор.

Каждое государство в результате оценивается по 4 блокам: экономические показатели, эффективность государственного управления, эффективность бизнеса и инфраструктура. Эти оценки агрегируются в общий рейтинг [1].

Лидером в мировом рейтинге конкурентоспособности *IMD* в 2022 г. стала Дания (см. рисунок). Это произошло впервые за 34 года существования рейтинга.

Изменение рейтинга мировой конкурентоспособности по странам 2020—2022 гг.

Источник: [1].

Дания улучшила позиции по иностранным инвестициям и показала хорошие результаты в эффективности правительства, особенно в институциональной структуре (2-е место), коммерческом законодательстве (3-е место) и социальной структуре (2-е место). Она также продемонстрировала выдающиеся результаты по эффективности бизнеса (1-е место), производительности и эффективности (1-е место) и методам управления (1-е место). Также следует отметить прогресс Дании в развитии технологической (3-е место) и научной инфраструктуры (10-е место), а также высокое 4-е место в образовании. При этом в целом по блоку экономических показателей Дания заняла 13 место (переместившись всего за 3 года с 26 места, занимаемого в 2019 г.), а по блоку эффективности государственного управления — 6 [2].

«Экономические показатели Дании резко выросли, и это обусловлено увеличением инвестиционных потоков в стране, сдерживаемым ростом цен по сравнению с другими развитыми странами и укреплением государственных финансов за счет сокращения государственного долга и государственного дефицита», — отметил М. Пистис, специалист-исследователь Центра

мировой конкурентоспособности *IMD*. По его словам, улучшение в стране показателей, связанных со здоровьем, таких как ожидаемая продолжительность жизни при рождении и индекс всеобщего охвата услугами здравоохранения, также сыграло важную роль в ее результатах [3].

Для того, чтобы Дания смогла сохранить высокий уровень конкурентоспособности, в числе приоритетных задач отмечаются следующие: обеспечение лучшего доступа к квалифицированной рабочей силе; обеспечение конкурентоспособности компаний в условиях многократного роста цен на энергоносители и сырье; повышение производительности за счет стимулирования инвестиций в ИКТ-оборудование, автоматизацию и цифровые навыки; направленность фискальной политики на инициативы, способствующие росту и ускорению перехода к «зеленой» экономике, например, в сфере образования, НИОКР и инфраструктуры; а также поддержка экспортной активности датских компаний [2].

В 2022 г. все страны столкнутся с новыми угрозами и вызовами. Среди факторов, которые будут оказывать наибольшее влияние на конкурентоспособность стран в 2022 г., участники опроса *IMD* назвали инфляционное давление (50 %), геополитические конфликты (49 %) и сложности с поставками (48 %). Перспектива дальнейшего негативного влияния *COVID-19* заняла в данном перечне четвертое место (43 %). Более трети респондентов (34 %) отметили удаленную работу и гибридные модели работы, что говорит о важности адаптивности рынка труда к изменению внешней среды. Следует также отметить, что менее 15 % опрошенных указали на такие факторы, как регулирование парниковых выбросов и социально-экономическое неравенство [1]. Это существенно отличается от данных опроса, который проводился годом ранее. Очевидно, что такое смещение акцентов стало результатом конфликта в Украине. Также важно учитывать, что опрос проводился до введения широкого спектра экономических санкций различных стран в отношении России, что оказало негативное влияние и на их экономики из-за роста цен на энергоносители, сырьевые товары, сокращения и ухода бизнесов, сворачивания инвестиционных проектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *IMD World Competitiveness Yearbook* [Electronic resource] // International Institute for Management Development. — Mode of access: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness/> — Date of access: 14.09.2022.
2. *Countryprofile Competitiveness Ranking* [Electronic resource] // International Institute for Management Development. — Mode of access:

<https://worldcompetitiveness.imd.org/countryprofile/DK/wcy> — Date of access: 14.09.2022.

3. IMD News [Electronic resource] // International Institute for Management Development. — Mode of access: <https://www.imd.org/news/updates/denmark-tops-economic-competitiveness-ranking/> — Date of access: 14.09.2022.

СПЕЦИФИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ВЫХОДЕ НА РЫНКИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

П. В. Шведко¹⁾, А. В. Аксичуц²⁾

¹⁾ Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь,
e-mail: chvedko@economics.basnet.by

²⁾ Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь, e-mail: akalisa@mail.ru

В статье раскрывается специфика ведения внешнеторговых операций при выходе на рынки государств Ближнего Востока. Анализируются такие аспекты, как использование услуг местных представителей, открытие филиала или создание совместного предприятия, требования для участия в государственных закупках, выбор каналов сбыта и ценовой стратегии. Особое внимание уделяется особенностям бизнес-среды экономик региона, отличающихся неблагоприятным деловым климатом и нестабильной ситуацией в сфере безопасности, в частности Ирака, Сирии, Йемена. Подчеркивается, что учет специфики выхода на тот или иной ближневосточный рынок позволяет сформировать более конструктивный подход к выбору внешнеторгового партнера и повысить эффективность внешнеторговой деятельности белорусских предприятий в целом.

Ключевые слова: внешнеторговая деятельность; Ближний Восток; рынок; специфика ведения бизнеса; экспорт.

SPECIFIC FEATURES OF FOREIGN TRADE ACTIVITY WHEN ENTERING THE MARKETS OF THE MIDDLE EAST

P. V. Chvedko^a, A. V. Aksiuchyts^b

^a The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova str., 1/2, 220072, Minsk, Belarus, e-mail: chvedko@economics.basnet.by

^b The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova str., 1/2, 220072, Minsk, Belarus, e-mail: akalisa@mail.ru
Corresponding author: A. V. Aksiuchyts (akalisa@mail.ru)

The article reveals specific features of conducting foreign trade operations when entering the markets of the Middle East. Aspects such as the use of local representatives' service, the opening of a branch office or the establishment of a joint venture, the requirements for participation in public procurement, the choice of distribution channels and pricing strategy are analyzed. Particular attention is paid to the distinctive business environment of the regional economies, characterized by an unfavorable business climate and an unstable security situation, including Iraq, Syria,

and Yemen. It is emphasized that taking into account specific features of entering a certain Middle Eastern market makes it possible to form a more reasonable approach to choosing a foreign partner and in general increase the efficiency of foreign trade activity of Belarusian enterprises.

Keywords: *foreign trade activity; Middle East; market; specific features of doing business; export.*

Большое значение для белорусских экспортеров имеет рассмотрение специфики осуществления внешнеторговой деятельности при выходе на тот или иной зарубежный рынок, в том числе ближневосточный. Речь идет о таких вопросах, как использование услуг местных представителей, открытие филиала или создание совместного предприятия, требования для участия в государственных закупках, выбор каналов сбыта и ценовой стратегии.

Поддержание деловых отношений благодаря частым визитам и установление личных контактов значительно увеличат шансы на успех белорусской компании при выходе на рынок государств Ближнего Востока. Особое внимание уделяется взаимному уважению и укреплению доверия. Можно экспортировать напрямую, однако работать с местным партнером или консультантом гораздо проще. Локальный агент будет лучше знаком с бизнес-средой, и ему будет легче поддерживать коммуникацию с клиентами, искать новые ниши и получать информацию о последних тенденциях рынка.

В Израиле, Иордании, Омане, Катаре, Кувейте, Бахрейне и Ливане малая площадь территории и небольшие расстояния между основными населенными пунктами позволяют одному агенту охватить весь рынок той или иной страны. Что касается ОАЭ и Саудовской Аравии, то здесь иностранным экспортерам целесообразно назначать разных коммерческих агентов для каждого отдельного района страны. При этом зарубежным фирмам рекомендуется избегать назначения лишь одного агента для охвата нескольких стран региона. Белорусским фирмам следует знать, что из-за компактности и сплоченности деловых кругов (многие посредники работают в разных секторах и хорошо знают игроков в каждом из них) некорректная смена агента или дистрибьютора может нанести ущерб репутации зарубежной компании. Учитывая высокий уровень конкуренции со стороны не только местных, но и европейских и азиатских производителей, белорусские компании должны проявлять активность при поиске коммерческих возможностей и поддержании своего присутствия на рынке этих государств.

Полное иностранное владение разрешено в 95 % всех видов экономической деятельности, в большинстве случаев исключая необходимость прибегать к услугам локального агента [1]. Учреж-

дение совместных предприятий и заключение лицензионных соглашений является весьма распространенной практикой в ближневосточном регионе. Иностранные компании привлекательны для местных партнеров за счет узнаваемости своего бренда и потенциальных возможностей для передачи технологий. К примеру, компании из ОАЭ более заинтересованы в партнерстве и получении технологий, нежели в чисто экспортно-импортных отношениях. Поэтому многие иностранные фирмы используют учреждение местного производства как способ проникновения на рынок. Зарубежные фирмы также могут открывать представительства без участия местного партнера. Такие офисы не проводят какие-либо финансовые операции, связанные с коммерческой деятельностью.

В большинстве стран региона действуют центральные тендерные комиссии, осуществляющие контроль всех государственных закупок: они определяют условия проведения торгов, отвечают за приглашение к участию в торгах и выбор фирм для присуждения контрактов. Иногда торги могут проводиться либо на бесконкурсной основе, либо среди предварительно отобранных подрядчиков, как правило, в случае срочной необходимости. Иностранные фирмы не обязаны иметь локальное присутствие для участия в тендере, однако поставщики, использующие местные компоненты, получают определенные преференции. Так, например, в Катаре и ОАЭ тендерным предложениям на государственные контракты, содержащие местные товары, предоставляется скидка в размере 10 % [2].

В результате использования закрытых тендеров при осуществлении государственных закупок иностранные компании не всегда осведомлены об актуальных предложениях в данной сфере. Кроме того, в некоторых государствах, например в Израиле, отсутствует единый централизованный веб-портал, где бы содержалась информация о текущих государственных закупках.

Некоторые вооруженные силы имеют отдельные подразделения по закупкам и обладают исключительными полномочиями в отношении приобретения оборонной продукции.

Импорт спиртных напитков, огнестрельного оружия, боеприпасов и опасных веществ строго контролируется. Ввоз свинины и продуктов из свинины сильно ограничен или даже запрещен в отдельных районах.

Сельскохозяйственная продукция из Европы, региона Средиземного моря и Черного моря зачастую пользуется определенным преимуществом из-за географической близости и, в некоторых случаях, более низких производственных затрат. Также следует учитывать необходимость прохождения процедуры ко-

шерной (в случае Израиля) и халяльной (в случае мусульманских стран) сертификации. Для арабских государств характерно наличие строгих требований к маркировке продукции, которые часто отличаются от требований других стран. Так, маркировка должна быть представлена на арабском языке, но может содержать перевод на английский язык. Продукты с этикетками только на английском языке могут быть одобрены для импорта в каждом конкретном случае. Никаких особых требований к упаковке не предъявляется, однако продукция должна быть надежно упакована для защиты от грубого обращения, сильной жары летом и периодов хранения на открытом воздухе.

Ближневосточные потребители акцентируют внимание на фирменном оформлении товаров и содержании информационных материалов. Иностранным компаниям рекомендуется ознакомиться с традициями, обычаями и строгими канонами исламской веры, чтобы избежать непреднамеренного нарушения локальных норм и практик.

Импортёры в Омане, Катаре, Бахрейне и Кувейте приобретают продукты питания через ОАЭ, так как объемы заказов из этих стран зачастую меньше минимальных требуемых поставщиками. Контейнерные грузы отправляются в ОАЭ и разбиваются на меньшие партии для транспортировки в другие страны [2]. Кроме того, многие иностранные фирмы используют ОАЭ в качестве центра для обслуживания всего региона.

Следует отметить, что Иордания является идеальным тестовым рынком в регионе Ближнего Востока. Кроме того, Королевство традиционно считается базой для ведения бизнеса в Ираке, поскольку примерно 200 тыс. иракских граждан проживают в Аммане. Большинство ведущих иракских предприятий располагают свои штаб-квартиры именно в Иордании.

Стоимость, время доставки, скорость реагирования при запросе коммерческого предложения и условия кредитования являются ключевыми факторами при принятии ближневосточными компаниями решения о покупке. Послепродажное обслуживание и поддержка клиентов считается обязанностью местного дистрибьютора или агента. Поэтому хорошие отношения с агентами и дистрибьюторами для предоставления качественного сервиса имеют большое значение для успеха на региональном рынке и обеспечивают конкурентное преимущество в среднесрочной и долгосрочной перспективе [3]. Открытие складов и отделов послепродажного обслуживания в регионе может помочь расширить клиентскую базу зарубежной компании (см. таблицу).

Иностранные компании, работающие на Ближнем Востоке, могут столкнуться с проблемами, связанными с задержками пла-

тежей и государственной бюрократией, особенно при получении лицензий. Местные элиты продолжают оказывать излишнее влияние на правительственных чиновников; широко распространено использование родственных и деловых связей для получения определенных преимуществ [4]. Коррупция присутствует в большинстве государственных институтов, и, как следствие, предприниматели вынуждены выплачивать дополнительные вознаграждения за упрощение бюрократических формальностей.

Специфика ведения внешнеторговой деятельности на Ближнем Востоке

Специфика		Ближний Восток
Услуги местных представителей		+
Создание филиала		
Совместное предприятие		+
Государственные закупки	Централизованная система	+
	Децентрализованная система	
Ценовая стратегия	Цена	+
	Качество	+
Послепродажное обслуживание		+
Схемы продаж	Прямые поставки	+
	Крупные оптовые фирмы	
	Розничные торговцы	+

И с т о ч н и к: собственная разработка.

В регионе существует ряд государств, отличающихся неблагоприятным деловым климатом и нестабильной ситуацией в сфере безопасности, как то Ирак, Сирия, Йемен. Белорусские предприятия, желающие вести деятельность в этих странах, должны принимать во внимание различные виды рисков, включая напряженную политическую обстановку, искажения обменных курсов и девальвации, вопросы оплаты, ненадежную судебную систему, случаи экспроприации в разных секторах.

Среди основных плюсов в развитии внешнеторговых отношений с такими странами можно выделить отсутствие в настоящее время большого количества конкурентов во многих отраслях, что благоприятствует компаниям, выходящим на данные рынки.

Неразвитый финансовый сектор ограничивает возможности государств в осуществлении внешней торговли. Локальные бан-

ки редко одобряют кредиты, что затрудняет национальным хозяйствующим субъектам наращивание капитала, необходимого для заключения торговых сделок [3]. Кроме того, эти страны отстают с точки зрения развития электронной инфраструктуры, в результате чего, в подавляющем большинстве случаев экономические субъекты работают с наличными деньгами.

Повсеместно распространенная коррупция затрудняет обеспечение соблюдения контрактных обязательств сторонами, что также подразумевает непредвиденные скрытые расходы и неофициальные пошлины, которые могут сопровождать внешне-торговую и инвестиционную деятельность в указанных странах [4]. Отсутствие правового регулирования и соответствующих гарантий удерживают большинство компаний от ведения бизнеса.

Хотя местные нормативные акты о закупках поощряют прозрачный и конкурентный процесс, большинство государственных закупок осуществляются без организации публичных торгов. Правительства все чаще заключают контракты напрямую.

Таким образом, независимым экспортерам трудно самостоятельно пробиваться со своим товаром на внутренний рынок перелаченных стран без поддержки политических или дипломатических структур. Возможностью для развития внешнеторговых отношений является активный поиск партнеров среди частного сектора или представителей той или иной диаспоры за рубежом.

Выход на международный рынок — это вторжение на чужую территорию, поэтому тщательное изучение условий локальной конъюнктуры, специфики ведения бизнеса и потребительских предпочтений позволит избежать негативных последствий от принятия неверных деловых решений, связанных с недостаточностью и неполнотой информации. Учет обозначенных выше особенностей того или иного ближневосточного рынка позволит сформировать более конструктивный подход к выбору внешне-торгового партнера и повысить эффективность внешнеторговой деятельности белорусских предприятий в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Country Commercial Guides [Electronic resource] // The International Trade Administration, U.S. Department of Commerce. — Mode of access: <https://www.trade.gov/ccg-landing-page>. — Date of access: 12.04.2022.
2. Export markets — Countries and economies [Electronic resource] // Australian Trade and Investment Commission. — Mode of access: <https://www.austrade.gov.au/Australian/Export/Export-markets/Countries>. — Date of access: 12.04.2022.
3. Тавгень, Е. О. Экономика зарубежных стран: Азия. Перспективы и риски внешнеторгового сотрудничества / Е. О. Тавгень, П. В. Шведко, А. А. Вразалица. — Минск: Беларус. навука, 2021. — 395 с.
4. Country Risk Assessment [Electronic resource] // Coface for Trade. — Mode of access: <https://www.coface.com/Economic-Studies-and-Country-Risks>. — Date of access: 12.04.2022.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Яо Цзяхуэй¹⁾, Е. В. Носацкая²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: xiaomao-123@qq.com

²⁾ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Институт торговой политики,
ул. Мясницкая, 13, с. 4, 101000, г. Москва, Россия,
e-mail: ekaterina_nosatskaya@mail.ru.

В связи со сложными и меняющимися условиями в мировой политике возросла роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в обеспечении всесторонней безопасности и стабильности на Евроазиатском пространстве. С активным развитием цифровой экономики происходит укрепление цифрового экономического сотрудничества стран ШОС, что будет способствовать росту экономик региона и появлению общих интересов у соответствующих стран, а также придаст импульс инклюзивному и устойчивому развитию в регионе. В статье охарактеризовано современное состояние развития сотрудничества стран ШОС в сфере цифровой экономики, включая трансграничную электронную коммерцию, определены проблемы данного сотрудничества, а также намечены перспективы его развития.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); цифровая экономика; трансграничная электронная коммерция (ТЭК); информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); Китай; Россия; Казахстан; Узбекистан; Индия.

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF COOPERATION OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION COUNTRIES IN THE DIGITAL ECONOMY

Yao Jiahui^a, E. V. Nosatskaya^b

^a Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: xiaomao-123@qq.com

^b National Research University «Higher School of Economics», Institute of Trade Policy,
Myasnitckaya str., 13, b. 4, 101000, Moscow, e-mail: ekaterina_nosatskaya@mail.ru

In a complex and volatile international environment, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has an increasingly essential role in ensuring comprehensive security and stability in the Eurasian space. With the digital economy becoming increasingly important, strengthening cooperation between the SCO countries in the digital economy would create more points of economic growth and common interest for the related countries, as well as give impetus to inclusive and sustainable growth in the region. The article describes the current state of development of cooperation between SCO countries in the digital economy, especially in cross-border electronic commerce, points out the problems of cooperation, and identifies the prospects for the development of their cooperation in this field.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization (SCO); digital economy; cross-border e-commerce (CBEC); information and communication technologies (ICT); China; Russia; Kazakhstan; Uzbekistan; India.

В последние годы быстрыми темпами во всем мире развивается цифровая экономика. Особое значение цифровая экономика приобрела в условиях пандемии *COVID-19*, когда она фактически стала новым двигателем восстановления мировой экономики.

Под цифровой экономикой понимается «система социальных, культурных, экономических и технологических отношений между государством, бизнесами и гражданами, функционирующая в глобальном информационном пространстве, посредством широкого использования цифровых технологий (Больших данных, облачных вычислений, технологий распределенного реестра, квантовых технологий, промышленного Интернета, Интернета вещей, компонентов робототехники, 3D-печати, беспилотных устройств, технологий беспроводной связи, технологий виртуальной и дополненной реальности и т. д.) и генерирующая цифровые виды и формы производства и продвижения к потребителю продукции и услуг, которые приводят к непрерывным инновационным изменениям методов управления и технологий в целях повышения эффективности социально-экономических процессов» [4, с. 17].

Как развитые, так и развивающиеся страны рассматривают цифровую экономику как важный инструмент содействия экономической трансформации и стремятся воспользоваться преимуществами нового витка технологической революции для восстановления экономики и достижения устойчивого социально-экономического развития. В 2021 г., согласно «Белой книге глобальной цифровой экономики», выпущенной Китайской академией информационных и коммуникационных технологий, цифровая экономика 47 стран мира достигла 38,1 трлн дол. США и увеличилась на 16,87 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [1].

Цифровая экономика представляет особый интерес для стран ШОС. К настоящему моменту в странах-членах ШОС уже разработаны и утверждены национальные программы по стимулированию развития цифровой экономики. Так, в Китае действуют план «Цифровой Китай» (был разработан в 2015 г.), в рамках которого реализуются две программы — «Сделано в Китае 2025» и «Интернет плюс», а также «14-й пятилетний план развития цифровой экономики» на 2021—2025 гг. (была опубликована в январе 2022 г.), который включает оптимизацию и повышение качества цифровой инфраструктуры, продвижение цифровой модернизации предприятий и расширение международного сотрудничества в области цифровой экономики; в России — Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», целью

которой является создание основ цифровой экономики к 2024 г.» (была утверждена в 2017 г.); в Казахстане — Программа «Цифровой Казахстан» (была утверждена в 2017 г.); в Узбекистане — стратегия «Цифровой Узбекистан 2030» (была утверждена в 2020 г.); в Индии — Программа «Цифровая Индия» (была утверждена в 2015 г.); в Пакистане — Политика «Цифровой Пакистан 2030» (была разработана в 2018 г.).

Помимо этого, на уровне организации в 2019 г. на 18-м заседании Совета глав правительств стран ШОС была подписана Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств — членов ШОС (далее — Программа), в которой перечислены основные задачи и направления по развитию цифровой экономики как нового приоритета сотрудничества. Согласно Программе, в долгосрочной перспективе до 2035 г. задачами являются «повышение глобальной конкурентоспособности и обеспечение цифрового преобразования национальных экономик стран ШОС путем внедрения цифровых технологий и создания благоприятных условий для постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капитала, услуг и технологий»; в среднесрочной перспективе до 2030 г. задачей является «обеспечение трансформации национальных экономик путем разработки правил в области торговли и инвестиций в рамках ШОС, продвижения индустрии услуг и электронной коммерции, а также упрощения процедур торговли» [2]. К основным направлениям сотрудничества относятся:

- электронная коммерция. В рамках ШОС способствовать обмену и взаимному признанию торговых данных и документов в электронной форме;

- расширение применения цифровых технологий и интеллектуальных систем в сфере перевозок в сфере транспорта и логистики;

- развитие сотрудничества в области умного сельского хозяйства и сельскохозяйственных инноваций;

- укрепление сотрудничества в области цифровизации, информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и инновационной деятельности, в том числе: обмен научно-техническими талантами; обмен знаниями и опытом; совместные исследования образовательных учреждений и организаций в области цифровизации и ИКТ; развитие сотрудничества в инновационных и высокотехнологичных парках; реализация совместных проектов с учетом применения высокотехнологичных, наукоёмких алгоритмов и цифровых технологий и др.;

- обмен передовым опытом в региональном развитии и содействовать развитию «умных городов»;

— совместная деятельность по профессиональной подготовке кадров в сфере образования, в том числе с использованием ИКТ и других цифровых технологий [3].

В настоящее время сотрудничество стран ШОС в сфере цифровой экономики находится на начальном этапе, а основные формы сотрудничества включают трансграничную электронную коммерцию (ТЭК), «умное» производство, «умную» логистику, электронные платежи, телемедицину и дистанционное образование. Среди них ТЭК является первым и наиболее эффективным направлением сотрудничества стран ШОС в сфере цифровой экономики. В 2021 г. на форуме цифровой экономики Китай-ШОС Китайский международный центр электронной коммерции, Китайская ассоциация торговли услугами, казахстанская Транспортно-логистическая ассоциация, Ассоциация электронной коммерции Кыргызстана, Исследовательский центр китайско-пакистанского экономического коридора, российская Национальная ассоциация дистанционной торговли, Международный экономический союз «Шелковый путь Таджикистана», Международная бизнес-консалтинговая группа Узбекистана (*B&P*), ООО Глобальные информационные технологии Узбекистана и др. подписали меморандум о сотрудничестве по «совместному созданию трансграничной платформы электронной коммерции». Это сформировало благоприятные условия для расширения сотрудничества стран ШОС на многосторонней основе в сфере ТЭК.

В отличие от традиционной модели экономического сотрудничества ШОС (управление правительствами, продвижение крупных проектов), в ТЭК доминируют предприятия, которые осуществляют сотрудничество на двусторонней основе. Например, в Китае *Alibaba Group*, *JD.com* и другие частные предприятия являются основными субъектами трансграничной электронной коммерции со странами ШОС. В то же время Китай с такими странами-членами, как Россия, Казахстан и Узбекистан, а также с такими странами партнерами по диалогу, как Турция и Камбоджа подписал меморандум о взаимопонимании по двустороннему сотрудничеству в области электронной торговли.

Согласно данным китайской консалтинговой компании *CBNData*, в 2020 г. Россия заняла 5-е место по величине среди зарубежных рынков ТЭК Китая (доля России в общем объеме ТЭК Китая составила 23,1 %), а рынок Центральной Азии занял 9-е место (12,5 %) [5]. *AliExpress*, управляемый *Alibaba Group*, является основной торговой площадкой для ТЭК между Китаем и Россией, на которую приходится 75 % доли рынка ТЭК в России по состоянию на январь 2022 г. В виду того, что из-за российской специальной военной операции западные страны ввели ком-

плексные экономические санкции против России, стало сложнее осуществлять международные платежи и в целом электронную торговлю. По состоянию на май 2022 г. на российском рынке электронной коммерции осталась только одна иностранная компания — *AliExpress*. Однако, помимо этого, на платформе *Alibaba* были открыты Национальный павильон Казахстана и Национальный онлайн-павильон Узбекистана, что не только увеличило экспорт товаров из этих стран в Китай, но и помогло им расширить продажи товаров с другими странами.

Несмотря на то, что государства — члены ШОС добились определенного прогресса сотрудничества в сфере цифровой экономики, все еще остаются нерешенными следующие две проблемы.

1. Отсутствие единого регионального рынка цифровой экономики и единых правил управления цифровой экономикой. В рамках ШОС сотрудничество в сфере цифровой экономики ограничивается двусторонними контактами, а также отсутствуют многосторонние правила управления цифровой экономикой. В связи с тем, что цифровая экономика становится ключевой силой для реорганизации глобальных ресурсов факторов производства, изменения глобальной экономической структуры и изменения модели глобальной конкуренции необходимо разработать цифровые экономические правила и систему управления, что окажет сильное влияние на развитие цифровой экономики. Отсутствие общих правил управления цифровой экономикой, а также действие только разрозненных двусторонних соглашений не позволит остановить растущий протекционизм в цифровой торговле и преодолеть цифровой разрыв между странами ШОС.

2. Неравномерное развитие цифровой экономики. По данным Китайской академии информационных и коммуникационных технологий, масштаб цифровой экономики Китая в 2020 г. составляет около 5,4 трлн дол. США, цифровой экономики Индии — 541,9 млрд дол. США, а России — 275,6 млрд дол. США. Цифровая экономика Китая в 10 раз больше, чем в Индии, и в 20 раз больше, чем в России [1]. Кроме того, согласно Отчету о глобальной конкурентоспособности за 2019 г., опубликованному Всемирным экономическим форумом, 8 государств — членов ШОС в глобальном рейтинге из 141 стран находятся на разных уровнях: Китай (28-е место), Россия (43-е место) и Казахстан (55-е место) находятся на высоком уровне, Индия (68-е место) — на среднем уровне, Кыргызстан (96-е место), Таджикистан (104-е место) и Пакистан (110-е место) находятся на более низком уровне [6]. Исследование стран проводилось по трем показателям: «всеобщее внедрение информационных технологий», «количество подключений к широкополосной связи на 100 человек»

и «интернет-пользователи в процентах от взрослого населения». Огромный разрыв в уровне развития цифровой экономики между странами ШОС привел и к разным концепциям сотрудничества, что в определенной степени ограничивает процесс сотрудничества в сфере цифровой экономики.

На основе вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: с одной стороны, для того, чтобы укреплять сотрудничество стран ШОС, необходимо создать многоуровневый механизм сотрудничества в сфере цифровой экономики и управления для обеспечения институциональной поддержки, поощрять государственные ведомства, университеты, научно-исследовательские институты и предприятия к активной реализации обучающих программ для содействия внедрению цифровых навыков, а также принимать различные меры и использовать технические средства для сокращения цифрового разрыва; с другой стороны, необходимо продолжать развивать ключевые направления сотрудничества в сфере цифровой экономики (торговля, транспорт и логистика, сельское хозяйство, информационные и коммуникационные технологии, умные города и образование и др.), чтобы сократить разрыв между странами ШОС, что делает цифровую экономику действительно новым двигателем для продвижения регионального экономического сотрудничества стран ШОС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Китайская академия информационных и коммуникационных технологий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.caict.ac.cn/>. — Дата доступа: 28.08.2022. (на кит. яз.).
2. Генеральный секретарь ШОС: «Премьер-министры государств-членов Организации определили стратегию экономического и гуманитарного взаимодействия до 2035 года». Владимир Норов подвел итоги заседания Совета глав правительств ШОС в Ташкенте [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. — 02.11.2019. — Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/news/20191102/591647.html>. — Дата доступа: 28.08.2022.
3. Хуцинь Лю. Расширение нового пространства регионального экономического сотрудничества Шанхайской организации сотрудничества с помощью цифровой экономики / Лю Хуцинь // Рос. акад. журн. — 2022. — № 3. — С. 5—24. (на кит. яз.).
4. Головенчик, Г. Г. Цифровая экономика: учебное пособие / Г. Г. Головенчик. — Минск: Вышэйш. шк., 2022. — 312 с.
5. Белая книга 2020 г. по трансграничной экспортной электронной коммерции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202104231487186146_1.pdf?1619174341000.pdf. — Дата доступа: 28.08.2022.
6. The Global Competitiveness Report 2019 [Electronic resource] // World Economic Forum. — Mode of access: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf. — Date of access: 28.08.2022.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

А. И. Яцук

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: yashchukai@bsu.by*

Автор рассматривает глобальный рост населения и его социальные, экономические последствия для современного общества. Быстрый рост населения является следствием процесса демографического перехода, который в развитых и развивающихся странах протекает в разных темпах. Сегодня в мире мы наблюдаем четыре глобальные демографические тенденции — рост населения, старение населения, миграция и урбанизация. Демографические тенденции связаны с процессами роста населения в одних странах и депопуляцией в других, с низкой рождаемостью и старением населения, увеличением нагрузки на работающее население, а также на систему социального обеспечения. Необходимость анализа и осмысления данных демографических процессов вызвана их влиянием на социально-экономическое развитие государств. Найти источники данных проблем и выработать пути их решения является приоритетом современной науки.

Ключевые слова: демографический рост; старение населения.

SOCIAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF POPULATION AGING: CURRENT CHALLENGES AND THREATS

A. I. Yashchuk

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: yashchukai@bsu.by*

The author considers global population growth and its social and economic consequences for modern society. Rapid population growth is a consequence of the process of demographic transition, which proceeds at different rates in developed and developing countries. Today we observe four global demographic trends in the world — population growth, population aging, migration and urbanization. Demographic trends are associated with processes of population growth in some countries and depopulation in others, with low fertility and population aging, increasing pressure on the working population, as well as on the social security system. The need to analyze and understand these demographic processes is caused by their impact on the socio-economic development of countries. Finding the sources of these problems and developing ways to solve them is the priority of modern science.

Keywords: demographic growth; population aging.

Сегодня в мире наблюдаются четыре глобальные демографические тенденции, которые имеют важные последствия для экономического и социального развития государств, — рост населения, старение населения, миграция и урбанизация.

Эти демографические тенденции имеют место практически в каждой стране, оказывают значительное социально-экономи-

ческое и политическое влияние на общество, что обуславливает необходимость их анализа и осмысления. В данном случае рассмотрим такие демографические тенденции, как рост и старение населения.

С 1950 г. население мира увеличилось более чем в три раза — примерно 2,5 млрд человек до почти 7,9 млрд человек в 2021 г. По прогнозам ООН [1], к концу 2022 г. в мире численность населения увеличится до 8 млрд человек. Ожидается, что в 2030 г. она вырастет примерно до 8,5 млрд человек, к 2050 г. — до 9,7 млрд человек, а к 2100 г. — до 10,9 млрд человек [2].

Население земного шара растет в результате двух тенденций: увеличения средней продолжительности жизни человека за счет развития здравоохранения и высокого уровня рождаемости во многих странах. При этом население беднейших стран мира растет быстрее всего.

Рост населения — это следствие процесса под названием «демографический переход». Он происходит в несколько этапов, во время которых рост населения сначала ускоряется, затем снова замедляется. Когда переход завершается, темпы роста населения стремятся к нулю или даже могут стать отрицательными, если рождаемость упадет до минимума. Тогда число смертей превышает число рождений, а это приводит к сокращению численности населения и старению населения.

Старение населения становится одним из наиболее значимых социальных вызовов XXI в. Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения наблюдается практически во всех странах, особенно в развитых. Никогда не было в мире столько людей, достигших 100-летнего возраста, как сегодня. К тому же количество людей в возрастной группе от 65 лет и старше растет большими темпами по сравнению с другими возрастными группами, а также по сравнению с трудоспособным населением. По прогнозам, доля населения мира в возрасте 65 лет и старше вырастет с 10 % в 2022 г. до 16 % в 2050 г. [3].

Увидеть общую картину старения человечества позволяют демографические прогнозы ООН, которые обновляются каждые два года.

В отчете ООН *The World Population Prospects 2022* [4] говорится, что быстрый рост населения является как причиной, так и следствием медленного прогресса в развитии. Устойчиво высокая рождаемость и быстрый рост населения создают проблемы для достижения устойчивого развития. Например, необходимость обучения растущего числа детей и молодежи отвлекает ресурсы от усилий по улучшению качества образования. В то же время достижение Целей устойчивого развития (ЦУР), особенно

связанных со здоровьем, образованием и гендерными вопросами, вероятнее всего, ускорит переход к более низкой рождаемости в странах с сохраняющимся высоким уровнем рождаемости.

Средняя рождаемость населения мира в 2021 г. составила 2,3 рождения на женщину за всю жизнь (она упала примерно с 5 рождений на женщину в 1950 г.). По прогнозам, рождаемость в мире снизится до 2,1 рождения на женщину к году (то есть до уровня простого воспроизводства). Но несмотря на падение рождаемости (это в целом общемировой тренд), население мира все еще будет расти из-за роста числа женщин репродуктивного возраста.

Глобальная ожидаемая продолжительность жизни при рождении достигла 72,8 лет в 2019 г., что почти на 9 лет больше, чем в 1990 г. Специалисты ООН прогнозируют, что дальнейшее снижение смертности приведет к тому, что средняя глобальная продолжительность жизни составит около 77,2 года в 2050 г. [4].

По классификации Всемирного банка Республика Беларусь, как и многие европейские страны — быстро стареющая страна [5]. В соответствии с классификацией ООН население считается старым, если доля лиц в возрасте старше 65 лет составляет 7 % и более.

По данным переписи населения 2019 г. в Беларуси проживали 2131,5 тыс. пожилых граждан, или каждый пятый человек. Доля людей в возрасте 60 и старше в численности работников организаций составляла 8,7 %. Ожидаемая продолжительность жизни в Беларуси 74,5 лет (женщины — 79,4, мужчины — 69,3 %) [6]. По данным Белстата количество населения снизилось с 10,045 млн человек в 1999 г. до 9,41 млн человек в 2019 г. [7].

Причины демографического старения в Беларуси — рост продолжительности жизни в старших возрастах и снижение рождаемости.

В связи с данными тенденциями наметился и ряд проблем. Через несколько лет на пенсию начнут выходить самые многочисленные когорты населения. А замещать их на рынке труда будут немногочисленные. Рост продолжительности жизни на фоне незначительного роста рождаемости приведет к дальнейшему старению населения Беларуси. Кроме того, при сохранении текущего пенсионного возраста количество человек в трудоспособном возрасте будет сокращаться. Процент трудоспособного населения будет падать, что может оказать негативный эффект на пенсионную систему и на ВВП [8].

По прогнозам, демографическая нагрузка на трудоспособное население достигнет уровня 797 человек на 1 тыс. человек трудоспособного возраста. Для сравнения: в 2015 г. коэффициент демографической нагрузки составлял 727 человек, в 2016 г. — 750 человек [9].

Старение населения приводит к сокращению спроса и потребительской активности, увеличению доли неработающих (иждивенцев) по отношению к доле работающих, резкому повышению нагрузки на системы медицинского, пенсионного и социального страхования, увеличению налогообложения работающих, сокращению ВВП, уменьшению наиболее креативных, прогрессивных и открытых для современных инноваций и технологий слоев общества и т. д. По мере увеличения доли пожилых людей в обществе пенсионная система становится все менее эффективной, и неизбежно растет пенсионный возраст.

Может снижаться производительность. Это влияние проявляется через три основных канала: навыки пожилых быстро устаревают в век цифровизации; люди старших возрастов обычно менее продуктивны и предприимчивы; рост доли пожилых смещает структуру потребления в сторону более простых (и менее производительных) услуг, таких как личный уход.

Одной из главных экономических угроз демографического старения населения является отсутствие роста экономики. Снижение экономического роста наблюдается во многих странах мира. Наиболее ярким примером может служить Япония, которая почти три десятилетия находится в состоянии постоянной дефляции. Пожилое население Японии в 2021 г. достигло почти 30 % всех жителей страны, что является рекордным показателем за всю ее историю. Ожидается, что к 2040 г. оно вырастет до 35 %. При этом в стране накоплен большой дефицит бюджета, и она вынуждена сегодня предпринимать усилия, например для оживления рынка алкоголя, сокращение потребления которого происходит из-за старения населения страны, снижения рождаемости, сокращения населения. Все это привело к сокращению налоговых поступлений от этой отрасли [11].

Однако старение населения создает не только риски, но и новые возможности для развития технологий, которые удовлетворяли бы потребности пожилых и поддерживали здоровье, а также решали бы проблему нехватки рабочей силы. Страны, в которых политические условия способствуют процветанию инноваций и предпринимательства, окажутся в наилучшем положении и извлекут выгоду из так называемой «серебряной экономики». (Серебряная экономика — совокупность видов экономической активности, связанных с потребностями и интересами граждан старшего поколения).

Страны с высокой долей пожилых людей в мире

Страна или территория	Население, млн чел.	Люди 65 лет и старше	Доля пожилых людей, %
Япония	125,22	36,4	29,1
Италия	60,37	14,25	23,6
Португалия	10,17	2,35	23,1
Финляндия	5,55	1,27	23
Греция	10,37	2,35	22,6
Мартиника	0,37	0,08	22,3
Германия	83,9	18,44	22
Республика Мальта	0,44	0,01	21,8
Болгария	6,9	1,5	21,8
Хорватия	4,08	0,88	21,7

И с т о ч н и к: [12].

ООН объявила 2021–2030 гг. десятилетием активного старения. В России сейчас работает стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 г., чтобы стимулировать занятость и дополнительное образование пожилых людей, повышать их финансовую грамотность, обеспечивать их досуг, доступ к информации, развивать социальные услуги и здравоохранение под запросы старшего поколения. В Беларуси также принят ряд нормативных актов, которые способствуют здоровой и независимой жизни пожилых людей. 3 декабря 2020 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 693 принята Национальная стратегия Республики Беларусь «Активное долголетие — 2030», которая разработана с целью создания условий для наиболее полной и эффективной реализации потенциала пожилого населения, стабильного повышения качества их жизни через адаптацию государственных и общественных институтов к проблеме старения. Результатом реализации Национальной стратегии станет создание условий для самостоятельной, независимой и полноценной жизнедеятельности пожилых граждан, устойчивого повышения продолжительности, уровня и качества их жизни, активного и здорового долголетия, укрепления связей между поколениями.

Некоторые аналитики считают старение населения стимулом для развития экономики. Старшее поколение играет все большую роль в экономике. И самые дальновидные предприниматели уже понимают, что в ближайшие годы бабушки и дедушки станут большой частью потребителей, поскольку старшее поколение — стабильно растущий сегмент.

Рост числа стариков может стать драйвером для сферы услуг. Если раньше на пенсии принято было посвящать себя внукам, то нынешние пенсионеры могут и хотят заниматься собой. В этом смысле приживается европейский подход к старению. Они будут требовать более высокого качества жизни в старшем возрасте. Это создает новые возможности для бизнеса. Главные препятствия развития серебряной экономики — психологические. В нашем обществе не принято говорить и думать о проблемах старения. Но нынешние пенсионеры выходят на пенсию полными сил. Они хотят зарабатывать и передавать свои знания.

В связи с вышесказанным страны со стареющим населением должны предпринять шаги по адаптации государственных программ к растущему числу пожилых людей, в том числе путем повышения устойчивости систем социального обеспечения и пенсионного обеспечения.

Важно понимать, что старение населения — это не только демографический процесс, но и социальный феномен, открывающий новые возможности в различных сферах, включая сферу потребления, образа и качества жизни, образования, экономической, социальной активности. При грамотной политике государства увеличение продолжительности жизни, а значит, более длительная экономическая активность людей может стать дополнительным стимулом экономического роста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ССЫЛКИ

1. 8 миллиардов. На пути к устойчивому будущему для всех — использование возможностей и обеспечение прав и выбора для всех [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/observances/world-population-day>. — Дата доступа: 10.09.2022.

2. Global Population Growth and Sustainable Development [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.developm/> — Date of access: 09.09.2022.

3. Старение [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/global-issues/ageing>. — Дата доступа: 04.09.2022.

4. World Population Prospects 2022: Summary of Results [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org>. — Date of access: 07.09.2022.

5. Феномен старения населения: экономические эффекты [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. — Режим доступа: <https://wr.hse.ru/data/2018/11/22/>. — Дата доступа: 10.09.2022.

6. Минздрав: продолжительность жизни женщин в Беларуси — 78 лет, мужчин — 64 [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 30.09.2020. — Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/minzdrav-prodolzhitelnost->

zhizni-zhenschin-v-belarusi-78-let-muzhchin-64-408884-2020/. — Дата доступа: 10.09.2022.

7. Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-mi>. — Дата доступа: 05.09.2022.

8. Борнукова, К. Пенсионная система Беларуси: текущее состояние и необходимость реформ [Электронный ресурс] / К. Борнукова, К. Лисенкова, А. Лузгина // ВЕРОС. — Режим доступа: <https://www.beroc.org/upload/iblock/c37/>. — Дата доступа: 10.09.2022.

9. Пенсия в цифрах и фактах [Электронный ресурс] // Экономическая газета. — Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/pensiya-v-cifrah-i-faktah/>. — Дата доступа: 01.09.2022.

10. Baksa, D. More Gray, More Volatile? Aging and (Optimal) Monetary Policy: IMF Working Paper N 2019/198 [Electronic resource] / D. Baksa, Z. Munkacsi // International Monetary Fund. — Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/09/20/More-Gray-More-Volatile-Aging-and-Optimal-Monetary-Policy-48532>. — Date of access: 09.09.2022.

11. Саленков, М. Япония проводит конкурс идей для оживления рынка потребления алкоголя [Электронный ресурс] / М. Саленков // EURONEWS. — Режим доступа: <https://ru.euronews.com/2022/08/22/japan-sake-biba-business-contest>. — Дата доступа: 10.09.2022.

12. Япония — мировой лидер по показателям старения населения: 30% населения в возрасте 65 лет и старше [Электронный ресурс] // NIPPON.COM. — Режим доступа: <https://www.nippon.com/ru>. — Дата доступа: 05.09.2022.

СЕКЦИЯ «ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА: ИННОВАЦИИ, ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ»

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА

Н. И. Богино

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: bahino@bsu.by*

В статье обоснована актуальность модернизации системы профессионального образования с учетом новых требований со стороны работодателей, а также трансформации экономики и общества в целом. Рассмотрены сущность и содержание интегрированного подхода к обучению на современном этапе, включая его такие составляющие как инклюзивный, междисциплинарный, практико-ориентированный и маркетинговый подходы. Выявлены ключевые субъекты взаимодействия вуза для обеспечения качественной профессиональной подготовки специалистов индустрии туризма. Проведена систематизация форм взаимодействия вузов и их стейкхолдеров в ходе организации образовательного процесса.

Ключевые слова: туризм; профессиональные компетенции; интегрированный подход; обучение в вузе; стейкхолдеры.

INTEGRATED APPROACH TO TRAINING FUTURE SPECIALISTS IN THE TOURISM INDUSTRY

N. I. Bogino

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: bahino@bsu.by*

The article substantiates the relevance of modernization of vocational education system taking into account the new requirements of employers, as well as the transformation of the economy and society as a whole. The essence and content of the integrated approach to learning at the present stage, including such components as inclusive, interdisciplinary, practice-oriented and marketing approaches are considered. The key subjects of university interaction to ensure quality professional training of specialists in the tourism industry are identified. The systematization of forms of interaction between universities and their stakeholders during the organization of the educational process was carried out.

Keywords: tourism; professional competencies; integrated approach; university education; stakeholders.

Интегрированный подход к обучению является одним из наиболее популярных в системе современного профессионального образования. Во многом эта тенденция обусловлена изменением требований работодателей к персоналу, что в свою очередь продиктовано трансформацией экономики и общества в целом.

Речь идет о таких актуальных компетенциях специалистов как наличие знаний в различных сферах и многофункциональность умений и навыков; умение быстро адаптироваться к изменениям, а также работать в условиях неопределенности; стремление к постоянному профессиональному и личностному развитию; умение сотрудничать с другими людьми, а также навыки, которые относятся к эмоциональному интеллекту (распознавание чужих эмоций и управление ими); умение критически мыслить, использовать творческий подход и создавать персонализированный продукт; вовремя принимать и осуществлять правильные решения (не всегда ориентированные на максимизацию прибыли, но экономически эффективные и логичные с точки зрения взаимозависимости индивида, общества и природы).

Стремительные изменения в сфере профессиональной деятельности, а также тенденция увеличения количества актуальных для работника и работодателя компетенций, обуславливают необходимость соответствующих изменений в образовательной среде.

В результате указанных тенденций формируется новый интегрированный подход к профессиональному обучению, в том числе в вузах. Этот новый подход включает в себя и уже ставшие хорошо известными, но не всегда широко распространенные подходы к обучению. Речь идет, прежде всего, об инклюзивном, практико-ориентированном, межпредметном и маркетинговом подходах.

Вопросы инклюзивного образования сегодня активно обсуждаются в обществе и идет процесс формирования моделей такого образования на практике. Это позволяет людям с ограниченными возможностями здоровья повысить шансы достойного трудоустройства, самостоятельной жизнедеятельности, а также расширить круг общения с другими людьми, т.е. социализации [1, с. 23].

Вместе с тем, содержание инклюзивного подхода в образовании, на наш взгляд, необходимо рассматривать шире. Кроме создания условий для формирования и развития профессиональных компетенций у лиц с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивное образование должно включать и подготовку специалистов различного профиля с умениями и навыками работы с такой категорией потребителей (клиентов).

В этом контексте представляется интересным опыт кафедры международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета. Здесь разработаны и внедрены учебные дисциплины по практике организации инклюзивного туризма, проводятся научные исследования, в том числе в рамках студенческой научно-исследовательской лабора-

тории «Инновационные технологии в туризме», а также семинары, в которых участвуют представители туристического бизнеса и общественных организаций, объединяющих людей с ограниченными возможностями здоровья [2].

Межпредметный подход в обучении давно известен и реализуется в различных формах. При этом необходимо отметить, что на современном этапе наиболее активно он развивается в рамках моделей предметно-языкового интегрированного обучения и бинарных учебных занятий.

Предметно-языковое интегрированное обучение основано на использовании методик *CLIL (Content and Language Integrated Learning)*, предполагающих преподавание ряда учебных предметов на иностранных языках (как профильных, так и непрофильных). Использование этой технологии позволяет повысить мотивацию к изучению иностранного языка, т.к. она основана на моделировании профессиональных ситуационных задач, что в конечном итоге повышает качество подготовки специалистов сферы туризма. Знание не одного, а двух и более иностранных языков становится неотъемлемой составляющей подготовки менеджеров в сфере международного туризма.

Что касается бинарных учебных занятий, то они реализуются совместно двумя и более преподавателями различных учебных дисциплин в одной студенческой группе. На практике бинарные занятия осуществляются чаще в форме лекции. Это позволяет представить взгляды на один и тот же вопрос с позиции разных областей знаний.

Интегрированный подход к обучению будущих специалистов индустрии туризма и гостеприимства предполагает также интеграцию всех заинтересованных сторон. В широком смысле к заинтересованным сторонам можно отнести следующих субъектов: студент, абитуриент, профессиональное учебное заведение (обычно вуз), преподаватель, родители студента или абитуриента, представители органов государственного и регионального управления в сфере туризма и гостеприимства, представители бизнеса, общественных и профессиональных объединений, зарубежные партнеры и международные организации, выпускники вуза.

По мнению исследователей, репутация и эффективность работы вуза во многом зависят от форм и методов «реализации его взаимосвязей со стейкхолдерами для обеспечения удовлетворения интересов обеих сторон в частности и интересов страны в целом» [3, с. 1317].

На предварительном этапе образовательного процесса основное внимание уделяется работе с будущими студентами и их родителями. При этом помимо традиционных способов про-

фориентации вузы все чаще используют технологии событийного маркетинга. Считается, что «именно *event*-маркетинг сегодня может способствовать получению вузом конкурентного преимущества в обострившейся борьбе за абитуриентов на рынке образовательных услуг» [4, с. 346]. Качественное событийное мероприятие для абитуриентов и их родителей не просто информирует и перечне специальностей, а позволяет выделиться на фоне остальных учебных заведений, способствует повышению доверия у потенциальных клиентов.

Важным направлением интегрированного подхода является работа с выпускниками для повышения конкурентоспособности отдельной специальности и вуза в целом. Основные формы работы с этой целевой аудиторией: менторство и именные стипендии для особо выдающихся студентов со стороны известных выпускников, создание филиалов кафедр, работа выпускников-работодателей в составе государственных экзаменационных комиссий, анкетирование выпускников для оценки качества образовательных услуг, участие выпускников в попечительских советах кафедры (факультета, вуза), спонсорство (индивидуальное и в рамках указанных попечительских советов) с целью повышения уровня материально-технического оснащения учебных аудиторий, совместная подача студентов и выпускников заявок на гранты по соответствующей тематике и др.

Для обеспечения практико-ориентированного подхода особое значение имеет интеграция в образовательный процесс представителей бизнес-сообщества. При этом чаще всего используются такие формы взаимодействия как приглашение специалистов-практиков для проведения учебных занятий (на условиях внешнего совместительства или одновременно на лекции и семинары определенной тематики), заказ на подготовку дипломного проекта или приглашение в качестве консультанта дипломной работы, участие в работе научных конференций, работа в государственной экзаменационной комиссии, организация практики студентов на базе предприятия-партнера и др. В последнее время снова актуализируется такая форма взаимодействия как целевое обучение. Однако с учетом кризиса в сфере туризма сегодня работодатели больше заинтересованы в сотрудничестве со студентами старших курсов и магистрантами.

Взаимодействие с органами государственного управления в сфере туризма осуществляется главным образом в таких формах как участие в разработке и экспертизе государственных программ по развитию туризма, организация практики лучших студентов на базе соответствующих учреждений, совместная организация научных мероприятий, а также праздничных мероприятий в

профессиональный праздник — Всемирный день туризма, привлечение студентов в качестве волонтеров при организации специализированных туристических выставок, участие представителей кафедры (факультета, университета) в межведомственном совете по вопросам развития туризма, обоснование предложений по совершенствованию государственного регулирования индустрии туризма, создание условий для повышения квалификации преподавателей (центры по повышению квалификации на базе национальных туристских администраций, содействие организации стажировок преподавателей в наиболее успешных компаниях, работающих в сфере туризма).

Сотрудничество с международными организациями осуществляется главным образом путем реализации программ академической мобильности для повышения квалификации преподавателей, организации дистанционного обучения, повышению технического оснащения.

Отдельной целевой аудиторией для международного сотрудничества учреждений образования в сфере туризма являются вузы-партнеры. Здесь используются такие формы взаимодействия как реализация программ студенческой и академической мобильности, проведение совместно с университетами-партнерами научных мероприятий (конференции, семинары, исследовательские проекты, совместные публикации статей, монографий, учебников и т. п.). Кроме того, важное значение имеет организация продвижения образовательных услуг вуза (факультета, кафедры) на международном рынке. Для этого проводятся специальные командировки по подготовке и подписанию договоров о сотрудничестве между вузами, организуются образовательные экскурсии в национальные вузы школьников и студентов на целевых рынках образовательных услуг, а также образовательные выставки на базе школ и вузов целевых рынков. При этом, кроме презентационных целесообразно проводить также отборочные мероприятия в форматах олимпиад, конкурсов научных работ, собеседований [5, с. 54—55].

Таким образом, интегрированный подход к обучению будущих специалистов индустрии туризма на современном этапе включает в себя различные элементы как традиционного, так и инновационного характера и предполагает реализацию долгосрочных программ взаимодействия с различными внутренними и внешними субъектами образовательной сферы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коган, О. С., Ямалетдинова Г. А. Сущность и содержание инклюзивного образования в сфере доступного туризма / О. С. Коган, Г. А. Яма-

летдинова [Электронный ресурс] // Вестн. УГУЭС. Наука, образование, экономика. Сер. Экономика. — 2015. — № 3 (13). — С. 22—24.

2. Состоялся междисциплинарный семинар по вопросам инклюзивного туризма [Электронный ресурс] // Факультет международных отношений БГУ. — 15.11.2021. — Режим доступа: <https://fir.bsu.by/news/news-2021/news-2021-11-15-02>. — Дата доступа: 15.09.2022.

3. Тихонова, А. Д. Взаимодействия со стейкхолдерами как фактор повышения эффективности деятельности вузов / А. Д. Тихонова // Креативная экономика. — 2017. — Том 11. — № 12. — С. 1315—1328.

4. Касимова, Э. Р. *Event*-маркетинг высшего учебного заведения / Э. Р. Касимова, Е. В. Кузнецова // Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса. — 2015. — № 4 (33). — С. 345—350.

5. Глебова, Л. Н. Современные формы организации международно-го сотрудничества в сфере высшего образования / Л. Н. Глебова // Наука и школа. — 2016. — № 4. — С. 52—59.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ОБЛАСТИ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ: РАЗНОЧТЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Е. А. Боровская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: ea.borovskaya@gmail.com*

В статье раскрываются существующие в настоящее время различия в законодательстве России и Беларуси в области нематериальных активов, приводящие к возникновению не только разночтений, но и противоречий при совершении сделок между организациями двух стран.

Определены основные термины, в трактовке которых содержатся противоречия, а также проблемы, которые порождаются этими противоречиями.

Ключевые слова: нематериальные активы; деловая репутация; товарные знаки; секреты производства; интеллектуальная собственность.

LEGISLATION OF RUSSIA AND BELARUS IN THE FIELD OF INTANGIBLE ASSETS: DIFFERENCES AND CONTRADICTIONS

E. A. Borovskaya

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: ea.borovskaya@gmail.com*

The article reveals the current differences in the legislation of Russia and Belarus in the field of intangible assets, leading to the emergence of not only misunderstandings, but also contradictions in transactions between organizations of the two countries.

The main terms in the interpretation of which contain contradictions, as well as the problems that are caused by these contradictions, are defined.

Keywords: intangible assets; goodwill; trademarks; trade secrets; intellectual property.

Белорусско-российская интеграция подразумевает создание единой нормативной правовой базы по основным направлениям экономической деятельности. Единство означает не полную унификацию всей системы нормативных правовых актов (НПА), а сближение ее до достижения одинакового смысла терминов, их группировки и применения. Достижение такого единства требуется сегодня в категориях нематериальных активов и интеллектуальной собственности.

Соотношение двух категорий: интеллектуальной собственности и нематериальных активов — само по себе является предметом обсуждения.

Так, в законодательстве Республики Беларусь к нематериальным активам относятся имущественные права на объекты интеллектуальной собственности (ОИС), а также права, вытекающие из договоров, предусматривающих переход имущественных прав к другим лицам (договоры уступки исключительного права, лицензионные договоры, договоры франчайзинга, предусматривающие передачу в составе франчайзингового комплекса лицензионных прав на ОИС) [1].

В законодательстве Российской Федерации к нематериальным активам относятся совокупные права, вытекающие из правоустанавливающих документов на ОИС, договоров по передаче прав другим лицам, деловая репутация, возникающая в связи с приобретением предприятия как имущественного комплекса, а также права на сложные объекты, включающие несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, например, аудиовизуальные произведения, мультимедийный продукт, единая технология [2].

Из приведенного состава нематериальных активов (НМА) видно, что состав НМА в соответствии с законодательством России шире, чем Беларуси, и разница заключается в наличии в их составе таких объектов, как деловая репутация и права на сложные объекты. Означает ли это, что и деловая репутация, и сложные объекты не могут входить в состав активов белорусского предприятия? Деловая репутация долгое время включалась в состав НМА белорусских предприятий, однако затем была выведена и теперь отражается в составе расходов будущих периодов. Данное перемещение отрывает содержание понятия «деловая репутация» (гудвилл) от интеллектуальной собственности и тем самым изменяет его.

Выведение гудвилла из состава белорусских НМА связано еще и с тем фактом, что гудвилл никогда не включался в состав ОИС и не подлежал стоимостной оценке. Величина гудвилла появляется в балансах белорусских предприятий как разница между

суммой, которая выплачена за приобретаемое предприятие, и стоимостью его активов по балансу. То есть эта разница отражает превышение рыночной стоимости комплекса активов над их суммарной балансовой стоимостью. Какое отношение данная величина может иметь к интеллектуальной собственности? Она имеет отношение к средствам индивидуализации бизнеса в составе ОИС — к товарным знакам. Основная функция товарного знака — представление бизнеса, и в увеличении стоимости бизнеса большую роль играет товарный знак. Однако отделить стоимость самого знака от стоимости деловой репутации сложно, поэтому эти две величины зачастую приравниваются друг к другу.

В законодательстве обеих стран товарные знаки относятся к категории интеллектуальной собственности, на них распространяется институт исключительного права, они могут иметь стоимостную оценку, как и любой другой объект ИС [3; 4].

Как ОИС, товарные знаки участвуют в гражданском обороте посредством передачи имущественных прав на них. Почему же их участие в НМА ограничено или отсутствует совсем?

Законодательство Российской Федерации принимает следующую логику: стоимость товарного знака предприятия, который создан предприятием и используется им как инструмент маркетинга (внутренне созданный товарный знак), может быть определена только при продаже предприятия, когда рыночная стоимость превышает балансовую стоимость активов. Очевидна связь с деловой репутацией: деловая репутация как экономическая величина возникает не сама по себе, а в процессе коммерческой сделки по продаже предприятия как имущественного комплекса — то есть только как разница между рыночной и балансовой стоимостью имущества. Очевидно, что сделки по продаже предприятий являются крайне редкой транзакцией, поэтому и определение стоимости гудвилла, а также и стоимости товарного знака — редкое явление.

Однако российское законодательство предусматривает включение гудвилла (и товарного знака) в состав НМА в ходе отражения такой транзакции со стороны приобретателя бизнеса. И это логично: приобретается не только комплекс имущества, но и имущественных прав, которые позволяют продолжать использовать товарный знак как средство индивидуализации предприятия [2].

В законодательстве Беларуси нет и такого включения — товарные знаки полностью отсутствуют в составе НМА [1].

Незначительное на первый взгляд расхождение в трактовке НМА оборачивается серьезными разногласиями, когда речь идет о сравнении российского и белорусского предприятий: балансы российских предприятий могут оказаться значительно весомее — на величину гудвилла или стоимости товарного знака.

В данном вопросе есть аспект, о котором забыли законодатели обеих стран — это товарные знаки, которые представляют не предприятие в целом, как хозяйственную единицу, а продукцию, ее отдельные виды и наименования. Такие товарные знаки выполняют единственную функцию идентификации самой продукции (например, наименование напитка — Тархун, или наименование майонеза — Провансаль) и могут быть проданы вместе с технологической документацией на определенный вид продукции. А коль скоро это так, значит, они не только могут, но и должны включаться в активы предприятия.

Понятие «сложные объекты», которым оперирует российское ПБУ, отсутствует в белорусской инструкции по бухгалтерскому учету НМА, как отсутствует оно и в Гражданском кодексе Республики Беларусь, и в законодательстве об оценке стоимости ОИС, вызывая тем самым множество вопросов у специалистов и проблем у оценщиков и бухгалтеров. За этим термином стоит целый пласт объектов, которые представляют собой комплекс отдельных ОИС, на каждое из которых отдельно устанавливаются имущественные и неимущественные права, при этом в совокупности они представляют собой цельное произведение или цельную технологию, которые самостоятельно участвуют в гражданском обороте. Самостоятельное функционирование такого объекта позволяет участникам его оборота не дробить отношения по отдельным объектам, а проводить их единую стоимостную оценку и заключать общий договор на передачу прав по его использованию.

Отсутствие такого объекта в белорусской инструкции приводит к тому, что бухгалтеру приходится изыскивать формулировку объекта НМА, подходящую под перечень, указанный в инструкции, при этом соответствующую фактическому распределению имущественных прав и формулировке российского партнера. Российское предприятие может поставить на учет объект, включающий патент, ноу-хау, компьютерную программу; белорусское предприятие поставит на учет отдельно патент, ноу-хау, компьютерную программу и будет отражать их использование и, соответственно, начисление амортизации, отдельно.

Однако подобные разногласия в законодательстве хотя и неудобны, но не фатальны, их можно учесть при оформлении операций. Вопрос наполнения юридическим и экономическим содержанием понятия «секрет производства» представляется гораздо более сложным.

Гражданский кодекс Российской Федерации однозначно определяет секреты производства (ноу-хау) как объекты интеллектуальной собственности с наличием исключительного права правообладателя по использованию ноу-хау: «Обладателю секре-

та производства принадлежит исключительное право использования его любым не противоречащим закону способом» [3]. Из данной позиции вытекает, что секреты производства участвуют в гражданском обороте посредством передачи имущественных прав по лицензионному договору или же посредством передачи исключительного права на объект.

Гражданский кодекс Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь «О коммерческой тайне» определяют секреты производства как ОИС, на которые не распространяется институт исключительного права, их правовая охрана обеспечивается содержанием объекта в режиме коммерческой тайны [4; 5]. Данная правовая система предусматривает использование другой договорной формы — договора передачи сведений, составляющих коммерческую тайну.

Две договорные формы: лицензионный договор и договор передачи сведений, составляющих коммерческую тайну — не идентичны друг другу, они отличаются принципиально важными элементами. К таким элементам относятся: возможность использования сведений; правовой статус имущественных прав, которые установлены на объект и которые передаются пользователю; система вознаграждений за использование; возможности передачи сведений другим лицам. Со стороны российского предприятия заключается форма лицензионного договора, со стороны белорусского — договора передачи сведений. Устранение данного противоречия лежит в плоскости изменения норм гражданского законодательства.

В системе отражения секретов производства как объектов НМА в балансах белорусских предприятий в силу отсутствия четко обозначенного состава имущественных прав на ноу-хау возникает несоответствие перечня прав, определенного бухгалтерским законодательством, с перечнем прав, определенных гражданским законодательством. Выход из данного противоречия видится в расширении имущественных прав, определенных «Инструкцией по бухгалтерскому учету нематериальных активов» в части унификации с Законом Республики Беларусь «О коммерческой тайне» [1; 5] Вторым вариантом решения проблемы может быть принципиальное изменение правового режима в отношении секретов производства в белорусском законодательстве.

Таким образом, различное наполнение состава нематериальных активов, включая трактовку товарных знаков как объектов НМА, установление разных правовых режимов охраны секретов производства создают определенные барьеры в объединении усилий белорусских и российских предприятий по использованию новых технологий в практической деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Инструкция по бухгалтерскому учету нематериальных активов: [утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь от 30 апр 2012 г. № 25] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
2. Положение по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007): [утв. приказом М-ва Финансов Российской Федерации России от 27 дек. 2007 г. № 153н [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 ноября 2006 г.: одобр. Советом Федерации 8 дек. 2006 г.: текст по сост. на 1 сент. 2022 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2022.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 1 сент. 2022 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
5. О коммерческой тайне: Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2013 г. № 16-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

КАКИЕ КАДРЫ НАМ СЕГОДНЯ НУЖНЫ ДЛЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА?

Л. М. Гайдукевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: lgaidukevich@mail.ru*

Рассмотрен ключевой вопрос для сферы туризма и гостеприимства Республики Беларусь — подготовка высококвалифицированных кадров. Исследователем рассмотрены различные факторы, активно влияющие на современную потребность в туристских кадрах. Качественно изменившаяся внутренняя и внешняя среда в 2020—2022 гг. требует пересмотра целого комплекса вопросов, связанных с подготовкой специалистов данного профиля в ВУЗах и ССУЗах республики.

Ключевые слова: туристский комплекс; учебные заведения; туристские предприятия; реальный сектор; профессиональная квалификация.

WHAT PERSONNEL DO WE NEED FOR TOURISM AND HOSPITALITY TODAY?

L. M. Gaidukevich

*Belarusian State University
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: lgaidukevich@mail.ru*

The article covers the key issue of tourism and hospitality in the Republic of Belarus — the problem of training highly qualified personnel. The researcher

considered various factors actively influencing the modern need for tourist personnel. The qualitatively changed internal and external environment in 2020-2022 requires a review of a whole range of issues related to the training of specialists in this field in universities and colleges of the republic.

Keywords: *tourist complex; educational establishments; tourist enterprises; real sector; professional qualification.*

Период 2020—2022 гг. для индустрии туризма стал своеобразной катастрофой, принесшей бизнесу не только многомиллиардные убытки, но и востребовал применение качественно иных подходов в его организации. Глобализационные процессы, доминировавшие в мировой экономике в последние десятилетия, не разрешили имеющиеся в ней противоречия. Все это требует новых исследований концептуальных процессов, происходящих как в системе международных отношений, так, в частности, и в туризме.

В туризме это связано с изменением политики поведения туристических компаний на национальном и мировом рынках. Используемые ранее стратегии развития стали неэффективны, качественно изменился и сам потребитель, широко использующий информационные технологии. Тенденция прозрачности национальных границ для путешественников, имевшая место почти два последних десятилетия, сменилась непредсказуемой закрытостью, что нарушило устоявшуюся картинку географии туристских потоков и их устойчивое развитие.

В условиях динамично изменяющейся внешней и внутренней среды в туризме остается стабильно востребованным один вопрос — кадры.

Насколько известно, туризм является трудоемкой сферой услуг, успешность развития которой во многом определяется наличием высококвалифицированного персонала, способного не только грамотно формировать, но и эффективно управлять создаваемым туристским продуктом. Именно они создают положительный (или негативный) имидж компании и во многом определяют качество предлагаемого на рынке туристского продукта.

В Республике Беларусь проблема подготовки квалифицированных кадров для туризма и гостеприимства все еще остается одной из актуальных. Весьма существенным остается разрыв между потребностями индустрии туризма и гостеприимства и предложением со стороны образовательных учреждений республики. Именно этот вопрос стал центральным в обсуждении, организованном Департаментом по туризму Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, в июле месяце текущего года.

Какая основная претензия руководителей турпредприятий к учебным заведениям, готовящим кадры? Как правило, это чрез-

мерная академичность профильного высшего образования и недостаток практических навыков и знаний. Действующие же учебные программы, как считает ряд руководителей турпредприятий, не ориентируются на практическую работу. Все еще отсутствует система привлечения к преподаванию практических работников туриндустрии.

Но нельзя забывать, что туризм — наиболее динамичная сфера сектора услуг, которая опережает поставщиков услуг в их способности удовлетворять различные потребности туристов. Иностранные языки, умение работать в графических редакторах, знания историко-культурной специфики национальных государств и реализуемой ими политики, национальная кухня, интеграционные процессы — это краткий перечень лишь некоторых направлений, которые должны быть учтены в учебных программах ВУЗов республики. Все это порождает наличие расходящихся, а порой и противоположных точек зрения на развитие учебных планов и учебных подходов в ВУЗах республики. Эти взгляды вынуждают ВУЗы обеспечивать образование в туризме исходя из потребностей туриндустрии с ее узкими перспективами как в отношении профессиональных компетенций своих выпускников (т. е. «заточенность» на требования турпредприятий), так и в отношении качества обслуживания (в соответствии с потребностями туристов). То есть, ВУЗы республики сегодня готовят кадры для удовлетворения локальных и текущих потребностей туризма.

В определенной степени это было оправдано, ведь на этапе становления турпредприятий в республике, у многих из них не было никакого выбора в кадрах, и порой трудно заменить дипломированного специалиста (считай — опытного, без специального образования), на молодого выпускника университета. Более того, малый бизнес в туризме, где трудится 3—4 человека не может нести значительные расходы на дополнительное обучение своих сотрудников.

Крупные же туркомпании, особенно в сфере гостеприимства, способны регулярно обучать своих сотрудников, хотя они зачастую сталкиваются с другой проблемой — вопросом сохранения их квалифицированного штата (уже подготовленные сотрудники переходят в другие отели, которые предлагают более высокое материальное вознаграждение). В результате как крупные, так и мелкие туркомпании не развивают внутренние обучающие системы из-за высокого процента отсеивающихся при приеме на работу. С учетом же последних кризисных явлений в туризме, многие выпускники имеют слабую мотивацию к работе в сфере туризма и гостеприимства. Более того, некоторые специалисты отмечают появление у части молодежи «токсичности» к специальностям туристского профиля.

Такое положение создало в настоящее время ситуацию, когда выпускники рассматривают предприятия туриндустрии как первый шаг в карьере (при наличии таких амбиций), или временную занятость (на всякий случай), до поиска лучших вакансий.

Сложившаяся ситуация на туррынке заставляет как малые, так и крупные компании выбирать сотрудников с образованием отличным от туристского, но с опытом практической работы или с большей мотивацией работать именно в сфере туризма и гостеприимства. Таким образом, мы наблюдаем тот факт, что работодатели удовлетворяют свои потребности в кадрах в большей степени ориентируясь на людей с практическим опытом, нежели с университетским образованием. Это касается в первую очередь представителей малого бизнеса, так как в крупных компаниях в приоритете все же остаются управленческие навыки. Так, например, в Канаде более чем на одну треть вакантных рабочих мест в отелях требуются соискатели с высшим образованием, включая языковую квалификацию [1, с. 202].

Такое положение дел характерно не только для Республики Беларусь, но и для большинства стран ЦВЕ, некоторых стран Европы и Латинской Америки.

Поэтому мы наблюдаем сегодня в сфере международного туризма и гостеприимства жесткую конкуренцию со стороны неквалифицированных сотрудников и сотрудников, имеющих иное образование, для которых важнее уровень заработной платы, а не повышение своих профессиональных компетенций. Однако не секрет, что профессионально-техническая ориентация в образовательном процессе способна дать соискателю лишь сиюминутную выгоду, но неизбежно снижает карьерные возможности молодого человека, а обширные знания значительно расширяют их.

Какой же алгоритм действий сегодня требуется от учебных заведений, готовящих кадры для туристической сферы? На наш взгляд необходимо:

- организовать тесное сотрудничество с представителями реального сектора и таким образом обеспечивать прогнозную оценку потребностей в кадрах;

- в организации и планировании учебного процесса оперативно реагировать на изменяющуюся внешнюю и внутреннюю среду, на складывающуюся конъюнктуру в системе международных отношений;

- представителям туриндустрии необходимо разработать комплексную систему мер по стимулированию подготовки кадров учебными заведениями республики (предложения грантов, целевая подготовка, организация мастер-классов и т. д.).

В складывающихся условиях отечественного туристического рынка востребован, на наш взгляд, определенный баланс между количеством подготавливаемых (считайте — необходимых) специалистов, готовящих средними специальными учебными заведениями и ВУЗами. Эти вопросы должны совместно прорабатываться Министерством образования и Министерством спорта и туризма Республики Беларусь.

Таким образом, грамотно подготовленные туристские кадры способны предоставлять высококачественный сервис туристам как на внутреннем, так и на международном рынке, усилив экспортные возможности нашей республики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боголюбов, В. С. Инновационные методы управления эффективным развитием туризма: монография / В. С. Боголюбов, С. А. Боголюбова, О. С. Акимова; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. В. С. Боголюбова. — СПб.: СПбГИЭУ, 2011. — 259 с.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА

Л. Н. Давыденко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: davidenko@bsu.by*

Объект исследования: индустрия туризма в условиях климатических изменений. Проанализированы теоретико-методологические подходы социальной ответственности туристического бизнеса за сохранение окружающей среды. Проведен анализ мирового опыта перехода индустрии туризма на новые технологии «зеленой» экономики и решения вопросов корпоративного управления, реализации социальных и экологических программ, соблюдения международных и национальных законодательств. Определены концептуальные подходы обеспечения экологической безопасности в туристском бизнесе Республики Беларусь через рациональное использование природных ресурсов и природно-ресурсного потенциала регионов.

Ключевые слова: индустрия туризма, климатические изменения, мировой опыт, технологии «зеленой» экономики, экологическая безопасность.

ENVIRONMENTAL PRIORITIES DEVELOPMENT OF THE GLOBAL TOURISM INDUSTRY

L. N. Davydenko

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: davidenko@bsu.by*

Object of research: tourism industry in conditions of climate change. The theoretical and methodological approaches of the social responsibility of the tourism business for the preservation of the environment are analyzed. The analysis of the world experience

of the transition of the tourism industry to new technologies of the «green» economy and the solution of issues of corporate governance, the implementation of social and environmental programs, compliance with international and national legislation. Conceptual approaches to ensuring environmental safety in the tourism business of the Republic of Belarus through the rational use of natural resources and the natural resource potential of the regions are defined.

Keywords: *tourism industry, climate change, world experience, green economy technologies, environmental safety.*

Для мировой практики понятие «зеленая» экономика сформулировано ЮНЕП (Программой ООН по окружающей среде) как экономика, в которой экономический рост и экологическая ответственность взаимодействуют в области социального развития, улучшая благосостояние людей, значительно снижая экологические риски и экологический дефицит [1, с. 9].

Приоритетными направлениями «зеленой» экономики, согласно ЮНЕП, являются:

- эффективное использование природных ресурсов;
- сохранение и увеличение природного капитала;
- уменьшение загрязнения;
- низкие углеродные выбросы;
- предотвращение утраты экосистемных услуг и биоразнообразия;
- рост доходов и занятости [2].

К факторам развития «зеленой» экономики на глобальном и национальном уровнях, следует отнести рост актуальности проблемы экологической безопасности для населения и стремление государств обеспечить национальную безопасность, включая энергетическую, экологическую, продуктовую безопасность и снижение рисков климатических изменений [3, с. 303—307].

Мировая индустрия туризма с переходом на «зеленые» стандарты позволит внести существенный вклад в достижение поставленных целей по снижению энергоемкости экономики. Можно отметить в ряде стран положительный опыт использования альтернативных источников энергии в индустрии туризма. Они обусловлены ролью и удельным весом индустрии туризма в экономике страны.

Развитие «зеленой» экономики в мире ускоряется климатическими изменениями, которые вызываются необратимыми катаклизмами и природными катастрофами. В туризме климатические изменения увеличивают рост издержек на обеспечения безопасности туристов, а также и усложняют условия функционирования бизнеса.

Индустрия туризма обладает рядом особенностей, влияющих на процессы ее экологизации. Прежде всего это зависимость объ-

емов и качества туристического продукта от объемов и качества природного и культурного капитала, определяющих привлекательность дестинации для туристов. Деградация природных ресурсов, уничтожение памятников природы, загрязнение водоемов, нарушение ландшафтов, снижение биоразнообразия ведут к снижению или вовсе полному отсутствию туристского потока и, как итог, к падению экономики, где этот сектор является ключевым. Согласованность эколого-экономических интересов и действий власти, бизнеса, населения, институтов развития, инвесторов является условием положительного воздействия этого фактора. Это надо учитывать, как при построении стратегий «зеленого» роста, так и при реализации планов по их достижению [4].

Беларусь обладает большими ресурсами для перехода к зеленой экономике: природными, (обширные леса, лесо-озерные, лесо-речные природные комплексы, включающие памятники природы, болота Белорусского Полесья с их уникальными экосистемами, разнообразный растительный и животный мир, природные лечебные ресурсы, охотничьи и рыболовные угодья, живописные ландшафты); человеческими, материальными и технологическими. Именно поэтому туристический сектор, а в частности агроэкотуризм, поможет сыграть существенную роль в переходе к зеленой экономике.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2021 г. № 710 утвержден Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021—2025 годы. В качестве стратегической цели утвержденного плана определено развитие инклюзивной, умной и цифровой «зеленой» экономики, содействующей достижению экономического роста [5].

Национальный план призван сформировать комплекс мер по приоритетным направлениям в соответствии с основными положениями Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы, включая содействие достижению «зеленого» экономического роста в условиях сохранения природного капитала и повышение занятости путем создания «зеленых» рабочих мест. В число приоритетных направлений развития «зеленой» экономики в нашей стране было включено развитие экологического туризма и агроэкотуризма на период до 2035 года.

Документом определены мероприятия, направленные на реализацию Национального плана действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021—2025 г. В частности, в перечень включены мероприятия по:

- развитию экологической сертификации и экомаркировки;

- разработке законодательства в сфере обращения химических веществ в части ограничения использования оксопластмасс и микропластмасс;

- продвижению «зеленых» маркетинговых стратегий в области устойчивого производства среди организаций Республики Беларусь;

- совершенствованию законодательства об обращении с отходами, а также в области производства и обращения органической продукции;

- повышению комфортности и безопасности условий проживания с постепенным переходом к ландшафтно-усадебной урбанизации, созданием и развитием сети поселений нового типа;

- развитию сети зарядных станций для электромобильного транспорта на территории Республики Беларусь;

- реализации Концепции развития велосипедного движения в Республике Беларусь;

- разработке Стратегии долгосрочного развития Республики Беларусь с низким уровнем выбросов парниковых газов на период до 2050 года;

- внедрению механизма добровольного экологического страхования [5].

В Национальной стратегии устойчивого развития в сфере развития туризма стоит задача восстановления туристической отрасли, претерпевшей наибольшие потери от последствий коронавирусной пандемии, повышения качества туристических продуктов, стимулирования развития внутреннего туризма, привлечения новых туристических потоков и диверсификации экспорта туристических услуг (КНР, ОАЭ, страны ОЭСР и др.).

По мнению ЮНЕП и Всемирной туристской организации (ЮНВТО) все виды туризма должны стать «зелеными» и устойчивыми, а именно предполагать [2]:

- уважение социокультурной идентичности местных общин, помощь в сохранении их культурного наследия и традиционных ценностей;

- оптимальное использование ресурсов окружающей среды, являющихся ключевыми элементами для развития туризма, поддержание ключевых экологических процессов и содействие сохранению природных ресурсов и биоразнообразия;

- обеспечение жизнеспособной долгосрочной экономической деятельности, обеспечивающей социально-экономические справедливо распределяемые выгоды для всех вовлеченных сторон, в том числе удовлетворенности туристов, стабильной занятости и возможности для получения доходов, и социальных услуг принимающим общинам.

К важнейшим факторам развития «зеленой» экономики относится информирование населения об опыте внедрения «зеленых» технологий, эколого-экономической эффективности «зеленых» инвестиций. В этом смысле ключевая роль отводится международным и национальным системам экологической сертификации. В их обязанности входит не только экологический аудит, экологический менеджмент, но и поиск технологий и методов снижения негативного воздействия на окружающую среду.

Важнейшей задачей для перехода к «зеленой» экономике является формирование «зеленого» мировоззрения молодежи страны. Ввиду увеличения потока туристов есть риск возникновения проблемы — роста экологически негативного влияния туристов на природу. В данном случае необходимо усилить экологическое сознание туристов. Здесь необходимо заниматься образованием и воспитанием населения с целью повышения экологической культуры. Особое значение необходимо уделять изучению нормативных документов и национальных стандартов об устойчивом развитии, а также методам и приемам оценки социальной ответственности бизнеса.

Нормативные документы для социально ответственного бизнеса требуют учета международных и национальных стандартов. Каждая компания разрабатывает собственную стратегию корпоративной социальной ответственности, но есть и общепринятые документы. Среди них:

- глобальный договор ООН об устойчивом развитии;
- национальный стандарт ИСО 26 000 «Руководство по социальной ответственности»;
- стандарты отчетности *GRI* и *AA1000*;
- другие международные документы в области устойчивого развития [6].

Для развития индустрии туризма на принципах построения «зеленой» экономики необходима экологизация всей системы управления экономикой. Следует создать нормативно-правовую базу перехода на новую экономическую модель включающую инструменты стимулирования поведения производителей и потребителей, включая кредиты и инвестиции, налоги, цены и др. Это будет способствовать улучшению экономической, социальной и экологической сферы. В первую очередь, это усилит экономический рост, повысит конкурентоспособность как индустрии туризма, так и нашей страны.

Мировая практика показывает, что регулирование отношений в сфере индустрии туризма требует использование новейших технологий, связанных с преодолением консервативного мышления персонала организаций, повышения их социальной ответственности

за предоставление разнообразных и качественных услуг, а также выполнения своих обязательств перед государством и обществом. Среди проблемных вопросов дальнейшего развития индустрии туризма в Республике Беларусь на принципах «зеленой» экономики следует отметить: развития туристской инфраструктуры в соответствии с международными стандартами, усиления государственной поддержки внутреннего туризма, включая льготное кредитование, гибкость налогообложения, компенсации финансовых затрат для путешествий отдельных категорий граждан и др.; развития инклюзивного туризма для людей с инвалидностью и физически ослабленных лиц, а также их информационное сопровождение; увеличения подготовки численности специалистов (менеджеров-экономистов) со знанием иностранных языков, поддержания соответствия цены и качества сервиса, лечебных процедур и медицинских услуг в здравницах страны, введения сертификации «Гарантия происхождения» на местные продовольственные продукты питания, включая продукты органического земледелия и животноводства, совершенствования регулирования развития форм регионального сельского туризма с учетом зарубежного опыта и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Навстречу «зеленой» экономике: путь к устойчивому развитию и искоренению бедности: обобщающий доклад для представителей властных структур [Электронный ресурс] // Программа ООН по окружающей среде. — Найроби: ЮНЕП, 2011. — 44 с.
2. Местное предпринимательство и экономическое развитие [Электронный ресурс] // Программа развития Организации Объединенных Наций — Беларусь. — Режим доступа: http://www.by.undp.org/content/belarus/ru/home/operations/projects/poverty_reduction/LED. — Дата доступа: 24.07.2022.
3. Давыденко, Л. Н. Синергия экономических знаний: научная школа профессора Л. Н. Давыденко / Л. Н. Давыденко. — Минск: ИВЦ Минфина, 2021.
4. Мишулина, С. И. Механизмы согласования интересов природопользователей в ходе реализации инвестиционных проектов в регионах туристской специализации / Л. Н. Мишулина // Туризм: право и экономика. — 2017. — № 1. — С.12—16.
5. О Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 10 дек. 2021 г. № 710 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=c22100710&q_id=. — Дата доступа: 24.07.2022.
6. Реализация корпоративной социальной ответственности бизнеса [Электронный ресурс] // Exiterra. — 02.07.2021. — Режим доступа: <https://exiterra.com/blog/dlya-biznesa/realizatsiya-korporativnoy-sotsialnoy-otvetstvennosti-biznesa/>. — Дата доступа: 01.09.2022.

MICE-ИНДУСТРИЯ ИНДИИ: ВЕДУЩИЕ ДЕСТИНАЦИИ И ИХ ИНФРАСТРУКТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

В. М. Дедок¹⁾, К. А. Красовская²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: viktorija_dedok@yahoo.com

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: xkras23@mail.ru

В данной статье представлен краткий обзор развития MICE-индустрии в Индии; рассмотрены ведущие дестинации страны по организации и проведению крупных международных деловых мероприятий, конгрессов, выставок; проанализированы результаты рейтинга «Лучшие отели для деловых путешественников 2022» по городам Индии, составленного компаниями CNBC и Statista на основе анализа данных по отелям в 117 городах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: MICE-индустрия; конференц-отель; конгресс-отель; деловой туризм, отель делового назначения, выставка, конференция.

MICE INDUSTRY OF INDIA: LEADING DESTINATIONS AND THEIR INFRASTRUCTURAL COMPONENT

V. M. Dedok^a, K. A. Krasovskaya^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: viktorija_dedok@yahoo.com

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: xkras23@mail.ru

This article provides a brief overview of the development of the MICE industry in India; considered the country's leading destinations for organizing and holding major international business events, congresses, exhibitions; analyzed the results of the rating «Best hotels for business travelers 2022» for cities in India, compiled by CNBC and Statista based on an analysis of hotel data in 117 cities in the Asia-Pacific region.

Keywords: MICE industry; conference hotel; congress hotel; business tourism, business hotel, exhibition, conference.

Рынок MICE-туризма Индии быстро развивается, и страна становится все более узнаваемой дестинацией на рынке делового туризма. К числу благоприятствующих факторов развития делового туризма можно отнести уникальную атмосферу гостеприимства Индии, ее богатое историческое и культурное наследие, а также передовые информационные технологии и достаточно высокий уровень развития инфраструктуры, в том числе выставочных центров и средств размещения делового назначения.

По данным на 2020 г., доля туристов, приезжающих с деловыми целями в Индию, составляла 14 % от всего потока иностранных туристов [1]. По данным Statista на 2021 г., выручка ивент-

индустрии составила более чем 100 млрд индийских рупий, что в два раза превысило показатель 2017 г. (около 56 млрд индийских рупий) [2].

В связи с развитием инфраструктурной составляющей *MICE*-индустрии Индии, соотносимой с уровнем развитых стран, данная дестинация все чаще становится местом для проведения крупных международных деловых мероприятий, конгрессов и выставок.

Международная ассоциация конгрессов и конференций (*ICCA*) ранжирует страны и города на основе количества проведенных мероприятий, что отражается в *ICCA Statistics Report Country and City Rankings*. Так, в 2019 г. Индия занимала 28-ю позицию из 114 по количеству проводимых мероприятий в стране (158 мероприятий или 1 % от проводимых мероприятий в мире). В г. Нью-Дели в 2019 г. были организованы 37 мероприятий, что обеспечила данному городу 75 место в мире среди остальных городов, представленных в отчете. К слову, аналогичная позиция по количеству проводимых мероприятий наблюдается в г. Ханое (Вьетнам) и г. Панама (Панама) [3].

Позиция Индии в разрезе Азиатско-Тихоокеанского региона выглядит несколько лучше, чем на мировом уровне. Так, среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона по количеству организованных мероприятий Индия занимает 7 место (158 мероприятий из 3019 или 5 % от общего числа мероприятий, организованных в регионе). К числу наиболее популярных городов для проведения крупных международных мероприятий можно отнести города Нью-Дели (37 мероприятий), Хайдерабад (19), Мумбаи (14) [3].

Важно отметить, что в каждом из этих городов расположен международный аэропорт, из которых к числу наиболее крупных следует отнести международный аэропорт имени Индиры Ганди в г. Нью-Дели и международный аэропорт имени Чатрапати Шиваджи в г. Мумбаи (пассажиропоток более 20 млн за полгода). Это определенным образом оказывает благоприятное воздействие на развитие международного туризма в данных дестинациях, в том числе и на путешествия делового назначения.

Нью-Дели является столицей, одним из основных центров *MICE*-туризма в Индии благодаря инфраструктуре, соответствующей стандартам мирового уровня. Среди основных объектов, предназначенных для проведения крупных деловых мероприятий международного уровня, можно отметить *Habitat World Convention Centre* и Вигьян Бхаван, конференц-зал отеля *Ashok*, крытый стадион имени Индиры Ганди, конференц-зал *Siri Fort*, стадион *Talkatora*, конференц-центр *NDMC*. К слову, центр Вигьян Бхаван построен в 1956 г. и на протяжении всего времени

был местом проведения конференций национального и международного уровня, семинаров и церемоний награждения, на которых присутствовали выдающиеся мировые лидеры и высокопоставленные лица. Вместимость выше перечисленных объектов составляет от 300 до 14 300 человек. В туристическом центре Нью-Дели также есть множество необычно оформленных конференц-центров (например, *Dilli Haats*), которые могут быть адаптированы для проведения различных уникальных мероприятий. Такого рода центры добавляют культурный колорит в проведение деловых мероприятий [4].

Хайдарабад является информационным и технологическим центром Индии. В городе был построен Международный конференц-центр Хайдарабада — НССС, который способен принять 5000 человек. Среди других крупных выставочных центров можно также отметить *Hitex Exhibition Center, Hyderabad International Convention Centre, People's Plaza, JRC Conventions & Trade Fairs*.

Мумбаи, будучи финансовой столицей страны, привлекают как национальные, так и международные конференции. Это город отличается качеством сервиса и инфраструктуры. Это способствует притоку большого количества международных туристов, в том числе и деловых. Город обладает инфраструктурными стандартами мирового класса для индустрии *MICE*, удовлетворяющими требованиям организаторов встреч. Основными центрами для проведения крупных конференций и конгрессов являются *Mumbai Exhibition Centre, MMRDA Grounds, CIDCO Exhibition Centre, Bandra Kurla Complex, Victor Menezes Convention Centre* и др.

По состоянию на 2021 г. в Индии насчитывалось более 1300 отелей, способных стать отличным местом проведения конгрессов и конференций, а также более 70 конференц-центров, каждый из которых имеет возможность проводить мероприятия мирового класса [1].

Компания *CNBC*, мировой лидер в мире деловых и финансовых новостей, совместно с компанией *Statista*, занимающейся анализом рынка и потребительских данных, составила рейтинг «Лучший отель для деловых путешественников 2022» («*CNBC's Best Hotels for Business Travelers 2022*») [5].

Для составления рейтинга «Лучший отель для деловых путешественников 2022» было проанализировано более 10 000 четырех- и пятизвездочных отелей в 117 городах Азиатско-Тихоокеанского региона. Целевая аудитория данного исследования включала путешественников, приехавших в страну с деловыми целями. В ходе исследования были проанализированы много-

численные данных об отелях, которые включали объективную информацию (местоположение, питание, досуг, характеристики номеров и др.) и субъективные отзывы гостей, собранные с *Google*, *TripAdvisor*, *Expedia* и аналогичных веб-сайтов. Далее проводилось взвешивание данных для определения приоритетности характеристик отеля, которые были сочтены наиболее важными в опросе туристов.

Согласно данному рейтингу, ведущими центрами с лучшими бизнес-отелями в Индии являются такие города, как Нью-Дели, Хайдарабад, Бангалор, Калькутта, Ченнай, Мумбаи, и Пуна [5]. Города разбросаны по территории всей страны и являются крупнейшими по населению в Индии (по данным на 2022 г. население г. Нью-Дели составило 32,1 млн чел., г. Мумбаи — 21 млн чел., г. Калькутта — 15,1 млн чел., г. Бангалор — 13,2 млн чел., г. Ченнай — 11,5 млн чел., г. Хайдарабад — 10,5 млн чел. [6]).

Факторы, обуславливающие развитие делового туризма и развитие соответствующей инфраструктуры в части средств размещения в таких городах, как Нью-Дели, Мумбаи, Хайдарабад, были представлены выше. Важно отметить, что в городах Калькутта, Бангалор, Ченнай, Пуна также имеются международные аэропорты и многочисленные выставочные центры и конгресс-центры. В пределах города Ченнай имеется три выставочных центра вместимостью более 1500 человек каждый: комплекс *Atma Arangam C.K.N.C* (вместимость до 2100 чел.), *M Weddings & Conventions* (до 1800 чел.) и *White Palace* (до 1500 чел.). Среди других крупных выставочных центров выделяются *City Exhibition Centre*, *Chennai Convention Centre (CCC HALL)*. Бангалор отличается большим количеством конференц-центров международного уровня. Международный выставочный центр Бангалора расположен к северо-западу от центра города. Другими крупными выставочными центрами являются *BIEC Bengaluru International Exhibition Centre*, *NIMHANS Convention Centre*, *Manpho Convention Center*, *The Chancery Pavilion*, *Elaan Convention Center* и др. Крупнейшими выставочными центрами Калькутты и Пуны являются *Milan Mela Complex* (Калькутта) и *Auto Cluster Exhibition Center* (Пуна) [4].

Список пяти лучших отелей г. Нью-Дели, согласно рейтингу «Лучший отель для деловых путешественников 2022», включает *The Leela Palace New Delhi 5** (16 конференц-залов общей площадью 1710 кв. м), *JW Marriott Hotel New Delhi Aerocity 5** (11 конференц-залов площадью 2170 кв. м), *Radisson Blu Plaza Delhi Airport* (3 зала вместимостью до 800 чел.), *Roseate House New Delhi 5**, *The Imperial New Delhi* [5]. Важно отметить, что все эти отели относятся к числу сетевых, за исключением последнего из

представленных. Можно предположить, что присутствие независимого отеля среди числа отелей такого высокого уровня сервиса свидетельствует о наличии кадров высокой квалификации в данной локации, обладающих достаточным уровнем компетенций и знаний, чтобы конкурировать на равных с отелями крупных гостиничных международных сетей. Также примечательно, что два из пяти отелей расположены около аэропорта. Расположение отелей высокого уровня сервиса около аэропортов обусловлено наличием высокого спроса со стороны бизнес-путешественников, для которых крайне важным является экономия времени.

Возглавляет список пяти лучших бизнес-отелей г. Хайдарабад *Taj Falaknuma Palace 5** [5]. Это отель, который входит в состав *Taj Hotels Resorts and Palaces*, которая является одной из самых крупных азиатских гостиничных сетей сегмента «люкс», обладаем многолетние историей и многочисленными отелями, расположенными по всему миру. В отеле *Taj Falaknuma Palace 5** имеется 6 конференц-залов вместимостью до 2050 человек). Далее по списку следуют *Sheraton Hyderabad Hotel* (7 конференц-залов площадью 1058 кв. м; гостиничная сеть *Marriott*), *The Westin Hyderabad Mindspace* (13 конференц-залов площадью 1996 кв. м; гостиничная сеть *Marriott*), *Oakwood Residence Kapil Hyderabad* (отель расположен на территории *Gachibowli IT-парка*; входит в сеть отелей *Oakwood*). Замыкает пятерку лучших бизнес-отелей *Trident Hotel Hyderabad 5** [5], который входит в состав *Oberoi Group*. *Omeli Trident* — это пятизвездочные отели, которые зарекомендовали себя как превосходные отели и признаны за сервис и соотношение цены и качества. Эти отели сочетают в себе идеальное расположение с самыми современными удобствами и надежным обслуживанием в заботливой обстановке, что делает их идеальным выбором для деловых путешественников и туристов. В настоящее время в Индии насчитывается десять отелей *Trident*. Хотелось бы отметить тот факт, что высокий уровень сервиса в отелях *Oberoi Group* обеспечивается благодаря высококвалифицированным кадрам, которые компания готовит собственными силами. *The Oberoi Group* в 1966 г. основала Центр обучения и развития *Oberoi* в г. Нью-Дели. Сегодня это учебное заведение считается одним из лучших в Азии, ежегодно выпускающее около 100 студентов.

Лучшими отелями г. Бангалор стали *Four Seasons Hotel Bengaluru at Embassy ONE* (13 конференц-залов площадью 1821 кв. м; сеть отелей *Four Seasons Hotels and Resorts*), *Shangri-La Bengaluru* (11 залов площадью 2293 кв. м; сеть отелей *Shangri-La Hotels and Resorts*), *Sheraton Grand Bangalore Hotel at Brigade Gateway* (9 конференц-залов площадью 2292 кв. м; сеть отелей

Sheraton), *JW Marriott Hotel Bengaluru* (сеть отелей *Marriott*). За-мыкает список *The Den Bengaluru*, который является независи-мым отелем [5].

Пятью лучшими бизнес-отелями г. Калькутта являют-ся *JW Marriott Hotel Kolkata* (12 конференц-залов площадью 2486 кв. м), *The Westin Kolkata Rajarhat* (1 конференц-зал вместимостью 1300 человек), *The Oberoi Grand Kolkata* (3 конференц-зала вместимостью 1155 человек), *Kenilworth Hotel*, *ITC Royal Bengal*. Наблюдается похожая тенденция с другими предназна-циями: 4 отеля из списка являются сетевыми и один является неза-висимым [5].

В топ-5 бизнес-отелей г. Ченнай вошли *The Westin Chennai Velachery* (10 конференц-залов площадью 908 кв. м), *Crowne Plaza Chennai Adyar Park* (14 конференц-залов площадью 1394 кв. м), *Hilton Chennai*, *Citadines OMR Chennai*. Все отели дан-ной дестинации являются сетевыми [5].

Список пяти лучших бизнес-отелей г. Мумбаи включает *The Leela Mumbai* (11 конференц-залов площадью 2438 кв. м), *Grand Hyatt Mumbai Hotel & Residences* (11 конференц-залов площа-дью 3733 кв. м), *JW Marriott Mumbai Sahar* (13 конференц-залов 2456 кв. м), *The Taj Mahal Palace*, *Taj Mahal Tower* [5].

Пятью лучшими бизнес-отелями г. Пуна стали *Marriott Suites Pune* (2 конференц-зала площадью 322 кв. м), *DoubleTree by Hilton Hotel Pune — Chinchwad* (4 конференц-зала площадью 359 кв. м), *The Ritz-Carlton*, *JW Marriott Hotel Pune*, *Four Points by Sheraton Hotel & Serviced Apartments, Pune* [5].

Отели, представленные в рейтинге, входят в состав между-народных гостиничных сетей, преимущественно относящихся к макрорегиону Америка (*Marriott Int.*, *Hilton*, *Four Seasons Hotels and Resorts*). Также представлены отели и азиатских гостинич-ных ТНК (*Oberoi Group*, *Taj Hotels Resorts and Palaces* и др.). Все отели, вошедшие в рейтинг, преимущественно отели категории «пять звезд», предлагающие широкий перечень услуг высокого уровня сервиса; в большинстве случаев располагают значитель-ными по площади конференц-залами, оснащенными оборудо-ванием передовых технологий; имеют удобное расположение (недалеко от аэропорта, на территории ИТ-парка, рядом с выста-вочным центром и т. д.).

Хотелось бы отметить, что принадлежность отеля к между-народным гостиничным сетям обеспечивает многочисленные преимущества для руководителей отелей (стандарты качества, централизованная система продвижения и продаж и др.), что в сочетании с работой высококвалифицированных сотрудников позволяет занимать лидирующие позиции в подобных рейтин-

гах и обеспечивать высокую конкурентоспособность гостиниц на международном уровне, так и на национальном и локальном.

Несомненно, что развитие *MICE*-индустрии, с одной стороны, требует наличия необходимой инфраструктурной составляющей (выставочные центры, аэропорты, гостиницы и др.), обеспечивающей возможность проведения мероприятий делового назначения на высоком уровне; с другой стороны, высокий уровень развития *MICE*-индустрии в дестинации обуславливает дальнейшее развитие инфраструктурной составляющей ввиду повышения инвестиционной привлекательности. Как результат, появляются новые гостиничные объекты, как правило, более высокого класса, увеличивается номерной фонд дестинации, что позволяет принимать мероприятия бóльшего масштаба и, соответственно, иметь более результативный экономический эффект. Наличие большого количества высококлассных гостиниц в ведущих бизнес-дестинациях Индии свидетельствует о развитии инфраструктурной составляющей *MICE*-индустрии в части средств размещения на достаточно высоком уровне, что при сохранении сложившейся тенденции будет содействовать продвижению Индии как *MICE*-дестинации на международном уровне, а присутствие гостиничных объектов в подобных рейтингах лишь будет этому способствовать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. India Mice Tourism Market — Growth, Trends, Covid-19 Impact, And Forecasts (2022—2027) [Electronic resource] // Mordor Intelligence. — Mode of access: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/india-mice-tourism-market>. — Date of access: 14.09.2022.
2. Revenue of the organized events industry across India from financial year 2012 to 2017, with estimates for 2018 and 2021 [Electronic resource] // Statista.com. — Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/893706/india-organized-events-industry-revenue/>. — Date of access: 14.09.2022.
3. ICCA Statistics Report Country & City Rankings — Public Abstract [Electronic resource] // ICCA — International Congress and Convention Association. — Mode of access: <https://www.iccaworld.org/dcps/doc.cfm?docid=2396>. — Date of access: 14.09.2022.
4. Final Report On MICE Market In India And The Role Of ICPB In Promoting MICE Tourism Products [Electronic resource] // Government of India. Ministry of Tourism. — Mode of access: <https://tourism.gov.in/sites/default/files/2020-04/Final%20Report%20On%20MICE%20Market%20In%20India%20And%20The%20Role%20Of%20ICPB%20In%20Promoting%20MICE%20Tourism%20Products.pdf>. - Date of access: 14.09.2022.
5. Pitrelli, M. Shanghai, Mumbai, Melbourne and beyond: CNBC names the best Asia-Pacific hotels for business travel / M. Pitrelli [Electronic resource] // CNBC. — 11.09.2022. — Mode of access: <https://www.cnbc>.

com/2022/09/12/best-hotels-for-business-travelers-in-asia-pacific.html. — Date of access: 14.09.2022.

6. India [Electronic resource] // Central Intelligence Agency. — Mode of access: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/india/>. — Date of access: 14.09.2022.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА: РОССИЙСКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ

А. Н. Решетникова¹⁾, А. В. Юрченко²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: anbsu@mail.ru*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь*

Проанализирован опыт развития событийного туризма в городах и регионах Российской Федерации, выявлены современные дестинации-лидеры ивент-рынка (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань). Изучены особенности тематической структуры Национального календаря событий Российской Федерации, показавшие доминирование в тематической структуре фестивалей (гастрономических и тематических), праздников и ярмарок. На основе адаптированной авторами российской методики оценки событийного потенциала дестинаций представлены результаты оценки событийного потенциала малых исторических городов Беларуси.

Ключевые слова: *событийный туризм; малые города; потенциал развития событийного туризма, туристская инфраструктура, фестивали.*

REGIONAL ASPECTS OF EVENT TOURISM DEVELOPMENT: RUSSIAN AND BELARUSIAN EXPERIENCE

A. N. Reshetnikova^a, A. V. Yurchenko^b

*^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: anbsu@mail.ru*

*^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
Corresponding author: A. N. Reshetnikova (anbsu@mail.ru)*

The experience of developing event tourism in cities and regions of the Russian Federation was analyzed, modern destination-leaders are identified (Moscow, Saint Petersburg, Yekaterinburg, Kazan). The features of the thematic structure of the National Calendar of Events of the Russian Federation, which showed the dominance in the thematic structure of festivals (gastronomic and thematic), holidays and fairs, are studied. The experience of creating associations to promote event tourism in small historical cities, based on this experience, a system of indicators for evaluating event tourism potential of destinations of small historical towns of the Republic of Belarus was developed.

Keywords: *event tourism; small towns; potential for development of event tourism; tourism infrastructure; festivals.*

Событийный туризм является важным направлением в развитии туристского сектора стран и регионов, ведущим фактором привлечения внутренних и международных туристских потоков, с ним связано привлечение инвестиций, улучшение имиджа дестинаций, генерирование экономической выгоды. Развитие событийного туризма является доходной сферой туристской деятельности в крупных городах, аккумулирующих объекты событийной инфраструктуры, а также может стать одним из направлений диверсификации туристского продукта малых исторических городов, консолидирующих историческое наследие.

В развитии событийного потенциала регионов России важную роль играет Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. в которой отмечается, что событийный туризм признается перспективным и экономически выгодным видом туризма. На рисунке 1 представлен рейтинг десяти регионов Российской Федерации и их административных центров с наиболее развитым потенциалом в области событийного туризма по данным 2019 г., составленный на основе исследования Выставочного научно-исследовательского центра R&C. В рейтинге учитываются показатели, оказывающие наиболее существенное влияние на развитие событийного туризма: уровень развития специализированной инфраструктуры, наличие программ по развитию и продвижению конгрессно-выставочного потенциала регионов, транспортная доступность и опыт проведения значимых ивентов международного и национального уровня. Максимальным потенциалом для развития событийного туризма отличаются Москва и Московская область, значительно опережающие по ряду сравниваемых параметров другие регионы России и, поэтому, не учитываемые в данном рейтинге. Города Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань являются ТОП-3 в рейтинге 2019 г. и несмотря на ряд ограничений и сдерживающих факторов, связанных с эпидемией *COVID-19*, сохраняют лидирующие позиции в сегменте событийного туризма России в 2021г. [1]

Казань стала третьим городом в рейтинге благодаря активной деятельности Конвеншн бюро Республики Татарстан. Главным ее конкурентом в период 2019—2021 гг. являлся г. Сочи. В группу лидеров входят города, которые, помимо наличия специализированных выставочных площадей и развитого гостиничного хозяйства, также имеют Центры международной торговли, которые могут предоставлять участникам событийных мероприятий дополнительные услуги для отдыха и бизнеса. Одним из лидеров является Екатеринбург. Этот город значительно обогнал в 2019 г. конкурирующих участников рынка по наличию специализированных выставочных и конгрессных площадей. Санкт-Петербург

является абсолютным лидером рейтинга по количеству сетевых и конгресс-отелей. Можно выделить ряд факторов, которые в значительной степени оказали влияние на повышение потенциала регионов Российской Федерации в области событийного туризма:

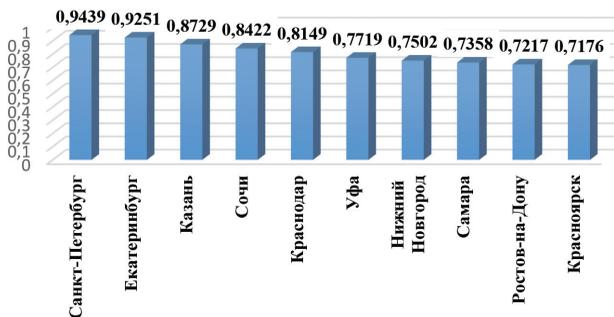

Рис. 1. Рейтинг административных центров Российской Федерации с наиболее развитым потенциалом событийного туризма, 2019 г.

И с т о ч н и к: [1].

— выстраивание единого информационного пространства, скоординированных действий с Национальным конгресс-бюро регионов Российской Федерации. Это сотрудничество позволило регионам выиграть большое количество заявок на проведение у себя крупных международных мероприятий;

— развитие специализированной выставочной и конгрессной инфраструктуры;

— инициатива Правительства Российской Федерации о развитии сферы въездного туризма в рамках национального проекта «Экспорт услуг». Эта инициатива стимулировала рост активности администрации регионов, которая направлена на развитие и продвижение национальных брендов.

Таким образом, событийный потенциал крупных дестинаций Российской Федерации во многом обуславливается наличием в этих городах развитой специализированной инфраструктуры для проведения выставок, деловых и спортивных мероприятий.

Изучение тематической структуры событий, проходящих регулярно на территории регионов Российской Федерации позволили выявить особенности событийного календаря дестинаций в сегменте культурно-познавательного туризма. Центрами проведения событийных мероприятий данной тематической ниши чаще становятся малые города. При анализе Национального календаря событий России было рассмотрено 78 событийных ме-

роприятий, который были отнесены порталом *EventsinRussia.com* к лучшим событиям 2021 г. (Национальная премия в области событийного туризма *Russian Event Awards*) [2]. Самыми распространенными видами событийных мероприятий являлись фестивали, а также праздники и ярмарки, которые набрали 65 % и 26 % соответственно от общего числа организованных ивентов.

Фестивали характеризовались разнообразием целевых направлений, наиболее популярными видами фестивалей являлись гастрономические (27 %), посвященные уникальным ресурсам конкретного региона (27 %), историко-культурные и фольклорные (19 %), фестивали искусств и творчества (17 %), а также музыкальные (10 %).

Гастрономические фестивали популярны среди разных слоев населения, многие регионы России имеют свои национальные блюда и, соответственно, ресурсы для формирования уникального предложения в данном направлении. В качестве примера следует отметить гастрономический фестиваль «Вишневарово», который ежегодно проходит в г. Уварово Тамбовской области, ежегодно собирает более 7 тысяч посетителей из разных регионов России и по тематической направленности близок к «Вишневному фестивалю» в белорусском г. Глубокое. Оригинальной концепцией характеризуется ежегодный Всероссийский кулинарный фестиваль «От Пельняня до Китая», который проходит в пос. Игра (Удмуртская Республика) в рамках развития бренда «Удмуртия — родина пельменей»: за 5 лет фестиваль посетило около 25 тыс. человек [3].

Тематические фестивали проводятся во многих регионах России, как правило это ивенты посвященные какой-либо природной или культурно-исторической особенности региона. Одним из ежегодных масштабных тематических фестивалей, посвященных традициям региона стал «Берингия 2021» — масштабный зимний фестиваль на Камчатке, посвященный традиционным гонкам на собачьих упряжках, ежегодно привлекающий свыше 10 тыс. гостей. Фольклорные и фестивали искусств и творчества также достаточно популярны (Всероссийский историко-культурный фестиваль «ДаншиноFest» (Пензенская обл.), Фестиваль народных мастеров и художников «Палитра ремесел» (г. Саратов) и др.). Они в большинстве своем уникальны, так как концепция мероприятия строится на национальных особенностях региона, его истории и традициях.

Активное развитие событийного туризма в малых исторических городах также стало трендом для современного российского туристского рынка. Положительным опытом является создание

Ассоциация малых туристических городов России, которая позволяет объединяться и координировать совместные усилия для продвижения и популяризации туризма в этих городах, включая событийный [3].

Для оценки событийного потенциала малых городов и исторических поселений Республики Беларусь авторами была адаптирована упомянутая выше методика Выставочного научно-исследовательского центра R&C по оценке событийного потенциала дестинаций. К малым городам на территории Республики Беларусь относятся населенные пункты, численность которых составляет до 20 тыс. чел. Особенностью исследуемых исторических поселений является концентрация культурно-исторических ресурсов национального и международного значения, в том числе объектов всемирного наследия ЮНЕСКО [4]. Малые города Беларуси обладают уникальными историческими, архитектурно-градостроительными, этнографическими ресурсами, определяющими их специализацию в сегменте событийного туризма.

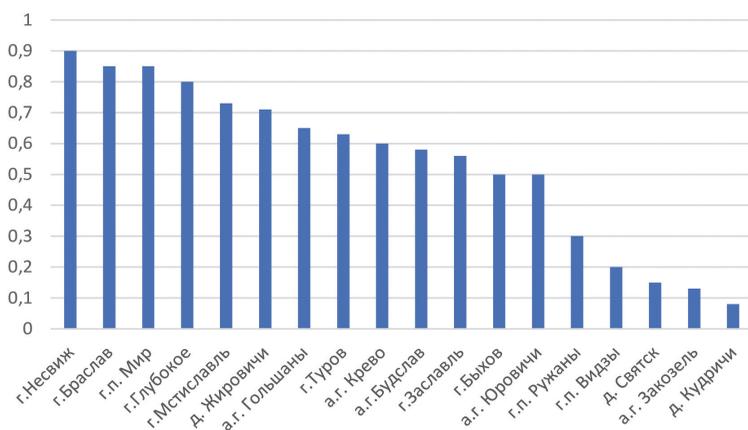

Рис. 2. Уровень развития событийного потенциала в малых исторических городах и поселениях Республики Беларусь
Источники: разработка авторов.

Комплексной оценке подверглись показатели, отражающие уровень развития туристской инфраструктуры, культурно-исторического потенциала и транспортной доступности дестинаций, политику региона в области событийного туризма, развитие инструментов событийного маркетинга [5]. Вес критериев в общем

рейтинге определялся в соответствии с их значимостью для развития событийного туризма в дестинации, максимальный балл, который мог набрать каждый город — 1. Наибольший вес имели комплексные показатели, непосредственно отражающие уровень развития продукта событийного туризма и его продвижения, а именно — «Программа продвижения региона как дестинации для проведения мероприятий», «Опыт проведения событийных мероприятий в регионе».

В тройку лидеров, согласно авторской оценке, вошли города Несвиж, Браслав, г. п. Мир. В соответствии с полученными результатами высоким и выше среднего событийным потенциалом характеризуются около 60 % исследуемых исторических поселений. Событийные мероприятия различной тематической направленности стали важным ресурсом для привлечения туристов и развития туристского продукта малых исторических городов (Несвиж, Браслав, Глубокое, Мстиславль). В группе лидеров в тематической структуре ивентов преобладают исторические, этнографические и музыкальные фестивали, религиозные праздники. На основе регулярных ивентов исторической тематики активно продвигают свой туристский продукт такие исторические поселения как Гольшаны, Крево; мероприятия религиозного характера привлекают ежегодно тысячи туристов в Будслав и Жировичи — центры паломнического туризма. Низкий потенциал развития событийного туризма характерен в основном для сельских поселений, где отсутствуют необходимые ресурсы инвестиционного и инфраструктурного характера.

Таким образом, в качестве положительных элементов регионального опыта развития российского рынка ивентов следует отметить ориентацию на внутренний рынок и усиление сотрудничества, формирование и реализацию государственных программ по поддержке данного направления туристской сферы, выстраивание единого информационного пространства и скоординированных действий с Национальным конгресс-бюро регионов Российской Федерации, усиление роли отраслевых ассоциаций; активное государственное и частное инвестирование в специализированную инфраструктуру.

После снятия ковидных ограничений следует ожидать рост потенциала событийного туризма в ключевых туристских дестинациях Республики Беларусь, в том числе малых исторических городах. Достаточно интенсивно развивается туристская инфраструктура, реконструируются и создаются новые объекты, развивается «Календарь событий» национального и регионального масштаба, организовываются мероприятия международного уровня. Такие города как Браслав, Несвиж, Глубокое, г. п. Мир

имеют многолетний опыт проведения международных и национальных ивентов, более развитую инфраструктуру для туристов в сравнении с другими исследуемыми дестинациями страны и на основе событийного туризма активно продвигают свой туристский продукт на внутреннем рынке. Для Республики Беларусь сохраняет актуальность российский опыт создания Ассоциации малых туристических городов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Выставочный научно-исследовательский институт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rnc-consult.ru>. — Дата доступа: 05.08.2022.
2. Национальный календарь событий Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eventsinrussia.com>. — Дата доступа: 10.07.2022.
3. Метелкина, П. В. Развитие туризма в малых городах России / П. В. Метелкина // Экспертный доклад. — 2017. — № 1. — С. 86—90.
4. Потаева, Г. Р. Туристский потенциал малых городов Беларуси и тенденции его освоения / Г. Р. Потаева, Т. А. Федорцова // Вестн. БГУ. Сер. 2. — 2006. — № 3. — С. 121—126.
5. Юрченко, А. В. Потенциал событийного туризма малых исторических городов Республики Беларусь / А. В. Юрченко // Лучшие работы студентов «НИРС ФМО 2022»: сб. науч. ст. / Редкол. Е. А. Достанко [и др.]. — Минск, 2022.

ОБЗОР НЕКОТОРЫХ МЕРОПРИЯТИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (АРГЕНТИНА, БРАЗИЛИЯ)

Ю. И. Синявская¹⁾, В. М. Дедок²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: y.siniavskaya@gmail.com

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: viktoria_dedok@yahoo.com

В статье представлен краткий обзор некоторых мероприятий между Республикой Беларусь и латиноамериканскими странами (Аргентина и Бразилия); сделан вывод о преобладании мероприятий высокого уровня с участием представителей МИД государств или иных государственных структур; к числу основных перспективных направлений развития отношений в части организации мероприятий отнесены мероприятия, организованные в цифровом формате (видеоконференции, онлайн-консультации и т. д.).

Ключевые слова: Республика Беларусь; Аргентинская Республика; Федеративная Республика Бразилия; МИСЕ-индустрия; организация деловых мероприятий.

REVIEW OF SOME EVENTS BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE COUNTRIES OF LATIN AMERICA (ARGENTINA, BRAZIL)

Yu. I. Siniauskaya^a, V. M. Dedok^b

^a *Belarusian State University,*

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: y.siniauskaya@gmail.com

^b *Belarusian State University,*

*Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: viktorija_dedok@yahoo.com*

The article provides a brief overview of some of the activities between the Republic of Belarus and Latin American countries (Argentina and Brazil); the conclusion is made about the predominance of high-level events with the participation of representatives of the Ministries of Foreign Affairs of states or other state structures; the main promising areas for the development of relations in terms of organizing events include events organized in digital format (video conferences, online consultations, etc.).

Keywords: *Republic of Belarus; Argentine Republic; Federative Republic of Brazil; MICE industry; organization of business events.*

В основе развития отношений между Республикой Беларусь и рядом латиноамериканских стран лежит общность принципов внутренней и внешней политики, близость позиций двух стран по основной международной повестке дня, заинтересованность в развитии торгово-экономических связей.

Суммарный объем белорусского экспорта в Латинскую Америку в 2020 г. превысил 700 млн дол. США [1]. Сложно-техническая продукция и минеральные удобрения занимали лидирующие позиции экспорта.

Торговля товарами Республики Беларусь со странами Латинской Америки (2016—2020 гг.)

	2016 г.		2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.	эксп.	имп.
Аргентина	13,8	57,3	7,8	119,6	31,2	103,1	1,8	52,1	0,8	95,9
Бразилия	441,0	82,8	439,9	72,6	585,5	125,7	584,2	304,9	540,4	177,9
Венесуэла	2,0	0,0	10,0	0,2	2,5	0,2	0,3	0,1	1,1	0,2
Колумбия	34,0	14,1	51,6	21,4	57,1	23,6	56,1	29,6	60,0	29,0
Куба	18,8	48,3	21,8	38,2	15,3	1,6	10,5	1,6	5,4	1,1
Мексика	3,1	23,3	3,9	28,2	20,1	36,7	12,9	30,9	14,3	26,5
Парагвай	9,6	0,0	5,6	0,0	13,3	0,0	6,1	0,0	1,0	0,0
Перу	5,9	4,3	9,8	5,1	14,2	6,7	9,4	7,1	0,7	6,1
Уругвай	10,5	1,8	22,6	2,0	6,5	1,0	24,3	1,7	20,7	2,1
Чили	0,8	10,6	2,9	14,6	2,9	22,1	3,3	17,9	0,8	17,8
Эквадор	18,9	43,3	15,0	96,8	37,9	155,4	14,8	188,2	22,2	184,8

Источник: [1, с. 138].

Республика Беларусь поддерживает дипломатические отношения с 33 странами Латинской Америки [2], развивая кооперацию в политических, образовательных, торгово-экономиче-

ских, научно-технических сферах деятельности. В Аргентинской Республике и Федеративной Республике Бразилия действуют Посольства Республики Беларусь, в Республике Беларусь функционирует Посольство Федеративной Республики Бразилия.

Дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Аргентинской Республикой были установлены в 1992 г. В марте 2000 г. в столице Аргентины, городе Буэнос-Айресе, было открыто Посольство Беларуси. За годы установленных дипотношений страны провели более 15 мероприятий на высоком уровне, среди них консультации на уровне начальников региональных управлений МИД, визиты официальных белорусских и аргентинских делегаций на уровне МИД, заседание Белорусско-Аргентинской совместной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству и политические консультации на уровне заместителей министров иностранных дел, встреча Министров иностранных дел Беларуси и Аргентины, участие в конференции ВТО белорусской делегации во главе с Первым заместителем Министра иностранных дел Беларуси и другие [3].

В 2019 г. Белорусская торгово-промышленная палата в рамках Национальной экспозиции Республики Беларусь, представленной на 25-й Международной выставке сельского хозяйства и животноводства *AgroActiva* (крупнейшая сельскохозяйственная выставка в регионе Латинской Америки, которая проходила 26—29 июня 2019 г. в г. Армстронге (Аргентина)), подготовила «Справочник экспонента национальной экспозиции Республики Беларусь. Аргентина, основные экономические показатели». Согласно данному изданию, за 2018 г. товарооборот между Беларусью и Аргентиной составил 134,3 млн дол. США (105,4 % к уровню 2017 г.). Экспорт составил 31,2 млн дол. США (400,0 % к уровню 2017 г.), импорт — 103,1 млн дол. США (86,2% к уровню 2017 г.). Сальдо внешней торговли сложилось отрицательным в размере 71,9 млн дол. США [4].

Среди деловых онлайн-мероприятий важно отметить проведение в апреле 2021 г. белорусско-аргентинских консультаций в виде видеоконференции на экспертном уровне. Во встрече участвовали представители региональных и юридических подразделений МИД Беларуси и МИД Аргентины [2].

В настоящее время Аргентинская Республика является перспективным торгово-экономическим партнером для Республики Беларусь, однако пандемия *COVID-19*, мировой политической и экономической кризисы сдерживали экономические потенциалы сторон.

Одним их наиболее значимых внешнеторговых партнеров Беларуси в 2020 г. стала Бразилия, которая является одним из ос-

новых партнеров Республики Беларусь в Западном полушарии и входит в десятку основных торговых партнеров Беларуси в мире.

Дипломатические отношения между Беларусью и Бразилией были установлены в 1992 г. [5]. За время существования дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Бразилия было организовано более 30 деловых мероприятий на высоком и высшем уровнях, среди них: официальные визиты в Республику Беларусь бразильских парламентских делегаций, участие белорусской делегации в Международной конференции ООН по вопросам устойчивого развития Рио+20, белорусско-бразильские межмидовские консультации по политическим вопросам, в рамках саммита БРИКС в г. Уфе (Россия) состоялась первая встреча Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко с Президентом Бразилии Д. Руссефф и иные мероприятия [5].

Согласно плану национальных выставок Республики Беларусь в иностранных государствах на 2022 г. (Утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2021 г. № 753 [6]), среди прочих выставок планируется представить национальные экспозиции на международной выставке-ярмарке *Agrishow* в бразильском Рибейран-Прету [6]. *Agrishow* является одной из крупнейших выставок сельского хозяйства в мире и ежегодно принимает более 159 тыс. посетителей. Площадка выставки составляет 440 тыс. кв. м, где представлены более 800 мировых брендов [7].

Среди недавних деловых мероприятий стоит отметить встречу в ноябре 2021 г. руководства БелТПП с Почетным консулом Республики Беларусь в Сан-Паулу, президентом Торгово-промышленной палаты «Беларусь — Бразилия» Григорием Гольдшлегером. В течение встречи особое внимание уделялось вопросам расширения сотрудничества между Беларусью и Бразилией в различных сферах промышленности и сельскохозяйственных технологий, а также перспективам участия белорусских компаний на выставках в Бразилии [8].

Также в феврале 2022 г. прошла видеоконференция, приуроченная к 30-летию установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Бразилия. Видеоконференция была организована в Палате представителей Республики Беларусь, организатором мероприятия выступило Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия. Мероприятие прошло с участием рабочей группы Национального собрания Республики Беларусь по сотрудничеству с Парламентом Федеративной Республики Бразилия, председателем парламентской группы «Бразилия—Бе-

ларусь», Комитетом по международным отношениям и национальной обороне Палаты депутатов Национального конгресса Бразилии [9].

В настоящее время отношения между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Бразилия активно развиваются. Беларусь экспортирует в Бразилию калийные удобрения, льняные ткани, проволоку из нелегированной стали, поликарбоновые кислоты и их производные, инсектициды и гербициды и другие товары. Основу импорта из этой латиноамериканской страны составляют пассажирские самолеты, кофе, полимеры этилена, шерсть и волос животных чесаные, железы, прочие органы, их экстракты для органотерапии, концентраты кофе, чая, мате и заменители кофе, красящие вещества, фрукты и другие товары [10].

Анализируя представленный краткий обзор некоторых мероприятий между Республикой Беларусь и латиноамериканскими странами (Аргентина и Бразилия), очевидно, что преимущественно формат взаимодействия представлен мероприятиями высокого уровня с участием представителей МИД или иных государственных структур; участие в выставках, ярмарках и иных подобных мероприятиях имеется (преимущественно в ключевых выставках основных направлений развития торгово-экономического сотрудничества), но не так часто, что объясняется во многом территориальной удаленностью региона и, соответственно, высокими организационными и транспортными издержками. Экспортно-импортные отношения определяют тематику проведения деловых мероприятий и их организаторов. Под влияние цифровизации все большую активность приобретает формат проведения мероприятий в режиме онлайн (видеоконференции, онлайн-консультации, онлайн-встречи и т. д.), что расширяет возможности взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тихомиров, А. В. Латинская Америка как приоритет внешней политики Республики Беларусь (1992—2021 гг.) / А. В. Тихомиров // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 9. — Минск, 2021. — С. 117 — 141.
2. Беларусь и страны Латинской Америки [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: https://mfa.gov.by/bilateral/america/latin_america/. — Дата доступа: 24.03.2022.
3. Политическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Аргентинской Республике. — Режим доступа: https://argentina.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/belarg/political/ — Дата доступа: 25.03.2022.

4. Аргентина. Основные экономические показатели: справочник экспонента Национальной экспозиции Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Белорусская торгово-промышленная палата. — Режим доступа: <https://www.cci.by/upload/iblock/554/554938a53470cc336c204340bd3ad56c.pdf>. — Дата доступа: 24.03.2022.

5. Политическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Федеративно Республике Бразилия. — Режим доступа: https://brazil.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/. — Дата доступа: 28.03.2022.

6. О Плана национальных выставок (экспозиций) в иностранных государствах на 2022 год: постановление Совета министров Респ. Беларусь от 24 дек. 2021 г. N 753 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

7. AGRISHOW 2022 [Electronic resource] // Hyva. — Mode of access: <https://www.hyva.com/ru-ua/events/agrishow/>. — Date of access: 28.03.2022.

8. Встреча председателя БелТППВ.Улаховича с Почетным консулом Беларуси в Сан-Паулу Г. Гольдшлегером [Электронный ресурс] // Белорусская торгово-промышленная палата. — 10.11.2021. — Режим доступа: <https://www.cci.by/o-palate/novosti/vstrecha-predsdatelya-beltpp-v-ulakhovicha-s-pochetnym-konsulom-belarusi-v-san-paulu-g-goldshlegero/>. — Дата доступа: 28.03.2022.

9. Участие в видеоконференции [Электронный ресурс] Факультет международных отношений БГУ. — 11.02.2022. — Режим доступа: <https://fir.bsu.by/news/news-2022-02-11>. — Дата доступа: 29.03.2022.

10. Торгово-экономические отношения [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Федеративно Республике Бразилия. — Режим доступа: <https://brazil.mfa.gov.by/ru/exportby/tev/>. — Дата доступа: 29.03.2022.

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ТУРИЗМА

Чжао Янь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: yzha04689@gmail.com*

Сотрудничество в сфере туризма становится важным направлением двустороннего и регионального многостороннего сотрудничества стран. В перспективе туристическое сотрудничество между Беларусью и Китаем может стать еще одним важным этапом практического сотрудничества между Беларусью и Китаем после Индустриального парка «Великий камень» и, таким образом, стать новым образцом в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В статье представлены состояние развития регионального туристического сотрудничества Беларуси и Китая и перспективы направления развития туристического сотрудничества Беларуси и Китая в постэпидемическую эпоху.

Ключевые слова: белорусско-китайское межрегиональное сотрудничество; туризм; Один пояс, один путь.

BELARUSIAN-CHINESE INTERREGIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF TOURISM

Zhao Yan

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: yzhao4689@gmail.com

Tourism cooperation is becoming an important direction of bilateral and regional multilateral cooperation among countries. In the future, tourism cooperation between Belarus and China has the potential to become another highlight of practical cooperation between Belarus and China after the «Great Stone» Industrial Park, and thus become a new paragon under the Belt and Road Initiative cooperation framework. This paper introduces the development status of regional tourism cooperation between Belarus and China and the prospect of the development direction of tourism cooperation between Belarus and China in the post-epidemic era.

Keywords: *Belarusian-Chinese cooperation; tourism; Belt and Road Initiative.*

Сотрудничество в сфере туризма становится важным направлением двустороннего сотрудничества между странами и многостороннего регионального взаимодействия. Это не только экономическая концепция, представляющая коллекцию туристических отношений, но и социальное явление в современных отношениях между странами (регионами). Это также способ активного культурного сотрудничества между различными странами и укрепления отношений между странами (регионами). Естественный результат общей тенденции взаимных отношений играет важную роль в гуманитарных обменах и культурном общении. Белорусско-китайское межрегиональное сотрудничество в сфере туризма имеет хорошие условия сотрудничества в сфере ресурсов, политики и рынков. Благодаря реализации таких мер, белорусско-китайское межрегиональное сотрудничество в сфере туризма может стать, после белорусско-китайского индустриального парка, еще одним ярким примером практического сотрудничества Китая и Беларуси и новым образцом сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Высокий уровень политического взаимного доверия между Беларусью и Китаем является залогом стабильного и долгосрочного развития межрегионального туристического сотрудничества двух стран. За последние 30 лет количество визитов высших должностных лиц двух стран превысило шестьдесят. Уровень белорусско-китайских отношений трижды повышался: с «дружеских отношений сотрудничества» до «всеобъемлющего стратегического партнерства» и в итоге до «доверительного всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества».

Белорусско-китайское туристическое сотрудничество развивалось на основе Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области туризма от 5 декабря 2005 г. (вступило в силу 21 февраля 2008 г.), ранее Стороны подписали Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимных безвизовых поездках по служебным делам (4 декабря 1996 г.), Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимных безвизовых групповых туристических поездках (4 декабря 1996 г.), Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области туризма (4 декабря 1996 г.), Протокол к Соглашению между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимных безвизовых групповых туристических поездках от 11 января 1993 г. (4 декабря 1996 г.), и они все помогают углубляться развитию межрегионального туристического сотрудничества.

В Совместной Декларации Республики Беларусь и Китайской Народной Республики об установлении всестороннего стратегического партнерства (16 июля 2013 г.), Договоре о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой (10 мая 2015 г.), Совместной декларации о дальнейшем развитии и углублении всестороннего стратегического партнерства (10 мая 2015 г.) и комплексе мер по совместному строительству «Одного пояса и одного пути» между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики (26 сентября 2016 г.) также упоминается, что региональное сотрудничество в сфере туризма должно укрепляться в сфере туризма. В ноябре 2014 года в рамках Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о создании Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству (4 сентября 2014 г.), была создана комиссия по культурному сотрудничеству Белорусско-китайского межправительственного комитета по сотрудничеству. Надежная институциональная гарантия продвигает и осуществляет межрегиональное туристическое сотрудничество [1].

Для расширения двустороннего сотрудничества в области туризма, директивы Президента Республики Беларусь № 5 (31 августа 2015 г.) и № 9 (3 декабря 2021 г.) «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» указывают на необходимость создания совместной тури-

стической компании, специализирующейся на взаимном формировании туров и экскурсий, подготовку гидов-переводчиков; продвигать совместно с китайскими партнерами оздоровительный туризм в Беларусь; в 2022—2025 гг. запланирована совместная, в том числе за счет китайских кредитов, реконструкция не менее 15 усадеб (дворцово-парковых ансамблей) в Беларуси (целевое направление — медицинский, экологический, историко-культурный туризм) [2; 3].

На сегодняшний день межрегиональное туристическое сотрудничество между Беларусью и Китаем дало определенные результаты. Что касается нормативно-правовых документов, то все области Беларуси подписали соглашения о сотрудничестве с дружественными им провинциями в Китае. Например, между Гродненской областью и провинцией Ганьсу подписано «Соглашение о долгосрочном сотрудничестве в области промышленности, сельского хозяйства, добычи и переработки полезных ископаемых, науки и техники, культуры, образования, здравоохранения, спорта и туризма»; Минская область с г. Чунцин подписали «Соглашение о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и культурной областях»; «Соглашение о дружественных связях и сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и культурной областях», подписано между г. Минск и г. Пекин; 27 мая 2017 года г. Минск в Беларуси и г. Чанчунь в Китае подписали «Соглашение об установлении сотрудничества в области туризма и развития культурных связей между Минским городским исполнительным комитетом и Народным Правительством города Чанчуня». Стороны будут поддерживать сотрудничество в области туризма, поощрять взаимные визиты и способствовать практическому обмену между туристическими ассоциациями и соответствующими группами двух сторон. Между Брестской областью и провинцией Шэньси 21 ноября 2019 г. подписан «Меморандум о сотрудничестве в сфере культуры и туризма между управлением культуры Брестского исполнительного комитета, управлением спорта и туризма Брестского областного исполнительного комитета и Управлением культуры и туризма провинции Шаньси КНР», в нем намечено создать окна контактов между органами управления сферы культуры и туризма; оказать содействие организациям сферы культуры и туризма Сторон в развитии практического сотрудничества и содействовать профессиональному обучению и повышению квалификации сотрудников в культуры и туризма.

Туристское сотрудничество между Беларусью и Китаем достигло некоторых результатов. Например, 2018—2019 г. — «Год туризма Беларуси и Китая». Обе стороны подписали «Соглаше-

ние между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном безвизовом режиме для владельцев обычных паспортов» (10 июля 2018 г.), запланировали новые туристические маршруты для китайских туристов, продвигали услуги китайского языка в туристических достопримечательностях и способствовали оплате банковскими картами *UnionPay*. Беларусь также активно продвигает собственные туристические ресурсы, участвуя в различных туристических выставках, проводимых в Китае, и расширяя сотрудничество с китайскими туристическими компаниями.

Согласно «Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном безвизовом режиме для владельцев обычных паспортов», с 10 августа 2018 г. при прохождении через международные пункты пропуска для граждан Китайской Народной Республики, имеющих действительный обычный паспорт Китайской Народной Республики, вводятся безвизовые процедуры въезда и выезда и временного пребывания в Республике Беларусь в течение 30 дней с даты въезда (не более 90 дней в текущем году) были установлены для граждан Китайской Народной Республики, имеющих действительный обычный паспорт Китайской Народной Республики. Безвизовая система применима к личным бесплатным поездкам, деловым визитам и туристическим поездкам [1].

Что касается развития конкретных туристических проектов, то *China National Tourism group* (Китайская туристическая группа) в рамках инициативы «Один пояс, один путь» зачислила белорусский туристический проект в список ключевых проектов развития в 2017 г.

Согласно отчету о рынке туризма Китая и ЕС за 2017 г., совместно опубликованному Китайской академией туризма и *Ctrip Group*, Беларусь стала одной из европейских стран назначения с наибольшим увеличением числа китайских туристов, заняв седьмое место [4]. В 2019 г. Китай вошел в пятерку стран с наибольшим количеством посетителей (четвертое место), посещающих Беларусь (33 723 посещения) [5].

С 2020 г. из-за пандемии *COVID-19* индустрия туризма серьезно пострадала от строгих мер контроля въезда и выезда, принятых различными странами. До сих пор китайские туристы в основном приезжают в рамках командировок. Однако по мере того, как политика Китая в отношении въезда и выезда продолжает либерализоваться, желание китайцев выезжать за границу будет возрастать.

Учитывая вышеизложенное, представляются необходимым следующие направления развития межрегионального сотрудничества для реализации крупномасштабных проектов в сфере туризма.

1. Развитие сотрудничества между регионами-участниками проекта на уровне администраций регионов, посредством принятия соглашений о сотрудничестве, используя платформу комиссии по культурному сотрудничеству Белорусско-китайского межправительственного комитета по сотрудничеству.

2. Разработка и принятие на уровне правительства регионами — участниками проекта межрегиональной программы развития туризма на долгосрочную перспективу.

3. Содействие цифровому развитию индустрии туризма.

Эксперты туристической отрасли отмечают, что в настоящее время искусственный интеллект, большие данные, облачные вычисления, *5G*, *AR*, *VR* и другие новые технологии глубоко интегрированы с туризмом, и их влияние углубляется. Согласно Докладу о развитии мировых туристических городов за 2021 г., опубликованному Всемирной федерацией туристических городов, эпидемия способствовала применению информационных технологий, а цифровизация туризма ускоряется. Увеличилось количество связанных с туризмом приложений, принадлежащих городам по всему миру, доля онлайн-покупок билетов в живописных местах и уровень охвата электронными подписями. Сохаил Хан — заместитель Генерального секретаря ШОС, заявил на Китайской международной ярмарке торговли услугами 2022 г., что применение современных информационных и коммуникационных технологий открывает больше возможностей для туризма [6]. Бесконтактные туристические услуги, такие как виртуальный туризм и облачные выставки, могут снизить эксплуатационные расходы, улучшить впечатления от путешествий и повысить способность предоставлять качественные услуги и гибко реагировать на чрезвычайные ситуации.

В апреле *Alibaba* объединилась с районом Пингу в Пекине, чтобы создать «Фестиваль цветения персика на облаке», который собрал более 4 млн просмотров за 168 часов прямой трансляции 10 000 китайских цветков персика. Люди могут не только смотреть цветы в прямом эфире, но и покупать сельскохозяйственные продукты, такие как персики и груши. Они также могут проверить туристическую информацию и заказать отели, билеты и питание с помощью цифрового продукта *Pinggu Smart Travel* на *Amar*. На фоне продолжающейся эпидемии в США, Италии, Египте, Шри-Ланке, Казахстане и других странах активно проводят цифровую трансформацию и исследуют новые пути развития цифрового туризма. Многие страны сосредотачиваются на продвижении «облачных туров» и «живых трансляций», а также привлечении туристов, чтобы «отработать» их в постэпидемическую эпоху. Например, Египет запустил серию небольших куль-

турных проектов «Познакомьтесь с Египтом дома», десятки музеев и археологических памятников были включены в облачное пространство цифрового виртуального туризма; в историческом итальянском городе Венеция проходит прямая трансляция из местной гондолы [7].

4. Развивая курортную инфраструктуру для удовлетворения потребностей в оздоровительном туризме.

Эпидемия также изменит выбор китайцами туристических продуктов. Люди хотят большего чувства сопричастности и опыта, а не просто осмотра достопримечательностей; значительно увеличится доля путешествующих вместе лиц старшего, среднего возраста и молодого (молодого) трех поколений в единое целое. Другими словами, увеличился спрос на туризм впечатлений и оздоровительный отдых.

5. Ускорение перекрестной интеграцию индустрии туризма и других отраслей, чтобы сформировать новую промышленную систему.

Благодаря глубокой интеграции туризма, культуры, спорта, медицинского обслуживания, ухода за пожилыми людьми, сельского хозяйства и других отраслей будет задействован эффект потребления «конной повозки», что поможет повысить качество и эффективность традиционных отраслей и способствовать их преобразованию и модернизации. Упаковка и выпуск туризма с уникальными культурными символами и культурным шармом, обогащение и расширение туризма популярными продуктами, а за счет глубокой интеграции и развития смежных отраслей мы можем компенсировать недостатки туризма, привлечь больше туристов и повысить основную конкурентоспособность туризма. Без поддержки нескольких форм бизнеса региональный туризм представляет собой воздушный замок.

Будущее заключается в реализации стратегии «туризм +», активном содействии интеграции туризма и культуры, сельского хозяйства, промышленности, лесного хозяйства, торговли, образования, спорта, здравоохранения и других смежных отраслей и отраслей через «туризм +», чтобы создать благоприятные условия для межрегионального туристического сотрудничества.

Как туристическая отрасль Беларуси и Китая, так и межрегиональное туристическое сотрудничество и дипломатия между Китаем и Беларусью имеют хорошую основу для развития, но в то же время существует много проблем и препятствий. Необходимо принимать целенаправленные меры в соответствии с конкретной ситуацией и опираться на инициативу «Один пояс, один путь» для улучшения потенциальных результатов трансформации, которые будут эффективно способствовать развитию прагматичного сотрудничества между двумя странами в гуманитарном области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белорусско-китайские отношения в межгосударственных, межправительственных и межведомственных документах (1992—2022) / сост.: Н. М. Адамичик, Ю. С. Вергейчик, А. В. Воловик, А. Ю. Грабко. — Минск: СтройМедиаПроект, 2022. — 480 с.

2. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой: директива Президента Республики Беларусь от 31 авг. 2015 г. № 5 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&po=P01500005&p1=1>. — Дата доступа: 01.09.2022.

3. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой: директива Президента Республики Беларусь от 3 дек. 2021 г. № 9 [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-9-ot-3-dekabrya-2021-g>. — Дата доступа: 01.09.2022.

4. 中国旅游研究院、携程集团联合发布“2017年中欧旅游市场数据报告” = Китайская академия туризма и Strip Group совместно выпустили «Отчет о китайско-европейском туристическом рынке за 2017 год» [Электронный ресурс] // 中国旅游研究院 = Китайская академия туризма. — 19.01.2018. — Режим доступа: <http://www.ctaweb.org.cn/cta/mtjj/202103/8c865c2238e0437fa058f9ab414aa038.shtml>. — Дата доступа: 26.03.2022 (на кит. яз.).

5. Выездной турпоток из Беларуси в 2019 году вырос на 15,5% [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 02.03.2020. — Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/vyezdnoj-turpotok-iz-belarusi-v-2019-godu-vyugosna-155-381724-2020/>. — Дата доступа: 13.05.2022 (на кит. яз.).

6. 索海尔·汗：以旅游业为契机 促进其他领域发展 = Сохаил Хан: Используйте туризм как возможность для продвижения развития в других областях [Электронный ресурс] // 中国旅游发布 = Путешествие по Китаю. — 02.09.2022. — Режим доступа: http://travel.china.com.cn/txt/2022-09/02/content_78401177.html. — Дата доступа: 09.09.2022 (на кит. яз.).

7. 从“雹伤桃”到数字果园—北京平谷携手阿里巴巴助农增收 = Пекин Пингу объединяется с Alibaba, чтобы помочь фермерам увеличить свои доходы от «града, который портит персик» до цифрового сада [Электронный ресурс] // People's Daily. — Режим доступа: <http://finance.people.com.cn/n1/2022/0908/c1004-32522229.html>. — Дата доступа: 09.09.2022 (на кит. яз.).

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ТУРИСТИЧЕСКОГО РЫНКА БЕЛАРУСИ В 2021 Г.

К. И. Шумский

*Институт экономики НАН Республики Беларусь,
ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь, e-mail: Kirill777457@gmail.com*

Мировой туристский рынок является одним из самых динамически развивающихся, что показывают статистические данные. Беларусь не осталась в стороне, и до недавнего времени показатели данной отрасли стабильно пока-

зывали рост. Однако в 2021 под влиянием пандемии COVID-19, а также экономических санкций данная отрасль пострадала не меньше, чем в 2020 г., что выразилось в сокращении некоторых основных туристических показателей. Несмотря на это выручка от туристической отрасли выросла за счет внутреннего туризма. Так же стоит отметить, что несмотря на негативное влияние внешних факторов, количество объектов размещения туристов и общественного питания выросло, что позволяет с позитивом смотреть в будущее.

Ключевые слова: туризм; туристическая отрасль; туристский рынок; пандемия COVID-19; внутренний туризм.

PERFORMANCE ANALYSIS OF THE TOURIST MARKET IN BELARUS IN 2021

K. I. Shumski

*Institute of Economics of the National Academy of Science of Belarus,
Surganova str., 1/2, 220072, Minsk, Belarus, e-mail: Kirill777457@gmail.com*

The global tourist market is one of the most dynamically developing spheres that is displayed in statistic data. Belarus does not stand aside and till the recent time the performance of the industry has shown sustainable growth. However, in 2021 due to the impact of COVID-19 along with economic sanctions the industry suffered not less than in 2020, and some main tourist figures declined. Nevertheless, the revenue from the tourist sector grew through domestic tourism. It is also worth noting that the number of sites for tourist accommodation and food service has grown that allows to look into the future positively.

Keywords: *tourism; tourist industry; tourist market, the COVID-19 pandemic; domestic tourism.*

Мировой туристический рынок представляет собой динамически развивающийся сектор экономики, который, правда, сильно пострадал от пандемии COVID-19, начавшейся в конце 2019 г., после чего в 2020 г. произошел сильный спад в данной отрасли. Рецессия наблюдалась и на туристическом рынке Беларуси. Экспорт упал относительно 2019 г. на 60 %, импорт туристических услуг сократился на 55 %. Однако, были предпосылки, что в 2021 г. ситуация изменится в лучшую сторону, чему способствовал рост мест коллективного размещения в Беларуси, рост количества агроусадеб, а так же увеличение количества мест общественного питания [1].

В 2021 г. влияние пандемии начало сокращаться в результате вакцинации населения, что сократило заражаемость и, главное, смертность от коронавируса. Однако, в этот же год усилилось санкционное давление стран Европейского союза и США на экономику Беларуси. Туристический сектор так же был затронут санкциями, поскольку появились ограничения для полетов белорусских самолетов в небе ряда стран. Кроме того, запреты

коснулись и полетов в белорусском воздушном пространстве самолетов других стран. Естественно, это отразилось на туристическом потоке, а значит и на результативности туристической отрасли.

На рис. 1 представлены графики изменения туристических потоков с 2010 по 2021 г. Анализируя представленные графики, мы видим спад в 2020 г. числа туристических поездок иностранных туристов в Беларусь, так и числа туристических поездок граждан Беларуси за границу. Что касается 2021 г., то спад хоть и замедлился, но все равно количество поездок сократилось по обоим показателям — на 6,6 % сократилось количество поездок в Беларусь и на 6,9 % сократилось количество поездок из Беларуси [2]. Однако, произошел рост выручки от оказания туристических услуг на 196 % [2]. Такой рост был обеспечен за счет увеличения более чем в 2 раза количества организованных туристов, путешествующих по маршрутам внутри Беларуси, что не удивительно, поскольку одним из главных трендов изменений в туристической отрасли является развитие внутреннего туризма ввиду снижения мобильности людей, вызванного пандемией коронавируса. В то же время, количество иностранных граждан, посетивших Беларусь, сократилось. Помимо этого, на въездной туризм приходится всего 4,1 % от общего числа организованных поездок [2].

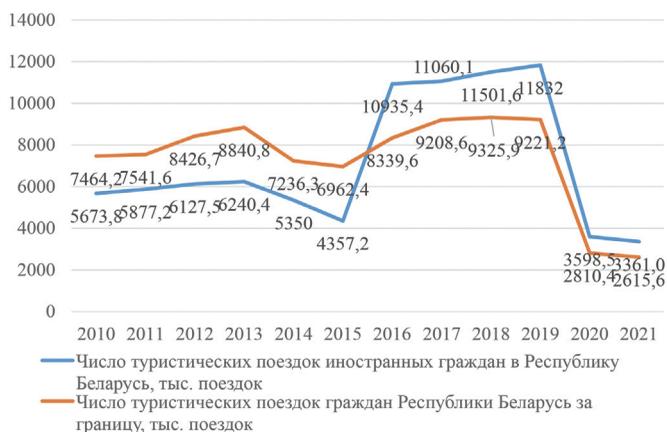

Рис. 1. Число туристических поездок иностранных граждан в Республику Беларусь и граждан Республики Беларусь за границу, тыс. чел.

И с т о ч н и к: собственная разработка автора на основе [2].

Что касается географии туристов, посетивших Беларусь, то подавляющее большинство — 73 % от общего числа — приходится на граждан Российской Федерации. Так же в 2021 г. в топ-5 стран, откуда приезжали в страну туристы, входят Казахстан, Швейцария, Украина и Турция [2]. Стоит отметить, что за исследуемый год самыми популярными направлениями для граждан Беларуси стали Египет, Турция, Украина, Объединенные Арабские Эмираты и Российская Федерация.

На рис. 2 представлены экспорт и импорт услуг по статье «Поездки». На данном графике видно, что после спада 2020 г., связанного с коронавирусом, произошел небольшой рост как экспорта услуг по статье «Поездки», так и импорта, что позволяет делать позитивные прогнозы на текущий 2022 г. по этому показателю, несмотря на негативное влияние экономических санкций на экономику Беларуси в целом и на туристическую отрасль в частности

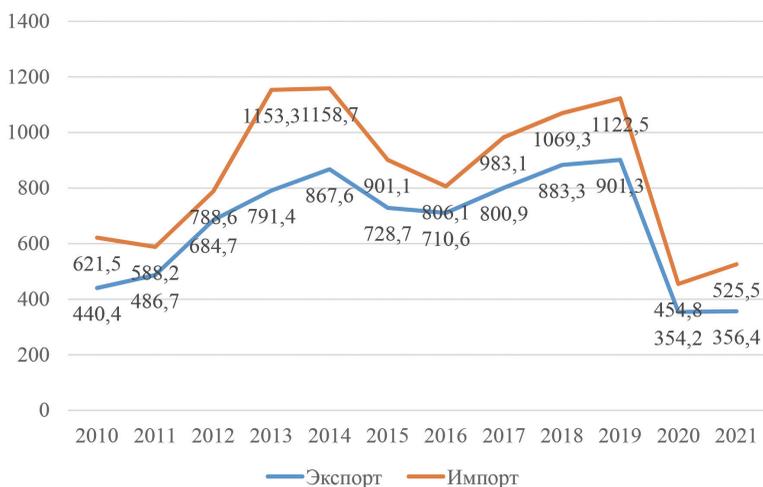

Рис. 2. Экспорт и импорт услуг по статье «Поездки», млн дол. США

И с т о ч н и к: собственная разработка автора на основе [2].

Динамика изменения количества средств размещения туристов с 2010 по 2021 г. показана на рис. 3. В 2021 г. продолжилась тенденция роста количества агроусадеб, что объясняется планомерным развитием агроэкотуризма в Беларуси. В то же время в 2021 г. случилось сокращение количества коллективных средств размещения, хотя с 2010 г. наблюдался стабильный рост данного

показателя: уменьшилось как количество гостиниц и аналогичных средств размещения, так и количество санаторно-курортных организаций. Подавляющее большинство заселений и в гостиницы, и в агроусадьбы пришлось на граждан Беларуси [3], что в очередной раз подтверждает, что в белорусской туристической отрасли преобладает внутренний туризм.

Рис. 3. Динамика роста количества средств размещения туристов

И с т о ч н и к: собственная разработка автора на основе [2].

В 2021 г. окончательно оформилась основная тенденция повышения эффективности туристической отрасли Беларуси — развитие внутреннего туризма. Как было отмечено выше, выручка от оказания туристических услуг выросла почти в два раза, такой рост произошел во многом благодаря увеличению количества поездок граждан внутри страны [4]. Данный тренд позволяет минимизировать негативное влияние внешних факторов на туристическую отрасль и экономику страны в целом. Помимо этого, рост количества объектов агроэкотуризма, а также объектов общественного питания дает возможность прогнозировать дальнейший рост в туристической отрасли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внутренняя торговля и общественное питание Республики Беларусь: статистический буклет. 2021 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/>

vnytrennia-torgovlya/statisticheskie-izdaniya/index_39703/. — Дата доступа: 30.08.2022.

2. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь. Буклет. 2021 [Электронный ресурс] / Статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_brochures/index_41469/. — Дата доступа: 30.08.2022.

3. Развитие туризма в Беларуси, или завершение Трилогии Года малой Родины [Электронный ресурс] // Официальный портал Национального агентства по туризму. — Режим доступа: <https://www.belarustourism.by/news/razvitie-turizma-v-belarusi-ili-zavershenie-trilogii-goda-maloy-rodiny/>. — Дата доступа: 30.08.2022.

4. Может ли отдых в Беларуси быть лучше заграничного? О национальном туризме в цифрах и фактах [Электронный ресурс] // Официальный портал Национального агентства по туризму. — Режим доступа: <https://www.belarustourism.by/blog/mozhet-li-otdykh-v-belarusi-byt-luchshe-zagranichnogo-o-natsionalnom-turizme-v-tsifrah-i-faktakh/>. — Дата доступа: 06.09.2022.

СЕКЦИЯ «ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

КІРАЎНІКІ МІНСКАЙ МЫТНІ НАПРЫКАНЦЫ XV — НАПАЧАТКУ XXI стст.

В. А. Астрога

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: astroga.v@mail.ru*

В исследовании на основании анализа исторических источников и специальной литературы представлены и кратко охарактеризованы 48 персоналий руководителей Минской таможи за период с конца XV до начала XXI в. Особое внимание уделено периоду Великого княжества Литовского (21 человек), БССР (16 человек), Республики Беларусь (10 человек). Сделан вывод, что именно руководитель формирует и направляет коллектив успешной таможни, о чем свидетельствует исторический опыт. Обоснована и предложена обновленная дата создания Минской таможни — 21 марта 1499 г.

Ключевые слова: Беларусь; таможенное дело; таможенная служба; таможня; руководитель; начальник; профессионализм; управление.

THE HEADS OF THE MINSK CUSTOMS IN THE LATE XV—EARLY XXI CENTURIES

V. A. Astroha

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: astroga.v@mail.ru*

In the study, based on the analysis of historical sources and special literature, 48 personalities of the heads of the Minsk customs for the period from the end of the XV to the beginning of the XXI centuries are presented and briefly characterized. Special attention is paid to the period of the Grand Duchy of Lithuania (21 people), the BSSR (16 people), the Republic of Belarus (10 people). It is concluded that it is the head who forms and directs the staff of a successful customs, as evidenced by historical experience. The updated date of creation of the Minsk customs — March 21, 1499 is justified and proposed.

Keywords: Belarus; customs affair; customs service; customs office; head; head; professionalism; management.

Роля асобы ў гісторыі як вядома вялізарна. Так і ў беларускай мытнай гісторыі заўсёды была вельмі значнаю роля кіраўніка мытні, бо паспяховы кіраўнік рабіў яе таксама паспяховай. Гісторыя Мінскай мытні багатая на гэтыя прыклады, асабліва ў найноўшы час. У межах артыкула не магчыма асвятліць жыццёвы і прафесійны шлях ўсіх кіраўнікоў сталічнай мытні, бо наша мэта абазначыць гэтую праблему і прааналізаваць малавядомую зараз цікавую і павучальную старонку беларускай мытнай гісторыі. На сёння спецыяльных публікацый па гэтай тэме

амаль няма. Першым, хто пачаў вывучэнне біяграфій мытных кіраўнікоў стаў мытнік і краязнавец В. Ю. Саяпін [1]. Аднак, уласна аб кіраўніках Мінскай мытні стала можна даведацца толькі сёлета з выходам у свет манаграфіі В. А. Астрога і С. В. Іванова «Гісторыя Мінскай рэгіянальнай мытні» [2]. Гэта дазваляе сцвержаць, што тэма мае высокі ўзровень навуковай актуальнасці і навізны.

На сёння нам вядома прозвішчы 48 чалавек, якія ў розныя часы з 1489 г. па сённяшні час ўзначальвалі Мінскую мытню. Нажаль, пакуль мы не маем поўнага спіса. У цэмы гісторыі застаюцца імёны мінскіх мытнікаў XI — XV стст., а таксама XVII—XVIII стст. Разам з тым, нам атрымался высветліць прозвішчы мытных кіраўнікоў XVI ст., XX ст. і, канешне, перыяда Рэспублікі Беларусь. У дадзеным даследаванні прааналізаваны спіс кіраўніцтва Мінскай мытні і іх уклад у развіццё мытнай справы ў межах наступных гістарычных перыядаў — Вялікае Княства Літоўскае, БССР і Рэспубліка Беларусь. Трэба значыць, што ў часы знаходжання беларускіх земляў у складзе Расійскай імперыі мытня не існавала.

Вялікае Княства Літоўскае (канец XV—XVI стст., другая палова XVIII ст.). За разглядаемы гістарычны перыяд нам вядома аб дзейнасці 21 мытніка, як тады называлі кіраўнікоў мытнай каморы. Некаторыя з іх кіравалі камораю два і нават тры разы. У Мінску, даўнім буйным асяродку транзітнага гандлю, працавала мытная камора. Яна належала вялікакняжаскаму скарбу і здавалася ў арэду за грошы (прыватнае кіраванне) альбо перадавалася рашэннем Вялікага князя ў «верныя рукі» (дзяржаўнае кіраванне). Адсутнасць крыніц не дазваляе дакладна казаць хто быў «першым мытнікам менскім». Але ў сярэднявекowym дакуменце 1387 г., які адлюстроўвае дараванне Вялікім князем Ягайла свайму брату Скіргайла земляў у цэнтральных і ўсходніх частках сучаснай Беларусі ўзгадваецца «горад Менск весь і з усімі людзьмі і з зямлёю... мытам і даходам» [3, с. 285]. На сённяшні час атрымалася аднавіць імёны менскіх мытнікаў з канца XV ст. і фактычна за ўсё XVI ст.

Гісторыя, а дакладней Літоўская метрыка, захавала нам імя аднаго з першых менскіх мытнікаў. Ім быў Міхаіл Даніловіч, «троцкі жyd» адкупшчык мыта менскага ў 1489—1491 гг. Ён атрымаў ліст на арэнду мыта 10 лютага 1489 г. на тры годы ад Вялікага князя Казіміра «за поласмаста коп грошем широких» [4, с. 53—54]. Пазней, у 1495—1498 гг. адкупшчыкамі мыта Менскага сталі Фёдар Працкевіч і Еўлашка Сцяпанавіч. 13 ліпеня 1498 г. іх змяніў віленскі мешчанін Марцін Янчалевіч, якія арэндаваў мыта менскае да 1500 г., а ў 1504—1506 гг. ён зноў меў дазвол на

яго збор. Трэба адзначыць, што 21 сакавіка 1499 г. Мінск атрымаў Прывілей на Майдэборскае (Магдэбургскае) права. У грамаце пазначалася і права горада на ўтрыманне ўласнай мытніцы. «Теж мыто наша Менское і з промытою маюць мытнікі нашы держаті, которім кольвек продаім, во в покоі, подле давного обычаю» [5, с. 86—87]. Цікава, што першым войтам магдэбургскага Менска (кіраўніком горада) стаў Пётр Шакола, былы смаленскі мытнік [6, с. 416]. Мяркуем, што сёння можна прапанаваць **21 сакавіка 1499 г.** як найстарэйшую дакументальна падцвержанную дату заснавання Мінскай мытні і яе пераемніцы Мінскай рэгіянальнай мытні. Аднак бліжэйшы задакументаваны старажытні юбілей мытні 525 гадоў магчыма адзначаць 21 сакавіка 2024 г. У 1501—1503 гг. менскім мытнікам, адкупшчыкам мыта Менскага быў Нісан Есковіч, у 1507—1509 гг. адкупшчыкоў было два — Абрагам Езафовіч і Ян Дзітрыховіч. А. Езафовіч у 1509—1510 гг. зноў стаў менскім мытнікам. Ён быў самым імянітым адкупнікам. Пры Жыгімондзе I у 1514 г. А. Езафовіч быў прызначаны падскарбіем Вялікага Княства Літоўскага і правёў шмат рэформаў ў мытным справе. Напрыклад, ажыццявіў замену натуральных мытных плацяжоў грашовымі. Менскім мытам кіравалі таксама Шамак Данілавіч (1510—1514 гг.) і Нісан Ескавіч (1515—1520 гг., да 1518 г. з Фядко Цуцылам). Ёсць звесткі, што невялікі перыяд да 1522 г. менскае мыто знаходзілася ў «верным кіраванні» [7, с. 445]. У наступныя гады менскім мытам кіравалі: Міхель Езафовіч (1525—1527 гг.), Ілля Машэвіч, пэйсы Айзакавіч, Шахна Галашкевіч (1531—1534 гг.). З 1536 па 1538 г. мытам загадваў «верны» гаспадарскі дваранін Грынашка Шалушыч. А ў 1549 г. менскім мытнікам стаў Фёдар Філіповіч Сечка. Надалей адкупшчыкамі мыта былі: Бордзабагаты Іван, Бордзабагаты Алехна (1553—1556 гг.), Барадаўка Ізак — (1560—1562 гг., 1565—1567 гг.).

У 1566 г. Менск стаў цэнтрам ваяводства. Гандаль і маштабы ўзімання мыта набылі большы размах. Напрыклад, кошт арэнды Менскага мыта узрос ад 300 коп грошаў у 1510 г. да 2100 коп грошаў у 1568 г., што сведчыла аб росце аб'ёмаў гандлю і дабрабыту горада [8, с. 235]. У 1569 г. у горадзе было выдзелена месца і пачалося будаўніцтва Гасціннага двара, месца пражывання купцоў, складавання іх тавараў і пабору мыта. У гэты час мытам кіравалі: Ізак Барадаўка (1565—1567 г.), і нават сам Менскі ваявода Мікалай Сапега (1578—1581 г.), які ў 1578 г. атрымаў у арэнду ўсе мытныя каморы і прыкаморкі ВКЛ, а тасаму Хаім Абрамовіч (1582—1584 гг.).

Нажаль, мы пакуль ня ведаем іменаў кіраўнікаў мінскай мытні ў наступных стагодзях. Увагуле, у другой палове XVII — першай палове XVIII стст. горады і мястэчкі Вялікага Княства

перажывалі крызіс, выкліканы спусташальнымі войнамі Рэчы Паспалітай з Расійскай імперыяй і Паўночнай вайной. Колькасць насельніцтва ў княстве катастрафічна зменшылася, знізілася рамесная вытворчасць, рэзка скараціўся гандаль. Мінск апынуўся ў эпіцэнтры падзей. Так, у выніку вайны Расіі з Рэччу Паспалітай у 1656 г. у горадзе пражывала толькі 150 сем'яў. Вялікія бедствы нанесла яму і эпідэмія чумы у 1710-1711 гг. Пасля падобных выпрабаванняў горад даў рады адрадіцца толькі да сярэдзіны XVIII ст. На XVIII ст. з кіраўнікоў мясцовай мытні нам вядомы толькі адзін Пшысецкі — супэрінтэндант Менскай мытнай каморы ў 1765 г. У студзені 1793 г. у выніку другога падзелу Рэчы Паспалітай Мінск быў далучаны да Расійскай імперыі. Мінская мытня была ліквідавана.

Беларуская ССР. За разглядаемы перыяд нам вядома аб дзейнасці 16 чалавек — 6 кіраўніках мытні даваеннага перыяда (1922—1928 гг.) і 10 паваяннага часу (1945—1991 гг.). Трэба адзначыць, што адноўленая 11 студзеня 1922 г. Мінская мытня адразу апынулася на лідзіруючых пазіцыях. Так, ужо па выніках 1923 г. яна заняла 1-е месца сярод астатніх дзевяці мытных устаноў БССР. У агульнай суме даходаў ад дзейнасці мытных органаў у Рэспубліке гэта склала 56,5 % [9, арк. 395]. У наступныя гады калектыў сталічнай мытні яшчэ не раз быў пераможцам. Першым кіраўніком даваеннай Мінскай мытні стаў латыш Г. Д. Олуп, які з 11 студзеня па 14 ліпеня 1922 г. выконваў гэтыя абавязкі. Ён не меў досведу працы ў мытнай сферы, быў партыйным вылучэнцам, а раней працаваў муляром. 22 жніўня 1922 г. асабіста начальнікам Галоўнага мытнага ўпраўлення (ГМУ) Наркамата знешняга гандлю СССР А. І. Пацяевым кіраўніком мытні быў прызначаны І. Ф. Васільеў, які таксама не меў мытнага досведу. Аднак у лістападзе 1922 г. ён быў зняты з пасады. З 18 снежня в. а. кіраўніка Мінскай мытні прызначаны старшы інспектар Заходняй мытнай акругі А. Б. Вайнберг, які кіраваў ёю да верасня 1923 г. У 1923—1925 гг. яе кіраўніком стаў С. А. Зюлкоўскі. У 1925 г. кароткі час кіраўніком мытні паўторна быў Г. Д. Олуп. З жніўня 1925 г. па 30 мая 1927 г. начальнікам стаў А. М. Глябец. Апошнім кіраўніком Мінскай мытні з 30 мая 1927 г. і да яе ліквідацыі 28 лютага 1928 г. быў Д. І. Паляшчук, прафесійны мытнік, які меў шматгадовы досвед працы ў апарце Беларускага аддзялення ГМУ і кіраўніцтва Негарэлаўскай мытнай. Аднак, пасля амаль сямігадовай паспяховай дзейнасці ў 1928 г. сталічная Мінская мытня рашэннем цэнтральнага кіраўніцтва была ліквідавана.

Фактычна адразу пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны 18 чэрвеня 1945 г. зноў была аднаўлена Мінская мытня. Першым яе начальнікам, з 15 жніўня 1945 г. па сакавік 1946 г., быў

Я. Л. Грынкевіч, які меў досвед мытнай службы з 1922 г. і працаваў начальнікам Казахскага мытнага ўпраўлення ГМУ. За наступныя 10 гадоў на пасадзе кіраўніка мытні змянілася ажно сем чалавек, што не давала стабільнасці ў яе працы. Так, з 2 сакавіка 1946 г. некалькі месяцаў яе ўзначальваў Крыцкі, з кастрычніка 1946 г. па 8 чэрвеня 1948 г. — І. П. Сідараў. З 3 ліпеня 1948 г. па 10 чэрвеня 1951 г. мытнай кіраваў Н. І. Смірноў, які меў досвед службы ў Батумскай і Ліепайскай мытнях, пасля ён стаў начальнікам Гродзенскай мытні. З 10 ліпеня 1951 г. па 1952 г. на чале мытні знаходзіўся І. Т. Якаўлеў, былы намеснік начальніка Мінскай мытні, лётчык-франтавік, пасля дэмабілізацыі накіраваны ў мытныя органы. У 1952 г. яго змяніў І. Н. Сініцын, які служыў у мытні з 1946 г. З 1953 г. па май 1954 г. Мінскай мытнай кіраваў М. І. Перасцюк, які пасля стаў начальнікам Брэсцкай мытні. К. Д. Залозны быў начальнікам Мінскага мытнага паста Вільнюскай мытні са жніўня 1955 г. па 1959 г., паста Гродзенскай мытні з 22 мая 1959 г. па 1965 г. і паста Брэсцкай мытні ў 1965—1973 гг. У 1973 г. ягоным начальнікам прызначаны малады інспектар Брэсцкай мытні П. В. Крэчка. 5 жніўня 1975 г. загадам Міністэрства знешняга гандлю СССР Мінскі мытны пост быў пераўтвораны ў мытню. З 31 кастрычніка таго ж года яе ўзначаліў інспектар мытнай службы II рангу П. В. Крэчка. Пазней у гады «Перабудовы» 6 красавіка 1987 г. мытня была ператворана ў Беларускаю тэрытарыяльную мытню (БТМ), якая распаўсюдзіла сваю зону дзейнасці амаль на ўсю тэрыторыю БССР. Яе кіраўніком зноў стаў П. В. Крэчка. 24 лютага 1990 г. яму было ўпершыню ў гісторыі Мінскай мытні нададзена адно з вышэйшых мытных спецыяльных званняў — дзяржаўнага саветніка мытнай службы III рангу. З 27 красавіка 1990 г. ён узначаліў Беларускае ўпраўленне Дзяржаўнага мытнага камітэту (ДМК) СССР. Трэба падкрэсліць, што П. В. Крэчкі пазней стаў і першым кіраўніком мытнай службы незалежнай Беларусі. Ён па 16 студзеня 1992 г. паспяхова выконваў абавязкі старшыні ДМК Рэспублікі Беларусь з 11 лістапада 1991 г. Пасля адстаўкі ў 1999 г. да 2005 гг. быў генеральным консулам Рэспублікі Беларусь у г. Таліне (Эстонская Рэспубліка) [2, с. 57]. У сувязі са стварэннем Беларускага ўпраўлення ДМК СССР 15 чэрвеня 1990 г. БТМ была перайменаваная ў Мінскую мытню, якую з 23 ліпеня 1990 г. узначаліў В. В. Макарэвіч, дасведчаны кіраўнік з дваццацігадовым стажам працы ў мытнай сістэме. Ён кіраваў ёю да 18 студзеня 1993 г.

Рэспубліка Беларусь. У гэты перыяд кіраўнікамі мытні было 10 чалавек. З 1991 г., ва ўмовах існавання новай незалежнай дзяржавы Мінская мытня была пераўтворана ў Мінскую рэгіянальную (МРМ) і яе ўзначаліў В. В. Макарэвіч з 18 студзе-

ня 1993 г. па 22 ліпеня 1993 г. З 22 ліпеня 1993 г. па 27 снежня 2001 г. — намеснік старшыні ДМК Рэспублікі Беларусь., в. а. старшыні 30 ліпеня 1997 г. — 13 сакавіка 1998 г.; старшыня ДМК Рэспублікі Беларусь 30 ліпеня 1997 г. Пасля адстаўцы з 1 лістапада 2001 г. працаваў памочнікам Дзяржаўнага сакратара Савета Бяспекі Рэспублікі Беларусь. З 1 кастрычніка 1993 г. новым кіраўніком мытні быў прызначаны былы начальнік упраўлення арганізацыі мытнага кантролю ДМК Рэспублікі Беларусь П. М. Кучко, які меў вялікі досвед кіруючай працы і пачынаў сваю мытную кар'еру інспектарам у Мінскай мытні. Ён ўзначальваў мытню досыць працяглы перыяд, да 1 ліпеня 1998 г., і пакінуў прыкметны след у яе гісторыі. У гэты час МРМ увайшла ў склад групы эфектыўна працуючых мытняў і стала, як было адзначана ў 1997 г. у ведамасным часопісе «Таможенный вестник» вядучым падраздзяленнем беларускай сістэмы мытных органаў», а па выніках 1997 г. з 19 мытняў краіны на яе долю прыходзілася амаль 40 % усіх пералічаных у даходную частку рэспубліканскага бюджэту мытных плацяжоў [10, с.10]. Наступным начальнікам мытні стаў былы намеснік начальніка Ашмянскай мытні А. І. Тамашэвіч, які кіраваў ёю з 11 студзеня 1999 г. па 8 красавіка 2002 г. З 19 лютага 2002 г. па 17 красавіка 2003 г. в. а. начальніка Мінскай рэгіянальнай мытні з'яўляўся В. А. Юкевіч. З 9 красавіка 2003 г. яе начальнікам прызначаны Н. П. Бурш, дасведчаны мытнік, які раней быў начальнікам мытні «Мінск-2». Ён пачынаў службу ў мытных органах у 1989 г. інспектарам БТМ, напачатку 1990-х гг. быў начальнікам аддзела па барацьбе з кантрабандай МРМ, з'яўляўся намеснікам начальніка упраўлення МЗС Рэспублікі Беларусь. Н. П. Бурш кіраваў мытняй да 11 кастрычніка 2005 г. З 12 кастрычніка 2005 г. ён — начальнік мытнай інспекцыі, з 10 сакавіка 2008 г. начальнік Упраўлення арганізацыі мытнага кантролю ДМК Рэспублікі Беларусь. 9 жніўня 2010 г. быў звольнены з мытных органаў у парадку пераводу ва Упраўленне справамі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь [2, с. 80].

З 12 кастрычніка 2005 г. новым начальнікам мытні прызначаны А. Я. Бодзіч, які меў вялікі досвед кіраўніцтва Ашмянскай і Верхнядзвінскай мытнямі. Ён быў кіраўніком МРМ да 22 красавіка 2011 г. 22 красавіка 2011 г. на пасаду начальніка Мінскай рэгіянальнай мытні стаў Ю. А. Сянько, кадравы мытнік з 1991 г., які да гэтага доўгі час паспяхова кіраваў Гродзенскай рэгіянальнай мытняй. 6 лістапада 2014 г. ён пакінуў мытню ў сувязі з прызначэннем на пасаду старшыні ДМК Рэспублікі Беларусь і стаў трэцім па ліку начальнікам МРТ, які ўзначаліў беларускае мытнае ведамства. З 19 лістапада 2020 г. Ю. А. Сянько — Надзвычайны і Паўнамоцны Пасол Рэспублікі Беларусь у

Кітай. 16 снежня 2014 г. начальнікам МРМ стаў А. В. Багдзевіч, які таксама меў вялікі досвед кіруючай працы ў Гродзенскай і Мінскай рэгіянальных мытнях. Ён узначальваў мытню да 22 сакавіка 2016 г. З сакавіка 2016 г. па сакавік 2021 г. быў намеснікам Старшыні ДМК Рэспублікі Беларусь. З 16 сакавіка 2021 г. — начальнік Аператыўнай мытні. 26 красавіка 2016 г. мытню ўзначаліў А. А. Валіеў, які да гэтага кіраваў Упраўленнем тарыфнага рэгулявання і мытных плацяжоў ДМК Рэспублікі Беларусь. Гэта прафесійны мытнік, які пачаў сваю службу ў 2001 г. з пасады інспектара МРМ. Ён быў начальнікам да 11 сакавіка 2021 г. Важнай падзеяй у гісторыі мытні стала прысваенне яму 25 лютага звання дзяржаўнага саветніка мытнай службы III рангу. Упершыню з 1991 г. яе кіраўніком стаў дзяржаўны саветнік мытнай службы.

Увесну 2021 г. кіраўніцтва мытні змянілася. 11 сакавіка А. А. Валіеў быў прызначаны першым намеснікам старшыні ДМК Рэспублікі Беларусь і 14 мая гэтага года новым кіраўніком стаў С. В. Іваноў, які раней працаваў начальнікам Магілёўскай мытні. Гэта дасведчаны і разнастайна падрыхтаваны кадравы мытнік, які пачынаў сваю службу ў 2001 г. з пасады інспектара Бабруйскага мытнага паста. З 2008 г. ён на кіруючых пасадах. У 2010—2017 гг. быў намеснікам начальніка мытні «Мінск-2». У 2017—2018 гг. намеснік начальніка Інстытута павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў мытных органаў Рэспублікі Беларусь». З 4 студзеня 2018 г. па 10 чэрвеня 2019 г. — першы намеснік начальніка МРМ. З 2019 па 2021 г. — начальнік Магілёўскай мытні. 21 чэрвеня 2022 г. начальніку Мінскай рэгіянальнай мытні С. В. Іванову было прысвоена персанальнае званне дзяржаўнага саветніка мытнай службы III рангу.

Такім чынам, Мінская рэгіянальная мытня сёння ўяўляе сабой адну з лепшых мытных устаноў нашай краіны. Гэта сучасная высокатэхналагічная структура, у якой служаць професіяналы сваёй справы. Але як шматразова сведчыць гісторыя, калектыў прафесіяналаў толькі тады дасягае заўважальных поспехаў, калі яго ўзначальвае мудры і кваліфікаваны кіраўнік.

БІБЛІАГРАФІЧНЫ СПІС

1. Саяпин, В. Ю. Таможенная служба. В 2 кн. Кн.2. Борьба с контрабандой / В. Ю. Саяпин. — Гродно: Гроднен. Тип., 2005. — 616 с.
2. Острога В.А., Иванов С.В. История Минской региональной таможни / В. А. Острога, С. В. Иванов. — Минск: РИВШ, 2022. — 172 с.
3. Вялікае Княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т 2. Кадэцкі корпус — Яцкевіч / Рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд) [і інш.]. — Мінск: БелЭН, 2006. — 792 с.

4. Lietuvos metrika (1479–1491). — Vilnius: Zara, 2004. — 286 p.
5. Литовская Метрика. Книга записей 5 (1427–1506). — Vilnius: Mokslo ir enciklopedij, 1993. — 414 p.
6. Беларусь: Народ. Государство. Время / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. — Минск: Белорус. наука, 2009. — 879 с.
7. Доўнар-Запольскі, М. В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага Княства Літоўскага пры Ягелонах / М. В. Доўнар-Запольскі; падрыхт.: А. І. Груша, Р. А. Аляхновіч. — Мінск: Беларус. навука, 2009. — 758 с.
8. Шпілеўская, І. М. З гісторыі мытнай службы Мінска / І. Н. Шпілеўская // Беларус. археаграф. штогоднік. Вып. 2. — 2001. — С. 233–237.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Белаоусь. — Ф. 129. — Оп. 2. — Д. 54.
10. Косенков, Г. Секрет успешной деятельности в компьютеризации / Г. Косенков // Тамож. вестн. — 1997. — № 7. — С. 10–13.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКИХ И ФИЛОКАРТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Г. М. Власова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: GMVlasova97@mail.ru*

В статье дан анализ современных подходов к разработке методических основ идентификации филателистических и филокартических материалов. Отмечено возросшее значение экспертного обеспечения таможенного контроля данной группы предметов коллекционирования.

Ключевые слова: *экспертиза; таможенный контроль; филателистические и филокартические материалы.*

FEATURES OF IDENTIFICATION OF PHILATELIC AND PHILOCARTICAL MATERIALS

G. M. Vlasova

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: GMVlasova97@mail.ru*

The article analyzes modern approaches to the development of methodological foundations for the identification of philatelic and philocartical materials. The increased importance of expert support of customs control of this group of collectibles is noted.

Keywords: *expertise; customs control; philatelic and philocartical materials.*

Коллекционирование — это систематическое собрание отдельных предметов, представляющих научный, исторический, художественный или иной интерес по определенной системе [1]. В настоящее время известно о более чем двухсот зафиксированных видов коллекционирования, среди которых около двадца-

ти являются относительно распространенными и известными. К числу последних относятся филателия и филокартия.

Филателия (греч. *φίλο*, люблю + *ἀτέλεια*, освобождение от оплаты) — область коллекционирования и изучения знаков почтовой оплаты — почтовых марок, и других филателистических материалов — календарных и специальных гашений, этикеток и ярлыков, а также конвертов и открыток — карточек с напечатанными, наклеенными почтовыми марками.

Следует отметить, что единая и четкая классификация филателистических материалов пока не сформирована. Однако ряд унифицированных классификационных позиций можно отметить.

Так, *по признаку инициативы* издания все филателистические материалы принято классифицировать следующим образом: официальные филателистические материалы, выпущенные государственной почтой; знаки почтовой оплаты (почтовые марки разных видов, цельные вещи, франкотипы, штампы паушальной оплаты); почтовые штампы; почтовые документы, почтовые квитанции, почтовые наклейки; полуофициальные и неофициальные филателистические материалы, выпущенные другими государственными учреждениями с разрешения почтового ведомства либо без него (специальные марки, служебные штампы, разрешающие бесплатную отправку корреспонденции, марки колониальных компаний, марки городской почты, марки авиа- и паромных компаний для дополнительной оплаты почты, почтмейстерские марки); филателистические материалы, выпущенные частной почтой (знаки почтовой оплаты, штампы, наклейки).

В отдельные группы также выделяются: революционные марки и марки антиколониальной борьбы; фальсификаты.

По составу филателистические материалы делятся на четыре группы: знаки почтовой оплаты: почтовые марки, блоки, почтовые марки, объединенные в квартблоки, тет-беши, сцепки, кляйнбогены (малые листы), листы; почтовые штампы, штампы спецгашения, штампы ведомств и др.; почтовые ярлыки, этикетки и т. п.; цельные вещи, в том числе: почтовые конверты, маркированные стандартными или оригинальными марками (чистые и прошедшие почту); почтовые открытки, маркированные стандартными или оригинальными марками (чистые и прошедшие почту); *иные маркированные почтовые отправления, прошедшие почту; картмаксимумы, конверты первого дня.*

Основным предметом коллекционирования филателистов являются почтовые марки, которые принято делить на три основных класса: марки стандартных выпусков для почтового обращения; марки оригинальных выпусков для почтового обращения;

коммеморативные (памятные) марки — специальные коллекционные выпуски.

В соответствии с ТН ВЭД, почтовые марки, перемещаемые через таможенную границу как товар, относятся к товарной позиции 4907 — «почтовые марки, марки госпошлин или аналогичные марки, негашеные, текущего или нового выпуска в стране, в которой они имеют или будут иметь признанную номинальную стоимость; гербовая бумага; банкноты; чековые книжки; акции, облигации или бонны и аналогичные виды ценных бумаг» [2]. Если почтовые марки являются предметом коллекционирования и имеют признаки культурных ценностей, то они должны классифицироваться в товарную позицию 9704.

При проведении идентификации филателистических материалов, необходимо учитывать, что все почтовые марки регистрируются в специальных каталогах, где приводится описание серий почтовых марок и одиночных выпусков. Каталоги должны содержать следующие сведения: год выпуска, краткое наименование серии, описание сюжета марок, фамилия художника почтовой миниатюры, сведения о способе печати, водяном знаке (при его наличии), зубцовке, тираже.

Основными индивидуальными признаками почтовых марок, необходимыми для их идентификации являются: название государства и почтовой администрации, номинал, надписи, надпечатки, сюжет изображения, способ изображения (фото, рисунок, гравюра), способ печати изображения и надписей, зубцы (форма, количество), материал (бумага, фольга, шелк и т. д.), размеры, форма марки (конфигурация), наличие штемпелей, водяные знаки.

При оценке марок необходимо учитывать, что ее стоимость существенно зависит от их состояния. Так, негашеные почтовые марки должны иметь оригинальный клей, а гашеные — четкую, не размазанную печать. Марки должны быть без тонких мест, с отсутствием изломов и изгибов, у зубцовых марок должны быть целые, неповрежденные зубцы, у беззубцовых — широкие поля, безусловно гарантирующие подлинность беззубцовой марки.

В зависимости от состояния почтовые марки делят на четыре группы: чистые с оригинальным неповрежденным клеем — «никогда не было наклейки» (*Lux*); чистые, с оригинальным клеем, с аккуратной наклейкой или следом от наклейки; чистые, без клея или с наведенным клеем; гашеные.

При определении стоимости почтовой марки необходимо учитывать относится ли данный экземпляр к редким разновидностям. К качественным характеристикам разновидностей почтовых марок относят: тип водяного знака, тип зубцовки (линейная,

гребенчатая или рамочная), способ печати, размеры рисунка, особенности рисунка, особенности текста, тип бумаги и клея, тип раstra (структуры составляющих рисунка, так называемой растровой сетки), цветовую разновидность, тираж и др. [3].

Существенно влияют на стоимость почтовых марок дефекты. К дефектам почтовых марок относятся: тонкие места, надрывы, проколы, загрязнения, масляные пятна, повреждения зубцов, следы плесени и «грибок» на клеевой стороне и т. п.

Филокартия (от греч. *phileo* — люблю, *chartes* (лат. *carta, charta*) — бумага, исписанный лист, книга) — коллекционирование, как правило, иллюстрированных, почтовых карточек (открыток).

Существует различная классификация коллекционных филокартических материалов.

В целом открытки делятся на два основных типа: *не иллюстрированные* — на адресной и оборотной стороне которых нет никаких изображений, кроме надписи «Почтовая карточка» или «Открытое письмо» и места для адреса; *иллюстрированные*, в том числе: видовые — изображение городов, морей, животных, растений; портретные — изображение самых различных лиц — музыкантов, спортсменов, космонавтов, певцов; событийные — с изображением того или иного события; художественные — репродукции с существующих произведений искусства; оригинальные, поздравительные — с Днем рождения и Новым годом, 8 марта и 23 февраля и т.д.

Иллюстрированные открытки в зависимости *от возможности почтовой пересылки* делятся на три группы: открытки, выпускаемые почтовыми ведомствами, имеющие напечатанный знак почтовой оплаты; открытки художественных и иных издательств, на которых предусмотрено место для наклейки знака почтовой оплаты; открытки художественных и иных издательств, в которых не предусмотрено место для наклейки знака почтовой оплаты и которые в открытом виде пересылке по почте не подлежат.

В зависимости *от техники исполнения* открытки делятся на два вида: художественные (репродукционные и оригинальные); документальные (фотооткрытки).

Учитывая тематику выпускаемых иллюстрированных открыток, их можно подразделять на несколько видов: видовые; художественные; хроникальные; учебно-просветительские; агитационно-пропагандистские; научно-популярные; театральные портретные; поздравительные; детские.

В соответствии с ТН ВЭД «открытки почтовые печатные или иллюстрированные; карточки с напечатанными поздравления-

ми, посланиями или сообщениями, иллюстрированные или неиллюстрированные, с конвертами или без конвертов, с украшениями или без украшений» включены в товарную позицию 4909 [2]. В данную товарную позицию включаются печатные или иллюстрированные почтовые открытки независимо от того, используются ли они в личных, коммерческих или рекламных целях, а также карточки с напечатанными поздравлениями, посланиями или сообщениями, приуроченные к любым событиям.

При проведении идентификации филокартического материала необходимо учитывать их основные идентификационные признаки. Для открыток к таким признакам относятся: издательство, сюжет открытки, автор рисунка или фотографии, наличие рукописных надписей на лицевой или оборотной стороне, наличие почтовой марки или места для наклеивания почтовой марки, вид и сюжет почтовой марки, способ изображения (фото, рисунок, гравюра), способ печати изображения и надписей, материал (бумага, шелк и т. д.), размеры и форма открытки (конфигурация), сохранность (состояние) открыток.

На оборотной стороне подавляющего большинства открыток помещаются следующие надписи: наименование карточки (текст объясняющий ее назначение), рубрики адреса отправителя и адреса получателя, выходные данные — издательство, тираж, номер, год издания, место издания, типография, художник, фотограф, название сюжета изображения.

Кроме того, в процессе идентификации почтовых открыток необходимо учитывать их классификационную градацию, принятую в практике мировой филокартии. В зависимости от их состояния открытки делятся на шесть групп.

Группа «М» — абсолютно новые открытки. Складки, изгибы, потертости, наклейки, надписи, почтовые штампы, марки, следы от крепления к альбомным листам отсутствуют. Лицевая и оборотная стороны, края и углы открыток в идеальном состоянии.

Группа «NM» — почти новые открытки. Сохранность почти как у абсолютно новой открытки, но заметно очень легкое старение, либо небольшие характерные вмятины от долгого нахождения в альбоме без передвижения.

Группа «EX» — отличные открытки. Почти как открытка типа «М» без изгибов и складок, без округленных или чуть помятых углов и без меток альбома. Изображение на лицевой стороне чистое. Может быть с письмом и штампом только на адресной стороне.

Группа «VJ» — очень хорошие открытки. Углы могут быть немного округлены (или подрезаны). На лицевой стороне допускается наличие меток альбома. Возможно наличие едва заметных складок или изгибов, не портящих лицевую сторону открытки.

Может иметь письмо, марку и штемпель на оборотной (адресной) стороне.

Группа «*J*» — хорошие открытки. Углы могут быть заметно тупыми или закругленными. Допускается наличие небольших изгибов, складок, меток альбомов. Может иметь письмо, марку и штемпель на оборотной (адресной) стороне.

Группа «*FR*» — удовлетворительные открытки или «ярмарка». Открытка имеет повреждения красочного слоя. Имеются заметные изгибы и складки. Углы надорваны или надломлены. На лицевой стороне имеются надписи. К данной категории относятся реставрированные открытки.

Определяя стоимость предметов коллекционирования филарканий необходимо учитывать, что на стоимость открытки влияют три основных фактора:

— состояние (сохранность) открытки: максимальной стоимостью обладают открытки типа «*M*»;

— спрос, который определяется тематикой, наличием покупателя, районом оборота открыток (городом, областью, краем) и рядом других параметров (например, наличие эстетических вкусов, пристрастий и предпочтений);

— редкость: малый тираж открыток или малое количество открыток, вызванное уничтожением из-за цензуры или иных запретов (политических, морально-нравственных, иных).

В заключение следует отметить, что для более эффективного обнаружения преступлений, сопряженных с незаконным перемещением предметов коллекционирования, в том числе филателистических и филкартических материалов, являющихся культурными ценностями, целесообразно систематическое проведение мероприятий, направленных на углубление знаний сотрудников таможенных органов по вопросам теории искусствоведения и экспертизы, совершенствование образовательной базы и организация продолжительной практической работы, как необходимой ступени к получению статуса эксперта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Власова, Г. М. Методические аспекты идентификации предметов фалеристики / Г. М. Власова // Беларусь в современном мире: материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2018. — С. 280-283.

2. Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза. — Минск: Белтаможсервис, 2022. — 960 с.

3. Ляпустин, С. Н. Идентификация культурных ценностей: учеб. пособие / Н. С. Ляпустина, В. И. Дьяков; Российская таможенная академия, Владивостокский филиал, С. Н. Ляпустин. — Владивосток: РИО Владивосток. ф-ла Рос. тамож. Акад., 2010. — 288 с.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ЭЛЕКТРОННОГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ ПРИ ТАМОЖЕННОМ ТРАНЗИТЕ ТОВАРОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

К. Ю. Делендик

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: delendikko1@mail.ru*

В статье рассматривается электронное предварительное информирование таможенных органов в качестве инструмента ускорения и оптимизации таможенного контроля. Рассмотрена цель и технический процесс передачи электронного предварительного информирования. Приведен ряд проблемных аспектов, с которыми сталкиваются на практике специалисты по таможенному декларированию, предложены пути решения данных проблем. Сделаны выводы о необходимости совершенствования процесса подачи электронной предварительной информации и координации работы субъектов.

Ключевые слова: *электронное предварительное информирование; таможенный контроль; автомобильный транспорт; товаросопроводительные документы; внешнеэкономическая деятельность.*

PRACTICE OF USING ELECTRONIC PRELIMINARY INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE CUSTOMS TRANSIT OF GOODS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

K. Yu. Delendik

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: delendikko1@mail.ru*

The article considers electronic preliminary information of customs authorities as a tool to accelerate and optimize customs control. There have been considered the purpose and technical process of transmission of electronic preliminary information. There have been presented a number of problematic aspects that customs declaration specialists face in practice. Ways to solve these problems are proposed. Conclusions are drawn about the need to improve the process of submitting electronic preliminary information and coordinating the work of subjects.

Keywords: *electronic preliminary information; customs control; road transport; shipping documents; foreign economic activity.*

На современном этапе развития таможенных служб государств — членов Евразийского экономического союза наблюдается активное внедрение новых технологий, форм работы и экспериментальных идей. Главной целью введения новшеств в области таможенного администрирования, безусловно, является стремление ускорить и оптимизировать процесс таможенного оформления для всех участников этого процесса. С этой же целью в Евразийском экономическом союзе используется технология электронного предварительного информирования таможенных органов при ввозе товаров на таможенную территорию госу-

дарств — членов ЕАЭС, которая является обязательной для всех участников внешнеэкономической деятельности. Стоит отметить, что ранее, до введения обязательного электронного предварительного информирования, основную часть временных издержек на осуществление таможенных операций на пограничных пунктах таможенного оформления составляли вопросы, связанные с отсутствием у водителей необходимых сведений о товарах, а также разрешительных документов. Так, для ускорения международного товарооборота и совершенствования таможенного контроля в рамках государственной программы «Электронная таможня» было запланировано внедрение электронного предварительного информирования о перемещаемых товарах.

Согласно статье 11 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, целью представления предварительной информации является получение таможенными органами сведений о товарах, планируемых к перемещению через таможенную границу Евразийского экономического союза, для оценки рисков и принятия предварительных решений о выборе объектов, форм таможенного контроля и мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля, до прибытия товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза [1].

Если доставка товара осуществляется автомобильным транспортом, электронная предварительная информация должна быть направлена в электронном виде уполномоченным представителем заинтересованного субъекта внешнеэкономической деятельности не позднее, чем за 2 часа до прибытия товаров на таможенную границу Евразийского экономического союза. При этом отметим, что данные электронные документы хранятся в базе данных не более 30 дней. Если в течение указанного периода фактического ввоза товара не произошло или водитель не воспользовался поданным электронным предварительным информированием, электронный документ аннулируется.

Перевозчик, осуществляющий ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза с целью последующего транзита, представляет электронную предварительную информацию на сервер Минской центральной таможни посредством специализированного программного продукта «e-Декларант», разработанного РУП «Белтаможсервис». Держатели книжек международной дорожной перевозки составляют и предоставляют электронную предварительную информацию в системе *TIR-EPD*, которая была создана Международным союзом автомобильного транспорта. При поступлении электронной предварительной информации в информационную систему таможенного органа, он либо регистрирует ее, либо отказывает

в регистрации в случае неуспешного прохождения форматно-логического контроля или наличия ошибок. Если же электронное предварительное информирование успешно прошло проверку и зарегистрировано, документу присваивается уникальный идентификационный номер предварительной информации. Далее электронная предварительная информация автоматически направляется в республиканский пункт таможенного оформления, в котором планируется проведение дальнейших таможенных формальностей. Должностным лицом таможенного органа сравниваются сведения, заявленные в транспортных и коммерческих документах, представленных водителем, и сведения из электронное предварительной информации. Кроме того, осуществляется таможенный контроль в рамках системы управления рисками [2].

Безусловно, за годы применения электронного предварительного информирования данная технология зарекомендовала себя как ускоряющая и упрощающая операции таможенного контроля, позволяющая заблаговременно избрать форму таможенного контроля для того или иного товара исходя из оценки соответствующих рисков и повышающая пропускную способность республиканских пунктов таможенного оформления. Однако, если говорить о практике составления электронного предварительного информирования, необходимо упомянуть о ряде проблемных аспектов. В первую очередь специалист по таможенному декларированию сталкивается с отсутствием единообразного заполнения товаросопроводительных документов, таких как *CMR*. В итоге составитель электронной предварительной информации и должностное лицо таможенного органа могут по-разному интерпретировать сведения, указанные в *CMR*. Так, к примеру, частой проблемой является решение составителя *CMR* указать в графе «Отправитель» наименование и адрес не только непосредственного отправителя, но и склада, с которого отправляется товар. В таком случае возникает вопрос, какое наименование и какой адрес вносятся в электронную предварительную информацию, ведь юридически этот вопрос четко не урегулирован. В целом, специалиста по таможенному декларированию не должен удивлять факт различных фактической страны отправления груза и юридической страны регистрации отправителя. В качестве решения данной проблемы необходима разработка единых гармонизированных правил заполнения *CMR*.

Следующая проблема, возникающая при составлении электронной предварительной информации — это различная детализация товарных кодов. В частности, коды европейский отправителей состоят из 8 цифр, при этом информационные

системы Евразийского экономического союза требуют введения десятизначного кода. Более того, европейский код на уровне 7-го и 8-го знаков иногда может отличаться от 7-го и 8-го знаков Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза. В этом случае коды в товаросопроводительных документах, представленных отправителем, и коды, заявленные специалистом по таможенному декларированию в электронной предварительной информации, не совпадают, что вызывает вопросы у представителя таможенного органа. В некоторых случаях наблюдаются отказы в выпуске такого электронного предварительного информирования. Для урегулирования данного вопроса необходимо запрашивать у отправителя десятизначный код товара в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, а при самостоятельном подборе кода — уведомлять об этом отправителя, ведь в некоторых случаях измененный код товара может повлиять на итоговую величину обеспечения исполнения обязанности по уплате таможенных платежей.

Немаловажное значение для быстрого и беспроблемного выпуска электронного предварительного информирования имеет соответствие количества мест, веса и стоимости товара, причем как фактического со сведениями в электронной предварительной информации, так и заявленного в товаросопроводительных документах и в электронной предварительной информации. Специалисты по таможенному декларированию могут столкнуться со случаями, когда отправители не считают нужным предоставлять четкую так называемую «разбивку», где по каждому конкретному товару прописаны вес брутто с учетом веса паллет, стоимость и количество занимаемых мест, а это является необходимым условием корректного составления электронной предварительной информации. Субъектам необходимо принять за правило, что каждому коду Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза должен соответствовать свой вес брутто, своя таможенная стоимость и свое количество грузовых мест. При этом суммарный итог, полученный в электронном предварительном информировании, должен полностью соответствовать данным в товаросопроводительных документах, таких как *CMR*, инвойс, упаковочный лист и пр. Специалисты по таможенному декларированию в случае недостатка необходимых данных должны в обязательном порядке запрашивать их у отправителей во избежание дальнейших разбирательств с таможенными органами и временных потерь из-за задержек груза на границе.

Таким образом, применение электронного предварительного информирования таможенных органов — это хорошо зарекомендовавшая себя технология, позволяющая ускорить процесс таможенного контроля товаров при прибытии их на таможенную территорию Евразийского экономического союза. Однако существует ряд проблемных практических вопросов, требующих решения для совершенствования данной технологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. — М.: Проспект, 2018. — 512 с.
2. Лабкович, О. Н. Электронное предварительное информирование и таможенное декларирование в деятельности таможенных органов / О. Н. Лабкович, А. С. Губич // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Информационные технологии в политических, социально-экономических, правовых и технических системах» [Электронный ресурс] / Белорусский национальный технический университет; редкол.: Г. М. Бровка (пред. редкол.) [и др.]; сост. В. Л. Червинский. — Минск: БНТУ, 2020. — С. 324—326.

РЕЗЕРВЫ РЕВЕРСИВНЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Н. Н. Капустина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: nat_kap@yahoo.com*

Рассмотрены возможности формирования логистических систем с возвратными материальными потоками в корреляции с принципами циркулярной экономики для определения резервов экономического роста. Основу логистических систем данного типа составляет цикличное, безотходное, ресурсосберегающее, высокоэффективное производство. Модель циркулярной экономики основана на комплексной инновационной деятельности и предполагает устойчивое развитие всех сфер жизнедеятельности общества, обеспечение экологического равновесия.

Ключевые слова: *реверсивные логистические системы; циркулярная экономика; цепи поставок; рециклинг; локальные многофункциональные экосистемы.*

RESERVES OF REVERSE LOGISTICS SYSTEMS IN THE CIRCULAR ECONOMY

N. N. Kapustina

Niezależności Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: nat_kap@yahoo.com

The article defines the possibilities of logistics systems with returnable material flows in correlation with the principles of circular economy for determining the reserves of economic growth. The basis of logistics systems is circular, waste-free,

resource-saving, highly efficient production. The circular economy model is based on integrated innovation activities and assumes sustainable development of all spheres of society and providing the ecological balance.

Keywords: *reversible logistics systems; circular economy; supply chains; recycling; local multifunctional ecosystems.*

Построение реверсивных логистических систем позволяет решать задачи сохранения основных запасов ресурсов и поиска технологических инноваций, которые позволят оптимизировать объемы потребления. При этом резервы экономического роста заключаются в производстве товаров с большим сроком использования и возможной их повторной переработке или рециклинге. Стабильность, устойчивость цепи поставок — один из гарантов эффективной работы внешнеэкономического сектора экономики [1, с. 2]. Управление возвратными материальными потоками в реверсивной логистике (*Reverse Logistics*) не добавляет ценности продукции в цепи поставок и оказывает на ритейл и производителей дополнительное финансовое давление. Однако, в данных процессах формирования возвратных потоков в цепях поставок имеются дополнительные резервы ресурсов, что предоставляет возможности достижения устойчивого конкурентного преимущества. Параметры цепи поставок постоянно меняются, чему способствуют многочисленные обстоятельства, воздействующие на отношения внутри цепи поставок, такие, например, как спрос потребителей и возможности поставщиков. Так, увеличение количества альтернативных поставщиков одного и того же ресурса, приводит к снижению стоимости этого ресурса и, соответственно, заинтересованности самих поставщиков в его производстве

К логистическим функциям в реверсивных системах относятся такие как: транспортировка, складирование и грузопереработка, упаковка, управление возвратом и утилизацией (рециклинг), управление поставками запасных частей и материалов для ремонта (обслуживания) основных фондов, таможенное оформление грузов (при осуществлении внешнеэкономической деятельности), управление информационными потоками. Координирующую и интегрирующую функции в данных системах имеют управление запасами, цикл выполнения заказа, интегрированное планирование и прогнозирование, управление рисками, поддержание стандартов качества логистического сервиса, управление функциональным жизненным циклом товаров.

В экономике замкнутого цикла каждый остаточный материальный поток можно использовать для производства нового продукта. Реверсивные материальные потоки в логистических системах коррелируются с принципами циркулярной экономи-

ки. Циркулярная экономика или экономика замкнутого цикла представляет собой модель экономического развития, которая направлена на ресурсосбережение, регенеративное экологически чистое производство и ответственное потребление [2, с. 20]. Циркулярная экономика — это экономическая система замкнутых циклов, в основе которой лежит системное мышление, возобновляемые источники энергии и минимальная потеря ценности сырья, компонентов и продуктов в процессе их использования. Новая парадигма формирования реверсивных логистических систем, основу которых составляет цикличное, безотходное, ресурсосберегающее, высокоэффективное производство, связана с решением комплекса задач институционального, нормативно-правового, экономического, экологического, научно-технического и социального характера. Данные задачи можно успешно решать лишь при условии системного научного поиска резервов экономического и социального роста без увеличения потребления ресурсов через изменение привычек потребления, трансформации производств и логистических цепочек на системном уровне, основанной на высокоэффективном безотходном производстве.

Нами были определены основные принципы циркулярной экономики, механизмы и этапов ее формирования.

— В проекте Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. целесообразно оценить влияние циркулярной экономики на экономический рост, а также определить модель внедрения циркулярной экономики в ключевых отраслях.

— Разработать отраслевую концепцию «Отходы в ресурсы» - по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами в Республике Беларусь на период до 2035 г. с учетом развития циркулярной экономики

— Выполнить исследование оценки экономического потенциала внедрения циркулярной экономики в странах ЕАЭС.

— Разработать предложения по формированию пилотных инновационных проектов, в основе которых применены элементы циркулярной экономики.

— Гармонизировать законодательство Республики Беларусь с законодательствами стран — участниц ЕАЭС для разработки логистических цепочек поставщиков ресурсов исходя из принципов циркулярной экономики, в том числе предусмотреть введение квот на добычу, ввоз-вывоз сырья и ресурсов.

Одним из видов логистических систем реверсивного типа в циклической экономике являются локальные многофункциональные экосистемы (ЛМФЭ), представляющие совокупность субъектов

хозяйствования, ориентированные на комплексное безотходное использование имеющихся природно-сырьевых ресурсов и производство экологически чистых продуктов питания, энергии из возобновляемых источников, других сопутствующих продуктов и товаров, и образующие с окружающей средой целостный комплекс, обеспечивающий устойчивое сосуществование разнородных элементов в долгосрочном периоде, достижение рациональных норм потребления благ и услуг. Замкнутость ЛМФЭ означает наличие в ней элементов, способных обеспечить базовые потребности жизнедеятельности человека, но при этом сохраняется определенная зависимость логистической системы от внешнего окружения. Объем этих связей в количественных и качественных выражениях в обязательном порядке должен прорабатываться при частном проектировании каждой ЛМФЭ. Из представлений о многофункциональном характере социально-экономической деятельности на локальных территориях следует, что модульная структура ЛМФЭ может быть представлена в виде матрицы и развиваться в следующих направлениях:

- расширение функций, их частичная интеграция с образованием новых, «межфункциональных» направлений деятельности;
- увеличение номенклатуры и ассортимента выпускаемой продукции и оказания услуг.

Первое направление развития в основном связано с необходимостью увеличения глубины переработки имеющихся ресурсов, снижения уровня потерь, более полного использования профессионально-кадрового потенциала. Второе — с необходимостью удовлетворения потребностей окружения, включающего внешнюю среду и иные социальные сообщества. Требование рационализации использования имеющихся ресурсов весьма актуально и способствует росту эффективности принимаемых схем и моделей хозяйствования [3, p. 12]. Каждая ЛМФЭ должна составлять неотъемлемую часть общего информационного пространства. Для этого она должна включаться во все сети общего информационного обеспечения. Важнейшими сетями, на наш взгляд, являются: торговые, технологические, экологического и социального мониторинга, инженерных и транспортных услуг, экспертно-правового консультирования, переход на дистанционные АСУП в промышленном и аграрном производстве, широкое использование искусственного интеллекта во всех сферах жизнедеятельности, комплексная цифровизация экономики и общества.

Постановка задачи комплексности использования всех ресурсов, имеющихся на сравнительно ограниченной территории, требует наличия общего центра принятия решений, или фокусной компании, обладающей определенными полномочиями раз-

решения возникающих ресурсных проблем. Конечно же, все это должно решаться в каждом конкретном случае по-своему, согласно волеизъявлению сторон и местным условиям. В любом случае требование комплексного использования ресурсов является важнейшим условием создания и функционирования ЛМФЭ, для чего необходимо эффективное управление.

Высокая функциональная зависимость субъектов ЛМФЭ друг от друга выдвигает особые требования к обеспечению надежности работы всей системы в целом. Еще одним важным средством обеспечения надежности работы всего комплекса является создание оперативных технологических резервов (заделов), которые создают гарантии обеспечения непрерывности замкнутых производственных циклов и течение определенного периода времени. Величины этих запасов должны определяться по результатам конкретной деятельности.

Структурный состав ЛМФЭ определяется, прежде всего, сырьевыми ресурсами, имеющимися в регионе. На основе их анализа возможно составить список приоритетных производств, который целесообразно организовать в составе планируемого комплекса.

Таким образом, различные варианты формирования реверсивных логистических систем являются определяющими для дополнительных резервов экономического роста, способствуют аккумуляции средств для осуществления непрерывной модернизации производства в цикличной экономике .

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Орловский, В. Н. Устойчивость цепи поставок / В. Н. Орловский // Логистика. — 2022. — № 1. — С. 2—5
2. Циркулярная экономика: концептуальные подходы и инструменты их реализации / Н. Батова [и др.]; под общ. ред. С. Дорожки, А. Шушкевича. — Минск; Медисонт, 2020. — 212 с.
3. Circular economy: measuring innovation in the product chain / J. Potling [et al.]; PBL Netherlands Environmental Assessment Agency. — The Hague, 2017. — 46 p. [Electronic resource] // ResearchGate. — Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/319314335_Circular_Economy_Measuring_innovation_in_the_product_chain. — Date of access: 01.09.2022.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОГО И НЕТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Л. В. Орлова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: orlova@bsu.by*

В статье представлены современные проблемы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования. Отмечена значимость таможенно-тарифного и

нетарифного регулирования для экономики страны, внешнеэкономической деятельности, для защиты интересов национальных производителей.

Ключевые слова: таможенно-тарифное и нетарифное регулирование; таможенная стоимость; код товара по ТН ВЭД; нетарифные меры.

MODERN PROBLEMS OF CUSTOMS TARIFF AND NON-TARIFF REGULATION

L. V. Orlova

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: orlova@bsu.by

The article presents modern problems of customs tariff and non-tariff regulation. The importance of customs tariff and non-tariff regulation for the country's economy, foreign economic activity, and to protect the interests of national producers is noted.

Keywords: *customs tariff and non-tariff regulation; customs value; product code according to HS; non-tariff measures.*

Таможенно-тарифное и нетарифное регулирование являются важными инструментами реализации внешнеэкономической политики государства.

Основными элементами таможенно-тарифного регулирования являются:

- таможенный тариф — свод ставок таможенных пошлин;
- таможенное декларирование товаров, перемещаемых через таможенную границу;
- таможенная процедура;
- товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности.

Под *нетарифными мерами* понимается совокупность средств внешнеторговой политики, которые не входят в группу таможенно-тарифных мер регулирования, а реализуются в рамках административного управления.

Нетарифные меры иногда называются нетарифными ограничениями, поскольку являются мерами скрытого протекционизма и включают многочисленные мероприятия, ограничивающие использование иностранных товаров на внутреннем рынке страны.

Нетарифные меры регулирования являются эффективным методом осуществления внешнеторговой политики так как:

- во-первых, нетарифные меры не связаны какими-либо международными обязательствами; объем и методика их применения полностью регулируются национальным законодательством страны;
- во-вторых, нетарифные меры более удобны в достижении конкретного результата во внешнеэкономической политике;
- в-третьих, нетарифные меры позволяют учесть конкретную ситуацию, складывающуюся в экономике и применить адекватные меры защиты национального рынка в рамках определенного срока;

— в-четвертых, нетарифные меры не являются дополнительным налоговым бременем для населения.

В таможенно-тарифное регулирование можно выделить ряд основных проблем. Одной из наиболее часто встречающихся проблем в области таможенно-тарифного регулирования выступает *неверное декларирование* таможенной стоимости товаров. Данная проблема часто встречается как среди импортеров или экспортеров, так и среди уполномоченных сотрудников таможенных органов, осуществляющих контроль за определением таможенной стоимости. Однако, следует понимать, что данная проблема возникает не только в корыстных целях субъектов ВЭД, но и вследствие различных подходов к ведению подсчетов таможенной статистики и присвоения различными странами различных кодов классификации на одни и те же товары. Проблема контроля таможенной стоимости также возникает вследствие манипуляции с ней в целях ее занижения или завышения. Как правило, обычно следует говорить о ее занижении, что напрямую приводит к недополучению денежных средств в доходную часть государственного бюджета, нелегальному вывозу денежных средств с территории страны. Импорт товаров по заниженной стоимости может также спровоцировать возникновение дефицита данной группы товаров на внутреннем рынке, что повлечет за собой рост внутренних цен, а значит сделать конкретный товар недоступным для отечественного потребителя [1].

Отсутствие реальной информации о ценах товаров, перемещаемых через таможенную территорию, в руках экспертов таможенной службы также негативно сказывается на функционировании системы таможенно-тарифного регулирования ВЭД. Зачастую, в распоряжении уполномоченных лиц, содержится несоответствующая реальности ценовая информация, не в полном объеме или не по всей товарной номенклатуре. Это происходит в результате отсутствия унифицированной системы, содержащей актуальный массив ценовых данных для оперативного контроля за таможенной стоимостью товаров.

Следующей фундаментальной проблемой функционирования таможенно-тарифной системы выступает *неверная классификация* товаров в соответствии с ТН ВЭД, а именно: неверное определение кода товара по ТН ВЭД.

Немаловажной проблемой таможенно-тарифного регулирования также является проблема *определения страны происхождения* товара. Верное определение страны происхождения импортируемого товара необходимо для применения мер внешней торговой политики государства в области тарифного регулирования, применения антидемпинговых или компенсационных

пошлин, количественных ограничений, а также в целях статистического учета [1].

Говоря о проблемах нетарифных мер регулирования, отдельно выделим общемировые проблемы нетарифного регулирования и проблемы, специфичные для ЕАЭС.

Общемировые проблемы нетарифного регулирования заключаются в следующем:

1) проблема непрозрачности и ограниченного доступа к информации о применяемых нетарифных мерах. Во многих странах отсутствует единый перечень товаров, по которому определялись бы товары, ограниченные к перемещению через таможенную границу. Сложность планирования экспортно-импортных операций и таможенных процедур препятствует установлению эффективной международной торговли. Проблемы также могут заключаться в текущем состоянии диалога между государством и частным сектором. Государственные учреждения, как правило, работают изолированно, не доводя до сведения частного сектора информацию о многих текущих инициативах. Информационные издержки высоки и существует общая потребность в улучшении доступности и прозрачности нетарифных мер;

2) проблема чрезмерного увеличения затрат на ведение бизнеса вследствие внедрения нетарифных мер. Неэффективные нетарифные меры создают административное и финансовое бремя для частного сектора и государственных учреждений. Это негативно влияет на международную торговлю в виде более высоких цен на продукцию. Эконометрические оценки показывают, что технические меры могут повысить импортные цены на с/х продукцию на 15 %;

3) проблема отклонения нетарифных мер от целей государственного регулирования. Чтобы нетарифная мера успешно достигала целей регулирования, касающихся здоровья, безопасности или защиты, процесс их проектирования должен начинаться с четкого определения проблемы, которую необходимо решить. Рассмотрение международных стандартов, мнений экспертов и заинтересованных сторон необходимо для того, чтобы нетарифная мера достигла своей цели и приносила пользу [2].

Проблемы, специфичные для ЕАЭС:

1) *проблема расхождения нетарифных мер* между государствами — членами ЕАЭС. В рамках ЕАЭС все еще присутствует возможность самостоятельного установления мер нетарифного регулирования странами-участницами на национальном уровне. Расхождение нетарифных мер между странами приводит к удорожанию торговли. Положения, разработанные в странах ЕАЭС по применению нетарифных мер, имеют различную терминологию

гию, что приводит к значительным затруднениям в работе. Это создает серьезные проблемы для участников международной торговли, которым необходимо соблюдать требования к товарам и производственным процессам в конкретной стране;

2) *проблема упущенной торговли*. Нетарифные барьеры препятствуют торговле как внутри Союза, так и импорту из третьих стран. Оценки Евразийского банка развития показывают, что на нетарифные барьеры приходится 15% стоимости внутри-союзных торговых потоков. Многие из затрат, возникают из-за избыточности процессов, таких как переоснащение производственных циклов для различных рыночных спецификаций. Когда они устранены, фирмы могут обслуживать больше рынков с существующим или даже меньшим использованием ресурсов. Ранее использовавшиеся ресурсы перераспределяются на другие виды деятельности, где их можно использовать более продуктивно. Снижение фактических затрат, связанных с обслуживанием внешних рынков, напрямую ведет к снижению цен, которое в свою очередь ведет к увеличению спроса и увеличению использования ресурсов;

3) *проблема ограничивающего влияния технических барьеров*. В ЕАЭС проделана большая работа по созданию единой системы технического регулирования. Принято 48 техрегламентов, которые охватывают практически 85 % продукции, действуют единые правила и процедуры оценки соответствия. До 80 % стандартов, используемых в ЕАЭС, аналогичны международным стандартам. Схожесть стандартов позволила бы устранить барьеры в торговле государств-членов с третьими странами.

Таким образом, таможенно-тарифное и нетарифное регулирование представляют собой совокупность организационно-экономических и административных мер государственного регулирования внешнеэкономической деятельности, направленных на защиту экономики страны, эффективного регулирования объемов экспорта и импорта товаров, защиту национальных производителей и обеспечения источников пополнения доходной части государственного бюджета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бойченко, П. А. Проблемы и приоритетные направления совершенствования системы таможенно-тарифного регулирования Российской Федерации / П. А. Бойченко // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2021. — № 3-1. — С. 68—72.
2. Андреева, Е. Л. Проблемы совершенствования нетарифного регулирования международной торговли в рамках ЕАЭС / Е. Л. Андреева, П. В. Ильясов // Рос. Внешнеэкон. вестн. — 2021. — № 2. — С. 21—38.

ОСОБЕННОСТИ ТАМОЖЕННОГО ТРАНЗИТА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ В РАМКАХ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Д. М. Павлович¹⁾, П. И. Болточко²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: pavlovihdaria@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: boltaachko@bsu.by*

В связи с новыми экономическими вызовами происходят значительные изменения при организации таможенного транзита в ЕАЭС. Существуют различные проблемные аспекты и риски при нововведениях, однако выделяются и пути их решения. Кроме того, затрагивается тема практического применения новых преобразований в таможенной процедуре таможенного транзита, а также в оформлении транзитной декларации. Проводится анализ нормативных правовых актов Европейского союза и национальных правовых актов Республики Беларусь, выявлены особенности таможенного транзита как по территории Европейского союза, так и по территории ЕАЭС, в частности, Республики Беларусь. В соответствии с нововведениями, в статье описывается подробный способ осуществления транзита тех или иных товаров по территории государства.

***Ключевые слова:** таможенный транзит; санкция; электронное предварительное информирование; транзитная декларация; транспортно-логистический центр.*

PECULIARITIES OF CUSTOMS TRANSIT IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION UNDER NEW ECONOMIC CHALLENGES

D. M. Pavlovich^a, P. I. Boltochko^b

*^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: pavlovihdaria@gmail.com*

*^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: pavlovihdaria@gmail.com*

The article points out that in connection with new economic challenges considerable changes are taking place in customs transit in the EEU. There are various problems and risks associated with the innovations, but the ways to address them are highlighted. In addition, the topic of practical application of new transformations in the customs procedure of customs transit, as well as in the registration of the transit declaration is touched upon. Normative acts of the European Union and national legal acts of the Republic of Belarus are analyzed; the features of customs transit both on the territory of the European Union and the territory of the Eurasian Economic Union, in particular, the Republic of Belarus are revealed. In accordance with the innovations, the article describes a detailed method of implementing certain goods on the territory of states.

***Keywords:** customs transit; sanctions; electronic advance notification; transit declaration; transport and logistics centre.*

В настоящее время во внешнеэкономической деятельности, в международной логистике и в таможенных операциях происходят глобальные изменения в связи с новыми экономическими вызовами. Одним из таких вызовов является санкционная политика.

В марте 2022 г. Европейский союз (далее — ЕС) в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь принял новый пакет санкций, который затронул транспортно-логистическую индустрию государств. Так, в пятом пакете санкций указано: «Запрет на российские и белорусские автомобильные грузоперевозки в ЕС, в том числе транзитные. При этом делаются исключения для ряда товаров, в частности фармацевтической, медицинской, сельскохозяйственной и пищевой продукции, включая пшеницу, а также дорожное сообщение для гуманитарных целей.». В практической части данный пункт действует как запрет перемещения российских и белорусских тягачей по территории ЕС [1].

Республика Беларусь приняла ответные меры в отношении европейских транспортных средств. В соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 апреля 2022 г. № 247 «О перемещении транспортных средств» (далее — Постановление № 247) установлен запрет на перемещение по территории Республики Беларусь грузовых автомобилей и тягачей, зарегистрированных в государствах — членах ЕС [2]. Однако допускается движение автомобилей или тягачей, зарегистрированных в ЕС, при перемещении некоторых категорий товаров: почтовые отправления; гуманитарные грузы; живые животные и специализированные транспортные средства для их перевозки; готовые лекарственные средства, в том числе нерасфасованные, медицинские изделия, запасные части к ним, сырье и материалы для производства лекарственных средств и (или) медицинских изделий, кровь, органы и ткани человека.

В соответствии с Постановлением европейский автомобиль следует через определенные пункты пропуска в специально установленные места для осуществления грузовых операций и перецепки (перегрузки). Такими местами определены приграничные транспортно-логистические центры (далее — ТЛЦ) и сервисные зоны, перечень которых прописан в Постановлении № 247. Непосредственно перецепка с европейского транспорта на белорусский или российский может производиться и в зоне ожидания от Республиканского пункта таможенного оформления (далее — РПТО) [3]. Согласно Постановлению грузовой автомобиль или тягач имеет основание въехать на территорию Республики Беларусь только на расстояние 50 км от РПТО до места перецепки или перегрузки. Допуск в место перецепки (перегрузки) осуществля-

ется по прибытии двух водителей — европейского и белорусского (российского). При этом водители в обязательном порядке должны иметь на руках все необходимые транспортные, коммерческие документы и документы с описанием товаров на русском языке. После проверки документов таможенными органами, водители одновременно заезжают в ТЛЦ или в другое установленное законодательством место для перецепки (перегрузки). Имеется взимание платы за услугу размещения транспортных средств в ТЛЦ или в зоне ожидания. Кроме того, европейский перевозчик вправе отказаться от перецепки (перегрузки), однако в таком случае он будет вынужден вернуться на сопредельную сторону.

После перецепки или перегрузки груз на восточное направление будет доставляться белорусскими или российскими транспортными средствами. Таким образом, в связи с нововведениями, ответственность за сохранность груза полностью переходит белорусским или российским перевозчикам.

При этом вся информация по перецепке или перегрузке должна была указана в транспортном документе — в *CMR*-накладной. В таком случае, в семнадцатую графу «Последующий перевозчик (наименование, адрес, страна)» *CMR*-накладной вносится вся информация о перевозчике; в двадцать пятую графу «Регистрационный номер» *CMR*-накладной вносится информация о транспортном средстве. Если будет осуществляться перегрузка товаров, то это в обязательном порядке должно прослеживаться в тринадцатой графе «Указания отправителя (таможенная и рабочая обработка)».

При таможенном транзите товары помещаются под таможенную процедуру таможенного транзита, открывается транзитная декларация. В связи с внесенными изменениями, в оформление транзитной декларации вводятся новшества. В соответствии со статьей 11 Таможенного Кодекса ЕАЭС «Представление таможенным органам предварительной информации» до ввоза товаров обязательным является электронное предварительное информирование (далее — ЭПИ) [4]. До введения санкций ЭПИ могло выступать в качестве транзитной декларации. Однако в рамках новых обстоятельств ЭПИ рассматривается как транзитная декларация только от РПТО до ТЛЦ. После перецепки или перегрузки на белорусский или российский автомобиль открывается внутренний транзит под обеспечение белорусского или российского перевозчика.

Существуют проблемы и риски, возникающие при новом способе таможенного транзита. Одним из них является риск несоответствия количества купленных и по факту полученных товаров. При этом, может отличаться не только количество, но и сам

груз. В настоящее время активизировались попытки контрабанды таким способом. Именно поэтому каждый таможенный перевозчик, таможенный представитель и уполномоченный экономический оператор, оказывающий услуги по экспедированию груза, заключает договор экспедирования с иностранным перевозчиком, тем самым подразумевая, что ответственность за груз несет не только белорусский (российский) перевозчик, но и европейский. Таким образом, ограждая себя от административных правонарушений.

В случае, когда на территорию Республики Беларусь въезжает европейский и тягач, и прицеп, производится перегрузка товара. В данной ситуации водитель может полностью проконтролировать процесс, сверить количество мест и сам товар с транспортными и коммерческими документами. Тогда риск доставки неверного товара или количества товара значительно снижается.

Таким образом, в связи с новыми экономическими вызовами колоссально изменилась таможенная процедура таможенного транзита. Вследствие этих изменений появились новые правила оформления электронного предварительного информирования и транзитной декларации. С одной стороны, ответная мера Республики Беларусь в отношении европейских транспортных средств является эффективной, однако с другой стороны она влечет за собой значительное подорожание цепи поставок и услуг экспедирования, а также увеличение времени доставки грузов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Konig, O. The EU adopts a fifth package of sectoral and individual measures targeting Russia and Belarus / O. Konig, F. Ericsson [Electronic resource] // Sanctions & Export Controls Update. — 11.04.2022. — Mode of access: <https://sanctionsnews.bakermckenzie.com/the-eu-adopts-a-fifth-package-of-sectoral-and-individual-measures-targeting-russia-and-belarus/>. — Date of access: 13.09.2022.
2. О перемещении транспортных средств: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 22 апр. 2022 г. № 247 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&po=C22200247&p1=1>. — Дата доступа: 13.09.2022.
3. Особенности совершения грузовых операций и (или) перецепки [Электронный ресурс] // Белтаможсервис. — Режим доступа: <https://deklarant.by/ru/news/osobennosti-soversheniya-gruzovykh-operatsiy-i-ili-peretsepki/>. — Дата доступа: 13.09.2022.
4. Таможенный Кодекс Евразийского экономического союза. — Минск: Белтаможсервис, 2017. — 760 с.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ПОСЛЕ ВЫПУСКА ТОВАРОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

К. А. Симап

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: k.siman0812@mail.ru*

В статье рассматривается таможенный контроль после выпуска товаров. Рассмотрена цель таможенного контроля после выпуска товаров. Приведен ряд проблемных аспектов, с которыми сталкиваются должностные лица таможенных органов, предложены пути решения данных проблем. Сделаны выводы по проделанной работе.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз; внешнеэкономическая деятельность; таможенный контроль; выпуск товаров; таможенная проверка.*

THE MAIN PROBLEMS OF CUSTOMS CONTROL AFTER THE RELEASE OF GOODS AND WAYS TO SOLVE THEM

K. A. Siman

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: k.siman0812@mail.ru*

The article discusses customs control after the release of goods. The purpose of customs control after the release of goods is considered. A number of problematic aspects faced by customs officials are presented, and ways to solve these problems are proposed. Conclusions are drawn on the work done.

Keywords: *Eurasian Economic Union; foreign economic activity; customs control; release of goods; customs inspection.*

На сегодняшний день, в связи с увеличением объема перемещаемых товаров и транспортных средств через таможенную границу Евразийского экономического союза, возросла необходимость осуществления оперативного таможенного контроля. Для того чтобы не только сократить время на проведение таможенного контроля, но, и для того, чтобы данный контроль проводился эффективно, является важным не нарушать нормы таможенного законодательства. Надлежащее выполнение всех норм и правил упрощает дальнейший таможенный контроль после выпуска товаров.

В настоящее время, вопрос совершенствования системы таможенного контроля после выпуска товаров является актуальным, так как его проведение оказывает содействие в проверке подлинности сведений, заявленных в таможенной декларации, либо, имеющих в других документах или сведениях, что, равным образом, способствует должностным лицам таможенных

органов успешно противодействовать любым правонарушениям, которые возникают в сфере таможенного дела. Развитие системы таможенного контроля после выпуска товаров напрямую связано с его совершенствованием, которое предполагает, преимущественно, пресечение незаконного ввоза товаров и транспортных средств, а также возможности неуплаты таможенных платежей в бюджет государства, что, в свою очередь, влияет на экономическую составляющую.

Основной формой таможенного контроля после выпуска товаров является таможенная проверка [1]. В ходе выездных таможенных проверок присутствует ряд проблем. Однако, еще до выездных таможенных проверок можно обнаружить заявление недостоверных сведений при таможенном декларировании товаров и транспортных средств. А именно, заявление недостоверных сведений о местоположении участников внешнеэкономической деятельности. Это необходимо выявлять для того, чтобы на этапе посттаможенного контроля исключить обнаружение неподконтрольных лиц.

На практике, при осуществлении выездной таможенной проверки, должностные лица таможенных органов могут сталкиваться с такой проблемой, как невозможность осуществления проверочных мероприятий в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Это связано с тем, что участник внешнеэкономической деятельности отсутствует по месту регистрации. Это явление объясняется тем, что юридическое лицо и индивидуальный предприниматель очень часто на этапе декларирования товаров и транспортных средств, указывают место фактического расположения, которое отличается от места государственной регистрации данных лиц. Так, на этапе таможенного контроля после выпуска товаров, такие категории участников внешнеэкономической деятельности становятся неподконтрольными. Это означает то, что участник внешнеэкономической деятельности есть, осуществляет внешнеэкономическую деятельность на таможенной территории Евразийского экономического союза, но, фактически, произвести таможенную проверку в отношении его не предоставляется возможным. Затем, срок нарушения истекает и, исходя из этого, привлечь к административной ответственности его уже нельзя [2].

Чтобы решить данную проблему, будет рациональным создание общей базы данных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей для налоговых и таможенных органов государств-членов Евразийского экономического союза. Такая база данных может содержать информацию о именно государственной регистрации субъекта, а также данные о его фактическом

местоположении. При предварительной подаче декларации на товары, таможенными органами в эту базу будут вноситься данные о местоположении участника внешнеэкономической деятельности. Затем, информация будет сверяться с данными государственной регистрации, которые вносятся в базу данных уже налоговыми органами государств — членов Евразийского экономического союза. В том случае, если будет установлен факт отсутствия лица по месту его государственной регистрации, должностные лица таможенных органов должны будут сразу же требовать объяснений по этому случаю от декларанта, также, уведомить о необходимости проведения выездной таможенной проверки по адресу фактического нахождения участника внешнеэкономической деятельности, и о предоставлении документов, для осуществления таможенной проверки.

Выездная таможенная проверка, в данном случае, должна будет осуществляться незамедлительно для того, чтобы не допустить изменения своего местоположения юридического лица и индивидуального предпринимателя [2].

Таким образом, данная система, на наш взгляд, должна будет упростить осуществление подконтрольных мероприятий для должностных лиц таможенных органов государств — членов Евразийского экономического союза.

Далее, стоит отметить те случаи, когда участники внешнеэкономической деятельности пытаются избежать уплаты таможенных платежей. Такие субъекты создают целые схемы уклонения от уплаты платежей, подразумевающие участие не только самого лица, который осуществляет внешнеэкономическую деятельность, которое преднамеренно осуществляет декларирование с указанием недостоверных сведений в декларации и иных документах или предоставления поддельных документов, но и также участие иных лиц, связанных между собой договорными отношениями. Так, например, это может быть иностранный контрагент, который может выступать производителем за рубежом и отправителем. Учитывая, что все эти лица могут быть подставными, на самом деле являясь одной и той же организацией, но выдавая себя за разных лиц, расследование подобной цепочки занимает большое количество времени и трудовых затрат должностных лиц таможенных органов. Но, именно благодаря таможенному контролю после выпуска товаров, возможно раскрывать подобные организации, которые занимаются незаконной деятельностью.

В таком случае, стоит создать неизбежность наказания. Участники внешнеэкономической деятельности, которые намереваются совершить нарушающее законодательство деяние должны

быть уверены, что к ним будет применена соответствующая мера пресечения, и они понесут определенную ответственность. При этом задуманное ими деяние не будет осуществлено.

Существует необходимость в опубликовании подробных статистических данных о возбужденных уголовных и административных делах, которые связаны с уклонением от уплаты таможенных платежей. Кроме того, необходимо информировать настоящих и потенциальных участников внешнеэкономической деятельности о высокой эффективности и результативности действий должностных лиц таможенных органов по выявлению и пресечению таможенных преступлений.

Таким образом, в данной работе был выявлен ряд проблем, связанный с проведением таможенного контроля после выпуска товаров, а также предложены пути их решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. — М.: Проспект, 2018. — 512 с.

2. Пахалюк, Д. М. Проблемы и направления совершенствования проведения таможенного контроля после выпуска товаров / Д. М. Пахалюк, Т. О. Графова // Материалы V Всерос. науч.-практ. Конф. «Образование — наука — производство» / ЗаБИЖТ ИрГУПС; редкол.: А. А. Ерёмко (пред. редкол.) [и др.]. — Чита: ЗаБИЖТ ИрГУПС, 2021. — С. 79—84.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Е. В. Тулейко¹⁾, И. С. Луговская²⁾

*¹⁾ Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь, e-mail: e_tulejko@mail.ru*

*²⁾ Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Новые вызовы глобальной экономики, сопровождаемые ростом протекционизма, изменением организационно-правовых условий ведения внешнеэкономической деятельности, усилением интеграционных процессов в экономике, сменой технологической парадигмы повышают требования к деятельности таможенных органов. В этих условиях на современную таможенную возлагается решение важных задач по обеспечению защиты национальной безопасности и созданию условий для упрощения международной торговли.

Исследование направлено на выявление современных тенденций в области таможенно-тарифного регулирования, что позволит определить актуальные направления развития таможенных органов в контексте внешних вызовов и угроз.

Ключевые слова: *таможенные органы; таможенное администрирование; таможенное законодательство; таможенно-тарифное регулирование; тенденции.*

MODERN TRENDS IN THE SPHERE OF CUSTOMS AND TARIFF REGULATION

E. V. Tuleika^a, I. S. Luhouskaya^b

^a *The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova Str., 1/2, 220072, Minsk, Belarus, e-mail: e_tulejko@mail.ru*

^b *The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova Str., 1/2, 220072, Minsk, Belarus*

New challenges of the global economy, accompanied by the growth of protectionism, changes in the organizational and legal conditions for conducting foreign economic activity, strengthening of integration processes in the economy, and a change in the technological paradigm increase the requirements for the activities of customs authorities. Under these conditions, the modern customs is entrusted with the solution of important tasks to ensure the protection of national security and create conditions for the facilitation of international trade.

The study is aimed at identifying current trends in the field of customs and tariff regulation, which will determine the current directions for the development of customs authorities in the context of external challenges and threats.

Keywords: *customs authorities; customs administration; customs legislation; customs and tariff regulation; trends.*

Динамичное развитие международной торговли, с одной стороны, повышает экономическую конкурентоспособность страны и укрепляет ее финансово-экономическое положение, а с другой стороны, создает значительные угрозы национальной безопасности страны, ее рынкам и обществу, связанные с незаконным движением международных цепочек поставок.

В настоящее время усиливается международная конкуренция, сопровождаемая формированием широких зон преференциального торгово-экономического сотрудничества и расширением спектра протекционистских мер (включая рост нетарифных барьеров и жесткость регулирования ПИИ), санкционным давлением, изменяющимися логистическими взаимосвязями хозяйствующих субъектов.

В этих условиях повышаются требования к международной торговле и ее регулированию, в том числе за счет совершенствования методов работы таможенных органов, цифровизации их деятельности, конвергенции таможенно-тарифной политики, развития системы контроля таможенной стоимости ввозимых товаров и др.

Таким образом, современные вызовы актуализируют необходимость анализа мировых тенденций таможенно-тарифного регулирования в целях одновременного обеспечения безопасности коммерческих сделок и торговли.

Выделим следующие современные тенденции таможенно-тарифного регулирования.

1. Согласование торговой и тарифной политики с устойчивым развитием. В настоящее время уделяется особое внимание к деятельности ВТО в сфере окружающей среды, изменения климата, глобальной цифровой торговли. ВТО предоставляет статистику по тарифам и импорту технологических товаров, влияющих на выполнение ряда «целевых показателей» в рамках ЦУР 3 (Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте) и ЦУР 7 (Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех) [1].

2. Содействие доступу на рынок медицинских товаров и медикаментов в условиях COVID-19. В ответ на возросший спрос на медицинские товары и повышенный интерес к тарифам, применяемым к этим товарам, ВТО и ВОЗ выпустили Классификационный список медицинских принадлежностей для COVID-19. Документ содержит перечень кодов ТН ВЭД для медицинских изделий, позволяющий более точно классифицировать эти поставки с целью облегчения торговли этими товарами [2].

3. Создание собственной тарифной политики Великобритании. Великобритания разработала тарифный режим — *UK Global tariff (UKGT)*. *UKGT* оптимизирует и упрощает почти 6000 тарифных линий, а также уменьшает издержки для бизнеса за счет снижения административной нагрузки. Изменения включают в себя также отказ от ненужных вариаций тарифов, округление тарифов до стандартизированных процентов [3]/

4. Более широкое использование мониторинга таможенного законодательства. В стратегических документах ЕС в области таможенной политики, в том числе в Стратегическом плане на 2020—2024 гг. (*The Strategic Plan 2020—2024*), а также в документе «Вывод Таможенного союза на новый уровень: план действий» (*the Communication on «Taking the Customs Union to the Next Level: a Plan for Action»*) предусмотрена совместная деятельность по мониторингу таможенного законодательства, которая позволяет финансировать деятельность, предполагающую сотрудничество между странами-участницами ЕС, их таможенными органами и должностными лицами. Мониторинговая деятельность в последние несколько лет проводилась, в основном, в следующих областях: мониторинг использования упрощений; активизация программы уполномоченных экономических операторов (УЭО); мониторинг выполнения гарантийных обязательств; мониторинг единообразного применения таможенного законодательства ЕС [4].

5. Повышение безопасности и борьба с мошенничеством. Анализ европейского опыта позволяет выделить следующие меры в

области обеспечения безопасности и борьбы с мошенничеством в сфере таможи:

— выработка общих критериев рисков и стандартов финансовых рисков. В 2018 г. Европейская комиссия приняла Исполнительное решение, устанавливающее единые критерии рисков и стандарты финансовых рисков. В 2019 г. государства-члены одобрили руководство по внедрению критериев финансового риска, направленное на обеспечение единого толкования Исполнительного решения и его основных элементов в целях обеспечения его правильной реализации, а также во избежание расхождений в толковании;

— контроль в области электронной коммерции. В ЕС были приняты новые таможенные правила, касающиеся сбора НДС и обмена соответствующей информацией, создана проектная группа для решения проблемы недооценки в контексте электронной коммерции;

— создание информационной системы по борьбе с мошенничеством (*Anti-fraud Information System, AFIS*), целью которой является сбор и обмен информацией, которую получают государства — члены ЕС в отношении преступлений в сфере мошенничества и коррупции. *AFIS* представляет собой систему управления нарушениями (*IMS*) — безопасный электронный инструмент для сбора отчетности и анализа нарушений;

— внедрение таможенной процедуры 42/63, которая позволяет импортировать или повторно ввозить товары в ЕС без уплаты НДС (до тех пор, пока товары не достигнут своего конечного государства — члена назначения). В 2018 г. регламент Совета ЕС предоставил таможенным органам доступ к Системе обмена информацией по НДС для подтверждения номеров НДС импортеров, осуществляющих импорт, освобожденный от НДС, и доступ налоговых администраций к электронной системе таможенного надзора для проверки импорта, освобожденного от НДС;

— создание системы контроля импорта — «Безопасность грузовых авиаперевозок» (*ICS2*). *ICS2* представляет собой крупномасштабную систему, лежащую в основе программы таможенной защиты и безопасности до прибытия. Система позволяет собирать предварительные электронные данные обо всех товарах и грузах до их прибытия на таможенную территорию Союза и из различных торговых источников;

— улучшение таможенного сотрудничества и взаимодействия с органами безопасности и пограничного контроля. В декабре 2018 г. опубликованы новые рекомендации по дальнейшему развитию сотрудничества между таможенными и пограничными службами. В 2019 г. ЕС ввел новые правила взаимодействия

между крупномасштабными информационными системами ЕС в области юстиции и внутренних дел;

— создание организационных структур и платформ, в том числе: консультативной группы ЕС по оценке угрозы серьезной и организованной преступности (*EU SOCTA*) и Европейской многодисциплинарной платформы против преступных угроз (*EMPACT*);

— внедрение новых технологий. Новые технологии, такие как системы радиочастотной идентификации (*RFID*), Интернет вещей, инструменты геолокации и другие позволяют отслеживать грузы, транспортные средства и людей, управляющих ими. Сбор указанных данных позволяет таможенным органам выявлять закономерности и потенциально мошеннические операции [5–8].

Возможные направления использования новых технологий в деятельности таможенных органов представлены в таблице.

Направления использования новых технологий в деятельности таможенных органов

Новые технологии	Направления использования
<i>GPS</i> -трекинг и электронные системы слежения за грузами	позволяют экспедиторам отслеживать перемещение товаров в режиме реального времени
Блокчейн	позволяет создать безопасную и надежную среду для сбора и обмена торговыми данными
Большие данные	позволяет выявлять проблемы и сложности на таможне и во всей цепочке поставок
Искусственный интеллект и машинное обучение	позволяют устранить языковые барьеры, создавать новые способы управления складами и разрабатывать новые продукты
<i>3D</i> -печать	позволяет устранить необходимость в транспортировке определенных товаров за счет их оцифровки (благодаря технологиям <i>3D</i> -печати), что оказывает влияние на таможенные тарифы и пошлины

Источники: [8].

6. Повышение эффективности таможенных органов за счет: — формирования современной цифровой таможенной среды. Целью европейской инициативы электронной таможни (*e-Customs*) является создание более эффективной таможенной среды, которая облегчит торговлю и повысит безопасность. Программа поддерживает электронные системы, используемые для обмена данными, содержащимися в таможенных декларациях и приложенных к ним документах, которые призваны обеспечить быструю передачу данных между таможенными администраци-

ями, таможенными органами и хозяйствующими субъектами, а также упростить таможенное оформление, сократить расходы на оформление, способствовать борьбе с мошенничеством и организованной преступностью;

— сотрудничества между таможенными органами и экономическими операторами. Таможенная программа ЕС предусматривает площадки для взаимодействия, где органы государственного управления могут обмениваться знаниями, опытом, передовой практикой и совместно устанавливать руководящие принципы в сфере таможенной политики через программную деятельность. Совместные инструменты таможенной программы включают в себя образовательные мероприятия, формирование сетей и проектных групп, а также финансовые инструменты (*CCEI*);

— экспертного сопровождения. Такой подход позволяет таможенным экспертам государств-членов участвовать в углубленном сотрудничестве по оперативным вопросам, выходящим за рамки традиционного сотрудничества (группы экспертов действуют от 12 до 36 месяцев). Среди таких групп: группы таможенных экспертов (на восточной и юго-восточной сухопутной границе ЕС), таможенные лаборатории, таможенное сотрудничество в области информационных технологий;

— профессиональная подготовка кадров таможенных органов. В настоящее время большое внимание уделяется укреплению профессиональной подготовки по актуальным направлениям деятельности таможенных органов и таможенных представителей. В указанном направлении активно используется система краткосрочных семинаров по рассмотрению актуальных для деятельности таможенных органов вопросов правоприменительной практики, разрабатываются курсы электронного обучения по темам, представляющим взаимный интерес для таможенных администраций, деловых и торговых представителей [9—11].

7. Обеспечение прозрачности цепочки поставок. В июне 2021 г. Сенат США утвердил Закон США об инновациях и конкуренции, включающий Закон о торговле, который обновляет и расширяет две важные торговые программы: Всеобщую систему преференций (*GSP*) и Закон о различных тарифах (*MTB*).

GSP отменяет тарифы на тысячи товаров из более чем 120 развивающихся стран, что дает американским компаниям беспрепятственный доступ к продуктам и материалам из более разнообразной сети поставщиков, снижая производственные затраты. Помимо налоговых льгот, обновленный *GSP* включает более строгие квалификационные правила для стран-участниц в области прав человека, расширения экономических возможностей женщин, окружающей среды, цифровой торговли и др.

В рассматриваемом направлении также значимой является инициатива Глобального бизнес-индикатора (*GBI*) Таможенной и пограничной службы США. Помимо определения законного владельца продукта страны происхождения и роли в цепочке поставок, новый *GBI* также включает еще восемь категорий данных и имеет важное значение для оцифровки всех аспектов управления цепочкой поставок и нормативного надзора.

В рамках еще одной инициативы «Таможенные рамки XXI в.» (*21CCF*) обеспечивается структурированный подход к модернизации торговой системы США за счет улучшения технологической базы, использования этических методов производства по всей цепочке поставок, защиты и укрепления таможенной инфраструктуры, и др. [12].

8. Трансформация таможенного администрирования и обеспечения единого таможенного регулирования в ЕАЭС. В рамках ЕАЭС разработана Стратегия деятельности блока по таможенному сотрудничеству до 2025 г., основными целями которой являются «создание новой операционной модели таможни, основанной на принципах управления данными, процессами и изменениями, а также максимальное содействие внешнеэкономической деятельности на основе повышения результативности таможенного администрирования и обеспечения единообразной правоприменительной практики и экономической безопасности» [13].

Таким образом, рассмотрение современных тенденций в сфере таможенно-тарифного регулирования позволяет сделать вывод о новом этапе развития таможенных служб в условиях динамичных изменений организационно-правовых условий ведения внешнеэкономической деятельности, основанном на внедрении новых организационных решений в области защиты и безопасности трансграничной торговли товарами, совершенствовании таможенной инфраструктуры и расширении направлений применения цифровых технологий, профессиональном развитии работников таможенных органов, повышении роли таможни в области охраны окружающей среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Mainstreaming trade to attain the Sustainable Development Goals [Electronic resource] // World Trade Organization. — Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/sdg_e.pdf. — Date of access: 03.09.2022.
2. HS classification reference for Covid-19 medical supplies HS 2022 Edition [Electronic resource] // World Customs Organization. — Mode of access: http://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/nomenclature/covid_19/hs-classification-reference_edition-3_en.pdf?la=en. — Date of access: 03.09.2022.

3. UK Global Tariff backs UK businesses and consumers [Electronic resource] // gov.uk. — 19.05.2020. — Mode of access: <https://www.gov.uk/government/news/uk-global-tariff-backs-uk-businesses-and-consumers>. — Date of access: 05.09.2022.

4. Commission Staff Working Document: 2nd Biennial Report on Progress in Developing the EU Customs Union and its Governance [Electronic resource] // EU Monitor. — Mode of access: <https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vldg5zf427zq>. — Date of access: 05.09.2022.

5. Anti-Fraud Information System (AFIS) [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/about_the_european_commission/eu_budget/db_2021_programme_statement_anti-fraud_information_system.pdf. — Date of access: 05.09.2022.

6. Import Control System 2 (ICS2) [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: https://taxation-customs.ec.europa.eu/customs-4/customs-security/import-control-system-2-ics2-0_en. — Date of access: 07.09.2022.

7. A Corrupting Influence: the Infiltration and Undermining of Europe's Economy and Society by Organised Crime [Electronic resource] // Europol. — Mode of access: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/socta2021_1.pdf. — Date of access: 07.09.2022.

8. The Future of Customs with the WCO and Trade, March 2021 [Electronic resource] // World Customs Organization. — Mode of access: <http://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/key-issues/pscg/the-future-of-customs-with-the-wco-and-trade.pdf?la=en>. — Date of access: 07.09.2022.

9. Czerminska, M. The European Union customs system in the 21st century – challenges and trends / M. Czerminska [Electronic resource] // ResearchGate. — Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/312304433_The_European_Union_customs_system_in_the_21st_century_-_challenges_and_trends. — Date of access: 09.09.2022.

10. Customs & Tax EU Learning Portal – European Union [Electronic resource]. — Mode of access: <https://customs-taxation.learning.europa.eu/>. — Date of access: 04.09.2022.

11. Customs control equipment instrument – Information session for equipment manufacturers [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: https://taxation-customs.ec.europa.eu/news/customs-control-equipment-instrument-information-session-equipment-manufacturers-2021-10-20_en. — Date of access: 03.09.2022.

12. Offerman, S. 5 global trade trends impacting US importers and exporters / S. Offerman, V. Thompson, J. Fernandez [Electronic resource] // Thomson Reuters. — 20.10.2021. — Mode of access: <https://tax.thomsonreuters.com/blog/5-global-trade-trends-impacting-us-importers-and-exporters/>. — Date of access: 04.09.2022.

13. Стратегия деятельности блока по таможенному сотрудничеству до 2025 года [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/dep_tamoj_zak/SiteAssets/%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%A2%0%95%D0%93%D0%98%D0%AF%202025.pdf. — Дата доступа: 08.09.2022.

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

А. А. Ходакова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: hodakova_a@mail.ru*

В статье подчеркивается роль цифровизации и наряду с этим формирования цифровой экономики и роль экологических знаний в ее развитии. А также в связи с этим усиление кадрового потенциала специалистов в данной сфере.

Рассматривается необходимость развития цифровых технологий в русле экологической направленности и обеспечения экологической безопасности в том числе в части предотвращения экологических катастроф.

Ключевые слова: *цифровая экономика; цифровизация; экологическое образование; информационные технологии; окружающая среда; таможенная сфера.*

THE ROLE OF ENVIRONMENTAL KNOWLEDGE IN THE CUSTOMS SPHERE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY

A. A. Khodakova

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: hodakova_a@mail.ru*

The article emphasizes the role of digitalization and, along with this, the formation of the digital economy and the role of environmental knowledge in its development. And also in this regard, the strengthening of the personnel potential of specialists in this field.

The necessity of developing digital technologies in line with environmental orientation and ensuring environmental safety, including in terms of preventing environmental disasters, is considered.

Keywords: *digital economy; digitalization; environmental education; information technology; environment.*

Термин «цифровая экономика» определяется как результат действия новых технологий в коммуникационной и информационной сфере, оказывающих влияние на весь ее сектор включая социальные отношения. Информационные технологии приобретают все большую важность в экономической сфере всех стран мира привлекая все большее внимание к цифровой экономике. Применение цифровых технологий является актуальным не только для оказания государственных услуг, услуг в сфере реализации товаров, но и образования граждан, повышение профессионального уровня, которое позволит всему обществу приобрести так называемое «цифровое богатство», напрямую связанное с ростом национального и материального благосостояния [1, с. 99—100].

Сегодня смело можно утверждать, что цифровизация представляет собой реальность и связывается с применением цифровых технологий в различных сферах [2]. Среди них должны быть не только такие как: медийная, банковская, розничная, а также, на взгляд автора, экологическая и таможенная сфера, направленные на повышение уровня кадрового потенциала. Таким образом, исследование вопросов цифровой экономики и ее роли в экологическом образовании граждан и сотрудников таможенных органов является на сегодняшний день актуальным и представляет интерес, как для государства, так и для общества в целом.

Основной тенденцией в мировом экономическом развитии конца XX — начала XXI в. является переход от индустриальной и постиндустриальной экономики к так называемой цифровой экономике или экономике, базирующейся на сетевом использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

История формирования понятия «цифровая экономика», по мнению многих исследователей, связана с американским ученым из Массачусетского технологического института Николасом Негропonte, который в 1995 г. использовал метафору о переходе от обработки атомов, составляющих материю физических веществ, к обработке битов, составляющих материю программных кодов. Другие эксперты отмечают, что впервые термин «цифровая экономика» озвучил канадский ученый Д. Тапскотт в 1994 г. в книге, переведенной на русский язык под названием «Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта». В ней Д. Тапскотт, описывая признаки развитых стран, отмечает цифровую форму представления объектов, влияние информационных технологий на бизнес, систему государственного управления и дает цифровой экономике следующее определение — это экономика, базирующаяся на использовании информационных компьютерных технологий.

В 1999 г. Н. Лейн, помощник президента США по науке и технологиям, в статье «Развитие цифровой экономики в XXI веке» фактически первым дал определение рассматриваемого явления: «Цифровая экономика — это конвергенция компьютерных и коммуникационных технологий в сети. Интернет и возникающий поток информации и технологий, которые стимулируют развитие электронной торговли и масштабные изменения в организационной структуре». В 2001 г. Т. Мезенбург выделил три основных компонента цифровой экономики, которые можно статистически оценить и измерить: «поддерживающая инфраструктура (аппаратное и программное обеспечение, телекоммуникации, сети и др.); электронный бизнес (ведение хозяйственной деятельности и любых других бизнес-процессов через компьютерные сети);

электронная торговля (дистрибуция товаров через интернет)» [3, с. 17–20].

Несмотря на значительное число научных работ, до сих пор нет однозначного понимания того, что представляет собой цифровая экономика. Анализ различных определений цифровой экономики позволяет классифицировать взгляды на это понятие, основанные на использовании следующих признаков: тип экономики, характеризующийся активным внедрением и практическим использованием цифровых технологий сбора, хранения, обработки, преобразования и передачи информации во всех сферах человеческой деятельности; совокупность видов экономической деятельности как отрасли национальной экономики по производству и торговле цифровыми товарами и услугами в виртуальной среде; система социально-экономических и организационно-технических отношений, основанных на использовании цифровых информационно-телекоммуникационных технологий и сетей в режиме реального времени; сложное сочетание различных элементов (технических, инфраструктурных, организационных, программных, нормативных, законодательных и др.), представляющее собой дополнение к реальной экономике, ориентированное на устойчивое экономическое развитие.

Несколько иное, более конкретизированное понятие «цифровой экономики» приводят в своей статье Н. К. Норец, А. А. Станкевич, определяя ее как «систему экономических и политических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых(компьютерных) информационно-коммуникационных технологий». Н. А. Стефанова и И. В. Сударушкина рассматривают цифровую экономику как «результат трансформационных эффектов новых технологий общего назначения в области информации и коммуникации, которые влияют на все секторы экономики и социальной деятельности» [3, с. 17–20]. Профессор Р. Мещеряков полагает, что термин «цифровая экономика» должен основываться на двух подходах. Первый подход «классический»: цифровая экономика — это экономика, основанная на цифровых технологиях, характеризующих исключительно область электронных товаров и услуг (телемедицина, дистанционное обучение, продажа товаров, кино, книги, ТВ). Второй подход — расширенный: «цифровая экономика» — это экономическое производство с использованием цифровых технологий [4, с. 4–11].

Однако на взгляд автора исследования ни одно определение, приведенное выше, не является достаточно полным при определении цифровой экономики. По мнению автора, под цифровой экономикой следует понимать направление экономики, исполь-

зующее цифровые технологии во всех сферах жизнедеятельности общества в том числе при обеспечении экологическими знаниями граждан и сотрудников таможенных органов. Такой подход позволит вводить в сектор экономики правильные кадры (усилить кадровый потенциал) в экологической и таможенной сфере. Цифровая экономика должна включать совокупность видов деятельности, основанной на применении цифровых технологий для промышленного, образовательного, включая экологическое образование, хозяйственного и правового обеспечения всех сфер человеческой деятельности. Большая часть экономических процессов напрямую связана с воздействием на окружающую среду. Таким образом человек обладая знаниями в экологической сфере с помощью цифровых технологий сможет предотвратить ряд катастроф экологического характера. Так как при разработке будут использоваться технологии, не наносящие вреда окружающей среде. В таможенной сфере наряду с предоставлением таможенных услуг, цифровое развитие сможет охватить также сферу оказания государственных услуг населению. В том числе позволит обеспечить экономическую и экологическую безопасность, экономическое развитие государства. Следовательно, для более устойчивого экономического роста важно выбирать путь цифрового развития. Внедрение цифровых технологий в процесс оказания таможенных услуг позволит обеспечить не только экономическую, но и экологическую безопасность.

Формирование правовых основ цифровой экономики базируется на разных уровнях нормативных правовых актов. На уровне Конституции Республики Беларусь вопросы правового регулирования цифровой экономики непосредственно не решаются. В то же время в Основном законе достаточно много правовых норм, регулирующих отношения, связанные с экономикой и правом. Поэтому можно утверждать, что правовое регулирование цифровой экономики находится в конституционном поле. На уровне кодифицированных актов можно выявить правовые нормы об электронной цифровой подписи в Налоговом кодексе Республики Беларусь, Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь. Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит нормы касательно исключения из сферы предпринимательской деятельности майнинга [5, с. 64–65]. Среди иных белорусских законов закон Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-3 «Об электросвязи», закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-3 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи». На уровне декретов и указов существует Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», который на современное со-

стояние законодательства о цифровой экономике является базовым нормативным правовым актом. Среди указов, в частности, Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет». Из числа постановлений Совета министров к опорным правовым регуляторам цифровой экономики следует отнести, к примеру, правила оказания услуг электросвязи, утвержденные постановлением Совета министров Республики Беларусь от 17 августа 2006 г. № 1055 [6, с. 78–80]. Однако следует отметить, что как в литературе, так и в указанных выше нормативных правовых актах не регламентируется единое либо отсутствует вовсе понятие цифровой экономики. Представляется, что основным нормативным правовым актом, в содержание которого должен войти термин «цифровая экономика» должен стать Декрет Президента «О развитии цифровой экономики». Представляется дополнить статью 1 указанного нормативного правового акта следующим определением: под цифровой экономикой следует понимать совокупность видов деятельности, основанной на применении цифровых технологий для промышленного, образовательного, хозяйственного и правового обеспечения всех сфер человеческой деятельности в том числе экологической и таможенной. Также видится необходимым среди принципов цифровой экономики выделить принцип экологичности цифровых технологий, реализация данного принципа, на взгляд автора, позволит обеспечить экологическую безопасность и право каждого гражданина на благоприятную окружающую среду и принцип обеспечения экологической безопасности в деятельности таможенных органов, который необходимо реализовывать возникновении ситуаций с незаконным вывозом природных ценностей, животных и растений, занесенных в Красную книгу, а также перемещением через таможенную границу товаров, представляющих экологическую опасность для человека и природной среды.

Таким образом изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, требуется выработать единое понятие цифровой экономики с последующим закреплением его на законодательном уровне.

Во-вторых, выделить принципы цифровой экономики в контексте развития экологического образования.

В-третьих, закрепить на законодательном уровне принцип обеспечения экологической безопасности в деятельности таможенных органов, сущностью которого должна стать необходимость действенного контроля в области охраны окружающей среды.

В-четвертых, соотносить развитие цифровых технологий с наличием достаточного уровня экологических знаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пантюхов, В. И. Цифровая экономика Беларуси: правовая среда, кейсы, перспективы / В. И. Пантюхов // Право.by. — 2018. — № 6. — С. 99—102.
2. Головенчик, Г. Г. Цифровая экономика [Электронный ресурс]: учеб.-метод. комплекс / Г. Г. Головенчик. — Минск: БГУ, 2020.
3. Панышин, Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития / Б. Панышин // Наука и инновации. — 2016 — № 3 (157). — С. 17—20.
4. Цифровая экономика — различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, SmartCity, BIGDATA и др.) / А. П. Добрынин [и др.] // International Journal of Open Information Technologies. — 2016. — Vol 1, N 4. — P. 4—11.
5. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. О системе правового регулирования цифровой экономики Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации // Главный экономист. — 2020. — № 1. — С. 64—65.
6. Каменков, В. О системе правового регулирования цифровой экономики Республики Беларусь / В. Каменков // Юрид. мир. — 2019. — № 1. — С. 76—80.

ЗНАЧЕНИЕ И АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ С КОНТРОЛИРУЮЩИМИ ОРГАНАМИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А. А. Чепик

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, , e-mail: ts_chepik12@mail.ru*

В статье рассматриваются общетеоретические проблемы взаимодействия таможенных органов с контролирующими органами при осуществлении профилактики правонарушений. Статья направлена на формирование должной теоретической основы для выработки в дальнейшем конкретных тактических рекомендаций по вопросам взаимодействия таможенных органов с контролирующими органами при осуществлении профилактической деятельности.

Ключевые слова: взаимодействие; таможенные органы; контролирующие органы; преступления; профилактика.

THE SIGNIFICANCE AND RELEVANCE OF THE STUDY OF THEORETICAL PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN CUSTOMS AUTHORITIES AND REGULATORY AUTHORITIES IN THE IMPLEMENTATION OF CRIME PREVENTION

A. A. Chepik

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Belarus, e-mail: ts_chepik12@mail.ru*

The article deals with the general theoretical problems of interaction between customs authorities and regulatory authorities in the implementation of crime

prevention. The article is aimed at forming a proper theoretical basis for the further development of specific tactical recommendations on the interaction of customs authorities with regulatory authorities in the implementation of preventive activities.

Keywords: *interaction; customs authorities; regulatory authorities; crimes; prevention.*

Одним из важнейших направлений совершенствования и оптимизации деятельности таможенных органов в области профилактики правонарушений является внедрение в практику их деятельности новых научных методов, направленных на профилактику преступлений, в том числе использование методов и средств, реализуемых в деятельности контролирующих органов. Вместе с тем, необходимо отметить, что таможенные органы не только используют возможности вышеупомянутых органов, а взаимодействует с ними, поскольку они проявляют свою инициативу, применяют по своему усмотрению имеющиеся у них методы, средства, техническое оборудование и выполняют указания соответствующего таможенного органа. На важность осуществления такой совместной деятельности таможенных органов с иными субъектами обращено особое внимание в Таможенном кодексе Евразийского экономического Союза (далее — ТК ЕАЭС). Так, согласно статье 368 ТК ЕАЭС, таможенные органы в целях выполнения возложенных на них задач и осуществления функций взаимодействуют между собой, а также с государственными органами, иными органами и организациями [1]. К числу контролирующих органов ТК ЕАЭС относит органы санитарного контроля, фитосанитарного контроля, ветеринарного контроля и ряд других субъектов, которые именуются в ряде источников общим термином «государственные инспекции» в связи со сходством выполняемых функций и полномочий применительно к конкретной сфере деятельности.

Вопросам взаимодействия правоохранительных органов с различными субъектами уделяется постоянное внимание. Однако многие вопросы этой актуальной и сложной проблемы по-прежнему остаются нерешенными, к тому же, как правило, эта проблема ограничивалась изучением взаимодействия следователя с органами дознания [см., напр.: 2—4]. На проблему взаимодействия следователя, органов дознания, в том числе таможенных органов, с контролирующими органами менее всего обращалось какое-либо внимание. Более того, какого-либо целевого исследования вопросов взаимодействия таможенных органов с контролирующими органами при расследовании и профилактике преступлений не проводилось.

На наш взгляд, взаимодействие таможенных органов с контролирующими органами, которые упоминаются в ТК ЕАЭС, представляет собой весьма сложную деятельность, четкое и точное понимание которой имеет не только важное теоретическое, но и большое практическое значение, поскольку позволяет правильно отграничить его от иных видов деятельности, осуществляемых таможенными органами с другими субъектами. Существуют многочисленные определения взаимодействия, которые, отличаясь в деталях, сводятся к его рассмотрению в качестве согласованной по целям, месту и времени совместной деятельности. При этом, в основном освещаются такие вопросы, как взаимодействие, и в основном таких субъектов, как следователь и органы дознания, правовые основы такого взаимодействия, процессуальное оформление взаимодействия, его формы и некоторые другие [5, с. 3–4]. Вместе с тем, как правильно отмечает Н. А. Аменицкая «ряд ключевых проблем в этой области не получил освещения. Ни в теории, ни на практике до сих пор нет ясного ответа: каким образом оптимально и законно объединить усилия и возможности двух систем, осуществляющих свою деятельность в различных законодательных режимах» [5, с. 3–4]. По мнению А. В. Матюка, «имеющиеся исследования не отражают всего многообразия особенностей организации и правового обеспечения совместной деятельности субъектов раскрытия и расследования преступлений. До сих пор дискуссионными остаются вопросы, касающиеся понятия взаимодействия, задач и форм его реализации; проблемы правового, организационного и информационного обеспечения деятельности взаимодействующих субъектов» [6, с. 6].

На наш взгляд, более перспективным представляется такой подход к взаимодействию, при котором совместная деятельность субъектов рассматривается как «организационная система», образуемая для достижения общей цели и имеющая свою структуру [см., напр.: 7–9]. В характеристике взаимодействия рассматриваемых субъектов важно выделять такие элементы, как цель, средства, условия и следует отметить, что взаимодействие всегда носит конкретный характер в том смысле, что оно всегда представляет собой отношение сторон определенной целостной системы. В связи с этим необходимо отметить, что совместное участие двух субъектов профилактической деятельности в одном мероприятии не равнозначно их взаимодействию. Последнее будет налицо лишь тогда, когда действия одного подчинены, учитываются, соотносятся с интересами другого, когда от действия одного наступает реальная польза для другого. Более того, для взаимодействия не всегда обязательна совместность действий и их предварительная двухсторонняя согласованность. Например,

сообщение одним сотрудником другому информации, позволившей выявить преступление, будет актом взаимодействия. Поэтому вряд ли можно признать правильным такое определение понятия взаимодействия, даваемое отдельными учеными, в котором оно трактуется как взаимное согласование действий двух или более участников, совместно решающих какую-либо общую задачу [10]. Для взаимодействия характерна внутренняя содержательная, а не внешняя, договорная согласованность. На наш взгляд, взаимодействие таможенных органов с органами санитарного контроля, фитосанитарного контроля, ветеринарного контроля и рядом других субъектов — это деловое, целенаправленное, объективно необходимое сотрудничество на основе взаимопомощи участвующих в профилактической деятельности субъектов, которое ориентировано на более оптимальное решение стоящих перед этими органами предупредительных задач. Основными признаками, характеризующими взаимодействие вышеуказанных субъектов как согласованную деятельность по профилактике преступлений, относятся: наличие правовой основы; равноправие субъектов взаимодействия, отсутствие подчиненности, независимость сторон; дифференциация функций субъектов в сочетании с взаимоподкреплением и совместным маневром силами и средствами; согласованность мероприятий по цели, месту и времени; наличие совместной программы и плана организационных мероприятий, совместного информационно-методического обеспечения; целенаправленность, сотрудничество и взаимопомощь. Чем более сложные задачи решает система взаимодействия, чем большее количество субъектов системы так или иначе связано с их решением, тем большее значение для успеха дела имеет взаимодействие. Сказанное в полной мере относится и к таможенным органам, и к органам санитарного контроля, фитосанитарного контроля, ветеринарного контроля, которые, осуществляя определенные функции в борьбе с правонарушениями, нейтрализуют определенные их виды, применяя при этом различные методы и средства. Поэтому первейшая задача взаимодействия заключается в такой дифференциации и расширении возможностей указанных субъектов, которая обеспечила бы полный охват реагированием системы взаимодействующих субъектов всех противоправных проявлений и успешное предупреждение их на основе строжайшего соблюдения требований законности.

Основная задача организации взаимодействия — упорядочение профилактической деятельности системы взаимодействующих субъектов, настройка ее, в целом, на согласованное функционирование. Решая собственные задачи, каждый из взаимодействующих

субъектов должен быть сориентирован постоянно и на интересы других субъектов так, чтобы, с одной стороны, не мешать им, а с другой, помогать им в решении общих задач системы. Именно это и должно достигаться в процессе взаимодействия. В результате деятельности обоих субъектов в целом внутренне согласуется, взаимовыязывается, становится гармоничной.

Основными составными частями процесса взаимодействия являются: выявление и четкое уяснение целей; оперирование информацией (получение, оценка, взаимный обмен); прогнозирование; планирование; осуществление конкретных взаимных действий; контроль реализации взаимодействия; оценка получаемых результатов; корректировка осуществляемой деятельности. Решая одну и ту же задачу, таможенные органы и конкретные контролирующие органы (органы санитарного контроля, фитосанитарного контроля, ветеринарного контроля и др.) обоюдно заинтересованы в максимальном использовании возможностей друг друга. Возникает как бы «взаимный контроль» за качеством и объемом выполняемой каждым из них работы. Это является важным психологическим стимулом для доброкачественного выполнения конкретным таможенным органом и соответствующим контролирующим органом своих обязанностей, повышая у них чувство ответственности за порученное дело. Создаются благоприятные условия и для «корректировки действий» друг друга. Например, таможенные органы с учетом полученной информации могут внести определенные коррективы в тактику отдельных процессуальных действий, а соответствующие контролирующие органы используют данные таможенных органов для конкретизации проверочных и поисковых мероприятий.

Представленные теоретические положения создают предпосылки для решения в дальнейшем научных и практических проблем, связанных с разработкой правовых, процессуальных и конкретных практических вопросов реализации взаимодействия таможенных органов с контролирующими органами при осуществлении профилактической деятельности. Теоретические положения могут быть использованы: для более углубленного исследования в дальнейшем проблем нормативно-правовой регламентации взаимодействия и при разработке ведомственных и межведомственных нормативно-правовых актов в области взаимодействия соответствующих субъектов, а также для разработки конкретных практических рекомендаций и методик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. — Минск: Белтаможсервис, 2018. — 896 с.

2. Гапанович, Н. Н. Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений / Н. Н. Гапанович, И. И. Мартинович. — Минск, 1983. — 104 с.

3. Кривенко, А. И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность / А. И. Кривенко. — М.: Юрлитинформ, 2008. — 240 с.

4. Матюк, А. В. Взаимодействие следователя с органом дознания в Республике Беларусь: теоретико-правовой аспект / А. В. Матюк // Вестн. Москов. ун-та МВД России. — 2018. — № 4. — С. 274—279.

5. Аменицкая, Н. А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): Автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Аменицкая. — Нижний Новгород, 2006. — 21 с.

6. Матюк, А. В. Взаимодействие следователя Следственного комитета Республики Беларусь с органом дознания при раскрытии и расследовании преступлений против порядка осуществления экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. В. Матюк. — М., 2019. — 31 с.

7. Бердический, Ф. Ю. Взаимодействие органов следствия и дознания как организационная система / Ф. Ю. Бердический // Сов. государство и право. — 1973. — № 12. — С. 106—110.

8. Воробьева, И. Б. Взаимодействие следователя с органами контроля и совершенствование его правовых основ / И. Б. Воробьева // Вопросы взаимодействия следователя и других участников расследования преступлений. — Свердловск, 1984. — С. 88—93.

9. Образцов, В. А. Взаимодействие в структуре деятельности следователя / В. А. Образцов // Вопросы взаимодействия следователя и других участников расследования преступлений. — Свердловск, 1984. — С. 33—39.

10. Ипакян, А. П. Методы научной организации управления в органах внутренних дел / А. П. Ипакян. — М., 1972. — 43 с.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. В. Шиманская

*Минская региональная таможня,
ул. Могилевская, 43, 220007, г. Минск, Беларусь, e-mail: a.v.shimanskaya@gmail.com*

Рассматривается законодательная основа осуществления цифровой трансформации таможенной сферы в Республике Беларусь. Проанализированы положения Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь, Стратегии развития информатизации Республики Беларусь, Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси», Стратегии развития таможенных органов. Выделены те аспекты, которые имеют непосредственное отношение к цифровой трансформации таможенной сферы. Отмечается важное значение развития электронного взаимодействия государственных органов как между собой, так и с бизнес-сообществом и гражданами на базе цифровых платформ, позволяющих комплексно осуществить те или иные административные процедуры. В документах

делается акцент на объединение существующих информационных систем на базе цифровых платформ. Для таможенной сферы выделяется важность создания внешнеторгового портала и платформы национальной системы электронной логистики. Выделены основные направления развития таможенной службы Республики Беларусь, которые говорят о комплексном подходе к использованию и анализу информации по разным направлениям деятельности таможенных органов.

Ключевые слова: цифровая трансформация; цифровая платформа; электронные услуги; цифровые технологии, информационное взаимодействие.

LEGAL BASIS FOR DIGITAL TRANSFORMATION OF THE CUSTOMS SPHERE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

A. V. Shimanskaya

Minsk Regional Customs,

Mogilyovskaya str., 43, 220007, Minsk, Belarus, e-mail: a.shimanskaya@gmail.com

The legislative basis for the implementation of the digital transformation of the customs sphere in the Republic of Belarus is considered. It is analyzed the provisions of the National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus, the Strategy for the Development of Informatization of the Republic of Belarus, the State Program «Digital Development of Belarus», the Strategy for the Development of Customs Authorities. Those aspects that are directly related to the digital transformation of the customs sphere are highlighted. The importance of developing electronic interaction between state bodies both among themselves and with the business community and citizens on the basis of digital platforms, which make it possible to comprehensively implement certain administrative procedures, is noted. The documents focus on the integration of existing information systems based on digital platforms. For the customs sphere, the importance of creating a foreign trade portal and a platform for the national e-logistics system is emphasized. The main directions of development of the customs service of the Republic of Belarus are identified, it shows an integrated approach to the use and analysis of information in various areas of activity of the customs authorities.

Keywords: *digital transformation; digital platform; electronic services; digital technologies; information interaction.*

Любой процесс, происходящий в той или иной сфере, приносит наибольший эффект, когда он закреплен на законодательном уровне и имеет четкие направления развития, реализации. Сегодня таможенная сфера, как и другие сферы, подвержена изменениям. Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью практически всех таможенных процессов. Речь идет не просто о внедрении информационных систем для автоматизации отдельных операций, но теперь благодаря цифровым возможностям операции все в большей степени становятся взаимосвязанными и создаются непрерывные процессы. Информационные системы объединяются в комплексные цифровые платформы.

Республика Беларусь следуя наилучшим мировым тенденциям, рекомендациям международных организаций, а также явля-

ясь членом интеграционного объединения ЕАЭС, принимает на себя обязательства по развитию цифровой экономики и цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности общества.

Нам представляется актуальным проанализировать существующую национальную правовую основу в области цифровой трансформации таможенной сферы с целью определения сильных и слабых аспектов обеспечения данного процесса и предложения соответствующих рекомендаций по усовершенствованию законодательства в области цифровой трансформации таможенной сферы.

Для начала следует отметить, что на уровне ЕАЭС еще в 2016 г. была поставлена задача по созданию Цифрового пространства ЕАЭС, что повлекло за собой принятие соответствующих документов. Это решения Высшего евразийского экономического совета «О формировании цифровой повестки ЕАЭС», «Об основных направлениях реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г.», Высшего евразийского межправительственного совета «О порядке проработки инициатив в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС», Евразийской экономической комиссии «О формате и структуре предоставления информации об инициативе в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС».

С целью реализации поставленной задачи по созданию Цифрового пространства ЕАЭС, Республика Беларусь, как и другие страны — участницы ЕАЭС взяла на себя обязательство по формированию цифровой экономики и трансформации всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе и таможенной сферы.

Сегодня базовым основополагающим документом является Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. Важным аспектом данного документа является то, что отмечается слабое использование научно-технологического потенциала страны. Вместе с тем сохраняется риск технологического отставания при новой волне инноваций в зарубежных странах [1].

Также одним из основополагающих нормативных актов в Республике Беларусь, имеющих отношение к цифровой трансформации является Стратегия развития информатизации Республики Беларусь на 2016—2022 гг.

Отмечается, что в Беларуси практически создан базовый комплекс электронного правительства, который включает общегосударственную автоматизированную информационную систему (ОАИС), систему межведомственного электронного документооборота, Государственную систему управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи (ГосСУОК), единое расчетное информационное пространство и другие.

Также из положительных аспектов выделено то, что создан и продолжает наполняться функционалом единый портал электронных услуг на базе ОАИС. Следует отметить, что таможенными органами на сегодняшний день оказываются 9 таких услуг.

В документе также отмечается, что развивается единое торговое информационное пространство и упрощаются торговые процедуры как внутри страны, так и в рамках ЕАЭС, с учетом международных стандартов электронного документооборота и идентификации товарных потоков. Поставлена задача по созданию системы единого портала внешнеэкономической деятельности.

Указано, что стратегической целью дальнейшего развития информатизации в Республике Беларусь является совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием ИКТ, включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства Республики Беларусь.

Можно выделить те общие задачи, которые поставлены в данной Стратегии, которые в том числе актуальны и для таможенных органов и таможенной сферы в целом. Так, например, это:

- развитие эффективной и прозрачной системы государственного управления посредством внедрения передовых ИКТ во все сферы человеческой жизнедеятельности;
- обеспечение прозрачности и удобства коммуникаций между гражданами, бизнесом и государством путем повсеместного перевода данных коммуникаций в электронную форму;
- дальнейшее формирование единого информационного пространства для оказания электронных услуг на основе интеграции информационных систем.

Для таможенной сферы также актуальны те направления по развитию электронного правительства, которые выделены в Стратегии. Отметим некоторые из них:

- широкомасштабное использование электронных документов в коммерческой деятельности, включая разрешительную, фискальную, контрактную, платежную и товарно-сопроводительную функции;
- развитие и популяризация системы оказания электронных услуг физическим и юридическим лицам, оказываемых по принципу «одного окна», включая преимущественный перевод административных процедур, осуществляемых органами государственного управления и организациями, в электронный вид;
- содействие внешней торговле посредством государственно-частного партнерства по созданию и наполнению актуальной информацией единого портала внешнеэкономической деятельности [2].

Еще один общегосударственный документ, на который следует обратить внимание, когда речь идет о цифровой трансформации таможенной сферы, это Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021—2025 гг. Целью программы является обеспечение внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества. Решение поставленных задач выполняется путем реализации мероприятий в рамках шести подпрограмм. Говоря о цифровой трансформации таможенной сферы, предлагаем обратить внимание на две подпрограммы: «Цифровое развитие государственного управления» и «Цифровое развитие отраслей экономики».

Касательно подпрограммы «Цифровое развитие государственного управления» говорится о том, что она направлена на решение задачи по повышению эффективности реализации государственных функций посредством создания комплексной цифровой инфраструктуры для осуществления межведомственного информационного взаимодействия, формирования современной системы оказания государственных услуг на принципах проактивности и мультиканальности.

Для решения поставленной задачи предлагается создание государственных цифровых платформ на базе существующих информационных ресурсов и систем, в целях снижения административной нагрузки, экономии трудовых и временных ресурсов, упрощения получения различных документов. Выделен ориентир на создание государственного единого информационного пространства страны путем консолидации оцифрованных данных, циркулирующих в государственном секторе на различных уровнях на базе платформенных решений. Важно отметить, что создание специализированных информационных систем будет осуществляться только в случаях завершения ранее инициированных разработок, а также при их проектировании как основы будущей цифровой платформы или ее сервисов с использованием единых стандартов, принципов, технологий и интерфейсов взаимодействия с расчетом на последующую интеграцию с цифровой платформой.

Подпрограммой запланирована разработка технических решений для перевода административных процедур и государственных услуг в электронную форму, включая реинжиниринг их бизнес-процессов, оцифровку данных, применение современных средств идентификации, в целях их комплексного осуществления в проактивном формате. При этом под комплексностью предоставления понимают, что по запросу на получение электронной услуги пользователю доступен весь спектр необходимых для это-

го операций в электронной форме. В свою очередь, под проактивностью понимают оказание электронных услуг не только по заявительному принципу, а в большинстве случаев по факту наступления жизненной ситуации.

В подпрограмме отмечается необходимость принятия мер для обеспечения уникальности данных, циркулирующих в государстве, то есть не должно происходить необоснованное дублирование данных, накапливаемых в различных государственных информационных системах (государственных цифровых платформах). Считается, что оптимизация затрат на цифровое развитие посредством перехода к платформенным решениям исключат в будущем необходимость сопровождения, технического обслуживания и постоянного развития большого количества различных государственных информационных систем и ресурсов.

В подпрограмме «Цифровое развитие отраслей экономики» также предполагается переход к формированию государственных цифровых платформ для цифровой трансформации процессов управления отраслями экономики, учреждениями и предприятиями, информационными отношениями, возникающими между ними, а также к интенсивному развитию электронных сервисов для граждан и бизнеса.

Задачей подпрограммы является развитие инструментов цифровой экономики в различных отраслях национальной экономики, предусматривающих применение передовых технологий в производстве и процессах ведения внешнеэкономической деятельности, формирование необходимых условий для сохранения и повышения конкурентоспособности белорусских предприятий на мировом рынке. В качестве решения поставленной задачи предусматривается цифровая трансформация процессов управления предприятиями и производством, а также создание единых цифровых решений (государственных цифровых платформ) для продвижения отечественной продукции на мировой рынок.

Подпрограммой предусматривается реализация ряда мероприятий, направленных на создание необходимых технических условий для фактической интеграции экономики Республики Беларусь в мировое экономическое пространство, в том числе создание:

- торгово-кооперационной платформы для предприятий Республики Беларусь;
- системы цифровой каталогизации товаров (продукции) Республики Беларусь;
- платформы национальной системы электронной логистики, включая развитие совместно с компетентными государственными органами электронных сервисов.

В результате внедрения обозначенных технических решений будут созданы необходимые цифровые инструменты для продвижения отечественной продукции как на рынке государств — членов Евразийского экономического союза, так и других международных рынках, а также формирования благоприятных условий для увеличения экспорта белорусских товаров [3].

И наконец, отметим документ, которой имеет непосредственное отношение к процессам цифровой трансформации таможенной сферы. Это Стратегия развития таможенных органов на 2021—2025 годы и прогнозный период до 2030 года. Хотелось бы выделить те направления развития, которые связаны с переходом на новый уровень развития таможенной сферы в результате внедрения цифровых технологий:

- развитие эффективной и прозрачной системы таможенного администрирования, обеспечение быстрых, удобных и безопасных коммуникаций между таможенным органом, бизнесом и гражданами;

- развитие электронного таможенного декларирования и автоматизации совершения таможенных операций, в том числе при осуществлении выпуска товаров;

- полномасштабное использование неинтрузивного контроля в целях сокращения времени проведения таможенного контроля;

- создание и развитие центров электронного декларирования;

- развитие современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, систем информационной безопасности для обеспечения эффективного функционирования;

- применение информационно-коммуникационных систем и комплексов, соответствующих инновационному подходу и современному технологическому укладу в области контроля таможенных платежей;

- развитие в таможенных органах института оперативно-розыскной деятельности и информационно-аналитической работы;

- оптимизация работы структурных подразделений таможенных органов в рамках централизованной модели построения СУР;

- интеграция всех источников информации для выявления и оценки угроз;

- переход от количественных показателей результативности СУР к показателям, позволяющим оценивать конечный результат исходя из проделанной работы по недопущению повторных и профилактике совершения новых правонарушений;

- повышение эффективности образовательной и экспертной деятельности ГИПКиПК, расширение возможности дистанционного обучения посредством внедрения информационных технологий, модернизации инфраструктуры и ресурсной базы [4].

Подводя итог вышеизложенной информации, хотелось бы отметить, что в Республике Беларусь создана достаточная правовая основа для цифровой трансформации таможенной сферы. Мы можем наблюдать соответствующие положения по развитию электронных услуг, которые предоставляют таможенные органы на базе соответствующих цифровых платформ, также поставлена задача по дальнейшему развитию межведомственного взаимодействия на основе использования цифровых сервисов. Поставлены конкретные задачи по созданию цифровых платформ как для электронного взаимодействия между государством, бизнесом и гражданами в области оказания/получения услуг, так и торговая платформа для перехода торговой сферы на новый уровень с учетом современных тенденций. Анализируя Стратегию развития таможенных органов на 2021—2025 годы и прогнозный период до 2030 года мы видим, что ставка делается на комплексность использования информационных систем, на аналитику так называемых Больших данных в целях таможенного контроля, что соответствует основным характеристикам цифровой трансформации таможенной сферы. В качестве перспективных рекомендаций можно выделить законодательное закрепление положений по созданию цифровых таможенных платформ либо цифровых внешнеторговых платформ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г. [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь — Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. — Дата доступа: 01.09.2022.
2. Стратегия развития информатизации Республики Беларусь на 2016—2022 гг. [Электронный ресурс] // Научно-методическое обеспечение информатизации Республики Беларусь — Режим доступа: <http://nmo.basnet.by/informatization/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%D0%BD%D1%84-%D0%B8%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%202016-2022%20%D0%B3%D0%B3.PDF>. — Дата доступа: 01.09.2022.
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г. [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь — Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-godu>. — Дата доступа: 01.09.2022.
4. Стратегия развития таможенных органов [Электронный ресурс] // Таможенные органы Республики Беларусь — Режим доступа: <https://gtk.gov.by/tamozhennye-organy/strategiya-razvitiya-tamozhennykh-organoov/>. — Дата доступа: 01.09.2022.

СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТВЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ НА САНКЦИИ

Вэй Вэн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 787083595@qq.com*

Параллельный импорт применяется в ответ на торговые санкции, которым в настоящее время подвергаются Россия и Беларусь. В качестве альтернативы общему импорту этот инструмент показал положительный эффект. Внедрение параллельного импорта укрепило внешнюю торговлю с азиатскими странами. Зарубежные индустриальные парки сыграли важную роль в реакции Китая на торговые конфликты. Развитие зарубежных индустриальных парков подготовило для китайских компаний эффективные каналы для инвестиций и экспорта за рубеж. В статье проводится анализ ответных действий России и Китая на экономические санкции. Вносятся авторские предложения по укреплению международного сотрудничества в целях противодействия экономическим санкциям путем создания совместных индустриальных парков.

Ключевые слова: *внешняя торговля; санкции; параллельный импорт; торговое эмбарго; международное сотрудничество.*

RUSSIA AND CHINA'S ECONOMIC RESPONSES TO SANCTIONS

Wei Wen

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: 787083595@qq.com*

Parallel imports are used in response to trade sanctions, to which Russia and Belarus are currently subjected. As an alternative to total imports, this tool has shown a positive effect. The introduction of parallel imports has strengthened foreign trade with Asian countries. Overseas industrial parks have played an important role in China's response to trade conflicts. The development of overseas industrial parks has prepared effective channels for Chinese companies to invest and export abroad. The article analyzes the responses of Russia and China to economic sanctions. The author proposes to strengthen international cooperation to counteract economic sanctions through the creation of joint industrial parks.

Keywords: *foreign trade; sanctions; parallel imports; trade embargo; international cooperation.*

В настоящее время возрождение торгового протекционизма в сочетании с эпидемией коронавируса создает серьезные трудности для стран и регионов в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Как смягчить негативные последствия торгового протек-

ционизма, торговых конфликтов и торговых санкций станет важным вопросом для стран в ближайшем будущем. В 2022 г., в результате конфликта между Россией и Украиной, США объявили, что введут «разрушительные санкции» против России. До этого Россия и Беларусь уже давно подвергались экономическим санкциям со стороны США и их союзников. На этот раз санкции основаны на четырех основных направлениях:

- 1) ограничение возможности России проводить международные операции в долларах США, иенах и евро;
- 2) блокирование способности России расширять свою военную мощь;
- 3) стремление ограничить конкурентоспособность России в области высоких технологий;
- 4) введение всеобъемлющих санкций в отношении активов российских банков на сумму около 1 трлн дол. США и замораживание всех активов в США, включая активы ВТБ, второго по величине российского банка [1].

США ввели эмбарго на многие товары, необходимые России в сфере внешней торговли, а также потребовали вывода американских компаний, работающих в России. Очевидно, что санкции имели эффект, который в краткосрочной перспективе проявился в финансовом секторе, где курс российского рубля резко упал в марте 2022 г. В то же время, Россия приняла соответствующие контрсанкции. Они включали обязательные расчеты за экспорт энергоносителей в рублях и повышение процентных ставок, что позволило быстро стабилизировать экономическую ситуацию.

С другой стороны, ограничения на экспорт в Россию имеют относительно долгосрочные и важные последствия для внешне-торговых стратегий России и Беларуси. Чтобы нейтрализовать последствия торгового эмбарго, Россия и Беларусь начали разрешать параллельный импорт.

Вместо того чтобы покупать товары непосредственно у владельца бренда, «параллельный импорт» осуществляется из третьей страны. В настоящее время импортеры и экспортеры или площадки на российском рынке, включая *Ozon*, а также Яндекс. Маркет, объявили о своей готовности работать по схеме «параллельного импорта». Яндекс. Маркет создал новое подразделение, занимающееся «параллельным импортом», и объявил несколько международных тендеров на закупку новых каналов поставок электроприборов, электроинструментов, электроники, товаров для здоровья и т. д., расширяя прямой импорт. Со своей стороны, руководители *Ozon* заявили, что компания уже импортировала продукцию *Apple* по схеме «параллельного импорта» и не исключает, что в будущем на сайте будут продаваться товары люксовых брендов [2].

Многие российские компании, которые зависят от импортных компонентов, находятся в состоянии простоя или находятся под угрозой закрытия из-за санкций, введенных США и их союзниками. Одним из эффективных выходов из этой ситуации является реконфигурация промышленной цепочки и цепочки поставок через канал «параллельного импорта». В то же время, введение «параллельного импорта» привело к возвращению иностранных брендов в Россию.

По данным белорусской статистики, в марте 2022 г. импортно-экспортная торговля сократилась на 24,5 % в годовом исчислении, а импорт — на 26,7 %. А благодаря реализации мер по параллельному импорту, в июне 2022 г. импортно-экспортная торговля сократилась на 7,6 % по сравнению с прошлым годом, а импортная торговля — на 14,6 % по сравнению с прошлым годом. В первой половине 2022 г. импортно-экспортная торговля снизилась на 6,3 % в годовом исчислении, а импортная торговля снизилась на 8,9 % [3]. Как видно, меры по параллельному импорту действительно стабилизировали торговую ситуацию на короткий период времени. И в то же время дефицит торгового баланса Беларуси улучшился за счет сокращения импорта.

Показатели импорта в России по состоянию на июль 2022 г. начали расти в сравнении с июнем текущего года, импорт увеличился в 2,5 раза [4]. Все это стало возможным благодаря налаживанию новых логистических маршрутов и сотрудничеству со странами Востока.

Лидерами по увеличению доли импорта стали, в основном, страны Азии. Китай — за июль 2022 г. а общий объем импорта достиг 6,7 млрд дол. США, что в 1,5 раза превышает показатели июня и даже на 22 % показатели 2021 г. в целом. Если же говорить о суммарном импорте за 7 месяцев 2022 г., то импорт увеличился до 97 млрд дол. США. Это на 29 % больше в сравнении с аналогичным периодом 2021 г. Индия — в июле объемы поставок увеличились на 25 % в сравнении с июнем 2022 г. Но достичь прежних показателей, зафиксированных в 2021 г., все равно не удалось. Южная Корея — общий объем импорта в июле составил 542 млн дол. США, что на 212 млн дол. США больше, чем в июне 2022 г. [5].

Азиатские страны стали важными торговыми партнерами для России и Беларуси в качестве альтернативы Европе. Если санкции сохранятся, торговля между Россией и Беларусью и странами Азии продолжит расширяться. «Параллельный импорт» станет важным инструментом для компенсации санкций. Для китайских экспортеров это будет благоприятной возможностью.

Китай стал еще одной страной, пострадавшей от торгового конфликта, который продолжается с 2018 г. и серьезно повлиял на нормальные торговые отношения между США и Китаем. И в отличие от России и Беларуси, Китаю необходимо решить проблему экспорта своей продукции, поэтому Китаю нужно расширять круг торговых партнеров. Зарубежные индустриальные парки Китая будут играть важную роль в смягчении последствий торгового конфликта.

В настоящее время Китай располагает 109 зарубежными индустриальными парками по всему миру. По данным Министерства коммерции Китая, к концу 2021 г. зарубежные зоны экономического и торгового сотрудничества, включенные в статистику министерства, располагались в 46 странах, а совокупный объем инвестиций китайского правительства и предприятий составил 50,7 млрд дол. США [4].

Согласно данным отчета об обзоре текущей ситуации и намерений китайских предприятий инвестировать за границу 2021 г. почти 80 % китайских предприятий сохранят и расширят свои намерения инвестировать за границу и с оптимизмом смотрят на перспективы выездных инвестиций [6].

Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» является крупнейшим проектом сотрудничества между Китаем и Беларусью и крупнейшим зарубежным индустриальным парком в Китае. В 2021 г. в индустриальном парке размещено 85 компаний, что на 17 компаний больше, чем в 2020 г. В 2021 г. индустриальный парк привлек 50,2 млн дол. США иностранных инвестиций, что на 13% больше, чем в предыдущем году, 87,9 млн дол. США экспорта, что на 15% больше, чем в предыдущем году, и 128,3 млн дол. США импорта, что на 31% больше, чем в предыдущем.

Очевидно, что развитие индустриального парка изначально является успешным и китайские компании имеют хорошие ожидания в отношении инвестиций и производства за рубежом. Ожидается, что в будущем индустриальные парки станут важным инструментом для обеспечения и расширения зарубежных интересов китайских компаний.

Китайские компании и средства массовой информации в целом считают, что после окончания эпидемии коронавируса инвестиции китайских компаний за рубежом резко возрастут, а зарубежные парки получат большое развитие. В краткосрочной перспективе эпидемия будет препятствовать развитию китайских предприятий за рубежом. В среднесрочной и долгосрочной перспективе, в то время, когда мировая экономика находится в состоянии стагнации, а экономика Китая стабильно развивается, мировой рынок остро нуждается в новой инъекции жизненной

силы, и зарубежные индустриальные парки будут эффективно способствовать реструктуризации и развитию промышленных цепочек китайских предприятий, а также эффективно стимулировать занятость и уровень производства в развивающихся странах.

Политические, экономические, культурные и социальные условия в странах и регионах в рамках инициативы «Один пояс, один путь» различны, а условия ведения бизнеса очень сложны. С другой стороны, эпидемия коронавируса заставила многие страны осознать риск вымирания их обрабатывающей промышленности, а глобальная цепочка поставок и промышленная цепочка перестраиваются ускоренными темпами, и многие европейские и американские страны ввели политику, направленную на стимулирование возвращения производственных предприятий, что очевидно в капиталоемких и технoемких отраслях. Из-за этого затрудняется привлечение капитала для развивающихся стран. Поэтому Китаю необходимо срочно ускорить развитие зарубежных индустриальных парков как для Китая, так и для других стран в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Строительство китайских индустриальных парков по-прежнему сталкивается со многими проблемами, поэтому предлагаем следующие рекомендации.

Во-первых, необходимо укрепить политические гарантии. Строительство зарубежных парков предполагает многогранное и глубокое сотрудничество и обмен между сотрудничающими странами в области политики, экономики и культуры, что включает в себя широкий спектр и множество согласованных мер и требует совместного содействия со стороны правительств двух стран для завершения. Особенно в настоящее время, когда геополитическая обстановка резко меняется, это создает определенные политические риски для корпоративных инвестиций. Необходимо усилить механизмы консультаций в регионах с большим количеством зарубежных парков, таких как Африка, Юго-Восточная Азия и Восточная Европа.

Во-вторых, следует усилить политику финансовой поддержки. Длительные циклы строительства и медленная окупаемость инвестиций являются важными особенностями строительства парков. Большинство зарубежных парков по-прежнему в той или иной степени испытывают трудности с финансированием. Филиалы китайских зарубежных банков развиты слабо, а каналы финансирования ограничены. Рекомендуется оказывать поддержку и помощь зарубежным паркам и предприятиям в регионе в плане финансового и кредитного финансирования, одновременно совершенствуя процедуры управления входящими средствами.

Содействовать сотрудничеству с местными финансовыми институтами для достижения международного финансирования.

В-третьих, усилить изучение политики в области расположения парка. Организовать изучение местной политики предприятиями в парках, использовать преимущества статуса заморских парков как особых экономических зон и зон свободной торговли для повышения уровня торговли и инвестиций между двумя сторонами, активно расширять импортно-экспортную деятельность и активно продвигать китайские бренды.

В-четвертых, следует укреплять культурные и научные обмены. Построить платформу обмена для предоставления рекомендаций предприятиям, заинтересованным в зарубежных инвестициях, и обеспечить канал для обмена между предприятиями в парке, а также сделать хорошую работу по продвижению их опыта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 1万亿美元! 俄罗斯在美资产将被冻结 美方:这是前所未有的制裁 = 1 триллион долларов! Российские активы в США будут заморожены США: это беспрецедентные санкции [Электронный ресурс] // Sina.com. — 25.02.2022. — Режим доступа: http://k.sina.com.cn/article_6145283913_v16e49974902001lu5s.html — Дата доступа: 28.07.2022 (на кит. яз).

2. 韩显阳. 俄以“平行进口”对抗美西方制裁 = Хань Сяньян: Россия использует «параллельный импорт» для противодействия санкциям США и Запада // 光明日报 = Guangming Daily. — 12.08.2022 (на кит. яз.).

3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/> — Дата доступа: 27.07.2022.

4. Акулов, А. Импорт товаров в Россию вырос после весеннего обвала / А. Акулов [Электронный ресурс] // газета.ru. — 25.08.2022. — Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/08/25/18407174.shtml>. — Дата доступа: 28.08.2022.

5. Ситуация с импортом в Россию в июле 2022 года улучшилась: кто нарастил поставки и на сколько [Электронный ресурс] // Банки сегодня. — 25.08.2022. — Режим доступа: <https://bankstoday.net/latest-news/situatsiya-s-importom-v-rossiyu-v-iyule-2022-goda-uluchshilas-kto-narastil-postavki-i-na-skolko>. — Дата доступа: 28.08.2022.

6. 方巍, 林汉川 = Фан Вэй, Линь Ханьчуань. 社会技术创新对中国海外工业园可持续发展的影响——东道国制度环境的调节效应 = Влияние социально-технических инноваций на устойчивое развитие зарубежных промышленных парков Китая: сдерживающий эффект институциональной среды принимающей страны // 中国流通经济 = Экономика Китая. — 2021. — Т. 35, № 12. — С. 62—75 (на кит. яз.).

7. 中国企业对外投资现状及意向调查报告(2021)年版 = Отчет об обзоре текущей ситуации и намерений китайских предприятий в отношении зарубежных инвестиций (2021 г.) // 中国国际商会 = Китайская палата международной торговли [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ccoic.cn/cms/content/35193>. — Дата доступа: 27.07.2022.

ВЛИЯНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОЦЕСС КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В. Д. Зайцева

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: victoriazaitseva1909@gmail.com*

В статье исследовано влияние нематериальных факторов стимулирования коммерциализации объектов интеллектуальной собственности на научную, научно-техническую и инновационную деятельность. На основе анализа мировой практики, а также результатов проведенного авторского анкетирования выявлен и обоснован потенциал использования нематериальных факторов с целью повышения позиций Республики Беларусь на мировом рынке объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; инновации; нематериальные факторы; коммерциализация объектов интеллектуальной собственности.

AN IMPACT OF INTANGIBLE FACTORS ON THE PROCESS OF COMMERCIALIZATION OF THE INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

V. D. Zaitseva

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: victoriazaitseva1909@gmail.com*

The article analyzes the impact of intangible factors of stimulating the commercialization of intellectual property objects on scientific, technical and innovative activities. Based on the analysis of the world practice, as well as the results of the author's survey, the potential for using of intangible factors in order to increase the position of the Republic of Belarus in the world market of the intellectual property objects has been identified and substantiated.

Keywords: intellectual property; innovations; intangible factors; commercialization of intellectual property objects.

Конкурентоспособность страны на мировом рынке и рост ее экономики в современных условиях во многом зависит от эффективности процесса создания объектов интеллектуальной собственности (далее — ОИС) и их коммерциализации.

Развитые и развивающиеся страны мира ежегодно увеличивают объемы инвестиций в инновационную деятельность. Об этом свидетельствуют данные Глобального инновационного индекса. В 2020 г. в странах с наибольшими расходами на НИОКР, по которым Всемирной организацией интеллектуальной собственности (далее — ВОИС) ведется анализ, продолжается рост

государственного финансирования. Глобальные корпорации, являющиеся во многих странах лидерами по расходам на НИОКР, увеличили общие расходы на НИОКР примерно на 10 % по сравнению с допандемийным периодом [1].

Результативность инновационной деятельности принято оценивать на основе количества созданных ОИС. Традиционно считается, что увеличение денежного финансирования НИОКР является обязательным условием роста результатов коммерциализации ОИС. Вместе с тем, следует отметить, что процесс коммерциализации ОИС зависит не только от фактора финансирования. В последние годы в исследованиях экспертов в области интеллектуальной собственности, таких как С. С. Лосев [2], А. Х. Абашидзе, В. С. Маличенко [3], отмечается, что существует ряд иных факторов, которые влияют на коммерциализацию ОИС. К ним относят нематериальные факторы, сущность которых заключается в творческом, организационном, моральном стимулировании, стимулировании свободным временем, обучением и элементами корпоративной культуры [4]. Среди таких факторов выделяют психологическую мотивацию авторов интеллектуальных разработок, военные, чрезвычайные ситуации, пандемии.

Особо показательна в этом отношении область медицинских разработок. Ответной «мерой» на растущее количество возбудителей заболеваний является увеличение числа исследований и разработок, и как следствие, патентов. Одновременно с этим, получив исключительное право на производство лекарственного препарата, становясь монополистами на рынке, производители повышают стоимость своих лекарственных средств, что встречается сопротивлением со стороны нуждающейся общественности и невозможностью его приобретения малоимущими слоями населения. С целью повышения доступности препаратов государства прибегают к использованию механизма принудительного лицензирования [2], когда компании вынуждены отдавать патенты на благо общества для расширения доступа населения к лекарственным средствам.

В 2012 г. Индия впервые использовала принудительное лицензирование с целью производства препарата для лечения рака почки. При этом уровень лицензионных платежей составил 6 % от объема продаж, а не 15 %, запрошенных держателем патента. В 1997 г. Бразилия приняла закон, разрешающий локальным компаниям производить лекарственные препараты без разрешения патентообладателя. Принудительное лицензирование широко распространено также в африканских странах [3]. При этом можно отметить, что принудительное лицензирование — тенденция не только развивающихся стран. Распространены случаи ис-

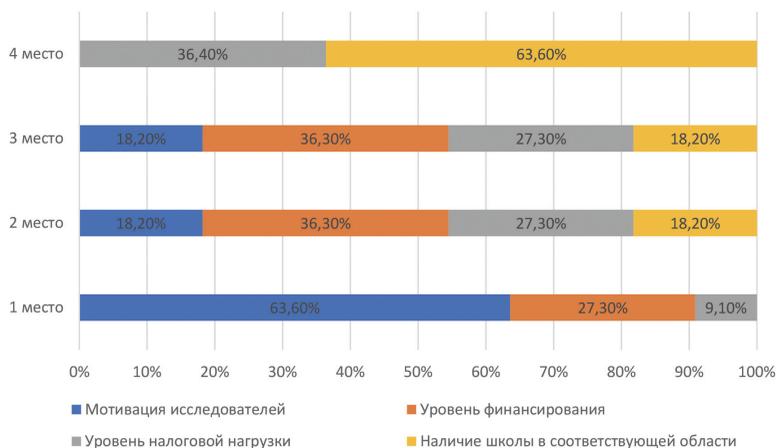
пользования такого лицензирования в США, Германии, Бельгии, Канаде и др. В Российской Федерации применение принудительного лицензирования предусмотрено законодательством в интересах обороны и безопасности, а также в случае недостаточного предложения товара [3]. Таким образом, принудительное лицензирование, с одной стороны, оказывает положительный эффект на социально менее защищенные слои населения. При этом такой вид лицензирования в долгосрочной перспективе может оказать негативное влияние на инвестиционную привлекательность страны. Примером является Российская Федерация, где с марта 2022 г. Правительство разрешило ввозить в страну ряд товаров иностранного производства без согласия правообладателей.

Патенты также могут использоваться как средство недобросовестной конкуренции как на уровне патентообладателей, так и на уровне государств. Например, обладая исключительным правом, патентообладатели могут препятствовать развитию отдельных областей науки, выходу конкурентов на рынок. На государственном уровне возникает социальный эффект широкого плана, когда, как в случае с пандемией *COVID-19*, вакцины не имеют одинакового признания во всех странах и права человека зависят от того, какой вакциной он привит.

Амбивалентность отношения к охране и защите ОИС (конфликт интересов правообладателя и общества, в т. ч. в условиях пандемии, санкций), опасения авторов о возможном использовании интеллектуальной собственности вне рамок коммерциализации (рост защиты в виде «ноу-хау»), скорость реагирования на вызовы геополитической обстановки, социальный эффект широкого плана — являются нематериальными факторами, существенно влияющими на процесс коммерциализации ОИС, что свидетельствует о необходимости разработки подходов оценки результативности инновационной деятельности с учетом таких факторов. Представляется перспективным провести анализ влияния нематериальных факторов на коммерциализацию ОИС в Республике Беларусь, с целью подтверждения гипотезы, что число патентов зависит не только от объемов денежного финансирования. Для этого было проведено авторское исследование в формате анкетирования. Изучались факторы, которые, по мнению респондентов имеют наибольшее влияние на коммерциализацию ОИС. Респондентами выступили сотрудники научно-практических центров Национальной академии наук Беларуси разного возраста, имеющие опыт патентования и реализации своих разработок на предприятии. В качестве вариантов ответов были предложены «уровень финансирования», «мотивация исследователей», «уровень налоговой нагрузки», «наличие школы

в соответствующей области», а также возможность написать свой вариант ответа.

Как показывают результаты анкетирования «Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности», мотивация исследователей является ведущим фактором нематериального стимулирования коммерциализации ОИС. На первое место мотивацию поставили более 60 % респондентов (см. рисунок). Уровень финансирования и уровень налоговой нагрузки расположились на втором и третьем месте соответственно. Обращает на себя внимание также тот факт, что наличие школы в соответствующей области на первое место не поставил ни один респондент.

Результаты авторского анкетирования «Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности»

И с т о ч н и к: собственная разработка.

Таким образом, мотивация исследователей как нематериальный фактор стимулирования коммерциализации ОИС играет существенную роль. При этом необходимо подчеркнуть, что представители научного сообщества не считают важным наличие научных школ, рассматривают исследователей как отдельную единицу и используют процесс коммерциализации как способ саморазвития, а не продвижения отдельных областей науки, разработок и продукции данной области, что является обязательным условием формирования имиджа и завоевания значимых позиций белорусскими товарами на внешнем рынке. Видится перспективным, помимо повышения уровня финансирования НИОКР, стимулировать работу с персоналом, в части донесения важности развития областей научных исследований и продвиже-

ния результатов этих областей на рынке ОИС, что в свою очередь будет способствовать формированию устойчивой мотивации исследователей для создания и коммерциализации ОИС в контексте развития рынка ОИС на территории Республики Беларусь и за ее пределами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глобальный инновационный индекс 2021 г.: инвестиции в инновации демонстрируют устойчивость несмотря на пандемию COVID-19; Швейцария, Швеция, США, Соединенное Королевство и Республика Корея являются лидерами рейтинга; Китай приближается к первой десятке [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. — 20.09.2021. — Режим доступа: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2021/article_0008.html. — Дата доступа: 28.08.2022.
2. Лосев, С. С. Принудительные лицензии и доступ к лекарственным препаратам / С. С. Лосев // Наука и инновации. — 2020. — № 8. — С. 58—64.
3. Абашидзе, А. Х. Применение принудительного лицензирования лекарственных средств в соответствии с международными и национальными нормами права / А. Х. Абашидзе, В. С. Маличенко // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Юрид. науки. — 2019. — Т. 23, № 1. — С. 62—79.
4. Осеев, А. А. Материальные и нематериальные формы стимулирования труда персонала на высокотехнологичных предприятиях (на примере АО «АВТОВАЗ») / А. А. Осеев, А. С. Рудакова // Социология. — 2020. — № 3. — С. 148—161.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

М. Д. Иванова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: mariya_ivanova04@mail.ru*

На современном этапе интеллектуальная собственность является одним из основных элементов международной торговли. Выделены возможные пути совершенствования в сфере защиты интеллектуальной собственности в условиях таможенной территории ЕАЭС. Рассмотрены такие методы, как технологии аутентификации товаров для различия подлинных и поддельных товаров; технологии отслеживания для контроля цепочек поставок и распределения, чтобы облегчить обнаружение поддельных товаров в цепочке поставок, поступающих через законный канал распределения; технологии анализа веб-сайтов электронной коммерции, которые могут быть использованы для выявления продавцов контрафактной продукции и настройки организационной структуры и процессов.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; экономическая безопасность; защита рынка; недобросовестная конкуренция; контрафакт; фальсификация.

PROBLEMS AND PROSPECTS IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN THE CONDITIONS OF THE CUSTOMS TERRITORY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

M. D. Ivanova

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: mariya_ivanova04@mail.ru*

At the present stage, intellectual property is one of the main elements of international trade. Possible ways to improve the protection of intellectual property in the customs territory of the EAEU are given. Methods such as product authentication technologies to distinguish genuine and counterfeit goods; tracking technologies to control supply chains and distribution to facilitate the detection of counterfeit goods in the supply chain coming through a legitimate distribution channel are considered; e-commerce website analysis technologies that can be used to identify sellers of counterfeit products and customize organizational structure and processes.

Keywords: *intellectual property; economic security; market protection; unfair competition; counterfeit; falsification.*

В современных условиях в качестве одного из главнейших факторов благополучного функционирования каждого государства выступает международное сотрудничество, направленное на различные сферы общественных отношений. Данная сфера близко затрагивает такое направление, как защита интеллектуальной собственности, в том числе противодействие контрабанде и контрафакту.

11 декабря 2020 г. было подписано решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Положения данного документа также коснулись сферы защиты интеллектуальной собственности. Так, в соответствии с пунктом 5.5 должна осуществляться «цифровая трансформация в сфере интеллектуальной собственности в рамках Союза» [1, с. 13]. В частности, в соответствии с пунктом 5.5.1. — «Создание сервисов, позволяющих осуществлять в режиме онлайн поиск информации об объектах промышленной собственности, охраняемых в государствах-членах» [1, с. 9] и пунктом 5.5.2. — «Выработка в рамках Союза согласованных подходов к борьбе с нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [1, с. 9]. А также в соответствии с пунктом 11.7.6. — «Развитие сотрудничества с Всемирной организацией интеллектуальной собственности в рамках Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Всемирной

организацией интеллектуальной собственности от 7 мая 2019 г. (обмен информацией, участие в мероприятиях)» [1, с. 9].

В этой связи, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672 утверждена Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года (Стратегия). Стратегия затрагивает важнейшие направления совершенствования национальной системы интеллектуальной собственности, в том числе цели и задачи государственной политики в сфере интеллектуальной собственности [2]. Реализация Стратегии позволяет эффективно использовать систему управления интеллектуальной собственностью и преобразовывать исследовательские и творческие достижения в один из главных ресурсов экономического роста.

Развитие международной торговли в рамках ЕАЭС, с одной стороны, устраняет административные и финансовые препятствия (в виде импортных пошлин и сборов) для увеличения товарооборота между государствами, с другой стороны, создает условия для поставок различных видов контрафактной и опасной контрафактной продукции. Однако специфика рынка контрафакта заключается в том, что объем подделок не может быть точно рассчитан. Ведь для получения точных данных необходимо провести большое количество контрольных закупок каждой группы товаров по всей территории государств-членов Союза, провести экспертизу подлинности приобретенной продукции, получить подтверждение от владельцев товарных знаков и только после этого произвести расчет. Поэтому при подсчете данных эксперты опираются на статистику фальсификаций, выявленных правоохранительными органами, количество судебных дел, мнение органов государственного управления и результаты опросов общественного мнения. Все эти данные не дают полной картины и часто недооцениваются.

«Интернет-площадки становятся новым «многообещающим» каналом распространения подделок. Преступникам проще скрыться от ответственности во всемирной паутине под анонимным телефонным номером, а обманывать клиентов легче на расстоянии. Потребитель не может провести визуальный осмотр товара до момента покупки, изучить сертификаты и лицензию продавца» [3].

В этой связи, представляется целесообразным проведение определенных мероприятий в целях защиты рынка государств-членов ЕАЭС от контрафактной и контрабандной продукции, и в том числе защиты объектов интеллектуальной собственности как инструмента борьбы с недобросовестной конкуренцией на таможенной территории ЕАЭС.

Существует настоятельная необходимость повышения осведомленности о масштабах проблемы контрафактной и контрабандной продукции. Ответственность за это широко распространена, и органы здравоохранения, торговые организации, группы потребителей и заинтересованные граждане государств — членов ЕАЭС могут сыграть свою роль в информировании людей о рисках для здоровья и безопасности контрафактных товаров [4]. Например, частные компании, участвующие в этой торговле, должны быть перечислены, и их деятельность должна широко освещаться в средствах массовой информации.

Правоохранительные органы государств — членов ЕАЭС должны действовать сообща, а также занимать более жесткую позицию по отношению к производителям и поставщикам контрафактной продукции, и эта позиция в конечном итоге должна быть подкреплена адекватным и всеобъемлющим законодательством. Скоординированные действия на уровне государств — членов Союза имеют жизненно важное значение для выявления, расследования и судебного преследования этих таких преступлений. Одна из таких областей, в которой отсутствуют меры, — это мошеннические интернет-аптеки. Целесообразным считаем уделить этой области большее значение. Необходимо тщательно проверять такие интернет-аптеки путем хорошей системы мониторинга для отслеживания источников потенциального нарушения и захвата IP-адресов, а также создать четкий протокол о том, что должно быть сделано и каким законным путем.

Все компании государств — членов ЕАЭС должны регистрировать и поддерживать соответствующие права интеллектуальной собственности и обеспечить их внесение в таможенный реестр.

Важно регулярно отслеживать рынок, в том числе Интернет-рынок, на предмет возможных нарушений и принимать досудебные меры (например, отправлять письма с предупреждениями, вести переговоры с нарушителями и получать письменные обязательства от нарушителей).

Существует необходимость в создании единого органа государств — членов ЕАЭС, который будет заниматься защитой интеллектуальной собственности. В обязанности такого органа будет входить обязанность принимать жалобы от всех, включая владельцев брендов, которые считают, что они столкнулись с нарушением прав на товарные знаки, и проводить проверки, где это уместно. Такой орган будет иметь право издать приказ о прекращении производства или продажи продукции, или конфисковать продукцию, наложить штраф, равный стоимости продукции, которая была произведена, ввезена или продана, аннулировать

лицензию на предпринимательскую деятельность нарушителя и передать дело в правоохранительные органы для возможного уголовного преследования в соответствии с уголовным законодательством. Что касается онлайн-нарушений, в обязанности органа будет входить создание механизмов на онлайн-платформах, с помощью которых правообладатели могут подавать жалобы на нарушителей и требовать удаления контента.

Сегодня новые технологии, безусловно, создали новые проблемы. Например, рост трехмерной (3D) печати значительно облегчает копирование, в то время как 3D-принтеры потенциально облегчают нарушителям перемещение производственных помещений. Еще одна возможная проблема заключается в том, что нарушители теперь могут отправлять инструкции клиентам, владеющим 3D-принтерами, что позволяет им самим производить контрафактную продукцию в своих собственных домах. Затраты на преследование таких лиц в большинстве случаев превысят выгоду от любого успешного иска о возмещении ущерба. Таким образом, правоохранительным органам государств-членов Союза рекомендуется хорошо подготовиться и проявлять инициативу. Будь в курсе последних технологических тенденций — особенно тех, которые связаны с использованием или эксплуатацией интеллектуальной собственности.

Кроме того, в рамках взаимодействия государств — членов ЕАЭС необходимо повысить осведомленность потребителей о низком качестве и потенциальной опасности контрафактных товаров, общаться с менеджерами крупных торговых центров и онлайн-торговых площадок. Кроме того, применение технических средств (например, голограмм, смарт-карт, биометрических маркеров и чернил) может быть полезно для защиты и аутентификации подлинных продуктов. В конечном счете, превентивные меры помогают сократить количество контрафактных товаров на рынке и сэкономить время и затраты, связанные с дальнейшими судебными исками.

Есть необходимость в создании общих на рынке ЕАЭС технологических упаковочных устройств для борьбы с подделкой. Такие устройства будут преследовать, по существу, две цели: затруднить способность нарушителей копировать продукцию компании и сделать продукт легко идентифицируемым как подлинный. Компании должны стремиться сделать свою продукцию более трудной для копирования, например, путем скрытой маркировки, которая может быть встроена в упаковку и которые очень трудно воспроизвести. Это можно сделать путем использования таких маркеров безопасности, которые не являются легко видимыми. Такие как флуоресцентные чернила, которые становятся

видимыми только при воздействии ультрафиолетового света, и магнитные метки, присутствие которых может быть обнаружено только в низкочастотных магнитных полях. Для потребителей необходимо создать приложение, которое позволит прямо в магазине проверить товар на наличие таких меток.

Кроме того, недавние прорывы в технологии радиочастотной идентификации (далее — *RFID*) предлагают компаниям гибкий вариант, который одновременно удобен и прост в использовании. Аналогично концепции штрихового кодирования, *RFID*-устройства, такие как бирка или этикетка, могут быть встроены в продукт, а затем радиоволны используются для передачи данных на считыватель, чтобы идентифицировать продукт как подлинный. Предоставление таких считывателей производителям, дистрибьюторам, розничным торговцам и/или сотрудникам позволяет им легко отличить законный продукт от поддельного. Такой способ также должен быть внедрен в приложение.

Недостатком будет являться то, что переупаковка повышает стоимость единицы, и это должно быть сбалансировано со многими преимуществами.

В современных условиях, велик риск контрабанды товаров, попадающих под санкции. В этой связи необходимо все возможные методы борьбы, такие как экономические, предусматривающие взаимодействие приграничных государств; организационные, устанавливающие порядок лицензирования международных перевозок, определение квот; технические, объединяющие компьютеризированные средства контроля, специальные маркировки и упаковку; информационные, заключающиеся в своевременной и оперативной передаче данных сотрудникам таможенных органов [5]. Важным шагом для решения проблемы контрабанды станет единая информационная система, в которой будут отражаться все декларационные документы государств — членов ЕАЭС.

В том числе, государствам-членам ЕАЭС необходимо сосредоточить усилия на выполнении мероприятий «цифровой трансформации в сфере интеллектуальной собственности в рамках Союза» согласно Стратегическим направлениям развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: Решение Высшего Евразийского экономического совета, 11 декабря 2020 г., № 12 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
2. О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года: постановление Совета Министров Респ. Бела-

рус 24 ноября 2021 г. № 672 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

3. Леанович, Е. Б. Международная охрана интеллектуальной собственности на современном этапе глобализации: монография / Е. Б. Леанович. — Saarbrücken: LAB publishing, 2011. — 95 с.

4. Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2018 год г. Москва, 2019 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Documents.pdf>. — Дата доступа: 02.09.2022.

5. Risks and safety in rapidly changing world: materials of the VI international scientific conference on May 10–11, 2018 — Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. — 38 p.

АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ НА ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Е. А. Пашук¹⁾, Л. И. Тарарышкина²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: katrin.pashuk@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: tararyshkina@rambler.ru*

В статье рассматривается развитие электронной торговли в условиях цифровой трансформации, выделены тенденции и аспекты развития электронной торговли в мире и на таможенной территории ЕАЭС. Отражены главные направления регулирования электронной торговли в ЕАЭС.

Ключевые слова: *электронная торговля; цифровая трансформация; цифровизация; таможенная территория ЕАЭС; оператор электронной торговли; товары электронной торговли.*

ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF E-COMMERCE IN THE CUSTOMS TERRITORY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

K. A. Pashuk^a, L. I. Tararyshkina^b

*^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: katrin.pashuk@gmail.com*

*^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: tararyshkina@rambler.ru
Corresponding author: K.A. Pashuk (katrin.pashuk@gmail.com)*

The article discusses the development of e-commerce in the context of digital transformation, highlights the trends and aspects of the development of e-commerce in the world and in the customs territory of the EAEU. The main directions of regulation of e-commerce in the EAEU are reflected.

Key words: *e-commerce; digital transformation; digitalization; customs territory of the EAEU; e-commerce operator; e-commerce goods.*

В последние годы ни одно явление не повлияло на деловой мир так, как цифровая трансформация. Цифровизация ведет к глубоким изменениям в экономике, а коронавирусный кризис ускоряет это развитие. В последние месяцы электронная торговля растет темпами выше среднего. Например, розничная торговля выигрывает от многоканальных концепций, которые используются для предложения, продвижения и продажи товаров не только в розничном магазине, но и в сети. Это включает в себя цифровые элементы в бизнесе, такие как виртуальная примерка, цифровые варианты оплаты или даже программы лояльности клиентов с цифровой поддержкой. Многие компании в секторе торговли: от международных дилеров, которые продают исключительно через Интернет, до небольших стартапов, работающих в особых нишах — используют цифровизацию для стимулирования продаж и поддержания занятости по всему миру. Цифровые каналы — это не только возможность выхода на зарубежные рынки, но и необходимость сегодня. Однако несмотря на все преимущества, есть и некоторые проблемные вопросы в этой области. Отметим, что на сегодняшний день в государствах-членах ЕС и ЕАЭС работают параллельные комнаты обсуждения вопросов электронной торговли.

Цифровая трансформация дает традиционной отрасли новые возможности для инновационных услуг в дополнение к новым конкурентам. Воздействие на бизнес-модели, цепочки создания стоимости, процессы и технологии играют не менее важную роль, чем трансформация самой компании. Стремительный рост международной электронной торговли заставляет компании переосмысливать традиционные бизнес-модели. Многоканальность или омниканальность — это темы, с которыми компаниям в сфере международной торговли также приходится иметь дело, чтобы продержаться на рынке. Разумное сочетание стационарных элементов с онлайн-контентом является ключом к сохранению конкурентоспособности в цифровой конкуренции.

В 2021 г. глобальные продажи электронной торговли составили почти 5 трлн дол. США [1], что доказывает, что электронная торговля становится все более прибыльным вариантом для бизнеса. Фактически, в период 2014—2021 гг. средний темп роста продаж электронной торговли составил 23,1 % [2].

Электронная торговля является одной из самых динамичных и быстрорастущих отраслей в мире. Только в Республике Беларусь продажи товаров, заказанных онлайн, в 2021 г. увеличились на 25 % по сравнению с предыдущим годом [3].

Исследования показывают, что Интернет-магазины могут увеличить свои продажи в среднем на 10—15 %, просто продавая

свои товары или услуги на международном уровне. Но каким бы прибыльным ни был международный бизнес, существуют потенциальные риски, которые могут стоить компаниям больших денег. Так как продажа за границей не совсем тривиальна и сопряжена со многими проблемами: на пути к успешной стратегии интернационализации необходимо учитывать особенности страны, такие как валюта, язык, способы оплаты, таможенное оформление или общие правовые условия. Доверие клиентов к соответствующему онлайн-продавцу, доступность продуктов и привлекательные предложения в сочетании с удовлетворительным обслуживанием клиентов и быстрой и надежной обработкой покупок составляют основу устойчивого и успешного расширения международной электронной коммерции.

В связи с этим мы рассмотрим некоторые из главных тенденций в развитии международной электронной торговли в 2022 г. в мире и определим их влияние на развитие электронной торговли в ЕАЭС.

Во-первых, ожидается, что развивающиеся рынки, такие как Индия, Китай, Бразилия, Россия и Южная Африка, будут занимать значительное место в будущем электронной торговли. По оценкам экспертов, к 2023 г. около 3 млрд потенциальных покупателей из развивающихся рынков будут иметь доступ к Интернету. Кроме того, ожидается, что 20 % всех продаж в 2023 г. будут приходиться на покупателей, находящихся на этих развивающихся рынках, что обуславливает много потенциальных продаж. И важно отметить, что многие из этих рынков все еще относительно не освоены действующими в сфере электронной коммерции компаниями. А это означает, что у существующих компаний есть большой потенциал для диверсификации и охвата новой аудитории, а у новых брендов электронной коммерции есть много возможностей для выхода на эти развивающиеся рынки и адаптации своих услуг к местной аудитории.

В связи с этим необходимо выработать общие подходы к созданию благоприятных условий для развития электронной торговли на таможенной территории ЕАЭС. «С 2020 г. в ЕАЭС ведется активная работа по внесению изменений в правовое поле ЕАЭС в части регулирования внешней электронной торговли. Первым шагом стало выделение в Таможенном кодексе ЕАЭС отдельного администрирования товаров электронной торговли. Основной новеллой является создание нового института — оператора электронной торговли. В связи с тем, что электронная торговля в рамках ЕАЭС — направление новое, было принято Распоряжение Совета ЕЭК от 5 апреля 2021 г. № 7 «Об отдельных вопросах проведения в государствах — членах Евразийского эконо-

номического союза пилотного проекта (эксперимента) в области внешней электронной торговли товарами». Оно дало старт проведению в государствах-членах ЕАЭС пилотных проектов (экспериментов) в соответствующей сфере. В ходе этих экспериментов будет протестирована новая передовая технология таможенного оформления товаров электронной торговли, доставляемых почтовыми операторами и экспресс-перевозчиками» [4]. Отметим, что в Республике Беларусь пилотный проект в области внешней электронной торговли товарами был запущен в феврале 2022 г.

Во-вторых, электронная торговля постепенно автоматизируется. Автоматизация электронной почтовой пересылки является ключевым элементом онлайн-бизнеса, который становится все более и более важным. Это прослеживается от автоматизации маркетинга до складирования. В современном мире в каждом отделе или бизнес-подразделении есть элементы, которые можно в той или иной степени автоматизировать. Эта тенденция хороша тем, что высвобождает время и ресурсы сотрудников для более важной работы. Например, компании, у которых есть большие склады, могут инвестировать в робототехнику. Таким образом, они становятся более эффективными и могут использовать персонал для выполнения более важных задач. Управление цепочками поставок может выиграть от программного обеспечения для автоматизации, которое может планировать оповещения о запасах для повторного заказа, когда запасы заканчиваются. Возможности автоматизации в электронной торговле практически безграничны.

В ЕАЭС на первых этапах автоматизации электронной торговли был введен институт операторов электронной торговли, который:

— «передает сведения о товарах в таможенный орган от зарубежных Интернет-магазинов»;

— «осуществляет таможенное декларирование товаров электронной торговли»;

— «исчисляет и уплачивает таможенные платежи»;

— «доставляет и помещает товары электронной торговли на таможенный склад, хранит их на складе до выдачи физическим лицам (при поставке товаров через «бондовый» склад)»;

— «информирует зарубежные Интернет-магазины о необходимости размещения на их сайтах заявлений (нотификаций) о соблюдении требований технических регламентов ЕАЭС, обеспечивает их проверку и передачу для целей мониторинга в органы государственной власти» [5].

Оператор электронной торговли определяется государством-членом ЕАЭС. В Республике Беларусь такими операторами выступают РУП «Белпочта», РУП «Белтаможсервис», ООО «Рузэксспе-

диция», ЗАО «Чайна Мерчантс СиЭйчЭн-БиЭлАр Коммерческая и Логистическая Компания». Также важно обозначить, что была введена соответствующая декларация — декларация на товары для экспресс-грузов. Такая декларация в отношении товаров электронной торговли заполняется оператором электронной торговли.

В-третьих, одной из прогрессивных тенденций в электронной коммерции является увеличение числа центров доставки и выполнения заказов по всему миру. В результате эти центры по всему миру становятся все более интеллектуальными и автоматизированными. Эти сети с полным спектром услуг гарантируют быструю доставку, доступ к данным в режиме реального времени.

В этой связи в ЕАЭС обеспечена реализации товаров электронной торговли с территории таможенных складов, введен уведомительный порядок применения технического регулирования и обеспечена возможность предоставления нулевой процентной ставки НДС при экспорте.

Однако Евразийский экономический союз не ограничивается только этими нововведениями. По словам члена Евразийской экономической комиссии Ильи Павловича Кабанова, начальника отдела регулирования электронной торговли и маркировки товаров Департамента таможенно-тарифного и нетарифного регулирования ЕЭК, предусмотрен единый цифровой профиль, который не будет ограничивать производителя или продавца одной площадкой ЕАЭС. Имея такой профиль, продавец сможет выйти на любую площадку в рамках ЕАЭС. Также в целях устранения барьеров в рамках взаимной торговли будет продолжаться цифровизация электронного документооборота. Кроме этого планируется создание саморегулирующей организации союзного уровня в рамках электронной торговли, которая будет формировать внутренние стандарты. И в завершение, предполагается продвижение на внешние платформы ООН, ВТО и ЮНКТАД, где электронная торговля находится на повестке дня, в целях выработки единого баланса интересов.

Таким образом, опираясь на мировые тенденции развития торговли в условиях цифровой трансформации в ЕАЭС на сегодняшний день выработаны концептуальные направления регулирования электронной торговли, а именно: введен институт оператора электронной торговли; введена декларация товаров электронной торговли; товары, приобретенные в рамках внешней электронной торговли, выделены в отдельную категорию товаров, с определением особенностей ее регулирования; учтена возможность реализации физическим лицам товаров электронной торговли с использованием таможенных («бондовых») складов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Global Ecommerce Sales Growth Report for 2020—2025 [Electronic resource] // Global Ecommerce blog. — Mode of access: https://www.shopify.com/blog/global-ecommerce-sales?prev_msid=08b7b30a-00b9-4159-299c-07dd1140439a&_ga=2.75581461.1463797449.1662298599-1699317734.1662199129. — Date of access: 04.09.2022.
2. Walker-Ford, M. The Future of eCommerce: 60 Stats and Trends for 2019 and Beyond [Infographic] / M. Walker-Ford [Electronic resource] // Social Media Today. — 19.09.2018. — Mode of access: <https://www.socialmediatoday.com/news/the-future-of-ecommerce-60-stats-and-trends-for-2019-and-beyond-infograph/532576/>. — Date of access: 04.09.2022.
3. В Беларуси доля e-commerce приблизилась к 6 % розничного товарооборота [Электронный ресурс] // Office Life. — 28.12.2021. — Режим доступа: <https://officelife.media/news/23242-obem-rynka-e-commerce-v-belarusi-vyros-do-2-3-mlrd-rublej-v-2020-godu/part3/>. — Дата доступа: 04.09.2022.
4. Проведение пилотного проекта в области внешней электронной торговли [Электронный ресурс] // Белтаможсевич. — 05.04.2022. — Режим доступа: <https://declarant.by/ru/news/provedenie-pilotnogo-proekta-v-oblasti-vneshney-elektronnoy-torgovli/>. — Дата доступа: 04.09.2022.
5. Единая таможенная территория — О реализации в государствах — членах Союза пилотного проекта (эксперимента) в области внешней электронной торговли товарами [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/b7b/n.-Pilotnyy-proekt-v-oblasti-vneshney-elektronnoy-torgovli-tovarami.pdf>. — Дата доступа: 04.09.2022.

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Л. И. Тарарышкина¹⁾, А. В. Рудницкая²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: tararyshkina@gambler.ru*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: sasharudni@mail.ru*

Процветание любой страны зависит от уровня ее экономического развития. Происходящие сейчас IT-трансформации способствуют появлению новых типов особых экономических зон — создаются не только высокотехнологичные зоны и цифровые кластеры, но и специализированные зоны развития робототехники, а также цифровые зоны свободной торговли, являющиеся симбиозом физической и виртуальной особой зоны, что способствует развитию конкурентного фискального регулирования в IT-секторе разных стран. Особенностью данных территорий является концентрация приоритетных высокотехнологичных направлений. В статье проводится исследование существующих тенденций в цифровом развитии особых экономических зон. По результатам анализа сделаны выводы о возможности развития международных транзитных коридоров.

Ключевые слова: свободные экономические зоны; международные транзитные коридоры; IT кластеры; высокотехнологичные зоны; предпочтения.

FREE ECONOMIC ZONES IN THE AGE OF DIGITALIZATION

L. I. Tararyshkina^a, A. V. Rudnitskaya^b

^a Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: tararyshkina@rambler.ru

^b Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: sasharudni@mail.ru

Corresponding author: A. V. Rudnitskaya (sasharudni@mail.ru)

The prosperity of any country depends on the level of its economic development. The ongoing IT transformations are contributing to the emergence of new types of special economic zones — not only high-tech zones and digital clusters are being created, but also specialized zones for the development of robotics, as well as digital free trade zones, which are a symbiosis of a physical and virtual special zone, which contributes to the development of competitive fiscal regulation in IT sector of different countries. A feature of these territories is the concentration of priority high-tech areas. The article conducts a study of existing trends in the digital development of special economic zones and the possible development of international transport corridors. Based on the results of the analysis, conclusions were drawn about the possibility of developing international transport corridors.

Keywords: free economic zones; international transport corridors; IT clusters; high-tech zones; preferences.

В развивающихся странах на протяжении последних лет свободные экономические зоны (СЭЗ) играют значительную роль в привлечении иностранных инвестиций, создании рабочих мест, решении задач народного хозяйства на государственном уровне, таких как улучшение торгового баланса, внедрение в производство высокотехнологичных технологий и др. Концепция свободных экономических зон восходит к 1950-м гг., когда они еще назывались зонами экспортной обработки, а затем свободными зонами. Аэропорт Шеннон в Ирландии, Южный Дубай в Объединенных Арабских Эмиратах и Сямынь в Китае свободных экономических зон вот лишь некоторые примеры. Именно благодаря работе в поддержку глобализации их многочисленность и важность можно по-настоящему ощутить.

Анализируя множество различных терминов, определение понятия СЭЗ можно сформулировать следующим образом: СЭЗ представляет собой географически определенное и ограниченное пространство, обладающее рядом преимуществ, характерных для местоположения [1].

Быстрое расширение и экономическое влияние СЭЗ, особенно зон экспортной переработки, задокументировано в многочисленных исследованиях. По данным *PriceWaterhouseCoopers (PwC)*, в 1997 г. насчитывалось 845 СЭЗ на 93 рынках по всему миру, а в 2018 г. их число увеличилось до 5400 на 147 рынках с более чем

68 млн рабочих мест, что составляет более 500 млрд дол. США прямой добавленной стоимости, связанной с торговлей, в пределах СЭЗ [2].

Безусловно, хотелось бы выделить Китай, который был одним из первых сторонников СЭЗ. Страна превратилась из закрытой экономики с небольшим взаимодействием за пределами своих границ в рейтинг второй по величине экономики после США с таким ростом из-за экономического развития, разбросанного по разным вертикалям. Китай и Шэньчжэнь являются примерами успешного внедрения СЭЗ, способствующих экономическому развитию (см. таблицу).

В марте 2015 г. в г. Ханчжоу была создана первая в Китае комплексная экспериментальная зона трансграничной электронной коммерции. Развитие комплексной экспериментальной зоны международной электронной коммерции — строительство центров инноваций, сервисов и больших данных, обладающих международной конкурентоспособностью в сфере интернет-торговли, позволило создать оптимальные условия для превращения г. Ханчжоу в стратегический центр на «Цифровом Шелковом пути» (*Digital Silk Road*). В 2016 г. основатель и глава *Alibaba* Джек Ма впервые предложил концепцию «e-WTP» (электронной мировой торговой платформы), призванной содействовать развитию и объединению среднего, малого и микробизнеса во всем мире, а также стимулировать всемирную торговлю, способствуя экспансии КНР и формируя новые правила глобальной торговли.

Опыт мультимедийного супер-коридора Малайзии (*MSC Malaysia*) является одним из примеров реализации успешных проектов в IT-секторе. ОЭЗ *MSC Malaysia* внесла существенный вклад в развитие не только цифровой экономики Малайзии, но и ее ВВП [3, р. 9]. В 2017 г. в Малайзии с целью содействия развитию IT-технологий запущены Малайзийский цифровой центр и при содействии *Alibaba* первая в мире цифровая зона свободной торговли [4, р. 153].

По состоянию на 2018 г. благодаря 3241 компании IT-сектора, функционирующих в ОЭЗ *MSC Malaysia*, было создано более 167 тыс. рабочих мест, при этом объем выручки составил 11,2 млрд дол. США [5].

Развитие информационных кластеров на сегодняшний день стало частью политики инновационного технологического развития стран. Одним из успешных примеров является Силиконовая долина, которая получает треть всех венчурных инвестиций в США и является родиной многих всемирно известных компаний отрасли — *Intel*, *Apple*, *Cisco*, *Yahoo*, *eBay* и др. [см.: 6].

Развитие и расположение СЭЗ в Китае

Этапы внедрения	Год	Месторасположение	Цель
СЭЗ 1-го этапа (четыре города)	1979	<i>Shenzhen, Zhuhai, Shantou, Xiamen</i> , Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямьнь	Обеспечить более широкую гибкость прибрежных провинций Гуандун и Фуцзянь для привлечения иностранных инвестиций в четырех городах
СЭЗ 2-го этапа (14 прибрежных городов)	1984	Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Ляньюньган, Наньтун, Шанхай, Нинбо, Вэньчжоу, Фучжоу, Гуанчжоу, Чжаньцзян, Бэйхай	Китай также открыл 14 прибрежных городов для зарубежных инвестиций, чтобы обеспечить большую гибкость прибрежным провинциям.
СЭЗ 3-го этапа (восемь прибрежных районов/регионов)	1988	Остров Хайнань, Дельта реки Янцзы, Дельта Жемчужной реки, Треугольник Сямьнь – Чжанчжоу – Цюаньчжоу, Полуостров Шаньдун, Полуостров Ляодун, Провинция Хэбэй, Гуанси-автономный район	Превращение острова Хайнань в крупнейшую особую экономическую зону Китая и расширить остальные четыре особые экономические зоны
СЭЗ 4-го этапа	1990	Новый район Пудун в Шанхае	Китайское правительство открыло новый район Пудун в Шанхае для иностранных инвестиций
СЭЗ 5-го этапа	1992	15 зон свободной торговли, 32 государственных зоны экономического и технологического развития, 53 высокотехнологичные промышленных зоны	Государственный совет открыл несколько пограничных городов. Кроме того, в крупных и средних городах созданы 15 зон свободной торговли, 32 зоны экономического и технологического развития государственного уровня, 53 зоны нового и высокотехнологического промышленного развития. Поскольку эти открытые районы проводят различную преференциальную политику, они играют двойную роль «окон» в развитии ориентированной на зарубежную экономику, генерируя иностранную валюту за счет экспорта продукции и импорта передовых технологий, а также ускоряя внутреннее экономическое развитие.
СЭЗ 6-го этапа	2010	Кашгар в Синьцзяне	Государственный совет определил город Кашгар в Синьцзяне как СЭЗ. Кашгар находится недалеко от границы Китая с независимыми государствами бывшей советской Центральной Азии, и ОЭЗ стремится извлечь выгоду из международных торговых связей между Китаем и этими государствами.

И с т о ч н и к: составлено автором на основании [4].

Проблема СЭЗ демонстрируется во многих исследованиях ведущих ученых на протяжении многих лет, она все же мало изучена. Основные исследования опираются в основном на развитие СЭЗ в ЕАЭС и Китае, однако и опираясь на них, трудно выявить конкретные предложения по использованию инструментов для развития СЭЗ. Среди ряда исследований в последние годы значительный акцент посвящен и стратегии развития транспортно-логистических кластеров, а также их интеграции в структуру транспортных коридоров.

Именно СЭЗ, которые обычно расположены на транспортных узлах или на наиболее активных участках транспортных маршрутов, могут дать импульс развитию международных транспортных коридоров (МТК).

Положительное влияние ОЭЗ на эффективность транспортного маршрута характеризуется не только дополнительным объемом производства [5]. Еще больше здесь влияет структура грузовой базы, поставляемой СЭЗ. Как правило, грузовая база представлена готовой наукоемкой продукцией с высокой добавленной стоимостью и реализуемой стоимостью. Поэтому продукция переводится перевозчиком в класс повышенного тарифа без каких-либо возражений со стороны грузовладельца. Грузовладелец выбирает маршрут в зависимости от размера полученной прибыли.

Для включения в систему МТК отечественным перевозчикам необходимо интенсивно повышать технико-технологический уровень и создавать соответствующую систему связи, добиваться необходимой организации коммуникаций на всем пути следования грузов. Особое внимание следует уделить развитию мультимодальных перевозок и организации эффективного взаимодействия всех видов транспорта. Ведь мультимодальность дает возможность организовать и использовать новые научно-технические и технологические разработки в области специализации транспортных систем, создания новых комплексных транспортных технологий и складской обработки грузов, а также в оптимизации транспортных расходов.

Взаимодействие различных видов транспорта при мультимодальных (смешанных) перевозках является проблемой многих лет. Конкретные особенности устройства и эксплуатационные характеристики каждого вида транспорта влияют на их взаимодействие. Отечественная и зарубежная практика показывает, что организовать переброску грузопотоков с одного вида транспорта на другой без простоя транспортных средств практически невозможно, поэтому промежуточное хранение грузов становится необходимым.

В заключение, системный подход к решению проблем транзитных перевозок будет способствовать развитию сферы услуг. Придорожные гостинично-информационные услуги, туристско-развлекательная инфраструктура, здравоохранение и правоохранительная служба, народные и экологические промыслы будут более востребованы на трансграничной территории района. Происходящие сейчас IT-трансформации способствуют появлению новых типов особых экономических зон, территории которых являются концентрацией приоритетных высокотехнологичных направлений, использующих передовые IT-технологии — информационные инновации, биотехнологии, новые технологии материалов, роботизацию, а также развитие онлайн-среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Aggarwal, A. SEZs and economic transformation: towards a development approach / A. Aggarwal // Transnational Corporations. — 2019. — Vol. 26, N 2. — P. 27–48.
2. Bost, F. Special economic zones: methodological and definition / F. Bost // Transnational Corporations. — 2019. — Vol. 26, N 2. — P. 141–156.
3. Gholami R. The causal relationship between ICT and FDI: WIDER Research Paper N 2005/26 / E. Gholami, S. Lee, A. Heshmati. [Electronic resource] // United Nations University World Institute for Development. — Mode of access: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/rp2005-26.pdf>. — Date of access: 01.09.2022.
4. Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2018: Fostering Growth Through Digitalisation. — Paris: OECD Publishing, 2018. — 236 p. [Electronic resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. — Mode of access: https://www.oecd.org/dev/SAEO2018_Preliminary_version.pdf. — Date of access: 10.09.2022.
5. Tham Siew Yean. The Digital Free Trade Zone (DFTZ): Putting Malaysia's SMEs onto the Digital Silk Road / Tham Siew Yean [Electronic resource] // ISEAS - Yusof Ishak Institute. — Mode of access: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2018_17@50.pdf. — Date of access: 08.09.2022.
6. Особые экономические зоны. Зарубежный и отечественный опыт / под ред. И. А. Майбурова, Ю. Б. Иванова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 287 с.

ТАМОЖЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК ГАРАНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Л. И. Тарарышкина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: tararyshkina@rambler.ru*

В статье рассматриваются таможенные территории интеграционных объединений, выступающие в качестве гаранта обеспечения экономической безопасности. Исследованы аспекты таможенного законодательства

в Содружестве Независимых Государств и особенности функционирования таможенных территорий Союзного государства и Евразийского экономического союза. Отмечено, что основой формирования таможенных территорий на постсоветском пространстве послужил опыт функционирования таможенной территории Союза Советских Социалистических Республик и его таможенное законодательство. Сделаны выводы о роли таможенных территорий интеграционных объединений в международном сотрудничестве.

Ключевые слова: таможенная территория; интеграционные объединения; Содружество Независимых Государств; Союзное государство; евразийская интеграция; экономическая безопасность; союзные программы.

CUSTOMS TERRITORIES OF INTEGRATION ASSOCIATIONS AS A GUARANTOR OF ECONOMIC SECURITY

L. I. Tararyshkina

Belarusian State University,

Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: tararyshkina@rambler.ru

The article deals with the customs territories of integration associations, acting as a guarantor of economic security. Aspects of customs legislation in the Commonwealth of Independent States and features of the functioning of the customs territories of the Union State and the Eurasian Economic Union have been studied. It is noted that the experience of functioning of the customs territory of the Union of Soviet Socialist Republics and its customs legislation served as the basis for the formation of customs territories in the post-Soviet space. Conclusions are drawn about the role of customs territories of integration associations in international cooperation.

Keywords: *customs territory; integration associations; Commonwealth of Independent States; Union State; Eurasian integration; economic security; union programs.*

Основой функционирования интеграционных объединений является законодательно закреплённая таможенная территория, которая связывает территории государств — участников интеграционных процессов и является базисом функционирования Таможенного союза. На постсоветском пространстве к таким территориям относятся таможенное пространство Беларуси и России в соответствии с Договором о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. [1] и таможенная территория государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) согласно Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (Договор о ЕАЭС) [2].

Основными характеристиками таможенных территорий интеграционных объединений являются: единый (общий) таможенный тариф, единые принципы и правила таможенного регулирования, единый порядок таможенного администрирования и проведения единой внешнеторговой политики.

На постсоветском пространстве началом вышеназванных таможенных территорий послужила функционирующая с 1922 по 1991 гг. таможенная территория Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Модель СССР, созданная в 1922 году и функционирующая до 1991 года, выступала совершенным интеграционным блоком, включающим в себя все формы международной интеграции (Таможенный союз, общий рынок, экономический союз, полная интеграция) и обеспечивающим экономическую безопасность социалистических республик на единой таможенной территории. СССР представлял собой единый народнохозяйственный комплекс, в котором производственные и внешнеэкономические отношения тесно связывали социалистические республики. Важную роль в беспрепятственном и беспошлинном перемещении сырья, материалов, комплектующих и готовой продукции между социалистическими республиками играл Таможенный союз СССР.

Таможенным законодательством СССР были установлены «принципы таможенного дела на основе единства таможенной территории...». Ранее действующим Таможенным кодексом СССР от 26 марта 1991 г. № 2052-I (далее — Таможенный кодекс СССР) было определено, что «Территория СССР составляет единую таможенную территорию...», «Пределы таможенной территории СССР являются таможенной границей СССР...». Названным законодательным актом было утверждено, что «В СССР осуществляется единая таможенная политика, являющаяся составной частью внешней и внутренней политики Союза ССР...». Согласно Таможенному кодексу СССР осуществление таможенного дела возлагалось на таможенные органы Союза Советских Социалистических Республик, которые составляли единую общесоюзную систему, включающую: таможенные органы СССР, таможенный комитет СССР, региональные таможенные управления СССР, таможни СССР.

Региональные таможенные управления СССР и таможни СССР действовали в пределах регионов, определенных Таможенным комитетом СССР исходя из задач скоординированного развития внешнеэкономической деятельности СССР и социалистических республик, активизации внешнеэкономических связей предприятий и организаций и учитывая позиции республик, образующих регионы. Таможенные органы СССР выполняли множество функций, чтобы обеспечить безопасность границ Советского Союза в борьбе с контрабандой.

При распаде СССР для сохранения производственных и внешнеэкономических связей на постсоветском пространстве бывшие социалистические республики предприняли необхо-

димые меры. Таможенное дело в СССР послужило базисом для создания таможенных институтов постсоветских стран в целях упорядочения межгосударственных отношений и управления внешнеторговыми операциями. В 1995 году принято Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 10 февраля 1995 г. «Об основах таможенных законодательств государств — участников Содружества Независимых Государств» [3]. Названным документом определены принципы правового, экономического и организационного регулирования Содружества Независимых Государств в таможенном деле государств-участников (СНГ). Статьей 1 Основ таможенных законодательств государств — участников Содружества Независимых Государств установлено, что страны «...стремятся к активному участию в международном сотрудничестве в области таможенного дела. Таможенное дело в государствах развивается в направлении гармонизации и унификации с общепринятыми международными нормами и практикой» [3].

15 апреля 1994 г. было подписано Соглашение стран СНГ «О создании зоны свободной торговли», согласно статье 3 которого государства — участники СНГ во взаимной торговле «не применяют таможенные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие...» [4]. В настоящее время положения данного соглашения применяет только Туркменистан. Другие государства — участники СНГ руководствуются нормами Договора о зоне свободной торговли (подписан в г. Санкт-Петербурге 18 октября 2011 г.) [5].

Договором о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. государства — участники СНГ «...предоставляют друг другу национальный режим в соответствии со статьей III ГАТТ 1994» [5]. В приложении названного договора государства — участники СНГ зафиксировали договоренности о применении вывозных таможенных пошлин во взаимной торговле в отношении конкретных товарных позиций. В Республике Беларусь при экспортных поставках в рамках зоны свободной торговли СНГ вывозные таможенные пошлины взимаются в отношении нефти и нефтепродуктов, калийных удобрений, кожевенного сырья, семян рапса и некоторых видов лесоматериалов.

Изначально в рамках Союзного государства Беларусь и Россией проделана большая работа по созданию таможенной территории Беларуси и России. В рамках подписанного Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о завершении унификации и создании единой системы тарифного и нетарифного регулирования в Союзном государстве от 29 января 2001 г. установлено применять в тор-

говле с третьими странами единый таможенный тариф (импортный и экспортный). При этом внесение корректировок в размеры ставок ввозных и вывозных таможенных пошлин таможенного тарифа определено было осуществлять по взаимному согласованию Сторон [6]. Реализация норм указанного соглашения обеспечило функционирование таможенной территории Беларуси и России, послужившей плацдармом для достижения стратегических целей евразийской интеграции путем перехода из формата «на двоих» в формат «троих», а затем — «пятерых» [7].

При этом разработанный импортный тариф в рамках Союзного государства Беларуси и России был преобразован в таможенный тариф Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, который вступил в силу с 1 января 2010 г., а затем лег в основу Единого таможенного тарифа ЕАЭС.

Установленное статьей 32 Договора о ЕАЭС единое таможенное регулирование также строится на принципах, правилах таможенного регулирования и таможенного администрирования Союзного государства Беларуси и России. Приобретенный опыт таможенного регулирования в Союзном государстве лег в основу при разработке Таможенного кодекса Таможенного союза (с 1 июля 2010 г.) и Таможенного кодекса ЕАЭС (с 1 января 2015 г.). При этом введенные в действие финансовые механизмы (механизм зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин и механизм косвенного налогообложения) на единой таможенной территории ЕАЭС обеспечивают эффективность ее функционирования.

Следует отметить, что в соответствии с Программой действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства Беларусь и Россией проделана также значительная работа по унификации налогового законодательства и проведения единой налоговой политики в части принципов налогообложения, понятийного и терминологического аппарата, определения единого перечня основных налогов, обмена информацией и т. д. [8].

В рамках 28 союзных программ интеграции Беларуси и России, утвержденных Декретом Высшего Государственного Совета № 6 от 4 ноября 2021 г. «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021—2023 годы» [9] взят новый старт на углубление двухсторонней интеграции Беларуси и России и усиление экономической безопасности на таможенной территории ЕАЭС.

Указом Президента Республики Беларусь № 79 от 3 марта 2022 г. [10] одобрен проект договора между Беларусью и Россией о гармонизации таможенного законодательства и сотрудни-

честве в таможенной сфере в качестве основы для проведения переговоров. Подписанным 4 марта 2022 г. Договором между Беларуссией и Россией о гармонизации таможенного законодательства, а также о сотрудничестве в таможенной сфере закрепляются направления сотрудничества таможенных органов двух стран (информационное взаимодействие, совместный таможенный контроль, категорирование лиц, совершающих таможенные операции), создание в структуре Таможенного комитета Союзного государства Беларуси и России Межгосударственного центра для координации работы по управлению рисками, а также реализации аналитических функций и мониторинга совершения таможенных операций. Реализация обозначенных направлений таможенных преобразований в условиях интеграции позволит обеспечить единообразие в таможенном регулировании.

Таким образом таможенные территории интеграционных объединений на постсоветском пространстве выступают оплотом межгосударственного взаимодействия и единства и гарантом обеспечения экономической безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г.: [подписан в г. Москве 8 дек. 1999 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2000. — № 4, 2/118.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 1 октября 2019 г.: [подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
3. Об основах таможенных законодательств государств — участников Содружества Независимых Государств: решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 10 февр. 1995 г. [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ». — Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=4651. — Дата доступа: 09.09.2022.
4. О создании зоны свободной торговли: Соглашение стран СНГ от 15 апр. 1994 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3635/. — Дата доступа: 10.09.2022.
5. Договор о зоне свободной торговли: [подписан в г. Санкт-Петербурге 18 окт. 2011 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121497/. — Дата доступа: 10.09.2022.
6. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о завершении унификации и создании единой системы тарифного и нетарифного регулирования в Союзном государстве от 29 янв. 2001 г. // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2002. — № 41, 3/335.

7. Тарарышкина, Л. И. Роль Союзного государства Беларуси и России в развитии евразийской интеграции / Л. И. Тарарышкина // Большая Евразия: вызовы и возможности [Электронный ресурс]: материалы междунар. круглого стола по инновациям в междунар. исследованиях, Минск, 4 апр. 2019 г. — Минск: БГУ, 2019. — С. 52–57.

8. Программа действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства: [принята в г. Москве 8 дек. 1999 г.] // Звезда. — 1999. — № 236.

9. Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы: Декрет Высшего Государственного совета Союзного государства от 4 нояб/ 2021 г. № 6 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

10. О проекте международного договора: Указ Президента Респ. Беларусь от 3 мар. 2022 г. № 79 [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-79-ot-3-marta-2022-g>. — Дата доступа: 10.09.2022.

СЕКЦИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИИ БЛИЖНЕГО, СРЕДНЕГО И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ТРАДИЦИЯ И МОДЕРН»

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КНР И ФРГ В ЭПОХУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Бай Сюетун

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: baixuetong125@mail.ru

Научно-техническое сотрудничество является важной частью китайско-германских отношений. С момента установления стратегического партнерства КНР и ФРГ в 2004 г., оно демонстрировало хорошую динамику развития на разных уровнях. Наличие качественных изменений позволяет выделить три этапа развития проблемы. Автор статьи анализирует текущее сотрудничество КНР и ФРГ в области науки и техники и приходит к выводу, что его политическая поддержка сохраняется, а механизмы продолжают совершенствоваться. Вместе с тем, отмечается, что в связи с современной эволюцией международной политической и экономической структуры, наука и технологии оказались в центре конкурентной борьбы крупных держав, что ограничивает дальнейшее развитие диалога между КНР и ФРГ в данной области.

Ключевые слова: научно-техническое сотрудничество; КНР; ФРГ; двустороннее сотрудничество; китайско-германские отношения.

SINO-GERMAN COOPERATION IN THE FIELD OF SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE ERA OF STRATEGIC PARTNERSHIP

Bai Xuotong

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: baixuetong125@mail.ru

Science and technology cooperation is an important element of Sino-German relations. Since they upgrade their relations to the strategic partnership in 2004, the two sides have demonstrated a good development dynamic at various levels. According to the current situation it can be divided into three stages in the development of the problem. The author analyses the current cooperation between China and Germany in the field of science and technology and concludes that policy support for science and technology cooperation continues to increase, while the mechanisms for cooperation between the two sides are also being improved. At the same time, however, with the profound evolution of the international political and economic landscape, science and technology has become the focus of the great power game, which limits the further development of the Sino-German dialogue in this area.

Keywords: scientific and technical cooperation; China; Germany; bilateral cooperation; Sino-German relations.

Сотрудничество в сфере науки и техники занимает очень важное место в системе китайско-германского стратегического пар-

тнерства, его результаты отражают взаимовыгодный характер связей между двумя странами. «Соглашение между правительством КНР и правительством ФРГ о научно-техническом сотрудничестве», подписанное в 1978 г., ознаменовало установление официального диалога в области науки и техники и стало началом институционализации и формализации китайско-германского сотрудничества в данной области [1]. В соответствии с соглашением, стороны создали Китайско-германскую совместную комиссию по научно-техническому сотрудничеству. Это был высший уровень учреждения сотрудничества между правительствами двух стран. Сопредседателями которой являются Министерство науки и техники КНР и Федеральное министерство образования и научных исследований Германии, проводятся с 1980 г. и являются одним из наиболее постоянных и стабильных механизмов сотрудничества в двусторонних научно-технических контактах. По состоянию на апрель 2021 г. между двумя странами было проведено 25 совещаний.

С момента установления стратегического партнерства КНР и ФРГ в 2004 г. связи между двумя странами в политической, экономической и научно-технической областях стали более тесными, а механизмы и сферы двустороннего сотрудничества — более совершенными. В мае 2004 г. стороны подписали «Китайско-германский меморандум о научно-техническом сотрудничестве в области возрождения промышленности на северо-востоке Китая» [2]. В ноябре 2005 г. прошел совместный Международный конгресс по возобновляемым источникам энергии в Пекине. По его итогам была подписана Пекинская декларация, целью которой провозглашалось содействие развитию возобновляемых источников энергии [1]. Во время визита премьера Вэнь Цзябао в Германию в январе 2009 г. стороны заявили о готовности провести «Перекрестный год науки и образования в КНР и ФРГ 2009/2010» для продвижения научных и образовательных обменов между двумя странами [3].

После подписания «Совместного коммюнике о всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства между КНР и ФРГ» в 2010 г. отношения двух государств вышли на качественно новый уровень. Это отразилось и на формате научно-технического сотрудничества. Во время первого раунда консультаций между правительствами Китая и Германии в июне 2011 г. стороны опубликовали «Совместное заявление об установлении стратегического партнерства в области электромобилей» [4]. Также было подписано «Совместное заявление о создании китайско-германской платформы для инноваций в области наук о жизни», которая создала официальный механизм связи и обмена по

китайско-германской научно-технической и инновационной политике. С 2011 г. механизм консультаций между правительствами двух стран стал регулярным, что способствовало развитию сотрудничества в области науки, технологий и инноваций между двумя странами.

С повышением научно-технического уровня Китая сотрудничество КНР и ФРГ перешло от преимущественно подготовки специалистов и оказания помощи к всестороннему и взаимовыгодному сотрудничеству. В этот период начинает проявляться его взаимность и взаимодополняемость. На XVIII Всекитайском съезде КПК правительство Китая предложило реализацию стратегии стимулирования развития за счет инноваций. Научно-технические инновации были названы основой повышения социальной производительности и совокупной мощи государства, которые должны находиться в центре общего национального развития [5]. Одновременно научно-технические инновации стали основным направлением сотрудничества между Китаем и Германией.

В 2014 г. КНР и ФРГ предложили рассматривать научно-технические инновации как важный элемент всеобъемлющего стратегического партнерства государств. Стороны опубликовали «Программу действий по китайско-германскому сотрудничеству» на тему «Совместное формирование инноваций» и объявили 2015 г. Годом китайско-германского инновационного сотрудничества [6]. Эта серия событий открыла новую главу в китайско-германском сотрудничестве в области науки и техники. Следует отметить, что идея сопряжения программ «Сделано в Китае — 2025» и «*Industrie 4.0*» стала стержневой стратегией китайско-германского инновационного партнерства [7, с. 349]. В 2011 г. термин «*Industrie 4.0*» был предложен на Ганноверской промышленной выставке-ярмарке. В 2015 г. Китай выступил со схожей инициативой «Сделано в Китае — 2025». И китайская, и немецкая программы направлены на развитие передовой промышленности с целью дальнейшего совершенствования производственных технологий и получения преимуществ в новой технологической революции. Во время визита А. Меркель в Китай в октябре 2015 г. стороны объявили, что будут продвигать сопряжение инициатив «Сделано в Китае — 2025» и «*Industrie 4.0*» для совместной реализации новой промышленной революции [8].

В 2015 и 2016 гг. официальными властями КНР и ФРГ были опубликованы «Стратегия Китая на 2015–2020 гг.» и «Стратегия Германии» соответственно. Эти документы способствовали координации стратегий китайско-германского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций. Германия видела важность сотрудничества с Китаем в том, чтобы совместно внедрять

инновационные знания и технологии, укреплять позиции ФРГ как исследовательской и инновационной державы, открывать китайский рынок для немецких компаний и вместе успешно решать социальные и экологические проблемы нашего времени [9]. Китайская сторона отметила, что у Китая и Германии есть свои преимущества в промышленности и научно-технических инновациях, и их взаимодополняемость намного выше, чем их конкуренция. Две страны должны углублять сотрудничество в области научно-технических инноваций, содействовать возвращению и развитию нового витка промышленной революции и совместно использовать значительные возможности, открывающиеся в результате технологических изменений [10, с. 3].

В рамках глобальной тенденции нового витка промышленной революции КНР и ФРГ имеют общие цели развития в таких ключевых областях, как высокие технологии, умное производство и зеленая энергетика. Страны активно сотрудничают в решении глобальных проблем. В апреле 2022 г. министр науки и технологий КНР Ван Чжиган провел видеовстречу с федеральным министром образования и научных исследований Германии Б. Штарк-Ватцингер. Стороны выразили желание активно исследовать области, представляющие взаимный интерес, углублять китайско-германское сотрудничество в области научно-технических инноваций и способствовать развитию сочетания производств, обучения, исследований и прикладного применения их результатов [11]. Очевидно, что взаимная выгода и всеобщее развитие являются отличительными чертами текущего научно-технического сотрудничества между Китаем и Германией.

В то же время в китайско-германском диалоге существуют некоторые проблемы: защита прав интеллектуальной собственности, отсутствие единых стандартов и правил, а также тот факт, что имидж Китая как партнера в немецких научно-технических инновациях начинает меняться на имидж конкурента. Однако научно-техническое сотрудничество между КНР и ФРГ с момента его официального установления в 1978 г. практически не пострадало от политических потрясений и, особенно, от многочисленных торговых споров [12, с. 27]. Кроме того, китайско-германское сотрудничество в области научно-технических инноваций ориентировано на рынок, и интересы обеих сторон защищаются в процессе распространения и внедрения научно-технических достижений. Деловое сотрудничество между двумя сторонами — лучший способ справиться с последствиями различных неопределенностей.

Таким образом, китайско-германское сотрудничество в области науки и техники в эпоху стратегического партнерства прошло

три основных этапа. Первый этап длился с 2004 по 2010 гг. Это период постоянного совершенствования механизма китайско-германского научно-технического сотрудничества и расширения его сфер. В 2011—2014 гг. дальнейшему углублению и систематизации китайско-германского взаимодействия способствовало установление постоянного механизма межправительственных консультаций. После 2014 г. китайско-германское сотрудничество в области науки и техники вступило в новую фазу. В этот период ключевое значение приобрели инновации. Изменения в современных международных отношениях повлияли на китайско-германское сотрудничество в области науки и техники, однако стороны продолжают придерживаться принципа взаимовыгодного сотрудничества и укреплять научно-технический диалог с опорой на механизм межправительственных консультаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чжунго тун Дего де гуаньси = Отношения между КНР и ФРГ [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679086/sbgx_679090/. — Дата доступа: 04.09.2022 (на кит. яз.).

2. Вэнь Цзябао Цзунли юй Шилодэ Цзунли Хуйьтань = Встреча премьера Вэнь Цзябао и канцлера Шрёдера [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — 04.05.2004. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/ziliao/zt/ywzt/zt2004/wjbzlfwoz/t94741.htm>. — Дата доступа: 10.09.2022 (на кит. яз.).

3. Вэнь Цзябао Цзунли юй Дэго Цзунли Мокээр Цзюйсин Хуэйьтань = Вэнь Цзябао проводит переговоры с канцлером Германии Меркель [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — 30.01.2009. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2009zt_675493/wjbzl2009sjjlt_675527/200901/t20090130_7957667.shtml. — Дата доступа: 10.09.2022 (на кит. яз.).

4. Чжун Де Гуаньюй Цзяньли Дяньдунцичэ Чжаньлюе Хобань Гуаньси Ляньхэ Шэньминь = Китайско-германское совместное заявление об установлении стратегического партнерства по электромобилям [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — 29.06.2011. — Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201106/t20110629_314157.shtml. — Дата доступа: 10.09.2022 (на кит. яз.).

5. Ху Цзиньтао цзай Чжунго Гунчаньдан Дишиба цы Цюаньго Дайбиаодахуэйь шан дэ Баогао = Доклад Ху Цзиньтао на 18-м Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго Чжуняньжэньминь чжэньфу = Центральное народное правительство КНР. — 17.11.2012. — Режим доступа: http://www.gov.cn/ldhd/2012-11/17/content_2268826.htm. — Дата доступа: 10.09.2022 (на кит. яз.).

6. Чжундэ хэцэо синдун гуняо = Программа действий китайско-германского сотрудничества [Электронный ресурс] // Чжунго чжу дэго дашигуань = Посольство КНР в ФРГ. — Режим доступа: <http://de.china-embassy.org/chn/zt/2014lkq/t1212296.htm>. — Дата доступа: 10.09.2022 (на кит. яз.).

7. Тимофеев, О. А. Сопряжение программ «Сделано в Китае-2025» и Industrie 4. 0 как основа инновационного сотрудничества КНР и Германии / О. А. Тимофеев, В. С. Ронжина // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2017. — № 22. — С. 338—351.

8. Ли Кэцян юй Дего Цзунли Мокээр гунтун хуэйь цзянь цзичжэ = Ли Кэцян и А. Меркель встречаются с журналистами [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — 29.10.2015. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679086/xgxw_679092/201510/t20151029_9334591.shtml. — Дата доступа: 10.09.2022 (на кит. яз.).

9. China Strategy 2015—2020 — Strategic Framework for Cooperation with China in Research, Science and Education [Electronic resource] // BMBF. — Mode of access: <https://www.readkong.com/page/china-strategy-2015-2020-strategic-framework-for-8655422>. — Date of access: 04.09.2022.

10. Кеци Чуансинь Гунсу Вэйлай Дего Чжаньлюе = Технологические инновации вместе формируем будущее Стратегия ФРГ / Чжунго Кесюецзичу бу = Министерство науки и технологий КНР. — 2016. — С. 18 (на кит. яз.).

11. Кэцзибу бучжан Ван Чжиган юй дэго лянбан цзяоянь Б.Штарк-Ватцингер цзюйсин шипинь хуэйьву = Министр науки и технологий КНР Ван Чжиган провел видеовстречу с федеральным министром образования и научных исследований Германии Б.Штарк-Ватцингер [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго Кэцзибу = Министерство науки и технологий КНР. — 13.04.2022. — Режим доступа: <https://www.most.gov.cn/kjbgz/202204/t20220413_180229.html>. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).

12. Frietsch, R. German-Sino collaboration in science, technology and innovation / R. Frietsch, U. Tagscherer // Fraunhofer ISI Discussion Papers: Innovation Systems and Policy Analysis. — 2014. — N 43. — 30 p.

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ СИНГАПУРА

А. М. Баранов¹⁾, Е. С. Ляшенко²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: axmbaranov@inbox.ru

²⁾ Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
ул. Советская 104, 240028, г. Гомель, Беларусь,
e-mail: zhenya_lyashenko2011@mail.ru

В работе рассматривается математическая модель оценки воздействия отдельных направлений развития информационной инфраструктуры на экономический рост Сингапура, дана оценка эффективности формирования и ис-

пользования цифровых платформ как основы информационной инфраструктуры экономики страны, исследуется влияние ряда факторов инновационного развития Сингапура на экономическое развитие и возможность их адаптации к социально-экономическим условиям Республики Беларусь.

Ключевые слова: информационная экономика; информационные технологии; экономический рост; инновации; знания

FEATURES OF THE SINGAPORE MODEL OF INFORMATION ECONOMY DEVELOPMENT

A. M. Baranov^a, E. S. Liashenko^b

^a Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: axmbaranov@inbox.ru

^b F. Skorina Gomel State University,

Sovetskaya str., 104, 246028, Gomel, Belarus,

e-mail: zhenya_lyashenko2011@mail.ru

The work considers a mathematical model for assessing the impact of separate areas of information infrastructure development on the economic growth of Singapore, assessed the effectiveness of the formation and use of digital platforms as the basis for the information infrastructure of the country's economy, examines the impact of a number of factors of innovative development of Singapore on economic development and the possibility of their adaptation to socio-economic conditions of the Republic of Belarus.

Keywords: information economy; information technology; economic growth; innovation; knowledge.

Все больший удельный вес в структуре мирового хозяйства начинают играть страны Юго-Восточной Азии, стремительно нивелирующие разрыв в сложившейся неравномерности социально-экономического развития развитых и развивающихся стран. Одним из ярких примеров страны, добившейся радикальной эволюции в сфере социально-экономического развития за короткий в историческом плане период времени стал Сингапур. Основой модернизации экономики Сингапура стали различные инвестиционные проекты с участием зарубежного капитала, что послужило фундаментальным фактором цифровой трансформации страны и ее перехода в информационную стадию развития, экономический и финансовый центр Юго-Восточной Азии [1]. Модель экономического развития Сингапура — это развитая система рыночных связей с экспортноориентированной экономикой, особенно в таких областях как электротехника, ИТ, финтех и фармацевтика. При этом экономика страны — одна из самых открытых и доступных для организации бизнеса. В Сингапуре минимизирована корупция, поддерживается стабильная занятость трудовых ресурсов и инфляция, при этом показатели кон-

курентоспособности и ВВП на душу населения — одни из самых высоких в мире.

Швейцарская школа бизнеса *IMD* с периодичностью в несколько лет оценивает рейтинг цифровой конкурентоспособности по 50 критериям, объединенным в 3 группы: знания, технологии и готовность к будущему развитию. На количественные критерии приходится две трети их общего веса, одна треть — анкетные опросы. 19 из 50 критериев являются уникальными, остальные заимствованы из общего рейтинга конкурентоспособности стран. Сингапур находится на 2 месте рейтинга, охватывающего 63 страны (рис. 1).

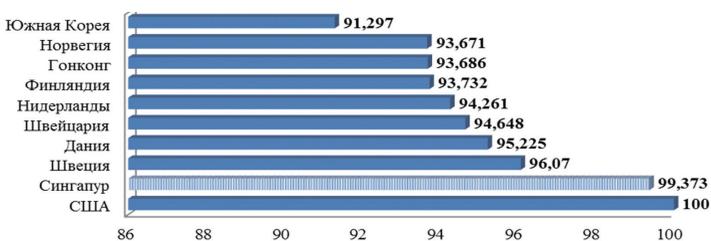

Рис. 1. Рейтинг цифровой конкурентоспособности крупных экономик мира 2019 г.

Источники: [2].

Динамика роста Глобального индекса инноваций Сингапура отражена на рис. 2.

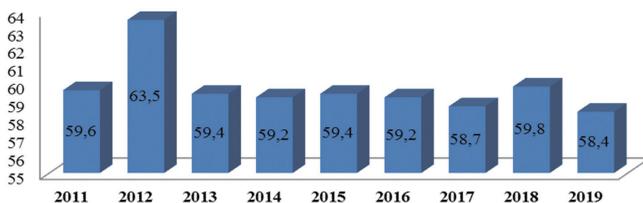

Рис. 2. Глобальный индекс инноваций Сингапура

Источники: [2].

Таким образом, итоговый Индекс представляет собой соотношение затрат и эффекта, что позволяет объективно оценить эффективность усилий по развитию инноваций в той или иной стране.

Для оценки уровня инноваций в странах используется Глобальный индекс инноваций (ГИИ). ГИИ представляет собой взвешенную сумму оценок двух групп индексов: располагаемые

ресурсы и условия для проведения инноваций; достигнутые практические результаты осуществления инноваций. Согласно отчету *Global Innovation Index 2019*, Сингапур входит в десятку стран-лидеров по уровню развития человеческого капитала, институтов, бизнеса, а также внутреннего рынка (рис. 3).

Детерминантом экономического развития Сингапура стала экспортоориентированность, поскольку экспорт является основной частью доходов страны. В последние годы правительство Сингапура начало уделять большое внимание информационно-технологическому развитию страны. Перечислим основные приоритеты в области научных исследований, сформулированные Национальным исследовательским фондом: биомедицинские науки; технологии защиты окружающей среды и обработки воды: чистая вода и чистая энергия; интерактивные и цифровые средства массовой информации. Сингапур является мировым лидером в сфере инноваций.

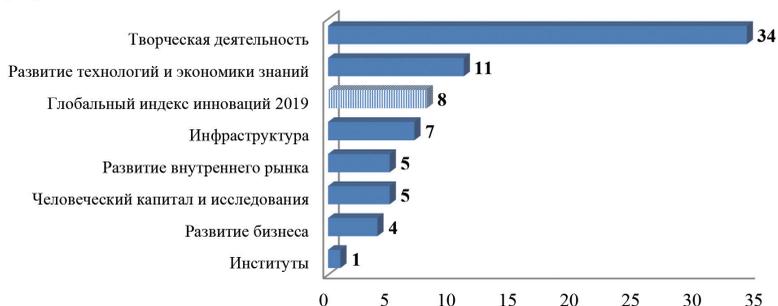

Рис. 3. Рейтинги Сингапура в 2019 г. по показателям ГИИ
Источник: [3].

Анализируя данные, вышеуказанных рейтингов, можно говорить о том, что Сингапур успешно использует свой научно-технический потенциал и эффективно проводит политику цифровой трансформации общества. В этой связи, целесообразным является исследовать факторы, наиболее влияющие на устойчивый экономический рост Сингапура. Главной целью исследования является оценка влияния разного рода социальных и технологических факторов на экономический рост Сингапура. В ходе работы осуществлен сбор необходимых статистических данных, выделены факторы на основании степени их влияния на конечный результат, построена полиномиальная модель и оценено ее качество, а также интерпретированы полученные результаты.

К таким факторам мы относим следующие показатели: x_1 — индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), x_2 — расхо-

ды на НИОКР в % к ВВП, x_3 — индекс экономической свободы, x_4 — текущие расходы на образование в % от ВНД и x_5 — индекс информационно-коммуникационных технологий. В качестве зависимой переменной выступает такой показатель экономического развития как ВВП страны (y).

Основным методом исследования в работе является регрессионный анализ, позволяющий оценить тесноту связи, выбрать форму и параметризовать эконометрическую модель, а также оценить ее качество и способность к прогнозированию. Информационную базу исследования составляют статистические данные, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Значения факторов за 2007—2017 гг.

Годы	ВВП, млрд дол. США	ИРЧП	Расходы на НИОКР в % к ВВП	Индекс экономической свободы	Текущие расходы на образование в % от ВНД	ИКТ
2007	180,9419	0,88	2,3	87,1	2,6	6,57
2008	193,612	0,88	2,6	87,3	2,6	6,71
2009	194,1523	0,88	2,1	87,1	2,9	6,9
2010	239,8094	0,91	2	86,1	2,9	7,08
2011	279,3512	0,91	2,1	87,2	2,8	7,66
2012	295,0872	0,92	2	87,5	2,9	7,66
2013	307,5764	0,92	2	88	2,8	7,65
2014	314,8512	0,93	2,1	89,4	2,8	7,9
2015	308,0041	0,93	2,3	89,4	2,8	8,08
2016	318,0685	0,93	2,2	87,8	2,8	8,05
2017	338,4065	0,93	2,3	88,6	2,8	8,05

Источники: [4; 5].

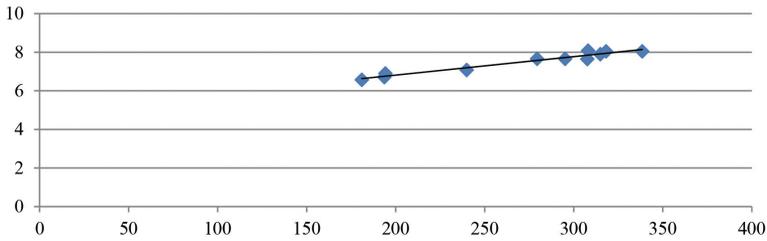
Для оценки влияния выбранных факторов на результирующий показатель (ВВП) строится и анализируется матрица межфакторной корреляции. Она позволяет оценить, какие факторы существенно влияют на переменную y , а какие — несущественно, а также определить степень коррелированности объясняющих переменных (табл. 2). Так как фактор (ИКТ) теснее связан с результирующим признаком y , то в парную модель в качестве регрессора включается фактор x_5 . График корреляционного поля, представленный на рис. 4, говорит о необходимости выбора линейной формы модели. Параметризованная линейная модель зависимости от имеет вид:

$$\gamma = -470,856 + 9,007\chi_5 + \varepsilon.$$

Таблица 2

Матрица межфакторной корреляции

	y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5
y	1					
x_1	0,973503	1				
x_2	-0,31464	-0,35553	1			
x_3	0,661109	0,631719	0,157772	1		
x_4	0,416512	0,455899	-0,79255	-0,03078	1	
x_5	0,974449	0,95532	-0,26369	0,70691	0,433932	1

Рис. 4. Точечный график зависимости y от x_5

Информация о модели приведена в таблицах 3–5, содержащих полную информацию о модели.

Таблица 3

Регрессионная статистика

Множественный R	0,974
R -квадрат	0,949
Нормированный R -квадрат	0,943
Стандартная ошибка	13,601
Наблюдения	11

Таблица 4

Первая часть таблицы «Дисперсионный анализ»

	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	1	31340,475	31340,475	169,396	3,84408E-07
Остаток	9	1665,11	185,012		
Итого	10	33005,585			

Таблица 5

Вторая часть таблицы «Дисперсионный анализ»

	Кoeffициенты	Стандартная ошибка	t -статистика	P -значение
y -пересечение	-470,856	57,068	-8,25	1,72845E-05
	99,007	7,607	13,015	3,84408E-07

Полученное уравнение статистически значимо в целом. Все коэффициенты регрессии в линейной модели также статистически значимы. Кроме того, построенная линейная модель является точной. Таким образом, общее качество построенной модели является высоким. Она адекватная (коэффициент детерминации R -квадрат составляет 0,949, изменения показателя ВВП на 94,9 % объясняются изменением фактора ИКТ). Это подчеркивает то, что фактор ИКТ является существенным фактором, определяющим величину ВВП. Проведенные в работе модельные эксперименты подтверждают наличие сильной связи между ростом ВВП и индексом информационно-коммуникационных технологий. Они показывают, что фактор ИКТ является существенным фактором, определяющим темпы роста развития экономики Сингапура. Анализ причин экономического роста Сингапура показал, что в центре экономической модели стоит ориентация на инновационное развитие страны.

В Беларуси, как и в целом в странах постсоветского пространства, не было активного развития важной отрасли информационной экономики — производства электронных компонентов и средств аппаратного обеспечения. Отсутствие данных типов производств привело к отставанию от стран Юго-Восточной Азии, в том числе Сингапура, на десятки лет.

В табл. 6 приведены факторы, влияющие на инновационное развитие Сингапура, которые могут быть адаптированы к экономике Республики Беларусь [1].

Таблица 6

Факторы инновационного развития Сингапура

Система обучения и переподготовки кадров	Государство оплачивает до 90 % за обучение и переподготовку кадров. Сингапурские предприятия могут нанимать нужного им специалиста из-за рубежа, а потом предъявлять счет на оплату его услуг государству
Государственная поддержка	Создание программ, способствующих дальнейшему развитию. Национальная система инноваций и предпринимательства (<i>NFIE</i>) — национальная программа развития инноваций и предпринимательства в Сингапуре. Она находится в ведении Национального исследовательского фонда, канцелярии премьер-министра
Инвестиционная привлекательность	Сингапур является государством, максимально ориентированным на применение новых технологий на всех уровнях экономики. Сингапур — это одно из наиболее интегрированных в мировую экономику государств

Источники: [1].

Сингапур выгодно отличают от Беларуси институциональные условия в области системы обучения и переподготовки кадров,

что чрезвычайно важно, поскольку в сфере информационных услуг необходим высококвалифицированный труд. Потенциал антропогенного капитала в Республике Беларусь значителен благодаря высокому уровню системы образования. Как показывает опыт стран Азии, если интеллектуальный капитал используется неэффективно, развитие экономики может быть только экстенсивным. Одним из основных инфраструктурных элементов, способствующих формированию информационной экономики, привлечению и использованию интеллектуального капитала, интеграции систем образования и науки с промышленным производством, малым бизнесом и государственными учреждениями, является формирование системы информационных кластеров как новой сетевой среды взаимодействия, что является приоритетом инновационного развития Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Прусова, В. И. Особенности экономического развития Сингапура / В. И. Прусова, В. В. Безновская, Д. Х. Губжокова // Журн. экономики и бизнеса. — 2017. — № 5. — С. 42—47.
2. На две строчки ближе к будущему Россия продвинулась в рейтинге цифровой конкурентоспособности *IMD* [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 27.09.2019. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4104702>. — Дата доступа: 01.09.2022.
3. Глобальный инновационный индекс 2019 г. [Электронный ресурс] // Global Innovation Index. — Режим доступа: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII2019keyfinding-R-Web.4.pdf>. — Дата доступа: 01.09.2022.
4. Дерен, И. В. Мировая экономика и международные экономические отношения / И. В. Дерен. — М.: Юнрайт. — 2019. — 256 с.
5. Садловская, М. В. Сотрудничество Российской Федерации и Республики Сингапур на современном этапе / М. В. Садловская // Междунар. науч.-исслед. журн. — 2022. — № 4-3 (118). — С. 213—217.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЗИЦИИ КИТАЯ ПО АФГАНСКОМУ ВОПРОСУ В 2014 г.

Ван Ифу

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: vesselness@gmail.com*

В XXI в. Китай и Афганистан прилагают совместные усилия, чтобы перейти от традиционного дружеского соседства к выстраиванию стратегического партнерства. В данной статье рассматривается развитие китайско-афганских политических отношений в 2014 г. Устанавливается, что китайско-афганские отношения рассматривались китайским правительством в широком контексте вопросов регионального развития и региональной безопасности. Указывается на то, что изменение ситуации в Афганистане повлияло на ак-

тивизацию китайской политики в отношении данного государства. Китай стал больше внимание уделять развитию двусторонних отношений, многостороннему сотрудничеству в рамках Стамбульского процесса, а также усилению Шанхайской организации сотрудничества.

Ключевые слова: Афганистан; КНР; «Стамбульский процесс»; региональное сотрудничество в сфере безопасности; региональное экономическое развитие; Шанхайская организация сотрудничества.

THE TRANSFORMATION OF CHINA'S POSITION ON THE AFGHAN ISSUE IN 2014

Wang Yifu

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: vesselness@gmail.com

In the twenty-first century China and Afghanistan have made a concerted effort to move from a traditional friendly neighbourhood to building a strategic partnership. This article examines the development of Sino-Afghan political relations in 2014. It finds that Sino-Afghan relations have been viewed by the Chinese government in the broad context of regional development and regional security issues. It is pointed out that the changing situation in Afghanistan has influenced the intensification of Chinese policy towards the country. China's focus on bilateral relations, multilateral cooperation in the framework of the Istanbul Process, and the strengthening of the Shanghai Cooperation Organisation has increased.

Keywords: *Afghanistan; PRC; «Istanbul Process»; regional security cooperation; regional economic development; Shanghai Cooperation Organisation.*

2014 г. стал важным поворотным моментом в политическом и экономическом развитии Афганистана. Во-первых, 29 сентября Ашраф Гани (*Ashraf Ghani*) был приведен к присяге в качестве президента, сменив бывшего президента Хамида Карзая (*Hamid Karzai*) в качестве второго президента Афганистана после падения режима талибов в 2001 г. Во-вторых, происходил масштабный вывод войск НАТО из Афганистана. К концу 2014 г. большая часть сил НАТО была выведена из страны и Международные силы содействия безопасности завершили свою работу [1].

Отметим, что на тот момент Афганистан столкнулся с серьезными экономическими, политическими проблемами и проблемами безопасности. Финансы правительства по-прежнему в значительной степени зависели от международной помощи и инвестиций из-за рубежа. Коалиционные силы, размещенные в Афганистане, были важным источником дохода, особенно в сфере обслуживания. Однако постепенный вывод войск привел к уменьшению финансовых поступлений и, следовательно, усугубил экономические проблемы.

На политическом фронте серьезной проблемой оставались полевые командиры. Некоторые бывшие полевые командиры вош-

ли в состав афганского правительства, и их политическое влияние на местном уровне усилилось. Ожесточенная борьба между различными фракциями за контроль над властью в стране стала нормой политической жизни. Избранное правительство было слабым и раздробленным, не было способно не только бороться с коррупцией, но и эффективно контролировать страну в целом или обеспечивать общественную безопасность. Отсутствие доверия населения к правительству стало еще одной серьезной проблемой для афганского правительства.

Ситуация с безопасностью в Афганистане продолжала ухудшаться. Начиная с 2006 г., талибы вновь вернулись в Афганистан, постепенно устанавливая контроль над все большей территорией в северных и южных приграничных районах и неоднократно совершая нападения на афганские вооруженные силы и силы коалиции, представляя серьезную угрозу для выживания афганского правительства. Согласно докладу Совета Безопасности ООН от 2014 г., «повстанческие группы [и] международные террористы... воспользовались затяжным политическим и избирательным кризисом..., чтобы начать наступательные действия в Афганистане, что привело к большим потерям среди гражданского населения Афганистана, сотрудников служб безопасности и повстанцев». На основании данных о зарегистрированных инцидентах в сфере безопасности в Афганистане за 13 лет, 2014 г. стал вторым по количеству инцидентов в сфере безопасности [2].

После вывода войск НАТО страны региона (прежде всего, Китай, Индия и Пакистан) постепенно стали более активно участвовать в восстановлении Афганистана на многосторонних площадках, таких как Стамбульский процесс и Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС).

Важно отметить, что у внешних сил были и свои интересы в Афганистане, в связи с чем было трудно достичь консенсуса между государствами.

Страны региона по ряду причин имели геополитическое преимущество перед международными организациями, такими как ООН, были лучше знакомы с местными особенностями и ситуацией в целом, поэтому именно региональное сотрудничество должно было играть важную роль в восстановлении Афганистана в эпоху после НАТО.

Ключевое значение в региональном сотрудничестве на тот момент играл Стамбульский процесс — региональная платформа, созданная в 2011 г. и призванная содействовать сотрудничеству между Афганистаном и его соседями по вопросам безопасности, экономики и политики, единственный международный механизм по Афганистану, возглавляемый странами региона [3].

В настоящее время в процессе участвуют 14 региональных государств-членов (также известных как «страны Сердца Азии») [4], включая Афганистан, Китай, Россию, Казахстан, Индию, Пакистан, Иран и Турцию, при участии 17 стран-экстерриториалов, включая США и Великобританию, и 11 международных и региональных организаций, включая ООН, Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии, Организацию экономического сотрудничества (возглавляемую Ираном, Пакистаном и Турцией) и Шанхайскую организацию сотрудничества. ШОС, по мнению ряда экспертов, имеет наибольший потенциал для развития и лучше всего подходит для поддержки усилий по восстановлению Афганистана [8].

В 2014 г. Китай впервые стал организатором крупной международной конференции по Афганистану, что продемонстрировало то значение, которое Китай придавал восстановлению страны. 31 октября 2014 г. на четвертой встрече министров иностранных дел была принята Пекинская декларация, в которой участвующие стороны достигли консенсуса по мерам укрепления доверия в шести основных областях: борьба с терроризмом, борьба с наркотиками, торговля и инвестиции, ликвидация последствий стихийных бедствий, региональная инфраструктура и образование [4].

Позиция Китая в отношении Афганистана претерпела значительные изменения от политики невмешательства к активному участию в разрешении афганского вопроса. 2014 г. во многом стал определяющим в эволюции китайских подходов. Рассмотрим основные причины этих изменений.

В августе 2014 г. президент США Барак Обама обвинил Китай в «вольном обращении» со своей традиционной политикой невмешательства в регион, охваченный кризисом, заявив, что Китай не выполняет свои обязанности в качестве заинтересованной стороны в международной системе. На самом деле, военное присутствие США в Афганистане частично поддерживало борьбу Китая против агрессивной сепаратистской группировки Исламская организация Восточного Туркестана (*ETIO*), созданной уйгурскими боевиками в Синьцзяне, на западе страны, поддерживая стабильность на границе. Это произошло после вывода большей части сил НАТО из Афганистана, что заставило Китай принять более активную афганскую стратегию. В конце сентября 2015 года министр иностранных дел Китая Ван И подчеркнул важность процесса примирения «под руководством и при участии самих афганцев» [5]. Китай не был намерен заполнять военную пустоту, образовавшуюся после вывода большинства сил НАТО,

но был готов помочь афганскому правительству, участвуя в многоуровневом, многостороннем международном сотрудничестве и посредничестве.

С 2014 г. обмена между высокопоставленными китайскими и афганскими правительственными чиновниками становятся все более частыми. В феврале 2014 г. Ван И посетил Кабул и представил политическую цель Китая в отношении Афганистана, которая заключалась в том, чтобы превратить Афганистан в «единую, стабильную, развивающуюся и дружественную» страну [10]. Он отметил, что Китай готов играть конструктивную роль в достижении широкого и инклюзивного политического примирения в Афганистане. В июле 2014 года Китай назначил Сунь Юйси своим специальным посланником по афганским делам для посредничества между Афганистаном и Пакистаном. В октябре 2014 г. президент Афганистана А. Гани воспользовался возможностью Четвертой встречи министров иностранных дел в рамках Стамбульского процесса, чтобы посетить Китай. Это была также первая встреча на высшем уровне между китайскими и афганскими лидерами с момента создания нового афганского правительства.

В ноябре 2014 г. министр общественной безопасности Китая Го Шэнкунь посетил Афганистан. Он выразил готовность Китая сотрудничать с Афганистаном для укрепления усилий правоохранительных органов и сотрудничества в области безопасности по таким вопросам, как борьба с терроризмом и транснациональной преступностью, а также предпринимать конкретные действия для решительной борьбы с Исламским движением Восточного Туркестана и создания стабильной, мирной и безопасной обстановки в регионе. В январе 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин и президент Афганистана Гани обменялись поздравительными посланиями, чтобы тепло отметить 60-ю годовщину дипломатических отношений и «Год китайско-афганской дружбы и сотрудничества» [6].

Изменение политики Китая в отношении Афганистана оказало существенное влияние на страны региона и стимулировало процесс вступления Индии и Пакистана в ШОС. На саммите ШОС, прошедшем в России в начале июля 2015 г., ШОС приняла резолюцию о принятии Индии и Пакистана в качестве полноправных членов. Китай изначально не поддерживал членство Индии в ШОС, однако в 2014 г. его отношение изменилось [7]. Трансформация подходов была продиктована соображениями, связанными с ситуацией в области безопасности в Афганистане. Стабильность Афганистана имела особое значение для китайского правительства, поскольку деятельность религиозных экстремистов распространилась на западные провинции Китая.

Как региональная организация, ставящая своей задачей борьбу с терроризмом, ШОС также являлась организацией-партнером Стамбульского процесса, и ее участие в решении проблем в Афганистане могло улучшить ситуацию с безопасностью в регионе.

Членство Индии и Пакистана в ШОС также создавало еще одну платформу для взаимодействия между этими странами и могло способствовать развитию сотрудничества в борьбе с терроризмом.

На заседании Совета Безопасности ООН в марте 2015 г. посол Ван Минь, заместитель постоянного представителя Китая при ООН, подчеркнул, что без поддержки и сотрудничества других стран региона решение афганской проблемы невозможно. Ван Мин также отметил, что Китай готов активно поощрять Афганистан к участию в экономическом развитии региона в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [9]. Инициатива, возглавляемая Китаем, предусматривает финансирование инфраструктурных проектов в Центральной и Южной Азии и Юго-Восточной Азии. Это могло бы создать лучшие условия для мирного развития Афганистана.

В результате вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Китайско-афганские отношения всегда рассматривались китайским правительством в широком контексте регионального развития и региональной безопасности. Завершение в 2014 г. работы Международных сил содействия безопасности в Афганистане вызывало опасения экспертов и политиков, в т. ч. в связи с безопасностью пограничных регионов Китая. Этот фактор повлиял на активизацию китайской политики в отношении Афганистана: состоялась встреча лидеров государств, развивались политические контакты, под председательством Китая состоялась 4-я встреча в рамках Стамбульского процесса в Пекине. Кроме того, Китай дал согласие на принятие в ШОС Индии и Пакистана, что могло придать новый импульс решению проблем безопасности региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 人物：阿富汗新任总统阿什拉夫·加尼 = Человек: Ашраф Гани, новый президент Афганистана [Электронный ресурс] // Китайская новостная сеть. — 29.09.2014. — Режим доступа: <https://www.chinanews.com.cn/gj/2014/09-29/6643248.shtml>. — Дата доступа: 10.09.2022 (на кит. яз.).
2. 中国呼吁国际社会认真执行安理会应对ISIS决议 = Китай призывает международное сообщество серьезно выполнить резолюцию Совета Безопасности по борьбе с ISIS [Электронный ресурс] // China.com. — Режим доступа: <https://www.3g.china.com/act/news/11038989/20140816/18714486.html>. — Дата доступа: 10.09.2022 (на кит. яз.).

3. 切实帮助阿富汗走向和平 = Эффективная помощь Афганистану в продвижении к миру [Электронный ресурс] // People.cn. — Режим доступа: <http://opinion.people.com.cn/n/2014/1101/c1003-25950614.html>. — Дата доступа: 10.09.2022 (на кит. яз.).

4. 阿富汗问题伊斯兰布尔进程北京宣言 (全文) = Пекинская декларация по Стамбульскому процессу по Афганистану (полный текст) [Электронный ресурс] // People.cn. — 01.11.2014. — Режим доступа: <http://www.politics.people.com.cn/n/2014/1101/c70731-25950915.html>. — Дата доступа: 10.09.2022 (на кит. яз.).

5. 人民日报刊文回应“奥巴马指责中国搭便车30年”: 实在荒唐 = Статья в People's Daily в ответ на «Обама обвиняет Китай в автостопе в течение 30 лет»: Это абсурд [Электронный ресурс] // Обозреватель. — 13.08.2014. — Режим доступа: https://www.guancha.cn/strategy/2014_08_13_255991.shtml. — Дата доступа: 10.09.2022.

6. 阿富汗: 愿与中方携手打击“东伊运”恐怖势力 = Афганистан: Готовность сотрудничать с Китаем в борьбе с террористическими силами «Восточно-Иракского движения» [Электронный ресурс] // Китайская новостная сеть. — 01.12.2014. — Режим доступа: <https://www.chinanews.com.cn/mil/2014/12-01/6830030.shtml>. — Дата доступа: 10.09.2022.

7. 上海合作组织发展历程 = История Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества. — Режим доступа: <http://chn.sectsc.org/docs/about/faq.html>. — Дата доступа: 10.09.2022.

8. 上海合作组织经济、安全领域合作有利于地区稳定与繁荣 = Сотрудничество ШОС в области экономики и безопасности способствует региональной стабильности и процветанию [Электронный ресурс] // Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китайская академия общественных наук. — Режим доступа: http://euroasia.cssn.cn/kucg/shzz/201905/t20190510_4879502.shtml. — Дата доступа: 10.09.2022.

9. 常驻联合国副代表王民大使在安理会阿富汗问题公开会上的发言 = Заявление посла Ван Мина, заместителя постоянного представителя при ООН, на открытом заседании Совета Безопасности по Афганистану [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Китайской Народной Республики при Организации Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceun/chn/zgylhg/jjahl/alhrd/yz/afh/t1246153.htm>. — Дата доступа: 10.09.2022.

10. 外交部长王毅抵达喀布尔开始对阿富汗进行访问 = Министр иностранных дел Ван И прибывает в Кабул для начала своего визита в Афганистан [Электронный ресурс] // Китайская правительственная сеть. — 22.02.2014. — Режим доступа: http://www.gov.cn/gzdt/2014-02/22/content_2619024.htm. — Дата доступа: 10.09.2022.

СЕМАНТИКА ИДЕОГРАММЫ 靈 LIN В ТРАКТАТЕ «ШАНЬХАЙЦЗИН»

М. А. Исаченкова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: oriental_myphology@mail.ru*

Категория китайской культуры, обозначенная иероглифом 靈 lin, остается трудной для понимания и перевода на европейские языки. В современном китайском языке аспект содержания иероглифа имеет развитую периферию.

Ранее автором была предложена реконструкция его семантического ядра путем ретроспективного лингвистического анализа. В настоящей статье рассматриваются примеры использования данного иероглифа в одном из самых ранних памятников китайской письменности «Шаньхайцзин». В этом древнем тексте 靈 лин обозначает имена людей, название племени, наименования объектов природы, а также непосредственно духовную силу человека или божества. Относительно его глоттогонической семантики можно сказать, что вещи, обозначенные как лин, имеют необычную природу, обладают сакральными характеристиками, тесно связаны с практикой шаманов, что согласуется с ранее сделанными выводами.

Ключевые слова: «Шаньхайцзин»; 靈 лин; дух; шаманские практики.

SEMANTICS OF IDEOGRAM 靈 LIN IN THE TREATISE “SHANHAIJING”

M. A. Isachenkova

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: oriental_myphology@mail.ru

The category of Chinese culture represented by the character 靈 ling is difficult to understand and translate into European languages. In modern Chinese the content aspect of the character has a developed marginal meaning. Previously, the author proposed the reconstruction of its ancient central meaning by retrospective linguistic analysis. This article analyzes how the character is used in one of the earliest Chinese text “Shanhaijing”. In this ancient text 靈 ling denotes names of people, names of tribes, names of objects of nature, and also directly the spiritual power of a person or deity. Regarding its glottogonic semantics, it can be said that the character ling is used for naming things which have an unusual nature, have sacred characteristics, and are closely related to the practice of shamans. This thesis is consistent with previous conclusions.

Keywords: “Shanhaijing”; 靈 lin; spirit; shamanic practices.

Среди категорий китайской культуры со значением ‘душа’, ‘дух’ самым загадочным остается понятие, обозначаемое иероглифом 靈 лин. Его современные толкования многочисленны [1, с. 90–92], но ретроспективный лингвистический анализ показал, что первоначальная семантика знака — «каналы, с помощью которых происходила связь с небесным духом в обряде вызывания дождя», о чем свидетельствует изображение в стиле *цзягувэнь* (𠄎, 𠄏). В *цзиньвэнь* он стал иллюстрировать сам обряд с акцентом на разных деталях священного действия (𠄎, 𠄏, 𠄐, 𠄑, 𠄒), пока не закрепилось представление о шаманке, вызывающей дождь (靈) [2, с. 44]. Главный вывод, к которому привело исследование, заключается в том, что иероглифом 靈 лин называется некая космическая сила, которая присуща необычным вещам: людям или предметам и явлениям природы, наделенным энергией инь [2, с. 45].

Для подтверждения лингвистических изысканий мы обратились к одному из древнейших текстов китайской письменности — «Шаньхайцзин» (《山海經》, «Каталог гор и морей»), окончательное оформление которого произошло в IV—III вв. до н. э.) [3; 4]. Важность этого анонимного текста трудно переоценить. «Шаньхайцзин» представляет настоящую энциклопедию по разным областям знания. Нас он в первую очередь интересует как источник сведений по древнейшим верованиям.

Знак 靈 лин в тексте встречается девять раз, причем несколько — в качестве названия гор в «Каталоге Центральных гор», «Каталоге внутри морей» и «Каталоге Великих пустынь Запада». Описание горы Лин в «Каталоге Центральных гор» имеет любопытные детали: здесь много золота, нефрита и камня цинху, а также деревьев персика, сливы, чернослива и абрикоса [4, с. 81]. Перечисленные деревья известны лечебными и экзорцистскими свойствами, поэтому используются в шаманской и даосской практике. Золото и нефрит — важный компонент даосской алхимии. Камень цинху Э. М. Яншина понимает как 'азурит' [4, с. 39]. Мы предлагаем «сочетание 青腹 цинху трактовать как 'молодая или густая киноварь'» — один из главных ингредиентов снадобья бессмертия [5, с. 131].

В «Каталоге Великих пустынь Запада» также приводится любопытное описание: 「有靈山巫咸巫即巫盼巫彭巫姑巫真巫禮巫抵巫謝巫羅十巫從此升降百藥爰在」 [3] — «Есть Линшань (гора Лин). Шаманка Сянь, шаманка Цзи, шаманка Фэнь, шаманка Пэн, шаманка Гу, шаманка Чжэнь, шаманка Ли, шаманка Ди, шаманка Се, шаманка Ло — десять шаманок с этого места поднимаются и спускаются, разнообразные снадобья [находятся] в этом месте» (перевод наш. — М. И.). «Подъем и спуск» шаманок надо понимать, как восхождение на небеса, что связано с их главной ритуальной функцией — соединении небесного и земного миров, а обилие произрастающих целебных трав — с занятием врачеванием. Это непосредственно согласуется с ретроспективным лингвистическим анализом знака 靈 лин, свидетельствующим о том, что в древности он обозначал дух, душу, ту сакральную силу, которой обладает именно шаманка [2, с. 44]. К сожалению, в памятнике не дается объяснение наименования 靈山 линшань. Возможно, именно деятельность шаманок придает священный характер данному месту, но в архаические времена сам предмет мог пониматься, как одушевленный, а в данном случае, как одухотворенный — наполненный лин, поэтому на таких горах произрастают многочисленные лекарственные растения, а также имеются богатые залежи металлов и камней, необходимых для достижения бессмертия.

Здесь же, в «Каталоге Великих пустынь Запада», упоминается Линцзя (靈柩) — прародитель людей Ху, которые, судя по описанию, также обладают природой шаманов: 「有互人之國。炎帝之孫，名曰靈柩，靈柩生互人，是能上下于天。」 [3] — «Есть страна людей Ху, потомка Яньди звали Линцзя. Линцзя родил людей Ху, способных подниматься на небо и спускаться вниз» (перевод наш — М.И.). Родословная необычного племени восходит к Яньди (炎帝, 'Пламенеющий бог') — владыке огня, солнца, повелителю Юга в пятеричной модели мира. В китайской мифологии его образ слился с образом Шэньнуна (神農, 'Божественный земледелец') — предка, научившего людей земледелию. Интересно, что далее во фрагменте «Каталога» идет описание реинкарнации Чжуаньсюя (顛頊) — потомка Хуанди (黃帝, 'Желтый владыка') и повелителя Севера: «Чжуаньсюй умер и вновь ожил. На ветре отправился на север и поднялся там на небо, а затем [спустился] в глубины большой реки. Змея тогда превратилась в рыбу. (Имя Чжуаньсюя не этимологизировано. Б. Л. Рифтин указывает несколько версий его значения: 1) 'настороженный облик' (восходит к «Шовэнь цзецзы»); 2) 'первопредок', 'первый государь' (Мори Ясутаро); 3) 'истинный человек', 'человек, следующий по истинному пути'; 4) 'человек с ровной, словно выточенной из нефрита, головой' (признак мудреца) (Тодо Акиясу) [6, с. 105—107].) Это и есть Жена-рыба (*Юйфу*)» (пер. Э. М. Яншиной) [4, с. 122]. Мотив реинкарнации является неотъемлемой чертой тотемизма, который, в свою очередь, представляет важную часть шаманизма. Шаманские «действия» Чжуаньсюя происходят «по соседству» с народом Ху. Кроме того, поблизости находится гора Великой Шаманки (大巫山).

В заключительном «Каталоге земель внутри морей» рассказывается о людях динлин (釘靈): 「有釘靈之國，其民從膝已下有毛，馬蹄善走。」 [3] — «Есть страна Динлин (釘靈 динлин, возможно, означает 'Наблюдающие Лин'). Этот народ ниже колен волосатый, легко ходит на лошадиных копытах» (перевод наш. — М. И.). Зооморфизм динлин указывает на связь этих людей с первовременами, когда человек еще не выделился полностью из природы, и наводит на мысль о хуньдуне — первозданном хаосе, который в китайской религиозно-философской традиции осмысливается преимущественно как идеальное состояние. Следовательно, существа, имеющие качества хуньдуна, также обладают необычной природой, совершенными свойствами. Даосский памятник «Хуайнаньцзы» (II в. до н. э.) так описывает эти времена: «Люди в век совершенного блага сладко смеживали очи в краю, где нет границ, переходили в безбрежное пространство. Отодви-

гали небо и землю, отбрасывали тьму вещей, первоначальный хаос брали в качестве гномона и, поднимаясь, плыли в границах безбрежного. Мудрец вдыхал и выдыхал эфир инь-ян, а вся масса живого ласково взирала на его благо, чтобы следовать ему в согласии. В те времена никто ничем не руководил, ничего не регал, в скрытом уединении все само собой формировалось. Глубокое-глубокое, полное-полное. [Первозданная] чистота и простота еще не рассеялись» [7, с. 45].)

Э. М. Яншина ссылается на Н. Я. Бичурина, сообщавшего, что реальное племя обитало на территории от Енисея до Байкала [4, с. 211].

В этом же каталоге описывается захоронение Хоуцзи (后稷, ‘Государь просо’; букв.: ‘Владычествующая над просом’) — первопредка племени чжоусцев и культурного героя, научившего людей возделывать злаки. Оно показано как место полного изобилия, где среди разнообразных чудесных животных и растений встречается и дерево долголетия *линшоу*: 「西南黑水之間，有都廣之野，后稷葬焉。爰有膏菽、膏稻、膏黍、膏稷，百穀自生，冬夏播琴。鸞鳥自歌，鳳鳥自舞，靈壽實華，草木所聚。爰有百獸，相群爰處。此草也，冬夏不死。」 [3] — «На юго-западе, у реки Черной находится долина Дугуан (Середины мира). Здесь похоронен Владычествующий над Просом (Хоуцзи). Там растут наилучшие бобы, рис, просо, гаолян. Здесь произрастают все злаки и зимой, и летом. Птицы-[фениксы] *луань* там поют, птицы-[фениксы] *фэн* там танцуют. [Там растут деревья] *линшоу* (чудесного долголетия) [дающие] цветы и плоды. [Там] множество всевозможных трав и деревьев, водятся самые разные звери и все живут вместе. Трава там ни зимой, ни летом не увядает» (пер. Э. М. Яншиной) [4, с. 126—127]. Долина Дугуан рисуется как райское место, а растение линшоу вызывает ассоциации с библейским деревом познания, представления о котором восходят к архаичному образу древа жизни и идее бессмертия.

О том, что *лин* — это духовная космическая сила, которой наделяются избранные существа, непосредственно говорится в «Каталоге Заморья Севера» в истории о жене и дочерях правителя Шуня: 「舜妻登比氏生宵明、燭光，處河大澤，二女之靈能照此所方百里。一曰登北氏。」 [3] — «Жена Шуня из рода Дэнби родила Сяомин (Ночной свет) и Чжугуан (Огонь свечи), которые жили в Большом озере [около] Реки. (Дух)-лин девушек может освещать эту местность на сто ли вокруг. Иначе говорят: урожденные Дэнбэй» (перевод наш. — М. И.). Согласно конфуцианской историографии, Шунь (舜) (Б. Л. Рифтин предполагает, что иероглиф 舜, которым записывается имя героя, означал ‘вьющееся растение’,

‘вьюнок’ [6, с. 147]) — идеальный правитель древности. Его предшественник — Яо (堯, ‘Высочайший’) — отдал ему в жены своих двух дочерей. Сведения «Шаньхайцзин» противоречат традиционной версии. Как отмечает в комментарии Э. М. Яншина, «появление третьей жены — женщины из рода Дэнби — нарушение канонических версий жития этого патриарха. Рождение у Шуня дочерей — богинь явлений природы — представляет и самого Шуня, и его жену божествами, что также входит в противоречие с его образом историзованного патриарха в традиционной историографии. Имена богинь Ночной Свет (Сяомин) и Свет Светильника (Чжугуан) упоминаются в “Хуайнаньцзы”» [4, с. 196].

В «Каталоге Заморья Юга» встречается нехарактерный для «Шаньхайцзин» философский пассаж: 「地之所載，六合之間，四海之內，照之以日月，經之以星辰，紀之以四時，要之以太歲，神靈所生，其物異形，或夭或壽，唯聖人能通其道」 [3] — «То, что на себе носит земля, во всей Вселенной, в пределах четырех морей, освещается солнцем и луной, управляется созвездиями, регулируется четырьмя сезонами, а главное, Тайсуй (太歲 Тайсуй — планета Юпитер, Великое божество времени), создания, рожденные [в этом] месте божественной лин, разнообразны: одни рано умирают, другие — имеют долгую жизнь. Только совершенный мудрец способен постичь их Дао» (пер. наш — М.И.). Пожалуй, это самый сложный для перевода фрагмент с упоминанием 靈 лин в данном тексте. В современном языке бином 神靈 шэньлин имеет значения ‘божество’, ‘бог’, ‘боги’; ‘душа’, ‘дух’; ‘духовная сила’; ‘одухотворенный’, но вряд ли в древнем тексте мы должны рассматривать их как одну лексическую единицу, поэтому шэнь трактуем как определение к лин, которая здесь выступает порождающим вселенским духом.

Иероглиф 靈 лин в «Каталоге гор и морей» входит в имена людей (Линцзя), название племени (динлин), наименования объектов природы Линшань, линшоу, именуя непосредственно духовную силу, космическую энергию. Места, люди, обозначенные как лин, имеют необычную природу, обладают сакральными характеристиками, тесно связаны с шаманскими практиками, ставшими неотъемлемой частью даосизма. Перевод идеограммы представляет большую трудность, выбор приема и лексического эквивалента зависит от понимания переводчиком ее значения и контекста, в котором она употреблена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. М. Ошанина. — М.: Наука, 1983. — 1100 с.

2. Исаченкова, М. А. Представления о душе в идеографии 靈 (лин) / М. А. Исаченкова // Весн. Беларус. дзяр. ўн-та культуры і мастацтваў. — 2019. — № 4 (34). — С. 35—41.

3. Shan Hai Jing [Electronic resource] // Chinese Text Project. — Mode of access: <https://ctext.org/shan-hai-jing>. — Date of access: 10.10.2020.

4. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисловие, перевод и комментарий Э. М. Яншиной. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. — 235 с.

5. Исаченкова, М. А. Лисы Пу Сунлина и даосская теория бессмертия / М. А. Исаченкова // Весці БДПУ. Сер. 2. — 2021. — № 2. — С. 130—139.

6. Рифтин, Б. Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе / Б. Л. Рифтин. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. — 364 с.

7. Философы из Хуайнани (Хуайнаньцзы) / пер. Л. Е. Позднеевой. — М.: Мысль, 2004. — 430 с.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА СВЯТОГО ДУХА В ЕВАНГЕЛИИ И ГАТАХ

А. А. Карпинская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: n7500075@gmail.com*

При помощи текстологического анализа рассмотрены основные представления о Святом Духе на базе ключевых произведений религиозной литературы зороастризма (Гаты) и христианства (Евангелие). В результате определения основных характеристик Святого Духа и Спента Маинью были сделаны выводы относительно их функциональных сходств: они играют роль медиатора между материальным и духовным мирами, предстают в качестве инструмента воли Бога, ответственными за передачу откровений и наставлений на праведный путь. Результаты исследования свидетельствуют о вероятном историческом взаимодействии двух религиозных учений, а именно — о влиянии зороастрийских представлений на раннее христианство.

Ключевые слова: Святой Дух; Спента Маинью; христианство; зороастризм; Гаты; Евангелие.

COMPARATIVE DESCRIPION OF THE IMAGE OF THE HOLY SPIRIT IN THE GOSPEL AND THE GATHAS

A. A. Karpinskaya

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: n7500075@gmail.com*

With the textual analysis based on key religious books of Zoroastrianism (the Gathas) and Christianity (the Gospels) were researched the image of the Holy Spirits. This approach will allow us to look at them from the point of view of the foundations that were laid in the teachings. As a result of determining the main functions of the Holy Spirit and Spenta Mainyu we came to a conclusion regarding their functional similarities: they play the role of a mediator between the material and spiritual

worlds, they appear as an instrument of the will of God, responsible for transmitting revelations and instructions on the righteous path. The results of the study indicate the likely historical interaction of the two religious teachings, namely, the influence of Zoroastrian ideas on early Christianity.

Keywords: *The Holy Spirit; Spenta Mainyu; christianity; zoroastrianism; the Gathas; The Gospels.*

Влияние одних религиозных учений на другие — вопрос весьма сложный, особенно когда речь идет о достаточно древних системах, основывающихся на представлениях ранних эпох. В этом смысле взаимодействие зороастризма и христианства не является исключением. Влияние зороастризма на авраамические религии, в том числе христианство, упомянуто во многих авторитетных трудах, однако исследователи упускают из виду очевидные функциональные сходства двух важнейших образов — Спента Маинью и Святого Духа.

Образы Спента Маинью и Святого духа играют важнейшую роль в представлениях зороастрийцев и христиан, что отличает эти две религии от иудаизма и ислама. В силу подобных сходств закономерно возникает вопрос о том, имело ли место влияние зороастризма на представления ранних христиан или же идеи возникли независимо друг от друга.

Время становления христианской религии приходится на период I—VI вв., когда на пяти Вселенских соборах еще дорабатывались основные идеи и догматы. Одновременно с этим при правлении династии Сасанидов и до момента прихода арабов на территорию Ирана происходит расцвет зороастризма.

Цель исследования — провести сравнительный анализ функций Святого Духа в Евангелии и Гатах. Выбранные для анализа тексты являются базовыми в соответствующих учениях.

Гаты ('гимн') считаются древнейшими главами Ясны ('молитва') — первой части Авесты, а их авторство приписывается Заратустре. Исследователи по-разному определяют время его жизни: самое раннее — XV, самое позднее — VI в. до н. э. Спента Маинью в Гатах представлен неоднозначно. Он может выступать как инструмент, как наместник или помощник Ахура Мазды; быть отождествленным со всевышним богом и отличным от него. Спента Маинью создает материальные творения (скот, воду, растения и т. д.). Через него праведным последователям дается бессмертие, через него люди просят Ахура Мазду услышать их молитвы. Пророк Заратустра задает вопрос всевышнему о награде, которую он преподнесет людям через свой Дух. В конце всех времен Ахура Мазда выйдет вместе со своим духом, через который можно обрести счастье в рае. Святой Дух знает отношение каждого из людей к миру. Спента Маинью защищает праведность в обоих мирах

от грехов и карает нечестивых. Он также именуется *Святой Дух, Добрый Дух, Лучший Дух* или *Самый Святой Дух*. Превосходная степень (*Святейший Дух*) применима и к самому Ахура Мазде, и к Спента Маинью [1].

В христианстве Святой Дух упоминается в самом старом Апостольском символе веры, составленном еще до проведения Вселенских соборов. В тексте постулируется триединство Бога, а Святой Дух участвует в акте непорочного зачатия [2]. На первом Вселенском церковном соборе в 325 г. в тексте принятого Никейского символа веры Святой Дух предстал лишь в качестве компонента Святой Троицы. Разногласия по вопросу сущности Святого Духа появились в период между первым и вторым собором. В новой редакции символа веры на втором соборе в 381 г. было отражено, что Святой Дух исходит от Отца. Такая формулировка не была одобрена католической церковью, поэтому в латинскую версию этого символа позже было добавлено, что Дух исходит не только от Отца, но и от Сына (*филиокве*) [2; 3].

По результатам проведенного анализа текста Гат и Евангелия можно утверждать, что Святой Дух и Спента Маинью имеют ряд схожих функций. Во-первых, оба являются аспектом Творца или медиатором между материальным миром и духовным. Святой Дух предстает в качестве божьего посланника для связи с людьми на постоянной основе. Аргументом является и рождение самого Мессии от Духа. В Евангелии от Матфея (4:1) упоминается Святой Дух в качестве проводника Иисуса в пустыню. Из Евангелия от Матфея (12:28) также следует, что Иисус, изгоняя бесов при помощи Святого Духа, приближал людей к Царствию Божьему.

В дополнение к функции связи Бога с миром людей через Духа, стоит обратить внимание на отрывок из Евангелие от Луки (11:13): *«Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благодать давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него»* [4] (Здесь и далее перевод Евангелия приводится по [4]). В данном отрывке примечательно, что, обратившись с просьбой к Богу напрямую, праведный человек может соприкоснуться с духом.

Данная черта сближает Святой Дух в христианстве с зороастрийским Спента Маинью, взаимодействующим с миром людей: *«И этим Святым Духом, о Мазда Ахура, Ты определил праведному что бы ни было наилучшего. Без твоего одобрения раздаст (блага) лживый, живущий своими деяниями в согласии со злым помыслом»* (47:5) [5] (Здесь и далее перевод Гат приводится по [5]).

Интересно обратить внимание и на сопоставление таких характеристик Святого Духа, как Дух Истины в христианстве и Дух

Разума в зороастризме. В Евангелии от Иоанна (4:23) записано: *«Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»*. Поскольку Бог есть дух, то и поклоняться необходимо в духе, т.е. непосредственно через него. В стихе 15:6 говорится, что уже сам Иисус пошлет Дух Истины, исходящий от отца.

В Евангелии от Иоанна (16:13) упоминается, что в какой-то момент для оказания помощи в поиске праведного пути должен явиться тот самый Дух Истины: *«Когда же придет Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам»*.

В Ясне 45:6 раскрывается, что через Святой Дух Ахура Мазда получает восхваления и обращения, посланные людьми: *«А я провозглашу величайшее из всех (вещей), восхваляя с Ашей Того, Кто Добродетелен к сущим. Да услышит Святым Духом Мазда Ахура, в гимне которого я беседую с Благим Помыслом. Своим разумом пусть Он наставит меня наилучшему»*. Известно, что Спента Маинью и есть Дух Разума в зороастризме, как это следует из гимнов 44:7 и 31:9, где указывается, что Дух Разума творец коровы, а Спента Маинью — создатель всех живых существ. Таким образом, и в христианстве, и в зороастризме Дух направлен в земной мир для наставления. В христианстве это будет Дух Истины, а в зороастризме — Дух Разума, диалог с которым ведет автор произведения «Суждение Духа Разума».

Вторая особая функция Святого Духа в христианстве — это инструмент при крещении. Этот аспект является отличным от функций Спента Маинью, так как большинство современных зороастрийских общин допускают проведение ритуала инициации только для зартошти-заде, т. е. для рожденных от родителей-зороастрийцев. Вместе с тем, ребенок-зороастриец в ходе ритуала перед общиной дает обещание следовать учению Заратуштры, которое было передано Спента Маинью. Следовательно, через преемственность поколений Святой Дух в некоторой степени принимает косвенное участие в данном процессе. Обратим внимание на схожесть обряда седре-пуши с конфирмацией в католичестве. Проведение крещения в детстве позволяет причаститься к настоящей духовной христианской жизни. Конфирмация же, проводимая по достижению совершеннолетнего возраста, подразумевает под собой лишь духовный рост. Крещение помогает наладить сначала внутренний порядок в себе, а конфирмация уже открывает возможности получить силу для борьбы со злым началом [6].

Как следует из Евангелия от Матфея (3:16; 3:17) Святой Дух является во время крещения Иисуса и становится инструментом ритуала: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем...»; «И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

В Евангелии от Иоанна (3:3) говорится, что тот, кто не родился свыше, не может узреть Царство Божье. Речь здесь идет не о физическом рождении — важно, чтобы человек был рожден от «воды и Духа» и тогда он познает истину учения, что уточняется в следующем стихе: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: «должно вам родиться свыше» (3:6).

Третья функция — воплощение в физической форме в материальном мире. В Евангелии упоминается единственная телесная форма Духа — голубь. Этот облик был принят лишь однажды для сошествия на землю во время крещения Иисуса (Евангелие от Матфея 3:16, от Марка 1:10, от Луки 3:22 и от Иоанна 1:32). После крещения разверзлись небеса, откуда стал спускаться голубь. При описании сошествия в латинской версии текста используется фраза *sicut columbat* [7], а в греческой *ωσει περιστεραν*, что означает в 'виде/подобно голубю' [8].

Для Спента Маинью в Гатах не характерно воплощение в телесной форме в мире людей. В статье «Философская сущность Авесты» Г. Т. Махмудова отмечает, что Ахура Мазда не имеет природных признаков. Он есть дух, добрый и святейший, олицетворение идеи добра, правды и благородства [9, с. 139–140]. Материальный мир по своей сущности и назначению создан Святым Духом для благотворной и счастливой жизни последователей Ахура Мазды [9, с. 194–195]. При этом, как в христианстве, так и в зороастризме в физическом мире каждый праведный мог ощутить присутствие Духа, не видя его.

Стих 3:8 в Евангелии от Иоанна постулирует вездесущность Духа: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа».

На основе компаративного анализа текстов было выявлено, что Святой Дух в христианстве и Спента Маинью в зороастризме имеют общие черты: 1) эманация и ипостась Бога в материальном мире; 2) вездесущий инструмент Воли Бога (при проведении обрядов и реализации его замыслов); 3) связующее звено между материальным и духовным миром, основной канал двусторонней передачи информации (восхвалений, наставлений, откровений);

4) синонимичные наименования (Дух Разума в пехлевийской литературе и Дух Истины в Новом Завете).

Отличает образы представление об их местопребывании в материальном мире. Христианство рассматривает тело каждого человека как особый храм Святого Духа, тогда как Спента Маинью не имеет конкретного места обитания. Кроме того, в Новом Завете зафиксирован единичный эпизод материального воплощения Святого Духа в виде голубя во время крещения Иисуса.

На основании проведенного исследования можно констатировать, что образы Спента Маинью и Святого Духа действительно имеют много общих черт. Это отличает христианство от других авраамических религий. Нельзя однозначно утверждать о влиянии зороастризма на указанный аспект христианских представлений, однако, возможно, это свидетельствует о том, что ранние христиане были знакомы с положениями учения Заратуштры и переосмыслили некоторые его идеи в рамках своей традиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Dhalla, M. N. History of Zoroastrianism. Chaper VI. Spenta Mainyu / M. N. Dhalla [Electronic resource] // Avesta.Org. — 2003. — Mode of access: <http://www.avesta.org/dhalla/dhalla1.htm#chap6>. — Date of access: 02.03.2022.

2. Вселенские соборы [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. — Режим доступа: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2334223. — Дата доступа: 25.02.2022.

3. Таушев, А. Семь вселенских соборов / А. Таушев [Электронный ресурс] // Азбука веры. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Averkij_Taushev/sem-vselsenskih-soborov/#sel=22:1,22:178;24:109,24:217. — Дата доступа: 24.02.2022.

4. Гаты [Электронный ресурс] // Благоверие. — Режим доступа: <http://zoroastrism.ru/avesta/yasna/gatha/index.phtml>. — Дата доступа: 20.02.2022.

5. Новый Завет [Электронный ресурс] // Библия онлайн. — Режим доступа: <https://bible.by/syn/>. — Дата доступа: 10.02.2022.

6. Аквинский, Ф. Сумма теологии. Т. XII / Ф. Аквинский [Электронный ресурс] // Азбука веры. — Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-12/13>. — Дата доступа: 25.02.2022.

7. Nova Vulgata [Electronic resource] // The Holy See. — Mode of access: https://www.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/novavulgata_index_lt.html. — Date of access: 11.02.2022.

8. Подстрочный перевод Ветхого и Нового Заветов на русский язык [Электронный ресурс] // MANUSCRIPT-BIBLE. — Режим доступа: <https://manuscript-bible.ru/greek.htm>. — Дата доступа: 11.02.2022.

9. Махмудова, Г. Т. Философская сущность Авесты / Г. Т. Махмудова // Электронная библиотека Термезского государственного университета [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: <http://library.tersu.uz/kitoblar/aratash/Filosofskaya%20sushnost%20Avesti%20.pdf>. — Дата доступа: 28.02.2021.

ПРОБЛЕМА КИТАЕЦЕНТРИЗМА В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на примере космогонических мифов)

В. В. Климович

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: victoria.klimovich@gmail.com*

Данное исследование посвящено одному из наиболее актуальных вопросов современного востоковедения в условиях глобализации культуры: как идентичность исследователя и его культурный багаж влияют на восприятие им иных цивилизаций, их культурного наследия и ценностей. Материалом для исследования послужили китайские статьи, посвященные сравнению греческих и китайских космогонических мифов. Целью исследования является описание основных проблем, к которым приводит подчеркнутое противопоставление восточных и европейских ценностей, а также проблем восприятия духовного наследия своей страны в условиях глобализации культуры. Актуальность исследования продиктована тем, что востоковедение как научная отрасль находится в Республике Беларусь еще на этапе своего становления и поиска своих научных методов и подходов к интерпретации основных идей и ценностей восточных обществ.

Ключевые слова: *востоковедение; китайская космогония; античные космогонические мифы; методология исследования.*

THE PROBLEM CHINESE-CENTRISM IN SCIENTIFIC RESEARCH (evidence from cosmogonic myths)

V. V. Klimovich

*Belarusian State University
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: victoria.klimovich@gmail.com*

This study is devoted to one of the most pressing issues of modern Oriental studies in the context of the globalization of culture: how the identity of the researcher and his cultural background influence his perception of other civilizations, their cultural heritage and values. The material for the study was Chinese articles devoted to the comparison of Greek and Chinese cosmogonic myths. The aim of the study is to describe the main problems that result from the emphasized opposition of Eastern and European values, as well as the problems of perceiving the spiritual heritage of one's country in the context of the globalization of culture. The relevance of the study is dictated by the fact that in the Republic of Belarus Chinese studies as a scientific branch is still forming its own scientific methods and approaches to interpreting the basic ideas and values of Eastern societies.

Keywords: *oriental studies; Chinese cosmogony; ancient cosmogonic myths; research methodology.*

Космогонические мифы различных народов всегда составляли ядро мифологических представлений, лежат в основе риту-

альных практик и восприятия человеком мира и своего места в нем. Однако, китайские космогонические мифы в силу того, что были записаны довольно поздно (в IV—III веках до н.э.) являются сложным объектом для исследования. Это обусловлено такими факторами, как: 1) неполнота текстов; 2) недостоверность, так как многие тексты были утеряны и восстановлены по памяти, дошли до нас не в первоначальном виде, а в более полной редакции, которая и считается на данный момент канонической; 3) вписанность мифологических фрагментов в различные фило-софские традиции.

Одним из научных методов, позволяющих решить указанные проблемы, является сравнение с мифологическим наследием других цивилизаций доосевого времени: Индией и античной Грецией. Среди европейских ученых данный метод начал применяться еще в XVII в. британским исследователем В. Темплом, в Китае же данный подход стал востребован в конце XX—XXI в. и в первую очередь китайских исследователей привлекает мифология античной Греции как колыбели европейской цивилизации.

Примером использования данного подхода в исследованиях на стыке лингвистики и мифологии может служить работа Лю Сянжэн, который сравнивал этимологию и значение слов, используемых для обозначения изначального хаоса (как состояния Вселенной до появления оформленных вещей) в китайской, греческой, вавилонской и ветхозаветной традициях. Исследователь приходит к выводу, что представления об образовании мира из изначального целостного хаоса являются ядром мифологии и религии многих народов. Также в исследовании сделан акцент на универсальности мотива преодоления мрачного темного хаоса активными силами, которое воспринимается представителями всех культур как противостояние темного мрака и светлого творческого начала [1, с. 158].

Сходство между греческой и китайской традицией подчеркивает и Чжан Лицзю, который отметил, что одинаковы не только представления об изначальном мире как целостном всеохватывающем хаосе, но и идея, что в основе космоса, как начала противоположного изначальному хаосу лежит пара дихотомическим признаков. Интересно, что в ее статье «Сравнительный анализ китайских и греческих мифов» для обозначения греческого понятия «хаос» используется термин 混亂, который в современном языке имеет значение «беспорядок», «смута», «путаница», «хаос» [2, с. 570] и имеет ярко выраженное негативное значение. А для обозначения китайского понятия используется термин 渾沌 *húndùn*, как в даосских трактатах III в. до н.э., когда данное понятие не воспринималось негативно. При этом разница между

восприятием данной категории в двух традициях не указана, напротив, акцент сделан на принципиальном сходстве» [3, с. 21].

Однако, стоит заметить, что, хотя представления об исходном состоянии мира — хаос — как беспредельном, всеобъемлющем начале, лишенном различий между противоположностями, действительно, сходны у многих народов, однако китайская модель космогенеза принципиально отличается от греческой, так как ее основной мотив — саморазвитие хаоса, который содержит в себе семя жизни и тенденцию к развертке в оформленный космос. Это обуславливает позитивное восприятие хаоса как изначальной целостности, которое происходит в эпоху перехода от мифологического мышления к философскому, тогда как в греческой традиции, наоборот, начиная с Платона, формируется идея, что Космос — более совершенная форма существования мира, чем хаос.

Уже исходя из приведенных примеров, можно увидеть, что попытка реконструировать китайские космогонические мифы, на основе мифов античной Греции оказывается не удачной, в силу принципиального различия в интерпретации процесса космогенеза, и приводит к значительному искажению смысла китайского мифа, когда за внешней формой не видно изначального смысла.

Другую группу китайский исследований, выполненных в русле сравнительной мифологии, составляют исследования, которые подчеркивают различия между европейской и китайской культурами.

В первую очередь такие исследования позволяют увидеть уникальные черты, присущие китайской мифологии, например, акцентируют идею естественности развития мира от хаоса к космосу. Ли Вэнью отмечал различия в природе космогонического акта в греческой и китайской мифологических системах. Он рассматривает греческую модель как динамичную, устремленную как в прошлое, так и в будущее, раскрывающую тему эволюции мира и постоянной борьбы между прошлым и новым, содержащую идею естественного вытеснения старого новым. В то время как в китайской традиции космогонический акт завершен, мир уже создан, и создан естественно, а не за счет активного противостояния противоположных начал [4, с. 61].

Ли И также подчеркнул, что для китайской космогонии характерна высокая роль хтонических женских божеств, связанных с культом земли. Этот наиболее архаичный пласт мифов и заложенная в нем идея трансформации первобожества, олицетворяющего первозданный хаос, сохраняется и в мифах о Паньгу, и в китайской философии [5, с. 86].

С другой стороны, авторы таких статей, зачастую пытаются с точки зрения космогонических мифов объяснить особенности и

ценности китайского народа и его культуры. Подчеркивая, что именно из-за иной интерпретации процесса космогенеза, китайской обществу на протяжении веков сохранило такие свои ценности как уважение к корням и традициям, следование естественности, неприятие активной борьбы за обновление [4, с. 61], приоритет коллективного над индивидуальным, ориентированность не на постоянное творчество, а следование традициям, уважение к природе и восприятие человека как части естественного мира, которые сохранились до настоящего времени [5, с. 87]. И хотя такой подход позволяет увидеть преемственность китайской культуры и ее ценностей, проследить влияние мифологического наследия на современное общество. Однако, в силу постоянного противопоставления востока и запада теряется научная составляющая исследования, а сравнение из научного метода превращается в идеологический инструмент.

Особенно видна эта проблема у китайских исследователей, которые отмечают жестокость античной мифологии, ее антигуманистическую направленность, таким образом интерпретируя не заложенные в ней образы и идеи, и не реконструируя мировоззрение первобытного человека, а используя эту внешнюю форму как идеологический инструмент противопоставления китайской культуры как образца нравственности и западной традиции как оплота эгоистических устремлений. Например, У Жун объясняет различия западного и китайского менталитета с точки зрения разной природы активного начала в космогонических мифах. Он считает, что в греческих мифах акцент сделан на бесконтрольной, естественной творческой энергии богов, которые творят мир естественно, не прилагая к этому усилий, тогда как китайский космогонический миф о великане Паньгу наполнен идеей гуманизма, и жертвы первопредка, которые преодолел мрак и пожертвовал собой во имя блага человечества [6, с. 202].

То как конфуцианская этика влияет на восприятие китайскими исследователями греческих мифов видно по статьям Пань Шидун. В работах сделан явный акцент на эгоизме богов античной Греции, их стремлении к удовлетворению личных стремлений и удовольствий, а также на нарушении детско-родительских отношений, распространенности кровосмесительных связей [7, с. 124]. Китайская традиция же, напротив, рассматривается как традиция с мощным социальным посылом, в которой благо коллектива ценится выше, чем желания отдельного человека. Однако, сравнение с иной традицией позволяет исследователю увидеть и особенность китайской космогонической модели: идею естественного развития хаоса в космос, которая задает идею единства человека и природы [8, с. 72].

Обобщая вышесказанное, отметим, что, сравнение с европейской традицией позволяет китайским исследователям выделить уникальные черты китайской мифологии и китайского менталитета, лучше интерпретировать особенности адаптации китайских мифов к формирующейся в III в. до н.э. философской системе. Но в то же время, приводит и к ряду сложностей: сравнение как метод остается для китайских ученых сильно идеологизированным научным инструментом. Желание подчеркнуть принадлежность китайских мифов к общечеловеческому наследию, делает анализ более условным, не позволяет за сюжетом увидеть более глубокие смыслы. А яркое противопоставление двух традиций, хотя и проявляет уникальность китайской мифологии, но стремится к демонстрации ее социальной направленности и совершенства ее этики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 刘,向政. “混沌”创世神话的原始象征意义与宇宙观 / 刘向政 = Лю Сянчжэн. Мировоззрение и изначальный символический смысл космогонических мифов о хаосе / Лю Сянчжэн // 长江大学学报. 社会科学版 = Вестн. ун-та Янцзы. Общественные науки. — 2007. — № 2 — С. 158—160 (на кит. яз.).
2. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 = Словарь современного китайского языка / под ред. Института лингвистики Китайской академии общественных наук. — 北京: 商务印书馆出版 = Пекин: Коммерческая пресса, 1998. — 1722 с. (на кит. яз.)
3. 张,丽娇. 中国神话与希腊神话的相似性浅析 / 张丽娇 = Чжан Лицзяо. Сравнительный анализ китайских и греческих мифов / Чжан Лицзяо // 哈尔滨学院学报 = Вестн. Ун-та Харбина. — 2004. — № 2. — С. 21—23 (на кит. яз.).
4. 李,文优. 中希创世神话比较研究 文化思维原型 / 李文优 = Ли Вэнью. Сравнительный анализ китайских и греческих космогонических мифов. Культурные прототипы / Ли Вэнью // 红河学院学报 = Вестн. ун-та Хунхэ. — 2008. — № 6. — С. 60—63 (на кит. яз.).
5. 李,艺武, 绒. 中希创世神话之比较 / 武绒 = У Жун. Сравнение китайских и греческих космогонических мифов / У Жун // 重庆科技学院学报. 社会科学版 = Вестн. Чунцин. технолог. ин-та. Соц. науки. — 2009. — № 9. — С. 202—203 (на кит. яз.).
6. 潘,世东. 多维视野下的中国希腊神话之比较 / 潘世东 = Пань Шидун. Сравнение китайской и греческой мифологии с различных точек зрения / Пань Шидун // 陕西师范大学学报 = Вестн. Педагогич. ун-та Шэньси. — 2001. — Спец. выпуск. — С. 122—127 (на кит. яз.).
7. 潘,世东. 文化哲学视野下的中、希神话之比较 / 潘世东, 邱紫华 = Пань Шидун. Сравнение китайских и греческих мифов с точки зрения культуры и философии / Пань Шидун, Цю Цзыхуа // 湖北民族学院学报 = Вестн. Ун-та национальностей провинции Хубэй. — 2001. — № 2. — С. 70—75 (на кит. яз.).

ТРАДИЦИИ ПРОШЛОГО В ПОЛИТИКЕ НАСТОЯЩЕГО: КИТАЙСКИЕ КОНТУРЫ МИРОВОГО ПОРЯДКА

И. И. Ковяко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: klq2034@mail.ru*

В статье предпринята попытка проанализировать влияние традиционных ценностей китайской цивилизации на внешнеполитическую стратегию современного Китая. Выявлены основные категории конфуцианства и даосизма, которые участвовали в формировании политического сознания нации. Определены идейные истоки китаецентризма и его взаимосвязь с международной политикой государства. Сделан вывод о высокой степени преемственности политических традиций прошлого в различных формах государственности Китая. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения вопросов внешней политики и стратегии КНР, современных международных отношений.

Ключевые слова: *конфуцианство; даосизм; гармония; сообщество единой судьбы человечества; Срединное государство; мировой порядок.*

TRADITIONS OF THE PAST IN POLICY OF THE PRESENT: CHINA'S FRAMEWORK OF THE GLOBAL ORDER

I. I. Kaviaka

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: klq2034@mail.ru*

The article attempts to analyze the influence of the traditional values of Chinese civilization on the foreign policy strategy of modern state. The main categories of Confucianism and Taoism which participated in the formation of the political consciousness of the nation revealed. The ideological origins of Sinocentrism and its correlation with the international policy of the state determined. The conclusion is made about the high degree of continuity of the political traditions of the past in various forms of China's statehood. The results can be used to further study the issues of Chinese foreign policy and strategy as well as contemporary international relations.

Keywords: *Confucianism; Taoism; harmony; community of common destiny of mankind; Middle State; global order.*

Прошлое неразрывно связано с настоящим и определяет контуры будущего. Чем глубже и богаче история государства и народа, тем разнообразнее ее влияние на современную политику и национальное самосознание. Китайская цивилизация является одной из древнейших, сохранившихся до наших дней. Ее наследие охватывает огромное количество материальных источников, близкое знакомство с которыми приоткрывает новые грани современной политики Китая, позволяет ее переосмыслить и взглянуть на давно привычные явления по-новому.

Вопросами взаимосвязи традиционных ценностей и современной политической культуры в Китае занимались Ю. А. Анто-

монова [1], Лю Цзоюань [2], А. В. Кортелева [3], Л. Е. Янгутов [4], Жэнь Сюе [5] и некоторые другие исследователи. В данной работе мы представим краткий обзор ключевых понятий и явлений древнекитайской культуры, которые, по нашему мнению, оказывают влияние на современную международную политику страны. Актуальность и значимость подобных исследований основана на предположении, что развитие конструктивного и успешного диалога с КНР предполагает понимание и учет выявленных особенностей ее внешней политики.

Рассуждая о контурах мирового порядка, какими их видит Китай, мы остановимся подробнее на двух вопросах. Во-первых, представляется важным определить, какие идеи древности определяют образ современного мироустройства? Что положено в его основу? Какие принципы должны определять его устойчивость? Почему определенная модель считается оптимальной для организации миропорядка? Во-вторых, необходимо ответить на вопрос, какое место отводит себе Китай в этой идеальной системе. Какие роли и функции он на себя примеряет? Почему другие государства не могут заменить Китай в этой модели?

Ответы на все эти вопросы следует искать в плоскости политического сознания китайской нации. На протяжении тысячелетий китайский народ накопил и зафиксировал в философских, исторических и литературных памятниках свой уникальный опыт, который сформировался в результате многочисленных успехов и неудач государственного строительства, а также выстраивания отношений с внешним окружением.

Принцип гармонии: от природы вещей до мировой политики. Понятие гармонии традиционно занимает важное место в китайской философии при анализе социально-политических процессов. Его влияние на теоретические основы внешней политики Китая довольно отчетливо. Гармония является одним из определяющих принципов конфуцианства и выражена двумя категориями — *датун* и *хэ*. В соответствии с ними, задачей китайских правителей с древних времен провозглашалось установление справедливого управления, как внутри государства, так и в отношении зависимых территорий. Учение Конфуция также предполагает иерархичность любого рода отношений, начиная от семьи и заканчивая уровнем государства. Задача нижестоящих — принимать волю вышестоящих, доверять их мудрости и опыту. Задача вышестоящих — заботиться о подчиненных и уважать их потребности. Идея великой гармонии в конфуцианстве была созвучна учению даосизма, согласно которому все существа носят в себе *инь* и *ян* и образуют великую гармонию [6; 7].

Реализация китайской внешней политики в соответствии с данным принципом предполагает использование, в первую очередь, экономических, торговых, финансовых и культурных методов — всего того, что американский исследователь Дж. Най назвал «мягкой силой» [8]. В XXI в. мягкая сила Китая охватывает не только динамично развивающиеся государства, но также беднейшие регионы Африки и Латинской Америки, которые не представляют выраженного интереса для западных компаний. При этом Китай избегает трансляции собственных идеологических ценностей или политической модели, следуя завету Лао-цзы: «Кто не презирает народ, тот не будет презрен народом. Поэтому мудрый себя не выставляет и отказывается от самолюбия» [7, с. 88]. При взаимодействии с зарубежными государствами китайцы демонстрируют уважение или нейтралитет по отношению к местным особенностям политического устройства, законодательной системы, культуре и верованиям. Не отказываясь от своих идей, они в то же время не стремятся к их навязыванию внешним участникам. В области международных отношений принцип гармонии предусматривает учет интересов всех сторон, избегание конфликтов и своевременное сглаживание острых углов. Сегодня, реализуя инициативу «Один пояс, один путь», Китай следует модели построения великой гармонии с помощью методов мягкой силы. Следуя представлениям древних, китайские руководители полагают, что подобная практическая политика является лучшим способом продемонстрировать величие и преимущества своей цивилизации.

Модель «весь мир — одна большая семья». Великая гармония, к которой стремится Китай, может быть осмыслена на примере жизни большой семьи. Философские идеи, выработанные и сохраненные народом в веках, неизбежно отражают его социальную жизнь. В Китае традиционно развит культ предков, что в полной мере соответствует идеалам конфуцианства. Семейные ценности и традиции имеют большое значение в жизни общества. До начала реализации политики «одна семья — один ребенок» китайские семьи были многодетными. Зачастую три или четыре поколения проживали под одной крышей. В такой ситуации установление гармонии в доме являлось главным принципом повседневной жизни населения всей страны. Это подкреплялось фундаментальной религиозно-политической философией Конфуция и Лао-цзы.

Модель большой семьи может быть экстраполирована и в область международных отношений. В таком случае весь мир рассматривается как одна большая семья, которая вынуждена проживать на одной территории — нашей планете. У каждого члена

семьи могут быть свои интересы, взгляды, принципы. Залогом сохранения и развития семьи становится взаимное уважение и взаимная выгода, обоюдные компромиссы, осознание болевых точек других и осторожное обращение с ними. В рамках конфуцианской этики, в любой семье должен быть глава — наиболее пожилой и опытный человек. Его лидирующее положение основано не на силовом превосходстве, а на его вкладе в развитие семьи, его жизненном опыте, мудрости, личном примере. На сегодняшний день китайская цивилизация — одна из самых древних на планете, сохранивших государственность и основы духовной жизни. Поэтому не вызывает удивления, что, в продолжение размышлений о гармонии в международном масштабе, Китай рассматривает себя как возможного главу большой семьи, который руководствуется принципами всеобщей справедливости, взаимного уважения и равного учета интересов всех государств. Современный лидер Китая Си Цзиньпин на протяжении десятилетия говорит о том, что весь мир — одна семья, и главной задачей его жителей должно стать создание «сообщества единой судьбы человечества» [9; 10].

Феномен Чжун-го и принцип китаецентризма. Китайцы до сих пор используют древнее название своей страны — Чжун-го, что означает «Срединное государство». Тем самым подчеркивается особое местоположение Китая на земном шаре, некая предопределенность особой исторической судьбы китайского народа и его правителей. Согласно представлениям, которые сформировались в древности, Чжун-го — колыбель и носитель цивилизационных благ. Она окружена «варварами», и ее задача — привлечь их на свою сторону, используя достижения цивилизации (политические, экономические, научно-технические, культурные и т. д.). С точки зрения правителей Древнего Китая, использование силовых методов в отношении «варваров» не являлось приоритетным. Это подтверждают и закрепляют размышления великого военного теоретика и стратега Сунь-цзы [11]. Китайская цивилизация скорее рассматривалась как магнит, который притягивает другие народы и делает их добровольными вассалами китайского правителя [12, с. 357; 13, с. 605].

На протяжении веков Китай прошел долгий путь внутренних трансформаций. Вместе с тем основные принципы управления и взаимодействия с внешней средой, основанные на конфуцианских и даосских ценностях, мало изменились. Определенным исключением можно назвать период «культурной революции», однако после смерти Мао Цзэдуна он был официально признан ошибочным. Современный Китай позиционирует себя как коммунистическое государство, где происходит строительство «со-

циализма с китайской спецификой». Однако, учитывая тысячелетнюю историю, можно предположить, что это всего лишь современная форма Чжун-го — носителя аутентичных основ китайской цивилизации, который на правах старшего стремится к установлению гармонии в многочисленной семье наций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антомонова, Ю. А. Трансформация понятия «гармония» в истории конфуцианства / Ю. А. Антомонова // Вестн. Ун-та. — 2012. — № 10. — С. 264—267.
2. Лю, Ц. Культурные ценности в системе культурных стратегий Китая Си Цзиньпина / Ц. Лю // Культура и цивилизация. — 2022. — Т. 12, № 2-1. — С. 138-143
3. Кортелева, А. В. Конфуцианство в политике современного Китая / А. В. Кортелева, П. В. Ильинская, С. М. Савонова // Современная наука: традиции и инновации сб. науч. ст. по итогам II молодеж. конкурса науч. работ. — Волгоград: Абсолют, 2020. — С. 87—90.
4. Янгутов, Л. Е. Идея гармоничного мира в современной идеологической стратегии КПК, ее духовные истоки / Л. Е. Янгутов // Вестн. Бурят. науч. центра Сибир. отд. РАН. — 2021. — № 4(44). — С. 75—81.
5. Жэнь Сюе. Международные отношения: история, теория, практика [Электронный ресурс]: материалы XII науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений Беларус. гос. ун-та, Минск, 3 февр. 2022 г. — Минск: БГУ, 2022. — С. 561—564.
6. Конфуций. Изречения. Книга песен и гимнов / Конфуций. — М.: АСТ; Астрель, 2011. — 506 с.
7. Лао-цзы. Дао дэ цзин / Лао-цзы. — СПб.: Азбука, 2016. — 144 с.
8. Nye, J. Soft Power: The means to success in world politics / J. Nye. — New York: Public Affairs, 2004. — 191 p.
9. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 1 / Си Цзиньпин. — Пекин: ИИЛ, 2014. — 624 с.
10. Си Цзиньпин. О создании сообщества единой судьбы человечества / Си Цзиньпин. — Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 2021.
11. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве / Сунь-цзы; пер. с кит. Н. И. Конрада. — СПб.: Азбука, 2016. — 480 с.
12. Дельнов, А. А. Китайская империя: От Сына Неба до Мао Цзэдуна / А. А. Дельнов. — М.: Алгоритм, 2013. — 560 с.
13. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. — М.: АСТ; Астрель, 2000. — 632 с.

СОСТОЯНИЕ И ОПЫТ КИТАЙСКО-ГРУЗИНСКОГО ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Лань Пэнхэ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: bblph2006@126.com*

Грузия активно участвует в строительстве «Пояса и пути» и в полной мере использовать роль Грузии как моста, соединяющего евразийские транспортные и товарные транзитные узлы. Двустороннее сотрудничество не

только отвечает соответствующим характеристикам развития и потребностям сотрудничества Китая и Грузии, но также соответствует общим устремлениям и интересам китайского и грузинского народов. Взаимоотношения будут служить примером равноправного сотрудничества между странами независимо от их величины и степени развития. В будущем обе стороны должны продвинуть сестыковку стратегий развития, повысить уровень двустороннего делового сотрудничества, обогатить содержание совместного строительства экономического пояса, освоить новые сферы практического взаимодействия и создать более благоприятную гуманитарную обстановку.

Ключевые слова: Китай; Грузия; двустороннее сотрудничество; Один пояс, один путь.

STATUS AND EXPERIENCE OF CHINESE-GEORGIAN BILATERAL COOPERATION

Lan Penghe

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: bblph2006@126.com

Georgia is actively involved in the construction of the "Belt and Road" and to fully use the role of Georgia as a bridge connecting the Eurasian transport and commodity transit hubs. Bilateral cooperation not only meets the respective development characteristics and cooperation needs of China and Georgia, but also meets the common aspirations and interests of the Chinese and Georgian people. Relationships will serve as an example of equal cooperation between countries, regardless of their size and degree of development. In the future, both sides should advance the alignment of development strategies, raise the level of bilateral pragmatic cooperation, enrich the content of the joint construction of the economic belt, explore new areas of practical interaction and create a more favorable humanitarian environment.

Keywords: China; Georgia; bilateral cooperation; Belt and Road Initiative.

Грузия представляет собой важную станцию древнего Шелкового пути и ключевую страну в пространстве «Один пояс, один путь», имея благоприятное преимущество местоположения и огромный потенциал развития в сферах транзитных перевозок, логистики и другие. Грузия активно поддерживает инициативу «Один пояс, один путь» и активно в ней участвует, являясь одной из первых стран, подписавшей с китайской стороной Меморандум о совместном строительстве «экономический пояс Шелкового пути», взяв хороший старт в совместном строительстве «Пояса и пути».

С января по июль 2022 г. стоимость экспорта Грузии в Китай составляет 875 613 220 дол. США, и Китай является крупнейшим экспортером Грузии. Стоимость импорта в Китай составляет 1 141 750 880 дол. США, Китай является третьим по величине импортером Грузии [1]. Реализация концепции «Один пояс, один путь» придала новый мощный импульс развитию торгово-эко-

номического сотрудничества между Китаем и Грузией. Грузия сталкивается с сильным спросом на экономическую реструктуризацию и модернизацию инфраструктуры, в то время как Китай имеет конкурентное преимущество в производстве оборудования и строительстве инфраструктуры. Двустороннее сотрудничество не только отвечает соответствующим характеристикам развития и потребностям сотрудничества Китая и Грузии, но также соответствует общим устремлениям и интересам китайского и грузинского народов. Экономики Китая и Грузии хорошо дополняют друг друга, а экономическое и торговое сотрудничество между двумя странами имеет широкие перспективы. Сотрудничество двух сторон придаст важный импульс более тесным евразийским связям и продвижению глобальной экономической интеграции.

За прошедшие 30 лет страны основательно продвигали сотрудничество во всех областях, поддерживали эффективные контакты и координацию по международным делам, содействовали здоровому и стабильному развитию двусторонних отношений. В условиях пандемии COVID-19 народы КНР и Грузии искренне помогли друг другу и совместными усилиями преодолели трудности, что стало прекрасной историей о солидарности в борьбе с болезнью. Китай придает большое значение китайско-грузинским отношениям и готов объединить усилия с Грузией для содействия достижению еще больших результатов в развитии двусторонних связей и сотрудничестве во всех областях на благо обеих стран и их народов. Грузия активно прилагает усилия по развитию дружественных отношений с КНР и готова совместно с китайской стороной работать над углублением взаимовыгодного сотрудничества и содействием совместному процветанию двух государств [2].

Вполне закономерно, что ко времени вступления во Всемирную торговую организацию в 2001 г., Китай уже стал второй экономикой мира, первым государством мира по объему торговли, первым государством мира по объемам привлеченных иностранных инвестиций и вторым государством мира по объему внешних прямых инвестиций, играя ключевую роль в мировой торговой системе. В условиях нынешнего замедления роста мировой торговли, все крупные экономики мира столкнулись с трансформацией производственной структуры, поднятием торгового протекционизма, постепенным развитием торговли услугами и других новых видов торговли, структура мировой торговли находится на новом историческом повороте. Выступая в роли ответственной державы, Китай начал этот поворот на собственном примере и выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», ускоряя развитие мировой торговли и трансформацию экономической структуры.

Инициатива «Один пояс, один путь» подразделяется на «взаимосвязанность в пяти аспектах», среди которых: политическая координация, беспрепятственная торговля, свободное денежное обращение, взаимосвязь инфраструктуры, общность чаяний народов; в частности, беспрепятственная торговля является основным звеном развития взаимосвязанности в пяти аспектах. В условиях новых особенностей и новых тенденций международной торговли, Китай, посредством инициативы «Один пояс, один путь», открыл новые возможности для развития торговли, упрощения процедуры торговли, создания глобальной сети торговых парков, повышения уровня нового торгового сотрудничества и уровня инвестиционного сотрудничества, и тем самым сделал свой вклад в здоровое и стабильное развитие мировой торговли [3, с. 1–2].

С момента реализации инициативы «Один пояс, один путь», можно закономерно выделить взаимную активность в том, что сотрудничество между Грузией и Китаем неподдельное, а, следовательно, будет развиваться и дальше. Созданный формат сотрудничества позволяет не просто активно продвигать основные стороны проекта, но и предпринимать вполне серьезные укрепляющие меры.

Во-первых, участился обмен визитами на высоком и высшем уровнях, непрерывно укрепляется политическое взаимодействие и достигли единого согласия в обширной мере по вопросам совместного строительства «Одного пояса и одного пути». Во-вторых, Китай и Грузия декларируют свои намерения через подписание важнейших международных соглашений, позволяющих не только выработать общие условия сотрудничества, но и вносить коррективы, связанные с изменением геополитической обстановки в регионах Кавказа. В-третьих, функционирование платформы. Было успешно проведена серия международных саммитов, форумов, семинаров, выставок на тему «Одного пояса и одного пути», которые играют важную роль для укрепления взаимопонимания, общего познания и углубления сотрудничества. [4, с. 239].

Таким образом, китайская инициатива «Один пояс, один путь» создала новые возможности для развития мировой экономики. Грузия расположена вдоль Экономического коридора Китай—Центральная Азия—Западная Азия в плане строительства «Экономического пояса Шелкового пути», который стал новым путем экономического развития Грузии. Для Грузии расширение диверсифицированного двустороннего сотрудничества посредством совместного строительства проекта «Экономический пояс Шелкового пути» является благоприятной возможностью для

развития и мудрым и прагматичным стратегическим выбором. И двустороннее сотрудничество между Китаем и Грузией имеет широкие перспективы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. External Trade [Electronic resource] // National Statistics Office of Georgia. — Mode of access: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/35/external-trade>. — Date of access: 01.07.2022.
2. Си Цзиньпин и президент Грузии Саломе Зурабишвили обменялись поздравительными посланиями по случаю 30-летия установления дипотношений. [Электронный ресурс] // Синьхуа. Новости. — 09.06.2022. — Режим доступа: <https://russian.news.cn/20220609/1c0ef7b175324ddd9a21a8d56a9597bd/c.html>. — Дата доступа: 01.07.2022.
3. Лю Вэй. Беспрепятственный товарообмен – путь к всеобщему богатству / Лю Вэй. — Пекин: Изд-во лит. на иностранных яз., 2017. — 57 с.
4. Ван Ивэй. Возможности и вызовы «Один пояс, один путь» / Ван Ивэй. — Пекин: Народ. изд-во, 2016. — 249 с. (на кит. яз.).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИИ В ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (2005—2021 гг.)

О. В. Ливиндюк¹⁾, С. Ф. Свилас²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: livindiuk.olga@gmail.com

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: svilaso104@gmail.com

В статье содержится анализ деятельности Индии в ШОС. Выделены предпосылки, причины и факторы вступления в организацию Индии в организацию сначала в качестве наблюдателя (2005 г.), а затем и полноправного члена (с 2017 г.). Раскрыта суть стратегии США в Центральной Азии и роль в ней Индии. Рассмотрен вопрос совместного противодействия государственных ШОС терроризму и экстремизму, исходящим из Афганистана, подчеркнута значимость создания Антитеррористической рабочей группы, а также сотрудничества в сфере энергетики. Определено содержание первой региональной инициативы Нью-Дели «Соединим Центральную Азию» и сложности в ее реализации, а также политики «Взгляд на Север». Выявлена роль Индии в активизации трехстороннего диалога с Россией и Китаем в рамках ШОС. Рассмотрены ее цели и основные направления деятельности в Организации после получения статуса члена, реализация проекта Международного транспортного коридора Север-Юг, другие инициативы; отмечено негативное влияние на сотрудничество индо-пакистанских противоречий.

Ключевые слова: Индия; ШОС; Центральная Азия; Россия; Китай; международная торговля; борьба с терроризмом; энергетическое сотрудничество.

INDIA'S ACTIVITIES IN THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION (2005—2021)

O. V. Livindiuk^a, S. F. Svilas^b

^aBelarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: livindiuk.olga@gmail.com

^bBelarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: svilas0104@gmail.com

Corresponding autor: O. V. Livindiuk (livindiuk.olga@gmail.com)

The article contains an analysis of India's activities in the SCO. The prerequisites, reasons and factors for India's entry into the organization, first as an observer (2005), and then as a full member (since 2017), are highlighted. The essence of the US strategy in Central Asia and the role of India in it are revealed. The issue of joint counteraction of the SCO member states to terrorism and extremism emanating from Afghanistan was considered, the importance of creating an Anti-Terrorist Working Group, as well as cooperation in the energy sector was emphasized. The content of the first regional initiative of New Delhi "Connect Central Asia" and the difficulties in its implementation, as well as the policy "Look North" are determined. The role of India in intensifying the trilateral dialogue with Russia and China within the framework of the SCO is revealed. The role of India in intensifying the trilateral dialogue with Russia and China within the framework of the SCO is revealed. Its goals and main directions of activity in the Organization after obtaining the status of a member, the implementation of the project of the International North-South Transport Corridor, and other initiatives were considered; noted the negative impact on the cooperation of the Indo-Pakistani contradictions.

Keywords: India; SCO; Central Asia; Russia; international trade; counterterrorism; energy cooperation.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) была учреждена в 2001 г. шестью государствами: Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан. Ситуация, сложившаяся на международной арене после распада Советского Союза, вынуждала бывшие республики СССР во взаимодействии с Китаем стремиться к углублению сотрудничества на многосторонней основе. Пограничные соглашения на двухсторонней основе Китая с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, подписанные в 2001—2012 гг., стимулировали рост объема торговли, а также превращали пространство ШОС в источник природных ресурсов и рынок сбыта для растущей экономики Китая [1].

Участники Организации проявляли заинтересованность не только в развитии торговли, но и в укреплении архитектуры безопасности, в повестку ШОС сразу вошли такие вопросы, как противодействие «терроризму, сепаратизму и экстремизму», «борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия», однако институты для реализации программы безопасности, Секретариат и Исполнительный комитет Региональной антитеррористической структуры (РАТС), появились спустя три года [2].

В таких условиях 2005 г. Индия, Иран и Пакистан присоединилась к ШОС в качестве наблюдателей. Привлекательность ШОС для Индии была обусловлена рядом факторов. Во-первых, важную роль играло выгодное геополитическое положение участников организации, участие в ней Китая и России. Во-вторых, недра стран — членов ШОС, богатые месторождениями урана, углеводородов и нефти. В-третьих, возможность интенсификации отношений с географически близкими государствами Центральной Азии [3].

Благодаря своему уникальному геополитическому положению Центральная Азия в XXI в. стала плацдармом для соперничества США, России и Китая, а также для таких региональных игроков, как Иран, Турция и Пакистан. США разработали стратегию «Большой Центральной Азии», нацеленную на вытеснение России и Китая из региона. В этой стратегии Индии отводилась роль противовеса влиянию Москвы и Пекина [4, с. 83].

Не менее остро стоял вопрос совместного противодействия терроризму и экстремизму. Индия стремилась обезопасить себя от террористической угрозы со стороны Афганистана, который является связующим звеном между Южной и Центральной Азией, имеет общие границы с Таджикистаном и Узбекистаном. Борьба с терроризмом находится в контексте интересов как Индии, так и государств Центральной Азии. Совместно с Таджикистаном, Узбекистаном и Казахстаном Индия учредила Антитеррористическую рабочую группу, в рамках оборонного сотрудничества провела ряд совместных военных учений и тренировок [5, с. 307–308].

В качестве важного приоритета рассматривалось также сотрудничество в сфере энергетики. Как известно, регион Центральной Азии богат углеводородами и нефтью. По данным Управления энергетической информации США, Казахстан занимает второе место по запасам и добыче нефти среди бывших республик СССР после России, второе место в мире по запасам урана [4, с. 93]. Начиная с 2011 г., Индия предприняла значительные усилия для углубления энергетического сотрудничества. Был заключен ряд соглашений, включающий ядерную сделку с Казахстаном (2011 г.) [4, с. 93].

Центральноазиатский вектор внешней политики Индии четко обозначился в 2012 г., когда была сформулирована первая региональная инициатива Нью-Дели — «Соединим Центральную Азию» (*Connect Central Asia Policy*) [3]. Министр иностранных дел Э. Ахамед на встрече в Бишкеке охарактеризовал основные направления инициативы следующим образом: «Политика направлена на создание университетов, больниц, центров инфор-

мационных технологий (ИТ), электронной сети для контактов медучреждений, реализацию совместных коммерческих предприятий, улучшение воздушного сообщения для развития торговли и туризма, совместные научные исследования и стратегическое партнерство в сфере безопасности» [6]. В рамках своей центральноазиатской политики Индия инициировала обмен передовыми технологиями и квалифицированными кадрами по образовательной программе *ITEC* [5, с. 304].

Отметим, что Нью-Дели предпринял попытку напомнить о себе в Центральной Азии в рамках давней политики «Взгляд на Север» (*Look North*), профинансировав строительство авиабаз Фархор и Айни в Таджикистане, однако ему не удалось найти свою нишу в сотрудничестве, поскольку Индия еще не входила в ШОС и была недостаточно глубоко интегрирована в те политические процессы, которые протекали на территории Центральной Азии [4, с. 84]. Получив статус наблюдателя в ШОС (2005 г.), она заключила соглашения о стратегическом партнерстве с Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном, а также выдвинула предложение о том, чтобы сделать сухопутные маршруты, связывающие ее с Центральной Азией, частью Проекта международного коридора Север—Юг. Нью-Дели выразил готовность в рамках данного проекта построить порт Чахбахар и шоссе Деларам Зарандж, а также завершить строительство линии электропередачи из Узбекистана в Афганистан [4, с. 90].

Индия активизировала трехсторонний диалог с Россией и Китаем в рамках ШОС. В 2006 г. состоялась первая трехсторонняя встреча Президента России В. В. Путина с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао. Годом позже главы государств подписали Совместное заявление о расширении сотрудничества в трехстороннем формате [7, с. 56].

Не меньше внимания Индия уделяла и сотрудничеству в рамках всей Организации с целью противодействия терроризму. Она была весьма обеспокоена джихадистскими настроениями в Джамму и Кашмире, где вели подрывную деятельность спонсируемые Пакистаном радикальные группировки «Хизб уль-Муджахеддин», «Аль-Бадар», «Джамаат Таблиг» и «Харакат уль-Муджахеддин» [8, с. 513], а также опасалась экспорта исламского радикализма из Пакистана и Афганистана.

Хотя ШОС с самого начала своей истории была нацелена на совместную борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [9], Индия заняла выжидательную позицию и не спешила вступать в организацию как ее полноправный участник. Это было обусловлено несколькими причинами. В первую очередь, сказывалось укрепление сотрудничества с США: так, в 2007 г. Всеин-

дийское радио заявило о том, что интерес Индии к ШОС «ослабевает в связи с индоамериканской ядерной сделкой» [7, с. 53]. К тому же Нью-Дели был негативно настроен по отношению к Пакистану. За терактом в Мумбаи (2008 г.) стояла джихадистская организация «Лашкар-э-Тайба», которая базировалась в Пакистане. Официально пакистанские власти согласились сотрудничать с Индией в расследовании теракта, но на практике Исламабад пытался стереть доказательства причастности к теракту пакистанской «Лашкар-э-Тайба» [10]. Риторика Нью-Дели в отношении Пакистана была жесткой и бескомпромиссной: премьер-министр Индии Манмохан Сингх называл соседнее государство «эпицентром терроризма» [8, с. 509]. После победы на выборах «Бхаратия Джаната Парти» (2014 г.) Индия стала проявлять большую гибкость и взяла курс на нормализацию отношений с Пакистаном [11]. Смена индийского правительства стала одним из факторов, повлиявших на то, что Индия стала членом ШОС.

В 2015 г. на саммите в Уфе было принято решение о вступлении Индии и Пакистана в состав ШОС как ее полноправных членов, которое вступило в силу спустя два года. Премьер-министр Н. Моди иллюстрировал планы Индии в составе ШОС следующим образом: «Мы улучшим транспортные и коммуникационные сети в регионе. Мы можем создать обширную сеть путей сообщения от северной границы Евразии до южных берегов Азии. И важным шагом в этом направлении станет Международный транспортный коридор Север—Юг (*INSTC*)» [2].

Москва инициировала создание коридора как российско-индийского маршрута для перевозки пассажиров и грузов через Иран и страны Персидского залива. *INSTC* задумывался в качестве альтернативы Транспортному коридору Европа-Кавказ-Азия (*TRACECA*), построенному Европейскому Союзом. Сама же Индия заинтересована в *INSTC* ничуть не меньше России, рассматривая его как возможность торговать с Россией, Европой и Средней Азией в обход главного соперника — Пакистана. К тому же эта поддержка этой инициативы сулила Индии возможность соединить Мумбаи сетью дорог с портом Бандар-Аббас и открыть ворота в регион Персидского залива [12].

Проект транспортного коридора развивался медленными темпами, но значительно ускорился после вступления в силу членства Индии в ШОС и Ашхабадского соглашения (2018 г.). В 2020 г. индийская корпорация *Concor* и ОАО «Российские железные дороги» подписали меморандум о сотрудничестве по перевозке грузов через *INSTC*, а в 2021 г. был введен в эксплуатацию западный коридор *INSTC*, соединяющий Индию с Европой [13].

В составе ШОС Индия преследует две основные цели: энергетическая безопасность и борьба с терроризмом. Весьма полезным для индийской разведки оказался доступ к базам данных РАТС в Ташкенте. Индия также активно участвовала в совместных учениях по борьбе с кибертерроризмом, проводимых в Сямыне, и в российских антитеррористических учениях «Мирная миссия 2018» [14]. Вместе с тем антитеррористическое сотрудничество затрудняет неурегулированный территориальный спор с Пакистаном, из-за которого диалог по борьбе с терроризмом оказался почти заморожен: сотрудничество в рамках РАТС включает обмен данными разведки. Индия обвинила пакистанскую межведомственную разведку в обучении и размещении боевиков в Кашмире, а Пакистан предъявил претензии в том, что индийские спецслужбы ведут подрывную деятельность в Белуджистане [15].

Несмотря на сложности в отношениях с Пакистаном, Индия продолжает плодотворно сотрудничать с ШОС и укреплять в ее рамках свои связи с Россией и государствами Центральной Азии. В 2020 г. она председательствовала на 19-м заседании Совета глав правительств ШОС, выделив три новых направления сотрудничества: стартапы и инновации, наука и технологии; традиционная медицина. В ноябре 2020 г. Индия провела первый в истории организации Консорциум экономических аналитических центров ШОС, а также первый Форум стартапов ШОС. Особое внимание уделялось вопросу популяризации традиционной медицины, которая, по мнению индийского вице-президента В. Найду, в условиях пандемии и кризиса современной медицинской системы обеспечивает людей недорогими и эффективными методами лечения. Индия заинтересована в укреплении торгово-экономических и культурных связей, энергетическом сотрудничестве, а также в поддержании безопасности на пространстве ШОС [16].

ШОС с самого начала своей истории вызывала у Индии экономический и политический интерес. Геополитическое пространство ШОС использовалось Нью-Дели, чтобы обезопасить себя от угрозы со стороны Афганистана. После вступления в ШОС (2015 г.) приоритетами Индии стали стратегическое партнерство с целью противодействия терроризму, а также сотрудничество в сфере энергетики. Пакистанский фактор в значительной мере осложнял многостороннее антитеррористическое сотрудничество из-за неурегулированного территориального конфликта с Исламабадом. Продолжалось активное сотрудничество в самых разных сферах с Российской Федерацией, Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Политика Индии в рамках ШОС носила прагматичный характер и была нацелена, в первую очередь,

на реализацию национальных интересов, о чем свидетельствует инициатива создания Международного транспортного коридора Север-Юг (*INSTC*), который позволил бы осуществлять транспортировку грузов в обход Пакистана, а также активная реализация торгового и антитеррористического сотрудничества с Китаем, несмотря на существующие между государствами разногласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Mukerji, A. India and the Shanghai Cooperation Organization / A. Mukerji [Electronic resource] // Observer Research Foundation. — 08.12.2020. — Mode of access: <https://www.orfonline.org/expert-speak/india-shanghai-cooperation-organisation/>. — Date of access: 10.09.2022
2. Upadhyay, B. India's SCO Membership: Prospects & Constraints / B. Upadhyay [Electronic resource] // Indian Council of World Affairs. — 12.08.2016. — Mode of access: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=603&lid=545. — Date of access: 10.09.2022
3. Joshi, N. India's Role in the Shanghai Cooperation Organization / N. Joshi [Electronic resource] // The United Service Institution of India. — 2019. — Mode of access: <https://usiofindia.org/publication/usi-journal/indias-role-in-the-shanghai-cooperation-organisation/>. — Date of access: 11.05.2022
4. Kaushiki, N. The New Great Game and India's Connect Central Asia Policy: Strategic Perspectives and Challenges / N. Kaushiki [Electronic resource] // Journal of International and Area Study. — Vol. 20, N 2. — 2013. — Mode of access: https://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/96559/1/6.The-New-Great-Game-and-India%E2%80%99s-Connect-Central-Asia-PolicyStrategic-Perspectives-and-Challenges_Nishtha-Kaushiki.pdf. — Date of access: 10.09.2022
5. Singh Roy, M. India's 'Connect Central Asia' Policy: Building Cooperative Partnership / M. Singh Roy [Electronic resource] // Indian Foreign Affairs Journal. — Vol. 8, N 3. — 2013. — Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/45341897>. — Date of access: 10.09.2022
6. Jha, M. India's Connect Central Asia Policy: A look back at India-Central Asia relations in the Post-Soviet era [Electronic resource] / M. Jha // The Diplomat. — 02.12.2016. — Mode of access: <https://thediplomat.com/2016/12/indias-connect-central-asia-policy-2/>. — Date of access: 10.09.2022
7. Шаумян, Т. Л. Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике / Т. Л. Шаумян [Электронный ресурс] // Сравнительная политика. — 2013. — № 3. — С. 44—64.
8. Харина, О. А. Стратегические интересы Индии в ШОС: энергетика и безопасность [Электронный ресурс] / О. А. Харина // Вестник РУДН. — Международные отношения. — 2017. — Т. 17, № 3. — С. 508—517.
9. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] // Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. — 15.06.2001. — Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/International_legal_documents/Conventions/shanghai_conv.pdf. — Дата доступа: 10.09.2022

10. Mahadevan, P. A Decade on from the 2008 Mumbai Attack: Reviewing the question of state-sponsorship / P. A. Mahadevan [Electronic resource] // International Centre for Counter Terrorism. — 27.06.2019. — Mode of access: <https://icct.nl/publication/a-decade-on-from-the-2008-mumbai-attack-reviewing-the-question-of-state-sponsorship/>. — Date of access: 10.09.2022

11. Kumar, S. India and Pakistan: Between 'Disgust' and Dialogue / S. Kumar [Electronic resource] // The Diplomat. — 25.03.2015. — Mode of access: <https://thediplomat.com/2015/03/india-and-pakistan-between-disgust-and-dialogue/>. — Date of access: 10.09.2022

12. Sahakyan, M. D. Rebuilding Interconnections: Russia, India and the International North-South Transport Corridor / M. D. Sahakyan [Electronic resource] // AsiaGlobal Online Journal. — 17.09.2020. — Mode of access: <https://www.asiaglobalonline.hku.hk/rebuilding-interconnections-russia-india-and-international-north-south-transport-corridor>. — Date of access: 10.09.2022

13. Bhardwaj, N. India's Export Opportunities Along the International North South Transport Corridor / N. Bhardwaj [Electronic resource] // India Briefing: from Dezan Shira & Associates. — 21.02.2022. — Mode of access: <https://www.india-briefing.com/news/indias-export-opportunities-along-the-international-north-south-transport-corridor-22412.html/>. — Date of access: 10.09.2022

14. Singh, S. Opinion: India's anti-terrorism agenda at SCO / S. Singh [Electronic resource] // CGTN. — 25.04.2018. — Mode of access: https://news.cgtn.com/news/3d3d414e3463444d77457a6333566d54/share_p.html. — Date of access: 10.09.2022

15. Kupriyanov, A. The SCO and the conflict between India and Pakistan / A. Kupriyanov [Electronic resource] // Observer Research Foundation. — 08.12.2020. — Mode of access: <https://www.orfonline.org/expert-speak/sco-conflict-between-india-pakistan/#:~:text=SCO%20rules%20require%20the%20Indian,on%20an%20almost%2Dmonthly%20basis>. — Date of access: 10.09.2022

16. Sajjanhar, A. SCO comes to India / A. Sajjanhar [Electronic resource] // Observer Research Foundation. — 05.12.2020. — Mode of access: <https://www.orfonline.org/expert-speak/sco-comes-to-india/#:~:text=India%20chaired%20the%2019th,became%20its%20member%20in%202017>. — Date of access: 10.09.2022.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПОГРАНИЧНЫХ КОНФЛИКТОВ (2003 г. — настоящее время)

Ли Цзинин

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь, e-mail: 2179351079@qq.com

В статье рассматриваются китайско-индийские отношения в контексте двух пограничных конфликтов — Докламе и Гархване. Показана трансформация взаимоотношений между Китаем и Индией с мо-

мента возобновления отношений в 2003 г. до настоящего времени: от потепления в 2003 г. до усиления конфронтации в связи с пограничными конфликтами 2017 и 2020 гг. и присоединением Индии к «Индо-Тихоокеанской стратегии». Альянс Индии с США, Японией и Австралией в рамках данной стратегии продемонстрировал стремление ослабить региональное влияние Китая и вызвал недоверие в отношении политики Нью-Дели. На основе анализа китайско-индийских пограничных конфликтов выявлено стремление каждой из сторон доминировать в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Выделены общие позиции, которые помогли урегулировать конфликт и наладить отношения двух стран: общая геополитическая позиция, сохранение политической стабильности и безопасности в регионе, взаимовыгодное экономическое сотрудничество.

Ключевые слова: Китай; Индия; индийско-китайские отношения; конфликт; Доглам, Гархван; Индо-Тихоокеанская стратегия.

THE TRANSFORMATION OF SINO-INDIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF BORDER CONFLICTS (2003 — present)

Li Jingying

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: 2179351079@qq.com

This article examines Sino-Indian relations in the context of the two border conflicts, Doklam and Garhwana. It shows the transformation of China-India relations from the resumption of relations in 2003 to the present, from warming in 2003 to increasing confrontation over the border conflicts of 2017 and 2020 and India's accession to the "Indo-Pacific Strategy. India's alliance with the U.S., Japan, and Australia under this strategy has demonstrated a desire to weaken China's regional influence and has caused distrust of New Delhi's policies. An analysis of the Sino-Indian border conflicts reveals each side's desire to dominate the Asia-Pacific region. Common positions that helped to resolve the conflict and establish relations between the two countries were identified: a common geopolitical position, the preservation of political stability and security in the region, and mutually beneficial economic cooperation.

Keywords: China; India; India-China relations; conflict; Doglem, Garhwan; Indo-Pacific Strategy.

Китайско-индийские отношения имеют длительную историю. Наличие протяженной границы, участие в региональных объединениях (например, ШОС, БРИКС, АБИИ, G20), стремление каждой из стран доминировать в регионе Юго-Восточной Азии делает их отношения противоречивыми. С одной стороны, страны активно взаимодействуют друг с другом, с другой — это взаимодействие омрачено территориальным спором.

С 90-х гг. XX в. отношения между Китаем и Индией можно охарактеризовать как напряженные, потепление произошло в начале нового тысячелетия, в июне 2003 г. когда по приглашению китайского премьера Вэнь Цзябао премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджпайи посетил Китай с шестидневным официальным

визитом. Этот визит стал крупной дипломатической инициативой в китайско-индийских отношениях спустя 10 лет после визита премьер-министра Индии Рао в Китай в 1993 г.

Между премьером Китая Вэнь Цзябао и премьер-министром Ваджпай состоялся широкий и углубленный обмен мнениями по двусторонним отношениям, международным и региональным вопросам, представляющим взаимный интерес. Итогом встречи стало подписание «Декларации о принципах отношений и всестороннего сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Республикой Индия». Помимо основополагающего документа, между правительствами двух стран был подписан ряд соглашений по вопросам правосудия, образования, культуры, науки и техники, энергетики, карантина, упрощения визовых процедур и расширения приграничной торговли [1]. Визит способствовал укреплению дружественных отношений, улучшению торгово-экономических связей и взаимовыгодному сотрудничеству между странами.

Визит был высоко оценен как Китаем, так и Индией и получил широкую поддержку международного сообщества. Следует выделить ключевые причины такой реакции на визит: во-первых, из-за напряженных китайско-индийских отношений, их развитие вызывало озабоченность, как среди населения этих стран, так и всего мирового сообщества. Во-вторых, в период смены международной турбулентности добрососедство, взаимное доверие, дружба и сотрудничество между двумя самыми густонаселенными развивающимися державами мира не только оказывает прямое и значительное влияние на региональную ситуацию в Южной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и являются важными факторами мира, стабильности и развития всего мирового сообщества.

Восстановление добрососедских отношений способствовало широкомасштабному сотрудничеству в экономической сфере. Так, в 2004 г. объем двусторонней торговли впервые превысил 10 млрд дол. США. В июле 2006 г. Индия и Китай вновь открыли перевал Найдугла, часть Шелкового пути, древнего торгового маршрута, проходящего через Гималаи. Официальные лица обеих стран заявили, что возобновление приграничной торговли может облегчить экономическую изоляцию региона [2]. Благодаря активным усилиям обеих сторон двусторонняя торговля к 2012 г. выросла до 70 млрд дол. США.

Однако неурегулированный вопрос границ между Китаем и Индией в июне 2017 г. привел к возобновлению конфликта между странами и вызвал широкий международный резонанс.

Поводом к очередному витку эскалации послужили действия инженерно-строительных подразделений Китая в приграничном районе Доклам при модернизации дороги. Под предлогом нарушения государственной границы Индии Китаем, индийские пограничники проникли на китайскую территорию, пытаясь остановить работу китайской строительной бригады. Китайское правительство решительно осудило подобные действия индийских пограничников, выдвинув требования к индийской стороне. Китайская сторона разъяснила, что китайские военные приняли решительные меры для защиты территориального суверенитета, законных прав и интересов страны [3].

Китайский исследователь Е Хайлинь расценивает действия Индии в приграничном районе Доклам как преднамеренные, послужившие основой для сфабрикованного против Китая обвинения, в котором Нью-Дели заявил, что началом конфронтации стало нарушение границы в Сиккиме китайскими войсками. Пекин опроверг обвинения, выдвинутые индийской стороной. В ответ на официальное заявление Пекина, Индия изменила свою позицию, указав, что регион Доклам принадлежит Бутану и вторжение китайских войск на его территорию вынудило Индию применить свой договор о защите с Бутаном, направив туда свои войска для его поддержки [4, с. 40]. Подчеркнем, что эти заявления не соответствовали действительности, поскольку между Бутаном и Китаем нет территориальных споров, в частности, вопрос о принадлежности Доклама не подвергался сомнению относительно его принадлежности, поскольку эта территория всегда находилась под контролем Китая.

В результате, Индия была вынуждена отвести свои войска, но ее действия в районе Доклам негативно сказались на китайско-индийских отношениях и имели отрицательные последствия для обеих сторон.

Инцидент в Докламе стал переломным моментом в развитии китайско-индийских отношений в XXI в. Политика Нью-Дели по отношению к Пекину после пограничного конфликта приобрела явно негативный оттенок и агрессивный характер. Индийское правительство потратило значительные средства на увеличение своих сил на спорной территории вдоль китайско-индийской границы, заявляя, что оно всегда готово вступить в гонку вооружений с Китаем вдоль границы. На международном уровне Индия приветствовала запуск американской концепции «Индо-Тихоокеанского региона», имеющей четкий и конфронтационный сигнал Китаю [5]. Как геополитическую концепцию, Индийский и Тихий океан можно рассматривать как единую «стратегическую

систему». Концепция Индо-Тихоокеанского региона получила развитие в 2017 г., когда президент США Д. Трамп во время своей поездки в Азию заявил о намерении построить «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион».

Администрация Трампа обнародовала доклад о стратегии национальной безопасности, в котором более подробно изложила индо-тихоокеанскую стратегию США, продемонстрировав значимость этого региона для Америки [6]. В рамках стратегии «Индо-Тихоокеанского региона» альянс Индии с США, Японией и Австралией направлен на то, чтобы ослабить влияние Китая в регионе Индийского океана, связанное с успешной реализацией инициативы «Один пояс, один путь».

Хотя индийские официальные лица неоднократно подчеркивали свою готовность поддерживать сотрудничество с Китаем во время противостояния в Донгланге, ряд шагов, предпринятых Индией после инцидента, ясно показывает, что ее политика в отношении Пекина направлена не на решение проблем, а на их усиление и углубление. Стратегия Нью-Дели демонстрирует, что Китай рассматривается в качестве стратегического конкурента. Индия, используя свой военный и дипломатический потенциал, стремится заставить Китай пойти на уступки и ослабить его региональное влияние.

Директор Центра южно-азиатских исследований Фуданьского университета в Китае Чжан Цзядун, считает, что «после инцидента в Докламе китайско-индийские отношения столкнулись с тремя серьезными вызовами: во-первых, отношение Индии к инициативе «Один пояс, один путь» превратилось из прежней пассивной выжидательной позиции в прямое противодействие и инициативу по принятию контрмер; во-вторых, подчеркнуло сложность и остроту китайско-индийских отношений; в-третьих, конкуренция между Китаем и Индией в регионе Индийского океана становится все более очевидной» [7, с. 44–45].

Тем не менее, политические споры не повлияли на экономическое сотрудничество: в 2017 г. двусторонняя торговля достигла рекордного уровня в 84,4 млрд дол. США, увеличившись на 20,3 % по сравнению с предыдущим годом, а к 2021 г. возросла до 125 млрд дол. США.

К первой половине 2020 г. отношения между Индией и Китаем улучшились, однако индийское вторжение в районе долины Гархван нарушило консенсус, достигнутый ранее между главами военных ведомств. Китайские пограничные войска предприняли меры самообороны, противодействуя наступлению индийских войск, что привело к кровопролитию с обеих сторон.

Министерство иностранных дел Индии, а также индийские СМИ обнародовали ложные сведения о причинах конфликта, усугубив конфликт между странами. Согласно исследовательским данным Института международных отношений Университета Цинхуа «Количественное измерение отношений Китая с ведущими державами», оценка китайско-индийских отношений — по 9-ти балльной шкале — упала с 5,3 в 2009 г. до 3,0 баллов во время конфликта в Докламе [8, с. 105]. К январю 2020 г. это оценка незначительно возросла до 3,2 баллов, но к сентябрю 2021 г. вновь упала до 2,2 и продолжила снижение [9, с. 179—180].

Противостояние продолжается уже больше двух лет. Стремление сторон найти совместное решение проблемы привело к деэскалации и достижению консенсуса. В июле текущего года командующие войсками Китая и Индии провели переговоры, которые стали самыми продолжительными и проходили в доброжелательной атмосфере. Обе стороны подтвердили стремление к сохранению стабильности и безопасности в регионе.

Таким образом, согласно официальной позиции Пекина пограничные конфликты спровоцированы индийской стороной, которая несет полную ответственность за их развязывание. Такое поведение Индии демонстрирует ее стремление подорвать региональное влияние Китая. Отметим, что открытое противостояние и разногласия в политической сфере не затронули экономическое сотрудничество двух стран, двусторонняя торговля даже увеличилась. Благодаря переговорному процессу сторонам удалось урегулировать конфликт и наладить отношения. Несмотря на неразрешенность пограничных конфликтов, китайско-индийские отношения на современном этапе можно охарактеризовать как партнерские, их объединяет общая геополитическая позиция и плодотворное сотрудничество в экономической сфере. В сегодняшней сложной международной обстановке поддержка добрососедских отношений, разрешение пограничных споров дипломатическим путем позволит Китаю и Индии выйти на взаимовыгодный качественно новый уровень сотрудничества как на региональном, так и на международном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 周刚. 瓦杰帕伊访华和中印关系 = Чжоу Ган. Визит Ваджпай в Китай и китайско-индийские отношения / Чжоу Ган // Исследования междунар. проблем. — 2003. — № 5. — С. 17—21 (на кит. яз.).
2. 中印关系 = Индийско-китайские отношения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://goo.su/KUWeyS>. — Дата доступа: 20.08.2022 (на кит. яз.).
3. 俞家海. 试析洞朗对峙结束以来印度对中国西南边疆治理的反映 = Юй Цзяхай. Попытка проанализировать размышления Индии об управ-

лении юго-западной границей Китая после окончания противостояния в Докламе / Юй Цзяхай // Доклады и тезисы ситуационного семинара по Южной Азии 2018—2019 гг. — Гуйчжоу, 2020 — С. 79—90 (на кит. яз.).

4. 叶海林. 洞朗地区对峙事件的前因后果 = Е Хайлинь. Причины и последствия противостояния в районе Доклам / Е Хайлинь // Доклад о текущих дела. — 2017. — № 9. — С. 40—41 (на кит. яз.).

5. 叶海林. 中国崛起与次要战略方向挑战的应对-以洞朗事件后的中印关系为例 = Е Хайлинь. Подъем Китая и ответ на вызовы во вторичных стратегических направлениях. Случай китайско-индийских отношений после инцидента в Докламе / Е Хайлинь // Мировая экономика и политика. — 2018. — № 4. — С. 106—128 (на кит. яз.).

6. 美国“印太”战略背景下的中印关系研究 = Чжан Гэгэ. Китайско-индийские отношения в контексте "индо-тихоокеанской" стратегии США / Чжан Гэгэ: магистерская диссертация / Ляонинский ун-т, 2020. — 74 с. (на кит. яз.).

7. 张家栋. 迷茫与进取-复旦国际略报告2017 = Чжан Цзядун. Дезориентация и прогресс: отчет о международной стратегии Фуданьского университета за 2017 год / Чжан Цзядун. — Шанхай: Ин-т междунар. исслед. Фудан. ун-та, 2017. — 66 с.

8. Янь, С. Количественное прогнозирование китайско-международных отношений (中外关系定量预测) / С. Янь, Х. Ци. — Пекин/: Мировое знание, 2009. — 144 с.

9. Чжан Вэйюй. Китайско-индийские отношения продолжают медленную тенденцию к снижению (张伟玉, 陈宗华, 张航. 中印关系将延续缓慢下滑趋势) / Чжан Вэйюй, Чэнь Цзунхуа, Чжан Хан // Междунар. политология. — 2022. — № 2. — С. 179—185 (на кит. яз.).

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ В ПЕРИОД СИ ЦЗИНЬПИНА

Ю. И. Малевич¹⁾, В. А. Чувилова²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: tuyjill352@gmail.com

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: honeytoon838@mail.ru

Стремительное возвышение Китая в системе международных отношений привлекает внимание исследователей к различным аспектам его внешнеполитической деятельности. Наряду с интенсивным экономическим ростом КНР стала актуальна экологическая повестка. Актуализация возникновения экологических проблем внутри Китая отражается на формировании его внешнеполитической стратегии. Так, Си Цзиньпин и другие представители государственных структур вовлечены в процесс международного реагирования на возрастающий фактор экологии в мировой политике. Внешнеполитическая программа Китая обосновывает необходимость совместного поиска решений на растущие климатические и экологические угрозы, акцентирует внимание на необходимости коллективного регулирования экологической повестки.

Представленное исследование обобщает опыт КНР в налаживании международных контактов в данной области, указывает на возрастающее значение концепций сообщества единой судьбы и глобального управления в разрешении экологических проблем внутри самого Китая и в странах современного мира.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; экологические проблемы; внешняя политика; экологический вектор; Си Цзиньпин.

ENVIRONMENTAL VECTOR IN CHINA'S FOREIGN POLICY DURING XI JINPING ERA

Yu. I. Malevich^a, V. A. Chuvilova^b

^a *Belarusian State University,*

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: myjill352@gmail.com

^b *Belarusian State University,*

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: honeymoon838@mail.ru

Corresponding author: J. I. Malevich (myjill352@gmail.com)

The rapid rise of China in the system of international relations attracts the attention of researchers to various aspects of its foreign policy. Along with the intensive economic growth of the PRC, the environmental agenda has become relevant. The actualization of the emergence of environmental problems within China is reflected in the formation of its foreign policy strategy. Thus, Xi Jinping and other representatives of state structures are involved in the process of international response to the growing environmental factor in world politics. China's foreign policy program justifies the need for a joint search for solutions to growing climate and environmental threats, and focuses on the need for collective regulation of the environmental agenda. The presented study summarizes the experience of China in establishing international contacts in this area, points to the growing importance of the concepts of a community of common destiny and global governance in resolving environmental problems within China itself and in the countries of the modern world.

Keywords: *People's Republic of China; environmental problems; foreign policy; ecological vector; Xi Jinping.*

Внешнеполитические координаты Китайской Народной Республики (КНР) характеризуются глобальной направленностью и затрагивают каждый аспект современной политической системы международных связей. Одним из значимых векторов внешнеполитической повестки, продвигаемой Китаем на региональных и глобальных площадках, является проблема экологии. Таким образом, экологический аспект внешнеполитической стратегии КНР нуждается в тщательном научном анализе.

Экологическая политика как фактор развития системы международных отношений получила действенное рассмотрение только в конце XX в. Белорусский исследователь О. А. Посталовская конкретизирует внимание международное сообщества к вопросам экологии: «В начале 90-х гг. XX в. формируется современный научный подход к проблемам экологии, который рассматривает экологическую политику в качестве важнейшего направления

государственной политики и необходимого условия реализации права человека на жизнь. Огромный вклад в формирование новых представлений о роли государственной экологической политики внесла Конференция ООН по окружающей среде и развитию, проходившая в Рио-де-Жанейро с 3 по 14 июня 1992 г.» [1, с. 10]. С тех пор экологический фактор приобрел нормативно-правовое закрепление и стал предметом регулирования всех членов международного сообщества, включая в том числе Китай.

Вовлечение экологической проблематики в спектр внешне-политических интересов КНР явилось результатом обеспокоенности государства процессом усугубления экологических угроз, возникающих как, собственно, внутри самого Китая (внутренний фактор), так и в сопредельных странах (внешний фактор).

Кандидат политических наук, специалист по внешней политике современного Китая А. В. Бояркина указала, что «высокие темпы экономического роста и индустриализации существенно обострили проблемы экологии в Китае» [2, с. 326]. Стремительный экономический прогресс Китая, связанный с политической реформой и открытости Дэн Сяопина и последующими технологическими инновациями, несмотря на ряд позитивных изменений, привел к обострению экологической ситуации внутри самого Китая. Главными экологическими проблемами, с которыми сталкивается КНР на современном этапе, являются следующие. Во-первых, загрязнение воздуха в крупных городах и промышленных центрах. Согласно Всемирному отчету о качестве воздуха за 2021 г., из 1374 городов, расположенных в Восточной Азии, в 143 (или около 11 %) зарегистрированы среднегодовые концентрации РМ_{2,5}, которые в семь раз превышают стандарты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Данные загрязненные города расположены в КНР. В городе Хотан в Синьцзян-Уйгурском автономном районе наблюдается самый высокий уровень загрязнения в стране — около 101 мкг/куб. м, что более чем в 20 раз превышает рекомендованные ВОЗ показатели [3]. В основных положениях китайской 14-й пятилетней программы народно-хозяйственного и социального развития и перспективных целей развития на период до 2035 г. поставлена цель увеличения доли дней с хорошим качеством воздуха в городах до 87,5 % (с 87 % в 2020 г.). План способствует низкоуглеродному развитию и экономике замкнутого цикла с новыми подходами к политике в области транспорта, производства энергии и обращения с отходами [4].

Следствием первой экологической проблемы стало загрязнение водных источников. Профессор Гуань Дабо считает, что загрязнение воды является самой большой экологической проблемой в Китае, но общественность может не знать о ее влиянии.

Загрязнение воздуха создает давление со стороны общества на правительство, потому что с загрязнением воздуха жители могут сталкиваться ежедневно, но загрязнение подземных вод не видно в городах, поэтому о нем нередко забывают [5]. Для дальнейшего улучшения качества воды государственные органы КНР инвестируют в строительство и реконструкцию около 80 000 километров канализационной сети в период с 2021 по 2025 гг. [3].

Также в число экологических проблем КНР можно включить ускоренную эрозию, дигрессию пастбищ, стихийные бедствия (землетрясения (например, в провинции Сычуань), тайфуны и пр.).

Перечисленные проблемы оказывают непосредственное воздействие на экономический рост Китая, на формирование национальной индустриальной, энергетической политики.

Учитывая первостепенную важность экологической повестки, внешнеполитическое руководство страны во главе с Председателем КНР Си Цзиньпином активно взаимодействуют с международным сообществом по урегулированию данных проблем. Китай обращает внимание на то, что экологические и климатические изменения представляют собой проблемы глобального, мирового масштаба, и подходить к их разрешению необходимо сообща, с привлечением всех авторов современной системы международных отношений.

В 2021 г. на саммите руководителей в рамках 15-го совещания Конференции сторон Конвенции ООН о биологическом разнообразии Си Цзиньпин призвал к «активизации усилий по ускорению перехода к парадигме зеленого развития и достижению двойного выигрыша как в области экономического роста, так и в сфере защиты окружающей среды» [6].

Выдвинутые в эпоху Си Цзиньпина концепты — инициатива «Один пояс, один путь», сообщество единой судьбы и глобальное управление — уделяют отдельное внимание проблемам экологии. Так, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» документально закреплено положение о необходимости укрепления сотрудничества в сфере охраны экологии, биологического разнообразия, противостояния изменениям климата, построения «зеленого» Шелкового пути вдоль государств, которые расположены в рамках сухопутных коридоров инициативы [7]. В рамках сообщества единой судьбы Китай планирует выстроить взаимную ответственность государств за поддержание установленных экологических показателей, укрепить двусторонние и многосторонние контакты по взаимной помощи в снижении показателя выброса загрязняющих веществ в атмосферу. Важно отметить, что во внутренней политике КНР стремится полностью выпол-

нять рекомендации профильных международных структур, сокращать неэкологические производства.

В процессе формирования так называемого глобального управления Китай надеется выстроить такую систему международных контактов, в которой голос каждого государства будет иметь равное влияние. Позиция КНР сводится к тому, что каждый актер системы международных отношений должен быть вовлечен в совместное принятие решений, касающихся глобального пространства, и также должен быть ответственен за их исполнение. Так Китай стремится сформировать сообщество глобальной ответственности.

Подытоживая проведенный анализ, необходимо отметить весомый вклад КНР в разрешение экологических проблем. Осознавая глобальные последствия гипотетической экологической катастрофы, Китая призывает мировое сообщество к совместным контактам. Экологический вектор в китайской внешней политике транслируется через инициативу «Один пояс, один путь», сообщество единой судьбы, концепт глобального управления, а также через участие в международных профильных организациях и платформах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Посталовская, О. А. Экологическая политика: теория и социально-политическая практика / О. А. Посталовская. — Минск: РИВШ, 2020. — 144 с.
2. Бояркина, А. В. Экологическое направление во внешнеполитической стратегии КНР / А. В. Бояркина // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения. — 2021. — № 2. — С. 325—337.
3. Top 5 Environmental Issues in China in 2022 [Electronic resource] // Earth.org. — Mode of access: <https://earth.org/environmental-issues-in-china/>. — Date of access: 13.09.2022.
4. The 14th Five-Year Plan of the People's Republic of China—Fostering High-Quality Development [Electronic resource] // Asian Development Bank. — Mode of access: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/705886/14th-five-year-plan-high-quality-development-prc.pdf>. — Date of access: 13.09.2022.
5. Water pollution in China is the country's worst environmental issue [Electronic resource] // The Borgen project. — Mode of access: <https://borgenproject.org/water-pollution-in-china/#:~:text=China's%20water%20supply%20has%20been,of%20China's%20cities%20is%20contaminated.> — Date of access: 13.09.2022.
6. Си Цзиньпин призвал к зеленому пути развития [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. — 13.10.2021. — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/1013/c31521-9906469.html>. — Дата доступа: 12.09.2022.
7. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 28.03.2015. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html. — Дата доступа: 09.09.2022.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ В 2022 г.

О Док Хи

*Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь, e-mail: paulminsk@mail.ru*

Мировая экономическая ситуация стремительно возвращается к регионализму и протекционизму из-за COVID-19, пандемии и военных столкновений между Россией и Украиной. По этой причине более чем когда-либо возрастает неопределенность в мировой экономике из-за внешних обстоятельств. Безусловно, в условиях расширяющейся глобализации обеспечение национальной конкурентоспособности и расширение торговли с опорой на крупные корпорации с глобальной конкурентоспособностью выступали в качестве преимущества.

Однако ориентированная на экспорт экономическая политика, сосредоточенная на крупных корпорациях, может вызвать большие торговые трения с новой протекционистской политикой каждой страны. Соответственно важность политики, направленной на развитие МСП с международной конкурентоспособностью, возрастает для преодоления неопределенности нынешней глобальной экономики. В ответ на эти изменения корейское правительство активно реагирует на изменения в мировой экономике, разрабатывая политику поддержки МСП.

Ключевые слова: программа поддержки; продвижение бизнеса; неопределенность в мировой экономике.

APPLICATION OF INSTRUMENTS OF THE EXPORT SUPPORT SYSTEM IN THE REPUBLIC OF KOREA IN 2022

Oh Dok Hee

*Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova str., 1/2, 220072, Minsk, Belarus, e-mail: paulminsk@mail.ru*

The global economic situation is rapidly returning to regionalism and protectionism due to COVID-19, the pandemic and military clashes between Russia and Ukraine. For this reason, the uncertainty in the global economy due to external circumstances is increasing more than ever. Certainly, in the context of increasing globalization, ensuring national competitiveness and expanding trade based on large corporations with global competitiveness acted as an advantage.

However, an export-oriented economic policy focused on large corporations could cause great trade friction with each country's new protectionist policies. Accordingly, the importance of policies aimed at developing SMEs with international competitiveness is growing to overcome the uncertainties of the current global economy. In response to these changes, the Korean government is actively responding to changes in the global economy by developing policies to support SMEs.

Keywords: support program; business promotion; uncertainty in the global economy.

В последнее время мировая экономика подвергается внешним неопределенностям, таким как конкуренция за гегемонию

между США и Китаем, торговые трения из-за появления нового протекционизма, рост цен на основные виды сырья из-за вооруженных конфликтов между Россией и Украиной, рост в процентных ставках США и нарушении международной цепочки поставок из-за пандемии. В частности, если неопределенность спроса и предложения сырья и сбои в глобальной цепочке поставок продлятся, или если китайская экономика ослабнет, ориентированная на экспорт корейская экономика не сможет избежать прямого удара, и экономический рост Кореи неизбежно замедлится.

Замедление экспорта Республики Корея из-за снижения потребительского спроса в Китае, и перебоев в поставках и спросе на промежуточные товары, закупаемые в Китае, становятся прямыми факторами риска для корейской экономики. По этой причине, 58% корейских компаний-экспортеров в настоящее время стремятся диверсифицировать зарубежные рынки и сосредотачиваются на выходе на американские и европейские рынки, а не на азиатские. Кроме того, 43 % компаний после пандемии перешли на онлайн-консалтинг по экспорту и маркетингу. То есть, из-за COVID-19 и пандемии, корейские компании оказались в совершенно иной среде мировой торговли, с которой они никогда раньше не сталкивались.

В связи с быстро меняющейся мировой торговой средой более чем когда-либо требуется беспрепятственное взаимодействие и сотрудничество между правительством и компаниями.

Согласно опросу, проведенному «Администрацией малого и среднего бизнеса Республики Корея», малые и средние предприятия (далее — МСП) для своего продвижения на зарубежные рынки, во-первых, больше всего предпочитают государственную финансовую поддержку, а во-вторых, им необходима точная и своевременная информация о зарубежных рынках. В ответ на эти требования правительство Кореи продвигает политику поддержки экспорта для удовлетворения практических потребностей МСП [1].

I. Политика правительства Республики Корея по поддержке экспорта для МСП.

Правительство Кореи продвигает следующие программы поддержки с целью удвоения экспорта МСП к 2025 г. В частности, по мере расширения онлайн-экспорта после глобальной пандемии, настоятельно требуется поддержка МСП с относительно недостаточной инфраструктурой по сравнению с крупными предприятиями.

Конкретная политика поддержки МСП корейского правительства заключается в следующем:

1. Отбор и поддержка МСП, подходящих для глобализации

Выбрать экспортные МСП с инновационными показателями и потенциалом роста, обозначить их как глобальные компании, обеспечить зарубежный маркетинг и поддержку экспортного финансирования.

— **Масштаб поддержки:** ежегодно отбирается 200 компаний.

— **Право на подачу заявки:** МСП с годовым общим объемом продаж компании от 10 до 100 млн дол. США, объемом экспорта — от 5 млн дол. США. Ориентированность на инновационные компании, венчурные, связанные с биотехнологиями, и связанные с вакцинами и терапевтическими средствами против коронавируса.

— **Программа практической поддержки.**

а) Программа поддержки зарубежного маркетинга (200 тыс. дол. США на компанию на 4 года)

— Государственная субсидия: правительство субсидирует до 70 % стоимости проекта, связанного с исследованием зарубежного экспортного рынка.

— Предоставление информации о зарубежных экспортных рынках и процедурах экспорта.

б) Программа поддержки производства (30 тыс. дол. США на компанию в год)

— Изготовление экспериментального продукта, использование исследовательского оборудования, переобучение сотрудников, поддержка производственного процесса и улучшения качества.

в) Поддержка проектов исследований и развитие технологий.

— Поддержка в области расходов на НИОКР, если МСП проводят НИОКР совместно с университетами и научно-исследовательскими институтами.

— Содействие назначению в качестве ведущей глобальной компании по разработке экспортно-ориентированных технологий.

г) Программа финансовой поддержки.

— Снижение процентной ставки на 0,5 %, снижение комиссии в иностранной валюте, поддержка экспортных страховых взносов на 70 %.

— Увеличение кредитного лимита для выхода на зарубежные экспортные рынки до 10 млн дол. США.

2. Поддержка получения зарубежной стандартной сертификации

Компенсация части расходов, необходимых для получения зарубежных стандартных сертификатов, таких как *СМ*, *NMPA* и *NRTL*, требуемых странами назначения экспорта.

— Право на подачу заявки: компании, классифицируемые как МСП в соответствии с «Законом о малом и среднем бизнесе Кореи»; компании с объемом экспорта менее 50 млн дол. США в предыдущем году.

— Масштаб поддержки: оказание поддержки для 1200 компаний.

— Общий бюджет правительства: финансовая поддержка в размере 11 млн дол. США.

3. Поддержка экспорта за счет использования электронной коммерции

Создание глобальной платформы для продвижения зарубежной экспансии МСП с помощью онлайн-использования. Поддержка в части расходов на онлайн-обучение персонала, а также техническая и финансовая поддержка, необходимая для создания онлайн-инфраструктуры.

— **Право на подачу заявки:** компании, классифицируемые как МСП в соответствии с «Основным законом о малом и среднем бизнесе Республики Корея».

— **Направления поддержки:** создание страницы продукта в Интернете, обучение онлайн-маркетингу, поддержка производства интернет-торговых центров для выхода на глобальные рынки.

— **Масштаб поддержки:** 70 % от общих расходов.

4. Продвижение экспортного консорциума.

Сформировать экспортный консорциум МСП в одной отрасли, чтобы обеспечить непосредственную поддержку от поиска покупателя до подписания контракта. Поэтапная поддержка совместной деятельности по освоению зарубежных рынков.

— **Масштаб поддержки:** 180 экспортных консорциумов, финансовая поддержка в размере 16 млн дол. США.

— **Содержание поддержки:** расходы, необходимые для предварительной подготовки экспортного консорциума, также для отправки сотрудников на зарубежные рынки и последующего управления на месте.

Предварительная подготовка (1-й этап): приоритетная поддержка в части исследования местного рынка и рекламы за рубежом, а также в части расходов на предварительный поиск покупателей.

Отправка сотрудников на зарубежные рынки (2-й этап): поддержка в части расходов на местную отправку за рубежом, таких как зарубежные выставки и консультации по экспорту (стоимость аренды консультационного центра, оборудование, транспортные средства).

Последующее управление (3-й этап): поддержка в части расходов, понесенных после консультаций по экспорту, таких как

проведение конференций, приглашение местных покупателей и посещение компаний в Корее.

— **Процент поддержки:** предварительная подготовка 70~90 %, отправка сотрудников на зарубежные рынки 50~90 %, последующее управление 70~90 %.

5. Продвижение бизнеса экспортного инкубатора.

Эта программа предназначена для оказания помощи МСП, стремящимся выйти на зарубежные рынки, закрепиться на зарубежных рынках и поддержать повышение экспортной конкурентоспособности. Установлены и эксплуатируются экспортные инкубаторы на основных торговых базах за рубежом.

— **Масштаб поддержки:** 299 инкубаторов в 22 регионах в 14 странах мира.

— **Право на подачу заявки:** МСП, занимающиеся производством, оптовой торговлей или оказанием услуг, перспективные экспортные МСП, технологические инновационные компании МСП с высоким глобальным потенциалом, молодежные стартапы.

— **Содержание поддержки:** 80 % от арендной платы (поддержка 50 % со второго года), предоставление офисных помещений, канцтоваров, телефона, выделение линии Интернет, предоставление консультаций маркетологам, юридических и бухгалтерских консультантов, предоставление информации о местном рынке, поддержка создания маркетинговой сети, административная сервисная поддержка по досрочному заселению местных командированных сотрудников. Общая финансовая поддержка для выхода на зарубежный рынок.

6. Поддержка крупных компаний и МСП в совместном продвижении на зарубежные рынки.

Программа, поддерживающая расширение зарубежных рынков МСП за счет использования зарубежных сетей крупных предприятий. То есть программа, которая способствует расширению экспортных рынков МСП за счет зарубежной инфраструктуры (дистрибьюторских сетей), принадлежащей крупным предприятиям, с учетом особенностей каждой отрасли и региона.

— **Масштаб поддержки:** 1300 компаний, финансовая поддержка в размере 11,5 млн дол. США в год.

— **Содержание поддержки:** поддержка новаторской деятельности МСП на зарубежном рынке в соответствии с особенностями каждой отрасли и региона через зарубежную инфраструктуру крупных корпораций; поддержка трансляций интернет-магазинов; консультации по экспортным операциям; поддержка в части исследования зарубежного рынка; обмен различной информацией для развития зарубежных рынков с МСП.

7. Поддержка выхода на зарубежные рынки товаров, предназначенных для женщин.

Программа поддержки для расширения выхода на зарубежные рынки для женщин-предпринимателей и специализированных продуктов, связанных с женщинами. Поддержка исследований зарубежных рынков, поиск покупателей, обучение торговой практике и деятельности, связанной с зарубежным маркетингом.

— **Масштаб поддержки:** отобрано 30 малых и средних предприятий, соответствующих вышеуказанным условиям; выбрано 80 человек, которым необходимо образование, связанное с экспортом; отобраны 20 новых компаний-экспортеров.

— **Содержание поддержки:** содействие участию в зарубежных выставках; оплата 80 % стоимости аренды стенда и оборудования; 100 %-я оплата устного перевод; проведение тренинга по торговой практике для начинающих экспортеров-женщин-предпринимателей; 100 %-я оплата за образовательные и обучающие материалы; предоставление информации для выхода на новые зарубежные рынки

8. Усиление логистической поддержки, в том числе в сфере воздушных и морских перевозок.

Программа, которая поддерживает экспорт путем предоставления выделенных транспортных площадей для МСП, поскольку во всем мире сохраняются трудности с логистикой, такие как высокие фрахтовые ставки.

— **Содержание поддержки:** 70 % субсидирование морских и авиаперевозок для МСП, которые испытывают трудности с экспортом из-за увеличения затрат на логистику; сопровождение заключения долгосрочных договоров на перевозку по системе фиксированных тарифов посредством сотрудничества с транспортными компаниями; введение специальной системы скидок на проезд для МСП в качестве гарантии правительства Кореи [2].

II. Политика поддержки экспорта для крупных корпораций

— Отбор передовых технологий в 10 важнейших национальных областях стратегических технологий и содействие сотрудничеству с крупными корпорациями, обладающими соответствующими технологиями.

— [Полупроводник, дисплей, вторичная батарея, система связи 5G/6G, искусственный интеллект, передовое производство роботов, водородная промышленность, кибербезопасность, аэрокосмическая промышленность, передовая биология]

— Содействие в защите национальных основных технологий и обеспечении безопасности глобальных экспортных рынков посредством сотрудничества с крупными корпорациями [3].

III. Продвижение Всемирной торговой выставки 2030 г. (Всемирная торговая выставка в Пусане)

— До ноября 2023 г. Правительство Кореи разрабатывает план и стратегию рекламы Всемирной торговой выставки в Пусане.

— Благодаря реконструкции порта Пусан инфраструктура логистики будет расширена, чтобы предоставить возможность стать центром торговли и логистики в Северо-Восточной Азии.

— **Основное содержание:** создание Комитета по торгам на Всемирной торговой выставке в Пусане в 2030 г. под непосредственным контролем президента для усиления возможностей привлечения выставки.

— Сформировать *Korea One Team* в сотрудничестве с дипломатическими представительствами за рубежом, офисами государственных учреждений и зарубежными офисами крупных корпораций.

— **Ожидаемый эффект:** повышение известности Кореи в области дипломатии, культуры и экономики, использование новых резервов экономического роста, предоставление возможностей для выхода малого и среднего бизнеса на зарубежные рынки [4].

IV. Вывод

Неопределенность в мировой экономике нарастает день ото дня из-за *COVID-19* и пандемии, торговых конфликтов между США и Китаем, подъема нового протекционизма и военных конфликтов между Россией и Украиной. Глобальная инфляция, снижение спроса, нестабильность в цепочке поставок сырья и стремительно растущие цены на энергоносители наносят прямой удар по экспорту Кореи. Будучи экономической структурой, ориентированной на экспорт, Корея сталкивается со многими трудностями в достижении устойчивого экономического роста. Структура экспорта, ориентированная на крупные предприятия, также имеет множество ограничений в условиях нестабильности мировой экономики.

В соответствии с глобальной экономической ситуацией, описанной выше, правительство Республики Корея разработало политику поддержки экспорта для МСП к 2025 г. Основными направлениями политики являются финансовая поддержка малого и среднего бизнеса и информационная поддержка зарубежных экспортных рынков. В связи с текущим глобальным экономическим кризисом и неопределенностью, абсолютно необходимо

тесное сотрудничество между правительством и бизнесом. Кроме того, сотрудничество между МСП и крупными предприятиями абсолютно необходимо. По этой причине правительство Кореи активно продвигает политику поддержки, направленную на создание системы сотрудничества между МСП и крупными предприятиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Торговые новости Республики Корея [Электронный ресурс] // Korea International Trade Organization. — 19.07.2021. — Режим доступа: <https://www.kita.net/cmmrcInfo/cmmrcNews/cmmrcNews/cmmrcNewsDetail.do?nIndex=64240&recommendId=0>. — Дата доступа: 27.06.2022 (на кор. яз.).

2. Управление малым и средним венчурным бизнесом Республики Корея [Электронный ресурс] // Официальный сайт правительства Республики Корея. — Режим доступа: https://www.mss.go.kr/site/smba/supportPolicy/supportPolicyDetailDiv.do?cmm_code=B020500&searchSeq=ST_00000001081691. — Дата доступа: 27.06.2022 (на кор. яз.).

3. Стратегия продвижения внешнеэкономической политики 2022 г., служба по связям с общественностью Республики Корея [Электронный ресурс] // Policy Information. — Режим доступа: https://policy.nl.go.kr/search/searchDetail.do?rec_key=SH2_PL20220283607. — Дата доступа: 27.06.2022 (на кор. яз.).

4. Министерство торговли, промышленности и энергетики Республики Корея [Электронный ресурс] // Министерство торговли, промышленности и энергетики Республики Корея. — https://www.motie.go.kr/motie/py/brf/motiebriefing/motiebriefing3.do?brf_code_v=3#header. — Дата доступа: 27.06.2022 (на кор. яз.).

РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (2005—2013 гг.)

Сунь Шэнцзы¹⁾, И. И. Ковяко²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: sunshengzi296@gmail.com

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: kIQ2034@mail.ru

Статья посвящена изучению сотрудничества Китайской Народной Республики и Республики Беларусь в сфере образования с 2005 по 2013 г. Автор излагает правовые основы гуманитарного сотрудничества двух стран и анализирует основные направления китайско-белорусского образовательного сотрудничества в данный период. В статье показано разнообразие форм образовательного сотрудничества между Китаем и Беларусью. Сделан вывод о ключевом значении сферы образования в гуманитарном сотрудничестве двух государств.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Республика Беларусь; китайско-белорусские отношения; образовательное сотрудничество.

**DEVELOPMENT OF COOPERATION
BETWEEN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA
AND THE REPUBLIC OF BELARUS IN EDUCATIONAL AREA
(2005—2013)**

Sun Shengzi^a, I. I. Kaviaka^b

^a *Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: sunshengzi296@gmail.com*

^b *Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: klq2034@mail.ru
Corresponding author: I. I. Kaviaka (klq2034@mail.ru)*

The article is devoted to the study of cooperation between the People's Republic of China and the Republic of Belarus in the field of education from 2005 to 2013. The author outlines the legal foundations of educational cooperation between the two countries and analyzes the main directions of Chinese-Belarusian educational cooperation during this period. The article shows the variety of forms and directions of cooperation between China and Belarus in the field of education, which became a solid basis for cooperation between the two countries in the humanitarian area.

Keywords: *People's Republic of China; Republic of Belarus; Chinese-Belarusian relations; educational cooperation.*

С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Беларусью диалог сторон был основан на взаимном доверии в политике, взаимной выгоде в экономике и дружеском обмене в гуманитарной сфере. С приданием отношениям характера стратегических, гуманитарное сотрудничество получило новый импульс к развитию. Целью данной статьи является анализ основных направлений и форм образовательного сотрудничества КНР и Республики Беларусь в 2005—2013 гг. Выбор хронологических рамок обусловлен нахождением двусторонних отношений на стадии стратегического сотрудничества, которое было провозглашено в 2005 г. и вышло на уровень стратегического партнерства в 2013 г.

В данный период лидеры двух государств и правительств стали чаще обмениваться визитами, увеличивалась документальная база сотрудничества, нарастало взаимодействие между университетами, научно-исследовательскими учреждениями и социальными институтами. В качестве одного из важных способов укрепления отношений в области образования стал обмен студентами. В 1992 г. Китай принял первого студента из Беларуси, с тех пор их количество продолжало расти. С 2000 г. эта цифра линейно увеличивалась, а после перехода китайско-белорусских отношений в стадию стратегического сотрудничества, обмен стал неотъемлемой частью образовательного диалога Китая и Беларуси. Он ох-

ватил студентов вузов, аспирантов, научно-исследовательских и педагогических работников. Министерства образования Китая и Беларуси придавали большое значение работе, связанной с иностранными студентами, и учредили различные стипендиальные программы для поддержки сотрудничества. Образовательное сотрудничество между двумя странами продолжало углубляться, и количество граждан двух стран, желающих учиться в другой стране, значительно увеличилось.

В период с 2005 по 2013 гг. наибольшее количество китайских студентов обучалось в Белорусском государственном университете, Минском государственном лингвистическом университете, Белорусском государственном техническом университете и Белорусской государственной академии музыки. Благодаря согласованной политике правительств Китая и Беларуси число белорусских студентов, обучающихся в Китае, быстро выросло и в 2012—2013 учебном году достигло 672 чел. [1, с. 155]/

Одновременно, в 2005—2013 гг. совместные усилия правительств предоставили китайским студентам, аспирантам, докторантам и приглашенным ученым хорошую платформу для обучения в Беларуси. В течение этого периода китайские студенты могли подать заявку на обучение в Беларуси по трем программам обучения за рубежом, спонсируемым государством: государственная программа последиplomного образования Национального строительного университета высокого уровня, программа стипендий Китая и Содружества Независимых Государств по обмену и зарубежная программа стажировки молодых преподавателей колледжей и университетов [2]. Для студентов из Республики Беларусь, которые хотели подать заявку на обучение в Китае, существовали две программы, спонсируемые правительством КНР: стипендиальная программа Института Конфуция (с 2009 г.) и стипендиальная программа правительства Китайской Народной Республики (учреждена в 1950-х гг.) [3]. В дополнение к вышеуказанным программам обучения за рубежом, Беларусь также ежегодно предоставляла государственные стипендии китайским студентам, обучающимся в Беларуси.

Рассматривая язык как связующее звено между людьми и незаменимый мост общения, Китай придавал особое значение его популяризации и преподаванию за рубежом. В ноябре 2006 г. страны подписали «Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Государственной канцелярией Китайской Народной Республики по международному распространению китайского языка о сотрудничестве в области преподавания китайского языка» [4]. Это послужило отправной точкой создания и деятельности Института Конфуция в Республике Беларусь.

В 2007 г. Республиканский центр китаеведения «Иероглиф» был преобразован в Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета [5]. Это был первый Институт Конфуция в Беларуси. В 2011 г. отделение ИК было открыто в Минском государственном лингвистическом университете (МГЛУ). Работа данных центров внесла важный вклад в распространение и популяризацию китайского языка в Беларуси, содействовала укреплению культурного, образовательного и языкового сотрудничества между двумя государствами.

С течением времени и благодаря постоянным усилиям китайского и белорусского правительств в средних школах Беларуси началось преподавание китайского языка. В 2006 г. белорусские специалисты по народному образованию совместно с китайскими учителями составили комплект комплексных учебников китайского языка — «Китайский язык» для белорусских школ со ссылкой на российские учебники и на основе многолетнего педагогического опыта российских коллег. Это единственный комплект учебных материалов по китайскому языку, используемых в настоящее время в Беларуси и специально составленный для белорусских учащихся начальных и средних школ, для которых китайский язык является первым иностранным [6, с. 10]. В период с 2007 по 2013 г. учащиеся пяти общеобразовательных школ начали изучение китайского языка как первого иностранного. К данным учреждениям образования относились гимназия № 23 г. Минска, гимназия №12 г. Минска, СШ № 10 г. Минска, СШ № 20 г. Минска, СШ № 44 г. Витебска [7].

В то же время белорусский язык стал постепенно изучаться в КНР. С середины 1990-х гг. отдельные китайские ученые (Чжан Хунъюй, Ван Цюньшэн) приступили к исследованию актуальных вопросов белорусской филологии. Они рассмотрели развитие белорусского языка в исторической ретроспективе и проанализировали его современное состояние. 27 апреля 2012 г. в Китае был создан Центр изучения Беларуси при Восточно-китайском педагогическом университете (ВКПУ). Центр стал первым научно-исследовательским учреждением в Китае, которое сосредоточилось на вопросах изучения и преподавания белорусского языка [8].

Образовательное сотрудничество между двумя странами не ограничивалось уровнем министерств и правительств, но также осуществлялось в рамках региональных и целевых образовательных проектов. Это сопровождалось подписанием соглашений о сотрудничестве между китайскими и белорусскими университетами и другими учебными заведениями. Так, межшкольное сотрудничество двух стран имеет долгую историю, которая восходит еще к советскому периоду. Однако только в октябре 1998 г. Ки-

тай и Беларусь подписали «Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании» [9]. В 2005—2013 гг. на основе этого соглашения был подписан ряд договоров о сотрудничестве между китайскими и белорусскими учреждениями (включая профессиональные колледжи, высшие учебные заведения и т. д.). В сентябре 2009 г. между Государственным управлением по делам иностранных специалистов КНР и Министерством образования Республики Беларусь было подписано соглашение о сотрудничестве в области профессионального обучения, повышения квалификации и обмена экспертами [10]. В декабре того же года Нинбоский профессионально-технический институт провел семинар по управлению высшим профессиональным образованием в развивающихся странах, на котором обучались и представители Республики Беларусь. В 2005—2013 гг. основными объектами сотрудничества крупных китайских вузов стали БГУ, БГУФК, БГПУ им. М. Танка и БТЭУПК (г. Гомель). К 2013 г. 22 китайских вуза установили отношения сотрудничества с Белорусским государственным университетом [11].

Подводя итоги отметим, что в 2005—2013 гг. благодаря целенаправленной работе правительств и отраслевых министерств КНР и Республики Беларусь была создана солидная документальная база двустороннего сотрудничества в гуманитарной области. Особое место в структуре гуманитарных связей занимала система образования. В данный период основными формами диалога Китая и Беларуси в образовательной сфере являлось осуществление академических обменов между учеными, преподавателями, аспирантами и студентами университетов, реализация совместных учебных и учебно-методических проектов, а также проведение совместной научно-исследовательской работы в профессионально-технических областях. Много внимания уделялось распространению и популяризации национальных языков через специальные институты, созданные на территории Беларуси и Китая. Помимо колледжей и университетов, образовательное сотрудничество охватило учебно-воспитательные и профессионально-технические учебные заведения двух стран. Оно динамично развивалось не только в вертикальном, но и горизонтальном измерении, выходя за пределы столичных городов и образовательных учреждений. Это позволило сформировать прочную основу для дальнейшего развития и углубления гуманитарного сотрудничества между КНР и Республикой Беларусь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сунь Инцзе. Китайско-белорусское сотрудничество в области образования (1992—2018 гг.) / Сунь Инцзе // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 6. — Минск, 2018. — С.147—164.

2. 2022 ньян го цзя цзянь шэ гао шуй пин да сюе гун пай янь цзю шэн сян му чжуан лань = Колонка Национальной программы последипломного образования для высших строительных университетов 2022 г. [Электронный ресурс] // Го цзя лю сюе цзи цзинь вэй = Национальный стипендиальный совет Китайской Народной Республики — 18.02.2022. — Режим доступа: <https://www.csc.edu.cn/chuguo/s/2212>. — Дата доступа: 06.07.2022 (на кит. яз.).

3. Чжун го чжэн фу сюе сяо цин чжао шэн цзянь чжан = Руководство по приему на стипендиальную программу правительства Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Го цзя лю сюе цзи цзинь вэй = Национальный стипендиальный совет Китайской Народной Республики — 20.04.2019. — Режим доступа: https://www.campuschina.org/zh/content/details1003_122933.html. — Дата доступа: 06.07.2022 (на кит. яз.).

4. Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Государственной канцелярией Китайской Народной Республики по международному распространению китайского языка о сотрудничестве в области преподавания китайского языка: [заключено в г. Пекине 16.11.2006 г.] [Электронный ресурс] // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

5. Хронология факультета: 2003 [Электронный ресурс] // Факультет международных отношений БГУ. — Режим доступа: <https://fir.bsu.by/history/chronology-in-menu/01-10-in-menu/2003-in-menu>. — Дата доступа: 20.06.2022.

6. Син Юе. Бай э ло сы чжун вэнь цзяо цай «Хань юй» янь цзю юй фэнь си = Исследование и анализ белорусско-китайского учебника «Китайский язык» / Син Юе // Шань дун да сюе бо ши сюе вэй лунь вэнь = Докторская диссертация. — Шаньдун. ун-т. — 2020 (на кит. яз.).

7. Китайский язык изучают в пяти школах и гимназиях Беларуси [Электронный ресурс] // БЕЛТА — 17.09.2011. — Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/kitajskij-jazyk-izuchajut-v-pjati-shkolah-i-gimnazijah-belarusi-119900-2011>. — Дата доступа: 06.07.2022 (на кит. яз.).

8. Чжун дьянь ши янь ши юй янь цзю цзи ди = Ключевая лабораторно-исследовательская база [Электронный ресурс] // Восточно-китайский педагогический университет. — Режим доступа: <https://www.ecnu.edu.cn/wzcd/xsyj/yjjg2/zdsysyjjd.htm#>. — Дата доступа: 13.09.2022.

9. Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании: [заключено в г. Пекине 28.10.1998 г.] [Электронный ресурс] // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

10. Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Государственным управлением по делам иностранных специалистов в Китайской Народной Республике о сотрудничестве в области профессиональной подготовки, повышения квалификации, стажировки и переподготовки кадров, обмена специалистами: [заключено в г. Минске 08.09.2009 г.] [Электронный ресурс] // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

11. Китай [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет. — Режим доступа: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/bilateral-agreements/china>. — Дата доступа: 06.06.2022.

ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Хэ Юэцзе

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: 963221351@qq.com*

В статье рассматривается историография китайско-российских отношений. Российская Федерация и Китайская Народная Республика имеют давнюю историю двусторонних отношений. В XXI в. китайско-российские отношения вступили в беспрецедентную фазу своей жизни. Таким образом, изучение историографии китайско-российских отношений актуально не только в научной сфере, но и на практике построения связей нового типа между государствами. Целью исследования является характеристика историографии китайско-российских отношений. Новизна исследования обусловлена тем, что выявлены текущие результаты исследования по теме китайско-российских отношений не только российских и китайских ученых, но и западных. Вывод исследования заключается в том, что совокупность историографии позволила иметь общую картину проблемы по теме китайско-российских отношений. Результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения китайско-российских отношений.

Ключевые слова: историография; Китайская Народная Республика; международные отношения; Российская Федерация.

HISTORIOGRAPHY OF CHINESE-RUSSIAN RELATIONS IN MODERN TIMES

He Yuejie

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: 963221351@qq.com*

The article examines the historiography of Chinese-Russian relations. The Russian Federation and the People's Republic of China have a long history in bilateral relations. In the 21st century Chinese-Russian relations have entered an unprecedented phase of their life. Accordingly, the study of the historiography of Chinese-Russian relations is relevant not only in the scientific field, but also in the practice of building a new type of ties between countries. The purpose of the study is to characterize the historiography of Chinese-Russian relations. The novelty of the study is due to the fact that the current

results of the study on the topic of Chinese-Russian relations are revealed not only by Russian and Chinese scientists, but also by Western. The conclusion of the study is that the totality of historiography made it possible to have a general picture of the problem on the topic of Chinese-Russian relations. The results of this study can be used for further study of Chinese-Russian relations.

Keywords: *historiography; People's Republic of China; international relationships; Russian Federation.*

В XXI в. китайско-российские отношения с уровня добрососедства и дружбы развивались до степени всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, потом трансформировались в комплекс взаимоотношений нового типа, который строится на принципах глубокого взаимного доверия, уважения, равенства, поддержки и учета коренных интересов друг друга. Во все более сложных международных ситуациях Россия и Китай практическими действиями доказывают готовность продолжать рассматривать двусторонние отношения в качестве одного из ключевых приоритетов своей внешней политики и вывести отношения между двумя странами на новый, еще более высокий уровень. Именно поэтому, проблема китайско-российских отношений постоянно является предметом исследования, и находится на выдающемся месте среди научных кругов как российских, китайских, так и западных ученых. Историография исследуемой темы представлена тремя основными комплексами работ по отношениям Российской Федерации и КНР.

Первый комплекс составляет литература российских ученых по теме современности двусторонних отношений между Россией и Китаем. В 2000 г. после прихода к власти В. В. Путина отношения России и КНР устремились навстречу своему новому этапу. И. А. Рогачев в своей монографии раскрыл картину перехода связей между Россией и Китаем в начале нового века, излагал первоначальный этап двустороннего взаимодействия в торгово-экономической сфере и полно дал характеристику Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, который заложил фундамент современных российско-китайских отношений [1].

В. Л. Ларин в своей работе рассмотрел эволюцию двусторонних отношений между Россией и Китаем в начале нового тысячелетия. Автор не только проанализировал политическое взаимодействие между Россией и Китаем на различных уровнях, но и тщательно исследовал экономические и гуманитарные контакты двух стран. Также необходимо отметить, что на пограничную тематику автор обратил определенное внимание. Несмотря на то, что Российская Федерация и Китай в юридическом плане уже решили вопрос об общей границе, современные приграничные

отношения сторон все еще остаются в центре внимания политических, научных кругов, а также среди населения двух стран [2].

В монографии А. С. Небренчина и С. М. Небренчина особого внимания исследования заслуживают основные комплексы развития КНР в сфере безопасности при условии различия международных вызовов и угроз на основе анализа деятельности обеспечения национальной безопасности страны; вооруженные силы и вопросы военного сотрудничества Китая с другими странами; а также состояние и перспективы китайско-российского двустороннего сотрудничества на международной арене после 2017 г., расширение взаимодействия в торгово-экономической и военной сферах [3].

В сборнике «Современные российско-китайские отношения» рассмотрены коллективные проблемы политического, экономического и гуманитарного сотрудничества между Москвой и Пекином на современном этапе [4]. Что касается китайско-российских отношений в политической сфере, необходимо отметить работы С. Г. Лузянина [4, с. 10—21], В. Я. Портякова [4, с. 22—33], Е. И. Сафроновой [4, с. 34—51] и А. Г. Ларина [4, с. 52—65]. Если речь идет о двустороннем сотрудничестве в торгово-экономической сфере, стоит упомянуть А. В. Островского [4, с. 66—81] и В. А. Матвеева [4, с. 103—118].

Второй историографический комплекс включает в себя работы на китайском языке, посвященные китайско-российским отношениям и двустороннему сотрудничеству в различных областях. Наряду с российскими китаеводами научное сообщество в Китае также уделяет особое внимание изучению двусторонних отношений. Среди комплексных исследований специалист по проблеме современных международных отношений и внешней политики КНР Хоу Шифу рассматривал китайско-российские отношения в XXI в. Автор сделал общий обзор взаимодействия между Россией и Китаем до 2008 г., оценил перспективу дальнейшего развития отношений двух стран [5]. Юань Шэной и Хань Мэн определили категории нетрадиционных вопросов, с которыми сталкиваются и Россия и Китай. В труде [6] представлен материал, позволяющий понять типологию китайско-российских проблем нетрадиционной категории и выявить вопросы создания и реализация совместных проектов по двустороннему сотрудничеству в безопасности. Кроме того, Чжао Гуани проанализировал состояние торговли углем между Россией и Китаем в начале нового века, дал характеристику двустороннего сотрудничества в данной сфере, что позволяет иметь понятие о степени китайско-российского торгово-экономического сотрудничества в сфере угля в начале XXI в. [7].

После того, как Российская Федерация и КНР начали реализацию инициативы «Один пояс, один путь», а также проекта по сопряжению Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС, по данному вопросу опубликован достаточно большой объем исследований. Это дает возможность выявить новые особенности, модели и методы китайско-российских отношений, которые могут продвигать развитие, расширение и углубление двустороннего взаимодействия в самых различных сферах. Среди них особого внимания заслуживают исследования Ли Сина и Ло Хуэйцзюня [8; 9].

К третьему комплексу относятся исследования западных ученых по проблемам китайско-российских отношений на современном этапе. По мнению многих западных ученых, отношения между Россией и Китаем имеют решающее значение для стабильности в Евразийском пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Например, П. Болт в своем труде описал китайско-российское стратегическое партнерство в сфере экономики, энергетики, безопасности и двустороннее взаимодействие в Центральной Азии в рамках ШОС. [10]. Эта работа позволяет объективно рассматривать китайско-российские отношения в более широких международных условиях.

Кроме того, исследование китайско-российских отношений все время отвечает требованиям интереса Соединенных Штатов. Национальное бюро азиатских исследований в Вашингтоне подготовило доклад, в котором Э. Медериос и М. Чейс показали китайскую позицию в китайско-российских двусторонних отношениях и подчеркнули, что сближение геополитических, экономических и дипломатических приоритетов двух стран привлекает Пекин и Москву поближе друг к другу в обозримом будущем [11]. Однако, американские специалисты всего лишь рассматривают двусторонние отношения между Россией и Китаем сквозь призму своих национальных интересов, поэтому их результаты исследования обладают ограниченностью.

Следует отметить, что помимо общего обзора китайско-российских отношений, двустороннее взаимодействие в рамках ШОС также обращает внимание западных международных экспертов. Э. Стивен в своей работе дает характеристику ШОС и указывает, что на горизонте существует потенциальная конкуренция как внутри ШОС, так и в китайско-российских двусторонних отношениях. Чтобы сохранить нынешнюю позитивную динамику, Москве и Пекину необходимо обеспечить функционирование ШОС и делать другие государства-члены неотъемлемой частью организации, как ее выдающиеся участники, а не средство для их отношений. Только таким образом данная региональная органи-

зация сможет стать эффективным вектором для обеспечения стабильности в регионе [12].

Приоритеты китайско-российских двусторонних взаимоотношений, получившие мощный импульс в 2000 г. после подписания решающего Договора, также являются предметом рассмотрения.

Также можно обратить внимание на работы таких белорусских ученых, как А. М. Байчоров и Ю. И. Малевич. Однако, ученые занимаются анализом статуса Китая на международной арене, китайско-российским отношениям уделено относительно немного внимания.

Таким образом, историография проблемы демонстрирует общую картину китайско-российских отношений, а также дает возможность совершенствовать исследование взаимоотношений КНР и Россией по требованиям их непрерывного динамического развития на фоне новых условий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рогачев, И. А. Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века / И. А. Рогачев; под ред. Б. Т. Кулик. — М.: Известия, 2005. — 280 с.
2. Ларин, В. Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI веков / В. Л. Ларин; под ред. А. В. Бородина. — Владивосток: Дальнаука, 2006. — 424 с.
3. Небренчин, А. С. КНР — сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы / А. С. Небренчин, С. М. Небренчин. — М.: АНО ЦСОиП, 2017. — 116 с.
4. Современные российско-китайские отношения / редкол.: С. Г. Лужянина [и др.]. — М.: ДеЛи плюс, 2017. — 264 с.
5. Hou Shifu. Sino-Russian relations in the 21-st century / Hou Shifu // Journal of Binzhou Vocational College. — May 2006. — Vol. 3, N 2. — P. 18—21.
6. 袁胜育 = Юань Шэнюй. 非传统安全问题: 中俄安全合作的新视角 = Нетрадиционные проблемы безопасности: новый взгляд на китайско-российское сотрудничество / Шэнюй Юань, Мэн Хань // 国际观察 = Междунар. наблюдение. — 2006. — № 3. — С. 36—40 (на кит. яз.).
7. Zhao Guanyi. China-Russia coal trading status and comparison analysis on transportation channel / Zhao Guanyi // Coal Economic Research. — 2015. — Vol. 35, N 4. — P. 43—46.
8. Li Xing. Thoughts on Sino-Russian relations International review / Li Xing // Sino-Russian Comprehensive Cooperation research under the framework of the Belt and Road; Research of the Relationship between the Belt and Road and the Eurasian Union. — 2018. — N 1. — P. 127—142.
9. Luo Huijun. The motivations, risks and prospects of cooperation between China and Russia under the Belt and Road / Luo Huijun, Dai Weiwei // J. Cent. South Univ. (Social Science). — 2018. — Vol. 24, N 1. — P. 120—126.

10. Bolt, P. J. Sino-Russian relations in a changing world order / P. J. Bolt // Institute strategic paper; United States Air Force Academy. — Colorado, 2013. — 17 p.

11. Russia-China relations. Assessing common ground and strategic fault lines / M. S. Chase [et al.] // The National Bureau of Asian Research. — Washington, 2017. — 66 p.

12. Stephen, A. Russian-Chinese relations through the lens of the SCO / A. Stephen. — Ifri Russia/NIC Center, September 2008. — 20 p.

КИТАЙ И ИНДИЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

А. Д. Черняк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: anna.cher828@gmail.com*

Материал данной статьи сосредоточен на рассмотрении территориальных конфликтов Китая и Индии, произошедших во второй половине XX в., но окончательно неурегулированных вплоть до настоящего времени. Особенностью данного материала является рассмотрение в качестве объекта исследования именно торговых отношений Китая и Индии, главной же целью являлось найти взаимосвязи тенденций роста и спада экономической активности между двумя государствами и развитием урегулирования долгоиграющего территориального спора. Автор делает вывод, что активизация конфликта в 2020—2021 гг. оказала существенное влияние на торговые отношения только в краткосрочном периоде, в долгосрочной перспективе Китай и Индия способны переступить противоречия для взаимного экономического развития.

Ключевые слова: Китай; Индия; территориальные конфликты; торговля.

CHINA AND INDIA: TERRITORIAL CONFLICTS AND THEIR IMPACT ON ECONOMIC RELATIONS

A. D. Chernyak

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: anna.cher828@gmail.com*

The material of this article focuses on the consideration of the territorial conflicts of China and India, which occurred in the second half of the XX century, but finally unresolved up to the present time. The peculiarity of this material is the consideration of trade relations between China and India as an object of research, while the main goal was to find the relationship between the trends of growth and decline in economic activity between the two states and the development of the settlement of a long-running territorial dispute. The author concludes that the intensification of the conflict in 2020—2021. It has had a significant impact on trade relations only in the short term, in the long term, China and India are able to overcome contradictions for mutual economic development.

Keywords: China; India; territorial conflicts; trade.

Как правило, вооруженные противостояния сказываются не только на дипломатических отношениях двух государств и жителях зоны ведения военных действий, но они также оказывают влияние на все общество и все сферы жизни, в особенности на экономику и экономические связи между конфликтующими сторонами. Этот же тезис должен быть применен и к вооруженному противостоянию Китая и Индии.

Китай и Индия, расположенные в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеющие общую границу в 3380 км, — это крупнейшие государства мира по численности населения — без малого 1,5 млрд человек на каждую конфликтующую сторону, в то же время и Китай, и Индия входят в Топ-10 государств по объему ВВП. Оба государства являются ядерными державами, а армии по своей мощи занимают 3 и 4 место рейтинга соответственно.

Сложное историческое прошлое Китая и Индии — кабальные договоры Китая с европейскими странами в конце XIX в. и колониальное положение Индии в Британской империи до середины XX в. — оказало существенное влияние на их пути развития и взаимоотношения, предопределив точки напряжения.

Причиной конфликта между Китаем и Индией стали споры по поводу принадлежности двух приграничных районов — один в западной части китайско-индийской границы — Аксайчин (малонаселенная высокогорная пустыня общей площадью в 38 тыс. кв. км), второй располагается на восточных китайско-индийских рубежах — нынешний индийский штат Аруначал-Прадеш (густонаселенная людьми территория в 84 тыс. кв. км, на которой проживает около 1,4 млн человек). Западный сектор спорной территории де-факто контролируется Китаем, но Индия это отрицает, утверждая, что Аксайчин является частью индийского региона Ладакх, с другой стороны, восточный участок Аруначал-Прадеш, контролируется Индией, но претензии на его территории предъявляются с китайской стороны [1, с. 169].

Провозглашение независимости Индии в 1947 г., образование Китайской Народной Республики в 1949 г. и ввод сил освободительной армии КНР на территорию Тибета в 1950 г. ознаменовали новый этап развития событий в регионе. Таким образом Китай только подтвердил свои намерения по сбору ранее утерянных территорий, значительно усилив градус напряжения в регионе. Тем не менее, открытого конфликта удалось избежать через заключения в 1954 г. соглашения между КНР и Индией о торговле и связях Тибетского района Китая и Индии. Индия признавала суверенитет Китая над тибетской территорией [2, р. 64].

Однако вспыхнувшее в Тибете в 1959 г. восстание против правителей Китая, потерпевший крах Далай-Лама, сбежавший на

территорию Индии и получивший там убежище, вновь усилили напряженность в регионе. Осенью 1962 г. спор вылился в пограничную войну, которая стала настоящим бедствием для пограничных сил Индии. Китайские войска пересекли линию Мак-Магона и заняли позиции в глубине территории Индии, захватив горные перевалы и города. Война длилась один месяц, но привела к гибели более 1000 и взятию в плен более 3000 индейцев. Китайские военные потеряли менее 800 человек. По окончании военных действий территории Аксайчина перешли под контроль китайской стороны, Аруначал-Прадеш же остался подконтрольным Индии. В зоне прохождения разграничения между вооруженными силами Китая и Индии была сформирована так называемая линия фактического контроля [3].

В результате конфликта 1962 г. территориальные споры так и не были разрешены, что в 1967 г. привело вооруженному столкновению вдоль горных перевалов Натху Ла и Чо Ла, которые соединяли Сикким — тогда королевство и протекторат Индии — и Тибетский автономный район Китая. В вспыхнувшем военном конфликте было убито более 150 индийцев и 340 китайцев. Столкновения в сентябре и октябре 1967 г. на этих перевалах позже будут считаться второй полномасштабной войной между Китаем и Индией. Но Индия одержала победу, разрушив китайские укрепления в Натху Ла и оттеснив их дальше на свою территорию возле Чо Ла. Однако изменение позиций означало, что у Китая и Индии были разные и противоречивые представления о местонахождении линии фактического контроля [3].

В течение следующих 20 лет существенных изменений нив вопросе урегулирования территориального конфликта, ни в отношениях между двумя государствами не наблюдалось. Периодически стороны обменивались взаимными обвинениями о нарушении линии фактического контроля. В 1987 г. конфликт достиг новой точки кипения — стороны стали сосредотачивать свои вооруженные силы вдоль границы. Конфликт удалось предотвратить мирным путем после визита министра иностранных дел Индии в Китай в мае 1987 г. В 1988 г. официальный визит в Китай совершил Раджив Ганди. Его поездка оказала благотворное влияние на состояние отношений между Китаем и Индией, по сути разморозив их со времен войны 1962 г. [4].

Следующие два десятилетия благоприятным образом сказались на урегулировании существующего конфликта — в 1993 г. были подписаны «Соглашение о пограничном мире и спокойствии», согласно которому линия фактического контроля стала основой стабильности и относительно мирного статуса-кво, и «Соглашение о мерах доверия в военной области вдоль линии

действительного контроля на индийско-китайской границе». На постоянной основе стали проводиться встречи высокопоставленных чиновников Китая и Индии, вплоть до встреч глав государств. В 2005 г. было сделано заявление об установлении статуса «стратегического партнерства» между Китаем и Индией. Китай признал спорный Сикким частью Индии, а Индия подключилась к деятельности ШОС в статусе наблюдателя. В 2012 г. двумя сторонами был создан Консультационно-переговорный механизм по пограничным вопросам, а в 2013 — механизм «Соглашение по сотрудничеству в охране границы». Тем не менее оптимизм нормализации отношений начался «нулевых» сменился в начале 2010-х гг. на позицию в духе «ни пяди земли», стороны активнее стали предъявлять обоюдные претензии в отношении усиления активности на границе со стороны вооруженных сил [5].

В то же время на протяжении ведения переговорного процесса с 1987 г. стороны не так однозначно реагировали на действия друг друга. Периодически государственные чиновники высказывали свое неприятие каким-либо уступкам и объявляли спорные территории однозначно принадлежащими своим государствам, со стороны властей появлялись сообщения о нарушении государственной границы вооруженными силами другой стороны. В 2013 г. в Восточном Кашмире 30 китайских пограничников развели лагерь и оставались там в течение двух недель, в 2014 г. в Ладакхе обе стороны обвинили друг друга в нарушении границы и усиленном строительстве военной и транспортной инфраструктуры вблизи спорных районов. Более заметное противостояние произошло в Докламе в 2017 г. — многомесячное противостояние в пограничной зоне Бутан—Китай—Индия, начавшееся в июне 2017 г. после того, как Пекин начал продлевать существующую дорогу на юг на территорию, управляемую Бутаном. 73 дня армии Китая и Индии располагались фактически лицом к лицу, однако в результате длительных переговоров обе стороны отвели свои войска на первоначальные позиции, а Китай, к тому же, согласился прекратить строительство дороги [4].

С начала 2019 г. ситуация стала усугубляться резким ухудшением отношений Индии с Пакистаном, враждебным соседом и одним из ближайших партнеров Китая. Пандемия COVID-19, распространившаяся из Китая в конце 2019 — начале 2020 гг., особенно сильно ударила по экономике Индии.

В мае-июне 2020 г. произошел целый ряд столкновений китайских и индийских пограничников вдоль линии фактического контроля (в том числе вблизи спорного озера Пангонг Цо в Ладакхе, а также вблизи границы между Сиккимом и Тибетским автономным районом). Одной из причин вспыхнувшего конфликта

стало строительство Индией новой дороги к высокогорной авиабазе. Особенностью данного конфликта можно назвать то, что в некоторых столкновениях вместо привычного огнестрельного или холодного оружия были использованы подручные средства: палки и дубинки [6, с. 74—75].

В общей сложности Китай и Индия развернули на границе до 100 тыс. человек личного состава. Переговоры по отводу войск увенчались успехом только в феврале 2021 г., а в марте того же года Пекин и Нью-Дели взаимно вывели военнослужащих из района озера Пангонг Цо. Однако с тех пор дипломатическая работа по дальнейшему разъединению зашла в тупик — в настоящее время продолжается работа по выводу войск из зоны конфликта, и несмотря на то, что столкновений между двумя сторонами в течении 2022 г. не наблюдалось, конфликт остается неразрешенным [7].

На фоне геополитической напряженности 2022 г., угрожающей восстановлению мировой экономики, Китай подчеркнул, что Пекин и Нью-Дели должны развивать сотрудничество и взаимное доверие друг к другу. Текущий российско-украинский конфликт только побудил несколько стран Азии к пересмотру торговых механизмов и поиску новых мер для ускорения восстановления экономики.

Несмотря на все межгосударственные противоречия Китай и Индия осуществляют интенсивное экономическое сотрудничество, совместно участвуют в БРИКС, ШОС, «Треугольник Россия — Индия — Китай», ВТО. С 2013 г. Индия также принимает участие в развитии инициативы Китая «Один пояс, один путь», а также совместно с Китаем, Сингапуром и некоторыми другими государствами подписала Меморандум о взаимопонимании и положила начало созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. На этом фоне экономическое сотрудничество двух государств фактически из года в год только растет, что хорошо отображает график товарооборота Китая и Индии: если в начале XXI в. товарооборот составлял около 2 млрд дол. США, то в 2019 г. он составил уже 92 млрд дол. США, что в 45 раз больше, чем в начале века. Процентная доля импорта и экспорта что в товарообороте Китая с Индией, что Индии с Китаем значительно преобразилась. Для Китая доля импорта индийских товаров за 20 лет почти не изменилась — выросла с 0,6 % в 2000 г. до 0,8 % в 2019 г., однако, доля экспорта изменилась в разы больше — с 0,63 % (2000 г.) до 3 %. Для Индии картинка изменилась еще в более значительной степени: доля экспорта в Китай 2000 г. составляла 1,73 % от общего числа, тогда как в 2019 г. составляла уже 5,35 %, а импорт за этот же период вырос с 2,79 % до 14,28 %.

Таким образом, несмотря на территориальные претензии двух государств друг к другу, темпы экономических взаимоотношений не падали, а только росли. Этому и способствовало подписание соглашений об урегулировании конфликта в 1993 и 1996 гг., а также взаимные договоренности лидеров двух государств в середине 2000-х гг., что повлияло на увеличение и импорта, и экспорта двух государств. Динамика роста экспорта Китая в Индию в период активного урегулирования разногласий двух государств и становления в 2005 г. стратегическими партнерами значительно превышала общемировую динамику с 2004 по 2008 г.

В остальном же динамика роста экономического взаимодействия Китая и Индии фактически повторяет динамику торговли Китая с миром, что приводит к выводу о том, что состояние конфликта для Китая с Индией скорее является перманентным и территориальные конфликты двух государств не в активной стадии не оказывают весомого влияния на тенденцию развития торговли Китая с Индией [9].

Особый интерес для изучения представляет информация о внешней торговле Китая в 2020—2021 гг. Пандемия *COVID-19* оказала негативное влияние на рост всех мировых экономик и на динамику товарооборота. В дополнение к сложности управления кризисом в 2020 г. и Китай, и Индия распространили конфронтацию на сухопутной границе на другие области двусторонних отношений.

Такие шаги, как пропагандистские программы на национальном телевидении, призывы к экономическому бойкоту китайских товаров, запрет на 59 китайских веб-приложений, включая *WeChat* и *TikTok*, для индийского рынка и новые барьеры для участия китайских компаний в таких индийских инфраструктурных проектах, как строительство шоссе, должны были сигнализировать о решимости Индии [8]. В конечном итоге торговый оборот Китая и Индии сократился с 92,8 млрд дол. США в 2019 г. до 86,8 в 2020 г., упав на 7 %, в то же время торговля Китая с миром в этот сложный период смогла вырасти на 1,7 %. Интересно то, что импорт в Китай немного, но упал с 2068,9 млрд дол. США в 2019 г. до 2055,6 млрд дол. США в 2020 г. — в общей сложности на 0,7 %, при этом импорт в Китай из Индии вырос на 12 % (с 17,9 до 20,1 млрд дол. США) в 2020 г.

Общемировой экспорт в 2020 г. Китая смог вырасти за год на 3,7 % (с 2498,5 до 2590,6 млрд дол. США), но упал в Индии на 11 % (с 74,9 до 66,7 млрд дол. США), демонстрируя эффективность действий Индии по закрытию собственных рынков для Китая.

В 2021 г. картина значительно изменилась. Двусторонняя торговля между Индией и Китаем в 2021 г. составила 125,66 млрд дол. США, что на 43,3 % больше, чем в 2020 г. По данным

Главного таможенного управления КНР в 2021 г. Индия была 15-м крупнейшим торговым партнером Китая [9].

В 2021 г. экспорт Китая в Индию составил 97,52 млрд дол. США, что на 46,2 % больше, нежели в 2020 г. В это же время Китай импортировал из Индии товаров на 28,14 млрд дол. США, что на 39,7 % больше, чем было в 2020 г., согласно опубликованной статистике Главного таможенного управления КНР.

В целом, 2021 г. показал рекордные цифры торговли Китая и Индии, в отличии от показателей 2020 г., когда торговля сократилась на 5,6 % до 87,6 млрд дол. США, что является самым низким показателем с 2017 г. И нельзя точно сказать, что именно послужило причиной снижения: идеологическая работа на фоне пограничного конфликта или пандемия *COVID-19*, но Китай все же обошел США и стал крупнейшим торговым партнером Индии в 2021 г.

Имеющиеся пока данные говорят, что ни одна из конфликтных ситуаций в конечном итоге не смогла оказать существенного влияния на развитие экономических отношений двух государств. Разве что только в 2017 г. Индия бойкотировала форум «Один пояс, один путь» из-за военного конфликта в Докламе, тем не менее, в этот год товарооборот Китая и Индии увеличился на 15 млрд дол. США

Проведенный анализ экономических показателей, а именно объема торговли Китая с Индией, динамики ее роста и отклонения от общемировой тенденции вторит идее о развитии экономических отношений между двумя государствами без учета территориальных претензий. Тем не менее, данное утверждение относится только к периоду с 2000 по 2019 гг., экономические данные о котором представлены в открытых источниках. В этот период между двумя государствами не возникало открытых столкновений, понесших человеческие жертвы. На экономические показатели оказала существенное влияние пандемия *COVID-19*, снизив интенсивность развития мировых экономик и исказив влияние военных действий 2020—2021 гг. на торговые отношения. Таким образом, можно сказать, что на первоначальном этапе ведения военных действий экономические отношения оказались под ударом, но в течении короткого промежутка времени восстановились и смогли показать хороший рост.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Муратбекова, А. М. Территориальный спор в китайско-индийских отношениях / А. М. Муратбекова // Известия Нац. Акад. наук Респ. Казахстан. — 2015. — № 1 (299). — С. 169—175.
2. Sikri, R. The Tibet factor in India-China relation / Rajiv Sikri // Journal of International Affairs / R. Sikri. — 2011. — Vol. 64, N 2. — P. 55—71.

3. Chaudhury, D. R. China should stop ratcheting up 1962, remember 1967 Nathu La battle / D. R. Chaudhury [Electronic resource] // The Economic Times. — 12.07.2018. — Mode of access: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/china-should-stop-ratcheting-up-1962-remember-1967-nathu-la-battle/articleshow/59552208.cms>. — Date of access: 01.03.2022.

4. Conflict on the Sino-Indian Border: Background for Congress U.S.— China economic and security review commission, July 2, 2020 [Electronic resource] // The U.S.-China Economic and Security Review Commission. — Mode of access: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-07/Conflict_on_Sino-Indian_Border.pdf. — Date of access: 01.03.2022.

5. Kumar, S. G. India-China Border Agreements / S. G. Kumar [Electronic resource] // The United Service Institution of India. — Mode of access: <https://usiofindia.org/publication/usi-journal/india-china-border-agreements/>. — Date of access: 01.03.2022.

6. Аликберов, Э. Ш. Китайско-индийские отношения на современном этапе / Э. Ш. Аликберов, А. Р. Алькберова // Modern Oriental Studies. — 2020. — Т. 2, № 4. — С. 71–79.

7. Почему противостояние на границе Индии и Китая продолжается больше года [Электронный ресурс] // Федеральное агентство новостей. — 24.05.2021. — Режим доступа: <https://riafan.ru/turbopages.org/riafan.ru/s/1450887-pochemu-protivostoyanie-na-granice-indii-i-kitaya-prodolzhaetsya-bolshe-goda>. — Дата доступа: 01.03.2022.

8. India bans TikTok, WeChat and dozens more Chinese apps [Electronic resource] // BBC News. — 29.06.2020. — Mode of access: <https://www.bbc.com/news/technology-53225720>. — Date of access: 01.03.2022.

9. Patranobis, S. Sino-India trade at record \$125 billion amid border tension; deficit widens / S. Patranobis [Electronic resource] // Hindustan Times. — 14.01.2022. — Mode of access: <https://www.hindustantimes.com/india-news/sinoindia-trade-at-record-125-billion-amid-border-tension-deficit-widens-101642180809440.html>. — Date of access: 01.03.2022.

ПОЗИЦИЯ КНР ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРОБЛЕМЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СПОРНЫХ ОСТРОВОВ ДЯОЮЙДАО

Яо Цзэни

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: zy920317@qq.com*

В статье поднимается вопрос исторического контекста развития территориального спора между Китаем и Японией за контроль над архипелагом Дяоюйдао и современное состояние данной международной проблемы. Исследование демонстрирует объективность притязаний КНР на Дяоюйдао на основании Белой книги «Острова Дяоюйдао являются исконной территорией Китая». Автор приводит целостный анализ данного документа, формируя последовательный контекст процесса вхождения архипелага под юрисдикцию Китая. Неразрешенная проблема принадлежности архипелага, возрастающая конфликтogenicность вокруг территории представляют собой один из потенциальных факторов обострения ситуации в Восточно-Китайском море. Таким образом, активные действия КНР в стремлении к возвращению архипелага

способны оказать влияние на развитие международных отношений во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: спорные острова; Дяоюйдао; морская политика Китая; китайско-японские отношения.

CHINA'S POSITION ON THE PROBLEM OF OWNERSHIP OF THE DISPUTED DIAOYUDAO ISLANDS

Yao Zengyi

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: zy920317@qq.com

The article raises the question of the historical context of the development of the territorial dispute between China and Japan for control over the Diaoyu archipelago and the current state of this international problem. The study demonstrates the objectivity of China's claims to the Diaoyu on the basis of the White Paper «The Diaoyu Islands are the original territory of China». The author provides a holistic analysis of this document, forming a consistent context for the process of entering the archipelago under the jurisdiction of China. The unresolved problem of belonging to the archipelago, the growing conflict potential around the territory are one of the potential factors for aggravating the situation in the East China Sea. Thus, the active actions of the PRC in an effort to return the archipelago can influence the development of international relations throughout the Asia-Pacific region.

Keywords: *disputed islands; Diaoyudao; maritime policy of China; Sino-Japanese relations.*

Архипелаг Дяоюйдао (Сенкаку) располагается в акватории Восточно-Китайского моря и представляет собой объект притязаний КНР и Японии. Территориальный спор за Дяоюйдао является одним из ряда «камней преткновения» по налаживанию китайско-японских связей, а также одним из важных факторов мировой политики.

Проблема Дяоюйдао уходит глубоко в имперскую историю Китая и Японии. Оба государства расходятся во мнениях по поводу того, какая страна первой обнаружила острова данного архипелага и фактически заняла их, а также были ли они частью территории, уступленной в соответствии с различными мирными договорами XIX и XX вв. [1]. В целях более точного и объективного анализа необходимо обратиться к задокументированным историческим фактам, которые позволяют оценить объективность притязаний на Дяоюйдао каждой из сторон.

В сентябре 2012 г. КНР опубликовала важный документ — Белую книгу «Острова Дяоюйдао являются исконной территорией Китая». В документ включены разделы: Дяоюйдао — исконная территория Китая; Япония захватила Дяоюйдао у Китая; закулисные сделки между США и Японией в отношении Дяоюйдао являются незаконными и недействительными; притязания Япо-

нии на суверенитет над Дяоюйдао абсолютно необоснованны; Китай предпринял решительные меры для защиты своего суверенитета над Дяоюйдао.

В соответствии с доводами КНР, территория архипелага Дяоюйдао была освоена еще в древности китайскими рыбаками, в результате чего острова получили именно такое название («дяоюй» в переводе с китайского языка обозначает «ловля рыбы»). Самая ранняя историческая запись названия «Дяоюйдао» содержится в книге «Путешествие с попутным ветром» (Шунь Фэн Сян Сун), изданной в 1403 г. (первый год правления императора Юнлэ династии Мин). Это показывает, что Китай точно уже открыл острова к XIX в. [2]. В Белой книге представлены исторические данные о нахождении Дяоюйдао под китайской юрисдикцией, что подтверждается расположением архипелага на пути из Китая в Японию. В 1372 г. (пятый год правления императора Чжу Юаньчжан династии Мин) король Рюкю начал платить дань императорскому двору династии Мин. Взамен император династии Мин отправлял в Рюкю имперских послов. В течение следующих пяти столетий до 1866 г. императорские дворы династий Мин и Цин 24 раза отправляли имперских посланников в Рюкю, чтобы присвоить титул королю Рюкю. Архипелаг Дяоюйдао находился в китайской акватории, расположенной на пути к Рюкю, и был признан территорией Китая [2].

В качестве дополнительных доказательств из истории КНР приводит множество исторических записей в летописных отчетах, сделанных китайскими придворными. В них четко отмечено существование разделительной линии по Хэйшуйгоу (Окинавская впадина) между Рюкю и Китаем, по которой Дяоюйдао относились к китайской территории. В 1561 г. «Иллюстрированный сборник по морской безопасности» добавил Дяоюйдао в «Карту прибрежных гор и песков», включив архипелаг их юрисдикцию береговой обороны династии Мин. В «Полную карту единой морской территории для береговой обороны» (1605 г.) также входил Дяоюйдао как часть морской территории Китая [2]. Во времена династии Цин Дяоюйдао были включены в непосредственную юрисдикцию китайского Тайваня для более координированного управления территорией.

КНР также доказывает, что даже европейские мореплаватели и исследователи XIX в. отмечали Дяоюйдао как часть территории Китая.

Начиная с конца XIX в. Япония после реставрации Мэйдзи стала проводить экспансионистскую политику, захватив Рюкю — традиционный союзник китайской империи. Дяоюйдао стал находится на пути дальнейшей японской агрессии, и, согласно до-

водам официальной КНР, с тех пор был главным препятствием для Японии на пути к китайской территории. В Белой книге показано, что архипелаг был тайно отторгнут у Китая с последующей аннексией Тайваня после войны 1894—1895 гг. [2].

Белая книга указывает на незаконный характер отторжения архипелага у Китая уже в XX в.: «Архипелаг Дяоюйдао был возвращен Китаю после Второй мировой войны, однако США произвольно включили Дяоюйдао под свое управление в 1950-х гг., а затем «возвратили» «право управления» над Дяоюйдао Японии в 1970-х гг. Закулисные сделки между США и Японией в отношении Дяоюйдао являются актами серьезного нарушения территориального суверенитета Китая, они незаконны и недействительны. Они не изменили и не могут изменить того факта, что Дяоюйдао принадлежит Китаю» [2]. Таким образом, во второй половине XX в. архипелаг был возвращен под китайскую юрисдикцию и затем вновь отторгнут у Китая в пользу Японии. КНР неоднократно выступала с официальными заявлениями о неправомерности действий США и их союзника Японии. Для закрепления Дяоюйдао как неотъемлемой части КНР были приняты законодательные акты, в которых архипелаг обозначен китайской территорией [2].

Япония считает недостоверными китайские доказательства о правомерности притязаний КНР на Дяоюйдао, доказывая, что архипелаг был передан Японии в результате мирного договора по результатам войны 1894—1895 гг. Именно с того времени острова стали полноправно принадлежать Японии. Японское правительство доказывает, что катализатором проявленного интереса КНР к архипелагу являются обнаруженные на территории Дяоюйдао нефтегазовые залежи (согласно отчету Организации Объединенных Наций 1969 г.).

КНР не признает японский суверенитет над Дяоюйдао и не прекращает попыток вернуть архипелаг под свое управление. Китай направляет военные корабли ВМС в акваторию Дяоюйдао, провоцируя японское правительство на определенную реакцию. Нередко подобные маневры приводят к обострению. В 2010 г. китайский траулер, зашедший на территорию архипелага, столкнулся с японским патрульным кораблем. Данное событие привело к массовой волне протестных акций в обоих государствах. С 2013 г. КНР формирует зону идентификации ПВО в Восточно-Китайском море как часть сдерживания политики Японии. С 2018 г. Япония приступила к формированию подразделения Амфибийной бригады быстрого реагирования с целью сохранения контроля над Дяоюйдао в случае агрессивных наступательных действий со стороны Китая.

КНР осуществляет разработку газовых месторождений в акватории спорных островов Дяоюйдао в Восточно-Китайском море. В 2016 г. Китай, к примеру, разместил радиолокационную станцию на буровой установке в Восточно-Китайском море [3].

Мирному урегулированию спора пытаются содействовать внешнеполитические ведомства США и ряда других государств региона. Однако КНР настаивает на полном возвращении архипелага под китайскую юрисдикцию.

Территориальный спор вокруг Дяоюйдао (Сенкаку), формально начавшийся с прошлого века, имеет глубокий исторический контекст. Разрешение одного из самых серьезных споров в регионе требует глубокой дипломатической проработки и совместного поиска допустимых путей урегулирования. Притязания КНР подкреплены исторически подтвержденными фактами, которые нельзя не учитывать при исследовании данной региональной проблемы. В случае, если КНР сможет заручиться дипломатической поддержкой союзников в регионе, возможно, возвращение архипелага не станет катализатором нового китайско-японского конфликта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 钓鱼岛是中国的固有领土 白皮书 (全文) = Белая книга «Острова Дяоюйдао являются исконной территорией Китая» (полный текст) [Электронный ресурс] // 中华人民共和国国务院新闻办公室 = Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. — 25.09.2012. — Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/tt/Document/1222670/1222670.htm>. — Дата доступа: 01.09.2022 (на кит. яз.).
2. Китай возобновил разработку газовых месторождений в районе спорных островов в Восточно-Китайском море. Япония вновь протестует [Электронный ресурс] // Neftegaz. — 03.12.2018. — Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/politics/196538-kitay-vozobnovil-razrabotku-gazovykh-mestorozhdeniy-v-rayone-spornykh-ostrovov-v-vostochno-kitayskom/>. — Дата доступа: 31.08.2022.
3. Sino-Japanese controversy over the Senkaku / Diaoyu / Diaoyutai Islands [Electronic resource] // European Parliament. — Mode of access: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/696183/EPRS_BRI\(2021\)696183_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/696183/EPRS_BRI(2021)696183_EN.pdf). — Date of access: 04.09.2022.

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЕВРАЗИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРАВО, ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА»

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭКСПОРТА В КИТАЙ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Н. А. Абрамчук

*Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь, e-mail: nina_abramchuk@mail.ru*

Применен подход, основанный на сопоставлении потенциала белорусского экспорта с экспортным потенциалом остальных государств-членов Евразийского экономического союза на китайском рынке. Методология определения экспортного потенциала страны на рынке Китая базируется на предположении о том, что существует прямая зависимость объема потенциального экспорта товара страны от предложения данного товара страны-экспортера, спроса на данный товар со стороны Китая и благоприятных условий ведения торговли данным товаром. Выявлены перспективные направления экспорта Беларуси в Китай с разным уровнем конкуренции со стороны остальных государств — членов Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: экспорт товаров; экспортный потенциал; Китай; Евразийский экономический союз; конкуренция.

PROMISING DIRECTIONS OF BELARUSIAN EXPORT TO CHINA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

N. A. Abramchuk

*The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganov Street, 1/2, 220072, Minsk, Belarus, e-mail: nina_abramchuk@mail.ru*

An approach based on comparing the potential of Belarusian exports with the export potential of other member states of the Eurasian Economic Union in the Chinese market is applied. The methodology for determining the export potential of a country in the Chinese market is based on the assumption, that there is a direct dependence of the volume of potential exports of a country's product on the supply of this product of the exporting country, the demand for this product from China and favorable conditions for trade in this product. Promising directions for Belarus' exports to China identified with different levels of competition from the other member states of the Eurasian Economic Union.

Keywords: export of goods; export potential; China; Eurasian Economic Union; competition.

Выявление перспективных экспортных направлений торговли Беларуси с Китаем в условиях функционирования в Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС) опирается на сопоставление потенциала белорусского экспорта на китайском рынке с экс-

портным потенциалом остальных государств — членов ЕАЭС на рынке КНР.

В целях определения экспортного потенциала страны на китайском рынке в данном исследовании используется подход, основанный на применении методологии Центра Международной торговли Всемирной торговой организации и Конференции ООН по торговле и развитию, которая базируется на предположении о том, что торговля между двумя странами имеет положительную связь с уровнем предложения и спроса на товар и отрицательную связь с торговыми ограничениями при реализации данного товара в виде таможенных пошлин и географического расстояния [1].

Исходя из предположения, что существует прямая зависимость объема потенциального экспорта товара от предложения данного товара со стороны государства — члена ЕАЭС, спроса на данный товар со стороны Китая и благоприятных условий ведения торговли данным товаром соответствующего государства — члена ЕАЭС с Китаем, потенциальный объем экспорта j -го государства — члена ЕАЭС в Китай товара k ($PExp_{EAEUj_CHK}$) формализовано может быть представлен в следующем виде:

$$PExp_{EAEUj_CHK} = Supply_{EAEUjk} * Demand_{EAEUj_CHK} * T_{EAEUj_CH}$$

где $Supply_{EAEUjk}$ — предложение j -го государства — члена ЕАЭС по экспорту товара k ; $Demand_{EAEUj_CHK}$ — спрос Китая на товар k , экспортируемый j -м государством — членом ЕАЭС; T_{EAEUj_CH} — индекс ведения торговли j -го государства — члена ЕАЭС с Китаем.

Расчет предложения j -го государства — члена ЕАЭС по экспорту товара k основан на существующих экспортных объемах товара k , скорректированных с учетом таких факторов, как: 1) прогноз предложения страны по экспорту товара k , учитывающий ожидаемый экономический рост страны на последующий пятилетний период; 2) исключение реэкспорта, так как он не связан со способностью страны производить данный товар; 3) тарифные преимущества в торговле товаром k для страны по сравнению с другими экспортерами данного товара: если тарифы, применяемые в торговле товаром k к стране в среднем ниже, чем тарифы, применяемые к другим поставщикам товара k на мировом рынке, страна извлекает выгоду из тарифного преимущества на рынке, что приведет к более высокому потенциалу экспорта товара k для страны [2, с. 7].

Расчет спроса со стороны Китая на исследуемый товар k , экспортируемый j -м государством — членом ЕАЭС, основан на существующих объемах импорта Китая, скорректированных с учетом следующих факторов: 1) прогноз спроса страны на товар k , ко-

торый учитывает ожидаемые рост численности населения и рост ВВП на душу населения для страны на последующий пятилетний период; 2) тарифные преимущества для страны в торговле товаром k по сравнению с другими экспортерами данного товара в страну: если тарифы, применяемые страной k -му государству — члену ЕАЭС, ниже, чем тарифы, применяемые страной k другим поставщикам товара k , j -е государство-член ЕАЭС извлекает выгоду из тарифного преимущества на рынке, что приведет к более высокому спросу со стороны Китая на товар k j -го государства-члена ЕАЭС; 3) среднего расстояния, на котором осуществляются поставки товара k в страну: чем меньше разность между расстоянием, на котором j -е государство — член ЕАЭС экспортирует в страну, и средним расстоянием, на котором страна импортирует товар k , тем выше будет экспортный потенциал j -го государства — члена ЕАЭС по товару k на рынке страны.

Расчет индекса ведения торговли j -го государства — члена ЕАЭС с Китаем основывается на фактическом экспорте j -го государства — члена ЕАЭС на китайский рынок с учетом потенциала относительно их гипотетической торговли, при условии, если j -е государство — член ЕАЭС имеет на рынке Китая долю, соответствующую ее средней доле на мировом рынке.

Статистической и информационной базой для проведения расчетов являются: *Trade statistics. International Trade Centre World Trade Organization and the United Nations Conference on Trade and Development* [3]; статистика внешней торговли государств — членов ЕАЭС [4]; статистика внешней торговли Республики Беларусь [5]; импортный тариф Китая [6]; Единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее — ТН ВЭД ЕАЭС) [7].

Применение представленного выше метода, позволило сформировать для каждого государства — члена ЕАЭС (Республики Армения, Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан и Кыргызской Республики) перечень экспортных товаров, наиболее востребованных на китайском рынке.

К важнейшим перспективным товарам армянского экспорта на китайский рынок относятся (по снижению уровня экспортного потенциала): спиртовые настойки, полученные в результате дистилляции виноградного вина или выжимок винограда; фольга алюминиевая; алмазы непромышленные прочие; верхняя одежда из химических нитей; электроэнергия; вина; виноградное сусло; ювелирные изделия из прочих драгоценных металлов; ферромолибден; лекарственные препараты.

Основными перспективными товарами белорусского экспорта на китайский рынок являются: хлорид калия; лесоматериала-

лы продольно-распиленные; масло рапсовое сырое; удобрения смешанные; прочие отруба крупного рогатого скота, обваленные, мороженые; целлюлоза; полиамид-6, -11, -12, -6,6, -6,9, -6,10 или 6,12; полиэтилен в первичных формах; плиты древесно-стружечные; присадки к смазочным маслам.

Наибольший экспортный потенциал на китайском рынке имеют такие российские товары, как: катоды и секции катодов из меди; древесина хвойных пород; рыба замороженная; хлорид калия; крабы; полуфабрикаты из железа или нелегированной стали; никель; необработанная хвойная древесина; треска мороженая.

К наиболее перспективным товарам казахстанского экспорта на китайский рынок относятся: катоды и секции катодов из меди; уран природный и его соединения; сплавы, дисперсии, продукты и смеси, содержащие природный уран или соединения природного урана; феррохром; цинк необработанный; семена льна; ячмень; полуфабрикаты из железа или нелегированной стали; алюминий нелегированный необработанный; оксид алюминия; медь нерафинированная, медные аноды для электролитического рафинирования.

К товарам Кыргызской Республики с наибольшим экспортным потенциалом на китайском рынке относятся: золото, не используемое для чеканки монет, в прочих полуобработанных формах; прочее неармированное стекло; дубленая кожа или кожаный крафт из шкур крупного рогатого скота; отходы и лом алюминиевые; волокно хлопковое, нечесаное; спиртовые настойки, полученные в результате дистилляции виноградного вина или выжимок винограда; фасоль обыкновенная сушеная; прочие отходы и лом черных металлов; прочие плоды сушеные; прочие хлеб и мучные кондитерские изделия.

Далее определяем соответствие следующим двум критериям:

1) белорусский товар имеет *высокий уровень конкуренции в рамках ЕАЭС на китайском рынке*, если он входит в перечень топ-30 товаров с наибольшим экспортным потенциалом на китайском рынке для любой из остальных стран ЕАЭС. В противном случае, товар имеет *невысокий уровень конкуренции на рынке Китая*;

2) чем больше размер экспортного потенциала товара на китайском рынке, тем выше уровень его перспективности на рынке Китая.

В результате сопоставление потенциала белорусского экспорта на китайском рынке с экспортным потенциалом остальных государств — членов ЕАЭС на данном целевом рынке позволило определить перспективные товарные направления экспорта Беларуси с невысоким и высоким уровнем конкуренции в рамках ЕАЭС на рынке КНР:

— направления с невысоким уровнем конкуренции со стороны остальных государств — членов ЕАЭС (по снижению уровня перспективности): прочие отруба крупного рогатого скота, обваленные, мороженые; полиамид-6, -11, -12, -6,6, -6,9, -6,10 или 6,12; полиэтилен в первичных формах с удельным весом менее 0,94; плиты древесно-стружечные; присадки к смазочным маслам, содержащие нефть или нефтепродукты, полученные из битуминозных пород и др.; молоко и сливки сгущенные и не-сгущенные; части и принадлежности для устройств на жидких кристаллах; изделия деревянные; сплавы на основе меди и цинка необработанные; плоды и орехи; косметические средства; мебель деревянная; прутки из железа или нелегированной стали; соль; части тушек и субпродукты домашних кур, мороженые; молочная сыворожка; проводники электрические; арматура для трубопроводов, котлов, резервуаров, цистерн, баков или аналогичных емкостей; жмыхи и другие твердые отходы из семян рапса;

— направления с высоким уровнем конкуренции со стороны остальных государств — членов ЕАЭС (с указанием в скобках конкурента в рамках ЕАЭС): хлорид калия (Россия); лесоматериалы продольно-распиленные (Россия); масло рапсовое сырое (Россия и Казахстан); удобрения минеральные или химические, содержащие три питательных элемента — азот, фосфор и калий (Россия); целлюлоза древесная, натронная или сульфатная, кроме растворимых сортов, небеленая, из хвойных пород (Россия); лекарственные средства, расфасованные для розничной продажи (Россия); лесоматериалы необработанные (Россия); сливочное масло (Казахстан, Россия и Кыргызстан); полуфабрикаты из железа или нелегированной стали (Россия и Казахстан).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Decreux, Y. Export Potential Assessments — a methodology to identify export opportunities for developing countries / Y. Decreux, J. Spies [Electronic resource] // Export Potential Map. — Mode of access: https://exportpotential.intracen.org/media/1089/epa-methodology_141216.pdf. — Date of access: 01.09.2022.

2. Абрамчук, Н. А. Методические рекомендации по оценке экспортного потенциала страны в контексте торгового взаимодействия с региональными интеграционными объединениями / Н. А. Абрамчук; Ин-т экономики НАН Беларуси; науч. Ред. В.И. Бельский. — Минск: Право и экономика, 2019. — 40 с.

3. Trade statistics. International Trade Centre World Trade Organization and the United Nations Conference on Trade and Development [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.trademap.org/Index.aspx>. — Date of access: 02.09.2022.

4. Статистика ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx. — Дата доступа: 02.09.2022.

5. Статистика внешней торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/. — Дата доступа: 01.09.2022.

6. Customs Tariffs [Electronic resource] // Market Access Map. — Mode of access: <https://www.macmap.org/en/query/customs-duties>. — Date of access: 01.09.2022.

7. Единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/psn/Pages/default.aspx>. — Дата доступа: 01.09.2022.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПОДХОДЫ БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА

И. М. Авласенко¹⁾, Р. В. Сысоева²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: AvlasenkIM@bsu.by

²⁾ Международный университет «Астана»,
ул. Кабанбай-батыра 8, Астана, Казахстан, e-mail: dra.syssoyeva@outlook.com

В статье рассматриваются подходы Республики Беларусь и Республики Казахстан к формированию повестки дня развития Евразийского экономического союза. Произведено сравнение основных инициатив 2022 г., выдвинутых в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию и обострившейся геополитической ситуации в Восточной Европе. Показано, что инициативы Республики Беларусь направлены на развитие самодостаточности и технологической независимости ЕАЭС, развития общих производственных цепочек, в то время как Казахстан стремится делать акцент на привлечении инвесторов и создании для них благоприятных условий работы. Сделан вывод о том, что различие в подходах к формированию повестки дня отражает особенности национальных экономических моделей Беларуси и Казахстана, а также обусловлено разным влиянием санкционного давления со стороны стран Запада.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; Республика Беларусь; Республика Казахстан; интеграция; санкции; общая промышленная политика.

FORMING THE EURASIAN ECONOMIC UNION AGENDA: APPROACHES OF BELARUS AND KAZAKHSTAN

I. M. Aulassenka^a, R. V. Syssoyeva^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: AvlasenkIM@bsu.by

^b Astana International University,
Kabanbai-batyr str., 8, Astana, Kazakhstan, e-mail: dra.syssoyeva@outlook.com
Corresponding author: I. M. Aulassenka (AvlasenkIM@bsu.by)

The article discusses the approaches of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan to the formation of the agenda for the development of the Eurasian Economic Union. A comparison of the main initiatives for 2022 in the context of

sanctions pressure on the Russian Federation and the aggravated geopolitical situation in Eastern Europe is made. It is shown that the initiatives of the Republic of Belarus are aimed at developing the self-sufficiency and technological independence of the EAEU, the elaboration of common production chains, while Kazakhstan seeks to focus on attracting investors and creating favorable working conditions for them. It is concluded that the difference in approaches to the formation of the agenda reflects the peculiarities of the national economic models of Belarus and Kazakhstan, and different influence of sanctions pressure from Western countries.

Keywords: Eurasian Economic Union; Republic of Belarus; The Republic of Kazakhstan; integration; sanctions; common industrial policy.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в 2022 г. оказался в наиболее сложных условиях с момента запуска процессов евразийской интеграции. Геополитическая напряженность в Восточной Европе, вылившаяся в конце февраля в вооруженный конфликт между Российской Федерацией и Украиной, а также последовавшие пакеты санкций в отношении Москвы и Минска стали существенными вызовами для эффективного функционирования экономик объединения. В связи с этим целесообразно сравнить подходы двух государств к формированию повестки дня ЕАЭС, каждое из которых по-своему изначально было привержено и обосновывало необходимость евразийской интеграции, — Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Санкционное давление на Республику Беларусь началось еще два года назад, после президентских выборов 2020 г. Обострение политических отношений с западными столицами вынудило Минск активизировать поддержку евразийской интеграции и строительства Союзного государства с Москвой. Инициативы Республики Беларусь изначально были направлены на углубление евразийской экономической интеграции, создания общих производственных цепочек. В 2022 г., после начала вооруженного конфликта России и Украины и поддержки руководством Республики Беларусь российской стороны, экономическое давление на Минск еще более усилилось.

В этих условиях руководство Республики Беларусь стало более активно выступать за укрепление самостоятельности и самодостаточности Евразийского экономического союза, прежде всего, в информационной и научно-технологической сфере, что позволит сформировать производственные цепочки, менее зависимые от внешних шоков. Глава белорусского правительства Р. А. Головченко, выступая на пленарном заседании Евразийского экономического форума 26 мая 2022 г., заявил, что «западные санкции преследуют цель замедлить технологическое развитие ЕАЭС» [1]. Председатель коллегии Евразийской экономической комиссии М. В. Мясникович, также работавший ранее

председателем правительства Республики Беларусь, в ответ выступил с инициативой разработать «программу высокотехнологической независимости Евразийского экономического союза» [2].

Белорусские предложения, озвученные на заседаниях Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета, Евразийского экономического форума в первой половине 2022 г., сводились к следующим направлениям: ускорить процесс формирования общих рынков в ЕАЭС (прежде всего, энергетических); повысить научно-технологическую самостоятельность и независимость ЕАЭС; выработать совместный ответ стран-участниц ЕАЭС на западные санкции в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь.

Свое дальнейшее развитие эта мысль получила в выступлениях представителей белорусского правительства во второй половине 2022 г. «Если у нас союз, а не просто торговое соглашение, значит, надо ставить перед собой новые амбициозные практико-ориентированные цели, которые направлены на укрепление нашей независимости, не только политической, но и технологической, промышленной и так далее», — отмечал Р. А. Головченко. Премьер-министр Беларуси высказал предположение о том, что в ближайшем будущем каждый экономический союз будет стремиться сосредоточить на своей территории разработку и производство самой широкой номенклатуры товаров: «Как показала практика, построить технологический суверенитет на основе импортных технологий и комплектующих невозможно... Считаю, что гораздо эффективнее и целесообразнее решать задачу достижения технологического суверенитета на уровне ЕАЭС, используя научно-технологический и производственный потенциалы наших стран» [3].

Конкретизируя эту установку, в конце августа 2022 г. на заседании Евразийского межправительственного совета в г. Чолпон-Ата (Кыргызстан) Р. А. Головченко выступил с предложением наладить «выпуск высокотехнологичной продукции под общим евразийским брендом» [4]. Пилотным проектом в этой сфере стала идея «евразийского электробуса», который должен стать итогом совместной промышленной кооперации стран ЕАЭС. В начале сентября 2022 г. в Евразийской экономической комиссии состоялась консультация, по итогам которых было принято решение сформировать рабочую группу по разработке данного вопроса. Первоочередной задачей данной группы стала оценка перспективности данной идеи и формирование перечня комплектующих, необходимых для ее реализации [5].

На заседании Евразийского межправительственного совета Р. А. Головченко также выступил с инициативой принять стратегию биологической безопасности ЕАЭС. Проект такой стратегии был ранее направлен на рассмотрение в Евразийскую экономическую комиссию. Интерес белорусской стороны к данному вопросу был вызван не только сообщениями министерства обороны России об иностранных лабораториях по производству биологического оружия на территории Украины. Гораздо большая обеспокоенность Минска вызвана опытом закрытия границ в период пандемии *COVID-19* в 2020—2021 гг., что не только наносило прямой ущерб экономическому развитию государств-членов, но и препятствовало свободному перемещению лиц — одному из базовых параметров общего рынка. «Мы знаем, что были определенные сомнения в необходимости принятия такого документа, так как такая или схожая работа ведется по линии ОДКБ, а также в связи с тем, что вопросы биобезопасности не в полной мере относятся к компетенции ЕАЭС. Тем не менее, по нашей информации, активной работы в рамках ОДКБ по данному вопросу пока не ведется. Более того, предлагаемый нами документ изначально разработан для решения вопросов гражданского назначения», — отметил глава белорусского правительства [6].

Ставка Республики Беларусь на углубление кооперации в рамках ЕАЭС оправдала себя в условиях западных санкций. После введения санкций в отношении Российской Федерации со стороны стран Запада Республика Беларусь вышла на второе место среди экспортеров, опередив даже Германию [7]. Белорусские промышленные предприятия стали заполнять своей продукцией некоторые ниши, образовавшиеся после ухода западных компаний с российского рынка. В частности, после запрета поставок высокотехнологичных чипов со стороны Тайваня в Россию белорусская сторона выразила готовность организовать процесс импортозамещения на базе предприятия «Интеграл», специализирующегося на выпуске электроники.

Казахстанский подход к постановке приоритетов для развития ЕАЭС в повестку дня основан на внутренних и внешних вызовах страны. К внутренним вызовам можно отнести такие вопросы, как необходимость расширения рынка сбыта отечественной продукции, поиск партнеров для отраслевого развития экономики, привлечение иностранных инвестиций и индустриальное развитие страны, которая является экспортером сырья на мировых рынках (нефти, металлов и других полезных ископаемых). Что касается внешних вызовов, то с момента получения независимости страна стала сферой интересов мировых и региональных игроков, в большей степени США, ЕС, Китая и Турции, и в мень-

шей Индии и АТР. Такое положение на перекрестке интересов различных акторов и то же время необходимость поддерживать и развивать сотрудничество с братскими странами на постсоветском пространстве, формирует главные контуры внешнеполитической стратегии Акорды, которая основана на многовекторности и балансировании между внешними акторами.

Несмотря на одинаково прагматичный подход Казахстана и Беларуси к формированию повестки дня ЕАЭС, предложения отличаются друг от друга ввиду того, что курс развития стран, исходя из их внутренних приоритетов и геополитических реалий, разнится. Так, Казахстан, пользуясь своим географическим положением, пытается развиваться, предоставляя площадку взаимодействия между Европой и Азией, развитым Севером и развивающимся Югом. На этом основана и многополярная политика страны, республика пытается привлечь как можно больше иностранных инвестиций через открытую либеральную экономику и благоприятный налоговый режим для иностранных компаний.

Во многом, Казахстан несмотря на то, что формат сотрудничества в ЕАЭС многосторонний, для Акорды евразийская интеграция — это формат развития торгово-экономических отношений со своим главным торговым партнером — Российской Федерацией. Помимо того, что казахстанско-российская граница является самой протяженной сухопутной границей в мире (ее протяженность — более 7500 км), Российская Федерация является ближайшим политическим и военным союзником Москвы. На границах с Россией территориях проживает более 30 % населения Казахстана, валовой региональный продукт этих регионов равняется 40 % ВВП республики. Что касается России, то в приграничье с Республикой Казахстан проживает 18,5 % жителей России, ВРП этих регионов составляет 20 % ВВП страны [8]. Говоря о Беларуси, Казахстан только открывает для себя сотрудничество с Минском, и, хотя страны постоянно заявляют о расширении сотрудничества, главным стратегическим партнером республики остается Россия.

Также необходимо понимать, что в настоящее время в условиях беспрецедентного санкционного давления на Россию и Беларусь, Акорда пытается всячески избежать вторичных санкций на свою экономику, которая во многом более уязвима перед колебаниями на мировых рынках, чем белорусская, ввиду своей открытости и зависимости от деятельности иностранных компаний. В то же время, Казахстан, как союзник России и Беларуси по ЕАЭС, ОДКБ и СНГ, должен исполнять все принятые на страну обязательства и не только поддерживать, но и развивать и углублять сотрудничество в рамках данных организаций.

Принимая во внимание выше обозначенные реалии, республика выдвигает следующие инициативы.

Расширение сотрудничества ЕАЭС с другими странами и регионами. Республика предлагает расширять сотрудничество с АСЕАН, ШОС, Индией, Индонезией и Монголией [9]. Республика до недавнего времени также предлагала развивать диалог ЕАЭС—ЕС, однако в современных условиях это проблематично. Примечательно, что на заре Евразийского экономического союза, Беларусь также продвигала сотрудничество с ЕС даже на более углубленном уровне, видя ЕАЭС как «неотъемлемую часть общеевропейской интеграции» [10]. Однако, нынешний «геополитический шторм» [11], через который также проходит и регион ЕАЭС, вносит коррективы в данную инициативу и весьма возможно, что расширение сотрудничества будет идти на восточном направлении.

Сопряжение реализации инициативы Китая «Один пояс, один путь» с развитием ЕАЭС. С предыдущей инициативой также связано и участие стран союза в проектах Китая, которые важны для евразийской интеграции как для развития логистики участниц ЕАЭС как между собой, так и с внешними партнерами. С точки зрения транспортных проектов Казахстан также предлагает такой амбициозный проект, как строительство скоростной железной дороги.

Позиционирование Казахстана как финансового центра. С самого становления ЕАЭС, Акорда продвигает РК как финансовую столицу союза [9]. Так, штаб-квартира Евразийского банка развития расположена в Алматы. В настоящее время республика продвигает использовать потенциал Международного финансового центра «Астана» (МФЦА) для привлечения инвестиций и открытия штаб-квартир. МФЦА намеревается выйти на уровень финансовых центров Нью-Йорка, Лондона, Гонконга, Дубая и Сингапура. Центр располагает бирже *Astana International Exchange*, а также предлагает дополнительные преференции и гарантии для компаний среднего и высокого уровня капитализации [12]. МФЦА только становится как финансовый центр, и на мировой арене он мало известен. В условиях санкций против Российской Федерации и Республики Беларусь и при интересе компаний из этих стран он мог бы расширить свою деятельность и претворить в реальность те амбициозные цели, о которых было заявлено при его создании.

Таким образом, усиление санкционного давления со стороны Запада вследствие поддержки белорусским руководством российской позиции в вооруженном конфликте с Украиной подтолкнуло Минск к еще более активному продвижению инициатив, связанных с углублением интеграции в ЕАЭС. При этом речь идет

уже не просто о ликвидации торговых барьеров и изъятий, о чем белорусская сторона говорила уже давно, а о первых попытках создания общих производственных цепочек, позволяющих вовлечь все страны объединения в процесс промышленного производства. Такая позиция отвечает белорусским национальным интересам, поскольку создает дополнительные благоприятные условия для сбыта промышленной продукции.

В свою очередь, Казахстан отказался предоставить пути обхода санкционного режима для Российской Федерации. Руководство республики главе с К.-Ж. К. Токаевым сделало ставку на привлекательность Казахстана для зарубежных инвесторов. Таким образом, позиции Беларуси и Казахстана олицетворяют два разных подхода к евразийской интеграции, отражающие особенности национальных экономик Минска и Астаны. Республика Беларусь, сохранившая курс на национальное промышленное развитие, стремится использовать свое конкурентное преимущество и развить целую сеть автономных производственных цепочек в рамках объединения. В свою очередь, Казахстан делает ставку на открытость ЕАЭС и стремится привлечь зарубежные финансовые потоки. Казахстанский подход основан на использовании возможностей общего рынка и их сопряжение их с тем курсом, которым движется республика в условиях колебаний на мировых рынках, реалиями присутствия множества внешних игроков в регионе и необходимостью исполнять обязательства перед партнерами на пространстве ЕАЭС и углублять интеграцию в данном направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головченко: западные санкции преследуют цель замедлить технологическое развитие ЕАЭС // БЕЛТА. — 26.05.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/golovchenko-zapadnye-sanktsii-presledujut-tsel-zamedlit-tehnologicheskoe-razvitie-eaes-504222-2022/>. — Дата доступа: 14.09.2022.
2. Мясникович предложил разработать программу высокотехнологической независимости ЕАЭС // БЕЛТА. — 26.05.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/mjasnikovich-predlozhit-razrabotat-programmu-vysokotehnologicheskoy-nezavisimosti-eaes-504223-2022/>. — Дата доступа: 14.09.2022.
3. Технологический суверенитет и импортонезависимость. Головченко о будущем ЕАЭС // БЕЛТА. — 26.08.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/tehnologicheskij-suverenitet-i-importonezavisimost-golovchenko-o-buduschem-eaes-520552-2022/>. — Дата доступа: 14.09.2022.
4. Головченко: нужно наладить выпуск высокотехнологичной продукции под общим евразийским брендом // БЕЛТА. —

25.08.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/golovchenko-nuzhno-naladit-vypusk-vysokotekhnologichnoj-produktsii-pod-obshchim-evrazijskim-brendom-520438-2022/>. — Дата доступа: 14.09.2022.

5. В ЕЭК началась работа по реализации пилотного проекта «Евразийский электробус» // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/v-eek-nachalas-rabota-po-realizatsii-pilotnogo-proekta-evrazijskiy-elektrobus/>. — Дата доступа: 14.09.2022.

6. Головченко: нужно принять стратегию биологической безопасности ЕАЭС // БЕЛТА. — 26.08.2022. — Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/golovchenko-nuzhno-prinjat-strategiju-biologicheskoy-bezopasnosti-eaes-520556-2022/>. — Дата доступа: 14.09.2022.

7. Russia Is in Topsy-Turvy World Where Belarus Tops German Exports // Bloomberg. — 08.06.2022. — Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-08/russia-is-in-topsy-turvy-world-where-belarus-tops-german-exports>. — Date of access: 14.09.2022.

8. Инициативы Казахстана в приграничных зонах: экономика сотрудничества от Китая до Туркменистана // 365info.kz. — Режим доступа: <https://365info.kz/2020/07/iniitsiativy-kazahstana-v-prigranichnyh-zonah-ekonomika-sotrudnichestva-ot-kitaya-do-turkmenistana>. — Дата доступа: 14.09.2022.

9. Назарбаев назвал 4 инициативы по развитию ЕАЭС // Strategy 2050. — Режим доступа: <https://strategy2050.kz/ru/news/53212/>. — Дата доступа: 14.09.2022.

10. О судьбах нашей интеграции // Известия. — 17.10.2011. — Режим доступа: <https://iz.ru/news/504081>. — Дата доступа: 14.09.2022.

11. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — Режим доступа: <https://akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953>. — Дата доступа: 14.09.2022.

12. Международный финансовый центр «Астана» — Цели // Международный финансовый центр «Астана». — Режим доступа: <https://aifc.kz/ru/tseli/>. — Дата доступа: 14.09.2022.

СОПРЯЖЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» С ИНТЕГРАЦИОННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Е. А. Достанко¹⁾, О. Н. Лешенюк²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: dostanko@bsu.by*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: leshenyuk.oleg@gmail.com*

В статье рассматриваются возможности и условия сопряжения китайской инициативы «Один пояс и один путь» с интеграционными процессами евразийского пространства, в частности, в вопросах взаимосвязи экономического процветания и охраны окружающей среды, улучшения систем здра-

воохранения, развития технологий и обеспечение этих технологий кадрами, устойчивости и безопасности региона. В статье делается акцент на том, что сетевое взаимодействие, основанное на принципах инклюзивности и устойчивости, приведет к гармонии и балансу инфраструктурных, логистических, цифровых и внешнеполитических повесток стран. Авторы предлагают меры для более эффективного продвижения товаров на территории ЕАЭС и Союзного государства России и Беларуси, а также дают прогноз по сопряжению ОПОП и ЕАЭС как части архитектуры Большой Евразии. Подобный шаг позволит привлечению институтов развития региона, таких как Евразийский банк развития, Фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС. Это позволит объединить усилия и создать единый конструкт, свободный от западного влияния и основанный на сотрудничестве, устойчивом развитии, мире и безопасности.

Ключевые слова: ЕАЭС; Один пояс, один путь; Большая Евразия; экономический пояс; коллективная безопасность; устойчивое развитие.

CONNECTION OF THE CHINESE BELT AND ROAD INITIATIVE WITH INTEGRATION ASSOCIATIONS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

A. A. Dastanka^a, O. N. Leshenyuk^b

^a Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: dostanko@bsu.by

^b Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus e-mail: leshenyuk.oleg@gmail.com

Corresponding author: O. Leshenyuk (leshenyuk.oleg@gmail.com)

The article discusses the possibilities and conditions for linking the Chinese Belt and Road Initiative (BRI) with the integration processes of the Eurasian space, in particular, in matters of the relationship between economic prosperity and environmental protection, improving healthcare systems, developing technologies and providing these technologies with personnel, sustainability and security. region. The article focuses on the fact that networking based on the principles of inclusiveness and sustainability will lead to harmony and balance in the infrastructure, logistics, digital and foreign policy agendas of countries. The authors propose measures for a more effective promotion of goods on the territory of the EAEU and the Union State of Russia and Belarus, and also give a forecast for pairing the BRI and the EAEU as part of the architecture of Greater Eurasia. Such a step will attract regional development institutions such as the Eurasian Development Bank, the Silk Road Fund, the Asian Infrastructure Investment Bank, the BRICS New Development Bank. This will allow us to combine efforts and create a single construct, free from Western influence and based on cooperation, sustainable development, peace and security.

Keywords: EAEU; Belt and Road Initiative; Greater Eurasia; economic belt; collective security; sustainable development.

За относительно непродолжительное время инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) стала государственной стратегией, определяющей внутреннее развитие Китая и его внешнеполитическую деятельность, направленную на содействие всесторонней открытости и укрепление сотрудничества с другими странами. Международное сообщество неоднозначно отреагиро-

вало на инициативу Китая. США, Россия, Япония и Индия, восприняли инициативу настороженно, руководствуясь геополитическими и геоэкономическими интересами. Развивающиеся страны, напротив, поддержали эту инициативу, рассчитывая на привлечение иностранных инвестиций.

ОПОП не является интеграционным проектом в чистом виде, но имеющий беспрецедентный трансформирующий эффект в масштабе всего евразийского континента [1, с. 32]. Его главная цель — создание благоприятных условий для продвижения китайских товаров на рынки Центральной Азии, России, Европы, стран Ближнего и Среднего Востока. Задача проекта — упростить таможенные, визовые и иные процедуры для облегчения деятельности предпринимателей и расширения масштабов сотрудничества, усовершенствовать транспортно-логистическую инфраструктуру, увеличить объемы взаимной торговли и создать зоны свободной торговли в регионах, через которые будет проходить «экономический пояс».

Несмотря на то, что китайские эксперты предпочитают не акцентировать внимание на геополитической составляющей проекта, стоит подчеркнуть, что проект вполне амбициозен по масштабам и может соперничать с концепцией Евразийской интеграции. Китай стремится занять ведущее место в международных отношениях, а инициатива ОПОП могла бы стать одним из шагов по преодолению геополитической блокады США. Продвижение реализации инициативы ОПОП, наравне с созданием «Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли», и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и фонда Шелкового пути позволят Китаю превратиться не только в «центральную страну Азии» (как сами китайцы идентифицируют свою страну), но и в мощнейшую мировую державу. А это даст возможность расширить пространство сотрудничества, соединить региональные рынки, и заполнить детерминирующую роль в системе коллективной безопасности всего континента и в его устойчивом развитии.

С точки зрения Союзного государства Беларуси и России и других интеграционных организаций евразийского региона такая перспектива доминирования Китая в Евразии не кажется заманчивой. Сама инициатива ОПОП представляет вполне серьезную конкуренцию для товаров стран-членов ЕАЭС. Хотя для Беларуси Поднебесная остается вторым торговым партнером по величине товарооборота, для китайских партнеров Республика — не более чем транзитное государство, принимающее и развивающее китайские технологии. В этой связи необходимо задуматься о плавной интеграции проекта ОПОП в пространство ЕАЭС, и Беларусь видит перспективы в сопряжении ЕАЭС и ОПОП как

возможности развития собственной и коллективной инфраструктуры, а также привлечения инвестиционных потоков из Китая. Сопряжение, в первую очередь, с ЕАЭС не позволит Китаю с его мощной экономикой задушить других акторов на рынке евразийского региона, но в свою очередь простиमुлирует и оптимизирует его, создаст проекты производственной кооперации.

В первую очередь, ОПОП — глобальный инфраструктурный проект, который решает внутренние и внешние экономические задачи Китая, идеальный вариант для единого и всестороннего планирования внутренней и внешней политики. Благодаря инициативе ОПОП происходит ускорение процесса выхода китайских компаний на внешний рынок, все больше и больше частных компаний получает возможность начать сотрудничество за рубежом. Более разносторонним стало и сотрудничество с располагающимися вдоль ОПОП странами в области медицины, образования, инвестиций и финансов. Так, с одной стороны, инициатива ОПОП открывает Китай миру, а с другой, является частью открытой политики Китая, а именно представляет собой средство для реализации дипломатии, которое, несомненно, окажет колоссальное влияние как на страны-партнеры, так на страны-оппоненты. В этом ключе сопряжение китайской инициативы с другими евразийскими проектами позволит снизить влияние Поднебесной в регионе, даст возможность гармонизировать в первую очередь экономики стран — членов ЕАЭС.

В глобальном отношении ОПОП является одним из шагов к обеспечению устойчивости и экономического процветания всего евразийского региона. Здесь целесообразно упомянуть возможность сопряжения ЕАЭС и ОПОП (проект сопряжения китайской инициативы «Один пояс, один путь» и ЕАЭС, решение о котором было принято 8 мая 2015 г.), как первого этапа строительства «Большого евразийского Партнерства». В этом ключе перспективно начать с экономического направления: создать независимые евразийские платежные системы и рейтинговые агентства, что способствовало бы снижению зависимости от доллара США, развивать сети зон свободной торговли, торгово-экономические альянсы и т. д. Подобного рода консолидация облегчила бы взаимодействие стран на всем евразийском пространстве, включая политическое и военностратегическое взаимодействие. В условиях растущей межстрановой конкуренции сотрудничество евразийских государств должны дополнять и стимулировать друг друга, урегулировать и избегать политизации многостороннего сотрудничества, экономического давления и укреплять систему коллективной безопасности, противодействовать миграционным кризисам и предупредить международный терроризм и религи-

озный экстремизм. Последовательное развитие БЕП привнесло бы много полезного в и сферах науки и образования, культуры.

Концепция «Большой Евразии» предполагает постепенную и последовательную сетевизацию успешных интеграционных и инфраструктурных проектов. В стратегической сфере опорой Большой Евразии станут ШОС, ОДКБ, Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН и др.

Так, предпринимаются общие шаги к усилению взаимодействия и укреплению многостороннего сотрудничества в рамках ШОС, СНГ и ОДКБ по вопросам борьбы с терроризмом и усилению коллективной безопасности Евразии. В современных интеграционных организациях постепенно происходит структурная адаптация институциональных систем для обеспечения евразийской безопасности. Свидетельствует о подобных изменениях Совместная позиция Региональной антитеррористической структуры ШОС, Антитеррористического центра государств-участников СНГ и Секретариата ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму. Выработываются общие подходы по вопросу дерадикализации и противодействия международному терроризму. Сотрудничество ШОС и ОДКБ позволит укрепить региональную стабильность, снизить приток оружия и наркотиков в границах обеих организаций, и тем самым снизив риски в сфере безопасности.

Китай следует ориентировать на разработку представлений о Большой Евразии [2—5], исходя из тезиса «объединение усилий против общего врага», учитывая опыт экономических санкций и различного рода давления со стороны Коллективного Запада (в том числе информационного). Противостояние между США и Китаем остается основным конфликтом современности. И в условиях нарастающей конфронтации, в первую очередь, России не избежать участия в американско-китайской гонке за мировое лидерство. На фоне бесконечных экономических санкций и пропаганды антироссийских настроений, направленных на сдерживание России, Российско-китайские отношения будут только укрепляться. В этом ключе БЕП будет выступать как масштабный геостратегический проект, который позволит и России, и Китаю объединить не только военно-политические силы, но и создать блок, основанный на культурном, научном, гуманитарном и идеологическом сотрудничестве.

Для совместного и эффективного продвижения товаров Союзного государства и ЕАЭС на китайском рынке стоит ввести единые требования к производству и транспортировке товаров, принимая во внимание фитосанитарные и экологические нормы, усовершенствовать таможенные процедуры, создать сети зон свободной торговли, что позволит обеспечить качество и повысить

конкурентоспособность продукции каждой страны на общем евразийском рынке. Не чинить препятствий для доступа китайских товаров к европейскому рынку. Таким образом, в рамках интеграционных объединений следует провести кардинальные структурные изменения в целях адаптации их деятельности к современным условиям и в будущем к концепции БЕП.

Не стоит также забывать и о возможностях поиска совместных решений на вызовы экологического характера, борьбы с изменениями климата, проблемы массового здравоохранения, продовольственной и энергетической безопасности, управления миграционными процессами и др. В этом направлении ведется работа во многих интеграционных объединениях евразийского региона выдвигалось и предложение сделать Шелковый путь «зеленым, здоровым, интеллектуальным, мирным». В этом ключе инициатива китайской стороны требует адекватного сопряжения в вопросах взаимосвязи экономического процветания и охраны окружающей среды, улучшения систем здравоохранения, развития технологий и обеспечение этих технологий кадрами, достижение устойчивости и безопасности региона [6, с. 227].

Большая Евразия в свою очередь предполагает подключение и других партнеров к реализации общих интересов — Индию, Пакистан, Республику Корея, Иран, АСЕАН, страны Центральной Азии. Таким образом, сетевое взаимодействие, основанное на принципах инклюзивности и устойчивости, приведут к гармонии и балансу инфраструктурных, логистических, цифровых, и, конечно, внешнеполитических повесток стран.

Уже в настоящее время ни США, ни страны ЕС не способны стать альтернативой Китаю в плане торговли и инвестиций. В этом отношении сопряжение ОПОП и ЕАЭС как части архитектуры Большой Евразии, а в последствии и привлечение институтов развития региона, таких как Евразийский банк развития, Фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС позволят объединить усилия и создать единый конструкт, сводный от западного военного присутствия и основанный на сотрудничестве, устойчивом развитии, мире и безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ефременко, Д. В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка / Д. В. Ефременко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2018. — № 23. — С. 29—41. DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10003.

2. Бордачев, Т. В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. — 2015. № 5. — С. 194—205.

3. Ефременко, Д. В. Рождение Большой Евразии / Д. В. Ефременко // Россия в глобальной политике. — 2016. — № 6. — С. 28—45.

4. Караганов, С. А. С Востока на Запад, или Большая Евразия / С. А. Караганов [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. — 25.10.2016. — Режим доступа. — <https://globalaffairs.ru/articles/s-vostoka-na-zapad-ili-bolshaya-evraziya/>. — Дата доступа: 06.09.2022.

5. Kuznetsova, A. Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China / A. Kuznetsova // Core Europe and Greater Eurasia — A Roadmap for the Future. Frankfurt am Main; NY: Campus Verlag, 2017. — P. 177—191.

6. Лешенюк, О. Н. Интеграционная организация как форма международного сотрудничества в целях реализации повестки 2030: теоретико-функциональные аспекты // Актуальные проблемы междунар. отношений и глобального развития. Вып. 9. — Минск, 2021. — С. 227—241. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2021-9-227-241>.

НА ВОСТОК ОТ ШЕНГЕНА: К ВОПРОСУ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА

Н. М. Межсевич¹⁾, Н. М. Сенник²⁾

¹⁾ Научно-исследовательская лаборатория стратегического планирования и евразийской интеграции Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, В.О., Средний проспект, 57, 199178, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mezi3@mail.ru

²⁾ Научно-исследовательская лаборатория стратегического планирования и евразийской интеграции Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, В.О., Средний проспект, 57, 199178, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sennik@ya.ru

Целью данного исследования является определение интеграционных перспектив зоны наложения геополитических интересов России и Западной Европы, в которую входят, как территории бывших республик СССР, так и некоторые страны-участницы Варшавского договора. Исследование рассматривает вопросы теоретического обоснования моделей экономической интеграции регионов, затрагивая также институциональные аспекты данной проблематики. Делается вывод о том, что процессы расширения Европейского союза на Восток были направлены не на интеграционное развитие поглощаемых территорий, но на укрепление международных позиций Западной Европы и создания буферной зоны для собственных как экономических, так и политических издержек. По мере сползания экономик Европейского союза в рецессию выбор евразийского вектора интеграции становится все более очевидным.

Ключевые слова: региональная интеграция; экономическая интеграция; евразийская интеграция; постсоветское пространство; Восточное партнерство.

EAST OF SCHENGEN: ON THE ISSUE OF THE EURASIAN INTEGRATION OF THE REGION

N. M. Mezhevich^a, N. M. Senik^b

^a *Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, V.O., Sredny Prospekt, 57, 199178, St. Petersburg, Russia, e-mail: mez13@mail.ru*

^b *Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, V.O., Sredny Prospekt, 57, 199178, St. Petersburg, Russia, e-mail: seniknik@ya.ru*
Corresponding author: N.M. Senik (senikm@ya.ru)

The purpose of this study is to determine the integration prospects of the zone of overlapping geopolitical interests of Russia and Western Europe, which includes both the territories of the former republics of the USSR and some of the Warsaw Pact member countries. The study examines the issues of theoretical substantiation of models of economic integration of regions, also touching on the institutional aspects of this problem. It is concluded that the processes of expansion of the European Union to the East were aimed not at the integration development of the absorbed territories, but at strengthening the international positions of Western Europe and creating a buffer zone for its own economic and political costs. As the economies of the European Union slide into recession, the choice of the Eurasian integration vector becomes more and more obvious.

Keywords: *regional integration; economic integration; Eurasian integration; post-Soviet space; Eastern Partnership.*

Мировая экономика за последние десятилетия пережила бурное развитие экономической интеграции. Либерализация торговли способствовала региональной и глобальной экономической интеграции в процессах снижения инвестиционных, тарифных и нетарифных барьеров, стимулирования торговли и инвестиций между странами-участниками интеграции. В частности, поэтому ее можно рассматривать как эффективный способ воздействия на экономический рост.

С теоретической точки зрения экономическая интеграция может иметь как положительное, так и отрицательное влияние на экономический рост.

Действительно: с одной стороны, капитал при постоянной норме амортизации следует правилу убывающей полезности, и неоклассическая теория роста утверждает, что на долгосрочный рост одной страны не может повлиять никакая форма экономической политики, включая экономическую интеграцию. При такой точке зрения единственным фактором, определяющим долгосрочный рост, является экзогенная скорость технологических изменений.

С другой стороны, при допущении эндогенных технологических изменений и неубывающей отдачи от капитала теория эндогенного роста предсказывает, что распространение технологий и

экономия за счет изменения масштаба региональной экономики, вызванные экономической интеграцией, могут способствовать долгосрочному экономическому росту [1].

Во-первых, страны, интегрированные в глобальную экономику, имеют доступ к более обширной базе знаний.

Во-вторых, растущий обмен товарами и капиталом, а также конкуренция с иностранными фирмами вынуждают отечественные фирмы использовать инновационные технологии, тем самым вызывая у них стимулы к НИОКР.

В-третьих, экономическая интеграция может существенно расширить рынки и базу потенциальных контрагентов.

Развитие ЕС и Североамериканской зоны свободной торговли (NAFTA) можно назвать двумя наиболее успешными интеграционными проектами [2; 3]. В то же время ряд небезуспешных попыток экономической интеграции (ЕАЭС, ASEAN, BRIKS, инициатива «Один пояс, один путь») был предпринят и развит вне территорий стран коллективного Запада [4; 5].

Изучая интеграционные процессы, можно отметить, что, если, начиная с периода сразу после Второй мировой войны и вплоть до нефтяных потрясений 1970-х гг., речь шла в основном о снижении тарифов, то позднее в центре внимания оказались нетарифные барьеры и согласование нормативно-правовой базы. Сегодня же мы наблюдаем рост «институциональной интеграции» [6].

Институциональная интеграция означает, что страны делегируют наднациональным институтам некоторый политический контроль над избранной политикой [7]. Эти отдельные области политики вышли за рамки тех, которые традиционно охватывались торговыми соглашениями, и включают социальные, трудовые, конкурентные, экологические и технологические проблемы, и это — лишь некоторые из них.

Ян Тинберген, лауреат первой Нобелевской премии по экономике, противопоставил положительную интеграцию отрицательной (негативной). Отрицательная (негативная) интеграция означала устранение торговых барьеров, а положительная — создание новых институтов [8]. Современные международные торговые соглашения выходят далеко за рамки тарифов, создают принципиально новые институты и предполагают далеко идущие геополитические последствия [9; 10].

Таким образом, в определенном смысле целью современных интеграционных процессов коллективного Запада становятся погоня за рентой и компенсация собственных издержек [11; 12].

Такая погоня приводит к тому, что экономические потрясения, как реальные, так и номинальные по своей природе, распространяются, благодаря глубокой интеграции, по странам

очень быстрыми темпами, и мировая экономика все чаще подвергается глобальным потрясениям. Уязвимость экономики к потрясениям, происходящим в других странах или на глобальных рынках, зависит не только от того, насколько эта экономика интегрирована с остальным миром, но и от того, как именно проведена интеграция.

Современные исследования показывают, что целью интеграции далеко не всегда является экономическая выгода, но почти всегда — меняющийся глобальный порядок, направленный на укрепление своих международных позиций [13].

В таких условиях некоторые страны начинают избегать интеграционных процессов, которые, хотя и обещают некоторые краткосрочные экономические выгоды, но ставят под угрозу геополитическую стабильность интегрируемых регионов [14; 15].

Таковым, с нашей точки зрения, является, например, расширение Европейского союза на бывшие страны — участницы Восточного Блока.

В начале 90-х гг. прошлого века предполагаемое расширение ЕС на восток представлялось большинству экспертов как явление, имеющее нейтральное или даже положительное значение для постсоветского пространства.

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что, во-первых, серьезные концепции сотрудничества Восток—Запад и будущей интеграции так и не появились. Практика «Восточного пространства» показала, что Брюсселю нужна не интеграция, а безоговорочная капитуляция, тотальная деструкция экономического и политического суверенитета Тбилиси, Киева, Кишинева без каких-либо взаимных обещаний.

Во-вторых, результаты пребывания ряда европейских стран в ЕС, к примеру, Венгрии, скорее говорят об экономической катастрофе. Успехи Польши очевидны, но это еще не основание делать выводы в масштабе регионов. Да, и на постсоветском пространстве есть как примеры масштабных провалов — Украина, Молдова, так и впечатляющих прорывов. Темпы роста ВВП Казахстана за последние десять лет не только не ниже, но выше темпов роста Польши. Однако информация о «польском чуде» общедоступна, а об успехах Казахстана — нет.

Лишь в последние годы стало очевидным ошибочное мнение о политических и экономических предпосылках расширения ЕС. Этот процесс аргументировался наличием, якобы, общих внешнеполитических целей ЕС, постсоветского пространства и России в сфере безопасности. Указанный тезис аргументировался, действительно, объективной необходимостью отражения новых вызовов, возникших по окончании биполярной эпохи. Речь идет

о проблематике этнических, конфессиональных и территориальных конфликтов, распространении оружия массового уничтожения, международном и локальном терроризме, нелегальной миграции и др.

Отрицать значимость этих общих проблем невозможно, как, впрочем, и то, что сам набор проблем и вызовов часто понимался сторонами по-разному, как минимум с 1999 г. Вмешательство ЕС и США в югославские события и разворот самолета премьер-министра Е. М. Примакова, летевшего в США, над Атлантикой, означало окончательный крах иллюзий на построение партнерских отношений между коллективным Западом и пространством Евразии.

С нашей точки зрения именно успехи евразийской интеграции вызвали принятие программы «Восточного партнерства». Как справедливо отмечают литовские эксперты в практически первой серьезной работе по проблемам постсоветской интеграции: «Расширение ЕАЭС (Евразийский (экономический) союз) в регион, соседствующий и с Россией, и с ЕС (например, вступление Украины либо Молдовы), будет являться серьезным вызовом для "Восточного партнерства"» [16, с. 58].

Таким образом, ключевая проблема — это зона наложения интеграционных проектов, т. е. западная часть СНГ, которая одновременно является восточным соседом ЕС и активно втягивается в «Восточное партнерство».

Возвращаясь к вопросам теории экономической интеграции, отметим, что она способствует повышению конкурентоспособности за счет действия различных факторов:

- снижения транзакционных издержек;
- усиления конкуренции и повышения специализации;
- эффекта масштаба, когда для достижения эффективности производства действительно необходим крупный рынок сбыта;
- распространения технологий;
- эффекта привлечения инвестиций.

В этом смысле евразийский вектор интеграции имеет для обозначенной нами зоны наложения интеграционных проектов больше преимуществ в силу следующих факторов:

- наличия, с определенными изъятиями, единого экономического пространства и режима свободного перемещения рабочей силы;
- технологической взаимозависимости экономик, единых технических регламентов и стандартов;
- существования элементов общей внешней политики, а также инструментов обеспечения безопасности.

Одновременно прозападный вектор интеграции грозит региону значительными отложенными издержками (вплоть до объ-

явления дефолта отдельными странами) и геополитической нестабильностью.

Бесконечно позиционировать себя между Западной Европой и Евразией, получая предпочтения с обеих сторон, не получится. События последних месяцев детерминируют необходимость выбора. И бывшие республики СССР, и страны — бывшие участницы Варшавского договора должны определить для себя вектор дальнейшей интеграции на десятилетия вперед. 2022 г. становится своеобразной точкой невозврата для региона: либо встраивание в динамически развивающееся евразийское экономическое пространство, либо неизбежное сползание в рецессию, энергетическая бедность и принятие на себя накопившихся за время пандемии COVID-19 издержек коллективного Запада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Nguyen, C. P. Economic integration and economic complexity: The role of basic resources in absorptive capability in 40 selected developing countries / C. P. Nguyen, T. D. Su // *Economic Analysis and Policy*. — 2021. — Vol. 71(C). — P. 609— 625.

2. Campos, N. F. Institutional integration and productivity growth: Evidence from the 1995 enlargement of the European Union / N. F. Campos, F. Coricelli, E. Franceschi // *European Economic Review*. — 2022. — Vol. 142, 104014. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.104014>.

3. Gutierrez, G. How EU Markets Became More Competitive Than US Markets: A Study of Institutional Drift: C.E.P.R. Discussion Papers. — N 12983 / G. Gutierrez, T. Philippon. — London: C.E.P.R., 2018. — 74 p.

4. Kawai, M. ASEAN Economic Integration Through Trade and Foreign Direct Investment: Long-Term Challenges: ADBI Working Paper 545 / M. Kawai, K. Naknoi. — Tokio, 2015. — 29 p.

5. Ma, S. Growth effects of economic integration: New evidence from the Belt and Road Initiative / S. Ma // *Economic Analysis and Policy*. — 2022. — Vol. 73(C). — P. 753—767. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2022.01.004>.

6. Campos, N. F. Institutional integration and productivity growth: Evidence from the 1995 enlargement of the European Union (November 2021): CEPR Discussion Paper N DP16696 / N. F. Campos, F. Coricelli, E. Franceschi. — London: C.E.P.R., 2021. — 32 p.

7. Guiso, L. Cultural differences and institutional integration / L. Guiso, H. Herrera, M. Morelli // *Journal of International Economics*. — 2016. — Vol. 99, Suppl. 1. — P. 97— 113.

8. Tinbergen, J. International economic integration / J. Tinbergen. — Amsterdam: Elsevier, 1954. — 191 p.

9. Deep trade agreements and global value chains / E. Laget [et al.] // *Review of Industrial Organization*. — 2020. — Vol. 57, N 2. — P. 379— 410.

10. Hofmann, C. Horizontal depth: a new database on the content of preferential trade agreements: Policy Research Working Paper Series 7981 / C. Hofmann, A. Osnago, M. Ruta. — The World Bank, 2017. — 34 p.

11. Comerford D. The gains from economic integration / D. Comerford, J. V. Rodríguez Mora, B. Javorcik // *Economic Policy*. — 2019. — Vol. 34, N 98. — P. 201—266.

12. Campos, N., Choosing Institutional Over Economic Integration: Are There Growth Effects?: CEPR Discussion Paper N DP15078 / N. Campos, F. Coricelli, L. Moretti. — London: C.E.P.R., 2020. — 79 p.

13. Буторина, О. В. Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции / О. В. Буторина, Ю. А. Борко // *Современная Европа*. — 2022. — № 1 (108). — С. 5—20. DOI 10.31857/So201708322010016.

14. Aysun, U. A structural approach to measuring the degree of economic integration: Evidence from G-7 countries / U. Aysun // *Journal of International Money and Finance*. — 2022. — Vol. 124, 102632. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2022.102632>.

15. Aftab, M. Economic Integration and Exchange Market Pressure in a Policy Uncertain World / M. Aftab, K. Phylaktis // *Journal of International Money and Finance*. — 2022. — 45 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3843943>.

16. Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства» / Центр восточноевропейских исследований; рук. д-р Л. Касцюнас. — Вильнюс, 2012. — 61 с.

КОМПЕТЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Т. Н. Михалёва¹⁾, А. В. Киселева²⁾, Ю. С. Римашевская³⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: MikhailiovaT@bsu.by

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: okianasby@gmail.com

³⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: julie.rims@mail.ru

Рассмотрены предметные полномочия и функциональная компетенция Европейского Союза как интеграционного объединения, а также проанализировано взаимодействие Европейского союза с государствами-членами. Авторы приходят к выводу о сбалансированном подходе к определению компетенции ЕС прежде всего за счет закрепления и реализации принципов наделяния компетенцией, субсидиарности.

Ключевые слова: Европейский союз; компетенция; договор о Европейском союзе; правовое регулирование; виды компетенций; разграничение компетенции.

COMPETENCE OF THE EUROPEAN UNION

T. N. Mikhailiova^a, A. V. Kiseleva^b, Yu. S. Rimashevskaya^c

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: MikhailiovaT@bsu.by

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: okianasby@gmail.com,

^c Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: okianasby@gmail.com

The substantive competences and functional competences of the European Union as an integration association are examined, and the interaction of the European Union with the Member States is analysed. The authors conclude on a balanced approach

to the definition of EU competences, primarily by enshrining and implementing the principles of vesting competences, subsidiarity.

Keywords: *European Union; competence; treaty on the European Union; legal regulation; types of competencies; delimitation of competence.*

Европейский союз является международной организацией наднационального типа с широкими заявленными и реализуемыми полномочиями. К ним относится среди прочего издание законодательных, административных и юрисдикционных (судебных) актов обязательного характера и применяемых непосредственно на территории государств-членов. Регламенты, директивы и другие решения, принимаемые институтами Европейского союза, являются обязательными для граждан, предприятий, государств, входящих в его состав; их нарушение влечет ответственность.

Не будучи государством, ЕС приобретает свою компетенцию не непосредственно от народа, а за счет уступки в его пользу части суверенных прав государствами — членами ЕС, которая оформляется посредством соглашений между ними (учредительных документов ЕС). Деятельность Евросоюза весьма разнообразна и распространяется на множество различных сфер. Однако компетенцией он обладает лишь в тех случаях, в которых государства-члены согласились предоставить ему возможность действовать. Исходя из этого, компетенция ЕС, как и компетенция любой международной организации, является производной от суверенных прав государств-членов и ограниченной рамками Договоров, устанавливающих цели деятельности объединения.

Вместе с тем учитывая специфику содержания учредительных договоров, в соответствии с которыми государства-члены передали свои суверенные права организации, компетенция ЕС является делегированной и властной, отличает его от классических международных межправительственных структур. Европейский Союз в рамках Договоров обладает автономией воли и широкой предметной компетенцией.

Правовым источником, из которого вытекает компетенция ЕС, являются учредительные акты Европейского союза: Договор о Европейском союзе (далее — ДЕС) и Договор о функционировании Европейского союза (далее — ДФЕС). В учредительных актах заложены принципы наделения и реализации компетенции ЕС: «Принцип subsidiarity наряду с принципом наделения компетенцией, принципом пропорциональности, рядом иных принципов является базисом построения и функционирования всей правовой системы ЕС, равноважен на стадии правотворчества, мониторинга, применения права, применим на стадии судебного

контроля. Он обязателен для всех институтов и органов ЕС» [2, с. 149].

Компетенция Европейского союза — это совокупность его предметов ведения и полномочий. Предметы ведения ЕС — это различные сферы общественной жизни, в отношении которых ЕС может принимать меры, в том числе издавать правовые акты. Предмет регулирования права ЕС не может выходить за рамки тех областей, которые подведомственны ЕС.

После вступления Лиссабонского договора в силу компетенция ЕС отражается в положениях договоров следующим образом: исключительная компетенция ЕС; совместная компетенция ЕС и государств-членов; вспомогательная компетенция ЕС.

Количество сфер исключительной компетенции ЕС относительно невелико — пять [1, ст. 3]. К ним относятся: 1) установление пошлин общего таможенного тарифа и другие вопросы таможенного союза в рамках ЕС; 2) установление правил конкуренции, необходимых для функционирования единого внутреннего рынка ЕС (запрет согласованных действий предприятий, нарушающих конкуренцию, злоупотребления доминирующим положением, правила оказания государственной помощи предприятиям в ЕС и др.); 3) денежная политика в отношении государств-членов, перешедших на евро; 4) определение квот на рыболовство и другие вопросы сохранения морских биологических ресурсов в рамках общей политики по вопросам рыболовства как особого направления общей сельскохозяйственной политики ЕС; 5) общая торговая (внешнеторговая) политика, включая установление антидемпинговых пошлин и других защитных мер в отношении продукции из третьих стран [3, с. 188].

Союз также располагает исключительной компетенцией по заключению международных соглашений, когда такое заключение предусмотрено в законодательных актах Союза, когда оно необходимо, чтобы обеспечить возможность Союзу реализовать свою внутреннюю компетенцию, или в той мере, в какой оно способно затрагивать общие правила или изменять их действие [1, ч. 2 ст. 3].

Предметы совместного ведения представляют собой более объемный перечень. По смыслу параграфов 3 и 4 статьи 2 и статьи 5 ДФЕС к предметам совместного ведения следует отнести экономическую политику и политику занятости, а также общую внешнюю политику и политику безопасности, включая общую оборонную политику.

В специальном протоколе, подготовленном непосредственно при работе над Лиссабонским договором 2007 г., уточняется, что в рамках совместной компетенции государства-члены сохраняют

за собой права нормотворчества по всем аспектам (элементам), не урегулированным правовыми актами ЕС [4].

Кроме того, ДФЕС выделяет отдельный перечень сфер, в которых ЕС проводит поддержку, координацию или дополнение действий государств-членов. Эти сферы также составляют совместные предметы ведения, однако полномочия ЕС по ним значительно ограничены, что делает необходимым выделять их в отдельную группу предметов ведения, составляющих вспомогательную компетенцию ЕС [1, ст. 6]. К ним относятся: охрана и улучшение здоровья людей; промышленность; культура; туризм; образование, профессиональное обучение, молодежь и спорт; гражданская оборона; административное сотрудничество.

Специального перечня предметов ведения, составляющих компетенцию государств-членов, не существует. В частности, любая компетенция, не предоставленная Союзу в договорах, принадлежит государствам-членам [1, пар. 1 ст. 4]. Вместе с тем ряд вопросов, составляющих исключительную компетенцию государств-членов, специально оговаривается в договорах. Например, положения, затрагивающие право собственности, статья 345 ДФЕС выводит из рамок действия Договора, а значит, оставляет за государствами-членами.

Полномочия Европейского союза опираются на положения статьи 2 и статьи 5 и определяются в третьей части ДФЕС «Внутренняя политика и деятельность Союза». Содержащиеся статьи конкретизируют задачи ЕС, обращая внимание на особенности конкретной сферы деятельности, устанавливают принципы, правила поведения, которыми государства-члены, а также индивидуумы должны руководствоваться в своих действиях. Важно отметить, что их нормы не стремятся детально и подробно урегулировать каждый вопрос, а только содержат общие принципы деятельности ЕС, государств-членов и индивидуумов в рамках внутреннего рынка, экономической, социальной, природоохранительной и других общих политик.

Регулирование указанных сфер поручается институтам ЕС, поэтому они уполномочиваются принимать нормативные акты (регламенты и директивы), индивидуальные предписания (постановления), давать рекомендации, представлять заключения. В соответствии с параграфом 1 статьи 2 ДФЕС в рамках исключительной компетенции ЕС только Союз вправе принимать юридически обязательные акты, однако государства-члены могут осуществлять подобные действия в этих сферах, если они уполномочены на то Союзом. Государства-члены осуществляют свою компетенцию в той мере, в какой Союз ей не воспользовался [1, пар. 2 ст. 2].

В целом, для ЕС характерен взвешенный, но поступательный подход к расширению компетенции наднациональных органов. Зачастую обоснование «вмешательства» и наличия полномочий на регулирование обосновывается целями ЕС, необходимостью решить вопрос в рамках отдельных государств и необходимость гармонизирующих мер и т. п. Так, уже в деле Нидерланды против Совета, касавшегося директивы 94/44/ЕС, Суд постановил: цель Директивы гармонизировать законодательство и практику его применения в сфере разработок по биотехнологиям «не может быть достигнута только действиями государств-членов по отдельности». Тот же аргумент о гармонизации права, которая необходима для достижения целей общего рынка был использован в деле Бритиш Американ Табакоу (*British American Tobacco*): «Цель директивы — исключить барьеры, возникающие ввиду различий, которые все еще существуют между государствами-членами, в законах о производстве, рекламе и продаже табачных изделий» (пп. 181—183). Аналогичным образом в деле телекоммуникационной компании Водафон (*Vodafone*) касательно Регламента 717/2008 о тарифах на роуминг-услуги в ЕС Суд согласился с обоснованием принятия данного акта, в том числе с позицией, изложенной законодателем в преамбуле о том, что взаимозависимость различных роуминг тарифов делает необходимым устанавливать их предельные значения, и это согласуется с принципом subsidiarity.

В доктрине совершенно уместно подчеркивают ведущую роль Суда ЕС в развитии интеграционного объединения. Важно при этом отметить, что на Суд как институт, единственно уполномоченный давать официальное толкование положениям учредительных договоров, изначально была возложена задача по выработке определений, закрепленных в текстах договоров понятий. Суд не ограничился исполнением пробелов дефиниций, по мнению К. В. Энтина, однако в своих решениях «он стремился придать нормам максимальную эффективность... во многих случаях практика Суда ЕС была кодифицирована путем принятия законодательных актов» [5, с. 14].

Таким образом, порядок осуществления компетенции Союза определяются положениями Договоров в отношении каждой сферы. Это значит, что в каждом отдельном случае применительно к каждому конкретному вопросу необходимо наличие специального указания в статьях Договора, так называемой уполномочивающей статьи. Отсутствие такого положения препятствует принятию его институтами правовых актов и других обязательных решений. Иными словами, вместо установления общих правил, регулирующих деятельность ЕС, распределение обязанностей

между институтами во всех «общих политиках» и других областях его компетенции, ДФЕС для осуществления мероприятий требует «испрашивать» необходимые полномочия для каждой специфической ситуации. Если по характеру предметов ведения ЕС является «универсальной» организацией, осуществляющей мероприятия в различных сферах общественной жизни, то в отношении полномочий можно говорить, что они носят специальный характер, обусловленный целями интеграции. Роль Суда при этом, как видится, сосредоточена не на восполнении или замещении нормативного регулирования, а на выявлении тех сфер и вопросов, где требуется или наличествует то или иное союзное регулирование. Компетенция ЕС строго сбалансирована принципами надделения компетенции, субсидиарности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Европейское право: пособие / Е. В. Бабкина [и др.]. — 2-е изд., испр. и доп. — Минск: Четыре четверти, 2015. — 358 с.
2. Михалёва, Т. Н. Принцип субсидиарности в праве Европейского союза: предел наднациональности или ее развитие? / Т. Н. Михалёва // Актуальные проблемы междунар. публичного и международного частного права: сб. науч. трудов. Вып. 8. — Минск: БГУ, 2016. — С. 145–155.
3. Договор о функционировании Европейского Союза: [заключено в г. Риме 25 марта 1957 г.] [в редакции Лиссабонского договора 2007 г.] [Электронный ресурс] // Право Европейского Союза. — Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>. — Дата доступа: 14.09.2022.
4. Протокол об осуществлении совместной компетенции: [подготовлен при Лиссабонском договоре 2007 г.] [Электронный ресурс] // Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА. — Режим доступа: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/uchreditelnye-dokumenty/protokoly-k-uchreditelnym-dogovoram/protokol-25-ob-osushhestvlenii-sovmestnoj-kompetentsii/>. — Дата доступа: 14.09.2022.
5. Энтин, К. В. Право Европейского союза сквозь призму практики Суда Европейского союза / К. В. Энтин. — М.: Статут, 2020. — 324 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ (опыт для Евразийского экономического союза)

Т. Н. Михалёва¹⁾, Е. Д. Лешок²⁾, П. Н. Лишик³⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: MikhaliouaT@bsu.by

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: katherineo_o@mail.ru

³⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: lishiko3@gmail.com

Новые технологии порождают новые способы совершения преступлений, новые виды преступлений. Вопросы кибербезопасности и противодействия киберпреступности приобретают трансграничное и глобальное значение. Го-

сударства принимают меры для предотвращения преступлений с использованием информационных технологий, обеспечения информационной и цифровой безопасности. Транснациональный характер преступности в интернете делает усилия групп государств более эффективными. В статье проанализирован как позитивный, так и менее успешный опыт Европейского союза в сфере противодействия киберпреступности и даны рекомендации для евразийского региона о направлениях консолидации усилий в этой сфере.

Ключевые слова: Европейский союз; Евразийский экономический союз; информационно-коммуникационные технологии; киберпреступность; кибербезопасность.

LEGAL REGULATION OF COUNTERING CYBERCRIME IN THE EUROPEAN UNION (experience for the Eurasian Economic Union)

T. N. Mikhailiova^a, K. D. Leshok^b, P. N. Lishik^c

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: MikhailiovaT@bsu.by

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: kathereneo_o@mail.ru

^c Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: lishiko3@gmail.com

Corresponding author: K. D. Leshok (kathereneo_o@mail.ru)

New technologies give rise to new ways of committing crimes, new types of crime. Cybersecurity and countering cybercrime are becoming a cross-border and global issue. States take measures to prevent crimes using information technology and to ensure information and digital security. The transnational nature of Internet crime makes the efforts of groups of states more effective. The article analyses the European Union's positive and, as well, less successive experience in countering cybercrime and provides recommendations for the Eurasian region on how to consolidate efforts in this area.

Keywords: European Union; Eurasian Economic Union; information and communication technologies; cybercrime; cybersecurity.

В современном мире информационно-коммуникационные технологии с каждым днем все больше внедряются в нашу жизнь. Однако одновременно с технологиями развивается и киберпреступность. Региональные интеграционные объединения начинают вырабатывать общую повестку в сфере противодействия киберпреступности.

Единое определение компьютерных преступлений было введено Комиссией Европейского союза в 2001 г., в котором компьютерные преступления описываются как прямое или косвенное использование информационных технологий [1, p. 8].

Вопросы киберпреступности относятся в ЕС к сфере регулирования в рамках пространства свободы безопасности и правосудия (далее — ПСБП). До вступления в силу Лиссабонского договора вопросы данной темы регулировались первичным

правом и в рамках межгосударственного сотрудничества. Одним из примеров является решение Совета ЕС 2005/222 об атаках на информационные системы. До Лиссабонского договора отсутствовали специальные нормы, регулирующие вопросы киберпреступности. Актами, гармонизирующими уголовное законодательство ЕС, являлись рамочные решения [2, с. 88].

После Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о ЕС и Договор об учреждении Европейского сообщества от 13 декабря 2007 г. вопросы ПСБП, в т. ч. противодействие киберпреступности регулируется не только в учредительных актах первичного права, но и в источниках вторичного права. Статья 83 ДФЕС является основой единых усилий ЕС в сфере противодействия преступности. С внедрением данной статьи институты ЕС стали принимать обязательные решения [3].

Директива Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 г. о борьбе с сексуальным насилием и сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией, заменяющая Рамочное решение Совета 2004/68, криминализовала целый ряд деяний, некоторые из которых могут совершаться с использованием глобальной сети Интернет (ст. 5 «Преступления, относящиеся к детской порнографии», ст. 6 «Приставание к детям в сексуальных целях») [4]. Несмотря на то, что рассмотренная выше Директива была принята в 2011 г., ее содержание по-прежнему не потеряло своей актуальности. Так, в резолюции Европарламента от 11 марта 2015 г. подчеркивается важность исполнения вышеуказанного документа всеми государствами — членами ЕС, а также указывается на необходимость использования более широкого по смыслу термина «материал о сексуальном насилии над детьми», вместо «детская порнография». Среди актов ЕС помимо упомянутой Директивы Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 г. о борьбе с сексуальным насилием и сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией, и заменяющая Рамочное решение Совета 2004/68, были приняты директива (ЕС) 2019/713 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 г. о борьбе с мошенничеством и подделкой безналичных платежных средств; директива 2013/40/ЕС от 12 августа 2013 г. об атаках на информационные системы и замене Рамочного решения Совета 2005/222, др. Общий регламент по защите данных 2018 г.. как и киберстратегия ЕС 2013 г. стали знаковыми для развития нормативно-правовой базы информационной среды.

Помимо нормативной основы важным элементом механизма противодействия киберпреступности стали попытки сформулировать общие организационные элементы взаимодействия. Ми-

нистры Евросоюза обратились в Европейскую комиссию с просьбой оценить возможности создания централизованного агентства по борьбе с киберпреступностью. Основная цель — пресечь детскую порнографию и онлайн-мошенничество. Предполагаемый орган должен был стать координирующим и распространять информацию между национальными правоохранительными органами.

Целевая группа Европейского союза по борьбе с киберпреступностью была создана по итогам двухдневной встречи в штаб-квартире Европола. Обсуждаемые вопросы включали стратегические и функциональные аспекты привлечения к ответственности по киберпреступлениям, расследования и международное сотрудничество. Они также обсудили основные вопросы оперативного обмена информацией о новых криминальных тенденциях, тематических исследованиях киберпреступности, международно-правовых ограничениях, методах совершения преступлений, отношениях с частными предприятиями, обучении сотрудников правоохранительных органов и переговорах с организациями правоохранительных органов стран, не входящих в Европейский союз.

Созданный Европолом, Европейский центр киберпреступности, выступает в качестве координационного центра в борьбе с данным видом преступлений в ЕС, объединяя европейский опыт в области киберпреступности для поддержки расследований киберпреступлений в государствах-членах и предоставляя коллективный голос европейских следователей по киберпреступности в правоохранительных и судебных органах. Европейский центр киберпреступности обеспечивает согласование работы с политикой ЕС по борьбе с киберпреступностью.

Вместе с тем, в литературе отмечают при высоком уровне активности на уровне органов ЕС в сфере обеспечения кибербезопасности, в реальности этот процесс сталкивается с неспособностью ряда стран выполнить директивы [5, с. 5]. К наиболее серьезным препятствиям на пути осуществления общей политики в области обеспечения кибербезопасности в ЕС относят несовпадение интересов различных политических акторов, разные подходы отдельных государств ЕС к регулированию киберпространства, проч. Не в последнюю очередь играет роль слаженность механизма межведомственного сотрудничества в сфере кибербезопасности.

Опыт ЕС в продвижении повестки противодействия киберпреступности можно анализировать с точки зрения развития гармонизированных действий и в рамках ЕАЭС и иных евразийских объединений — ОДКБ, СНГ. ЕАЭС в большей степени сосредото-

чен на экономических вопросах интеграции, однако и в этих вопросах значимы планируемые действия.

И Республика Беларусь, и Российская Федерация активно выступают на мировой арене в продвижении инициатив по противодействию преступности. Республика Беларусь — инициатор многих важнейших актов и инициатив на уровне ООН в сфере противодействия торговле женщинами и детьми. В 2021 г. Россия внесла в специальный комитет ООН первую в истории универсальную конвенцию по борьбе с использованием ИКТ в преступных целях, работу над которой планируется завершить в 2023 г. [6, с. 122].

В данном аспекте на мировой арене оба государства, выступая как партнеры, могут стать движущей силой разработки программы противодействия торговле уязвимыми категориями лиц с применением кибертехнологий. Аналогичные инициативы могут быть реализованы и в рамках большого евразийского региона, между странами — участниками ШОС, полноправным участником которой становится и Республика Беларусь.

Вместе с тем, очевидно, что универсальные инициативы в сфере противодействия киберпреступности продвигаются крайне медленно. Не в последнюю очередь здесь играет роль и стремление защитить цифровой суверенитет. В этих условиях возрастает роль многостороннего регионального сотрудничества, где особо востребован для стран евразийского пространства авторитет таких площадок, как СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС, АСЕАН, Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), в том числе ЕАЭС [6, с. 123]. Есть соглашения между Россией и Беларусью о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2013 г., соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики 2021 г. Схожие двусторонние договоры есть и с другими государствами ЕАЭС. Такие усилия целесообразно объединить в многосторонний региональный договор. Полезным может быть и формирование рекомендательных актов по аналогии с Европейской стратегией кибербезопасности. Так, в ней определены различные типы реагирования на киберинциденты [2, с. 92].

По справедливому замечанию М. Ю. Ильиной, учитывая, что вопросы информационной политики не регулируются Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., видится оправданным и весьма своевременным запуск процесса рассмотрения возможности создания рабочей группы высокого уровня по вопросам формирования евразийской повестки в области международной информационной безопасности с дальнейшим выходом на совместное заявление глав государств ЕАЭС по обеспечению информационной безопасности в рамках ЕАЭС [6, с. 126].

Борьба с киберпреступлениями имеет важное значение. Этим преступлениям подвергаются как отдельные лица, так и учреждения, компании, правительства и даже вооруженные силы. Киберпреступность совершается в большем масштабе по сравнению с обычной преступностью. Стремительный прогресс технологий в нашем обществе увеличивает осознание его потенциальных негативных последствий. Опыт ЕС показывает важность поступательного развития интеграционного регулирования и гармонизации действий государств-членов по вопросам кибербезопасности. Важны усилия по нормативно-правовому регулированию вопросов помощи по уголовным делам, а также организационно-правовые усилия. В ЕАЭС целесообразно выработать концептуальные основы общей кибербезопасности, которые могут быть основаны на рамочном региональном соглашении, и продолжить совершенствовать сотрудничество компетентных ведомств государств-членов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Schjolberg, S. The History of Global Harmonization on Cybercrime Legislation — The Road to Geneva [Electronic resource] / S. Schjolberg, C. Judge // *Cybercrime Law*. — 2008. — December. — Mode of access: https://www.cybercrimelaw.net/documents/cybercrime_history.pdf. — Date of access: 13.09.2022.
2. Мороз, Н. О. Особенности международно-правового сотрудничества в борьбе с киберпреступностью в рамках ЕС [Электронный ресурс] / Н. О. Мороз // *Вестн. Марий. гос. ун-та. Сер. Истор. науки. Юрид. науки*. — 2018. — № 1 (13). — С. 87–94. DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-4-87-94.
3. Договор о функционировании Европейского Союза (новая редакция) [Электронный ресурс] // *Право Европейского Союза*. — Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>. — Дата доступа: 13.09.2022.
4. Buono, L. Editorial ERA Forum 3/2021: EU strategy for a more effective fight against child sexual abuse [Electronic resource] / L. Buono // *Springer Link*. — Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12027-020-00636-4>. — Date of access: 14.09.2022.
5. Пантин, В. И. Кибербезопасность: проблемы формирования единой политики в Европейском Союзе / В. И. Пантин, Н. В. Кардава // *Вестню Перм. ун-та. Политология*. — 2018. — № 3. — С. 5–18.
6. Ильина, М. Ю. Перспективы сотрудничества государств — членов ЕАЭС в области информационной безопасности / М. Ю. Ильина [Электронный ресурс] // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. — 2022. — Т. 16, № 1. — С. 119–127. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-01-119-127>.

ИНТЕГРАЦИЯ ИРАНА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. С. Мухаева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: muhaeva.m@mail.ru*

Основным приоритетом деятельности Евразийского экономического союза являются расширение сотрудничества и повышение экономической конкурентоспособности государств-членов, а также содействие стабильному развитию в целях повышения уровня их жизни. В настоящее время Иран и ЕАЭС стремятся к интеграции и существенному увеличению товарооборота. В статье приводится обзор договорно-правовой базы Ирана и ЕАЭС, представлена внешнеэкономическая справочная информация в части взаимодействия ЕАЭС и Ирана, проанализированы преимущества интеграции для Ирана в Евразийский союз.

Ключевые слова: *Исламская Республика Иран; Евразийский экономический союз; зона свободной торговли; временное соглашение о свободной торговле; таможенное право.*

IRAN'S INTEGRATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: STATE AND PROSPECTS

M. S. Mukhaeva

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: muhaeva.m@mail.ru*

The main priority of the Eurasian Economic Union is to expand cooperation and increase the economic competitiveness of the member states, as well as to promote sustainable development in order to improve their living standards. Currently, Iran and the EAEU are striving for integration and a significant increase in trade. The article provides an overview of the legal framework of Iran and the EAEU, provides foreign economic background information regarding the interaction between the EAEU and Iran, analyzes the benefits of integration for Iran into the Eurasian Union.

Keywords: *Islamic Republic of Iran; Eurasian Economic Union; free trade zone; interim free trade agreement; customs law.*

Современная Исламская Республика Иран (далее — ИРИ) — перспективный, стратегический регион, открытый для поиска новых партнеров и союзников. Расположенный в центре Ближнего Востока, Иран с севера омывается Каспийским морем, с юга — Персидским заливом и Ормузским проливом, через который осуществляются все морские перевозки энергоресурсов Персидского залива. Иран граничит с Турцией, Саудовской Аравией, Ираком, Южным Кавказом и Центральной Азией, а также Афганистаном и Пакистаном, открывая выход к Южной Азии, что подчеркивает его крайне выгодное военное и экономическое положение.

Иран сегодня располагает развитой промышленной базой и диверсифицированной экономикой, направленных на максимальное снижение ее зависимость от экспорта энергоресурсов.

Амбиции и идеология Ирана обусловили его постоянное противостояние с США. С Вашингтоном соперничество происходит как в военно-политической, так и экономической сферах. В военно-политическом плане Тегеран противостоит американским планам на Ближнем Востоке, рассматривая тот факт, что страна в настоящее время окружена военными базами США с запада (Ирак и Турция), юга (арабские монархии Персидского залива), и востока (Афганистан), как экзистенциальную угрозу своему существованию. В экономическом плане США традиционно проводят политику санкций против Исламской Республики, которая служит тяжелым бременем для развития экономики Ирана.

Предпосылки взаимодействия Ирана с Евразийским экономическим союзом. Евразийский экономический союз активно осуществляет интеграционную деятельность на внешнем треке. Для осуществления взаимодействия с другими государствами и институтами ЕАЭС имеет три основных институциональных формата: соглашение о зоне свободной торговли, непреференциальные торговые соглашения и меморандумы о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями. ИРИ является приоритетной для ЕАЭС страной с точки зрения создания зоны свободной торговли (далее — ЗСТ).

Прежде чем заключить соглашение о создании ЗСТ с какой-либо страной, Евразийский экономический союз создает специальную группу по исследованию перспектив создания ЗСТ. 23 декабря 2015 г. ЕАЭС и Иран, в лице министра по торговле Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и министра промышленности, шахт и торговли Ирана, заявили о начале работы группы по исследованию перспектив создания ЗСТ [1].

В июле 2015 г. состоялось принятие Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, согласно которому подлежали снятию все санкции Совета Безопасности ООН, а также международные и национальные санкции, и обеспечивался доступ Ирана в сферы торговли, технологий, финансов, энергетики. Именно на волне выхода из кризиса по иранской ядерной программе и ожидаемой отмены санкций ЕАЭС видел предпосылки для формирования в Иране новой точки регионального экономического роста.

17 мая 2018 г. в рамках Астанинского экономического форума состоялось подписание Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ира-

ном (вступило в силу 27 октября 2019 г.) [1]. Данное соглашение предполагает два этапа создания ЗСТ: на первом этапе будет действовать Временное соглашение в течение трех лет: за этот период стороны должны договориться уже о полноформатном соглашении, подписанием которого завершится второй этап. Временное соглашение включает первоочередной перечень товаров, по которым ввозные пошлины во взаимной торговле будут снижены или устранены [2].

Всего Временное соглашение включает обязательства ЕАЭС в отношении 502 тарифных позиций, из которых к сельскохозяйственной продукции относится 126 тарифных позиций, в то время как Иран взял обязательства по 360 тарифным позициям, в том числе по 97 тарифным позициям, относящимся к сельскому хозяйству [3]. Достигнутые договоренности по обоюдному снижению ввозных таможенных пошлин позволят наполнить внутренний рынок товарами, не производящимися в странах ЕАЭС (цитрусовые, овощи, орехи в зимний период), а также нарастить экспорт сельхозпродукции ЕАЭС (растительные и животные масла и пр.) в Иран.

Таким образом, временное соглашение создало хорошую возможность для Ирана расширить свое присутствие на региональных рынках, тем самым открыв новую главу не только для торгового статуса Ирана, но и для его транзитной роли в регионе.

Рост импорта иранских товаров на евразийский рынок начался с 2018 г., причиной чего стали введенные бывшим президентом США Д. Трампом антииранских санкций. Потеряв значительную часть европейского рынка сбыта, Иран переориентировался на своих соседей. Подписанное соглашение стало дополнительным стимулом для страны, экспорт в ЕАЭС вырос с 824,2 млн до 1,25 млрд дол. США, увеличившись более чем на 50 % [3].

В период с 14 по 16 марта 2022 г. в Тегеране состоялся второй раунд переговоров по заключению соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Исламской Республикой Иран, которое должно заменить действующее в настоящее время временное соглашение. Согласно временному соглашению, существенная часть взаимной торговли уже осуществляется в преференциальном режиме.

Оборот ЕАЭС с Ираном в 2021 г. составил 5037,5 млн дол. США, увеличившись на 73,5 % по сравнению с 2020 г. (2 904,3 млн дол. США). При этом экспорт вырос в 2,1 раза (с 1 650,9 млн дол. США до 3 423,6 млн дол. США), импорт — на 28,8% (с 1 253,4 млн дол. США до 1 613,8 млн дол. США).

Объем внешней торговли между Исламской Республикой и членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) за первые

месяцев текущего иранского 1401 г. (21 марта — 22 августа 2022 г.) вырос на 30 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и достиг 1,326 394 млрд дол. США [4].

Взаимные интересы. Иран обладает потенциалом для экспорта товаров на новый рынок. Новые рынки помогут иранским заводам и иранскому частному сектору восстановить свое финансовое положение, поскольку их финансовое состояние испортилось из-за санкций, введенных США. В краткосрочной перспективе Иран может удерживать потенциал экспорта таких товаров, как пищевая продукция, фрукты, сухофрукты, строительные материалы, а также электронное и механическое оборудование в Евразийский экономический союз. Соглашение предоставляет Ирану значительные возможности в области торговли продуктами питания, химическими и строительными материалами, экспорта инженерных услуг и ряда других сфер.

Иран и ЕАЭС перечислили в своем временном соглашении 862 вида сырьевых товаров, на основании которых Иран будет пользоваться упрощенными условиями экспорта и более низкими таможенными пошлинами по 502 товарам, и то же самое касается 360 товаров из стран — членов ЕАЭС. Из 862 пунктов, упомянутых в соглашении, 639 — промышленные товары, а остальные 223 — сельскохозяйственные товары.

Торговое соглашение между Ираном и ЕАЭС может увеличить стоимость внешней торговли Ирана на 10—15 млрд дол. США за три года [5].

Цена и качество иранских товаров станут главным вопросом. Товарам Ирана следует стремиться быть конкурентоспособными по сравнению с товарами других стран, чтобы занять большую долю на новом рынке. Новый рынок обладает потенциалом для частного сектора Ирана и позволит государству в целом восстановить свои производственные мощности, а также качество производства.

Снижение пошлин на некоторые экспортные товары позволит ЕАЭС получить максимальную выгоду от торговли с Ираном. Основные экспортируемые Ираном в Евразийский блок товары включали сжиженный природный газ, яблоки, фисташки, киви, огурцы, изюм и апельсины.

По временному соглашению ЕАЭС получает таможенные преференции (снижение тарифных барьеров на 20—75 %) по таким товарным группам как мясная и масложировая продукция, отдельные виды кондитерских изделий и шоколада, а также металлы, косметика, отдельные виды электронного и механического оборудования. Иранская сторона получает таможенные преференции (снижение тарифных барьеров на 25—100 %) по очень

широкому списку товарных групп, в первую очередь по овощам, фруктам, сухофруктам, строительным материалам и изделиям из цветных металлов [6].

Сотрудничество с Ираном поможет странам ЕАЭС укреплять сотрудничество в проекте коридора Север—Юг — именно благодаря Ирану может быть создан обширный совместный экономический мост из Лиссабона в Персидский залив.

Подписание меморандума между Россией и Казахстаном — ключевыми поставщиками пшеницы на мировой рынок — и Ираном станет первым шагом к возрождению полных цепочек поставок высококачественной пшеницы из ЕАЭС в Иран и весь регион. Сотрудничество с иранскими партнерами весьма перспективно. Так, пшеница из России и Казахстана будет поставляться в Иран без таможенных пошлин.

В качестве основных стимулов для развития армяно-иранских торговых отношений армянское руководство рассматривало строительство третьей высоковольтной линии электропередачи между Ираном и Арменией, а также автодороги Север—Юг, Мегрийской гидроэлектростанции и Мегрийской свободной экономической зоны [7]. Но эти проекты заморозились в последние годы по экономическим и внутривнутриполитическим причинам.

Что касается двусторонних отношений Ирана с членами ЕАЭС, то стабильность в регионе будет способствовать экономическому развитию всех государств союза. Эти страны также являются перспективными рынками сбыта иранской нефтепродукции. Торговля между Ираном и членами ЕАЭС в нефтежном секторе увеличилась на 73 % в 2021 г. по сравнению с 2020 г. Это поможет Ирану развивать свой нефтепродуктовый сектор. Сотрудничество могло бы также распространяться на политическую, социальную, культурную и экологическую сферы.

Перспективы взаимодействия Ирана по линии ЕАЭС. Торговое соглашение с Евразийским экономическим союзом предоставляет иранским государственным и частным фирмам большие возможности для расширения бизнеса и торговли. Официальное членство откроет возможности для создания крупного рынка и внешней интеграции [6]. С экономической точки зрения Иран может увеличить объем торговли с государствами-членами и попытаться экспортировать больше товаров в члены ЕАЭС и, соответственно, импортировать товары из этих стран.

Принимая во внимание близкие отношения Китая и России и возрождение Шелкового пути, которое также активно поддерживает Европейский Союз, вхождение в ЕАЭС может обеспечить реализацию долгосрочных политико-экономических интересов Ирана. Несомненно, учитывая нынешнее положение Ирана,

страдающего от санкций и экономической блокады, присоединение к ЕАЭС, как и к ШОС, может стать выгодным для него также и в краткосрочной перспективе.

Более того, присоединение к ЕАЭС может также стать и политическим достижением для Ирана. Учитывая историческую общность и общее историко-культурное наследие Ирана и стран Центральной Азии и Кавказа, это может привести к значительному росту иранского влияния в этих странах. Таджикистан — персоязычная страна региона, которая имеет хорошие перспективы стать членом ЕАЭС в ближайшем будущем, может стать одной из важнейших сфер влияния Ирана. В случае присоединения к ЕАЭС Иран также сможет во многом нейтрализовать экономические санкции США, что может стать одним из важнейших положительных результатов этого политического шага.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ЕАЭС и Иран заявили о начале работы группы по исследованию перспектив создания ЗСТ [Электронный ресурс] // ТАСС. — 23.12.2015. — Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/2553085>. — Дата доступа: 10.09.2022.
2. Страны ЕАЭС и Иран завершают ратификацию Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — 30.11.2018. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/30_11_2.aspx. — Дата доступа: 09.09.2022
3. Синеок, М. Н. Эффективность соглашения о временной зоне свободной торговли между Ираном и ЕАЭС для российско-иранской торговли / М. Н. Синеок // Междунар. науч.-исслед. журн. — 2021. — № 7-3 (109). — С. 147–150.
4. Товарооборот Ирана с ЕАЭС за 5 месяцев достиг \$1,3 млрд [Электронный ресурс] // Информационное агентство Исламской Республики (ИРНА). — 11.09.2022. — Режим доступа: <https://ru.irna.ir/news/84884342/Товарооборот-Ирана-с-ЕАЭС-за-5-месяцев-достиг-1-3-млрд>. — Дата доступа: 10.09.2022.
5. Interim Agreement leading to formation of a free trade area between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Islamic Republic of Iran, of the other part [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Interim%20Agreement%20EAEU-Iran_final.pdf. — Дата доступа: 09.09.2022.
6. Бурцева, К. Ю. Анализ преимуществ интеграции для Ирана и ЕАЭС / К. Ю. Бурцева // Экон. науки. — 2020. — № 188. — С. 109–112.
7. Махназ Захиринежад. Свободная торговля Ирана и Евразийского союза позволяет наращивать несырьевой экспорт — иранский эксперт / Махназ Захиринежад [Электронный ресурс] // Евразия.Эксперт. — 22.02.2022. — Режим доступа: https://eurasia.expert/svobodnaya-torgovlya-irana-i-aeas-pozvolyaet-narashchivat-nesyrevoiy-eksport/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. Дата доступа: 07.09.2022.

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

А. В. Русакович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: andrei.rusakovich12@gmail.com*

В статье проанализированы основные положения Военной доктрины Союзного государства Беларуси и России, определено ее место в системе интеграционных документов. Автор отмечает, что стратегический союз с Россией в контексте общей ситуации в регионе рассматривается руководством Беларуси как важнейший элемент национальной безопасности.

Ключевые слова: *Военная доктрина; региональная безопасность; Союзное государство; стратегическое союз.*

MILITARY DOCTRINE OF THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF NEW CHALLENGES IN THE SPHERE OF SECURITY

A. V. Rusakovich

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: andrei.rusakovich12@gmail.com*

The article analyzes the fundamental provisions of the Military Doctrine of the Union State of Belarus and Russia, determines its place in the system of integration documents. The author points out that in the context of the situation in the region in general, the strategic alliance with Russia is considered by the leadership of Belarus as the most important component of national security.

Keywords: *Military doctrine; regional security; Union State; strategic alliance.*

Союзное государство является важнейшим приоритетом интеграционной политики Республики Беларусь. Значение Союзного государства определяется более продвинутым уровнем интеграции и ее распространением на другие сферы, в том числе и на оборонную. Это привело к формированию между Беларусью и Россией отношений стратегического союзничества.

В ноябре 2021 г. были приняты важные решения Высшего государственного совета Союзного государства, которые определили комплекс действий двух стран по дальнейшей интеграции: Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021—2023 гг. и Союзные программы, являющиеся их неотъемлемой частью; Военная доктрина; Концепция миграционной политики Союзного государства.

Впервые Военная доктрина Союзного государства была принята в декабре 2001 г. Наличие подобного документа свидетельствует о высоком уровне интеграции двух стран в оборонной сфере, одинаковом понимании проблем безопасности и механизмов ее обеспечения. В 2018 г. этот документ был обновлен, одобрен главами правительств и представлен на утверждение Высшего Государственного Совета Союзного государства. Как подчеркнул Государственный секретарь Союзного государства Д. Мезенцев, Военная доктрина позволит повысить согласованность оборонной политики с учетом изменений региональной военно-политической обстановки и «беспрецедентного давления» на Москву и Минск [1]. По мнению экспертов, «данный документ... станет реальной доктринальной основой общей политики безопасности России и Белоруссии на ближайшие годы в условиях турбулентной международной среды» [2].

Военная доктрина определяет военно-политические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности, основы организации и обеспечения совместной обороны Союзного государства. В ней подчеркивается, что военно-политическая обстановка, складывающаяся вокруг Союзного государства, характеризуется возрастанием негативных процессов в сфере глобальной и региональной безопасности, обусловленных как геополитическим соперничеством между ведущими мировыми державами, так и столкновением интересов отдельных государств/коалиций государств. В соответствии с положениями доктрины, Союзное государство не считает своим противником ни одно государство или коалицию государств и строит взаимоотношения со всеми государствами на основе равноправного партнерства и сотрудничества. Беларусь и Россия подтверждают приверженность политическим и невоенным мерам по урегулированию споров, вместе с тем они выражают твердую решимость обеспечить военную безопасность всеми имеющимися в их распоряжении силами и средствами в соответствии с международным правом [3].

В документе были определены факторы, оказывающие негативное влияние на развитие военно-политической обстановки: высокая активность процессов в экономической и политической сферах, которые сопровождают формирование полицентричной международной системы отношений; попытки изменения ценностных ориентиров и моделей развития, дискредитации культур, религий и цивилизаций, фальсификации истории, способствующие нарушению духовно-нравственных связей родственных народов; противодействие со стороны некоторых международных организаций, иностранных государств развитию Союзного государства, ОДКБ, а также других интеграционных

образований на международной арене с участием Республики Беларусь и Российской Федерации; наличие вблизи границы государств — участников очагов военных конфликтов; наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора на внешней границе Союзного государства; другие. В соответствии с Военной доктриной, основными внешними военными опасностями для Союзного государства государства-участники считают: наращивание военного потенциала отдельных государств (коалиций государств), присвоение этими государствами (коалициями государств) либо военно-политическими союзами прав и функций международных организаций по решению вопросов международного мира и безопасности с применением военных средств, расширение военно-политических союзов до границ государств-участников либо присвоение ими глобальных функций; создание (размещение) в государствах, сопредельных с Союзным государством, воинских формирований высокой степени готовности к применению, позволяющих в короткие сроки создавать ударные группировки войск (сил) для действий против Союзного государства, активное строительство объектов военной инфраструктуры и совершенствование оперативного оборудования территории государств для использования данными группировками; деятельность отдельных государств (коалиций государств), международных террористических и экстремистских организаций (движений) по дестабилизации обстановки в государствах, сопредельных с Союзным государством, а также в государствах — членах ОДКБ; разработку отдельными государствами механизмов развязывания внутренних вооруженных конфликтов в других государствах в целях смены действующей в них государственной власти или нарушения их территориальной целостности с использованием возможностей сил специальных операций, частных военных компаний и незаконных вооруженных формирований; закрепление в военных доктринах, стратегиях, концепциях и иных политических и правовых актах государств положений о неурегулированности территориальных споров и других межгосударственных противоречий с государствами-участниками, а также упоминание в этих документах государств-участников в качестве угрожающего фактора; отказ отдельных государств от участия в международных договорах в области контроля над вооружениями, создающий условия для неограниченной концентрации войск, вооружений, военной и специальной техники на территориях государств, сопредельных с Союзным государством; другие [3].

Согласно Военной доктрине, организация и обеспечение совместной обороны базируются на согласованных усилиях государств-участников, органов Союзного государства, направлен-

ных на поддержание необходимого оборонного потенциала, подготовку войск (сил), выделенных в состав региональной группировки войск (сил), реализацию совместных мер по нейтрализации военных угроз и отражению нападения в регионе [3].

В соответствии с положениями Военной доктрины, основными направлениями военной политики являются: совершенствование механизма принятия согласованных решений по вопросам военной политики; военное строительство государств-участников на основе единых принципов, создание и совершенствование объединенных военных систем, взаимное использование и модернизация объектов военной инфраструктуры; сближение и согласованное развитие национальных законодательств государств-участников по вопросам совместной обороны; организация вооруженной защиты Союзного государства для предотвращения и устранения военных угроз с учетом возможностей государств-участников; координация планов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, производства, поставок вооружения, военной и специальной техники для вооруженных сил государств-участников, а также проведения совместных фундаментальных и прикладных исследований в области создания новейших военных технологий, перспективных образцов вооружения, военной и специальной техники; развитие и углубление производственных и научно-технических связей предприятий государств-участников в области разработки, производства и поставок продукции, оказания услуг военного назначения, а также при осуществлении поставок необходимых для этого материалов, образцов, комплектующих изделий, учебного и вспомогательного имущества; подготовка войск (сил), выделяемых в состав РГВ(С), в соответствии с целями и задачами вооруженной защиты Союзного государства; совместная подготовка военных кадров; расширение сотрудничества с международными организациями и другими государствами; развитие военного и военно-технического сотрудничества с государствами — членами ОДКБ; совместное информационное сопровождение принимаемых решений в сфере обеспечения военной безопасности Союзного государства [3].

План сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации в военной сфере на 2022 г., утвержденный на совместной коллегии министерств обороны в октябре 2021 г., включает 139 совместных мероприятий [4, с. 19]. Россия и Беларусь совместно договорились реагировать по возрастающие факторы военной опасности, о комплексе совместных действий по обеспечению безопасности двух государств, в первую очередь об укреплении оборонных потенциалов: единой региональной группировки

войск, единой системы ПВО, модернизации военных потенциалов, высоком уровне координации работы двух военных ведомств. Активно проводятся белорусско-российские военные учения, их количество существенно возросло по сравнению с предыдущими годами. При содействии российской стороны осуществляется модернизация Вооруженных сил Беларуси. С учетом геополитического положения республики, в условиях наращивания военной инфраструктуры в регионе, руководством принято решение об усилении ВВС и войск ПВО страны. Предприятия и организации военно-промышленного комплекса Беларуси имеют устойчивые тесные связи с партнерами в России и принимают участие в российском государственном оборонном заказе.

24 февраля 2022 г. руководством Российской Федерации принято решение о специальной военной операции в Украине, мотивы этого решения объяснены мировому сообществу с точки зрения интересов России. Руководство Республики Беларусь было проинформировано о начале операции, по линии Союзного государства были приняты меры по ее обеспечению. В условиях новой геополитической реальности со стороны коллективного Запада ставится задача ограничить возможности России и ее союзников на международной арене в экономическом, политическом и военном отношении. Этот фактор обуславливает активизацию действий по укреплению потенциала России, Беларуси, включая оборонную составляющую. Как заявил заместитель министра иностранных дел России А. Руденко в сентябре 2022 г. «Военная доктрина Союзного государства, которая, подчеркну, носит сугубо оборонительный характер, предполагает, что применение военной силы, направленное против любого государства-участника, рассматривается как посягательство на Союзное государство в целом» [5].

Принятие Военной доктрины Союзного государства существенно усиливает интеграцию Беларуси и России в области обороны. Опора на союз с Россией в контексте общей ситуации в регионе рассматривается руководством Беларуси как важнейший элемент национальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Русакович, А. Военная доктрина Союзного государства учитывает угрозу расширения НАТО [Электронный ресурс] / А. Русакович // Евразия. Эксперт. — 08.11.2021. — Режим доступа: <https://eurasia.expert/voennaya-doktrina-soyuznogo-gosudarstva-uchityvaet-ugrozu-rasshireniyanato/> — Дата доступа: 20.11.2021.
2. Корнев, Е. Новая Военная доктрина Союзного государства изменит стратегию России и Беларуси [Электронный ресурс] / Е. Корнев // Евразия. Эксперт. — 17.02.2022. — Режим доступа: <https://eurasia.expert/kak-novaya-voennaya-doktrina-soyuznogo-gosudarstva-izmenit-strategiyu-rossii-i-belarusi/> — Дата доступа: 10.09.2022.

3. Военная доктрина Союзного государства: [утв. постановлением Высшего государственного совета Союзного государства 4 нояб. 2021 г. № 5] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. — Минск, 2022.

4. Бруснев, М. Союзное государство принимает новую Военную доктрину / М. Бруснев // Союзное государство. — 2021. — № 10. — С. 19—22.

5. МИД РФ: доктрина союзного государства предусматривает ответ на агрессию [Электронный ресурс] // Парламентское собрание Союза Беларуси и России. — 06.09.2022. — Режим доступа: <https://belrus.ru/info/mid-rf-doktrina-soyuznogo-gosudarstva-predusmatrivaet-otvet-na-agressiyu/> — Дата доступа: 12.09.2022.

ТРАНСГРАНИЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ ТОРГОВЛЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И КНР В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Е. С. Сидорова¹⁾, Л. И. Тарарышкина²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: sidorova11sid@mail.ru

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: tararyshkina@rambler.ru

Исследование направлено на совершенствование процессов трансграничной электронной торговли ЕАЭС и КНР в условиях реализации инициативы «Один пояс, один путь». В ходе проведенного исследования получили развитие теоретическо-методологические основы трансграничной электронной торговли, изучены особенности формирования трансграничной электронной торговли в рамках названного проекта. В результате были выявлены основные направления развития трансграничной электронной торговли Китайской Народной Республики с государствами — членами Евразийского экономического союза путем сопряжения цифровых инициатив ЕАЭС с цифровым Экономическим поясом Шелкового пути.

Ключевые слова: трансграничная электронная торговля; «Один пояс, один путь»; цифровое экономическое сотрудничество; Китайская Народная Республика; Евразийский экономический союз.

CROSS-BORDER ELECTRONIC TRADE OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND CHINA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE

E. S. Sidorova^a, L. I. Tararyshkina^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: sidorova11sid@mail.ru

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: tararyshkina@rambler.ru
Corresponding author: E. S. Sidorova (elizaveta11sid@mail.ru)

The study is aimed at improving the processes of cross-border e-commerce between the EAEU and the PRC in the context of the implementation of the Belt and Road Initiative. In the course of the study, the theoretical and methodological

foundations of cross-border e-commerce were developed, the features of the formation of cross-border e-commerce within the framework of the named project were studied. As a result, the main directions for the development of cross-border e-commerce of China's with the EAEU member states were identified by linking the digital initiatives of the EAEU with the digital Silk Road Economic Belt.

Keywords: *cross-border e-commerce; One Belt One Road; digital economic cooperation; People's Republic of China; Eurasian Economic Union.*

Цифровая трансформация влияет на экономику и общество сложным и взаимосвязанным образом, изменяя способы производства и предоставления продуктов и услуг, а также бизнес-модели. Электронная коммерция облегчает трансграничную торговлю, повышает удобство для потребителей и позволяет предприятиям выходить на новые рынки. Цифровые технологии позволяют внедрять инновации в области электронной коммерции и часто служат основой для разработки бизнес-моделей.

Инициатива «Один пояс, один путь» направлена на расширение цифровой инфраструктуры, содействие электронной коммерции и продвижение общих интернет-стандартов среди стран-участниц. По состоянию на 2019 г. инвестиции в проекты цифровой инфраструктуры за пределами Китая достигли 79 млрд дол. США, что создает возможности для наращивания потока данных и организации стран вдоль «Одного пояса, одного пути» в целостную цифровую экосистему [1]. Согласно прогнозам, в связи с расширением пилотных проектов по развитию инноваций в сфере торговли услугами экспорт цифровых услуг Китая значительно вырастет. В перспективе Китай в рамках Всестороннего регионального экономического сотрудничества и других платформ цифрового экономического сотрудничества будет создавать новые зоны свободной торговли, чтобы ввести ряд преимуществ для стимулирования цифровой торговли и продвижения политики трансграничных потоков данных, дальнейшего экспорта цифровой торговли, цифровых продуктов и услуг на основе информационных и коммуникационных технологий. Активное участие Китая в построении трансграничной электронной торговли, трансграничных потоков данных основано на взаимном признании международных стандартов в области цифровой торговли, блокчейна, цифровой валюты, цифровых налогов.

Перспективным направлением может выступить сопряжение собственных цифровых инициатив ЕАЭС и цифрового Шелкового пути в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». Правовой базой для сотрудничества выступит Совместное заявление Евразийской экономической комиссии и Министерства

коммерции Китайской Народной Республики от 8 мая 2015 г. и Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, вступившее в силу 25 октября 2019 г. Последнее направлено на создание цифрового транспортно-логистического коридора «Запад — Восток». Данное соглашение регламентирует вопросы реализации таможенного сотрудничества, неприменения технических барьеров в торговле, санитарных и фитосанитарных мер, мер торговой защиты, а также актуальные вопросы осуществления электронной торговли и защиты интеллектуальной собственности во взаимодействии между государствами. Упрощение процедур торговли и развития кооперационных связей является стратегическим направлением стимулирования внешнеторговой деятельности и привлечения инвестиций между государствами-членами ЕАЭС и КНР.

Следует отметить, что в ходе сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС успешно развивается торгово-экономическое сотрудничество ЕАЭС с КНР. Так, товарооборот между ЕАЭС и КНР за январь—июнь 2021 г. составил 73,5 млрд дол. США, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом на 24,8 %. Для обеих сторон трансграничная электронная торговля (ТЭТ) является драйвером развития торговых отношений. Полагаем, что необходимой мерой регулирования ТЭТ между КНР и ЕАЭС является выравнивание условий поступления продукции на китайский и евразийский рынки с использованием единого механизма уплаты налогов и пошлин, а также обеспечения соответствия товаров установленным стандартам [2].

В широком смысле трансграничная электронная торговля относится к трансграничным импортным и экспортным торговым операциям, совершаемым продавцами и потребителями *B2B*, принадлежащим к разным таможенным территориям, посредством сетевых платформ. В узком смысле ТЭТ включает модели трансграничной онлайн-торговли *B2C*, в которой субъекты, принадлежащие к разным таможенным территориям, совершают транзакции через платформы электронной торговли, осуществляют трансграничные платежи и доставляют товары посредством трансграничной логистики [2]. Исследование состояния трансграничной электронной торговли включает в себя обзор различных системных факторов (например, взаимодействия с использованием ИКТ, цифровых платформ, информационных и социальных сетей) и более широких бизнес-моделей. Региональный контекст электронной торговли связан с необходимо-

стью развития цифровых платформ и возникающих в результате цифровых экосистем, взаимодействующих в глобальной системе. В такой структуре обеспечение благоприятных регуляторных условий происходит на глобальных уровнях (устранение невыгодных конкурентных условий для местных продавцов снизу-вверх) и основывается на сохранении лояльности потребителей, определяющейся защитой прав и качеством сервисов. Необходимо учитывать эти факторы с целью анализа изменения показателей Индекса электронной торговли в государствах — членах ЕАЭС и КНР (см. таблицу).

**Оценка государств — членов ЕАЭС и КНР
в Индексе электронной торговли
(UNCTAD B2C E-Commerce Index, 0—100)**

	2018	2019	2020
Республика Армения	60,10	53,70	49,90
Республика Беларусь	77	79,30	78,80
Республика Казахстан	68,10	68,50	68,20
Кыргызская Республика	33,80	36,40	44,30
Российская Федерация	74,30	77,90	76,60
КНР	61,70	68,80	70,10

И с т о ч н и к: [3].

Как следует из данных таблицы, по результатам исследования четыре из пяти государств — членов ЕАЭС получили довольно высокую оценку в рейтинге, в частности, Республика Беларусь и Российская Федерация опережают КНР. В ЕАЭС цифровая торговля растет в среднем на 30 % в год. Отток покупателей из офлайн-торговых площадок достигает 10 % в год, в основном из-за более широкого ассортимента товаров и более низких цен. Темпы роста цифровой торговли на пространстве ЕАЭС в сравнении с среднемировыми темпами роста объясняются факторами догоняющего развития цифровой торговли в странах ЕАЭС, что обусловлено не до конца сформированной базой, высокой степенью интеграции населения в цифровое пространство и высокой степенью открытости рынка, и что предоставляет для глобальных игроков возможность входа на рынок через новые цифровые каналы. Китай является крупнейшим рынком электронной коммерции в мире, на который приходится почти 50 % мировых транзакций. По данным *eMarketer*, розничные онлайн-транзакции Китая в 2020 г. достигают более 710 млн цифровых покупателей, объем транзакций достигает 2,29 трлн дол. США, а к 2024 г. прогнози-

руется их рост до 3,56 трлн дол. США. По данным Росстата доля продаж через интернет в общем объеме оборота розничной торговли в Российской Федерации в 2019 году составила 2 %, в 2020 и 2021 гг. — 3,9 % и 4,8 % соответственно. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли российский рынок интернет-торговли вырос с 2032 млрд руб. до 4096 млрд руб. за период 2019—2021 гг. По данным маркет-плейса *Deal.by* в 2020 г. темпы роста онлайн-продаж в белорусских интернет-магазинах составили 42 % (2,3 млрд бел. руб.), а доля в розничном товарообороте Беларуси составила 4,5 %. За 2021 г. онлайн-продажи в белорусских интернет-магазинах выросли еще на 25 % до 3,4 млрд бел. руб. Доля интернет-продаж в розничном товарообороте Беларуси составила 5,8 % [4]. Необходимо отметить, что с целью поддержки граждан, заказывающих товары для личного пользования на зарубежных площадках электронной торговли, и предупреждения дефицита отдельных категорий товаров Совет ЕЭК до 1 октября 2022 г. повысил лимит беспошлинного ввоза до 1 тыс. евро для товаров, перевозимых перевозчиком или в почтовых отправлениях.

Необходимо отметить, что осуществление таможенного контроля, является ключевым моментом в развитии ТЭТ. В соответствии с характеристиками полной информатизации ТЭТ должен быть создан ряд удобных мер для операторов электронной торговли: декларирование после выпуска товаров для трансграничного таможенного импорта, онлайн складская инспекция и упрощенные процедуры таможенного оформления. В соответствии с характеристиками всего процесса информатизации трансграничной электронной коммерции должен быть создан безбумажный процесс, охватывающий подачу документов и деклараций предприятиями в таможенные органы, декларирование, сбор таможенных платежей и налогов, таможенный контроль, выпуск товаров, автоматизированное круглосуточное таможенное оформление.

В настоящее время трансграничная электронная коммерция В2В изначально осуществила онлайнизацию всей цепочки сбора и хранения информации, заключения сделок, подписания контрактов, платежей и таможенного декларирования, расчетов в иностранной валюте и возврата налогов, образуя полный замкнутый цикл трансграничного сделки электронной коммерции. Следующим шагом для государств — членов ЕАЭС будет дальнейшее продвижение трансграничной электронной коммерции В2В-бизнеса, формулирование бизнес-стандартов *В2В*, оптимизация и совершенствование процесса таможенного оформления входящих и исходящих товаров трансграничной электронной

торговли, совершенствование механизма «единого окна» и расширение сотрудничества с государственными органами надзора и контроля, ведомствами иностранных государств, налоговыми органами и другими управленческими ведомствами, увеличение инвестиций в науку и технику, повышение уровня управления информатизацией трансграничной электронной коммерции, активное содействие здоровому развитию трансграничной электронной коммерции [2].

Таким образом, цифровые технологии становятся ключевым стимулом совершенствования национальной экономики. После двух десятилетий непрерывного роста индустрия электронной коммерции Китая продолжает бурно развиваться, осваивая различные способы (например, *B2B*, *B2C*, *C2C* и *O2O*), и в настоящее время становится важной частью внешней торговли Китая. Правительством КНР реализуются проекты на национальном и международном уровнях в целях развития цифровой инфраструктуры, цифровой коммерции и высокотехнологичных предприятий. По нашему мнению, приоритетным направлением для ускорения трансграничной электронной торговли между ЕАЭС и КНР выступит сотрудничество сторон как участников инициативы «Один пояс, один путь» в сфере стимулирования цифровой торговли, продвижения политики трансграничных потоков данных, экспорта цифровых продуктов и услуг, строительства цифровой инфраструктуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Куда ведет Цифровой шелковый путь Китая [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. — 14.04.2021. — Режим доступа: <https://vestikavkaza.ru/analytics/kuda-vedet-cifrovoj-selkovyj-put-kitaa.html>. — Дата доступа: 10.09.2022.
2. China Focus: New customs practice boosts B2B e-commerce export [Electronic resource] // Xinhua. — 02.09.2020. — Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/02/c_139336978.htm. — Date of access: 07.09.2022.
3. Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2020 году: международные рейтинги аналитический доклад [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/82a/Ekonomicheskoe-razvitie-EAES-i-gosudarstv_chlenov-v-2020-g.-Mezhdunarodnye-reytingi.pdf. — Дата доступа: 10.09.2022.
4. E-commerce итоги 2020 [Electronic resource] // belretail. — 29.12.2020. — Mode of access: <https://belretail.by/news/v-etom-godonlayn-prodaji-pokazali-samyie-vyisokie-tempyi-rosta-za-poslednie-neskolko-let>. — Date of access: 25.09.2021.

НОРМОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

К. И. Стояков¹⁾, Т. Н. Михалёва²⁾

¹⁾ Министерство юстиции Республики Беларусь,
ул. Коллекторная, 10, 220004, г. Минск, Беларусь,
e-mail: stoyakov.kirill@mail.ru

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: MikhaliouaT@bsu.by

В статье рассматриваются оперативность и качество нормотворческой деятельности как фактор обеспечения национальной безопасности. Приводится опыт Республики Беларусь по данному вопросу, правовая составляющая, а также обосновывается важность направленности нормотворчества в условиях внешних рисков и евразийского партнерства на защиту национальных интересов, прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Ключевые слова: национальная безопасность; оперативность; качество; нормотворческая деятельность; совершенствование; обеспечение.

NORM-MAKING ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION AND COUNTERACTION THREATS TO NATIONAL SECURITY

K. I. Stoyakov^a, T. N. Mikhaleva^b

^a Ministry of Justice of the Republic of Belarus,
Kollectornaya str., 10, 220004, Minsk, Belarus, e-mail: stoyakov.kirill@mail.ru

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: MikhaliouaT@bsu.by

The article considers the efficiency and quality of rule-making activities as a factor in ensuring national security. The experience of the Republic of Belarus on this issue, the legal component is given, and the importance of the direction of rule-making in the context of external risks and the Eurasian partnership to protect national interests, rights and legitimate interests of citizens and legal entities is substantiated.

Keywords: national security; efficiency; quality; normative activity; improvement; security.

Динамичное развитие общественных отношений и событий на внешнем контуре нашего государства указывает на усложнение системы социальных, экономических и политических связей и отношений, изменения структуры и формы существования мирового общества. Становится наиболее значимым обеспечение стабильности, устойчивости в развитии не только отдельного государства или их союзов, но в системы отношений всего человечества [1, с. 26].

Представляется, что кардинальные политические изменения в мире, последствия стремительного научно-технического про-

гресса, все большее появление «горячих» точек на политической карте мира и др. подталкивает нас к переосмыслению проблем безопасности. Благодаря прогрессу в области технологий, научному осмыслению социальных процессов и практики политической деятельности в последние десятилетия выработаны новые методы обеспечения национальной безопасности. Оперативное и качественное нормотворчество — один из факторов эффективного реагирования на внешние вызовы и угрозы. Как установлено в Указе Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности» «опыт реагирования на мировые и внутригосударственные вызовы требует незамедлительного принятия важнейших нормотворческих решений без ущерба качеству и стабильности правового регулирования. Выполнение данной задачи должно достигаться в первую очередь посредством конструктивного взаимодействия государственных органов (организаций) при подготовке и принятии (издании) нормативных правовых актов» [2].

Примером такого оперативного и ценностно-ориентированного ответа на внешние угрозы стало принятие Закона Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» и Закона Республики от 14 мая 2021 г. № 104-З «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму», поскольку названные законы Республики Беларусь «нацелены на повышение эффективности деятельности уполномоченных субъектов по предупреждению распространения идеологии нацизма» [3].

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, под национальной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз [4].

В свою очередь, под национальными интересами понимается совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь [4].

Согласно положениям статьи 2 Конституции Республики Беларусь человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства [5].

Конституцией Республики Беларусь также закрепляется, что Президент, Правительство Республики Беларусь, Всебелорусское народное собрание принимают меры по обеспечению прав и сво-

бод граждан, защите интересов государства, национальной безопасности и обороноспособности, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью [5, стст. 79, 895, 107].

Важнейшими факторами обеспечения жизнедеятельности населения, функционирования экономики, а также основой для поступательного развития страны и повышения благосостояния граждан являются качество и стабильность законодательства [6].

Кроме того, названным выше актом Главы государства предусматривается, обеспечение подготовки в кратчайшие сроки проектов наиболее важных нормативных правовых актов по вопросам, требующим оперативного регулирования, подготавливая срочные проекты в ускоренном порядке (в том числе в формате совещаний), при этом общий срок подготовки срочных проектов не должен превышать 10 рабочих дней, а также повышение эффективности нормотворческой деятельности государственных органов (организаций) и ответственность их руководителей за регулирование общественных отношений, уполномочив Правительство Республики Беларусь принимать нормативные правовые акты, без специального закрепления полномочий на принятие конкретного акта и установив персональную ответственность руководителей государственных органов (организаций), участвовавших в работе над проектом, за принятые в ходе его подготовки, согласования проведения обязательной юридической и иных экспертиз решения, в том числе за соблюдение установленных порядка и сроков принятия таких решения [6].

Подобные меры также способствуют взаимодействию правового сознания в различных формах его проявления в белорусском обществе с правотворческой и правоприменительной деятельностью государства, что также имеет под собой ряд функций, в том числе и познавательную [5, с. 68].

На наш взгляд при подготовке проектов нормативных правовых актов в сфере обеспечения национальной безопасности следует исходить из принципов защищенности и развития, с учетом имеющегося позитивного опыта и преемственности, что, в свою очередь представляет собой не «копирование» имеющегося, а заимствование лучшего, проверенного временем и доказавшего эффективность [6]. Представляется, что названные принципы позволят изменять (при необходимости) существующее правовое регулирование не революционным, а эволюционным путем, несмотря на стремительно меняющуюся обстановку в мире. В данной связи согласимся с утверждением О. С. Макарова о том, что при реализации принципа «безопасность через развитие» «опережающие темпы роста являются гарантией безопасности, а задержки и отставание в развитии — угрозой безопасности» [7].

Полагаем оправданным говорить о совершенствовании системы и законодательства рассматриваемой сферы общественных отношений. Анализ угроз национальной безопасности свидетельствует о высокой степени именно геополитических, внешних угроз [2].

Важную роль во внешнеполитической и внутригосударственной сферах обеспечения экономической безопасности и содействия укреплению экономической системы играет участие Республики Беларусь в деятельности ЕАЭС. Значение реагирования национальной правовой системы с точки зрения качественного нормотворчества, оперативного регулирования сложно переоценить, особенно в данной сфере, требующей четкого определения прав и обязанностей всех участников экономических правоотношений, учет интересов государства, компаний, частных лиц.

Как отмечает В. Д. Ипатов, «большинство разрабатываемых в республике законопроектов касается предпринимательской, хозяйственной (экономической) деятельности», а одним из приоритетных направлений является имплементация международных обязательств, принимаемых в рамках Евразийского экономического союза» [8].

Важнейшим фактором при этом на всех этапах является обеспечение национальных интересов Республики Беларусь. Государство в рамках собственных ценностно-идеологических приоритетов национального правового развития и правовой политики должно принимать меры по преодолению вызовов современности [8].

При этом полагаем, что качественное нормотворчество в данном аспекте — это и самостоятельное в своих интересах и на основе национальных ценностей и приоритетов формирование системы регулирования общественных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / М. В. Мясникович. — Минск: Экономика и право, 2003. — 451 с.
2. О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь от 17 нояб. 2020 г. № 415 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
3. Коваленя, А. Обеспечение национальной безопасности в контексте тенденций развития современного мира (окончание) / А. Коваленя, В. Арчаков, А. Баньковский // Беларус. думка. — 2029. — № 9. — С. 50–55.
4. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

5. Осознанное общественное правосознание — важнейшая составная часть правовой культуры современного общества / И. А. Белова [и др.]. / Под ред. В. А. Кучинского. — Гродно: ЮрСаПринт, 2020. — 416 с.

6. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ.референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. — Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. — 62 с.

7. Макаров, О. С. К вопросу о новых рисках в информационной сфере и реализации принципа «безопасность через развитие» / О. С. Макаров [Электронный ресурс] // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2019. — № 2 (28). — С. 57—60.

8. Ипатов, В. Д. Совершенствование нормотворческой деятельности как элемент реализации эффективной правовой политики / В. Д. Ипатов [Электронный ресурс] // Национальный центр законодательства и правовых исследований. Режим доступа: <http://center.gov.by/tsikl-publikatsij-pravo-sovremennoj-b/sovershenstvovanie-normotvorcheskoj-d/>. — Дата доступа: 15.09.2022.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И СЛОЖНОСТИ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Чэнь Е

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: meredithchen@yandex.by*

В статье проанализирована эффективность Организации Договора о коллективной безопасности, сложности, стоящие перед организацией. ОДКБ поддерживает региональную безопасность на постсоветском пространстве. По случаю 20-летия ОДКБ важно подвести итоги деятельности, определить предстоящие вызовы. Автор акцентирует внимание на активизации ОДКБ на внешнем контуре и противостоянии угрозам со стороны НАТО и отмечает, что организация выступает в качестве важного компонента региональной политической, военной безопасности.

Ключевые слова: Организация Договора о коллективной безопасности; постсоветское пространство; региональная безопасность.

THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION: EFFECTIVENESS AND CHALLENGES OF TWENTY YEARS

Chen Ye

*Belarusian State University,
Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: meredithchen@yandex.by*

The article analyzes the effectiveness of the Collective Security Treaty Organization and the challenges facing the organization. The CSTO supports regional security in the post-Soviet space. On the occasion of the CSTO's 20th anniversary, it is important to summarize its activities and identify challenges ahead. The author focuses on the

activation of the CSTO on the external contour and countering threats from NATO and points out that the organization acts as an important component of regional political and military security.

Keywords: *Collective Security Treaty Organization; post-Soviet space; regional security.*

Юбилейный саммит глав государств Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) прошел в Москве в мае 2022 г. Этот год совпадает с 30-летием подписания Договора о коллективной безопасности и 20-летием основания организации. Главы государств-участников выдвинули конструктивные идеи по развитию организации. В частности, в январе этого года ОДКБ приняла просьбу президента Казахстана о направлении миротворческих войск в эту страну и успешно выполнила свою миссию, стабилизировав региональную ситуацию. Этот акт в полной мере продемонстрировал эффективность функций ОДКБ.

ОДКБ в первую очередь предназначена для осуществления права на коллективную оборону и сосредоточена на защите государств-участников от внешних угроз. Функции ОДКБ сегодня значительно расширились по сравнению с теми, которые были во время подписания Ташкентского договора 1992 г., а именно защита суверенитета новых независимых государств при отсутствии у них независимых вооруженных сил и сил специального назначения. Сегодня государства — члены ОДКБ сотрудничают в основном в области военной и нетрадиционной безопасности.

В военном плане ОДКБ имеет коллективные вооруженные силы: Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-азиатского региона, Коллективные силы оперативного реагирования, Миротворческие силы, Коллективные авиационные силы, Региональная интегрированная система противовоздушной обороны. Коллективные силы безопасности региона ОДКБ охватывают различные региональные системы безопасности в Центральной Азии, Восточной Европе и на Кавказе. С 2009 г. силы быстрого реагирования регулярно проводят военные учения, а в 2013 г. силы противовоздушной обороны ОДКБ были усилены за счет формирования Коллективных авиационных сил.

Множество вопросов безопасности являются направлениями регионального сотрудничества в рамках ОДКБ. Противодействие нелегальному наркотрафику в Центральной Азии сформировалось в качестве важной сферы сотрудничества между государствами-участниками. Центральная Азия становится основным маршрутом наркотрафика в Европу. Для борьбы с наркотрафиком в ОДКБ создан специальный координационный комитет из руководителей национальных органов власти, ответственных за

борьбу с незаконным оборотом наркотиков, который регулярно проводит операции по предотвращению поступления наркотиков в Центральную Азию. ОДКБ также сотрудничает в борьбе с терроризмом и торговлей людьми. Информационная безопасность также стала одним из новых направлений сотрудничества в современном мире. Начало «арабской весны» и подъем «Исламского государства» повысили актуальность задействования социальных сетей и важность кибербезопасности.

Миротворческая операция ОДКБ в Казахстане в 2022 г. была осуществлена в целях поддержания безопасности и стабильности в регионе и предотвращения вторжения внешних сил. Это не только отражает функцию оказания военной помощи государствам-членам организации, но и содействовало стабилизации внутренней ситуации в Казахстане и обеспечило внешнюю легитимность. Тем самым был подан сигнал, препятствующий внешнему вмешательству, и созданы гарантии, что Казахстан имеет достаточно пространства для решения своих внутренних проблем. Эта миротворческая операция ОДКБ сделала ее гораздо более эффективной в решении подобных проблем.

В настоящее время, на фоне ухудшения отношений России с Западом, вмешательства Запада в региональные дела, расширения военного присутствия НАТО в Восточной Европе и возможного возвращения терроризма в Афганистан, все эти факторы выдвигают новые требования и вызовы для будущего развития ОДКБ.

С точки зрения геополитических отношений, ОДКБ сталкивается с различными вызовами в своей зоне ответственности и соседних регионах. В Центральной Азии доминирует ряд внутренних проблем. Демаркация региональных границ, проблемы водных и энергетических споров — все это влияет на безопасность Центрально-Азиатского региона. Кроме того, южная граница ОДКБ с Афганистаном стала угрозой для региональной безопасности. Нетрадиционные вопросы безопасности, такие как терроризм, экстремизм и незаконный оборот наркотиков, являются основными конфликтами в Центральной Азии. На Южном Кавказе также существует ряд угроз. Сохраняется угроза потенциального вооруженного конфликта между Арменией и Азербайджаном, потенциальная угроза в контексте возможного создания военной базы НАТО в Грузии, проблема политической стабильности в Южной Осетии и т. д. Этнические конфликты и сепаратизм влияют на региональную безопасность. В Восточной Европе военная конфронтация с США и НАТО привела к ухудшению региональной ситуации. В частности, угрозы региональной безопасности в восточноевропейском регионе углубились в результате конфлик-

та между Россией и Украиной и ухудшения отношений Беларуси с европейскими странами и взаимными санкциями.

В плане институционального строительства и постановки целей ОДКБ также сталкивается с проблемами в плане моделей внутреннего сотрудничества. С одной стороны, существует низкий уровень коллективной идентичности среди государств-участников. Хотя государства-члены имеют схожие исторические и культурные корни и не подвергались реальным военным угрозам, в сочетании с конфликтами между ними по вопросам этнической принадлежности, религии, границ и водных ресурсов степень идентичности между участниками организации является низкой. С другой стороны, существуют различия между интересами государств-членов. ОДКБ была основана на общих целях безопасности в конкретный исторический период. В нынешней ситуации дисбаланс в военной мощи делает другие страны более заинтересованными в получении военной поддержки от России. С другой стороны, Россия хочет укрепить свое доминирование и влияние на постсоветском пространстве путем усиления интеграции государств-членов, тем самым превращая ОДКБ в геополитический инструмент противодействия НАТО. По мнению ряда экспертов, это противоречит интересам других государств-членов [1, с. 25]. Опасения в плане сохранения суверенитета во многом повлияли на выход Узбекистана из Организации договора о коллективной безопасности.

ОДКБ необходимо создать новые практические механизмы для противодействия внешним и внутренним угрозам и вызовам по мере их возникновения. По случаю двадцатилетнего юбилея государств-участников также обсудили основные вопросы своего сотрудничества и дальнейшего совершенствования системы коллективной безопасности. ОДКБ необходимо активно противостоять угрозам коллективного Запада, укреплять политическое взаимодействие между государствами-участниками, совершенствовать дипломатические консультации и консультации по вопросам безопасности; повышать свою способность противостоять вызовам и угрозам в информационном пространстве и бороться с дезинформацией; сосредоточиться на безопасности на южных границах Центральной Азии и участвовать в миротворческой деятельности ООН [2]. ОДКБ проводит военные учения, такие как антитеррористические учения в Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане в соответствии с планом [3]. Россия также провела различие между своими собственными проблемами с Украиной и ролью ОДКБ в этих процессах. Министр обороны Беларуси также полагает, что ОДКБ будет расширяться, число государств может увеличиться до десятков [4]. Углубление сотрудничества и регулярное проведение военных учений повысили возможность

реализации эффективности функций ОДКБ, а расширение ее состава представляет собой новую попытку реагирования на изменения регионального ландшафта и отражает стремление повысить способность региона противостоять угрозам в новую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Го Ли. Организация Договора о коллективной безопасности: вызовы, возможности и перспективы развития / Го Ли // Среднеазиатские исследования. — 2017. — № 2. — С. 21–31.
2. Чжан Нин. Три тезиса, озвученные на Московском саммите Организации коллективной безопасности / Чжан Нин // Всемирное знание. — 2022. — № 12. — С. 38–41.
3. Коллективная безопасность: каких результатов достигло сотрудничество в рамках ОДКБ [Электронный ресурс] // Парламентское собрание Союза Беларуси и России. — 15.05.2022. — Режим доступа: <https://belrus.ru/info/kollektivnaya-bezopasnost-kakix-rezultatov-dostiglo-sotrudnichestvo-v-ramkax-odkb/>. — Дата доступа: 10.09.2022.
4. Министр обороны Беларуси прогнозирует расширение ОДКБ [Электронный ресурс] // SPUTNIK Беларусь. — 15.05.2022. — Режим доступа: <https://sputnik.by/20220515/ministr-oborony-belarusi-prognoziruet-rasshirenie-odkb-1062723935.html>. — Дата доступа: 10.09.2022.

ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПЕРЕДАЧА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Н. В. Шакель

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: shakel@bsu.by*

Объемом исследования в настоящей статье стали правовые аспекты трансграничной передачи персональных данных в рамках Евразийского экономического союза. Несмотря на процессы гармонизации законодательства, которые идут в рамках Евразийского экономического союза, такая сфера, вопросы перемещения данных о физических лицах как частными субъектами, так и государствами, остаются без должного внимания. Вместе с тем, необходимо наличие четких и понятных для всех участников соответствующих отношений правил, а также сопоставимое регулирование в данной сфере. В ином случае запреты, имеющиеся в отношении свободного перемещения данных, могут стать препятствием свободному движению товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Ключевые слова: *персональные данные; трансграничная передача; обработка персональных данных; предоставление.*

CROSS-BORDER TRANSFER OF PERSONAL DATA WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

N. V. Shakel

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: shakel@bsu.by*

The scope of the study in this article is the legal aspects of the cross-border transfer of personal data within the framework of the Eurasian Economic Union. Despite the processes of harmonization of legislation that are underway within the framework

of the Eurasian Economic Union, such an area, the issues of the movement of data on individuals by both private entities and states, remain without due attention. At the same time, it is necessary to have clear and understandable rules for all participants in the relevant relations, as well as comparable regulation in this area. Otherwise, restrictions placed on the free movement of data may become an obstacle to the free movement of goods, services, capital and labor.

Keywords: *personal data; cross-border transfer; personal data processing; provision*

В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), который представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции, обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в определенных отраслях экономики. В число целей ЕАЭС включена всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [1]. В современных условиях соответствующие процессы не могут осуществляться без учета развития новых информационно-коммуникационных технологий, процессов цифровизации. Как следствие, в Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года (утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12) среди вызовов цифровой трансформации ЕАЭС обозначена «необходимость более надежной институциональной формы защиты персональных данных, с соблюдением баланса защиты в условиях их трансграничного обмена» [2]. В число приоритетов проработки инициатив в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г. включен и такой пункт, как «Соглашение об обороте данных в Союзе (в том числе о защите персональных данных)» [2].

По нашему мнению, соответствующие шаги являются актуальными, так как на данный момент возможно констатировать наличие существенных трудностей при трансграничной передаче данных в рамках ЕАЭС, что обусловлено различными подходами, принятыми в государствах-участниках (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация).

Если говорить о Российской Федерации, то в соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ разрешается трансграничная передача персональных данных на территории иностранных государств, являющихся сторонами Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных

данных (далее — Конвенция Совета Европы № 108), а также иных иностранных государств, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных. Из стран ЕАЭС к числу таких государств относится Республика Армения, в этой связи для передачи персональных данных из Российской Федерации в это государство не требуется принятия дополнительных мер.

Приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 15 марта 2013 г. № 274 был утвержден перечень иностранных государств, не являющихся сторонами Конвенции 108 и обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных (Перечень Роскомнадзора № 274).

С учетом изложенного возникает вопрос о том, возможно ли передавать персональные данные из Российской Федерации в другие государства, входящие в ЕАЭС. В Перечень Роскомнадзора № 274 включены на данный момент Республика Казахстан и Республика Беларусь. При этом возможно обратить внимание на тот факт, что Республика Беларусь исходно в данный перечень не входила. Только 14 сентября 2021 г. № 183 Беларусь была включена в Перечень Роскомнадзора № 274, а значит, признана безопасной юрисдикцией для передачи персональных данных [3]. Представляется, что это обусловлено принятием в Республике Беларусь в 2021 г. нового комплексного регулирования о защите персональных данных.

При этом Кыргызская Республика на данный момент не включена в Перечень Роскомнадзора № 274, а также не является участницей Конвенции Совета Европы № 108. В этой связи трансграничная передача в данное государство не допускается без принятия дополнительных мер, направленных на защите персональных данных.

Тем не менее, несмотря на все изложенное, существенно ограничивает возможности по свободной передаче данных из Российской Федерации закрепленное в законодательстве требование об их локализации, т. е. исходном сборе и обработке в базах данных, находящихся в России, персональных данных физических лиц.

В Республике Беларусь базовое положение о трансграничной передаче персональных данных закреплена в статье 9 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных». В качестве общего правила установлено, что трансграничная передача персональных данных запрещается, если на территории иностранного государства не обеспечивается надлежащий уровень защиты прав субъектов персональных дан-

ных [4]. Право определения иностранных государств, в которые возможно передавать персональные данные, предоставлено Национальному центру защиты персональных данных Республики Беларусь; согласно утвержденному данным органом перечню, безопасными с точки зрения передачи персональных данных государствами определены все страны-участницы Конвенции 108 [5].

При этом только Российская Федерация и Республика Армения являются членами указанной конвенции [6]. Республика Казахстан и Кыргызская Республика не являются участницами Конвенции Совета Европы № 108, следовательно, свободная трансграничная передача персональных данных в эти государства без принятия дополнительных мер невозможна.

В соответствии с законодательством Республики Армения личные данные могут быть переданы другой стране с согласия субъекта данных или если передача данных вытекает из целей обработки личных данных и (или) необходима для реализации этих целей. Личные данные могут передаваться на территорию государства, не обеспечивающего удовлетворительный уровень защиты, только с разрешения уполномоченного органа (Агентство по защите персональных данных Министерства юстиции Республики Армения), если личные данные передаются на основании договора и договором предусмотрены гарантии защиты личных данных, утвержденные уполномоченным органом как обеспечивающие удовлетворительную защиту [7].

Установлено, что личные данные могут быть переданы другому государству без разрешения уполномоченного органа, если в этом государстве обеспечен удовлетворительный уровень защиты личных данных. Удовлетворительный уровень защиты личных данных считается обеспеченным, если:

1) личные данные передаются в соответствии с международными договорами;

2) личные данные передаются какой-либо стране, включенной в официально опубликованный уполномоченным органом список.

В такой перечень изначально вошло 50 стран, которые были включены в данный перечень по 3 основным критериям:

— государство ратифицировало Конвенцию Совета Европы № 108 или иной сопоставимый многосторонний международный договор о защите персональных данных,

— в государстве действует закон о защите персональных данных,

— в государстве имеется государственный уполномоченный орган по защите персональных данных [8].

Таким образом, даже приведенные примеры демонстрируют отсутствие единых подходов к трансграничной передаче персональных данных в ЕАЭС. На данный момент государства не установили какие-либо совместные механизмы и правила в данной сфере. С учетом того значения, которые имеют персональные данные для развития современных экономик, представляется, что отсутствие соответствующего регулирования существенного снижает возможности по свободному движению товаров и услуг между государствами, так как необходимо учитывать наличие разных подходов, сложившихся в регулировании. Как следствие, необходима активизация усилий по данному направлению с тем, чтобы создать понятные, единые правила обработки и трансграничной передачи данных. При этом следует соблюсти баланс в том, чтобы такие требования на уровне ЕАЭС не препятствовали экономическому развитию и сотрудничеству, но тем не менее защищали в полной мере права и законные интересы граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ЕЭК: Вопросы и ответы [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/eec_quest.aspx. — Дата доступа: 16.08.2022.
2. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 окт. 2017 г. № 12 [Электронный ресурс] // Гарант. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71708158/>. — Дата доступа: 08.06.2022.
3. Об утверждении перечня иностранных государств, не являющихся сторонами Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных и обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных (с изменениями на 14 сен. 2021 г.): приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 15 марта 2013 г. № 274 (с изм. от 14 сентября 2021 г. № 183) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/499010045>. — Дата доступа: 08.06.2022.
4. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/N12100099_1620939600.pdf. — Дата доступа: 08.06.2022.
5. О трансграничной передаче персональных данных: приказ директора Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь от 15 нояб. 2021 г. № 14 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2021/november/67394/>. — Дата доступа: 08.06.2022

6. Таблица подписей и ратификации договора 108 [Электронный ресурс] // Совет Европы. — Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatynum=108>. — Дата доступа: 08.06.2022.

7. О защите личных данных: Закон Респ. Армения от 18 мая 2015 г. [Электронный ресурс] // Правовая информационная система Армении. — Режим доступа: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=114851>. — Дата доступа: 07.06.2022.

8. Установлен список стран, обеспечивающих достаточный уровень защиты персональных данных [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Армения — 17.02.2017. — Режим доступа: <https://www.moj.am/ru/article/1731>. — Дата доступа: 07.06.2022.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КОДИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ»

О РОЛИ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Н. Ю. Газдюк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: gaz.82@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению вопроса о современных подходах к пониманию и значению такой категории как «иностраннный элемент», сложившихся в современном международном частном праве.

Ключевые слова: иностраннный элемент; международное частное право; коллизионное регулирование.

ON THE ROLE OF A FOREIGN ELEMENT IN MODERN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

N. Yu. Gazdyuk

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: gaz.82@mail.ru*

The article is devoted to the consideration of the issue of modern approaches to the understanding and meaning of such a category as «foreign element» that have developed in modern private international law.

Keywords: foreign element; private international law; conflict of laws.

Вопрос об «иностранном элементе» в отечественной и зарубежной доктрине, как правило, рассматривается в контексте предмета международного частного права, т. е. с целью подчеркнуть, что благодаря его наличию частноправовое отношение приобретает «новое сущностное качество, порождая потребность в иных методах и способах правового регулирования» [1, с. 11]. Вместе с тем, в последнее время в работах по МЧП все больше внимания уделяется правоприменительному аспекту, в контексте которого установление «иностранного элемента» рассматривается как одна из стадий правовой квалификации в МЧП («предварительная квалификация»), которая предшествует квалификации общественных отношений по существу и осуществляется до начала определения применимого права [2, с. 18; 3, с. 146]. Как образно отмечает М.В. Мажорина, в результате квалификации на данной стадии перед правоприменительным органом открывается или закрывается дверь в МЧП [3, с. 146].

Несмотря на значимость рассматриваемой категории для МЧП как отрасли права и науки, а также для правоприменения, само понятие «иностранный элемент» является довольно дискуссионным и многими учеными подвергается критическому осмыслению. Так, дискуссии ведутся по вопросу о наименовании данного понятия («иностранный элемент», «иностранные характеристики» (И. В. Гетьман-Павлова), «внешний элемент» (А. О. Иншакова), «заграничный элемент» (А. М. Айкянц) и др.); о корректности выделения данной категории с точки зрения сложившегося в общей теории права учения о структуре правоотношения; о факторах, которые могут рассматриваться в качестве «иностранных элементов», и даже о необходимости выделения иностранного элемента как такового. Некоторые ученые даже предлагают отказаться от использования данной категории и для целей МЧП использовать критерий «связи отношения с правом иностранного государства» [4, с. 45; 5, с. 6]. Следует отметить, что данная точка зрения нашла отражение в некоторых современных зарубежных кодификациях по МЧП (в частности, Болгария, Польша, Грузия). Таким образом, можно согласиться с утверждением о том, что «иностранный элемент» — это достаточно условное понятие, которое введено в терминологию МЧП для обозначения международного характера отношений. Этот термин показывает, что отношения затрагивают как с точки зрения интереса, так и с точки зрения пространственно-территориальной сферы, юрисдикцию как минимум двух государств, а именно: правовую систему государства, где рассматривается спор, и правовую систему, к которой принадлежит иностранный элемент [6, с. 64].

Что касается белорусской правовой системы, то с учетом формулировок ст. 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З (далее — ГК) и ст. 318 Кодекса торгового мореплавания Республики Беларусь от 15 ноября 1999 г. № 321-З (далее — КТМ) следует признать, что «иностранный элемент» имеет не только теоретическое, но и нормативно-правовое значение.

В настоящей работе хотелось бы отметить следующие практические аспекты «иностранный элемент».

1. Коллизионный аспект означает, что: 1) возникает проблема выбора права одного из государств, нормы которого должны регулировать рассматриваемое общественное отношение; 2) у сторон рассматриваемого общественного отношения появляется возможность своим волеизъявлением подчинить данное отношение любому правопорядку, который они сочтут необходимым, либо урегулировать его в соответствии в обычаями между-

народного делового оборота (*lex mercatoria*) (если, конечно, право *lex fori* допускает применение *lex voluntatis* к подобного рода отношениям).

Традиционно в науке МЧП принято выделять три формы «иностранных элементов»: субъект, объект, юридический факт, имевший место за границей. Несмотря на то, что данная концепция приобрела статус доктринальной, в научной литературе неоднократно высказывается обоснованное критическое отношение к такому упрощенному подходу и указывается, что выделение трех форм «инострannого элемента» не исчерпывает всего многообразия случаев его проявления. Полагаем, что данный вывод подтверждается и законодательством Республики Беларусь (п. 1 ст. 1093 ГК, ст. 318 КТМ), которое закрепляет неисчерпывающий перечень форм, в которых могут найти свое проявление «иностранные элементы».

В связи с неисчерпывающим перечнем форм проявления «инострannого элемента» в науке и правоприменительной практике возникает вопрос, достаточно ли для постановки коллизионного вопроса наличия любого «инострannого элемента», либо иностранный элемент должен отвечать определенным критериям релевантности (существенности, относимости)? В доктрине сформировалось два основных подхода к решению данного вопроса [7].

Коллизионный (или юридический) подход исходит из того, что для правоприменения релевантнй (существенный) характер имеют лишь те критерии, которые указаны в привязке коллизионной нормы. Данный подход имеет неоспоримые преимущества: обеспечивает определенность и предсказуемость правового регулирования; гарантирует применение судом коллизионной нормы; во многих случаях исключает необходимость поиска «инострannого элемента», поскольку, как справедливо отмечает А. В. Асосков, «... коллизионное регулирование чисто внутренних отношений, с одной стороны, и отношений с незначительными (нерелевантными) иностранными элементами, с другой стороны, ничем не будет различаться: в обоих случаях применение коллизионных норм будет давать одинаковый правовой результат (как правило, применение права суда)» [7].

Вместе с тем, очевидно, что использование коллизионного (юридического) подхода к отношениям, к которым законодатель допускает определение применимого права на основе *lex voluntatis*, проблематично.

В этой связи представители **функционального (или экономического)** подхода полагают необходимым не столько обращать внимание на формальное наличие того или иного ло-

кализованного за рубежом элемента, сколько оценивать связь контракта с областью международной торговли и оказания услуг [7]. В качестве примера функционального подхода можно привести, пункт 1 статьи 1 регламента (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам, («Рим I») и пункт 1 статьи 1 регламента (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам от 11 июля 2007 г. («Рим II»), согласно которым данные Регламенты применяются «в ситуациях, содержащих конфликт законов» («*in situations involving a conflict of laws*»). Как отмечают комментаторы регламента Рим I, это означает, что регламент применяется к договорным отношениям, связанным с более чем одной правовой системой [8, р. 64]. Приверженцами функционального подхода являются и авторы Гаагских принципов о выборе применимого права к международным коммерческим договорам (2015 г.), которые определили, что коммерческий договор является международным, кроме как в тех случаях, когда предпринятия каждой из сторон находятся в одном и том же государстве и взаимоотношения между сторонами и всеми другими соответствующими элементами, независимо от выбранного права, связаны только лишь с этим государством (п. 2 ст. 1).

В качестве основного недостатка функционального подхода указывается на то, что он привносит в правовое регулирование элемент неопределенности и непредсказуемости. Для нивелирования данных факторов в литературе предлагают использовать разные критерии релевантности «иностранныго элемента» (принципа наиболее тесной связи [7], существенности (значимости) публичных интересов, связанных с тем или иным территориальным контактом [9, с. 175] и др.). Вместе с тем, представляется, что все предлагаемые авторами критерии также носят довольно оценочный характер, что не удивительно, поскольку, как справедливо отмечает французский юрист Ж.-Л. Бержелль, «право не может обойтись без этих эластичных концептов, потому что оно институировано для подчинения живой материи некоему порядку и, соответственно, должно воспроизводить пластичные формы реальной жизни...» [10, с. 350].

Представляется, что довольно удачный выход был найден разработчиками регламентов Рим I и Рим II, которые с одной стороны, не только не связывают возможность выбора сторонами применимого права с наличием какого-либо конкретного иностранного элемента, но и допускают такой выбор к «внутренним» отношениям; с другой стороны, чтобы не допустить искусственной интернализации сторонами правоотношения указывают, что

такой выбор не исключает применение сверхимперативных и внутренних императивных норм государства, в котором «на момент данного выбора находились все остальные элементы ситуации» (п. 3 ст. 3 регламента Рим I; п. 2 ст. 14 регламента Рим II).

В белорусском праве удалось найти единственный пример, когда законодатель прямо предоставляет сторонам «внутренне-го» отношения возможность избрать иностранное применимое право. Так, если сторонами акционерного соглашения (договора) об осуществлении прав участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью являются одновременно все участники резидента Парка высоких технологий, а также резидент Парка высоких технологий, являющийся хозяйственным обществом, то такое соглашение может содержать условие о применении к нему иностранного права вне зависимости от наличия иностранного элемента в сделке (в том числе от гражданства (места жительства) физических лиц или места учреждения (регистрации, места деятельности) юридических лиц) (ч. 2 п. 22 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»).

Вместе с тем, полагаем, что если дело касается отношений, в которых допускаются договорные конструкции и свобода договора в материально-правовом смысле (абз. 7 ч. 2 и ч. 3 ст. 2 и ст. 391 ГК), то стороны вправе инкорпорировать в договор положения иностранного права или норм *lex mercatoria*, при условии, что данные положения не противоречат императивным норм национального белорусского права. Вместе с тем, такой выбор по своей правовой природе не будет являться проявлением коллизионного принципа автономии воли по смыслу МЧП (п. 2 ст. 1093, ст. 1124 ГК), т. е. будет носить не коллизионный, а материально-правовой характер.

Вместе с тем, представляется целесообразным в ходе реформирования белорусского законодательства закрепить подход, который отражен в пункте 3 статьи 3 регламента Рим I; пункте 2 статьи 14 регламента Рим II.

II. Процессуальный аспект предполагает, что благодаря наличию «иностранного элемента» в правоотношении его стороны не ограничены рамками национальной судебной юрисдикции и имеют возможность передать споры, вытекающие из данного правоотношения на рассмотрение иностранного суда или иностранного международного арбитражного суда.

Вопрос о допустимости передачи «внутренних» споров на рассмотрение иностранных юрисдикционных органов является дискуссионным [11]. В Беларуси нормативное закрепление получило положение, что действующее законодательство не предоставляет

право сторонам, местонахождение или местожительство которых находится в Республике Беларусь, заключать арбитражное соглашение (арбитражную оговорку) об избрании для рассмотрения спора иностранного, в том числе иностранного международного арбитражного (третейского) суда, а наличие в договоре такого соглашения между указанными сторонами недействительно в силу распространения юрисдикции экономических судов на всю территорию Республики Беларусь. Постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2005 г. № 34 «О подведомственности споров после уступки требования или перевода долга»). В случае принятия решений иностранными судами и иностранными арбитражными судами по спорам, сторонами в которых являются только лица, местонахождение или местожительство которых находится в Республике Беларусь, в признании и приведении в исполнение на территории Республики Беларусь этих решений должно быть отказано в связи с отнесением споров в силу закона к компетенции хозяйственных судов на основании противоречия публичному порядку Республики Беларусь. При отказе в признании и исполнении в Республике Беларусь указанных решений экономические суды должны руководствоваться статьей 248 ХПК, а также подпунктом *b* пункта 2 статьи V Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключенной в Нью-Йорке 10 июня 1958 г. (п. 6 Постановления № 34).

Исключение из данного правила сделано только для споров из акционерных соглашений (договоров) об осуществлении прав участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, сторонами которых являются одновременно все участники резидента ПВТ и резидент ПВТ, являющийся хозяйственным обществом. Такие споры могут быть переданы по соглашению сторон этих сделок на рассмотрение иностранных судов или арбитражей (третейских судов) вне зависимости от гражданства (места жительства) физических лиц или места учреждения (регистрации, места деятельности) юридических лиц, являющихся такими сторонами (ч. 3 п. 22 Декрета № 8).

Представляется, что такой подход существенно ограничивает права белорусских граждан и юридических лиц по сравнению с правами иностранцев на доступ к белорусскому правосудию, которым белорусское законодательство предоставляет право обращаться в белорусские экономические суды не только в случаях, если ответчик находится или проживает на территории Республики Беларусь, но и в иных случаях (на территории Республики Беларусь находится имущество ответчика; орган управления, филиал или представительство иностранного лица находятся на

территории Республики Беларусь; спор возник из договора, по которому исполнение должно иметь место или имело место на территории Республики Беларусь; требование возникло из причинения вреда имуществу действием или иным обстоятельством, имевшими место на территории Республики Беларусь, либо при наступлении вреда на территории Республики Беларусь; спор возник из неосновательного обогащения, имевшего место на территории Республики Беларусь; в иных случаях при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией Республики Беларусь (ст. 235 ХПК). Причем как разъяснено в части 2 пункта 8 Постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31.10.2011 № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» при наличии оснований, установленных статьями 235, 236 ХПК, к компетенции хозяйственных судов относится рассмотрение дел и в том случае, когда обе стороны являются иностранными лицами.

Проставляется, что белорусский законодатель должен обеспечить отечественным субъектам такие же права на доступ к иностранному правосудию, как предоставил иностранным — к белорусскому. В противном случае, нарушается принцип равенства, что является недопустимым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международное частное право: учебник / Отв. ред. Г. К. Дмитриева. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. — 2-е изд., перераб. и доп. — 688 с.
2. Бирюкова, Н. С. Проблема правовой квалификации в международном частном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. С. Бирюкова. — М., 2007. — 176 с.
3. Мажорина, М. В. Трансграничные договорные обязательства: проблема правовой классификации / М. В. Мажорина // Право: журн. Высш. школы экономики. — 2016. — № 2. — С. 143—159.
4. Ануфриева, Л. П. Некоторые проблемы нового российского регулирования по международному частному праву / Л. П. Ануфриева // Журнал российского права. — 2003. — № 3. — С. 37—46.
5. Колобов, Р. Ю. Основы построения и функционирования международного частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р. Ю. Колобов. — Иркутск, 2006. — 26 с.
6. Морева, Р. Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р. Б. Морева. — М., 2007. — 241 с.
7. Асосков, А.В. Трансграничные и внутренние контракты: пределы автономии воли сторон при выборе применимого права [Электронный ресурс] / А. В. Асосков // Вестн. гражданского права. — 2011. — № 4 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — М., 2022.

8. Garcimartín, A. F. J. The Rome I Regulation: Much ado about nothing? / A. F. J. Garcimartín // The European Legal Forum. — 2008. — N 2. — P. 61—80.

9. Шулаков, А. А. Разграничение внутренних и трансграничных правоотношений / А. А. Шулаков // Актуальные проблемы рос. права. — 2018. — № 8. — С. 171 — 180.

10. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права / Пер. с фр. Г. В. Чуршукова; под общ. ред. В. И. Даниленко. — М.: NOTA VENE, 2000. — 576 с.

11. Асосков, А. В. Допустимо ли передавать чисто внутренние споры без иностранного элемента на разрешение иностранного арбитража? / А. В. Асосков // Закон. — 2017. — № 8 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». — М., 2022.

ПОСТГЛАСАТАРЫ І ГУМАНІСТЫ ЯК ПАЧЫНАЛЬНІКІ КАДЫФІКАЦЫЙНАГА РУХУ ў КРАІНАХ КАНТЫНЕНТАЛЬНАЙ ЕўРОПЫ

Г. В. Дзёрбіна

*Цэнтр даследванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
вул. Сурганава, 1/2, 220072, Мінск, Беларусь*

Разглядаюцца фактары, якія вызначылі падставы кадфікацыі права стран кантынентальнай Еўропы XV—XVI стст., у тым ліку Вялікага Княства Літоўскага, на аснове новай канцэпцыі рэнесанснай юрыспрудэнцыі, заснаванай на дактрыне і метадалогіі школ постгласатараў і гуманістаў. Аналізуецца ўнёсак у навуку і практыку Б. Сассафэрата і яго паслядоўніка і прыхільніка гуманістычнай школы П. Раізія, іспанскага юрыста, удзельніка кадфікацыі права і развіцці прававой культуры ВКЛ. На аснове аналізу трактата П. Раізія «Decisiones Petri Royzii Aurei, Alcagnicen Regii juriconsulti, de rebus in sacro auditorio Lituano et appellatione iudicatis» і норм Статута ВКЛ 1588 г. вызначаецца ўплыў школы на кадфікацыю права і прававую культуру ВКЛ.

Ключавыя словы: кадфікацыя; постгласатары; гуманісты; ВКЛ; рэнесансая юрыспрудэнцыя; кантынентальная Еўропа.

POST-GLOSSATORS AND HUMANISTS AS INITIATORS OF THE CODIFICATION MOVEMENT IN THE COUNTRIES OF CONTINENTAL EUROPE

H. V. Dzerbina

*Center for Studies of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova str., 1/2, 220072, Minsk, Belarus*

The factors that determined the foundations of the codification of the law of the countries of continental Europe of the XV—XVI centuries, including the Grand Duchy of Lithuania, are considered on the basis of a new concept of Renaissance jurisprudence based on the doctrine and methodology of the schools of post-glossators and humanists. The contribution to science and practice of B. Sassoferrato and his

follower and representative of the humanistic school P. Roisii, a Spanish lawyer, a participant in the codification of law and the development of the legal culture of the Grand Duchy of Lithuania, is analyzed. On the basis of the analysis of the treatise by P. Roisius «Decisiones Petri Royzii Aurei, Alcagnicen Regii juriconsulti, de rebus in sacro auditorio Lituano et appellatione judicatis» and the norms of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588, the influence of schools on the codification of law and the legal culture of the Grand Duchy of Lithuania is determined.

Keywords: *codification; post-glossators; humanists; GDL; Renaissance jurisprudence; continental Europe.*

Сучасныя пошукі глабальнай культуры, глабальнай тэхналогіі, глабальнай эканомікі, глабальнага права надаюць важнасць універсальным з’явам і фактарам, якія змяняюць традыцыйную перыядызацыю гісторыі, культуры, права. Пашыраецца погляд на агульныя карані кантынентальнай прававой сістэмы, аснова якой мае агульную тэрміналогію, агульныя прынцыпы і агульныя каштоўнасці, і разглядаецца як частка і матэрыяльная структура грамадства, якая сфарміравала падмурак сучаснага права [1, с. 9, 13, 282, 505].

Актуальнасць фарміравання глабальнага права надае значную ўвагу аксіалагічным праблемам, даследаванню каштоўнасцей, дактрыны і метадалогіі, на якіх сфарміравалася права і заканадаўства Рэнесансу як аснова сучаснага права, якое мае праблемы пошуку далейшага развіцця.

Школа постгласатараў адыграла значную ролю ў фарміраванні фундаментальнай асновы навукі права, кадыфікацыі права ў дзяржавах кантынентальнай Еўропы XIV—XVI стст. і развіцці міжнароднага права. Школа права постгласатараў, якая прыйшла на змену гласатарам у XIII—XIV стст., на падставе распрацоўкі сваёй дактрыны і метадалогіі аб’яднала тэорыю і практыку для ўжывання рымскага права для патрэб феадальнага грамадства і новых буржуазных пачаткаў жыцця сярэднявечных гарадоў, уплывала на фарміраванне заканадаўства і судовай практыкі еўрапейскіх краін XIV—XVII стст., падрыхтавала і ўзначаліла кадыфікацыю права ў дзяржавах кантынентальнай Еўропы, ў тым ліку ў Вялікім Княстве Літоўскім (ВКЛ).

Найбольш вядомы прадстаўнік школы постгласатараў Бартала Сівера да Сасаферата (*Bartolo da Sassoferrato*, 1314—1357 гг.), вучань знакамітага Чына дэ Пістойя, узначальваў аўтарытэтную Балонскую школу права постгласатараў і вызначыў сабой цэлую эпоху ў гісторыі права Еўропы, яго творчая спадчына XIV ст. мае сучаснае значэнне.

Знакаміты постгласатар разглядаецца заснавальнікам сучаснага міжнароднага прыватнага права, які распрацаваў і тэрэтычна абгрунтаваў калізіённы метада міжнароднага прыватна-

га права ў тэорыі статутаў. Сутнасць тэорыі складаюць рашэнні калізіійных пытанняў на аснове вылучэння юрыстам рэальных і персанальных статутаў, калізіійныя нормы выводзіліся ад паняцця статута. Бартала выкарыстаў наступны метада: падзяліў праваадносіны на элементы і для кожнага элемента шукаў цесную прывязку да дакладнай тэрыторыі, ен першым стаў шукаць прынцыпы, якія можна пакласці у аснову разрашэння калізіій. На падставе работ Бартала поўная тэорыя статутаў была дапрацавана французскімі юрыстамі ў XVI ст. — Шарлем Дюмуленам і Д'Аржантрэ, дамінавала ў навукі міжнароднага прыватнага права да сярэдзіны XIX ст.

У той жа час асоба выбітнага юрыста была значна больш шматграннай. Знакаміты юрыст не толькі працаваў над праблемамі прыватнага права, але яго працы мелі значны ўплыў на развіццё палітыка-прававой думкі да XVII ст. Бартала працаваў па праблемах удасканалення кіравання дзяржавай, правоў асобы і меж публічнай улады, склаў тэарэтычныя асновы інстытута міжнароднай правасуб'ектнасці, права вайны. Асаблівае месца ў гісторыі еўрапейскай палітычнай думкі займаюць яго працы аб лепшых формах праўлення і іншых пытаннях публічнага права «*Tractatus represaliarum*», «*Tractatus de Regimine*», «*Civitatis*», «*Tractatus de Guelphist Gebellinis*»). Адною з папулярных работ у дадзеным аспекце быў трактат «Да тырана» («*De tyranno*»), дзе ўпершыню была юрыдычна разгледжана прырода тыраніі і дзяржаўнасці ў аспекце права.

Аднак найбольш вядомымі у гісторыі права з'яўляюцца кнігі каментараў Бартала да асноўных палажэннях кадыфікацыі Юстыніяна (*Corpus juris civilis*) і навуковыя трактаты па публічнаму, прыватнаму, крымінальнаму і працэсуальнаму праву, таму што па словах К. Ф. Савін'і ен быў юрыстам, а не філосафам.

Школа постгласатараў карысталася схаластычным метадам, які меў форму аналізу і сінтэзу, на аснове якіх з дапамогай дыялектыкі выпрацоўвала сістэма назапашанага матэрыялу. Распрацоўваліся універсальныя паняцці і метадам дэдукцыі вызначаліся высновы прыватнага характару, на аснове экзегезы фарміравалася сістэматычная апрацоўка матэрыялу, выпрацоўваліся агульныя нормы і прынцыпы, выяўлення іх адпаведнасці натуральнаму праву і на іх аснове выводзіліся прыватныя палажэнні.

Працы Бартала, як і увогуле школы постгласатараў, адыгралі значную ролю ў развіцці юрыдычнай навукі і практыкі, заканадаўства і палітычнай думкі ВКЛ. Звязаны такі ўплыў не толькі з сістэмай падрыхтоўкі юрыстаў Княства ў замежных

універсітэтах. Юрыспрудэнцыі ў XVI ст. надавалася вялікая ўвага. Ў ВКЛ была заснавана Святаянская школа права пры касцэле св. Яна ў Вільні, якую ўзначаліваў П. Раізіў [2. с. 49—53]. У бібліятэкі Вялікага князя і караля Жыгімонта Аўгуста меліся дзевяць работ Бартала да Сасаферата (з 359 выбраных юрыдычных кніг), якія ў гэты час шмат разоў перавыдаваліся.

Найбольш аўтарытэтным паслядоўнікам Бартала ў ВКЛ з’яўляўся прадстаўнік гуманістычнай школы права доктар рымскага і кананічнага права П. Раізіў. П. Раізіў (*Pedro Ruiz de Moroz*, 1506—1571 гг.) займае асобае месца ў развіцці прававой культуры ВКЛ, у сваёй асобе ён спалучаў выдатнага юрыста-навукоўца эпохі Рэнэсансу, арганізатара юрыдычнай адукацыі і выкладчыка, высокапрафесійнага юрыста-практыка. На падставе судовай практыкі ВКЛ ў 1563 г. ім была наісана яго тэарэтычная праца «Рашэнні П. Раізія, каралеўскага юрысконсульта, па справах, якія слухаліся ў вышэйшым апеляцыйным судзе Вялікага Княства Літоўскага», ў якой аўтар ўжываў шмат спасылак на Б. Сасаферата. П. Раізіў браў актыўны ўдзел у кадыфікацыі права ВКЛ, працаваў у статутнай камісіі пры падрыхтоўкі Статута ВКЛ 1566, пачатку працы над Статутам 1588 г.

Статуты ВКЛ 1529, 1566 і 1588 гг. разглядаюцца даследчыкамі гісторыі еўрапейскага права, найперш Ю. Бардахам і В. Мацееўкім, як заканадаўства з найбольш выразным рэнэсансавым характарам [3. с. 22—26, 42]. Юрыспрудэнцыя Рэнэсансу, адным з лепшых прадстаўнікоў якой быў П. Раізіў, сфарміравалася пад моцным уплывам агульнай культуры Рэнэсансу з яе класічнай антычнай асновай, вяртаннем да крыніц рымскага права і запазычэння рымскага вопыту, кадыфікацыі права на падставе новай канцэпцыі гуманістычнай школы права.

Ю. Бардах адзначае рэнэсансны характар Статутаў ВКЛ праз уплывовую ролю антычнасці, рымскага права, гуманістычную, антрапацэнтрысцкую накіраванаць, рацыяналізацыю [3, с. 92—95]. Статут 1566 г. распрацоўваўся на лепшых ўзорах заканадаўчага вопыту іншых краін, найперш, на асноўных каштоўнасцях рымскай сістэмы права: ідэі кіравання грамадства правам, прынцыпа справядлівасці як пачатка роўнасці ўсіх перад законам і судом, замацаванні статуса свабоднай асобы, права прыватнай уласнасці, свабоды абарота маёмасці. Статут 1588 г. удаканаліў і пашырыў уплыў гуманістычнай школы на заканадаўства ВКЛ.

Ў Статут ВКЛ 1588 г. уключаны нормы калізіённага інтэрлакальнага права, што звязана з асобным статусам мешчан гарадоў на магдэбургскім праве, розным статусам сацыяльных груп грамадства, наўнасцю свецкай і царкоўнай юрысдыкцыі, статуса этнічных супольнасцей, аднак калізіённых норм

міждзяржаўнага права не ўключана. Магчыма вылучыць статусы рэальны, персанальны і смешаны. Да персанальных статусаў належыць статут аб правах і становішчы асобы — аб мяшчанах месца Віленскага, аб праве шляхты на недатыкальнасць у р. 3, артыкула 13, аб вольнасці выехання за мяжу ў р. 3 артыкула 16, аб мяшчанах у р. 3. артыкула 35 і інш. Да рэальных статусаў можна аднесці аб запісанні мужам вена жонцы ў р. 3 артыкула 41; аб выправе девок пасля смерці бацькі, аб спадках на сына і дачку ў р. 5 артыкула 14. Статус чужаземцаў у Статуце абмежаваны ў набыцці достоенств і вядов, аселасці і нерухомасці.

У трактаце «*Decisiones*» П. Раізіі сфармуляваў асноўныя прынцыпы канцэпцыі права гуманістычнай школы ўвогуле і шляхі ўдасканалення права і судовай сістэмы на прыкладзе судовай практыкі ВКЛ [4]. П. Раізіі абгрунтаваў неабходнасць роўнасці ўсіх перад законам, даводзіў, што дзяржава трымаецца на справядлівых законах і іх выканаўцах. Іспанскі юрыст зрабіў важкі ўклад і аказаў значны ўплыў на прававую культуру ВКЛ як вядомы прадстаўнік гуманістычнай школы права, якая сфарміравалася і мела значны ўплыў у XVI ст. у краінах кантынентальнай Еўропы, і адначасова прэзентаваў прававую культуру ВКЛ як арганічную частку рамана-германскай прававой сям'і.

БІБЛІАГРАФІЧНЫ СПІС

1. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман / Пер. с англ. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 592 с.
2. Лаппо, И. И. Литовский Статут 1588 года: в 2 т. Т.1, ч. 1 / И. И. Лаппо. — Каунас: Spindulio, 1934. — 570 с.
3. Bardach, J. Statuty Litewkie a prawo rzymskie. / J. Bardach. — Warszawa: OВТА, 1999. — 158 s.
4. *Decisiones Petri Royzii Aurei, Alcagnicen Regii juriconsulti, de rebus in sacro auditorio Lituanico et appellatione judicatis.* — Cracoviae, 1563. — 762 p.

ПРИВЕДЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СООТВЕТСТВИЕ С СИНГАПУРСКОЙ КОНВЕНЦИЕЙ О МЕДИАЦИИ

Д. А. Залесский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: zalless333@gmail.com*

В настоящей статье автором проанализировано действующее законодательство Республики Беларусь о приведении в исполнение международных медиативных соглашений, заключенных в процедуре медиации. На основании исследованного автором сделан вывод о наличии в законодательстве Республики Беларусь в сравнении с Конвенцией Организации Объединенных наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации, огра-

ничений приведения в исполнение медиативных соглашений в зависимости от объема полномочий, которыми сторонами наделяется медиатор. Автором также сделан вывод о судебной практике приведения в исполнение международных медиативных соглашений как об источнике, отсутствие которого в настоящее время не позволяет установить степень таких ограничений.

Ключевые слова: медиация; приведение в исполнение; полномочия медиатора; медиативное соглашение; международное медиативное соглашение.

HARMONIZATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN ACCORDANCE WITH SINGAPORE CONVENTION ON MEDIATION

D. A. Zalesskiy

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: zaless333@gmail.com

In the article below, the author analyzes the current legislation of the Republic of Belarus on the enforcement of international mediation agreements concluded in the mediation procedure. Based on the research, the author concludes that the legislation of the Republic of Belarus, in comparison with Singapore convention on mediation, has restrictions on the enforcement of mediation agreements, depending on the scope of powers provided for mediator by the parties. The author also concludes that the absence of judicial practice as a source of law enforcement practice does not allow to establish the degree of such restrictions.

Keywords: *mediation; enforcement; powers of the mediator; mediation agreement; international mediation agreement.*

Медиация является внесудебным способом разрешения, призванным предоставить его сторонам возможность при участии посредника, иначе говоря, медиатора, самостоятельно разрешить возникший между ними спор, изложив свои договоренности относительно его разрешения в соглашении, заключаемом по результатам проведения такой процедуры, именуемом медиативным соглашением. В сравнении с судебным разбирательством или арбитражем, где рассматривающий спор орган наделяется правом вынесения императивного предписания в виде решения, медиация позволяет сторонам самостоятельно, при участии посредника выработать взаимоприемлемый способ разрешения существующего спора. Указанное, в свою очередь, позволяет ее сторонам сохранить партнерские отношения, сэкономить временные и материальные ресурсы, а также разрешить спор в том порядке, в котором его разрешение видят стороны, а не в порядке, изложенном в решении органа, на разрешение которого передан спор [1].

Таким образом, медиация является не только эффективным, но и рациональным способом разрешения споров, возникающих между контрагентами, из чего следует высокий интерес к попу-

ляризации медиации не только на внутрисударственном, но и международном уровне, запрос на что, в свою очередь, обусловлен развитием международных коммерческих отношений.

Вместе с тем, обращаясь к медиации, стороны, несмотря на высокий процент добровольно исполняемых медиативных соглашений [2], все же нуждаются в гарантиях последующего принудительного исполнения медиативного соглашения, без чего медиация как процедура являлась бы не более, чем переговорами сторон, по результатам которых стороны заключают новое соглашение взамен ранее существовавших договоренностей, в случае нарушения которого снова необходимо разрешение спора, возникшего уже в связи с неисполнением такого нового соглашения.

Поскольку принудительное исполнение не может быть осуществлено без участия государственного органа, наделенного властными полномочиями в отношении субъектов, допустивших нарушение принятых на себя обязательств, постольку проблема приведения в исполнение медиативных соглашений в первую очередь подлежит разрешению на уровне национального права [3]. Вместе с тем в современном мире, где во взаимоотношения вступают субъекты различных национально-правовых систем, прослеживается также необходимость унификации положений национального права в соответствии с вновь создаваемыми нормами международного права с целью формирования единообразного, повсеместно распространенного подхода к приведению в исполнение медиативных соглашений.

В качестве примера такой унификации может быть указана Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Сингапур, 2019 г.) [4], положения которой регулируют, в том числе, процедуру приведения в исполнение международных медиативных соглашений, устанавливая требования применительно к возможности полагаться на мировые соглашения, а также основания для отказа в предоставлении помощи в части приведения в исполнение мировых соглашений.

Законом Республики Беларусь от 25 июня 2020 г. № 25-З «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации» [5], который вступил в силу 12 июля 2020 г., Республикой Беларусь была ратифицирована указанная конвенция, а Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 89-З «Об изменении законов по вопросам медиации» [6], который вступил в силу 15 января 2021 г., законодательство Республики Беларусь было приведено в соответствие с положениями конвенции.

В частности, Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-З «О медиации» [7] (далее — Закон о медиации) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [8] (далее — ХПК) были дополнены положениями, позволяющими привести в исполнение не только медиативное соглашение в прежнем его понимании законодательством Республики Беларусь, но и международное медиативное соглашение, являющееся таковым по смыслу Сингапурской конвенции, что безусловно повысит привлекательность медиации как способа разрешения споров в Республике Беларусь и в спорах, одним или несколькими субъектами которых являются контрагенты, подъяюрисдикционные Республике Беларусь.

Вместе с тем, особое внимание представляется уместным обратить на сферу действия Сингапурской конвенции, сравнив ее с положениями законодательства Республики Беларусь, направленными на приведение его в соответствие с Сингапурской конвенцией.

Согласно пункту 3 статьи 2 Сингапурской конвенции медиация означает процедуру, независимо от того, как она именуется, и от основы, на которой она проводится, посредством которой стороны пытаются достичь дружественного урегулирования своего спора при содействии третьего лица или лиц («медиатор»), **не обладающих полномочиями предписывать сторонам разрешение спора.** Иными словами, под медиацией для целей Сингапурской конвенции понимается процедура, при которой конечное решение относительно порядка разрешения спора принадлежит при участии посредника самим сторонам спора, путем изложения его в медиативном соглашении.

В свою очередь пунктом 1 статьи 15-1 Закона о медиации предусмотрено, что международным медиативным соглашением является соглашение, заключенное в результате процедуры, посредством которой стороны достигают урегулирования спора при участии третьего лица (лиц), **не обладающего полномочиями предлагать сторонам конкретные варианты разрешения спора** вне зависимости от конкретного наименования названных процедур и лиц, при соблюдении условий, изложенных в пункте 1 статьи 15-1 Закона о медиации.

Сравнивая приведенные выше положения Сингапурской конвенции и Закона о медиации уместно сделать вывод, что законодательство Республики Беларусь существенно сужает сферу действия Сингапурской конвенции. Законодательство Республики Беларусь ставит возможность приведения в исполнение международного медиативного соглашения в прямую зависимость от правил проведения медиации, избранных сторонами, а точнее в

зависимость от наличия или отсутствия у медиатора, при участии которого заключено международное медиативное соглашение, права предлагать сторонам варианты разрешения спора, при том, что Сингапурская конвенция не считает медиацией только ту процедуру, где содействующее разрешению спора третье лицо наделено императивным правом предписывать сторонам вариант разрешения спора.

Указанный вывод обусловлен терминологической неопределенностью в отношении процедуры медиации и согласительного урегулирования, где в узком смысле понимается, что медиатор в процедуре медиации не наделен правом предлагать собственные варианты разрешения спора, а посредник в согласительной процедуре, напротив, обладает таким правом [9]. Тем не менее, не принято во внимание, что Сингапурская конвенция, определяя в приведенном выше пункте 3 статьи 2 медиацию как процедуру, независимо от того, как она именуется, и от основы, на которой она проводится, делает упор на то, что медиацией является любая процедура, посредством которой стороны пытаются достичь дружественного урегулирования своего спора при содействии третьего лица, вне зависимости от объема прав такого лица в самой процедуре, за исключением надления его властными полномочиями на предписание порядка разрешения спора, что уже делает такую процедуру не медиацией, а арбитражем в широком понимании этого термина.

Ввиду указанного стороны, наделившие посредника правом не предписывать, а предлагать способы разрешения спора, с которыми стороны вправе согласиться или не согласиться, могут столкнуться с невозможностью последующего приведения в исполнение медиативного соглашения, заключенного по результатам такой процедуры, что, в свою очередь лишает стороны такой процедуры гарантий исполнения достигнутых договоренностей.

Причиной изложения понятия медиативного соглашения в Законе о медиации именно в такой редакции может являться наличие в соответствии с Правилами проведения медиации, утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.12.2013 г. № 1150, запрета медиатору высказывать по своей инициативе сторонам конкретные предложения по выходу из сложившейся спорной ситуации. Вместе с тем, ввиду того, что международное медиативное соглашение для целей его последующего приведения в исполнение уже отделено от медиативного соглашения, заключаемого на национальном уровне, представляется, что ограничение свободы полномочий медиатора в случае, когда речь идет о международной медиации, не является обязательным.

На основании изложенного, уместно сделать вывод о том, что запрос международного сообщества на унификацию порядка приведения в исполнение международных медиативных соглашений находит свое отражение как в положениях международного права, так и национального законодательства государства, признающих значимость и перспективность медиации как способа разрешения споров, в числе которых также и Республика Беларусь. Вместе с тем, в Республике Беларусь возможность приведения в исполнение медиативного соглашения, вопреки положениям Сингапурской конвенции, поставлена в зависимость от полномочий, которыми стороны спора наделили медиатора, а именно наличия или отсутствия у него права предлагать сторонам конкретные варианты разрешения спора. Указанное, в свою очередь, уменьшает количество международных медиативных соглашений, которые могли бы быть приведены в исполнение в Республике Беларусь, а также открывает для недобросовестных участников медиативного соглашения пути препятствования принудительному исполнению достигнутых в рамках медиации договоренностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. The benefits of mediation [Electronic resource] // Lynn and Brown Lawyers. — Mode of access: <https://www.lynnandbrown.com.au/the-benefits-of-mediation/>. — Date of access: 14.09.2022.
2. О медиации [Электронный ресурс] // Центр медиации и переговоров. — Режим доступа: <https://mediators.pro/o-mediatsii>. — Дата доступа: 14.09.2022.
3. Chua, E. Enforcement of international mediated settlement agreements in Asia — a path towards convergence / E. Chua [Electronic resource] // Asian International Arbitration Journal. — 2019. — Vol. 15, N 1. — Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3458725. — Date of access: 14.09.2022.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Нью-Йорк, 2018 год) («Сингапурская конвенция о медиации») от 20 дек. 2018 г. [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. — Режим доступа: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements. — Дата доступа: 14.09.2022.
5. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации: Закон Респ. Беларусь от 25 июня 2020 г. № 25-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&po=N1200025&pr1=1>. — Дата доступа: 14.09.2022.
6. Об изменении законов по вопросам медиации: Закон Респ. Беларусь от 6 янв. 2021 г. № 89-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

тал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&po=H12100089&p1=1>. — Дата доступа: 14.09.2022.

7. О медиации: Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&po=h11300058>. — Дата доступа: 14.09.2022.

8. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 дек. 1998 г. № 219-З: принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 14 сент. 2022 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&po=hk9800219>. — Дата доступа: 14.09.2022.

9. What is conciliation? [Electronic resource] // Dispute Resolution. — Mode of access: <https://www.dispute-resolution-hamburg.com/conciliation/what-is-conciliation/>. — Date of access: 14.09.2022.

ПЕРЕСМОТР И МОДЕРНИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ: ПРИМЕР КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА ФРАНЦИИ

Е. Б. Леанович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь, e-mail: leanovich@bsu.by*

Вызовы современного мира обостряют проблему налаживания прозрачных и эффективных нормативных основ разрешения частноправовых отношений с иностранным элементом. Кодификационный процесс во Франции отсылает к достаточно долгой истории развития международного частного праве и соответственно позволяет оценить соотношение различных способов и средств, а также введение новелл коллизионного регулирования. На примере Франции выделены закономерности, которые целесообразно учитывать при кодификации международного частного права в Беларуси.

Ключевые слова: *международное частное право; кодификация; коллизионное регулирование; императивные нормы в международном частном праве; цифровизация; Франция.*

REVISION AND MODERNIZATION IN THE CONDITIONS OF NEW CHALLENGES: EXAMPLE OF CODIFICATION OF FRENCH PRIVATE INTERNATIONAL LAW

E. B. Leanovich

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: leanovich@bsu.by*

The challenges of the modern world increase the problem of establishing a transparent and effective regulatory framework for resolving private law relations with a foreign element. The codification process in France refers to a fairly long history of the development of private international law and, accordingly, allows to evaluate the ratio of various methods and means, as well as the introduction of new conflict

of laws rules. The regularities highlighted by adhering to the example of France are worth to be used in the course of codification of private international law in Belarus.

Keywords: *private international law; codification; conflict of laws; imperative norms in private international law; digitalization; France.*

Международное частное право в современных условиях сталкивается с многочисленными вызовами, которые требуют переосмысления концептуального видения коллизионных норм. Процессы цифровизации меняют динамику частноправовых отношений с иностранным элементом по широкому полю. Примечательно, что в доктрине, посвященной необходимости модернизации международного частного права в ответ на новые вызовы, в один ряд ставятся совершенно разные по виду отношения. Так, если ранее выделяли проблемы международного коммерческого оборота и соответственно вопросы *lex mercatoria*, международного коммерческого арбитража, электронной торговли, то теперь, они упоминаются наряду с отношениями между физическими лицами, которые традиционно освещались через проблемы коллизионного регулирования и соотношение различных подходов. Теперь для разных видов отношений в международном частном праве выделяют общую тенденцию обострения проблемы налаживания прозрачных и эффективных нормативных основ разрешения частноправовых отношений с иностранным элементом [1, с. 31]. Наша гипотеза состоит в том, что генеральным движущим фактором станет внесение четкости в построения алгоритма, которым руководствуется суд и другой орган, решающий коллизионный вопрос, с тем чтобы и обеспечить и закрытие пробелов коллизионного регулирования, и предотвратить размывание самого коллизионного вопроса, включая его непостановку, широту судебского усмотрения без ясных ориентиров и т. п.

Кодификация — процесс, в ходе которого нормы не просто объединяются в один акт, кодифицированный свод правил. Происходит пересмотр правового регулирования. Во Франции разработан проект Кодекса международного частного права. На примере этой страны весьма показателен процесс последовательного продвижения на пути от доктринальной разработки коллизионных правил до укрепления нормативного регулирования в отдельном правовом акте. Французская школа коллизионного права внесла значительный вклад в понимание, предназначения и механизмы этой сложной области юриспруденции. Правоведы, судьи, юристы-практики этой страны обосновали модели разрешения коллизионной проблемы, которые были восприняты в других странах и составили базис международного частного права: деление статутов на личные, реальные, смешанные,

автономия воли (Д'Аржантрэ), территориальный и экстерриториальный характер статутов (Ж. Буйе) [2]. Франция стала первой страной нормативного закрепления коллизионных норм в гражданском кодексе (Кодекс Наполеона 1804 г.). Вместе с тем, является одной из немногих европейских стран без кодификации норм в специальном нормативном правовом акте, несмотря на серьезную работу, которая проведена в конце 1940-х — начале 1950-х гг. [3, p. 722]. Данные обстоятельства не свидетельствуют о неудаче, скорее они подтверждают гипотезу об актуализации и, даже, об определенном обострении задачи прояснения цели и механизмов коллизионного регулирования. Фактически, но не нормативно, французское коллизионное право, как совокупность правил, существующих в форме общепринятых стандартов и обычных приемов разрешения коллизий, которые известны благодаря доктрине, прецедентам, является одним из самых развитых в мире. Наблюдая в настоящее время решительность, с которой продвигается процесс реализации довольно давнего замысла кодификации, мы имеем основание предположить, что именно обстоятельства, в которых происходит рассмотрение дол по частноправовым отношениям с иностранным элементом, не позволяют дольше сохранять ситуацию слабой и неопределенной нормативной базы коллизионного регулирования, даже при очень подготовленной профессиональной среде коллизионистов, судей, адвокатов. Одним из важных факторов, которые определяют такое положение вещей, является процесс цифровизации. ИКТ значительно облегчают реализацию свободы участников частноправовых отношений с иностранным элементом не только на выбор применимого права и компетентного органа, но на выбор юрисдикции, в рамках которой ни сформируют свои отношения, включая и опции мультиюрисдикционной среды интернета.

Французский гражданский кодекс содержит незначительное количество коллизионных норм, и они сложны в применении без опоры на многочисленные разъяснения в прецедентах [4, с. 156]. Без специальной юридической помощи в таких бывает разобрататься сложно и требует для начала прояснить границы выбора применимого права и планирование частноправовых отношений с иностранным элементом, поскольку большинство коллизионных и юрисдикционных проблем лежат в границах дозволенного поведения по императивным нормам.

Инициатива разработки проекта Кодекса международном частном праве Франции (далее — Проект) была озвучена в 2018 г. и в марте 2022 г. проект уже был готов. Данный документ включает шесть книг, в которых выделены общие положения, коллизионное регулирование по отдельным видам частноправовых

отношений (включая брачно-семейные, банкротства), а также вопросы коллизии юрисдикций.

Отметим некоторые конструкции Проекта, определяющие четкость в постановке и решении коллизионного вопроса. Закреплена обязанность суда поставить и решить коллизионные вопросы. Отметим, что в практике не редко встречаются ситуации, когда суд не исследует наличие иностранного элемента, даже несмотря на четкие указания на этот признак, запускающий применение коллизионных норм судом (см. например ст. 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Комментаторы отмечают, что введение такой нормы станет новеллой правового регулирования, поскольку во французской судебной практике получил распространение подход признавать за судом обязанность применять коллизионные нормы *ex officio* только в делах, когда стороны не могут отказаться от своих прав [5]. Пояснения к Проекту объясняют это целью последовательного следования принципу обязанности суда применять применимые правила. Таким образом, поддерживается равное обращение с делами с иностранным элементом и без такового.

Интересным и показательным в плане акцентирования внимания на активной позиции суда в разрешении частноправового спора с иностранным элементом в отношении механизма установления содержания иностранного права. Проект предусматривает несколько иной подход, чем то, который укрепился во французской практике. Хотя он схож с положениями статьи 1095 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Однако полагаться на схожесть не стоит, поскольку на практике суды склонны ограничиваться на документы, показания, заключения экспертов, которые предоставляют сторон, и уточнения, Проекте последовательно возвращают суд к осознанию того, что именно он играет главную роль, должен разобраться в иностранном праве и правильно его применить. В частности, предусмотрено, что содержание иностранного права исследуется судьей при содействии сторон и лично при необходимости. Если судья сочтет нужным, то организует очную ставку между лицами, представившими разные мнения или поручает провести соответствующие дебаты сторонам.

Разработчики проекта уже учли довольно обширную и показательную практику, оценили сложившийся обычный порядок и сформулировали правила, которые стремятся не допускать пассивную роль суда, который слишком быстро придет к выводу о достаточности действий сторон по установлению содержания иностранного права.

Положения Проекта отражают закономерность усиления роли коллизионного регулирования с тем, чтобы максимально

учет международный характер отношения и не допустить упрощение подхода при разрешении дела с иностранным элементом. Целесообразность учета французского опыта определяется тем, что императивный характер базовых правил коллизионного регулирования (в частности положений главы 74 Гражданского кодекса Республики Беларусь) и строго формальный подход к их применению сохраняют целостность международного отношения, иначе оно просто приспособится к правовой системе одного государства, где спор был рассмотрен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Засемкова, О. Ф. Международное частное право в XXI веке: современные вызовы и перспективы развития / О. Ф. Засемкова // *Lex Russica*. — 2019. — № 11 (156). — С. 30–36.
2. Гетьман-Павлова, И. В. Французская доктрина международного частного права в XVIII веке / И. В. Гетьман-Павлова // *Право. Журн. высш. шк. экономики*. — 2012. — № 2. — С. 26–56.
3. Delaume, R. D. A Codification of French Private International Law / R. D. Delaume // *The Canadian Bar Review*. — 1951. — Vol. 29, N 7. — P. 721–747.
4. Клевченкова, М. Н. Истоки МЧП Франции (к 200-летию кодекса Наполеона 1804 г.) / М. Н. Клевченкова // *Журн. рос. права*. — 2005. — № 2 (98). — С. 144–158.
5. Cuniberti, G. Foreign Law under the French Draft PIL Code (updated) / G. Cuniberti [Electronic resource] // The European Association of Private International Law. — 25.05.2022. — Mode of access: <https://eapil.org/2022/05/25/foreign-law-under-the-french-draft-pil-code/>. — Date of access: 10.09.2022.

THE INTERLINK OF CODIFICATIONS IN DIFFERENT SPHERES: HUMAN RIGHTS AND INTELLECTUAL PROPERTY

E. B. Leanovich^a, Xie Shuyu^b

^a Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: leanovich@bsu.by

^b Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: willa.xieshuyu@gmail.com

Corresponding author: leanovich@bsu.by

Modern intellectual property law is a complex legal construct, the development of which is reflected in codified acts of international and national law, in particular TRIPS, national codes of intellectual property. A balanced distribution of obligations and interests of all stakeholders in the basic principles and the most controversial legal institutions should be based on universal human rights standards. The article shows the correlation and close relationship of the interlinked processes. The conclusion is formulated about the legitimacy of development of the international legal perception of the exclusive right in accordance with the human rights-based approach (HRBA), which in turn is based on a well-systematized and universally recognized legal framework.

Keywords: intellectual property; human rights; codification; international private law; compulsory licensing; developing countries; China.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОДИФИКАЦИЙ В РАЗНЫХ СФЕРАХ: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Е. Б. Леанович¹⁾, Се Шуюй²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь,
e-mail: leanovich@bsu.by*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь,
e-mail: willa.xieshuyu@gmail.com*

Современное право интеллектуальной собственности представляет собой сложную правовую конструкцию, развитие которой нашло отражение в кодифицированных актах международного и национального права, в частности ТРИПС, национальных кодексах интеллектуальной собственности. Сбалансированное распределение обязательств и интересов всех заинтересованных сторон в основных принципах и наиболее противоречивых правовых институтах должно основываться на всеобщих стандартах прав человека. В статье показана взаимосвязь и тесные отношения перекликающихся процессов. Сформулирован вывод о закономерности развития международно-правового понимания исключительного права в соответствии с правозащитным подходом, который, в свою очередь, опирается на хорошо систематизированную и всемирно признанную правовую базу.

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность; права человека; кодификация; международное частное право; принудительное лицензирование; развивающиеся страны; Китай.*

The human rights-based approach (HRBA) presents in the modern world a conceptual platform framework for all countries. Different political positions and economic interests can be mutually excepted by developed and developing countries. That is of vital importance from the view of contemporary challenges (e. g., Covid, sanctions, etc.). Moreover, the necessity of universally recognized landmarks and orienteers is met by the codified international human rights standards. The corresponding body of international sources on human rights prevent discriminatory practices and unjust distributions of power in all spheres [1].

Discourse on the correlation of numerous acts, as for human rights. and on intellectual property, is in close attention at the universal level of cooperation from the late 90s of the last millennium. World Intellectual Property Organization (WIPO) was the first international organization to draw wide public attention to the discussion of the interlink and interdependence of these two major domains on the agenda of the world community. There has been a lot of debate on this issue, reflected in international publications [2].

Starting with the broadest formulation of the problem, from the possibility of recognizing the universal status of intellectual property right, the consistent development of the discussion led to the recognition of the essential legal differences between the two sets of rights, ascertaining their differences in issues of their private and public nature, territorial coverage, etc.

Nevertheless, the productivity of the comparative and evaluative approach has a pronounced impact. The results of the scientific discussion at such an authoritative level (WIPO and successive extension to other organizations: the World Trade Organization, the World Health Organization, etc.) have led to practical solutions. In this regard, we can highlight: amendments to the Agreement on trade related aspects of intellectual property rights (TRIPS) with regard to the compulsory licensing for pharmacological inventions; adoption of the Marrakesh Treaty, which greatly facilitates the access of visually impaired people to copies of works that are protected by copyright; development of an understanding on the problem of protection of intellectual property rights by developing countries for their genetic resources, etc.

A significant achievement from the codification point of view is the formation on the basis of human rights of the principle of taking into account the interests of all stakeholders. As of now it serves as the basis for assessing the fairness and expediency of both the entire structure of intellectual property and the limits of an exclusive right. Understanding and regulation concerning the «stakeholders interests principle» was enshrined in the WIPO documents. Thus, it is fixed in The World Intellectual Property Declaration of June 26, 2000. Now this standard has become firmly established in the argumentation toolkit during debates between developed and developing countries. It is also taken into account in the process of codification of national legislation on intellectual property.

The correlation of human rights standards eventually provides the understanding of the future development of international protection of intellectual property in countries of different economic interest. The most illustrative approach is presented by the debates on «TRIPS-plus».

There is no clear line of demarcation between the TRIPS era and the TRIPS-plus era. Different scholars have different views. Professor Wu Handong believes that the TRIPS-plus era entered after the TRIPS Agreement [3] However, some scholars believe that international protection of intellectual property rights entered the next stage only after the Doha Declaration was signed [4, p. 143]. Meanwhile, it is clear that the implementation of TRIPS and new legal norms require changes of the intellectual property perception. There are increasing

trends in the normative ruling of intellectual property, including conflicts both within the same jurisdiction, when the interests of right holders and users collide, as well as in the dimension of inter-jurisdictional conflicts. when different understandings are formed from common standards in national legal systems while deepening and clarifying legal regulation.

The universal approach is at risk in the TRIPS-plus era because of the gap between the rich and the poor in developed and developing countries, reflected by problems of technology transfer, digital divide, access to medicines, ecology safety, etc.

Taking into account a certain margin of appreciation that is left in the requirements of TRIPS and other intellectual property treaties, human rights standards, in particular on health care, safe environment, access to knowledge and cultural achievements, freedom of creativity, sustainable development afford an effective legal grounding for the special interests and demands of developing countries. Thus, they can orient themselves at lower standards fixed by international obligations without the necessity to follow the example of the developed countries, which constantly raise the standards of protection and enforcement of intellectual property rights, in particular by increasing the terms of protection, expanding the competence of the authorities to prosecute violations in a public law order. Each state should independently determine the level of compliance of protection with current needs and move to a higher level of protection only if the objectives of the development of economic and social indicators are achieved.

At the same time human rights concern provides flexibility of legal thinking and progressive development of intellectual property regulation. It sets a benchmark for the intellectual property benefits as a common welfare. Developing countries can improve compensation measures and shorten the time for processing compulsory licensing cases by setting up monitoring mechanisms. Developing countries can codify special legal provisions for the protection of genetic resources and systematically protect their genetic resources. Developing countries can classify and protect traditional culture of different nature, either by referring to copyright protection or by establishing a special protection system for special cultural forms.

Thus, it is of high importance to maintain the existing international rules of intellectual property on a multilateralism perception. The international community should follow principles of human rights in resolving conflicts in the domain of intellectual property and should not use the corresponding legal norms as a tool for profit-making by pursuing private interests only. In terms of diplomacy, developing countries can actively seek the help of other countries and international organizations to establish bilateral or multilateral treaties to achieve

cooperation for the technical help in order to establish or improve data bases on technical and patent information.

The study of human rights issues in an important issue of intellectual property rights law and practice at present. The picture of the future international intellectual property landscape is already unfolding, and developing countries must make timely decisions and respond positively. Through effective intellectual property diplomacy and accelerated improvement of legal and policy systems, the intellectual property can become an institutional arrangement that truly drives developing countries to the path of success in solving problems.

BIBLIOGRAPHY

1. Human-rights based approach [Electronic source] // United Nations. — Mode of access: <https://unsdg.un.org/2030-agenda/universal-values/human-rights-based-approach>. — Date of access: 10.09.2022.

2. Intellectual Property and Human Rights [Electronic source] // World Intellectual Property Organization. — Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_762.pdf. — Date of access: 10.09.2022.

3. Wu, H. D. Changes in the Post-TRIPS Intellectual Property System and China's Response Strategy / H. D. Wu // Law and Business Research. — 2005. — Vol. 21, N 5. — P. 3—7.

4. Gu, Z. X. Changes in the International Intellectual Property System and the Evolution of International Relations in the Post-TRIPS Era: Centering on the WTO Doha Round Negotiations / Z. X. Gu // China Social Science. — 2007. — Vol. 28, N 2. — P. 143—146.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А. Ю. Лепешкова¹⁾, С. М. Ананич²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь, e-mail: lepsa_2001@mail.ru

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь, e-mail: ananichsm@bsu.by

Количество браков, заключенных в мире и осложненных иностранным элементом, с течением времени возрастает. В связи с этим, возрастает и необходимость коллизионного регулирования имущественных отношений супругов. Ранее, в Европейском союзе коллизионные нормы, регулирующие режимы имущества супругов, содержались только в национальных законах, однако, с 29 января 2019 года действуют два регламента (регламент Совета (ЕС) 2016/1103 от 24 июня 2016 г. о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений по вопросам режимов общей собственности супругов и регламент Совета (ЕС) 2016/1104 от 24 июня 2016 г. о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений по вопросам имущественных прав зарегистрированных партнерств), регулирующие вопросы режимов имущества супругов и имущественные последствия зарегистрированных партнерств,

что позволяет полноценно регламентировать имущественные отношения супругов смешанных браков, без обращения к национальному законодательству.

Ключевые слова: коллизионное регулирование; имущественные отношения супругов; право Европейского союза; применимое право.

CURRENT TENDENCIES IN THE CONFLICT OF LAWS REGULATION OF MATRIMONIAL PROPERTY RELATIONS IN EUROPEAN UNION LAW

A. Yu. Lepeshkova^a, S. M. Ananich^b

^a Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: lepsa_2001@mail.ru

^b Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: ananichsm@bsu.by

The number of marriages concluded around the world that are complicated by foreign elements is increasing over time. As a result, there is a growing need to regulate the property relations between spouses in a conflict of laws way. Previously, in the European Union, the conflict rules governing matrimonial property regimes were only contained in national laws, but since 29 January 2019, two regulations (Council Regulation (EU) 2016/1103 of 24 June 2016 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions on matrimonial property regimes and Council Regulation (EU) 2016/1104 of 24 June 2016 on jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions on property rights in registered partnerships), governing matrimonial property regimes and the property consequences of registered partnerships have been in force, allowing full regulation of the property relations of spouses of mixed marriages, without reference to national law.

Keywords: conflict of laws, matrimonial property, European Union, European Union law, applicable law.

В настоящее время неоднородность коллизионных норм, регулирующих брачно-семейные отношения, приводит к негативным последствиям и неопределенности в установлении прав и обязанностей сторон в отношениях, осложненных иностранным элементом. Вне зависимости от того, что в рамках территории Европейского союза (далее — ЕС) отсутствуют внутренние границы между государствами, их системы права в области регулирования имущественных отношений супругов имеют ряд отличий. С целью предотвращения и (или) разрешения проблемных ситуаций относительно вопроса определения применимой коллизионной привязки к имущественным отношениям супругов, с 29 января 2019 г. в европейских странах, осуществляющих усиленное сотрудничество, в полном объеме применяются два новых европейских регламента, утвержденных в 2016 г.: регламент Совета (ЕС) 2016/1103 от 24 июня 2016 г. о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений по вопросам режимов общей собственности супругов (далее — Регламент № 1103) и регламент

Совета (ЕС) 2016/1104 от 24 июня 2016 г. о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений по вопросам имущественных прав зарегистрированных партнерств (далее — Регламент № 1104). Оба Положения прямо исключают применение новых правил к алиментным обязательствам, возникающим в результате брака или зарегистрированного партнерства.

Основным нововведением, в соответствии с этими двумя нормативными актами, является возможность супругов и зарегистрированных партнеров самостоятельно определять закон, который будет применяться к их имущественным отношениям, в более широком смысле, чем это было возможно ранее в соответствии с законами и кодексами о международном частном праве, действующими в различных государствах.

Новые правила подлежат применению в отношении имущества супругов, которые вступили в брак или указали закон, применимый к их режиму имущества, после 29 января 2019 г., и к партнерам, которые зарегистрировали свой союз или указали закон, применимый к имущественным последствиям их союза, после 29 января 2019 г.

Регламент № 1103 регулирует вопросы, связанные с режимом имущества супругов. Не входят в сферу регулирования вопросы правоспособности супругов, все брачные вопросы, алиментные обязательства, любые записи в реестре прав на недвижимое или движимое имущество, включая правовые требования к таким записям, а также последствия записи или невнесения записи таких прав в реестр и другие вопросы согласно статье 1 [1].

Для понимания сущности нововведения, можно привести в пример положения Закона от 31 мая 1995 г. № 218 о реформе итальянской системы международного частного права (далее — Закон № 218) [2]. Так, в соответствии со статьей 30 Закона № 218, имущественные отношения супругов смешанных браков регулируются законом государства, в котором брак является основным, оставляя супругам (разной национальности) право письменно договориться, что их имущественные отношения регулируются законом государства, гражданином которого является хотя бы один из них или в котором проживает хотя бы один из них.

В свою очередь, Регламент № 1103 развивает это положение на европейском уровне, распространяя его также на супругов, имеющих одинаковое гражданство, но, когда, один из них или оба супруга проживают в неевропейском государстве, отличном от государства их гражданства (так называемые международные браки), предусматривая в статье 22 (выбор права), что право государства, гражданином которого является хотя бы один из них или в котором проживает хотя бы один из них, является правом этого

государства. То есть, супруги могут выбрать или изменить право, применимое к режиму их супружеского имущества, по взаимному соглашению (путем письменного документа, датированного и подписанного обоими сторонами), при условии, что это право, включая право неевропейского государства, является правом государства обычного проживания одного или обоих супругов на момент заключения соглашения или правом государства, гражданином которого один из супругов является на момент заключения соглашения.

В отсутствие соглашения о выборе права, правом, применимым к режиму имущества супругов, выступает право государства первого общего обычного места жительства супругов после заключения брака или, если это не так, право общего гражданства супругов на момент заключения брака.

На закон, применимый к режиму супружеского имущества, может также ссылаться супруг против третьего лица при условии, что последнее знало об этом законе или должно было знать о нем, проявив должную осмотрительность (предполагается, что третье лицо знало о законе, применимом к режиму супружеского имущества, если один из супругов выполнил обязательства, предусмотренные для публикации режима супружеского имущества).

С другой стороны, что касается признания и исполнения судебных решений в области режимов имущества супругов, то здесь нет существенных отличий от того, что сейчас предусмотрено европейскими нормативными актами практически во всех областях. В частности, судебные решения, вынесенные в одном государстве-члене, признаются в других государствах-членах без необходимости проведения какой-либо процедуры, без ущерба для права любой заинтересованной стороны в случае спора обратиться с ходатайством о признании судебного решения либо в качестве основного, либо в качестве дополнительного вопроса.

Регламент 1103, очевидно, также применяется к гражданским союзам, регулируемым Законом 76 от 20 мая 2016 г. (далее — Закон 76/2016) [3], на основании эквивалентности, предусмотренной в статье 1(20) этого закона.

Регламент № 1104 регулирует имущественные последствия зарегистрированных партнерств. В сферу регулирования данного Регламента не входят вопросы, связанные с правоспособностью партнеров, признанием зарегистрированного партнерства, алиментными обязательствами, правом наследования имущества умершего партнера, а также другие вопросы, указанные в пункте 2 статьи 1 [4]. Регламент № 1104 содержит те же принципы, что и в отношении режима имущества супружеских пар, а именно: партнеры или будущие партнеры могут выбрать или изменить по

взаимному соглашению закон, применимый к имущественным последствиям их зарегистрированного партнерства. Поэтому он применяется к партнерам, для которых законодательством их государства предусмотрена обязательная регистрация партнерства.

Актуальность применения положений Регламента № 1104 оправдывается в пункте 16 Преамбулы данного нормативного акта, в котором закреплено, что «то, как национальное законодательство понимает формы союза, отличные от брака, варьируется от одного государства-члена к другому, и следует проводить различие между парами, чей союз институционально оформлен путем регистрации в государственном органе, и парами, живущими в фактических союзах...». Несмотря на юридическое признание некоторыми государствами-членами, союзы де-факто следует отличать от зарегистрированных партнерств, формальный характер которых позволяет учесть их специфику и определить правила, применимые к ним, в документе Союза.

В связи с этим, вопрос о том, может ли данный Регламент также применяться к фактическим сожителем, регулируемым в Италии Законом № 76 от 20 мая 2016 г., который, как известно, не предусматривает никакой предварительной обязательной регистрации для целей применимости законодательной дисциплины к фактическим парам, представляется решенным отрицательно. Действительно, следует напомнить, что в этом отношении итальянская система значительно отличается от той, что предусмотрена в большинстве европейских государств (где брак предусмотрен и для однополых пар, а союз в целом «регистрируется» для более фактических сожительств).

Исключение «итальянских» фактических сожительств из сферы действия европейского законодательства связано с тем, что законодательство Италии придает исключительное значение стабильному сожителю «де-факто», а не его регистрации. Данный факт может показаться неприемлемым решением, поскольку оно еще больше лишает фактических сожителей, которые урегулировали свои отношения путем заключения договора о совместном проживании (п. 50 ст. 1 и последующие статьи Закона 76/2016), права выбрать режим, отличный от того, который к ним применяется.

С другой стороны, для целей противопоставления третьим лицам итальянский закон в статье 51 предусматривает обязанность регистрации договора о совместном проживании в органах ЗАГС и, следовательно, подразумевает обязанность сожителей зарегистрировать свое сожительство тем или иным образом, хотя только для целей действительности и противопоставления договора о совместном проживании. Таким образом, можно сделать

вывод, что фактические сожители, зарегистрировавшие свое сожительство в ЗАГСе (в семейном деле), также могут выбрать другой режим, используя механизм, предусмотренный Регламентом № 1104.

Что касается признания и исполнения судебных решений в области имущественных последствий в зарегистрированных де-факто союзах, то в настоящее время нет существенных расхождений с тем, что было установлено в европейском регулировании практически во всех областях. В частности, судебные решения, вынесенные в одном государстве-члене, признаются в других государствах-членах без необходимости проведения какой-либо процедуры, без ущерба для права любой заинтересованной стороны в случае спора подать ходатайство о признании судебного решения в качестве основного или побочного вопроса.

Таким образом, Регламенты № 1103 и № 1104 оправдывают свою актуальность, их положения соответствуют основным тенденциям в области коллизионного регулирования имущественных отношений в современном международном семейном праве. Вышеуказанные нормативные документы позволяют супругам и зарегистрированным партнерам заранее определять закон, применимый к их режиму имущества, суд, компетентный для рассмотрения возникшего между ними спора по вопросу их режима собственности. Более того, Регламенты способствуют признанию и исполнению в одном государстве-члене судебного решения по имущественным вопросам, вынесенного в другом государстве-члене, предусматривают, что подлинные документы, составленные в одном государстве-члене, будут иметь такую же доказательную силу в другом государстве-члене и будут производить наиболее сопоставимые последствия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Verordnung (EU) 2016/1103 des Rates vom 24 Juni 2016 zur Durchführung einer Verstärkten Zusammenarbeit im Bereich der Zuständigkeit, des anzuwendenden Rechts und der Anerkennung und Vollstreckung von Entscheidungen in Fragen des ehelichen Güterstands [Electronic resource] // EUR-Lex: Accessto European Union law. — Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:02016R1103-20160708&qid=1537427306497&from=DE>. — Date of access: 10.09.2022.

2. Реформа итальянской системы международного частного права: Закон от 31 мая 1995 года № 218 [Электронный ресурс] // Библиотека. — Режим доступа: https://perviydoc.ru/v11475/%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD_%D0%BE_%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B5_%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D1%81%D0%B8%D1

%81%D1%82%Do%B5%Do%BC%D1%8B_%Do%BC%Do%B5%Do%B6%Do%B4%D1%83%Do%BD%Do%Bo%D1%80%Do%BE%Do%B4%Do%BD%Do%BE%Do%B3%Do%BE_%D1%87%Do%Bo%D1%81%D1%82%Do%BD%Do%BE%Do%B3%Do%BE_%Do%BF%D1%80%Do%Bo%Do%B2%Do%Bo. — Дата доступа: 11.09.2022.

3. Regolamentazione delle unioni civili tra persone dello stesso sesso e disciplina delle convivenze: Legge, 20 maggio 2016, N 76 [Electronic resource] // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. — Mode of access: https://conslosangeles.esteri.it/consolato_losangeles/resource/doc/2016/08/legge_20_maggio_2016.pdf. — Date of access: 12.09.2022.

4. Verordnung (EU) 2016/1104 des Rates vom 24 Juni 2016 zur Durchführung der Verstärkten Zusammenarbeit im Bereich der Zuständigkeit, des anzuwendenden Rechts und der Anerkennung und Vollstreckung von Entscheidungen in Fragen güterrechtlicher Wirkungen eingetragener Partnerschaften [Electronic resource] // EUR-Lex: Accessto European Union law. — Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/HTML/?uri=CELEX:02016R1104-20160708&qid=1537427053606&from=DE>. — Date of access: 10.09.2022.

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: АРГУМЕНТАЦИЯ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Д. С. Пономарева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: PonomarevaDS@bsu.by*

В статье анализируются подходы к определению международного корпоративного права, его отраслевой принадлежности и предметной области в отечественной и зарубежной доктрине. Особое внимание уделено цифровизации в международном корпоративном праве. В результате сделан вывод, что мнения относительно понятия «международное корпоративное право», соотношения между международным корпоративным правом, международным правом и внутренним корпоративным правом, предметной области международного корпоративного права разнятся в отечественной и зарубежной доктрине, что еще раз доказывает необходимость дальнейшего проведения исследований в этой сфере. Наряду с социализацией, гармонизацией норм о противодействии размыванию налогооблагаемой базы и норм о корпоративном управлении, демократизацией корпоративного регулирования, совершенствованием регулирования вопросов трансграничных банкротств, в международном корпоративном праве также в качестве тенденции отмечается цифровизация, что характеризуется большим распространением информационно-коммуникационных технологий на всех этапах жизненного цикла корпораций, легального определения которых не закреплено.

Ключевые слова: международное корпоративное право; международное право; международное частное право; корпоративное право; тенденции; цифровизация.

INTERNATIONAL CORPORATE LAW IN THE DIGITALIZATION ERA: ARGUMENTATION OF ITS PLACE IN THE LEGAL SYSTEM

D. S. Ponomareva

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: PonomarevaDS@bsu.by

The article analyzes approaches to the definition of international corporate law, its place in the legal system and subject area in domestic and foreign doctrine. Special attention is paid to digitalization in international corporate law. The author comes to conclusion that opinions on the concept of «international corporate law», the correlation between international corporate law, international law and internal corporate law, the subject area of international corporate law differ in domestic and foreign doctrine, which once again proves the need for further research in this area. Along with socialization, harmonization of norms on countering the tax base erosion and norms on corporate governance, democratization of corporate regulation, improvement of regulation of cross-border bankruptcies, digitalization is also noted as a trend in international corporate law, which is characterized by a large spread of information and communication technologies at all stages of the life cycle of corporations which are not legally defined.

Keywords: international corporate law; international law; private international law; corporate law; tendencies; digitalization.

На современном этапе исторического развития мы можем отчетливо наблюдать, как мир становится все более «глобализированным» [1, с. 204]. Причем, как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, «глобализация приводит к усилению интернационализации права» [2, с. 84]. Также происходит интенсивный процесс специализации и формирования и выделения отраслей, близких к отраслевой системе внутреннего права, формирования на основе обобщения соответствующих отраслей и институтов внутреннего права международных моделей и стандартов как ориентиров для «материнских» нормативных массивов, увеличение удельного веса так называемого «мягкого» права, рекомендательных норм [2, с. 77].

Учитывая указанные выше тенденции, можно отметить, что ни границы, ни территориальный признак не имеют такого значения, как ранее, границы между частным и публичным правом размыты, а частные субъекты наделены не характерными им полномочиями, а именно правотворческими полномочиями. В этой связи и трансформировалось международное корпоративное право.

В научной литературе до сих пор нет единого мнения относительно определения «международное корпоративное право», его отраслевой принадлежности и предметной области.

Как отмечает М. Паргендлер, международное корпоративное право представляет собой свод правил и стандартов корпоративного управления, разработанных международными организациями, разработчиками стандартов и международными соглашениями. Ясно, что международное корпоративное право не похоже на внутреннее корпоративное право по своей форме, структуре и действию [3, р. 1772].

Международное корпоративное право (как и все формы международного права) не только избегает принудительного исполнения, но и в значительной степени избегает традиционных форм «жесткого» международного права в форме договоров или обычного международного права. Однако, не все международное право «мягкое». Положения о корпоративном управлении в настоящее время появляются в международных инвестиционных соглашениях — классической форме «жесткого» международного права.

Даже если международное корпоративное право — это международное право, действительно ли это корпоративное право? Ответ здесь, по-видимому, несомненно, положительный. Содержание международного корпоративного права — стандарты независимости совета директоров, прав акционеров, сделок со взаимозависимыми лицами, вознаграждения руководителей и фидуциарных обязанностей — составляет основу изучения корпоративного права и практики. Альтернативным подходом было бы определение корпоративного права не с точки зрения его структуры (например, правил, регулирующих баланс сил между акционерами, директорами и должностными лицами), а с точки зрения оговоренной цели: снижения агентских издержек. Принятие этого более узкого определения означало бы, что инициативы Всемирного банка по содействию защите инвесторов будут квалифицироваться как корпоративное право, но Базельские правила корпоративного управления, направленные на снижение системного риска, — нет. Такое целевое определение области не снизило бы значение международного корпоративного права, но только ограничило бы его сферу применения. Тем не менее, представление о том, что корпоративное право преследует только одну цель, хотя и распространено в юридической и экономической науке, не отражает реального функционирования правовых институтов и в конечном счете несостоятельно [4, р. 969].

Как и все правовые разработки, международное корпоративное право не создано с нуля; некоторые из его компонентов, такие как рейтинг *Doing Business* Всемирного банка и Принципы корпоративного управления ОЭСР, в значительной степени заимствованы из существующих корпоративных правовых режи-

мов. Тем не менее, международное корпоративное право не является полностью «продуктом легальных трансплантаций». Оно является не просто результатом гармонизации, основанной на «наименьшем общем знаменателе» в различных юрисдикциях, или новых решений, представляющих собой компромиссный подход между различными правовыми системами после проведения сравнительных правовых исследований. Все указанное выше стало источником правовых инноваций, таких как концепция факторов *ESG* (экологичность, социальная ответственность, корпоративное управление), политика в области прав человека и противодействие сложным и непрозрачным структурам внутри корпоративных групп. Также на развитие международного корпоративного права оказало влияние наднационального правового регулирования, в частности, Европейского союза [3, р. 1776].

В зарубежной доктрине понятие корпоративного права закрепилось довольно давно. Так, Дж. Армор, Г. Хансманн, Р. Краакман определяют корпоративное право через его основные существенные элементы. В числе таких элементов: источники права, существо корпорации, корпоративные ценные бумаги и доли, органы управления, ответственность менеджмента и самой корпорации, права участников корпорации, контрактное и государственное регулирование, корпоративная собственность [5, с. 3—6, 12—26].

В отечественной доктрине, в отличие от «права хозяйственного», корпоративное право стало признаком исключительно рыночной экономики и представлено как научное направление, учебная юридическая дисциплина, сфера законодательства, в т. ч. на трансформацию в отрасль права, в работах большого числа авторов, таких как В. К. Андреев, В. А. Лаптев, О. А. Макарова, Т. В. Кашанина и др. [6, с. 288].

В качестве одной из тенденций развития международного корпоративного права, наряду с социализацией, гармонизацией норм о противодействии размыванию налогооблагаемой базы и норм о корпоративном управлении, демократизацией корпоративного регулирования, совершенствованием регулирования вопросов трансграничных банкротств, О. А. Терновой отмечается также цифровизация [7].

Как отмечается Д. А. Пашенцевым, М. В. Залоило, О. А. Иванюк, А. А. Головиной, в современных условиях глобализации и развития трансграничного бизнеса, особенно актуальной является разработка законодательной базы, направленной на внедрение цифровых технологий в деятельность корпораций [8, с. 39]. Речь идет о создании предприятия «он-лайн», цифровизации системы корпоративного управления, использования информационных технологий для проведения общих собраний в электронной

форме, электронного голосования и т. д. Уровень цифровизации, интегрированный в правовые процессы компаний, варьируется в разных странах. Некоторые государства «оцифровали» весь жизненный цикл компаний и использование онлайн-инструментов в регистрационных процедурах, связанных с деятельностью корпораций, является обязательным. Другие государства установили правила о необходимости личного присутствия представителя компании для осуществления регистрации в публичных реестрах. Рассматриваемая тенденция нашла свое отражение в разработке законодательной базы, направленной на внедрение цифровых технологий в деятельность корпораций. В Европейском союзе принята Директива Европейского парламента и Совета 2006/123/ЕС от 12 декабря 2006 года об услугах на внутреннем рынке [9] (далее — Директива об услугах), которая устанавливает требования для всех государств-членов о создании «единого электронного окна» для выполнения административных процедур и формальностей. Требования данной Директивы нашли отражение в национальном законодательстве государств — членов ЕС, например, во Франции. В этом контексте многие европейские корпорации применяют в своей деятельности новые цифровые технологии, такие как электронное проведение общих собраний, электронное голосование, создание виртуальных (цифровых) корпораций, чтобы продемонстрировать, каким образом технические средства способствуют упрощению и большей гибкости ведения бизнеса [7].

Как видно из проведенного исследования, нет единого мнения относительно определения «международное корпоративное право», его отраслевой принадлежности и предметной области. Мнения относительно понятия «международное корпоративное право», соотношения между международным корпоративным правом, международным правом и внутренним корпоративным правом, предметной области международного корпоративного права разнятся в отечественной и зарубежной доктрине, что еще раз доказывает необходимость дальнейшего проведения исследований в этой сфере. Наряду с социализацией, гармонизацией норм о противодействии размыванию налогооблагаемой базы и норм о корпоративном управлении, демократизацией корпоративного регулирования, совершенствованием регулирования вопросов трансграничных банкротств, в международном корпоративном праве также в качестве тенденции отмечается цифровизация, что характеризуется большим распространением информационно-коммуникационных технологий на всех этапах жизненного цикла корпораций, легальное определение которых не закреплено.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пономарева, Д. С. Правосубъектность наднациональных юридических лиц в международном частном праве / Д.С. Пономарева // Беларусь в современном мире материалы XX Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2021. — С. 203—207.
2. Тихомиров, Ю. А. Соотношение международно-правовых и национально-правовых регуляторов / Ю. А. Тихомиров // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2012. — № 5 (25). — С. 73—95.
3. Pargendler, M. The Rise of International Corporate Law / M. Pargendler // Washington University Law Review. — 2021. — Vol. 98, N 6. — P. 1765—1820.
4. Pargendler, M. Controlling Shareholders in the Twenty-First Century: Complicating Corporate Governance Beyond Agency Costs: Law Working Paper N 483/2019 / M. Pargendler // 45 Journal of Corporation Law (2020, Forthcoming). — European Corporate Governance Institute 2020. — P. 953—974.
5. Armour, J. The essential elements of corporate law: what is corporate law?: Discussion Paper N 643, July 2009 / J. Armour, H. Hansmann, R. Kraakman. — Cambridge: Harvard Law School, 2009. — 31 p.
6. Чикулаев, Р. В. Корпорации и корпоративные финансовые инструменты в российском и зарубежном праве / Р. В. Чикулаев // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. — 2021. — Вып. 52. — С. 285—320.
7. Терновая, О. А. Основные тенденции развития зарубежного корпоративного законодательства / О. А. Терновая; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации. — М.: Инфотропик Медиа, 2019. — 192 с.
8. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д. А. Пашенцев [и др.]; под общ. ред. Д. А. Пашенцева. — М.: Инфра-М, 2019. — 234 с.
9. Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on services in the internal market // Official Journal of the European Union. — 2006. — Vol. 49, L 376. — P. 36—68.

СВИДЕТЕЛЬ-ЭКСПЕРТ В МЕЖДУНАРОДНОМ ТРЕТЕЙСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УЧАСТИЯ

Е. П. Хаткевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: chuprina81@inbox.ru*

Статья посвящена исследованию теоретико-правовых аспектов привлечения свидетеля-эксперта к участию в международном третейском разбирательстве. Автором представлены различные подходы к определению понятия «свидетель-эксперт» и установлено, что чаще всего под ним понимается экс-

перт, назначенный стороной. По результатам проведенного сравнительно-правового анализа выявлен дуализм в международно-правовом регулировании вопросов участия свидетеля-эксперта в международном третейском производстве, а на национальном уровне (в Республике Беларусь) — соответствующий пробел в праве. Автор предлагает ввести фигуру свидетеля-эксперта в Закон Республики Беларусь «О Международном арбитражном (третейском) суде» и приводит ряд аргументов в пользу реализации данного предложения. В этом состоит новизна и практическая значимость настоящей статьи.

Ключевые слова: свидетель-эксперт; эксперт, назначенный стороной; международное третейское производство; независимость и беспристрастность эксперта; заключение эксперта; показания эксперта.

EXPERT WITNESS IN INTERNATIONAL ARBITRATION: CONCEPT AND LEGAL BASIS OF THEIR INVOLVEMENT

E. P. Khatkevich

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: chuprina81@inbox.ru

The article deals with the study on theoretical and legal issues of an expert witness's involvement in international arbitration. The author shows different approaches to the definition of the concept «expert witness» and states that mostly it means a party-appointed expert. On the basis of the comparative legal analysis carried out the duality at the international level of regulation of expert witness's participation in international arbitration is revealed and as for the national level (in the Republic of Belarus) a relevant legal gap is. The author offers to implement the figure of expert witness in the Law of the Republic of Belarus «About International Court of Arbitration» and makes a range of arguments for realization of this idea. It determines the novelty and practical significance of the article.

Keywords: expert witness; party-appointed expert; international arbitration; independence and impartiality of expert; expert report; expert testimony.

К содержанию и объему понятия «свидетель-эксперт» в литературе единого подхода не сложилось. В некоторых источниках [1, р. 3, 24]) это понятие используется в широком смысле, подразумевая сведущее лицо, привлекаемое к участию в процессе для дачи заключения по специальным вопросам, вне зависимости от того, кем оно назначено, — составом арбитража или сторонами. Однако чаще всего под свидетелем-экспертом понимается только тот эксперт, который был назначен стороной и или обеими сторонами [2, с. 172; 3; 4], т. е. свидетель-эксперт и эксперт, назначенный стороной, рассматриваются как синонимы.

Проведенный анализ источников международно-правового регулирования вопросов участия экспертов в международном третейском производстве показал, что, действительно, в тех документах, в которых содержатся нормы о «свидетелях-экспертах», как правило, нет регламентации участия «эксперта, назначенного стороной», а только — «эксперта, назначенного арбитражным су-

дом (трибуналом)» (например, в Типовом законе и Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ [5; 6], Арбитражном регламенте Лондонского международного арбитражного суда [7] и др.). И наоборот: там, где регламентируется участие «эксперта, назначенного стороной» часто отсутствуют нормы о «свидетелях-экспертах» (например, в Правилах Международной ассоциации юристов по получению доказательств в международном арбитраже (далее — Правила МАЮ) свидетель-эксперт упоминается только раз — в п. 5 ст. 8) [8]. Протокол Королевского института арбитров об использовании эксперта-свидетеля, назначенного стороной, в международном коммерческом арбитраже (далее — Протокол *CIArb*) использует оба термина, но ограничивает сферу применения своих норм экспертами, назначенными стороной [9, р. 1].

Допуская синонимичность понятий «свидетель-эксперт» и «эксперт, назначенный стороной», следует отметить все же неоднозначность в подходах к правовому регулированию участия этих субъектов в международном третейском производстве именно в зависимости от использованного термина.

Так, например, термин «свидетель-эксперт» используется в Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ (стст. 17, 27, 28, 29), который регулирует его участие параллельно со свидетелем, тем самым приравнивая их по правовому положению. Согласно пункту 2 статьи 27 регламента, «свидетелями-экспертами, представляемыми сторонами для дачи показаний в арбитражном суде по любому вопросу факта или экспертизы, могут выступать любые лица, независимо от того, является ли такое лицо стороной арбитражного разбирательства и связано ли оно с какой-либо из сторон каким бы то ни было образом» [6]. Регламент предусматривает возможность представления показаний свидетелей-экспертов в письменной форме за их подписью. По просьбе любой стороны арбитражный суд может заслушать их показания на заседании, может также опросить с использованием видеосвязи. На время опроса других свидетелей (свидетелей-экспертов) свидетель-эксперт может быть удален из зала судебного заседания, за исключением случая, когда он является одной из сторон. В ходе опроса эксперта, назначенного составом арбитража, любая сторона может представить свидетеля-эксперта для дачи показаний по спорным вопросам.

Для сравнения, статья 5 Правил МАЮ содержит нормы об идентификации эксперта стороной, подробном содержании заключения эксперта (которое помимо прочего должно включать описание квалификации эксперта, декларацию о его независимости от сторон, их юридических консультантов и состава арбитража), порядке внесения изменений и дополнений в заключение,

возможности обсуждения несколькими экспертами имеющихся разногласий с письменной фиксацией результатов обсуждения, последствиях неявки эксперта на слушание для дачи показаний. Статья 7 Правил МАЮ предусматривает правила участия эксперта, назначенного стороной, в осмотре любой площадки, имущества, документов, которые арбитражный суд считает целесообразными. Кроме того, на любых экспертов распространяется статья 8 Правил МАЮ, касающаяся слушания по доказательствам.

Очевидно, что во втором случае эксперт, назначенный стороной, не приравнивается к свидетелю, а скорее близок к эксперту, назначенному составом арбитража. Особенно разница со свидетелем заметна в части требования о независимости и беспристрастности эксперта.

В Протоколе *CIArb*, положения которого во многом базируются на Правилах МАЮ и при этом развивают их, вопросу о независимости, объективности и беспристрастности эксперта, назначенного стороной, уделяется уже значительное внимание. Соответствующие требования к эксперту и его заключению содержатся в статьях 4 и 8 Протокола *CIArb*, а также в комментариях к статье 1 Руководящих указаний к нему. Протокол предписывает, что эксперт выполняет свои обязанности непосредственно перед составом арбитража, выполняет роль его помощника в решении специальных вопросов, несмотря на то что назначает эксперта сторона, которая и оплачивает его услуги.

Характеризуя в целом источники международно-правового регулирования участия свидетеля-эксперта в международном коммерческом арбитраже и их развитие, можно отметить, что интерес международного сообщества к этому субъекту с течением времени все более возрастает и нормы, регламентирующие связанные с ним отношения, существенно дополняются и детализируются.

Что касается правового регулирования вопросов участия свидетеля-эксперта в международном третейском производстве на национальном уровне, в частности, в Республике Беларусь, то в Законе «О Международном арбитражном (третейском) суде» от 19 июля 1999 г. № 279-З (далее — Закон о МАС) данный субъект не упоминается. Закон содержит только нормы об эксперте, назначаемом составом международного арбитражного суда (ст. 34 [10]).

В то же время, в одном из арбитражных регламентов (которые в соответствии со ст. 5 Закона о МАС также регулируют деятельность МАС) имеется не только упоминание о свидетеле-эксперте, но и целый ряд норм, регламентирующих его участие в между-

народном третейском производстве. Речь идет об Арбитражном регламенте Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов» [11], который содержит нормы (п. 3 ст. 17, п. 2 ст. 27, пп. 2—4 ст. 28), практически аналогичные в части свидетеля-эксперта нормам рассмотренного выше Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ.

Представляется, что уровень национального правового регулирования участия свидетеля-эксперта в международном третейском производстве следует повысить до законодательного и закрепить соответствующие нормы в самом Законе о МАС, учитывая следующее.

1. Некоторые принципы третейского разбирательства (в частности, диспозитивность и состязательность) отличаются по своему содержанию от одноименных принципов гражданского процессуального права и реализуются «в гораздо более “чистых” формах, без влияния “следственного начала”» [12]. Это проявляется прежде всего в увеличении объема полномочий сторон, их значительно большей активности и инициативности в процессе доказывания.

Предоставление права назначать эксперта только составу МАС не вполне соответствует указанным принципам. Стороны, на которых лежит бремя доказывания, просто лишены возможности представить альтернативное экспертное мнение с правовым статусом, аналогичным заключению эксперта, назначенного арбитражным судом, чтобы на равных «состязаться» с его выводами.

2. Мировая статистика свидетельствует, что в международном коммерческом арбитраже эксперты назначаются сторонами в абсолютном большинстве случаев. Так, согласно результатам социологического исследования, проведенного в 2012 г. и охватившего различные страны мира, в 90 % случаев эксперты назначаются сторонами и лишь в 10 % — трибуналом. На вопрос о том, назначение каких экспертов более эффективно, 43 % респондентов назвали экспертов, назначенных сторонами, 31 % — экспертов, назначенных трибуналом [1, с. 33].

3. Как показали результаты проведенного автором правового исследования, в наиболее известных документах надгосударственного уровня, регламентирующих порядок международном третейского разбирательства, содержится либо блок положений о свидетеле-эксперте, либо — таковой об эксперте, назначенном стороной. В нашем Законе о МАС пока нет ни того, ни другого. И это явный пробел в праве.

4. В национальном законодательстве близких к нам стран имеются примеры, где данный пробел отсутствует. В частности, в Законе Украины «О международном коммерческом арбитраже»

от 24 февраля 1994 г. № 4002-ХІІ норма о свидетелях-экспертах содержится в пункте 2 статьи 26, где предусмотрено право сторон в ходе слушания показаний эксперта, назначенного третейским судом и представившего заключение, представлять свидетелей-экспертов для дачи показаний по спорным вопросам [13].

Почти аналогичное право предоставлено сторонам в одноименных законах Российской Федерации и Молдовы, однако термин «свидетель-эксперт» в них заменен на «специалистов» [14; 15]. Полагаем, это не равноценная и поэтому не совсем удачная замена, вместе с тем, законодатели указанных стран справедливо обратили внимание на целесообразность участия еще одного лица, обладающего специальными знаниями в данной ситуации. Действительно, самостоятельная оценка заключения эксперта очень сложна для сторон и суда, если они не обладают специальными знаниями (а они чаще всего и не обладают ими, именно поэтому и назначается эксперт).

5. Наконец, закрепление норм о свидетеле-эксперте в Законе о МАС способствовало бы единообразию в этом вопросе на практике, поскольку соответствующие нормы распространялись бы на все международные арбитражные суды, действующие в стране, а не только те, в регламентах которых таковые нормы уже содержатся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 2012 International Arbitration Survey: Current and Preferred Practices in the Arbitral Process [Electronic resource] // Queen Mary University of London. — Mode of access: http://www.arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/2012_International_Arbitration_Survey.pdf. — Date of access: 14.09.2022.

2. Белоглаvek, А. И. Эксперты в международных условиях (в гражданских и уголовных судебных процессах, арбитражных и инвестиционных разбирательствах) / А. И. Белоглаvek, Р. Хотова. — Киев: Таксон, 2011. — 475 с.

3. Understanding the role of the expert witness [Electronic resource] // ACCA Global. — Mode of access: <https://www.accaglobal.com/my/en/technical-activities/technical-resources-search/2020/february/what-is-expert-witness.html>. — Date of access: 14.09.2022.

4. What is an expert witness [Electronic resource] // The Academy of Experts. — Mode of access: <https://academyofexperts.org/users-of-experts/what-is-an-expert-witness>. — Date of access: 14.09.2022.

5. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 год) с изменениями, принятыми в 2006 году [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. — Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf. — Дата доступа: 14.09.2022.

6. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. — Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/21-07998_ebook_r.pdf. — Дата доступа: 14.09.2022.

7. LCIA Arbitration Rules [Electronic resource] // LCIA. — Mode of access: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx. — Date of access: 14.09.2022.

8. Правила Международной ассоциации юристов (МАЮ) по получению доказательств в международном арбитраже [Электронный ресурс] // International Bar Association. — Режим доступа: <https://www.ibanet.org/document?id=Rules-on-the-Taking-of-Evidence-in-International-Arbitration-2020-Russian>. — Дата доступа: 14.09.2022.

9. Protocol for the Use Party-appointed Expert Witnesses in International Arbitration [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.ciarb.org/media/4200/guideline-7-party-appointed-and-tribunal-appointed-expert-witnesses-in-international-arbitration-2015.pdf>. — Date of access: 14.09.2022.

10. О международном арбитражном (третейском) суде: Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З [Электронный ресурс] // ILEX. — Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/136131/#M100001>. — Дата доступа: 14.09.2022.

11. Арбитражный регламент Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов» [Электронный ресурс] // ILEX. — Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/172482/#M100001>. — Дата доступа: 14.09.2022.

12. Скворцов, О. Ю. Тема 3. Принципы третейского разбирательства / О. Ю. Скворцов, С. А. Курочкин, М. Э. Морозов // Хрестоматия альтернативного разрешения споров: учеб.-метод. материалы и рекомендации [Электронный ресурс] // ВикиЧтение. — Режим доступа: <https://law.wikireading.ru/51636>. — Дата доступа: 14.09.2022.

13. О международном коммерческом арбитраже: Закон Украины от 24 февр. 1994 г. № 4002-XII [Электронный ресурс] // Urst.com.ua. — Режим доступа: https://urst.com.ua/ru/act/o_mezhdunarodnom_kommercheskom_arbitrazhe. — Дата доступа: 14.09.2022.

14. О международном коммерческом арбитраже: Закон Рос. Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 [Электронный ресурс] // Гарант: информационно-правовой портал. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/10101354/?ysclid=181sbh10mj778940302>. — Дата доступа: 14.09.2022.

15. О международном коммерческом арбитраже: Закон Республики Молдова от 22 февр. 2008 г. № 24-XVI [Электронный ресурс] // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. — Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/327885>. — Дата доступа: 14.09.2022.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КНР В СТРУКТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ»

АСАБЛІВАСЦІ І ФАКТАРЫ ГАНДЛЁВА-ІНВЕСТЫЦЫЙНАГА СУПРАЦОЎНІЦТВА ЕЎРАПЕЙСКІХ КРАІН З МАЛОЙ ЭКАНОМІКАЙ ЦЭНТРАЛЬНАЙ І ЎСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ І КІТАЯ

К. С. Бацяноўская

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,

пр.Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, e-mail: batsianouskaya@bsu.by

У артыкуле выдзелены асаблівасці і фактары гандлёва-інвестыцыйнага супрацоўніцтва еўрапейскіх краін з малой эканомікай Цэнтральнай і Усходняй Еўропы і Кітая, абгрунтавана ўзмацненне ролі Кітая ў гандлёва-эканамічным супрацоўніцтве краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы; выяўлены прыярытэты галіны інвестыцыйна-інавацыйнага супрацоўніцтва Кітая і еўрапейскіх краін з малой эканомікай. Выяўлены пазітыўныя наступствы кітайска-еўрапейскага інавацыйна-інвестыцыйнага супрацоўніцтва для еўрапейскіх краін.

***Ключавыя словы:** еўрапейскія краіны з малой эканомікай; інвестыцыі; гандлёва-інвестыцыйнае супрацоўніцтва.*

FEATURES AND FACTORS OF TRADE AND INVESTMENT COOPERATION BETWEEN EUROPEAN COUNTRIES WITH A SMALL ECONOMY OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE AND CHINA

K. S. Batsianouskaya

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: batsianouskaya@bsu.by

The article highlights the features and factors of trade and investment cooperation between European countries with a small economy of Central and Eastern Europe and China, justifies the strengthening of China's role in trade and economic cooperation between Central and Eastern Europe; identified priority sectors of investment and innovation cooperation between China and European countries with a small economy of CEE.

The positive consequences of the Chinese-European innovation and investment cooperation for European countries are revealed.

***Keywords:** countries with a small economy; investment; trade and investment cooperation.*

Кітай мае амаль тысячагадовую гісторыю камерцыйных узаемадзеянняў з Еўропай праз старажытную сетку гандлёвых шляхоў першапачатковага Шаўковага шляху. За апошнія 30 гадоў у эканоміцы Кітая і Цэнтральнай і Усходняй Еўропы адбыліся значныя змены і прыкметны зрух у іх эканамічным росце.

Разгледзім асаблівасці гандлёва-інвестыцыйнага супрацоўніцтва еўрапейскіх краін з малой эканомікай ЦУЕ і Кітая.

Асноўны ўклад у фарміраванне тавараабароту ўсходнееўрапейскіх краін з малой эканомікай і Кітая ўносіць імпорт тавараў (як і для Рэспублікі Беларусь) (табл. 1, 2). Для Чэхіі (на долю Кітая прыпадае — 10 % усяго імпарту), Венгрыі (8 %), Польшчы (11 %) Кітай займае другое месца пасля Германіі па імпарце тавараў, для Румыніі — 4 месца (6 % імпарту). Гэта сведчыць аб дастаткова высокай ролі Кітая ў знешнегандлёвых сувязях краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы асабліва у параўнанні з іншымі еўрапейскімі краінамі з малой эканомікай, нягледзячы на арыентацыю на ўнутрырэгіянальны гандаль, паколькі на гандаль краін ЦУЕ (экспарт і імпорт) за межамі ЕС прыпадае менш за 29 %, а на гандаль унутры ЕС больш за 70 %.

Адзначым, што Польшча па паказчыку насельніцтва і ўкладу ў агульны ВУП адносіцца да краін з вялікай эканомікай, а ў параўнанні яе ВУП з ВУП ЗША — да краін з малой эканомікай [2].

Трэба адзначыць, што экспарт тавараў у Кітай мінімальны ў параўнанні з імпартам, бо многім еўрапейскім вытворцам даволі складана выйсці на кітайскі рынак. Звернем увагу на Венгрыю, бо яна з'яўляецца гандлёвым цэнтрам для кітайскіх тавараў у ЕС, значная частка гэтых тавараў адразу ж экспартуецца ў іншыя члены ЕС.

Па-за межамі ЕС Кітай з'яўляецца найбуйнейшым партнёрам Венгрыі, паколькі гандлёвыя адносіны імкліва развіваюцца на працягу многіх гадоў. З пункту гледжання Кітая, Венгрыя з'яўляецца трэцім па велічыні партнёрам у рэгіёне пасля Польшчы і Чэхіі. Каля 50 % венгерскага экспарту складаюць машынабудаўнічыя тавары і каля 60 % кітайскага экспарту ў Венгрыю таксама машынабудаўнічыя тавары.

Разгледзім асаблівасці кітайскіх інвестыцый ў краіны ЕС: да 2004 г. прамых інвестыцый з Кітая ў Еўропу практычна не паступала. З 2008 г., калі Еўропа стала часткай нацыянальнай «палітыкі выхаду за мяжу» («走出去»), усё больш дзяржаўных прадпрыемстваў, а таксама некаторых прыватных кампаній пачалі інвеставаць у краіны ЕС.

Пачынаючы з 2008 г. рост інвестыцый звязаны з еўрапейскімі інфраструктурнымі праектамі, якая расце цікавасцю кітайскіх інвестараў да сектараў нерухомасці, харчавання і фінансавых паслуг. Найбольшай папулярнасцю сярод кітайскіх інвестараў карыстаюцца здзелкі ў прамысловых галінах. Сярод іншых ключавых сектараў — інфармацыйныя і камунікацыйныя тэхналогіі, энергетыка, ахова здароўя, хімічная прамысловасць і вытворчасць тэхналогій.

Таблиця 1

**Імпарт товару європейських країн
з малої економіки з Китаю, 2021 г.**

Країна	Млн євра	Доля Китаю у імпорте товару не з країн – ЕС (за межами ЕС), %	
Нідерланды	110 420	29,3	
<i>Польща</i>	31 121	31,9	
Бельгія	24 785	14,9	
<i>Чехія</i>	18 561	39,4	
Швеція	10 787	20,5	
<i>Венгрія</i>	9849	28,5	
Данія	8570	25,4	
Австрія	7902	18,0	
Ірландія	6992	11,2	
<i>Румунія</i>	6198	22,9	
<i>Словенія</i>	5871	27,4	
Греція	5009	16,0	
Португалія	3889	17,8	
<i>Словакія</i>	3581	18,7	
Фінляндія	3361	15,2	
<i>Балгарія</i>	2107	13,7	
Літва	1595	13,0	
<i>Хорватія</i>	1036	13,8	
Естонія	922	16,5	
Латвія	861	15,5	
Кіпр	426	14,0	
Мальта	298	12,2	
Люксембург	284	11,8	

К р и н і ц а: [1].

У 2021 г. вядучымі галінамі для кітайскіх інвестыцый у Еўропе сталі спажывецкія тавары і паслугі і аўтамабілебудаўніцтва, гульнявая індустрыя (напрыклад, кампанія *Tencent* набыла кантрольныя пакеты акцый шведскіх гульнявых кампаній *Stunlock Studios* і *Fatshark*). У той час як Нідэрланды, Вялікабрытанія і Германія — вядучымі атрымальнікамі кітайскіх ПЗІ ў Еўропе.

Табліца 2

**Экспарт тавараў еўрапейскіх краін
з малой эканомікай з Кітая, 2021 г.**

Краіна	Млн еўра	Доля Кітая ў экспарце тавараў ЦУЕ па-за блокам/за межы ЕС, %	
Нідэрланды	15 906	7,3	
Ірландыя	11 006	11,1	
Бельгія	8029	5,2	
Швецыя	6654	9,0	
Данія	5963	11,9	
Аўстрыя	4869	9,2	
Фінляндыя	3639	12,0	
Польшча	3064	4,3	
Чэхія	2462	6,6	
Славакія	2185	12,8	
Венгрыя	1643	6,2	
Балгарыя	1116	9,8	
Румынія	908	4,6	
Грэцыя	712	3,9	
Партугалія	686	3,8	
Славенія	448	2,9	
Літва	228	1,6	
Люксембург	224	8,3	
Эстонія	195	3,2	
Латвія	162	2,5	
Харватыя	89	1,5	
Мальта	61	4,5	
Кіпр	52	2,2	

Крыніца: [1].

Сярод прыярытэтных для кітайскіх інвестыцый галін у краінах ЦУЕ вылучаюцца: у Польшчы — аўтамабілебудаўніцтва, тэхналагічны сектар, лагістыка, хімічная прамысловасць, камерцыя, транспарт, электроніка, металургія, ІКТ, турызм, ахова здароўя, нерухомаасць, сельская гаспадарка, фінансы і інш.; у Венгрыі — аўтамабілебудаўніцтва, электроніка, ІКТ, транспарт, камерцыя, бізнес-паслугі, у хімічная прамысловасць, авіяцыя,

логістыка, вытворчасць, кансалтынг, адукацыя, інвеставанне; у Чэхіі — аўтамабілебудаванне, электроніка, сельская гаспадарка, сектар забаў, нерухомасць, авіяцыя, турызм, медыя, ахова здароўя; у Румыніі вытворчасць, сельская гаспадарка, аўтамабілебудаванне, энергетыка.

Да станоўчых фактараў кітайска-еўрапейскага інвестыцыйнага супрацоўніцтва для еўрапейскіх краін можна аднесці наступнае: стварэнне або захаванне працоўных месцаў, прыцягненне дадатковых грашовых рэсурсаў для кампаній і ўзаемадзеянне з кітайскім рынкам, які імкліва развіваецца; сумеснія даследаванні і распрацоўкі паміж кампаніямі ЕС і Кітая садзейнічаюць адаптацыі прадуктаў і паслуг да патрабаванняў спажываўцоў кітайскага рынку, магчымасць выкарыстання кітайскага чалавечага патэнцыялу і доступ высокатэхналагічным прамысловым кластарам.

Імкненне Кітая да асваення магчымасцей сусветнага рынку, павышэння свайго бізнес-патэнцыяла, а таксама да набыцця перадавых тэхналогій і кіраўніцкіх ноу-хау, дыверсіфікацыя партфеля інвестыцый і зніжэнне рызыкі з'яўляюцца асноўнымі матывамі для інвэсціравання КНР у еўрапейскія краіны.

Нягледзячы на імклівы рост і пашырэнне ўплыву на еўрапейскім рынку, шэраг кітайскіх кампаній сутыкаюцца з цяжкасцямі, што звязана з праблемамі адаптацыі не толькі да іншай бізнэс-мадэлі, але і да зусім іншага палітычнага, сацыяльнага і эканамічнага асяроддзя.

Вывяўлена, што сярод фактараў, якія перашкаджаюць інвестыцыйнаму супрацоўніцтву (у другім паўгоддзі 2021 г. назіралася скарачэнне аб'ёму выходных зліццяў і паглынанняў у Кітаі), з'яўляюцца эканамічная нявызначанасць, строгае рэгулятарнае асяроддзе, узмацненне нагляду за кітайскімі інвестыцыямі, асабліва ў тэхналагічным і інфраструктуры жорсткія меры мытнага кантролю ва ўмовах пандэміі COVID-19. Паказана, што ўзмацненне кантролю з боку замежных рэгулюючых органаў таксама паслужыла адной з прычын, па якой Кітай засяродзіўся на стварэнні ўнутраных альтэрнатыв і павялічыў аб'ём M&A здзелак на ўнутрыдзяржаўным рынку[4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. China—EU — international trade in goods statistics [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#Trade_with_China_by_Member_State. — Date of access: 03.09.2022.

2. Страны с малой экономикой в условиях интеллектуализации, дигитализации и экологизации / Е. Л. Давыденко [и др.]. — Минск, 2019. — 345 с.

3. The Full Data Set, Budapest, April 2021 / T. Matura [et al.] [Electronic resource] // Central and Eastern European Center for Asian Studies. — Mode of access: <https://www.china-cee-investment.org/the-dataset>. — Date of access: 01.09.2022.

4. Li, C. M&A Report 2022: China / C. Li [Electronic resource] // IFRL. — 23.03.2022. — Mode of access: <https://www.ifrl.com/article/2a6470zkugxoksoxq483k/m-a-report-2022-china>. — Date of access: 01.09.2022.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ АСЕАН В КИТАЕ

Ван Лэпин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: 893044459@qq.com*

Си Цзиньпин неоднократно предлагал планы по развитию концепции «общества единой судьбы человечества». Эти национальная стратегия открыла широкие перспективы для сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН. В последние годы экономические и торговые отношения между Китаем и странами АСЕАН развиваются очень быстро, а промышленные ресурсы обеих сторон в значительной степени дополняют друг друга. Китай географически близок к странам Юго-Восточной Азии, и с 1950-х гг. в Китае были созданы академические институты для изучения стран региона. В этой статье представлены китайские институты, изучающие страны АСЕАН, и анализируется статус-кво исследований АСЕАН в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: АСЕАН; Китай; исследовательский центр.

ASEAN RESEARCH INSTITUTES IN CHINA

Wang Leping

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: 893044459@qq.com*

Xi Jinping has repeatedly proposed plans to build a community with a shared future for mankind, and these national strategies have opened up broad prospects for cooperation between China and ASEAN countries. In recent years, the economic and trade relations between China and ASEAN countries have developed rapidly, and the two sides are highly complementary in terms of industrial structure. China is geographically close to Southeast Asian countries. Since the 1950s, China has established academic institutions to study Southeast Asia. This article brings together Chinese institutions that study ASEAN countries and analyzes the current status of ASEAN studies under the Belt and Road Initiative.

Keywords: ASEAN; China; Research Center.

АСЕАН расположена в ключевом районе «Морского Шелкового пути» и является важной зоной продаж продукции и инвестиций для Китая. С древних времен Китай и АСЕАН были географически близки и имели переплетенные интересы, что делало их естественными партнерами. В Китае был создан ряд соответству-

ющих исследовательских институтов для содействия общему развитию отношений между Китаем и АСЕАН.

Согласно списку региональных и национальных исследовательских баз Министерства образования и официальному сайту каждой школы, по состоянию на 2020 г. функционировало 49 научно-исследовательских учреждений, связанных с исследованиями Юго-Восточной Азии, АСЕАН и странами АСЕАН. По количеству региональных и национальных исследовательских институтов в Китае, связанных с АСЕАН, они располагаются в порядке убывания: Юго-Восточная Азия (14), АСЕАН (8), Вьетнам (6), Индонезия (6) и Таиланд (4), в то время как в остальных странах Юго-Восточной Азии их количество меньше или равно 2. Провинции с более чем 5 научно-исследовательскими институтами — это Пекин, Юньнань, Фуцзянь, Гуандун и Гуанси по порядку, при этом общая доля пяти провинций достигает 69 %.

Центр изучения Юго-Восточной Азии Сямэньского университета был создан в сентябре 2000 г. Это междисциплинарное научно-исследовательское учреждение, созданное на базе научно-исследовательского института Южного океана Сямэньского университета. Основанный в 1956 г., Институт Южного океана является первым академическим учреждением, основанным в Китае, специализирующимся на изучении Юго-Восточной Азии и зарубежных китайцев, а также одним из первых международных исследовательских институтов, созданных в Китае. В центре есть четыре исследовательских лаборатории, которые занимаются исследованием следующих вопросов — экономика и политика Юго-Восточной Азии, китайская диаспора в Юго-Восточной Азии, международные отношения Юго-Восточной Азии и религиозная история и культура Юго-Восточной Азии. Области исследований включают экономику, историю, политику Юго-Восточной Азии, историю китайско-международных отношений, проблемы Китая за границей, проблемы Южно-Китайского моря, культуру и религию Юго-Восточной Азии, китайскую литературу и международные отношения и т. д. [1].

В 1978 г. Отдел исследований истории Юго-Восточной Азии было преобразовано в Научно-исследовательский институт Юго-Восточной Азии Университета Сунь Ятсена, и с одобрения Государственной комиссии по образованию была создана магистерская программа по всемирной региональной истории и национальной истории, ставшая одной из первых подразделений последипломного обучения по этой дисциплине. С 1980-х гг. исследователи института последовательно реализовали 4 проекта национального фонда социальных наук, 5 проектов планирования социальных наук Министерства образования и ряд провин-

циальных и муниципальных научно-исследовательских проектов. С 1980-х гг. по настоящее время исследователи института последовательно реализовали 4 проекта национального фонда социальных наук, 5 проектов планирования социальных наук Министерства образования и ряд провинциальных и муниципальных научно-исследовательских проектов. Одним из видов реализации результатов научной деятельности исследователей является издание академических журналов, таких как «Вопросы Юго-Восточной Азии», «Серия истории Юго-Восточной Азии», «Серия переводов истории Юго-Восточной Азии», «Журнал Юго-Восточной Азии», а также сборники эссе по проблемам Юго-Восточной Азии и китайцев за рубежом.

В январе 2005 г. был создан Институт исследования Китая—АСЕАН Университета Гуанси, в состав которого входят Институт экономических исследований Китай—АСЕАН, Институт правовых исследований Китай—АСЕАН и Научно-исследовательский институт этнической культуры Китай—АСЕАН, основные исследовательские интересы которых связаны с отношениями между Китаем и АСЕАН и экономическими, правовыми, культурными и этническими проблемами стран Юго-Восточной Азии [2]. После этого, чтобы адаптироваться к развитию и изменениям отношений между Китаем и АСЕАН, Институт с 2011 по 2013 г. дополнительно усовершенствовал свои области исследований и адаптировался к 10 национальным исследовательским институтам и 10 профессиональным исследовательским институтам. В то же время был создан редакционный отдел «Исследования Китая—АСЕАН» и усилено строительство инфраструктуры научных исследований. В настоящее время Институт публикует «Исследования Китай—АСЕАН» (журнал), «Годовой отчет о развитии сотрудничества Китай—АСЕАН», «Годовой отчет о развитии страны Китай—АСЕАН» и серию нерегулярных исследовательских отчетов. После длительного строительства и развития Институт исследования Китая—АСЕАН УГ стал одним из учреждений с наибольшим количеством исследователей в области АСЕАН: 49 штатных исследователей, 73 внештатных исследователя и 9 иностранных совместных исследователей.

В 2009 г. Университет Гуйчжоу учредил Исследовательский центр АСЕАН благодаря проведению проведения «Недели обмена образованием между Китаем и АСЕАН». В 2012 г. центр был официально утвержден Министерством образования в качестве «Страновой и региональной исследовательской базы». Центр специализируется на исследованиях в области образования, культуры, экономики сельского хозяйства и международной политики в странах АСЕАН. В центре работает около 20 научных

исследователей, которые руководили 6 проектами Национального фонда естественных наук Китая и Национального фонда социальных наук Китая, а также более 10 проектами министерского уровня Министерства образования и Министерства торговли [3].

Совместный инновационный центр Китай—АСЕАН для регионального развития был основан в марте 2015 г. Центр посвящен сотрудничеству и инновационным исследованиям по основным вопросам, таким как политика, экономика, национальная оборона и дипломатия между Китаем и АСЕАН. Целью данного центра является подготовка специалистов по исследованиям АСЕАН и исследованиям инициативы «Один пояс, один путь».

Центр исследований АСЕАН в провинции Шаньдун был основан в сентябре 2019 г. и является одним из первых исследовательских подразделений в области иностранных дел. Центр создал команду отечественных и зарубежных экспертов, а также аналитические центры. Цель центра — создать профессиональную высококлассную исследовательскую платформу с междисциплинарным участием и совместным использованием нескольких ресурсов, а также стремится к иностранным обменам и сотрудничеству. В 2019 г. в сотрудничестве с Университетом Путра Малайзии был создан «Исследовательский центр АСЕАН». В январе 2021 г. Центр исследований АСЕАН провинция Шаньдун и Исследовательский центр стратегии «Один пояс, один путь» Университета Рамана Малайзии провели онлайн-видеоконференцию для обсуждения сотрудничества в организации международных академических обменов и мероприятий по культурному обмену [4].

В целом, большинство соответствующих учреждений расположены в Пекине и провинциях Юньнань, Фуцзянь, Гуанси и Гуандун, близких к Юго-Восточной Азии. Основная работа институтов заключается в консультационном сопровождении реализации инициативы «Один пояс, один путь» и содействии политическому взаимодоволию и партнерству между регионами, анализе состояния местной инфраструктуры и т. д. Кроме того, институты анализируют возможности экономического сотрудничества между странами и предоставляют китайским предприятиям рекомендации по инвестированию в АСЕАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сямэнь дасюе дуннанья яньцзю чжунсин гуаньван = Официальный сайт центра изучения Юго-Восточной Азии Сямэньского университета [Электронный ресурс] // Сямэнь дасюе дуннанья яньцзю чжунсин гуаньван = Официальный сайт центра изучения Юго-Восточной Азии Сямэньского университета. — Режим доступа: <https://ny.xmu.edu.cn>. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).

2 Гуанси дасюе чжунго дунмэн яньцзю юань гуаньван = Официальный сайт института исследования Китая—АСЕАН Университета Гуанси [Электронный ресурс] // Гуанси дасюе чжунго дунмэн яньцзю юань гуаньван = Официальный сайт института исследования Китая—АСЕАН Университета Гуанси . — Режим доступа: <<https://cari.gxu.edu.cn/index.htm>>. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).

3. Гуйчжо дасюе дунмэн яньцзю юань гуаньван = Официальный сайт исследовательского центра АСЕАН Университета Гуйчжоу [Электронный ресурс] // Гуйчжо дасюе дунмэн яньцзю юань гуаньван = Официальный сайт исследовательского центра АСЕАН Университета Гуйчжоу. — Режим доступа: <http://asean.gzu.edu.cn>. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).

4. Belt and road strategic research centre [Electronic resource] // Belt and road strategic research centre. — Mode of access: <https://brsrc.research.utar.edu.my/>. — Date of access: 05.09.2022.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

А. С. Дударёнок

*Белорусский институт стратегических исследований,
пр-т Победителей, 7, 220004, г. Минск, Беларусь, e-mail: dudarenok@bisr.by*

Масштабные вызовы, с которыми сталкиваются Китай и другие государства Шанхайской организации сотрудничества, оказывают влияние на осуществляемые ими преобразования, в том числе государственное управление, ценности общества и внешнюю политику. КНР обладает рядом преимуществ для поступательной реализации намеченных целей развития в сложной международной обстановке с опорой на собственные силы и развитие межгосударственного и многостороннего партнерства в рамках евразийского региона.

Ключевые слова: *Китай; стратегия развития; концепция двойной циркуляции; ШОС; технологический суверенитет; торгово-транспортные маршруты.*

CHINA'S DEVELOPMENT STRATEGY IN THE FACE OF CHALLENGES FOR STATES OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION SPACE

A. S. Dudaronak

*Belarusian Institute for Strategic Research,
Pobediteley Avenue, 7, 220004, Minsk, Belarus, e-mail: dudarenok@bisr.by*

The vast challenges faced by China and the other states of the Shanghai Cooperation Organisation have an impact on their transformations, including governance, societal values and foreign policy. The PRC has a number of advantages to progressively realize its development goals in a complex international environment, relying on its own strength and developing interstate and multilateral partnerships within the Eurasian region.

Keywords: *China; development strategy; double circulation concept; SCO; technological sovereignty; trade and transport routes.*

Изменения, происходящие на мировой политической арене, несут в себе вызовы для национальной и региональной безопасности.

В различных частях Большой Евразии продолжается сближение зон повышенной геополитической турбулентности, которые затрагивают «евразийскую дугу нестабильности». Можно наблюдать, как эти процессы провоцируют рост недоверия и обеспокоенности между странами, имеющими неурегулированные межгосударственные противоречия, обостряют напряженность между ними по чувствительным вопросам (например, территориально-пограничным спорам, контролю над ресурсами и торгово-транспортными путями).

Американо-китайская торговая война, пандемия коронавируса, а затем международная геополитическая турбулентность на фоне событий в Украине существенно подтолкнули стремление руководства КНР к самодостаточности. По мнению военного аналитика, основателя сайта *The Company Leader*, посвященного изучению тактики боевых действий, Д. Мейера, «китайская стратегия новой холодной войны состоит в том, чтобы спокойно наращивать мощь, достигнув такого положения, при котором Америка никогда уже не посмеет бросить Китаю вызов» [1].

В этом новом формирующемся мироустройстве преимуществами обладают государства и альянсы с высоким потенциалом социально-экономической и общественно-политической стрессоустойчивости, способные обеспечивать национальные интересы и суверенитет, имеющие надежных союзников и партнеров. Одновременно будет возрастать роль региональных торгово-экономических союзов, блоков и организаций, интеграционных объединений, способных раскрыть потенциал сбалансированного многостороннего экономического взаимодействия на пространстве макрорегиона.

В настоящее время перед китайской инициативой «Один пояс, один путь» стоят значительные трудности и риски ввиду сопутствующих процессов обособления рынков, запретов на вывод капитала и трансфер технологий, введения разного рода международных ограничений и барьеров, мешающих развитию межгосударственного взаимодействия на протяжении Пояса и Пути.

Тем не менее, успеху КНР способствуют продемонстрированные в 2020—2021 гг. достижения в борьбе с пандемией коронавируса и восстановлении экономики по сравнению с другими странами мира. По опубликованному в 2020 г. прогнозу, к 2025 г. объем внутреннего потребления в КНР увеличится в 1,5 раза: с 8 трлн в 2020 г. до 12 трлн дол. США в 2025 г., что создает огромные возможности для зарубежных поставщиков [2].

Пользуясь имеющимися преимуществами, Пекин имеет возможность сосредоточиться на решении важнейших экономических задач. В экономической и социальной политике современного Китая продолжается этап серьезных трансформаций. При этом осуществляемые властями КНР преобразования предполагают сохранение неизменными основ китайской модели: градуальности (постепенности) изменений, максимального прагматизма, следования четкой национальной системе ценностей с опорой на конфуцианство.

Еще по итогам кризиса 2008 г. Коммунистическая партия Китая провозгласила ориентацию на развитие внутреннего рынка. В октябре 2017 г. на XIX съезде КПК была подтверждена приверженность КНР следованию «пяти составляющим» и «четырем всесторонним аспектам». «Пять составляющих» включают экономическое, политическое, культурное, социальное строительство и строительство экокультуры. Стратегия «четырех всесторонних аспектов» подразумевает построение среднезажиточного общества, всестороннее углубление реформ, полное обеспечение законности в государственном управлении и полное осуществление строгого внутривластного управления [3].

На встрече с экономическими экспертами в мае 2020 г. Председатель КНР Си Цзиньпин подтвердил, что Китай реализует новый план развития, в котором «мы должны рассматривать внутренний спрос как отправную точку и точку опоры». В октябре 2020 г. в ходе визита в Шэньчжэнь китайский лидер подчеркнул, что переориентация на внутренний рынок и потребление не означает отказа от внешней открытости [4].

Данные подходы были официально закреплены на V пленуме ЦК КПК XIX созыва (26—29 октября 2020 г.), на котором Си Цзиньпином была представлена двухшаговая модель поддержания экономики («концепция двойной циркуляции»). Данная концепция предусматривает первоначальное стимулирование в КНР внутреннего рынка, который будет увеличиваться как за счет сельского населения, так и среднего класса (за последнее десятилетие Китай сократил экспортную квоту вдвое, с 36 до 18 %). Затем предполагается вновь резкое расширение экспорта и инвестиций в развитие инфраструктуры и экономики континента.

На основе модели двойной циркуляции по итогам пленума был одобрен пятилетний план «социалистической модернизации» КНР в 2021—2025 гг. и долгосрочные цели до 2035 г., которые выступают основой для «построения социалистической модернизированной державы» в 2035—2049 гг.

К концу 2020 г. Китай одержал полную победу над абсолютной нищетой, выведя из-за черты бедности все бедное население

сельских районов (порядка 100 млн человек), продолжив и нащупывать новые драйверы роста, которые будут направлены в первую очередь на качественное внутреннее развитие государства.

В частности, следующим шагом по наращиванию потенциала для игры в новом «посткоронавирусном мире» выступает обеспечение «общего процветания», предполагающего достижение уровня умеренного достатка для всех граждан КНР. Эта идея стала главной темой совещания Центрального Комитета Китая по финансам и экономике, которое прошло 17 августа 2021 г. под председательством Си Цзиньпина [5]. По мнению экспертов, данная тема активно поднимается китайскими властями на фоне ужесточения государственного регулирования высокотехнологических компаний, затрагивающего такие важные области, как наука и технологические инновации, культура и образование [6].

Китай постепенно переходит к «опоре на собственные силы» (так называемой полной системе внутреннего потребления) в сфере высоких технологий, стремясь сделать ее независимой от импортных (китай, американских) составляющих и технических решений. Для достижения этой цели власти будут стимулировать инвестиции в НИОКР, совершенствовать зеленую экономику, урбанизацию, инфраструктуру и систему социального обеспечения на основе цифровых технологий, поощрять цифровизацию средних и малых предприятий [7, с. 213—214].

Как отмечают эксперты, технологическая война Китая и США и постепенное ослабление технологической и промышленной кооперации между ними ведет к «расцепке» (англ. *decoupling*) экономик государств с перспективой деления мира на две системы с разными платформами и техническими стандартами [8, с. 21].

В рамках принятой КНР стратегии «Технические стандарты 2030» страна позиционирует себя как игрока, способного определять международные технические стандарты, основываясь на разработках своих транснациональных компаний, что обеспечит превосходство Китая в экспорте высокотехнологичной гражданской инфраструктуры.

Исходя из внутренних преобразований, во внешней политике страной делается акцент на сотрудничестве и поиске новых механизмов регионального экономического взаимодействия, в частности, на пространстве Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС), чтобы внести вклад в совершенствование существующей мировой экономической системы. Как отмечало авторитетное китайское издание *Global Times*, если «изначально причиной создания ШОС выступала борьба с терроризмом и необходимость борьбы с экстремизмом, то сегодня ее функции и

масштабы постепенно расширялись в соответствии с реальными потребностями региона» [9].

В настоящее время Пекин исходит из того, что эскалация международных отношений и протекционистские тенденции в мировой экономике, а также набирающий силу новый тренд на «разъединение» требуют совместной выработки адекватных решений и мобилизации новых возможностей для совместного развития.

В условиях мирового экономического спада возрастает значимость эффективной логистики и транспортных коммуникаций, в целом государств, обладающих наиболее развитой дорожной инфраструктурой и возможностями для обеспечения транзита товаров.

Вопросы межрегиональной экономической кооперации и взаимодействия посредством выстраивания транснациональных логистических коридоров, которые являются стратегическим приоритетом Пекина, получили широкое обсуждение в сентябре 2022 г.

В преддверии XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая состоялись государственные визиты Председателя КНР Си Цзиньпина в Казахстан и Узбекистан, принято участие в саммите ШОС в Самарканде. В опубликованных накануне СМИ Центральной Азии программных статьях Си Цзиньпина о китайско-казахстанских и китайско-узбекских отношениях обозначаются ключевые аспекты развития отношений КНР с двумя странами в новую эпоху.

В частности, по мнению китайского лидера, в регионе «успешно формируется многовекторная и мультимодальная инфраструктурная сеть, охватывающая автомобильные, железнодорожные, авиационные перевозки и трубопроводы. В настоящее время Китай и Казахстан активно работают над созданием высокоэффективной и удобной мультимодальной транспортной артерии на просторном пространстве Евразии».

По итогам переговоров в Узбекистане подписано Соглашение о реализации проекта строительства железной дороги «Узбекистан — Кыргызстан — Китай, имеющей стратегическое значение для укрепления транспортной взаимосвязанности и развития региона. Также в числе подписанных на саммите ШОС документов — «План совместных действий по развитию внутрирегиональной торговли», «Программа стимулирования промышленной кооперации между деловыми кругами» и «Концепция сотрудничества государств-членов ШОС по развитию взаимосвязанности и созданию эффективных транспортных коридоров».

В рамках двусторонней белорусско-китайской повестки ШОС следует отдельно отметить подписание Декларации Республики

Беларусь и Китайской Народной Республики об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства, предусматривающей углубление сотрудничества в совместном строительстве «Пояса и пути» и расширение сотрудничества в транспортно-логистической сфере.

В принятой по итогам саммита ШОС Самаркандской декларации подчеркивается стремление к достижению «общей цели обеспечения процветания и безопасности в обширном регионе ШОС путем формирования устойчивых торгово-экономических и транспортно-коммуникационных связей», «важность дальнейшего углубления сотрудничества в транспортной сфере» [11, с. 15].

Все это говорит о том, что Китай продолжает рассматривать региона Центральная Азия и в целом евразийское пространство как свой стратегический тыл, позволяющий обеспечить развитие взаимовыгодного международного партнерства при новом мировом порядке.

Снижение накала напряженности, прежде всего на региональном уровне, а также выстраивание в евразийском регионе доверительных межгосударственных отношений на основе реализации инфраструктурных проектов, трансформации экономических систем и развития каналов гуманитарной помощи для Китая и его партнеров по ШОС следует рассматривать как возможность в положительном ключе изменить баланс интересов между государствами и общую ситуацию с безопасностью в Евразии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Meyer, D. Tracing the contours of the new Cold war / D. Meyer [Electronic resource] // Modern War Institute. — 09.01.2019. — Mode of access: <https://mwi.usma.edu/tracing-contours-new-cold-war/>. — Date of access: 05.09.2022.

2. Щепин, К. Китай обозначил вектор национального развития на среднесрочную перспективу / К. Щепин [Электронный ресурс] // Российская газета. — 01.11.2020. — Режим доступа: <https://rg.ru/2020/11/01/kitaj-oboznachil-vektor-nacionalnogo-razvitiia-na-srednesrochnuiu-perspektivu.html>. — Дата доступа: 04.08.2022.

3. Си Цзиньпин: Следует высоко поднять великое знамя социализма с китайской спецификой, решительно добиваться всестороннего создания среднезажиточного общества в Китае [Электронный ресурс] // Синьхуа Новости. — 28.07.2017. — Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-07/28/c_136478357.htm. — Дата доступа: 04.03.2021.

4. Си Цзиньпин призвал Шэньчжэнь стать мировым лидером в области технологических и промышленных инноваций [Электронный ресурс] // Синьхуа Новости. — 14.10.2020. — Режим доступа: http://russian.news.cn/2020-10/14/c_139439410.htm. — Дата доступа: 04.08.2022.

5. Дульнева, М. Китай призвал более строго регулировать «чрезмерно высокие доходы» бизнеса / М. Дульнева [Электронный ресурс] // Forbes.ru. — 18.08.2021. — Режим доступа: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/437633-kitay-prizval-bolee-strogo-regulirovat-chrezmerno-vysokie-dohody-biznesa>. — Дата доступа: 24.08.2022.

6. Кожирова, С. Б. Некоторые особенности экономической и социальной политики Китая на современном этапе / С. Б. Кожирова [Электронный ресурс] // Международный научный комплекс Астана. — 14.09.2021. — Режим доступа: <http://isca.kz/ru/analytics-ru/3664>. — Дата доступа: 24.08.2022.

7. Дударёнок, А. С. Беларусь и Китай: общая траектория развития / А. С. Дударёнок, С. В. Вергейчик // 100-летие КПК и успехи развития Китая: материалы науч.-практ. конф., Минск, 26 мая 2021 г. / Белорус. общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. — Минск: Нац. библиотека Беларуси, 2021. — С. 208—221.

8. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / Под общ. ред. А. С. Коржевского; редкол.: В. В. Толстых, И. А. Копылов. — М.: РГТУ, 2021. — 604 с.

9. China-Russia cooperation has no upper limits: Global Times editorial [Electronic resource] // Global Times. — 03.03.2021. — Mode of access: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219115.shtml>. — Date of access: 05.09.2022.

10. Си Цзиньпин. Продолжить традицию китайско-казахстанских отношений и открывать новые возможности / Си Цзиньпин [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. — 13.09.2022. — Режим доступа: <https://kazpravda.kz/n/prodolzhit-traditsiyu-kitaysko-kazahstanskih-otnosheniy-i-otkryvat-novye-vozmozhnosti/>. — Дата доступа: 13.09.2022.

11. Самаркандская декларация совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. — 16.09.2022. — Режим доступа: <http://rus.sectsko.org/load/913203/>. — Дата доступа: 17.09.2022.

THE POSITIVE SIGNIFICANCE OF PERFECTING THE LEGISLATION FOR CHINA'S ENHANCEMENT OF INNOVATION CAPABILITY

Ye Yuhu

Belarusian State University

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: yohoyeh@qq.com

This paper introduces the development process of China's intellectual property protection law and innovation-related legislation, and analyzes the significance of improving legislation for protecting innovation achievements and enhancing innovation capabilities.

Keywords: *China Innovation; Legislative Protection; Intellectual Property Protection.*

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КИТАЯ

Е Юйху

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: yohoуeh@qq.com*

В статье представлен процесс разработки законодательства Китая в области охраны интеллектуальной собственности и законодательства, связанного с инновациями, а также анализируется значение совершенствования законодательства для защиты инновационных достижений и повышения инновационного потенциала.

Ключевые слова: *китайские инновации законодательная защита; защита интеллектуальной собственности.*

In 1986, China promulgated the General Principles of the Civil Law. In this law, the concept of "intellectual property" was proposed for the first time, and some standardized operations were also carried out on the protection of copyrights, trademarks and patents. After that, China successively issued a number of laws and regulations: the Intellectual Property Protection Law, the Patent Law of the People's Republic of China, the Implementing Regulations of the Patent Law of the People's Republic of China, the Regulations on Collective Administration of Copyright, the Trademark Law of the People's Republic of China, "Regulations for the Implementation of the Trademark Law of the People's Republic of China", "Copyright Law of the People's Republic of China", "Regulations for the Implementation of the Copyright Law of the People's Republic of China" and "Regulations on the Protection of Computer Software", etc.

In 2005, China set up a leading group for the formulation of a national intellectual property strategy and officially launched the formulation of a national intellectual property strategy, which shows that China is continuously strengthening the protection of intellectual property rights. With the continuous increase in the size of China's economy, the number of intellectual property rights of Chinese enterprises is also increasing. Improving the legislative protection of intellectual property rights will not only help reduce unnecessary international trade disputes, but also better protect the domestic intellectual property owners and the interests of innovative companies.

From 2017 to 2020, the total number of first-instance cases involving intellectual property and competition disputes received by the people's courts increased from 201,039 to 443,326, and the proportion of the total number of first-instance cases received by the people's courts increased from 1.56 % to 3.05 % [1]. This is enough to

see that the influence of intellectual property protection in the national economy is gradually increasing.

The acceleration of China's innovation speed is mainly due to the participation of private enterprises and small and medium-sized enterprises. China's strong national defense and basic scientific strength are related to the innovative research and development achievements of scientific research institutions set up by China's state, but it is undeniable that the technology of enterprises Innovation makes it easier for people to feel the changes brought about by technology and gain market share in international markets.

A series of technological innovation brands such as "Huawei", "Xiaomi" and "IFLYTEK" were developed under the support of China's national innovation policy. It is especially worth noting that although these enterprises have achieved rapid development through the state's preferential support policies for innovation, these enterprises were all small and medium-sized innovative enterprises at the beginning of their establishment. It is bound to be unable to resist unfair competition in numerous aspects, especially under the pressure of some technical monopoly enterprises. If there is no perfect legal protection, it will face numerous insurmountable difficulties, and may even fail at the beginning of the business.

Improving legislation to protect innovative achievements can also help Chinese enterprises protect their own innovative enterprises and innovative achievements in their normal foreign trade activities, especially to prevent foreign enterprises from taking advantage of technological advantages or price advantages to conduct dumping and industry monopoly. It will be a huge challenge or threat to the country's innovative development.

There have been numerous cases where the market share of Chinese innovative companies has been squeezed by foreign brands due to imperfect anti-dumping laws. For example, Japan's Fuji Film once occupied 70 % of the film market share in China in the 1980s, and the American Kodak and Germany's Agfa competed with China's Lucky to occupy 30 % of the market share. As the Kodak film began to be dumped in China at a low price, the living space of China's Lucky film was also reduced. China's Lucky Films did not fail entirely, the reason being that foreign film companies made mistakes in their investment decisions. During the whole process of anti-dumping, China lacked a comprehensive anti-dumping law and did not provide substantial legal assistance to its own innovative enterprises.

As China's investment in innovation continues to increase, the investment in current innovation projects, talents and resources has increased exponentially compared with the past. If these investments are not managed by perfect laws, there will be a very chaotic situation.

It is extremely likely to lead to increased risk of national investment. Over the past 20 years, China has made great strides in strengthening its innovation capabilities. R&D spending as a share of GDP rose steadily from 1.1 % in 2001 to 2.23 % in 2019. According to the "Main Science and Technology Indicators" released by the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), China is currently the world's second largest R&D country after the United States in terms of purchasing power parity, and the gap with the United States is shrinking significantly. In 2005, China's R&D spending was equivalent to 26 % of that of the United States, and by 2018 this proportion had risen to 80 %. [2] With the increase of R&D investment and the continuous growth of patent output, both the supervision of funds and the protection of patent achievements need to continuously improve the role of the law in supervision. Otherwise, it will considerably dampen the enthusiasm for social innovation.

Driven by technology, human life and consumption habits, as well as social and economic relations, have gradually become more complex with the development of technological innovation. If the law is not continuously developed and perfected according to the actual situation, it will gradually affect people's enthusiasm for innovation and development and produce a contradiction between ethics and technological development. For example, in the field of medical science and technology, with the advancement of technology, many new medical problems and disputes need to be regulated and defined by perfect laws, otherwise it will affect the application of medical science and technology achievements in the medical field.

At present, there are continuous cases of illegal implementation of new technologies in medical clinical applications in China. For example, while new biological treatment technologies such as stem cell transplantation and monoclonal antibodies are emerging in large numbers, some medical institutions have irregular drug clinical trials; the clinical application of new biological technologies is irregular, and even taking advantage of the relatively lagging legal gaps to implement violations of medical ethics and violations of medical behavior in accordance with national laws and regulations. The emergence of these situations has led to the occurrence of a large number of medical damage disputes, increasing the risks for patients, hospitals and pharmaceutical R&D companies. [3]

It is precisely because of the lag of relevant laws that scientific and technological innovation achievements have not been used in a standardized and reasonable manner, which has considerably reduced the effect of innovation achievements. Therefore, the development and improvement of the law should also progress at the same time as the development of innovation achievements, so as to protect each other.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. China Statistical Yearbook. China Statistical Publishing Press. — Beijing, 2018—2021 (in Chinese).
2. China Science and Technology Innovation Yearbook 2021 / National Bureau of Statistics of China. — Beijing: Statistics Press, 2021. — 232 p. (in Chinese).
3. China Medical Network: a case of illegal implementation of the clinical application of new technology [Electronic resource] // China Internet News Center. — Mode of access: <http://med.china.com.cn/content/pid/294290/tid/1026>. — Date of access: 20.08.2022 (in Chinese).

АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

О. С. Журавская¹⁾, О. А. Кокхан²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: zhuravskayavolha@mail.ru

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: olya_kokhan@mail.ru

Реализация Целей устойчивого развития (ЦУР) является долгосрочной задачей для всех стран мира в связи с тем, что она обеспечивает целостный многоаспектный взгляд на развитие человечества. В данной статье анализируется деятельность КНР в качестве одного из наиболее активных государств в достижении ЦУР. В качестве основы для проведения анализа политики Китая был взят план по реализации ЦУР, в котором изложены политика развития Китая и усилия государства по поддержке других развивающихся стран мира, а также ежегодные отчеты МИДа КНР, где анализируется прогресс государства по каждой из семнадцати Целей устойчивого развития.

Ключевые слова: Китай; Цели устойчивого развития; Повестка дня; ООН.

ANALYSIS OF THE POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE IMPLEMENTATION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

O. S. Zhuravskaya^a, O. A. Kokhan^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: zhuravskayavolha@mail.ru

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: olya_kokhan@mail.ru

The implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs) is a long-term task for all countries of the world due to the fact that it provides a holistic multidimensional view of human development. This article analyzes the activities of the PRC as one of the most active states in achieving the SDGs. As a basis for the analysis of China's policy, the SDG implementation plan was taken, which outlines China's development policy and the state's efforts to support other developing countries of the world, as well as the annual reports of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, which analyzes the state's progress on each of the seventeen Sustainable Development Goals.

Keywords: China; the Sustainable development goals, agenda, the UN.

Достижение Целей в области устойчивого развития (ЦУР) — одно из наиболее значимых приоритетов как для развитых, так и для развивающихся стран. Цели и задачи в области устойчивого развития глобальны и универсально применимы к каждому государству, но, несмотря на это, данные цели дают возможность каждой стране учитывать свои национальные интересы, стратегии и приоритеты, а также устанавливать собственные задачи в рамках глобальных пожеланий. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. — это общее видение всего человечества, и проблематика достижения всех ЦУР закрепляется в стратегической повестке дня каждого государства мира.

В 2016 г. Китай представил национальный план по реализации ЦУР до 2030 г. План состоит из пяти частей, которые включают достижения и опыт Китая в реализации Целей развития тысячелетия, а также проблемы и возможности, руководящие принципы, дорожную карту и четкие планы реализации ЦУР. Данный план — первый национальный план КНР, который устанавливает сферы деятельности и определяет конкретные целенаправленные меры. Кроме этого, в начале 2016 г. Китай создал межучрежденческий координационный механизм с участием 45 правительственных ведомств. 17 целей и 169 задач были разделены и распределены между различными департаментами в соответствии с их административными обязанностями.

На круглом столе Ли Кэцян (премьер Госсовета КНР) объявил, что главной задачей модернизации Китая является построение 1,3-миллиардного зажиточного общества [1]. По словам Ли Кэцяна, в последние 15 лет Китай взял на себя руководство по вопросам глобальных усилий в достижений Целей развития тысячелетия, избавив около 400 млн человек от нищеты, снизив детскую смертность в возрасте до пяти лет на 2/3 и смертность беременных женщин на 3/4. Более того, Китай создал самую большую сеть социального обеспечения и ухода за пожилыми людьми в мире.

Кроме этого, Китай включил Цели развития в программу своих национальных планов, желая вывести бедные слои населения из нищеты к 2020 г. — на десять лет раньше окончания ЦУР, чтобы содействовать избавлению людей от нищеты и голода, обеспечению ухода за женщинами и детьми, а также получению безопасного жилья.

И на самом деле, в феврале 2021 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай одержал победу в борьбе с абсолютной бедностью. Как указал глава КНР, 98,99 млн жителей сельской местности переступили черту бедности, из числа бедных районов было выведено 832 уезда и 128 тыс. деревень [2].

Это означает, что 1/5 части населения земного шара больше не нужно беспокоиться об основных продуктах питания, одежде или жилье.

Кроме этого, Китай принимает активное участие в международном сотрудничестве, в особенности во взаимодействии Юг—Юг [1]. Все основные инициативы, объявленные Си Цзиньпином, были реализованы для содействия сокращению бедности в развивающихся странах, включая 100 программ по сокращению бедности, 10 программ сотрудничества по сокращению бедности и улучшению условий жизни в Африке, также были созданы Фонд содействия сотрудничеству Юг—Юг и Китайский Фонд мира и развития. В рамках углубленного сотрудничества Юг—Юг Китай помог другим развивающимся странам в создании инфраструктуры и предоставил им сельскохозяйственные технологии, принося непосредственную пользу бедным слоям населения. С 2015 г. было организовано 73 учебных курса для более чем 2100 должностных лиц из более чем 100 стран и международных организаций, на которых они обмениваются опытом и наращивают потенциал в области сокращения масштабов нищеты и развития [3].

Способствуя синергии между инициативы «Один пояс, один путь» и Повесткой дня на период до 2030 г., Китай участвует в высоком уровне регионального экономического и социального сотрудничестве. Говорится о том, что к 2030 г. «Один пояс, один путь» выведет 7,6 млн человек из крайней нищеты и 36 млн — из умеренной бедности вдоль инициативы «Один пояс, один путь» [4].

Продовольственная безопасность также является одним из главных приоритетов для Китая. Таким образом, был достигнут устойчивый прогресс в достижении цели обеспечения того, чтобы сельские общины пользовались эффективным управлением, устойчивой экономикой, хорошими условиями жизни, культурой вежливостью и здоровой окружающей средой. Китай активно участвует в глобальном управлении продовольствием и сельским хозяйством, оказывает помощь другим развивающимся странам в их устойчивом развитии сельского хозяйства в рамках сотрудничества Юг—Юг и вносит важный вклад в реализацию глобальной продовольственной безопасности и многочисленных ЦУР.

В соответствии с Повесткой дня на период до 2030 г. инициатива «Один пояс, один путь» стала одной из важнейших платформ для сотрудничества в целях развития. С момента своего создания в 2013 г. инициатива «Один пояс, один путь» эволюционировала, охватывая пять приоритетных направлений международного сотрудничества, а именно:

- координация политики;
- подключение объектов;

- беспрепятственная торговля;
- финансовая интеграция;
- связь между людьми.

Эта инициатива обладает значительным потенциалом для содействия достижению Целей в области устойчивого развития [5]. В рамках выполнения ЦУР Китай будет всесторонне наращивать международное энергетическое сотрудничество в строительстве зеленого шелкового пути. Он будет продолжать укреплять сотрудничество в области чистой энергетики со странами «Пояса и Пути» с целью качественного развития Целей устойчивого развития. Он будет активно участвовать в глобальном энергетическом управлении, укреплять международный обмен и сотрудничество в области энергетики, регулировать международную торговлю энергией, содействовать инвестициям в энергетику, совместно создавать новую модель международного сотрудничества в области энергетики и обеспечивать стабильность и общую безопасность глобального энергетического рынка.

Соответственно, правительство Китая прилагает усилия для выполнения каждой из Целей устойчивого развития. Что касается последней — партнерства в интересах устойчивого развития, Китай развивает высококачественное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и способствует устойчивому развитию стран БРИКС. Она стала важным способом активизации глобального партнерства в области развития и реализации Повестки дня на период до 2030 г. К концу августа 2021 г. Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве со 141 страной мира и 32 международными организациями. В мае 2017 г. и апреле 2019 г. были успешно проведены два форума международного сотрудничества «Пояс и Путь», которые достигли плодотворных и прагматичных результатов и придали новый импульс глобальной реализации Повестки дня в области устойчивого развития [6].

Огромные достижения Китая в осуществлении Повестки дня на период до 2030 г. объясняются сильным руководством Коммунистической партии Китая, превосходством социалистической системы с китайскими особенностями и всесторонним углублением реформ открытости. Китай твердо поддерживает многосторонность и активно работает над созданием нового типа глобального партнерства в целях развития, которое было бы более справедливым и сбалансированным. То, чего Китай достиг в период с 2015 по 2022 г., может послужить полезной отсылкой на глобальную реализацию Повестки дня на период до 2030 г.

Общая повестка дня Целей устойчивого развития предоставляет КНР возможности для продвижения и согласования своих внутренних и международных интересов в области развития.

Китайская Народная Республика активно добивается этого несколькими способами. Во-первых, Китай продвигает комплексный подход к развитию, делая упор на экономический рост, политическую стабильность и общую, но дифференцированную ответственность. Во-вторых, китайские дипломаты были заняты работой по приобретению поддержки инициативы «Один пояс, один путь», отчасти путем четкого согласования инициативы с деятельностью, связанной с ЦУР, и ведущими международными институтами, однако результаты неоднозначны. Китай добился больших успехов в инициировании программы «Один пояс, один путь» в некоторых многосторонних организациях, и два форума «Пояс и Путь» в 2017 г. и в 2019 г. включали громкие темы и обсуждения, связанные с ЦУР. Однако, хотя более 130 стран подписали соглашение о сотрудничестве, связанном с инициативой, лишь немногие из наиболее развитых стран официально сделали это, и многие по-прежнему скептически относятся к экологической и финансовой устойчивости проектов, финансируемых инициативой и Китаем в особенности. В-третьих, в рамках ООН Китай работает над тем, чтобы включить как можно больше своих принципов развития в резолюции. Он успешно сделал это с помощью концепции «построение человеческого сообщества с единой судьбой и общим будущим», которая действительно перекликается, хотя и смутно, со всеобъемлющим развитием и общими, но дифференцированными обязанностями.

Таким образом, если говорить о политике Китайской Народной Республики в реализации Целей устойчивого развития, государство стремится активно участвовать и поддерживать данную инициативу, т.к. благодаря интенсивному присутствию в глобальных программах ООН Китай пытается достичь влияния на другие вопросы международной повестки дня. Рассматривая отчет Китая об осуществлении повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. от Центра международных знаний о развитии и от МИДа КНР, можно увидеть, что Китай работает над осуществлением каждой из 17 Целей устойчивого развития, а также предлагает поддержку другим развивающимся странам в вопросах содействия ЦУР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Китай представил национальный план по реализации программы устойчивого развития ООН [Электронный ресурс] // Синьхуа Новости. — 20.09.2016. — Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-09/20/c_135700653.htm. — Дата доступа: 03.09.2022.
2. Госсовет Китая опубликовал Белую книгу о борьбе с бедностью в стране // ТАСС [Электронный ресурс]. — 28.09.2021. — Режим доступа:

<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12528431>. — Дата доступа: 03.09.2022.

3. China's VNR Report on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development, June 2021 [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. — Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/2030kcxzfzyc/202107/P020210912747378573318.pdf. — Date of access: 03.09.2022.

4. Maliszewska, M. The Belt and Road Initiative: economic, poverty and environmental impacts: Policy Research Working Paper 8814, April 2019 / M. Maliszewska, D. van der Mensbrugge [Electronic resource] // World Bank Group. — Mode of access: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/126471554923176405/pdf/The-Belt-and-Road-Initiative-Economic-Poverty-and-Environmental-Impacts.pdf>. — Date of access: 03.09.2022.

5. Opening Remarks Connecting All towards the Sustainable Development Goals: Optimizing the Development Impacts of the Belt and Road Initiative Side Event on the Margins of 2019 High-level Political Forum [Electronic resource] // United Nations. — 19.07.2019. — Mode of access: <https://www.un.org/development/desa/statements/mr-liu/2019/07/opening-sdgs-impacts-of-belt-road-initiative.html>. — Date of access: 03.09.2022.

6. China's Progress Report on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development, September 2021 [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. — Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/2030kcxzfzyc/202109/P020211019152754484797.pdf. — Date of access: 03.09.2022.

ДИПЛОМАТИЯ КНР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ТУРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В XXI в.

Лю Сянцзянь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: liuxiangqian2016@gmail.com*

Автор раскрывает содержание дипломатии КНР в таких международных туристических организациях, как Всемирная туристская организация, Азиатско-Тихоокеанская туристская ассоциация, Южно-тихоокеанская туристская организация. Выделены основные формы работы и инициативы КНР, раскрыто их содержание, оценены достигнутые результаты, подчеркнута важность привлечения неправительственных структур, специализированных институтов и туристических предприятий.

Объектом исследования выступает дипломатия КНР, предметом — туристическая дипломатия КНР в международных туристических организациях в XXI в. Цель статьи — характеристика деятельности КНР в международных туристических организациях. Проблема рассматривается в белорусской историографии впервые, при этом автор использует китайскую историографию и источники. Практическая значимость исследования — в возможности использования в научной и педагогической деятельности.

Ключевые слова: туристическая дипломатия; КНР; международные туристические организации; Всемирная туристская организация; Азиатско-Тихоокеанская туристская ассоциация; Южно-тихоокеанская туристская организация.

THE CHINA'S DIPLOMATY IN INTERNATIONAL TOURISTIC ORGANIZATIONS IN THE XXI CENTURY

Liu Xiangqian

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
e-mail: liuxiangqian2016@gmail.com*

The paper describes China's tourism diplomacy in international tourism organizations such as the World Tourism Organization, the Asia Pacific Tourism Association, the South Pacific Tourism Organization. The main work and initiatives of the People's Republic of China are highlighted, their content is revealed, the results achieved are evaluated, and the significance of involving non-governmental organizations, specialized institutions, and tourism businesses is highlighted.

The object of the study is the PRC diplomacy, the subject is the China's tourism diplomacy in international tourism organizations in the XXI century. The aim of the article is to describe the activity of the PRC in international tourist organizations. The novelty of the research is that the problem is considered in the Belarusian historiography for the first time, the author uses Chinese historiography and sources. Practical significance of the research is in the possibility of its use in scientific and pedagogical activities.

Keywords: *tourism diplomacy; PRC; international tourism organizations; World Tourism Organization; Asia Pacific Tourism Association; South Pacific Tourism Organization.*

Концепция туристической дипломатии была аргументирована в январе 2015 г. на Национальной рабочей конференции по туризму, организованной Государственным управлением по делам туризма при Госсовете КНР [1]. В декабре 2016 г. Государственный совет утвердил 13-й пятилетний план развития туризма и выступил за создание неправительственной Всемирной федерации туристических городов [2]. 14-й пятилетний план отразил курс на углубление международного сотрудничества, активное участие в реформе и строительстве глобальной системы управления туризмом, укрепление взаимодействия со Всемирной туристской организацией ООН и другими международными организациями, на активизацию во Всемирном туристическом альянсе, Всемирной федерации туристических городов, Международном альянсе по горному туризму и других международных организациях [3].

КНР является членом Всемирной туристской организации (ЮНВТО) с 1983 г., Азиатско-Тихоокеанской туристской ассоциации (АТТА; основана в 1951 г.) с 1993 г. и Южно-тихоокеанской туристской организации (ЮТОТО, год основания — 1983) с 2004 г.

Китай вступил во **Всемирную туристскую организацию ООН** (ЮНВТО, англ. *UNWTO*; дата основания — 1946 г.) в октябре 1983 г. и несколько раз избирался в состав ее Исполнительного комитета [4]. В октябре 2003 г. в Пекине впервые состоя-

лась сессия Генеральной Ассамблеи ЮНВТО (15-я по счету), на которой премьер-министр Вэнь Цзябао от имени правительства КНР пригласил «друзей из всех стран» посетить Китай и призвал соотечественников больше путешествовать по миру, а также подтвердил готовность к широкому сотрудничеству с другими странами [5].

В ноябре 2008 г. директор Государственного управления по делам туризма Китая Шао Кивей и заместитель генерального секретаря Всемирной туристской организации Талеб Руифа подписали «Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере туризма для борьбы с бедностью».

Годом спустя в Гуйлине состоялся 3-й Международный форум ЮНВТО/АТТА, посвященный тенденциям развития и перспективам туризма, на котором этот южнокитайский город был утвержден в качестве постоянного места проведения Форума [7]. Форумы являются единственной международной конференцией, организуемой ЮНВТО в Китае ежегодно, по состоянию на октябрь 2021 г. их было проведено 14 [8]. Во время встречи директора Государственного управления по делам туризма Китая Шао Цивэя с Талебом Рифаи (январь 2013 г.) китайская сторона подчеркнула важность укрепления сотрудничества для достижения новых целей туристической политики Китая [9].

Подготовленная ЮНВТО и Государственным управлением по делам туризма КНР Китайская международная туристическая ярмарка прошла в Куньмине в ноябре 2015 г. с целью заручиться международной поддержкой для восстановления туристической отрасли Непала после землетрясения [10]. Китай взял на себя обязательства обеспечить обучение около 100 непальских сотрудников туристического сектора в течение двух лет. Кроме того, Непалу предоставлялись два бесплатных стенда на Международной туристической ярмарке для продвижения своего туризма в Китае.

В мае 2016 г. открылась первая Всемирная конференция по развитию туризма, организованная правительством Китая и Всемирной туристской организацией, на которой была принята «Пекинская декларация» [11]. Статья 38 документа призывает все заинтересованные стороны активно содействовать развитию туризма, использовать его в качестве эффективного инструмента для поощрения уважения, терпимости и взаимопонимания между народами, странами и культурами, содействовать диалогу между цивилизациями [12]. Идея проведения первой Всемирной конференции по развитию туризма была выдвинута Китаем, что отражает его ответственность как крупной туристической страны за активное развитие туристической дипломатии на двухсторонней и многосторонней основе [13].

На 22-й сессии ЮНВТО в сентябре 2017 г. Пекин выступил с инициативой создания Всемирного туристского альянса [14]. Подчеркнем, что это была вторая после 2003 г. сессия организации, проведенная в Китае, что свидетельствует не только о признании достижений КНР в области туризма: сессия предоставила Китаю благоприятные возможности продемонстрировать миру свой туристический имидж, достижения в развитии отрасли, а также расширить туристические обмены и сотрудничество.

Генеральный секретарь ЮНВТО Зураб Пололикашвили во время встречи с министром культуры и туризма КНР Ло Шуганом (сентябрь 2018 г.) заявил, что придает большое значение развитию сотрудничества с Китаем и будет решительно поддерживать комплексное развитие национальной индустрии культуры и туризма, а также подчеркнул необходимость изучать успешный опыт развития страны [15].

КНР была переизбрана в качестве члена Исполнительного комитета ВТО на 2019—2023 гг. (23-я сессия ЮНВТО в Санкт-Петербурге, сентябрь 2019 г.). Заместитель министра культуры и туризма Китая КНР Чжан Сюй выступил с анализом ситуации в туристической отрасли Китая, подчеркнув необходимость интеграции культуры и туризма [16].

С 25 января 2021 г. китайский язык стал официальным языком ЮНВТО [17]. По оценке китайской стороны, это решение укрепляет целостность и авторитет организации как специализированного агентства ООН, повышает статус и расширяет возможности использования китайского языка в международных организациях, способствует активизации Пекина в глобальном управлении международным туризмом, создает благоприятные возможности для распространения его опыта и возможностей, способствует развитию туристической дипломатии.

Министр культуры и туризма Китая Ху Хэпин на 24-й сессии ЮНВТО (ноябрь 2021 г., Мадрид) выступил с видеопрезентацией, где одобрил мероприятия организации по содействию международным туристическим обменам и реагированию на эпидемию COVID-19, поделился опытом Китая, выдвинул инициативы по углублению международного сотрудничества и продвижению устойчивого развития туризма [18]. Спустя год Ху Хэпин инициировал видеосвязь с Генеральным секретарем ЮНВТО Зурабом Пололикашвили, чтобы обсудить совместные проекты помощи развивающимся странам и продвигать использование китайского языка в качестве официального [19].

Азиатско-Тихоокеанская туристская ассоциация (АТТА; англ. PATA), основанная в 1951 г., является неправительственной международной организацией и включает в себя

национальные туристские организации, ассоциации и предприятия [20]. Официальное вступление Китая в АТТА состоялось в 1993 г. в Гонолулу (Гавайи), на 42-й ежегодной конференции организации, где китайскую делегацию возглавлял директор Государственного управления по делам туризма Лю И [21].

46-я ежегодная конференция АТТА состоялась в Пекине в 1997 г., став крупнейшей международной конференцией по туризму из проводившихся в Китае в то время. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн принял участие в конференции и заявил о намерении укреплять обмены и сотрудничество с Всемирной туристской организацией и туристическим сектором других стран, а также приглашать больше зарубежных туристов, углублять взаимопонимание и дружбу [22]. Офис АТТА в Пекине был создан в 2007 г. для укрепления связи и сотрудничества с государственными учреждениями и частными предприятиями Китая. Четыре года спустя, в декабре 2011 г., АТТА официально объявила о создании Консультативного совета АТТА КНР и его отделения в Пекине [23].

В апреле 2011 г. в столице КНР прошли торжества по случаю 60-летия АТТА [24], на которой было констатировано мировое лидерство Китая в туристической сфере [25]. Первым примером сотрудничества Генерального туристического агентства Китая и АТТА стала туристическая ярмарка в Нью-Дели (сентябрь 2011 г.) [26]. В сентябре 2014 г. в Эмейшане (провинция Сычуань) состоялся саммит по глобальному развитию туризма, организованный АТТА, правительством города Лешань и Бюро по туризму провинции Сычуань [27].

В 2019 г. Пекинское муниципальное бюро культуры и туризма приняло участие в 68-й ежегодной конференции АТТА на Филиппинах и туристической выставке АТТА в Казахстане, используя платформу организации для продвижения регионального туризма [28-29]. Компания *Strip* (Шанхай), ведущий мировой поставщик туристических услуг, стала членом АТТА в ноябре 2021 г. [30].

Южно-тихоокеанская туристская организация (ЮТОТО) была создана в 1983 г. на межправительственной основе с целью продвижения туризма в Южно-тихоокеанском регионе [31]. В апреле 2004 г. в Суве, столице Фиджи, состоялась церемония вступления Китая в эту организацию [32].

Более 2000 китайских туристов прибыли в Вануату (государство в южной части Тихого океана) на круизном лайнере «Атлантик» (декабрь 2016 г.), где их встречали посол КНР в Вануату Лю Цюань, премьер-министр Вануату Сальви, заместитель премьер-министра и министр туризма и торговли Натуман [33]. ЮТОТО

приняла участие в Китайской международной туристической ярмарке (ноябрь 2017 г.), получив бесплатно четыре стенда. Генеральный директор Кристофер Кокер заявил тогда, что Китай является важным рынком для Тихоокеанского региона, и ЮТОТО повезло с таким членом [34].

В апреле 2019 г. в Апия, столице Самоа, был открыт «Год туризма между Китаем и Тихоокеанскими островами» [35]. С этого времени началось сотрудничество Министерства культуры и туризма КНР с островными странами Южно-Тихоокеанского региона на двусторонней основе и платформе ЮТОТО для проведения ряда практических мероприятий (исследования в области туризма, подготовка кадров, продвижение туризма в Интернете, расширение туристических обменов).

В рамках Года туризма в августе 2019 года в Нади (Фиджи) состоялся семинар по проблемам развития туризма «Китай — Фиджи» [36]. Генеральный директор ЮТОТО Кристофер Кокер информировал участников, что Фиджи реализует программу «Готов к Китаю» для повышения своей привлекательности [37]. В июне 2020 г. генеральный директор встретился с послом КНР на Фиджи Цянь Бо и заявил, что ЮТОТО ценит КНР как авторитетного и перспективного члена организации, уже немало сделавшего для развития туризма в регионе. Он выразил надежду, что Китай поможет индустрии туризма в регионе восстановиться и развиваться.

Международные туристические организации являются не только платформой для многосторонней и двухсторонней межправительственной дипломатии; к их деятельности привлекаются неправительственные организации, отраслевые структуры и туристические предприятия. КНР выступила за создание таких международных неправительственных организаций в сфере туризма, как Всемирный туристический альянс, Всемирная федерация туристических городов, Международный альянс по горному туризму, присоединилась к межправительственным организациям (Всемирной туристской организации и Южно-тихоокеанской туристской организации).

Правительство Китая сотрудничает с ЮНВТО, принимая у себя Генеральную ассамблею и утвердив китайский язык в качестве официального языка этой организации. Китай и ЮТОТО организовали Год туризма, туристические выставки и другие мероприятия для проведения туристической дипломатии на высоком уровне. Китай также реализует активную туристическую дипломатию с другими региональными туристическими организациями (АТТА), инициирует и участвует в различных форумах, семинарах, туристических выставках и других мероприятиях, активно

продвигает свои туристические ресурсы, способствует развитию национального и иностранного народного туризма. Все это стало важным дополнением к официальной дипломатии и компонентом «мягкой силы» государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Отчет о Национальной конференции по туризму 2015 г. [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао онлайн. — Режим доступа: <http://travel.people.com.cn/GB/139035/392369/index.html>. — Дата доступа: 24.10.2021 (на кит. яз.).
2. Постановление Госсовета КНР о плане развития туризма на период 13-й пятилетки [Электронный ресурс] // Правительство КНР. — Режим доступа: http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5160220.htm. — Дата доступа: 21.02.2022 (на кит. яз.).
3. Информация Государственного совета об утверждении 14-го пятилетнего плана развития туризма [Электронный ресурс] // Правительство КНР. — Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2022-01/20/content_5669468.htm. — Дата доступа: 30.07.2022 (на кит. яз.).
4. Отношения Китая со Всемирной туристской организацией ООН [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjwb_673085/zzjg_673183/gjs_673893/gjzz_673897/sjly_674109/gx_674113/. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).
5. Выступление на открытии 15-го пленарного заседания Всемирной туристской организации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/123/wjdt/zyjh/t40143.htm>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).
6. Государственное управление по делам туризма и ЮНВТО подписали «Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере туризма для борьбы с бедностью» [Электронный ресурс] // Правительство КНР. — Режим доступа: http://www.gov.cn/gzdt/2008-11/20/content_1155453.htm. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).
7. Международный форум ЮНВТО / АТТА по тенденциям и перспективам туризма постоянно находится в Гуйлине, Гуанси [Электронный ресурс] // Сеть новостей КНР. — Режим доступа: <https://www.chinanews.com.cn/cj/cj-cytx/news/2009/11-17/1967685.shtml>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).
8. 15-й Международный форум ЮНВТО / АТТА по тенденциям и перспективам развития туризма [Электронный ресурс] // Синьхуа Шелковый путь. — Режим доступа: <https://www.imsilkroad.com/live/p/465717.html>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).
9. UNWTO and China strengthen cooperation [Electronic resource] // World Tourism Organization. — 21.01.2013. — Mode of access: <https://www.unwto.org/archive/asia/press-release/2013-01-21/unwto-and-china-strengthen-cooperation>. — Date of access: 31.08.2022.
10. China international tourism symposium was held in Kunming, China [Electronic resource] // World Tourism Organization. — 30.11.2015. — Mode of access: <https://www.unwto.org/archive/asia/news/2015-11-30/>

china-international-tourism-symposium-was-held-kunmingchina. — Date of access: 31.08.2022.

11. На Первой Всемирной конференции по развитию туризма была принята «Пекинская декларация» [Электронный ресурс] // Правительство КНР. — 19.05.2016. — Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2016-05/19/content_5074832.htm. — Дата доступа: 24.08.2022 (на кит. яз.).

12. Первая Всемирная конференция по развитию туризма опубликовала «Пекинскую декларацию» [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао онлайн. — 19.05.2016. — Режим доступа: <http://travel.people.com.cn/n1/2016/0519/c41570-28364280.html>. — Дата доступа: 24.08.2021 (на кит. яз.).

13. Выступление Ли Кэцяна на церемонии открытия Первой Всемирной конференции по развитию туризма (полный текст) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. — 20.05.2016. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjwb_673085/zjzg_673183/gjs_673893/gjzz_673897/sjly_674109/zyjh_674119/201608/t20160822_7660393.shtml. — Дата доступа: 24.08.2021 (на кит. яз.).

14. Всемирный туристский альянс по инициативе Китая создан сегодня [Электронный ресурс] // Синьхуанет. — 12.09.2017. — Режим доступа: http://m.xinhuanet.com/2017-09/12/c_1121652153.htm. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

15. Генеральный секретарь ЮНВТО Зураб Пололикашвили встретился с Ло Шуганом [Электронный ресурс] // Министерство культуры и туризма КНР. — 17.09.2018. — Режим доступа: https://www.mct.gov.cn/whzx/bnsj/dwwhlj/201809/t20180920_834982.htm. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

16. 23-я сессия ЮНВТО состоялась в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Министерство культуры и туризма КНР. — 12.09.2019. — Режим доступа: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/201909/t20190912_846808.htm. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

17. Китайский язык официально становится официальным языком ЮНВТО [Электронный ресурс] // Министерство культуры и туризма КНР. — 20.02.2021. — Режим доступа: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202102/t20210220_921699.htm. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

18. Состоялась 24-я сессия ЮНВТО [Электронный ресурс] // Министерство культуры и туризма КНР. — 07.12.2021. — Режим доступа: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202112/t20211207_929643.htm. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

19. Ху Хэпин провел сеанс видеосвязи с Генеральным секретарем ЮНВТО Зурабом Пололикашвили [Электронный ресурс] // Министерство культуры и туризма КНР. — 18.02.2022. — Режим доступа: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202202/t20220218_931104.htm. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

20. About PATA [Electronic resource] // Pasific Asia Travel Association. — Mode of access: <https://www.pata.org/about-pata>. — Date of access: 31.08.2022.

21. PATA 70th Anniversary: Looking Back From the Eyes of Lakshman Ratnapala (1934—2021) [Electronic resource] // Pasific Asia Travel

Association. — Mode of access: <https://www.pata.org/blog/pata-70th-anniversary-looking-back-from-the-eyes-of-lakshman-ratnapala>. — Date of access: 31.08.2022.

22. Выступление Ли Пэна на открытии ежегодного собрания АТТА [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. — Режим доступа: <http://52.34.104.77/genminribao/1997/4/22/2/>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

23. ПАТА объявила о создании Консультативного совета и отделения в Пекине [Электронный ресурс] // Pasific Asia Travel Association. — 28.12.2011. — Режим доступа: <http://patachina.cn/news/patachinachapter>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

24. В Пекине состоялось торжество по случаю 60-летия АТТА [Электронный ресурс] // Правительство КНР. — 09.04.2011. — Режим доступа: http://www.gov.cn/jrzg/2011-04/09/content_1840764.htm. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

25. Торжества по случаю 60-летия АТТА открываются в Пекине [Электронный ресурс] // Сеть новостей КНР. — Режим доступа: <https://www.chinanews.com.cn/cj/2011/04-12/2965256.shtml>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

26. Представители Китая на туристической ярмарке АТТА 2011 [Электронный ресурс] // Pasific Asia Travel Association. — 20.09.2011. — Режим доступа: <http://patachina.cn/news/2011-09-07>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

27. Эмейшаньский саммит по новому глобальному развитию туризма прошел с большим успехом [Электронный ресурс] // Pasific Asia Travel Association. — 16.10.2014. — Режим доступа: http://patachina.cn/news/1016_news. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

28. Бюро культуры и туризма Пекина использует конференцию АТТА для дальнейшего продвижения безвизового транзита и других политик для привлечения въездного туризма [Электронный ресурс] // Pasific Asia Travel Association. — 06.05.2019. — Режим доступа: <http://patachina.cn/news/news-2019-may>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

29. Пекинское бюро культуры и туризма использует конференцию ПАТА для дальнейшего продвижения политики привлечения въездного туризма [Электронный ресурс] // Pasific Asia Travel Association. — 06.05.2019. — Режим доступа: <http://patachina.cn/news/pata-news-2019pata>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

30. Компания Strip объявляет о своем членстве в АТТА [Электронный ресурс] // Pasific Asia Travel Association. — 22.11.2021. — Режим доступа: <http://patachina.cn/news/pata-20211122-news>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

31. Who We Are [Electronic resource] // South Pacific Tourism Organisation. — Mode of access: <https://southpacificislands.travel/about/>. — Date of access: 31.08.2022.

32. Китай официально присоединился к Южнотихоокеанской туристической организации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. — 21.04.2004. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/dyz_681240/1206_68134

2/1206x2_681362/200404/t20040421_9376775.shtml. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

33. Посол Лю Цюань принял участие в церемонии приветствия китайских туристов, прибывающих в Вануату в рамках круиза [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. — 13.12.2016. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/dyz_681240/1206_681890/1206x2_681910/201612/t20161213_9378637.shtml. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

34. South Pacific Islands To Attend China International Travel Mart In China [Electronic resource] // South Pacific Tourism Organisation. — 16.11.2017. — Mode of access: <https://southpacificislands.travel/south-pacific-islands-attend-china-international-travel-mart-china/>. — Date of access: 31.08.2022.

35. Год туризма между Китаем и Тихоокеанскими островами» открылся в Апия [Электронный ресурс] // Министерство культуры и туризма КНР. — 24.08.2019. — Режим доступа: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/201904/t20190401_841286.htm. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

36. На Фиджи открылась конференция по туризму Китай — Фиджи [Электронный ресурс] // Правительство КНР. — 24.08.2019. — Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2019-08/24/content_5423994.htm. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

37. Генеральный директор ЮТОТО: китайские туристы являются ключом к устойчивому развитию туризма в Южной части Тихого океана [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. — 27.08.2019. — Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/m/37259/Document/1662837/1662837.htm>. — Дата доступа: 31.08.2022 (на кит. яз.).

КИТАЙ КАК ВАЖНЫЙ СТОРОННИК МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМА

О. П. Рубо

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: rubo@bsu.by*

Данная статья посвящена исследованию подхода Китая к мультилатерализму. В статье рассматриваются основные принципы мультилатерализма, анализируются многосторонние отношения КНР. Делается вывод о том, что Китай активный участник, сторонник, а также защитник многосторонности. Руководство страны последовательно продвигает принципы истинного мультилатерализма, подчеркивает значимость сотрудничества на взаимовыгодной основе, прилагает усилия для содействия глобальному развитию.

Ключевые слова: *Китай, мультилатерализм, ООН, АБИИ, Один пояс, один путь.*

CHINA AS A STRONG SUPPORTER OF MULTILATERALISM

O. P. Rubo

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: rubo@bsu.by*

This article examines China's approach to multilateralism. The article discusses the basic principles of multilateralism, analyses the multilateral relations of the PRC. Thus, it is concluded that China positions itself as an active participant and supporter,

as well as a defender of multilateralism. The country's leadership consistently promotes the principles of true multilateralism, emphasizes the importance of cooperation on a mutually beneficial basis, and makes persistent efforts to strive for global development

Keywords: China, multilateralism, UN, AIB, The Belt and Road Initiative

Мультилатерализм (многосторонность) представляет собой институционализированный многосторонний подход к организации межгосударственных отношений, в основе которого механизмы многосторонних консультаций и соглашений. В целом система международного многостороннего сотрудничества, сформировавшаяся на протяжении последних 20 лет, претерпевает содержательную модернизацию и реформирование, поскольку современность демонстрирует наметившуюся трансформацию глобального управления.

Китай активно использует принцип и инструменты многосторонней организации межгосударственных отношений в своей политике. Очевидно, что подход Китая к использованию мультилатерализма отличается от классического западного подхода. Учитывая уникальное развитие страны, китайский мультилатерализм имеет свою специфику. Китайская Народная Республика отстаивает истинный мультилатерализм и выступает за сильные международные институты, начиная с ООН.

Китай занимает активную позицию в Организации Объединенных Наций с целью создания благоприятной внешней среды для содействия внутреннему развитию страны. Активное участие Китая в деятельности ООН является результатом эффективного функционирования системы ООН и успешного вовлечения Китая в деятельность международных организаций.

Китай считает Организацию Объединенных Наций самой авторитетной и представительной международной организацией в мире, деятельность которой основывается на принципах суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела. Как постоянный член Совета Безопасности ООН Китай пользуется статусом и особыми правами.

С 2001 по 2021 г. вклад Китая в регулярный бюджет ООН увеличился более чем в 10 раз. Объем взносов страны в бюджет ООН составил 12 %. Соответственно, Китай, будучи развивающейся страной, является вторым государством после США по величине взносов в бюджет ООН. Важную роль играет Китай и в миротворчестве под эгидой организации. Китай является вторым по значимости источником начисления взносов на операции ООН по поддержанию мира [1].

Китай является бенефициаром системы ООН и стойким сторонником этой системы. Китай не стремится ни переписывать правила, ни реформировать основные институты ООН, поскольку активное участие в деятельности организации позволяет стране обеспечить продвижение собственных интересов [2, с. 295]. Страна последовательно вносит значимый вклад в укрепление руководящей роли ООН в реализации реформы системы глобального управления.

В сентябре 2016 г. ПРООН и правительством КНР подписан Меморандум о взаимопонимании в реализации инициативы «Один пояс, один путь» и осуществлении Целей ООН в области устойчивого развития 2030. Этот Меморандум стал первым документом подобного рода, заключенным между руководством КНР и международной организацией [1].

Китай прилагает усилия для реального отражения растущего экономического веса развивающихся стран во многих международных организациях. Китай стремится к более широкому представительству, пропорциональному его экономической и политической мощи, усилению своего влияния на принятии экономических и финансовых решений в многосторонних институтах. В частности, руководство Китая выступает за продвижение идей реформ в Международном валютном фонде для предоставления больших квот в пользу развивающихся стран. Важным для страны является также в расширении кадрового присутствия своих граждан в учреждениях системы ООН.

10 января 2021 г. Информационное бюро Госсовета Китая выпустило белую книгу под названием «Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху». В документе подчеркнута, что Китай считает своим долгом активно участвовать в сотрудничестве в целях развития в качестве ответственного члена международного сообщества. Китай стремится внести больший вклад в развитие человечества. Его цель состоит в том, чтобы предложить международному сообществу больше благ и объединить усилия с другими странами для построения лучшего общего будущего [3].

На основе детального изучения работы механизмов многостороннего сотрудничества страна уделяет особое внимание созданию новых институтов. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), спонсируемый Китаем, первоначально представлял собой инициативу, бросающую вызов существующим глобальным финансовым институтам. Однако странами-учредителями банка стали как страны Азиатско-Тихоокеанского региона, так и ведущие страны Западной Европы. Соответственно, АБИИ стал многосторонним функциональным

институтом, который не конкурирует со Всемирным банком и Азиатским банком развития, а дополняет эти финансовые механизмы.

КНР уделяет также особое внимание региональному многостороннему сотрудничеству. В целом, подход страны к регионализму за последние десятилетия также претерпел существенную трансформацию. Важными направлениям региональной активности были отнесены, в частности, взаимодействия в рамках АСЕАН+3 и сотрудничество в рамках ШОС. Особое внимание уделяется сопряжению Евразийского экономического союза с реализуемым Китаем проектом «Экономического пояса Шелкового пути», что позволяет открыть новые возможности для сотрудничества.

Руководство КНР регулярно призывает придерживаться принципа многосторонних отношений и отвергает односторонние действия, подвергающие удару глобальное развитие.

25 января 2021 г. на ежегодном собрании Всемирного экономического форума в Давосе председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью, назвав многосторонность «факелом», который осветит «путь человечества». Китайский лидер призвал «идти в ногу со временем, а не отвергать изменения» для того, чтобы «реформировать и улучшить систему глобального управления». Председатель КНР призвал придерживаться основных ценностей и принципов многосторонности, адаптироваться к изменяющимся международным условиям и реагировать на глобальные вызовы. Он подчеркнул важность реформирования и совершенствования системы глобального управления на основе широких консультаций и достижения консенсуса [4].

5 июля 2021 г. министр иностранных дел Ван И на заседании высокого уровня Совета Безопасности ООН сформулировал четыре предложения относительно подлинного мультилатерализма:

- выстраивание взаимовыгодного сотрудничества, ведение диалога и осуществление сотрудничества на основе равенства и взаимоуважения;

- стремление к честности и справедливости, а не запугивание, содействие демократизации международных отношений с тем, чтобы все страны разделяли ответственность за управление и совместно продвигали мирное развитие;

- фокусирование внимания на проблемах и на их решении, интегрирование национальных интересов стран с глобальными интересами;

- уважение разнообразия и уход от стремления к превосходству.

По словам Ван И, разделение мира по идеологическому признаку противоречит принципам мультилатерализма и является историческим регрессом [5].

17 июня 2022 г. Си Цзиньпин выступил на пленарном заседании 25-го Петербургского международного экономического форума. В рамках этого мероприятия лидер КНР призвал следовать истинному мультилатерализму, стремиться сделать «глобальное развитие более сбалансированным, скоординированным и инклюзивным». Он подчеркнул, что Китай отвергает попытки разъединения, перебоев в поставках, не поддерживает односторонние санкции, намерен расширять внешнюю открытость на высоком уровне, а также продолжать качественное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [6]. Эта китайская инициатива также является примером эффективного многостороннего сотрудничества со странами-участницами.

Таким образом, Китай позиционирует себя как активный участник, сторонник, а также защитник многосторонности, последовательно продвигает принципы истинного мультилатерализма, подчеркивает значимость сотрудничества на взаимовыгодной основе. Внешнеполитические и внешнеэкономические приоритеты Китая направлены на сохранение мира, содействие международному сотрудничеству и глобальному развитию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алимов, Р. Китай и ООН: взаимодействие в интересах мира и устойчивого развития [Электронный ресурс] / Р. Алимов // Жэньминь Жибао. — 27.09.2021. — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0927/c95181-9901659.html>. — Дата доступа: 11.09.2022.
2. Xiao Yang, S. Complexity in China's current role in multilateral orders / S. Xiao Yang // China International Strategy Review. — 2020. — Vol. 2, N 2. — P. 288—305.
3. Full text: China's International Development Cooperation in the New Era [Electronic resource]. // The State Council Information Office of the People's Republic of China. — Mode of access: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2021-01/10/content_77099782_3.htm. — Date of access: 12.09.2022.
4. Full Text: Special Address by Chinese President Xi Jinping at the World Economic Forum Virtual Event of the Davos Agenda [Electronic resource] // Xinhuanet. — 25.01.2021. — Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/25/c_139696610.htm. — Date of access: 05.09.2022.
5. Ван И выдвинул четыре предложения относительно истинного мультилатерализма [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. — 08.05.2021. — Режим доступа: <http://russian.peopledaily.com.cn/n3/2021/0508/c31521-9847366.html>. — Дата доступа: 03.09.2022.
6. Xi Jinping Attends and Addresses the Plenary Session of the 25th St. Petersburg International Economic Forum [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202206/t20220617_10705728.html. — Date of access: 10.09.2022.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В. О. Серебряков

*Институт пограничной службы Республики Беларусь,
ул. Славинского, 4, 220103, г. Минск, Беларусь, e-mail: vadim.svo@mail.ru*

Усиление в последнее десятилетие ведущей роли Китайской Народной Республики на международной арене определило дальнейшую стратегию приоритетных направлений сотрудничества в отношении государств Юго-Восточной Азии. В современных условиях на фоне растущего во всем мире протекционизма, необоснованных экономических санкций и информационного давления со стороны США и коллективного Запада Китай поддерживает многостороннюю торгово-экономическую систему и совместно содействуют региональной интеграции. Экономическая дипломатия КНР способствует активному продвижению собственных национальных интересов, налаживанию политических и торгово-экономических отношений, расширению доступа отечественных компаний на внешние рынки. На основе структурно-функционального подхода в научной статье раскрыт механизм функционирования сформировавшейся на рассматриваемом этапе системы как двусторонних взаимоотношений Пекина с государствами Юго-Восточной Азии, так и в контексте Китай—АСЕАН.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Ассоциация государств Юго-Восточной Азии; экономическая дипломатия; международные отношения; торгово-экономическое сотрудничество.

PRIORITY DIRECTIONS OF CHINA'S ECONOMIC DIPLOMACY IN SOUTH-EAST ASIA

V. O. Serebryakov

*The Border Service Institute of the Republic of Belarus,
Slavinsky str., 4, 220103, Minsk, Belarus, e-mail: vadim.svo@mail.ru*

The strengthening of the leading role of the People's Republic of China in the international arena over the past decade has determined the further strategy of priority directions of cooperation in relation to the states of Southeast Asia. In today's environment, against the backdrop of growing protectionism around the world, unjustified economic sanctions and information pressure from the United States and the collective West, China supports the multilateral trade and economic system and jointly promotes regional integration. The economic diplomacy of the China contributes to the active promotion of its own national interests, the establishment of political and trade and economic relations, and the expansion of access of domestic companies to foreign markets. Based on the structural-functional approach, the scientific article reveals the mechanism of functioning of the system formed at the stage under consideration, both of Beijing's bilateral relations with the states of Southeast Asia, and in the context of China — ASEAN.

Keywords: People's Republic of China; Association of Southeast Asian Nations; economic diplomacy; international relationships; trade and economic cooperation.

В настоящее время АСЕАН и Китай поддерживают тесную координацию и сотрудничество по многим международным и реги-

ональным вопросам. Пекин твердо придерживается принципов сохранения центральной роли блока АСЕАН и содействует в том, чтобы государства — участники Ассоциации играли более важную роль при принятии решений в регионе. Несмотря на определенные разногласия, обе стороны поддерживают тесные и дружеские связи в рамках механизмов сотрудничества, включая «АСЕАН+3» (Китай, Япония и Республика Корея), Восточноазиатский саммит (ВАС), региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), диалог по сотрудничеству в Азии, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и др.

Основой для создания полноценных торгово-экономических отношений, а также началом формирования зоны свободной торговли между АСЕАН и Китаем стало подписание 4 ноября 2002 г. в г. Пномпене (Камбоджа) Рамочного соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между сторонами [1]. В соответствии с подписанным документом КНР и АСЕАН укрепили контакты двустороннего взаимовыгодного сотрудничества по пяти основным направлениям: сельское хозяйство и продовольствие, информационные и телекоммуникационные системы, двусторонние инвестиции, совершенствование человеческих ресурсов и развитие территорий бассейна реки Меконг. Предполагалась постепенная отмена тарифных и нетарифных барьеров практически во всей линейке товаров, либерализация торговли услугами, установление конкурентного инвестиционного режима по продвижению инвестиционного сотрудничества в рамках зоны свободной торговли Китай—АСЕАН.

Многосторонние и двусторонние соглашения о зоне свободной торговли в значительной степени активизировали торгово-экономические отношения и инвестиционное сотрудничество Китая и АСЕАН. Подписанное между сторонами в ноябре 2004 г. Соглашение о зоне свободной торговле товарами определило вектор дальнейших взаимоотношений на ближайшее десятилетие. В январе 2007 г. Пекин и страны «десятки» подписали Соглашение о торговле услугами, которое вступило в силу в июле того же года. В августе 2009 г. между КНР и государствами — участниками Ассоциации заключено Соглашение об инвестициях [2]. В целом перечень заключенных соглашений составил институциональную основу зоны свободной торговли АСЕАН — Китай, что определило промежуточный успех экономической дипломатии на двустороннем треке.

Вместе с тем в 2014 г. обе стороны приступили к переговорам по модернизации зоны свободной торговли. В 2015 г. с целью функционирования крупнейшей в мире «торговой площадки» с отменой таможенных пошлин, налогов, сборов и количественных ограничений во взаимной торговле, а также для улучшения

первоначального двустороннего рамочного соглашения стороны подписали обновленный протокол «Соглашение о зоне свободной торговли АСЕАН — Китай», который вступил в силу в октябре 2019 г. Согласно модернизированной версии документа, новые правила являются более гибкими и удобными для использования в торговых отношениях между сторонами [3].

Следует отметить положительную динамику развития экономического взаимодействия между АСЕАН и Китаем. Так, по итогам 2021 г. показатель торгового баланса составил 878,2 млрд дол. США, что на 28,1 % больше, чем годом ранее. Среди них экспорт Китая в АСЕАН составил 483,69 млрд дол. США, увеличившись в годовом исчислении на 26,1 %. Экспорт стран «десятки» в Китай составил 394,51 млрд дол. США, увеличившись в годовом исчислении на 30,8 %. На протяжении 13 лет подряд Китай остается крупнейшим торговым партнером АСЕАН. [4].

Структура торгово-экономических отношений Китая с АСЕАН поддерживается фрагментацией производства. Иначе говоря, компоненты переходят из экономики в экономику (из товара в товар), а затем производятся, как правило, в любой стране АСЕАН с дешевой рабочей силой в конечный товарный продукт. Многие китайские и транснациональные компании, занимающиеся добычей полезных ископаемых, переместили свои производственные мощности в АСЕАН, где продукция производится, а затем экспортируется в Китай для дальнейшей реализации, что позволяет говорить о стимулировании роста импорта из государств — участников Ассоциации в Китай.

Фактически вся Восточная и Юго-Восточная Азия интегрирована в слои трансграничных глобальных цепочек добавленной стоимости, поставок и региональных сетей распределения продукции многонациональными корпорациями. Китай заметно увеличил экспортные поставки электронной продукции, строительных материалов, энергетического оборудования, новых технологий в области сельского хозяйства и продовольствия, а также скоростных поездов в АСЕАН.

В части, касающейся политики инвестиционного взаимодействия, можно отметить, что на фоне слабого восстановления мировой экономики двусторонние (Китай—АСЕАН) инвестиции выросли вопреки прогнозам аналитиков. Так, в 2021 г. прямые нефинансовые инвестиции Китая в АСЕАН составили 13,67 млрд дол. США, увеличившись в годовом исчислении на 0,6 %, а фактические инвестиции АСЕАН в Китай — 10,58 млрд дол. США, увеличившись в годовом исчислении на 33 %. На начало 2022 г. совокупный объем двусторонних инвестиций между сторонами превысил 280 млрд дол.

Отметим несколько положительных примеров. Так, в 2019 г. китайская компания «*Shenzhou International Group Holdings*» начала строительство в Пномпене (Камбоджа) швейной фабрики стоимостью 150 млн дол. США, успешно завершив строительство в 2021 г. Иностранные производители одежды, такие как «Шэньчжоу» (одна из основных компаний-поставщиков спортивной одежды фирмы «*Nike*»), активно участвует в формировании заказов для рынка Камбоджи. Благоприятный инвестиционный климат в стране охватывает широкий спектр отраслей производственной деятельности. В 2018 г. в районе Раттанак, провинция Баттамбанг, компания «*Battambang Conch Cement*» официально открыла завод стоимостью 230 млн дол. США. Производственные мощности предприятия составили 5 тыс. т в день. Завод является совместным предприятием китайской фирмы «*Conch International Holdings*» и местной цементной компании «*Battambang KT Cement*». После открытия нового предприятия в Камбодже производственные мощности по изготовлению цемента должны увеличиться до 7 млн т в год. В 2017 г. китайская компания «*Guangdong Provincial Changda Highway Engineering*» заключила контракт с Министерством транспорта Камбоджи по модернизации и обслуживанию автомобильных дорог. Сумма контракта составляет 20 млн дол. США, подготовительные работы начались в марте 2018 г. В настоящее время компания «*Sinomach*» осуществляет 28 разных промышленных проектов в стране (строительство электростанций, больниц, стадионов). Общая стоимость контрактов составляет 170 млн дол. США. В данном контексте Камбоджа является ключевым участником китайской инициативы «Один пояс, один путь», поэтому для фирмы «*Sinomach*», как и для многих других иностранных компаний, привлечение инвестиций в эту страну Юго-Восточной Азии обосновано, перспективно и прибыльно. Автомобильная торговая компания «*Chongqing. SAIC Hongyan*» является экспортером тяжелых грузовых автомобилей «*SAIC-IVECO HONGYAN*» и «*ISUZU*», автобусов «*ANKAI*», полуприцепов «*CIMC*» и сопутствующих запасных частей. В Юго-Восточной Азии продукция поставляется в Лаос, Мьянму, Вьетнам и Филиппины. В марте 2020 г. начались завершающие работы по прокладке железнодорожных путей в рамках проекта строительства железной дороги между Китаем и Лаосом. Планируется, что после завершения строительства в 2022 г. данный транспортный маршрут станет самым протяженным в Азии за пределами Китая. Стоимость проекта составляет 6 млрд дол. США, при этом 30 % от суммы будет профинансировано лаосской стороной за счет кредитов. Неудивительно, что совместное предприятие «*Laos-China Railway*»,

базирующееся во Вьентьяне (Лаос), занимается строительством и будущей эксплуатацией железной дороги. Важнейшим событием стало развитие ключевого инфраструктурного проекта в рамках более широких двусторонних отношений между двумя странами. В Лаосе китайские деньги способствуют росту во всех секторах, но именно сельское хозяйство остается крупнейшей отраслью экономики в северных провинциях, на которые приходится почти 50 % их ВВП. Крупнейший производитель электромобилей в Китае компания *BYD Co Ltd* планирует создать в Таиланде первый производственный центр по сборке своей продукции в Юго-Восточной Азии. Ежегодная мощность завода составит 150 тыс. единиц техники с последующим экспортом в страны АСЕАН. Отношения Пекина и Бандар—Сери—Бегавана перешли на уровень стратегических отношений сотрудничества еще в 2018 г. В марте 2020 г. введен в эксплуатацию самый длинный мост в Юго-Восточной Азии (крупнейший проект транспортной инфраструктуры в Брунее), соединяющий столицу Бандар—Сери—Бегаван с районом Тембуронг, географически изолированным от остальной части Брунея.

В настоящее время Индонезия в значительной степени нуждается в строительстве сети железнодорожных объектов из центральной части страны к морским портам. Одновременно разработчиком проекта высокоскоростной железной дороги Джакарта-Бандунг выступила «Китайская железнодорожная корпорация», подписавшая в октябре 2015 г. соглашение с четырьмя индонезийскими предприятиями о формировании совместного Китайско-Индонезийского холдинга. Запланированная скорость поезда может составить до 300 км/час.

Стабильная политическая и социальная обстановка, богатые минеральные ресурсы, протяженная береговая линия, дешевая рабочая сила и высокая потребительская способность являются важными факторами, которые привлекают иностранные инвестиции во Вьетнам. Министерство коммерции Китая выбрало Вьетнам в качестве одной из важных стран для экономического сотрудничества. Правительство Китая активно поощряет китайские предприятия, которые готовы к реализации проектов в сфере транспортных коммуникаций, водного хозяйства, металлургии цветных металлов, лесного хозяйства и др. Около 340 проектов в строительной отрасли было предложено Китаем в качестве государственных инвестиций, которые в настоящее время постоянно преобразовываются и обновляются. Последовательно добавляются все новые и новые инвестиционные фонды для различных проектов. Основной формой китайских инвестиций во вьетнамскую экономику являются совместные предприятия [5].

Параллельно с естественным процессом трансграничного взаимодействия отношения между Вьетнамом и Китаем также зависят от многогранных связей между этническими группами и национальностями по обе стороны границы.

Китайский бизнес успешно использует возможности АСЕАН для продвижения своей экономической дипломатии в регионе. Знаковым событием стало проведение в марте 2018 г. в г. Ханое (Вьетнам) Саммита сотрудничества в субрегионе Большого Меконга, куда входят: Китай, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд. Саммит был приурочен к 25-й годовщине развития сотрудничества, строительства устойчивого, интегрированного и процветающего Большого Меконга. Итогом встречи стало принятие Ханойского плана действий на 2018—2022 гг. и Регионального инвестиционного плана до 2022 г. Реализация данных мероприятий включает в себя 227 проектов с общей суммой 66 млрд дол. США. В ходе встречи организаторами предложен ряд основных направлений сотрудничества, включая развитие инфраструктуры, укрепление региональных связей, содействие установлению отношений между инвесторами, торговлю сельскохозяйственной, лесной и рыбной продукцией.

Дополнительный импульс развитию контактов придал очередной Саммит АСЕАН — Китай, который состоялся в ноябре 2019 г. в Бангкоке (Таиланд). Важным решением стало принятие плана действий по реализации совместной декларации о «Стратегическом партнерстве АСЕАН — Китай в интересах мира и процветания на 2021—2025 гг.» [6], а также опубликование совместного заявления об усилении инициативы «Один пояс, один путь» и «Генерального плана АСЕАН по сотрудничеству в области умных городов и углублению обмена средствами массовой информации до 2025 г.».

Таким образом, в целях формирования «мягкой прокитайской силы» для реализации своих национальных интересов и инициатив, таких как «Один пояс, один путь», субрегионального проекта «Большой Меконг» и соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), политическое руководство Китайской Народной Республики проводит целенаправленную политику по выбору приоритетных направлений сотрудничества, выстраиванию доверительных и дружественных отношений с АСЕАН, активному расширению возможностей экономической дипломатии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Framework agreement on comprehensive economic co-operation between ASEAN and the People's Republic of China: Phnom Penh, 4 Nov.

2002 [Electronic resource] // Association of Southeast Asian Nations. — Mode of access: <https://asean.org/framework-agreement-on-comprehensive-economic-co-operation-between-asean-and-the-peoples-republic-of-china-phnom-penh-4-november-2002-2/>. — Date of access: 18.08.2022.

2. China—ASEAN FTA: overview [Electronic resource] // China FTA Network. — Mode of access: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/chinaasean.shtml/>. — Date of access: 27.08.2022.

3. Menon, J. Upgrading the ASEAN-China free trade agreement / J. Menon, A. C. Melendez [Electronic resource] // East Asia Forum. — Mode of access: <https://www.eastasiaforum.org/2019/08/14/upgrading-the-asean-china-free-trade-agreement/>. — Date of access: 02.09.2022.

4. China trade statistics: exports, imports, products, tariffs, GDP and related development indicator [Electronic resource] // World Integrated Trade Solution. — Mode of access: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/CHN/>. — Date of access: 27.08.2020.

5. Серебряков, В. О. Вьетнам и Китай: вместе к успеху / В. О. Серебряков // Беларусь. думка. — 2016. — № 11. — С. 80—84.

6. Chairman's statement of the 22nd ASEAN—China summit: Bangkok/Nonthaburi, 3 Nov. 2019 [Electronic resource] // Association of Southeast Asian Nations. — Mode of access: <https://asean.org/chairmans-statement-of-the-22nd-asean-china-summit-2/>. — Date of access: 15.08.2022.

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Хань Ваньчэнь

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: wanchenhaaaan@gmail.com*

В статье рассматривается роль образовательной дипломатии КНР в повышении эффективности образования на национальном, региональном и глобальном уровнях. Объект исследования — дипломатия КНР, предмет — роль образовательной дипломатии КНР в контексте инициативы «Один пояс, один путь». Выявлена взаимосвязь международного сотрудничества КНР в образовательной сфере со стратегией «Один пояс, один путь», концепцией Сообщества единой судьбы человечества. На фактическом материале посредством метода анализа документов, институционального и структурно-функционального методов раскрыты цели и содержание образовательной дипломатии Китая, выделены ее формы, основные участники, охарактеризована нормативная база. Особое значение автор уделяет анализу документов КПК, Государственного совета КНР, Министерства образования. Отмечается оказание Китаем безвозмездной помощи странам-участникам инициативы, подчеркнуто значение институтов и школ Конфуция. Полученные результаты могут быть использованы в исследовательской и педагогической деятельности.

Ключевые слова: Китай; образовательная дипломатия; международное сотрудничество в сфере образования; «мягкая сила», имидж государства; Сообщество единой судьбы человечества.

THE ROLE OF PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA EDUCATIONAL DIPLOMACY IN THE CONTEXT OF THE ONE BELT AND ONE ROAD INITIATIVE

Han Wanchen

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
e-mail: wanchenhanaan@gmail.com*

The article discusses the role of educational diplomacy of the China in improving the effectiveness of education at the national, regional and global levels. The object of the research is the diplomacy of the China, the subject is the role of the educational diplomacy of the China in the context of the Belt and Road Initiative. The interrelation of the international cooperation of the People's Republic of China in the educational sphere with the Belt and Road strategy, the concept of the Community of Common Destiny of Mankind is revealed. On the basis of factual material, through the method of document analysis, institutional and structural-functional methods, the goals and content of China's educational diplomacy are revealed, its forms, the main participants are identified, and the regulatory framework is characterized. The author pays special attention to the analysis of the documents of the Communist Party of China, the State Council of the People's Republic of China, and the Ministry of Education. The provision of gratuitous assistance by China to the countries participating in the Belt and Road Initiative is noted, the importance of Confucius Institutes and Schools is emphasized. The results obtained by the author can be used in research and teaching activities.

Keywords: *China; educational diplomacy; international cooperation in the field of education; «soft power»; the image of the state; Community of common destiny of mankind.*

После выдвижения Председателем КНР Си Цзиньпином инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) (осень 2013 г.) она сразу привлекла внимание международного сообщества, а Китай приступил к активизации сотрудничества в области экономики, политики и культуры со странами, расположенными вдоль ОПОП. В контексте совместного строительства инициативы ОПОП китайско-иностранное образовательное сотрудничество эффективно способствует развитию образовательной дипломатии Китая, ускоряет обмены в этой сфере и содействует формированию образовательного сообщества.

Образовательная дипломатия Китая включает в себя различные формы: образовательные обмены, продвижение преподавания китайского языка и китайско-иностранное совместное образовательные проекты. В марте 2015 г. Госсовет принял документ «Идеи и действия, направленные на продвижение совместного строительства "Экономического пояса Шелкового пути" и "Морского Шелкового пути XXI века"», в котором отражен курс на увеличение числа иностранных студентов, совместное обучение и углубление обмена учащимися, углубление сотрудничества между странами на маршруте в образовательной сфере [1]. В си-

туации планомерного продвижения строительства ОПОП китайская образовательная дипломатия играет важную роль в развитии Китая и всего мира.

В рамках современной международной системы, с быстрым развитием информационных технологий и глобализацией, сотрудничество в образовательной сфере значительно интенсифицировалось. Образование рассматривается как надежда для национального развития, а подготовка профессионалов в различных сферах все чаще становится важной отправной точкой для интеграции стран в условиях глобализации. В отличие от классической, правительственной дипломатии, образовательная дипломатия не касается таких деликатных вопросов, как военная безопасность и национальный суверенитет. Расширение Китаем сотрудничества и обменов в сфере образования с другими странами с опорой на образовательную дипломатию будет способствовать здоровому развитию межгосударственных отношений в непринужденной и комфортной обстановке.

В течение длительного времени Китай придает большое значение формированию и укреплению своей «мягкой» силы. В документах 17-го съезда Коммунистической партии Китая (октябрь 2007 г.) подчеркивалось, что совершенствование национальной культурной мягкой силы должно достигнуть стратегического уровня. На 19-м съезде КПК (октябрь 2017 г.) также указывалось, что необходимо развивать гуманитарные обмены между Китаем и другими странами, демонстрировать «настоящий и разносторонний» Китай, укреплять мягкую силу страны [2].

Китай активизировал свою поддержку в области образования за рубежом, предоставляя безвозмездную помощь, такую как дарение книг, строительство учебных зданий и обучение учителей в отстающих регионах. Создавая институты Конфуция и школы Конфуция, Пекин продвигает преподавание китайского языка и способствует формированию положительного имиджа страны в мире. К 2022 г. было создано более 1500 институтов Конфуция и школ Конфуция по всему миру [3]. В контексте строительства ОПОП деятельность Институтов Конфуция предоставляет благоприятные возможности для популяризации прекрасной традиционной культуры КНР. Опираясь на образовательную дипломатию, Китай постоянно расширяет взаимодействие со странами ОПОП в области изучения языков, совместного обучения и развития иностранных студентов. Это укрепляет мягкую силу и международную конкурентоспособность Китая.

Образовательная дипломатия Китая вносит вклад в совместное строительство Сообщества единой судьбы человечества. Концепция Сообщества является важной инициативой Китая на

международной арене. После 18-го съезда КПК (ноябрь 2012 г.) председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно призывал государства мира участвовать в реализации этой инициативы и получить широкий отклик [4, с. 67].

Образовательная дипломатия как важная форма межличностного и культурного обмена демонстрирует положительную тенденцию развития. Китай внес важный вклад в развитие национального образования многих стран посредством материальной помощи и образовательных обменов. Канцелярия Центрального комитета КПК, Канцелярия Госсовета КНР и Министерство образования Китая обнародовали документы «Некоторые мероприятия по стимулированию образования в новую эпоху» (апрель 2016 г.) [5] и «О содействии образовательной акции по совместному строительству ОПОП» (июль 2016 г.). КНР учредила программы стипендий «Превосходство» и «Шелковый путь», ежегодно спонсирует 10 000 студентов из стран вдоль маршрута для обучения в Китае, а также направляет 2500 китайских студентов в эти страны [6].

В современном мироустройстве отношения между странами и народами становятся все более взаимосвязанными. Построение Сообщества единой судьбы человечества способствует достижению консенсуса, а решение глобальных проблем должно опираться на глобальные действия, глобальные ответы и глобальное сотрудничество. В контексте ОПОП китайская образовательная дипломатия не только способствует обмену и сотрудничеству между Китаем и другими странами, улучшению систем образования и формированию положительного имиджа Китая, но и содействует укреплению связей между китайским народом и народами стран, расположенных вдоль маршрута, играет положительную роль в построении Сообщества единой судьбы человечества и достижении цели глобального общего развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Продвижение видения и действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века [Электронный ресурс] // Информационное бюро Госсовета КНР. — 16.05.2016. — Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/33648/Document/1477218/1477218.htm>. — Дата доступа: 29.08.2022 (на кит. яз.).

2. Си Цзиньпин: Всесторонне завершить строительство среднезажиточного общества и одержать великую победу социализма китайской спецификой в новую эпоху: доклад на XIX съезде Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 27.10.2017. — Режим доступа: http://www.xinhuanet.com//politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm. — Дата доступа: 30.08.2022 (на кит. яз.).

3. Штаб-квартира Института Конфуция [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hanban.org/confuciousinstitutes.htm>. — Дата доступа: 26.08.2022 (на кит. яз.).

4. Янь Синь. Инициатива «Один пояс, один путь» и образовательная дипломатия Китая / Янь Синь // Вестн. Экон. ун-та Хубэй. Сер. гуманитар. и соц. наук). — 2021. — Вып. 18, № 11. — С. 66—70 (на кит. яз.).

5. Некоторые мероприятия по стимулированию образования в новую эпоху: постановление Канцелярии Госсовета КНР от 30 апр. 2016 г. [Электронный ресурс] // Министерство образования КНР. — Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6052/moe_838/201605/t20160503_241658.html. — Дата доступа: 13.09.2022 (на кит. яз.).

6. Содействие совместному строительству образовательной акции «Один пояс, один путь»: постановление Министерства образования КНР от 13 июля 2016 г. [Электронный ресурс] // Правительство КНР. — Режим доступа: http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5181096.htm. — Дата доступа: 03.04.2022 (на кит. яз.).

РАСШИРЕНИЕ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ КИТАЯ В АФРИКЕ

Цзян Юймэн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: jiangyumeng@yandex.by*

Статья посвящена важному и актуальному направлению деятельности КНР в системе ООН — участию в операциях по принуждению к миру на африканском континенте. Автор исследует ключевые подходы КНР к повышению эффективности миротворческого потенциала. Показывает результаты и значение деятельности китайских миротворцев в Африке. В публикации дается оценка миссии и задач Китая в миротворческих операциях ООН. На конкретных цифрах и примерах показано, что в настоящее время Китай является одной из ключевых сил в деле миротворчества.

Ключевые слова: Африка; вооруженный конфликт; КНР; миротворчество; ООН; Совет Безопасности ООН.

EXPANDING CHINA'S PEACEKEEPING OPERATIONS IN AFRICA

Jiang Yumeng

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: jiangyumeng@yandex.by*

The article is devoted to an important and relevant area of the PRC's activities in the UN system — participation in peace enforcement operations on the African continent. The author examines the key approaches of the PRC to expanding the peacekeeping process. The results and significance of the activities of the Chinese peacekeepers in Africa are shown. The publication assesses China's mission and tasks in UN peacekeeping operations. Specific figures and examples show that China is currently a key force in peacekeeping.

Keywords: Africa; armed conflict; China; peacekeeping; Security Council; United Nations.

В соответствии с Конституцией КНР, принципами и положениями Устава ООН, регламентирующими законные военные

операции за рубежом, основная цель китайских миротворческих проектов заключается в усилении координации и планирования операций ООН на африканском континенте, повышение миротворческого потенциала стран Африканского региона и Африканского союза, обеспечение защиты миротворцев и улучшение условий жизни в суданском Дарфуре, Мали и других районах миссий.

Солдаты НОАК принимали участие в миротворческих операциях ООН в Республике Либерия, Республике Мали, Республике Южный Судан, Демократической Республике Конго, Республике Мозамбик и Республике Сьерра-Леоне и др. При этом они выполняли задачи военного контроля, наблюдателей за выборами, военной полиции. Китайские миротворцы участвовали в оказании медицинской помощи, ремонте дорог, аэропортов, мостов, разминировании и грузоперевозках. Следует отметить, что продолжительность пребывания контингента в этих государствах не превышала восьми месяцев. Выполнение военнослужащими задач в экстремальных условиях позволяло НОАК получить опыт боевой работы.

В 2015 г. на саммите ООН по миротворчеству лидер КНР Си Цзиньпин декларировал: «в последующие 5 лет Китай предоставит Африканскому союзу безвозмездную военную помощь в размере 100 млн дол. США, в рамках поддержки в формировании и подготовке постоянного контингента полицейских и воинских подразделений быстрого реагирования в кризисных ситуациях» [1].

В сентябре 2018 г. председатель Си Цзиньпин объявил о реализации «Действий мира и безопасности» на Пекинском саммите Форума китайско-африканского сотрудничества и принял решение о создании Китайско-африканского фонда сотрудничества мира и безопасности для поддержки создания Африканских постоянных войск и Африканских сил быстрого реагирования на кризисы. После саммита Народно-освободительная армия Китая активно выполняет обещание Китая по оказанию бесплатной военной помощи. Китай дополнительно предоставил военную помощь в размере 80 млн дол. США Африканскому союзу, помогая Африке укрепить свой независимый потенциал в области поддержания мира и предоставив 300 млн юаней для поддержки строительства объединенных сил G5 Сахель [2]. Кроме того, Китай направил военных экспертов для завершения процесса передачи и обучения африканских представителей, а также достиг договоренностей с АС о следующем этапе оказания военной помощи.

Правительство Китая проделало большую работу, направленную на продвижение процесса урегулирования проблемы Дарфу-

ра. Китайские миротворцы находились там на передовой линии международной операции по поддержанию мира. Правительство Китая считает своим долгом создать для них условия, благоприятствующие безопасному и беспрепятственному проведению международной миссии по поддержанию мира. В августе 2017 г. вертолетное подразделение китайских миротворческих войск численностью 140 военнослужащих было размещено в Дарфуре [5]. Оно стало первым вертолетным подразделением, дислоцированным Китаем за рубежом для смешанной Миссии ООН и Африканского союза в Дарфуре (ЮНАМИД). Подразделение состояло из четырех средних многоцелевых вертолетов и отвечало за доставку войск, оперативную поддержку, поиск и спасение, медицинскую эвакуацию и материально-техническое обеспечение.

Анализ официальных Белых книг по национальной обороне Китая на официальном сайте Пресс-канцелярии Госсовета КНР свидетельствует о том, что военно-политическое руководство страны рассматривает участие в миротворческих операциях ООН на африканском континенте как направление обеспечения своей национальной безопасности через сотрудничество на региональном и международном уровнях. В рамках мандата ООН китайские военные в составе миротворческих сил выполняют следующие задачи: наблюдение за прекращением огня; оказание помощи сторонам конфликта в выполнении мирных соглашений; обеспечение безопасности при доставке гуманитарных грузов; организация демобилизации бывших участников военных конфликтов и их возвращение к мирной жизни; разминирование территории; наблюдение за выборами; подготовка полиции; контроль за соблюдением прав человека [4].

В 2015 г. Китай решил отправить пехотный батальон в составе 700 солдат для участия в миротворческой миссии в Южном Судане — Джубе, чтобы обеспечить безопасность мирных переговоров и стабилизировать кризисную ситуацию во всем регионе [4]. Это первые силы, направленные Китаем в зарубежную страну с обширными боевыми возможностями. В декабре 2016 г. Китай отправил в Южный Судан третью партию в составе 120 человек из 700 солдат миротворческого батальона. На этот раз в команду вошли 13 женщин, которые оказывали гуманитарную помощь местным жителям, особенно женщинам, пострадавшим от насилия во время конфликта [1]. По сообщению информационного агентства Синьхуа, солдаты, которые планируют оставаться в стране в течение года, проходят трехмесячную первоначальную подготовку. В их функции входит защита гражданского населения, патрулирование, сопровождение и поддержка гуманитарных программ ООН.

В последние годы массивные инвестиции в политически нестабильные африканские страны вынуждают Китай увеличивать присутствие своих сил безопасности и активно участвовать в миротворческих операциях ООН на африканском континенте.

В Белой книге по национальной обороне Китая в новую эру подчеркивается: «Пекин не стремится к мировому лидерству, военной экспансии или созданию зон собственного влияния, но готовится к середине века превратить свои Вооруженные силы в армию мирового уровня» [3]. По мнению западных экспертов, быстрый экономический рост Китая заставил Пекин усилить свое влияние в Африке.

Китай увеличил свою поддержку миротворческой деятельности: финансирование и прямое участие в операциях АС, а также принял участие в операциях в Мали. Стоит отметить, что после участия Китая в наведении порядка в Либерии после гражданской войны руководство страны признало Тайвань частью Китая.

Китай также увеличил двустороннюю военную поддержку в Африке, которая включает обучение и, что вызывает споры, поставки стрелкового оружия. Китай стал третьим по величине поставщиком оружия на африканский континент.

Позиция Китая в отношении международных и региональных конфликтов и кризисных ситуаций показывает нам стремление реализовать геополитические и экономические интересы и брать на себя большую ответственность в международных делах. Политика невмешательства по-прежнему является характерной чертой дипломатии Пекина, Китай все больше стремится укрепить свои позиции в Африке не только экономически, но и политически.

Западные военные эксперты отметили, что Китай в настоящее время является важным партнером в миротворческих операциях, поскольку его деятельность повысила эффективность миротворческих операций ООН. На наш взгляд, этот факт обусловлен следующими причинами: экономическим, политическим и культурным значением страны; способностью влиять на процесс принятия решений в ООН и на глобальном уровне в целом, в том числе и в отношении африканского континента.

Таким образом, анализ показывает, что Организация Объединенных Наций высоко оценивает квалификацию китайских миротворцев и подтверждает, что их участие значительно повысило эффективность миротворческих операций ООН под эгидой африканского континента.

С другой стороны, участие Китая в таких действиях является одним из инструментов создания положительного имиджа Китая в глазах международного сообщества. Кроме того, миротворческая деятельность в странах с экстремальными погодными условиями дает китайскому военному персоналу возможность повы-

свить свою квалификацию, провести подготовку «операции вне условий войны» и получить опыт проведения военных и гуманитарных операций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 习近平在联合国维和峰会上的讲话（全文）中国为和平而来（2015年9月28日，纽约）= Китай пришел для мира: Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммите ООН по миротворчеству (28 сентября 2015 г., Нью-Йорк) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. — 30.10.2015. — Режим доступа: <<https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceng/chn/zt/xlfhzyjh/t1310354.htm>>. — Дата доступа: 06.09.2022.
2. 新时代的中非合作 = Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. — 26.11.2021. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjwb_673085/zzjg_673183/fzs_673445/xwlb_673447/202111/20211126_10453869.shtml>. — Дата доступа: 06.09.2022.
3. 《新时代的中国国防》白皮书(全文) = Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эпоху» (полный текст) [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. — 24.07.2019. — Режим доступа: <<http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1660529/1660529.htm>>. — Дата доступа: 06.09.2022.
4. 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书(全文) = Белая книга «30 лет участия китайской армии в миротворческих операциях ООН» (полный текст) [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. — 18.09.2020. — Режим доступа: <<http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>>. — Дата доступа: 08.09.2022.
5. 国首支维和直升机分队官兵全部出征 = Все офицеры и солдаты первого миротворческого вертолетного подразделения Китая отправились в путь [Электронный ресурс] // Китайская военная сеть. — 20.08.2017. — Режим доступа: <http://www.81.cn/lkj/2017-08/20/content_7724326.htm>. — Дата доступа: 05.09.2022.

РОЛЬ ИНСТИТУТА КОНФУЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Чжан Хунчао

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: 1519341399@qq.com

Институт Конфуция как способ выхода китайской национальной культуры на глобальный уровень в XXI в. оказывает сильное влияние на национальное развитие и мировой порядок. Статья посвящена анализу роли Института Конфуция в формировании нового миропорядка. В статье объясняется особенность китайской традиционной культуры, описывается ряд лингвокультурной деятельности, осуществляемой Институт Конфуция в мире, а также перечисляются мнения китайских и зарубежных ученых о роли Института Конфуция в установлении мирового порядка. Таким образом, путем распространения китайской культуры Институт Конфуция оказывает значитель-

ное воздействие на формирование миропорядка, способствует построению гармоничного мира и «Сообщества единой судьбы человечества» в новую эру, укрепляет позиции Китая в мировом сообществе.

Ключевые слова: Институт Конфуция; Сообщество единой судьбы человечества; гармоничный мир; международный порядок.

THE ROLE OF THE CONFUCIUS INSTITUTE IN SHAPING THE NEW WORLD ORDER

Zhang Hongchao

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus e-mail: 1519341399@qq.com

The Confucius Institute as a way of bringing Chinese national culture to the global level in the XXI century has a strong influence on national development and world order. The article is devoted to the analysis of the role of the Confucius Institute in the formation of a new world order. The article explains the peculiarity of Chinese traditional culture, describes a number of linguistic and cultural activities carried out by the Confucius Institute in the world, and also lists the opinions of Chinese and foreign scientists on the role of the Confucius Institute in establishing world order. Thus, by spreading Chinese culture, the Confucius Institute has a significant impact on the formation of the world order, contributes to the construction of a harmonious world and a "Community of the Common destiny of Mankind" in the new era, strengthens China's position in the world community.

Keywords: *Confucius Institute; Community of the Common Destiny of Mankind; harmonious world; international order.*

Вступив в XXI в., как крупнейшая развивающаяся страна, Китай, уделяя больше внимания изменениям в миропорядке, активно принимает участие в глобальном управлении и выдвигает собственный вариант нового международного порядка, т. е. создание гармоничного мира и «Сообщества единой судьбы человечества». Оба варианта основаны на китайской национальной культуре. В частности, первый был предложен бывшим китайским лидером Ху Цзиньтао в его выступлении на 60-м юбилейном саммите ООН в 2005 г., второй — председателем Си Цзиньпином во время выступления в Московском государственном институте международных отношений в России в 2013 г.

В новом столетии язык все более становится важной частью международной политики и играет большую роль в процессе установления глобальной, региональной и национальной политики [1, с. 67]. Для установления справедливого миропорядка и реализации вышеуказанных двух китайских инициатив основной мерой в области культуры является создание Институтов Конфуция с 2004 г. за рубежом. Это культурно-образовательное учреждение отвечает за обучение китайскому языку и распространение национальной культуры на основе принципов «взаимное уважение, дружеские консультации, равенство и взаимная выгода».

17 ноября 2005 г. Ван И, посол Китая в Японии (2004—2007), выступил с программной речью под названием «распространение восточной культуры, построение гармоничного мира» в Институте Конфуция при Университете Рицумейкан. Он отметил, что Конфуцианская доктрина принимает «благожелательность» за ядро, «добродетель» за основу, «этикет» за норму и «гармонию» за цель. Среди них «гармония» как суть конфуцианства, ее основное требование состоит в том, чтобы точно уловить баланс между различными и сложными вещами, координировать различные интересы, синтезировать различные мнения, разрешать сложные противоречия и, в конечном счете, достигать гармонии [2]. Именно традиционная культура с конфуцианством в качестве ядра оказывает глубокое влияние на формирование внутренней и внешней политики Китая.

Китайская традиционная культура, богатая философскими идеями, гуманистическим духом и моральными концепциями, имеет важное значение для развития международного сообщества, на что обратили внимание 75 нобелевских лауреатов в 1988 г. По их словам, «если человек хочет продолжать жить в XXI в., мы должны оглянуться на 2500 лет назад, чтобы набраться мудрости у Конфуция» [3]. Кроме того, профессор Ту Вэймин из Гарвардского университета США также согласен с тем, что щедрая китайская культура вносит новый вклад в установление международного порядка, разрешение различных кризисов и содействие миру и развитию всего мира [4, с. 142]. Это показывает значимость китайской культуры для человеческого сообщества, поэтому китайскому правительству очень необходимо продвигать национальную культуру, чтобы она стала глобальной.

В статье об Институтах Конфуция, опубликованной в 2006 г. китайским информационным агентством Жэньминь жибао, отмечено, когда люди лучше понимают Китай и узнают, что гармония является неотъемлемой частью китайской традиции, то страна, которая ценит гармонию, не представляет угрозы для мира [5, р. 131]. Поэтому на платформе Института Конфуция распространение китайского языка может сохранить разнообразие мировых языков и цивилизаций, а также способствовать гармонии и процветанию на международной арене [6].

В декабре 2007 г. на 2-й конференции Института Конфуция член Госсовета КНР (март 2003 г. — март 2008 г.) Чэнь Чжили выступила с речью, в которой она отметила, что на основе взаимоважения и истинного сотрудничества китайская и зарубежная стороны в процессе совместного управления Институтами Конфуция могут построить мост для укрепления дружбы и взаимопонимания и внести большой вклад в построение гармоничного

мира, характеризующего прочный мир и общее процветание [7]. Ее слова определили направление основной работы Института Конфуция в будущем, а также указали важность Института для формирования гармоничного международного порядка, причем построение гармоничного мира также является одной из важнейших целей Института Конфуция [8].

На 9-й конференции Института Конфуция в декабре 2014 г. Лю Яньдун, вице-премьер Госсовета КНР (2013—2018), также подчеркнула, что, глядя в будущее, все страны мира должны совместно содействовать развитию Институтов Конфуция, чтобы вносить новый вклад в построение гармоничного мира [9]. Концепция гармоничного мира, как более эффективный вариант взаимодействия Китая с зарубежными странами, стремится к формированию гармоничных межгосударственных отношений в области экономики, политики и культуры, что соответствует содержанию Устава Института Конфуция о том, что деятельность данного учреждения направлена на установление дружественных отношений с зарубежными странами [8].

Институт Конфуция во время организации лингвокультурных мероприятий обращает внимание не только на распространение собственной национальной культуры, но и на установление межгосударственных культурно-гуманитарных связей, чтобы обогащать разнообразие мировой цивилизации. Например, в 2015 г. Институт Конфуция в Мюнхене Германии провел культурное мероприятие, посвященное китайско-индийским отношениям. Райнер Бурбах, эксперт по истории немецкой культуры и искусства, рассказал историю развития двусторонних отношений со стороны культурно-художественных обменов между Китаем и Индией.

В 2017 г. Институт Конфуция при Новосибирском государственном техническом университете в России совместно с Израильским культурным центром организовали мероприятие на тему «Китайско-Израильский культурный тур», причем, это уже вторая совместная работа, и между ними установлены прочные отношения сотрудничества. Такие культурные мероприятия содействуют сосуществованию и общему процветанию мировой цивилизации, взаимопониманию между народами и формированию гармоничных отношений между странами. Это является важнейшим требованием для построения и гармоничного мира, и «Сообщества единой судьбы человечества».

Институты Конфуция в мире разделяют не только язык, но и философское мышление, накопленное китайской нацией за долгую историю. Терпимость и доброжелательность являются сутью китайской культуры и основными идеями построения «Сообщества

ства единой судьбы человечества». Обмен такими ценностями и концепциями имеет важное значение [10] для личного и государственного развития, построения устойчивого, стабильного и дружелюбного миропорядка.

На 12-й конференции Института Конфуция в 2017 г. Лю Яньдун, разъяснила миссию, роль и действия Института Конфуция в реализации «Сообщества единой судьбы человечества». Она отметила, что взаимопонимание между цивилизациями позволяет внести новую мудрость в построение Сообщества. Институт должен сформулировать долгосрочные планы развития и активно направлять все страны на уважение разнообразия мировых цивилизаций и содействие гармоничному сосуществованию различных цивилизаций своими собственными практическими действиями [10]. Продвижение создания «Сообщества единой судьбы человечества» стало одним из основных направлений культурно-образовательной деятельности Института Конфуция. Более того, на данной конференции участники согласились с тем, что Институт Конфуция может не только помочь построить «Сообщество единой судьбы человечества», но и реализовать собственное более глубокое развитие в процессе построения Сообщества. Это показывает, что между ними формируются отношения взаимного продвижения и общего развития.

В 2018 г. на 13-й конференции Института Конфуция, тема которой — «углубление сотрудничества, развитие через инновации, совместная работа по созданию «Сообщества единой судьбы человечества»», Сунь Чуньлань, вице-премьер Госсовета КНР, отметила, что для создания «Сообщества единой судьбы человечества» и содействия общему процветанию всех стран необходимо лучше использовать уникальную роль языка в укреплении взаимопонимания, достижении консенсуса, содействии сотрудничеству и углублению дружбы. Институты Конфуция должны обеспечить высококачественное развитие, чтобы создать платформу для дружественных обменов между странами и построить «Сообщество единой судьбы человечества» [11].

Исса Бастаки, директор Дубайского университета в объединенных арабских Эмиратах, отметил, что Институты Конфуция обладают способностью и ответственностью содействовать техническому сотрудничеству, торгово-экономическим общениям и образовательным обменам между Китаем и зарубежными странами для достижения общих результатов и взаимной выгоды [10]. Согласно сайту Института Конфуция, в мире 473 Института именно представляет собой основную силу продвижения строительства нового международного порядка, в основе которого гармония, развитие и сотрудничество.

В XXI в. язык и культура играют все более важную роль в формировании международных отношений. В частности, традиционная китайская культура с конфуцианством в качестве ее ядра имеет важное направляющее значение для улучшения ситуации в современном мировом сообществе. Институт Конфуция активно осуществляет культурно-гуманитарную деятельность на основе поддержки цивилизационного разнообразия и содействия установлению дружественных отношений, что в значительной степени способствует созданию гармоничного мира и «Сообщества единой судьбы человечества». Таким образом, путем организации серии культурно-образовательных мероприятий Институт Конфуция в разных странах оказывает важное воздействие на миропорядок, характеризующий всестороннее сотрудничество, взаимоуважение, гармоничное сосуществование, прочный мир, общее развитие и процветание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ли Минфу. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI веке: дис. ... канд. ист. наук: 23.00.04 / Ли Минфу. — СПб., 2016. — 236 л.
2. 弘扬东方文化，构建和谐世界—王毅大使在立命馆大学孔子学院的演讲 = Распространение восточной культуры, построение гармоничного мира — выступление посла Ван И в Институте Конфуция при Университете Ричумейкан Японии [Электронный ресурс] // 中华人民共和国驻日本国大使馆 = Посольство КНР в Японии. — 17.11.2005. — Режим доступа: http://jp.china-embassy.gov.cn/chn/dszlnew/200511/t20051117_9409961.htm. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).
3. Китайская традиционная политическая и философская мысль о мягкой силе. [Электронный ресурс] // libr.link. — Режим доступа: <https://libr.link/politika-mejdunarodnyie-vneshnyaya/kitayskaya-traditsionnaya-politicheskaya-89646.html>. — Дата доступа: 01.09.2022.
4. Ван Шо. Институт Конфуция как инструмент культурной дипломатии Китая (2004—2017 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Ван Шо. — М., 2018. — 185 с..
5. Hubbert, J. China in the World: An Anthropology of Confucius Institutes, Soft Power, and Globalization / J. Hubbert. — University of Hawai'i Press. 2019. — 234 p.
6. 章新胜 = Чжан Синьшэн. 加强汉语的国际传播 促进多样文化的共同发展 = Укреплять международное распространение китайского языка и содействовать общему развитию различных культур [Электронный ресурс] // 中华人民共和国教育部 = Министерство образования Китайской Народной Республики. — 25.08.2005. — Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_zzjg/moe_187/moe_410/moe_527/tnull_11235.html. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).
7. 共同办好孔子学院 增进友谊和了解: 第二届孔子学院大会在京开幕 陈至立出席并作主旨演讲 = Совместно руководить хорошей работой Институтов Конфуция, укрепить дружбу и взаимопонимание: 2-я конференция Института Конфуция открылась в Пекине, Чэнь Чжили приняла участие и выступила с программной речью [Электронный ресурс] // 中华人民共和国教育部 = Министерство образования Китайской Народной

Республики. — 12.12.2007. — Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_zzjg/moe_187/moe_410/moe_532/tnull_29817.html. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).

8. 孔子学院章程 = Устав Института Конфуция [Электронный ресурс] // 中华人民共和国教育部 = Министерство образования Китайской Народной Республики. — 01.10.2006. — Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/srcsite/zsdwxhgk/200610/t20061001_62461.html. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).

9. 第九届孔子学院大会在厦门开幕 = В Сямыне открылась 9-я конференция Института Конфуция [Электронный ресурс] // 中国共产党新闻网 = Новостная сеть Коммунистической партии Китая. — 08.12.2014. — Режим доступа: <http://src.people.com.cn/p/2014/1208/c87228-26164349.html>. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).

10. 李丹 = Ли Дань. 中外语言交流合作与人类命运共同体构建 = Китайско-иностраннный языковой обмен и сотрудничество и построение Сообщества единой судьбы человечества [Электронный ресурс] // 孔子学院全球学术资讯网 = Глобальная база данных академической информации Института Конфуция. — 08.06.2021. — Режим доступа: <http://www.ccis.sdu.edu.cn/info/1010/4822.htm>. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).

11. 孙春兰 = Сунь Чуньлань. 推动孔子学院高质量发展 为构建人类命运共同体贡献力量 = Содействовать качественному развитию Институтов Конфуция и вносить вклад в построение Сообщества единой судьбы человечества [Электронный ресурс] // 中华人民共和国教育部 = Министерство образования Китайской Народной Республики. — 05.12.2018. — Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6052/moe_838/201812/t20181205_362436.html. — Дата доступа: 05.09.2022 (на кит. яз.).

РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА В КНР

Чжуаньсунь Цяочу

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: 353652898@qq.com

В статье рассматриваются меры регулирования рынка труда в Китае. Указываются текущие проблемы на китайском рынке труда. Анализируется подход правительства Китая к содействию занятости и борьбе с безработицей. Объясняет влияние регуляторных мер китайского правительства на рынок труда.

Ключевые слова: *регулирование; рынок труда; КНР.*

LABOR MARKET REGULATION IN CHINA

Zhuansun Qiaochu

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: 353652898@qq.com

The article discusses measures of labor market regulation in China. The current problems in the Chinese labor market are pointed out. Analyzes the Chinese government's approach to promoting employment and combating unemployment. Explains the impact of the Chinese government's regulatory measures on the labor market.

Keywords: *regulation; labor market; PRC.*

После 44 лет экономических реформ Китай превратился из плановой экономики в рыночную. Она пережила быстрые технологические сдвиги, и все больше интегрировалась в мировую экономику. Эти процессы коренным образом повлияли на рынок труда и в свою очередь, изменения на китайских рынках труда оказали серьезное влияние на экономику. Немаловажная роль в стремительном развитии экономики страны была отведена государственному регулированию рынка труда и, в широком смысле, мобилизации человеческого капитала.

Регулирование рынка труда в широком смысле относится к сфере государственных политик. В силу специфических черт своего предмета (рынок труда как сфера пересечения интересов широкой совокупности субъектов), регулирование рынка труда касается вопросов экономики, доходов населения, демографии, миграции, образования, развития человеческого капитала и других. По этой причине регулирование рынка труда в Китайской Народной Республике относится к числу приоритетных направлений участия государства в функционировании экономики и социальной сферы. С точки зрения применяемых инструментов и целей регулирования, практика Китайской Народной Республики во многом соответствует общемировой, хотя и имеет свои особенности.

Всесторонне используя правовые, экономические и административные меры, китайское правительство прилагает усилия по контролю над безработицей с самого начала и предотвращает такие проблемы, как быстрый рост общего числа безработных, концентрация безработных в некоторых районах и увеличение доли долгосрочных безработных в общем числе безработных. Вышеупомянутая политика достигла положительных результатов на практике. Но китайское правительство также прекрасно понимает, что в стране с большим населением решение проблемы занятости займет много времени. В настоящее время проблемы занятости возникают в основном в трех областях: Во-первых, сосуществуют избыточное предложение труда и нерациональная структура занятости; во-вторых, давление городской занятости и одновременный перевод избыточной сельской рабочей силы в городскую скоростр. Во-первых, общее предложение рабочей силы не уменьшится, и давление на занятость остается большим. В ближайшие годы численность рабочей силы в городах будет увеличиваться. Кроме того, большое количество избыточной рабочей силы из сельской местности нуждается в перемещении. Во-вторых, необходимо решить некоторые нерешенные

проблемы занятости. В-третьих, постепенно возникают новые противоречия в сфере занятости. Проблемы трудоустройства новоприбывших в городах, в частности, выпускников вузов, становятся все более очевидными. Избыток рабочей силы из сельской местности все быстрее перемещается в несельскохозяйственные отрасли и городские районы. В-четвертых, необходимо изменить ситуацию, когда возможности работников не соответствуют требованиям к рабочим местам. Во многих регионах и некоторых отраслях предложение квалифицированных работников отстает от спроса, вплоть до серьезного дефицита[2].

Правительство Китая всегда рассматривало содействие занятости как стратегическую задачу социально-экономического развития[4]. Оно рассматривает контроль уровня безработицы и расширение возможностей трудоустройства как одну из основных целей макроконтроля и включает ее в планы экономического и социального развития. Оно придерживается принципа расширения внутреннего спроса, проводит стабильную фискальную и монетарную политику, поддерживает устойчивое и достаточно быстрое развитие национальной экономики, активно корректирует экономическую структуру и усиливает движущую силу экономического роста в стимулировании занятости. Китайское правительство последовательно рассматривает развитие третичной промышленности как основное направление расширения занятости. Оно поощряет развитие общественных услуг, общественного питания, коммерческого и торгового оборота, туризма и т.д. с целью создания дополнительных рабочих мест в этих отраслях. Правительство уделяет большое внимание использованию своего преимущества в трудовых ресурсах, активно развивает трудоемкие отрасли и предприятия, которые имеют относительные преимущества и продукция которых пользуется спросом на рынке, особенно частные и самозанятые предприятия, а также средние/малые предприятия (МСП) с большим потенциалом занятости.

Чтобы помочь уволенным работникам найти новую работу, с 1998 по 2000 год правительство Китая осуществляло «Трехлетний план подготовки 10 млн уволенных работников для повторного трудоустройства»[3]. Правительство Китая также прилагает усилия по регулированию деятельности по увольнению работников, повышению осознания социальной ответственности среди владельцев и руководства предприятий, прилагает больше усилий по развитию системы коллективных переговоров. Для координации баланса выгод между руководством и работниками и повышения стабильности занятости в Китае был запущен трех-

сторонний механизм регулирования трудовых отношений: правительство, профсоюз и предприятие, который характеризуется автономными консультациями профсоюза и руководства и регулируется правительством в соответствии с законом.

В то же время правительство Китая ускорило разработку и реализацию общего плана дистанционного профессионального обучения с целью последовательного формирования социализированной и открытой сети обучения. Центральные и местные органы власти создают специальные фонды для поддержки и помощи городским и сельским рабочим в трудоустройстве и получении надлежащего обучения. Используя благоприятную налоговую политику, правительства на всех уровнях поддерживают безработных, чтобы они могли реализовать самозанятость или открыть свой собственный бизнес, в то же время поощряя МСП принимать на работу безработных. Правительства предоставляют небольшие кредиты и субсидируют процентные ставки, чтобы поддержать безработных в открытии собственного бизнеса, а также поддерживают развитие МСП для расширения занятости. Политика помощи уязвимым слоям городского населения в основном включает в себя:

1) поощрение безработных к самозанятости или открытию собственного бизнеса. Посредством снижения и освобождения от налогов и административных сборов должны быть доступны небольшие кредиты под залог имущества и кредиты под льготные проценты, если они отвечают определенным требованиям, а также в течение определенного срока и количества кредитов.

2) поощрение предприятий к привлечению рабочей силы. Особенно для малых перерабатывающих предприятий в сфере услуг, коммерческого и торгового секторов, предприятий службы занятости, а также малых предприятий перерабатывающего характера в микрорайонах и общинах, они должны пользоваться соответствующими налоговыми скидками и льготами, субсидиями социального страхования в пределах определенной квалификации и срока, когда они нанимают городских уязвимых людей, достигших установленного количества;

3) предоставление определенных субсидий на социальное страхование и субсидий на оплату труда городским уязвимым группам населения 4050 (уволенные мужчины старше 50 лет и женщины старше 40 лет), когда они реализуют повторное трудоустройство в гибкой форме [1].

Уволенные мужчины старше 50 лет и женщины старше 40 лет, испытывающие трудности с поиском новой работы, но облада-

РОЛЬ КИТАЙСКИХ НПО ВО ВНЕШНЕКУЛЬТУРНОМ ОБМЕНЕ (на пример Института Конфуция)

Ян Кэ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь
e-mail: yangke151617@gmail.com*

Сегодняшний Китай не только активно реализует стратегию «выход экономики за границу», но и также активно реализует стратегию «выход культуры за границу». В качестве важного источника мягкой силы Китая, традиционная культура продолжает процветать в области внешнего обмена, эффективно формируя и укрепляя международный имидж Китая. Как новая попытка осуществить культурный обмен Китая с зарубежными странами? Институты Конфуция предоставляют нам эффективный способ расширения культурного обмена, то есть полностью мобилизовать и использовать уникальные преимущества НПО во внешних культурных связях для укрепления обмена и диалога среди различных культур. В статье представляется текущее состояние Института Конфуция и проанализирована его роль в данной сфере.

Ключевые слова: *внешний культурный обмен; Китай; НПО; институты Конфуция; роль.*

THE ROLE OF CHINESE NGO'S IN THE EXTERNAL CULTURAL EXCHANGE (on the example of the Confucius Institute)

Yang Ke

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: yangke151617@gmail.com*

Today's China is actively pursuing the "going abroad economy" strategy, but is also actively pursuing the "going abroad culture" strategy. As an important source of China's soft power, traditional culture continues to flourish in foreign exchange, effectively shaping and strengthening China's international image. As a new attempt to carry out China's cultural exchanges with foreign countries, Confucius Institutes provide us with an effective way to expand cultural exchange, that is, to fully mobilize and use the unique advantages of NGOs in foreign cultural relations to strengthen exchange and dialogue among different cultures. The article presents the current state of the Confucius Institute, analyzes its role in this area.

Keywords: *external cultural exchange; China; NGO; Confucius institutions; role.*

В современном мировом политическом ландшафте, культура стала важным фактором, влияющим на структуру международных отношений в дополнение к традиционным экономическим, политическим и военным факторам. Культурные обмены позволили странам понимать и узнавать друг о друге на основе взаимопонимания, уменьшая конфликты между странами, вызванные неправильным пониманием культуры, и в то же время значительно снижая высокую стоимость и высокий риск, вызванные

чрезмерной опорой на жесткую силу в процессе экономической и политической дипломатии. Развитие зарубежных культурных обменов способствует сотрудничеству и взаимодействию в различных областях между странами и имеет большое значение для реализации национальных внешнеполитических стратегий и всесторонней защиты национальных интересов.

В течение долгого времени правительство было основным органом культурного обмена с зарубежными странами. Однако в новый исторический период, уделяя внимание статусу главного органа страны, нельзя игнорировать большинство негосударственных факторов как основную силу в осуществлении культурных связей со странами. Они являются не только представителями общественных интересов, но и важными силами, от которых зависит внешнее культурное взаимодействие.

В частности, основная сила зарубежных культурных обменов Китая включает в себя четыре части. Во-первых, должностные лица соответствующих государственных органов. Вторая — это бизнес-группа. В-третьих, соотечественники за границей и этнические группы. В-четвертых, неправительственные организации.

Автор считает, что неправительственные организации можно рассматривать как общественные организации, отличные от правительства. По сравнению с частным сектором, они представляют собой ведомства, которые занимаются общественными делами в обществе и представляют различные общественные блага. Они охватывают различные области, такие как благотворительность, образование, культура, религия, охрана окружающей среды, здравоохранение и гуманизм.

С быстрым развитием неправительственных организаций по всему миру способность общества управлять самим собой постоянно улучшалась, а отношения между правительством, рынком и обществом претерпевали структурные изменения. Роль, которую играют неправительственные организации в различных областях, таких как экономика, политика, культура и дипломатия, также становится все более заметной, и они постепенно становятся важной социальной силой в социальном развитии.

Китайские НПО участвуют в зарубежных культурных обменах, первоначально для удовлетворения потребностей распространения и обмена, а только в следующую очередь для удовлетворения потребностей распространения культуры и обменов между людьми. Участие НПО в зарубежных культурных обменах способствует взаимопониманию среди международных субъектов, устраняет недоразумения и формирует определенные консенсусы, чтобы государства осознали важность поощрения внешних культурных обменов для приобретения национальных общественных интересов. Китайское правительство отметило, что неправительствен-

ные организации способствуют реализации национальных интересов в рамках внешних культурных обменов, поэтому участие неправительственных организаций во внешних культурных связях стало важной частью реализации внешней политики Китая, и таким образом деятельностью данной группы имеют официальную окраску. Несмотря на неизбежность «официальной» окраски, НПО по-прежнему пользуются разной степенью автономии, и их основные характеристики как самостоятельных общественных организаций остаются неизменными.

В этом контексте возник Институт Конфуция под управлением и руководством Китайского международного образовательного фонда. Институт Конфуция является мощным институтом по продвижению китайского языка, который может эффективно использовать ресурсы всех слоев общества для продвижения китайской культуры в мире.

В Уставе Института Конфуция четко сказано: «Институт Конфуция является некоммерческим учебным заведением, основное содержание которого состоит в обучении китайскому языку, распространении китайской культуры и содействии дружескому обмену стран всего мира и Китая. Сфера его деятельности включает: обучение китайскому языку для всех рабочих социальных кругов и учреждений в обществе; создание профессиональных и общих курсов изучения китайского языка; предоставление услуг для китаеведов и различных учреждений; предоставление информации и консультаций по китайскому языку и китайской культуре для различных типов людей и учреждений в обществе».

Вышеупомянутый устав всесторонне знакомит с сущностью и назначением Института Конфуция, что полностью отвечает характеристикам НПО [1].

Являясь некоммерческой образовательной структурой, созданной совместно Китаем и зарубежными странами, Институт Конфуция представляет собой неправительственную организацию нового типа, которая способствует дальнейшему укреплению образовательных обменов и сотрудничества между Китаем и зарубежными странами, способствуя тем самым разнообразному развитию и построению гармоничного мира. В соответствии со своими собственными преимуществами, Институты Конфуция в разных местах проводят разнообразные культурные и обучающие мероприятия, они уже стали важным способом для людей всех стран изучать китайский язык и понимать китайскую культуру.

По состоянию на 23 июля 2020 г. в 162 странах и регионах мира создан 541 институт Конфуция и 1170 классов Конфуция. Среди них в 39 азиатских странах имеются 135 институтов Конфуция и 115 классов Конфуция; в 46 африканских странах имеются 61 институт Конфуция и 48 классов Конфуция; в 43 европейских

странах имеются 187 институтов Конфуция и 346 классов Конфуция; в 27 странах Америки имеются 138 институтов Конфуция и 560 классов Конфуция, в 7 странах Океании имеются 20 институтов Конфуция и 101 класс Конфуция [2]. Согласно статистике Министерства образования Китая, опубликована 10 ноября 2021 г., в настоящее время в мире насчитывается более 25 млн человек, изучающих китайский язык, а совокупное число людей, изучающих китайский язык, приближается к 200 млн [3].

В международном сообществе после 1990 г. появились так называемые «Теория коллапса Китая» и «Теория Китайской угрозы». С другой стороны, «Теория Китайского господства» и «Теория высокомерия Китая» также подразумевают непонимание пути следования Китая. Все это в значительной степени является неправильным восприятием Китая. Институт Конфуция всегда стремится правдиво и объективно знакомить западные массы с текущей ситуацией и развитием Китая, формировать международный имидж Китая. Согласно «Глобальному обзору национального имиджа Китая за 2021 г.», опубликованному Китайской международной издательской администрацией, иностранные респонденты набрали 6,22 балла за общее впечатление о китайской стране (небольшой рост в последние годы). Зарубежные молодые группы в возрасте 18—35 лет имеют лучшее впечатление о Китае. Респонденты ожидают, что Китай вскоре станет крупнейшей экономикой в мире, а имидж восточной державы с долгой историей и вкладом в глобальный прогресс станет самым заметным узнаваемым национальным имиджем Китая [4].

Внешняя торговля культурой является важным аспектом культурного обмена. Институт Конфуция как важная платформа для преподавания китайского языка и культурных обменов, экономические и торговые эффекты Института Конфуция также являются горячей темой международных экономических и торговых исследований. Китайский ученый Лянь Дасян является международным пионером в исследовании этой темы. Он обнаружил, что открытие Института Конфуция значительно способствовало экспорту и прямым инвестициям Китая в развивающиеся страны, а также принесло экономические и торговые выгоды для областей Соединенных Штатов и способствовало развитию туризма в Китае [5, с. 88—89]. Исходя из этого, многие китайские ученые расширили данную модель для изучения экспорта институтов Конфуция в высшее образование Китая [6, с. 27—35], и импортной и экспортной торговли [7, с. 32—46; 8, с. 58—68], экспорта нематериального культурного наследия [9, с. 72—82]. Ученые Се Мэнцзюнь и Цюй Жусяо использовали метод мультипликации для изучения влияния институтов Конфуция на экспорт товаров из Китая в страны, участвующие в инициативе «Один пояс, один

путь» и экспорт китайских продуктов культуры [10, с. 3–13; 11, с. 69–76].

Например, в китайской экономической сети сообщили, что Китай издал учебники по китайскому языку на 45 языках, в совокупности 12 млн учебников и книг распространяются за рубежом [4].

С культурной точки зрения, культура отличается особым разнообразием и национальностью, мультикультурализм интегрируется в конфликтах и развивается в процессе интеграции. По Статистике министерства культуры и туризма Китая, до эпидемии *COVID-19* в 2018 г. 181 институт Конфуция провел всего 4659 культурных мероприятий, в среднем на один институт Конфуция приходилось 25,7 культурных мероприятий. Эти мероприятия охватывают китайскую традиционную медицину, чай, каллиграфию, китайскую живопись, культурные реликвии, книги, гравюры, изделия ручной работы, костюмы, вырезание из бумаги, традиционные принадлежности культуры и другие. Глобальная аудитория культурных мероприятий институтов Конфуция достигла 13 млн человек, а совокупная аудитория — более 100 млн человек [13, с. 23–24]. В этом отношении Институт Конфуция способствует взаимопониманию между китайской цивилизацией и другими цивилизациями в мире и внес свой вклад в культурную глобализацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устав Института Конфуция [Электронный ресурс] // Министерство образования КНР. — Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/srcsite/zsdwxgk/200610/t20061001_62461.html. — Дата доступа: 20.08.2022 (на кит. яз.).
2. Количество институтов Конфуция по регионам в мире [Электронный ресурс] // Байду. — Режим доступа: https://tieba.baidu.com/p/6482933571?fid=599985&isgod=0&red_tag=0227920241&tpl=5. — Дата доступа: 20.08.2022 (на кит. яз.).
3. Министерство образования: более 25 млн человек по всему миру изучают китайский язык [Электронный ресурс] // SOHU.com. — 10.11.2021. — Режим доступа: https://www.sohu.com/a/500263908_162758?g=0. — Дата доступа: 20.08.2022 (на кит. яз.).
4. Отчет о глобальном исследовании национального имиджа Китая за 2021 год [Электронный ресурс] // Библиотека Цзинь Чу дой. — Режим доступа: <https://www.jinchutou.com/p-161018797.html>. — Дата доступа: 20.08.2022 (на кит. яз.).
5. Лянь Дасян. Влияние Института Конфуция на экспортную торговлю Китая и прямые иностранные инвестиции / Лянь Дасян // Журн. Жэньминь. ун-та. — 2012. — № 1. — С. 88–89 (на кит. яз.).
6. Мяо Лицин. Влияние институтов Конфуция на экспорт высшего образования моей страны: эмпирическое исследование, основанное на панельных данных основных стран / Мяо Лицин, Чен Чао // Международный бизнес: вестн. Ун-та внеш. торговли и экон. сотрудничества. — 2015. — № 6. — С. 27–35 (на кит. яз.).

7. Се Мэнцзюнь. Исследование влияния китайской стратегии “выход культуры за границу” на экспортную торговлю / Се Мэнцзюнь // Международные экономические и торговые исследования. — 2017. — № 1. — С. 32—46 (на кит. яз.).

8. Сюй Ченшэн. Исследование влияния Институтов Конфуция на прямые иностранные инвестиции Китая / Сюй Ченшэн, Ван Юнхун // Международный бизнес: вестн. Ун-та внеш. торговли и экон. сотрудничества. — 2016. — № 2. — С. 58—68 (на кит. яз.).

9. Линь Ханг. Влияние Институтов Конфуция на экспорт товаров нематериального культурного наследия Китая — механизм влияния и эмпирические исследования / Линь Ханг, Се Чжичжун // Западный форум. — 2016. — № 4. — С. 72—82 (на кит. яз.).

10. Се, Мэнцзюнь. Возможность культуры повлиять на экспорт: Опыт инициативы «одного пояса и одного пути» / Мэнцзюнь, Се // Вопросы междунар. торговли. — 2016. №. 1. — С. 3-13 (на кит. яз.).

12. Цюй Жусяо. Влияние институтов Конфуция на экспорт китайских культурных продуктов / Цюй Жусяо, Цзэн Яньпин // Исследования экономики и управления. — 2016. — № 9. — С. 69—76 (на кит. яз.).

13. Гу Цзябинь. Текущее состояние, проблемы и меры противодействия культурной деятельности институтов Конфуция / Гу Цзябинь // Журн. Юньнань. педагог. ун-та. — 2022. — №. 1. — С. 23—24 (на кит. яз.).

РОЛЬ КИТАЯ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Яо Цзяхуэй

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
e-mail: xiaomao-123@qq.com*

Цель статьи показать особенности мировой торговли и системы ее регулирования на современном этапе, охарактеризовать Китай как крупнейшую страну по объему внешней торговли и особую роль Китая в регулировании мировой торговли как члена Всемирной торговой организации (ВТО). В статье рассмотрены тенденции развития мировой торговли, определено понятие «система регулирования мировой торговли». Раскрыты аргументы Китая в отношении реформирования ВТО, выявлены дальнейшие перспективы участия Китая в регулировании мировой торговли.

Ключевые слова: *Китай; система регулирования; мировая торговля; Всемирная торговая организация (ВТО); мегарегиональные торговые соглашения (МРТС); пандемия COVID-19.*

THE ROLE OF CHINA IN THE SYSTEM OF GLOBAL TRADE REGULATION

Yao Jiahui

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: xiaomao-123@qq.com*

The purpose of the article is to show the features of world trade and the system of its regulation at the present stage, to characterize China as the largest country in terms of foreign trade and the special role of China in regulating world trade as a member of the

World Trade Organization (WTO). The article considers the trends in the development of world trade, defines the concept of "system of global trade regulation. The arguments of China regarding the reform of the WTO are revealed, further prospects for China's participation in the regulation of world trade are identified.

Keywords: China; regulation system; world trade; World Trade Organization (WTO); mega-regional trade agreements (MRTS); COVID-19 pandemic.

После глобального экономического и финансового кризиса 2008 г. замедление роста мировой торговли и инвестиций, возникновение движения антиглобалистов, торговая война между США и Китая, вспышка пандемии COVID-19, внутренний кризис Всемирной торговой организации (ВТО) и наличие геополитических конфликтов ускоряют реформирование системы регулирования мировой торговли. Будучи второй экономикой в мире, Китай является важнейшим участником системы регулирования мировой торговли и оказывает большое влияние на направление ее развития.

В последние несколько десятилетий в мировой торговле демонстрируется ряд тенденций: во-первых, в мировой торговле наблюдается переход от быстрых темпов роста к медленному росту. Поворотным моментом стал глобальный финансовый кризис 2008 г. С 1998 по 2008 г. среднегодовые темпы роста мирового экспорта товаров и услуг достигли 11,4 и 11,3 % соответственно. После начала международного финансового кризиса в 2008 г. мировая торговля значительно замедлилась. В 2009 г. темпы роста мирового экспорта товаров и услуг снизились на 22,2 и 10,3 % соответственно. С 2010 по 2019 г. среднегодовые темпы роста экспорта товаров и услуг снизились до 2,4 % и 5,1 % соответственно [1]. Экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, привел к резкому падению мировой торговли в 2020 г. Если в 2019 г. объем мировой торговли товарами и услугами составил около 25 трлн дол. США, то в 2020 г. он сократился примерно на 2,5 трлн дол. США (или примерно на 10 %). В 2021 г. в связи с восстановлением мировой экономики, объем мировой торговли вырос на 6 трлн дол. США до рекордно высокого уровня примерно в 28 трлн дол. США [2]. Согласно последним статистическим данным ЮНКТАД, в первом квартале 2022 г. объем мировой торговли увеличился, однако темпы роста продолжали замедляться. Так, в первом квартале 2022 г. мировая торговля достигла рекордного уровня в размере около 7,7 трлн дол. США, что примерно на 1 трлн дол. США больше, чем в первом квартале 2021 г. Выросла как торговля товарами, так и услугами, составив около 6,1 трлн дол. США и 1,6 трлн дол. США соответственно (около 25 и 22 % соответственно по отношению к первому кварталу 2021 г.) [3]. Однако нынешняя волатильность цен на сырьевые товары и геополитический кризис, вызванный российско-украинским

конфликтом, усиливают неопределенность в развитии торговли и вероятно приведут к завершению позитивной тенденции развития мировой торговли.

Во-вторых, увеличение объемов мировой торговли услугами происходит благодаря развитию материального производства, которое выступает фундаментальной основой развития сферы услуг, углублению международного разделения труда непосредственно в сфере услуг, а также ускорению цифровизации экономики. Торговля услугами стала наиболее динамичной формой мировой торговли. Ее доля от общего объема мировой торговли увеличилась с 9 % в 1970 г. [4] до 25 % в 2019 г. В 2020 г. из-за воздействия пандемии *COVID-19* эта доля снизилась до 22,6 % [5]. По прогнозу к 2040 г. ожидается дальнейшее увеличение этой доли до одной трети [1].

В-третьих, значительно улучшаются позиции развивающихся стран в мировой торговле. Если в 1987 г. доля развивающихся стран в мировой торговле составляла 21,9 % [1], то к 2010 г. она достигла 36,8 %, а в 2021 г. увеличилась до 40,1 % [6]. Особенно впечатляющие результаты демонстрируют развивающиеся страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Это в основном связано с изменением их товарной структуры экспорта, т. е. переходом от сырья и ресурсов в экспортной корзине к промышленным товарам и услугам.

В современной системе регулирования мировой торговли отсутствует четкое определение ее понятия. Систему регулирования мировой торговли можно определить как совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение субъектов мировой торговли, обеспечивающих их основные потребности в безопасном существовании и реализации своих интересов, позволяющих преодолеть торговые барьеры, тем самым поддерживать стабильность мировой экономической системы.

После Второй мировой войны с развитием процессов либерализации государствам удалось создать многостороннюю систему регулирования мировой торговли, построенную на принципах недискриминации и предсказуемости. Многосторонняя торговая система, представленная ВТО, является ядром современной системы регулирования торговли. Предшественником ВТО было Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), вступившее в силу в 1948 г. За период после подписания ГАТТ было проведено восемь раундов торговых переговоров, важнейшим практическим итогом которых было существенное снижение тарифных барьеров в торговле товарами: средний уровень импортной таможенной пошлины на товары сократился примерно в 10 раз и по завершении последнего (Уругвайского) раунда со-

ставил менее 4 %. В 1995 г. соглашение ГАТТ было преобразовано в ВТО. В настоящее время ВТО выполняет три основные функции: проведение многосторонних переговоров и консультаций по торговым правилам в целях содействия либерализации и упрощению процедур торговли и инвестиций; разрешение торговых споров; мониторинг торговой политики.

Как отмечает российский ученый А. П. Портанский, сегодня ВТО оказывается перед лицом новых вызовов, связанных: с развитием регионализма, а именно региональных торговых соглашений (РТС) и мегарегиональных торговых соглашений (МРТС); с проблемой развития и эффективности в условиях нового баланса сил, обусловленного резко возросшим влиянием развивающихся стран; с кризисом системы принятия решений в ВТО в условиях значительно выросшего числа членов организации, что проявляется в серьезном замедлении выполнения функций ВТО в генерировании новых правил торговли; с ослаблением лидерской роли США в торговых переговорах; новым этапом торгового протекционизма в отдельных странах. Наиболее серьезным представляется вызов, связанный с глобальным технологическим расколом [7, с. 32]. Как следствие, с начала 2018 г. в глобальной экономической повестке все чаще фигурирует вопрос реформирования ВТО. Однако, несмотря на то, что стороны выразили единое мнение в стремлении реформировать ВТО, этот процесс не может быть простым и быстрым. Действовавший более 70 лет механизм консенсуса в ГАТТ/ВТО стал «стандартом» при выработке решений, причем все 164 страны-члена имеют свои аргументы по реформированию ВТО.

Регулирование мировой торговли более активно развивается в региональном разрезе. По состоянию на 19 марта 2022 г. было нотифицировано 577 РТС, где 55 % от всех этих 577 РТС составляют соглашения о свободной торговле. Большинство данных соглашений сосредоточено в трех регионах: Европа, Америка и АТР. В частности, в АТР наблюдается резкое увеличение числа таких соглашений, где имеются два МРТС — Всеобъемлющее и прогрессивное Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (*CPTPP*), в котором участвуют Австралия, Бруней-Даруссалам, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Перу, Новая Зеландия, Сингапур и Вьетнам, и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), подписанное членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и ее пятью партнерами по ЗСТ (Австралия, Китай, Япония, Новая Зеландия и Республика Корея).

Китай выступает активным участником, бенефициаром и защитником экономической глобализации. Его рейтинговая пози-

ция в мировой торговле с 32-ой в 1978 г. изменилась до первой в экспорте товаров и второй по импорту товаров и услуг. Согласно данным Главного таможенного управления Китайской Народной Республики, в 2021 г. товарооборот Китая увеличился на 30,3 % по сравнению с предыдущим годом, достигнув исторического показателя в 6,05 трлн дол. США [8]. Китай является крупнейшим торговым партнером более чем 120 стран в мире и занимает лидирующее положение в системе регулирования мировой торговли. В 1986 г. Китай подал заявку на восстановление статуса договаривающихся сторон ГАТТ, а потом спустя 15 лет переговоров, 11 декабря 2001 г. он вступил в ВТО и стал ее 143-м членом. После присоединения к ВТО, в соответствии с ее правилами, центральное правительство Китая согласовало более 2 300 законов и постановлений, а местные органы власти одобрили более 190 000 документов, постепенно создавая внутреннюю систему управления экономикой, которая связана с многосторонней торговой системой. Общий уровень импортных пошлин Китая снизился с 15,3 % в 2001 г. до 7,4 % на сегодняшний день. Уведомление о разработанных более чем 1000 внутренних законов, правил и изменений в политике, выполнение всех постановлений, вынесенных механизмом разрешения споров ВТО, и принятие 8 мониторингов торговой политики полностью отражает уважение Китаем правил и полномочий ВТО [9].

Что касается реформирования ВТО, Китай, как многие другие члены ВТО занял активную позицию. В 2018 г. Министерством коммерции КНР озаглавлена «Позиция Китая по вопросу о реформировании ВТО», где определены «три основных принципа и пять предложений» по реформе ВТО. Основные принципы реформы предполагают «сохранение основных ценностей многосторонней торговой системы и включают принцип недискриминации и открытости; принцип защиты интересов развивающихся стран, имеющих право на специальный и дифференцированный режим (СДР), и сокращения разрыва между Севером и Югом; принцип проведения реформы на основе консенсуса», а в предложениях Китая по реформированию ВТО описываются следующие меры: «укрепление центральной роли многосторонней торговой системы в либерализации и упрощении процедур международной торговли; решение проблем функционирования ВТО; устранение дисбаланса в торговых правилах, долгосрочных диспропорций в международной торговле сельскохозяйственной продукцией в результате чрезмерного субсидирования со стороны развитых стран-членов; предотвращение злоупотреблений, особенно в антидемпинговых расследованиях, актуализация действующих правил ВТО путем включения в них вопросов со-

действия инвестициям и микро-, малым и средним предприятиям; сохранение СДР для развивающихся стран; уважение права стран-членов на выбор модели развития, включая запрет дискриминации в отношении предприятий некоторых членов ВТО при проведении обзора инвестиционной безопасности и антимонопольных расследований, борьба с злоупотреблениями развитыми странами-членами мерами экспортного контроля, препятствующими технологическому сотрудничеству» [10]. В мае 2019 г. Китай официально передал на рассмотрение ВТО документ с предложениями о реформе, в котором перечислены четыре основных направления: решение ключевых и неотложных проблем, угрожающих существованию ВТО; повышение значения ВТО в системе управления глобальной экономикой; повышение эффективности использования ВТО; укрепление инклюзивности системы многосторонней торговли [11].

На региональном уровне в 2012 г., в отчете 18-го съезда КПК указывалось, что «координация двустороннего, регионального и многостороннего открытия рынков и сотрудничества, ускорение стратегии ЗСТ и развитие связей с соседними странами». С 2016 г. Китай начал ускорять создание сети зон свободной торговли (ЗСТ) с плацдармом в соседних регионах, вовлеченных в инициативу «Один пояс, один путь», и в целом охватывающей весь мир. По данным Министерства коммерции Китая, на сегодняшний день Китай подписал 19 соглашений о свободной торговле. Кроме ВРЭП, 16 сентября 2021 г. Китай официально подал заявку на присоединение к *СРТРР* для дальнейшего расширения открытости, построения новой модели развития «двойных циклов», сочетающей преимущества внутреннего рынка и технологических возможностей с преимуществами зарубежных рынков.

Таким образом, нынешняя система регулирования мировой торговли находится в процессе ускоренной трансформации. Китай, как крупная торговая держава, член ВТО и активный участник региональных торговых соглашений, играет все более важную роль в системе регулирования мировой торговли. Учитывая, что многосторонняя торговая система, представленная ВТО, несомненно, останется ядром будущей системы регулирования мировой торговли, Китай не намерен строить отдельную систему регулирования торговлей, а готов сотрудничать со всеми сторонами для продвижения реформы ВТО и сохранения правил многосторонней торговой системы, активно создавать глобальную сеть ЗСТ, а также активно участвовать в разработке новых правил международной торговли, включая цифровизацию и экологизацию, тем самым способствовать либерализации и упрощению международной торговли и инвестиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Реформа системы управления международной торговлей [Электронный ресурс] // Официальный сайт научно-исследовательского института информационных технологий. — 19.05.2022. — Режим доступа: <http://www.china-cer.com.cn/zhonghong/2022051918576.html>. — Дата доступа: 11.09.2022. (на кит. яз.).
2. Key Statistics and Trends in International Trade 2021 [Electronic resource] // The United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctab2022d3_en.pdf. — Date of access: 11.09.2022.
3. Global Trade Update (July 2022) [Electronic resource] // The United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctab2022d3_en.pdf. — Date of access: 11.09.2022.
4. Торговля услугами требует укрепления международного сотрудничества [Электронный ресурс] // Российская газета. — 11.10.2019. — Режим доступа: <https://rg.ru/2019/10/11/torgovlia-uslugami-trebuuet-ukrepleniia-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva.html>. — Дата доступа: 11.09.2022.
5. Total trade in services [Electronic resource] // The United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <https://hbs.unctad.org/total-trade-in-services>. — Date of access: 11.09.2022.
6. Чжун Фэйтэн. 20-й съезд Коммунистической партии Китая и «Глобальная инициатива развития» из 20 вопросов: поставить развитие в центр международной повестки дня / Чжун Фэйтэн [Электронный ресурс] // Социальная научная сеть. — 05.07.2022. — Режим доступа: http://www.cssn.cn/gjgxx/gj_bwsf/202207/t20220705_5415723.shtml. — Дата доступа: 11.09.2022. (на кит. яз.).
7. Портанский, А. П. Мировая торговая система: вызовы XXI века: монография / А. П. Портанский. — М.: Междунар. отношения, 2021. — 208 с.
8. SCIO briefing on China's import and export of 2021 [Electronic resource] // The State Council Information Office, The People's Republic of China. — 14.01.2022. — Mode of access: http://english.scio.gov.cn/pressroom/node_8027777.htm. — Date of access: 11.09.2022.
9. Белая книга о Китае и Всемирной торговой организации [Электронный ресурс] // Министерство коммерции КНР. — Режим доступа: <http://ga.mofcom.gov.cn/article/zctz/201807/20180702767333.shtml>. — Дата доступа: 11.09.2022. (на кит. яз.).
10. China's Position paper on WTO Reform [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. — Mode of access: <https://www.mfa.gov.cn/ce/celt//eng/xwdt/t1616985.htm>. — Date of access: 11.09.2022.
11. Петровский, В. Официальный Пекин о реформе ВТО. Почему сейчас? [Электронный ресурс] // Международная жизнь. — 18.05.2019. — Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/22522>. — Дата доступа: 11.09.2022.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АРАБСКИЙ МИР: ВЫЗОВЫ МОДЕРНА»

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ САУДОВСКОЙ АРАВИЕЙ И США ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ЙЕМЕНСКОГО КРИЗИСА

Д. Саджади

*Международный университет «Тишк»,
100 м. Улица, недалеко от Филки Баз (площадь), напротив Казы Мухаммеда,
44001, Эрбиль, Ирак, e-mail: dana.sajady@gmail.com*

В 2011 г. йеменский кризис начался с йеменской молодежной революции против президента Али Салеха. В 2012 г., в рамках посреднического соглашения между президентом и оппозицией А. Салех оставил власть. Но в 2014 г. боевики-хуситы начали битву за Сану, что усугубило ситуацию. Эти события побудили страны Персидского залива, в частности Саудовскую Аравию, к военному вмешательству в Йемен. Цель статьи — раскрыть сотрудничество между Америкой и Саудовской Аравией для урегулирования йеменского кризиса. В библиографический список было введено значительное количество источников на арабском и английском языках. Практическое значение заключается в том, что содержание и выводы статьи могут быть использованы в преподавании дисциплин по истории международных отношений. Необходимо указать, что данная проблема представляет интерес как одна из немногих исследований рассмотрения сотрудничества между Саудовской Аравией и США по урегулированию йеменского кризиса.

Ключевые слова: США; Саудовская Аравия; хуситы; страны Персидского залива; ООН.

COOPERATION BETWEEN SAUDI ARABIA AND THE US ON THE SETTLEMENT OF THE YEMEN CRISIS

D. Sajadi

*Tishk International University (TIU),
100 mt. Street, near Filkey Baz (Square), across Qazi Muhammad, 44001, Erbil, Iraq,
e-mail: dana.sajady@gmail.com*

In 2011, the Yemeni crisis began with a Yemeni youth revolution against President Ali Saleh. In 2012, as part of a mediation agreement between the president and the opposition, A. Saleh left power. But in 2014, Houthi fighters started the battle for Sana'a, which aggravated the situation. These events prompted the Gulf states, in particular Saudi Arabia, to military intervention in Yemen. The purpose of the article is to reveal the cooperation between America and Saudi Arabia to resolve the Yemeni crisis. A significant number of sources in Arabic and English have been introduced into the bibliographic references. The practical significance lies in the fact that the content and conclusions of the article can be used in teaching disciplines in the history of international relations. It should be pointed out that this problem is of interest as one of the few studies considering cooperation between Saudi Arabia and the United States to resolve the Yemeni crisis.

Keywords: USA; Saudi Arabia; the Houthis; countries of the Persian Gulf; UN.

После событий 2003 г. в Ираке, поспособствовавших установлению шиитского контроля над страной и расширению иранского влияния в регионе, региональный конфликт приобрел черты межконфессионального столкновения, распространившись на восточные страны Ближнего Востока.

В 2004—2009 гг. в провинции Саада, расположенной в северной части Йемена, начались вооруженные столкновения между хуситами, принадлежащими к шиитской секте зейдитов, и йеменским правительством. Еще одним стимулом к разрастанию конфликта стали события «арабской весны», в ходе которых в Йемене состоялись массовые демонстрации, участники которых потребовали отставки президента Али Абдуллы Салеха.

23 ноября 2011 г. страны Персидского залива обнародовали заявление, в котором содержалось требование отставки Салеха с условием, что его противники не станут подвергать главу государства после его отставки судебному преследованию [1].

Соответствующую инициативу поддержал Совет Безопасности ООН, который принял резолюцию 2201 с призывом к политическому урегулированию конфликтной ситуации в Йемене на основе предложения стран Персидского залива инициативы [2].

Повышенное внимание конфликтной ситуации в Йемене уделяла Саудовская Аравия, которая стремилась предотвратить распространение волны революций на страны Персидского залива и опасалась расширения влияния шиитского Ирана и хуситов в Йемене. Следует отметить, что Йемен был расположен вблизи Баб-эль-мандебского пролива, через который проходили нефтяные танкеры.

В 2012 г. президентом Йемена был избран Мухаммад Раббо Мансур Хади. В 2013 г. он инициировал проведение национального диалога с участием нескольких политических фракций, включая хуситов. Результатом политических переговоров стало подписание в 2014 г. Документа о национальном диалоге, в котором содержался призыв к преобразованию парламента и Совета шуры для обеспечения равноправия между Севером и Югом, поиску справедливого решения вопроса Саади и превращению Йемена в федеративное государство, состоящее из 6 регионов [3].

Соединенные Штаты Америки поддержали инициативу стран Персидского залива и приветствовали подключение хуситов к мирному процессу. Для Америки было важно, чтобы хуситы приняли участие в борьбе с Аль-Каидой. Эта установка нашла отражение в словах заместителя официального представителя Государственного департамента США М. К. Тонера. Американский дипломат, в частности, заявил: «Соединенные Штаты приветствуют инициативу Совета сотрудничества стран Персидского

залива по урегулированию сложной политической ситуации в Йемене. Мы настоятельно призываем все стороны участвовать в этом срочно необходимом диалоге для достижения решения, поддерживаемого йеменским народом. Чтобы добиться успеха, все стороны должны принимать участие в политическом процессе, учитывающим интересы йеменского народа» [4].

Основной целью США являлось стремление поддержать стабильность в регионе и обеспечить беспрепятственный проход через Баб-эль-Мандебский пролив, успокоить арабов, в особенности Саудовскую Аравию, после подписания соглашения по иранской ядерной программе и защитить Саудовскую Аравию как важнейшего экспортера нефти [5, с. 181].

Тем не менее в середине 2014 г. хуситы отвергли проект Конституции, высказавшись против разделения Йемена на 6 регионов и вытеснения их в гористую местность при одновременном лишении выхода к Красному морю [6]. Перейдя в наступление, они заняли столицу Йемена Сану. В начале 2015 г. хуситы окружили дом президента Хади и установили контроль над Йеменским каналом, информационным агентством Саба и зданием парламента. Президент Хади смог сбежать в Аден, объявив его Аден временной столицей Йемена.

После одержанных успехов хуситы опубликовали заявление («Конституционную декларацию»), предусматривавшее формирование президентского совета из 5 членов и переходного национального совета из 551 члена вместо распущенного парламента. В «Конституционной декларации» говорилось, что внешняя политика государства будет основываться на приверженности принципу добрососедства и невмешательства, а также на использовании мирных средств разрешения спорных вопросов [7].

15 февраля 2015 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2201. В этой резолюции выражалось сожаление по поводу односторонних действий, предпринятых хуситами по роспуску парламента и захвата правительственных учреждений Йемена. Также СБ ООН высказал серьезную обеспокоенность сообщениями об использовании детей в качестве солдат и настоятельно призвал все стороны продолжить переговорный процесс [8].

26 марта 2015 г. Саудовская Аравия объявила о начале операции «Решительный шторм» по восстановлению легитимной власти в Йемене. К этой операции подключились другие государства (Пакистан, Египет, ОАЭ, Катар, Иордания). Логистическую поддержку операции оказали США [9].

Исследователь А. Махмуд отмечала, что Саудовская Аравия приняла решение вмешаться во внутренние дела Йемена по ряду причин:

- 1) слишком быстрого продвижения хуситов, опиравшихся на поддержку сил, лояльных бывшему президенту Али Абдулле Салеху, в другие провинции Йемена;
- 2) нежелания США вмешиваться в дела Йемена;
- 3) опасения относительно усиления иранского влияния;
- 4) желая усилить свою региональную роль и направить сигнал некоторым странам в регионе, таким как Катар и Египет, что Саудовская Аравия является крупной региональной державой и претендует на лидерство в суннитской оси. [10, с. 76—77].

14 апреля 2015 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2216. В соответствии с главой VII Устава Организации Объединенных Наций он наложил эмбарго на поставки оружия хуситам и сторонникам свергнутого президента Йемена Али Абдулла Салеха и призвал хуситов покинуть захваченные ими города и регионы, включая столицу Йемена Сану [11].

21 апреля 2015 г. Саудовская Аравия объявила о завершении операции «Решающий шторм» и начале новой операции под названием «Возрождение надежды». Это решение было обусловлено тем, что коалиции удалось устранить все угрозы, представлявшие угрозу безопасности Саудовской Аравии и соседних стран, посредством уничтожения тяжелого и баллистического оружия и авиации, которыми обладали хуситы [12].

Основными целями операции «Возрождение надежды» были объявлены защита Йемена от хуситов и их союзниками; обеспечение безопасности Саудовской Аравии и соседних стран, от баллистических ракет и тяжелых вооружений, захваченных хуситами и их союзниками; уничтожение большей части военных возможностей хуситских ополченцев и их союзников; предотвращение потока оружия в Йемен; защита законного правительства и обеспечение его способности управлять страной; возобновление политического процесса в соответствии с резолюцией 2216 Совета Безопасности ООН, Инициативой в Персидском заливе и итогами конференции по йеменскому диалогу [13].

Несмотря на заявление Саудовской Аравии о достижении основных целей операции в Йемене, она столкнулась со многими проблемами, которые превратили этот конфликт в войну на истощение. Наиболее важными из них стали отсутствие четкой военной стратегии и расхождения установок и целей участников коалиции в отношении организации политического процесса и участников этого процесса.

В лице хуситов Саудовская Аравия столкнулась с опытной военизированной группировкой, причем мощь хуситов возросла после образования союза с бывшим президентом Йемена А. Салехом. Страны Персидского залива столкнулись с дилеммой безопас-

ности, ведя боевые действия без прямого участия крупных держав, таких как США. Конфликтная ситуация в Йемене поспособствовала активизации деятельности Аль-Кайды [5, с. 179—180].

Таким образом, вовлечение Саудовской Аравии в йеменский кризис предопределяла высокая степень исторической и геостратегической значимости Йемена для нее. Вмешиваясь в дела Йемена, Королевство Саудовская Аравия стремилось продемонстрировать свои растущие международные амбиции. Однако при проведении двух военных операций в Йемене Саудовская Аравия столкнулась с трудностями. Основная проблема заключалась в том, что борьба с хуситами для нее превратилась в войну на истощение. Ухудшение гуманитарной ситуации в Йемене привело к росту критики Саудовской Аравии со стороны международного сообщества и смене установок США. От безоговорочной поддержки Саудовской Аравии они перешли к тактике поощрения урегулирования конфликта в Йемене не основе переговоров между конфликтующими сторонами.

Кризис в Йемене продемонстрировал двойственность политики администрации Б. Обамы. С одной стороны, он отказался поддержать повстанцев во время арабской весны, с другой стороны, поддержал силы коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией в Йемене. Эту позицию можно интерпретировать как попытку добиться расположения Саудовской Аравии в условиях потрясений в арабском мире, особенно в Сирии, и подписания иранского ядерного соглашения между Ираном и западными странами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Agreement/Gulf Cooperation Council (GCC) Initiative [Electronic resource] // Peace Agreements Database. — Mode of access: <https://www.peaceagreements.org/generateAgreementPDF/1401>. — Date of access: 15.05.2022.
2. Security Council Resolution: UN. Doc. S/RES/2014(2011) [Electronic resource] // United Nations Documents. — Mode of access: [https://undocs.org/en/S/RES/2014\(2011\)](https://undocs.org/en/S/RES/2014(2011)). — Date of access: 15.05.2022.
3. Васикет аль-хивар аль-ватани аль-шамель = Документ всеобъемлющего национального диалога // Йеменский форум политического развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pdf-yemen.com/PDF/Democratic/NDC%20Final%20Document.pdf>. — Дата доступа: 19.03.2022 (на араб. яз.).
4. GCC Initiative in Yemen [Electronic resource] // U.S. Department of State. 08.04.2011. — Mode of access: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/04/160361.htm>. — Date of access: 20.05.2022.
5. Ахмед, А. М. Американо-саудовские отношения в период президента Обамы (2008—2016) / А. М. Ахмед. — Берлин: Демократ. араб. центр, 2020. — 244 с. (на араб. яз.).

6. Аль-хусион йарфитун месваддет аль-дастур альджадид = Хуситы отвергают новый проект конституции [Электронный ресурс] // Аль-акбар новости. — 06.01.2015. — Режим доступа: <https://al-akhbar.com/Arab/13490>. — Дата доступа: 19.05.2022 (на араб. яз.).

7. Аль-илан аль-дастури лельхусион: Хал аль-барламан ва ташкил маджлес рйаси ва фетрет интикалийа ли'амин = «Конституционная декларация» хуситов: роспуск парламента, формирование президентского совета и двухлетний переходный период // Россия сегодня на арабском [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://inlnk.ru/Qwm9Ex>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на араб. яз.).

8. Security Council Resolution: UN. Doc. S/RES/2201(2015) [Electronic resource] // United Nations Documents. — Mode of access: [https://undocs.org/en/S/RES/2201\(2015\)](https://undocs.org/en/S/RES/2201(2015)). — Date of access: 20.05.2022.

9. Shabaneh, Gh. Operation Decisive Storm: Objectives and Hurdles [Electronic resource] / Gh. Shabaneh // Aljazeera. Centre for Studies. — 12.04.2015. — Mode of access: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2015/04/2015412115549719521.html>. — Date of access: 20.05.2022.

10. Марзук, М. Американо-саудовские отношения в свете региональных изменений (2011—2016 гг.) / М. Марзук. — Берлин: Демократ. араб. центр, 2020. — 244 с. (на араб. яз.).

11. Security Council Resolution: UN. Doc. S/RES/2216(2015) [Electronic resource] // United Nations Documents. — Mode of access: [https://undocs.org/en/S/RES/2216\(2015\)](https://undocs.org/en/S/RES/2216(2015)). — Date of access: 22.05.2022.

12. Аль-суудийа т'улен интих'а «Асефет аль-хазем» билктата 'ала тахдидиат аль-хусию лелмамлака ва девал аль-дживар ва бе'д амалиет «И'адет аль-амаль» = Саудовская Аравия объявляет об окончании «решающего шторма», устранив угрозы хуситов Королевству и соседним странам и начав процесс «Возрождение надежды» [Электронный ресурс] // CNN на арабском. — 21.04.2015. — Режим доступа: <https://arabic.cnn.com/middleeast/2015/04/21/saudi-yemen-storm>. — Дата доступа: 22.05.2022.

13. Operation Decisive Storm Ends, Operation Renewal of Hope Begins With Military Objectives Achieved, Focus Shifts to the Political Process [Electronic resource] // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. — 21.04.2015. — Mode of access: <https://www.saudiembassy.net/press-release/operation-decisive-storm-ends-operation-renewal-hope-begins-military-objectives>. — Date of access: 20.05.2022.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ»

КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Е. А. Богатырева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: bahatyrova@bsu.by*

Человеческий потенциал является одним из основных факторов экономического роста в мировой экономике. Приведены концепции формирования и развития человеческого потенциала, которые отражают различные подходы к его определению. Рассматриваются теория человеческого капитала, концепция «Анализ человеческих ресурсов», концепция жизненного цикла человека, концепция трансгуманизма, теория молодежи, концепция развития человеческого потенциала. В результате всех вышеперечисленных концепций и теорий и на основе концепции развития человеческого потенциала при ООН была разработана «Программа развития ООН», которая является важнейшим документом в современном обществе для дальнейшего развития стран в мировой экономике и преодоления возникающих проблем.

Ключевые слова: *человеческий капитал; человеческие ресурсы; человеческий потенциал; концепции человеческого потенциала; программа развития ООН.*

CONCEPTS OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL AND HUMAN POTENTIAL IN THE WORLD ECONOMY

E. A. Bogatyreva

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: bahatyrova@bsu.by*

Human potential is one of the main factors of economic growth in the global economy. The concepts of formation and development of human potential, which reflect different approaches to its definition, are presented. The theory of human capital, the concept of "Analysis of human resources", the concept of the human life cycle, the concept of transhumanism, the theory of youth, the concept of the development of human potential are considered. As a result of all the above concepts and theories, and on the basis of the concept of human development at the UN, the UN Development Program was developed, which is the most important document in modern society for the further development of countries in the world economy and overcoming emerging problems.

Keywords: *human capital; human resources; human potential; human potential concepts; UN Development Programme.*

Человеческий потенциал, как одна из главных составляющих экономического роста в мировой экономике, является не только причиной, но и эффективно воздействующим на экономический рост и развитие фактором.

В настоящее время уделяется большое внимание роли концепции человеческого потенциала в увеличении материального благосостояния на микро- и на макроуровнях, а также возможности отдельного индивида в получении желаемой работы, и обеспечении достойного и комфортного уровня жизни, возможности доступа к высокому уровню образования и реализации своих талантов и способностей [1].

Человеческий потенциал — это социально-экономическая категория, отражающая совокупность отношений, складывающихся между людьми, фирмами и государствами по поводу его формирования, развития и реализации в целях повышения уровня жизни, здоровья, образования, а также применения профессиональных способностей в производственной деятельности и наиболее полной реализации интересов и потребностей каждого человека, и общества в целом [2, с. 161].

Концепции развития человеческого потенциала отражают различные подходы к его определению и формированию.

Теория человеческого капитала, разработчиками которой являются американские экономисты Т.-В. Шульц и Г.-С. Беккер, сформировалась в 60-х гг. XX в. В рамках данной теории обосновываются инвестиции в человека с целью дальнейшего использования его знаний, навыков, способностей для создания экономических благ и получения будущих доходов. Теория человеческого капитала определяет, что важнейшим элементом качественных характеристик трудовых ресурсов является уровень общего и профессионального образования, и существует сильная зависимость между экономическим ростом и «инвестициями в человека», причем прибыльность таких инвестиций в долгосрочном плане выше вложений в физический капитал [3].

Согласно теории человеческого капитала при производстве товаров и услуг взаимодействуют два фактора — физический капитал (средства производства) и человеческий капитал (приобретенные знания, навыки, энергия). Люди вкладывают средства не только в текущее потребление, но и в доходы, которые они могут получить в будущем. Таким образом осуществляются инвестиции в человеческий капитал. К ним можно отнести затраты на получение образования, на поддержание и сохранение здоровья, затраты связанные с поиском работы, изучением информации, профессиональной подготовкой на производстве. Величина человеческого капитала оценивается потенциальным доходом, который он способен дать. Следует отметить, что данная концепция рассматривает вложения в человеческий потенциал с точки зрения получения будущих доходов. Однако она не дает ответов на решения таких проблем как сокращение неравенства в распреде-

лении доходов, избежание бедности населения, в ней отсутствует и ориентация на социальное развитие экономики в целом [4].

Концепция «анализ человеческих ресурсов» возникла в 1960-е гг. как ответ на возрастающее внимание к персоналу организации как важному ресурсу, способному увеличить прибыль компании. Возникла необходимость разработать такие инструменты, которые позволили бы руководству компании более эффективно использовать своих работников и оценить и их эффективность в денежном эквиваленте.

Человеческие ресурсы — это определенная совокупность качеств и характеристик человека, которая характеризует его способность к деятельности определенного рода. Кроме того, стоит отметить, что данное понятие может рассматриваться в рамках отдельной организации, региона или же государства в целом

Основоположником данной концепции является Э. Флэмхольц, который определил три основные задачи для анализа человеческих ресурсов:

- собрать и обработать информацию, необходимую для принятия решений в области управления персоналом как для низшего, так и для высшего руководящего состава организации;

- разработать и обосновать методы численного измерения стоимости человеческих ресурсов, необходимых для принятия конкретных решений;

- сформировать новый образ мышления у руководителей думать о своих сотрудниках не как о затратах, которые следует минимизировать, а, скорее, как об активах, которые следует оптимизировать [5].

Концепция жизненного цикла человека (человеческих ресурсов) (авторы Ш. Бюлер, Э. Эриксон.) раскрывает понятие потенциала населения через три крупных основных периода его жизни: формирование, развитие, истощение. Формирование — период от рождения до получения среднего и профессионального образования. В данный период закладываются основы характера человека, его способности, формируется база для получения дальнейшего профессионального образования. Развитие — это период зрелости в развитии человека, максимальной отдачи от инвестиций в человеческий капитал. На начальном этапе она включает в себя выбор профессиональной сферы деятельности, интенсивное использование полученных знаний; максимальной реализации в профессии. Истощение — это период угасания общественной, трудовой, творческой активности, социально-психологического старения. Жизненный цикл человека зависит от объективных и субъективных факторов. Объективные факторы — это демографическая ситуация в регионе, обеспечение

здравоохранения и возможность получения новых знаний и их использование. Субъективные факторы — индивидуальное здоровье человека, его способности, желание получать образование и развиваться [6].

Концепция трансгуманизма (авторы: Дж. Хаксли, Дж. Б. С. Холдейн, Дж. Д. Бернал и др.) предполагает улучшение человеческого существования за счет использования современных технологий, которые могут расширить границы возможностей самого человека.

Трансгуманизм представляет собой философскую концепцию, систему взглядов, которая объясняется как необходимость использования современных технологий и достижений различных наук для совершенствования тела и разума человека, улучшения качества его жизни. [7] Сторонники данной концепции утверждают, что достижения современной науки ставят перед обществом задачи осмысления пределов вмешательства передовых технологий в жизнедеятельность человека, необходимости глубокого и всестороннего анализа перспектив дальнейшей эволюции человечества. Для этого необходимо: поддерживать техническое развитие общества; изучать и максимально использовать достижения НТП, как для сохранения здоровья, так и для улучшения качества жизни. Следует отметить, что сторонники данной концепции рекомендуют противостоять государственным инициативам, ограничивающим передовые научные исследования и запрещающим использование отдельных новейших технологий сомнительных с точки зрения нравственности.

Теория молодежи (Г. Стенли Холл, К. Грос, Ш. Бюлер, Е. Г. Слуцкий) рассматривает естественный потенциал молодого поколения как важнейший фактор дальнейшего социального развития молодежи. В современных условиях необходимо создать условия для использования инновационного потенциала молодежи в стратегическом развитии государства. Для этого разрабатывается и осуществляется молодежная политика на уровне государства. Инновационным потенциалом молодежи является ее креативность, способность нестандартно мыслить, привносить новые идеи в устоявшиеся процессы, рисковать. Использование потенциала молодежи может благоприятно повлиять на развитие благосостояния общества в целом.

Сторонники концепции развития человеческого потенциала, в возникновение и формирование которой большой вклад внесли научные труды индийского экономиста, лауреата Нобелевской премии 1998 г. Амартья Кумар Сена, и также деятельность пакистанского экономиста Махбуба уль Хака, отмечают, что развитие человеческого потенциала определяется двумя направлениями:

формированием самого человеческого потенциала за счет повышения уровня знаний, приобретения новых навыков, улучшения здоровья; и использованием накопленного потенциала в производственных целях с целью получения определенной выгоды.

В концепции развития человеческого потенциала заложены основные фундаментальные принципы.

1. Принцип равенства. У всех людей независимо от пола, расы, национальности, места проживания и классовой принадлежности должны быть равные возможности для участия в экономической и политической жизни страны, а все возникающие препятствия должны быть устранены.

2. Принцип продуктивности. Все граждане страны должны иметь возможность повышать продуктивность своей деятельности, полноценно участвовать в процессе формирования дохода и получать достойное денежное вознаграждение за свой труд.

3. Принцип устойчивости доступа. Доступ к возможностям реализации человеческого потенциала должен быть обеспечен не только сегодняшним, но и будущим поколениям, поэтому необходимо обеспечить воспроизводство всех видов капитала — материального, человеческого, экологического.

4. Принцип расширения возможностей. Развитие страны и общества должно осуществляться усилиями самих людей. Граждане должны всемерно участвовать в процессе принятия решений, влияющих на их жизнь [8, с. 551].

Концептуальные разработки А. Сена получили продолжение в ежегодных докладах международной организации «Программа развития ООН» (ПРООН), которая выступает за поддержку доступа к источникам знаний, практическому опыту и ресурсам для улучшения жизни населения. ПРООН поддерживается в 166 странах мира с целью координации глобального и национального развития. Главное внимание в программе уделяется вопросам преодоления бедности, проблемам демократического государственного управления, предотвращения экономических кризисов и преодоления их последствий, защите окружающей среды и др.

В заключении следует отметить, человеческий потенциал, как отдельный экономический фактор, в настоящее время активно исследуется и используется во всех сферах мировой экономики и занимает одну из главных позиций определяющих ее эффективность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Corporate mobility and Talent Recruitment Trends [Electronic resource] // North American. — Mode of access: <https://www.northamerican.com/docs/default-source/Corporate/corporate-mobility-and-talent->

acquisition-study-final-7-17-18.pdf?sfvrsn=e0af4fef_4 — Date of access: 05.09.2022.

2. Юрова, Н. В. Человеческий потенциал в экономике: теоретический подход и особенности измерения / Н. В. Юрова // Новая экономика. — 2013. — № 1 (61). — С. 160—166

3. Довбенко, М. В. Современные экономические теории в трудах нобелиантов / М. В. Довбенко, Ю. И. Осик [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. — Режим доступа: <https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=129>. — Дата доступа: 06.06.2022.

4. Докторович, А. Б. Генезис концепций и теорий человеческого развития / А. Б. Докторович [Электронный ресурс] // Пространство и время. — 2014. — Т. 7, № 1. — Режим доступа: http://j-spacetime.com/actual%20content/t7v1/2227-9490e-aprov_e-ast7-1.2014.25.php. — Дата доступа: 06.06.2022.

5. Управление персоналом: 4.2. Концепция «Анализ человеческих ресурсов» [Электронный ресурс] // Административно-управленческий портал. — Режим доступа: http://www.aup.ru/books/m152/4_2.htm. — Дата доступа: 06.06.2022.

6. Киселева, Л. С. Потенциал здоровья в концепции жизненного цикла человека / Л. С. Киселева // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. — 2014. — № 2. — С. 151—158.

7. Нафикова, А. И. Трансгуманизм как современная концепция социального развития / А. И. Новикова [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2-2. — Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22306>. — Дата доступа: 06.06.2022.

8. Богатырёва, Е. А. Концепции формирования и развития человеческого потенциала в мировой экономике / Е. А. Богатырёва // Сб. тезисов 78-й науч. конф. студентов и аспирантов ФМО БГУ, Минск, 22 апр. 2021 г. / Редкол.: Е. А. Достанко [и др.]. — Минск, 2021. — С. 550—551.

РОСТ ЭКСПОРТА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТОВАРОВ КИТАЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Ву Чжэн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: 812070699wz@gmail.com*

Нынешняя глобальная экономическая экспансия направлена на укрепление экономики Китая и его внешнеэкономических связей. Человеческий капитал должен обеспечить КНР высоким конкурентным преимуществом в высокотехнологичной отрасли и поддержать развитие инновационной сферы. За последнее десятилетие китайский экспорт резко вырос, увеличившись гораздо быстрее, чем темпы роста ВВП. Объяснение данной ситуации с приведением детализированных макроэкономических показателей представлено в статье.

Ключевые слова: *человеческий капитал; трудовые ресурсы; международная торговля; экономика Китая; инновационные технологии; технологический прорыв; экспортные связи; экспорт.*

GROWTH IN EXPORTS OF HIGH-TECH GOODS IN CHINA AS A RESULT OF THE IMPLEMENTATION OF HUMAN CAPITAL

Wu Zheng

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: 812070699wz@gmail.com

The current global economic expansion is aimed at strengthening the Chinese economy and its foreign trade relations. Human capital should provide the PRC with a high competitive advantage in the high-tech industry and support the development of the innovation sector. Over the past decade, Chinese exports have risen sharply, growing much faster than the rate of GDP growth. An explanation of this situation, with detailed macroeconomic indicators, is presented in the article.

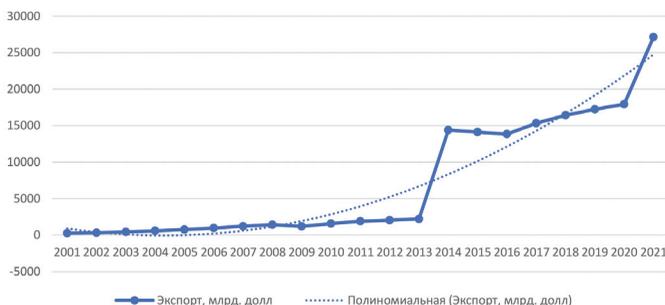
Keywords: human capital; labor resources; international trade; Chinese economy; innovative technologies; technological breakthrough; export relations; export.

Быстрый путь экономического развития Китая является ярким примером реализации успешной внешней политики, и, хотя темпы роста, по-видимому, замедляются, нет никаких сомнений в том, что Китай играет ключевую роль в мировой экономике.

Китай после приоритизации инноваций в качестве основной национальной стратегии продолжает открывать свой рынок, стремясь обеспечить стабильный рост своих возможностей в области технологических инноваций за счет постоянных и увеличивающихся инвестиций в таланты и технологии, способствующие развитию экспорта.

Китай изначально шел по пути индустриализации, ориентированному на экспорт, но в последние десять лет начал диверсификацию в другие сектора экономики. Он сделал это с непоколебимой решимостью ускорить темпы роста и расширить свой экономический охват.

Рассмотрим динамику и структуру экспорта Китая на рисунке.

Динамика экспорта Китая, 2001—2021 гг., млрд дол. США

Источник: [1, с. 42].

С 1978 г. Китай сохраняет сильную ориентацию на внешние рынки, что не только помогло обеспечить конкурентоспособность его развивающихся отраслей, но и повысило спрос на его продукцию, поскольку инвестиции в его промышленный потенциал увеличились. Экспорт и импорт Китая за 2021 г. показали активный рост на фоне стабильного восстановления экономики и улучшения эпидемиологической обстановки. Около половины китайского экспорта производится глобальными транснациональными корпорациями, которые используют его в качестве производственной части своей цепочки поставок, при этом баланс экспорта приходится на государственные предприятия (включая сталелитейную и другую тяжелую промышленность) и китайские частные компании. Хотя экспорт в настоящее время составляет меньшую долю ВВП Китая, из-за огромных размеров его экономики уровень китайского экспорта в долларовом эквиваленте продолжает расти. Как следствие, доля Китая в мировом товарном экспорте в настоящее время составляет 13 % по сравнению с всего лишь 4 % в 2000 г. Это говорит о высокой степени насыщения мировых экспортных рынков и, следовательно, ограниченных экспортных возможностях в случае дальнейшего расширения промышленной базы [2, с. 86].

В последние годы научно-технические инновации в Китайской Народной Республике достигли большого прогресса, и сила страны продолжает расти. Однако стоит отметить, что внутренняя и внешняя среда научно-технического инновационного развития Китая также претерпела глубокие изменения, и необходимо внести своевременные коррективы с точки зрения объективности, стратегий и структуры задач. Они включают в себя укрепление фундаментальных исследований, что является чрезвычайно важным аспектом поддержки технологической самодостаточности высокого уровня благодаря реализации человеческого капитала [3, с. 106].

В глобальном рейтинге «лучшие технологии» Китай имеет 19 ведущих технологических групп по всему миру, в том числе Шэньчжэнь—Гонконг—Гуанчжоу и Пекин, занимающие второе и третье места соответственно.

В связи с тем, что *COVID-19* привел к многочисленным жертвам и экономическим потерям, правительства и компании во многих частях мира увеличили свои инвестиции в инновации, демонстрируя тем самым, что люди все больше осознают, что новые идеи необходимы для преодоления эпидемии и обеспечения последующей эры экономического роста. С точки зрения конкретных показателей общий рост показателя уровня производства знаний и технологий увеличился с 55,1 в 2020 г. до 58,5

в 2021 г. Среди них, доля экспорта высокотехнологичной продукции сразу поднялась на первое место в мире.

Корпоративная мощь современного Китая неоспорима. Например, в III квартале 2017 г. *Tencent*, китайская интернет-компания, разработавшая *WeChat* и *QQ*, обогнала *Facebook* по рыночной стоимости. В 2021 г. *Tencent* занимает 5-е место среди самых ценных компаний в мире, в то время как *Facebook* занимает 7-е место. А китайский маркетплейс *Alibaba* сейчас занимает 6-е место, уступая *Amazon* на 4-м месте [1, с. 96].

Быстрый рост в цифровом секторе также стимулируется тесными отношениями с производителями оборудования. Доступность дешевых и надежных производителей телефонов и сопутствующих устройств способствовала быстрому развитию экспорта данной категории оборудования.

Крупнейшей отраслевой группой экспорта является электронное оборудование, на долю которого приходится более трети сектора. Обширные цепочки поставок, инвестиции в основной капитал и низкая стоимость рабочей силы в Китае сделали его приоритетным направлением производства. В 2019 г. Китай экспортировал электронного оборудования и компьютеров на сумму около 1,4 трлн дол. США. В ответ на растущий спрос со стороны новых технологий, таких как 5G и электромобили, в феврале 2021 г. Министерство промышленности и информационных технологий объявило о плане достичь 322 дол. США. 35 млрд от общего объема продаж электронных компонентов и развитие 15 компаний по производству электронных компонентов с выручкой, превышающей отметку в 1,5 млрд дол. США к 2023 г. [4, с.114].

Развитие инновационных технологий в Китае привели к производственному чуду, которое произошло в Китае за последние полвека, в течение которого около 700 млн человек поднялись из отчаянной нищеты. Движущей силой в значительной степени, стало то, что можно назвать имитацией грубой силы. Полагаясь на кажущийся безграничным запас дешевой рабочей силы, обеспечиваемый сотнями миллионов амбициозных работников, родившихся во время послевоенного бэби-бума, Китай посвятил себя производству высокотехнологичных товаров. Эти усилия позволили стране, которая пропустила промышленную революцию, освоить самые современные достижения мирового производства всего за несколько десятилетий [4, с. 65].

Китай стремится к 2049 г. стать центром науки и технологий — что дает стране экспортное лидерство. Для достижения этой цели в стране направлены значительные ресурсы на поддержку инициатив, связанных с привлечением и обеспечением развития талантов в области науки и техники.

Чтобы изменить конкурентоспособность Китая на международной арене, было проведено множество реформ высшего образования, чтобы не только низкие производственные издержки, но и хорошо образованное население, инновационные предприятия были движущей силой экономики. Реформы были направлены на повышение доступности образования для граждан Китая, поскольку к концу 1970-х гг. число китайских студентов в возрасте 18—22 лет составляло менее 1 %. Результаты изменений в образовании проявлялись медленно. В период с 1984 по 1993 г. эта доля составляла от 2 до 3 %. Напротив, после 1994 г. произошло резкое увеличение числа студентов; в 2003 г. доля студентов в возрасте 18—22 лет составляла около 20 %, а в 2013 г. их доля выросла до 29,7 %. К 2021 г. доля студентов составила около 38 %. В период с 1991 по 2014 г. среднегодовой прирост бюджетных расходов на образование в КНР достиг 17,74 % от общего бюджета страны. Доля бюджетных расходов на финансирование образования в Китае за последние 10 лет увеличилась с 61,66 % в 2010 г. до 80,53 % в 2021 г. [1, с. 142].

Чтобы удовлетворить растущий спрос на квалифицированных рабочих, Китай уделяет приоритетное внимание высшему профессиональному образованию. В 2021 г. Министерство образования потратило почти 30 млрд дол. США на высшие профессиональные учебные заведения, что на 10,2%, чем в предыдущем году. Китайские власти признали важность образования для развития инноваций и запустили Национальную реформу системы образования на 2010—2020 гг., которая, среди прочего, охватывала популяризацию среднего образования и увеличение охвата средними школами до 90 % населения и увеличение числа людей, посещающих высшие учебные заведения на 16 % или 35 млн, что составляет 40 % населения. А также, феврале 2019 г. Пекин представил два новых национальных плана в области образования, призванных повысить доступность и качество центров профессионального образования по всей стране.

Реализация такой образовательной политики, проводимой государственными органами, оказало заметное влияние на улучшение человеческого капитала. До недавнего времени между Китаем и наиболее развитыми странами в области науки и независимых и значимых научных открытий существовали большие и, казалось бы, огромные разрывы. Китаю в значительной степени, приходилось полагаться на инновации и достижения других стран. Динамичный рост китайских компаний, нанимающих инженеров, поддерживает метод развития человеческого капитала. Такие организации становятся все лучше и лучше по сравнению с их иностранными конкурентами как на внутреннем рынке, так и за рубежом.

Китай обязан своему экономическому росту на экспортном рынке множеству факторов: квалифицированной и недорогой рабочей силе, огромным государственным субсидиям, которые вытеснили западных конкурентов из бизнеса, и, в отличие от многих американских инвесторов, готовности финансировать дорогостоящие производственные сектора, которые иногда приносят меньшую прибыль, чем предприятия, занимающиеся разработкой программного обеспечения.

Одним из наиболее значительных препятствий для китайских инноваций, в экспортном секторе, является отсутствие институционализации — правил, процессов и организаций, которые способствуют здоровому государственно-частному сотрудничеству, экономическому росту. Хотя Китай предпринял шаги по укреплению своих институтов, ГИ ставит их на 70-е место в мире. Слабые государственные институты сделали Китай восприимчивым к широко распространенной коррупции, что привело к экономической неэффективности и убыткам. В последние годы китайское правительство предприняло несколько шагов по сокращению коррупции. Наиболее заметным толчком является национальная антикоррупционная кампания, возглавляемая президентом Си Цзиньпином. Кампания, которая привела к сотням арестов, помогла снизить коррупцию при распределении государственных субсидий на НИОКР.

Таким образом, можно подвести итог и сказать, что, действуя осторожно, Китай стал крупнейшим мировым производителем, и китайские товары уже несколько лет наводняют международные рынки. Этот процесс способствовал ликвидации многих рабочих мест в Соединенных Штатах, Европейском союзе и Японии. Крупные западные корпорации, а также средние и малые компании переместили и продолжают переносить большую часть своего производства в Китай. В то же время эти компании используют свои самые современные технологии для повышения своей конкурентоспособности и на китайском рынке.

Способность Китая развивать, привлекать и удерживать трудовые ресурсы — или, как чаще его называют национальный «талант» — формирует высокую конкурентоспособность страны на мировой экспортной арене. Поэтому, развитие человеческого капитала как способ создания конкурентных преимуществ в экспорте товаров высокотехнологичных отраслей, требует сбалансированной поддержки образования молодежи как в гуманитарных, так и в естественных науках. Только тогда развитие технологических инноваций начнет оказывать значительное влияние на услуги, основанные на инновациях и знаниях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Селищев, А. С. Экономика Китая: учеб. пособие / А. С. Селищев, Н. А. Селищев. — М.: КноРус, 2022. — 405 с.
2. Галенович, Ю. М. Китай: 40 лет спустя после Мао, 20 лет спустя после Дэна / Ю. М. Галенович. 2-е изд. — М.: Изд. дом ВКН, 2020. — 386 с.
3. Опыт интеграции провинций Китайской Народной Республики в систему мировой экономики / Т. С. Вергинская [и др.]; под редакцией В. И. Бельского, Т. С. Вергинской. — Минск: Беларус. наука, 2021. — 237 с.
4. Йифу, Д. Л. Демистификация китайской экономики / Д. Л. Йифу; пер. М. Недоступ; под ред. А. Куряева. 2-е изд. — М.; Челябинск: Социум, 2020. — 379 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

А. С. Кубышин¹⁾, Н. В. Юрова²⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: a.kubyshyn@mail.ru

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: yurova@bsu.by

В статье определен научный потенциал как фактор победы в конкурентной борьбе на мировом рынке, охарактеризованы субъекты формирования и развития научного потенциала, раскрыты особенности научной активности отдельных стран и компаний мира выявлены страны лидеры по патентам, дана характеристика динамике экспорта в общем объеме инновационной продукции в Республике Беларусь.

Ключевые слова: научный потенциал; интеллектуальная собственность; международная торговля; Республика Беларусь.

PROSPECTS FOR THE REALIZATION OF SCIENTIFIC POTENTIAL IN INTERNATIONAL TRADE

A. S. Kubyshyn^a, N. V. Yurova^b

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: a.kubyshyn@mail.ru
^b Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: yurova@bsu.by
Corresponding author: A. S. Kubyshyn (a.kubyshyn@mail.ru)

The article deals with the scientific potential as a factor of victory in the competition on the world market, describes the subjects of formation and development of scientific potential, reveals the features of scientific activity of individual countries and companies of the world, identifies the leading countries in patents, characterizes the dynamics of exports in the total volume of innovative products in the Republic of Belarus.

Keywords: scientific potential; intellectual property; international trade; Republic of Belarus.

Научный потенциал приобретает важнейшее значение для формирования конкурентных преимуществ на мировом рынке. Отдельные страны и крупнейшие компании (ТНК, МНК) стремятся создавать благоприятные условия (организационные, финансовые и т. д.) для формирования и реализации научного потенциала. Наука, как отмечают ученые, не имеет границ, но конкретные научные результаты всегда принадлежат какому-либо субъекту (ученому, научному коллективу, компании и др.). От момента создания до коммерческого применения прорывных научных результатов может пройти значительное время. Это связано с тем, что производство может быть не готово реализовать конкретную научную идею не только в серийном выпуске, но даже и в форме образца. Это, как правило, связано с отсутствием сопутствующих для производства данного изобретения материалов и технологий. Научно-техническое сотрудничество позволяет сократить это время путем объединения научных потенциалов ученых, компаний и государств.

За последнее столетие прорывные научные открытия и технологии привели к существенным сдвигам в мировой экономике. Технологии, связанные с двигателями внутреннего сгорания, транспортом и другими механическими средствами, доминировали в инновационной сфере в первые десятилетия прошлого века. Биотехнологические технологии пережили бум благодаря фармацевтике в 1930-х гг. и биотехнологиям с 1990-х гг. И в последние десятилетия XX в. произошел большой сдвиг в сторону информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и полупроводников, на долю которых пришлось четверть всех патентов за 30 лет между 1990 и 2010 гг. В XX в. наиболее перспективными будут инновации в таких областях как наука, технологии и медицина [1].

В международной торговле наблюдается все большее преобладание наукоемких товаров и услуг, которые прирастают быстрее традиционных капиталоемких и трудоемких. Уже в 2014 г. мировой трансграничный экспорт коммерческих наукоемких товаров и услуг достиг объема примерно в 4 трлн дол. США, где 1,6 трлн дол. США — экспорт коммерческих наукоемких услуг и 2,4 трлн дол. США составил экспорт высокотехнологичных товаров. Именно знания, в том числе и научные, в современном мире составляют около половины нынешних глобальных торговых потоков, и по статистике эта наукоемкая составляющая растет примерно на 30% быстрее потоков трудоемких товаров. Отчасти это явление можно связать с развитием наукоемких бизнес-услуг.

В настоящее время развитые страны занимают доминирующие позиции в потоках наукоемких товаров и услуг, однако стоит

заметить, что доля развивающихся стран стремительно растет. Способность развивающихся стран либо генерировать новые технологические решения, либо использовать существующие решения для удовлетворения своих конкретных социально-экономических потребностей зависит от их местных инновационных экосистем и от того, насколько они связаны с глобальными инновационными сетями. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности в 2015 г. большую часть от общемирового числа заявок на интеллектуальную собственность в отношении промышленных образцов, патентов, товарных знаков и полезных моделей получили страны Азии. Только в Китае количество патентов возросло с 600 000 по данным на 2010 г. до цифры в практически 1,5 млн в 2014 г., в то время как страна очень активна в получении товарных знаков и осуществляется около одной третьей части от общего числа мировых регистраций промышленных образцов. В 2020 г. общее число действующих в мире патентов выросло на 5,9 % и составило порядка 15,9 млн. Больше всего действующих патентов было зарегистрировано в Соединенных Штатах Америки (США) (3,3 млн), Китае (3,1 млн) и Японии (2 млн). В 2015 г. второй год подряд одна из крупнейших китайских компаний, компания *Huawei Technologies*, стала лидером среди всех заявителей на получение патентной кооперации, опубликовав 5464 заявки РСТ [2].

Транснациональные компании представляют собой лишь один из источников инвестиций в НИОКР. За период с 1992 по 2010 г. мировая доля расходов на НИОКР именно в развивающихся странах увеличилась с 12 % до 26 %. Число поданных резидентами развивающихся стран в их национальные офисы заявок за аналогичный период возросло на 10,4 %, в то время как в странах ОСЭР наблюдался рост в размере 2,3 %.

В региональном разрезе следует в качестве положительно-го примера привести Восточную Азию. В случае ИТ-индустрии Японии, Республике Корея и Китаю удалось полностью интегрироваться в мировую экономику в качестве основных и активных участников международных производственно-сбытовых цепочек. Грамотная промышленная политика в этих странах ускорила переход к передовым информационным технологиям, который занял лишь несколько десятилетий. Развитие всех восточноазиатских экономик имеет общие элементы. К ним относятся догоняющий экономический рост, быстрый технологический прогресс частных фирм и отраслей, а также государственная политика по снижению рисков, связанных с выходом фирм на новые отрасли.

Основой новых сетей, стимулирующих науку и инновации являются потоки знаний и технологий в особой степени это отно-

сится к глобальным цепочкам создания стоимости и глобальным инновационным сетям. Глобальные цепочки создания стоимости иллюстрируют как различные компании перемещают через границы материальные товары и услуги, как промежуточные, так и конечные. Глобальные инновационные системы раскрывают перемещение компаниями нематериальных активов между странами.

Глобальные цепочки создания стоимости наиболее распространены и сложны по той причине, что они показывают стремление компаний к созданию международных производственных сетей и сетей распределения оштетвленных товаров, в то время как глобальные инновационные системы сконцентрированы на нематериальных товарах и НИОКР. Моделирование Всемирного банка иллюстрирует достаточно сильную и положительную зависимость между двусторонней торговлей и совместными научными изобретениями, исходя из чего можно сделать предположение о взаимозависимости между глобальными цепочками создания стоимости и глобальными инновационными системами на межстрановом уровне. В то же время верным будет и другое утверждение о том, что отсутствие торговых отношений сильно снижает склонность к научному сотрудничеству. Кроме того, совместное изобретательство более вероятно между торговыми партнерами по мере увеличения технологического разрыва между ними, поскольку менее развитые в инновационном плане страны намеренно выстраивают партнерские связи с более развитыми в инновационной сфере, чтобы получить доступ к новым, ранее недоступным для них знаниям [3].

Республика Беларусь стремится активно участвовать в научном сотрудничестве и в международной торговле научными результатами. В период с 2010 по 2020 г., в зависимости от конкретного года, удельный вес экспорта в общем объеме отгруженной инновационной продукции организациями промышленности варьируется в пределах от 50,7 до 67,9 %, что подтверждает экспортную ориентацию в этой сфере Республики Беларусь. Однако стоит заметить и негативный тренд, который наблюдается после 2016 г., когда за период с 2016 по 2020 г. произошло сокращение доли экспорта на более чем 12 %, но при этом с 2018 г. увеличивалась доля экспорта именно в Российскую Федерацию [4]. Динамика экспорта инновационной продукции в Российскую Федерацию в целом совпадает с динамикой экспорта белорусских промышленных товаров на российский рынок. В настоящее время в условиях санкционного давления как на Россию, так и на Беларусь в форме эмбарго, отказов от сотрудничества с белорусскими предприятиями, приостановка ряда международных

программ финансирования, ограничения либо запретов на поставки некоторых товаров на белорусский рынок, двусторонняя торговля Беларуси и России еще больше вырастет. В сложных для Республики Беларусь экономических условиях потребуются активизация работы по созданию передовой инфраструктуры для разработки, внедрения и торговли научными результатами, а также расширение научного сотрудничества и торговых отношений на всем пространстве ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. The Direction of Innovation: World Intellectual Property Report 2022 [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. — Mode of access: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-944-2022-en-world-intellectual-property-report-2022.pdf>. — Date of access: 01.09.2022.
2. ИС в фактах и цифрах ВОИС, 2021 г [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. — Режим доступа: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-943-2021-ru-wipo-ip-facts-and-figures-2021.pdf>. — Дата доступа: 01.09.2022
3. Кузнецова, Г. В. Международная торговля объектами интеллектуальной собственности / Г. В. Кузнецова // Рос. Внешнеэкон. вестн. — 2013. — № 8. — С. 35—47.
4. Удельный вес экспорта в общем объеме отгруженной инновационной продукции организациями промышленности [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/udelnyy-ves-eksporta-v-obshchem-obeme-otgruzhennoy-innovatsionnoy-produktsii-organizatsiyami-promysh/index.php?special_version=N. — Дата доступа: 01.09.2022.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Н. В. Юрова^{1),2)}

¹⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: yurova@bsu.by*

²⁾ *Совместный институт БГУ-ДПУ, г. Далянь, КНР*

Цель статьи охарактеризовать особенности развития образовательного потенциала в условиях международной экономической интеграции на постсоветском пространстве. В статье отмечены различные подходы стран к реализации образовательного потенциала, указана определенная зависимость индекса человеческого развития от ожидаемой и средней продолжительности обучения в странах лидерах рейтинга ИЧР, а также в странах СНГ и ЕАЭС. Обозначены основные достижения в образовательной сфере в условиях разносторонней интеграции СНГ, ЕАЭС и Союзного государства. Выявлены проблемы развития образовательного потенциала и предложены пути их решения

через стимулирование международного образовательного сотрудничества. Работа выполняется при частичной поддержке проекта Совместного института ДПУ-БГУ при Дальнянском политехническом университете (ICR2101) по изучению развития карьеры и оценки качества образования выпускников Совместного института ДПУ-БГУ.

Ключевые слова: образовательный потенциал; международная экономическая интеграция; Содружество независимых государств; Евразийский экономический союз, Союзное государство Беларуси и России.

EDUCATIONAL POTENTIAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL ECONOMIC INTEGRATION

N. V. Yurova^{a, b}

^a Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: yurova@bsu.by

^b The Joint Institute of the Dalian University of Technology and the Belarusian State University (Dalian, People's Republic of China)

The purpose of the article is to characterize the features of the development of educational potential in the conditions of international economic integration in the post-Soviet space. The article notes the different approaches of countries to the realization of educational potential, indicates a certain dependence of the human development index on the expected and average duration of education in the countries of the leaders of the HDI rating and the CIS and EAEU countries. The main achievements in the educational sphere in the conditions of multi-speed integration of the CIS, the EAEU and the Union State are outlined. The problems of the development of educational potential are identified and ways to solve them through the stimulation of educational cooperation are proposed. The work is carried out with partial support of the project of the Joint Institute of DUT-BSU at the Dalian University of Technology (ICR2101) to study career development and assess the quality of education of graduates of the Joint Institute of DUT-BSU.

Keywords: educational potential; international economic integration; Commonwealth of Independent States; Eurasian Economic Union, Union State of Belarus and Russia

Уровень развития образования является ключевым фактором в формировании человеческого потенциала, а образовательный потенциал одной из базовых его форм. Образовательный потенциал может быть охарактеризован на различных уровнях. Например, образовательный потенциал отдельного человека, компании, региона, страны, интеграционного объединения, мирового сообщества. Основой для всех верхних уровней образовательного потенциала является образовательный потенциал человека. Каждый человек формирует свой образовательный потенциал на протяжении всей жизни, причем вначале идет накопление образовательного потенциала, затем происходит поступательная его реализация, что приводит к его развитию с разной степенью интенсивности, но в целом все равно приводит к повышению уровня и качества образовательного потенциала. Для успешной карье-

ры наличие соответствующего профессиональной деятельности образования — это базовое требование. Доступное образование позволяет человеку реализовать свою потребность в знаниях, в повышении интеллектуального уровня, в формировании профессиональных способностей, в повышении профессиональной квалификации и так далее, поэтому государство должно взять на себя обязательство обеспечить доступность образования для своих граждан. Западные специалисты считают, что человеку необходимо постоянно обновлять свои знания, а значит непрерывно формировать свой образовательный потенциал, так как знания имеют как физический, так и моральный износ. Физический износ характеризуется особенностью памяти человека — человек постепенно забывает те знания и теряет те навыки, ту информацию, которые не востребуются и не часто применяются в его жизнедеятельности. Моральный износ особенно характерен для нашего времени стремительных достижений и открытий, и все возрастающей роли информации. Так или иначе каждый человек для обеспечения своей устойчивой занятости вынужден постоянно осуществлять инвестиции в свой образовательный потенциал путем повышения квалификации и самообразования.

Образовательный потенциал страны может быть охарактеризован через призму целого ряда показателей, таких как, например, ожидаемая продолжительность обучения и средняя продолжительность обучения и различного рода индексов. Это в свою очередь позволяет определить не только положение страны в мире и динамику его изменения, но и сравнить страны между собой. По данным Доклада ПРООН 2022 г. о человеческом развитии самый высокий в мире показатель по ожидаемой продолжительности обучения у Австралии, а самый высокий показатель в мире по средней продолжительности обучения у Швейцарии. Из стран ЕАЭС наиболее высокие результаты по этим показателям у России, Казахстана и Беларуси (см. таблицу).

Следующий уровень — образовательный потенциал международного интеграционного объединения. Бесспорно, социальный аспект в международной экономической интеграции становится актуальным на более поздних этапах ее развития. Экономический союз предусматривает разработку единой экономической политики и согласование ряда других политик, в том числе социальной, а также унификацию систем жизнедеятельности человека. Интегрирующиеся страны стремятся максимально сблизить и синхронизировать все свои системы для получения синергетического эффекта для устойчивого развития экономики и обеспечения высокого уровня и качества жизни населения. Одной из важнейших является система образования, которая формирует

все уровни образовательного потенциала от отдельного человека до всего интеграционного объединения.

Индекс человеческого развития и количество лет обучения

	Страна	ИЧР	Ожидаемая продолжительность обучения	Средняя продолжительность обучения
1	Швейцария	0,962	16,5	13,9
2	Норвегия	0,961	18,2	13,0
3	Исландия	0,959	19,2	13,8
4	Гонконг (КНР)	0,952	17,3	12,2
5	Австралия	0,951	21,1	12,7
...				
21	США	0,921	16,3	13,7
...				
52	Россия	0,822	15,8	12,8
56	Казахстан	0,811	15,8	12,3
60	Беларусь	0,823	15,4	12,3
85	Армения	0,759	13,1	11,3
118	Кыргызстан	0,692	13,2	11,4

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [1].

С начала 1990-х гг. формирование и развитие образовательного потенциала на постсоветском пространстве происходило в весьма сложных условиях. Несмотря на высокое качество и всемирное признание советской системы образования, процесс ее реформирования затронул все постсоветские страны. В основном изменения происходили по пути изменения требований и условий национальных систем под требования и условия Болонской системы. Данная система в отличие от традиционной постсоветской предполагает помимо всего прочего применение индивидуальных траекторий обучения и реализацию академической мобильности, что во многом уже к настоящему моменту в большинстве постсоветских стран было реализовано. В связи с этим в Беларуси менялись названия учреждений образования, разрабатывались новые образовательные стандарты с прописанными компетенциями, менялся срок обучения в колледжах и вузах и многое другое. В целом реформы привели как к положительным, так и отрицательным результатам. При этом важно одно — уровень образовательного потенциала постсоветских стран остается по-прежнему очень высоким.

Интеграционные объединения призваны создавать для своих стран-членов благоприятные условия не только в экономике, но и в гуманитарной сфере. Образовательный потенциал получает дополнительный импульс к реализации и развитию в интеграционном пространстве. Безусловно, все зависит от целей и приоритетов развития того или иного интеграционного объединения. На постсоветском пространстве более отчетливо сотрудничество в сфере образования проявляется в деятельности Содружества независимых государств (СНГ). За годы существования СНГ реализовано большое количество мероприятий, успешно воплощены в жизнь различные проекты и решены текущие проблемы, связанные с формированием и развитием образовательного потенциала. Среди важнейших достижений стоит отметить Сетевой университет СНГ, создание которого было инициировано в 2008 г. Сетевой университет СНГ — это равноправное сотрудничество высших учебных заведений Содружества в сфере высшего образования, осуществляемое в формате Консорциума образовательных организаций. [2] Его миссия — повышение качества и привлекательности высшего образования, укрепление сотрудничества и межвузовских связей в сфере высшего образования на территориях государств — участников СНГ. В СУ СНГ ведется подготовка высококвалифицированных специалистов по 32 направлениям. [2] В течении 10 лет функционирования Сетевого университета СНГ в него вошли 38 университетов из 9 стран СНГ (Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана и Украины).

В последние годы была создана платформа для дальнейшего развития сотрудничества в сфере образования. Данная платформа позволит выполнить План мероприятий Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 г. [3]. В данной Стратегии СНГ особое место занимает развитие человеческого капитала (демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология и культура), что приведет к повышению качества образовательного потенциала стран СНГ.

В целом страны СНГ проявляют стремление к созданию условий для беспрепятственного формирования и развития образовательного потенциала. Так, например, в Республике Беларусь граждане Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана имеют право поступать в вузы на равных условиях с белорусскими гражданами (по результатам сдачи централизованного тестирования на бюджетную или на платную форму обучения). При этом они могут выбирать вариант поступления в вузы: или равные условия с белорусскими гражданами, или как иностранные гражд-

дане по результатам собеседования, но в этом варианте только на платную форму.

В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) в повестке сотрудничества преобладают экономические интересы, но и здесь происходит постепенное расширение сфер сотрудничества стран-участниц. В Стратегии ЕАЭС 2025 к формированию и развитию образовательного потенциала обращены два положения данного документа: в части «активизации и наращивания научно-технического потенциала Союза», а также «для прекращения оттока трудовых ресурсов за пределы Союза» [4] В ЕАЭС три страны из пяти имеют практически одинаковые показатели по продолжительности обучения как ожидаемой, так и средней (см. таблицу). Можно предположить, что наиболее эффективными могут быть образовательные проекты у России, Казахстана и Беларуси. Однако потенциал взаимодействия всех стран ЕАЭС в образовательной сфере также очень большой.

Образовательный потенциал очень важен для развития Союзного государства Беларуси и России. Обладая богатым опытом по развитию образования еще в рамках Советского союза, Беларуси и России удалось во многом сохранить и приумножить образовательный потенциал. По уровню образовательного потенциала Союзное государство опережает многие развитые страны. Уровень грамотности приближается к 100 % и все больше граждан Беларуси и России стремятся получить среднее специальное и высшее образование. Для этого уже создан ряд благоприятных условий: существует бесплатное базовое и среднее образование; постепенно увеличивается количество бюджетных мест в вузах на перспективные специальности; наряду с государственными функционируют частные колледжи и вузы, в последние годы наметился приток молодых специалистов в науку и др. В рамках Союзного государства расширяются возможности для совместных образовательных программ, активной академической мобильности, получения доступа к образовательным ресурсам друг друга и выравниванию требований к качеству образования.

Таким образом, образовательный потенциал оказывает существенное влияние на экономическое развитие отдельной страны и в некотором смысле определяет перспективы экономического роста международных интеграционных объединений. На постсоветском пространстве в рамках таких интеграционных объединений как СНГ, ЕАЭС, Союзное государство Беларуси и России развитию и реализации образовательного потенциала уделяется особое внимание. Беларусь как активная участница экономической интеграции на постсоветском пространстве может суще-

ственно улучшить уровень и качество собственного образовательного потенциала путем активизации участия во всех совместных образовательных мероприятиях и проектах (СНГ, ЕАЭС и СГ), в предоставлении равных условий для получения высшего образования гражданам из стран партнеров по экономической интеграции, в работе Сетевой университета СНГ, в создании Евразийского сетевого университета и многое другое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Human Development Report 2021/2022 [Электронный ресурс] // Human Development Report. — Mode of access: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22pdf_1.pdf. — Date of access: 13.09.2022.

2. Информация о деятельности Совета по сотрудничеству в области образования государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. — 05.01.2011. — Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12. — Дата доступа: 09.09.2022.

3. О Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года: решение Совета глав правительств СНГ от 29 мая 2020 г. [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/v2/doc/6229#text>. — Дата доступа: 12.09.2022.

4. О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.: решение Высшего Евразийского совета от 11 дек. 2020 г. № 12 [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. — Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12. — Дата доступа: 09.09.2022.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В СТРАНАХ БРИКС

Яо Цзяхуэй

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: xiaotaoyao-123@qq.com*

В статье раскрыта сущность понятия «человеческое развитие» (ЧР). Доказано, что человеческое развитие сопряжено с доступом к ресурсам, необходимым для жизнедеятельности человека, к системам здравоохранения и образования, а также с наличием благоприятных условий для реализации интересов человека, а также его саморазвития и самореализации. Уровень ЧР охарактеризован как главный комплексный показатель измерения развития страны. Проанализирован уровень ЧР в странах БРИКС — объединения крупнейших развивающихся стран мира, а также выявлены пути повышения уровня ЧР путем укрепления и углубления сотрудничества по различным направлениям деятельности стран БРИКС.

Ключевые слова: *человеческое развитие (ЧР); индекс человеческого развития (ИЧР); БРИКС; Бразилия; Россия; Индия; Китай; Южно-Африканская Республика (ЮАР); сотрудничество.*

HUMAN DEVELOPMENT IN THE BRICS COUNTRIES

Yao Jiahui

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: xiaomao-123@qq.com

The article reveals the essence of the concept of human development (HD). It has been proven that human development is associated with access to resources necessary for human life, to healthcare and education systems, as well as the presence of favorable conditions for the realization of human interests, as well as its self-development and self-realization. The level of HD is characterized as the main comprehensive indicator of the country's development. The article analyzes the level of HD in the BRICS, which is an association of the largest developing countries in the world, and identifies the way to increase the level of HR —strengthening and deepening of cooperation mechanisms in various areas of the BRICS countries' activity.

Keywords: *human development (HD); human development index (HDI); BRICS; Brazil; Russia; India; China; Republic of South Africa (South Africa); cooperation.*

БРИКС (BRICS) — это объединение стран, в состав которой входят пять наиболее быстро развивающихся стран, имеющие схожие взгляды на экономические и политические проблемы, а именно Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика (ЮАР). По данным Всемирного банка, на пять стран БРИКС приходится 26,69 % территории земли, 41,71 % населения, 25,72 % ВВП и 17,88 % мировой торговли [1]. По прогнозу, к 2030 г. доля БРИКС в мировой торговле превысит совокупную долю США и стран Европы, достигнув 37 % [2]. Основной целью создания БРИКС стало создание условий для эффективного сотрудничества и существенного усиления экономического потенциала стран-участниц, что обеспечит устойчивое экономическое развитие и укрепит финансовую и социальную стабильность внутри стран через взаимную справедливую экономическую интеграцию и отраслевую координацию [3]. При этом в странах БРИКС созданы все необходимые условия для устойчивого человеческого развития, что способствует развитию и росту экономики каждой страны и региона в целом.

Концепция «человеческого развития (ЧР)» была предложена пакистанским экономистом Махбубомуль-Хаком в 70-е гг. XX в. Данная концепция стала новой парадигмой современного мира — это диверсифицированная стратегия развития, соответствующая интересам человека. В первом докладе, который был опубликован Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в 1990 г., было впервые определено понятие ЧР как процесс предоставления людям наиболее широкого выбора во всех аспектах жизни общества и повышения их благосостояния, включая долгую и здоровую жизнь, получение знаний и

необходимых ресурсов для поддержания жизни. В связи с этим, концепция ЧР пришла на смену так называемым «классическим» теориям экономического развития, которые основывались на показателе ВВП, рассматривали человека только в качестве движущей силы экономического развития, а для достижения общественного прогресса ставили на первое место экономический рост [4, с. 255].

Индекс человеческого развития (ИЧР) является основным показателем, включающим три основных измерения уровня ЧР: *долголетие и здоровье*, измеряемых ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (ОПЖР); *уровень образования*, т. е. способность получать знания, измеряемая средней продолжительностью обучения (СПО) и ожидаемой продолжительностью обучения (ОПО); и способности достичь достойного уровня жизни, измеряемой валовым национальным доходом (ВНД) на душу населения. В последние годы в целях более комплексного измерения ЧР были также введены: индекс развития человеческого потенциала, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), индекс гендерного неравенства (ИГН), индекс многомерной бедности (ИМБ), индекс гендерного развития (ИГР) и планетарный индекс человеческого развития (ПИЧР). Согласно данным Доклада ПРООН, как видно в таблице 1, по итогам 2021 г. страны БРИКС находятся в таких группах стран, как группа стран с очень высоким уровнем ИЧР, группа стран с высоким уровнем ИЧР и группа стран со средним уровнем ИЧР. Так, из 191 стран мира, включенных в отчет, Россия по данным за 2021 г. занимает 52-е место по ИЧР (0,822), Китай — 79-е (0,768), Бразилия — 87-е (0,754), ЮАР — 109-е (0,713), Индия — 132-е (0,633). За период с 1990 по 2021 г. среднее значение ИЧР по БРИКС выросло на 27,11% [5].

С точки зрения основных компонентов ИЧР, прежде всего, ОПЖР России, Китая, Бразилии и Индии в 2021 г. по сравнению с 1990 г. увеличилась на 0,9, 10,2, 6,8 и 8,6 лет, соответственно, а ОПЖР ЮАР снизился на 1 год. ОПЖР при рождении пяти стран составила 69,40, 78,2, 72,75, 67,24 и 62,3 года. При этом ОПЖР России, Индии и ЮАР остаются все еще ниже среднемирового показателя (71,4 лет), что может быть следствием в том числе нерешенных экологических проблем, проблем в области социального обеспечения, здравоохранения и др. По показателю СПО среди стран БРИКС Россия и ЮАР превышают среднемировой уровень (8,6), Индия (6,66), Китай (7,6) и Бразилия (8,13) все еще находятся на низком уровне [5]. Это и определяется неравномерностью экономического развития внутри данных стран. Поскольку образование оказывает большое влияние как на развитие от-

дельного человека, так и на развитие страны в целом, все страны БРИКС должны стремиться увеличивать инвестиции в образованные соразмерно развитию экономики.

Таблица 1

ИЧР и его компоненты стран БРИКС, 2021 г.

Страна	ИЧР						ВНД на душу населения в дол. США 2017 г. по ППС
	Значение	Рейтинг	Уровень	ОПЖР, в годах	Продолжительность обучения, г.		
					СПО, г.	ОПО, г.	
Бразилия	0,754	87	Высокий	72,75	8,13	15,60	14 369,89
Россия	0,822	52	Очень высокий	69,40	12,80	15,80	27 166,31
Индия	0,633	132	Средний	67,24	6,66	11,87	6590
Китай	0,768	79	Высокий	78,2	7,6	14,2	17 504
ЮАР	0,713	109	Высокий	62,3	11,4	13,6	12 948
Мир в целом	0,732	—	—	71,4	8,6	12,8	16 752

И с т о ч н и к: собственная разработка в основе [5].

ВНД на душу населения в Индии, ЮАР и Бразилии меньше среднемирового уровня (16 752 дол. США). Так, их ВНД на душу населения (2017 г. по ППС) составили 6590, 12 948 и 14 379 дол. США, соответственно. Россия (27 166 дол. США) по этому показателю занимает первое место в БРИКС, а Китай (17 504 дол. США) — второе место [5].

Таблица 2

Дополнительные индексы для комплексной оценки человеческого развития стран БРИКС, 2021 г.

Страна	ИГР	ИЧРН	ИГН	ИМБ	ПИЧР
Бразилия	0,994	0,576	0,390	0,016	0,754
Россия	1,016	0,751	0,203	—	0,721
Индия	0,849	0,475	0,49	0,123	0,609
Китай	0,984	0,651	0,192	0,016	0,648
ЮАР	0,944	0,471	0,405	0,025	0,648
Мир в целом	0,985	-	0,465	—	0,667

И с т о ч н и к: собственная разработка в основе [5].

Как видно из табл. 2, в странах БРИКС наблюдается некоторое снижение ИЧР при сопоставлении их показателей со скорректированным на неравенство индексом человеческого развития. Изучая показатели ИГР, можно прийти к таким выводам: 1) по ИЧР, в Индия (0,849), ЮАР (0,944) и Китай (0,984) ниже в среднем на глобальном уровне (0,985), а в Бразилии (0,994) и России (1,016) больше; 2) показатели по ИГН и ИМБ среди стран БРИКС Индия находится на самом высоком уровне; 3) по ПИЧР, Бразилия (0,754) и Россия (0,721) выше чем среднемировой уровень.

Таким образом, сопоставление уровней ЧР в странах БРИКС свидетельствует о неоднородности их состава. Так, в БРИКС выделилась группа из трех лидеров, т. е. Россия, Китай и Бразилия с близкими между собой значениями и динамикой изменения рассматриваемых показателей, а Индия и ЮАР считаются относительно отставшими, хотя Индия по ВВП занимает второе место среди БРИКС после Китая. В связи с этим, необходимо пересмотреть подходы в рамках внутриинтеграционного взаимодействия в плоскости формирования, реализации и сохранения ЧР и идти по пути укрепления и углубления механизмов сотрудничества по различным направлениям деятельности стран БРИКС. Все это дает возможность динамичному развитию объединения в будущем, а также позволит занять достойное место в международной системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. The World Bank [Electronic resource]. — Mode of access: <https://data.worldbank.org/>. — Date of access: 13.09.2022.
2. Группа БРИКС [Электронный ресурс] // РИА новости. — 23.06.2022. — Режим доступа: <https://ria.ru/20220623/briks-1797227081.html>. — Дата доступа: 13.09.2022.
3. Перспективы международного промышленного сотрудничества стран БРИКС в области металлургии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.unido-russia.ru/archive/num9/art9_9/. — Дата доступа: 13.09.2022.
4. Зюлина, В. В. Влияние индекса человеческого развития на социально-экономическую политику государства / В. В. Зюлина // Известия МГТУ «МАМИ». — 2013. — Т. 5, № 1(15). — С. 254—258.
5. Human Development Report 2021/2022 [Электронный ресурс] // Human Development Report. — Mode of access: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22pdf_1.pdf. — Date of access: 13.09.2022.

Научное издание

**БЕЛАРУСЬ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

•

**БЕЛАРУСЬ
У СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ**

**Материалы XXI Международной научной конференции,
посвященной 101-й годовщине образования
Белорусского государственного университета**

Минск, 27 октября 2022 г.

На русском, белорусском и английском языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. В. Селиванов*

Подписано в печать 10.11.2022. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 25,11. Уч.-изд. л. 24,51.

Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика